

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХVІІІ.

1898.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К^{ча}. Наб. Фонтанки, 95.

1898.

СОДЕРЖАНІЕ
ТРИСТА-ВОСЕМНАДЦАТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(іюль и августъ 1898 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

**Именные Высочайшіе указы, данныя Правительствующему
 Сенату.**

	СТРАН.
27-го іюня 1898 года	25
3-го іюля 1898 года	—
6-го іюля 1898 года	—

Высочайшія повелѣнія.

1. (21-го марта 1898 года). Объ учрежденіи при Мариупольской Александровской гимназій стипендіи въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ . . .	3
2. (21-го марта 1898 года). Объ учрежденіи при Полтавскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ двухъ стипендій Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ . . .	—
3. (24-го апрѣля 1898 года). Объ опредѣленіи при Двинскомъ еврейскомъ начальномъ училищѣ врача	26
4. (24-го апрѣля 1898 года). О присвоеніи изображенія Императорской Короны къ значку, носимому на фуражкахъ учениками Императорской Казанской 1 гимназій	—
5. (24-го апрѣля 1898 года). О присвоеніи Новороссійской женской прогимназій наименованія „Александринской“	—

6. (24-го апрѣля 1898 года). Обь утвержденіи рисунка медали для выдачи рецензентамъ сочиненій, представляемыхъ на соисканіе преміи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михельсона	—
7. (18-го мая 1898 года). Обь учрежденіи въ свободѣ Борисовѣ Бурской губерніи, школы ремесленныхъ учениковъ	27
8. (25-го мая 1898 года). О разрѣшеніи учреждать при учительскихъ семинаріяхъ двухклассныя училища и обь опредѣленіи правъ воспитанниковъ сихъ училищъ по отбыванію воинской повинности	28
9. (25-го мая 1898 года). О признаніи метеоритовъ государственною собственностью	—
10. (4-го іюня 1898 года). Обь учрежденіи въ гор. Севастополѣ шестиклассной прогимназіи	29
11. (4-го іюня 1898 года). О преобразованіи Одесской шестиклассной прогимназіи въ полную гимназію	30
12. (4-го іюня 1898 года). Обь учрежденіи въ г. Буинскѣ, Симбирской губерніи, низшей ремесленной школы	31

ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

30-го мая 1898 года	4
6-го іюня 1898 года	5
12-го іюня 1898 года	—
19-го іюня 1898 года	31
27-го іюня 1898 года	32
10-го іюля 1898 года	—

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (18-го апрѣля 1898 года). Положеніе о стипендіяхъ имени надворнаго совѣтника Якова Андреевича Виноградова при Тульскомъ городскомъ по положенію 31-го мая 1872 года четырехклассномъ училищѣ	6
2. (3-го мая 1898 года). Положеніе о стипендіи имени умершей вдовы генераль-маіора Александры Петровны Мейнардъ, при Крошадтской Александринской женской гимназіи	7
3. (3-го мая 1898 года). Положеніе о стипендіи имени вдовы подполковника флотскихъ штурмановъ Евдокии Матвѣевны Ивановой при Севастопольской женской гимназіи	8
4. (20-го мая 1898 года). Положеніе о стипендіяхъ статскаго совѣтника Николая Константиновича Журавлева при Переяславской женской прогимназіи	9
5. (22-го мая 1898 года). Положеніе о преміи имени ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго университета Д. И. Дубляго при физико-математическомъ обществѣ, состоящемъ при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ	—

6. (28-го мая 1898 года). Положеніе о стипендіи имени пермскаго 2-й гильдіи купца Павла Федоровича Верхотланцева при Императорскомъ Томскомъ университетѣ 11
7. (10-го іюня 1898 года). Положеніе о стипендіи имени присяжнаго повѣреннаго Давида Рафаловича при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ —
8. (19-го мая 1898 года). Циркуляръ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія г. попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа 32
9. (6-го іюля 1898 года). Циркуляръ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія гг. попечителямъ учебныхъ округовъ 33
10. (4-го декабря 1897 года). Положеніе о стипендіи имени покойнаго ученика 10-й С.-Петербургской гимназіи Юлія Владиміровича Эсипова при этой же гимназіи 35
11. (6-го февраля 1898 года). Положеніе о стипендіи имени покойнаго гласнаго Житомирской городской думы Тимофея Петровича Самборскаго при Житомирскомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ 36
12. (7-го февраля 1878 года). Положеніе о стипендіяхъ при Владиміро-Волынскомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны 37
13. (12-го марта 1898 года). Положеніе о стипендіи имени вдовы Новгородскаго купца Вильгельмины Феодоровны Бергъ при Новгородской гимназіи 38
14. (12-го марта 1898 года). Положеніе о стипендіяхъ, въ ознаменованіе Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Феодоровны при Полтавскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ по положенію 31-го мая 1872 года —
15. (22-го мая 1898 года). Положеніе о стипендіи Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны при Островской Александровской женской прогимназіи 39
16. (22-го мая 1898 года). Положеніе о стипендіяхъ Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны при Островскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ по положенію 31-го мая 1872 года 40
17. (23-го мая 1898 года). Положеніе о стипендіяхъ имени потомственнаго почетнаго гражданина Николая Іоанновича Тюменева при Рыбинскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ по положенію 31-го мая 1872 года —
18. (22-го іюня 1898 года). Положеніе о стипендіяхъ потомственнаго почетнаго гражданина Василія Ивановича Феолого при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ 41

19. (22-го іюня 1898 года). Положеніе о стипендіи имени дворянина Леонарда Михайловича Янковскаго при Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра 42
20. (6-го іюля 1898 года). Положеніе о стипендіи при Комиссаровскомъ техническомъ училищѣ вспомогательнаго общества купеческихъ приказчиковъ въ Москвѣ 43
21. (9-го іюля 1898 года). Положеніе о стипендіяхъ имени потомственнаго почетнаго гражданина кандидата коммерціи Николая Іосифовича Шарвина при Архангельскомъ Императора Петра I низшемъ механико-техническомъ училищѣ 44

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ**

12 и 48

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ**

19 и 50

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ ОБРАЗОВАНІЮ**

53

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

- Г. Н. Шмелевъ. Къ вопросу о степени достовѣрности переписныхъ книгъ 1
- Д. М. Позднѣевъ. Тайпинское возстаніе въ Китаѣ 17
- В. М. Истринъ. Греческая записка о набѣгѣ казаковъ на Константинополь въ началѣ XVII вѣка 44
- А. А. Чебышевъ. Трагедія Шиллера изъ русской исторіи 49
- А. С. Вязигинъ. Очерки изъ исторіи папства въ XI вѣкѣ 96 и 350
- Г. З. Кунцевичъ. Малоизвѣстныя записки о казанскихъ походахъ 1550 и 1552 года 135
- Ө. Ө. Зигель. Палацкій какъ историкъ славянскаго права 146
- А. М. Ону. Наказы 3-го сословія во Фванціи 241.
- Н. Н. Овсянниковъ. А. Н. Майковъ, какъ историкъ 331
- Н. Г. Дебольскій. Понятіе красоты 416

КРИТИКА И ВИШПОГРАФІЯ.

- В. Всеобщая исторія въ четырехъ томахъ. Сочиненіе профессора *Оскара Тегера*. Переводъ подъ редакціею профессора *П. Н. Полеваго*. Съ многими снимками съ памятниковъ и отдѣльными приложеніями, отпечатанными черною и цвѣтными красками. Изданіе *А. Ф. Маркса* 164

М. К. Любавскій. Новый трудъ по внутренней исторіи Литовской Руси	174
А. П. Нечаевъ. <i>Дю-Прель</i> . Философія мистики или двойственность человѣческаго существа. С.-Пб. 1895	216
Д. К. Петровъ. <i>Alfred Gassier. Le Théâtre Espagnol. Sangil de portugal de Moreto.</i> Paris. 1898	222
Г. Н. Шмелевъ. „Артельная папья“	229
К. М. Тиандеръ. Шведскій фольклоръ въ Финляндіи . . .	442
В. А. Францевъ. <i>Sächsische Volkstrachten und Bauernhäuser.</i> Herausgegeben von dem Ausschues für das Sächsishe Volkstrachtenfest zu Dresden 1896. Landbauinspektor Schmidt, Maler Q. Seyffert, Dr. Sponzel. Dresden. 1897	467
Е. О. Карскій. Нѣсколько словъ по поводу отзыва проф. Н. П. Некрасова о VI изданіи составленнаго мною учебника древняго церковно-славянскаго языка	477
Н. П. Некрасовъ. Отвѣтъ профессору Е. О. Карскому . . .	489
Книжныя новости	231 и 528

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Наша учебная литература	1 и 21
-------------------------	--------

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

С. О. Ольденбургъ. Востоковѣдніе въ новыхъ французскихъ университетахъ	1
Л. Д—ръ. Письмо изъ Парижа	5
В. Е. Рудаковъ. Г. Д. Филимоновъ (<i>некрологъ</i>)	17
Второй международный конгрессъ актуаріевъ въ Лондонѣ	21
Л. Н. Майковъ. Е. М. Теокистовъ (<i>некрологъ</i>)	26

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

В. В. Зубковъ. Двѣ оды Горация	1
И. И. Холоднякъ. О нѣкоторыхъ типахъ римскихъ метрическихъ надгробій (<i>продолженіе</i>)	3
Ф. М. Видеманъ. О началѣ греческой письменности	33 и 65
А. Бекштремъ. Погибшая рукопись Павла Эгянскаго	66

Овъявленія.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (21-го марта 1898 года). *Объ учрежденіи при Мариупольской Александровской гимназій стипендіи въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 21-й день марта 1898 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Мариупольской Александровской гимназій на проценты съ капитала 1.000 руб., пожертвованнаго обществомъ для пособія нуждающимся ученикамъ названной гимназій стипендіи въ память Священнаго Коронованія Его Императорскаго Величества и Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

2. (21-го марта 1898 года). *Объ учрежденіи при Полтавскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ двухъ стипендій Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 21-й день марта 1898 г., Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Полтавскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ двухъ стипендій Имени Его Императорскаго Величества и Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(30-го мая 1898 года). *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*, неправяющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета *Зачинскій* — съ 1-го августа 1897 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титულлярные совѣтники*, дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія *Панковъ* — съ 13-го декабря 1897 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія *Сысоевъ* — съ 14-го мая 1898 года.

Назначаются: экстраординарные профессора Императорскаго Московскаго университета, доктора зоологіи, статскіе совѣтники *Зозрифъ* и *Мензбиръ* — ординарными профессорами того же университета: первый — по кафедрѣ зоологіи, а второй — по кафедрѣ сравнительной анатоміи; инспекторъ народныхъ училищъ Орловской губерніи, статскій совѣтникъ *Мочумскій* — директоромъ народныхъ училищъ Тверской губерніи, съ 1-го мая; дворянинъ *Курисъ* — почетнымъ попечителемъ Херсонской учительской семинаріи, на текущее, съ 12-го іюня 1897 г., трехлѣтіе.

Утверждается экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ, докторъ греческой словесности, тайный совѣтникъ *Никитинъ* — согласно избранію, ординарнымъ академикомъ той же академіи по классической филологіи и археологіи, съ 18-го апрѣля.

Увольняется, согласно прошенію, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ географіи, статскій совѣтникъ *Анучинъ* — отъ первой изъ означенныхъ должностей.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ всеобщей исторіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гаусманъ*.

Умершій исключается изъ списковъ, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, врачъ-консультантъ Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ, докторъ-медицины и хирургіи, тайный совѣтникъ *Грубе*, съ 28-го апрѣля.

(6-го іюня 1898 года). *Назначаются*: причисленный къ министерству, статскій совѣтникъ *Корватовскій*—инспекторомъ для наблюденія за промышленными училищами при особомъ отдѣленіи департамента народнаго просвѣщенія для завѣдыванія промышленными училищами и преподаватель С.-Петербургской 1-й гимназій, статскій совѣтникъ *фонъ-Гейтманъ* — исправляющимъ должность директора Гатчинскаго реальнаго училища, — оба — съ 1-го іюня; дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ *Елорова* — дѣлопроизводителемъ VI класса того же департамента.

(12-го іюня 1898 года). *Назначаются*: младшій ординаторъ Старо-Екатерининскаго отдѣленія больницы чернорабочихъ, въ Москвѣ, врачъ школы Имени Петра Георгіевича Ольденбургскаго Московскаго благотворительнаго общества 1837 г. и Преображенскаго богадѣленнаго дома, въ Москвѣ, лѣкарь, статскій совѣтникъ *Бодановъ* — правителемъ канцелярій попечителя Московскаго учебнаго округа, съ оставленіемъ его въ занимаемыхъ имъ по означеннымъ школамъ и богадѣленному дому должностяхъ; приватъ-доцентъ Императорскаго Юрьевскаго университета, магистръ богословія *фонъ-Бульмерингъ* — экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по каедрѣ семитическихъ языковъ.

Увольняется отъ службы, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, дѣствительный статскій совѣтникъ *Фолькъ*, съ 8-го іюня, за выслугою срока.

Производятся за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: старшій ассистентъ хирургическаго отдѣленія Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны доцентъ института, докторъ медицины *Земацкій* — съ 9-го ноября 1895 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по С.-Петербургскому учебному округу, исправляющій должность архиваріуса и журналиста канцелярій попечителя *Гордака*—съ 1-го декабря 1882 г.; по Московскому учебному округу, членъ соревнователь попечительнаго совѣта Коммисаровскаго техническаго училища *Голубевъ* — съ 1-го іюня 1896 года.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго секретаря*: сверхштатный помощникъ бібліотекаря Императорскаго российскаго историческаго музея, Имени Императора Александра III, *Кожеевниковъ*—съ 28-го іюля 1896 г., по диплому 1-й степени Императорскаго университета; по управленію учебными заведеніями Тур-

кестанскаго края, учитель Чимкентскаго двухкласснаго городского училища *Крицовой*—съ 1-го января 1893 г.; *губернскаго секретаря*, по С.-Петербургскому учебному округу, учитель Порховскаго уѣзднаго училища *Волырева*—съ 1-го ноября 1888 г.; *коллежскаго регистратора*, по Кавказскому учебному округу, помощникъ учителя Тифлискаго 2-го трехкласснаго городского училища, *Тетереватникова*—съ 20-го октября 1891 года.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (18-го апрѣля 1898 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени надворнаго совѣтника Якова Андреевича Виноградова при Тульскомъ городскомъ по положенію 1872 года четырехклассномъ училищѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 года при Тульскомъ городскомъ по положенію 1872 года четырехклассномъ училищѣ учреждаются стипендіи имени надворнаго совѣтника Я. А. Виноградова на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу рублей, отказаннаго имъ съ этой цѣлью по духовному завѣщанію.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствѣ 4‰ государственной ренты, составляетъ неприкосновенную собственность означеннаго училища и хранится въ Тульскомъ губернскомъ казначействѣ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на вносъ платы за ученіе стипендіатовъ, причѣмъ если одна изъ стипендій окажется менѣе годоваго размѣра платы за ученіе, то получившій ее стипендіатъ долженъ доплатить недостающую сумму изъ своихъ средствъ.

§ 4. Стипендіаты избираются изъ числа родственниковъ завѣщателя, по надлежащемъ удостовѣреніи о родствѣ ихъ съ нимъ. За немѣнимъ же учениковъ изъ родственниковъ Виноградова или когда число ихъ будетъ менѣе стипендій, на вакантныя мѣста назначаются ученики изъ дѣтей бѣднѣйшихъ жителей города Тулы.

§ 5. Выборъ стипендіатовъ и лишеніе ихъ стипендіи предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта названнаго училища; при чемъ малоуспѣшность при хорошемъ поведеніи стипендіатовъ изъ родственниковъ Виноградова не лишаетъ ихъ стипендіи; остальные же ученики въ семъ случаѣ теряютъ право на стипендію.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки причисляются къ сему послѣднему.

§ 7. Пользованіе стипендіями никакихъ обязательствъ на стипендіатовъ не налагаетъ.

§ 8. Въ случаѣ закрытія или преобразованія Тульскаго городскаго училища, стипендіальный капиталъ переходитъ въ то училище, которое его замѣнитъ.

2. (3-го мая 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени умершей вдовы генераль-маіора Александры Петровны Мейнардъ, при Кронштадтской Александринской женской гимназій.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года на проценты съ капитала въ 1.200 руб., собраннаго бывшими ученицами гимназій, учреждается при Кронштадтской Александринской женской гимназій стипендія имени умершей начальницы оной вдовы генераль-маіора Александры Петровны Мейнардъ въ память болѣе 28-ми лѣтней ея службы въ этой должности.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственной 4% рентѣ, составляя неотъемлемую собственность гимназій, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1886 года, расходуются на взносъ платы за ученіе одной изъ бѣднѣйшихъ ученицъ, достойной по успѣхамъ и поведенію.

§ 4. Право избранія стипендіатки принадлежитъ попечительному совѣту гимназій, по рекомендаціи педагогическаго.

§ 5. Стипендіаткѣ, оставшейся въ томъ же классѣ на второй годъ, стипендія можетъ быть сохранена только по особо уважительнымъ причинамъ, признаннымъ таковыми попечительнымъ и педагогическимъ совѣтами гимназій.

§ 6. Могушія остаться отъ уплаты за право ученія стипендіатки деньги выдаются на руки родителямъ стипендіатки на учебныя пособія.

§ 7. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендій, остатки отъ стипендіальной суммы присоединяются къ основному капиталу, и по мѣрѣ накопленія, обращаются въ государственныя процентныя бумаги для увеличенія, на будущее время, размѣра стипендіи.

§ 8. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

3. (3-го мая 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени вдовы подполковника флотскихъ штурмановъ Евдокіи Матвѣевны Ивановой при Севастопольской женской гимназіи.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года учреждается при Севастопольской женской гимназіи стипендія имени вдовы подполковника флотскихъ штурмановъ Евдокіи Матвѣевны Ивановой, на проценты съ капитала въ *дѣтъ* тысячи руб., пожертвованнаго ею съ этою цѣлью.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ въ казну государственнаго налога по закону 20-го мая 1885 года, расходуются на взносъ платы за право ученія стипендіатки и на книги и другія учебныя пособія для нея.

§ 4. Избраніе стипендіатки предоставляется педагогическому соѣзту означенной гимназіи изъ числа ученицъ православнаго исповѣданія, недостаточнаго состоянія, заслуживающихъ того по своимъ успѣхамъ и поведенію.

§ 5. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

§ 6. Могушіе образоваться почему-либо остатки отъ процентовъ со стипендіального капитала причисляются для его увеличенія къ сему послѣднему.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія гимназіи въ какое-либо другое учебное заведеніе стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее для расходованія по назначенію.

4. (20-го мая 1898 года). *Положеніе о стипендіяхъ статскаго совѣтника Николая Константиновича Журавлева при Переславской женской прогимназіи.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26 мая 1897 года учреждаются при Переславской женской прогимназіи пять стипендій имени Н. К. Журавлева, на проценты съ капитала въ *восемьсотъ* руб., пожертвованнаго имъ съ этою цѣлю.

§ 2. Стипендіальный капиталъ по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ прогимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ въ казну государственнаго налога по закону 20-го мая 1885 года, расходуются на плату за ученіе 5-ти ученицъ.

§ 4. Въ случаѣ повышенія платы за ученіе въ прогимназіи жертвователь обязуется увеличить соотвѣтственно основной капиталъ.

§ 5. Стипендіатками избираются бѣднѣйшія ученицы изъ дочерей жителей Переславскаго уѣзда, безъ различія сословій, отличающіяся хорошими успѣхами и поведеніемъ.

§ 6. Въ случаѣ неуспѣшности или плохаго поведенія, стипендіатка, по постановленію педагогическаго совѣта прогимназіи, лишается стипендіи.

§ 7. Выборъ стипендіатокъ принадлежитъ педагогическому совѣту прогимназіи.

§ 8. Могущіе образоваться остатки отъ стипендіального капитала причисляются къ сему послѣднему для увеличенія числа стипендій.

§ 9. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

§ 10. Въ случаѣ преобразования прогимназіи въ какое-либо другое учебное заведеніе стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее для употребленія по назначенію.

5. (22-го мая 1898 года). *Положеніе о преміи имени ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго университета Д. И. Дубля при физико-математическомъ обществѣ, состоящемъ при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Учрежденіе преміи имени профессора Дмитрія Ивановича

Дубяго имѣть цѣлью поощрять молодыхъ даровитыхъ людей изъ бывшихъ и состоящихъ студентами Императорскаго Казанскаго университета въ ихъ занятіяхъ астрономіей.

§ 2. Премія составляетъ изъ процентовъ съ капитала, который образуется ко дню учрежденія преміи (§ 8).

Капиталь преміи остается навсегда неприкосновеннымъ въ вѣдѣніи физико-математическаго общества.

Примѣчаніе. Если физико-математическое общество прекратитъ свое существованіе, премія на тѣхъ же основаніяхъ переходитъ къ физико-математическому факультету Императорскаго Казанскаго университета, въ вѣдѣніе котораго поступаетъ капиталъ преміи.

§ 3. Физико-математическое общество назначаетъ сроки присужденія преміи, но размѣръ преміи не можетъ быть менѣе ста рублей.

§ 4. Не выданная въ назначенный срокъ премія присоединяется къ неприкосновенному капиталу (§ 2) для увеличенія поступающихъ на премію процентовъ.

§ 5. Сочиненія на соисканіе преміи представляются авторами въ общество къ назначенному сроку. Они могутъ быть написаны на какую угодно тему по астрономіи, но должны отличаться самостоятельностью и обнаруживать въ авторѣ несомнѣнное дарованіе.

Примѣчаніе. На соисканіе преміи могутъ быть принимаемы сочиненія, награжденные медалью отъ факультета или служившія для иныхъ учебныхъ цѣлей; но сочиненія, удостоенныя другихъ наградъ, на соисканіе преміи не допускаются.

§ 6. Отзывы о поступившихъ на соисканіе преміи сочиненіяхъ составляются профессоромъ астрономіи Казанскаго университета. Премія присуждается физико-математическимъ обществомъ на основаніи заключенія совѣта общества. Отчетъ о присужденіи и выдача преміи происходитъ въ годичномъ засѣданіи общества.

§ 7. Если премія присуждена за печатное сочиненіе, то автору его предоставляется право обозначать въ заглавіи, что оно „удостоено физико-математическимъ обществомъ при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ преміи имени профессора Д. И. Дубяго“. Рукописныя премированныя сочиненія обязательно печатаются съ такимъ же обозначеніемъ въ „Извѣстіяхъ физико-математическаго общества“ полностью или въ извлеченіи. Также печатаются въ „Извѣстіяхъ“ общества отзывы объ удостоенныхъ преміи сочиненіяхъ.

§ 8. Учрежденіе преміи считается со дня выхода профессора Д. И. Дубяго изъ службы въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

6. (28-го мая 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени пермскою 2-й гильдіи купца Павла Федоровича Верхоланцева при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала, пожертвованнаго торговымъ домомъ „Евграфъ Кухтеринъ и сыновья“, учреждается при Императорскомъ Томскомъ университетѣ одна стипендія имени „пермскаго 2-й гильдіи купца Павла Федоровича Верхоланцева“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, состоящій изъ одного свидѣтельства 4% государственной ренты въ пять тысячъ рублей и одного въ тысячу рублей, а всего изъ шести тысячъ рублей, составляетъ собственность Императорскаго Томскаго университета и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. За вычетомъ изъ доходовъ съ означеннаго въ п. 2 капитала 5% государственнаго налога стипендія въ размѣрѣ двухсотъ двадцати восьми рублей, выдается по усмотрѣнію правленія университета бѣднѣйшему студенту христіанскаго вѣроисповѣданія, преимущественно свротѣ, безъ различія сословій и факультетовъ. При этомъ принимается во вниманіе кандидатура студента, поставленная П. Ф. Верхоланцевымъ, если таковая будетъ заявлена и если противъ нея правленіе не представитъ возраженій.

§ 4. Право на полученіе стипендіи прекращается или съ выходомъ изъ университета, или же вслѣдствіе малоуспѣшности стипендіата въ его учебныхъ занятіяхъ; если стипендіатъ остается на второй годъ на одномъ и томъ же курсѣ, то стипендія сохраняется за нимъ лишь въ томъ случаѣ, когда онъ остался на второй годъ по болѣзни или по инымъ уважительнымъ причинамъ.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ никакихъ обязательствъ на стипендіата по выbytіи его изъ университета.

§ 6. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи или по какимъ-либо причинамъ остатки обращаются въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги и причисляются къ стипендіальному капиталу.

7. (10-го іюня 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени присяжнаго повѣреннаго Давида Рафаловича при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго вдовою при

сяжнаго повѣреннаго Рафаловича Эрвестиною Абрамовною Рафаловичъ, въ *шесть тысячъ* рублей свидѣльствами 4% государственной ренты учреждается при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ стипендія имени присяжнаго повѣреннаго Давида Рафаловича.

§ 2. Стипендіальный капиталъ хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя неприкосновенную собственность С.-Петербургскаго университета.

§ 3. Доходъ съ капитала, за вычетомъ 5% государственнаго сбора, назначается, согласно существующимъ для частныхъ стипендій правиламъ, для выдачи въ стипендіи студентамъ юридическаго факультета безъ различія вѣроисповѣданій.

§ 4. Могущіе образоваться отъ выдачи стипендій остатка обращаются на приращеніе капитала стипендіи.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ, постановлено:

— Книгу: „Курсъ французскаго языка въ трехъ частяхъ, составленный примѣнительно къ послѣднимъ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія. Чтеніе, разговоръ, практическія упражненія и грамматика. Составилъ *Бернардъ Каенце*, преподаватель новыхъ языковъ Александровскаго Могилевскаго реальнаго училища. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова, подъ фирмою „Наслѣдники бр. Салаевыхъ“. III-я часть. Курсъ старшихъ классовъ. А. Практическія упражненія. М. 1897. X+198+130. 1 рубль.—Б. Грамматика. М. 1897. XV+216. 75 коп.“—одобритъ въ качествѣ учебнаго руководства для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Брошюру: „Проф. *Овсяннико-Куликовскій, Д.* Языкъ и искусство. („Русская Библиотека“, № 8). Изданіе I. Юровскаго. С.-Пб. 1895. 71. 20 коп.“—допустить въ фундаментальныя библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Учебникъ минералогіи и физической геологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Н. Кричанинъ*, преподаватель 1-го С.-Петербургскаго реальнаго училища. 3-е исправленное изданіе. Съ 221 рисунками въ текстѣ. Изданіе К. Л. Риккера. С.-Пб. 1898. XVI+250. 1 р. 25 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для реальныхъ училищъ.

— Книгу: „*П. Бильдерлингъ*. Силы природы въ сельскомъ хозяйствѣ. Четыре очерка съ 14 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1898. X+276. 1 рубль“—допустить въ учительскія бібліотеки реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

— Книжку: *Tableau général d'orthographe d'usage. Initiales.—Médiales.—Finales. Par Z. T.* С.-Пб. 1897. Стр. 78 въ 12-ю долю. Цѣна 30 коп.“—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Вопросникъ къ „Учебному курсу теоріи словесности“ В. А. Яковлева (примѣнительно къ 3-му изданію). Составилъ *А. Пильневъ*. Изданіе Ф. В. Щепанскаго. С.-Пб. 1896. 68. Цѣна не обозначена“—одобрить для ученическихъ бібліотекъ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ коихъ теорія словесности изучается по „Учебному курсу“ В. А. Яковлева.

— Книжку: „Избранныя сочиненія французскихъ экономистовъ для коммерческихъ училищъ и реальныхъ училищъ съ коммерческимъ отдѣленіемъ. *Léon Say. Comptabilité en partie double et Budget de 1883. Леонъ Сэ*. Мысли о двойной бухгалтеріи и Рѣчь о бюджетѣ 1883 г. Объяснилъ *А. Л. Колле*, преподаватель французскаго языка въ Одесскомъ реальномъ училищѣ. Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями, словаремъ, біографіей и портретомъ автора. Одесса. 1898. XXIII+169 въ 12-ю долю. 60 коп.“—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для VI класса коммерческихъ отдѣленій.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. временно-исполняющимъ обязанности товарища министра, постановлено:

— Книгу: „*Любимовъ, Н. А.*, заслуженный профессоръ Московскаго университета. Исторія физики. Опытъ изученія логики открытій въ ихъ исторіи. Часть первая. Періодъ греческой науки. С.-Пб. 1892. V+264. 2 р.—Часть вторая. Періодъ средневѣковой науки. С.-Пб. 1894. 206. 1 р. 50 коп.—Часть третья. Физика въ XVII вѣкѣ. Отдѣлъ первый. Эпоха опыта и механической философіи. С.-Пб. 1896.

694. 2 р. 50 коп.“—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Тальботъ*. Старшины Вильбайской школы. Переводъ съ англійскаго *М. Шишмаревой*. Съ 24 рисунками. Изданіе О. Н. Поповой. С.-Пб. 1898. 344. 1 р.“—одобрить для ученическихъ, младшаго и средняго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и допустить въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Книжку: „*Элмъ*. Лѣтомъ въ деревнѣ „Желанная“. Для юношества. Въ пользу лѣтнихъ колоній Екатеринбургскаго Общества попеченія о дѣтяхъ. Екатеринбургъ. 1896. 103. 50 коп.“—одобрить для ученическихъ библиотекъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и допустить въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Книги, изданныя Д. Ефимовымъ: 1) „*Мясницкій, И.* Гостинодворцы. Повѣсть. М. 1896. 584. 2 р.“—2) „*Ею же*. Около миллионъ. М. 1897. 326. 1 р.“—3) „*Арсеній Г.* Карьера. Повѣсть. М. 1896. 241. 1 р.“—4) „*Апраксинъ, А.* Большое мѣсто. Романъ. М. 1896. 294. 1 р.“—5) „*Альфонсъ Додэ*. Три разказа. М. (безъ означенія года). 111. 50 коп.“—6) „*Ею же*. Пржее и новое счастье. М. (безъ означенія года). 138. 50 коп.“—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Книгу: „*И. Потапенко*. Живая жизнь. Романъ. Изданіе Д. П. Ефимова и М. В. Ключкина. М. 1898. 374. 2 р.“—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Изданія Высочайше утвержденного товарищества М. О. Вольфъ: 1) „Генераль-фельдмаршалы русской арміи. Историческій очеркъ *Л. Полянова*. Съ 62 иллюстраціями въ текстѣ. Стр. 15 въ листъ. Цѣна 30 коп.“—2) „1812 годъ. Отечественная война и ея герои. *Н. Головина*. Съ 203 иллюстраціями въ текстѣ. Стр. 52 въ листъ. Цѣна 90 коп.“—3) „Усыпальница русскихъ государей. Петропавловскій соборъ и его царскія гробницы. *Виктора Русакова*. Съ 23 гравированными видами. Стр. 14 въ листъ. Цѣна 30 коп.“—допустить въ ученическія, средняго и старшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Изданія Московскаго отдѣла русскаго общества покровительства животнымъ: 1) „Наше законодательство о жестокомъ обращеніи съ животными и желательныя въ немъ измѣненія *В. В. Быховскаю*. М. 1897. 68. 30 коп.“—2) „Школа улицы. *Вл. Вагнера*. Изданіе 2-е. М. 1898. 21. Цѣна не обозначена.“—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Изданія Высочайше утвержденнаго товарищества М. О. Вольфъ: 1) „Священное коронованіе и вѣнчаніе на царство русскихъ государей съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. II. *Воздвиженскаго*. Съ 197 иллюстраціями въ текстѣ. Стр. 159 въ листъ. Цѣна 1 р. 50 коп.“—2) „Императоръ Николай I. Его царствованіе и черты характера. *Е. Карновича*. Съ 27 иллюстраціями въ текстѣ. Стр. 24 въ листъ. Цѣна 45 коп.“—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для учительскихъ библиотекъ низшихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ.

— Книги: 1) „*Бертольдъ Ауэрбахъ*. Дача на Рейнѣ. Романъ въ трехъ частяхъ. Переводъ *А. В. Перелыгиной*, просмотрѣнный *И. И. Семеновымъ*. Томъ I и II. Изданіе Д. П. Ефимова. 1897. Стр. въ обоихъ томахъ 1008. Цѣна за оба тома 4 р.“—2) „Собраніе сочиненій *Е. Марлиттъ* (Изданіе Д. Ефимова и М. Клюкина). Томъ I. Тайна старой дѣвы. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго *Е. Б. М.* 1898. 436.—Томъ II. Въ домѣ коммерціи совѣтника. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго *А. В. Перелыгиной*. М. 1898. 443.—Томъ III. Въ домѣ Шиллинга. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго *Е. Б. М.* 1898. 432.—Томъ IV. Совинный домъ. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1898. 362. (Цѣна за отдѣльные томы не обозначена).“—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Книгу: „*В. Г. Бѣлинскій* для учащихся. Критическій обзоръ русской словесности съ изложеніемъ основныхъ понятій о поэзи. Пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *А. Н. Сальниковъ*. М. 1898. 402. 1 р. 25 коп.“—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библиотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, въ учительскія библиотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Книгу: „*Левеса*. Женскіе типы Шекспира. Переводъ съ нѣмецкаго *А. Страхова*. Съ предисловіемъ проф. *Н. И. Стороженко*. Съ приложеніемъ статьи *Друдена* „Женскіе типы Шекспира“. С.-Пб. 1898. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. XII+312. 2 р.“—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ бесплатныхъ народныхъ читаленъ“.

— Книги: „Родная рѣчь. Русская хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ инспекторъ классовъ состоящаго подъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны покровительствомъ Усачевско-Чернивскаго жен-

скаго училища и преподаватель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ *В. Соколовъ*. Часть I (для низшихъ классовъ). Изданіе 5-е. М. 1898. XIV—426. 1 р.—Часть II (для среднихъ классовъ). Изданіе 2-е. М. 1898. VIII—565. 1 р. 50 коп.“—первую часть одобрить, а вторую допустить въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „*E. Воювазова*. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Болгары. Сербы. Черногорцы. С.-Пб. 1898. 209. Цѣна 40 коп.“—одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ и старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ библиотекъ городскихъ училищъ и учительскихъ институтовъ и семинарій и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ.

— Книжки: 1) „*Französisches Lesebuch. Mittel- und Oberstufe. Von Karl Kühn. Mit fünfunddreissig Illustrationen, einem Plan und einer Ansicht von Paris. Bielefeld und Leipzig. Verlag von Velhagen und Klasing. 1896. XII+340.*“—2) „*Wörterbuch zum französischen Lesebuch von Karl Kühn. 1896. 64.*“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книжку: „*Унаса Им. Дочери командора Романъ. Переводъ съ норвежскаго. В. Мосоловой. М. 1896. 287. Цѣна 75 коп.*“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Сочиненія протоіерея *Петра Смирнова*: 1) „Исторія христіанской православной церкви. Изданіе 11-е. С.-Пб. 1897. 227+III. Цѣна 1 р.“—2) „Священная исторія Ветхаго Завѣта, въ объемѣ гимназическаго курса. Изданіе 9-е. С.-Пб. 1898. 192+IV. Цѣна 60 коп.“—3) „Священная исторія Новаго Завѣта, въ объемѣ гимназическаго курса. Изданіе 9-е. С.-Пб. 1898. 168+IV. Цѣна 40 коп.“—4) „Изложеніе христіанской православной вѣры. Опытъ повторенія катихизиса съ дополненіемъ изъ Богослуженія и указаніемъ разностей инославныхъ вѣровсповѣданій отъ ученія православной церкви. Изданіе 7-е. С.-Пб. 1898. 132+IV. Цѣна 60 коп.“—5) „Существенныя черты христіанскаго правоученія. Дополнительныя къ катихизису уроки по программѣ VIII класса. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1898. 61. Цѣна 30 коп.“—6) „Краткая церковная исторія по программѣ городскихъ училищъ. Изданіе 10-е. С.-Пб. 1898. 106+II. Цѣна 30 коп.“—7) „Церковно-приходская школа. Унадокъ ея на западѣ Европы и значеніе для Россіи. Изданіе 5-е. С.-Пб. 1894. 54. Цѣна 20 коп.“—8) „День въ Черниговѣ (воспоминанія и впечатлѣнія) съ 6-ю рисунками. С.-Пб.

1896. 32. Цѣна 20 коп.“—одобрить №№ 1—5 въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній, № 6 въ качествѣ учебнаго руководства для низшихъ училищъ. № 7 для учительскихъ библиотекъ всѣхъ учебныхъ заведеній, и № 8 для библиотекъ учебныхъ заведеній, какъ учительскихъ, такъ и ученическихъ, а также для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ.

— Книги: 1) „Историческое разслѣдованіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.. библиографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ *А. Н. Неустроевымъ*. С.-Пб. 1875. LXXII+878.“—2) „Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 гг. и къ историческому розысканію о нихъ. *А. Н. Неустроева*. С.-Пб. 1898. XVI+805. Цѣны не обозначены“ — рекомендовать вниманію педагогическихъ совѣтовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній для приобрѣтенія въ фундаментальныя библиотеки этихъ заведеній.

— Книгу: „Всеобщая исторія въ четырехъ томахъ. Сочиненіе профессора *Оскара Йегера*. Переводъ подъ редакцію профессора *П. Н. Полеваго*. Съ многими снимками съ памятниковъ и отдѣльными приложениями, отпечатанными черною и цвѣтными красками. Изданіе *А. Ф. Маркса*. Цѣна за все изданіе (въ двѣнадцать выпускахъ) 12 р.“—допустить въ ученическія средняго и старшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданія Высочайше утвержденнаго товарищества *М. О. Вольфъ*: 1) „Святой городъ Іерусалимъ и его окрестности. *П. Воздвиженскаю*. Съ 39 иллюстраціями въ текстѣ. С.-Пб. Стр. 18 въ листъ. Цѣна 40 коп.“—2) „Монастырскіе острова Валаамъ и Коневецъ. Составлено по новѣйшимъ источникамъ *М. А. Артевымъ*. Съ 55 иллюстраціями въ текстѣ. С.-Пб. Стр. 24 въ листъ. Цѣна 75 коп.“—3) „Исаакіевскій соборъ. Исторія постройки храма, его святилища и художественныя достопримѣчательности. *П. Преображенскаю*. Съ 110 иллюстраціями, планами и фотохемиграфическими воспроизведеніями художественныхъ достопримѣчательностей храма. С.-Пб. Стр. 40 въ листъ. Цѣна 75 коп.“—4) „Петергофъ. Его паркъ, его дворцы, его фонтаны въ прошломъ и настоящемъ. *К. М. Муханова*. Съ 52 гравированными видами и 1 планомъ Петергофа. С.-Пб. Стр. 20 въ листъ. Цѣна 30 коп.“—5) „Святая гора Аѳонская. Описаніе аѳонскихъ монастырей, скитовъ, храмовъ, мѣстныхъ святынь и всѣхъ достопримѣчательностей Аѳона. *М. А. Артева*. Съ 71 иллюстраціями въ текстѣ. С.-Пб. Стр. 22 въ листъ. Цѣна 40 коп.“—6) „Царское село. Его

дворцы, парки, сады, памятники, въ прошломъ и настоящемъ. *А. Волкова*. Съ 28 гравированными видами и 1 планомъ Царскаго села. С.-Пб. Стр. 14 въ листъ. Цѣна 30 коп.—7) „Лондонъ. Описаніе столицы Англій и жизни въ ней. *Н. Е. Онуфриева*. Съ 150 иллюстраціями въ текстѣ. С.-Пб. Стр. 46 въ листъ. 75 коп.—8) „Крестьянская республика Трансвааль и его богатства. *Н. Корсакова*. Съ 67 иллюстраціями въ текстѣ. С.-Пб. Стр. 17 въ листъ. Цѣна 30 коп.— допустить въ ученческія, средняго и старшаго возраста, библиотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ таковыя же библиотеки учительскихъ семинарій и городскихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книгу: „*Гартвицъ*. Чудеса подземнаго міра. Переводъ съ нѣмецкаго (съ 32 рисунками) третье русское изданіе. („Общепользная библиотека для самообразованія“ №№ 19, 20, 21 и 22 изданіе М. В. Ключкина). М. (Годъ не показанъ). IV+651. Цѣна 2 р. 50 коп.— одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ.

— Книгу: „Повторительный курсъ ботаники для натуралистовъ, медиковъ и фармацевтовъ. *А. Ганзена*, проф. Гиссенскаго университета. Переводъ съ 5-го нѣмецкаго изданія *М. Д. Вахтеля*. Изданіе Высочайше утвержденнаго Южно-Русскаго Общества печатнаго дѣла. Одесса. 1898. XII+207. Цѣна 1 р. 50 коп.— одобрить для учительскихъ библиотекъ реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ.

— Книгу: „*Б. Юзефовичъ*. Основы самопознанія. Философскій очеркъ для юношества. С.-Пб. (Годъ не обозначенъ). 91. Цѣна 40 коп.— рекомендовать для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. временно-исполняющимъ обязанности товарища министра, постановлено:

— Книжку: „*Д. Мартыновъ*. Русскій грамотей. I. Азбука-скороучка, вмѣстѣ съ методикою обученія грамотѣ. Изданіе 5-е, тщательно исправленное. М. 1896. 41. 10 коп.“ — допустить къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Книжку: „*П. Ершовъ*. Конекъ-горбунокъ. Русская сказка. Изданіе 17-е, перепечатанное безъ перемѣны съ такового же 15-го изданія, одобреннаго особымъ отдѣломъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія для ученическихъ библиотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. С.-Пб. 1898. 128. 20 коп.“ — допустить въ ученическія библиотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книжку: „Подпасокъ. Разказъ. *И. Д. Смирнова*. Изданіе 3-е. М. Клюкина. М. 1897. 31. 40 коп. (Удостоено преміи С.-Петербургскаго фребелевскаго общества)“ — допустить въ ученическія библиотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книжку: „*Н. М. Ерошенко*. Уроки класснаго и хороваго пѣнія. Учебникъ и музыкальная хрестоматія. Курсъ элементарной теоріи пѣнія по общедоступному способу обученія. Изданіе 3-е, Распорова въ Одессѣ. Одесса. Стр. 39. 35 коп.“ — допустить къ употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ пособія при обученіи пѣнію.

— Брошюры, изданныя М. Клюкинымъ: 1) „*И. Смирновъ*. Деревенская школа. Разказъ съ рисунками. М. 1898. 70. 20 коп. („Добрыя души“. Чтеніе для дѣтей и для народа)“. — 2) „*М. Васильевъ*. I. На шалыгѣ. II. Въ перелѣскѣ. Два разказа съ 6-ю рисунками. № 9. М. 1898. 30. 5 коп. („Добрыя души“. Чтеніе для дѣтей и для народа)“ — допустить въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книгу: „На память дѣткамъ. Разказы и стихотворенія *Н. И. Познякова*, съ 80-ю рисунками *Т. И. Никитина* и др. (2-е изданіе

книги „Дѣтскій праздникъ“, значительно измѣненное и дополненное). С.-Пб. 1894. Изданіе М. Ледерле. IV + 220. 2 р. (въ переплетѣ и съ золотымъ обрѣзомъ) — одобрить для ученическихъ библиотекъ низшихъ училищъ, для таковыхъ же, младшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читальнъ.

— Брошюру: „Къ рабочему человѣку. I. Бесѣда о трудѣ. *Ивана Л.* Москва. 1898. 16. 3 коп.“ — допустить въ ученическія библиотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Брошюру: „Маленькимъ друзьямъ. Сборникъ мелкихъ разказовъ для начинающихъ читать. Составилъ *Б. Н. Тицъ*. Книжка 1-я. С.-Пб. 1898. 32. 10 коп.“ — допустить въ ученическія библиотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книжку: „*В. Колокольникова*. Церковно-славянскій словарь для толковаго чтенія Св. Евангелія, Псалтири и Часослова. М. 1897. 57. 10 коп.“ — допустить въ ученическія библиотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Журналъ: „Дѣятель. 1897. №№ 1 — 12, январь по декабрь. Казань. Подписная цѣна за годъ 2 р.“ — допустить въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Брошюры, издаванныя Харьковскимъ издательскимъ комитетомъ при обществѣ грамотности: 1) „№ 45. Отецъ Наркиссъ, разказъ *Бикеласа* и Дядя Иванъ. Харьковъ. 1897. 32. 5 коп.“ — 2) „№ 10. О шелкѣ“. — 3) „№ 48. Народный дворецъ, передѣлано *Ю. С.* изъ романа: „Тайна богатой наслѣдницы“. Харьковъ. 1897. 94“. — 4) „№ 46. О томъ, какія сельскія повѣрья и обычаи въ особенности вредны. Профессора *Н. О. Сумцова*. Харьковъ. 1897. 30. 1½ к.“. — 5) „№ 41. Страшная смерть невиннаго человѣка. Быль. *В. Версаева*. Харьковъ. 1896. 76. 4 коп.“ — 6) „№ 44. Маленькіе странствующие итальянцы въ Англии. Переводъ съ англійскаго. Харьковъ. 1896. 48“. — 7) „№ 24. Желѣзныя дороги“. — 8) „№ 34. Сестра Катерина“. — 9) „№ 20. Прекрасная Нивернеза“. — 10) „№ 37. „Друзья“. — 11) „№ 38. Дѣва Орлеанская“. — 12) „№ 16. Очерки изъ американской жизни. *Э. К.* Харьковъ. 1893. 32“. — 13) „№ 21. Добрые люди стараго времени на Руси. Историческій очеркъ. *С. Р.* Харьковъ. 1894. 28“. — 14) „№ 35. Карлъ Великій. (Посвящается Г. А. Р.).

С. Р. Харьковъ. 1895. 45"—первую и вторую одобрить для ученическихъ библиотекъ низшихъ училищъ, народныхъ библиотекъ и читаленъ, и для народныхъ чтеній; третью и четвертую допустить въ учительскія библиотеки низшихъ училищъ, въ народныя библиотеки и читальни и для народныхъ чтеній; пятую—допустить въ учительскія библиотеки низшихъ училищъ и въ народныя библиотеки и читальни; шестую, седьмую и восьмую допустить въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ, въ народныя библиотеки и читальни и для народныхъ чтеній; девятую, десятую и одиннадцатую допустить въ ученическія библиотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и въ народныя библиотеки и читальни; двѣнадцатую, тринадцатую и четырнадцатую въ тѣ же библиотеки, а равно и для народныхъ чтеній.

— Книгу: „*А. Преображенскій*. Букварь для обученія письму и чтенію. Книга для чтенія. Церковно-славянская азбука. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное (иллюстрировано). М. 1898. 95. 20 к.“—допустить къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Книгу: „Методика русской грамоты и начальныхъ упражненій въ русскомъ языкѣ *Н. Страхова*. Харьковъ. 1998. 176. 1 руб.“—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства, для употребленія въ дополнительныхъ педагогическихъ классахъ женскихъ гимназій, для учительскихъ семинарій и институтовъ и для учительскихъ библиотекъ начальныхъ народныхъ школъ.

— Книгу: „Поднебесный аулъ. Историческая повѣсть изъ старыхъ Кавказскихъ былей. *Вас. Ив. Немировича-Данченко*. Съ 27 рис. художника К. Чичагова. Изданіе редакціи журнала „Дѣтское чтеніе“. М. 1898. 267. 75 коп.“—допустить въ ученическія библиотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Брошюру: „Анекдоты о Петрѣ Великомъ. Изданіе редакціи журнала „Досугъ и Дѣло“. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1898. 64. Цѣна не обозначена“—допустить въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книжку: „Времена года. Географическія картинки *Д. А. Корочевскаго*. Съ 20 рис. (Библиотека „Дѣтскаго чтенія“). М. 1898. 136. 45 коп.“—допустить въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ, въ таковыя же, младшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книгу: „*Ө. В. Виноградовъ*. Историческая записка о Курмышскомъ городскомъ училищѣ. Симбирскъ. 1897. 182. 1 руб.“—допу-

стить въ учительскія бібліотеки городскихъ училищъ Казанскаго учебнаго округа.

— Сочиненія *А. Александрова*, издавныя А. Я. Панафидинымъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ промышляетъ?“—1) „Жители лѣсной полосы. Чтеніе для народа, избрано комиссіею къ напечатанію изъ числа чтеній для народа, произнесенныхъ въ Солянномъ городкѣ. Изданіе 4-е. М. 1896. 31.“ — 2) „Благодатный край (Малороссія). М. 1898. 32. 10 к.“—3) „Крымъ (Таврическій полуостровъ). М. 1898. 48. 10 коп.“ — допустить въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Сочиненія *Клавдіи Лукашевичъ*: 1) „Ясное солнышко и другіе повѣсти и разказы для дѣтей средняго возраста. М. 1898. 263. 1 р. 25 коп.“—2) „Дядюшка-флейтистъ. Повѣсть. М. 1898. 63. 50 к.“—3) „Аксютка-нянька, разказъ. С.-Пб. 1897. 55. 50 коп. (Удостоено преміи С.-Петербургскаго фребелевскаго общества)“ — одобрить для ученическихъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній (первое и второе для средняго, а третье — для младшаго возраста), въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и бібліотекъ.

— Книжку: „*Реа Гаелодимъ*, то-есть, Другъ дѣтей. Сочиненіе учителя *Израиля Левнера*. Изданіе 3-е, исправленное. Екатеринославъ. 1895. 74. Цѣна не обозначена“ — допустить къ употребленію въ еврейскихъ начальныхъ училищахъ съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ (4-мъ) ея изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета.

— Книжку: „*Н. К. Кабирдинъ*. Человодная азбука. Съ рисунками. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1898. IV+106. 20 коп.“—допустить въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Книги: „Собраніе сочиненій *Генрихи Сенкевича*. Полный переводъ *Ф. В. Домбровскаго*. Изданіе книгопродавца-издателя *Ф. А. Югансона*. Томъ I. Безъ догмата. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1897. Стр. 428. — Томы II и III. Повѣсти и разказы. Кіевъ. 1894. Стр. 417 + 358. — Томъ IX. Семья Поланецкихъ. Романъ. Кіевъ. 1895. Стр. 628. — Томъ X. Письма изъ путешествій. Кіевъ. 1894. Стр. 440“ — допустить къ обращенію въ городскихъ бесплатныхъ народныхъ бібліотекахъ и читальняхъ.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ на основаніи § 9 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона доводитъ до общаго свѣдѣнія, что на настоящее конкурсное трехлѣтіе (1898—1900 г.) назначены слѣдующія задачи:

1. *Тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія.* Выясненіе, какія слова тюркскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ.—Опредѣленіе словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ тюркскихъ нарѣчій до татарскаго нашествія, на основанія: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ тюркскихъ словъ можно относить ко времени, предшествующему образованію этихъ вѣтвей русскаго языка; 2) систематическаго изслѣдованія русскихъ памятниковъ, отъ начала письменности до середины XIII вѣка, со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюркскихъ нарѣчій. Кромѣ словъ тюркскаго происхожденія, изслѣдованію подлежатъ и тѣ иноземныя слова, которыя вошли въ русскій языкъ черезъ посредство тюркскихъ нарѣчій. При опредѣленія тѣхъ или другихъ заимствованій, должно имѣть въ виду точное, по возможности, приуроченіе ихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которыя представляли тюркскіе говоры ¹⁾.

2. *Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка.* Опредѣленіе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть приурочено заимствование этихъ элементовъ. Выясненіе, какія слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ:—Какими путями шли заимствования изъ этихъ языковъ въ русскій (Варяги, Рига, Польша и т. д.)? Опредѣленіе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ до XV вѣка, на основанія: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ германскихъ, латинскихъ и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ

¹⁾ Результаты изслѣдованія (слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

до XV вѣка; 2) систематической выборки изъ русскихъ памятниковъ до XIV вѣка включительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія ¹⁾).

Примѣчаніе Ученая работа, посвященная изслѣдованію однихъ только германскихъ заимствованій, можетъ быть также удостоена преміи.

3. *Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху.* Определеіе путей, которыми въ Петровскую эпоху шли заимствованія изъ западноевропейскихъ языковъ.—Систематическая выборка заимствованныхъ словъ изъ какого-нибудь, определеннаго самимъ изслѣдователемъ, круга произведенія письменности Петровской эпохи (актовъ, узаконеній, учебниковъ, писемъ и литературныхъ произведеній), съ указаніемъ происхожденій этихъ словъ (слова нѣмецкія, шведскія, голландскія, польскія и т. д.).

§§ 4, 5 и 7 *Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона.* Преміи имени М. И. Михельсона устанавливаются трехъ разрядовъ: въ 1.000 р., 500 р. и 300 р.

Преміи имени М. И. Михельсона присуждаются каждыя три года, начиная съ 16-го декабря 1900 года. Сочиненія на соисканіе этихъ премій должны быть представляемы не позднѣе 1-го марта послѣдняго года конкурснаго трехлѣтія ²⁾).

На соисканіе премій имени М. И. Михельсона допускаются, какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ языкахъ, удовлетворяющія задачамъ, объявляемымъ при началѣ каждого конкурснаго трехлѣтія особою комиссіею, которая образуется при Второмъ Отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ.

¹⁾ См. примѣчаніе на стр. 23.

²⁾ Сочиненія на объявленные нынѣ задачи должны быть представлены не позднѣе 1-го марта 1900 года—печатныя въ двухъ, рукописныя въ одномъ экземплярѣ и адресованы на имя Непремѣннаго Секретаря Императорской Академіи Наукъ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШЕ УКАЗЫ, ДАННЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

(27-го іюня 1898 года). „Профессору Императорскаго Московскаго техническаго училища, инженеръ - технологъ, статскому совѣтнику *Зернову*—Всемилоствѣйше повелѣваемъ быть директоромъ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III“.

(3-го іюля 1898 года). „Временно исправляющему должность директора и профессора Кіевскаго политехническаго института Императора Александра II, тайному совѣтнику *Киртичеву* — Всемилоствѣйше повелѣваемъ быть директоромъ и ординарнымъ профессоромъ того же института; временно исправляющему должность директора Варшавскаго политехническаго Имени Нашега института, коллежскому ассесору *Лаюрию*—Всемилоствѣйше повелѣваемъ быть директоромъ того же института.

(6-го іюля 1898 года). Ректору и исправляющему должность ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета, магистру государственнаго права, дѣйствительному статскому совѣтнику *Зотеву*—Всемилоствѣйше повелѣваемъ быть товарищемъ министра народнаго просвѣщенія.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

3. (24-го апрѣля 1898 года). *Объ опредѣленіи при Двинскомъ еврейскомъ начальномъ училищѣ врача.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 24-й день апрѣля 1898 года, Всемилостивѣйше соизволилъ на опредѣленіе при Двинскомъ еврейскомъ начальномъ училищѣ врача безъ жалованья, но съ правами государственной службы.

4. (24-го апрѣля 1898 года). *О присвоеніи изображенія Императорской Короны къ значку, носимому на фуражкахъ учениками Императорской Казанской 1 гимназіи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 24-й день апрѣля 1898 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе изображенія Императорской Короны къ значку, носимому на фуражкахъ учениками Императорской Казанской 1 гимназіи.

5. (24-го апрѣля 1898 года). *О присвоеніи Новороссійской женской прогимназіи наименованія „Александринской“.*

Государь Императоръ, въ 24-й день апрѣля 1898 г., по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія Высочайше соизволилъ на присвоеніе Новороссійской женской прогимназіи наименованія „Александринской“.

6. (24-го апрѣля 1898 года). *Объ утвержденіи рисунка медали для выдачи рецензентамъ сочиненій, представляемыхъ на соисканіе преміи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михельсона.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 24-й день апрѣля 1898 г., Высочайше соизволилъ утвердить рисунокъ медали для выдачи рецензентамъ сочиненій, представляемыхъ на соисканіе преміи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михельсона.

О таковой Высочайшей волѣ управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія донесъ правительствующему сенату, съ представленіемъ копія съ Высочайше утвержденного рисунка означенной медали.

7. (18-го мая 1898 года). *Объ учрежденіи въ слободѣ Борисовкѣ, Курской губерніи, школы ремесленныхъ учениковъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ слободѣ Борисовкѣ, Курской губерніи, школы ремесленныхъ учениковъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ слободѣ Борисовкѣ, Курской губерніи, школы ремесленныхъ учениковъ, *мнѣніемъ положила:*

I. Учредить, съ 1-го іюля 1898 г., въ слободѣ Борисовкѣ, Грайворонскаго уѣзда Курской губерніи, школу ремесленныхъ учениковъ со слесарнымъ и столярнымъ отдѣленіями на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 20-го декабря 1893 года, мнѣнія государственнаго совѣта и штата.

II. Ассигновать изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1-го января 1899 года, на содержаніе означенной школы (отд. I) по *семи тысячѣ четыреста шестидесяти пяти* рублей въ годъ, съ обращеніемъ въ доходъ казны по *три тысячи семисотъ* рублей, жертвуемыхъ мѣстными земствомъ и сельскимъ обществомъ, и по *одной тысячѣ* рублей процентовъ съ капитала Харитоненко; въ текущемъ же году расходъ на ту же надобность отнести въ размѣрѣ *одной тысячи трехсотъ восьмидесяти двухъ* рублей *пятидесяти* копѣекъ на имѣющійся въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія кредитъ въ 20.000 рублей на устройство школъ ремесленныхъ учениковъ, а въ размѣрѣ *двухъ тысячъ трехсотъ пятидесяти* рублей на мѣстныя средства.

III. Отпустить въ 1899 году одновременно *пятнадцать тысячъ* рублей на постройку зданія для мастерскихъ упомянутой школы (отд. I) въ дополненіе къ 9.500 руб., жертвуемымъ на тотъ же предметъ мѣстнымъ сельскимъ обществомъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

I. Учредить въ г. Севастополѣ съ 1-го іюля 1899 г. шестиклассную прогимназію, съ тѣмъ, чтобы въ 1899 г. были открыты первые четыре класса, а въ послѣдующіе два года V и VI классы.

II. Ассигновать изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе названной прогимназіи въ 1899 г. — *шесть тысячъ семьсотъ двадцать пять* рублей, въ 1900 г. — *пятнадцать тысячъ сто девяносто пять* рублей, въ 1901 г. — *восемнадцать тысячъ шестьдесятъ два* рубля *пятьдесятъ* коп. и начиная съ 1902 г. по *девятнадцать тысячъ ста восьмидесяти пяти* руб. въ годъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

11. (4-го іюня 1898 года). *О преобразованіи Одесской шестиклассной прогимназіи въ полную гимназію.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о преобразованіи Одесской шестиклассной прогимназіи въ полную гимназію, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о преобразованіи Одесской шестиклассной прогимназіи въ полную гимназію, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Преобразовать Одесскую шестиклассную прогимназію въ полную гимназію, съ тѣмъ, чтобы съ 1-го іюля 1899 г. былъ открытъ при ней VII классъ и съ 1-го іюля 1900 г. — VIII классъ.

II. Ассигновать изъ средствъ государственнаго казначейства на содержаніе названной гимназіи, въ дополненіе къ нынѣ отпускаемымъ на нее суммамъ: въ 1899 г. — *девять тысячъ тридцать семь* рублей *пятьдесятъ* копѣекъ, въ 1900 г. — *четыре тысячъ девятьсотъ сорокъ пять* рублей и, начиная съ 1901 г., — по *пяти тысячъ восьмисотъ пятнадцати* рублей въ годъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствовавшимъ и членами.

12. (4-го іюня 1898 года). *Объ учрежденіи въ г. Буинскѣ, Симбирской губерніи, низшей ремесленной школы.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ г. Буинскѣ, Симбирской губерніи, низшей ремесленной школы, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Мѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ г. Буинскѣ, Симбирской губерніи, низшей ремесленной школы, *мѣніемъ положилъ:*

I. Учредить, съ 1-го января 1899 года, въ г. Буинскѣ, Симбирской губерніи, низшую ремесленную школу на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 24-го апрѣля 1895 года, мѣніи государственнаго совѣта и штата.

II. Ассигновать изъ государственнаго казначейства, съ того же срока, на содержаніе означенной школы (отд. I), по *двѣ тысячи семисотъ семидесяти* рублей въ годъ, съ обращеніемъ въ доходъ казны по *тысячъ семисотъ семидесяти* рублей въ годъ, жертвуемыхъ мѣстнымъ уѣзднымъ земствомъ и городскимъ обществомъ.

III. Отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ 1899 году, одновременно *три тысячи пятьсотъ* рублей на расходы по обзаведенію упомянутой школы (отд. I), въ дополненіе къ 500 р., жертвуемымъ на тотъ же предметъ мѣстнымъ городскимъ обществомъ.

Подлинное мѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

III. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(19-го іюня 1898 года). *Назначаются:* экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Домель* и сверхштатный экстраординарный профессоръ того же университета, докторъ физика, статскій совѣтникъ *Хвольсонъ*—ординарными профессорами названнаго универ-

ситета, изъ нихъ: первый—по кафедрѣ зоологіи, сравнительной анатоміи и физиологіи, а второй—по кафедрѣ физики.

Утверждается, дворянинъ *Харченко* — вновь почетнымъ попечителемъ Преславской учительской семинаріи, согласно избранію, на слѣдующее трехлѣтіе.

(27-го іюня 1898 года). *Отредъляется* на службу, изъ отставныхъ, докторъ теоріи и исторіи искусствъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кондаковъ* — съ утвержденіемъ его сверхштатнымъ ординарнымъ академикомъ Императорской академіи наукъ, по археологіи, съ 23-го мая.

Назначаются: профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища, инженеръ - технологъ, статскій совѣтникъ *Зерновъ* — директоромъ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III; надворный совѣтникъ *Введенскій* — почетнымъ попечителемъ Воронежской гимназіи, на три года, съ 1-го января.

Утверждается, дворянинъ *Ромейко* — почетнымъ попечителемъ Ржевской прогимназіи, согласно избранію, на три года.

(10-го іюля 1898 года). *Назначаются*: ректоръ и исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета, магистръ государственнаго права, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Звѣревъ* — товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, съ 6-го іюля; экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ уголовного права, статскій совѣтникъ *Духовской* — ординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ уголовного права и судопроизводства.

Утверждается, генералъ-маіоръ графъ *Шуваловъ* — почетнымъ попечителемъ Уманской гимназіи, согласно избранію, на три года.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ: чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ, статскій совѣтникъ *Ершовъ* и почетный попечитель Ялтинской гимназіи, дворянинъ *Кочубей*.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

8. (19-го мая 1898 года). *Циркуляръ з. управляющаю министерствомъ народнаго просвѣщенія з. попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа.*

Въ министерство народнаго просвѣщенія весьма часто поступаютъ разныя ходатайства воспитанниковъ какъ высшихъ и среднихъ, такъ

даже и низшихъ учебныхъ заведеній, большинство которыхъ подлежатъ по закону разрѣшенію непосредственнаго учебнаго начальства просителей; независимо отъ сего, даже такимъ ходатайствамъ, удовлетвореніе коихъ зависитъ отъ усмотрѣнія центральнаго управленія министерства, не можетъ быть дано никакого движенія безъ затребованія отъ мѣстнаго начальства заключенія по существу дѣла.

Вслѣдствіе сего, для устраненія излишней пересылки такихъ прошеній въ провинціальныя учрежденія, обременяющей дѣлопроизводство министерства и замедляющей, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшеніе дѣлъ, долгомъ считаю покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство объявить воспитанникамъ подвѣдомственныхъ вамъ учебныхъ заведеній, чтобы они съ прошеніями по личнымъ своимъ дѣламъ обращались исключительно къ непосредственному своему начальству, которое, когда то окажется нужнымъ, не преминетъ передать таковыя на усмотрѣніе высшихъ инстанцій. Тѣмъ же путемъ, то-есть черезъ мѣстное учебное начальство, къ попечителю учебнаго округа или въ центральное управленіе министерства должны быть направляемы прошенія учениковъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда предметъ ходатайства выходитъ изъ круга компетенціи начальника даннаго учебнаго заведенія, или же если проситель, недовольный рѣшеніемъ послѣдняго, обращается къ высшему начальству съ жалобой. За симъ, всѣ прошенія воспитанниковъ учебныхъ заведеній, направляемыя непосредственно въ центральное управленіе министерства, будутъ оставляемы безъ послѣдствій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ оповѣстить и родителей, родственниковъ и опекуновъ воспитанниковъ, что въ видахъ ускоренія въ рѣшеніи возбуждаемыхъ ими ходатайствъ по дѣламъ учащихся, которые находятся на ихъ попеченіи, было бы желательно, чтобы и они строго придерживались указаннаго выше порядка направленія своихъ прошеній и жалобъ, такъ какъ министерство вынуждено такія прошенія или отсылать обратно на усмотрѣніе мѣстныхъ своихъ органовъ, или же, во всякомъ случаѣ, требовать ихъ заключеніе.

9. (6-го іюля 1898 года). *Циркуляръ в. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія в. попечителю учебнаго округа.*

По распоряженію министерства народнаго просвѣщенія ученымъ комитетомъ онаго вновь пересмотрѣны и нынѣ отпечатаны вторымъ изданіемъ „Учебные планы и примѣрныя программы предметовъ, пре-

подаваемыхъ въ реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія“.

Въ этомъ изданіи сдѣланы слѣдующія дополненія и измѣненія:

§ 1. Помѣщены утвержденныя святѣйшимъ синодомъ программы по Закону Божию для приготовительнаго, первыхъ шести классовъ, а также для VII класса реальныхъ училищъ.

§ 2. Въ программѣ VI класса французскаго языка (стр. 56), вмѣсто словъ: „двухъ послѣднихъ столѣтій“, напечатано „трехъ послѣднихъ столѣтій“, въ согласованіе съ объяснительною запискою (стр. 64).

§ 3. Въ учебномъ планѣ VI класса алгебры (стр. 100), вмѣсто словъ; „неопредѣленныя уравненія 1-й степени съ одною неизвѣстною“, напечатано „неопредѣленныя уравненія первой степени съ двумя неизвѣстными“.

§ 4. Въ объяснительной запискѣ къ учебному плану математики (стр. 109), вмѣсто словъ: „въ курсѣ третьяго класса“ и „при прохожденіи уравненій въ третьемъ классѣ“, напечатано: „въ курсѣ четвертаго класса“ и „при прохожденіи уравненій въ четвертомъ классѣ“.

§ 5. Въ той же объяснительной запискѣ (стр. 110) сдѣлано новое важное указаніе, что число X , разлагающееся въ бесконечно непрерывную дробь, равно этой дроби.

§ 6. Въ этой же объяснительной запискѣ исключены слова: „въ VI классѣ ученики занимаются вычерчиваніемъ кривыхъ, указанныхъ въ программѣ, по точкамъ, при помощи дугъ круга и посредствомъ лекала“, ибо вычерчиваніе кривыхъ, по программѣ 1895 г., не представляетъ предмета изученія въ реальныхъ училищахъ.

§ 7. Понятіе о спектральномъ анализѣ и примѣненія его въ химіи и астрономіи перенесены изъ курса физики V класса въ курсъ VI класса, и именно въ ученіе о свѣтѣ.

§ 8. Сдѣланы нѣкоторыя мелкія редакціонныя поправки.

Сообщая вашему превосходительству объ изложенномъ и препроводя при семъ 00 экземпляровъ отпечатанныхъ вторымъ изданіемъ „Учебныхъ плановъ и примѣрныхъ программъ предметовъ, преподаваемыхъ въ реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія“, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, озаботиться скорѣйшею разсылкою оныхъ по реальнымъ училищамъ вѣреннаго вамъ учебнаго округа, предложивъ эти планы и программы къ руко-

водству съ начала наступающаго 1898—99 учебнаго года, за исключеніемъ программы по Закону Божию для V—VII классовъ, о примѣненіи которой министерствомъ будетъ сообщено особо, по полученіи необходимыхъ указаній святѣйшаго синода по сему предмету.

Въ циркулярѣ отъ 4-го августа 1889 г. за № 13.323 уже были даны министерствомъ подробныя указанія для правильнаго выполненія программъ. Посему я нынѣ не считаю нужнымъ повторять данныхъ министерствомъ разъясненій.

10. (4-го декабря 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени покойнаго ученика 10-й С.-Петербургской гимназіи Юлія Владиміровича Эсипова при этой же гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *десять тысяч* руб., пожертвованнаго коллежскимъ совѣтникомъ Владиміромъ Евгеніевичемъ Эсиповымъ, учреждается при 10-й С.-Петербургской гимназіи стипендія имени покойнаго сына его, ученика этой гимназіи Юлія Владиміровича Эсипова.

§ 2. Пожертвованный для образованія стипендіи капиталъ, заключающійся въ двухъ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ, и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность гимназіи.

Примѣчаніе. Въ случаѣ выхода въ тиражъ или конверсіи свидѣтельства государственной ренты должны быть замѣнены другими государственными же или гарантированными правительствомъ процентными бумагами.

§ 3. Проценты съ пожертвованнаго капитала, за вычетомъ 5% государственнаго налога по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за ученіе одного ученика 10-й С.-Петербургской гимназіи, а остатки отъ процентовъ выдаются на руки родителямъ или лицу, завѣдующему воспитаніемъ избраннаго стипендіата, на учебныя пособія.

§ 4. Въ стипендіаты выбирается одинъ изъ бѣднѣйшихъ и достойнѣйшихъ по поведенію и успѣхамъ учениковъ названной гимназіи христіанскаго вѣроисповѣданія.

§ 5. Выборъ стипендіата, а равно и лишеніе его стипендіи, въ

случаѣ малоуспѣшности или за неодобрительное поведеніе, предоставляется педагогическому совѣту гимназій.

§ 6. Стипендіатъ пользуется стипендіей во все время обученія въ 10-й С.-Петербургской гимназій, за исключеніемъ случая, предусмотрѣннаго § 5.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

11. (6-го февраля 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени покойнаго гласнаго Житомирской городской думы Тимофея Петровича Самборскаго при Житомирскомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ.* (Утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, учреждается на проценты съ капитала въ *десяти* руб., пожертвованнаго Житомирскою городскою думою, при Житомирскомъ городскомъ училищѣ стипендія имени покойнаго гласнаго Житомирской городской думы Тимофея Петровича Самборскаго.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4% государственной ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго 5% сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на вносъ платы за ученіе одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ училища изъ постоянныхъ жителей города Житомира, а остальные деньги выдаются стипендіату на приобрѣтеніе учебныхъ пособій.

§ 4. Право избранія стипендіата принадлежитъ Житомирской городской думѣ изъ числа представленныхъ ей педагогическимъ совѣтомъ училища кандидатовъ, отличающихся хорошими успѣхами и поведеніемъ.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 6. Въ случаѣ преобразования Житомирскаго двухкласснаго городского училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее для употребленія по назначенію.

12. (7-го февраля 1878 года). *Положеніе о стипендіяхъ при Владиміро-Волынскомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.*

(Утверждено г. временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 30-го октября 1897 года, при Владиміро-Волынскомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ учреждаются двѣ стипендіи по *пятидесяти* руб. каждая: одна въ мужскомъ отдѣленіи Имени Государя Императора Николая Александровича, а другая въ женскомъ Имени Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

§ 2. На содержаніе стипендіата и стипендіатки, согласно постановленію Владиміро-Волынской городской думы, состоявшемуся 14-го апрѣля 1896 года, ежегодно, въ первыхъ числа января мѣсяца городской управою должны быть передаваемы въ распоряженіе педагогическаго совѣта училища *сто* рублей серебромъ.

§ 3. Стипендіатъ и стипендіатка избираются педагогическимъ совѣтомъ училища изъ лучшихъ учениковъ и ученицъ бѣднаго состоянія городскихъ жителей, безъ различія сословій и вѣроисповѣданій.

§ 4. Исправный ежегодный взносъ денегъ на стипендіи обеспечивается всѣмъ общественнымъ имуществомъ и ежегоднымъ, на вѣчныя времена, внесеніемъ таковыхъ въ сѣту городскихъ расходовъ, въ удостовѣреніе чего и выдается Владиміро-Волынскому двухклассному городскому училищу второй экземпляръ постановленія думы за общимъ подписомъ всѣмъ наличныхъ гласныхъ.

§ 5. Обѣ стипендіи, пользуясь равными долями, то-есть по 50 р. каждая, выдаются, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, годично или пополугодно родителямъ и родственникамъ, но если бы педагогическій совѣтъ призналъ болѣе цѣлесообразнымъ иную мѣру удовлетворенія стипендіатовъ, то это всецѣло должно зависѣть отъ его усмотрѣнія.

§ 6. Лишеніе стипендій по малоуспѣшности въ наукахъ и дурному поведенію должно принадлежать педагогическому совѣту училища.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразования Владиміро-Волынскаго городского училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ сіе послѣднее, для употребленія по назначенію.

13. (12-го марта 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени вдовы Новгородскаго купца Вильгельмины Феодоровны Бергъ при Новгородской гимназіи.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *десяти рублей*, пожертвованнаго дѣтьми вдовы новгородскаго купца Бергъ, учреждается при Новгородской гимназіи одна стипендія имени Вильгельмины Феодоровны Бергъ.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ 4⁰/₁₀₀ государственной рентѣ, хранится въ Новгородскомъ губернскомъ казначействѣ въ специальныхъ средствахъ гимназіи, составляя собственность гимназіи и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Выборъ стипендіата изъ воспитанниковъ старшихъ классовъ, занимающихся съ пансіонерами младшихъ классовъ, зависитъ отъ педагогическаго совѣта названной гимназіи.

§ 4. Могушіе образоваться почему-либо остатки отъ процентовъ причисляются къ основному капиталу.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

14. (29-го марта 1898 года). *Положеніе о стипендіяхъ въ ознаменованіе Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Феодоровны при Полтавскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ по положенію 31-го мая 1872 года.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 21-го марта 1898 года, въ ознаменованіе Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Феодоровны учреждаются при Полтавскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ двѣ стипендіи Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ на средства, отпускаемые для сего ежегодно Полтавскимъ мѣщанскимъ обществомъ.

§ 2. Означенныя стипендіи употребляются на взносъ платы за ученіе двухъ учащихся въ названномъ училищѣ, въ установленномъ размѣрѣ.

§ 3. Стипендіаты избираются Полтавскимъ мѣщанскимъ обществомъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ сему обществу.

§ 4. Стипендіаты могутъ быть по постановленію педагогическаго совѣта училища лишены стипендій въ томъ случаѣ, если поведеніе ихъ будетъ оцѣнено балломъ менѣе четырехъ.

§ 5. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 6. Въ случаѣ закрытія Полтавскаго городского училища, стипендіи выдаются ученикамъ того учебнаго заведенія, которое будетъ открыто въ Полтавѣ взаимѣнъ существующаго городского училища.

15. (22-го мая 1898 года). *Положеніе о стипендіи Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Теодоровны при Островской Александровской женской прогимназіи.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 22-го января 1898 г., учреждается одна стипендія при Островской Александровской женской прогимназіи, въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, съ наименованіемъ таковой стипендіей Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Теодоровны, для чего вносится ежегодно въ смѣту городскихъ расходовъ *тридцать пять* рублей.

§ 2. Изъ суммы 35 руб. вносится прежде всего плата за ученіе, а остальная сумма предназначается на покупку книгъ и другихъ учебныхъ пособій стипендіаткѣ.

§ 3. Право выбора стипендіатки принадлежитъ городской думѣ.

§ 4. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ означенной стипендіи, обращаются на образованіе особаго капитала на выдачу пособія другимъ ученицамъ, по постановленію думы.

§ 5. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 6. Въ случаѣ закрытія или преобразования Островской Александровской женской прогимназіи въ какое либо другое учебное заведеніе, дальнѣйшая уплата означенной суммы на стипендію будетъ зависѣть отъ постановленія думы.

16. (22-го мая 1898 года). *Положеніе о стипендіяхъ Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны при Островскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ по положенію 31-го мая 1872 года.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 22-го января 1898 г., учреждаются двѣ стипендіи при Островскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, съ наименованіемъ таковыхъ „стипендіями Имени Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны“, для чего вносится ежегодно въ смѣту городскихъ расходовъ по *восемнадцати* руб. на каждую стипендію, а всего *тридцать шесть* рублей.

§ 2. Изъ суммы 18 рублей уплачивается прежде всего за право ученія стипендіатовъ, а остальная сумма предназначается на покупку книгъ и другихъ учебныхъ пособій.

§ 3. Право выбора стипендіатовъ принадлежитъ городской думѣ.

§ 4. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ остатки отъ означенныхъ стипендій обращаются на образованіе особаго капитала на выдачу пособія другимъ ученикамъ, по постановленію думы.

§ 5. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 6. Въ случаѣ закрытія или преобразованія Островскаго городского училища въ какое либо другое учебное заведеніе, дальнѣйшая уплата означенной суммы на стипендіи будетъ зависѣть отъ постановленія думы.

§ 17. (23-го мая 1898 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени потомственнаго почетнаго граждаина Николая Ивановича Тюменева при Рыбинскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ по положенію 31-го мая 1872 года.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5 декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, при Рыбинскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ учреждаются стипендіи имени потомственнаго почетнаго

гражданина Николая Іоновича Тюменева на счетъ процентовъ съ капитала въ *три тысячи руб.*, пожертвованнаго имъ съ этою цѣлю.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ названнаго училища, составляя его собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ суммы, подлежащей по закону 20 мая 1885 года поступленію въ казну, назначаются въ плату за ученіе столькихъ учениковъ Рыбинскаго городскаго училища, изъ дѣтей жителей гор. Рыбинска, сколько возможно по количеству процентныхъ денегъ и размѣру платы за ученіе.

§ 4. Право выбора стипендіатовъ, а равно и лишеніе ихъ стипендій при малоуспѣшности и неодобрительномъ поведеніи, предоставляется педагогическому совѣту училища.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала причисляются къ капиталу для увеличенія его.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 7. Въ случаѣ закрытія или преобразованія Рыбинскаго городскаго трехкласснаго училища въ какое либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее для употребленія по назначенію.

18. (22-го іюня 1898 г.). *Положеніе о стипендіяхъ потомственному почетному гражданину Василія Івановича Θεолого при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала 75.000 руб., пожертвованнаго по духовному завѣщанію умершаго потомственнаго почетнаго гражданина Θεолого, утвержденному Симферопольскимъ окружнымъ судомъ, учреждаются при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ шесть стипендій имени жертвователя.

§ 2. Стипендіатами могутъ быть молодые люди православнаго вѣроисповѣданія всѣхъ сословій, изъ грековъ, великороссовъ и малороссовъ, обучавшіеся и окончившіе курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Таврической губ., преимущественно же въ Симферопольской и Керченской гимназіяхъ.

§ 3. Право избранія стипендіатовъ предоставляется, на общемъ основаніи, правленію университета.

§ 4. Избраннымъ стипендіатамъ назначаются стипендіи каждому въ теченіе четырехъ лѣтъ по 400 руб. въ годъ, а по окончаніи курса на пятый годъ назначаются пособія этимъ стипендіатамъ тоже по 400 руб. каждому, съ выдачею таковыхъ пособій въ два срока, а именно на проѣздъ по окончаніи курса для присканія мѣста по 200 руб. каждому и на обзаведеніе, по опредѣленіи на мѣсто, по 200 руб. не ранѣе впрочемъ какъ чрезъ полгода по выдачѣ первыхъ двудесять рублей. Такимъ образомъ каждая стипендія ежегодно должна быть рассчитана въ пятьсотъ руб., изъ коихъ на содержаніе стипендіатовъ выдавалось бы въ годъ по 400 руб. каждому, а остатокъ отъ каждаго года въ сто руб. оставяеть на выдачу пособій по окончаніи курса, что и составитъ потребную для сего сумму по 400 руб. для каждаго.

§ 5. Пользованіе стипендіями Θεолога не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 6. Избраннымъ стипендіатамъ стипендіи выдаются за вычетомъ 5% государственнаго налога.

§ 7. Не израсходованные проценты съ стипендіальнаго капитала должны быть обращены въ процентныя бумаги для увеличенія капитала и учрежденія новыхъ стипендій имени жертвователя.

§ 8. Во всемъ остальномъ, означенныя стипендіи подчиняются правиламъ на сей предметъ установленнымъ, или имѣющимъ быть установленными.

19. (22-го іюня 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени дворянина Леонарда Михайловича Янковскаго при Императорскомъ университетѣ Св. Владимира.*

(Утверждено г. исправляющимъ обязанности товарища министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. Дворянинъ Кіевской губ. Леонардъ Михайловичъ Янковскій, въ память исполнившагося пятидесятилѣтія со дня окончанія имъ въ 1848 г. курса наукъ въ Императорскомъ университетѣ Св. Владимира, пожертвовалъ сему университету капиталъ въ семь тысячъ рублей для учрежденія при университетѣ одной стипендіи имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся нынѣ въ семи свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, по 1.000 руб. каждаго, со-

ставляетъ собственность университета и хранится въ Киевскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ фондомъ для означенной стипендіи.

§ 3. Годовой размѣръ стипендіи опредѣляется количествомъ процентныхъ денегъ, ежегодно получаемыхъ съ стипендіальнаго капитала, по вычетѣ изъ нихъ государственнаго налога.

§ 4. Стипендіатами имени Леонарда Михайловича Янковскаго могутъ быть только студенты университета Св. Владимира польскаго происхожденія, римско-католическаго вѣроисповѣданія, безъ различія сословій, отличнаго поведенія и хорошихъ успѣховъ въ наукахъ, по избранію учредителя стипендіи или его преемника и съ утвержденія г. попечителя округа.

§ 5. Послѣ смерти Леонарда Михайловича Янковскаго обязанность представлять кандидатовъ въ стипендіаты, сохраняясь въ родѣ Янковскихъ, прежде всего переходить къ брату учредителя Юліану Михайловичу Янковскому, а впослѣдствіи по преемству къ главному наслѣднику, причѣмъ имѣющій право назначать стипендіата самъ при жизни указываетъ своего преемника; въ противномъ-же случаѣ избраніе стипендіата производится правленіемъ университета.

§ 6. Стипендіаты имени Л. М. Янковскаго относительно своихъ научныхъ занятій подчиняются правиламъ, установленнымъ для стипендіатовъ министерства народнаго просвѣщенія.

§ 7. Стипендіаты лишаются права пользованія стипендіей въ случаѣ выгнана изъ университета или неуспѣшности въ научныхъ занятіяхъ, если нѣтъ къ тому особыхъ уважительныхъ причинъ, засвидѣтельствованныхъ надлежащимъ начальствомъ.

§ 8. Остатки, могущіе образоваться отъ временнаго незамѣщенія стипендіи, должны быть выдаваемы въ единовременное пособіе тѣмъ стипендіатамъ, которые съ настоящею стипендіею оканчиваютъ курсъ университета.

20. (6-го іюля 1898 года). *Положеніе о стипендіи при Комисаровскомъ техническомъ училищѣ вспомогательнаго общества купеческихъ приказчиковъ въ Москвѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ память восшествія на престолъ Государя Императора Николая Александровича, учреждается одна стипендія при Комисаровскомъ техническомъ училищѣ въ Москвѣ на счетъ процентовъ съ

капитала въ *девять тысячъ семьсотъ* рублей, пожертвованнаго для этой цѣли мѣстнымъ вспомогательнымъ обществомъ купеческихъ приказчиковъ.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты за №№ 1593/162 с., 1804/66 с., 919/с. 51, 214/с. 58, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на плату за ученіе стипендіата, а остатокъ, если таковой будетъ за время нахождения стипендіата въ училищѣ, по окончаніи послѣднимъ полного курса ученія, выдается ему на руки на первоначальное обзаведеніе; если же стипендіатъ не окончитъ полного курса, то этотъ остатокъ причисляется къ стипендіальному капиталу.

§ 4. Право избранія стипендіата предоставляется обществу купеческихъ приказчиковъ въ Москвѣ.

§ 5. Могущій образоваться, вслѣдствіе незамѣщенія стипендіи, остатокъ отъ % причисляется къ капиталу для увеличенія стипендіи, на случай повышенія платы за ученіе въ названномъ училищѣ.

§ 6. Въ случаѣ преобразованія Комисаровскаго техническаго училища въ другое однородное учебное заведеніе, стипендія остается при этомъ послѣднемъ.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

21. (9-го іюля 1898 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени потомственной почетнаго гражданина кандидата коммерціи Николая Іосифовича Шарвина при Архангельскомъ Императора Петра I низшемъ механико-техническомъ училищѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячю пятьсотъ* рублей, собраннаго по подпискѣ между служащими въ товариществѣ Бѣломорскихъ лѣсопильныхъ заводовъ подъ фирмою Н. Русановъ-сынъ, въ ознаменованіе полезной двадцатипятилѣтней дѣятельности директора-распорядителя упомянутаго общества Николая Іосифовича Шарвина, учреждаются при Архангельскомъ Императора Петра I низшемъ механико-техническомъ училищѣ двѣ стипендіи имени

потомственнаго почетнаго гражданина кандидата коммерціи Николая Іосифовича Шарвина.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, составляя неотъемлемую собственность Архангельскаго Императора Петра I низшаго механико-техническаго училища, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ. Въ случаѣ выхода въ тиражъ какого-либо изъ упомянутыхъ свидѣтельствъ, взаменъ его приобрѣтается другая государственная или правительствомъ гарантированная процентная бумага.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе избранныхъ стипендіатовъ.

§ 4. Право избранія стипендіатовъ принадлежитъ пожизненно Николаю Іосифовичу Шарвину, а затѣмъ право назначенія переходитъ къ педагогическому совѣту училища.

§ 5. Стипендіи имени Николая Іосифовича Шарвина предназначаются для бѣдныхъ учениковъ Архангельскаго Императора Петра I низшаго механико-техническаго училища, безъ различія сословій и вѣроисповѣданій, но имѣющихъ хорошее поведеніе и происходящихъ отъ лицъ, служащихъ въ товариществѣ Бѣломорскихъ лѣсопильныхъ заводовъ подъ фирмою Н. Русановъ-сынъ.

§ 6. Если не найдется стипендіатовъ, удовлетворяющихъ требованіямъ параграфа 5-го, то въ стипендіаты могутъ быть избираемы и другіе ученики училища Императора Петра I, но съ соблюденіемъ условій § 4.

§ 7. Могущіе образоваться почему либо въ наличныхъ деньгахъ остатки выдаются стипендіатамъ на бѣлье, обувь, одежду, учебныя пособія и покупку инструментовъ при окончаніи курса.

§ 8. Въ случаѣ преобразования Архангельскаго Императора Петра I низшаго механико-техническаго училища въ другое однородное учебное заведеніе, капиталъ передается въ послѣднее съ тѣмъ же назначеніемъ.

§ 9. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

Министерствомъ народнаго просвѣщенія учреждена при ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія на средства домовладѣльца г. Гельсингфорса Н. Т. Рѣзваго премія въ *восемьсотъ* руб. за лучшую исторію Финляндіи на русскомъ языкѣ, на основаніи напечатанныхъ ниже подробныхъ правилъ о конкурсѣ на соисканіе означенной преміи.

Срокомъ на представленіе въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія конкурсныхъ сочиненій было назначено 31-го декабря 1897 года; между тѣмъ къ указанному сроку было представлено лишь одно сочиненіе, которое ученымъ комитетомъ не удостоено преміи Н. Т. Рѣзваго.

Вслѣдствіе сего ученый комитетъ призналъ нужнымъ вновь сдѣлать вызовъ соискателей означенной преміи съ назначеніемъ новаго срока для представленія въ названный комитетъ конкурсныхъ сочиненій на 31-е декабря 1899 года.

Объ этомъ департаментъ народнаго просвѣщенія, по приказанію г. управляющаго министерствомъ, объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе.

Правила о конкурсѣ на соисканіе преміи Н. Т. Рѣзваго за лучшую „Исторію Финляндіи для школъ“.

§ 1. Въ видахъ распространенія правильныхъ историческихъ свѣдѣній о прошлыхъ судьбахъ Финляндскаго края, съ разрѣшенія господина министра народнаго просвѣщенія, по желанію и на средства домовладѣльца г. Гельсингфорса Николая Тимоѣевича Рѣзваго, при ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія назначается единовременная денежная премія въ *восемьсотъ* рублей за лучшую исторію Финляндіи для школъ на русскомъ языкѣ.

§ 2. Дабы удостоиться преміи Н. Т. Рѣзваго, означенное сочиненіе должно удовлетворять, между прочимъ, слѣдующимъ условіямъ:

а) Исторія Финляндіи должна быть изложена отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени.

б) Въ сочиненіи съ особенною подробностію должны быть изложены судьбы православной вѣры въ Финляндіи и событія, касающіяся сношеній съ Финляндіею сѣверно-русскихъ областей въ древнѣйшее время и распространенія въ Финляндіи русской власти въ позднѣйшія времена, и

в) Сочиненіе должно представлять собою не учебникъ, а книгу для чтенія въ школахъ и дома; книга эта должна быть изложена по-русски общепонятнымъ языкомъ такъ, чтобы она могла быть доступна для чтенія учащимся не только въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и въ старшихъ отдѣленіяхъ народныхъ школъ.

§ 3. Сочиненія для соисканія означенной преміи представляются въ ученый комитетъ не позднѣе 31-го декабря 1899 года въ печатномъ видѣ; или же въ рукописи, при чемъ рукопись должна быть написана опрятно и разборчиво.

§ 4. Сочиненіе, какъ печатное, такъ и рукописное, можетъ быть представлено безъ означенія имени автора подъ какимъ-либо девизомъ и съ приложеніемъ запечатаннаго пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣсто жительства.

§ 5. Въ случаѣ одобренія сочиненія, представленнаго въ рукописи, на автора возлагается обязанность прежде полученія преміи представить свой трудъ напечатаннымъ. Впрочемъ, въ видѣ пособія на печатаніе, половина преміи, то-есть 400 руб., можетъ быть выдана автору до появленія его труда въ печати.

§ 6. Для разсмотрѣнія представленныхъ на соисканіе преміи сочиненій ученый комитетъ назначаетъ изъ числа своихъ членовъ и постороннихъ, буде понадобится, лицъ особую комиссію, предсѣдатель и члены которой утверждаются министромъ народнаго просвѣщенія. По разсмотрѣніи сихъ сочиненій и по обсужденіи ихъ достоинствъ, заключеніе свое касательно присужденія преміи означенная комиссія представляетъ на разсмотрѣніе ученаго комитета, опредѣленіе котораго по сему предмету представляется на утвержденіе господина министра народнаго просвѣщенія.

§ 7. На разсмотрѣніе сочиненій въ комиссіи полагается не болѣе трехъ мѣсяцевъ, ученый же комитетъ свое о нихъ заключеніе представляетъ г. министру народнаго просвѣщенія въ теченіе мѣсячнаго за тѣмъ срокомъ.

§ 8. О результатахъ конкурса печатается во всеобщее свѣдѣніе въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* и въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, подробная же рецензія сочиненія, удостоеннаго преміи Н. Т. Рѣзваго, вслѣдъ за тѣмъ печатается въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*.

§ 9. Въ случаѣ, если бы ни одно изъ сочиненій, представленныхъ къ вышеозначенному въ ст. 3-й сроку (31-го декабря 1899 г.) не было удостоено преміи Н. Т. Рѣзваго, соисканіе оной отсрочивается на дальнѣйшее время по указанію ученаго комитета, который, въ случаѣ усмотрѣнной имъ надобности, можетъ съ тѣмъ вмѣстѣ дать болѣе подробныя указанія относительно условій, коимъ подобное сочиненіе должно удовлетворять.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. временно-исполняющимъ обязанности товарища министра, постановлено:

— Книги: 1) „Учебникъ латинской этимологіи съ хрестоматіей, вокабуляріемъ и словаремъ. Курсъ II класса гимназій. Составилъ, сообразно съ программю 1890 года, *М. Быстровъ*, преподаватель Вологодской гимназій. С.-Пб. 1897. VIII+258+131. 1 р. 10 коп.— 2) Учебникъ латинской этимологіи. Приложенія (хрестоматія и вокабулярій для третьяго класса гимназій и указатель мѣстъ, заимствованныхъ въ хрестоматіи изъ классическихкихъ авторовъ). Составилъ, сообразно съ программю 1890 года, *М. Быстровъ*. С.-Пб. 1897. 78+32. 35 коп.“—одобрить первую какъ учебное руководство для мужскихъ гимназій и прогимназій, а вторую какъ учебное пособие для тѣхъ же учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Пособія къ чтенію греческихъ и латинскихъ авторовъ, издаваемые по Крафту и Ранке, подъ редакцію Г. Данненберга и В. Срѣтенскаго. Выпускъ 2-й. *C. Iulii Caesaris de bello Gallico liber III*. Обработалъ *В. Феттерлейнъ*, преподаватель Рижской городской гимназій. Рига. Изданіе Н. Киммеля. 1898. 48. 30 коп.“—допустить въ качествѣ учебнаго пособия для мужскихъ гимназій и прогимназій.

— Книжку: „*Тревортъ-Бетти*. Во льдахъ и снѣгахъ. (Путешествіе на островъ Колгуевъ). Переводъ съ англійскаго *А. Филиттова*. (Съ 13 рисунками и картою). С.-Пб. 1897. (Полезная бібліотека. Ежемѣсячное приложеніе къ журналу „Природа и люди“. Книга 10-я, за августъ 1897 г.). Стр. 212. Цѣна не обозначена“,—одобрить для ученическихкихъ бібліотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихкихъ училищъ, а также для городскихкихъ бесплатныхъ народныхкихъ читаленъ и бібліотекъ.

— Книгу: „Краткій учебникъ зоологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ по новой программѣ министерства народнаго просвѣщенія для реальныхъ училищъ *А. Мялицынъ*. Преподаватель С.-Пб. учительскаго института, реального училища Я. Г. Гуревича и женской гимназій Э. П. Шаффе. Съ 180 рисунками. С.-Пб. 1898.

7+208. 90 коп.“—допустить къ употребленію въ качествѣ руковод-
ства въ реальныхъ училищахъ и учительскихъ институтахъ.

— Книжки, подъ общимъ заглавіемъ: „Жизнь замѣчательныхъ
людей. Біографическая бібліотека Ф. Павленкова: 1) А. Д. Канте-
миръ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ
Р. И. Сементковскаго. Съ портретомъ Кантемира, гравированнымъ
въ Лейпцигѣ Геданомъ. С.-Пб. 1893. 96. 25 коп. — 2) П. А. Оедо-
товъ. Его жизнь и художественная дѣятельность. Біографическій
очеркъ *Л. К. Дитерихсса*. Съ портретомъ Оедотова и 15-ю снимками
съ его произведеній. С.-Пб. 1893. 78. 25 коп.“—допустить первую
въ ученическія, средняго и старшаго возраста, бібліотеки среднихъ
учебныхъ заведеній, въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ и
въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни, а вторую—въ без-
платныя народныя бібліотеки и читальни.

— Периодическое изданіе: „Русская школа. Общенадагогическій
журналъ для школы и семьи, издаваемый ежемѣсячно подъ редакціей
Я. Г. Гуревича. С.-Пб. 7-й годъ изданія, 1896. Январь по декабрь.
(№№ 1—12, въ десяти книжкахъ). 8-й годъ изданія, 1897. Январь
по декабрь. (№№ 1—12, въ девяти книжкахъ)“,—одобрить для фун-
даментальныхъ бібліотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и учи-
тельскихъ институтовъ, а равно и для учительскихъ бібліотекъ го-
родскихъ училищъ.

— Книгу: „*С. Е. Кедринъ*. Русскій воинъ. М. 1898. Стр. VIII
ненумерованныхъ+336. Цѣна 1 руб. 25 коп.“—допустить въ уче-
ническія бібліотеки, младшаго и средняго возраста, среднихъ учеб-
ныхъ заведеній, а также городскихъ училищъ и учительскихъ се-
минарій.

— Книгу: „Мои воспоминанія. Академика *Ө. И. Буслаева*. Съ
портретомъ автора. Изданіе В. Г. фонъ-Бооля. М. 1897. VIII+387.
1 руб. 50 коп.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и учениче-
скихъ, старшаго возраста, бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній,
для бібліотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, а также и
для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и бібліотекъ.

— Изданіе: „Родословная таблица домовъ Рюрика и нынѣ цар-
ствующаго Романовыхъ въ связи между собою и съ показаніемъ кня-
жескихъ фамилій, ведущихъ родъ свой отъ Рюрика. *Г. Мещеритовъ*.
Казань. 1898. Цѣна 40 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ би-
бліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. временно-исполняющимъ обязанности товарища министра, постановлено:

— Брошюрку: „*П. Мамаевъ. Полезныя и вредныя для человѣка животныя. I. Хомякъ, ласка, ежъ и кротъ. Изданіе 2-е, К. И. Тихомирова. М. 1898. 31. 7 коп.*“ — допустить въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Брошюры, составленныя *Н. Н. Шелонскимъ* и изданныя А. Я. Панафидинымъ: 1) „Русское царство. Привольныя мѣста русской земли, великая рѣка Амуръ и Амурскій край. М. 1897. 29. 10 коп.“.— 2) „Золотая Сибирь. Что такое золото, гдѣ и какъ его добываютъ. М. 1898. 31. 10 коп.“ — допустить въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Сочиненіе: „Сквозь мракъ къ свѣту, или на разсвѣтѣ христіанства. (Повѣсть изъ временъ Нероновскаго гоненія на христіанъ). *Ф. В. Фаррара*, въ изложеніи, съ англійскаго подлинника, *Ф. Воліна*. С.-Пб. 1897. Часть I, стр. 120; часть II, стр. 106. („Книжки иллюстрированнаго журнала „Русскій Паломникъ“ на 1897 годъ, VI и VII“) — допустить въ ученическія, старшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Иллюстрированный выпускъ: „Въ память франко-русскаго союза. Стр. 20. (Приложеніе къ журналу „Русскій Паломникъ“ 1897 года. Книжка X-я). Цѣна 1 р.“ — допустить въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Брошюры и книжки, издаванныя редакціею журнала „Досугъ и Дѣло“: 1) „Подвиги Кавказской арміи. С.-Пб. 1897. Стр. 35“. — 2) „Жизнь за царя. Историческій разказъ. С.-Пб. 1898. Стр. 33“. — 3) „Графъ Михайлъ Андреевичъ Милорадовичъ. С.-Пб. 1895. Стр. 16“. — 4) „Михайлъ Дмитріевичъ Скобелевъ. С.-Пб. 1882. Стр. 50“. — 5) „На Балканахъ. Военный эпизодъ. (*А Катенкампа*). Изданіе 2-е. С.-Пб. 1898. Стр. 35“. — 6) „Насѣкомыя. Бабочки или чешуекрылыя. Съ ри-

сунками. С.-Пб. 1897. Стр. 72^а. — допустить въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книжки, составленныя *С. И. Шогорь-Троцкимъ*: 1) „Методика ариметики. Часть I, для учителей одноклассныхъ начальныхъ школъ. Изданіе 5-е, вновь переработанное и существенно дополненное. С.-Пб. 1898. VII+243. 80 коп.“.—2) „Ариметическій задачникъ для учениковъ. Вып. I (для одноклассныхъ начальныхъ школъ). Изданіе 5-е, пересмотрѣнное. С.-Пб. 1898. II+116. 20 коп.“—3) „Ариметическій задачникъ для учителей начальныхъ школъ. Вып. I (для одноклассныхъ школъ). Изданіе 3-е, печатанное безъ измѣненій со 2-го, исправленнаго и дополненнаго. С.-Пб. 1898. XVIII+164. 40 коп.“ — первую одобрить, въ качествѣ учебнаго руководства, для учительскихъ институтовъ и семинарій и допустить въ учительскія бібліотеки народныхъ училищъ; вторую одобрить, въ качествѣ учебнаго пособия, для употребленія въ начальныхъ училищахъ, и третью допустить въ учительскія бібліотеки тѣхъ же училищъ.

— Брошюрку: „О заразныхъ болѣзняхъ. Общепонятное наставленіе преимущественно для сельскихъ жителей. Составилъ врачъ *Ф. Лавровъ*. Изданіе *К. И. Тихомирова*. М. 1897. 49. 6 коп.“ — одобрить для бібліотекъ сельскихъ школъ, для бесплатныхъ народныхъ бібліотекъ и читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книжку: „Зимнія сумерки. Разказы, сказки и стихотворенія *А. А. Федорова-Давыдова*. Съ рисунками художниковъ *Аеанасьева*, *Литвиненко*, *Румянцева*, *Рамазановой* и *Николаева*. М. 1898. (Библіотека „Дѣтскаго Чтенія“). 89. 35 коп.“ — допустить въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ и въ таковыя же, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюрку: „О землетрясеніяхъ и горахъ огнедышащихъ. Чтеніе для народа. составленное *С. Ф. Липченко*. Изданіе 2-е. С.-Пб. Изданіе товарищества „Общественная Польза“. 1889. 84. 10 коп.“ — допустить въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу: „*А. В. Крульовъ*. Разныя разказы для дѣтей школьнаго возраста. (2-е изданіе книги „Подарокъ на елку“). Съ рисунками. Москва. Изданіе *М. В. Ключкина*. 143. 1 р.“ — одобрить для ученическихъ, младшаго возраста, бібліотекъ среднихъ учебныхъ за-

веденій, для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ библіотекъ и читальнъ.

— Книжку: „*Крицкій*, подполк. Полная справочная книжка для молодыхъ людей при отбываніи ими воинской повинности по жеребью и на правахъ вольноопредѣляющихся, а также для отбывшихъ уже воинскую повинность и желающихъ поступить на службу охотниками“—допустить въ библіотеки среднихъ и низшихъ мужскихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: „Новый Свѣтъ (Америка) *Е. Радаковой*. Харьковъ. 1897. Изданіе Харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности. № 43. 128. 5 коп.“—допустить для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюрку: „Святочные разказы *Н. И. Помякова*. X. На волоскѣ. С.-Пб. 1898. 16. 5 коп.“—допустить въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: „*В. Колокольникова*. Кавказъ. Изданіе А. Я. Панафидина. М. 1898. 80. 15 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книжку: „Амуръ (природа и люди Амурскаго края). *Ф. Волына*. Съ 17-ю рисунками, 2-мя портретами и картой Амура. С.-Пб. 1896. („Полезная библіотека“. Изданіе П. П. Сойкина). 144. 50 коп.“—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „И все это правда! Умъ и нравы животныхъ. Сборникъ разказовъ *П. Дружбина*. Съ рисунками Ф. Шпехта, С. Животовскаго и др. Изданіе А. Ф. Девріена. Стр. 261. Цѣна не обозначена“—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для бесплатныхъ народныхъ библіотекъ и читальнъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Учебникъ: „Задачникъ для начальныхъ народныхъ училищъ. Сборникъ простѣйшихъ ариметическихъ задачъ и предварительныя упражненія, служащія для изученія чиселъ до 100 и дѣйствій надъ ними. Составилъ *В. Воленсъ*. Изданіе 6-е. М. 1896. 43. 10 коп.“—допустить къ употребленію, въ качествѣ учебнаго пособия, въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіемъ отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ его превосходительствомъ г. временно-исправляющимъ обязанности товарища министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Брошюру *Н. К. Кабардина: „Пчеловодная азбука“*, Москва, 1898 годъ, стр. IV+106, цѣна 20 коп. — одобрить для библіотекъ начальныхъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ, а равно допустить ее въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

КЪ ВОПРОСУ О СТЕПЕНИ ДОСТОВѢРНОСТИ ПЕРЕПИСНЫХЪ КНИГЪ ¹⁾.

Не подлежитъ сомнѣнiю, что очень важно и въ то-же время интересно дать себѣ отчетъ въ томъ, какъ мы должны относиться къ даннымъ переписныхъ книгъ: заслуживаютъ-ли они довѣрiя, или нѣтъ? Но чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ вполне удовлетворительно, нужно изучить громадное количество рукописнаго матеріала: нужно, по крайней мѣрѣ, прочитать всѣ переписныя книги и основательно познакомиться съ документами Помѣстнаго приказа, хранящимися въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Само собой разумѣется, что я не могъ произвести этой грандіозной работы, и поэтому не смѣю задаваться гордой цѣлью дать вполне удовлетворительный отвѣтъ на поставленный выше вопросъ. Цѣль моя—очень скромная: она заключается въ томъ, чтобы представить вниманiю ученой публики нѣсколько соображенiй, явившихся у меня, какъ результатъ знакомства съ небольшимъ количествомъ документовъ, частью найденныхъ мною самимъ въ архивѣ министерства юстиціи, частью указанныхъ мнѣ многоуважаемымъ вице-предсѣдателемъ Московской археографической комиссіи В. И. Холмогоровымъ и чиновникомъ названнаго архива П. И. Ивановымъ.

Моя соображенiя касаются главнымъ образомъ существеннаго, на мой взглядъ, вопроса объ отношенiи переписныхъ книгъ къ „сказкамъ“.

Извѣстно, что переписчики, прiѣхавъ на мѣсто, должны были отобрать у населенiя, подлежавшаго переписи, „сказки“ и затѣмъ

¹⁾ Рефератъ, читанный въ Московской археографической комиссіи 12-го марта 1898 года.

тщательно провѣрить ихъ, или, по выраженію одного документа, „дворы и во дворехъ людей *досмотрѣть* и переписать *самимъ на лицо*, чтобы все было вѣрно“ ¹⁾.

Итакъ, на переписчикахъ лежала хлопотливая, тяжелая обязанность — объѣхать весь уѣздъ, заглянуть въ каждую деревушку, побывать въ каждомъ починкѣ и посредствомъ личнаго осмотра и опроса убѣдиться, правильно-ли составлена „сказка“, или нѣтъ, и если неправильно, то исправить замѣченные ошибки. Отъ добросовѣстнаго исполненія этой обязанности зависѣли цѣнность и полнота полученнаго переписнаго матеріала.

Посмотримъ-же, насколько тщательно переписчики XVII столѣтія производили свою работу.

Въ 1646—1648 гг., въ Московскомъ государствѣ, какъ извѣстно, была произведена всеобщая перепись: во всѣ уѣзды были отправлены переписчики, на обязанности которыхъ лежало занести въ переписныя книги всѣ села, деревни и починки, дворы въ нихъ и мужское населеніе cadaго двора.

„Въ Кевролу и на Мезень для переписки дворовъ и во дворехъ людей“ были посланы, въ началѣ 1646 г., изъ Новгородской четверти И. Фустовъ и подъячій И. Богдановъ, которые довольно скоро окончили порученную имъ работу, въ томъ-же году пріѣхали въ Москву и подали въ Новгородскую четь составленныя ими переписныя книги „за своими руками“. Но быстро исполненная работа оказалась не совсѣмъ удачною, какъ сознались въ томъ сами переписчики. Въ концѣ 1646 г. они подали царю Алексѣю Михайловичу интересную челобитную, въ которой писали, что, „будучи... въ Кевролѣ и на Мезени, досматривали и писали сами, а *инде писали по сказкамъ*, а въ иныхъ мѣста для *постышенья* онъ, И. Фустовъ, посылалъ подъячево И. Богданова, и чтобы государь ихъ пожаловалъ — велѣлъ имъ тое виду отдать и послать въ Кевролу и на Мезень *для подлинныя переписки опять*“. Какъ видимъ, переписчики, чистосердечно сознавшись въ своей небрежности, смиренно просили государя простить ихъ и позволить вторично произвести перепись. Надо думать, что Алексѣй Михайловичъ „отпустилъ вину“ Фустову и Богданову, такъ какъ они во второй разъ поѣхали въ Кеврольскій и Мезенскій уѣзды для производства переписи, и 3-го марта 1647 г. представили въ Новгород-

¹⁾ М. А. М. Ю. Переп. кн. Кеврольскаго и Мезенскаго уу. 154 и 155 гг. за № 15.054, л. 207.

скую четверть другія, болѣе исправныя переписныя книги ¹⁾). Я успѣлъ сравнить только часть этихъ двухъ переписей, именно описаніе Кеврольскаго стана и трехъ волостей: Верколы, Лавелы и Марьиной горы — и вотъ что оказалось: по переписи 1646 г. въ этихъ мѣстностяхъ значится 307 чел. мужскаго пола, а по даннымъ переписной книги 1647 года тамъ было 391 чел., то-есть переписчики при производствѣ первой переписи не занесли въ свои книги 84 чел. (почти $21\frac{1}{2}\%$ ²⁾).

Это—далеко не единственный случай въ исторіи переписи 1646—1648 гг. Упомянутые выше Фустовъ и Богдановъ сообщаютъ въ своей челобитной любопытное извѣстіе: „А которые... дворяне и подьячіе посланы были для такіе-жъ переписки изъ Помѣснаго приказу, и для поспѣшенья переписывать посылали подьячихъ, а сами были не во встѣхъ мѣстехъ. И по государеву указу тѣхъ дворянъ и подьячихъ для подлиннаго досматру и переписки изъ Помѣснаго приказу посылають въ тѣ-жъ города опять, гдѣ кто напередъ сего былъ посланъ“ ³⁾).

Итакъ, оказывается, что многіе переписчики, посланные въ разныя уѣзды Московскаго государства для производства переписи, исполнили свою работу довольно небрежно, такъ что понадобилось вторично отправить ихъ, чтобы провѣрить на мѣстѣ нѣкоторыя „сказки“. Нѣтъ основанія думать, что Фустовъ и Богдановъ, желая уменьшить свою вину, сочинили это извѣстіе, такъ какъ оно подтверждается данными, находящимися въ переписной книгѣ Московскаго уѣзда 1646—1647 гг. ⁴⁾).

При производствѣ подворной переписи въ этомъ уѣздѣ, повторилось то-же самое, что мы видѣли въ Кеврольскомъ и Мезенскомъ уѣздахъ: посланные въ 1646 г. въ Московскій уѣздъ для переписки дворовъ Иванъ Степановичъ Урусовъ и подьячій Семенъ Несвитаевъ многихъ „сказокъ“ не провѣрили на мѣстѣ, результатомъ чего явилась довольно значительная неточность, такъ что пришлось въ 1647 г.

¹⁾ А. М. Ю. Ibid., лл. 207—209.

²⁾ Ibid., лл. 205 об. и 206, 293—294, 303—304 и 309—310.

³⁾ Ibid., лл. 207 об. и 208.

⁴⁾ Ср. Улож., XI, 24: „Во 154 и во 155 годѣхъ по государеву указу за всякими воччинники и за помѣщики крестьянъ и бобылей переписывали столывики и дворяне Московскіе за крестнымъ цѣлованіемъ; а которые писали не по правдѣ, и въ тѣ мѣста посланы переписывать въ другорядъ, а за неправое писмо переписчикамъ учинено жестокое наказаніе“.

вновь произвести подворную перепись въ тѣхъ мѣстахъ, которыхъ не сочли нужнымъ посѣтить Урусовъ и подьячій Несвятаевъ ¹⁾).

Чтобы дать понятіе о томъ, насколько внимательно отнеслись къ своей работѣ упомянутые переписчики, достаточно сказать, что при перепискѣ дворцовыхъ селъ и деревень они пропустили 678 крестьянъ и бобылей ²⁾).

Хотя это и выходитъ за предѣлы моего реферата, но я всетаки позволю себѣ привести одинъ случай, относящійся къ составленію писцовыхъ книгъ въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія.

Въ 1638 г. подьячій Новгородской чети Андрей Галкинъ, желая попасть въ дьяки, подалъ на имя государя челобитную, въ которой писалъ, между прочимъ: „По твоему государеву указу посланъ былъ я, холопь твой, въ Арзамасъ съ Васильемъ Яновымъ для сыску и своаки арзамаскіе бѣглые Мордвы и бортниковъ; и арзамаскую, государь, бѣглую Мордву и бортниковъ въ розныхъ во многихъ городѣхъ за Казанью и за Тетюшами на стѣняхъ и на дикихъ поляхъ и на черныхъ лѣсахъ сыскали и свезли я (sic) за всякихъ людей въ старья ихъ деревни и на жеребья и дворы мордовскіе и бортничьи, которые люди розвезли, тѣми-же людьми свезли и устроили по-прежнему и поруки жилецкія по нихъ поимали, и собрали, государь, арзамаскую Мордву и бортниковъ по писцовымъ книгамъ Тимоея Измайлова съ товарищц ³⁾ сполна и деревни дворами и людьми наполнили всѣ по-прежнему, да сверхъ, государь, писцовыхъ книгъ учинили тебѣ, государю, прибыли—сыскали и свезли арзамаскіе Мордвы и бортниковъ *прописныхъ* (то-есть пропущенныхъ) и захребетниковъ 1.500 человекъ“... ⁴⁾).

Если даже и допустить, что подьячій Галкинъ, желая во всемъ блескѣ выказать свою ревность къ „государеву дѣлу“, нѣсколько прихвастнулъ, все-же надо согласиться, что Измайловъ „съ товарищц“, описывая въ 1621—1623 гг. Арзамасскій уѣздъ, пропустили довольно большое количество Мордвы и бортниковъ.

Приведенные выше факты убѣждаютъ насъ въ томъ, что переписчики обыкновенно объѣзжали далеко не весь уѣздъ, подлежащій переписи, и слѣдовательно провѣряли далеко не всѣ „сказки“.

¹⁾ А. М. Ю. Переп. кн. Московск. у. 1646—1647 гг. за № 9.809, лл. 467 и 768.

²⁾ Ibid., лл. 473 об.—474 и 488—489.

³⁾ Измайловъ описывалъ Арзамасскій у. въ 1621—1623 гг. См. „Опис. док. и бумагъ, хранящ. въ М. А. М. Ю.“, кн. I, pp. 2—3.

⁴⁾ А. М. Ю. Столбцы Владимірскаго стола, 51, л. 299.

Заручившись такимъ выводомъ, обратимся теперь къ сравненію подлинныхъ „сказокъ“ съ переписными книгами.

Мнѣ удалось сравнить около сотни „сказокъ“¹⁾ съ соответствующими мѣстами переписной книги помѣстныхъ и вотчинныхъ земель Московскаго уѣзда, составленной въ 1646 г. уже знакомыми намъ И. Урусовымъ и подьячимъ Несвитаевымъ.

Сравненіе „сказокъ“ съ данными переписной книги прежде всего убѣждаетъ насъ, что показанія многихъ „сказокъ“ отличались неточностью, заслуживали мало довѣрія и нуждались поэтому въ основательной провѣркѣ.

Иногда въ „сказкахъ“ называются *вотчинами* тѣ владѣнія, которыя въ переписной книгѣ именуется *помѣстьями*. Такъ, напримѣръ, въ одной „сказкѣ“ половина деревни Окатьева, принадлежавшая Оедору Наумову, названа „купленной вотчиной“, которая по государеву указу дана была Василью Наумову изъ его же подмосковнаго помѣстья, а въ переписной книгѣ (л. 588 об.) она названа помѣстьемъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, мы, быть можетъ, имѣемъ дѣло съ произволомъ переписчиковъ, а, можетъ быть, такія ошибки — результатъ не злонамѣреннаго искаженія истины, а простаго незнанія со стороны лицъ, составлявшихъ „сказки“, тѣмъ болѣе, что иногда въ „сказкахъ“ именуется помѣстьями владѣнія, названныя въ переписной книгѣ вотчинами. Но уже прямо злонамѣренными должны быть признаны другаго рода ошибки „сказокъ“: мы нерѣдко видимъ, что число дворовъ въ какой-нибудь деревнѣ, или количество сыновей и родственниковъ мужского пола у дворовладѣльца по „сказкѣ“ меньше, чѣмъ по даннымъ переписной книги. Напримѣръ, въ „сказкѣ“ упоминается одинъ только дворъ: „(в) бобылка Манька, а у нее дѣтей: Левка да Оеонка 7 лѣтъ Ермаковы дѣти“, а въ переписной книгѣ — 2 двора (л. 674 об.): „(в) Левка да Оеонка Ермаковы, (в) бобылка-вдова Вѣрка съ дѣтьми съ Савкою да Петрушка 8 лѣтъ“; или:

въ „сказкѣ“:

„(в) Бориско да Ларка да Ивашко Ивановы дѣти Басовы, у Бориска сынъ Наумка 3 лѣтъ“

въ переписной книги (л. 674):

„(в) Бориско да Ларка да Ивашко Ивановы дѣти Басовы, у Бориска дѣти: Наумка 3 лѣтъ, да Онясимко году, у Ларки сынъ Антошка у грудей“.

¹⁾ Всѣ цитируемыя далѣе „сказки“ находятся въ А. М. Ю.: Архивъ III вотчинный, столбцы облеенные по г. Москвѣ, № 272. Документы не перемерены.

Всего въ просмотрѣнных мною „сказках“ пропущено: 1 вдова и 48 человекъ мужскаго пола.

Гораздо чаще наблюдается иное несоотвѣтствие между „сказками“ и переписной книгой: во многихъ „сказках“ называются *бобылями* лица, которыхъ въ переписной книгѣ вы видите въ числѣ *крестьянъ*. Я насчиталъ 100 такихъ случаевъ: въ двухъ случаяхъ лица, въ „сказкѣ“ являющіеся „дѣловыми людьми“, названы въ переписной книгѣ крестьянами, а въ остальныхъ — бобыли „сказокъ“ именуется въ переписной книгѣ крестьянамъ.

Понятно побужденіе, которое заставляло лицъ, принимавшихъ участіе въ составленіи „сказокъ“, называть крестьянъ бобылями: послѣдніе несли менѣе тяжелое тягло, чѣмъ первые; въ извѣстныхъ указахъ, вводившихъ новую окладную единицу — „живущую четъ“, бобыльскій дворъ по налогоспособности приравненъ половинѣ крестьянскаго.

Въ виду сейчасъ отмѣченнаго злоупотребленія едва-ли можно отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ распредѣленію въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ уѣзднаго населенія на разряды, преимущественно на два главныхъ—на крестьянъ и бобылей, иначе говоря—нельзя думать, что, напримѣръ, всѣ лица, названныя бобылями, дѣйствительно были бобылями и названныя „дѣловыми людьми“ дѣйствительно были таковыми: мы уже знаемъ, что вслѣдствіе недобросовѣстности населенія крестьяне нерѣдко попадали въ разрядъ бобылей. Этимъ, мнѣ кажется, нужно объяснять попадающіеся въ писцовыхъ книгахъ отдѣльные случаи, которые рѣзко противорѣчатъ нашему представленію о бобыльствѣ, какъ несостоятельной въ экономическомъ отношеніи группѣ уѣзднаго населенія: иногда мы наталкиваемся въ писцовыхъ книгахъ на указаніе, что бобыль обрабатываетъ 12 четвертей земли въ одномъ полѣ. Вообще на основаніи писцовыхъ книгъ трудно провести разграничительную черту между крестьяниномъ и бобылемъ.

Итакъ, „сказки“ нуждались въ основательной провѣркѣ, потому что населеніе, стараясь избыть „государева тягла“, или нѣсколько облегчить его, давало завѣдомо ложныя показанія: оно утаивало цѣлыя дворы, или нѣкоторыхъ своихъ родственниковъ, называло крестьянъ бобылями, или бобылей „дѣловыми людьми“. Мы уже видѣли, что далеко не всѣ „сказки“ провѣрялись переписчиками. Сравненіе „сказокъ“ съ переписной книгой подтверждаетъ это: значительная часть изъ просмотрѣнных мною „сказокъ“, несомнѣнно, была про-

вѣрена — нельзя только сказать, насколько тщательно; но нѣкоторая часть, несомнѣнно, осталась непровѣренной; кромѣ того, данныя „сказокъ“ переписывались въ книгу на-скоро, небрежно, вслѣдствіе чего появлялись ошибки, иногда довольно курьезныя. Приведу нѣсколько примѣровъ. Въ „сказкѣ“ упомянуть сынъ одного крестьянина *10 недѣль*, а въ переписной книгѣ тому же сыну показано *10 лѣтъ* (л. 634).

Въ „сказкѣ“ мы читаемъ:

...„Село Воскресенское съ деревнями; а въ томъ селѣ въ Воскресенскомъ 2 двора людскихъ, а живутъ въ нихъ люди Федора Ивановича (Шереметева): (в) Шестой Смоленской, а у него человекъ Корнилко Федоровъ 20 лѣтъ, холостъ, да у него жъ, у Шестово, живетъ въ наймехъ Федора Ивановича вымерлова крестьянина Серешкинъ сынъ Миронко деревни Лутошкина, а ему, Миронку, 10 лѣтъ; (в) Федоръ Смоленской“.

Въ переписной книгѣ:

„Село Васильево, во Жданскомъ стану, а Воскресенское тожъ, на рѣчкѣ на Медвѣнкѣ, а въ ней (sic) 2 двора людскихъ: (в) Шестой Смоленской; у него человекъ Корнилко Федоровъ 20 лѣтъ, да наймитъ крестьянской сынъ Миронка Сергѣевъ 10 лѣтъ. Деревня Лутошкино, а въ ней: (в) Федоръ Смоленской“ (л. 599).

Какъ видимъ, выраженіе „сказка“: „деревни Лутошкина“ обратилось въ переписной книгѣ въ деревню Лутошкино—и такимъ образомъ появилась лишняя деревня. Нужно замѣтить, что далѣе (на л. 600) описывается настоящая деревня Лутошкина. Есть случаи, когда переписчики по ошибкѣ, а, можетъ быть, „по недружбѣ“ прибавляли лишніе дворы; такъ, на примѣръ, въ „сказкѣ“ мы читаемъ: „(д) Екимка Михайловъ кузнецъ“, а въ переписной книгѣ мы видимъ уже 2 двора: „(в) Якимко Михайловъ, (в) кузнецъ“ (л. 535). Итакъ, переписная книга разрубилъ Якимку Михайлова пополамъ и каждую половину помѣстала въ отдѣльный дворъ. Или еще: въ переписной книгѣ: „(в) Панко Захаровъ“ (л. 535 об.), а немного раньше: „(в) Петрушка Дмитрѣевъ Заецъ съ зятемъ съ *Панкою Захаровымъ*“ (л. 535). Очевидно, первый дворъ прибавленъ ошибочно; въ „сказкѣ“ его нѣтъ. Не рѣшаюсь сказать, невольная ли это ошибка, или злой умыселъ; замѣчу только, что оба приведенныхъ примѣра относятся къ одному владѣнію—къ помѣстью князя Якова Куденетовича Черкаскаго. Мо-

жетъ быть, переписчики „по недружбѣ“ накнули на него два фиктивныхъ двора.

Иногда мы видимъ, что цѣлые дворы и отдѣльные лица, упомянутые въ „сказкахъ“, отсутствуютъ въ переписной книгѣ. Это можно объяснить либо небрежностью переписчиковъ, либо ихъ недобросовѣстностью. Но мнѣ попалась одна „сказка“, показанія которой такъ рѣзко противорѣчатъ даннымъ переписной книги, что сейчасъ приведенное объясненіе едва-ли годится для этого случая. Описывается владѣніе Владиміра Прокофьевича Ляпунова, названное въ „сказкѣ“ вотчиной, а въ переписной книгѣ—помѣстьемъ. По переписной книгѣ, въ этомъ владѣніи былъ дворъ боярскій, въ которомъ жило двое „дѣловыхъ людей“, и 12 крестьянскихъ дворовъ съ населеніемъ въ 27 душъ мужскаго пола; значить, всего мужскаго населенія переписная книга насчитываетъ 29 человекъ (л. 573). Въ „сказкѣ“ только упоминается боярскій дворъ, но ничего не говорится про живущихъ въ немъ „дѣловыхъ людей“, крестьянскихъ дворовъ перечисляется только 3 и 9 бобыльскихъ—всего 12 дворовъ, какъ и въ переписной книгѣ, но съ мужскимъ населеніемъ не въ 27 человекъ, какъ въ переписной книгѣ, а въ 53. Чѣмъ объяснить эту значительную разницу между „сказкой“ (повидимому, провѣренной) и переписной книгой? Судя по тому, что одиѣ изъ просмотрѣнныхъ мною „сказокъ“ помѣчены февралемъ 1646 года, другія—мартомъ, третьи (большая часть)—апрѣлемъ, попалась даже „сказка“, помѣченная августомъ—судя по этому, „сказки“ подавались переписчикамъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, между подачей „сказокъ“ и провѣркой ихъ долженъ былъ пройти извѣстный періодъ времени, когда могли совершиться различныя перемѣны въ количествѣ и составѣ населенія. Есть основаніе думать, что переписчики при провѣркѣ отмѣчали эти перемѣны. Неужели тѣ 26 человекъ, которыхъ недостаетъ въ переписной книгѣ сравнительно со „сказкой“, успѣли умереть къ тому времени, когда явились переписчики для провѣрки поданныхъ „сказокъ“? Предположить, что нѣкоторые изъ нихъ убѣжали, нельзя, потому что бѣгство всегда отмѣчается переписными книгами.

Я насчиталъ всего 35 крестьянъ и бобылей (въ томъ числѣ 2 вдовы съ 2 сыновьями), упоминаемыхъ въ „сказкахъ“ и отсутствующихъ въ переписной книгѣ. Кромѣ того, данныя нѣкоторыхъ „сказокъ“ почему-то (вѣроятно, по небрежности переписчиковъ) цѣликомъ не попали въ переписную книгу.

Итакъ, часть населенія не попадала въ переписныя книги вслѣдствіе

небрежности и недобросовѣстности переписчиковъ; но часть подверглась той же участи по другой причинѣ.

Мы знаемъ, что правительство предприняло перепись 1646—48 гг. съ тою цѣлью, чтобы закрѣпить за служилыми людьми ихъ крестьянъ и бобылей ¹⁾). Вотъ почему на эти два разряда населенія переписчики обратили особенное вниманіе; вотъ почему въ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворахъ перечисляется *все* мужское населеніе—не только главы семействъ, но и ихъ „братья, дѣти и племянники“. Что касается остальныхъ разрядовъ населенія, то они пользовались меньшимъ вниманіемъ. „Сказки“ не всегда считали нужнымъ отмѣчать, что въ селѣ есть церковь, а возлѣ нея дворы священно- и церковно-служителей; а если они перечисляются, то въ нихъ почти всегда (и въ „сказкахъ“, и въ переписной книгѣ) называется одно лицо—очевидно, глава дома, о его же дѣтяхъ и родственникахъ не говорится ни слова. Напримѣръ, въ селѣ Покровскомъ-Рябовѣ (на р. Яузѣ) перечисляется 16 дворовъ священно- и церковно-служителей, и ни у одного изъ нихъ не показано ни дѣтей, ни братьевъ и другихъ родственниковъ (л. 48 об.—49); нельзя, конечно, думать, что всѣ эти лица поголовно были одинокими или бездѣтными: переписчики просто не обязаны были перечислять всего мужскаго населенія въ ихъ дворахъ. То же самое нужно сказать и относительно „дѣловыхъ людей“. Въ переписной книгѣ вы очень рѣдко наткнетесь на указаніе дѣтей и родственниковъ у „дѣловаго человѣка“; даже не всегда они поименовываются, а иногда употребляется неопредѣленное выраженіе, что во дворѣ какого-нибудь помѣщика или вотчинника „живутъ дѣловые люди“ (въ какомъ количествѣ, неизвѣстно). Въ „сказкахъ“ болшею частью перечисляются дѣти и родственники мужскаго пола, жившіе вмѣстѣ съ „дѣловыми людьми“, а въ переписной книгѣ они опускаются: такъ, напримѣръ, „сказка“, заключающая въ себѣ свѣдѣнія о мужскомъ населеніи вотчины Леонтія Яковлевича Высоцкаго, указываетъ 5 сыновей и 2 пасынковъ „дѣловыхъ людей“, называя ихъ лѣта, а въ переписной книгѣ (л. 656) эти 7 человѣкъ отсутствуютъ.

Я насчиталъ болѣе 42 „дѣловыхъ людей“, ихъ дѣтей и родственниковъ мужскаго пола, упомянутыхъ въ просмотрѣнныхъ мною „сказкахъ“ и опущенныхъ въ переписной книгѣ.

¹⁾ См. *П. Милюкова* „Государственное хозяйство Россіи“ и пр., pp. 71—72; ср. *И. Н. Миклашевскаго* „Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства“, ч. I, p. 48.

Такимъ образомъ, часть мужскаго населенія не попадала въ переписныя книги потому, что при ихъ составленіи преслѣдовалась узко-практическая цѣль.

Считаю излишнимъ сказать нѣсколько словъ о показаніяхъ разбираемой книги, касающихся лѣтъ перечисляемыхъ въ ней лицъ. Эти показанія слѣдуетъ признать совершенно случайными и потому непригодными для какихъ-нибудь общихъ выводовъ: иногда въ переписной книгѣ указываются лѣта всѣхъ членовъ семейства какого-нибудь крестьянина или бобыля, иногда только нѣкоторыхъ, иногда такихъ свѣдѣній совсѣмъ нѣтъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ это зависѣло отъ того, заключались ли подобныя свѣдѣнія въ „сказкахъ“, хотя нерѣдки случаи, что въ „сказкахъ“ показываются лѣта, а въ переписной книгѣ—нѣтъ; очень рѣдко въ переписной книгѣ находятся свѣдѣнія о лѣтахъ, отсутствующи въ „сказкахъ“. Должно быть, подобныя свѣдѣнія переписчики считали несущественными. Чтобы показать значительную зависимость въ этомъ отношеніи нашей переписной книги отъ „сказокъ“, приведу одинъ примѣръ. „Сказка“ о населеніи обширныхъ владѣній боярина Федора Ивановича Шереметева отличается необыкновенной полнотой, точностью и тщательностью: здѣсь перечислено все населеніе—какъ мужское, такъ и женское, причемъ указываются лѣта каждаго лица; на примѣръ, въ деревнѣ Матвѣевской такъ описывается одинъ крестьянскій дворъ: „(в) крестьянинъ Евтнеейко Ивановъ, женатъ на Анюткѣ на Гавриловѣ дочери, а ему, Естнеейку, 80 лѣтъ, а женѣ ево Анюткѣ 70 лѣтъ, а дѣтей у него—4 сына: сынъ Емелька женатъ на Олонкѣ на Трофимовѣ дочери, а ему, Емелькѣ, 35 лѣтъ, а женѣ ево Олонкѣ 25 лѣтъ, а дѣтей у него, у Емельки, 2 дочери: дочь Ненилка 3 лѣтъ да дочь Василиска 2 лѣтъ, да сынъ Ивашко женатъ на Татьянкѣ на Остаевѣвѣ дочери, а ему, Ивашку, 26 лѣтъ, а женѣ ево Татьянкѣ 20 лѣтъ, а дѣтей у него, Ивашка, дочь Огрооенка 2 лѣтъ, да сынъ Назарко 14 лѣтъ, да сынъ Мелощка 10 лѣтъ“. Всего 11 человекъ въ одномъ дворѣ. Само собой разумѣется, что въ переписной книгѣ всѣ лица женскаго пола опущены, но за то всѣ свѣдѣнія о лицахъ мужскаго пола сохранены: даже указаны лѣта вдовъ и главъ семейства, чего обыкновенно нѣтъ въ нашей книгѣ; на примѣръ: „(в) вдова Маврутка 50 лѣтъ Савельевская жена, сынъ ея Ивашко Савельевъ сынъ Гуляевъ 20 лѣтъ; (в) Ротка Прокоovieвъ 75 лѣтъ, дѣтей у него: Якимко 28 лѣтъ, сынъ Оска 25 лѣтъ, да сынъ Оетка 20 лѣтъ, да сынъ Панка 15 лѣтъ, да у Якимка сынъ Еремка 3 лѣтъ“ и т. д.

(л. 599 об.). Про сына одного крестьянина сказано даже, что онъ „увѣченъ черною болѣзнію“ (л. 600), хотя обыкновенно подобныя любопытныя замѣчанія, изрѣдка попадающіяся въ „сказкахъ“, безжалостно выбрасываются переписчиками, какъ ненужный балластъ.

Въ заключеніе приведу нѣсколько любопытныхъ, по моему мнѣнію, свѣдѣній объ одномъ эпизодѣ, относящемся къ переписи 1678 г.

26-го января этого года былъ посланъ изъ Помѣстнаго приказа въ Великолуцкій уѣздъ переписчикъ Степанъ Сумароковъ и подьячій Нефедъ Соколовъ „для переписки помѣстныхъ и вотчинныхъ крестьянъ, а вѣдно имъ крестьянскіе и бобыльскіе и людскіе дворы писать въ книги по сказкамъ помѣщиковъ и вотчинниковъ и ихъ прикащиковъ и старость и крестьянъ и по своему наряду и осмотру“. 3-го октября 1678 года Степанъ Сумароковъ и Нефедъ Соколовъ представляли переписную книгу въ Помѣстный приказъ. Въ слѣдующемъ году „розныхъ чиновъ помѣщики и вотчинники“ били челомъ великому государю, что въ Луцкомъ уѣздѣ переписчики „крестьянскіе и бобыльскіе и людскіе дворы писали за ними несправливо, не противъ ихъ заручныхъ сказокъ: однѣхъ крестьянъ и бобылей *вдвое*, а иные де крестьяне за ними *переписаны*“ (прописаны, то-есть, пропущены?). Вслѣдствіе этой челобитной было отдано приказаніе подьячему Помѣстнаго приказа Ѳедору Истомину свѣрить „сказки“ съ переписной книгой, составленной Сумароковымъ и Соколовымъ¹⁾. Результаты этой провѣрки довольно любопытны.

Всѣхъ „несправчетыхъ статей“ Истоминъ насчиталъ 136.

Разсмотрѣніе этихъ „статей“ прежде всего убѣждаетъ насъ, что многія „сказки“ были провѣрены переписчиками на мѣстѣ. но нѣкоторыя, очевидно, остались безъ провѣрки: съ одной стороны, мы видимъ, что о 5 помѣстьяхъ (съ населеніемъ въ 42 чел. мужск. пола) „сказокъ“ совсѣмъ не было подано, хотя описаніе ихъ въ переписной книгѣ есть, а съ другой—оказывается, что 4 „сказки“ были „прописаны“, то-есть, пропущены переписчиками; относительно трехъ пропущенныхъ владѣній мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, сколько въ нихъ было населенія, относительно же четвертаго эти свѣдѣнія у насъ есть: „въ Хрянскомъ стану прописана сказка Кирилы Ѳедорова сына Беклемишева“, которому принадлежали одно сельцо и 5 деревень, „а въ нихъ дворъ вотчинниковъ, дворъ двороваго челоуѣка, людей въ немъ

¹⁾ Подобный же случай относительно Бѣлгородскаго уѣзда указываетъ г. Миллашевскій въ цитированномъ выше изслѣдованіи, р. 53, прим. 2.

3 чел., 2 дв. кр., 8 дв. боб., обоего кр. и боб. 10 дв., людей въ нихъ 60 чел., да бѣглыхъ кр. и боб. и ихъ дѣтей 33 чел.“. Кромѣ того, въ переписную книгу почему-то не попали 19 чел., перечисленные въ „сказкахъ“. Такимъ образомъ, всего въ переписную книгу не попало болѣе 82 чел. Но въ переписной книгѣ есть лишніе сравнительно со „сказками“ люди (28 чел.). Наконецъ, 6 дворовъ, названныхъ въ „сказкахъ“ бобыльскими, въ переписной книгѣ именуется крестьянскими, и 28 крестьянскихъ и 155 бобыльскихъ дворовъ переписныхъ книгъ въ „сказкахъ“ названы дворами „дворовыхъ людей“. Значить, въ концѣ XVII столѣтія населеніе стало прибѣгать къ иной уловкѣ для того, чтобы ускользнуть отъ тягла: оно стало называть крестьянъ и бобылей „дворовыми людьми“, потому что переименовывать крестьянъ въ бобылей было бы теперь совершенно бесполезно: съ 1649 г. бобыли относительно платежа нѣкоторыхъ податей были сравнены съ крестьянами ¹⁾; а подати, взимавшіяся по количеству „живущихъ четей“, брались, какъ извѣстно, по писцовымъ книгамъ 20-хъ годовъ ²⁾. Приведенныя свѣдѣнія какъ нельзя болѣе подтверждаютъ наши предъидущія наблюденія.

Хотя мнѣ пришлось рассмотреть небольшое количество матеріаловъ, однако я считаю возможнымъ высказать общій взглядъ на значеніе переписныхъ книгъ. Мы знаемъ, что переписчики *должны были* не прежде заносить давныя „сказокъ“ въ свои книги, какъ тщательно провѣривъ ихъ на мѣстѣ путемъ личнаго осмотра и опроса, *должны были* составлять переписныя книги не по „сказкамъ“ только, но и по „доѣзду“; но на *практикѣ* дѣло происходило нѣсколько иначе: многія „сказки“ оставались непровѣренными — и въ результатѣ получалась значительная неточность, такъ какъ населеніе давало завѣдомо ложныя показанія: оно скрывало цѣлые дворы, или нѣкоторыхъ изъ своихъ дѣтей и родственниковъ, называло крестьянъ бобылями, или бобылей „дворовыми людьми“. Кромѣ того, часть населенія (именно, дѣти и родственники священно- и церковно-служителей и „дѣловыхъ людей“) не вносились въ переписныя книги вслѣдствіе той узко-практической цѣли, которая имѣлась въ виду при ихъ составленіи, часть же не попадала вслѣдствіе небрежности и недобросовѣстности переписчиковъ.

¹⁾ См. М. А. Дьяконова „Бобыли въ XVI и XVII вв.“ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, апрѣль, р. 275.

²⁾ Эти свѣдѣнія находятся на послѣднихъ листахъ (неперенумерованныхъ) Великол. пер. книги 7186 г., хранящ. въ А. М. Ю. за № 8.394.

А если такъ, то цифровыя данныя переписныхъ книгъ мы должны признать довольно грубыми, далеко не вполне соответствующими дѣйствительности. Нельзя сказать, что „сообщаемыя переписными книгами свѣдѣнія почти всегда слѣдуетъ считать за *minimum* того, что должно было бы быть“¹⁾, но можно утверждать, что показываемое въ нихъ количество населенія въ большинствѣ случаевъ *меньше* того, какое было въ дѣйствительности.

Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что переписныя книги должны быть преданы забвенію, должны покрываться пылью и гнить на полкахъ архива; несмотря на заключающіяся въ нихъ крупныя ошибки, онѣ всетаки даютъ много цѣннаго матеріала. При этомъ особеннаго вниманія заслуживаютъ книги, заключающія въ себѣ дополнителныя описи, подобныя тѣмъ, о которыхъ я упоминалъ выше.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Чтобы помочь читателю выработать болѣе или менѣе ясное понятіе о „сказкахъ“, я рѣшилъ напечатать цѣликомъ нѣсколько такихъ документовъ; а для сравненія выбралъ соответствующія мѣста изъ переписной книги помѣстныхъ и вотчинныхъ земель Московскаго уѣзда, 1646 г.

„Сказки“.

Переп. книга.

№ 1-й.

„154 г. апрѣля въ первый день сказалъ Микитинъ человекъ Федоровича Панина Яковъ Назарьевъ: за государемъ моимъ за Микитою Федоровичемъ помѣстье въ Московскомъ уѣздѣ въ Шахове стану деревня Численая-Столбова, а въ немъ (sic) дворъ боярской, живеть въ немъ приказщикъ Игнатей Сергѣевъ сынъ прозвище Пятой

„За Микитою Федоровымъ сыномъ Панинымъ деревня Численая-Столбова на рѣкѣ на Пахре, а въ ней дворъ ево Микитинъ, живеть въ немъ дѣловой человекъ Пиминка Игнатеевъ, да крестьянъ: (в) Микитка Веретенниковъ з дѣтми з Данилкою да с Клилкою да с нимъ Васка Овонасеевъ, (в) Ивашко Сидоровъ. Всего 2

¹⁾ А. С. Лаппс-Данилевскаго „Организ. прам. облѣж. въ моск. гос.“ ж пр., р. 214.

з дѣтми с Ѳеткомъ да с Васкомъ да с Ларкомъ, да дворъ скотской, а живетъ въ немъ дѣловой чело- вѣкъ Ивашко Савельевъ сынъ прозвище Поминка з дѣтми с Сер- гушкомъ да с Андришкомъ да с Лучкомъ, да бобыльскихъ дворовъ: во дворѣ Микитка Филиповъ сынъ з дѣтми з Данилкомъ да с Клим- комъ, во дворѣ вдова Матренка Мартемьянова дочь Офонасьева жена Исакова с сыномъ с Васкомъ Офонасьевымъ. А скаску писалъ Микитинъ чело- вѣкъ Федоровича Яковъ Назарьевъ своею рукою“.

двора крестьянскихъ, людей въ нихъ 5 чело- вѣкъ“. Л. 620 об.

№ 2-й.

„154 г. апрѣля въ 16-й день по государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи крестному цѣлованью ска- залъ писцомъ Ивану Степановичу Урусову да подьячему Семену Нѣсвѣтаеву Левонтьевъ чело- вѣкъ Яковлевича Высоцкого Сергунька Михайловъ: въ Московскомъ уѣзде в Замытцкой волости в приданой деревне Свитинѣ ¹⁾, а на дворѣ на боярскомъ дѣловыхъ людей приданныхъ крѣпосныхъ 3 брата— Стенка да Харламко да Олешка Михайловы дѣти, да Ларка Архи- повъ, а у него сынъ Сенка году, да задворныхъ дѣловыхъ людей крѣпосныхъ: (в) Ивашко Петровъ, а у него сынъ Ѳетка 4 лѣтъ, (в) Максимко Петровъ, а у него сынъ

„За Левонтьемъ Яковлевымъ сыномъ Высоцкимъ, что было за Смышляемъ Степановымъ сыномъ Айгустовымъ да за ево дѣтми за Петромъ да за Иваномъ, сельцо, что была пустошь, Сытино Боль- шое на рѣчке на Трешне, а въ ней (sic) дворъ вотчинниковъ, живутъ въ немъ задворные (sic) кабальные люди—Стенка да Хар- ламко да Левка Михайловы дѣти Пестова по кабалѣ 152 г., да Зарко (sic) Архиповъ по кабалѣ 152-жъ года, да задворныхъ ка- бальныхъ людей: (в) Ивашко Пет- ровъ, (в) Максимко Петровъ по кабалѣ 129 г., (в) Васка Михай- ловъ бобыль, (в) Сергунка Михай- ловъ по кабалѣ 137 г., (в) Якунка Ларионовъ, отецъ ево кабальной,

¹⁾ Здѣсь, вѣроятно, пропущено: „дворъ боярской“.

Ванка 3 годовъ. (в) Сергунка Михайловъ, а у него сынъ Куземка 8 годовъ да сынъ Стенка 5 годовъ, во дворѣ Якунка Ларионовъ. (в) Панка Матеѣвъ, (в) Останка Оандрѣвъ, а у него 2 пасынка— Зянка Ивановъ 10 годовъ да Захарко Ивановъ 8 годовъ, да (в) бобыль Васка Михайловъ, а у него сынъ Союнка году.

И списки с крѣпостей далъ за рукою государя своего Левонтя Яковлевича.

А скаску писалъ Левонтя-жь Яковлевича Высоцкого человекъ Оетка Рыковъ“.

На оборотъ: „К сей скаске вмѣсто Левонтьева прикащика Яковлевича Высоцкого Сергунки Михайлова по ево веленю язъ Левонтя-жь Яковлевича Высоцкого человекъ Савка Вильяновъ руку приложилъ“.

№ 3-й.

„Лѣта 7154-го году апреля въ 19-й день сказалъ Ивану Степановичу Урусову да подьячому Семену Несвитаеву Оюнасъевъ человекъ Яковлевича Стрешнева Матюшка Оедоровъ: государева жалованья за Оюнасъемъ Яковлевичемъ въ Московскомъ уѣзде в Перемышльской волости помѣстейца пол-сельца Тверской (sic), а въ немъ дворъ помѣщиковъ Оюнасыя Яковлевича; деревня Левлево, а въ ней крестьянъ и бобылей: (в) крестьянинъ Сяридко Борисовъ з

(в) Панка Матѣѣвъ по кабалѣ 137 г., (в) Осташко Андрѣѣвъ по кабалѣ 132 г. И на тѣхъ людей у справки крѣпости росматривали“. Л. 656.

„За Оюнасъемъ Яковлевичемъ сыномъ Стрешневымъ, что было прежь сего вымеряно у Миколая Новокщенова, пол-сельца Тверского, а въ немъ дворъ помѣщиковъ, а другая половина того селца за Иваномъ Стрешневымъ; за нимъ же за Оюнасъемъ деревня Воронина. Могилево, а Левлево тожь на речкѣ на Материченке, а въ ней крестьянъ: (в) Свиридко Борисовъ з детми с Отрюшкою (sic) да с Янькою, (в) Сенка Торасовъ с сыномъ с Оатейкомъ да зять ево

детми с Ортюшкою да съ Якушкою, (в) бобыль Сенка Тарасовъ с сыномъ с Фатейкомъ, а зять ево Ивашко Григорьевъ сынъ бѣгаетъ, (в) бобыль Лаврушка Богдановъ, (в) бобыль Оношка Бессоновъ с сыномъ с Петрушкою.

А скаску писалъ Ивановъ челоуѣкъ Ивановича Стрешнева Петрунка Юрьевъ сынъ Митюковъ“.

На оборотъ: „К сей скаски села Боронова Спаско(й) поп Семион вместо Аеонасыява прикащика Аковлявича Мотвея по ево веленью руку приложил“.

Ивашко Григорьевъ збѣжалъ бѣзвесно, (в) бобыль Аношка Бессоновъ с сыномъ с Петрушкою. И всего за Оеонасыемъ Стрешневымъ пол-сельца да деревня, а въ няхъ дворъ помѣщиковъ да 2 двора крестьянскихъ, а людей въ нихъ 5 челоуѣкъ да бѣглоу, дворъ бобыльской, людей въ немъ 2 челоуѣкъ; обоуево крестьянъ и бобылей 3 двора, а людей въ няхъ 7 челоуѣкъ“ Л. 605 об.

Гр. Шмелевъ.

ТАЙ-ПИНСКОЕ ВОЗСТАНИЕ ВЪ КИТАѢ.

Подъ именемъ Тай-пинскаго возстанія въ Китаѣ извѣстна въ Европѣ попытка китайской націи сбросить съ себя власть маньчжурскаго дома, имѣвшая мѣсто во второй половинѣ настоящаго столѣтія 1850—1864 гг. Данное названіе усвоится однако этому движению только европейцами. Въ официальныхъ бумагахъ Китая и вообще въ китайскихъ сочиненіяхъ инсургентовъ этихъ именуютъ презрительно *Чанъ-мао-цзэй*, то-есть, „длинноволосыми разбойниками“, въ виду того, что они отвергли введенный маньчжурами обычай брить часть головы и носить косу и отпускали длинные волосы, какъ то было въ модѣ при Минской династіи (1368—1644). Когда главы движенія провозгласили свою независимость отъ маньчжурскаго дома и объявили учрежденіе династіи въ 1850 году, они назвали ее *Пинъ-чао*, то-есть, „династіей мира“, желая обозначить тѣмъ свой девизъ и отличить себя отъ *Цинъ-чао*, какъ называетъ себя нынѣ правящій домъ. Съ прибавленіемъ эпитета *тай* великій, прилагаемаго обыкновенно къ царствующей династіи, образовалось названіе *Тай-пинъ*, перенесенное иностранцами съ имени династіи на все инсургентское движеніе. Глава этой династіи принялъ для своихъ годовъ правленія названіе Тянь-дэ „небесной добродѣтели“. Его личное имя, Хунъ-сю-цюань, рассматривалось его сторонниками и послѣдователями, по китайскому обычаю, какъ священное, и не употреблялось въ обыкновенной рѣчи. Приказы, эдикты и манифесты его, издававшіеся въ Нанкинѣ или въ другихъ мѣстахъ для арміи носили надписи Тянь-фу, Тянь-сюнъ, Тянь-ванъ-тай-пинъ-тянь-го, то-есть, „небеснаго отца, небеснаго старшаго брата, или небеснаго князя небеснаго царства великаго мира“.

Источники и пособия. Изученіе исторіи тай-пинскаго движенія въ отношеніи къ источникамъ стоитъ въ сравнительно болѣе благопріятныхъ условіяхъ, нежели какой либо другой фактъ изъ исторіи Китая. Далеко еще не всѣ источники тай-пиновъ стали достояніемъ исторіи: масса ихъ хранится въ архивахъ и составляетъ пока секретъ дипломатіи и политики, но уже и опубликованные съ достаточною ясностью обрисовываютъ намъ подробности возстанія. Наиболѣе драгоценною чертою источниковъ данной эпохи является ихъ разнородность, ихъ происхожденіе изъ различныхъ лагерей.

Первое мѣсто среди нихъ занимаютъ правительственныя китайскія донесенія и записки. Изъ доселѣ изданныхъ важнѣйшими нужно считать сообщенія Цзинь-бао, то-есть, китайской правительственной газеты, дающія массу историческаго матеріала. Сводъ этимъ реляціямъ и вообще официальнымъ документамъ становится достояніемъ хроникъ Дай-цинскаго дома: „Дунъ-хуа-суй-лу“. Дополненія къ нимъ составляютъ изданныя записки Цзэнъ-го-фаня, Сань-ко-ань-сина, Ли-хунъ-чжана.

Въ качествѣ показателей взглядовъ и изложенія дѣла съ противоположной правительственной точки зрѣнія источниками исторіи служатъ документы тай-пинскіе.

По усмиреніи мятежа правительственныя войска и администрація много заботились объ истребленіи всѣхъ произведеній мятежниковъ, но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя изъ ихъ сочиненій уцѣлѣли, главнымъ образомъ, благодаря европейцамъ. Еще въ періодъ возстанія множество прокламацій, указовъ, распоряженій, памфлетовъ и брошюръ тай-пинскаго лагеря попадали въ руки европейцевъ и опубликовывались. Но только въ самое послѣднее время европейцы задались мыслью составить полную коллекцію тай-пинскихъ сочиненій и отыскивали ихъ повсюду. Такъ, напримѣръ, тай-пинское возстаніе является предметомъ особаго вниманія администраціи китайскаго отдѣла бібліотеки British Museum'a въ Лондонѣ, и стараніями профессора Р. К. Дугласа здѣсь составлена богатѣйшая коллекція неизданныхъ тай-пинскихъ сочиненій. Въ отдѣлѣ Тай-пинъ-тянь-го здѣсь числятся изданія:

- 1) Тай-пинъ-сунъ-синъ-чжао-шу. Прокламація Янь и Сяо, восточнаго и западнаго князей Тай-пинскаго дома.
- 2) Тай-пинъ-чжао-шу. Манифесты тай-пиновъ.
- 3) Тай-пинъ-цзюнь-му. Указатель расположенія и состава тай-пинской арміи, опубликованный по приказанію Тянь-вана.

- 4) Тай-пинъ-цзю-ши-гэ. Гимнъ о спасеніи міра, изданный имъ же.
- 5) Тай-пинъ-ли-чжи. Указанія относительно церемоній тай-пиновъ.
- 6) Тай-пинъ-тяо-гуй. Правила для тай-пинской арміи.
- 7) Тай-пинъ-тянь-фу-ся-фань-чжао-шу. Возвѣщеніе воли небеснаго отца, по случаю сошествія его на землю.
- 8) Тай-пинъ-тянь-фу-ди-ши-янь-хуань-чжао. Слова небеснаго отца, опубликованныя по приказу Тянь-вана.
- 9) Тай-пинъ-тянь-тяо-шу. Книга небесныхъ узаконеній тай-пиновъ.
- 10) Тай-пинъ-яо-сѣ-ши. Ода для юношества изданная Тянь-ваномъ. Тай-пинское „Сань-цзы-цзинь“.

Изученіе и разработка этихъ документовъ интересны особенно съ двухъ сторонъ. Во-первыхъ, ими разрѣшается вопросъ о христіанствѣ главы тай-пинскаго движенія и о связи всего дѣла возстанія съ христіанствомъ. Сличенія этихъ документовъ съ Моррисоновскимъ переводомъ Библіи, который безспорно находился въ рукахъ Хунь-сю-цюаня, убѣждаютъ въ несомнѣнныхъ заимствованіяхъ послѣдняго изъ Евангелія Іоанна нѣкоторыхъ выраженій объ Отцѣ, о Сынѣ, ниспосланномъ съ неба, о вдохновеніи. Во-вторыхъ, эти тай-пинскія сочиненія даютъ намъ возможность наглядно убѣдиться въ тѣхъ искаженіяхъ первоисточниковъ, которыя практикуются китайскими правительственными сферами, когда имъ приходится имѣть дѣло съ документами, имъ неприятными или вредными. Въ мемуарахъ Цзэнь-го-фаня встрѣчаются якобы перепечатки тай-пинскихъ прокламацій, но онѣ переданы здѣсь въ искаженномъ видѣ.

Кромѣ сего въ настоящее время совершенно установлено изслѣдованіями, и подтверждается показаніями современниковъ, что правительственная партія практиковала въ самыхъ широкихъ размѣрахъ поддѣлки и подлоги документовъ тай-пинскаго лагеря и выпускала якобы тай-пинскіе прокламаціи и манифесты, примѣняя подобныя мѣры особенно въ періодъ тай-пинскаго успѣха для дискредитированія мятежниковъ въ глазахъ народа.

Среди европейскихъ источниковъ для изученія тай-пинскаго движенія заслуживаетъ особаго вниманія одна біографія Хунь-сю-цюаня. Въ 1852 году нѣкто Хунь-жень, родственникъ Хунь-сю-цюаня, спасаясь отъ розысковъ мандариновъ въ провинціи Гуань-си, явился въ Гонгъ-конгъ. Здѣсь миссіонеру Hamberg'у онъ вручилъ нѣкоторыя бумаги о Хунь-сю-цюанѣ и происхожденіи движенія въ Гуань-си, и они то положены въ основаніе книги о жизни Хунь-сю-цюаня. До-

стовѣрность разказа не подлежитъ никакому сомнѣнію, и если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и вкрались хронологическія неточности, то онѣ легко могутъ быть исправлены сопоставленіями съ другими источниками, оставляя за книгою Hamberg'a вполне значеніе первоисточника.

Лучшимъ разказомъ о тай-пинскомъ движеніи служить сочиненіе г. Meadows, *The Chinese and their Rebellions*, авторъ котораго принималъ лично участіе въ сношеніяхъ съ тай-пинами, предпринималъ поѣздку по землямъ Тянь-вана, сопровождалъ англійскаго консула въ Нанкинъ и, какъ переводчикъ, могъ дать себѣ больше отчета и получать болѣе правильныя понятія обо всемъ, совершавшемся вокругъ.

Вообще европейская литература по тай-пинскому вопросу огромна, особенно же на сколько дѣло касается борьбы съ возстанцами европейскихъ и американскихъ авантюристовъ. Личности Варда, Бургвина, Сэвэджа, дѣйствія „вѣчно-побѣдоносной арміи“, и особенно личность Гордона являются предметомъ массы монографій, замѣтокъ, брошюръ и характеристикъ. При этомъ для выработки правильнаго взгляда на этихъ лицъ приходится прежде всего считаться съ національнымъ пристрастіемъ авторовъ. Англичане дѣлаютъ героемъ своего Гордона, американцы своего Варда, тѣ и другіе разсыпаютъ похвалы Тянь-вану въ тотъ періодъ, когда отъ тай-пиновъ ожидали сближенія съ европейцами или еще точнѣе, съ одною націею въ ущербъ другой, и оказываются столь же щедрыми въ порицаніяхъ по адресу Хунъ-сю-цзяна, когда ближайшія сношенія съ нимъ привели къ убѣжденію, что тай-пины смотрятъ на европейцевъ нисколько не иначе, чѣмъ пекинское правительство и всѣ китайцы, и что ожидать отъ нихъ симпатій и мѣръ въ пользу западной культуры нѣтъ ровно никакихъ основаній. Однако всѣ эти разногласія служатъ и способствуютъ лишь наиболѣе разностороннему уясненію вопроса, нисколько не вредя правильной оцѣнкѣ событій, а тѣмъ болѣе ихъ передачѣ.

Русской литературы о тай-пинахъ, можно сказать, не существуетъ.

Два періода возстанія. Вся исторія тай-пинскаго движенія распадается на два, рѣзко различающіеся между собою по мѣсту, времени и условіямъ жизни и дѣятельности, періода. Первый начинается съ самаго зарожденія движенія, обнимаетъ исторію его распространенія на сѣверъ и заканчивается упроченіемъ тай-пинскаго владычества въ долинѣ Янь-цзы-цзяна и на китайской низменности.

Отличительною чертою возстанія является въ этомъ періодѣ полное сохраненіе имъ за собою чисто китайскаго характера, чуждаго стороннихъ вліяній. Вспыхнувъ и сконцентрировавъ вокругъ себя цѣлую группу воспримчивыхъ къ мятежамъ элементовъ, движеніе почти безпрепятственно охватило весь южный Китай и создало цѣлое государство. Но здѣсь и оканчивается первый поступательный періодъ движенія. Достигнувъ цѣли, оно не обнаружило въ себѣ никакихъ здравыхъ задатковъ для развитія прочнаго государственнаго организма, и потому непосредственно вслѣдъ за періодомъ завоевательнымъ, наступаетъ періодъ упадка, разложенія, который усложняется вмѣшательствомъ въ дѣло борьбы европейцевъ, вносящихъ совершенно новыя, несродныя китайской жизни, принципы и приемы дѣйствій и вызывающихъ развязку всего дѣла совершенно не въ томъ направленіи, въ какомъ ее можно было бы ожидать при существованіи исключительно китайской почвы и вліяній.

Наиболѣе интереснымъ представляется именно этотъ первый періодъ тай-пинскаго возстанія, и я остановлюсь прежде всего на причинахъ, его вызвавшихъ, потомъ на личности главы тай-пиновъ, далѣе на движеніи его отрядовъ на сѣверъ до водворенія въ долину р. Янь-цзы-цзяна и по Великому Каналу и, наконецъ, на причинахъ быстрого упадка тай-пинскаго государства.

Причины тай-пинскаго движенія. Трудно представить себѣ какое либо народное движеніе въ Китаѣ болѣе грандіозное по размѣрамъ и болѣе запутанное по сложности вызвавшихъ его причинъ, чѣмъ названное тай-пинское возстаніе. Это прежде всего одна изъ тѣхъ революцій, корни и зародыши которыхъ всегда таятся въ нѣдрахъ народной китайской жизни. Находя для себя благоприятный моментъ, движенія эти вспыхиваютъ совершенно неожиданно, охватываютъ своимъ пламенемъ цѣлыя округа и провинціи, создаютъ огромныя арміи, съ полнымъ успѣхомъ противящіяся правительственнымъ войскамъ, вызываютъ къ себѣ симпатіи населенія и производятъ удивительные перевороты въ государствахъ. Такихъ движеній въ исторіи Китая встрѣчается множество. Одни изъ нихъ вели къ образованію новыхъ династій, другія затихали для того, чтобы вновь вспыхнуть при первомъ удобномъ моментѣ. Аналогичными тай-пинскому движенію представляются: образованіе государствъ въ періодъ Сань-го въ III вѣка по Р. Хр.; движеніе Ли-юаня, основателя Танской династіи въ VII вѣкѣ; особенно похоже на тай-пинское возмущеніе Хуань-чао, приведшее въ концѣ концовъ къ паденію Танской династіи,

основаніе Чжу-юань-чжаномъ Минскаго дома и т. п. Но особенностью тай-пинской исторіи является примѣсъ европейскаго элемента. Этотъ совершенно новый факторъ на почвѣ китайской исторіи весьма усложняетъ дѣло и въ значительной степени нарушаетъ тѣ рамки, въ которыя укладывается китайская жизнь внѣ соприкосновенія съ европейцами.

Для выясненія причинъ тай-пинскаго движенія важное значеніе имѣетъ характеристика страны, въ которой оно возникло.

Южныя провинціи Китая, Гуань-дунъ и Гуань-си, явившіяся колыбелью тай-пинскаго движенія, значительно разнятся въ этнографическомъ отношеніи отъ сѣвернаго и даже центрального Китая. Инородческій элементъ здѣсь примѣшивается къ китайскому населенію весьма сильно. Мало того, онъ всегда боролся и борется со всепроникающимъ китайскимъ влияніемъ, и можетъ быть нигдѣ борьба эта не сопровождалась такимъ неуспѣхомъ для стремленій Срединной имперіи, какъ здѣсь. Въ горныхъ долинахъ Гуань-си и Гуй-чжоу живутъ туземныя племена, аборигены Китая, извѣстные подъ общимъ именемъ *Мяо-цзы*, храбрые, неутомимые и предприимчивые горцы, покорить которыхъ Китаю доселѣ никогда не удавалось. Они сохраняютъ доселѣ свое національное платье, никогда не брѣютъ головъ и отвергаютъ всякія попытки китайскихъ властей вмѣшиваться въ дѣло ихъ самоуправленія. Ихъ полнѣйшая независимость—фактъ, признанный самимъ пекинскимъ правительствомъ, и до послѣдняго времени даже на официальныхъ государственныхъ картахъ ихъ поселенія обозначаются бѣлымъ пятномъ въ знакъ того, что они не подчинены императору. Попытка покорить ихъ принадлежала императору Цянь-луну (1736—1796 гг.), но вопреки всѣмъ официальнымъ бюллетенямъ о побѣдахъ, правительство должно было совершенно отказаться отъ мысли подчинить себѣ этихъ горцевъ. До 1832 года вражда и борьба съ Мяо-цзы однако почти не прекращались. Китайскіе отряды одинъ за другимъ терпѣли пораженія, пока наконецъ императоръ Дао-гуань (1820—1850 гг.) не замѣнилъ военныя дѣйствія мирными переговорами, и тогда Мяо-цзы согласились за извѣстныя привилегіи и значительную сумму денегъ удалиться въ горы и прекратить свои набѣги.

Само китайское населеніе юга носитъ на себѣ значительныя особенности, обусловливающіяся и климатическою разницею, и характеромъ страны. Какъ бы ни были одинаковы по духу китайцы всѣхъ 18 провинцій Застѣнной имперіи, но начать съ того, что житель Чжи-ли и Шань-дуна отдѣленъ отъ Гуань-дуна и Гуань-си болѣе

нежели 2000 верстъ. Югъ Гуанъ-дуна на тропикѣ, и вся провинція экваторіальна по климату и произведеніямъ. Въ Чжи-ли и сосѣднихъ провинціяхъ встрѣчаются естественныя произведенія умѣреннаго климата, зимою рѣки замерзають и ледъ бываетъ толщиною въ футъ. Климатъ кладетъ свой отпечатокъ и на внѣшній видъ, и на образъ жизни, и на характеръ китайца на сѣверѣ и югѣ имперіи. Но еще большее вліяніе на жителей оказываетъ горный характеръ южныхъ провинцій. Обратите вниманіе на хребетъ, являющійся водораздѣломъ Янь-цзы-цзяна отъ бассейновъ южно-китайскихъ. Этотъ отрогъ Гималая входитъ въ западную часть Юнь-нани, идетъ къ сѣверу Гуанъ-си и Гуанъ-дуна, огибаетъ провинцію Фу-цзянь и, пересѣкая Чже-цзянь, уходитъ въ море у Нинъ-бо. На всемъ протяженіи основной хребетъ бросаетъ отъ себя маленькіе отроги, которые также тяготеютъ къ океану и, исчезая въ немъ, оставляютъ по себѣ слѣды въ цѣломъ поясѣ прибрежныхъ острововъ. Чжусанскій архипелагъ представляетъ собою сѣверную оконечность даннаго пояса, который идетъ къ югу до Гонконга и образуетъ въ южной своей части массу прекрасныхъ гаваней. Характеръ всей страны отпечатлѣлся и на жителяхъ. Въ гуанъ-дунцахъ скомбинировались свойства горныхъ жителей и моряковъ. По занятіи береговаго пояса острововъ, они перешли на Формозу и Хай-нань. Дзонки ихъ издавна посѣщали Сіамъ, Манилу, Борнео, Яву, Сингапуръ и Индійскій архипелагъ, разнося съ собою культуру своихъ хозяевъ по отдаленнымъ оконечностямъ материка. Населеніе въ силу этого стало дѣятельно, энергично и полно инициативы. Гуанъ-си по характеру чисто континентальная страна. Она состоитъ изъ горныхъ долинъ Кантонской рѣки и ея верхнихъ притоковъ. Незначительная въ сравненіи съ Янь-цзы-цзяномъ и Хуанъ-хэ, Кантонская рѣка одинакова однако по протяженію съ Дунаемъ и вполне способна развить въ прибрежномъ населеніи типъ жителей бойкихъ торговыхъ странъ съ удобными путями сообщенія. Горный характеръ провинцій, создавшій независимость Мяо-цзы, не остался безъ вліянія и на мѣстное китайское населеніе, общая и ему ту же устойчивость и смѣлость духа.

Помимо Мяо-цзы провинціи Гуанъ-дунъ и Гуанъ-си населены еще двумя различными по названію классами населенія: *бэмъ-ди* или *пунти* и *кэ-цзя* или, по мѣстному произношенію, *хакка*. Сивологи доселѣ еще не пришли къ соглашенію: составляютъ ли эти два класса различныя этнографическия элементы, или же нѣтъ, но рѣшеніе этого вопроса, внѣ всякаго сомнѣнія, прольетъ яркій свѣтъ на событія по-

слѣднихъ десятилѣтій въ Китаѣ вообще и на роль южно-китайскаго населенія въ исторіи тай-пинскаго движенія въ частности.

Пунти всегда признавались въ этнографическомъ отношеніи китайцами, эмигрировавшими издавна на югъ, гдѣ они приобрѣли права гражданства и господства въ провинціяхъ Лянъ-гуанъ и рассматривали занимаемую ими территорію какъ свою неотъемлемую собственность, внѣ всякаго желанія дѣлиться ею съ кѣмъ бы то ни было. Вопросъ о хакка стоитъ на совершенно иной почвѣ и заслуживаетъ болѣе обстоятельнаго знакомства съ нимъ. Dr. Eitel считаетъ ихъ расою, чуждою китайцамъ, инородческою. Устные преданія и фамиліи хроникъ, тщательно сохраняемая въ ихъ семьяхъ, указываютъ, что предки хакка постепенно передвигались на югъ изъ провинцій Шанъ-дуна и Шанъ-си, начиная со времени Цинь-ши-хуань-ди (221—209 г. до Р. Х.) и до XVIII вѣка, когда они окончательно водворились въ провинціяхъ Гуанъ-си и Гуанъ-дунъ. Исторія ихъ пребыванія здѣсь до самыхъ послѣднихъ дней полна соперничествомъ и кровавыми распрями съ пунти, что обусловливалось этнографическою разностью двухъ племенъ. Важнѣйшая эпоха въ исторіи хакка открывается, по мнѣнію д-ра Eitel'я, со времени тай-пинскаго движенія. „Можно утверждать, говоритъ онъ, что все это возстаніе, отъ начала его въ Гуанъ-си и до паденія Нанкина, было ведено, поддерживаемо и контролируемо хакка изъ Гуанъ-дуна. Мятежники императоръ и его министры или короли—какъ они назывались—принадлежали по происхожденію къ племени хакка, хотя тысячи другихъ китайцевъ наполняли ряды ихъ армій. Фактъ, что горсть хакка подняла такой огромный мятежъ, и одинаково изумительный фактъ, что во всѣхъ превратностяхъ движенія отъ Гуанъ-дуна до Нанкина она могла удержать за собою первенство среди беспорядочныхъ когортъ, гласятъ цѣлыя томы за способность къ власти, таящуюся въ этихъ грубыхъ дѣтяхъ тревоги и волненій“.

Плодотворность мнѣній доктора Eitel'я для уясненія причинности тай-пинскаго движенія не подлежитъ никакому сомнѣнію. Можно построить цѣлыя десятки положеній на одномъ только томъ фактѣ, что хакка—различный этнографически элементъ отъ китайцевъ. Но теорія Eitel'я встрѣтила сильный отпоръ со стороны Ch. Piton'a, не соглашающагося видѣть въ хакка ничего другаго, кромѣ настоящихъ исконныхъ китайцевъ. По его мнѣнію, большая часть изъ того, что Eitel выдаетъ за исторію хакка, есть только разказъ о движеніи и расширеніи чисто китайскаго племени. Территорія Шанъ-дуна и

Шань-си во времена Чжоусской и Циньской династій составляла земли китайцевъ; съ теченіемъ времени эти послѣдніе, по мѣрѣ своего приращенія, передвигались на югъ, и если бы посмотрѣть въ фамиліи хроникъ пунти, живущихъ вмѣстѣ съ хакка на югѣ, но признаваемыхъ Еитегемъ за чистыхъ китайцевъ, то въ нихъ можно найти совершенно тождественный съ приведеннымъ разказъ. Кромѣ того, всѣ эти хроники достовѣрны въ лучшемъ случаѣ со временъ Танской и Сунской династій. Ритонъ убѣжденъ такимъ образомъ, что хакка—чистокровные китайцы и что стали они хакка, то-есть, эмигрантами, только съ періода У-дай (907—960), когда много народа переселилось на югъ, избѣгая волненій и неурядицъ сѣвера.

Но какъ бы то ни было, а участіе хакка въ тай-пинскомъ движеніи и преобладающая роль ихъ тамъ не подлежатъ никакому сомнѣнію. Само маньчжурское правительство сознавало это, когда по окончаніи мятежа оно, прощая многихъ участниковъ въ немъ, никогда не давало пощады уроженцамъ Гуанъ-си. Точный отвѣтъ на вопросъ объ этнографическомъ составѣ хакка и пунти дать со временемъ лингвистика, но и теперь, если не для общаго хода тай-пинскаго движенія, то для объясненія начала его нельзя не имѣть въ виду постоянной вражды двухъ названныхъ элементовъ населенія на югѣ Китая.

Кромѣ этой почвы, на которой выросло тай-пинское движеніе, въ первой половинѣ настоящаго столѣтія въ Китаѣ существовали и другія условія, благоприятствовавшія народнымъ волненіямъ.

Побережье южнаго Китая вмѣстѣ съ упомянутыми прибрежными островами всегда служили убѣжищемъ китайскимъ пиратамъ, организовававшимъ здѣсь по временамъ очень большія флотиліи, грозныя для маньчжурскаго правительства, а еще больше для окрестнаго населенія. Усиленіе или ослабленіе пиратства на югѣ Китая всегда могло служить критеріемъ прочности центральнаго правительства. При слабости послѣдняго у Кантонскихъ и Фу-цзяньскихъ береговъ немедленно же создавались цѣлыя эскадры черныхъ флаговъ, взимающихъ дань съ торговцевъ. Такая именно банда организовалась здѣсь въ концѣ 40-хъ годовъ, и своими грабежами привлекла наконецъ на себя вниманіе англійскихъ моряковъ. 23-го октября 1849 г. 28 судовъ пиратской флотиліи послѣ нѣкоторой схватки были уничтожены англійскими военно-морскими силами у береговъ южнаго Китая и Кохинхины, при чемъ экипажъ ихъ спасся бѣгствомъ частью вплавь, частью на ушедшихъ джонкахъ. Неудивительно, если этотъ бѣглый

сбродъ наполнилъ страну разбоями, и менѣе чѣмъ черезъ 4 мѣсяца послѣ того въ правительственной Цзинь-бао появляется сообщеніе, что „на южныхъ границахъ Гуань-си (то есть, въ 5 дняхъ разстоянія отъ мѣста, гдѣ пираты потерпѣли пораженіе) страшная сила мятежниковъ начала открытую борьбу противъ императорскихъ войскъ“. Позднѣе это движеніе слилось съ тай-пинскимъ и усилило ряды армій послѣдняго значительнымъ числомъ людей, испытанныхъ въ бродяжнической полубоевой жизни.

Общество Триады. На почвѣ общей дезорганизаціи населенія южнаго Китая объединяющею и враждебною маньчжурскому правительству силой явилась дѣятельность секретныхъ обществъ, изъ которыхъ первое мѣсто принадлежало обществу трехъ элементовъ или Триады (Сань-хэ-хуй). При общей неясности своей догматики, отывавшейся мистицизмомъ и приближавшейся къ масонству, общество Триады ставило себѣ совершенно опредѣленную политическую задачу—сверженіе царствующаго дома—и потому являлось естественнымъ оплотомъ всѣхъ анти-правительственныхъ волненій. Свѣдѣнія о его дѣятельности на югѣ Китая въ нашъ періодъ даетъ намъ одинъ, представленный императору Сянь-фыну, докладъ — крайне характерный документъ, авторъ котораго Цзань-ванъ-янъ проходилъ различныя должности въ провинціяхъ Лянъ-гуанъ и зналъ положеніе тамошнихъ дѣлъ.

„Основаніе, пишетъ онъ, почему разбойничество, существовавшее всегда на югѣ Китая, теперь, то-есть, въ концѣ 40-хъ годовъ—проявляется въ Гуань-дунѣ сильнѣе, нежели прежде, заключается въ отсутствіи должныхъ мѣръ противъ противозаконныхъ обществъ; ихъ забыли въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ, при чемъ, при практиковавшихся властями злоупотребленіяхъ, преступники оставались на свободѣ, а факты не доводились до свѣдѣнія правительства и заглаживались. Отсутствіе должной охраны въ странѣ дало возможность противозаконнымъ обществамъ возрастать съ каждымъ днемъ, а пропорціонально этому увеличивались грабежи и беспорядки. Постепенно распространяясь изъ провинцій, прилегающихъ къ Гуань-дуну, зло охватило всю имперію, а сама Гуань-дунская провинція положительно наводнена имъ. Какъ подумаешь—это право скорбное явленіе“. Не довольствуясь констатированіемъ факта дѣятельности секретныхъ обществъ, Цзань-ванъ-янъ передаетъ вкратцѣ и ихъ исторію за послѣднія десятилѣтія.

Изъ этой исторіи мы узнаемъ, что къ 27 и 28 гг. Дао-гуана

(1847—1848 гг.) члены противозаконныхъ обществъ сотнями и тысячами бродили по провинціямъ Гуань-си и Гуань-дуну, захватывая въ свои руки мѣста, которыя казались имъ наиболѣе удобными, заграждая дороги и производя грабежи. Власть опять притворялась ничего не знающими. Въ 29 г. Дао-гуана въ уѣздахъ Инь-дэ и Цинь-юань противъ безпорядковъ были приняты кое какія мѣры, но донесенія начальству все же производились неправильно. Ни въ одномъ отчетѣ не упоминалось слова „общество“, всѣ же волненія приписывались простымъ шайкамъ бродягъ. Благодаря такому поведенію администраціи, бунтовщики сдѣлались еще наглѣе прежняго. Дѣйствуя сообразно своимъ секретнымъ планамъ и постановленіямъ, они начали баламутить въ департаментѣ Шао-чжоу-фу. Округа Лянь-чжоу и Инь-дэ запружены ихъ отрядами. Мѣстечко Да-ши ими разграблено. Округа Шунь-дэ и Синь-хуй подверглись нападеніямъ и захвачены и даже департаментскіе города Хуй-чжоу-фу, Чжао-цинъ-фу и Шао-чжоу-фу равно какъ большой городъ Лянь-цинъ-чжоу были ими обложены и держались въ осадномъ положеніи. Мятежники изъ другихъ провинцій приходили сюда сотнями, а Гуань-дунскіе въ красныхъ тюрбанахъ и съ красными знаменами, принимали ихъ какъ друзей въ свои ряды. „Какъ могло бы все это произойти, ставить вопросъ авторъ доклада, если бы уже въ теченіе многихъ лѣтъ секретныя общества не вербовали своихъ членовъ и не выработали для себя прочной организаци, дѣлающей ихъ способными давать откликъ немедленно по разнымъ мѣстамъ, если волненія начались хотя бы въ одномъ пунктѣ? Не наводнили ли они теперь страну, какъ потопъ?“

Въ такомъ положеніи были дѣла на югѣ Китая въ 1849 — 1850 годахъ подъ воздѣйствіемъ секретныхъ обществъ, концентрировавшихъ вокругъ себя самые разнородные мятежные элементы. Но было бы, можетъ быть, ошибочнымъ считать всѣхъ бродягъ-китайцевъ членами этихъ обществъ, потому что существовали еще и другія условія, создавшія ненормальный ходъ дѣлъ въ странѣ и тѣмъ пораждаящія массу люда, примыкавшаго къ мятежникамъ.

Опіумъ. Нанкинскимъ миромъ, заключеннымъ 29-го августа 1842 г., была разрѣшена задача доступа европейцевъ въ открытыя порты Китая, но статья, послужившая поводомъ къ столкновенію державъ осталась *in statu quo*. Англичанамъ не удалось добиться разрѣшенія ввоза опиума, хотя-бы и въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, и потому этотъ предметъ торговли остался по прежнему контрабандой.

Къ концу 1840 годовъ контрабанда опиумомъ приняла на югѣ Китая чудовищные размѣры, организуя цѣлыя шайки темнаго люда, отдавагося этому ремеслу. Письмо патера Chauveau, бывшаго въ этотъ періодъ главою римско-католической миссіи въ Юнь-нань, сохраненное въ Annales de la Propagation de la Foi, рисуетъ намъ самыя мрачныя картины народныхъ безпорядковъ и выставляетъ контрабанду опиумомъ одною изъ главныхъ причинъ деморализаціи населенія.

Ко всему этому приурочилось еще существовавшее въ Китаѣ народное вѣрованіе, что 200 лѣтъ—предѣльный срокъ для династіи, и что маньчжурскій домъ въ 1844 г. неминуемо долженъ пасть. Слухи о появленіи потомковъ Минской династіи принимались поэтому съ живѣйшимъ энтузіазмомъ, и это облегчало въ значительной степени пріобрѣтеніе популярности для противниковъ маньчжуровъ. Необходимо помнить, что подобныя суевѣрія народныхъ массъ и ложные слухи, въ народѣ распространившіеся, всегда порождали волненія. Въ нашей русской исторіи въ 1492 г., которымъ оканчивалась седьмая тысяча лѣтъ отъ сотворенія міра, народъ ожидалъ свѣтопреставленія, и на этой почвѣ возникли безпорядки доктрины жидовствующихъ въ сѣверо-западной Руси, вызвавшіе кровавую расправу съ еретиками правительства. Слухъ о спасеніи царевича Дмитрія въ Угличѣ сдѣлалъ возможною карьеру лже-Дмитрія со всѣми ея народными бѣдствіями. Молва о движеніи на помощь христіанамъ легендарнаго царя пресвитера Іоанна облегчила полководцамъ Чингиса, Чжэбэ и Субугдею, завоеваніе Арменіи. Точно также и распространенное въ китайскомъ народѣ убѣжденіе объ окончаніи предопредѣленнаго судьбою срока существованія Дай-цинской династіи дѣлала естественнымъ и необходимымъ появленіе новаго правителя Китая, а таковой не замедлилъ явиться.

Хунь-сю-цюань до начала движенія. Вождемъ движенія недовольныхъ въ южномъ Китаѣ явился Хунь-сю-цюань. О жизни его до начала тай-пинскаго движенія извѣстно слѣдующее.

Хунь-сю-цюань родился въ 1813 г. въ маленькомъ городкѣ Хуа-сянь, въ 30-ти миляхъ на сѣверо-востокъ отъ Кантона. Его отецъ былъ погонщикомъ и жилъ въ большой бѣдности, семья добывала себѣ пропитаніе обработкою своихъ рисовыхъ полей, и разведеніемъ свиней и куръ. Хунь-сю-цюань былъ третьимъ сыномъ и четвертымъ ребенкомъ въ семьѣ отца. Съ раннихъ лѣтъ выказывалъ хорошія способности и сообразительность. Семи лѣтъ въ школѣ онъ поражалъ своею памятью въ заучиваніи классиковъ. Бѣдность Сю-цюаневой семьи со-

ставляла несомнѣнно одну изъ самыхъ важныхъ причинъ его стремленія къ успѣху въ наукахъ, и его родные всячески поддерживали его въ этомъ стремленіи, посылая его къ лучшимъ учителямъ въ округѣ; но вести мальчика далеко они всеже не имѣли силъ. Въ 1825 г. его имя значится въ числѣ кандидатовъ, экзаменовавшихся въ Хуа-сянѣ на степень сю-цзя, но онъ не получилъ ея, и 16-ти лѣтъ Сю-цюань вынужденъ былъ оставить школу, работать на полѣ и пасти воловъ, помогая семьѣ въ трудной борьбѣ за существованіе. Занятія землепашца и пастуха не могли однако соответствовать наклонностямъ Хунъ-сю-цюаня, а населеніе мѣстечка, зная его способности, скоро дало ему мѣсто учителя въ школѣ. Такая профессія благопріятствовала научнымъ занятіямъ Хунъ-сю-цюаня. Послѣ второй неудачной попытки получить степень сю-цзя въ Кантонѣ, въ 1833 г. въ жизни Хуанъ-сю-цюаня произошло обстоятельство, имѣвшее вліяніе на всю его жизнь. Онъ встрѣтилъ здѣсь одного протестантскаго миссіонера изъ китайцевъ, по имени Лянъ-а-фа, продававшего при входѣ въ экзаменаціонный залъ листки своего сочиненія. Этотъ Лянъ-а-фа былъ обращенъ въ христіанство докторомъ Мильномъ въ Малаккѣ и не задолго передъ тѣмъ возвратился на свою родину въ Кантонъ, гдѣ д-ръ Моррисонъ старшій поручилъ ему распространеніе священныхъ книгъ между туземцами. Д-ръ Моррисонъ утверждаетъ, что въ 1832 г. Лянъ-а-фа напечаталъ 4 трактата, около 50 страницъ въ каждомъ, подъ названіемъ Гуанъ-ши-лянъ-янъ; содержали въ себѣ эти брошюры нѣсколько главъ Библии по переводу Моррисона, нѣсколько этюдовъ о различныхъ вопросахъ христіанства и разсужденія, основанныя на Библии. Хунъ-сю-цюань приобрѣлъ эти книги у Лянъ-а-фа, но не обратилъ на нихъ должнаго вниманія и, придя домой, лишь поверхностно разсмотрѣлъ ихъ и сложилъ въ ящикъ.

Въ 1837 г. онъ снова держалъ экзаменъ и опять потерпѣлъ неудачу. Надломленный организмъ его тогда не выдержалъ новаго испытанія. Хунъ-сю-цюань заболѣлъ и долго оставался въ постели. Въ это время его начали посѣщать галлюцинаціи и видѣнія, характеръ которыхъ доказываетъ, что въ данный періодъ Хунъ-сю-цюань не имѣлъ еще никакихъ идей о своей политической роли. Въ одномъ изъ своихъ видѣній онъ воображалъ себя сѣсеннымъ въ покойномъ креслѣ множествомъ людей, играющихъ на музыкальныхъ инструментахъ, и, омытый отъ всѣхъ нечистотъ, онъ вошелъ въ общество другихъ почетныхъ лицъ въ огромный, роскошный залъ. Человѣкъ преклоннаго

возраста, одѣтый въ черное платье, сидѣлъ здѣсь на высококомъ мѣстѣ. Какъ скоро онъ замѣтилъ Хунъ-сю-цюаня, онъ сказалъ ему: „Всѣ люди на землѣ созданы и управляются мною, они ѣдятъ мою пищу и носятъ мою одежду, но ни одинъ изъ нихъ въ сердцѣ своемъ не почитаетъ меня, или, что хуже всего, они пользуются моими дарами, а почитаютъ демоновъ. Они бунтуютъ противъ меня и возбуждаютъ зависть. Не подражай имъ“. Съ этими словами онъ далъ Хунъ-сю-цюаню мечъ для истребленія демоновъ, печать для побѣды надъ злыми духами и желтый фруктъ, который Сю-цюань съѣлъ и нашелъ сладкимъ на вкусъ. Тогда старецъ повелѣ Сю-цюаня внизъ и приказалъ ему смотрѣть на нравственное состояніе людей на землѣ, и Сю-цюань увидѣлъ тогда такую степень нравственнаго растлѣнія и порока, что глаза его не могли смотрѣть, и языкъ не могъ произнести ни слова. Старецъ поручалъ при этомъ Сю-цюаню работу исправленія человѣчества.

Видѣнія эти, въ описаніи которыхъ наблюдатель легко увидитъ сходство съ выступленіемъ на дѣятельность ветхозавѣтныхъ прорсковъ Исаи, Іереміи и Іезекіиля, продолжались у Сю-цюаня во всѣ 40 дней хода болѣзни. Воображеніе больного рисовало ему повсюду мятежи и волненія. Онъ преслѣдовалъ демоновъ, принимавшихъ образы звѣрей и птицъ, и, если другія средства въ борьбѣ съ ними не помогали, печать его всегда давала ему побѣду.

Во всемъ округѣ онъ сталъ извѣстенъ тогда за сумасшедшаго, каковое мнѣніе особенно укрѣпилось въ обществѣ, когда у Сю-цюаня началось обнаруженіе своего рода маніи величія, Онъ началъ часто называть себя верховно-назначеннымъ императоромъ Китая и былъ очень радъ, когда кто-либо титуловалъ его подобнымъ образомъ. Такимъ образомъ иллюзии изъ области религіозной начали переходить постепенно ближе къ практикѣ, и необходимъ былъ лишь ближайшій толчокъ, чтобы Сю-цюань изъ отвлеченнаго мечтателя сдѣлался практическимъ дѣятелемъ.

Но послѣднему не суждено еще осуществиться сейчасъ-же. Послѣ болѣзни Сю-цюань занимаетъ прежнее мѣсто бѣднаго сельскаго учителя, и до 1843 г. ничто не обнаруживаетъ въ немъ ни стремленія къ реформаторской дѣятельности, ни знакомства съ христіанствомъ, какъ ученіемъ „развращенныхъ“ и „невѣжественныхъ“ западныхъ варваровъ. Можно сомнѣваться даже, зналъ ли Хунъ-сю-цюань до 1840 г. что-либо объ европейцахъ. Изъ посѣщеній Кантона онъ могъ только усвоить себѣ свѣдѣнія, что нѣкоторымъ изъ нихъ позволено

одну часть года проводить въ качествѣ торговцевъ въ особомъ кварталѣ города и всегда подъ строгимъ запрещеніемъ сноситься съ китайцами. Онъ, можетъ быть, даже посѣщаль эту часть города, но знакомства съ европейцами, кромѣ вишняго, у него не было. Но послѣ 1840 года европейцы получили въ округѣ Кантона значеніе, благодаря настойчивому и вооруженному сопротивленію правительственнымъ мѣрамъ противъ торговли опиумомъ. Въ 1841 и 1842 гг. они получили въ глазахъ населенія совершенно особую характеристику, какъ люди, владѣющіе удивительными судами и орудіями войны, давшими имъ возможность побѣдить маньчжуровъ и продиктовать имъ безславный миръ. На родинѣ Сю-цюаня все это стало извѣстно въ 1843 г., когда одинъ изъ князей императорскаго дома Ци-инъ явился съ поклономъ къ европейцамъ, когда всѣ запрещенія съ торговли были сняты, и заключенный трактатъ объявилъ во всеуслышаніе объ открытіи 5-ти портовъ для вишняго торговли. Неудивительно поэтому, если въ данный періодъ нѣкто Ли, одинъ изъ близкихъ друзей Сю-цюаня, роясь въ библиотекѣ послѣдняго и найдя трактаты Ланъ-а-фа о религіи европейцевъ, не преминулъ тщательно ознакомиться съ ними.

Къ большому изумленію его и Хунъ-сю-цюаня они нашли въ данныхъ сочиненіяхъ ключъ къ разгадкѣ всѣхъ видѣній послѣдняго, посѣщавшихъ его 6 лѣтъ назадъ во время болѣзни, и оба сразу увлеклись и съ жаромъ отдались новому ученію. Они обратились къ христіанству, сами себя крестили, какъ поняли этотъ обрядъ изъ книгъ, и начали проповѣдывать ученіе другимъ на подобіе Ланъ-а-фа, отчетъ о проповѣдническихъ трудахъ котораго они нашли въ тѣхъ же книгахъ.

Новая секта Хунъ-сю-цюаня. Первыми послѣдователями Хунъ-сю-цюаня были лица того круга, гдѣ онъ вращался, какъ школьный учитель. Важнѣйшимъ изъ нихъ для послѣдующихъ событій былъ нѣкто Фынъ-юнь-сань, а затѣмъ отецъ и мать съ братьями и сестрами Хунъ-сю-цюаня. Небольшое общество скоро образовало „секту богопоклонниковъ“, которая начала быстро находить себѣ сторонниковъ въ Гуанъ-си (въ уѣздахъ: Пинъ-ань, У-сюань, Сянъ-чжоу, Гуй-сянь и въ сосѣднемъ департаментѣ У-чжоу-фу). Слѣдуя примѣру апостола Павла, Хунъ-сю-цюань и Фынъ-юнь-сань бродили изъ одного мѣста въ другое, подвергаясь различнымъ приключеніямъ. Въ апрѣлѣ 1848 года Хунъ-сю-цюань былъ въ Гуанъ-дунѣ, а Фынъ-юнь-сань попалъ въ тюрьму, изъ которой онъ однако скоро выбрался и присоединился къ своему учителю. Въ 1849 году они оба возвратились въ Гуанъ-си.

Въ ихъ отсутствіе въ сектѣ богопоклонниковъ произошла нѣкоторая перемѣна: одинъ изъ членовъ ея, вѣроятно эпилептикъ, схваченный припадкомъ во время молитвы, упалъ на полъ и началъ кричать и бормотать безсвязныя слова. Принятая за изліяція дара пророчества, слова эти были записаны, переложены въ стихи, и съ этого времени въ секту началъ проникать характеръ мистицизма, нашедшій себѣ быстро опору въ прежнихъ видѣніяхъ Хунъ-сю-цюаня. Событіе это представляется особенно важнымъ потому, что развитіе экзальтаціи, являющееся существеннымъ признакомъ всѣхъ мистическихъ сектъ, не мало способствовало росту и успѣху секты. До конца 1850 года однако богопоклонничество оставалось исключительно религіознымъ движеніемъ, осенью же этого года оно пришло въ столкновеніе съ мѣстными властями, и съ этихъ поръ почти немедленно приняло политическій характеръ самой острой и ожесточенной оппозиціи маньчжурскому правительству.

Въ 1850 году по нѣкоторымъ опредѣлившимся признакамъ Хунъ-сю-цюань понялъ, что онъ сдѣлался жертвою подозрѣнія мѣстныхъ властей и оказался вынужденнымъ взять въ руки оружіе для самозащиты. Первымъ пострадалъ одинъ изъ его послѣдователей сынъ его родственника, сильно работавшій противъ культа предковъ. Онъ былъ брошенъ властями въ тюрьму и скоро тамъ умеръ отъ пытокъ и звѣрскаго обращенія. Вслѣдъ затѣмъ власти сдѣлали попытку схватить Хунъ-сю-цюаня и Фынъ-юнь-саня, „какъ инициаторовъ и организаторовъ общества, которое не только вмѣшивается въ религіозныя дѣла другихъ лицъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ научаетъ бездѣльниковъ и тайно развиваетъ мятежные замыслы противъ правительства“. Окруженный въ мѣстѣ своего убѣжища правительственными войсками, Хунъ-сю-цюань впервые проявилъ здѣсь свои способности въ воинскомъ дѣлѣ и нанесъ своимъ врагамъ пораженіе, воодушевивъ сторонниковъ своихъ тѣмъ состояніемъ экстаза, которое уже всѣми признавалось теперь вдохновеніемъ Божиимъ.

Точную дату начала этого мятежа установить трудно. Манифесты самихъ тай-пиновъ, биографъ Хунъ-сю-цюаня и пекинская газета (Цзинь-бао) даютъ ее различно. Изъ свода ихъ получается средний выводъ—около начала октября 1850 года. Съ этой даты мы и будемъ считать начало религіозно-политической борьбы, конечныя дѣла которой вылились въ формѣ изгнанія маньчжуровъ повоустановленной династіею Тай-пиновъ, или Великаго мира.

Въ 1850 году послѣдователями Хунъ-сю-цюаня подняты были вол-

ненія. Въ своей ревности противъ идолопоклонства богопоклонники начали разрушать храмы и возбуждали народъ къ неповиновенію властямъ. Къ загорѣвшей распрѣ сейчасъ же примкнулъ давно уже упрочившійся на югѣ духъ вражды и ненависти между хакка и бэнь-ди. Сю-цюань и его послѣдователи, въ большинствѣ случаевъ принадлежавшіе къ партіи хакка, ревностно стояли за своихъ сторонниковъ, и повсюду, гдѣ бы ни испытывали хаккаскія поселенія угнетенія отъ бэнь-ди, они являлись на помощь, провозглашая въ то же время поклоненіе верховному богу (шань-ди) съ Хуань-сю-цюанемъ. Такимъ образомъ населеніе Гуань-си подѣлилось на партіи. Когда отрядъ правительственныхъ войскъ былъ посланъ захватить главарей движенія, и одинъ изъ сторонниковъ Сю-цюаня, Юнь-шань, былъ захваченъ, то партія богопоклонниковъ наполнилась энтузіазма и захватила Лянь-чжоу, значительное торговое мѣстечко въ уѣздѣ Гуй-сянь, округа Синь-чжоу-фу, провинціи Гуань-си. Это происшествіе привлекло подъ знамена возставшихъ сразу всѣ тѣ бродящіе, недозвольные, полуголодные и немѣющіе средствъ къ жизни элементы населенія южнаго Китая, о которыхъ мы упоминали, и въ самое короткое время изъ незначительной партіи Сю-цюаня составилась уже банда, опасная для мѣстныхъ властей. Городокъ Лянь-чжоу скоро былъ ими укрѣпленъ, и вся обстановка начала принимать видъ военнаго лагеря, что не только не тяготило жителей Лянь-чжоу, но скорѣе было желательно для нихъ, такъ какъ давало имъ доходы. Хунь-сю-цюань сразу объявилъ неприкосновенными жизнь и собственность мѣстныхъ жителей, и этотъ фактъ явился однимъ изъ лучшихъ залоговъ его успѣха. Въ противоположность ему правительственная войска обрушились всею своею тяжестью на мирное населеніе провинціи, и тѣмъ еще болѣе способствовали увеличенію отряда Сю-цюаня. Послѣдній въ это же время убѣдилъ нѣсколькихъ богатыхъ членовъ общества Тріады сдѣлать денежные вклады въ пользу начатаго предпріятія и предоставить эти суммы въ его распоряженіе. Одинъ изъ религиозныхъ учителей былъ въ это время уличенъ въ расхищеніи новообразовавшагося фонда, но публичный судъ и смертная казнь послужили хорошимъ предостереженіемъ для лицъ, желавшихъ слѣдовать его примѣру, и ободрили всѣхъ вѣровавшихъ въ успѣхъ дѣла. Видя такую строгость, нѣкоторые изъ вождей общества Тріады отдѣлились отъ Сю-цюаня и примкнули къ правительственной партіи, каковое отпаденіе дало Сю-цюаню поводъ объявить свой разрывъ съ Тріадою и требовать, чтобы всякій изъ его послѣдователей прекра-

щаль всё сношенія съ этимъ обществомъ. Разроставшаяся сила войскъ Сю-цюаня не позволила ему долго оставаться бездѣйственнымъ, и изъ Лянь-чжоу онъ двинулся на Тай-цзунь, который былъ осажденъ имъ въ такомъ строгомъ китайскомъ военномъ стилѣ, что всё окрестные жители не могли надивиться его искусству.

Въ 1852 г. Сю-цюанемъ былъ взятъ городъ Юнь-ань-чжоу, и отряды послѣ этого изъясляли все больше и больше тяготѣнія къ сѣверу. Нѣсколько поражений, нанесенныхъ ими императорскимъ войскамъ, воодушевляли ихъ и вдохнули имъ надежду на успѣхъ въ борьбѣ. Въ началѣ 1853 г. они атаковали уже Гуй-линь-фу, главный городъ провинціи Гуанъ-си, но, будучи не въ силахъ взять укрѣпленнаго стѣною города, оставили его въ покоѣ, перешли границу провинціи и вошли въ Ху-нань. Здѣсь они захватили городъ Дань, который далъ имъ доступъ къ рѣкѣ Сянь-цзянъ и средства къ передвиженію по рѣкѣ. Дальше путь для войскъ Сю-цюаня по долинѣ Сянь-цзяна былъ открытъ. Округа Винь-чжоу, Гуй-янь-чжоу и Ань-жень одинъ за другимъ перешли въ ихъ руки, пока, наконецъ, 18-го сентября они не добрались до Чанъ-ша-фу, столицы Ху-наня. Чанъ-ша и Сянь-шань вмѣстѣ образуютъ огромный городъ, и защитники его очень хорошо сознавали и ту важность, которую обладаніе имъ представляетъ для мятежниковъ, и ту опасность, которая угрожаетъ имъ самимъ, если они окажутся во власти тай-пиновъ. 80 дней пытались войска Сю-цюаня овладѣть стѣнами города, но наконецъ 1-го декабря успѣли въ своихъ желаніяхъ, а 13-го декабря они добрались уже до Ю-чжоу-фу, которымъ и овладѣли безъ боя. Десятью днями позже, обогатенные и ободренные полученною ими добычей, они уже захватили Хань-янь и Учанъ-фу, столицу провинціи Ху-бэй, лежащую на лѣвомъ берегу Янь-цзы. Гарнизоны этихъ городовъ не успѣли убѣжать и во множествѣ были убиты. Хань-чжоу-фу и Цзю-цзянь-фу, главные города префектуръ, были захвачены тайпинами 12-го января и 18-го февраля, а Ань-цинъ-фу, столица провинціи Ань-хой, недѣлю поздыѣ. Ничто, казалось, не было въ силахъ противостоять движенію инсургентовъ, и 8-го марта они уже расположились лагеремъ передъ Нанкиномъ. Гарнизонъ послѣдняго, состоявшій изъ китайцевъ и маньчжуровъ, не оказалъ однако большаго сопротивленія, чѣмъ китайскіе отряды въ другихъ городахъ. Въ 10-ть дней стѣны его были разрушены, защитники не сдавшіеся умерщвлены, включая самого Лу, генераль-губернатора провинціи. Чжэнь-цзянъ и Янь-чжоу скоро испытали ту же судьбу, лишивъ

такимъ образомъ правительство Пекина возможности пользоваться Великимъ каналомъ.

О движеніи тай-пиновъ изъ Гуанъ-си къ Нанкину у насъ вообще имѣется немного извѣстій. Въ сентябрѣ 1852 г. пекинская Цзинъ-бао торжественно опубликовала извѣстіе о полной побѣдѣ императорскихъ войскъ надъ мятежниками и о взятіи въ плѣнь самого Тянь-вана. Напечатана даже была его исповѣдь, въ которой Тянь-дэ сознавался въ своихъ грѣхахъ и объяснялъ причины возстанія. Онъ говорилъ, что неудачи на экзаменахъ и литературномъ поприщѣ вызвали въ немъ жестокое озлобленіе противъ правительства, и онъ началъ изучать стратегію, чтобы со временемъ поднять мятежъ противъ правительства. Два неудачника на экзаменахъ, горѣвшіе, какъ и онъ, жаждою мести, примкнули тогда къ обществу Санъ-хэ-хуй или Тріады и предложили ему начальство надъ собранными у нихъ шайками негодяевъ, при чемъ одинъ изъ нихъ, Хунъ-сю-цюань, назвался его первымъ лейтенантомъ, съ именемъ Тай-пинъ. Благодаря помощи жителей Гуанъ-си и членовъ Тріады, Тянь-дэ имѣлъ сначала неожиданный успѣхъ, и тогда его приверженцы заставили его превозгласить себя претендентомъ на императорскій престолъ. Затѣмъ онъ былъ схваченъ.

Здѣсь мы видимъ совершенно новую исторію возстанія, — какую-то личность Тянь-дэ, совершенно отличную отъ Хунъ-сю-цюаня, захваченную якобы въ плѣнь властями и подлежащую суду. Больше мы о ней ничего не знаемъ, и это просто потому, что весь разказъ Цзинъ-бао, сверху до низу, — вымыселъ, объясняемый одною привычкою китайскихъ чиновниковъ давать ложныя показанія въ своихъ видахъ, и отсутствіемъ возможности для центрального правительства контроля надъ ними. Подлогъ же въ данномъ случаѣ совершенно очевиденъ, такъ какъ Тянь-дэ — не больше какъ названіе годовъ правленія Тянь-вана, и мнимому пораженію тай-пиновъ противорѣчить все ихъ триумфальное шествіе изъ Гуанъ-си въ долину Янь-цзы-цзяна.

Совершенно иначе характеризуетъ положеніе дѣлъ и движеніе отрядовъ Хунъ-сю-цюаня современникъ событій, миссіонеръ de la Plasse въ своемъ донесеніи изъ Гуанъ-си отъ 6-го ноября 1852 года.

„Нужно признать, пишетъ онъ, что императоръ Сянь-фынь и его министры совершенно, повидимому, сошли съ ума. Въ тотъ моментъ, когда имъ необходимо употребить всѣ старанія для успокоенія народа, они даютъ его налогами, вооружаютъ противъ себя назначеніемъ разныхъ тяжелыхъ работъ. Для снаряженія нѣсколькихъ правительствен-

ныхъ солдатъ угнетаются сотни семей, у коихъ отнимаются волю и другое имущество. Предполагаемые защитники отечества—тѣ же разбойники, грабящіе мирныхъ гражданъ въ ихъ собственныхъ домахъ. Повсюду начинается ропоть въ пользу мятежниковъ, и желанія прихода ихъ нигдѣ не скрываютъ. Сами мандарины, ожидая освобожденія отъ маньчжурскаго владычества, раздѣляютъ часто послѣднее желаніе. Мятежники же, въ контрастъ правительственнымъ войскамъ, ведутъ себя примѣрно. Ни грабительство, ни безчиній они не производятъ, и ихъ прокламаціи съ самаго начала ясно формулировали цѣль ихъ движенія:

„Мы не желаемъ маньчжурскаго владычества, и будемъ истреблять однихъ маньчжуръ. Чиновники китайцы, если они не покорятся раньше, да будутъ казнены. Народъ же уважается: купецъ пусть будетъ при своемъ дѣлѣ, и путешественникъ да будетъ спокоенъ въ дорогѣ“.

Нѣсколькими мѣсяцами позднѣе викарій Ху-гуана,—то-есть провинцій Ху-бэй и Ху-нань, по которымъ прошли тай-пины,—отъ 28-го января 1853 года писалъ въ томъ же тонѣ:

„Революціонныя войска кажутся прекрасно дисциплинированными и гораздо высшими въ отношеніи военной тактики, чѣмъ правительственныя. Они провозглашаютъ вездѣ свое желаніе освободить Китай отъ маньчжурскаго ига. Императорскія войска падаютъ все ниже и ниже. Испуганная рѣшительностью мятежниковъ, они, повидимому, избѣгаютъ всякихъ столкновеній съ ними и довольствуются отступленіемъ, предоставляя во власть непріятеля всю страну. Солдаты массами дезертируютъ, а офицеры придумываютъ тысячи поводовъ для оставленія службы. Таково же поведеніе и гражданскихъ чиновниковъ“.

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, если при подобномъ поведеніи правительственной партіи все населеніе Китая естественно склонялось на сторону мятежниковъ и отдавало имъ свои земли, поселки и города безъ сопротивленія.

Тай-пинская экспедиція на сѣверъ къ Пекину. Спустя 2 мѣсяца послѣ взятія Нанкина и другихъ городовъ провинціи Цзянь-су, тай-пины чувствовали уже такъ много вѣры въ себя, что они снарядили отрядъ для движенія на сѣверъ къ Пекину. Подробностей и свѣдѣній о составѣ этой дивизіи у насъ не имѣется, но данныя о ея походѣ передаетъ пекинская Цзинь-бао. Тай-пинскіе отряды высадились съ джонковъ на Янь-цзы близъ Хо-чжоу и двинулись къ Лю-хэ и Фынъ-янь-фу, не встрѣтивъ нигдѣ серьезнаго сопротивленія. Послѣ

пересѣченія провинціи Ань-хуй они вошли въ предѣлы Хэ-наня и быстро обложили столицу ея Кай-фынь-фу. Три дня спустя они были отбиты отъ Кай-фына, и вожди отрядовъ двинулись по долинѣ Хуанъ-хэ къ западу и пересѣкли ее у Хуай-цинъ-фу. Здѣсь совершенно необычнымъ сопротивленіемъ правительственныхъ войскъ они были задержаны на два мѣсяца, затѣмъ вынуждены были снять осаду и пошла на западъ въ провинцію Шань-си, гдѣ взяли Пинъ-янъ-фу и обошли непріятеля, повернувъ къ востоку и сѣверо-востоку и пройдя черезъ переваль Лю-минъ въ провинцію Чжи-ли. У нихъ было намѣреніе идти по долинѣ рѣки Вэй-хэ на городъ Линъ-цинъ-чжоу до Великаго канала, но имъ пришлось сдѣлать нѣсколько сотъ верстъ въ обходъ, изъ долины Желтой рѣки по глубокимъ ущельямъ, ведущимъ на плато южнаго Шань-си. Въ октябрѣ 1853 года ими былъ взятъ въ Чжи-ли городъ Цзинъ-чжоу, а отсюда одинъ изъ ихъ отрядовъ прошелъ къ Цзинъ-хай-сяню не вдалекѣ отъ Тянь-цзиня на Великомъ каналѣ. Отрядъ, посланный на Тянь-цзинь, былъ отраженъ, а вслѣдъ затѣмъ и весь этотъ сѣверный корпусъ повернулъ къ югу и, перейдя провинцію Ань-хуй, соединился въ мартѣ 1855 года съ главными силами Тянь-вана. Онъ, впрочемъ, оставался въ теченіе цѣлаго года въ Чжи-ли, но ничѣмъ не ознаменовалъ своего пребыванія тамъ. Походъ этого корпуса представляется не менѣе замѣчательнымъ фактомъ, чѣмъ движеніе самого Сю-цюаня къ Янь-цзы-цзяву. За шесть мѣсяцевъ этотъ тай-пинскій корпусъ перешелъ черезъ 4 провинціи, взялъ 26 городовъ, продолжалъ все время наступленіе и безостановочно разбивалъ всѣ выславшіяся противъ него правительственные отряды на протяженіи всѣхъ 1.500 англійскихъ миль своего похода. Причина возвращенія его остается доселѣ невыясненною, но, съ момента поворота его на югъ по каналу, Пекинъ и Дай-цзинская династія могли считаться спасенными. Вторая подобная экспедиція была для тай-пиновъ невозможна.

Въ то же самое время, когда Пекину и долинѣ Хуанъ-хэ угрожалъ сѣверный корпусъ, упроченіе въ рукахъ тай-пиновъ Нанкина, Чжэнь-цзяна и Хо-чжоу съ основаніемъ огромной флотиліи на Янь-цзы, доводившей свои джонки до И-чана въ Ху-бей на протяженіи свыше 600 англійскихъ миль, окончательно отдѣлило отъ власти богдыхана семь южныхъ провинцій Китая. Долина Янь-цзы на 50—150 миль отъ русла постоянно посѣщалась отрядами Тянь-вана, искавшими себѣ фуража и запасовъ. Тай-пинскія джонки проникали до Нанъ-чанъ-фу въ Цзянь-си и выше Чанъ-ша-фу по Сянь-цзяву въ Ху-

нани забирали отовсюду провіантъ или для Нанкина или для собственныхъ нуждъ.

Успѣхъ тай-пиновъ и Тянь-вана вызвалъ цѣлый рядъ подражаній и въ другихъ провинціяхъ Китая, и пекинскому правительству оказывалось совершенно уже не подъ силу бороться со всѣми волненіями и возстаніями въ имперіи. Въ Сы-чуани и Гуй-чжоу нѣкто Ши-та-кай образовалъ значительные отряды и вызвалъ провинціальныхъ властей на не вѣроятныя усилія для борьбы съ собою. Въ Гуанъ-дунѣ огромная шайка всякаго сброда въ 1854 году нѣкоторое время держала въ осадѣ самый Кантонъ, но въ слѣдующемъ 1855 году она уже распалась. Разрушеніе Фо-шань-тина, Чжао-цянъ-фу и другихъ городовъ мятежниками свидѣтельствовало наглядно, что единственною цѣлью этого движенія былъ грабежъ, хотя вначалѣ и этихъ мятежниковъ считали за тай-пиновъ. За 14 мѣсяцевъ до августа 1856 года въ Кантонѣ было казнено до 100 тысячъ человекъ, потеря же жизней въ періодъ этихъ волненій исчитывается свыше милліона.

На Формозѣ и Хай-нанѣ, равно какъ въ Юнь-нани и Гань-су, мѣстныя власти также считались съ народными броженіями и часто имѣли столкновенія съ отрядами инсургентовъ, пытавшихся отложиться отъ центрального правительства.

Всѣ эти волненія въ разныхъ мѣстахъ Собственнаго Китая, способствуя ослабленію центральной власти, естественно должны были способствовать въ то же время упроченію владычества тай-пиновъ. Однако съ періода водворенія Тянь-вана въ долину Янь-цзы мы уже не видимъ роста его государства и укрѣпленія его власти, а констатируемъ совершенно обратное явленіе начала упадка и разложенія.

Причинъ этому нѣсколько.

Будемъ ли мы объяснять успѣхъ тай-пинскаго движенія выдающимися дарованіями племени хакка или только личными способностями Тянь-вана, но участіе южныхъ китайцевъ и ихъ первенствующая роль въ возстаніи не могутъ подлежать сомнѣнію. Это обстоятельство, скрѣплявшее тай-пинскіе отряды въ періодъ ихъ наступательнаго движенія на сѣверъ, оказалось одною изъ главныхъ причинъ упадка ихъ государства. Въ долину Янь-цзы южные китайцы оказались нелюбимымъ и часто даже ненавистнымъ элементомъ населенія, главенство котораго для китайцевъ представлялось на столько же позорнымъ, на сколько и самое главенство маньчжуровъ. Если одною изъ причинъ возвращенія сѣвернаго корпуса тай-пиновъ въ Нанкинъ признается

крайняя затруднительность пребыванія для солдатъ этого отряда въ странѣ, гдѣ языкъ ихъ оказывался совершенно непонятнымъ, а населеніе совершенно имъ чуждымъ, то та же причина дѣйствовала несомнѣнно, хотя и въ болѣе слабой степени, и въ долинѣ Янь-цзы. Вотъ почему тай-пиновъ принимали охотно за избавителей отъ маньчжуровъ, но никогда не трактовали ихъ какъ повелителей и завоевателей. Вотъ почему и сами главы ихъ движенія нигдѣ по завоеваннымъ городамъ не принимали на себя роли правительства, не устанавливали своей администраціи, не назначали опредѣленныхъ податей и налоговъ, не заботились объ урегулированіи воинскаго дѣла и не предпринимали никакихъ мѣръ для упроченія своей власти или закрѣпленія за собою отнятыхъ у маньчжурскаго правительства земель. Даже въ тѣхъ городахъ и округахъ, которые просили Тянь-вава о помощи противъ пекинскаго правительства или другихъ враговъ, Тай-пины довольствовались однимъ освобожденіемъ населенія отъ ихъ угнетателей и затѣмъ предоставляли ихъ самимъ себѣ.

Кромѣ этой этнографической причины, способствовавшей разединенію тай-пиновъ съ населеніемъ долины Янь-цзы, подобнымъ же образомъ должна вліять на дѣло и доктрина богопоклонничества. Если въ тѣсномъ кружкѣ первыхъ послѣдователей Хунь-сю-цюаня эта доктрина являлась связующимъ звеномъ и давала поэтому молодому обществу силу, то перенесенная на почву обще-китайской жизни, она оказывалась совершенно несроднымъ для массы населенія ученіемъ. Скорѣе ненависть могло возбуждать это ученіе въ китайцахъ, если бы они могли понять, что въ основѣ данной доктрины лежатъ тѣ убѣжденія и вѣрованія, которыми живутъ и питаются „заморскіе черти“ (янь-гуй-цзы). Посему то тай-пинское движеніе, какъ революція, имѣвшая своею задачею перестроить китайское общество по искаженнымъ принципамъ христіанства, потерпѣло неудачу немедленно же по завоеваніи Нанкина, и ни малѣйшаго отраженія въ китайскомъ обществѣ тѣхъ ученій, которыя излагались въ манифестахъ, приказахъ и сочиненіяхъ, исходившихъ отъ Нанкинскаго двора, мы не видимъ.

Такимъ образомъ, не имѣвшіе естественной связи съ мѣстнымъ населеніемъ и не желавшіе утверждать свою власть насильно, Тай-пины оказались не у мѣста въ центральномъ Китаѣ.

Не было также и надежды, чтобы какой либо изъ тай-пинскихъ главъ движенія развилъ въ себѣ и блестящимъ образомъ выказалъ способность инициативы по введенію правильной администраціи и

учрежденію должнаго и прочнаго государственнаго контроля, такъ какъ ни у одного изъ нихъ прежде всего не имѣлось практической опытности въ дѣлѣ государственнаго управленія, и самыя простыя вопросы объ обложеніяхъ и повинностяхъ представлялись для нихъ дѣломъ непреодолимой трудности. Набирая свои войска безпорядочно, тай-пинъ, по водвореніи въ Нанкинѣ, заставляли плѣнниковъ и недавнихъ сторонниковъ правительственной партіи сражаться на ряду съ своими приверженцами и тѣмъ естественно рисковали, въ случаѣ сомнительнаго исхода любой битвы, потерять значительное число солдатъ отъ дезертирства. При отсутствіи правильной системы пополненія центральнаго государственнаго казначейства главы движенія не всегда могли располагать достаточными средствами для найма солдатъ и покупки запасовъ, и это обстоятельство скоро вызвало усиленные поборы съ населенія, вооруживъ послѣднее противъ нанкинскихъ властей точно также, какъ оно раньше вооружало народъ противъ Пекина.

Наконецъ, продолжительность междоусобицы скоро стала тягостною для населенія. Въ теченіе трехъ лѣтъ послѣ взятія Нанкина народъ въ бассейнѣ Янъ-цзы испытывалъ непрерывное бѣдствіе. Арміи той и другой изъ враждующихъ сторонъ постоянно пересѣкали долину и бродили по ней тамъ и здѣсь. Отказъ въ снабженіи солдатъ пищею, одеждою и скотомъ принимался послѣдними за принадлежность жителей къ враждебной партіи, и въ обоихъ случаяхъ разореніе и нищенство или смерть оказывались для мирныхъ обывателей результатомъ столкновенія съ войсками любой стороны.

Самъ Тянь-ванъ по завоеваніи Нанкина уже становится въ рядъ обычныхъ китайскихъ императоровъ и перестаетъ играть роль, предоставляя дѣятельность своимъ ближайшимъ приверженцамъ. Но между послѣдними вскорѣ же начинаются раздоры, приводящіе для нѣкоторыхъ изъ главъ движенія даже къ смертному исходу.

Такимъ образомъ ни въ самомъ тѣлѣ, ни въ головѣ государственнй организмъ новооснованнаго тай-пинскаго государства не обнаружилъ здоровыхъ задатковъ для долгаго и безопаснаго существованія. Но возможно, что при той безпорядочности государственной жизни и отсутствіи централизаціи, которыя всегда являются отличительною чертою Китая, а въ этотъ періодъ достигли своего высшаго развитія, возможно, что тай-пинское государство просуществовало бы еще долго. Но періодъ его жизни въ долинѣ Янъ-цзы совпалъ со временемъ второй европейской войны съ Китаемъ, по окончаніи которой англи-

чане, французы и американцы вмѣшались въ дѣла Срединной имперіи. Противиться соединеннымъ силамъ пекинскаго правительства и европейцевъ съ ихъ дисциплинированными войсками у тай-пиновъ не стало силъ и умѣнья, и въ этотъ второй періодъ своего существованія, періодъ кратковременной борьбы съ европейцами, тай-пинское движеніе падаетъ и разрушается также легко и быстро, какъ оно создалось, а населеніе завоеванныхъ Тянь-ваномъ земель безъ всякаго сопротивленія, съ тою же пассивностью, переходитъ во власть своихъ прежнихъ повелителей маньчжуровъ, съ какою оно еще недавно отдало себя въ руки Хунь-сю-цюаня.

Димитрій Позднѣевъ.

ГРЕЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ О НАБѢГѢ КАЗАНОВЪ НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ ВЪ НАЧАЛѢ XVII ВѢКА ¹⁾.

Въ Аѳонскомъ Иверскомъ монастырѣ находится греческая рукопись XVII вѣка № 167, содержащая въ себѣ одну изъ редакцій Псевдодорофея (см. мой отчетъ о заграничныхъ занятіяхъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1896 г., № 11). На послѣднемъ (580) чистомъ листѣ сдѣлана слѣдующая приписка.

Κατὰ τῷ ϕζρλα ἐν μηνὶ ἰουλλίῳ εἰς τὴν θ̄ ἡλθον ἐκ τοῦ ξανθοῦ γένους ἡγοον καζάκοι λεγόμενοι ἕως ρ̄ μονόξυλα τὸν ²⁾ ἀριθμὸν ³⁾ ὄντα ἕως ἑξή χιλιάδες Ροῶσι καὶ ἐκούραευσαν τὸ κατὰ στενον ὄλον ἀπὸ τὸ Ἱερὸν ἕως τὸ Νεοχώρι καὶ εἰς ⁴⁾ Σωσθένιον ⁵⁾ καὶ τὰ περίχωρα ὄλα τοῦ Στενοῦ καὶ ἐποίησαν εἰς αὐτὰ αἰχμαλωτισμὸν μέγαν. καὶ ἡλθον εἰς χάραγμα τῆς ἡμέρας καὶ ἕως ὥρας ἕκτης ἐδιέβησαν εὐλαβεῖς μόνον ἕως ἑ ὀνόματα οἱ ⁶⁾ μισοὶ ⁷⁾ ἐκόπησαν. καὶ οἱ ἕτεροι ἐσπλαγίσθησαν καὶ ἔβαλαν καὶ φωτίαν καὶ ἔκασαν δύο μαχαλάδας. καὶ διὰ τοῦτο ⁸⁾ ἔκτισαν τὰ νεόκαστρα εἰς τὸ Ἱερὸν ἀπάνω τῆς δύσεως καὶ τῆς ἀνατολῆς. Τὸν αὐτὸν χρόνον πατριάρχου ὄντος τότε Κύριλλος ὁ μακαριώτατος καὶ παναγιώτατος ὁ ἐκ Κρήτης καὶ βασιλεύοντος τότε ἐκ τῆς Ἁγαρ ὁ σουλτάν Μουράτης τοῦ σουλτάν Ἀχμέτη ὁ υἱός, τοῦ σουλτάν Οὐσμάνη ὁ ἀδελφός, ὁποῦ τὸν ἐσκότωσαν οἱ ἀνοικζάροι. καὶ οὐχὶ μόνον τὸν βασιλέαν τους ἐσκότωσαν, ἀλλὰ καὶ τὸν βεζιρην καὶ ἡανειτζάραγαν καὶ ὄλλους τοὺς πασάδες καὶ με(γ)ιστάνους. καὶ ἔγινεν εἰς αὐ-

¹⁾ Библиографическія указанія о набѣгахъ казаковъ на Константинополь обязательно были сообщены мнѣ А. И. Маркевичемъ.

²⁾ Въ рук. τῶν ἀριθμῶν.

³⁾ Въ рук. εἰρσοθένιον.

⁴⁾ Въ рук. ἡμησοί.

⁵⁾ Въ рук. τούτου.

τοὺς τὸν χρόνον ἔχαινον πολὴν καταδίκτην καὶ ἔβαλαν ἀντ' αὐτοῦ βασιλεῖα τὸν σουλτάν Μουσταφὸν λαλὸν καὶ πεπλαημένον ¹⁾. Въ переводѣ это будетъ такъ: Въ лѣто 7131 (1623) въ июлѣ мѣсяцѣ въ 9-й день пришли изъ бѣлокураго рода такъ называемые казаки на моноксилахъ числомъ около ста; на нихъ было до шести тысячъ руссовъ. Они ограбили весь Босфорскій проливъ, начиная отъ Герона до Неохора (Еникоѳи) и Сосфенія, и всѣ окрестности пролива и произвели тамъ большой захватъ плѣнныхъ. Пришли они на разсвѣтѣ и до шестаго часа осталось изъ нихъ только до 60 человекъ; половина же ихъ была изрублена, а остальные взяты въ плѣнъ. Но они успѣли бросить огонь и сожгли два квартала. Вслѣдствіе этого (турки) построили двѣ новыхъ башни въ Геронѣ, одну на европейскомъ берегу, другую—на азиатскомъ. Въ то время патріаршествовалъ блаженнѣйшій и святѣйшій Кириллъ критянинъ, а царствовалъ тогда агарянинъ султанъ Мурадъ, сынъ султана Ахмеда, братъ султана Османа. Последняго убили янычары и не только своего султана они убили, но и визиря и своего главнокомандующаго, и всѣхъ пашей и знатныхъ. И было среди нихъ въ то время большая рѣзня. И посадили они вмѣсто него (то-есть, Османа) на царскій престолъ султана Мустафу, человекъ не въ полномъ разсудкѣ.

Описаніе нападенія казаковъ сопровождается нѣкоторыми историческими указаніями. Во время нападенія патріархомъ былъ Кириллъ. Дѣйствительно, въ первую половину 1623 года патріаршій престолъ занималъ Кириллъ I Лукарьскій, оставившій патріаршескій престолъ 17-го мая того же года ²⁾. Далѣе говорится, что въ то время царствовалъ султанъ Мурадъ, сынъ султана Ахмеда и братъ султана Османа. При этомъ сообщается, что султанъ Османъ былъ убитъ янычарами вмѣстѣ съ визиремъ и агой янычара и на султанскій престолъ посаженъ Мустафа. Проверяя эти указанія, видимъ, что перечисленные событія, дѣйствительно, имѣли мѣсто въ томъ же 1623 году, хотя и во второй половинѣ. Султанъ Ахмедъ I умеръ въ 1617 году и послѣ него царствовалъ Османъ II до 20-го мая 1622 года. Въ половинѣ мая этого года начались возмущенія среди янычаръ, оставшихся недовольными невадолго передъ этимъ бывшимъ азиатскимъ походомъ и требовавшихъ отрѣшенія своихъ начальниковъ. 19-го мая янычары повторили свое требованіе, но султанъ рѣшительно отказалъ. Улемы, переда-

¹⁾ При установленіи текста я пользовался помощью С. Д. Пападимитріу.

²⁾ Γεσεώφ, Πατριарχικὴ βίβλος, стр. 551.

вашіе султану требованіе янычаръ, возвратились къ послѣднимъ и сказали: „Наше слово не дѣйствуетъ, ступайте — говорите сами“. Среди янычаръ раздался крикъ: „Хотимъ султана Мустафу!“ Мустафа былъ сынъ Могамета III, братъ Ахмеда I и приходился слѣдовательно дядей Осману. Ему въ это время было тридцать лѣтъ, но это былъ слабоумный, чуть ли не идиотъ. Во время описываемыхъ событій онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Янычары съ крикомъ бросились къ мѣсту его заключенія, вломили крышу, и одинъ изъ нихъ спустился внизъ и нашелъ тамъ Мустафу. Когда онъ объявилъ Мустафѣ объ его избраніи, тотъ только отвѣтилъ: „Я хочу пить“. Оказалось, что онъ уже три дня ни пилъ, ни ѣлъ. Янычары: вытащили его изъ тюрьмы и, такъ какъ онъ отъ слабости не могъ сидѣть верхомъ на лошади, то его понесли на носилкахъ. Между тѣмъ султанъ Османъ совѣщался въ сераѣ съ великимъ визиремъ и другими, что дѣлать. Ему совѣтывали убѣжать на время въ Азію, но это сдѣлать не удалось, такъ какъ не оказалось ни одной лодки. На другой день ага янычаръ отправился было къ послѣднимъ съ деньгами, надѣясь ихъ усмирить этимъ, но едва лишь онъ сталъ говорить къ янычарамъ, какъ былъ тотчасъ сброшенъ и изрубленъ. Послѣ этого янычары бросились къ сераю и захватили тамъ султана Османа, который въ тотъ же день и былъ звѣрскимъ образомъ убитъ. Его преемникъ Мустафа царствовалъ не долго, и 10-го сентября 1623 года уступилъ престолъ Мураду IV¹⁾.

Въ прочитанной записи говорится о набѣгѣ казаковъ на Константинополь въ 1623 году и притомъ указывается даже время набѣга — 9-е іюля. Знаемъ ли мы что нибудь объ этомъ набѣгѣ изъ другихъ источниковъ? Въ отвѣтъ на это прежде всего нужно сказать, что относительно набѣговъ казаковъ на Константинополь наши свѣдѣнія оказываются недостаточными, а изслѣдованія, посвященные этому вопросу, отличаются спутанностью. Гаммеръ въ своей Исторіи Османскаго государства ничего не говоритъ о нападеніи казаковъ въ 1623 г., а наоборотъ, повѣствуя про 1624 г., говоритъ, что 21-го іюля казаки въ первый разъ появились въ Босфорѣ въ виду Константинополя²⁾. Наши русскіе историки даютъ довольно скудные свѣдѣнія по тому же вопросу. Костомаровъ³⁾ упоминаетъ только о

¹⁾ *Hammer*, Geschichte des Osmanischen Reiches, 2-е изд. (1834), т. II, стр. 793—835.

²⁾ *Hammer*, Geschichte... т. II, стр. 40—42.

³⁾ *Костомаровъ*, Блгданъ Хмельницкій, изд. 3-е (1870), т. I, стр. LXVI.

походѣ казаковъ въ 1622 и 1624 гг. Смирновъ въ своей книгѣ „Крымское Ханство“, стр. 493 глухо говоритъ о набѣгѣ казаковъ въ 1624 г. Затѣмъ Эварницкій въ своей „Исторіи Запорожскихъ казаковъ“ подробно говоритъ о нападеніи казаковъ на Константинополь именно въ 1623 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ. Въ виду того, что рассматриваемая греческая записка говоритъ именно о нападеніи 1623 г., я считаю нужнымъ нѣсколько остановиться на указанной страницѣ Исторіи г. Эварницкаго. Упомянувъ о нападеніи казаковъ на Молдаво-Валахію въ 1622—1623 гг., авторъ говоритъ, что въ томъ же году, то-есть, въ 1623, въ іюнѣ мѣсяцѣ казаки на ста чайкахъ пустились въ Черное море. Первоначально они направились къ Кафѣ, гдѣ стоялъ турецкій флотъ, присланный сюда для усмиренія возмущившагося крымскаго хана. Казаки помогли послѣднему. Послѣ этого они двинулись далѣе и 21-го іюля показались въ виду Константинополя. На другой день они ушли, но появились вновь чрезъ нѣсколько дней. Они воюгли босфорскій маякъ, разорили нѣсколько прибрежныхъ селеній и ушли опять въ открытое море. Но 7-го октября они снова ворвались въ самый Босфоръ, разграбили на берегу его селеніе Еникѣи и благополучно возвратились назадъ ¹⁾. Казалось бы, что это и есть тотъ самый набѣгъ, о которомъ говоритъ рассматриваемая записка. Оказывается—совершенно нѣтъ. Г. Эварницкій ссылается здѣсь на книгу Смирнова „Крымское ханство“, стр. 493, но Смирновъ говоритъ о набѣгѣ казаковъ 1624 г. Эварницкій вслѣдъ за походомъ 1623 г. описываетъ походъ 1624, при чемъ источникомъ его является Исторія Османскаго государства Гаммера, причемъ онъ, переводя слово за словомъ свой источникъ, не умѣлъ прочесть даже названія мѣстечекъ, разграбленныхъ казаками: Іенікѣ у него является въ видѣ Зеніке. Спрашивается все-таки, откуда же г. Эварницкій взялъ подробное описаніе набѣга 1623 года? Посмотримъ сначала, что говоритъ Костомаровъ. „По восточнымъ извѣстіямъ“, говоритъ онъ „двадцать тысячъ войска вторгалось въ Молдавію и Валахію. То были своевольные казаки. Въ отплату за нарушеніе мира въ іюнѣ 1624 года Кентемиръ Мурза, вышедши изъ Молдавіи съ тридцатью тысячами изъ Бессарабіи, опустошилъ огнемъ и мечемъ дворы и села около Ярослава, Березина, Красна, Мекдишева и ушелъ со множествомъ плѣнниковъ. Въ отмщеніе за то, въ сентябрѣ того же года казаки на ста чайкахъ спустились въ Черное море. Турецкій флотъ

¹⁾ Эварницкій, Исторія Запорожскихъ казаковъ, т. II, стр. 205.

стоялъ тогда въ Крыму въ Кафѣ, занятый укрощеніемъ тамошнихъ междоусобій. Казаки дошли до окрестностей Константинополя и 7-го октября ограбили и отчасти сожгли селеніе Еникіон на берегу Константинопольскаго пролива, потому ушли благополучно, избѣгнувъ погони¹⁾. Итакъ, по Костомарову, все это происходило въ 1624 г. Но Гаммеръ про набѣгъ того же 1624 года разказываетъ нѣсколько иначе; онъ указываетъ на 21-е іюня, говорить о разграбленіи не только Еникіи, но и Буюкъ-дере и Сдегны, упоминаетъ, что для защиты столицы хотѣли воспользоваться старой желѣзной цѣпью, и добавляетъ, что казаки ушли было въ открытое море, но вскорѣ вернулись, сожгли маякъ и съ добычей вернулись назадъ²⁾. Какъ согласить подробности Костомарова и Гаммера? Г. Эварницкій дѣлаетъ очень просто: Гаммеру онъ вполне уступаетъ набѣгъ 1624 г., перемѣняя только іюль на іюнь, а Костомаровскій набѣгъ того же года онъ передѣлываетъ на набѣгъ 1623 года. Костомаровъ говоритъ, что казаки разграбили Еникіон 7-го октября и г. Эварницкій также. Но тутъ на сцену выступилъ Смирновъ и тотъ же Гаммеръ, которые указываютъ на 21-е іюля (Смирновъ, впрочемъ на 20-е) какъ время появленія казаковъ. Слѣдовательно, надо полагать, что казаки куда то уходили. Г. Эварницкій и говоритъ, что казаки 21-го іюля стояли у столицы и ушли, но черезъ нѣсколько дней опять явились—это взято изъ Гаммеровскаго описанія 1624, описанія, которое далѣе вторично приведено цѣлкомъ. Но такъ какъ по этимъ словамъ вторичное появленіе казаковъ все-таки приходилось на конецъ іюля, то до 7-го октября казаковъ надо было опять куда-нибудь спровадить, что г. Эварницкій и дѣлаетъ, говоря, что казаки „снова отошли въ открытое море“, и спустя два мѣсяца, 7-го октября, опять появились въ виду Константинополя. Но этимъ дѣломъ не ограничивается. Костомаровъ говоритъ, что казаки вышли въ Черное море въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Г. Эварницкій, заставивъ, по Гаммеру, казаковъ явиться передъ Константинополемъ 21-го іюля, не могъ, конечно, выпустить казаковъ въ Черное море въ сентябрѣ; вмѣсто этого онъ выпускаетъ ихъ въ іюнь мѣсяцѣ: въ промежутокъ между іюнемъ и 21-го іюля казаки заходятъ въ Кафу и помогаютъ крымскимъ татарамъ противъ турецкаго флота, то-есть, дѣлаютъ у г. Эварницкаго

¹⁾ Костомаровъ, *op. cit.*

²⁾ *Hammer*, т. II, 40—42; ср. также *Zinkeisen*, *Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa*, IV Th. (1856), стр. 493—495.

въ июнѣ-юулѣ 1623 г. то, что у Костомарова дѣлають въ сентябрѣ-октябрѣ 1624 г.—Такимъ образомъ, получается полнѣйшая путаница. Никакого похода 1623 г. на Константинополь въ дѣйствительности нѣтъ. Въ виду, этого, и приведенная записъ должна имѣть значеніе, какъ указывающая на лишній набѣгъ казаковъ въ юулѣ 1623 года.

Но сопоставляя это извѣстіе съ тѣми историческими фактами, которые приводятся во второй половинѣ записи, видимъ спутанность въ хронологіи. Казаки пришли 9-го ююля, когда патріархомъ былъ Кириллъ, говорить записъ: но Кириллъ I Лукарисъ оставилъ патріаршество уже 17-го мая. Далѣе, во время нападенія султаномъ былъ Мурадъ, говорить записъ: но Мурадъ вступилъ на султанскій престолъ только 10-го сентябрю. Повидимому, все говоритъ противъ достовѣрности записи. Съ другой стороны записъ, передаетъ довольно много подробностей, чтобы она могла считаться сдѣланной безъ всякаго основанія. Она сдѣлана на чистомъ листѣ рукописи, рукою XVII вѣка и, по аналогіи съ другими подобными записями, должна считаться принадлежащей непременно современнику или жившему немного позже записаннаго событія. На то, что событіе указанное въ записи, хорошо было извѣстно ея автору, указываетъ то, что приводится не только годъ, но и мѣсяцъ и число. На этомъ основаніи я думаю, что записъ не можетъ считаться передающей не существовавшій фактъ, но что гдѣ нибудь кроется только ошибка. Проф. В. Г. Васильевскій въ письмѣ ко мнѣ видитъ ошибку въ годѣ записи, предполагая, что должно читать 7132 ($\neq\zeta\rho\beta = 1624$), съ чѣмъ согласовалось бы упоминаніе о патріархѣ Кириллѣ, который въ 1624 г. вторично занималъ патріаршескій престолъ. Но нужно имѣть въ виду, что въ 1624 г. набѣгъ былъ 21-го ююля, а нашъ — 9-го; проф. Васильевскій высказываетъ соображеніе, что разница въ опредѣленіи дня, можетъ быть, объясняется разницею въ стилѣ, но прибавляетъ, что въ то время это различіе было только на 11 дней. Со всѣмъ этимъ можно бы согласиться, если бы результаты набѣга въ томъ и другомъ случаѣ были одинаковы, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ: набѣгъ 1624 г. былъ для казаковъ очень удаченъ, тогда какъ нашъ набѣгъ былъ рѣшительно неудаченъ. Съ другой стороны, еще менѣе возможности относить походъ ко времени предшествующему, то-есть, напримѣръ, къ 1622 году, ибо, хотя съ этимъ бы согласовывалось патріаршество Кирилла, но не сходилось бы упоминаніе о султанѣ, которымъ въ то время былъ Мустафа, посаженный на престолъ 20-го мая, и уже никакъ нельзя было сказать, что царствовалъ въ то время

Мурадъ. Запись была сдѣлана, разумѣется, въ царствованіе Мурада и, чтобы согласить объѣмъ ея половины, мнѣ кажется, мы должны полагать, что она сдѣлана нѣсколько времени спустя, можетъ быть, даже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ его вступленія на престолъ. Записывающій о набѣгѣ казаковъ легко могъ приписать его времени патриаршества Кирилла, ибо Кириллъ оставилъ патриаршество всего за полтора мѣсяца до набѣга ¹⁾, а такъ какъ патриархи въ Константинополѣ смѣнялись часто, а иные патриаршествовали по нѣскольку разъ, то такая сбивчивость не будетъ казаться странной. Человѣкъ, стоящій вдали отъ политическихъ событій, легко могъ одного патриарха поставить вмѣсто другаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ казаться страннымъ и то, что султаномъ во время набѣга является Мурадъ, а не Мустафа. Запись сдѣлана въ царствованіе Мурада, и авторъ ея легко могъ нѣсколько удлинить царствованіе Мурада, такъ какъ Мустафа, какъ полундіотъ, настоящимъ султаномъ никогда и не былъ, и съ апрѣля уже мѣсяца того года въ Константинополѣ происходило волненіе янычаръ. Для человѣка, стоявшаго вдали отъ политическихъ дѣлъ, царствованіе Мустафа очень легко могло быть сокращено на нѣсколько мѣсяцевъ, въ данномъ случаѣ — на два. Что запись была сдѣлана, дѣйствительно, нѣсколько позже самаго событія, указываетъ опредѣленіе времени во второй ея половинѣ чрезъ слово *tota*—тогда.

В. Метривъ.

¹⁾ 17-го мая, а съ 17-го мая до 18-го іюня патриаршествовалъ Григорій IV, а съ 18-го іюня—Анеимъ.

ТРАГЕДІЯ ШИЛЛЕРА ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

(Demetrius).

I.

Въ 1833 году, нашъ извѣстный критикъ Полевой въ своей статьѣ, посвященной разбору „Бориса Годунова“ Пушкина, указавъ, между прочимъ, „на мало извѣстное русскимъ читателямъ твореніе“ Шиллера. „Въ бумагахъ Шиллера“, писалъ онъ, „послѣ смерти его, найденъ былъ полный планъ трагедіи Дмитрія Самозванца и нѣсколько сценъ, уже написанныхъ“... „Разсматривая этотъ планъ неоконченный, необработанный, согласимся“, замѣчаетъ Полевой, „что, какъ поэтъ драматическій, Шиллеръ хотѣлъ создать нѣчто великое и превосходное, что онъ умѣлъ дать дѣятельную жизнь своему созданію. Его Дмитрій Самозванецъ сталъ бы выше Бориса Годунова, созданнаго нашимъ поэтомъ“¹⁾).

Прошло 64 года съ тѣхъ поръ, какъ писаны эти строки, и „Дмитрій Самозванецъ“ Шиллера, несмотря на вышеприведенный отзывъ Полевого и сдѣланный Л. А. Меемъ переводъ Шиллеровскаго отрывка для Гербелевскаго изданія²⁾ великаго нѣмецкаго поэта 1860 года, остается все тѣмъ же „мало извѣстнымъ твореніемъ для русскихъ читателей“.

¹⁾ Н. Полевой. „Очерки русской литературы“. С.-Пб. 1839. 1 ч., стр. 145—211.

²⁾ „Дмитрій Самозванецъ“ помѣщенъ въ 8-мъ томѣ этого изданія, озаглавленнаго „Разныя сочиненія Шиллера въ русскихъ переводахъ“. Въ томъ же томѣ помѣщена напечатанная первоначально въ *Москвитянинѣ* 1841 г., № 1, стр. 67 и переведенная К. Павловой одна сцена изъ драмы Шиллера, а именно сцена Юва съ Марею.

Въ Германіи драматическій отрывокъ Шиллера уже съ давнихъ поръ почитается однимъ изъ лучшихъ произведеній великаго поэта. По мнѣнію извѣстнаго историка литературы Германа Геттнера, „Дмитрій Самозванецъ“ — „истинная поэзія въ исторіи, законченный образецъ высокаго историческаго стиля“¹⁾. Авторъ очерка „Лже-Дмитрій въ нѣмецкой поэзіи“, Попекъ признаетъ интересующую насъ піесу достойною занять почетное мѣсто рядомъ съ „Вильгельмомъ Теллемъ“. „Тѣ сцены, которыя Шиллеръ обработалъ уже въ окончательной формѣ“, говоритъ онъ, „принадлежать къ лучшимъ твореніямъ всѣхъ народовъ“²⁾. Аналогичныя сужденія мы находимъ у Готшала, Штейна, Франца³⁾ и др. И въ самомъ дѣлѣ, изученіе драматическаго отрывка Шиллера убѣждаетъ насъ въ томъ, что мы дѣйствительно имѣемъ дѣло съ высоко-художественнымъ произведеніемъ, которое, вѣроятно, было бы причислено къ шедеврамъ гениальнаго поэта, еслибы смерть не прервала его работы. Раздѣляя такимъ образомъ мнѣніе Полеваго о поэтическомъ значеніи неоконченной піесы Шиллера, мы воздержимся, однако, отъ утвержденія, какъ это дѣлаетъ нашъ критикъ, что драма нѣмецкаго поэта „стала бы выше „Бориса Годунова“ Пушкина“. Въ настоящемъ очеркѣ мы задаемся цѣлью познакомиться русскаго читателя съ этимъ мало извѣстнымъ твореніемъ Шиллера.

Личность Лже-Дмитрія I, которую, несмотря на многочисленныя изслѣдованія историковъ, до сихъ поръ приходится считать неразгаданною, издавна привлекаетъ вниманіе драматурговъ, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ. И въ самомъ дѣлѣ трудно найти болѣе благодарный и эффектный для драматизаціи историческій эпизодъ, какъ бурная жизнь перваго Самозванца, въ которой мы находимъ такъ много чудеснаго и волшебнаго, что порою онъ самъ намъ кажется какимъ-то сказочнымъ героемъ, а не дѣйствительно историческимъ лицомъ. Сама по себѣ таинственность, которая

¹⁾ *H. Hettner*, Geschichte der deutschen Literatur des XVIII Jahrh. 8-es Buch, 2-ter Abschnitt. 4-e Aufl. Braunschweig. 1894, p. 314, 315.

²⁾ *Popeck*, Jahresbericht der K. K. Staatsgymnasiums zu Linz. 1893, 1894 u. 1895, I, p. 19.

³⁾ *Rudolf v. Gottschall*, Studien zur neuen deutschen Literatur, Berlin, 1892. (Dramaturgische Parallelen—Die Demetrius Dramen). *Stein*, Schillers Demetrius-Fragment und seine Fortsetzungen. Progr. der Gewerbeschule Mülhausen, 1891 u. 1894, I, 7. *Rudolf Franz*, Jahresbericht über das Realgymnasium zu Halberstadt für das Schuljahr 1891—1892; 1892—1893.

окружаетъ личность того, кто занималъ русскій престолъ послѣ Бориса Годунова и до князя Василя Ивановича Шуйскаго, представляется особенно заманчивою въ глазахъ поэтовъ, которымъ она даетъ широкій просторъ для свободнаго полета фантази и поэтическаго объясненія этой неразгаданной историками личности.

Изъ русскихъ піесъ, трактующихъ объ этомъ сюжетѣ, мы назовемъ, кромѣ извѣстныхъ всѣмъ и каждому драмъ Пушкина, графа А. Толстаго, Островскаго и Чаева, еще слѣдующія, принадлежащія второстепеннымъ и даже третьестепеннымъ авторамъ: „Димитрій Самозванецъ“—А. Сумарокова (1771 г.)¹⁾. „Димитрій Самозванецъ“—Вас. Нарѣжнаго (1804 г.), „Димитрій Самозванецъ“—Хомякова²⁾ (1833 г.), „Борисъ Годуновъ“—М. Лобанова (1835 г.), „Исторія въ лицахъ о Димитріи Самозванцѣ“—Погодина (1835 г.), „Исторія въ лицахъ о царѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ“ (1868 г.) того же Погодина, „Лже-Димитрій“, трагедія въ десяти былинахъ Г. Р—ева, Новгородъ (1854 г.)—„Димитрій Самозванецъ“—Н. Полозова (1858 г.), „Правитель Борисъ Годуновъ“—Эндогурова (1870 г.).

Иностранные драматурги также весьма рано обратили вниманіе на трагическую судьбу Лже-Димитрія I, какъ на весьма интересный сюжетъ для исторической драмы. Еще при жизни Димитрія Самозванца, знаменитый испанскій драматургъ Лопе-де-Вега написалъ піесу подъ заглавіемъ: „El Gran Duque de Moscovia у Emperador persequido“, Madrid, 1617 г. Піеса эта, надо думать, была написана до трагическаго финала одиннадцати мѣсячнаго царствованія злополучнаго Димитрія I, такъ какъ едва ли возможно допустить, чтобы Лопе-де-Вега, поставленный въ извѣстность о кровавой народной расправѣ надъ Самозванцемъ, не внесъ бы ее въ свою драму, хотя бы ради одного сценическаго эффекта. Изъ Dictionnaire de Théâtres de Paris 1756 г. мы узнаемъ о существованіи двухъ французскихъ піесъ о Димитріи Самозванцѣ. Одна принадлежитъ перу Jean Baptiste Aubry de Carrières и была пред-

¹⁾ Піеса Сумарокова была переведена на англійскій языкъ „Demetrius the Impostor“, a tragedy by A. Sumarokow, transl. from the Russian. London. 1806.

²⁾ Въ *Московскомъ Телеграфѣ* 1834 г. (ч. 56, стр. 137—144) помѣщена статья о піесѣ Хомякова, въ которой авторъ (вѣроятно, самъ Полевой), перечисляя драмы Сумарокова и Нарѣжнаго о Самозванцѣ, а также піесу Пушкина о Борисѣ Годуновѣ, находить, „что ян одинъ изъ нихъ не представилъ Димитрія къ истинно-поэтическомъ видѣ“. „Г. Хомяковъ“, замѣчаетъ критикъ, „кажется, былъ счастливѣе своихъ предшественниковъ“.

ставлена на сценѣ Théâtre Français 1689 г. ¹⁾). Другая—французская передѣлка итальянской пьесы D-r Voccabadati (Arlequin Demetrius, Sanevas Italien en cinq actes tiré d'une comédie du Docteur Voccabadati. Aux Italiens, 1717).

Прежде чѣмъ перейти къ главному предмету нашего очерка, то есть, къ пьесѣ Шиллера, мы должны упомянуть еще о двухъ драматизацияхъ судьбы этого политическаго авантюриста: объ англійской пьесѣ Ричарда Кумберленда „The False Demetrius“ и о нѣмецкой драмѣ Августа Коцебу: Demetrius Ivanovitsch, Czar von Moskau, ein Russisches Original-Trauerspiel in fünf Acten von einem Liebhaber des Theaters (1782).

Ричардъ Кумберлендъ ²⁾, англійскій драматургъ конца XVIII и начала XIX столѣтія, которому принадлежатъ пользовавшіяся въ свое время извѣстностью пьесы „The Jew“, „The Brothers“, „The West-Indian“, „The Wheel of Fortune“, „The Mysterius Husband“ и другія. Въ огромной массѣ его пьесъ мы находимъ не совсѣмъ оконченную (пятое дѣйствіе обрывается на 2-й сценѣ) историческую драму о Дмитріи Самозванцѣ, напечатанную во II томѣ его „посмертныхъ драматическихъ сочиненій“ (1813 г.). Чтеніе пьесы Кумберленда убѣждаетъ насъ въ томъ, что авторъ не совсѣмъ справился со своею задачею, не уяснилъ себѣ даже основныхъ чертъ характера своего героя. Въ началѣ Дмитрій является у него, въ качествѣ дьякона Чудовскаго монастыря Отреньева (Отрениевъ; Кумберлендъ смѣшалъ, вѣроятно, русское и съ англійскимъ и), и надо замѣтить, что до той поры, пока онъ не скинулъ монашеское одѣянье, пока бывшая няня царевича Дмитрія, жена его убійцы Петра Боссовича, на смертномъ одрѣ не признаетъ его (героя пьесы) за истиннаго царевича, до той поры онъ представляется намъ человѣкомъ весьма не симпатичнымъ, грубымъ, циничнымъ, легкомысленно относящимся къ религіи. Съ этихъ поръ онъ становится совсѣмъ инымъ человѣкомъ и на нашихъ глазахъ превращается въ высоко просвѣщеннаго, гуманнаго монарха, который намѣренъ посвятить себя цѣлкомъ на служеніе своему народу.

¹⁾ Въ Anecdotes Dramatiques 1775 г. по поводу этой пьесы сказано: „Cette tragédie est la première qui ait paru comme pièce nouvelle sur le théâtre actuel de la Comédie Française, c'est peut être à cette circonstance qu'elle a dû tout son succès. Elle n'a point été imprimée“, I vol., p. 248.

²⁾ Объ этомъ писателѣ намъ приходилось говорить въ нашемъ очеркѣ объ „Англійской комедіи конца XVII и первой половины XVIII вѣка“, напечатанномъ въ апрѣльской и майской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1897 г.

Въ піесѣ нѣтъ ни одного монолога Дмитрія, ни одного діалога его съ какимъ нибудь близкимъ, довѣреннымъ лицомъ, въ которомъ герой піесы могъ бы раскрыть намъ свой внутренній міръ и этикъ дать намъ возможность уяснить себѣ, искренни ли всѣ его гуманныя рѣчи и обѣщанія облагодѣтельствовать народъ. Далѣе, какъ объяснять себѣ распространеніе молвы о томъ, что Дмитрій живъ. Самъ ли герой распускаетъ эти слухи или кто нибудь, скрывающійся за его спиною? Мы позволили себѣ остановиться на піесѣ Кумберлэнда, потому что она совсѣмъ неизвѣстна русскимъ читателямъ, а также потому, что, насколько мы знаемъ, никто изъ исследователей не упоминаетъ о ней въ перечнѣ піесъ о Дмитріи Самозванцѣ.

Что касается до трагедіи Коцебу, то извѣстно, что эта піеса вызвала при представленіи ея въ петербургскомъ нѣмецкомъ казенномъ театрѣ виѣшательство полиціи, потребовавшей отъ автора исключенія изъ заглавія словъ: „Czar von Moskau“. Герой піесы Коцебу не Самозванецъ, а сынъ Ивана Грознаго, спасшійся чудеснымъ образомъ отъ руки подосланнаго убійцы. Зналъ ли Шиллеръ о піесѣ Коцебу? На этотъ вопросъ Рудольфъ фонъ-Готшалъ отвѣчаетъ утвердительно. „Разумѣется“, замѣчаетъ онъ, „Шиллеръ зналъ о существованіи этой трагедіи, потому что въ Веймарѣ кто съ любовью, а кто съ ненавистью, слѣдили за развитіемъ таланта Коцебу; со времени сближенія Русскаго и Веймарскаго дворовъ можно было имѣть свѣдѣнія о различныхъ русскихъ театральныхъ новинкахъ изъ самыхъ точныхъ источниковъ“¹⁾. Піеса Коцебу нигдѣ напечатана не была, а потому мы лишены возможности сравнить ее съ Шиллеровскою піесой²⁾. Но едва ли великій поэтъ могъ чему нибудь научиться изъ этого незрѣлаго труда девятнадцатилѣтняго Коцебу.

II.

Трагедія Шиллера „Дмитрій“, или „Московская Кровавая свадьба“ (Demetrius, oder die Bluthochzeit zu Moskau)³⁾, дошла до насъ, къ

¹⁾ *Gottschall*, *ibidem*, p. 99.

²⁾ Сохранились двѣ современныя газетныя рецензіи о представленіи піесы Коцебу. Въ *Гамбургской Газетѣ* (въ Петербургской корреспонденціи) отъ 10-го іюля 1782 года и въ *Берлинской Литературной и Театральной Газетѣ* отъ 2-го ноября того же 1782 г.

³⁾ Заглавіе „Bluthochzeit zu Moskau“ дано Шиллеромъ по аналогіи съ „Парижскою кровавою свадьбою“. Кеттнеръ въ введеніи къ своему изданію Шил-

сожалѣнію, въ неоконченномъ видѣ. Этотъ отрывокъ былъ послѣднимъ произведеніемъ великаго нѣмецкаго поэта, его „лебединою пѣснью“. Онъ работалъ надъ этою драмою до самой кончины, въ предсмертномъ бреду онъ то и дѣло цитировалъ стихи изъ своей пьесы; послѣ смерти на его письменномъ столѣ былъ найденъ прекрасный монологъ Марѣы (во 2-мъ актѣ). Шиллеру удалось обработать только первые два акта; во второмъ, однако, недостаетъ еще нѣсколькихъ сценъ, да и тѣ, которыя слѣдуютъ за монологомъ Марѣы, вѣроятно, подверглись бы еще переработкѣ: сравнительно съ другими сценами этихъ двухъ дѣйствій онѣ носятъ на себѣ слишкомъ эскизный характеръ. Но, кромѣ этихъ двухъ актовъ, мы имѣемъ въ распоряженіи еще богатѣйшій черновой матеріалъ, который даетъ намъ возможность глубоко проникнуть во внутренній міръ поэта, познакомиться съ самыми сокровенными его намѣреніями, въ которыя при жизни Шиллера посвящены были только самые близкіе къ нему люди, какъ Гёте и Кёрнеръ. Проникая съ невольнымъ благоговѣніемъ въ литературную лабораторію Шиллера, мы знакомимся съ процессомъ его творчества, видимъ, какъ поступившій въ нее историческій, сырой, такъ сказать, матеріалъ, переживаетъ, благодаря творческой фантазіи поэта, различные стадіи развитія и принимаетъ наконецъ ту высокохудожественную форму, въ которую облечены первые два дѣйствія; мы знакомимся съ различными проектами поэта создать остальные три дѣйствія своей драмы.

Какіе же мотивы побудили Шиллера остановиться на сюжетѣ изъ нашей исторіи? Что привело его къ мысли изобразить трагическую судьбу Лже-Димитрія I? Припомнимъ, что въ первые годы XIX столѣтія въ Веймарѣ всѣ живо интересовались Россіею и ея исторіею, по случаю помолвки веймарскаго наслѣднаго принца Карла Фридриха

леровскаго отрывка указалъ на то, что это названіе упоминается у Мюллера въ его трудѣ „Sammlung der Russischen Geschichte“, которымъ, какъ мы увидимъ ниже, Шиллеръ пользовался при разработкѣ плана своей драмы (Schiller's „Dramatischer Nachlass“, Weimar, 1895 г., р. LXIV). Лейтцманъ въ своей рецензіи на изданіе Кетнера дополнилъ указаніе послѣдняго тѣмъ, что о кровавой свадьбѣ перваго Димитрія говоритъ еще и Трейеръ въ своей Einleitung zur Moscovitischen Historie, р. 311 (Euphronion, IV Bd., 3-tes Heft, р. 514). Въ Московской лѣтописи Мартина Бера, перев. Устряловымъ въ его „Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ“, мы читаемъ по поводу свадьбы Димитрія: „Не худо было бы и другимъ остерегаться такой же свадьбы: она была не лучше парижской“ (3-е изд., 1859, I ч., стр. 63).

съ нашею великою княжною Марією Павловною. Въ особенности интересъ къ Россіи былъ оживляетъ въ домѣ фонъ-Вольцогена, зятя Шиллера, который съ 1800 г. ѣздилъ въ Петербургъ, въ качествѣ повѣреннаго веймарскаго двора по этому брачному дѣлу. Нѣкоторые изслѣдователи объясняютъ выборъ Шиллера сюжета изъ русской исторіи для своей драмы чисто матеріальными соображеніями, желаніемъ поэта заручиться отъ императора Александра I денежною поддержкою для семьи или даже просто желаніемъ получить отъ русскаго государя брилліантовое кольцо. Въ данномъ случаѣ эти изслѣдователи, въ подтвержденіе своего мнѣнія, ссылаются на письмо Кёрнера отъ 25-го сентября 1802 г. Въ отвѣтъ на увѣдомленіе Шиллера о пожалованіи ему шведскимъ королемъ брилліантоваго кольца за его трудъ по тридцатилѣтней войнѣ, Кёрнеръ пишетъ ему: „Ты могъ бы легко добиться другаго брилліантоваго кольца, еслибы оказалъ любезность императору Александру I“. Не отрицая вполнѣ возможности, что Шиллеръ желалъ обратить на себя милостивое вниманіе русскаго государя, мы приведемъ здѣсь слѣдующія любопытныя строки изъ біографіи поэта, написанной Каролиною фонъ-Вольцогенъ (Leben Schiller's, II, p. 259): „Я имѣлъ бы очень удобный случай“, замѣтилъ однажды вечеромъ Шиллеръ, „сказать много хорошаго по адресу царской фамиліи въ лицѣ молодаго Романова, который играетъ благородную роль въ „Димитріи“. На другой день онъ сказалъ: „нѣтъ, я этого не сдѣлаю, поэзія должна быть свободна“. Нельзя также не согласиться съ Кеттнеромъ въ томъ, что первоначальное заглавіе піесы „Московская кровавая свадьба“, которое мы находимъ въ черновыхъ наброскахъ 1802 г., въ числѣ другихъ названій задуманныхъ драмъ, „лучше всего доказываетъ, какъ далеко былъ поэтъ при концепціи своей трагедіи отъ всякой мысли о соединеніи русскаго и веймарскаго дворовъ“¹⁾. Вспомнимъ, наконецъ, что начиная, съ 1799 г., Шиллеръ интересовался однимъ драматическимъ сюжетомъ, похожимъ на эпизодъ о Димитріи Самозванцѣ. Въ письмѣ отъ 20-го августа 1799 г. поэтъ увѣдомляетъ Гёте о своемъ намѣреніи написать трагедію изъ англійской исторіи. „Въ царствованіе Генриха VII въ Англии“, говоритъ онъ, „появился обманщикъ Варбекъ, выдававшій себя за одного изъ умерщвленныхъ въ Тоуерѣ, по распоряженію Ричарда III, сыновей Эдуарда IV; онъ съ умѣльствомъ привелъ убѣдительныя доказательства того, какъ онъ былъ спасенъ, нашелъ себѣ партію, которая его

¹⁾ Kettner, Schillers Demetrius. Weimar. 1896. Einleitung, p. XVII.

признала и хотѣла возвести на престолъ. Принцесса того же Йоркскаго дома, изъ котораго происходилъ Эдуардъ и которая хотѣла завести ссору съ Генрихомъ VII, знала и поддерживала обманъ; ей принадлежала главная роль въ этомъ политическомъ предпріятіи. Послѣ того, какъ Варбекъ прожилъ нѣкоторое время, въ качествѣ принца, при ея дворѣ въ Бургундіи, весь замыселъ рухнулъ, обманщика разоблачили и предали казни¹⁾. Изъ этого письма видно, что и тутъ, въ „Варбекѣ“, мы имѣемъ дѣло съ самозванцемъ. „Оба плана (Варбека и Дмитрія) до такой степени внутренно родственны“, замѣчаетъ Геттнеръ, „что Шиллеръ могъ свободно изъ предварительной работы къ „Варбеку“ переносить въ своего „Дмитрія“ не только мелкія, отдѣльныя черты, но съ нѣкоторыми измѣненіями и цѣльные характеры и положенія“¹⁾. Есть, однако, и существенное различіе между этими двумя драматическими планами. Дмитрій, какъ мы увидимъ ниже, изображенъ Шиллеромъ, правда обманщикомъ, но обманщикомъ *обманутымъ*; тогда какъ его Варбекъ—обманщикъ *заведомый*. Обстоятельство, что герой его пьесы долженъ быть изображенъ сознательнымъ обманщикомъ, съ самаго начала расхолаживало поэта. Уже въ указанномъ письмѣ къ Гёте Шиллеръ борется съ этимъ недостаткомъ задуманнаго имъ сюжета, заботится о томъ, какимъ бы образомъ скрасить его. Шиллеръ предполагаетъ изобразить Варбека такъ, „какъ будто бы онъ былъ рожденъ для своей роли, какъ будто бы обманъ указалъ ему только мѣсто, къ которому предназначила его сама природа“. Мы укажемъ еще на одно любопытное письмо Шиллера къ Кёрнеру, отъ 13-го мая 1801 г., въ которомъ мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „*Punctum saliens* этой трагедіи („Варбекъ“) уже найденъ, но она представляетъ большія трудности для обработки, потому что герой пьесы—обманщикъ, а мнѣ бы не хотѣлось допустить въ пьесѣ хотя бы малѣйшую тѣнь безнравственности“. Въ одномъ мѣстѣ своихъ черновыхъ матеріаловъ, относящихся уже къ „Дмитрію“, поэтъ высказывается еще опредѣленнѣе; по поводу „Варбека“ онъ замѣчаетъ: „обманъ, какъ основаніе всей пьесы, отталкиваетъ“.

Несмотря, однако, на всѣ эти сомнѣнія и колебанія, Шиллеръ приступаетъ къ обработкѣ своего „Варбека“. Въ его календарѣ мы находимъ слѣдующую замѣтку отъ 30-го сентября 1801 г.: „*An den Warbeck gegangen und fortgefaharen*“. Но работа у Шиллера все какъ-

¹⁾ *Hettner*, *ibidem.*, p. 314.

то не клещетя, онъ охотно переходитъ къ другимъ темамъ, оставляя „Варбека“ въ сторонѣ, и наконецъ въ 1802 г., какъ мы уже видѣли, ему приходитъ мысль написать новую драму, подъ заглавіемъ „Московская кровавая свадьба“. По нашему мнѣнію, Кеттнеръ справедливо предполагаетъ, что главнымъ толчкомъ, побудившимъ поэта остановиться на сюжетѣ изъ русской исторіи, было чтеніе появившагося въ 1800 г. 2-мъ изданіемъ въ Гамбургѣ и въ Брауншвейгѣ сочиненія Левека *Histoire de Russie* (1-е изд. его въ 1782 г.), которое не могло пройти для Шиллера незамѣченнымъ въ то время, когда, какъ уже было сказано выше, Россія была предметомъ всеобщаго вниманія въ Веймарѣ. Въ свѣтѣ сочиненія Левекъ весьма энергично возстаеъ противъ общераспространеннаго мнѣнія о томъ, что Дмитрій I былъ обманщикъ, самозванецъ. Дмитрій охарактеризованъ у него самыми идеальными чертами. „Если онъ не былъ рожденъ для престола“, говоритъ авторъ, „то по крайней мѣрѣ онъ казался достойнымъ вступить на него“. Естественно, что при чтеніи этого сочиненія Шиллеръ не могъ не обратить вниманія на близкое сходство задуманной имъ драмы „Варбекъ“ съ эпизодомъ изъ русской исторіи о Дмитріи. И вотъ въ головѣ поэта складывается планъ новой трагедіи, трактующей также объ обманщикѣ, но не о такомъ, какимъ былъ Варбекъ. Идеальная характеристика Дмитрія, какую онъ нашелъ у Левека, помогла Шиллеру выработать свой взглядъ на Самозванца, какъ на обманщика не сознательнаго, не наглаго, а такого, который самъ былъ вовлеченъ въ обманъ другими лицами, заботящимися о своихъ личныхъ интересахъ, повѣрилъ этому обману и началъ самъ обманывать другихъ, глубоко вѣруя въ законность своихъ претензій на русскій престолъ. Познакомившись съ книгою Левека, Шиллеръ сразу понялъ, какую благодарную для драматурга почву представляетъ этотъ любопытный историческій эпизодъ, дающій такой богатый матеріалъ для творческой фантазіи поэта; сколько готовыхъ уже эффектныхъ сценъ и положеній можно было взять для драматической обработки изъ самой исторіи о самозванцѣ, сравнительно съ которою исторіи о Варбекѣ должна была показаться ему чрезвычайно бѣдною событіями, да и сама фигура англійскаго самозванца показалось ему, вѣроятно, тусклою рядомъ съ яркимъ образомъ Лже-Дмитрія I, въ изображеніи Левека. Съ характеромъ Шиллеровскаго героя мы познакомимся ниже. Намъ интересуетъ теперь только вопросъ о переходѣ Шиллера отъ „Варбека“ къ „Дмитрію“, который произошелъ, по нашему мнѣнію, подъ вліяніемъ книги Левека. Правда и раньше 1800 г. Шиллеръ имѣлъ

возможность познакомиться съ судьбою Димитрія Самозванца. Такъ тотъ же Кеттнеръ указываетъ на сочиненіе Duport de Tertre: „Histoire des conjurations, conspirations et révolutions célèbres tant anciennes que modernes“, въ V томѣ котораго находится и „Conjuration du Zuski (Шуйскаго) contre le Faux Demetrius“. Шиллеръ читалъ это сочиненіе во время своей подготовительной работы къ „Фіеско“, а 5-ый томъ, главное содержаніе котораго заключается въ исторіи отпаденія Нидерландовъ, Шиллеръ имѣлъ въ виду перевести вмѣстѣ съ Губеромъ на нѣмецкій языкъ въ 1786 г. Приготовляясь затѣмъ къ самостоятельному изслѣдованію, посвященному тому же вопросу, нашъ поэтъ познакомился съ сочиненіями Де-Ту (Jacob August Thuani *historiarum sui temporis libri CXXXVIII, Parisiis, 1604—1619*), въ послѣднемъ томѣ котораго Шиллеръ могъ прочесть сказанія о Годуновѣ и Лже-Димитріи (135 г.). Кеттнеръ отмѣчаетъ сходство взглядовъ Шиллера на Димитрія Самозванца съ мнѣніемъ о немъ этого историка. По поводу молитвы Димитрія, произнесенной имъ на полѣ битвы, Де-Ту говоритъ: „Если дѣйствительно такъ было и если этотъ человекъ, зная ложь своихъ рѣчей, не боялся обманывать съ такою искренностью, ему надлежало быть самымъ безстыднымъ плутомъ; если же онъ, повѣривъ молвѣ неосновательной, дѣйствительно считалъ себя царевичемъ, нельзя не подивиться, какъ жестоко играла имъ судьба, въ урокъ смертнымъ: приласкала его, обрадовала престоломъ и низринула въ бездну“. Де-Ту оканчиваетъ свою работу о Самозванцѣ слѣдующими характерными словами: „Доселѣ не рѣшено, былъ ли онъ Димитріемъ или обманщикомъ“ (Устряловъ, Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ I, 332, 353). „Но, замѣчаетъ далѣе Кеттнеръ, ни самъ онъ (то-есть, Де-Ту) не преслѣдовалъ этой мысли, ни эта мысль не оказала, кажется, никакого вліянія на позднѣйшую литературу“ (Einleitung, p. XIV). Кеттнеръ вообще сомнѣвается въ томъ, что при спѣшномъ характерѣ работы надъ этими источниками Шиллеръ могъ остановиться тогда на эпизодѣ о русскомъ Самозванцѣ. Можетъ быть, впоследствии, конфликтъ между Варбекомъ и Димитріемъ кончился побѣдою послѣдняго, и Шиллеръ серьезно принялся за него, поэтъ вернулся къ той части указанныхъ выше сочиненій, которая касается судьбы Лже-Димитрія. Кеттнеръ указываетъ еще на одну работу о Димитріи, съ которою поэтъ могъ познакомиться въ 1789 г., а именно на очеркъ Архенхольца, помѣщенный въ *Neue Literatur und Völkerkunde* (октябрь того же года), такъ какъ въ этомъ томѣ журнала были напечатаны двѣ статьи, посвященныя Шил-

леровскимъ „Богамъ Греціи“¹⁾). Припомнимъ также, что въ 1782 г. на сценѣ С.-Петербургскаго нѣмецкаго театра была поставлена піеса Коцебу о Димитріи, существованіе которой, по предположенію фонъ-Готшала, могло быть извѣстно нашему поэту. Но такъ или иначе всѣ эти сочиненія, если даже допустить, что они были извѣстны Шиллеру, видимо не оказали на него серьезнаго вліянія. Первый слѣдъ бродившей въ его головѣ мысли о драматической обработкѣ судьбы лже-Димитрія мы находимъ только въ 1802 г., и этотъ слѣдъ ведетъ насъ къ 1804 г., когда 10-ю марта Шиллеръ заноситъ въ свой календарь: „*Mich mit Demetrius entschlossen*“. Эти слова были записаны за нѣсколько дней до перваго представленія „Вильгельма Телля“, который шелъ 17-го марта. По свидѣтельству Каролины фонъ-Вольцогенъ, „еще при окончаніи Вильгельма Телля Шиллеръ носилъ въ головѣ образъ своего Димитрія. Поэтъ часто говорилъ о немъ и набрасывалъ планъ всей піесы и отдѣльныя сцены“²⁾). Варбекъ окончательно сдается въ архивъ. Правда, уже въ самомъ разгарѣ работы надъ Димитріемъ, поэтъ вспоминаетъ вдругъ своего англійскаго самозванца. Въ черновыхъ матеріалахъ Шиллера мы находимъ любопытную табличку, въ которой приведены мотивы за и противъ, какъ „Варбека“, такъ „Димитрія“. Новый сюжетъ, однако, слишкомъ мощно овладѣлъ фантазіею поэта, чтобы онъ могъ серьезно интересоваться сравнительно блѣдною фигурою Варбека.

Итакъ въ мартѣ 1804 года Шиллеръ принимается за работу надъ „Димитріемъ“. Онъ начинаетъ собирать матеріалы, обращается къ своему зятю фонъ-Вольцогену въ Петербургъ съ письмомъ, отъ 16-го іюня того же года, въ которомъ проситъ прислать ему, если возможно, изображенія костюмовъ и монетъ того времени, планы городовъ и вообще все, что можетъ касаться сюжета его драмы. „Это безумный (tolles) сюжетъ“, замѣчаетъ онъ, „но я принялся за него съ большою охотою и надѣюсь изъ него сдѣлать нѣчто хорошее“. Такимъ образомъ работа закипѣла, но не надолго. Поэту приходитъ мысль написать новую трагедію, не требующую такой усиленной, трудной работы, а именно „Die Herzogin von Zelle“, къ которой онъ и приступаетъ, но внезапная серьезная болѣзнь мѣшаетъ ему работать до октября. По выздоровленіи Шиллеръ снова колеблется между „Димитріемъ“ и „Герпогиною Целле“. Рѣшающимъ толч-

¹⁾ Ср. съ мнѣніемъ *Лейтцимана*, *ibidem*, p. 534.

²⁾ Біографія Шиллера, II т., p. 254.

комъ въ пользу „Димитрія“ слѣдуетъ считать прїѣздъ Веймарской кронпринцессы Маріи Павловны, по случаю чего въ Веймарѣ устраиваются различныя празднества, и Шиллеръ сочиняетъ въ честь новобрачныхъ „Die Huldigung der Künste“. Какъ только кончились эти празднества, Шиллеръ уже безъ всякихъ колебаній переходитъ къ своему „Димитрію“, но опять болѣзнь мѣшаетъ поэту и поневолѣ принуждаетъ его обратиться къ болѣе или менѣе легкому, такъ сказать, механическому труду—къ передѣлкѣ для нѣмецкой сцены „Британника“ и „Федры“ Расина. Нѣсколько оправившись въ январѣ 1805 года, Шиллеръ пишетъ Гёте, что намѣренъ снова попробовать свои силы и зацѣсть за „Димитрія“. Скоро, однако, опять безжалостная болѣзнь заставляетъ его бросить „Димитрія“, требующаго большаго умственнаго напряженія, и перейти къ давно уже задуманной имъ піесѣ „Kinder des Hauses“. Почувствовавъ нѣкоторое облегченіе въ концѣ февраля, Шиллеръ все-таки возвращается къ интересующей насъ драмѣ. Изъ письма къ Ифланду отъ 25-го числа этого мѣсяца мы видимъ, что поэтъ надѣялся окончить свою піесу къ осени. Въ его черновыхъ матеріалахъ мы находимъ любопытное исчисленіе, сколько именно времени потребуется ему для окончанія „Димитрія“. По его расчету выходило, что онъ надѣялся довершить его въ ноябрѣ того же года¹⁾. Но надежды поэта не сбылись. Онъ сошелъ въ могилу 9-го мая 1805 года.

Послѣ смерти поэта Гёте задумалъ окончить „Димитрія“. Начиная съ „Валленштейна“, Шиллеръ находился въ самыхъ оживленныхъ сношеніяхъ съ великимъ авторомъ Фауста. Последняя піеса Шиллера зачастую обсуждалась друзьями, и Гёте нерѣдко дѣлалъ свои замѣчанія, изъ которыхъ нѣкоторыя были приняты въ соображеніе нашимъ поэтомъ. Такъ, напримѣръ, Гёте находилъ планъ „Димитрія“ слишкомъ широкимъ и совѣтовалъ сѣзуть его. Согласно этому замѣчанію, Шиллеръ выпустилъ почти уже отдѣланныя сцены въ Самборѣ, которыя должны были, по первоначальному плану, составлять содержаніе перваго акта или пролога (Vorspiel). „Піеса эта была имѣ также ясна и близка, какъ и ему“, замѣчаетъ Гёте въ своихъ *Appalen* 1805 года, „и вотъ“, продолжаетъ онъ, „я возгорѣлъ желаніемъ продолжить на зло смерти наши бесѣды, сохранить всѣ до единой его мысли, взгляды, намѣренія и показать здѣсь въ послѣдній разъ, до какой высокой степени можетъ достигнуть совмѣстная работа“...

¹⁾ *Kettner*, Schillers „Demetrius“, p. 115—116.

Но, вслѣдствіе встрѣтившихся препятствій, проектъ Гёте остался не осуществленнымъ. Однако его мысль не прошла безслѣдно, она была подхвачена другими поэтами. Начиная съ 1817 г. и кончая 1893 годомъ, тянется длинная вереница попытокъ окончить піесу Шиллера. На ряду съ ними мы должны упомянуть о существованіи нѣсколькихъ самостоятельныхъ піесъ, трактующихъ о судьбѣ лже-Дмитрія. Обратимся теперь къ изданіямъ самаго текста Шиллеровскаго драматическаго отрывка. Первое такое изданіе принадлежитъ Кёрнеру, который напечаталъ часть текста въ 1815 году въ *Morgenblatt* (№№ 258, 259, 264), а вслѣдъ затѣмъ въ 12-мъ томѣ полного собранія сочиненій Шиллера (того же года). Къ первому акту и къ большей части втораго Кёрнеръ присоединилъ здѣсь извлеченія, правда, очень скудныя, изъ богатаго черноваго матеріала Шиллера, изъ которыхъ читатель могъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о дальнѣйшемъ ходѣ дѣйствія этой піесы. Нѣкоторыя дополненія къ изданію Кёрнера были сдѣланы Гофмейстеромъ, въ 1840 году. Драматическій отрывокъ Шиллера со всею предварительною работою полностью былъ напечатанъ впервые Карломъ Гедеке въ 1876 году (*Schillers Sammtliche Schriften. Historisch-kritische Ausgabe. 15 Theil. II Bd.*). Несмотря, однако, на эту полноту, изданіе Гедеке не представляетъ большой научной цѣнности. Въмѣсто того, чтобы напечатать черновыя тетради Шиллера въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ нашелъ, Гедеке распредѣляетъ весь матеріалъ по своей собственной системѣ, чѣмъ лишаетъ свое изданіе необходимой объективности. Первымъ, вполне научнымъ изданіемъ драматическаго наслѣдія Шиллера, относящагося къ „Дмитрію“, слѣдуетъ признать изданіе Кеттнера, по которому мы и изучали послѣднее твореніе великаго нѣмецкаго поэта (*Gustav Kettner, Schillers Dramatischer Nachlass, I Bd. „Demetrius“ nach den Handschriften des Goethe — und Schiller-Archivs. Weimar, Hermann Böhlau, 1895*). Однако и это изданіе не свободно отъ недостатковъ. Въ своей рецензій, Лейтцманъ указалъ на рядъ ошибокъ и неточностей въ передачѣ текста, съ которыми ему не приходилось встрѣчаться у предшественника Кеттнера по изданію „Дмитрія“—Гедеке, но мы не будемъ входить въ эти детали и отсылаемъ интересующихся этими вопросами къ содержательной статьѣ Лейтцмана¹⁾.

¹⁾ *Euphorion*, IV Bd., 3-er Heft, 1897, p. 528—533. Для полноты перечня изданій драматическаго отрывка Шиллера и относящихся къ нему черновыхъ матеріаловъ, мы укажемъ еще на слѣдующія работы:

1. *Minor. Aus dem Schiller—Archiv. 1890* (p. 117). (Миноръ первый издалъ

III.

Обратимся теперь къ ознакомленію съ черновымъ матеріаломъ Шиллера и прежде всего остановимся на его „Collectanea“ (изд. Кеттнера *Dramatischer Nachlass „Demetrius“*, р. 244—259). Знакомство съ этимъ отдѣломъ подготовительной работы поэта къ его „Дмитрію“ убѣждаетъ насъ въ томъ, что, желая ближе освоиться со средою, въ которой должна была происходить задуманная имъ драма, Шиллеръ серьезно углубился въ изученіе, какъ политической, такъ и этнографической исторіи Россіи. Мы находимъ здѣсь самыя пестрыя свѣдѣнія, касающіяся прошлаго нашего отечества, русскихъ царей, придворнаго этикета, нравовъ, обычаевъ, вѣрваній, одеждъ, жилищъ и церквей русскаго народа. Шиллеръ заноситъ въ свою черновую тетрадь и русскія имена, какъ Тимоска, Ша, отчества, какъ Danilovitz, Fedorovitz, поразившія его своею оригинальностью русскія слова, съ нѣмецкимъ переводомъ, *sabak—Hund, kabak—Schänke, Monastir—Kloster* и т. д. Здѣсь мы встрѣчаемъ замѣтки поэта о казачествѣ, этой, по его выраженію, военной демократіи, а также замѣтки о Польшѣ, о ея политическомъ устройствѣ, о національной ненависти поляковъ къ русскимъ и т. п.

Откуда почерпнулъ Шиллеръ всѣ эти свѣдѣнія о Россіи и о Польшѣ? Самъ поэтъ указываетъ намъ на пять своихъ главныхъ источниковъ: Трейеръ, Олеарій, Конноръ, Левекъ и Миллеръ¹⁾. Но

нѣвѣстную сцену прощанія Дмитрія съ Лодойскою пераго акта первоначальной редакціи).

2. *Suphan. Weimarer Vierteljahrschrift*, IV, 343.

3. *Düntser. Vierteljahrschrift für Litteraturgeschichte*, 4, 173. (Тотъ же Дюнтцеръ — авторъ брошюрки *Erläuterungen zu den Deutschen Klassikern. Schillers „Demetrius“*. Bd. 57. Leipzig. 1886).

4. *Boxberger*. Онъ издалъ текстъ „Дмитрія“ и матеріалы къ нему въ *Kürschner's Deutsche National Litteratur* (Bd. 125. Schiller's Werke. 8 Theil). Ему же принадлежитъ статья о „Дмитріи“: *Zeitschrift für vergleichende Litteraturgeschichte*, Bd. V, Heft 1, 2. Berlin. 1892.

5. *Драматическій отрывокъ Шиллера со всей подготовительною работою напечатанъ также въ новомъ изданіи Беллерманна полнаго собранія сочиненій Шиллера, 1895—1897, Bibliogr. Institut Leipzig.*

¹⁾ 1. *Treuer: Einleitung zur Moscovitischen Historie von der Zeit an da Moscov aus vielen kleinen Staaten zu einem grossen Reiche gediehen biss auf den Stolbowischen Frieden mit Schweden anno 1617. Leipzig und Wolfenbüttel. 1720.*

2. *Olearius: Vermehrte Neue Beschreibung der Moscovitischen und Persischen*

обильные черновые материалы поэта невольно заставляют насъ думать, что указанными пятью сочиненіями не исчерпывается начитанность Шиллера въ интересовавшей его области русской и польской исторіи. Припомнимъ письмо поэта къ своему зятю въ Петербургъ, въ которомъ онъ просилъ снабдить его необходимыми для піесы свѣдѣніями о Россіи. Въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ¹⁾ фонъ-Вольцогенъ рекомендуетъ Шиллеру прочесть извѣстные уже намъ труды Олеарія и Миллера, а также Гебенштрейта²⁾, Кокса³⁾, Бакмейстера⁴⁾ и въ особенности мемуары Маржерета⁵⁾, „который былъ однимъ изъ начальниковъ тѣлохранителей самого Дмитрія Самозванца“. Несторъ⁶⁾, по мнѣнію Вольцогена, могъ также быть полезенъ Шиллеру. Кромѣ того, онъ обѣщаетъ привезти ему съ собою русскую трагедію о Са-

Reyze so durch Gelegenheit einer Holsteinischen Gesandtschaft an den Russischen Zar und König in Persien geschehen... Schleswig, 1656 (2-ое изд.).

3. *Connor*: Beschreibung des Königreichs Polen, und Gross-Herzogthums Lithauen... aus dem Englischen übersetzt. Leipzig. 1700.

4. *Pierre Charles Levesque*: Histoire de Russie, nouv. ed. Hambourg et Brunswick 1800. (III и IV томы).

5. *Gerhard Friedrich Müller*: Sammlung Russischer Geschichte. St. Petersburg, 1760. (IV и V томы).

¹⁾ Письма отъ 15-го и 25-го мая 1804 года адресованы на имя Каролины фонъ-Вольцогенъ, а письмо отъ 2-го августа того же года на имя самого Шиллера. Leitzmann, *ibidem*, p. 514—515.

²⁾ Въ своемъ письмѣ отъ 15-го мая 1804 года фонъ-Вольцогенъ пишетъ, что Шиллеръ можетъ ознакомиться съ русскими нравами и обычаями того времени въ сочиненіяхъ Олеарія и Гебенштрейта. Между тѣмъ, по наведеннымъ нами справкамъ въ различныхъ библиографическихъ указателяхъ, никакого труда Гебенштрейта „über Russland“ не оказалось. Надо полагать, что Вольцогенъ ошибся также, какъ онъ ошибочно пишетъ въ одномъ письмѣ „Marchegais“ а въ другомъ „Marcheret“ вмѣсто „Margeret“. Лейтцманъ также не знаетъ никакого труда Гебенштрейта о Россіи. Намъ казалось бы возможнымъ признать смѣшеніе имени Гебенштрейта съ именемъ Heudenstein, известнымъ польскимъ историкомъ, авторомъ сочиненія „Regum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII. Francof. ad Moenum, 1672.

³⁾ *Coze*, Voyage en Pologne, Russie, Suède, Danemarck, франц. пер. Mallet, т. 1—3, Genève, 1786 г.

⁴⁾ *Bachmeister*, Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes in Russland. 12. B. Petersb., Riga und Leipzig. 1772—1789.

⁵⁾ *Margeret*, Etat de l'Empire de Russie et Grand duché de Moscovie avec ce qui s'est passé de plus mémorable et tragique pendant le règne de quatre empereurs. Paris. 1607.

⁶⁾ *Schädler*, Nestor. Russische Annalen. Bd 1—4. Göttingen. 1802—1805.

мозванцѣ Сумарокова и „русское описаніе“ Щербатова ¹⁾ подѣ заглавіемъ „Les Imposteurs“ или, по крайней мѣрѣ, выписки изъ этихъ сочиненій. Въ одномъ изъ этихъ писемъ онъ совѣтуетъ Шиллеру обратить особенное вниманіе, при изученіи интересующаго его періода, на Польшу, „ибо“ замѣчаетъ онъ „всѣ броженія того времени въ Россіи шли изъ этой страны“.

Теперь возникаетъ вопросъ: воспользовался ли Шиллеръ указаніями своего зятя? Познакомился ли онъ, при посредствѣ разумѣется Ф. Вольцогена, съ нашимъ пресловутымъ „Димитріемъ Самозванцемъ“ Сумарокова, съ очеркомъ Щербатова? Прочиталъ ли онъ Шлецерова „Нестора“, труды Кокса, Бакмейстера, Маржерета и др.? По мнѣнію Лейтцмана, на этотъ вопросъ можно отвѣтить утвердительно лишь относительно мемуаровъ Маржерета, авторъ которыхъ самъ долженъ былъ фигурировать въ числѣ дѣйствующихъ лицъ драмы Шиллера (Scenar. 161). Что же касается до остальныхъ сочиненій, то, по его мнѣнію, едва ли возможно съ увѣренностью утверждать, что Шиллеръ былъ знакомъ съ ними. За отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, мы также принуждены оставить этотъ вопросъ открытымъ. Только съ большею увѣренностью можно сказать о „Несторѣ“ Шлецера, что Шиллеръ съ нимъ не познакомился, такъ какъ еще въ февралѣ 1805 г. онъ просилъ Гёте прислать его, и надо думать, что онъ не получилъ его ²⁾. Кеттнеръ предполагаетъ, что, кромѣ указанныхъ самимъ Шиллеромъ 5 главныхъ источниковъ его драмы, поэту были извѣстны еще слѣдующія сочиненія:

1. *Grevenbruch: Tragœdia Moscovitica sive de vita et morte Demetrii, qui puer apud Ruthenos imperium tenuit, narratio*, Köln, 1608.
2. *Relation curieuse Czar Demetrius, histoire moscovite*. Paris. 1714.
3. *Larochelle de l'estat présent de la Russie*. Paris. 1679.

¹⁾ „Краткая повѣсть о бывшихъ въ Россіи Самозванцахъ. С.-Пб. 1774“. Лейтцманъ даетъ ошибочное названіе, указанному Вольцогеномъ, труду Щербатова—*Kurze Erzählung von den in Russland gewesenen Amtspersonen*. Petersb. 1774. Щербатову дѣйствительно принадлежитъ работа о „Старинныхъ степеняхъ чиновъ въ Россіи, въ которыхъ благородные службу производили и какъ были изъ одной въ другую жалованы и т. д. М. 1784“. Но это сочиненіе ничего общаго съ самозванцемъ не имѣетъ. У Бакмейстера, на котораго ссылается Лейтцманъ, (*Russische Bibliothek*, 3, 244), мы находимъ главу CCCVIII, озаглавленную *Kratkaja powjesti o būwschich w Rossii Samoswanzach, w Sanktpeterburghie*, 1774. Заглавіе это переведено слѣдующимъ образомъ: *Kurze Erzählung von den in Russland gewesenen Trugpersonen*. St. Petersburg. 1774.

²⁾ *Leitzmann*, *ibidem*, p. 515—516.

Особенно вліяніе на драму Шиллера оказала, по мнѣнію Кеттнера, повѣсть Ларошеля. И въ самомъ дѣлѣ, какъ въ повѣсти, такъ и въ драмѣ по первоначальному ея плану, мы знакомимся съ Димитріемъ въ низменномъ положеніи слуги, въ первой въ домѣ графа Вишневецкаго, во второй у Сендомирскаго воеводы; какъ тамъ, такъ и тутъ онъ влюбляется, такъ сказать, „не по чину“, у Ларошеля въ младшую сестру графини Вишневецкой, у Шиллера въ дочь своего барина; какъ въ повѣсти, такъ и въ драмѣ Димитрій убиваетъ своего знатнаго соперника по любви, послѣ чего происходитъ открытіе его происхожденія. Кеттнеръ предполагаетъ, что прощаніе графини Вишневецкой съ Димитріемъ, въ котораго она влюблена, оказало несомнѣнное вліяніе на аналогичную же сцену прощанія Димитрія съ Лодовскою у Шиллера. Не отрицая возможности знакомства Шиллера съ повѣстью Ларошеля, Лейтцманъ не соглашается съ Кеттнеромъ насчетъ вліянія этой повѣсти на драму о „Димитріи“. Могучая фантазія великаго нѣмецкаго поэта не нуждалась, по его мнѣнію, въ помощи скромнаго автора „L'Histoire Moscovite“. Что касается до первыхъ двухъ сочиненій, отмѣченныхъ Кеттнеромъ, то Лейтцманъ относится къ этому указанію совсѣмъ скептически. И дѣйствительно предположеніе Кеттнера о знакомствѣ Шиллера съ этими двумя сочиненіями основано на совершенно случайной встрѣчѣ въ драмѣ о „Димитріи“ нѣкоторыхъ выраженій, которыя мы находимъ у Гревенбруха и въ Relation curieuse¹⁾. Съ своей стороны Лейтцманъ еще указываетъ на источники Шиллеровской драмы, на которые Кеттнеръ не обратилъ вниманія. Такъ прежде всего, по мнѣнію Лейтцмана, приведенныя Шиллеромъ въ его „Collectanea“ русскія пословицы взяты поэтомъ (при посредствѣ, разумѣется, его зятя) изъ появившейся въ С.-Петербургѣ въ 1783 г. брошюрки: „Выборныя російскія пословицы“²⁾. Далѣе онъ находитъ, что детальныя свѣдѣнія о Польшѣ вообще и о польскомъ сеймѣ въ частности почерпнуты Шиллеромъ не только изъ вышеуказаннаго сочиненія Коннора, но также изъ труда Лаутербаха и очерка Архенхольца „Sobiesky“³⁾. Предпо-

¹⁾ *Kettner*, *ibidem*. Einleitung, p. XXIX, XXX, XXXIII, LXVII, LXVIII. *Leitzmann*, *ibidem*, p. 516—518.

²⁾ *Leitzmann*, *ibidem*, p. 526 - 527.

³⁾ *Samuel Friedrich Lauterbach*, *Polnische Chronike oder Historische Nachricht von dem Leben und Thaten aller Herzoge und Könige in Polen*. Frankfurt und Leipzig. 1727 (гл. о Сигизмундѣ III и Владиславѣ VI). Очеркъ *Архенхольца* im 12 Stück der *Horen* 1795 г., *Leitzmann*, *ibidem*, p. 519—523; 524—525.

ложение Лейтцмана вполне подтверждается фактическими данными. Порядок расположения русских пословиц (Collectanea, p. 258 — 259), а также свѣдѣній о польскомъ сеймѣ (Polonica въ Studienheft, p. 242 — 243; Sconag, p. 134 — 137) убѣждаетъ насъ въ томъ, что эти пословицы и свѣдѣнія о Польшѣ взяты поэтомъ именно изъ указанныхъ Лейтцманомъ сочиненій.

Этимъ мы и заканчиваемъ наше разсмотрѣніе источниковъ Шиллеровскаго отрывка и переходимъ теперь къ другому отдѣлу подготовительной работы, озаглавленному въ изданіи Кеттнера „Studienheft“ (p. 199—243). Здѣсь Шиллеръ дѣлаетъ попытку разобраться въ собранномъ имъ матеріалѣ, онъ даетъ бѣглую характеристику главныхъ дѣйствующихъ лицъ, задаетъ себѣ рядъ вопросовъ, необходимыхъ для выясненія драматическаго дѣйствія, изъ которыхъ на одни онъ отвѣчаетъ тутъ же, а другіе оставляетъ открытыми, не имѣя еще въ распоряженіи готовыхъ отвѣтовъ, онъ пытается опредѣлять содержаніе перваго дѣйствія, которое, по первоначальному плану, должно было происходить въ Самборѣ. Здѣсь мы находимъ распределеніе ролей между артистами, длинный списокъ достоинствъ задуманнаго имъ сюжета, озаглавленный „Pго“. Наконецъ въ этомъ отдѣлѣ матеріаловъ Шиллера удѣлено большое мѣсто разсмотрѣнію принципиальнаго вопроса драмы: кто былъ лже-Димитрій? Въ самомъ началѣ своей подготовительной работы Шиллеръ признаетъ его то за „ein Boyagen Sohn“ (p. 254), то за побочнаго сына польскаго короля Стефана Баторія (p. 199)¹⁾, а однажды даже за побочнаго сына царя Ивана Васильевича (p. 199). Наконецъ онъ останавливается на предположеніи, что Димитрій былъ просто сверстникомъ убитаго царевича, его Spielkamerad, быть можетъ, сынъ его няни. Кто же былъ руководителемъ этого мальчика, которому суждено было сдѣлаться Самозванцемъ? Кто былъ авторъ всего этого обмана? „Прежде всего необходимо придумать“, замѣчаетъ Шиллеръ, „какимъ образомъ былъ признанъ Димитрій за царевича безъ всякаго съ его стороны обмана, а также какимъ образомъ онъ самъ былъ введенъ въ заблужденіе? Непремѣнно долженъ быть нѣкто, который творить намѣренно этотъ обманъ, и это намѣреніе должно быть для всѣхъ ясно и понятно. Врагъ ли это Бориса? Честолюбецъ ли, который думаетъ этимъ выдвинуться, или это какойнибудь релігіозный фанатикъ?“ (p. 206). Послѣ нѣкоторыхъ колебаній онъ находитъ возможнымъ отвѣтить на

¹⁾ Такого же мнѣнія держится и Беръ въ „Московской лѣтописи“.

всѣ эти вопросы такъ: „Мысль выдать его за Дмитрія Ивановича идетъ отъ одного мстительнаго духовнаго лица, котораго Борисъ жестоко обидѣлъ“ (р. 214). Случайно встрѣтивъ мальчика, этотъ „злой чернецъ“ пораженъ его сходствомъ съ убитымъ царевичемъ, и вотъ въ головѣ его рождается планъ воспользоваться этою игрою природы для того, чтобы отомстить Борису. Впослѣдствіи Шиллеръ дѣлаетъ руководителемъ своего героя самого убійцу Дмитрія, который, вмѣсто обѣщанной Борисомъ награды, долженъ былъ подвергнуться смертной казни. Убійца рѣшается отомстить неблагодарному царю. Скрываясь отъ его преслѣдованій, онъ беретъ съ собою мальчика, поразительнаго сходства съ царевичемъ, захватываетъ и различныя драгоценности, принадлежащія Дмитрію. Покинувъ Угличъ, онъ энергично принимается за свое дѣло; онъ даетъ мальчику надлежащее воспитаніе и образованіе, намекаетъ воспитаннику, что онъ весьма знатнаго происхожденія; пользуясь тѣмъ, что царица-мать не видала трупа своего сына, а повѣрила только всеобщей молвѣ о его убійствѣ, онъ распускаетъ слухъ, что Дмитрій царевичъ живъ, а вмѣсто него погибъ другой мальчикъ. Въ черновыхъ матеріалахъ Шиллера мы находимъ два параллельныхъ столбца, въ которыхъ разказывается о Дмитріи „Die wahre Geschichte“ и „Die fingierte“. Содержаніе перваго разказа намъ уже извѣстно. Въ „вымышленной“ же исторіи, то-есть, въ разказѣ, придуманномъ самимъ обманщикомъ, идетъ рѣчь о томъ, что, вмѣсто царевича, погибъ другой мальчикъ, заранѣе подмѣненный вѣрнымъ дядькою Дмитрія (р. 231—232) ¹⁾.

Скажемъ теперь еще нѣсколько словъ о двухъ фазисахъ подготовительной работы Шиллера. Въ „Skizzenblätter“ (р. 83 — 113) поэтъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на сценахъ въ Самборѣ, которыя онъ обрабатываетъ въ цѣломъ рядѣ, слѣдующихъ одинъ за другимъ. эскизовъ и повторяющихся, въ сущности говоря, одно и то же

¹⁾ „Die fingierte Geschichte“ содалась, по мнѣнію Кетнера, подъ влияніемъ сочиненія Трейера и Гревенбрука, а также повѣсти Ларошеля (Einleitung, р. XXVIII — XXIX). Подобный же разказъ о спасеніи царевича наставникомъ Симеономъ, мы находимъ у Паерле (George Paerle, Versuch einer neuen Einleitung in die Russische Geschichte 1773 г.), см. *Устралоогъ*, въ указанн. сочиненіи, I, р. 154. Что касается до „злаго чернеца“, который по первоначальному проекту Шиллера былъ главнымъ fabricator'омъ doli, то о немъ говорятъ Петрей, Беръ, Маржеретъ и Трейеръ, при чемъ послѣдніе три называютъ этого монаха Отрепьевымъ, тогда какъ Петрей зоветъ Grieka Utrereia самого самозванца. У Шиллера мы тоже встрѣчаемъ подобное искаженіе имени Отрепьева, р. 179, 232.

содержаніе. Эти эскизы служатъ нагляднымъ доказательствомъ удивительной добросовѣстности и крайней строгости къ себѣ поэта. Малѣйшая недосказанность или неясность изложенія содержанія той или другой сцены заставляютъ Шиллера снова пересказывать и излагать ихъ. Такихъ пересказовъ содержанія сценъ въ Самборѣ мы насчитываемъ до десяти; они занимаютъ 19 страницъ изъ 29 этого отдѣла черновыхъ матеріаловъ; остальные десять посвящены выясненію главнѣйшихъ моментовъ драматическаго дѣйствія послѣдующихъ актовъ.

Въ „Scenar“ (pp. 114—167), Шиллеръ весьма обстоятельно излагаетъ содержаніе всей пьесы въ формѣ эпическаго разказа, начиная опять таки съ пребыванія лже-Димитрія въ домѣ Сендомирскаго воеводы до самой его смерти. Весь этотъ разказъ представляетъ изъ себя рядъ, расположенныхъ въ строгой послѣдовательности, описаній, при чемъ каждое изъ нихъ, какъ законченное цѣлое, имѣетъ свое особое заглавіе: „Demetrius unerkant zu Sambor“, „Russische Ankömmlinge“, „Das Kleinod“, „Marfa im Kloster“, „Boris stirbt“, „Demetrius in Tula“ etc. Шиллеръ имѣлъ въ виду, по первоначальному плану, начать свою пьесу съ изображенія героя въ положеніи слуги у Сендомирскаго воеводы и приступилъ уже къ драматической обработкѣ „сценъ въ Самборѣ“—часть ихъ написана стихами—но, руководясь, вѣроятно, замѣчаніями Гёте, онъ рѣшается затѣмъ пожертвовать этими сценами ради стройности пьесы и открыть ее прямо сценою на краковскомъ сеймѣ. По предположенію Кеттнера, къ этому рѣшенію Шиллеръ пришелъ въ мартѣ 1805 г. (Einleitung, p. XXI). Въ матеріалахъ Шиллера мы находимъ еще два наброска въ прозѣ (Entwürfe zum Act I und II, p. 168—196), которые легли въ основаніе стихотворной и, надо думать, окончательной редакціи перваго и большей части втораго актовъ драмы Шиллера.

IV.

Переходя теперь къ изложенію содержанія драмы Шиллера, мы остановимся прежде всего на „сценахъ въ Самборѣ“, которыя хотя и были вычеркнуты самимъ авторомъ, но заслуживаютъ нашего вниманія уже по одному тому, что Шиллеръ такъ долго и съ такою любовью работалъ надъ ними. Кромѣ того, эти сцены заключаютъ въ себѣ богатѣйшій матеріалъ для характеристики героя и героини, а потому намъ кажется, что Лейтцманъ справедливо сожалѣетъ, въ противоположность Кеттнеру, объ исключеніи изъ пьесы этого „очаровательно

задуманнаго и, въ сущности говоря, въ психологическомъ отношеніи необходимаго дѣйствія въ Самборѣ" (Samboact)¹⁾. Нашъ герой живетъ въ домѣ Сендомирскаго воеводы, въ качествѣ слуги, подъ названіемъ Гришки (Griska), но „служба, которую онъ здѣсь несетъ“, замѣчаетъ Шиллеръ, „не должна быть унижительна“. Никто не знаетъ, кто онъ, да и самъ Гришка имѣетъ весьма смутное представленіе о своемъ происхожденіи. Извѣстно только, что онъ русскій, и что онъ бѣжалъ въ Польшу изъ монастыря, аскетическій режимъ котораго слишкомъ стѣснялъ его бурную и страстную натуру. И въ самомъ дѣлѣ его характеръ, наклонности и вкусы находятся въ рѣзкомъ противорѣчій съ монашескимъ званіемъ. „Онъ смѣлъ и отваженъ, умъ его переполненъ самыми благородными стремленіями, онъ упрямъ и вѣжливъ. Въ немъ чувствуется неукротимый, дикій, независимый духъ, который вовсе не свойствененъ тому положенію, въ которомъ мы его находимъ. Онъ былъ монахомъ, а выглядит рыцаремъ. Онъ является въ качествѣ слуги, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ проглядываетъ что-то царское, властное“. „Онъ проявляетъ способность къ всевозможнымъ рыцарскимъ упражненіямъ, укрощаетъ самыхъ дикихъ коней, палитъ изъ пушекъ, знакомъ съ исторіею своей страны, освѣдомленъ о всѣхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ... Этотъ юноша въ продолженіе дѣйствія пьесы долженъ сдѣлаться русскимъ царемъ и сыномъ Грознаго“ (р. 89). „Какъ иностранецъ и гражданинъ враждебной страны, какъ авантюристъ и бѣглый монахъ, онъ вызываетъ среди поляковъ самое презрительное къ себѣ отношеніе“. На его сторонѣ только самъ воевода и женщины, которымъ нравится его храбрость и ловкость. Въ особенности горячо привязалась къ нему Лодоиска, дочь одного изъ служащихъ въ домѣ воеводы. Но герой нашъ не замѣчаетъ ея любви, онъ мѣтитъ выше и увлеченъ младшею дочерью воеводы, прекрасною Мариною. Гордая панна также не остается къ нему равнодушною вопреки насмѣшкамъ и упрекамъ старшихъ сестеръ, которыя не могутъ ей простить ея явнаго предпочтенія бѣглаго русскаго монаха и слугу передъ женихомъ-палатиномъ. А, по мнѣнію Марины, только два главныхъ интереса въ жизни: „любовь и величіе“ (р. 223). „Кругъ, въ которомъ она живетъ, слишкомъ для нея тѣсенъ и малъ; она стремится вырваться изъ пустой повседневности жизни.. Она подобна орлу, который видятъ себя пойманнымъ въ тѣсной клеткѣ. Въ этомъ беспокойномъ

¹⁾ *Leitzmann*, *ibidem*, p. 533.

настроеніи ея занимаетъ любовь Гришки. Она видитъ въ немъ существо, которымъ она можетъ повелѣвать; ей лстять его преклоненіе, потому что онъ уменъ, всѣмъ нравится, между всѣми женщинами отличаетъ ея и изъ всѣхъ мужчинъ одинъ ее понимаетъ" (р. 107—108). Женяхъ Марины замѣчаетъ любовь Гришки. Пораженный дерзостью слуги, онъ требуетъ, чтобы Гришка не смѣлъ попадаться ему на глаза, глумится надъ нимъ, собирается ударить его и наконецъ заставляетъ нашего героя выхватить шпагу, на которую палатинъ въ ярости самъ же натывается и тутъ же падаетъ мертвымъ. На шумъ и крикъ сбѣгается вся челядь, а затѣмъ и самъ воевода, который даетъ приказъ о заключеніи Гришки въ темницу. Въ это время въ домъ воеводы, совершенно случайно, заходятъ нѣсколько русскихъ бояръ, которые разказываютъ, что ихъ принудили бѣжать изъ отечества на чужбину преслѣдованія царя Бориса. Воевода узнаетъ отъ русскихъ, что Борисъ велѣлъ убить царевича Дмитрія, но что замыселъ его не удался — въ народѣ ходятъ слухи о томъ, что царевичъ живъ; и эти слухи приводятъ царя въ великое смущеніе. Ихъ разговоръ прерывается появленіемъ Марины и Лодоиски, которыя пришли показать нагрудный крестъ Гришки, подаренный имъ Лодоискѣ. Предметъ этотъ сразу обращаетъ на себя вниманіе русскихъ, которые признаютъ въ немъ крестъ царевича Дмитрія. Воевода разказываетъ о только что случившемся съ его слугою Гришкою. Живо заинтересованные этимъ разказомъ, русскіе начинаютъ допрашивать, кто и откуда этотъ юноша, съ которыхъ поръ онъ живетъ здѣсь, въ Самборѣ. Воевода и дѣвушки съ трудомъ успѣваютъ отвѣчать на ихъ вопросы, и съ каждымъ отвѣтомъ удивленіе русскихъ все растетъ и растетъ. Они просятъ воеводу повести ихъ въ темницу къ заключенному юношѣ. При первомъ же взглядѣ на него русскіе замѣчаютъ его благородную внѣшность, поразительное сходство съ царевичемъ Дмитріемъ. На него сыплется градъ вопросовъ, на которые онъ отвѣчаетъ совершенно спокойно. Русскіе спрашиваютъ Гришку, какимъ образомъ попалъ къ нему этотъ крестъ, на что послѣдній отвѣчаетъ, что этотъ предметъ никогда не покидалъ его. Гришка показываетъ посѣтителямъ псалтирь, подаренный ему архимандритомъ, въ которомъ сдѣлана какая-то греческая надпись, для него непонятная, по незнанію греческаго языка. Одинъ изъ русскихъ лихорадочно схватываетъ псалтирь и читаетъ, что владѣлецъ этой книги и есть царевичъ Дмитрій, чудесно спасенный отъ руки убійцы. „Послѣ случившагося признанія“, замѣчаетъ Шиллеръ, „у присутствующихъ не должно оста-

ваться никакого сомнѣнія (въ томъ, что Гришка—истинный царевичъ Димитрій), и если возможно даже самъ зритель въ это мгновеніе долженъ вѣрить въ Димитрія. Въ особенности же долженъ быть убѣжденъ въ себѣ самъ герой, и эта вѣра имѣетъ такое дѣйствіе на зрителя, что, несмотря на его сомнѣнія, онъ поневолѣ увлекается ею“ (р. 127). Димитрій ошеломленъ событіемъ, сдѣлавшимъ его изъ ничтожнаго слуги могучимъ монархомъ. Но онъ скоро приходитъ въ себя и все темное въ его прошедшемъ становится для него теперь яснымъ. Елена спала съ глазъ. Онъ начинаетъ припоминать Угличскій пожаръ, свое бѣгство изъ этого города въ ту ужасную ночь, о томъ, что его неоднократно когда-то называли царскимъ сыномъ, но въ то время онъ принималъ эти слова за насмѣшку. Теперь признанный царевичемъ, онъ не находитъ нужнымъ скрывать своего чувства къ Маринѣ. Въ отвѣтъ на его горячее признаніе, Марина даетъ ему понять, что она готова быть его женою, но только тогда, когда онъ осуществитъ свои права на русскій престолъ. Съ этихъ поръ Марина становится главнымъ двигателемъ всего предпріятія. „Въ ней достаточно величія“, замѣчаетъ Шиллеръ, „для трагическаго характера. Она воспринимаетъ смѣлыя идеи, умѣетъ прискаать средства для ихъ выполненія, не страшится никакого препятствія и заранѣе предвидитъ рядъ необходимыхъ мѣропріятій. Она даетъ рѣшимость колеблющимся, подбадриваетъ Димитрія, убѣждаетъ отца, увлекаетъ всѣхъ къ дѣйствію и однимъ словомъ являетъ себя рожденною для великой роли. Благодаря этой прекрасной сторонѣ ея характера, она представляется намъ въ высшей степени интересною и привлекательною, но, какъ гордое и честолюбивое существо. единственно занятое своими цѣлями, она не знаетъ любви, не знаетъ жалости“... (р. 107). Самъ Димитрій для нея только средство къ достиженію своихъ честолюбивыхъ цѣлей; ей не нужно вѣрить въ него.

Послѣ указанной сцены признанія героя царевичемъ, должны были слѣдовать сцена въ корчмѣ, гдѣ Марина убѣждаетъ шляхтичей принять участіе въ борьбѣ Димитрія съ Борисомъ за русскій престолъ, сцена заключенія брачнаго договора между Димитріемъ и Мариною, сцена между Мариною и ея отцомъ, котораго она уговариваетъ не беспокоиться насчетъ успѣха задуманнаго дѣла, и наконецъ заключительная сцена прощанія Димитрія съ Лодонскою. Первые три изъ указанныхъ нами сценъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, включены въ первое дѣйствіе пьесы окончательной редакціи — о нихъ будетъ рѣчь ниже. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о сценѣ про-

щанія Дмитрія съ Лодовскою, которая была обработана Шиллеромъ въ стихотворной формѣ. Лодовиска—полный контрастъ Марины; ея любовь къ Дмитрію вполне безкорыстна и безпритязательна. Во время прощанія съ нимъ у ней невольно вырывается робкое признаніе въ любви, которое удивляетъ и трогаетъ героя. Страстный порывъ охватываетъ его; онъ стремительно подходитъ, хочетъ обнять ее, но, вспомнивъ, что судьбою ему назначено быть московскимъ царемъ, быстро овладѣваетъ собою и поспѣшно удаляется. Лодовиска успѣваетъ только заручиться его обѣщаніемъ взять съ собою ея любимаго брата Казимира, съ которымъ она проситъ его никогда не разставаться. Таково содержаніе перваго дѣйствія или пролога по первоначальному замыслу поэта.

V.

При изложеніи содержанія перваго дѣйствія и большей части втораго въ окончательной редакціи, мы будемъ пользоваться переводомъ Л. А. Мея, который справедливо почитается однимъ изъ лучшихъ нашихъ переводчиковъ, но, къ сожалѣнію, онъ перевелъ драматическій отрывокъ Шиллера по единственно имѣвшемуся тогда изданію Кёрнера, многія неточности котораго были исправлены послѣдующими издателями Шиллеровскаго текста, Гедке и Кеттнеромъ; кромѣ того въ переводѣ Мея мы нерѣдко встрѣчаемъ не вполне точную передачу стиховъ великаго нѣмецкаго поэта, но эти погрѣшности переводчика, спѣшимъ оговориться, не настолько велики, чтобы лишить читателя возможности представить себѣ всю красоту и поэзію драматическаго отрывка Шиллера.

„При поднятіи занавѣса открывается большая зала сената, въ которой застѣдаетъ собраніе польскихъ государственныхъ чиновъ“. Тутъ присутствуетъ и король и примасъ королевства—архіепископъ Гнѣзенскій, епископы, палатыны, кастеланы и множество выборныхъ отъ шляхты. Сеймъ близится къ концу. Архіепископъ Гнѣзенскій предлагаетъ собранію выслушать Дмитрія, претендующаго на русской престолъ. Всѣ согласны слушать его, за исключеніемъ Льва Сапѣги, который, въ качествѣ посла Рѣчи Посполитой, ѣздилъ въ Москву заключить съ царемъ Борисомъ мирный договоръ на 20 лѣтъ. Но вопреки протесту Сапѣги „великій коронный маршалъ даетъ придвернику знакъ своимъ жезломъ“, и Дмитрій входитъ. Рѣчь, которую онъ говоритъ здѣсь, не заключаетъ въ себѣ ничего

для насъ новаго. Все то, что должно было произойти на глазахъ у зрителей въ вѣстныхъ уже намъ сценахъ въ Самборѣ, дѣлается теперь предметомъ повѣствованія, влагается въ уста Димитрія. Заимѣтимъ только, что признаніе героя царевичемъ Димитріемъ въ его рѣчи передъ сеймомъ происходитъ при нѣсколько иной обстановкѣ, чѣмъ въ рассмотрѣнныхъ уже нами Самборскихъ сценахъ. Димитрія признаютъ царевичемъ не въ тюрьмѣ, а въ тотъ моментъ, когда „онъ уже преклонилъ колѣна передъ плахою и шею подъ ударъ меча подставилъ“. Присутствующіе при этомъ русскіе бояре замѣчаютъ на его шеѣ золотой крестъ, украшенный девятью изумрудами и аметистами, который тотчасъ же признаютъ за крестъ, возложенный на царевича Димитрія его крестнымъ отцомъ княземъ Мстиславскимъ. Рѣчь Димитрія, благодаря ея искреннему тону, глубокой вѣрѣ въ правоту своихъ стремленій, производитъ сильное впечатлѣніе на собраніе.

„Не по примѣтамъ, можетъ быть, обманнымъ, (говорить онъ)

„А по бивнію собственнаго сердца,

„Я узнаю наследственную кровь.

„И ужъ скорѣй ее пролью по валгѣ,

„Чѣмъ уступлю права на мой вѣнецъ“.

Послѣ Димитрія, въ качествѣ оратора, выступаетъ предсѣдатель собранія, архіепископъ Гнѣзненскій; онъ даетъ заключеніе по этому дѣлу и первый высказывается въ пользу нашего героя. Все собраніе живо присоединяется къ своему предсѣдателю. Одины только голоса Салѣги раздаются диссонансомъ въ этомъ согласномъ хорѣ. Послѣдній проситъ собраніе повременить, прежде чѣмъ сказать послѣднее слово. На это Одоевскій (у Шиллера Одовальскій) ¹⁾ спѣшитъ возразить: „Здѣсь не Москва, страхъ предъ тираномъ здѣсь не сковываетъ свободныя души. Здѣсь правда можетъ выступать съ высокоподнятымъ челомъ. Я не хочу думать, благородные господа, что даже здѣсь, на польскомъ сеймѣ, въ Краковѣ, московскій царь ямѣтъ своихъ холоповъ“ (Demetrius, изд. Кетнера, р. 15) ²⁾. Го-

¹⁾ Одоевскій—тайный кавалеръ Марии на сеймѣ.

²⁾ Здѣсь Мей уклоняется отъ текста Шиллера, который мы перевели дословно. Вотъ что у него говоритъ Одоевскій:

„Здѣсь не орда; здѣсь горло не затянетъ,

„За слово правды ханская веревка.

„Здѣсь истина чела не потупляетъ.

„Надѣюсь, что въ собраніи благородномъ

лось Сапѣги оказался голосомъ вопіющаго въ пустынь. Дмитрій благодарить собраніе за „привзанную истину“, но одного признанія ему мало; ему нужна реальная помощь въ борьбѣ съ Борисомъ.

Онъ обращается къ королю, сенаторамъ, палатникамъ, кастеланамъ и говоритъ, что наступилъ „удобный мигъ слить два народа воедино“. Онъ старается увлечь шляхтичей обѣщаніемъ щедрыхъ наградъ. Его зажигательныя слова, умѣло пущенныя въ эту жадную до добычи толпу шляхтичей, приводятъ ее въ неистовство. Со всѣхъ сторонъ раздаются крики: „Война, война съ Москвою!“ Сапѣга проситъ слова—онъ напоминаетъ обезумѣвшему собранію о двадцатилѣтнемъ перемиріи съ Москвою. Тогда Дмитрій съ чувствомъ внутренняго убѣжденія гордо возражаетъ ему:

„Князь Левъ Сапѣга! Вы яамъ говорите,
 „Что миръ съ царемъ московскимъ заключили?
 „Неправда: царь одинъ московскій—я.
 „Во мнѣ Москвы величіе; за мною
 „Наслѣдная держава Іоанна...
 „Коль поляки миръ съ Русью заключать,
 „Такъ заключать съ ея царемъ законимъ“.

Но Сапѣга не въ силахъ сдержать своего негодованія. Обманъ для него слишкомъ очевиденъ. Неужели, говоритъ онъ, всѣ такъ ослѣплены, а, можетъ быть, такъ искусно притворяются и не хотятъ видѣть, что все собраніе—игрушка въ рукахъ хитраго воеводы, „сочинившаго имъ русскаго царя“. Что ему мнѣніе большинства? „Разумъ всегда былъ удѣломъ лишь немногихъ, голоса должно взвѣшивать, а не считать. Пусть всѣ согласны, я говорю—нѣтъ, я говорю—veto, я срываю сеймъ“¹⁾. Тутъ начинается въ собраніи невообразимый хаосъ. Король поспѣшно покидаетъ свой тронъ. Кричатъ: „долой Сапѣгу, долой его! Рубите на куски!“ На него накидываются съ саблями. Сапѣга выхватываетъ свою. Архіепископъ Гнѣзненскій съ кре-

„Здѣсь, въ Краковѣ, на главномъ польскомъ сеймѣ,
 „Ни одного нѣтъ *жанскаю* холопа“

Шиллеръ, какъ извѣстно, при обработкѣ сцены краковскаго сейма имѣлъ именно въ виду показать контрастъ между ограниченою властью польскаго короля и неограниченнымъ господствомъ русскаго царя. (Изд. Кеттнера, Scenar, p. 136). Въ другомъ мѣстѣ поэтъ говоритъ: „Ungeheur Abstand der Pohlen und Russen ist darzustellen, jene frei unabhängig, diese knechtisch, unterwürfig“. (Studienheft, p. 210).

¹⁾ Мей переводитъ слово *Meihrzahl* не большинство, а видимость.

стоишь въ рукахъ становится между сражающимися. Едва, едва удается епископамъ удалить разсвирѣпѣвшаго Санѣгу.

Залъ понемногу пустѣеть. Остаются лишь Дмитрій, Мнишекъ ¹⁾, Одоевскій и казачій атаманъ. Входитъ король Сигизмундъ, который пришелъ обнять и поздравить Дмитрія; онъ очень сожалѣеть, что послѣднему не удалось добиться официальной поддержки Польши въ войнѣ съ Борисомъ, но, по его мнѣнію, царевичъ достаточно смелъ имѣя казаковъ и съ тѣмъ войскомъ, которое снарядитъ ему могучій Сендомирскій воевода. Между тѣмъ появляется Марина, и король соединяетъ руки невѣсты и жениха, который даетъ торжественную клятву ²⁾ возвести ее на московскій престолъ и принести ей въ даръ Псковъ и „Новый Городъ“ со всѣми окрестными селами, а „благородному воеводѣ“ за помощь „милліонъ дукатовъ польскаго чекана“. Эта клятва, произнесенная Дмитріемъ въ присутствіи короля, замѣняетъ сцену заключенія брачнаго договора, о которой мы упоминали выше при изученіи перваго дѣйствія въ первоначальной редакціи. Въ разговорѣ съ королемъ Дмитрій высказываетъ намѣреніе перенести въ свое отечество ту свободу, съ которою онъ познакомился въ Польшѣ. По этому поводу старый король даетъ ему три совѣта: 1) уважать мѣстные обычаи, 2) не забывать услуги, оказанной Польшею, но, прибавляетъ онъ:

„Помните, что подражать не надо,
„Обычай чуждый для страны не въ прокъ.

и 3) „Къ чему-бъ ни приступали,
„У матери своей благословитесь“.

Послѣднія сцены этого акта посвящены характеристикѣ Марины, съ которою, благодаря отсутствію сценъ въ Самборѣ, читатель еще не знакомъ. Мы видимъ Марину сначала съ Одоевскимъ, безумно влюбленнымъ въ нее шляхтичемъ, который поневолѣ долженъ довольствоваться ролью ея повѣреннаго. Изъ ея разговора съ нимъ

¹⁾ У Мея и Кернера мы читаемъ „Мнишекъ“; въ изданіи Геделе и Кеттнера „Мейшекъ“.

²⁾ У Мея сказано м. п.

„Я лучшей фантъ теперь вамъ вынимаю,
„Богиню счастья...“

У Шиллера сказано:

„So führ ich euch in diesem schönen Pfande
„Des Glückes heitre Göttinn zu“.

ясно, что она вовсе не убѣждена въ томъ, что ея женихъ истинный царевичъ. Ея пытливый умъ проникаетъ даже въ душу короля Сигизмунда:

„Король его считаетъ вовсе ложнымъ,
„Я вижу пресвѣтлѣйшаго насковозъ,
„Игра съ Сапѣгой тайная, и только“.

Марина даетъ Одоевскому приказъ вести войско въ Кіевъ, гдѣ оно должно присягнуть царевичу и ей, Маринѣ.

„Мнѣ, слышите, необходимо нужно“.

Она требуетъ, чтобы Одоевскій не отлучался отъ Дмитрія ни на шагъ, чтобы онъ обо всемъ доводилъ до ея свѣдѣнія. Сцена заканчивается восторженными криками собравшихся шляхтичей: „Vivat Maria, Russiae Regina!“ Заключительная сцена 1-го акта происходитъ между Мариною и ея отцомъ, который упрекаетъ дочь за ея крайнее честолюбіе, вовлекшее его въ это рискованное предпріятіе. Марина успокаиваетъ воеводу, рисуя ему картины заманчиваго будущаго. Она находится въ состояніи крайней экзальтаціи. Честолюбивые замыслы не даютъ ей покоя. Она мечтаетъ присоединить къ своимъ владѣніямъ и Кіевъ, который въ то время принадлежалъ Польшѣ:

„Я лѣтопись старинную читала
„И вникла: онъ отъ русскаго княженія
„Оторванъ—надо и назадъ отдать“.

VI.

„Послѣ оживленной картины польскаго сейма“, говоритъ Шиллеръ, „непосредственно слѣдуетъ, составляя полнѣйшій контрастъ, картина пустынной, созерпательной и уединенной монастырской жизни на берегу Бѣлаго озера“. Мы видимъ мать царевича Дмитрія—инокиню Марю, въ тоскѣ склонившуюся надъ надгробнымъ памятникомъ. Монахиня Ольга увѣщаетъ ее перестать „оплакивать потеряннаго сына и прежнее величіе“, совѣтуетъ обратить свой взоръ на весеннее пробужденіе природы, которое вселяетъ въ сердца людей радость и бодрость. Но Маря остается неутѣшною; не даромъ, говоритъ она, „годы всю ее окаменили“. Разговоръ ихъ прерывается появленіемъ маленькаго рыбака, который, благодаря открывшейся навигаціи, при-

несъ въ монастырь свѣжія новости ¹⁾: онъ сообщаетъ о томъ, что царевичъ Дмитрій живъ. Эти слова рыбака долетаютъ до Марыи и производятъ на нее сильное впечатлѣніе. Она знаетъ, что эта новость не болѣе, какъ греза, но даже, какъ обманъ, она тревожитъ ея духъ. Въ это время прїѣзжаетъ въ монастырь архіепископъ (патріархъ Іовъ), который, по повелѣнію царя Бориса, жаждетъ говорить съ инокиней Мареею. Ихъ діалогъ представляется въ вышей степени интереснымъ. Царь послалъ Іова увѣдомить Марееу о томъ, что какой-то проходимецъ выдаетъ себя за ея умершаго сына, и проситъ ее, во избѣжаніе народныхъ волненій, объявить, что сынъ ея давно умеръ, а тотъ, который приближается къ Чернигову,—обманщикъ. Едва сдерживая свое волненіе, Марееа задаетъ Іову рядъ вопросовъ о Самозванцѣ, на которые архіепископъ отвѣчаетъ все то, что намъ уже извѣстно изъ перваго дѣйствія. Каково же его удивленіе, когда изъ груди Марееы вырывается радостный крикъ и когда она, вся охваченная энтузіазмомъ, восклицаетъ:

„Мнѣ сынъ онъ! Я по признакамъ всѣмъ знаю
 „И признаю... хоть по боязни царской...
 „Онъ, самый онъ! Онъ живъ! Онъ недалеко!
 „Долой, тиранъ, съ престола! Трепещи!
 „Въ конецъ не сгибла Рюрикова отрасль.
 „И царь грядетъ, наследный царь грядетъ,
 „Спросить у вѣрноподанныхъ отчета“.

Она не въ силахъ сдержать всей злобы на Бориса, которая въ теченіе столькихъ лѣтъ накопила у нея на сердцѣ. Теперь Борисъ въ ея власти. Ему нужно ея слово, отъ котораго зависить успѣхъ предпріятія его врага. Неужели она пойдетъ противъ сына, котораго ей возвращаетъ небо? Она дѣйствительно шестнадцать лѣтъ оплакивала его, но мертвымъ его не видала, а повѣрила всеобщей молвѣ точно такъ же, какъ она теперь вѣритъ молвѣ о томъ, что онъ живъ.

„Но, еслибъ я“, говоритъ она, „подъ сердцемъ не носила
 „Его, теперь подъ сердцемъ мщеніе носить
 „Его же“.

¹⁾ Рыбакъ разсказываетъ также о прибытіи впервые англійскаго корабля въ Архангельскъ. Здѣсь Шиллеръ допустилъ анахронизмъ. Первый англійскій корабль появился въ Архангельскѣ еще при Іоаннѣ Грозномъ въ 1553 г., о чемъ новостъ могъ узнать у Лавска и Миллера (*Kettner*, *ibidem*, *Einleitung*, p. XL—XLI).

Іовъ напоминаетъ Марѣ, что борьба съ Борисомъ неровная, что и въ этой мирной обители ей не укрыться отъ его сильной руки. Эти угрозы ей не страшны. Борисъ можетъ убить ее, но онъ не въ силахъ заставить ее сказать то, чего она не хочетъ.

Оставшись одна, Марѣ произносить монологъ удивительной силы и красоты, который, по справедливому мѣнью изслѣдователей, почитается самымъ художественнымъ мѣстомъ въ драматическомъ отрывкѣ Шиллера. Бесѣда съ Іовомъ произвела въ Марѣ огромную переиѣну. Изъ застывшей, „окаменѣлой“, безучастной ко всѣмъ радостямъ жизни монахини она снова превращается въ жизнерадостную женщину и царицу. Ледяныя оковы, наложенныя на нее годами заточенія и безысходнаго горя, таятъ подъ влияніемъ блеснувшего ей луча надежды увидѣть дорогаго сына. Жажда жизни, жажда власти, жажда мести пробуждается въ ней. Она находится въ состояніи высокой экзальтаціи:

„Онъ! Онъ! Идетъ сюда вооруженный,
 „Спасти меня и отомстить врагу!..
 „Я слышу звуки громкихъ трубъ и бубновъ!
 „Собирайтесь отъ сѣвера и юга,
 „Изъ всѣхъ степеней, изъ вѣковыхъ лѣсовъ,
 „Всѣ языки державному навстрѣчу“.

Она проситъ „солнце вѣковѣчное снести ему ея желанія“; она проситъ „воздухъ необъятный и летучій вѣять на него ея благословеніемъ“; она шлетъ „изъ глубины душевной“ въ „высь неба“ молитвы, чтобы небесныя воинства помогли ей „возлюбленному сыну“.

„Изъ пасмурной монастырской обстановки мы непосредственно переносимся въ веселую открытую мѣстность, гдѣ Дмитрій со своимъ войскомъ вступаетъ въ предѣлы Россіи“ (р. 99). Чудная весенняя пора ¹⁾). Дмитрій смотритъ съ пригорка на разстилающуюся передъ его глазами безграничную даль широко развернувшейся Руси. Онъ видитъ вдали Черниговъ, даже Новгородъ-Сѣверскій (который виденъ ему, разумѣется, только благодаря не совсѣмъ точному представленію Шиллера о картѣ Россіи). Долго стоитъ онъ, очарованный роскошнымъ видомъ, а затѣмъ грустно задумавшись. Одоевскій спра-

¹⁾ Здѣсь Шиллеръ отстываетъ отъ исторіи. Дмитрій вступилъ въ Россію не весной, а осенью 1604 г.

шиваетъ о причинѣ его грусти. Димитрій отвѣчаетъ ему прекраснымъ монологомъ:

„...Послушай!

„Вѣдь ты полякъ, а я москвичъ природный.

„Вѣдь это все, все—родина моя“.

Онъ проситъ свою отчизну простить его за то, „что съ оружіемъ враждебнымъ онъ насильственно входитъ въ мирный храмъ, чтобы возвратить свое законное право“. На этомъ монологѣ обрывается второй выходъ второго акта. Шиллеръ первоначально предполагалъ внести тутъ молитву Димитрія о ниспосланіи ему помощи, если небо считаетъ его притязанія справедливыми. Съ этою молитвою Шиллеръ могъ познакомиться у Миллера, у котораго Димитрій во всеуслышаніе произноситъ ее передъ своимъ войскомъ въ началѣ битвы ¹⁾).

Эта молитва какъ нельзя болѣе подходитъ къ изображенному Шиллеромъ характеру Димитрія, который до Тульского свиданія съ *fabricator*’омъ *doli* самъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что онъ законный наследникъ русскаго престола. „Онъ вѣритъ въ самого себя“, замѣчаетъ Шиллеръ, „съ этою вѣрою онъ дѣйствуетъ и отсюда вытекаетъ трагизмъ“. Поэтъ предпочелъ, однако, перенести эту молитву въ другую сцену того же акта, передъ битвою (р. 143).

Третій выходъ II дѣйствія изображаетъ русское село. Звучитъ набатъ. Крестьяне собираются на сходку. Въ это время пробѣгаетъ толпа крестьянъ, спасающихся отъ поляковъ въ лагерь Бориса. Навстрѣчу имъ бѣгутъ крестьяне другой деревни съ крикомъ: „Да здравствуетъ на вѣки великій князь Димитрій!“ На сценѣ страшное смятеніе. Въ изданіи Кернера, а также въ переводѣ Мея этою сценою заканчивается драматическій отрывокъ Шиллера. У Гедеке же и у Кеттнера въ этой сценѣ появляется еще посадникъ, который читаетъ народу манифестъ: „Божіею милостью Димитрія Ивановича, царевича всея Россіи“. „Цѣль этой сцены“, замѣчаетъ Шиллеръ, „показать, какъ быстро все волшебное и чудесное принимается простымъ народомъ... какъ здѣсь, такъ и по всей Россіи происходитъ то же самое“ (р. 143).

Намъ остается еще упомянуть о двухъ сценахъ этого акта. Мы должны замѣтить, что съ этого момента при изложеніи содержанія пьесы Шиллера намъ приходится оперировать уже не надъ сценами, обработанными въ окончательной формѣ, а надъ эскизами и набро-

¹⁾ *Kettner*, Einleitung, XLV. Де-Ту тоже говоритъ объ этой молитвѣ.

сками. Наше изложеніе поневолѣ принимаетъ нѣсколько гадательный характеръ. Въ первой изъ этихъ сценъ мы видимъ лагерь войска Бориса. Между полководцами идутъ ссоры и недоразумѣнія. Самъ Борисъ отсутствуетъ. Одинъ изъ полководцевъ, а именно Салтыковъ, который въ драмѣ Шиллера играетъ роль историческаго Басманова думаетъ о переходѣ на сторону Дмитрія. Въ послѣдней сценѣ мы переносимся въ лагерь Дмитрія. Армія Бориса только что нанесла ему пораженіе. Онъ самъ едва-едва спасся, и печальный исходъ первой же битвы производитъ на него самое тягостное впечатлѣніе. Онъ хочетъ покончить съ собою. Съ трудомъ удается Одоевскому и казачьему атаману удержать его отъ этого поступка. Съ переходомъ Салтыкова на сторону Дмитрія, удача снова возвращается къ Самозванцу. Надо полагать, что въ эту именно сцену Шиллеръ и задумалъ внести молитву героя, о которой мы говорили выше.

VII.

Въ рамки III-го акта Шиллеръ предполагалъ включить сцены, группирующіяся вокругъ слѣдующихъ моментовъ драматическаго дѣйствія пьесы: смерть царя Бориса, свиданіе Дмитрія съ главнымъ авторомъ обмана, свиданіе его же съ Марею и торжественный въѣздъ нашего героя въ Москву. Въ черновыхъ матеріалахъ поэта мы находимъ перечень сценъ первыхъ трехъ дѣйствій его драмы, въ которомъ точно опредѣленъ порядокъ сценъ и этого дѣйствія. Самъ Борисъ не появляется въ первой сценѣ, но мы уже знакомимся съ нимъ, съ его тягостнымъ душевнымъ настроеніемъ. „Царь видитъ, что народъ намѣнился къ нему, армія невѣрна, бояре помышляютъ объ измѣнѣ, фортуна отвернулась отъ него и ему враждебна — онъ падаетъ духомъ“. Борисъ охотно поѣхалъ бы къ войску, но онъ считаетъ для себя унизительнымъ принять личное участіе въ борьбѣ съ какимъ-то бродягою, а затѣмъ онъ боится покинуть Москву, гдѣ, по дошедшимъ до него слухамъ, начинаютъ вѣрить тому, что этотъ бродяга—истинный царевичъ Дмитрій. „Волшебность и чудовищность этого событія, которымъ онъ сначала пренебрегъ и которое такъ ужасно разрастается“, замѣчаетъ Шиллеръ, „увеличиваетъ его гнѣвъ и отчаяніе“. „Во всемъ этомъ есть что-то непонятное и роковое, передъ которымъ безсильны его умъ и мужество“ (р. 148). Вѣсти одна другой грустнѣе приходятъ въ Москву съ театра войны, но никто не

рѣшается объявить ихъ царю, который еще такъ недавно и такъ круто расправился съ однимъ изъ злополучныхъ вѣстниковъ. Но вотъ появляется самъ царь, окруженный рындами гордый и величавый, какъ подобаетъ неограниченному монарху. Робко и съ трепетомъ сообщаютъ ему о прибытіи вѣстниковъ. Къ всеобщему удивленію, Борисъ спокойно и безъ гнѣва выслушиваетъ ихъ и даже награждаетъ ихъ царскимъ подаркомъ. Великая перемѣна произошла въ царѣ. Онъ овладѣлъ собою, но спокойствіе его только наружное, показное точно такъ же, какъ и его царское величіе, которое, по выраженію Шиллера, „*pur Schein und Schatten*“. Онъ смертельно уязвленъ. Въ состояніи крайней возбужденности, онъ пробуетъ остріе своего кинжала; ему приходитъ мысль о самоубійствѣ. Въ слѣдующей сценѣ съ Аксиньей Шиллеръ знакомитъ насъ съ симпатичною стороною характера Бориса, который является передъ нами любящимъ отцомъ. Аксинью смѣняетъ патріархъ Іовъ, которому страждущій открываетъ свою наболѣвшую душу и сознается въ своемъ тяжкомъ преступленіи, въ убійствѣ царевича Дмитрія, но неужели, спрашиваетъ онъ, нельзя искупить эту вину годами неустанной работы на пользу своего народа и добросовѣстнымъ выполненіемъ долга? Неужели ему суждено погибнуть въ борьбѣ съ скоророхомъ и обманщикомъ. „Патріархъ“, говоритъ онъ, „это меня съ ума сводитъ“. Но вотъ снова появляется вѣстникъ съ еще болѣе грустною новостью. Быть можетъ, онъ пришелъ сообщить царю о тайномъ возвращеніи въ Москву боярина Романова, котораго Борисъ такъ несправедливо преслѣдовалъ и пребываніе котораго въ Москвѣ въ это тревожное время ему кажется опаснымъ. Какъ суевѣрному человѣку, Годунову представляется, что этотъ вѣстникъ принесъ ему приговоръ судьбы. Въ это время царю приходится выслушать еще нѣсколько оскорбленій со стороны бояръ. Чаша страданій полна. Отчаяніе, постоянно возраставшее, достигло, наконецъ, того предѣла, когда жизнь становится тягостнымъ бременемъ и въ смерти человѣкъ видитъ конецъ своимъ невыносимымъ страданіямъ. Облекшись въ монашеское одѣяніе и удаливъ всѣхъ, царь Борисъ отравляется. „По своему уму и положенію“, говоритъ Шиллеръ, „Борисъ выше всего, что его окружаетъ. Продолжительное пользованіе верховною властію, привычка господствовать надъ людьми и сама неограниченная форма правленія развили въ немъ гордость до того, что онъ не въ силахъ пережить своего величія. Эта гордость и страстная привязанность къ власти составляютъ источникъ и причину всѣхъ его ошибокъ и не-

счастій... Эта гордость одна поднимаетъ несчастье въ его глазахъ до такой высоты, что онъ приходитъ въ отчаяніе“ (р. 150).

Шиллеръ сравниваетъ положеніе царя Бориса съ ролью Тальбота въ „Орлеанской Дѣвѣ“. Подобно Борису, Тальботъ относится сначала скептически къ успѣхамъ Жанны Д'Аркъ. „Неужели“, говоритъ онъ, „призракъ, страшный для черни, можетъ пугать полководцевъ?“ „Неужели эта комедіантка (Gauklerin), играющая лишь роль героини, способна вызывать страхъ у истинныхъ героевъ?“ Но впоследствии, уже смертельно раненый, онъ убѣждается въ своемъ безсиліи въ борьбѣ съ судьбою, которая тяготѣетъ надъ англичанами. По словамъ Кетнера, „въ трагической катастрофѣ Бориса Шиллеръ подчеркнул не столько мечь Немезиды за убійство царевича, какъ въ числѣ другихъ полагаетъ Трейеръ, сколько гибель человѣка въ борьбѣ съ непобѣдимую судьбою. Человѣкъ, обладающій всѣми необходимыми для правителя способностями, исполнявшій всѣ обязанности вполне добросовѣстно, видитъ свое дѣло проиграннымъ, какъ только какой-то юноша предъявляетъ къ нему требованіе на престолъ“¹⁾.

¹⁾ Kettner, *ibidem*, Einleitung, XLVI—XLVII. Вспомнимъ по этому поводу мнѣніе Полеваго. Сопоставляя пушкинскаго Бориса съ шиллеровскою характеристикю его, съ которою Полевой познакомился въ кѣрнеровскомъ изданіи подготовительной работы къ „Дмитрію“, нашъ критикъ находитъ, что Шиллеръ „глубоко и поэтически понялъ и хотѣлъ изобразить Бориса“, тогда какъ Пушкинъ, рабски слѣдуя Карамзину, „забылъ истинную причину паденія Бориса и успѣховъ Самозванца—буйную русскую олигархію“... „Вмѣсто того, чтобы изъ жребія Годунова извлечь ужасную борьбу человѣка съ судьбою, мы видимъ только приготовленіе его къ казни и слышимъ только стоны умирающаго преступника“. Такимъ образомъ въ драмѣ Пушкина, по мнѣнію Полеваго, не что иное, какъ „Le dernier jour d'un condamné“. Какъ извѣстно, Бѣлинскій держался того же мнѣнія на Бориса Годунова Пушкина. Пушкинъ, по его словамъ, „не проникъ въ тайны личности Годунова и поэтическимъ инстинктомъ не разгадалъ тайну его историческаго значенія“, „Годуновъ его вышелъ мелодраматическимъ злодѣемъ, котораго мучитъ совѣсть и который въ своемъ злодѣйствѣ нашелъ себѣ кару“. Пушкинъ не понялъ Бориса „оттого, что онъ увлекся авторитетомъ Карамзина и безусловно покорился ему“. Профессоръ И. Н. Ждановъ указалъ на несостоятельность мнѣній Полеваго и Бѣлинскаго о рабской зависимости Пушкина отъ Карамзина. Рядомъ сопоставленій драмы Пушкина съ исторіею Карамзина, И. Н. Ждановъ весьма убѣдительно доказалъ, что послѣдняя не была единственнымъ источникомъ пушкинскаго „Бориса Годунова“, что „въ изображеніи судьбы царя Бориса Пушкинъ шелъ своею дорогою,—дорогою, на которой Карамзинъ не былъ и не могъ быть путеводителемъ“. „Несчастія карамзинскаго Бориса,—замѣчаетъ изслѣдователь,—объясняются его болѣзненною подозрительностью, вызвавшемъ общее недовольство. Несчастія пушкинскаго Бориса объясняются историческими усло-

По первоначальному замыслу Шиллера, Романовъ долженъ былъ застать царя Бориса въ живыхъ, но впоследствии онъ измѣнилъ этотъ планъ. Романовъ предварительно посылаетъ гонца къ Борису съ изъясненіемъ вѣрноподданическихъ чувствъ, самъ же онъ появляется на сценѣ уже послѣ смерти царя, у трупа котораго онъ, по словамъ

лиліи, среди которыхъ ему пришлось дѣйствовать, настроеніемъ боярства и народа“ (И. И. Ждановъ, О драмѣ Пушкина „Борисъ Годуновъ“. Лекціи въ Императорскомъ Александровскомъ лицей въ пользу пострадавшихъ отъ неурожаа. 1892 г., стр. 12, 16, 36 и 37).

Присматриваясь къ внутренней сторонѣ катастрофы царя Бориса, къ отраженію ея въ душѣ царя, къ испытываемымъ имъ страданіямъ, мы видимъ, что Шиллеръ отмѣтилъ одну изъ причинъ, которая усугубляетъ въ глазахъ Годунова всѣ несправедливости ему судьбою несчастія и приводитъ его, наконецъ, къ рѣшенію покончить съ собою. Это—повышенное представленіе о своемъ превосходствѣ надъ всѣми, кто его окружаетъ, это—безпредѣльная гордость, это—страстная привязанность въ той безграничной власти, которой онъ достигъ, правда, черезъ преступленіе, но пользуясь которою въ теченіе всего царствованія онъ всячески старался заглядѣть свою вину неустанными трудами на пользу своихъ подданныхъ. Съ этою колоссальною гордостью, съ этою ревнивою любовью царской власти мы не встрѣчаемся въ пушкинской характеристикѣ Бориса Годунова. Укажемъ еще на догадку одного нѣмецкаго изслѣдователя, Попека, о возможности знакомства Пушкина съ драматическимъ отрывкомъ Шиллера. Въ известномъ уже намъ очеркѣ, Попекъ, говоря о Борисѣ Годуновѣ Пушкина, замѣчаетъ: „Manches werden wir bei Schiller wieder treffen, und man kann vermuthen dass der Dichter (то-есть, Пушкинъ) dessen Fragment (то-есть, Шиллера) gelesen hat“ (р. 6). Свое мнѣніе онъ подтверждаетъ ссылкой на сходство сцены на русской границѣ у Шиллера со сценою на литовской границѣ въ русской драмѣ, а также указаніемъ на сходство въ характеристикѣ Марини у обоихъ поэтовъ. Едва ли, однако, возможно, предположить, чтобы Пушкинъ читалъ „Дмитрія“ Шиллера. По крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, подтверждающихъ его знакомство съ послѣднимъ произведеніемъ нѣмецкаго поэта. Но отмѣченное Попекъ сходство въ характеристикѣ Марини у обоихъ поэтовъ и близость по содержанию обѣихъ „пограничныхъ“ сценъ отрицать нельзя. Профессоръ Ждановъ указалъ, между прочимъ, на сходство пушкинской Марини съ ея изображеніемъ въ „Краткой повѣсти о бывшихъ въ Россіи самозванцахъ“ Щербатова. Припомнимъ, что фонъ-Вольфогенъ, въ числѣ другихъ сочиненій, рекомендовалъ Шиллеру познакомиться и съ этимъ трудомъ русскаго историка. Намъ неизвѣстно, воспользовался ли поэтъ указаніемъ своего зятя, который обѣщалъ ему привезти эту книгу съ собою изъ Петербурга. Очень можетъ быть, что фонъ-Вольфогенъ разказалъ ему содержаніе этого сочиненія, такъ какъ Шиллеръ не могъ прочесть ее въ подлинникѣ. Впрочемъ, съ главнѣйшими чертами характера Марини Шиллеръ могъ познакомиться и у Трейера. Что касается до несомнѣннаго сходства въ указанныхъ Попекъ сценахъ въ обѣихъ пьесахъ, то такое можетъ быть объяснено либо совпаденіемъ, либо общностью источниковъ.

Шиллера, „чуждый мести и честолюбія“, клянется въ вѣрности царскимъ дѣтямъ и заставляетъ бояръ присягнуть имъ. Изъ этой сцены зритель долженъ былъ узнать о взаимной любви Романова и Аксиньи. Въ одномъ перечнѣ дѣйствующихъ лицъ поэтъ называетъ ихъ: „die liebenden, die keinen“ (р. 84). Поручивъ Аксинью и Феодора попеченію бояръ, Романовъ спѣшать на театръ войны, но пріѣзжаетъ онъ туда уже, когда вся армія Бориса успѣла перейти на сторону Дмитрія.

Пока происходили описанныя событія въ Москвѣ, Дмитрій уже успѣлъ дойти до Тулы. Онъ на вершинѣ счастья. Все ему улыбается. Всѣ города, кромѣ Москвы, гдѣ еще сильно вліяніе Романова, сдаются ему. Ему приносятъ ключи отъ городовъ, царскія регалія и одѣянія. Всѣ привѣтствуютъ его, какъ солнце земли Русской. Съ искреннимъ сокрушеніемъ принимаетъ онъ вѣсть о смерти царя Бориса. Все обѣщаетъ въ немъ Россія гуманнаго правителя. Отсюда, изъ Тулы, шлетъ онъ гонцовъ къ Марѣѣ и Маринѣ. И вотъ въ это самое время, когда цѣль, къ которой онъ такъ страстно стремился, почти достигнута, когда всѣ препятствія устранены, какъ разъ въ это время появляется тотъ *fabricator dolii*, о которомъ мы говорили выше. Въ *Scenar*, въ отдѣлѣ, озаглавленномъ „*Demetrius erfährt seine Geburt*“ онъ обозначенъ буквою X, тогда какъ въ первомъ дѣйствіи окончательной редакціи Дмитрій въ своей рѣчи на сеймѣ называетъ своего спасителя и наставника дьякомъ Андреемъ. Дмитрій встрѣчается съ тѣмъ лицомъ, которое его воспитало; онъ удаляетъ всѣхъ и остается съ нимъ наединѣ. Дмитрій чрезвычайно радъ ему, благодаритъ за его заботы по воспитанію — вѣдь онъ своему наставнику обязанъ счастливою переменою въ его жизни. „Да“, отвѣчаетъ ему тотъ, „я достоинъ хорошаго царскаго подарка, потому что я далъ тебѣ то, чего ты никогда не имѣлъ, на что никогда не смѣлъ надѣяться, чего не дала тебѣ природа... Весь свѣтъ принимаетъ тебя за сына Ивана, да и ты самъ, увѣренный въ томъ же, намѣренъ возложить на себя царскую корону. Ты не сынъ Ивана. Твое рожденіе не даетъ тебѣ на нее никакого права. Сынъ Ивана въ могилѣ... Всемъ ты обязанъ мнѣ. Послушай, какъ все это случилось“... И онъ разказываетъ, какъ онъ создалъ весь этотъ обманъ. Во время разказа Андрея страшная перемѣна происходитъ въ Дмитрія. Овладевъ собою, онъ спрашиваетъ своего собесѣдника, извѣстна ли кому нибудь эта тайна, и, получивъ отвѣтъ, что всѣ, которые знали объ этомъ, уже умерли, Дмитрій на-

носить ему смертельный удар. Этотъ ударъ былъ вызванъ не только необходимостью, чувствомъ самосохраненія, боязнью оглашенія тайны, но и глубокимъ, безысходнымъ отчаяніемъ, охватившимъ душу нашего героя. Андрей требуетъ благодарности и награды именно въ тотъ моментъ, когда черезъ него Дмитрій почувствовалъ себя такимъ несчастнымъ. „Ты пронзилъ мое сердце, говоритъ онъ надъ трупомъ Андрея, отнявъ у меня вѣру въ самого себя. Прости, мужество и надежда, прости, радостная увѣренность въ себя! Меня поймали во лжи, мой внутренній міръ разрушенъ. Я врагъ людей. Мы съ правдой разлучены на вѣки. Но что же дѣлать? Неужели я самъ долженъ вывести народъ изъ заблужденія? Великіе народы вѣруютъ въ меня. Неужели ввергнуть ихъ въ несчастіе, въ анархію? Неужели я самъ долженъ назвать себя обманщикомъ? Эту тайну я долженъ нести одинъ. Впередъ! Твердо долженъ стоять я на своемъ мѣстѣ, но сила моя теперь уже не въ глубокомъ внутреннемъ убѣжденіи, какъ прежде! Убийство и кровь должны помочь мнѣ устоять. Какъ встрѣчусь я съ царицей, какъ вѣду я въ Москву съ этою ложью въ сердцѣ?“ (р. 101—102). Этотъ монологъ, который мы находимъ въ „Skizzenblätter“ и который Кеттнеръ сравниваетъ съ знаменитымъ прощаніемъ Отелло со всѣми радостями жизни послѣ разоблаченія Яго, почему-то не включенъ въ „Scenar“. Едва ли, однако, возможно предположить, чтобы поэтъ выпустилъ изъ драмы этотъ монологъ, который, мотивируетъ радикальную переѣну въ характерѣ нашего героя. Эта сцена третьяго акта составляетъ переломъ всей трагедіи. До сихъ поръ Дмитрій былъ обманутымъ обманщикомъ—теперь онъ становится обманщикомъ сознательнымъ. До сихъ поръ онъ былъ игрой чужихъ страстей, которыя, подобно могучему потоку, подхватили его еще мальчикомъ въ Угличѣ, забросили въ монастырь, въ домъ Сендомирскаго воеводы, а оттуда, съ головокружительною быстротою, помчали его въ Краковъ на сеймъ, къ границѣ Россіи, къ самой Москвѣ. Съ этого момента онъ становится руководителемъ своей судьбы. Дмитрій не хочетъ склонить своей головы передъ ударами рока, поднявшаго его, помимо его воли, на такую высоту лишь для того, чтобы потомъ, хорошенько поглумившись надъ нимъ, свергнуть его внизъ, въ пропасть. Въ мрачномъ и злобномъ отчаяніи, съ разрушеннымъ внутреннимъ міромъ, который еще недавно былъ такъ свѣтелъ и радостенъ, съ сознаніемъ, что до сихъ поръ онъ обманывалъ себя и другихъ, онъ дѣлаетъ гордый вызовъ судьбѣ. На свой страхъ, своими силами, безъ посторонней помощи,

онъ добьется того, чего ему не дала природа. А средства, которыми будетъ достигнута эта цѣль,—„убійство и кровь“. Какъ удивлены окружающіе, увидѣвъ его съ окровавленнымъ кинжаломъ въ рукѣ надъ трупомъ неизвѣстнаго человѣка. Имъ сразу бросается въ глаза перемѣна, происшедшая въ Димитріи; въ голосѣ, въ обращеніи съ ними чувствуется незнакомый для нихъ властный, деспотическій тонъ. Окружающіе царя стараются объяснить себѣ такую неожиданную въ немъ перемѣну. Ужъ не пурпуръ ли царской мантии такъ повліялъ на него, а, быть можетъ, въ немъ заговорила кровь его грознаго отца?

На наблюдаемой нами въ личности Шиллеровскаго Димитрія двойственности отразилось вліяніе источниковъ, которыми пользовался поэтъ во время своей подготовительной работы. Характеристика Леева совпадаетъ съ обрисовкою личности героя піесы до тульскаго свиданія съ *fabricator'омъ doli*, послѣ чего онъ изображается у Шиллера согласно традиционному взгляду на же-Димитрія I-го, съ которымъ поэтъ могъ познакомиться у Миллера ¹⁾.

Превращеніе героя, въ 3-мъ дѣйстви, изъ лица, руководимаго до сихъ поръ чужою волею, въ отвѣтственнаго и активнаго дѣятеля даетъ основаніе нѣкоторымъ изслѣдователямъ (Геттнеру, Штейну, Кеттнеру и др.) усматривать въ драмѣ Шиллера любопытное и весьма удачное сліяніе двухъ типовъ трагедіи, древней трагедіи рока и новой трагедіи личной отвѣтственности героя. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе этого вопроса и перейдемъ къ слѣдующей сценѣ этого дѣйствія.

Свиданіе Димитрія съ Мареою, сдѣлашеюся опять царицею Маріею, находится въ самой тѣсной связи съ предшествующею сценою

¹⁾ Надо, однако, замѣтить, что хотя Миллеръ и далъ, по словамъ Кеттнера, „новыя и болѣе прочныя основанія“ высказанному Петреемъ и Беромъ мнѣнію о личности же-Димитрія I-го, но его взглядъ на послѣдняго, который мы находимъ въ его „*Sammlung der Russischen Geschichte*“, былъ вызванъ обстоятельствами времени, тогда какъ, по внутреннему убѣжденію, онъ такъ же, какъ Маржеретъ, Леевъ и др., признавалъ такъ называемаго же-Димитрія I-го за сына Іоанна Грознаго. Известный англійскій путешественникъ Коксъ въ своихъ „*Travels into Poland, Russia, Sweden and Danemark*“ передаетъ намъ свой разговоръ съ Миллеромъ, въ которомъ послѣдній, между прочимъ, заявилъ ему „о полнѣйшемъ убѣжденіи, что на московскомъ престолѣ царствовалъ настоящій Димитрій, но онъ не могъ высказать печатно своего настоящаго мнѣнія о Россіи, такъ какъ тутъ замѣшана религія“ (*Русская Старина*, февраль 1877 г. „Россія столѣтъ тому назадъ, 1778“).

свиданія героя съ Андреемъ, составляя, такъ сказать, вторую часть перипетіи всей драмы. Слова Андрея несомнѣнно произвели на Дмитрія потрясающее впечатлѣніе, но въ его душѣ остался еще слабый лучъ надежды на то, что Андрей и теперь обманулъ его. Съ этимъ слабымъ лучемъ надежды спѣшить онъ на свиданіе съ царицею, которая должна открыть ему истину. Большая пурпуровая ставка раскинута на сценѣ, открытая въ сторону зрителей и закрытая въ глубинѣ. Марія ожидаетъ Дмитрія. Ея вѣра въ него почти исчезла. Во время длиннаго путешествія она имѣла достаточно времени обдумать случившееся, и тотъ энтузіазмъ, который охватилъ ее при первыхъ слухахъ о томъ, что сынъ ся живъ, смѣнился теперь сомнѣніемъ. Но вотъ гремятъ трубы. Салтыковъ открываетъ ставку, и Дмитрій стоитъ передъ нею. „Этотъ моментъ“, замѣчаетъ Шиллеръ, „принадлежитъ къ самымъ трагическимъ положеніямъ и, хорошо выполненный, не можетъ не оказать огромнаго впечатлѣнія на зрителя“. Съ перваго же взгляда на Дмитрія послѣдняя ея надежда исчезаетъ; она инстинктивно отшатывается отъ него. Наступаетъ зловѣщее молчаніе, прерванное восклицаніемъ царицы: „Ахъ, это не онъ!“ „Такъ какъ Дмитрій сознаетъ себя обманщикомъ, то онъ слишкомъ бы много потерялъ въ глазахъ зрителя, еслибы началъ лицемѣрно выказывать снѣновнія чувства. Въ ихъ отношеніяхъ не должно быть лжи, только правда можетъ возвысить его. Дмитрій поступаетъ здѣсь, какъ царь и какъ политическій дѣятель, а не какъ скоморохъ“ (р. 158). „Тебѣ ничего не говоритъ твое сердце?“ спрашиваетъ онъ царицу: „ты не узнаешь во мнѣ твоей крови?“ Но Марія продолжаетъ молчать. „Голосъ природы“, замѣчаетъ Дмитрій, „святъ и свободенъ. Я не хочу его насиловать. Еслибы твое сердце, при взглядѣ на меня, заговорило, то и мое бы отвѣтило тебѣ“. Все теперь съ напряженнымъ вниманіемъ ожидаютъ сердечной встрѣчи сына съ матерью. Неужели она захочетъ обмануть ихъ ожиданія? Тутъ нѣтъ другаго исхода,—она должна покориться необходимости. Онъ слишкомъ далеко зашелъ, чтобы теперь у самой Москвы отказаться отъ плодовъ побѣды. „Обними меня, прижми твое сердце къ моему“, говоритъ онъ, „соедини твою судьбу съ моею. Ты будешь имѣть во мнѣ почтительнаго сына. Чего тебѣ больше? Тотъ, который лежитъ въ гробу,—прахъ. У него нѣтъ сердца, чтобы любить тебя, нѣтъ глазъ, чтобы улыбаться тебѣ; онъ тебѣ ничего не дастъ, я же даю тебѣ все“. Искренность этихъ словъ трогаетъ Марію до слезъ. Дмитрій привѣтствуетъ эти слезы и хочетъ, чтобы она показала народу именно въ этотъ моментъ. „Слѣдуй за

мною, дай мнѣ твое благословеніе, назови меня твоимъ сыномъ, я введу тебя въ Московскій кремль“.

Третье дѣйствіе заканчивается торжественнымъ въѣздомъ въ Москву. Несмотря на мрачное настроеніе и ужасный внутренній переворотъ, который произошелъ съ Димитріемъ, счастье, повидимому, продолжаетъ ему улыбаться. Сцена должна была изображать одну изъ московскихъ улицъ, наводненную огромною толпою народа, восторженно привѣтствующею своего законнаго государя, который верхомъ, во главѣ своей свиты и войска, въѣзжаетъ въ столицу Россіи. По поводу этой сцены возникъ споръ между изслѣдователями. Штейнъ называетъ ее главною сценою пьесы и подтверждаетъ свое сужденіе слѣдующими словами Шиллера: „Царскій въѣздъ же Димитрія въ Москву, съ сознаниемъ, что онъ обманщикъ, составляетъ кульминаціонный пунктъ или вершину всего дѣйствія. На эту часть пьесы должно пасть наибольшее освѣщеніе. До сихъ поръ все—стремленіе и надежды, послѣ—страхъ и несчастье“ (р. 114). Съ этимъ мнѣніемъ Штейна не согласенъ Францъ ¹⁾, который находитъ, что кульминаціонный пунктъ пьесы составляетъ та сцена, когда Димитрію подносятъ въ Тулѣ царскія одѣявія, регалии и ключи отъ городовъ. Возражая Францу, Штейнъ замѣчаетъ, что слѣдуетъ различать въ пьесѣ двѣ интриги: политическую и историческую съ одной стороны, психологическую съ другой. Какъ та, такъ и другая, имѣютъ свою кульминаціонную сцену. Такъ въ психологическомъ конфликтѣ кульминаціонная сцена (*der Höhepunkt*) чествованіе Димитрія, какъ царя въ Тулѣ. Перипетія же этой интриги — свиданія Димитрія съ Андреемъ и царицею Марією; тогда какъ въ исторической фавулѣ кульминаціонный пунктъ составляетъ въѣздъ въ Москву, а перипетію—начало недовольства подданныхъ своимъ новымъ царемъ и заговоръ Шуйскаго ²⁾.

Въ одномъ изъ писемъ Шиллера Кёрнеру, написанномъ имъ не задолго передъ смертью, а именно 25-го апрѣля 1805 года, Шиллеръ говоритъ между прочимъ, о томъ, что его „Demetrius“ обладаетъ вполне трагическимъ величіемъ и до известной степени можетъ быть сопоставленъ съ „Орлеанскою Дѣвой“, хотя, прибавляетъ онъ, во многомъ онъ и отличается отъ нея“. Шиллеръ указалъ намъ, какъ мы уже видѣли, на сходство положенія Бориса съ положеніемъ Тальбота.

¹⁾ *Franz*, Progr. des Realgymn. zu Halberstadt, 1892—1893.

²⁾ *Stein*, Progr. der Ober-Realschule. Mülhausen. II, 1894, p. 7—9.

Онъ же отмѣчаетъ сходство сценъ въѣзда въ Москву Дмитрія съ *Königszug* въ Орлеанской Дѣвѣ. И въ самомъ дѣлѣ цѣль всѣхъ стремленій Дмитрія и Жанны Д'Аркъ достигается уже послѣ того, какъ въ душѣ ихъ происходитъ страшный внутренній разладъ. Дмитрій узнаетъ отъ Андрея роковую тайну своего происхожденія; Орлеанская Дѣва теряетъ вѣру въ себя послѣ встрѣчи съ Лионелемъ. Но сцена въ разсматриваемой нами пьесѣ отличается отъ аналогичной сцены въ Орлеанской Дѣвѣ болѣе воинственнымъ характеромъ. Въѣздъ Дмитрія съ поляками и казаками, по словамъ самого поэта, напоминаетъ скорѣе въѣздъ завоевателя, чѣмъ мирнаго государя. Учиненная надъ дѣтьми Бориса расправа также придаетъ картинѣ мрачный оттѣнокъ. Мы говорили выше, что Романовъ, уѣзжая изъ Москвы на театръ войны, поручилъ Феодора и Аксинью боярамъ. Но въ его отсутствіи агенты Дмитрія сумѣли склонить народъ на сторону Самозванца и бояре принуждены были выдать дѣтей Бориса адентамъ Дмитрія. Аксинья, спасаясь отъ преслѣдованія поляковъ, ищетъ заступничества у царицы Маріи. Можно предположить, что Аксинья обращается къ ней съ мольбою во время самаго въѣзда. По крайней мѣрѣ въ одномъ мѣстѣ своего *Scenar* Шиллеръ говоритъ: „Въѣздъ обманщика въ Москву. Аксинья бросается къ ногамъ царицы Маріи. Здѣсь впервые Дмитрій встрѣчается съ нею“ (р. 119). Въ другомъ мѣстѣ того же *Scenar*, озаглавленномъ: „*Einzug in Moskau*“ сказано только, что „торжественное шествіе должно быть прервано какимъ-то событіемъ“ (р. 161) ¹⁾.

VIII.

Эта первая встрѣча Дмитрія съ Аксиньей служитъ какъ бы введеніемъ къ слѣдующему дѣйствію. По собственному указанію Шиллера, „эта побочная интрига (любовь Дмитрія къ Аксиньѣ) даетъ содержаніе 4-му дѣйствію и наполняетъ промежутокъ между царскимъ въѣздомъ и „зловреднымъ“ (*die unheilbringende Ankunft*) прибытіемъ Маряны“ (р. 101). „Аксинья обнаруживаетъ въ своемъ несчастіи“, говоритъ Шиллеръ, „трогательное величіе, чѣмъ завоевываетъ его сердце“ (р. 100), но она всѣми силами души ненавидитъ Дмитрія, какъ злѣйшаго врага всей ея семьи, и уже потому, что она любитъ Рома-

¹⁾ Одно время поэтъ предполагалъ устроить первую встрѣчу Дмитрія съ Аксиньей въ шатрѣ у царицы.

нова, Дмитрій, который успѣлъ въ это время совсѣмъ охладѣть къ Маринѣ, страстно полюбилъ дочь Бориса. „Ему вдвойнѣ интересно овладѣть ея сердцемъ“, замѣчаетъ поэтъ, „потому что черезъ нее онъ надѣется утвердиться на престолѣ“ (100—101). Какъ разъ въ это время въ Москву приѣзжаетъ Марина. Ей сразу бросается въ глаза перемѣна къ ней въ Дмитріи, она замѣчаетъ его холодность и безъ труда узнаетъ причину ея. Она не задумывается надъ тѣмъ, какъ она должна обезопасить себя отъ этого увлеченія своего жениха. Ея холодный, политическій умъ диктуетъ ей смертный приговоръ несчастной царевнѣ, но смерть не страшна бѣдняжкѣ; она боялась худшей бѣды—сдѣлаться противъ воли женою ненавистнаго человѣка. Съ радостью принимаетъ она ядъ изъ руки ея врага (Марины или посланнаго ея):

„Bringst du mir den Tod! O sei willkommen!

„Ich fürchtete, es sei die Czarenkrone“ (p. 120).

Съ невыразимую грустью принимаетъ Дмитрій извѣстіе о смерти горячо имъ любимой дѣвушки. Мысль о предстоящемъ бракѣ съ честолюбивою Мариною холодитъ его душу. Этою любовною интригою, однако, не исчерпывается содержаніе IV дѣйствія. „Въ промежуткѣ времени, между въѣздомъ Дмитрія въ Москву“ говоритъ, Шиллеръ, „и прибытіемъ Марины, кромѣ любви къ Аксиинѣ, имѣютъ мѣсто еще отношенія же-Дмитрія къ его предполагаемой матери, происшествіе съ Шуйскимъ и зарождающееся недовольство русскихъ ихъ новымъ государемъ“ (p. 161). Однимъ словомъ это дѣйствіе должно было приготовить, мотивировать катастрофу V акта. Дмитрій достигъ своей цѣли. Онъ въ Москвѣ, въ Кремлѣ, онъ признанный всею Россіей царь, но въ душѣ его живетъ сознаніе, что онъ обманщикъ, и это сознаніе мучитъ и терзаетъ его, развиваетъ въ немъ подозрительность, заставляетъ его порою быть даже жестокимъ и деспотичнымъ правителемъ („Mehrere Actus der höchsten Gewalt kommen vor, die sehr in's despotische fallen“, p. 161). Дмитрій сознаетъ, что наглое, высокомерное поведение поляковъ составляетъ главную причину растущей къ нему съ каждымъ днемъ антипатіи русскаго народа, но онъ не въ силахъ сбросить съ себя ихъ гнета. Поляки все захватили въ свои руки, и Кремль, и оружіе, и сокровища, и его самого—они полновластные хозяева Москвы. Приѣздъ Марины въ сопровожденіи многочисленной вооруженной польской свиты производитъ на русскихъ самое неблагоприятное впечатлѣніе. Но, кромѣ симпатіи Дмитрія къ полякамъ, Шиллеръ указываетъ еще на другія причины

недовольства русскаго народа ихъ молодымъ монархомъ. Онъ не умѣлъ воспользоваться мудрыми совѣтами, преподанными ему Сигизмундомъ послѣ бурнаго Краковскаго сейма: пренебрегъ дороги для русскнхъ обычаями и забылъ царицу Марію. Такимъ образомъ почва для катастрофы готова. Достаточно было одной искры для взрыва народнаго негодованія. Объ этой искрѣ позаботился Шуйскій, который сумѣлъ подслушать глухой народный ропотъ и организовать заговоръ противъ Дмитрія.

Въ послѣдней сценѣ IV дѣйствія мы видимъ Романова въ темницѣ, который послѣ неудачной поѣздки къ войску Бориса поспѣшилъ вернуться въ Москву съ тѣмъ, чтобы спасти Аксинью отъ грозящей ей опасности. Въ Москвѣ онъ узнаетъ, что царевна уже въ рукахъ Самозванца, и самъ онъ попадаетъ въ тюрьму, гдѣ, по словамъ Шиллера, „ему является или духъ Аксиньи или ясновидецъ отшельникъ, святой, который проливаетъ бальзамъ на его душевныя раны, открываетъ ему будущее и удерживаетъ его отъ участія въ кровавой расправѣ надъ Дмитріемъ“¹⁾.

IX.

Какъ извѣстно, свадьба Дмитрія съ Мариною состоялась 8-го мая 1606 г., а трагическій финалъ злополучнаго царствованія Дмитрія I наступилъ 17-го мая. Шиллеръ въ своей драмѣ уничтожилъ промежутокъ между этими двумя событіями. V дѣйствіе должно было начаться съ бесѣды Дмитрія съ Мариною послѣ свадьбы. Послѣдняя признается своему мужу, что она никогда не считала его истиннымъ царевичемъ. Послѣ этого признанія она оставляетъ его одного. Грустное чувство охватываетъ нашего героя. Въ головѣ его вереницею проносятся воспоминанія изъ прошлаго; онъ призываетъ Казимира и спрашиваетъ его о томъ юношѣ, который когда-то жилъ въ домѣ Сандомирскаго воеводы, то-есть, о себѣ самомъ, какъ будто бы рѣчь идетъ о другомъ человѣкѣ, до такой степени онъ измѣнился съ тѣхъ поръ и такъ много пережилъ за это время. Надо, однако, думать, что эта сцена съ Казимиромъ была бы, вѣроятно, выпущена позтомъ, при окончательной обработкѣ V дѣйствія, такъ какъ она находится въ неразрывной связи съ вычеркнутыми сценами въ Самборѣ.

¹⁾ „Diese Scene“, замѣчаетъ Шиллеръ, „erhebt über das Stück hinaus und beruhigt das Gemüth durch ein erhabenes Abnden höherer Dinge“ (p. 154).

Мы не будемъ подробно останавливаться на дальнѣйшемъ содержаніи V-го дѣйствія, потому что, насколько можно судить по относящемуся къ нему, надо замѣтить, сравнительно съ другими актами довольно скудному матеріалу, Шиллеръ предполагалъ обработать конецъ этого дѣйствія весьма близко къ исторіи. Трагическая катастрофа происходитъ въ помѣщеніи царицы Маріи, которая, по случаю бракосочетанія, осталась ночевать во дворцѣ, куда явился Димитрій, скрываясь отъ преслѣдованія заговорщиковъ, требовать отъ царицы всенароднаго подтвержденія ея перваго показанія о томъ, что онъ ея сынъ. Но подоспѣвшій сюда же съ заговорщиками Шуйскій, съ своей стороны, требуетъ отъ нея присяги. Марія въ нерѣшительности молчитъ. Тогда одинъ изъ заговорщиковъ замѣчаетъ, что это молчаніе весьма краснорѣчиво. Еслибы Димитрій былъ ея сынъ, она бы не молчала. При крикахъ: „умри же, обманщикъ“, заговорщики кидаются на Димитрія и убиваютъ его ¹⁾.

Тотчасъ послѣ убійства героя піесы вбѣгаетъ Марина. Разсчитывая возбудить къ себѣ сожалѣніе, она прикидывается обманутою Самозванцемъ. Общанія щедрыхъ наградъ и угроза польской мести дѣйствуютъ на толпу. Шуйскій, озабоченный теперь уже иными дѣлами, желаніемъ проложить себѣ путь къ трону, приказываетъ оставить ее въ покоѣ. Всѣ понемногу удаляются. Остается одинъ казакъ, заявившій себя уже прежде храбростью и удалствомъ. Ему удалось захватить царскую печать, и онъ намѣренъ теперь продолжить дѣло Димитрія. „Монологъ второго Димитрія“, замѣчаетъ Шиллеръ, „можетъ закончить трагедію, при чемъ онъ даетъ возможность предвидѣть новый рядъ волненій и ссызнова начинается старое“ (р. 167).

Таково содержаніе первыхъ двухъ дѣйствій неоконченной драмы Шиллера. Таковы проекты и планы остальныхъ трехъ актовъ этой піесы. Очень вѣроятно, что, при окончательной обработкѣ этихъ проектовъ, они подвергнулись бы болѣе или менѣе значительнымъ видоизмѣненіямъ. Многое, можетъ быть, было бы выпущено, а многое, напротивъ того, было бы создано творческою фантазіею поэта.

Х.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о продолженіяхъ драматическаго отрывка Шиллера, о попыткахъ окончить, прерванную

¹⁾ Казимиръ и Салтыковъ погибаютъ при защитѣ Димитрія.

смертью, работу великаго поэта. Намъ извѣстны семь такихъ попытокъ: 1) *Frans v. Maltitz*, Karlsruhe und Baden, 1817 (1835), 2) *Gustav Kühne*, Dresden, 1860, 3) *O. F. Gruppe*, Berlin, 1861, 4) *H. Laube*, Leipzig, 1872, 5) *H. v. Zimmermann*, Prag, 1885, 6) *O. Sievers*, Braunschweig, 1888, и 7) *O. Weimar* (псевдонимъ писательницы Auguste Götze), Leipzig, 1893.

Мы ограничимся указаніемъ главнѣйшаго лишь отклоненія продолжателей Шиллера отъ его замысловъ, касающагося сцены Дмитрія съ Андреемъ и царицею Маріею (въ III дѣйствіи у Шиллера). По справедливому замѣчанію Ф. Готшала, „въ мотивировкѣ этого превращенія“ (героя изъ бессознательнаго обманщика въ сознательнаго) „и въ трагическихъ послѣдствіяхъ его лежитъ зерно трагедіи. Отъ того, какъ первое обосновано и какимъ образомъ послѣднія проведены, зависятъ характеръ и значеніе всѣхъ пьесъ о Дмитріи“. Нѣкоторые продолжатели Шиллера, какъ, напримѣръ Кюне, придали рѣчамъ автора обмана („*Iesimoff*“) такую убѣдительность, что Дмитрій идетъ на свиданіе съ царицею, уже потерявъ всякую вѣру въ себя, безъ малѣйшей надежды услышать отъ нея что нибудь для себя утѣшительное, а потому вся сцена съ нею неизбежно превращается въ „*Gaukelspiel*“, чего именно хотѣлъ избѣгнуть Шиллеръ.

Исправить ошибку Кюне берется берлинскій профессоръ Группе, но самъ, въ свою очередь, впадаетъ въ другую ошибку. Группе находитъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Дмитрій узнаетъ о своемъ происхожденіи и дѣлается такимъ образомъ сознательнымъ обманщикомъ, онъ перестаетъ быть трагическимъ героемъ и неспособенъ уже болѣе интересоваться насъ. Придерживаясь этого взгляда, Группе старается довести до *minimum*'а значеніе свиданія героя пьесы съ Андреемъ. Его Дмитрій не вѣритъ словамъ послѣдняго, смѣется ему прямо въ глаза и убиваетъ его за наглость и ложь. Это происходитъ въ III дѣйствіи. Только въ IV-омъ актѣ, а именно, въ сценѣ съ царицею, Дмитрій убѣждается въ томъ, что онъ самозванецъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о продолженіяхъ Лаубе и Сиверса, которые пошли еще дальше въ своихъ отклоненіяхъ отъ замысла Шиллера. Оба они, руководясь желаніемъ придать больше искренности и теплоты объясненію Дмитрія съ его предполагаемою матерью, предпосылаютъ эту сцену свиданію нашего героя съ *fabricator*'омъ *doli*, обязанности котораго у Лаубе исполняетъ казачій атаманъ Комла, а у Сиверса—Михаилъ Вятяговскій. Какъ Лаубе, такъ и Сиверсъ кореннымъ образомъ видоизмѣняютъ характеръ Дмитрія.

Убѣдившись въ томъ, что онъ—не царевичъ, а только побочный сынъ Іоанна Грознаго отъ жены Комлы, и что слѣдовательно всё его притязанія на русскій престолъ оказываются незаконными, Дмитрій у Лаубе не только не находитъ возможнымъ продолжать начатое имъ дѣло, какъ предполагалъ Шиллеръ, но признаетъ себя даже достойнымъ смерти. Онъ даетъ приказъ нѣкому Прокопу застрѣлить себя. Самъ Шуйскій пораженъ этимъ самопожертвованіемъ. „Дай Богъ, найди намъ такого хорошаго царя“, говоритъ онъ, „какъ этотъ юноша“. Какъ видимъ, герой Лаубе весьма мало похожъ на шиллеровскаго Дмитрія.

У Сиверса Дмитрій послѣ объясненія съ Битяговскимъ, въ противоположность герою у Лаубе, вовсе не думаетъ отказываться отъ плодовъ своей побѣды и подчиниться судьбѣ. Въ этомъ отношеніи Сиверсъ не отклоняется отъ плана Шиллера, но, въ отличіе отъ Шиллеровскаго героя, Дмитрій у Сиверса руководится при своемъ рѣшеніи соображеніями, вовсе неизвѣстными первому. Онъ хочетъ „облагородить обманъ“, онъ, будетъ обманывать только для того, чтобы быть полезнымъ своему народу. „Если кровь, которая течетъ въ моихъ жилахъ“, говоритъ онъ „я не кровь истиннаго царевича, то поступки мои будутъ истинно царскими“. „Прийдите ко мнѣ, всё усталые, отягощенные горемъ... крѣпостные, мои братья, я поведу васъ къ свѣту и къ свободѣ“. Піеса брауншвейгскаго профессора Сиверса признается многими изслѣдователями за лучшее продолженіе драматическаго отрывка Шиллера. И въ самомъ дѣлѣ, хотя его герой и не совсѣмъ похожъ на Шиллеровскаго Дмитрія, но допущенное имъ видоизмѣненіе характера послѣдняго такъ симпатично, что нельзя не простить Сиверсу этого отклоненія отъ замысла великаго поэта.

Несмотря, однако, на всё достоинства этой піесы, критикѣ приходится сѣтовать, что до сихъ поръ нѣмецкая литература и театръ не имѣютъ еще вполне безукоризненной и согласной съ замыслами Шиллера піесы о Дмитріи. Это обстоятельство прежде всего объясняется тѣмъ, что большинство продолжателей Шиллера располагало однимъ лишь Кёрнеровскимъ изданіемъ интересующаго насъ драматическаго отрывка и относящихся къ нему матеріаловъ, забывая, что эти произвольныя извлеченія Кёрнера составляютъ только ничтожную часть огромнаго цѣлага, при знакомствѣ съ которымъ они не отклонились бы такъ далеко отъ Шиллеровскаго плана. Любопытно то, что даже тѣ изъ нихъ, которые начали свою работу послѣ изданія Гедеке, по какимъ-то непонятнымъ мотивамъ, придерживались

того же неполнаго изданія Кёрнера. Но главная, разумѣется, причина сравнительно малой удовлетворительности всѣхъ этихъ продолженій кроется въ томъ, что указанные нами поэты взялись за работу не по ихъ силамъ и дарованіямъ.

Въ виду этого нѣкоторые писатели, не считая себя способными довести до конца отрывокъ Шиллера, избрали иной путь, рѣшившись написать самостоятельныя драмы о Димитріи. „Невозможно продолжать сочинять тамъ,—говорить одинъ изъ этихъ поэтовъ, Геббель, гдѣ Шиллеръ пересталъ работать, точно такъ же, какъ нельзя начать любить тамъ, гдѣ другой пересталъ любить“.

На всѣхъ этихъ піесахъ, которыя мы здѣсь перечислимъ, все-таки отразилось могучее вліяніе Шиллеровскаго отрывка: 1) *H. Grimm* (1853); 2) *Bodenstedt* (1856); 3) *F. Hebbel* (последній умеръ, не окончивъ піесы, которая была окончена К. Goldbaum'омъ и представлена въ 1869 г., на сценѣ Берлинскаго театра); 4) *K. Hardt* (1869) и 5) *A. Wilhelmi* (1869). Для полноты перечня назовемъ еще французскую и чешскую передѣлки Шиллеровскаго фрагмента. Первая принадлежит *Léon Halévy* (*Czar Démétrius, trag. en 5 actes et en vers*) напечатана въ „*Théâtre français moderne publié par J. Louis*. 1831 и представлена въ *Théâtre français* 1 авг. 1829. Авторъ второй передѣлки: *Ferd. Mikovec*: „*Dimitr Ivanović* (трагедія въ 6-ти дѣйствіяхъ), Праг, Pošpisil. 1856.

Интересующимся этими піесами, равно какъ и желающимъ ближе познакомиться съ упомянутыми выше продолженіями драматическаго отрывка Шиллера, мы рекомендуемъ прочесть очерки Рудольфа (*Herzig's Archiv*, 1865, XX Jahrg., 38 Bd., pp. 169 — 182), Готшала, Штейна и Попека¹⁾.

А. Чебышевъ.

¹⁾ Означенные исследователи не упоминаютъ вовсе о піесѣ Галевы. Краткій разборъ ея помѣщенъ въ *Revue Encyclopédique* 1829, t. 43, p. 520—522.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ПАПСТВА ВЪ XI ВѢКѢ.

I.

Начатки реформъ и папство при Григоріи VI.

Со времени преемниковъ Карла Великаго, давшаго народамъ запада мимолетный покой и порядокъ, западная Европа въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ переживала постоянныя невзгоды и бѣдствія, поражавшія всѣ слои населенія, а потому и внушавшія всему обществу жажду обновленія. Нападенія вѣнскихъ враговъ шли рука объ руку съ внутреннимъ разложеніемъ: хищныя орды сарацинъ и венгровъ, алчными толпы норманскихъ пиратовъ вносили ужасъ и разграбленіе во всѣ концы западно-европейскаго міра; частныя войны, произволь и насиліе царили повсюду; цѣлыя области были опустошены и обезлюдѣли; во многихъ мѣстахъ поля оставались невоздѣланными; торговыя сношенія почти совершенно прекратились; общеніе между областями, простое путешествіе сдѣлались въ высшей степени затруднительными, такъ какъ и безъ того плохіе и неудобные пути были перехвачены разбойниками и грабителями; у рѣчныхъ переправъ и горныхъ переваловъ высилились замки, владѣльцы которыхъ подстерегали путниковъ; даже короли не гнушались грабежемъ купцовъ. При такихъ условіяхъ негдѣ искать управы надъ насильниками; самоуправство вытѣснило законъ и люди сильные грубо и властно понирали справедливость; слабыя изнывали подъ тяготѣвшимъ надъ ними гнетомъ; каждый думалъ только о себѣ и защитѣ своего достоянія хотя бы путемъ поддержки насилій надъ другими. При отсутствіи взаимопомощи естественныя бѣдствія, голодъ, заразительныя болѣзни разрастались до огромныхъ размѣровъ и сдѣлались самымъ зауряд-

нымъ явленіемъ. Никто не могъ чувствовать себя увѣреннымъ въ завтрашнее днѣ, никто не могъ считать обезпеченнымъ обладаніе своимъ имуществомъ.

Полная всевозможныхъ превратностей и постоянныхъ опасностей жизнь невольно наталкивала на сознаніе преходящей бренности всего земнаго, развивала и подкрѣпляла стремленія въ заоблачную высь, чуждую плача и воздыханій. Лишенный прочнаго счастья на землѣ, не могущій насладиться ея благами средневѣковой человѣкъ съ большимъ рвеніемъ ищетъ загробнаго блаженства, старается обезпечить за собой вѣчныя утѣхи въ царствѣ небесномъ. По общему мнѣнію, единственнымъ путемъ къ достиженію этой завѣтной цѣли были принадлежность къ совокупности вѣрныхъ, церкви, и точное соблюденіе божественныхъ предписаній. Но евангеліе не давало указаній, какъ поступать въ каждомъ житейскомъ случаѣ; оно выдвигало лишь общія заповѣди, не опредѣляя частныхъ, разрѣшеніе которыхъ представлялось свободному усмотрѣнію обновленнаго благодатью христіанина и вытекало изъ проникновенія завѣтами Спасителя. Варварское средневѣковье было неспособно къ такой самостоятельной дѣятельности и предъявляло совершенно иные запросы. Отвлеченныя и глубокія истины христіанскаго ученія остаются недоступными его пониманію, а потому своеобразно къ нему приспособляются путемъ ошеществленія. Изъ внутренняго сокровеннѣйшаго союза человѣка съ божествомъ религія превращается въ рядъ узаконеній, регулирующихъ образъ дѣйствій въ повседневной жизни; молитва, свободный порывъ и возношеніе человѣческаго духа къ Богу, приобретаетъ характеръ таинственнаго заклинанія, произносимаго, вдобавокъ, на непонятномъ языкѣ; пастырь изъ руководителя душъ превращается въ жреца-вѣдуна, по мнѣнію толпы, способнаго привлечь на послушниковъ гнѣвъ неба и милости на покорныхъ его предписаніямъ. Не созерцаніе вѣчной Правды, а грубыя, чувственныя утѣхи по народнымъ воззрѣніямъ являются удѣломъ праведниковъ; царство небесное представляется воображенію средневѣковаго человѣка сообразно условіямъ окружающей его дѣйствительности, и Богъ со святыми напоминаетъ варварскаго короля съ его дружинниками. Понятіе о неуклонномъ и безкорыстномъ правосудіи праведно карающаго и милосердно милующаго Бога затемняется перенесеніемъ своего рода „виры“ и въ область религіозную; грѣхъ и преступленіе смѣшиваются: щедрыми дареніями церкви можно искупить всякій проступокъ и обезпечить себѣ безнаказанность за гробомъ, по наимвному, но широко распро-

страненному убѣжденію „*da terram, tolle coelum*“. Не внутреннимъ перерожденіемъ, не искреннимъ и сердечнымъ покаяніемъ грѣшникъ примирялся съ небомъ, а соблюденіемъ чисто внѣшнихъ обязательствъ, постомъ, посѣщеніемъ богослуженій, св. мѣстъ, поклоненіемъ мощамъ и св. предметамъ. Вотъ какіе пути вели, по средневѣковымъ понятіямъ, къ земному и небесному блаженству. Естественно, что точное указаніе этихъ „угодныхъ Богу“ путей, подробное и обстоятельное опредѣленіе обязательствъ, нарушение которыхъ изливало чашу божественнаго гнѣва на человѣчество, было, поэтому, первостепенною. насущною потребностью средневѣковья. Всякое непонятное явленіе природы, всякое бѣдствіе народное считалось карой разгнѣваннаго Бога и лишній разъ показывало необходимость Его умилоствленія, такъ какъ въ средневѣковомъ обществѣ, невѣжественномъ и грубомъ, господствовала вѣра въ чудеса и знаменія, суевѣрное прекло-неніе передъ буквою уставовъ. а не передъ духомъ евангельскихъ завѣтовъ. Вотъ почему малоразвитой въ умственномъ отношеніи средневѣковой человѣкъ ищетъ указки, которая наставляла бы его, какъ отклонить грозныя проявленія небснаго гнѣва, какъ привлечь къ себѣ щедроты Бога и расположить въ свою пользу святыхъ. Такую указку давали сборники каноническихъ постановленій, устанавливавшихъ доступную пониманію огромнаго большинства норму обязанностей, лежащихъ на каждомъ вѣрномъ сынѣ церкви. Въ соблюденіи этой нормы средневѣковье усматривало лучшее средство къ устраненію коренной причины всѣхъ общественныхъ бѣдствій, къ отклоненію карающей десницы небснаго судьи, разгнѣваннаго людскими прегрѣшеніями. По глубокому убѣжденію средневѣковыхъ мыслителей, „декреты св. отцовъ“ „св. каноны“, „постановленія соборовъ“, „попраныя и забытыя, благодаря небрежности пастырей“, должны занять руководящее положеніе, и тогда наступитъ вождельнное царство Бога на землѣ, судящее полное благополучіе всѣмъ вѣрнымъ. Такое воззрѣніе, вытекающее изъ самой глубины средневѣковаго міросозерцанія, овладѣвало съ неудержимою силою умами, потому что давало простое и ясное объясненіе причинъ переживаемыхъ нестроеній, точно указывало надежный путь къ избавленію отъ всѣхъ бѣдъ и напастей. Современные памятники переполнены выраженіями подобнаго настроенія, собраныя постановленія то и дѣло повторяютъ, что грѣхи вызываютъ постоянныя бѣдствія, обусловленныя тѣмъ, что „нарушенъ законъ, попрано ученіе апостоловъ и постановленія кано-

новъ“¹⁾). Для ознакомленія съ господствующей точкой зрѣнія достаточно привести отрывокъ изъ постановленій помѣстнаго собора въ Испаніи: онъ послужитъ достаточно характернымъ образцомъ. „Мы видѣли и видимъ, говорятъ епископы, ужасныя знаменія, мы претерпѣли за свои грѣхи великій голодъ, язвы и погромы, такъ какъ Господь глаголетъ: „если не послушаете Меня, сотру гордость вашу и упрямство ваше, напрасно будете сѣять сѣмя, не произраститъ его земля, не принесутъ деревья плодовъ своихъ, будете ѣсть и не насытитесь“. Но въ то же время Господь даетъ обѣтованіе: „если будете ходить по предначертаннымъ мною путямъ, дамъ вамъ своевременно дождь и земля родитъ ростки свои, деревья переполнятся плодами, молотба будетъ длиться до времени жатвы, жатва—до сбора винограда, сборъ винограда—до новаго посѣва, и вы будете вкушать хлѣбъ свой въ сытости“²⁾).

Ясно, что всякое бѣдствіе способно было только еще болѣе усилить подобныя представленія, такъ какъ считалось непреложнымъ ихъ подтвержденіемъ. Вотъ почему постоянно раздаются голоса, требующіе „очищенія растущихъ со дня на день преступленій сообразно евангелію, апостоламъ и декретамъ каноновъ“.. „Древніе обычаи“, „декреты св. отцовъ“, „св. каноны“ становятся боевымъ ключемъ всѣхъ жаждущихъ преобразованія общества, потому что, по всеобщему убѣжденію, должны господствовать въ общественныхъ и частныхъ отношеніяхъ, руководить дѣятельностью всѣхъ и каждаго для обезпеченія на землѣ вождельнаго мира, для сохраненія единства въ церкви, для подготовленія къ небесному блаженству; все противное ихъ авторитету подлежало искорененію, дабы не навлекать праведнаго гнѣва божьяго. Отсюда вытекаетъ необходимость знать св. каноны, возникаетъ стремленіе изучать ихъ, равно какъ собрать воедино „вдохновенныя самимъ Богомъ“, но остающіяся разрозненными каноническія предписанія и постановленія.

Уже левсидоровскій сборникъ преслѣдуетъ обще-преобразовательныя цѣли, но неблагоприятныя историческія условія помѣшали ихъ осуществленію. Понадобились два слишкомъ столѣтія почти непрерывныхъ испытаній и бѣдствій, чтобы для самого общества выяснилась необходимость преобразованій, чтобы изъ обновленныхъ мо-

¹⁾ Ср. напр., Mansi XIX p. 535, 543, 546, 554, 735, 790—791, 849 и т. д.

²⁾ Acta concilii concilii Mansi XIX p. 790—791.

пастырей и возстановленныхъ школъ вышли убѣжденные и непреклонные борцы за торжество каноническихъ идеаловъ. Отбывшаяся отъ нападеній внѣшнихъ враговъ западная Европа вздохнула свободнѣе, получила возможность вдумчивѣе всмотрѣться въ свои внутренніе распорядки, сравнить ихъ съ завѣщанными св. отцами условіями водворенія на землѣ обѣтованнаго царства божьяго. Это сравненіе должно было произвести потрясающее впечатлѣніе: малѣйшее отступленіе отъ каноническихъ установленій считалось уже достаточнымъ для навлеченія небесной кары, а тутъ цѣлый рядъ укоренившихся явлений стоялъ въ вопіющемъ противорѣчій съ каноническими предписаніями и порождалъ соблазнъ всѣхъ ревнителей: даже самое поверхностное сопоставленіе современныхъ порядковъ съ „установленіями св. отцовъ“ должно было встревожить совѣсть каждаго вдумчиваго человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, каноны осуждали симонію, а она сдѣлалась обычнымъ путемъ для приобрѣтенія духовныхъ сановъ. По словамъ современниковъ, трудно было найти пастыря, не запятаннаго этой ересью; она даже не считалась грѣхомъ, и въ Миланѣ, напр., была установлена своего рода такса за посвященіе; памятники говорятъ, что саны церковные продавались какъ товаръ, что между покупателями происходили состязанія въ надбавкахъ за особенно выгодныя мѣста; уплаченные при достиженіи сана деньги возмѣщались путемъ угнетенія паствы и раздачей церковнаго имущества. Каноны предназначали его на поддержку неимущимъ, нуждающимся, считали его „достояніемъ бѣдныхъ“; теперь, „благодаря симоніи, всѣ церковныя владѣнія переходили въ руки мірянъ“, захватившихъ ихъ для своекорыстныхъ цѣлей. Пастыри, избраніе которыхъ было предоставлено канонами кляру и народу, превратились въ nokорныхъ ставленниковъ сильныхъ міра сего, въ „псовъ, не умѣющихъ лаять“, потому что паства потеряла всякій голосъ при избраніи своихъ духовныхъ руководителей, а свѣтскіе владѣтели присвоили себѣ право назначенія церковныхъ сановниковъ. Живая связь и общеніе между пастыремъ и пасомыми утратилась: для перваго прихожане были стадомъ, уступленнымъ ему въ пользованіе ради покрытія понесенныхъ расходовъ; для второй священнослужитель былъ совершенно чужимъ человѣкомъ, нерѣдко не понимающимъ даже языка своихъ духовныхъ чадъ. Такимъ образомъ, древне-христіанская община, основа церковнаго строя во времена апостоловъ и св. отцовъ, теперь заглохла и замѣнилась мертвящею, чисто внѣшнею связью подчиненія постороннимъ людямъ. Каноны отводили первое мѣсто въ церкви рим-

скому первосвященнику, „какъ хравителю чистоты вѣры и церковнаго строя оберегателю“, защитнику слабыхъ, угнетенныхъ, невинныхъ, обличителю неправды, отвѣтственному передъ Богомъ судѣ царей и императоровъ, тогда какъ на дѣлѣ „апостольскій престолъ“ попалъ въ позорную зависимость отъ римскихъ бароновъ и смѣнявшихъ ихъ нѣмецкихъ варваровъ. Померкъ ореолъ нравственной мощи, созданный Николаемъ I, и въ церкви замолкъ голосъ неустрашимаго и властнаго наставника, напоминающаго каждому о забытыхъ имъ обязанностяхъ, опредѣленныхъ канонами, исполненіе которыхъ представлялось необходимымъ для достиженія какъ личнаго блаженства въ загробной жизни и счастья на землѣ, такъ и для водворенія идеальнаго строя—царства божьяго. Между тѣмъ жизнь представлялась сплошнымъ нарушеніемъ долга каждаго вѣрующаго: уставы и посты не соблюдались; вмѣсто мира царила война, вмѣсто единства—раздробленность, вмѣсто правды—насиліе и захватъ; преступления всякаго рода были обычнымъ явленіемъ. Особенно часто попирались священныя узы брака: ихъ расторгали по произволу; стѣснительныя запрещенія канонныхъ относительно браковъ между родственниками и свойственниками вышли изъ употребленія; сами церковники, вопреки канонамъ, вступали въ запретныя сожительства съ женщинами. Однимъ словомъ, отступленія отъ нормы встрѣчались на каждомъ шагу и дѣлали совершенно понятными для руководителей общественнаго мнѣнія коренныя причины переживаемыхъ бѣдствій, такъ какъ даже „за проступокъ одного гнѣвъ божій изливается на многихъ“¹⁾.

Такова идейная почва, на которой выросли церковнообщественныя преобразованія XI вѣка, когда все шире разливающаяся волна сознанія противозаконности укоренившихся порядковъ и стремленія къ возстановленію завѣтовъ первыхъ, идеально чистыхъ временъ христіанства, отождествленныхъ ревнителями съ каноническими предписаніями, достигла вершинъ тогдашняго міра и увлекла какъ императорство, такъ и папство своимъ мощнымъ размахомъ. Въ нѣдрахъ самага общества одновременно сказывается очень сильно стремленіе къ искунленію содѣянныхъ прегрѣшеній путемъ щедрыхъ дареній церкви, путешествій въ Римъ и Іерусалимъ, постройки храмовъ и другихъ подвиговъ благочестія; „изъ страха передъ адскими мученіями“²⁾ основываютъ новыя обители, гдѣ-бы сонмы монаховъ днемъ и ночью

¹⁾ Mansi XIX p. 546.

²⁾ Rodulfi Glabri Lib. II c. 4 p. 632.

возносили молитвы за душу основателей и ихъ сродниковъ; хищные грабители надѣваются рясу и, въ созданныхъ на награбленные средства монастыряхъ, предаются аскетическимъ упражненіямъ. Въ самомъ характерѣ монашества происходитъ явственное измѣненіе: бенедиктинскій уставъ не удовлетворяетъ жаждущихъ изнуреніемъ плоти искупить прошлое, и строгое восточное отшельничество прокладываетъ себѣ широкій путь на западъ, куда еще во времена иконоборства бѣжали десятки тысячъ иноковъ, посѣявшихъ стремленіе къ подражанью ихъ строгой жизни въ средѣ западнаго общества. При основаніи новыхъ обителей міряне, уповая на большую дѣйствительность молитвъ подвижниковъ, отдавали предпочтеніе болѣе суровымъ требованіямъ отъ братіи. Монастыри, проникнутые строгимъ, подвижническимъ духомъ, были расадниками обновленія: въ ихъ стѣнахъ изучались каноны, устанавливался кругъ обязанностей, лежащихъ на каждомъ сынѣ церкви, воспитывалось юношество въ духѣ противодѣйствія мірскимъ настроеніямъ; изъ обителей выходили новые борцы съ царящимъ въ мірѣ зломъ, епископы, аббаты, духовники могущественныхъ свѣтскихъ владѣтелей, повелѣвавшіе сердцами своихъ поведителей и побуждавшіе ихъ содѣйствовать общему исправленію. Годъ за годомъ умножалось число поборниковъ преобразованій, возрастала ихъ сила, ихъ готовность приступить къ реформѣ въ широкихъ размѣрахъ. Ревнители мечтали овладѣть апостольскимъ престоломъ, и, опираясь на авторитетъ намѣстника св. Петра, повести непримиримую борьбу съ раздѣдающими церковь и общество настроеніями. При этомъ они не задумывались передъ выборомъ средствъ: такъ епископъ Теодальдъ Арецскій, человекъ богобоязненный и сочувствующій всей душой преобразованіямъ, изъявлялъ готовность заплатить за тиару 1000 фунтовъ серебра, лишь-бы получить возможность „искоренить во всемъ мірѣ проклятыхъ симонистовъ“¹⁾. Но тщетно мы бы искали въ источникахъ слѣдовъ обширной организаціи, поставившей своей задачей общепреобразовательныя цѣли. Повсюду изъ самыхъ нѣдръ общества пробивались струйки преобразовательнаго теченія, но оно оставалось раздѣленнымъ на небольшіе, скрытые ручейки, слияніе которыхъ подготавливалось медленно и постепенно естественнымъ ростомъ преобразовательныхъ стремленій. Каждая обновленная обитель, каждый пастырь, создающій свои обязанности, каждый благочестивый мірянинъ вносилъ свою лепту въ общее дѣло, но только общепризнанная власть

¹⁾ Donizonis, Vita Mathildis. Lib. II c. 5 p. 362.

могла соединить разрозненные силы и дать имъ опредѣленное направление, поставить ясныя и точныя, для всѣхъ одинаковыя задачи. Правда, прежніе изслѣдователи, въ особенности Гфререръ и ишедшій по его стопамъ Гизебрехтъ, выдвигали Ключни на первый планъ, какъ носителя выработаннаго плана реформы, установленной программы дѣйствій и объединителя всѣхъ ревнителей подъ своимъ знаменемъ. Но Сакуръ въ своемъ цѣнномъ изслѣдованіи показалъ, что подобное представленіе о роли Ключни не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и не имѣетъ ни малѣйшей опоры въ источникахъ ¹⁾. Само собою понятно, что Ключни, несмотря на широкое развѣтвленіе своей конгрегации, не могло взять въ свои руки дѣло общихъ преобразованій въ церкви, начиная съ главы и кончая отдѣльными ея членами. Ключницы витали въ идеальныхъ сферахъ и не умѣли устранять съ своего пути практическихъ затрудненій, такъ какъ сами ясно не сознавали, насколько противорѣчивы были ихъ преобразовательныя стремленія. Они ограничивались частными улучшениями и на старыхъ устояхъ хотѣли, безъ коренной ломки, обновить общественное зданіе. Они примыкали къ идеалистическому направлению, мечтавшему о воссозданіи золотого вѣка апостоловъ, о возстановленіи благословенныхъ порядковъ чистой, первоначальной церкви. Эти идеалисты, не давая себѣ яснаго отчета о желательныхъ перемѣнахъ, о средствахъ къ ихъ проведенію, оказывали, однако, огромное обаяніе на умы современниковъ именно чистотою и безкорыстіемъ своихъ намѣреній. Они удовлетворяли нарождающимся запросамъ самого общества. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на еретическія броженія времени, яркій показатель оставшихся безъ удовлетворенія духовныхъ нуждъ общества, чтобы понять его господствующее настроеніе. Оказывается, что ереси XI вѣка отличаются крайне аскетическимъ характеромъ и предъявляютъ къ своимъ послѣдователямъ тѣ самыя требованія, какія ревнители считали обязательными для избранныхъ-клириковъ. Такъ, еретики отвергаютъ бракъ вообще, считая и брачныя сношенія съ женщиной дѣломъ грѣховнымъ; преобразователи возстаютъ противъ браковъ, запрещенныхъ канонами. Собственность представляется еретикамъ зломъ, такъ какъ міръ — общее достояніе; преобразователи провозглашаютъ, что имѣнія церкви принадлежать всѣмъ немущимъ; да и каждый собственникъ является въ ихъ глазахъ управителемъ вѣреннаго ему Богомъ имущества. Война и насиліе кажутся ерети-

¹⁾ Sackur, Die Cluniacenser B. II p. 449.

камъ вопіющимъ нарушеніемъ завѣтовъ Спасителя; преобразователи признають запретнымъ пролітіе крови духовенствомъ на полѣ брани и пытаются ограничить время и мѣсто совершенія насилій, назначивъ для войнъ опредѣленные дни и отставая неприкосновенность храмовъ и церковныхъ владѣній. Присяга и клятва для еретиковъ дѣло грѣховное; ревнители полагають, что духовенство не должно приносить феодальной клятвы въ вѣрности. Еретики не вкушаютъ мясной пищи вообще, преобразователи требуютъ соблюденія строгихъ, многочисленныхъ постовъ, то-есть, лишь ограничивають опредѣленными днями общее требованіе еретиковъ. Еретики выставляютъ спасительность бѣгства отъ соблазновъ міра, обузданія страстей и жизни отъ трудовъ рукъ своихъ; преобразователи съ неуклонною настойчивостью стремятся осуществить тѣ же мысли, возстають противъ роскоши, тунеядства и распущенности въ особенности церковнослужителей. Еретики жаждутъ подвига, ищутъ мукъ здѣсь, ради небеснаго блаженства избѣгаютъ тихой, спокойной смерти; ревнители точно также истязаніями плоти, полнымъ самоотреченіемъ стремятся закрѣпить за собой утѣхи загробной жизни. Еретики обличають невѣжество пастырей, стараются углубиться въ Писаніе, понять его таинственный смыслъ и раскрыть его своимъ собратьямъ; ревнители, въ свою очередь, стремятся поднять общій уровень свѣдѣній духовенства, хотя и ограничивають клиромъ изученіе писанія. Еретики ставятъ цѣлью исканіе добродѣтели и высшей правды, вѣрятъ въ непосредственное свое общеніе съ Богомъ; ревнители хотять водворить царство божье, опираются на чудеса и знаменія, въ коихъ усматривають раскрытіе воли Провидѣнія. Такимъ образомъ, ереси и церковныя преобразованія представляютъ собой родственныя проявленія одного и того же общественнаго броженія. Сдѣланное сопоставленіе ясно показываетъ, что въ различныхъ слояхъ, въ различныхъ мѣстностяхъ почва была подготовлена для воспріятія преобразовательныхъ идей, и необходимымъ былъ лишь вождь, чтобы направить мѣстныя теченія въ одно общее русло. Такимъ вождемъ явилось папство.

Правда, въ первую половину XI вѣка папство само, какъ извѣстно, находилось въ положеніи, настойчиво требовавшемъ улучшенія. Оно не могло съ надлежащею силой и вліяніемъ преслѣдовать интересы всей церкви, оно сдѣлалось игрушкой въ рукахъ честолюбивыхъ и алчныхъ римскихъ бароновъ, притязавшихъ на „наслѣдственные права“ по отношенію къ „апостольскому престолу“, но въ римскомъ духовенствѣ живы были vlastныя традиціи прежнихъ славныхъ временъ

и мысль о папскомъ преобладаніи пустила слишкомъ глубокіе корни въ средѣ западноевропейскаго общества, чтобы годы униженія и безсидія могли вырвать изъ сердецъ прочныя представленія о главенствѣ папы. Даже Бенедиктъ IX, несмотря на всю свою распущенность, не порвалъ окончательно съ преданіями прошлаго и въ его посланіяхъ отражаются слѣды общественной жажды преобразованій¹⁾. Онъ все-таки оставался для вѣрующихъ духовнымъ главою христіанскаго міра. Естественно, что съ переходомъ „ключей св. Петра“ въ другія болѣе чистыя и надежныя руки традиціонныя воззрѣнія должны были возобладать и союзъ между папствомъ и общественными теченіями, направленными къ преобразованіямъ, былъ лишь вопросомъ времени. Этотъ переходъ произошелъ быстро, чѣмъ можно было ожидать, имѣя въ виду молодость Бенедикта, дѣлавшую вѣроятною значительную продолжительность его понтификата. Стеченіе крайне своеобразныхъ обстоятельствъ ускорило неизбѣжную развязку.

Соблазнительное поведение Бенедикта вызывало недовольство римлянъ, подогрѣваемое завистью части римской знати къ преобладанію тускуланцевъ, къ которымъ принадлежалъ молодой папа. Первое покушеніе противъ него не удалось, потому что суевѣрный страхъ передъ солнечнымъ затменіемъ помѣшалъ заговорщикамъ выполнить свой замыселъ и лишить Бенедикта жизни во время богослуженія²⁾. Вскорѣ послѣ этого состоялась попытка выставить антипапу въ лицѣ Іоанна, епископа Сабинскаго, принявшаго имя Сильвестра III. Есть основаніе думать, что онъ былъ ставленникомъ противниковъ тускуланцевъ, кресценціевъ³⁾; да и памятникъ говоритъ, что Сильвестра выдвинула часть римской знати⁴⁾. Въ вѣчномъ городѣ началась уличная борьба и Бенедиктъ, вынужденный покинуть Римъ, укрылся въ одномъ изъ своихъ крѣпкихъ замковъ. Однако, это удаленіе оказалось кратковременнымъ: братья папы, Петръ и Григорій, носившій санъ римскаго патриція, въ союзѣ съ транстиберинцами и вельможами Кампаніи, поддержали вооруженною рукою свои „наслѣдственныя права“ на тиару, и Сильвестръ возвратился въ свое епископство, сожалея о непроизводительно потраченныхъ деньгахъ⁵⁾. Повидимому, между

¹⁾ См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1898, февраль, стр. 291. Часть CCCXV.

²⁾ *Rodulfi Glabri Lib. IV c. 9 p. 684.*

³⁾ *Hauck B. III p. 570. Gregorovius B. IV p. 14 и 47 пр. 2.*

⁴⁾ *Bonithonis Lib. ad Amicum. Lib. V p. 626.*

⁵⁾ *Desiderii Dialogorum. Lib. III p. 1004. Ср. Leonis Casinensis Lib. II c.*

нимъ и Бенедиктомъ состоялось соглашеніе, поведшее къ возстановленію прежняго положенія обонхъ соперниковъ: Сильвестръ отказался отъ притязаній на тиару, папа оставилъ за нимъ его сабинское епископство. Это соглашеніе необходимо для объясненія присутствія бывшаго антипапы на соборѣ по дѣлу архіепископа Градскаго (1044 г.), какъ показываютъ акты собора, скрѣпленные подписью Іоанна, епископа Сабинскаго ¹⁾.

Отдѣлавшись отъ соперника, Бенедиктъ задумываетъ рѣшительный шагъ къ закрѣпленію папской каеедры въ своемъ родѣ: онъ предполагаетъ вступить въ бракъ съ дочерью одного изъ главныхъ виновниковъ возвышенія Сильвестра ²⁾; быть можетъ, Бенедиктъ хотѣлъ сдѣлаться родоначальникомъ династіи папъ, удовлетворявшихъ притязаніямъ наиболѣе вліятельныхъ баронскихъ родовъ Рима. Въ этомъ намѣреніи нѣтъ ничего неправдоподобнаго, такъ какъ женатые епископы и даже аббаты встрѣчались въ то смутное время ³⁾. Но планы Бенедикта встрѣтили рѣшительный отпоръ со стороны отца его избранницы, который потребовалъ, чтобы женихъ предварительно отказался отъ сана намѣстника апостоловъ. Штейндорфъ и другіе изслѣдователи сомнѣваются въ правдивости разказа Бонитона о брачныхъ стремленіяхъ Бенедикта, указывая на молчаніе остальныхъ источниковъ. Однако, этотъ доводъ самъ по себѣ очень слабъ и имѣетъ доказательную силу только какъ подкрѣпленіе другихъ болѣе вѣскихъ соображеній. Кромѣ того, въ источникахъ есть указаніе, поддерживающее свидѣтельство Бонитона: алтаихскій лѣтописецъ, вообще хорошо освѣдомленный объ италянскихъ событіяхъ, приписываетъ удаленіе Бенедикта съ каеедры св. Петра „недозволенному браку“ ⁴⁾, въ который онъ намѣревался вступить. Наконецъ, въ характерѣ Бенедикта, молодого, необузданнаго, страстнаго, нѣтъ чертъ, не допускающихъ подобнаго рода замыселъ. Санъ, принятый не по призванію не служилъ же помѣхой его скандальнымъ поведеніямъ, а потому

¹⁾ Mansi XIX p. 610. Cp. Sigiberti chronicon p. 358.

²⁾ Bonithonis Lib. V p. 626.

³⁾ Епископъ Лозанскій Бургардъ uxorem legitimam habuit; Видювъ епископъ Миланскій „concupinatus“ Bonithonis. Lib. VI p. 639. Cp. R. I, № 77, p. 96 и R. II, № 10, p. 124. Petri Damiani Op. 17 praef. p. 381. Desiderii Dialogorum Lib. III, 1008. Примѣромъ брачной жизни монаховъ можетъ служить Historiae Garfenses. Hugonis orationes c. 6 p. 535. Образъ жизни такъ называемыхъ „мирскихъ аббатовъ“ достаточно характеризуютъ постоянныя жалобы соборовъ.

⁴⁾ Annales Altabenses p. 803.

онъ совершенно свободно могъ отважиться на новое сумасбродство. Не привыкнувъ сдерживать себя и отказывать въ удовлетвореніи своимъ прихотямъ, Бенедиктъ предпочелъ выполнить поставленное ему условіе, чѣмъ оставить мысль о бракѣ. Многие говорили ему за отказъ отъ тиары: онъ испыталъ недовольство римлянъ и отлично видѣлъ, что его власть не отличалась прочностью; намятникъ ¹⁾ прямо говоритъ, что Бенедиктъ считалъ себя „всѣмъ ненавистнымъ“; его поведение рождало соблазны и въ средѣ ревнителей раздается голосъ, совѣтующій папѣ отказаться отъ сана ради искупленія совершенныхъ грѣховъ. Этотъ совѣтъ находитъ отзвукъ въ сердцѣ папы, повидимому, не чуждаго страха передъ загробными муками и обращавшагося къ подвижнику, св. Вареолею, за указаніемъ пути для примиренія съ небомъ ²⁾. Да и Деизерій ³⁾ говоритъ, что Бенедиктъ, видя презрѣніе къ себѣ клира и народа, обусловленное совершенными беззаконіями, сознавая, что толки о его проступкахъ достигаютъ все большаго распространенія, предпочелъ жить въ свое удовольствіе, какъ Эпикуръ, чѣмъ носить тиару.

Къ довершенію затрудненій Бенедикта часть недовольныхъ имъ римлянъ съ архидиакономъ Петромъ во главѣ обратилась къ Генриху III съ просьбой о скорѣйшей помощи св. матери церкви ⁴⁾. Папа не могъ рассчитывать на снисходительное отношеніе къ ихъ разоблаченіямъ со стороны короля, извѣстнаго своимъ аскетическимъ настроеніемъ, сторонника преобразованій въ церкви, задѣтаго вдобавокъ постановленіями послѣдняго собора по дѣлу градскаго архіепископа ⁵⁾.

Итакъ, Бенедиктъ, подѣ влияніемъ сложныхъ побужденій, остановился на мысли передать другому „апостольскій престолъ“. Но молодой папа не хотѣлъ покидать его съ пустыми руками, да и родственники его, несомнѣнно, не пожелали бы безвозмездно разстаться съ благами, извлекаемыми ими изъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на каеэдру св. Петра. Естественно, что преемникъ Бенедикта долженъ былъ быть настолько богатъ, что могъ бы возмѣстить убытки тускуланцевъ и ихъ сторонниковъ, и въ то же время онъ по своему образу

¹⁾ Leonis Casinensis. Lib. II, c. 77, p. 682.

²⁾ Vita et conversatio S. Bartholomaei, c. II p. 961. Martene et Durand, Veterum scriptorum et monumentorum amplissima collectio. Tomus VI. Parisiis 1729 г.

³⁾ Desiderii Lib. III p. 1004.

⁴⁾ Bonithonis. Lib. V p. 627.

⁵⁾ См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1898 г. февраль. стр. 292.

жизни долженъ былъ удовлетворить смущенную соблазнительнымъ поведеніемъ Бенедикта совѣсть ревнителей. Мало того, новый папа по каноническимъ требованіямъ долженъ былъ принадлежать къ римской церкви, и его возвышеніе должно было произойти при участіи клира и народа.

По единогласному свидѣтельству источниковъ, только одинъ человекъ въ средѣ римскаго духовенства пользовался всеобщимъ уваженіемъ за чистоту своей жизни. Онъ же располагалъ и значительными денежными средствами. Это былъ архипресвитеръ Іоаннъ Граціанъ ¹⁾, человекъ близкій къ тускуланцамъ, какъ крестный отецъ Бенедикта, имѣвшій связи съ ревнителями и накопившій огромныя сокровища съ благими цѣлями. Ему-то Бенедиктъ и передалъ санъ папы ²⁾ по особому документу ³⁾, скрѣпленному клятвеннымъ обязательствомъ римлянъ не признавать никого другаго первосвященникомъ при жизни Іоанна. Итакъ, Бенедиктъ добровольно сложилъ съ себя бремя папской тиары и самъ объявилъ себя недостойнымъ сана намѣстника апостоловъ, самъ осудилъ свое прошлое. Стало быть, идея неподсудности римскаго первосвященника, служившая однимъ изъ лозунговъ преобразовательной партіи, осталась неприкосновенною: каноническія предписанія были соблюдены, хотя и крайне своеобразнымъ путемъ. Отказъ отъ „наслѣдственныхъ правъ“ тускуланцевъ былъ возмѣщенъ взносомъ огромной суммы денегъ ⁴⁾; кромѣ того, источникъ, восходящій здѣсь къ разказамъ римлянъ, но относящійся къ болѣе позднему времени, говоритъ, что Бенедиктъ удержалъ за собой доходы съ Англіи ⁵⁾.

Такимъ образомъ, человекъ, стоявшій въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ сторонниками преобразованій, овладѣлъ престоломъ св. Петра при помощи неслышанной сдѣлки: добродѣтели, личныя заслуги и серебро одинаково склонили къ нему симпатіи римлянъ. Новый папа не покупалъ себѣ посвященія, а потому и не испытывалъ сознанія предосудительности средствъ, давшихъ ему тиару: понятіе о симоніи не было еще раскрыто въ полномъ объемѣ, не было расширено до такихъ крайнихъ

¹⁾ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1898 г., февраль, стр. 293—294.

²⁾ Desiderii Lib. III, p. 1004.

³⁾ Annales Romani p. 468.

⁴⁾ Bonithonis Lib. V, 626 и 629.

⁵⁾ Benonis II, c. 7, p. 378; Catalogus, p. 98.

⁶⁾ Ottonis chronicon. Lib. VI, c. 32, p. 244.

предѣловъ, какіе были ему приданы впоследствии. На зарѣ преобразованій итальянскіе ревнители не усмотрѣли въ избраніи Іоанна Граціана, принявшаго имя Григорія VI, по крайней мѣрѣ въ первый моментъ, ничего соблазнительнаго. Такъ, Петръ Даміани, одинъ изъ наиболее яркихъ выразителей общественной склонности къ аскетизму, привѣтствовалъ новаго папу восторженнымъ письмомъ, въ которомъ раскрывалъ воодушевлявшія его идеальныя стремленія: „Да возрадуется небо и да возвеселится земля и да возликуетъ св. церковь, возвратившая преимущества своихъ древнихъ правъ. да сотрется тысячеобразная глава ядоноснаго змія, да прекратится торговля и постыдныя сдѣлки, равно какъ дѣятельность Симона въ церкви. Да возвратится въ ковчегъ голубка съ зеленѣющими листьями оливы и да возвѣститъ, что миръ вернулся на землю; да возстановится нынѣ золотой вѣкъ апостольскій и снова расцвѣтетъ церковное благочиніе подъ защятой вашей мудрости; да будетъ подавлена алчность стремящихся къ епископскимъ митрамъ; да будутъ низвергнуты сѣдалища мѣняль, продающихъ голубей“. „Возрожденіе міра, ожидаемое всѣми народами“ отъ Григорія, должно, по мнѣнію Даміани, начаться съ наказанія епископовъ Пезаро, Кастелло и Фана. Рѣшеніе папы въ этихъ трехъ случаяхъ покажетъ, на что можно надѣяться въ будущемъ. Посланіе къ „святѣйшему государю папѣ Григорію“ заканчивается пожеланіемъ, чтобы Господь хранилъ Григорія для сохраненія правъ церкви и соизволилъ народу своему заслуженно ликовать подъ управленіемъ такого папы“ ¹⁾. Другое письмо Даміани ²⁾ показываетъ, что онъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на распоряженія папы Григорія, стало быть, не считалъ его и впоследствии человекомъ запятаннымъ и недостойнымъ.

Возвышеніе Григорія не возбудило соблазна и въ остальномъ западно-христіанскомъ мірѣ: сохранившіеся отъ кратковременнаго правленія его документы показываютъ, что его признавали главой и къ нему обращались съ просьбами изъ различныхъ странъ и областей западной Европы. Такъ аббатъ перуджійскаго монастыря въ честь св. Петра, Бонитонъ, обратился къ нему съ просьбой подтвердить привилегіи и закрѣпить обладаніе владѣніями его обители ³⁾. Съ подобной же просьбой прибѣгнули къ Григорію фульдскій аббатъ ⁴⁾,

¹⁾ Petri Damiani. Ep. Lib. I, № 1, p. 205—206.

²⁾ Ibid. № 2, p. 207.

³⁾ Jaffé № 4123.

⁴⁾ Jaffé № 4125.

аббатъ знаменитой Фарфы Альмерихъ ¹⁾, бывший преподавателемъ Генриха III ²⁾, и король французскій Генрихъ ³⁾. Да и остальные распоряженія Григорія ⁴⁾, касающіяся, главнымъ образомъ, церковныхъ имуществъ и привилегій, свидѣтельствуя о всеобщемъ признаніи его авторитета, равно какъ и другія документальныя данныя ⁵⁾ устраняютъ всякую мысль о чьемъ-либо недовольствѣ перемѣной, происшедшей въ Римѣ. Въ высшей степени важно установить, какъ къ ней отнеслись вліятельные клоніицы и король Генрихъ III.

Нѣмецкій изслѣдователь Гфререръ ⁶⁾ усматриваетъ въ возвышеніи Григорія преобразовательную мѣру, задуманную и проведенную клоніицами съ вѣдома и согласія Генриха III. Для правильнаго пониманія хода дальнѣйшихъ событій необходимо установить степень основательности утвержденій Гфререра путемъ разбора выдвигаемыхъ имъ основаній. Прежде всего онъ ссылается на современное свидѣтельство Родульфа Глабра, который говоритъ ⁷⁾, что Бенедиктъ „былъ, съ согласія всего римскаго народа и по предписанію императора, удаленъ съ апостольскаго престола и на мѣсто его возведенъ мужъ, набожнѣйшій и выдѣляющійся по святости жизни, Григорій, по происхожденію римлянинъ. Его добрая слава улучшила оскверненное предшественникомъ“. Косвенное подтвержденіе своему мнѣнію Гфререръ видитъ въ извѣстіи англійскаго хрониста (XII вѣка) Вильгельма Мальмесбурійскаго ⁸⁾, сообщающаго, что Григорій обращался къ Генриху за вооруженной помощью для защиты римской церкви: „ясно, что Григорій не прибѣгалъ бы къ защитѣ Генриха, если бы его возвышеніе не произошло съ одобренія нѣмецкаго короля“ ⁹⁾. Наконецъ, Гфререръ указываетъ, что признаніе Григорія папой, засвидѣтельствованное его буллами, не могло состояться безъ согласія, даннаго предварительно нѣмецкимъ королемъ, какъ защитникомъ римской церкви.

Свидѣтельство Глабра не встрѣчаетъ довѣрія со стороны другихъ изслѣдователей: такъ, его отвергаютъ, между прочимъ, Штейндорфъ ¹⁰⁾,

¹⁾ Jaffé № 4126.

²⁾ *Historiae Farfenses* с. 5, р. 559.

³⁾ Jaffé № 4130.

⁴⁾ Jaffé №№ 4124, 4128 и 4129.

⁵⁾ Steindorff. I, р. 261, n. 2.

⁶⁾ Gfrörer B. VI, р. 482 сл.

⁷⁾ Rodulfi Glabri, monachi Cluniacensis, *Historiarum*. Lib. V, с. 5, р. 698.

⁸⁾ Willelmi Malmesburiensis, *Gesta regum Anglorum* Lib. II, § 202, р. 1187.

⁹⁾ Gfrörer B. VI, р. 483.

¹⁰⁾ Steindorff I, р. 262.

Лангенъ ¹⁾ и Гаукъ ²⁾). Однако, предложенныя имъ объясненія возникновенія ошибочнаго утвержденія Глабра нельзя счесть убѣдительными, равно какъ нельзя думать, что германское правительство, имѣвшее частыя сношенія съ Италіей, не было своевременно освѣдомлено о событіяхъ въ Римѣ. Такимъ образомъ, Генрихъ III съ самаго начала долженъ былъ такъ или иначе отнестись къ возвышенію Григорія. Данныя источниковъ показываютъ, что онъ признавалъ Іоанна Граціана дѣйствительнымъ намѣстникомъ апостоловъ ³⁾: такъ, современникъ событій, Германъ ⁴⁾ Разслабленный, отмѣчаетъ въ своей хроникѣ почетный приемъ, оказанный Генрихомъ Григорію VI въ Пиаченцѣ; по Дезидерію ⁵⁾, Льву Монтекассинскому ⁶⁾ и Бонитону ⁷⁾, Григорій предсѣдательствовалъ на Сутрійскомъ соборѣ, гдѣ присутствовалъ и король Генрихъ. Но признаніе папой Григорія VI еще не доказываетъ, что самое его возвышеніе состоялось по „предписанію императора“, слѣдовательно опорой мнѣнія Гфререра остается одно свидѣтельство Глабра. Для его объясненія необходимо имѣть въ виду, что ключицы были сторонниками императора и въ свѣтской власти видѣли законнаго покровителя и защитника „апостольскаго престола“, имѣющаго право вліять на его замѣщеніе: Григорій не встрѣтилъ противодѣйствія со стороны германскаго короля, будущаго императора, стало быть его возвышеніе произошло „по предписанію“ послѣдняго; Глабръ не составилъ „басню“, но, вѣрный раздѣляемымъ имъ ключицкимъ воззрѣніямъ, просто далъ сообразное имъ толкованіе и освѣщеніе излагаемыхъ событій.

Итакъ, несомнѣнно, что Генрихъ III на первыхъ порахъ признавалъ Григорія папой, тогда какъ догадка Гфререра о коварныхъ расчетахъ, побудившихъ германскаго короля приказать возвести Іоанна Граціана, не имѣетъ подъ собой твердой почвы и только затрудняетъ правильное воспроизведеніе послѣдующихъ событій. Не могъ же Генрихъ III дѣйствовать противъ своего ставленника, не вселяя крайняго недовѣрія римлянамъ, которые, иначе, усмотрѣли бы въ немъ нарушителя своихъ собственныхъ „предписаній“; коварство,

¹⁾ Langen p. 448.

²⁾ Hauck III, p. 588.

³⁾ Sp. Chronicon S. Benigni Divionensis, p. 237.

⁴⁾ Herimanni Chronicon, p. 126. Cp. Ottonis Frisingensis Lib. VI, c. 32, p. 244.

⁵⁾ Desiderii Lib. III, p. 1005.

⁶⁾ Leonis Lib. II, c. 77, p. 682.

⁷⁾ Bonithonis Lib. V, p. 627.

интрига и расчетъ меньше всего входили въ церковно-преобразовательные планы короля, глубоко и искренне преданнаго дѣлу реформы.

Въ какихъ отношеніяхъ находилось Ключьи къ перемѣнѣ, происшедшей въ Римѣ, благодаря отказу Бенедикта отъ тиары—вотъ второй вопросъ, подлежащій немедленному разсмотрѣнію. Для его разрѣшенія необходимо прежде всего установить кругъ памятниковъ, находящихся въ распоряженіи изслѣдователей.

Баксманъ ¹⁾ въ доказательство связей Григорія съ Ключьи ссылается на буллу, выданную аббату Одилону въ подтвержденіе льготъ и владѣній ключійской обители. Но Штейндорфъ неоспоримо доказалъ ²⁾, что эта булла принадлежит не Григорію VI, а Григорію V. Соображенія Штейндорфа побудили издателей „*Regesta pontificum romanorum*“ перенести эту грамоту изъ списка документовъ, выданныхъ Григоріемъ VI, куда она была включена въ первомъ изданіи, въ число буллъ Григорія V ³⁾. Да и Сакуръ ⁴⁾ согласился съ доводами Штейндорфа. Строго говоря, подобнаго рода документъ, если бы даже и былъ выданъ Григоріемъ VI, мало содѣйствовалъ бы уясненію его сношеній съ Ключьи, потому что обыкновенно при всякой перемѣнѣ на „апостольскомъ“ и императорскомъ престолахъ ключійскіе аббаты просили и получали возобновленіе и подтвержденіе преимуществъ своей обители. Другихъ доказательствъ сторонники ⁵⁾ ключійскихъ вліяній не приводятъ, такъ какъ въ сущности основываются на сочувственномъ отзывѣ Глабра. Конечно, и этотъ отзывъ не можетъ имѣть значенія, тѣмъ болѣе, что Родульфъ писалъ не въ Ключьи, а въ Оксеррѣ ⁶⁾ въ С.-Жерменской обители, стало быть его мнѣніе не является отголоскомъ взглядовъ ключійскаго аббата Одилона. Такимъ образомъ, участіе ключійцевъ въ возвышеніи Іоанна Граціана и связи Ключьи съ Григоріемъ VI не доказаны и представляются въ виду свѣдѣтельства жизнеописанія Одилона ⁷⁾ недопустимыми.

¹⁾ Baxmann, Die Politik der Päpste II, p. 201.

²⁾ Steindorff I, p. 490—492.

³⁾ Regesta Pontificum Romanorum № 3895 (3136).

⁴⁾ Sackur I, p. 337.

⁵⁾ Gfrörer VI, p. 568, и Giesebrecht II, 411 и 664. Ср. также Steindorff I, p. 262.

⁶⁾ Sackur II, p. 203.

⁷⁾ Vita Odilonis Lib. I, c. 7, p. 902, гдѣ перечисляются папы, съ которыми Одилонъ находился въ дружескихъ и близкихъ сношеніяхъ, и не упоминается Григорій VI.

Правда, Гфререръ ¹⁾ полагаетъ, что Ключни дало Григорію не только матеріальную поддержку, но и руководителя въ лицѣ Гильдебранда. Между тѣмъ, раннее пребываніе послѣдняго въ Ключни не засвидѣтельствовано съ достаточной точностью, даже вѣроятностью ²⁾, стало быть ключницы, вообще далекіе отъ вмѣшательства въ римскія дѣла, не могли и посылать его своимъ уполномоченнымъ. Что касается денежной поддержки, то тутъ Гфререръ создаетъ уже безъ всякихъ основаній гипотезу о „строительной казнѣ“, составленной изъ сборовъ для преобразовательныхъ цѣлей и давшей будто бы Григорію возможность расплатиться съ Бенедиктомъ. Зерномъ, изъ котораго выросъ этотъ плодъ неудержимой фантазіи нѣмецкаго изслѣдователя, является отрывокъ папской буллы, напечатанный у Манзи ³⁾, откуда его заимствовалъ Минъ ⁴⁾. Прежніе изслѣдователи, въ числѣ ихъ Яффе ⁵⁾ и Гизебрехтъ ⁶⁾, усматривали въ рассматриваемомъ документѣ посланіе папы Григорія VI, но Штейндорфъ ⁷⁾ возсталъ противъ общепринятаго мнѣнія, относя эту буллу ко времени Григорія VII. Выставленные имъ доводы убѣдили Гизебрехта ⁸⁾ и ученыхъ, занявшихся обработкой изданія Яффе ⁹⁾. Такимъ образомъ, догадка Штейндорфа вошла въ научный обиходъ. Однако, выставленные имъ доводы не имѣютъ рѣшающаго значенія и въ самой буллѣ есть указанія, не привлеченныя къ дѣлу. Въ виду того обстоятельства, что принадлежность посланія къ регистру Григорія VI или VII имѣетъ существенное значеніе для пополненія скудныхъ свѣдѣній о положеніи папства въ самомъ Римѣ, необходимо пересмотрѣть возбужденный Штейндорфомъ вопросъ.

Нѣмецкій изслѣдователь совершенно справедливо указываетъ, что сдѣланное буллою описаніе разграбленія церковныхъ имуществъ можетъ относиться и ко временамъ Григорія V и Григорія VII. Само по себѣ, слѣдовательно, оно не имѣетъ рѣшающаго значенія при разсмотрѣніи поставленнаго вопроса. Но уже Гфререръ ¹⁰⁾ ставилъ извѣстіе

¹⁾ Gfrörer VI, p. 494.

²⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1898, февраль, стр. 295.

³⁾ Mansi XIX, p. 611.

⁴⁾ Migne T. 142, p. 573—574.

⁵⁾ Jaffe Regesta № 3137.

⁶⁾ Giesebrecht II, p. 413.

⁷⁾ Steindorff I, p. 492—496.

⁸⁾ Giesebrecht II, p. 664.

⁹⁾ Regesta № 4916.

¹⁰⁾ Gfrörer VI, p. 497.

Вильгельма Мальмесбурійскаго ¹⁾ въ параллель съ показаніемъ буллы. Сообщение англійскаго хрониста, правда, заключаетъ въ себѣ черты явно недостоверныя, но въ немъ имѣется и зерно истины, такъ что Штейндорфъ впадаетъ въ ошибку, говоря, будто въ разказѣ Вильгельма нѣтъ „индивидуальныхъ“, годныхъ для изслѣдованія данныхъ. Сообщаемая Вильгельмомъ частность — походъ Генриха III противъ Лютичей, подтверждается свидѣтельствомъ Германа Разслабленнаго ²⁾; прозвище „*sanguinarius*“, данное, по Вильгельму, римскими баронами Григорію, находитъ соотвѣтствіе въ характеристикѣ „*Catalogus Escardi*“: „*fuit factus homo atrogum*“ ³⁾; напоминаніе о просвѣтительной дѣятельности и правахъ римской церкви, сдѣланное въ такихъ выраженіяхъ какъ: „*potum vobis fieri volumus*“,... мало подходитъ къ временамъ Григорія VII, когда эти права уже давно сдѣлались вновь общезвѣстными; еще неумѣстнѣе въ устахъ этого папы жалоба на то, что Римская церковь въ его время „*et in religione frigit et tergenas opes majori ex parte amisit*“: годы Александра II поставили достаточно высоко, не говоря уже о Львѣ IX Святомъ, „добрую славу“ папства, тогда какъ послѣ походовъ Бенедикта подобное сѣтованіе находитъ оправданіе въ недавно пережитыхъ скандалахъ. Наконецъ, послѣ дѣятельности Льва IX, Виктора II, самого Гильдебранда, опытнаго финансиста, трудно было бы назвать себя Григорію VII „*pec rebus quidem divites*“, тогда какъ именно богатство Гильдебранда вызывало нареканія его враговъ ⁴⁾. Немыслимо допустить также, чтобы обновленное папство довело до разрушенія храмъ св. Апостоловъ, что совершенно естественно во времена Бенедикта, жившаго въ свое удовольствіе и за постоянными смутами и неурядицами не могущаго ни накопить достаточно средствъ, ни заняться возобновленіемъ храма. Брошенное мимоходомъ замѣчаніе Бонитона ⁵⁾, что Григорій VI намѣревался употребить собранныя деньги на поправку храмовъ, слѣдовательно, въ этомъ ощущалось нужда, нельзя упускать изъ виду именно вслѣдствіе его случайности; да и булла является свидѣтельствомъ, что Григорій приступилъ къ осуществленію своего намѣренія. Приведен-

¹⁾ Willelmi Malmesburiensis Lib. II, § 201, p. 1183—1184.

²⁾ Herimanni p. 125.

³⁾ Gregorovius IV, p. 52.

⁴⁾ Bernaldi De damnatione scismaticorum, c. 11, p. 51; Venonis II, c. 11, p. 380; Cod. Ud. № 64, p. 194. Petri Grassi, p. 434. Venonis Lib. III c. 10 p. 626. См. также Замѣтки по исторіи полемической литературы XI вѣка, стр. 86.

⁵⁾ Bonithonis Lib. V, p. 628.

ныя соображенія кажутся достаточными для устранения мнѣнія Штейндорфа, тѣмъ болѣе что онъ не приводитъ положительныхъ доказательствъ въ свою пользу; опроверженія же его, въ виду выставленныхъ данныхъ, не охватываютъ всего содержанія буллы и сводятся ¹⁾ къ указанію чертъ, одинаково присущихъ, но мнѣнію Штейндорфа, и времени Григорія VII; слѣдовательно, на отлечія не обращено должнаго вниманія.

Установленіе принадлежности разсматриваемаго отрывка папѣ Григорію VI даетъ возможность пріобрѣсти точку опоры для разсмотрѣнія скудныхъ и отрывочныхъ данныхъ о дѣятельности этого папы. Несомнѣнно, что онъ засталъ римскую церковь въ самомъ жалкомъ положеніи: годы самоуправнаго владычества своекорыстныхъ бароновъ должны были сказаться въ расхищеніи достоянія св. Петра. И вотъ булла говоритъ ²⁾: „нѣкоторые императоры, короли и князья, равно какъ лица другихъ сословій, охваченные злополучной алчностью, не побоялись подвергнуться проклятію своей матери, св. римской церкви, захватили и расточили ея владѣнія, обративъ ихъ на собственные нужды. Отсюда возникли опустошенія, разбои, хищенія, направленныя противъ главы церкви, то-есть, блаженнаго Петра. Вотъ почему главный храмъ его и апостола Павла, извѣстный всему міру какъ хранилище мощей этихъ апостоловъ, привлекающій къ себѣ всѣ народы, уже, увы, о горе, грозитъ разрушеніемъ“. Вильгельмъ Мальмесбурійскій, писатель болѣе поздняго времени ³⁾, но имѣвшій возможность хорошо ознакомиться съ общимъ положеніемъ дѣлъ въ Римѣ, благодаря частымъ путешествіямъ туда англійскаго духовенства, говоритъ ⁴⁾, что Григорій VI въ началѣ своего понтификата нашелъ средства римской церкви настолько уменьшенными, что, кромѣ немногихъ городковъ, сосѣднихъ Риму, и приношеній вѣрныхъ, онъ почти ничего не имѣлъ для поддержанія своего существованія. Болѣе отдаленныя владѣнія были захвачены грабителями; самая дорога въ вѣчный городъ была переполнена разбойниками, которые не щадили никого, „такъ что только съ сильнымъ отрядомъ можно было безопасно совершать путешествіе. Богомольцы стали избѣгать опаснаго странствованія“, что, конечно, было равносильно умаленію доходовъ курій.

¹⁾ Steindorff I, p. 496.

²⁾ Migne 142, p. 574.

³⁾ Умеръ 1142 г. Wattenbach II, p. 519.

⁴⁾ Willelmi Malmesburiensis Lib. 11, § 201, p. 1183.

Справедливость показанія Вильгельма подтверждаетъ письмо Канута Великаго ¹⁾, въ которомъ сообщается, что „король выговорилъ для своихъ подданныхъ безопасность римскихъ богомоленій и освобожденіе отъ безчисленныхъ феодальныхъ поборовъ, взимаемыхъ владѣльцами земель, черезъ кои проходилъ путь въ Римъ. Разграбленіе же достоянія св. Петра“ было прекращено и права римской церкви восстановлены совокупными усилиями преемниковъ Григорія VI. Достаточно припомнить, что они сохраняли за собой свои прежнія епископскія кафедръ, чтобъ имѣть какой-либо вѣрный источникъ доходовъ.

Крайнему обѣднѣнію римской куріи, увеличенному безчисленными дареніями, расточаемыми папами, соувѣтствовало паденіе авторитета ихъ въ стѣнахъ вѣчнаго города. Римское духовенство стяжало себѣ громкую извѣстность своею продажною ²⁾, вело крайне распущенный образъ жизни ³⁾ и обыкновенно прибрѣтало свои саны путемъ симоніа.

„Въ средѣ римскихъ бароновъ царили безчисленныя распри, убійства и частныя войны, смуты и раздоры. Каждый, полагаясь на множество своихъ воиновъ и поддержку родственниковъ, похищалъ у римской церкви все, что могъ. Владѣнія римскаго престола растерзывали на безсчетное количество частей; для поддержанія покорности папа долженъ былъ раздавать деньги, иначе ему грозила постоянная опасность“ ⁴⁾. Убійцы расхаживали по улицамъ города и беспощадно грабили богомольцевъ, съ опасностію жизни прибывшихъ на поклоненіе гробницѣ апостоловъ. По живописному выраженію Вильгельма Мальмесбурійскаго ⁵⁾, „обнаженные мечи сверкали надъ мощами св. апостоловъ и мучениковъ и надъ святыней алтарей; едва положенныя приношенія вырывали изъ рукъ и обращали на пирушки и украшенія легкомысленныхъ женщинъ“. Это извѣстіе позднѣйшаго писателя подтверждается сообщеніями Бонитона по поводу насилій Ценція и злоупотребленій сторожей храма св. Петра ⁶⁾.

Такое положеніе дѣлъ опредѣлило ближайшія задачи Григорія VI: онъ стремится возобновить римскія святыни и возвратитъ церкви св.

¹⁾ Epistola Canuti regis ad gentem Anglorum. Mansi XIX p. 499 сл. Пребываніе Канута въ Римѣ относится къ 1027 г.

²⁾ Cosmae chronicon Bohemorum. Lib. II, с. 7, p. 71.

³⁾ Bonithonis Lib. V, p. 628.

⁴⁾ Widonis Ferrarensis Lib.

⁵⁾ Willelmi Malmesburiensis. Lib. II, § 201, p. 1183—1184.

⁶⁾ Bonithonis Lib. VII, p. 660—661, 665 и 674. О самовольствѣ и раздорахъ бароновъ см. также Annales Romani.

Петра ея отторгнутое достояніе. На призывъ папы откликается аскетически настроенное дворянство южной Франціи: отрывокъ буллы Григорія VI говоритъ ¹⁾, что богобоязненные клирики и очень многіе міряне рѣшили ежегодно жертвовать часть своего имущества на возобновленіе римскихъ храмовъ, „дабы Господь удостоилъ жертвователей соблюсти въ чистотѣ вѣру, исповѣданную при крещеніи, и уготовалъ бы имъ вѣчное блаженство“. Несравненно труднѣе было возстановить поземельныя владѣнія римской церкви. Здѣсь дѣятельность папы затрагивала множество самыхъ чувствительныхъ и взаимно перепутанныхъ интересовъ. Захваченное уже считалось какъ бы наследственной собственностью и разстаться съ нимъ римскіе бароны, не отличавшіеся особой религіозностью, не хотѣли изъ одного только страха передъ загробными муками и карой отлученія. Поэтому увѣщанія Григорія обречены были на поливѣйшую неудачу: его предложенія возвратить награбленное или доказать законнымъ порядкомъ свои права остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Религіозныя воззрѣнія ревнителей допускали, строго говоря, для папы лишь употребленіе духовнаго оружія. По началу папа пошелъ по обычному пути всѣхъ современныхъ соборовъ; онъ сталъ отлучать отъ церкви, но и эта мѣра не испугала привыкшихъ къ подобнымъ угрозамъ римлянъ: почти каждый соборъ, созванный папой, охранялъ анаемой свои постановленія; каждая дарственная церкви заканчивалась угрозами вѣчныхъ мукъ нарушителямъ. Постоянные захваты приучили не обращать на сулимую кару особаго вниманія. Нуженъ былъ не страхъ передъ загробными муками, отъ коихъ можно было отдѣлаться предсмертнымъ покаяніемъ и пожертвованіями, а сознаніе немедленной, земной опасности, стало быть необходимо было противъ насильниковъ прибѣгнуть къ грубой силѣ.

Обязанность отстаивать вооруженною рукой права церкви и ея достояніе лежала, по всеобщему убѣжденію, на свѣтской власти. Каждая церковь имѣла своего покровителя и защитника. Патрономъ римскаго престола былъ императоръ или германскій король, какъ „наследникъ императорской короны“. И вотъ Григорій, если вѣрить Вильгельму Мальмесбурійскому ²⁾, обращается къ Генриху III и послѣ его отказа въ немедленной помощи, обусловленнаго походомъ на Лютичей, самъ выступаетъ, подобно ветхозавѣтнымъ священникамъ,

¹⁾ Migne 142 p. 574.

²⁾ Lib. II, § 202 p. 1187.

противъ грабителей. Этотъ выходъ былъ опять-таки совершенно естественнымъ съ точки зрѣнія тогдашняго положенія дѣлъ: папство, не получая даже поддержки отъ германскаго правительства, вынуждено было для сохраненія своихъ владѣній выступать съ оружіемъ въ рукахъ, хотя и подвергало себя упрекамъ со стороны строгихъ ревнителей. Стоитъ припомнить борьбу Льва IX съ норманнами и осужденіе его похода Даміани.

Итакъ, слугитель Бога любви и прощенія, учитель мира, сдѣлался „человѣкомъ оружія“¹⁾). Въ высшей степени важно опредѣлить тѣхъ лицъ, кто вдохновлялъ новаго папу на открытую борьбу, кто изъ „подвижника“ сдѣлалъ практическаго дѣятеля. Трудно указать опредѣленное лицо; несомнѣнно, что на Григорія VI дѣйствовали общія традиціи римскаго престола, какъ извѣстно²⁾, не прекращавшіяся даже въ мрачныя времена Бенедикта IX. Носителемъ этихъ традицій была папская канцелярія, въ составѣ которой при Григоріи VI произошли нѣкоторые измѣненія³⁾: вмѣсто Сергія, „скрипиарія и нотарія св. латеранскаго палаціума“, выступаетъ Іоаннъ; обычай помѣчать будды, не бывшій въ употребленіи при Бенедиктѣ, восстановленъ Григоріемъ, при которомъ „Петръ, діаконъ, бібліотекаръ и канцеллярій св. апостольскаго престола“, помѣчаетъ дарственную каноникамъ флорентійской церкви и подтвержденіе владѣній монастыря въ честь св. Квинтина⁴⁾). Оба эти сановника продолжаютъ свою дѣятельность при Климентѣ II, слѣдовательно, сохраняютъ свое положеніе и послѣ паденія папы Григорія. Петръ же остается бібліотекаремъ и при папѣ Левѣ, когда только смерть положила конецъ его канцлерскимъ занятіямъ⁵⁾). Это обстоятельство показываетъ, что и Петръ и Іоаннъ были люди достойные, сторонники преобразованій, а потому ихъ вліяніе могло только усилить рвеніе самого папы. За отсутствіемъ данныхъ нѣтъ возможности болѣе опредѣленно обрисовать ихъ отношеніе къ Григорію VI и степень участія въ событіяхъ его кратковременнаго понтификата. Столь же недостаточны прямыя ука-

¹⁾ Catalogus Eccardi. Gregorovius IV, p. 52.

²⁾ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, февраль 1898 г., стр. 291.

³⁾ Jaffe Regesta Pontificum Romanorum I, p. 519 и 524.

⁴⁾ Ibid., p. 525.

⁵⁾ Jaffe I, p. 529. Петръ умеръ въ октябрѣ 1050 г., см. Chronicon Petri vivi p. 32. М. G. T. XXXI. Деларъ совершенно невѣрно отождествляетъ его съ префектомъ Петромъ (Delarc I, p. 130 и 141), тогда какъ замѣтки различаютъ ихъ. См. Jaffe I, № 4156 и Watterich I, p. 117.

ніа на положеніе, занятое Гильдебрандомъ при дворѣ его „учителя“, Іоанна Граціана. Источники сохранили лишь нѣсколько открывочныхъ и разрозненныхъ чертъ по этому поводу. Какъ извѣстно ¹⁾, Гильдебрандъ послѣдовалъ таинственнымъ указаніямъ свыше и, считая себя избранникомъ апостола Петра, остался въ вѣчномъ городѣ. Бенитонъ сообщаетъ ²⁾, что Гильдебрандъ былъ капелланомъ Іоанна Граціана, къ которому приблизился, „покинувъ свой монастырь“ ³⁾, слѣдовательно молодой монахъ связалъ свою судьбу съ участью Григорія VI еще до начала его понтификата. Дѣятельный, энергичный, не останавливающийся ни передъ чѣмъ для восстановленія попорченной истины, Гильдебрандъ долженъ былъ внести свою долю въ планы новаго папы и принять участіе въ ихъ осуществленіи. Сохранилось указаніе, замѣствованное изъ обличительнаго посланія антипапы Виберта, что Гильдебрандъ еще въ ранній періодъ своей жизни прибѣгалъ къ поступкамъ, несвойственнымъ и неподходящимъ для людей его званія. Такъ Видонъ Феррарскій ⁴⁾ сообщаетъ: „съ юныхъ лѣтъ (а ригео) Гильдебрандъ обнаруживалъ рвеніе къ земному воинству, постоянно занимался воинскими дѣлами, ибо, еще будучи молодымъ монахомъ, онъ собралъ на свои средства отрядъ воиновъ въ надеждѣ защитить и освободить римскую церковь“. Эти строки находятъ себѣ подтвержденіе въ свидѣтельствѣ современниковъ, показывающихъ, что Гильдебрандъ не разъ прибѣгалъ къ вооруженной силѣ и тѣмъ навлекалъ на себя порицанія ⁵⁾. Да и въ письмахъ Григорія VII не разъ высказывается ⁶⁾ готовность къ отставанію съ оружіемъ въ рукахъ „праваго дѣла“. Видонъ же Феррарскій въ подтвержденіе своихъ словъ ссылается на свидѣтельство всѣхъ современныхъ Гильдебранду римлянъ.

Итакъ, повидимому, Гильдебрандъ уже при Григоріи VI принимаетъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ насильниками, захватившими

¹⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, февраль 1898 г., стр. 298.

²⁾ *Benithonis Lib. V*, p. 630. *Ducange*, II, p. 119.

³⁾ *Benonis II*, c. 6 p. 377.

⁴⁾ *Widonis Ferrariensis Lib. II*, c. 2 p. 169.

⁵⁾ *Wenrici* c. 2 p. 286; *Petri Crassi* c. 4 p. 439; *Benonis I*, c. 2 p. 379; *Benzonis Lib. III*, c. 10 p. 626; *Walrami. Lib. II*, c. 2 p. 212. Ср. *Widonis I*, c. 2 p. 155.

⁶⁾ См. напримѣръ, *Ep. col. № 13*, p. 535 и *R. № 11*, p. 22. Гильдебрандъ козровождается борьбѣ сатаровъ съ вальвассорами, завоеванію Англіи, вооруженной рукой смиряетъ Бенедикта X и Кадала, равно какъ защищаетъ Римъ отъ Генриха.

достояніе римской церкви. Несомнѣнно, что эта борьба и преобразовательныя стремленія папы должны были возбудить сильнѣйшее недовольство какъ въ средѣ римской знати, такъ и среди римскаго духовенства, недовольство тѣмъ болѣе опасное, что часть населенія вѣчнаго города не приняла никакихъ клятвенныхъ обязательствъ передъ Иоанномъ Граціаномъ ¹⁾). Крутыя мѣры, кровопролитіе и примѣненіе насилія внушало, вдобавокъ, сомнѣнія ревнителямъ, руководившимся завѣтами св. отцовъ и каноническими постановленіями ²⁾). Идеалисты, мечтавшіе о полномъ отстраненіи церкви отъ мірскихъ дѣлъ, естественно не могли одобрительно смотрѣть на примѣненіе оружія папой: по ихъ глубочайшему убѣжденію, свѣтская власть въ лицѣ ея главы императора, должна была блюсти земные интересы церкви. Все настойчивѣе раздавались голоса, требующіе отъ германскаго короля энергичнаго вмѣшательства въ римскія дѣла; многіе не могли себѣ достаточно уяснить даже, кто былъ дѣйствительнымъ папой; ходили толки о трехъ „намѣстникахъ апостоловъ“, о расколѣ и соблазнѣ въ церкви.

Незвѣстный пустынный ³⁾ обратился къ Генриху съ просьбой, „расторгнуть, въ качествѣ намѣстника всемогущаго Бога, сомнительный бракъ, въ который вступила Суамита съ тремя мужьями“. Подъ вліяніемъ этихъ обращеній Генрихъ III не могъ оставить безъ вниманія происходящія въ Римѣ нестроенія, пагубныя для единства и блага всей церкви Христовой. Воспитанный въ духѣ преобразовательныхъ стремленій времени Генрихъ сознавалъ тяжкую отвѣтственность, тяготѣвшую надъ нимъ, какъ наслѣдникомъ императорской короны ⁴⁾), блюстителемъ единства и мира въ земномъ царствѣ божьемъ; онъ, въ виду обращенныхъ на него отовсюду взоровъ, возлагаемыхъ надеждъ и упованій, долженъ былъ поспѣшить выполненіемъ лежащаго на немъ долга,—возстановить поправныя предписанія каноновъ и освятить въ глазахъ всего христіанскаго міра свое вмѣшательство возложеніемъ на свою главу императорскаго вѣнца. Генрихъ III свято и ненарушимо соблюдалъ обѣтъ, данный въ порывѣ раскаянія Конрадомъ II, и не бралъ „ни единого обола за саны

¹⁾ Bonithonis Lib. V, p. 629.

²⁾ Widonis Lib. II, p. 169—170. Willelmi Malmesburiensis 201, p. 1185.

³⁾ Annalista Saxo p. 687. Annales Palidenses приписываютъ это обращеніе пустыннику Виагеру p. 68.

⁴⁾ „Rumanorum imperator in spe“. Rodulfi Glabri, Lib. V c. 1, p. 693.

церковные¹⁾. Его смущала загробная участь отца, запятнаннаго симоніей; онъ ставилъ въ связь съ нарушеніемъ каноническихъ предписаній различныя общественныя бѣдствія, голодъ, морь и войны²⁾. Онъ думалъ исторгнуть душу отца изъ адскихъ мукъ и устранить корень переживаемыхъ проявленій божественнаго гнѣва—искорененіемъ симоніи, столь ненавистной всѣмъ сторонникамъ преобразованій. Именно его вражда къ „симоновой ереси“ обусловила тѣ похвалы, какими его превозносятъ даже такой ярый папистъ, какъ Гумбертъ³⁾, прямо утверждающій, что Генрихъ жаждалъ вполне истребить симонію. Самыми изысканными одобреніями и восхваленіями за „усѣкновение многихъ главъ гидры симоновой ереси“ осыпаетъ⁴⁾ Генриха и Петръ Даміани. Въ этой враждѣ германскаго короля къ симоніи, въ его неуклонномъ служеніи правдѣ⁵⁾, стяжавшемъ ему прозваніе *Princeps iustitiae*, уже заключалось зловѣщее предзнаменованіе для папы Григорія. Дезидерій полагаетъ⁶⁾, что король съ самаго своего выступления въ римскій походъ рѣшилъ: устранить „всѣхъ трехъ несправедливо захватившихъ апостольскій престолъ, прибѣгнуть къ совѣту и авторитету собора и позаботиться о томъ, чтобы вмѣсто нихъ былъ избранъ клиромъ и народомъ, сообразно постановленіямъ св. отцовъ, единый пастырь Господняго стада“. Очень возможно, что эта догадка Дезидерія коренится въ участи, постигшей Бенедикта, Сильвестра и Григорія; другими словами рѣшенія сутрійскаго и римскаго соборовъ внушили монтекассинскому аббату мысль, что Генрихъ заранее предначерталъ свой образъ дѣйствій. По крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ послѣ своего прибытія въ Италію король ничѣмъ не обнаружилъ своихъ враждебныхъ намѣреній противъ Григорія; наоборотъ обращался съ нимъ какъ съ дѣйствительнымъ намѣстникомъ апостоловъ. По единогласному свидѣтельству источниковъ, Григорію былъ оказанъ Генрихомъ почетный приѣмъ въ Пиаченцѣ, куда папа прибылъ по приглашенію короля. Затѣмъ, незадолго до римскаго похода Генрихъ не обнаружилъ никакого недовольства обращеніемъ къ Григорію VI одного изъ самыхъ главныхъ ревнителей преобразованій

¹⁾ Wiponis Vita Chuonradi, с. 8, р. 263.

²⁾ Rodulfi Glabri Lib. V. с. 5, р. 697.

³⁾ Humberti Lib. III, с. 7, р. 206.

⁴⁾ Lib. Gratissimus с. 88, р. 71.

⁵⁾ Wiponis Vita Chuonradi Prologus, р. 255.

⁶⁾ Desiderii lib. 111, р. 1005.

Галинарда, извѣстнаго знатока каноновъ и монастырскихъ уставовъ ¹⁾). Галинардъ былъ избранъ клиромъ и народомъ въ архіепископы Лионскіе; этотъ выборъ получилъ одобреніе Генриха, предписавшаго, чтобы состоялось посвященіе. Однако, Галинардъ отказался, ссылаясь на свое монашеское званіе, принять санъ, разъ не получитъ разрѣшенія папы. „Іоаннъ Граціанъ“ приказалъ ему, въ силу своего перво-священническаго авторитета, исполнить просьбу клира и народа. Дальнѣйшее поведеніе Галинарда бросаетъ яркій свѣтъ на настроеніе умовъ современниковъ и обрисовываетъ образъ мыслей самого Генриха III. „По обычаю“, Галинардъ, вмѣстѣ съ посольствомъ избирателей и представителями викарныхъ епископовъ лионской епархіи прибылъ ко двору Генриха, который потребовалъ отъ вновь избраннаго архіепископа принесенія обычной присяги въ вѣрности. Галинардъ рѣшительно отказался, ссылаясь на запрещеніе Спасителя и предписаніе устава св. Бенедикта. Угрозы не подтвердить избраніе, предложеніе какъ нибудь обойти запрещеніе были отвергнуты Галинардомъ. Небывалая смѣлость произвела впечатлѣніе и на епископовъ; одни настаивали на исполненіи королевскаго требованія; другіе, именно епископы верхней Лотарингіи, очага канонически мыслящихъ ревнителей, поддерживали Галинарда; въ числѣ его сторонниковъ былъ и епископъ Тульскій, Брунонь, впоследствии папа Левъ IX. Въ концѣ концовъ Генрихъ III уступилъ и даже щедро одарилъ смѣлаго поборника каноническихъ предписаній. Да иначе и быть не могло: какой авторитетъ могъ противопоставить искренне и глубоко вѣрующій сынъ св. церкви—Генрихъ, ясно выраженному завѣту Спасителя? Германскій король былъ безсиленъ разрѣшить глубокое противорѣчіе между идеальными требованіями религіи и „обычаями“, созданными житейской дѣйствительностью. Нельзя было ему и закрывать глаза передъ этимъ противорѣчіемъ, въ особенности, когда на него настойательно указывали и вполне ясно раскрывали его неосновательность. Душою и сердцемъ Генрихъ раздѣлялъ всѣ идеалистическіе запросы времени, а потому и склонялся обыкновенно на сторону ревнителей, которые при немъ подняли голову и открыто заявляли свои стремленія. Такимъ образомъ, слѣдовало ожидать, что и въ дѣлѣ Григорія VI король поступитъ такъ, какъ ему укажутъ знатоки каноническихъ постановленій. Съ ихъ же образомъ мыслей знакомить въ достаточной степени исходъ дѣла равенскаго архіепископа Видгера. Назначенный Генри-

¹⁾ Chronicon S. Benigni Divionensis p. 235—237.

хомъ изъ кельнскихъ клириковъ ¹⁾. Видгеръ навлекъ своимъ поведениемъ недовольство ревнителей: Петръ Даміани прямо называетъ его ²⁾— „разбойникомъ“, „грабителемъ“, „насилникомъ“, „мужемъ язвоноснымъ“ и проситъ Генриха не внимать совѣтамъ „хищниковъ міра“ и поставить въ равенскую церковь добраго пастыря“. Недовольство Видгеромъ повлекло за собой рядъ обвиненій противъ него и закончилось разборомъ его дѣла на имперскомъ сеймѣ въ Ахенѣ. Главное обвиненіе заключалось въ томъ, что Видгеръ въ теченіе двухъ лѣтъ не получилъ епископскаго посвященія и все-таки позволялъ себѣ совершать богослуженіе въ далматикѣ и сандаліяхъ. Такая „дерзость“ вызвала особое негодованіе Генриха, но Видгеръ въ свое оправданіе сослался на „разрѣшеніе, дарованное авторитетомъ св. отцовъ пресвитерамъ равенской церкви“. Спрошенные по этому поводу епископы не дали дружнаго отвѣта: одни высказались за точку зрѣнія императора; другіе уклонялись отъ рѣшительнаго приговора. Между прочимъ, епископъ Люттихскій Вазонъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ и преподавателей каноновъ, указалъ, что нѣмецкіе епископы не должны судить итальянскаго прелата. Разгнѣванный Генрихъ потребовалъ, чтобы Вазонъ, „по долгу повиновенія королю“, высказалъ опредѣленное сужденіе. Подъ давленіемъ принужденія епископъ откровенно выразилъ свои взгляды: „Мы обязаны повиноваться папѣ и быть вѣрными королю. Мы отвѣтственны по мірскимъ дѣламъ передъ королемъ, передъ паной—во всемъ, что относится къ божественному служенію. Вотъ почему мое мнѣніе таково: проступки Видгера противъ церковныхъ уставовъ подлежатъ суду только папы. Если бы Видгеръ небрежно или вѣроломно отнесся къ мірскимъ порученіямъ короля, то, безъ сомнѣнія, король въ правѣ привлечь его къ отвѣтственности“. Остальные епископы согласились съ Вазономъ ³⁾, такъ что „никто не высказался бы за лишеніе Видгера сана, если бы онъ самъ не отдалъ добровольно Генриху посохъ и перстень“. Итакъ, идея неподсудности духовныхъ дѣлъ свѣтскому суду была рѣшительно выражена незадолго до Сутрійскаго собора въ присутствіи германскаго короля и прелатовъ. Она встрѣтила, по словамъ біографа Вазона, Ансельма, всеобщее сочувствіе епископовъ и „добровольный“ отказъ Видгера былъ, въ сущности, примиреніемъ объ-

¹⁾ Anselmi c. 58, p. 224. Herimanni Contracti p. 125.

²⁾ Petri Damiani Ep. Lib. VII, № 2, p. 438.

³⁾ Anselmi Lib. I, c. 58, p. 224.

нихъ точекъ зрѣнія. Правда, Штейндорфъ отдастъ ¹⁾ предпочтеніе краткому извѣстію Германа Разслабленнаго, по которому Генрихъ „лишилъ епископства“ еще не посвященнаго Видгера „за его безстыдныя и жестокия дѣянія“ ²⁾. Несомнѣнно, однако, что Германъ имѣетъ въ виду лишь исходъ дѣла, а потому и приписываетъ рѣшающій голосъ нравственному виновнику изложенія Видгера, не заботясь о юридической точности и не останавливаясь на подробностяхъ. Поэтому краткость и сжатость выраженной нѣмецкаго хрониста, склоннаго выдвигать на первый планъ своего короля, не подрываетъ достовѣрности болѣе обстоятельнаго разказа. Вдобавокъ, Штейндорфъ совершенно напрасно видитъ въ письмѣ Даміани подтвержденіе своимъ сомнѣніямъ въ полной точности сообщенія Ансельма: Петръ своимъ обращеніемъ желаетъ предупредить воздѣйствіе дурныхъ вліяній на Генриха, боится, что Видгеръ возвратится снова въ Равенну и тѣмъ самымъ показываетъ, что не считаетъ дѣло окончательно рѣшеннымъ. Если бы Генрихъ дѣйствовалъ такъ самовластно, какъ подаютъ поводъ думать краткая замѣтка Германа, то Даміани нечего было бы выступать съ своимъ письмомъ. Наоборотъ, „добровольное“ возвращеніе посоха и перстня подогрѣвало надежды Видгера и страха Петра ³⁾. Несомнѣнно также, что настойчивое желаніе короля добиться отъ Вазона опредѣленнаго отвѣта коренится въ пристрастіи Генриха къ выполненію каноническихъ предписаній и въ славѣ зватока каноновъ, какой пользовался епископъ Люттихскій.

Генрихъ, вообще, любилъ привлекать къ себѣ для совѣта и содѣйствія ревнителѣй и привыкъ слѣдовать обыкновенно ихъ указаніямъ. Такъ, прежде чѣмъ приступить къ проведенію преобразованій въ средѣ итальянскаго духовенства, король отправилъ къ аббату Помпозскаго монастыря Гвидону посольство съ просьбой, чтобы тотъ извѣстный поборникъ реформы оказалъ ему содѣйствіе. Правда, смерть помѣшала Гвидону исполнить желаніе Генриха, но вліятельный аббатъ оставилъ послѣ себя рядъ глубоко проникнутыхъ ненавистью къ современнымъ нестроеніямъ послѣдователей. Главною причиною золь они считали симонію, какъ показываетъ одинъ изъ самыхъ раннихъ памятниковъ публицистической литературы, возникшій въ кругахъ

¹⁾ Steindorff I, p. 297.

²⁾ Herimanni p. 126.

³⁾ Petri Damiani Ep. Lib., VII, № 2, p. 436.

⁴⁾ Vita Guidonis c. 14. Sackur II, p. 279.

преобразователей: помпозскій монахъ Гвидонъ написалъ обличительное посланіе ¹⁾ миланскому архіепископу, гдѣ возставалъ противъ симоніи, приводя выписки изъ твореній отцовъ и постановленій соборовъ съ цѣлью показать, что всякое лицо, замѣшанное въ пріобрѣтеніи духовнаго сана за деньги, подлежитъ карѣ. По убѣжденію Гвидона, молитвы симонистовъ-священнослужителей призывали на народъ гнѣвъ Божій, а не умоляли Создателя. А потому слѣдовало избѣгать богослуженій, совершаемыхъ симонистами, кто бы они ни были, дабы не навлечь на себя отлученіе за общеніе съ ними, тѣмъ болѣе, что они и „не священнослужители“. Апостоль Петръ осудилъ Симона за одну мысль купить за деньги даръ Божій, стало быть осужденіе простирается и на помышляющихъ, не говоря уже объ осуществляющихъ на дѣлѣ свои еретическія козни. Посланіе призываетъ къ окончательному искорененію симоніи всѣхъ вѣрныхъ Христу, если только они желаютъ имѣть часть съ Нимъ.

Такова была точка зрѣнія ревнителей, которыхъ самъ Генрихъ хотѣлъ привлечь къ себѣ въ сотрудники. Ясно, что возвышеніе Григорія VI, въ значительной степени деньгамъ обязаннаго саномъ римскаго епископа, должно было вызывать недоумѣнія и соблазнять всѣхъ противниковъ симоніи, понимаемой въ сколько-нибудь болѣе широкомъ смыслѣ. Даже въ письмѣ Петра Даміани, челоуѣка близкаго къ Помпозской обители проглядываетъ нѣкоторое разочарованіе и недоувѣріе къ Григорію VI ²⁾.

Необходимо имѣть въ виду, что Петръ Даміани, усматривавшій въ уничтоженіи симоніи залогъ осуществленія всѣхъ своихъ упованій на возстановленіе золотаго вѣка апостоловъ, стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Генриху III и былъ призванъ имъ въ сотрудники преобразовательной дѣятельности Климента II ³⁾. Съ враждебнымъ настроеніемъ Генриха противъ симоніи знакомить его рѣчь, произнесенная на первомъ соборѣ, созванномъ на итальянской почвѣ, въ Павіи. Здѣсь въ присутствіи 6 архіепископовъ и 34 епископовъ Германіи, Бургундіи и Италіи, равно какъ многочисленныхъ клириковъ и аббатовъ король самымъ рѣшительнымъ образомъ высказался противъ симоніи и обнародовалъ эдиктъ, воспрещающій подъ страхомъ

¹⁾ Libelli I, p. 5—7. См. Замѣтки по исторіи полемической литературы, стр. 3—4.

²⁾ Petri Damiani Ep. Lib. I, № 2, p. 206—207.

³⁾ Petri Damiani Ep. Lib. I, № 3, p. 207—208. Ср. Lib. VII, № 1 и 2 p. 433—436.

низложенія и анаемы продавать церковные саны; кара распростра- нялась „и на дающаго и на берущаго“¹⁾).

Вскорѣ послѣ павійскаго собора состоялось, какъ извѣстно, въ Пиаченцѣ личное свиданіе Григорія съ Генрихомъ²⁾. По свидѣтель- ству Бонитона король попросилъ папу выѣхать къ нему на встрѣчу и Григорій, „не чувствуя за собой ничего дурнаго“, исполнилъ эту просьбу. Ему былъ оказанъ приличный его сану почетный приемъ, объясняемый тѣмъ, что и сопровождавшіе Генриха епископы не счи- тали дѣломъ богобоязненнымъ осуждать безъ приговора какого-либо епископа, а тѣмъ болѣе папу. Дѣйствительно, открытое проявленіе неприязненныхъ отношеній къ Григорію знаменовало бы собой нару- шеніе каноническихъ предписаній объ осужденіи послѣ настоящаго разслѣдованія, стало бытъ Григорія до выясненія дѣла и должны были принимать всюду и всё, какъ законнаго намѣстника апостоловъ. Съ другой стороны, Генрихъ долженъ былъ считаться и съ римлянами: Григорій былъ ихъ избранникомъ, пользовался ихъ уваженіемъ за чи- стоту своей жизни, связалъ ихъ клятвенными обязательствами. Обык- новенно, германскіе короли съ оружіемъ въ рукахъ прокладывали себѣ путь къ вѣчному городу и возстанія римлянъ противъ иноземнаго вла- дычества была дѣломъ зауряднымъ. Генрихъ, какъ носитель идеи мира, какъ представитель божьяго царства, не долженъ былъ обострять отношеній. И онъ соблюдаетъ строгую постепенность. Медленно по- двигается король къ Риму, какъ бы вглядываясь въ настроеніе умовъ, какъ бы подготавливая ихъ къ предстоящимъ событіямъ: почти два мѣ- сяца прошли между пиаченской встрѣчей и сутрійскимъ соборомъ. Ген- рихъ еще разъ доказалъ, тѣмъ временемъ, что всецѣло стоитъ на точкѣ зрѣнія церковниковъ: онъ осыпалъ щедрыми дареніями обители и захватилъ для перенесенія въ Шпейеръ мощи новаго святаго, не- давно умершаго аббата Гвидона Цемпозскаго, прославившіяся многими чудесами³⁾. Набожное настроеніе короля, подготавливавшегося къ воз- ложенію императорской короны, которую и впоследствии онъ надѣ- валъ послѣ покаянія, исповѣди и даже бичеваній⁴⁾, неизбѣжно должно было усилиться подъ влияніемъ сильнаго землетрясенія, въ которомъ

¹⁾ Rodulfi Glabri Lib. V. c. 5 p. 697—698. Ср. Steindorff I. 309 — 310 и 497—500.

²⁾ Herimanni p. 126. Bonithonis, Lib. V p. 627. Arnulfi, Lib. III c. 8 p. 17.

³⁾ Herimanni p. 127. Vita Guidonis c. 15 и 16. Steindorff, I p. 312.

⁴⁾ Vita Annonis c. 6 p. 469.

усматривали одно изъ проявленій божественнаго гнѣва ¹⁾. Ужаснымъ опустошеніемъ, причиненнымъ землетрясеніемъ, какъ бы завершался рядъ бѣдствій, въ послѣднее время ежегодно терзавшихъ западную Европу. Естественно, что подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ указанія грознаго перста провидѣнія, всѣ должны были еще сильнѣе ощутить потребность въ восстановленіи погранныхъ завѣтовъ св. отцовъ. И вотъ Генрихъ проситъ папу созвать предатовъ на соборъ въ Сутри, недалеко отъ Рима. Ясно, что самый выборъ мѣста какъ бы обезпечивалъ свободу засѣданій и рѣшеній отъ давленія со стороны римлянъ, да и Генрихъ долженъ былъ чувствовать себя здѣсь сильнѣе, чѣмъ въ вѣчномъ городѣ.

Цѣлью собора было разсмотрѣніе вопроса о „трехъ папахъ, бывшихъ въ живыхъ“ ²⁾, вопроса, имѣвшаго огромное значеніе въ виду предстоящаго коронованія Генриха III. Нельзя было не задуматься: надъ тѣмъ, кто возложитъ на его главу вѣнецъ цезарей. Если за симонистами ревнители не признавали обладаніе благодатью, то какъ могъ Генрихъ принять императорскую діадему изъ рукъ, запятанныхъ нечистой издою? Всѣ три бывшіе на лицо „наслѣдники святаго Петра“, по мнѣнію ревнителей, не могли призвать на главу новаго императора благословеніе Божіе, а потому необходимо было уяснить, какъ поступить въ такомъ запутанномъ случаѣ. Единственнымъ авторитетомъ былъ соборъ, который, по мнѣнію Петра Даміани, не оставшемуся одинокимъ, пользовался авторитетомъ даже при рѣшеніи дѣлъ о римскомъ епископѣ. Итакъ, соборъ долженъ былъ пересмотрѣть права Бенедикта, Сильвестра и Григорія на тиару. Всѣ они получили призывную грамоту, но явились только два послѣднихъ.

Григорій, получивъ приглашеніе короля и епископовъ, возымѣлъ надежду ³⁾ на благоприятный для себя исходъ и, какъ говорили въ Римѣ впоследствии ⁴⁾, прибывъ въ Сутри съ императорской короной занялъ предсѣдательство на соборѣ ⁵⁾. Сильвестръ не считалъ для себя опаснымъ, въ виду обстоятельствъ своего возвышенія, явиться на приглашеніе, но Бенедиктъ, сознавая за собой множество проступ-

¹⁾ *Annales Corbeisenses* p. 6. *Annales s. Emmerammi* p. 576.

²⁾ *Annales Altahenses*, p. 803.

³⁾ *Desiderii Lib. III*, p. 1005.

⁴⁾ *Ottonis Chronicon*, *Lib. VI*, c. 32, p. 244. Ср. однако *De ordinando pontifice*, p. 13.

⁵⁾ *Leonis Lib. II*, c. 77, p. 682. *Bonithonis Lib. V*, p. 627.

ковъ и, опасаясь вполнѣ повятнаго недовольства Генриха ¹⁾, предпочелъ уклониться отъ исполненія призыва. На соборѣ, открытомъ Григоріемъ, пригласившимъ участниковъ занять свои мѣста, прежде всего было отсрочено разсмотрѣніе дѣла Бенедикта, такъ какъ каноны за-прещали осуждать заочно и онъ долженъ былъ получить тоекратно призывъ къ отвѣту. Строго говоря, это была простая формальность, такъ какъ Бенедиктъ самъ документально отказался отъ тиары. Но въ то время ходило воззрѣніе, по которому только смерть расторгала мистическій союзъ епископа съ церковью. Очень можетъ быть, что сторонники этого взгляда хотѣли имѣть неоспоримыя основанія для принятія окончательнаго рѣшенія, а потому и сослались на отсутствіе Бенедикта. При разсмотрѣніи дѣла Сильвестра выяснилось, что онъ прибѣгнулъ къ подкупу и насилію, хотя и самъ былъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ. Знатоки каноновъ должны были подчеркнуть и то обстоятельство, что Сильвестръ, будучи епископомъ сабинскимъ, захватилъ римскую кафедру, стало быть оказался какъ бы двоеженцемъ. Источники ²⁾ расходятся въ опредѣленія кары, постигшей Сильвестра: Бонитонъ говоритъ, что его присудили какъ узурпатора къ лишенію епископскаго и священническаго сана и пожизненному заключенію въ монастырь ³⁾. Кардиналъ Бенонъ утверждаетъ, что Сильвестру было разрѣшено отправиться въ свое епископство, такъ какъ выяснилось, что не личные происки, а насилія другихъ возвели его на апостольскій престолъ ⁴⁾. Не имѣя подъ руками изданія Ughelli Italia sasga, нельзя опредѣлить, съ какого момента сабинская кафедра сдѣлалась вакантною, а потому нельзя отдать предпочтеніе окончательно одному изъ извѣстій. Но въ пользу Бонитона говорить его бытность епископомъ сугрійскимъ: онъ могъ имѣть подъ рукой самые акты собора или слышать о его рѣшеніяхъ отъ современниковъ, очевидцевъ и участниковъ.

Оставалось разсмотрѣть, насколько основательны были права самого Григорія на тиару. Тутъ соборъ долженъ былъ идти противъ своего предсѣдателя, противъ идеи о полной неподсудности папства какой бы то ни было земной власти; противъ судьи нельзя было вы-

¹⁾ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1898 г. Февраль, стр. 291—293.

²⁾ Ср. Desiderii Lib. III p. 1004.

³⁾ Bonithonis Lib. V, p. 627.

⁴⁾ Venonis II c. 8 p. 378.

ступать ни свидѣтелемъ, ни обвинителемъ. Выходъ изъ затрудненія былъ найденъ въ просьбѣ, обращенной къ Григорію ¹⁾; отъ лица отцовъ собора ему предложили изложить, какъ произошло его избраніе. Будучи человѣкомъ искреннимъ Григорій разказалъ сущую правду, что собранными, благодаря чистой жизни и доброй славѣ, приношеніями богомольцевъ онъ думалъ возвратить клиру и народу избирательныя права, отнятыя у нихъ тиранніей патриціевъ. Богобоязненные мужи, выслушавъ эту исповѣдь, стали указывать Григорію, что онъ сдѣлался жертвой козней древняго врага, ибо „все продажное не можетъ быть святымъ“. „Прелщенный, по словамъ Бонитона ²⁾, вообще недобвольнаго поведеніемъ Григорія, этими и подобными увѣщаніями, папа подумалъ, что на него нисходитъ св. Духъ, и, сознавая, что имѣлъ не по разуму рвеніе божье, обратился къ собору съ такой рѣчью: „Братіе! призываю Бога во свидѣтели души моей, что я былъ твердо увѣренъ, будто за этотъ мой поступокъ получу отпущеніе грѣховъ и удостоюсь божественной благодати, но такъ какъ нынѣ познаю козни и ухищренія древняго врага, то посовѣтуйте, какъ мнѣ слѣдуетъ поступить“. Въ этой рѣчи сказывается весь Григорій, простодушный, чуждый житейской тонкости человѣкъ, глубоко воодушевленный стремленіемъ оказать содѣйствіе святой церкви и возстановить ея поправныя права. Онъ не останавливался передъ разсмотрѣніемъ подробностей принятаго рѣшенія, но, охваченный пришедшей или внушенной мыслью, ухватился за ея осуществленіе, какъ за дѣло богоугодное. Теперь передъ нимъ выяснилась несостоятельность его взгляда, и онъ, не задумываясь, не изворачиваясь, такъ же прямо отказывается отъ него, какъ настойчиво недавно шелъ къ выполненію своихъ расчетовъ. Но и епископы не могли выподвить просьбу Григорія, своего главы, плохо освѣдомленнаго о своихъ преимуществахъ, и они, вполнѣ послѣдовательно, придерживаясь каноническихъ предписаній, предложили папѣ „обдумать въ тайникѣ души своей свое дѣло и судить себя собственными устами“; „вѣдь лучше тебѣ жить здѣсь бѣднякомъ вмѣстѣ съ блаженнымъ Петромъ, изъ любви къ которому ты и поступилъ такъ, дабы быть богатымъ во вѣки, чѣмъ съ Симономъ магомъ, обманувшимъ тебя, блистать богатствомъ въ настоящемъ и погибнуть на вѣки“. Ясно, что Григорію было сдѣлано соотвѣтствующее указаніе, данъ былъ этимъ словами косвенный отвѣтъ на его вопросъ. „Услы-

¹⁾ Bonithonis, lib. V, p. 627.

²⁾ Bonithonis, lib. V, p. 628.

шавъ это, папа произнесъ надъ собой приговоръ въ такихъ выраженіяхъ: „Я, Григорій епископъ, рабъ рабовъ божьихъ, присуждаю себя къ удаленію съ римскаго епископства, потому что козни древняго врага закрались въ мое избраніе“. Вслѣдъ за этимъ самоосужденіемъ Григорій обратился къ собору съ вопросомъ, угодно ли это вамъ, на что получилъ отвѣтъ: „угодное тебѣ скрѣпляемъ и мы“. Такимъ образомъ папа до самаго конца остался вѣренъ самъ себѣ, своимъ безкорыстнымъ, искреннимъ побужденіямъ и предпочелъ потерять тиару, чѣмъ удерживать санъ, въ незаконности способа приобрѣтенія котораго убѣдился.

Сообщеніе Бонитона въ общемъ поддерживаютъ и другіе итальянскіе писатели и ревнители преобразованій, именно тѣ, которые нѣсколько подробнѣе говорятъ о постановленіяхъ сутрийскаго собора. Такъ, Деиздерій пишетъ ¹⁾, что „Григорій, послѣ обсуждения и рассмотрѣнія дѣла, призналъ, что не можетъ по справедливости занимать столь почетный санъ, а потому сошелъ съ папскаго сѣдалища, снялъ съ себя первосвященническое облаченіе, испросилъ прощеніе и сложилъ съ себя достоинство верховнаго священства“. Левъ Монтекассинскій ²⁾ сообщаетъ: „на соборѣ Григорій симонистъ, уличенный каноническими постановленіями, своей волею сошелъ съ своей кафедры, снялъ съ себя епископскую митру и, простершись ницъ, смиренно просилъ прощенія за захваченный и купленный почетный санъ“. Бернольдъ ³⁾ говоритъ, что Григорій „не неохотно сложилъ съ себя папскія обязанности“, и считаетъ его низложеніе противнымъ канонамъ, вызваннымъ не какою либо его виною, но простымъ смиреніемъ. Однако, большинство извѣстій ставятъ рѣшеніе на каноническую почву ⁴⁾ и говорятъ о низложеніи Григорія въ общихъ выраженіяхъ. По канонамъ, онъ какъ симонистъ подлежалъ отлученію, равно какъ и продавшій ему тиару Бенедиктъ. Этимъ объясняются извѣстія объ анаемѣ, произнесенной и надъ тускуланскимъ папой на сутрийскомъ соборѣ ⁵⁾. Нѣтъ никакихъ

¹⁾ Desiderii, Lib. III, p. 1005.

²⁾ Leonis, Lib. II, c. 77, p. 682.

³⁾ Bernoldi Chronicon, p. 425.

⁴⁾ Annales Romani: „canonice et juste judicando“, p. 469. „Justo iudicio“. Benzonis, Lib. VII c. 2 p. 670. Sigiberti „canonica et imperiali censura“, p. 358, „examinata culpa“ Chronicon S. Benigni p. 237; „causaque erroneorum pontificum diligentius ventilata“ Herimanni p. 126; „secundum instituta canonum“ Annales Corbeienses p. 6 Benonis II c. 2 p. 378.

⁵⁾ Annales Romani, p. 469.

основаній относиться съ крайнимъ недоумѣремъ къ этимъ сообщеніямъ о самоосужденіи Григорія и выдвигать на первый планъ Генриха, какъ судью папы. Мірянинъ, по канонамъ, не могъ быть вершителемъ судьбы епископа, тѣмъ болѣе римскаго первосвященника. Яффе ¹⁾, Ширмеръ ²⁾, Штейндорфъ ³⁾ отвергаютъ извѣстіе Бонитона и отдаютъ предпочтеніе краткимъ замѣткамъ далекихъ по мѣсту нѣмецкихъ лѣтописцевъ, не чуждыхъ, подобно и современнымъ своимъ соотечественникамъ, стремленія преувеличить вліяніе и могущество своего государя. Въ сущности между разказомъ италіанскихъ писателей и замѣткой, напримѣръ, Германна Разслабленнаго ⁴⁾, говорящаго, что „императоръ (?) отобралъ *послѣ тщательнаго разслѣдованія*, у уличеннаго Григорія посохъ и перстень“ нѣтъ непримиримаго противорѣчія. Стало быть, и по главной опорѣ Штейндорфа разслѣдованіе и уличеніе предшествовали лишенію знаковъ епископскаго сана. Да и кому же долженъ былъ отдать ихъ Григорій, бывшій доселѣ признаннымъ папой и предсѣдателемъ собора, какъ не будущему императору, защитнику и охранителю мира и единства въ церкви? Краткость выраженій Германна и тутъ вводитъ въ неточное пониманіе. Германнъ имѣетъ въ виду исходъ собора, и считая короля виновникомъ, хотя бы и косвеннымъ, созванія собора, отводитъ ему, повидимому, рѣшающую роль. Но нельзя основываться на отдѣльныхъ выраженіяхъ, быть можетъ понимаемыхъ лѣтописцемъ въ болѣе частномъ смыслѣ. Вѣдь не думалъ же Германнъ, что его бѣглая замѣтка охватываетъ все происходившее на соборѣ. Кромѣ того, Корвейскіе анналы, которымъ Штейндорфъ и другіе изслѣдователи отводятъ первое мѣсто по точности, не говорятъ ничего о низложеніи Григорія королемъ: они только упоминаютъ, что соборъ состоялся въ присутствіи Генриха и прямо говорятъ, что низложеніе состоялось „сообразно каноническимъ постановленіямъ“ ⁵⁾. Далѣе, Яффе усматриваетъ сходство въ разказѣ Бонитона о сутрійскомъ соборѣ съ сообщеніемъ о низложеніи папы Марцелліана, приводимомъ епископомъ сутрійскимъ въ другомъ сочиненіи ⁶⁾. Это сходство подаетъ Яффе основаніе думать, что Бонитонъ выдумалъ подробности сутрійскаго собора, перенеся дѣйствіе изъ

¹⁾ Bibliotheca rerum germanicarum II, p. 594.

²⁾ Schirmer p. 13—26.

³⁾ Steindorff I p. 500—506.

⁴⁾ Herimanni, p. 126.

⁵⁾ Annales Corbeienses, p. 6.

⁶⁾ Jaffe, p. 598.

четвертаго вѣка въ половину одиннадцатаго. Но сличеніе текстовъ не устанавливаетъ особеннаго сходства, которое замѣчается лишь въ нѣсколькихъ терминахъ, вошедшихъ въ обиходъ при церковномъ судопроизводствѣ. Конечно, отсюда нельзя вывести никакихъ заключеній въ духѣ Яффе, такъ какъ именно техническія выраженія отличаются крайней живучестью, въ особенности, когда разказъ ведется на томъ же латинскомъ языкѣ и рѣчь идетъ о приблизительно подобныхъ событіяхъ. Словомъ, если принять во вниманіе преданность Генриха каноническимъ предписаніямъ, неподсудность палъ, укрѣпившуюся въ сознаніи уже нѣсколько вѣковъ назадъ, общее положеніе дѣлъ и характеръ Григорія VI, то разказъ Бонитона едва-ли покажется „образцовымъ произведеніемъ живыхъ дѣлъ мастера“.

Самонизложеніе Григорія не устраняло, однако, всѣхъ препятствій и затрудненій: клятвенное обязательство римлянъ не признавать никого папой при его жизни оставалось въ полной силѣ и для безопасности своего дѣла, для устраненія поводовъ къ неурядицамъ и раздорамъ Генриху необходимо было устранять бывшего папу съ общественнаго поприща. И вотъ, Бенонъ говоритъ ¹⁾, что „король взялъ Григорія подъ стражу, а затѣмъ увелъ въ изгнаніе“ ²⁾. Бонитонъ сообщаетъ ³⁾, что вмѣстѣ съ „достопочтеннымъ Іоанномъ отправился въ Германію и боголюбезный Гильдебрандъ, желая соблюсти уваженіе передъ своимъ господиномъ, у котораго былъ раньше капелланомъ“. Наоборотъ, Бенонъ утверждаетъ, что осужденіе Григорія распространялось и на его ученика. Последнее извѣстіе находитъ поддержку въ свидѣтельствѣ самого Гильдебранда, всевародно заявившаго ⁴⁾, что онъ „неохотно отправился за горы вмѣстѣ съ государемъ папою Григоріемъ“. Чѣмъ же объясняется это „невольное путешествіе“, эта ссылка? Несомнѣнно тѣмъ, что Генрихъ, уже знавшій крайніе взгляды Гильдебранда, нашелъ его дальнѣйшее пребываніе въ Италіи для себя неудобнымъ, стало быть призналъ, что Гильдебрандъ приложилъ свои теоретическія воззрѣнія къ дѣлу и принималъ участіе въ событіяхъ послѣдняго времени. Молодой монахъ, вождь ополченія для защиты достоянія св. Петра, имѣвшій довольно широкія связи въ Римѣ, преданный Григорію VI, также могъ на-

¹⁾ Benonis, II, с. 8, р. 378.

²⁾ Ср. Leonis, II, с. 78, р. 688. *Historiae Farfenses* с. 25, р. 573. *Catalogus*, р. 270.

³⁾ Bonithonis, Lib., V, р. 630.

⁴⁾ R. VII, № 14а, р. 401.

дѣлать Генриху много хлопотъ, тѣмъ болѣе, что власть императоровъ въ вѣчномъ городѣ всегда покоилась на крайне зыбкой почвѣ и самъ Генрихъ не располагалъ достаточными средствами даже для обузданія Бенедикта IX. Вдобавокъ, Гильдебрандъ, не отличавшійся простодушіемъ Григорія VI, долженъ былъ отнестись вполне отрицательно къ постановленію сутрійскаго собора. Онъ твердо усвоилъ себѣ правило, что ради блага св. римской церкви можно поступиться и личной надеждой на спасеніе. Григорій VI все-таки въ концѣ концовъ поставилъ собственное загробное блаженство выше „правъ апостольскаго престола“. Гильдебрандъ и не думалъ признавать его отреченіе: несомнѣнно, что Гильдебрандъ, какъ „римскій монахъ“, какъ капелланъ Григорія VI, прекрасно зналъ объ обстоятельствахъ его избранія, но онъ не выражаетъ нигдѣ своего неодобренія несслыханной сдѣлкѣ и даже высказываетъ свое сочувствіе ея виновнику, называя его „государемъ своимъ папою Григоріемъ“, передъ всѣмъ христіанскимъ міромъ обращаясь съ торжественною мольбой къ апостоламъ, „помочь ему сказать сущую правду, устранивъ всякую ложь“. Слѣдовательно, по глубочайшему убѣжденію Гильдебранда, Григорій оставался законнымъ намѣстникомъ св. Петра. Да и самое имя, принятое великимъ папою вѣдѣній, показываетъ, что сочувствіе его лежало на сторонѣ Іоанна Граціана ¹⁾, сотрудничество которому оставило замѣтные слѣды въ приемахъ знаменитаго архидіакона: подобно своему „учителю“, онъ опирается на мощную силу денегъ и пускаетъ въ ходъ при случаѣ это страшное средство воздѣйствія на слабодушныхъ и алчныхъ. Мечъ также служитъ ему надежнымъ подспорьемъ наравнѣ съ отлученіемъ и клятвенными обязательствами въ вѣрности папѣ и папству. Наконецъ, „цѣль оправдываетъ средства“, основное положеніе Григорія VII, явственно выступаетъ и въ дни его несчастнаго тезки.

Правда, Гильдебрандъ дѣйствовалъ на болѣе обширномъ поприщѣ, зналъ дни величія и славы, бывалъ близокъ къ побѣдѣ, но въ судьбѣ салернскаго изгнанника проглядываетъ скорбное совпаденіе съ участью его учителя. Однако, его труды не погибли даромъ: онъ все-таки вырвалъ церковь изъ цѣпкихъ объятій феодальнаго міра и отстоялъ ея свободу. Послѣ же сутрійскаго собора, послѣ крушенія первой попытки папства отстоять свои права путемъ самопомощи, положеніе дѣлъ сулило только осложненія и неурядицы: церковь утратила ду-

¹⁾ Ср. Ottonis Chronicon Lib., VI, c. 32, p. 244.

ховнаго главу и не имѣла свѣтскаго; получилось небывалое явленіе: одновременное отсутствіе и папы и императора въ земномъ царствѣ божьемъ. Теперь Генрихъ III долженъ былъ приложить всѣ усилія, чтобъ устранить затрудненія, созданныя паденіемъ Григорія VI. Но несмотря на неудачу, постигшую начинанія Іоанна Граціана, его кратковременное управленіе „апостольскимъ престоломъ“ произвело сильное вліяніе на послѣдующія событія: оно опредѣлило ближайшія задачи папъ — возстановленіе власти „намѣстниковъ св. Петра“ въ стѣнахъ вѣчнаго города, возвращеніе разграбленнаго „имущества св. Петра“ его настоящему владѣльцу, преобразование порядковъ, царившихъ при замѣщеніи „каедръ князя Апостоловъ“, и реформа церкви, въ связи съ обновленіемъ состава римскаго духовенства—вотъ цѣли, намѣченныя папству Григоріемъ VI и пережитыя имъ превратностями. Сутрійскій же соборъ далъ толчекъ умственному броженію, направленному на уясненіе взаимныхъ отношеній властей, и долженъ былъ оставить глубокіе слѣды въ „ученикѣ Іоанна Граціана“ Гильдебрандѣ, породивъ въ немъ рядъ новыхъ идей и поставивъ въ обстановку, чрезвычайно благоприятную для дальнѣйшаго и разносторонняго развитія его дарованій.

А. Блазгинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МАЛОИЗВѢСТНЫЯ ЗАПИСКИ О КАЗАНСКИХЪ ПОХОДАХЪ 1550 И 1552 ГОДА ¹⁾.

Просматривая рукописи, вмѣющія какое либо отношеніе къ такъ называемому казанскому лѣтописцу („Исторія о Казанскомъ царствѣ неизвѣстнаго сочинителя XVI вѣка“. С.-Пб. 1791 г.), я остановился невольно на однихъ запискахъ, разказывающихъ о двухъ походахъ царя Іоанна Васильевича подъ Казань, въ 1550 г. и въ 1552 г.

Записки эти находятся въ рукописи Императорской Публичной бібліотеки (Q. XVII, 64), куда рукопись поступила изъ бібліотеки гр. А. Ѳ. Толстого. На стр. 256 „Обстоятельнаго описанія славяно-русскихъ рукописей гр. А. Ѳ. Толстова (М. 1825. Издали К. Калайдовичъ и П. Строевъ)“ читаемъ: „Отд. II, № 68. Рукопись, написанная полууставомъ, къ скорописи подходящимъ, архимандритомъ Новоспасскаго монастыря Нифонтомъ (съ 1554 г. бывшаго епископомъ сарскимъ и подонскимъ) и по его завѣщанію данная вкладомъ въ Волоколамскій Іосифовъ монастырь; на 356 лл.“

Внизу этой рукописи по листамъ идетъ запись. Такъ какъ она не помѣщена въ „Обстоятельномъ описаніи“, то мы ее приводимъ здѣсь въ ея теперешнемъ видѣ: „(1-й л. ²⁾) и писмо его (л. 2) а писа самъ ахимаѣри оу сѣса на крѣтица (л. 3) а ѡбѣщася хѡ сию книгѣ дѣ во ѡсяѣѣ монастырь (л. 4) и кѣ преставлю ѡ бѣга рѣ іса хѣ далѣ сію (л. 5) книгѣ во ѡсяѣѣ манастъ и тѣ мою (л. 6) грѣшнѣю дѣшѣ поманѣли“.

Рукопись эта представляетъ сборникъ нѣсколькихъ рукописей, какъ можно видѣть изъ счета тетрадей, который идетъ внизу по ли-

¹⁾ Читано въ Императорскомъ Обществѣ Любителей древней Письменности 20-го марта 1898 г.

²⁾ Нумерація позднѣйшая.

стамъ и въ каждой рукописи особый, равно какъ и почеркъ рукописей. Но что сборникъ этотъ составленъ давно, на это указываютъ давніе знаки сырости, ровно лежащіе на листахъ смежныхъ рукописей ¹⁾.

Записки о казанскихъ походахъ небольшія, съ л. 99 по 105, писаны сравнительно крупною скорописью не позже начала XVII вѣка.

Какъ можно видѣть, „Записки“ раздѣляются на двѣ части: 1) разказъ о походѣ 1550 г. и 2) разказъ о походѣ 1552 г. и взятіи Казани; и тотъ и другой представляютъ нѣчто законченное, особенно первый разказъ. (Кромѣ этихъ разказовъ, на л. 350 об. начать снова разказъ о взятіи Казани, буквально сходный съ вторымъ разказомъ „Записокъ“. Онъ кончается (л. 351) словами: „Сентября в 6 день. Царь государь великіи князь посла воеводъ своихъ к Арску, князя Олександра Борисовича Горбатого да князя Семена Ивановича Микулинскаго“. По счету тетрадей видно, что этотъ начатый разказъ находится не въ той рукописи, гдѣ помѣщаются „Записки“.

Вотъ содержаніе „Записокъ“.

Первый разказъ (л. 99—102). „В лѣто 7058 всея Руси в. кн. Иоанъ Василевичъ zelo оскорбися отъ насилія агарянскихъ чадъ, отъ казанскихъ татаръ, что преже его возраста повоюваша грады украинныя—бѣ же тогда самъ 19-мъ лѣтомъ возраста своего—, и поиде самъ со многими людьми на Казань“. Казанцы еще равьше условились съ крымскимъ царемъ, чтобы онъ напалъ на Русь, какъ только русскій царь пойдетъ подъ Казань, и начали великаго князя „облыгати“, обѣщая покориться, если онъ, великій князь, самъ придетъ. Состоялся походъ. Когда царь пришелъ во градъ Володимерь, „иже бысть преже столныи градъ, и видѣвъ его запустѣніе и престоломъ обетщаніе и во всемъ небрегома, и zelo оскорбися, яко прадедъніи грады столныи в такомъ небреженіи; и посла на Москву къ преосвящ. Макарію митр. всея Руси Андрѣя Александровича Квашнина, и посла с нимъ с великимъ смиреніемъ и моленіемъ, еже бы ѣхалъ во градъ Володимерь и обновилъ обетшанныя престолы. Митрополитъ же, прочеть посланіе, ни мало коснѣвъ и взя образъ Пречистыя писма Петра чудотворца да изъ монастыря Симонова крестъ—животрящее древо, да из Ондроникова образъ Спасовъ Нерукотворенныи и повелѣ с собою ѣхати епископу Сарскому Саве, а на Мо-

¹⁾ На это обстоятельство мое вниманіе весьма обязательно обратилъ Ив. Ае. Бычковъ, за что я ему очень благодаренъ.

сквѣ бѣстави архиеп. Ростовскаго Никанора да Тверскаго еп. Акакия. А егда же приѣхалъ митрополитъ за семь верстъ до Владимира, тутъ же и суждалскіи епископъ приѣхалъ Трифанъ; и царь кн. вел. прислалъ къ митрополиту боярина своего князя Петра Михайловича Щенятева, съ челобитемъ и о здраве спросити. И митрополитъ послалъ ко царю и в. кн. епископа Саву, съ благословеніемъ и съ челобитемъ. И царь и в. кн. повелѣ епископу Саве престолъ украсити Пречистыя въ соборной церкви. А егда митрополитъ двигся съ стану, тогда встрѣтилъ его братъ вел. кн. князь Юри Василевичъ, з бояры и со многими людьми. А егда митрополитъ бысть близъ града, и царь князь великіи велѣлъ епископу Саве и всему священному собору со кресты и с образы в стрѣчу пойти, а самъ с ними же поиде и вышедъ изъ града конецъ мосту. А митрополитъ и суждалскіи епископъ тутъ же придоша со образы иже с нимъ; а изъ девича монатыря принесоша игуменія съ старицами образъ Пречистыя, и пѣша молебны“. На слѣдующій день былъ крестный ходъ вокругъ города. Между тѣмъ подошелъ праздникъ Крещенія. „Царь в. кн. съ митрополитомъ на водѣ былъ“. „На заутриа Крещенія“, послѣ молебна, царь взялъ благословеніе у митрополита и „у всего собора“, благословлено было и войско, „и поидоша на Казань“. И взялъ царь съ собой спасскаго архимандрита Нифонта и воздвиженскаго игумена Сергія „со крестомъ“. Когда пришли подъ Казань, то встрѣтили отчаянное сопротивленіе со стороны казанцевъ („все захотѣша бьючися умрети“). Видя отчаяніе и ожесточеніе непріятелей, царь „умаше свои воинство: не тако, рече, съ отчаянными и жадающихъ смерти братьсы, но смотря времени и повелѣнія ждати, и многихъ молодыхъ ненаученыхъ, братьсы усердныхъ избави отъ напрасныя смерти“. А между тѣмъ въ русской землѣ, не получая вѣстей отъ государя, всѣ были въ великой печали и скорби и „все, воздыхся, со слезами моляшся, дабы государь здравъ пришелъ, а митрополитъ со владыками по вся дни пѣли молебны соборомъ“. Въ приступѣ ко граду русскіе „многа зла сотвориша, изъ пушекъ и изъ пищадей многихъ побиша и царевича убиша и остроги поймаша по лѣсемъ“. Изъ русскихъ лишь нѣкоторые изъ „мелкихъ людей“ были убиты и ранены, „а большія люди, дакъ Богъ, всѣ здрави отидоша“. Видя упорное сопротивленіе казанцевъ, православный царь и великій князь началъ совѣтоваться съ боярами и воеводами „глаголюще: аще ударити на нихъ вскоре, многимъ людямъ ўтеря будетъ со отчаянными битися, а ждати над ними время, ино рекою нелзѣ людямъ

отвести — уже бо река Волга отъ дождевнаго снитія zelo наводнишася — и совещаша з бояры еже отступати и люди отвести“. На обратномъ пути, „егда поведе рекою Волгою назадъ, не яко царь учинися, но яко чадолюбивын отецъ, всѣхъ людей брѣгоша самъ, а егда кто отъ глада изнеможе, онъ же повелѣ ихъ отъ своего корму питати; тако же и отъ мраза изнемогшихъ повелѣ брещи. А сторожевому воеводѣ приказано на крепко еже бы никаковъ челоувѣкъ не изгибъ; и тако выведе всѣхъ людей здорово. И бысть всѣмъ православ. христоненитымъ радость неизреченная и воздающе славу Христу Богу нашему, пречистой Его матери и святымъ вел. чудотворцамъ, а царю и вел. князю всея Руси самодержьцу хвалу воздавающе“.

Второй разказъ начинается такъ: „Лѣта 7060-го августа в 13 день на память преподобнаго отца нашего Максима Исповѣдника пришелъ царь государь в. кн. Иванъ к своей отчине к новому граду Свяжскому. Того же мѣсяца въ 20 день, в четвергъ, по Оспожине дни царь государь в. кн. перевезся Волгу на луговую сторону противъ города новаго Свяжскаго. Того же мѣсяца в 23 день. Царь государь в. кн. приде подъ городъ подъ Казань, во вторникъ, и ста шатры подъ городомъ в лоску, обь страну города Казани, отъ Волги. Того же мѣсяца в 25 день. Царь государь в. кн. повелѣ обступати градъ Казань. И обступиша градъ, и прикатиша туры со всѣ страны града, и прикатиша пушки, и поставиша башню велику протавъ Арьскихъ воротъ, выше города Казани, и уготовиша на ней пушки и пищали, и биша з башни день и ночь безпрестани“. Далѣе разказъ „Записокъ“ и разказъ Отрывка лѣтописи сходны (см. VI т. П. С. Р. Л., стр. 307, 309—313), только въ нашемъ разказѣ нѣтъ посланія митрополита къ царю (П. С. Р. Л., VI т., стр. 308—309), нѣтъ молитвъ царя предъ иконой Богоматери, Петра чудотворца, Сергія, словъ къ духовенству (ib., VI, 311) и вообще замѣтно меньше риторическихъ украшений. Кромѣ того, въ разказѣ „Записокъ“ есть нѣкоторыя мелкія, но характерныя подробности, которыя указаны ниже. Кончается второй разказъ такъ: „и тако царь в. кн. отдохнувъ отъ труда своего и утеръ поту лица своего, и похвалѣ войско свое, возвратися с великою победою, благодаря истиннаго Бога, толику дав(шаго) ему побѣду на противныхъ ему, и возрадовася радостію великою zelo. И въскоре вѣсть посылаетъ великой княгине и къ брату своему князю Юрью Василевичю боярина своего Данила Романовича Юрьева, тако же къ митрополиту и къ всѣмъ владыкамъ: Царь государь в. кн. Иванъ Василевичъ всея Русии здравствуетъ и отчину свою казанскую землю

взялъ с великою победою и трудомъ, Богу нашему слава и присво и в вѣки вѣкомъ аминь“.

Сравнивая содержаніе перваго разказа „Записокъ“ съ тѣмъ, что имѣется о походѣ 1550 г. въ Царственной книгѣ (стр. 153—158), Никоновской лѣтописи („Русск. лѣтопись по Никонову списку, изд. Имп. Ак. Н., ч. VII по 1598 г.; до преставленія царя Феод. Ив. Въ С.-Пб. при Имп. Ак. Н. 1791 г.“, стр. 66—69), и „Исторіей“ Курбскаго (изд. 3-е. С.-Пб. 1868 г., стр. 12—в. кратко), можно замѣтить, что ни въ одномъ изъ указанныхъ источниковъ нѣтъ даже и упоминанія объ обновленіи церковей града Владимира, во время похода 1550 г., равно какъ и подробностей разказа о приѣздѣ митрополита во Владимиръ и другихъ мелкихъ особенностей.

Что касается 2-й части „Записокъ“, разказа о походѣ на Казань въ 1552 г. и взятіи Казани, то эта часть замѣчательна тѣмъ, что мѣстами представляетъ буквальное сходство съ тѣми частями „Отрывка русской лѣтописи“, напечатаннаго въ VI т. П. С. Р. Л., стр. 277—315, который носятъ названія (стр. 306—309): „Сказаніе о великого князя хоженія, православнаго царя, како поиде изъ Свѣяжского города на Казанского царя Едигеря, Касымъ Салтанова сына“ и (стр. 309—314) „О казанскомъ взятіи, како взята бысть Казань, бесерменскій градъ, благовѣрнымъ государемъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всеа Русіи“¹⁾.

Въ какомъ же отношеніи находятся „Записки“ къ Отрывку русской лѣтописи и Царственной книги²⁾? Не есть ли „Записки“ только сокращеніе, экстрактъ ихъ³⁾?

1) Что касается содержанія 1-го разказа, то его вовсе не находимъ въ Отрывкѣ русской лѣтописи. 2) Какъ можно видѣть при сличеніи, 1-й и 2-й разказы не представляютъ экстракта и соответствующихъ мѣстъ Царственной книги. (Приблизительно болѣе или менѣе близкими мѣстами изъ Царственной книги оказываются: по отношенію къ 1-му разказу, стр. 153—154, 155, 156—157, 159; по отно-

¹⁾ Во 2-й ч. „Записокъ“ имѣется также заглавіе: „Ѡ взятіи казанск. како взата въ казань благовѣрнымъ царемъ великимъ княземъ Васильевичемъ всеа русіи гдара самодѣльца“ (л. 102 об.).

²⁾ Русская лѣтопись по Никонову списку, изд. 1791 г. (стр. 66—68)—Царств. кн. (стр. 153—158), съ незначительными вариантами.

³⁾ Объ „Исторіи“ Курбскаго и „Исторіи о Казанскомъ царствѣ неизвѣстнаго сочинителя XVI в. С.-Пб. 1791“ не говорю; разница слишкомъ очевидна.

шенію ко 2-му разказу, стр. 269, 270, 271, 273, 290, 291, 292—296, *passim*. Далѣе разказъ „Записокъ“ и Царственной книги расходятся настолько, что можно замѣтить лишь весьма отдаленное сходство дѣйствиій, но не разказа). 3) Что же касается Отрывка русской лѣтописи, то первое, что бросается въ глаза даже при бѣгломъ сравненіи 2-го разказа и Отрывка лѣтописи,—это, что онъ, какъ раньше сказано, сходенъ съ Отрывкомъ, мѣстами буквально, но при этомъ Отрывокъ лѣтописи отличается риторическими амплификаціями и гораздо большимъ объемомъ, зависящимъ, между прочимъ, и отъ большаго количества источниковъ, наприѣръ, на стр. 308—309 въ Отрывкѣ лѣтописи помѣщено Посланіе митрополита Макарія къ царю.

При болѣе внимательномъ чтеніи замѣчается: 1) что въ указанномъ разказѣ „Записокъ“ числа отдѣльныхъ дѣйствиій подь Казанью указаны вѣрнѣе, чѣмъ въ Отрывкѣ. Такъ, а) въ Отрывкѣ лѣтописи читаемъ, стр. 307: „Послѣди того, мѣсяца сентября въ 7 день, посла князь великій боярь и воеводъ своихъ къ Арку...“. Въ Запискахъ, л. 102: „Сентября въ 5 днѣ. Црь гдрь великій князь посла воеводъ своихъ въ арску...“. Это же число указано и въ Царственной книгѣ (стр. 287).

б) Еще въ Отрывкѣ, стр. 307: „И учиниша ко граду великъ зукъ, и подкопаша подкопъ у Арскихъ воротъ подь тарасы, и поставиша въ подкопъ бочши съ пушечнымъ зельемъ: и абие того дни, въ пятокъ, мѣсяца сентября въ 13 день, вырваша отъ стѣны тарасы подкопомъ...“ (стр. 307).

Въ „Запискахъ“ находимъ: „И учиниша ко граду великій зукъ. И подкотиша въ подкопъ у Арскихъ воротъ подь тарасы бочки съ пушечнымъ зельемъ. Сентября жъ въ 30 день, въ пятокъ, вырваша отъ стѣны тарасы подкопомъ...“ (л. 102 об.).

Въ Царственной книгѣ (стр. 294) находимъ тоже, что тарасы были вырваны 30-ю сентября („Тогожъ мѣсяца сентября въ 30 день въ пятокъ велѣлъ Государь подь тарасы зеліе подставити... И зажгоша зеліе, и взорвало тарасы...“).

Въ VI т. П. С. Р. Л., гдѣ изданъ Отрывокъ, на стр. 307, въ примѣч. „г.“ къ указанному числу 13-ти сказано: „въ 13 день—такъ въ В. (=Воскресенскомъ спискѣ); но это невѣрно, ибо въ сентябрѣ 1552 г. пятничные дни приходились 2, 9, 16, 23 и 30 чисель“.

30-е число и потому вѣрно, что въ самомъ же Отрывкѣ лѣтописи немного далѣе читаемъ (стр. 307): „мѣсяца сентября въ 13 день,

вырваша отъ стѣны тарасы подкопомъ... стрѣлцы же в. князя и пичальники заметаша ровъ градный хврастиньемъ и землю, и тако скоро выдоша на стѣну... и бышася на стѣнѣ день и ноцъ *до взятія града*“.

Городъ былъ взятъ 2-го сентября.

Такимъ образомъ 2 хронологическія даты въ „Запискахъ“ указаны вѣрно, чѣмъ въ Отрывкѣ лѣтописи. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что и въ „Запискахъ“ одно число указано невѣрно, именно въ началѣ 2-го разказа читаемъ: „Того же мѣца въ кѣ день *въ четвертъ по оспожине дни* царь государь в. кн. перевезся Волгу...“. Издателя VI т. П. С. Р. Л. замѣчаютъ (стр. 306, пр. г.), что 15-е августа въ 1552 г. приходилось въ понедѣльникъ, такъ что въ четвергъ 20-е быть не могло.

Въ Отрывкѣ лѣтописи (стр. 306) стоитъ 18-е августа. Это же число указано и въ Царственной книгѣ (стр. 260).

II) Въ Отрывкѣ лѣтописи мы встрѣчаемъ часто (именно 5 разъ) несомнѣнно позднѣйшія вставки. Такъ здѣсь читаемъ (стр. 310): „...еднѣнъ подкопъ подъ стѣну отъ Поганого озера на углу подъ стрѣлнею на десной странѣ у Арскихъ воротъ, *идѣже нинѣ Спасскія ворота* именуется и *храмъ* у нихъ во градѣ поставиша св. мученикъ Кипреяна и Устиніи дѣвицы; а другой подкопъ на углу же подъ стрѣлнею, отъ Булака стрѣлбищо, по лѣву сторону, тутъ *были* Ногайскія ворота, *нинѣ* же зарѣшены отъ пѣшихъ людей... отъ Великія башни противу Арскихъ воротъ, и отъ Булака, *идѣже* стояла лѣвая рука и сторожевой полкъ, *идѣже нинѣ* именуется *Сергиевскіе* ворота и *храмъ* стоитъ внутри града во ния его... отъ Нижнихъ воротъ, отъ стараго городища, сирѣчь отъ Збойливыхъ воротъ, *идѣже нинѣ* стоитъ *храмъ Николаи* чудотворца...“. Наконецъ, на стр. 312 въ Отрывкѣ читаемъ: „...ставъ противу Арскихъ воротъ, *нинѣ* же именуется *Спасскіе*, *идѣже нинѣ* стоитъ *храмъ* Господа Бога нашего Ісуса Хр. Нерукотворен. Образа...“.

Въ „Запискахъ“ только въ этомъ послѣднемъ случаѣ находимъ: „Ста жъ противъ Арскихъ воротъ, гдѣ жъ *нинѣ* стоитъ *храмъ* Господа Бога Спаса нашего Нерукотворен. образа...“, во всѣхъ же другихъ (4-хъ) случаяхъ въ „Запискахъ“ указанныхъ вставокъ *не* находимъ.

III) По сравненію съ Отрывкомъ лѣтописи, нѣкоторыя подробности въ „Запискахъ“ имѣютъ болѣе смысла. Такъ, а) въ „Запискахъ“ чи-

таемъ: „Царь же государь в. кн. вскоре посылаетъ ко граду Казани, и повелѣть отволочити(ти) отъ города весь нарядъ: пушки *большіе* двѣ, единой имя кольцо, а другой ушатая, и иные пушки и огненные“ (sic). Въ Отрывкѣ лѣтописи (стр. 312): „Кн. же великій скоро посылаетъ ко граду Казани, повелѣваетъ отволочити отъ града Казани снарядъ стенобитный, отъ *обоихъ подкоповъ большихъ*, пушки единой имя Кольцо, а другой имя Ушатая, и огненные пушки и весь нарядъ, также и Змѣй летячей, и Змѣй свертной и прочій снарядъ весь отволокоша...“.

Слова „два“ и „большой“ въ „запискахъ“ какъ будто поставлены болѣе удачно.

в) Въ „Запискахъ“ читаемъ: „...ови въ полье мѣста полезоша идѣжъ вырваша подкопомъ, инии же *по стѣнѣ* възлѣзоша инии по прислономъ. И *такое* вскоре видоша во градъ бьюще и секуще...“.

Въ Отрывкѣ лѣтописи (стр. 312): „...ови въ полы мѣста полѣзоша, инии же по лѣстницамъ, иныя по прислономъ, а иныя на обломки полѣзоша; и *такое* *черезъ стѣну* скоро възлѣзоша во градъ, бьюще по улицамъ татарь...“.

Есть и еще кой-какія мелкія подробности, которыя, по моему, въ общемъ имѣютъ значеніе. Такъ, с) въ Отрывкѣ лѣтописи на стр. 312: „И абіе загорѣся подкопъ въ первый часъ дня *съ недѣлю*...“.

Въ 1552 г. 2-е октября было въ *среду*. Въ „Запискахъ“ слова „въ недѣлю“ нѣтъ: „и загорася подкопъ въ *ѣ* часъ дни...“.

д) Въ „Запискахъ“ читаемъ: „того жъ мѣсяца въ 23 день ц. гдрь в. кн. приде подъ городъ подъ Казань, во вторникъ, и ста шатры подъ городомъ *съ лоску* обь страну города Казани отъ Волги“.

Въ Отрывкѣ лѣт. (с. 306—307) словъ „въ лоску“ нѣтъ: „того жъ мѣсяца августа въ 23 день, на память св. мученика Луппа, во вторникъ, приде прав. царь государь в. кн. Иванъ Васильевичъ всея Русии подъ Казань... и ста шатры противъ града Казани, обь одну страну отъ града, отъ Волги“.—Какъ извѣстно, Казань на *луговой* сторонѣ Волги.

е) Въ „Запискахъ“ читаемъ: „И прекрестивъ лицо свое крестообразно *всѣдаеть* (царь) на конь. Тако же и брать его Владимиръ Ондрѣевичъ и вси князи, и воеводы, и все вояство. Въ то жъ время даруетъ царю гдрю в. кн. старецъ живоначальныя Троица Сергіева мон. соборной именемъ Андрѣянъ Ангеловъ и священницы... крестъ златъ..... Въ то жъ время и воздвиженскій игумень принесе гдрю

крестъ..... Царь же гдрь в. кн., вземъ крестъ и образъ и приложись..... *И тако поиде* ко граду Казани....". Въ Отрывкѣ (стр. 312): „И тако прекрестивъ лице свое крестообразно и *поиде ко граду*, и брать его кн. Володимерь Ондръевичъ и все воинство. Въ то же время даруетъ ему Троицы Живоначальныя и чудотворца Сергія соборной старецъ, именовъ Андрѣй Ангеловъ, и священницы... крестъ златъ..... Тако и игумень Дмитривскій принесе ему крестъ Кликеевской. Князь же великій вземъ крестъ и образъ и приложись, и рече..... *И тако поиде* ко граду Казани....". Въ приведенныхъ мѣстахъ разница только въ словахъ: „поиде ко граду“ и „всѣдаетъ на конь“, но отъ этихъ словъ зависитъ болѣшая послѣдовательность въ изображеніи дѣйствій разказа „Записокъ“.

На основаніи всего сказаннаго, повидимому, скорѣе можно предположить, что 2-й разказъ „Записокъ“ не есть сокращеніе соотвѣствующихъ мѣстъ Отрывка лѣтописи, а наоборотъ, быть можетъ, указанный разказъ есть одинъ изъ источниковъ (Отрывка лѣтописи, въ той части его, гдѣ говорится о послѣднемъ походѣ на Казань и взятіи ея.

Если предположить обратное, то-есть, что Отрывокъ лѣтописи есть источникъ нашего разказа, который такимъ образомъ представляетъ лишь его сокращеніе, то являются вопросы:

- 1) Почему нѣкоторыя числа въ сокращеніи, экстрактѣ, вѣрнѣе, чѣмъ въ подлинникѣ? Поправка? Допустимъ такъ.
- 2) Почему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мелкія подробности имѣютъ больше смысла въ экстрактѣ? Хотя это и затруднительно, но допустимъ, что и это поправки.
- 3) Но почему же разказъ нашъ упоминаетъ лишь о церкви Спаса и умалчиваетъ, какъ бы намѣренно пропускаетъ въ 4-хъ мѣстахъ указанія несомнѣнно позднѣйшаго времени?
- 4) Почему разказъ „Записокъ“ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ буквально сходенъ съ Отрывкомъ русской лѣтописи, а въ другихъ — нѣтъ, и уклоняется по изложенію на столько, что говорить о сокращеніи трудно? (Это въ самомъ началѣ).

Отрывокъ лѣтописи несомнѣнно составленъ на основаніи *нѣсколькихъ* источниковъ; и бѣглое чтеніе можетъ убѣдить въ этомъ.

Изъ всѣхъ, извѣстныхъ мнѣ, источниковъ Отрывокъ лѣтописи болѣе всего сходенъ, *мѣстами*, съ указаннымъ разказомъ.

Принимая въ соображеніе и все вышеназложенное, я не могъ не

склониться скорѣе къ предположенію, что указанный разказъ есть одинъ изъ источниковъ Отрывка лѣтописи, а не наоборотъ.

Кому же принадлежать „Записки“?

Какъ уже было раньше сказано, мы имѣемъ рукописный *сборникъ*. „Записки“ находятся не въ той рукописи (1-ой теперь по счету), которая имѣетъ внизу поля запись архимандрита (Нифонта, по указанію П. Строева: см. стр. „Обст. опис. рук. Толстова“), слѣдовательно, нѣтъ безусловно твердаго основанія полагать, что „Записки“ были включены въ сборникъ *самимъ* архимандритомъ Нифонтомъ, даже болѣе, въ данномъ рукописномъ сборникѣ нѣтъ въ записи ¹⁾ и имени Нифонта, такъ что о принадлежности этого сборника архимандриту *Нифонту* вѣрнѣе Строеву, который, вѣроятно, видѣлъ 1-е листы этого сборника, такъ какъ категорически говорить о принадлежности сборника Нифонту (см. „Описание“, стр. 256).

Допустимъ, что самъ архимандритъ Нифонтъ составилъ *ме всею* указанный сборникъ. Для насъ, въ данномъ случаѣ, важно и то, что архимандритъ Нифонтъ составилъ какой-то сборникъ. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, мы имѣемъ свѣдѣніе, что архимандритъ Нифонтъ былъ въ Казанскомъ походѣ 1550 г. (см. 1-ый разказъ „Записокъ“). Въ-третьихъ, имѣемъ какія-то „Записки“ о Казанскихъ походахъ 1550 г. и 1552 г., въ одномъ изъ которыхъ (походъ 1550 г.) упоминается архимандритъ Нифонтъ.

Такимъ образомъ, можно, кажется, съ достаточною вѣроятностью предположить, по крайней мѣрѣ, относительно 1-го разказа „Записокъ“, что онъ былъ написанъ Нифонтомъ, архимандритомъ Ново-спасскаго монастыря, впоследствии епископомъ Сарскимъ и Подонскимъ ²⁾.

Что касается 2-й части „Записокъ“ (о походѣ 1552 г. и взятіи Казани), то ни здѣсь, ни въ другихъ источникахъ, извѣстныхъ мнѣ, нѣтъ свѣдѣній, чтобы архимандритъ Нифонтъ былъ въ Казанскомъ походѣ 1552 г.; и принадлежитъ ли ему эта, 2-я, часть „Записокъ“, сказать трудно, хотя однородность формы и одинаковый характеръ изложенія обѣихъ частей и то, что архимандритъ Нифонтъ, какъ

¹⁾ Какъ она теперь есть.

²⁾ Нѣкоторые свѣдѣнія о Нифонтѣ см. въ „Спискахъ іерарховъ и настоятелей монастырей російскія церкви“. Составилъ изъ достовѣрныхъ источниковъ П. Строевъ, С.-Пб., 1877 г., стр. 182, 142.

участвовавшій въ Казанскомъ походѣ 1550 г., могъ живо интересоваться и походомъ 1552 г., а какъ человекъ, по своему общественному положенію, весьма вѣроятно, бывшій въ сношеніяхъ съ лицами, упоминаемыми въ разказѣ о походѣ 1552 г. (между прочимъ, Андреемъ Ангеловымъ и игуменомъ Воздвиженскимъ), могъ имѣть свѣдѣнія о походѣ 1552 г. отъ очевидцевъ и, какъ любитель книжнаго дѣла, могъ изложить эти свѣдѣнія въ разказѣ, — эти обстоятельства какъ будто говорятъ въ пользу авторства архимандрита Нифонта.

Въ рукописномъ сборникѣ второй разказъ отдѣленъ отъ 1-го чистую страницей (л. 101 об.), но почеркъ того и другаго разказа одинаковый.

Г. Жулицевичъ.

ПАЛАЦКІЙ КАКЪ ИСТОРИКЪ СЛАВЯНСКАГО ПРАВА.

Дабы опредѣлить выдающееся значеніе Палацкаго, какъ историка славянскаго права, необходимо обратиться къ состоянію историко-юридическаго вѣдѣнія въ 30-хъ годахъ вышшняго столѣтія.

Цѣлый рядъ причинъ породилъ въ концѣ XVIII вѣка возрожденіе отдѣльныхъ славянскихъ національностей, что немедленно возбудило желаніе возстановить древнѣйшій общественный бытъ славянства. Однако, въ трудахъ различныхъ славянскихъ ученыхъ XVIII столѣтія еще не былъ отдѣленъ элементъ юридико-политическій; описанія носили на себѣ характеръ этнографическій; свѣдѣнія брались большею частію изъ иностранныхъ писателей, поверхностно знакомыхъ съ славянскимъ бытомъ; на самыя юридическія памятники почти не обращалось вниманія. Не ранѣе XIX вѣка появляются труды ученыхъ юристовъ, желавшихъ дать не только картины древнѣйшаго славянскаго общественнаго быта, но и прослѣдить дальнѣйшее его развитіе; у тѣхъ же писателей одновременно возникъ вопросъ о происхожденіи славянскаго права. Нѣкоторое сходство отдѣльныхъ законоположеній Русской Правды, статутовъ Казимира Великаго, Литовскихъ статутовъ съ постановленіями „законодательныхъ сборниковъ варварскихъ народовъ“ (*leges barbarorum*), а также близость нѣкоторыхъ славянскихъ учрежденій съ германскими и норманскими наводили на мысль о заимствованіяхъ. Эта мысль нашла себѣ систематическаго выразителя въ русскомъ академикѣ, нѣмцѣ Шлёцерѣ, который доказывалъ, что русскіе славяне стояли на очень низкой ступени развитія, что варяги, призванные въ Россію, не только положили начало прочной княжеской власти, но и всему юридическому порядку, что поэтому въ основѣ Русской Правды должны были естественно лежать скандинав-

скіе обычаи. Мнѣнія объ иностранномъ происхожденіи славянскаго юридическаго и политическаго быта появились и въ Польшѣ (Нарушевичъ, Оссолинскій) и были раздѣляемы польскими учеными юристами Чацкимъ и Яномъ Викентіемъ Бантке. Очевидно, такіе взгляды опирались на теоретическомъ положеніи, тогда широко распространенномъ въ ученомъ мірѣ, о законодательствѣ, какъ единственномъ источникѣ права; вообще тогда считали возможнымъ перенесеніе права изъ одной страны въ другую цѣликомъ путемъ законодательнаго акта.

Въ противоположность писателямъ, отыскивающимъ основы славянскаго права у германскихъ народовъ, появился цѣлый рядъ ученыхъ, признававшихъ самобытность славянскихъ юридическихъ и политическихъ началъ. Эти ученые смотрѣли на все славянство, какъ на одно цѣлое, въ незапамятныя времена выдѣлившееся изъ общеарійской семьи народовъ и еще сравнительно близкое къ древнимъ аріямъ. Отсюда мысль о возможности разъясненія славянскаго быта при помощи индусскихъ памятниковъ (Маевскій). Самобытность славянскаго общественнаго строя, очевидно, приводила къ желанію изучить нравы и обычаи, вѣрованія, языкъ, откопать вещественные памятники славянства (Маевскій, Янъ Потоцкій, Сапѣга, Суровецкій, Ходаковскій, Ганка, Юнгманъ и др.). Наконецъ, единство славянскаго племени, изъ котораго только со временемъ выдѣлились отдѣльные народы, навело мысль на сравненія. Среди этихъ трудовъ особенно выдается сочиненіе Раковецкаго ¹⁾, какъ первая попытка сравнить Русскую Правду съ другими славянскими памятниками и какъ первая работа, гдѣ говорится объ единомъ духѣ, проявляющемъ законодательства славянъ. Однако, и въ этомъ сочиненіи мы не видимъ отдѣленія права отъ филологическихъ изысканій (большая половина втораго тома посвящена послѣднимъ, стр. 149—316), а теоретико-юридическія свѣдѣнія не идутъ далѣе Гуго Гроція и Монтескье ²⁾. Очевидно, сходство отдѣльныхъ славянскихъ законодательныхъ постановленій приводило къ мысли объ одномъ духѣ славянскаго права, который подъ вліяніемъ возрожденія надблялся самыми симпатичными качествами, миро-

¹⁾ Prawda Ruska czyli prawa w. x. Jarosława Władymirowicza tudzież traktaty Olga y Igora ww. xx. kiowskiich z cesarzami greckimi y Mscisława Dawidowicza x. smoleńskiego z Rygę, zawarte, krótych texta, obok z Polskiemi tłumaczeniem poprzedza rys historyczny zwyczajów, obyczajów, religii, praw y języka dawnych słowiańskich y słowiańsko-ruskich narodow. Przez I. B. Rakowieckiego. tt. I y II. Warszawa. 1820 y 1822.

²⁾ Тамъ же т. I, стр. 199, 200.

любимъ, трудолюбимъ, уваженіемъ къ человѣческой личности, кростостью, гостепримствомъ ¹⁾).

Данныя, добытыя еще въ XVIII вѣкѣ издателями памятниковъ и историками, накопленныя въ началѣ XIX вѣка этнографами, путешественниками, археологами, собирателями народныхъ преданій и сопоставителями законовъ, привели къ предположенію одного духа въ славянскомъ общественномъ бытѣ. Но эта мысль, добытая индуктивно, не нашла еще себѣ философскаго обоснованія, и дѣйствительно мы видимъ у историковъ съ славянскимъ оттѣнкомъ (Антонъ Раковецкій) то желаніе сравнивать исключительно славянъ между собою и предположеніе о миролюбивомъ славянскомъ духѣ, рѣзко отличномъ отъ воинственнаго кровожаднаго духа иѣмцевъ, то мысль о простотѣ жизненныхъ отношеній на первобытной ступени культуры и отсюда происходящемъ сходствѣ славянскихъ законовъ съ законами афинянъ, римлянъ, франковъ, готовъ ²⁾. Переворотъ въ этомъ отношеніи наступилъ съ появленіемъ исторической школы въ Германіи. Дотошъ всецѣло царило убѣжденіе, что умъ диктуетъ законодателю начала человѣческаго общежитія, которыя, какъ основанныя на разумѣ, пригодны для всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Напротивъ, Савиньи въ 1814 году высказалъ мысль, что право есть результатъ народнаго духа, что оно, подобно языку, рождается, живетъ и умираетъ вмѣстѣ съ народомъ, его создавшимъ. Такимъ образомъ каждый народъ обладаетъ своимъ національнымъ правомъ, которое оживлено свойственнымъ ему національнымъ духомъ. Савиньи не остановился на болѣе точномъ опредѣленіи національнаго духа; онъ указывалъ только, что юридическіе обычаи—наиболѣе совершенная форма его проявленія и что въ древнѣйшемъ правѣ, въ его символахъ и формулахъ, наиболѣе полно и всесторонне выражается національный гений. Отсюда былъ уже одинъ шагъ до опредѣленія національнаго духа, какъ души, вложенной самимъ Богомъ въ національное тѣло, а не какъ единства убѣжденій, сложившихся въ данномъ обществѣ подъ вліяніемъ однообразныхъ условій жизни. Дѣйствительно, въ первыхъ представителяхъ исторической школы метафизическое пониманіе національнаго духа, то-есть, какъ души, вложенной самимъ Богомъ, было наиболѣе распространено. Подъ этими вліяніями заканчивали въ двадцатыхъ годахъ въ Берлинѣ свое образованіе нѣсколько польскихъ юристовъ, Вацлавъ Александръ

¹⁾ Тамъ же, т. I, стр. 198—226, особенно стр. 241—254.

²⁾ См. тамъ же, тамъ же, стр. 198—200.

Мацѣвскій и братья Губе. Названныя лица были непосредственными учениками Савиньи и возвратились въ Варшаву полные самого пламеннаго желанія раскрыть существо славянскаго національнаго духа; значеніе ихъ для славянскаго права громадно; всё они шли къ своей цѣли вѣсколько иными путями; къ нимъ вполнѣ вѣдствіи примкнулъ болѣе старшій, тогда уже извѣстный Лелевель.

В. А. Мацѣвскій почти непосредственно по своемъ возвращеніи изъ-заграницы занялся славянствомъ и плодомъ его трудовъ была знаменитая „Исторія славянскаго права“¹⁾). Думается мнѣ, что его научные приемы проявились съ достаточною ясностію уже въ первомъ его научномъ трудѣ. Онъ прежде всего, подъ вліяніемъ существовавшей тогда ученой литературы, вызванной возрожденіемъ славянъ и потому идеализовавшей славянство, опредѣлилъ существо славянскаго національнаго духа, какъ свойственнаго миролюбивому, земледѣльческому, свободолюбивому народу, который наиболѣе охотно живетъ въ общинной формѣ правленія; затѣмъ онъ стремился подыскать среди славянъ страну, которая давала бы по своему географическому положенію наиболѣе ручательства въ своей самобытности; наконецъ, онъ взялъ развитіе права и государства этой страны за типичнаго представителя цѣлаго славянства и пользовался остальными славянскими правами какъ пополненіемъ и лучшимъ освѣщеніемъ развитія славянскаго духа въ избранной имъ славянской національности. Уже въ первомъ изданіи своей исторіи онъ указываетъ на то, что иногда бываетъ очень трудно отдѣлать у славянъ, вслѣдствіе ихъ сосѣдства съ нѣмцами, свое отъ чужаго, что „исторія и славянская народность, изученная даже въ мельчайшихъ подробностяхъ, должна зажечь факелъ правды изслѣдователю славянскихъ установленій“²⁾). Тамъ же онъ указываетъ на Польшу, какъ на такую страну, гдѣ могъ лучше развиться духъ славянскаго права и славянскихъ политическихъ учрежденій, ибо она менѣе подлежала вліянію нѣмецкаго права и обстоятельствамъ, задерживающимъ просвѣщеніе. „Поэтому мы лучше поймемъ законодательство другихъ народовъ, ежели прежде ознакомимся съ польскимъ; тогда будетъ достаточно намекнуть только на подобныя, съ польскими сходныя учрежденія и у другихъ народовъ, какъ на вытекающія изъ того

¹⁾ *Historja prawodawstw słowiańskich przez Wacława Alexandra Maciejowskiego* Warsz. I—IV. 1882—1885. Въ предисловіи къ IV-ому тому В. А. Мацѣвскій самъ говоритъ, что начала исторической школы служили путеводною нитью.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 3 § 3.

же самаго источника¹⁾). Наконецъ, первобытный характеръ славянъ описывается имъ, какъ вообще, такъ и въ частности прекрасными, уже намъ извѣстными чертами²⁾; а основныя черты славянскаго права добываются путемъ сопоставленія всѣхъ законодательствъ, какъ западныхъ, такъ и восточныхъ славянъ, ибо каждое въ отдѣльности представляется чрезвычайно неполнымъ, отрывочнымъ³⁾; въ теченіе вѣковъ первичный характеръ измѣняется въ томъ отношеніи, что народъ какъ бы раздваивается, крестьянство и мѣщанство портятся вслѣдствіе чрезвычайнаго гнета, такъ что настоящій славянскій характеръ можно наблюдать только въ высшихъ слояхъ общества⁴⁾. Легко заключить изъ всего сказаннаго, что приемы эти, которымъ нашъ авторъ остался вѣренъ до послѣднихъ моментовъ своей жизни, не научны. Въ нихъ совершенно произвольно, чисто метафизически, опредѣляется, такъ сказать, душа славянскаго тѣла и все несогласное съ характеристикю души отбрасывается, какъ иноземное; въ нихъ не менѣе произвольно сливаются всѣ славянскія законодательства въ одно цѣлое, такъ что совершенно утрачиваются индивидуально-національныя черты отдѣльныхъ славянскихъ народовъ и получается нѣчто общее, никогда и нигдѣ не существовавшее; наконецъ, въ нихъ также произвольно выбирается одна страна, какъ специфически славянская. В. А. Мацѣвскій впослѣдствіи дошелъ въ этихъ своихъ произвольныхъ построеніяхъ до чрезвычайности; гдѣ бы онъ ни подмѣтилъ учрежденій, свойственныхъ миролюбивому и земледѣльческому характеру, онъ приписывалъ ихъ славянскимъ колонистамъ; такъ, англійскій судъ присяжныхъ въ его глазахъ зародился подъ славянскимъ вліяніемъ; такъ, общинное землевладѣніе, хотя бы оно находилось въ Голландіи, свидѣтельствуетъ о первобытномъ славянствѣ жителей. Если все-таки иногда Мацѣвскій освобождался отъ этихъ своихъ предвзятыхъ положеній, то это было слѣдствіемъ его громадной начитанности въ славянскихъ памятникахъ, неволью исправлявшей его предвзятія возрѣнія, а также нѣкоторой слабости

¹⁾ Тамъ же, стр. 35.

²⁾ Тамъ же, стр. 70—78.

³⁾ Тамъ же, т. II. Предисловіе стр. VI, VII.

⁴⁾ Тамъ же, т. III, стр. 42 — 49. Необходимымъ дополненіемъ къ исторіи славянскаго права Мацѣвскаго было изданіе важнѣйшихъ славянскихъ памятниковъ Кухарскаго (*Antiquissima monumenta juris slovenici*. Варшава. 1898); сами памятники съ переводомъ и объясненіями нѣкоторыхъ были доставлены изъ Праги.

логическаго мышленія, которая дозволяла ему иногда уклоняться отъ строгой логической послѣдовательности.

Не менѣе произвольно, но съ большею силою логики построилъ свою систему славянскаго права Лелевель; его научные приемы проявляются съ достаточною очевидностію въ его ученыхъ трудахъ. По его мнѣнію, народы обладаютъ прирожденными качествами, которыми они остаются вѣрны въ теченіе всей своей жизни; эти качества особенно ярко выступаютъ въ первоначальной исторіи народовъ, когда они наименѣе подвергались иноземнымъ вліяніямъ. Основное устройство славянъ, вытекающее изъ ихъ народнаго характера, представляется Лелевелю въ видѣ общины, расположенной на своихъ собственныхъ земляхъ, состоящей только изъ свободныхъ земледѣльцевъ (кметовъ) управляющей сама собою посредствомъ общихъ сходовъ и избираемыхъ на этихъ сходахъ правителей. Такъ жили славяне еще во времена Прокопія и таковъ ихъ идеалъ, пока они не сойдутъ съ исторической сцены. Народъ, который наиболѣе остался вѣренъ своимъ первоосновамъ, Лелевель находитъ въ полякахъ, но и тамъ государство процвѣтаетъ только тогда, когда оно наиболѣе приближается къ своему славянскому первообразу. Эти воззрѣнія проникаютъ всѣ произведенія Лелевеля, но съ особенною силою и послѣдовательностію они высказаны въ его „Разсужденіяхъ объ исторіи Польши и ея народа“¹⁾. Какъ видно, нашъ авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе только на Польшѣ; остальныхъ славянъ онъ касается вскользь въ своихъ сочиненіяхъ; тѣмъ не менѣе онъ сильно возстаетъ противъ ученыхъ, высказавшихся за чужеземность славянскаго юридическаго и политическаго быта, и даетъ понять, что Польша особенно привлекаетъ его вниманіе, какъ страна, въ которой чище всего выразился славянскій идеалъ.

Иною, болѣе правильною дорогою, чѣмъ Мацѣевскій и Лелевель, пошли братья Губе. Ромуальдъ помѣстилъ въ Омеидѣ Польской въ 1829 г. двѣ небольшія статьи: „О древнихъ сборникахъ чешскаго права“ и „Покора (примиреніе двухъ родовъ по случаю убійства) по правамъ чешскимъ и польскимъ“. Юсифъ представилъ на конкурсъ, объявленный Варшавскимъ Александровскимъ университетомъ въ 1830 году для занятія кафедры исторіи права, сочиненіе о правѣ законнаго

¹⁾ Considerations sur l'état politique de l'ancienne Pologne. Lille. 1844. Польскія появившся въ Познани въ 1855 г. подъ заглавіемъ: Uwagi nad dziejami Polski i ludu jéj въ III т., Polska, dzieje i rzeczu jej.

наслѣдованія римлянъ, германцевъ и славянъ¹⁾. Этими работами оба брата какъ бы выразили свое несочувствіе дедуктивнымъ построеніямъ славянскаго права. Ромуальдъ желалъ разъяснить каждое славянское право въ отдѣльности. Іосифъ считалъ возможнымъ опредѣлить извѣстными признаками общеславянское понятіе о семьѣ и наслѣдованіи, но останавливался на нѣкоторыхъ институтахъ славянскаго права и притомъ еще на такихъ, которыя по свидѣтельству всемірной исторіи права отличаются неподвижностію.

Польское возстаніе 1830 г. оказало чрезвычайно вредное вліяніе и на начинающуюся развиваться въ Варшавѣ исторію славянскаго права. Только одинъ Мацѣевскій неуклонно шелъ по разъ избранному пути до самой своей смерти. Делевель долженъ былъ оставить Польшу и поэтому былъ лишенъ возможности заниматься надъ рукописнымъ матеріаломъ и даже слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ польской ученой литературы. Іосифъ Губе тоже покинулъ отечество и даже поступилъ въ монастырь. Наконецъ Ромуальдъ Губе былъ вызванъ въ Петербургъ, долго вседѣло поглощенъ законодательными работами, а съ семидесятихъ годовъ приобрѣлъ громкую извѣстность своими трудами по исторіи польскаго права; другими славянскими правами онъ интересовался до самой своей смерти, писалъ критическія замѣтки, но самостоятельныхъ сочиненій о цѣломъ славянскомъ правѣ не оставилъ. Мало того, съ тридцатыхъ годовъ измѣнилось самое направленіе польскихъ историческихъ изслѣдованій. Уже въ 1847 г. начало появляться анонимно сочиненіе, гдѣ прямо заявлялось, что Польша христіанско-католическая, Польша, воспринявшая и усвоившая себѣ западноевропейскую цивилизацію, и есть настоящая Польша, что до-христіанская Польша исчезла въ славянскомъ мірѣ и даже самое имя поляковъ не было извѣстно²⁾. Хотя это направленіе смѣнилось съ семидесятихъ годовъ прекрасными, строго научными трудами, но и въ нихъ не удѣляется мѣста общеславянскому праву; напротивъ замѣтно страстное желаніе подчеркнуть все индивидуально-польское въ противоположность общеславянскому. Это исчезновеніе интереса къ

¹⁾ Часть этого сочиненія была помѣщена въ *Themis polska* въ 1832 г. подъ заглавіемъ: „Wywód praw aradkowych słowiańskich“. Какъ важна была эта статья для своего времени, видно изъ того, что извѣстный знатокъ славянскаго права В. В. Богшичъ въ самомъ началѣ своей статьи о семейномъ правѣ дубровчанъ почти дословно повторяетъ выводы І. Губе (*Rad jugosl. akad. t. V, стр. 123*).

²⁾ *Przegląd poznański, 1847—1849*, подъ заглавіемъ: *Obraz rządu i prawodawstwa dawnéj Polski*.

славянскому праву, очевидно, было слѣдствіемъ чисто политическихъ причинъ.

Одновременно съ появленіемъ славянской исторической литературы въ Варшавѣ, кружокъ славистовъ дѣйствовалъ въ чешской Прагѣ съ большимъ успѣхомъ съ Юнгманомъ и Ганкою во главѣ; его значеніе было громадно; онъ всегда стоялъ за самобытность славянскихъ учреждений, побуждалъ польскихъ и русскихъ ученыхъ къ занятію славяновѣдніемъ и присылалъ превосходные переводы славянскихъ юридическихъ памятниковъ съ учеными филологическими объясненіями, которые затѣмъ и печатались въ Варшавѣ (Кухарскій). Но его дѣятельность не касалась спеціально права; она была поглощена славянствомъ вообще, его исторію, литературою, языкомъ и носила на себѣ почти исключительно филологическій характеръ. Къ этому кружку принадлежалъ знаменитый Палацкій. Посвятивъ всю свою жизнь исторіи чешскаго народа, онъ долженъ былъ опредѣлить самое существо историческаго процесса, происходившаго въ Чехіи, а также изобразить развитіе чешскихъ юридико-политическихъ отношеній. Посмотримъ, какъ разрѣшилъ онъ этотъ вопросъ.

„Чешская исторія есть исторія *славянскаго* народа, живущаго далѣе всего на западъ, — какъ бы въ сердцѣ Европы, сохранившаго свое существованіе въ родѣ полуострова въ *нѣмецкомъ* морѣ“. Отсюда вытекалъ логическій выводъ, что на почвѣ чешскаго государства сталкиваются, борются и проникаютъ одинъ за другимъ досега дня два элемента, славянской и нѣмецкой. Относительно характеристическихъ признаковъ обоихъ элементовъ Палацкій замѣчаетъ, что въ славянствѣ, въ моментъ его выступленія на историческое поприще, существовала свобода простаго народа; напротивъ, германизмъ во время его перваго столкновенія съ чехами отличался силою и политическою организациею. Характеристическая черта славизма вытекала изъ народнаго характера. Славянинъ, какъ мирный земледѣлецъ, не стремился къ власти и чувствовалъ себя наиболѣе счастливымъ въ семьѣ и общинѣ; отсюда свобода и всеобщее равенство, но вмѣстѣ съ тѣмъ недостатки высшаго авторитета, іерархіи, дисциплины, порядка. Итакъ, „главнымъ содержаніемъ и признакомъ чешской исторіи есть вѣковое столкновеніе славянъ и нѣмцевъ, а потому проникновеніе элементовъ нѣмецкихъ, которые принимались чехами, какъ добровольно, такъ и противъ воли, въ ихъ политическую и частную жизнь, слѣдовательно онѣмеченіе, но болѣе относительно учреждений, правъ и отношеній государственныхъ и общественныхъ, чѣмъ относительно языка и народ-

наго характера". Различныя ступени и причины этого оцѣмеченія составляютъ также естественныя раздѣлы чешской исторіи. Въ цѣломъ развитіи чешскаго народа выдѣляется, однако, болѣе чѣмъ двухсотлѣтній періодъ, въ которомъ примѣшивается къ народной жизни и царить въ ней начало религиозное, пробужденное тоже первоначально отпоромъ противъ оцѣмеченія. Итакъ, періоды развитія чешскаго народа могутъ быть представлены въ слѣдующемъ видѣ:

1) съ древнѣйшихъ временъ до 1403 года содержаніемъ періода являются свѣтскія и государственныя дѣла, при чемъ съ 451 по 1253 годъ преобладаютъ внутри славянскіе, съ 1253 по 1403 годъ нѣмецкіе порядки;

2) съ 1403 года по 1627 годъ самый блестящій періодъ чешской исторіи; это время религиозныхъ споровъ съ преобладаніемъ утраквистовъ; королевская власть слаба, участіе народа въ верховной власти весьма значительно; феодальныя нѣмецкіе порядки все болѣе и болѣе усиливаются и ведутъ къ образованію сословій и къ порабощенію простаго народа;

3) съ 1627 года Чехія и Моравія сдѣлались наследственнымъ достояніемъ Габсбурговъ; римско-католическая церковь стала исключительно господствующей; законодательная, судебная и административная власть сосредоточивалась въ рукахъ короля; участіе народа въ общественной жизни значительно ограничилось ¹⁾.

Такое опредѣленіе самаго существа историческаго процесса въ Чехіи кажется мнѣ чрезвычайно важнымъ для цѣлаго славянскаго права. Здѣсь примѣнительно къ одной, сравнительно небольшой славянской странѣ впервые высказана была мысль, могущая послужить съ небольшими измѣненіями руководящею нитью для группировки безконечнаго количества фактовъ юридической и политической жизни славянства. Въ основѣ опредѣленія существа чешской исторіи у Палацкаго очевидно лежало воззрѣніе, что народъ, только выступающій на историческое поприще, необходимо долженъ духовно подчиниться народу, уже усвоившему предшествующую культуру и потому болѣе дисциплинированному, организованному. Въмѣсто того, чтобы остановиться на болѣе внѣшнихъ признакахъ развитія, напримѣръ, на преобладаніи монархіи, аристократіи, рыцарства, или на значеніи личности, сословій, затѣмъ государства, или на формахъ правленія, нашъ авторъ

¹⁾ Radhost. Díl druhý. W Praze. 1872. стр. 488—493. Палацкаго Dejiny. Dílu I částka 1. W Praze. 1862. стр. 15—18.

проникъ въ самую глубину историческаго процесса, подмѣтивъ, что онъ складывается у новыхъ народовъ преимущественно изъ двухъ факторовъ, изъ національныхъ представленій; сложившихся вслѣдствіе извѣстной матеріальной обстановки (климата, почвы и т. д.), и изъ тѣхъ вліяній культуры, надъ которою работало и работаетъ непрерывно все человѣчество.

Для большаго разъясненія сдѣланныхъ мною замѣчаній я кратко изложу единственно правильную, по моему убѣжденію, періодизацію славянскаго права, изъ которой читатель увидитъ, что она, собственно говоря, можетъ представляться обобщеніемъ мысли Палацкаго.

Славянство до принятія христіанства, хотя и разнилось нѣсколько подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій по своимъ правамъ и обычаямъ, но составляло одно цѣлое съ однимъ языкомъ, одними въ своей основѣ религиозными, политическими и юридическими представленіями. Съ момента принятія христіанства славянство распадается на двѣ группы, ибо оно подчиняется культурнымъ идеямъ Запада въ одной и Востока въ другой половинѣ. Эти культурныя идеи развились различно, преимущественно вслѣдствіе особенностей образованности греческой съ одной, и образованности римской съ другой стороны. Обѣ образованности были до того могучи, что опредѣляли собою различіе въ организаціи христіанскихъ общинъ, а затѣмъ и въ догматахъ, и создали тѣмъ католичество и православіе. Ко всему этому присоединились еще особенныя условія, въ которыхъ развивались въ началѣ среднихъ вѣковъ народы западной Европы съ одной, и народы, входившіе въ сферу духовной жизни византійской имперіи съ другой стороны. Все это вмѣстѣ создало отличіе основныхъ взглядовъ на человѣческое общеніе на Западѣ и на Востокѣ, а это отличіе еще болѣе обострилось вслѣдствіе чрезвычайнаго антагонизма обѣихъ половинъ Европы. Не имѣя мѣста для описанія образованія взглядовъ Запада и Востока, я ограничусь ихъ установленіемъ:

1) На Западѣ вслѣдствіе борьбы свѣтской власти съ духовною развилась идея, что государственная власть есть только *внѣшняя сила* для охраны отъ враговъ и для обезпеченія воспитанія народовъ въ христіанской нравственности, а потому она должна находиться подъ контролемъ духовной власти. Наоборотъ, на Востокѣ преобладало убѣжденіе, что духовная власть, какъ и всякая другая общественная власть, подчиняется главѣ государства, а управленіе церковью есть только часть управленія вообще.

2) На Западѣ во главѣ общества стоялъ вмѣстѣ съ духовенствомъ

высшій классъ, какъ хранитель нравственныхъ и умственныхъ пріобрѣтеній человѣчества, ибо для усвоенія знаній необходимо было знакомство съ латинскимъ языкомъ, доступнымъ только зажиточному слою. На Востокъ этого не замѣчалось, ибо хранительницею просвѣщенія была только церковь, обращающаяся къ каждому народу на его родномъ языкѣ.

3) На Западѣ общество распадалось на сословія, глубоко различныя во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни, ибо различіе это вытекало изъ различія въ занятіяхъ и опиралось на различныхъ миро-созерцающихъ. Итакъ, духовенство послѣ введенія celibата совершенно выдѣлилось изъ свѣтскаго общества и опиралось на началахъ каноническаго и римскаго права; аристократія была убѣждена, что самъ Богъ призвалъ ее къ управленію народами вмѣстѣ съ императоромъ и королями и опиралась на древнегерманскихъ воспоминаніяхъ о королѣ, какъ первомъ среди себѣ равныхъ; рыцарство составляло громадное общеевропейское общество съ особымъ характеромъ, въ которомъ своеобразно соединялись христіанскія начала съ восточною фантазіей, и опиралось на феодализмъ; горожане, занятыя промышленностью и торговлею, обладали правами и учрежденіями, постепенно вырабатывавшимися на началахъ германскихъ и римскихъ и вполне приспособленными къ городскимъ потребностямъ; наконецъ, крестьяне недалеко ушли въ своемъ развитіи отъ временъ языческихъ и считались болѣе рабочимъ скотомъ, чѣмъ людьми. Наоборотъ, Востокъ не зналъ сословныхъ различій и представлялъ собою общество, не разрозненное сословнымъ духомъ и связанное одною государственною религіей; при всей этнографической пестротѣ источникъ образованности былъ единъ, византійская литература, стремившаяся слить въ правѣ, политическихъ учрежденій, нравахъ и обычаяхъ древнегреческую мудрость съ христіанствомъ. Итакъ, образованіе народовъ, подпавшихъ духовному вліянію Византіи, чрезвычайно отличалось количественно, но не качественно.

Послѣ всего сказаннаго мы можемъ обобщить наши положенія. Съ момента принятія христіанства духовенство, этотъ единственный органъ просвѣщенія въ средніе вѣка, хотя и поставило одинъ и тотъ же идеалъ для Запада и Востока, а именно громадную монархію, долженствующую охватить всѣхъ христіанъ въ одинъ союзъ, основанный на началахъ христіанской любви, взаимной помощи и вѣчной справедливости, но указывало совершенно иные пути къ его осуществленію въ обѣихъ половинкахъ Европы. *На Западѣ* проповѣдывалось

рѣзкое отличіе духовенства отъ свѣтскаго общества. Духовенство являлось единственнымъ хранителемъ религіозно-нравственныхъ началъ и вслѣдствіе этого должно было быть вполнѣ независимо отъ свѣтской власти; организованное іерархически, оно должно было быть обезпечено матеріально, дабы исключительно заботиться о религіозно-нравственномъ воспитаніи и умственномъ развитіи народовъ. Свѣтское общество должно было быть также іерархически организовано, дабы высшіе слои, какъ болѣе обезпеченные и лучше организованные, могли принять на себя часть заботъ о преуспѣваніи народныхъ массъ. Итакъ, западно-европейское общество въ средніе вѣка напоминало нѣсколько кастовое устройство древняго Египта. Наоборотъ, *Востокъ* представлялъ изъ себя общество, гдѣ не было рѣзкихъ различій даже между духовными и мірянами; государство считалось единственною Богомъ установленною формою общежитія, а вслѣдствіе невидѣнности духовныхъ и свѣтскихъ отношеній сама государственная власть носила на себѣ не только свѣтскій, но и религіозный отпечатокъ. Вообще вслѣдствіе отсутствія противоположенія дѣлъ духовныхъ и свѣтскихъ государство сохранило здѣсь болѣе древнеклассическій характеръ и было возможно полнымъ общеніемъ всѣхъ жизненныхъ, какъ духовныхъ, такъ матеріальныхъ интересовъ гражданъ. Итакъ, передъ вступающимъ на историческое поприще славянствомъ были поставлены два образца для подражанія: могучее, вполнѣ расчлененное общество съ слабою государственною властію на Западѣ и всеильное государство съ неразвитымъ обществомъ на Востокѣ.

Дальнѣйшая исторія славянскаго права представляетъ постепенное усвоеніе этихъ образцовъ славянами-католиками и славянами-православными и результаты такого усвоенія. Славянинъ, только что оставившій язычество, не могъ вдругъ сдѣлаться западно-европейцемъ или византійцемъ, и потому мы видимъ длинный періодъ борьбы исконно славянскихъ началъ съ началами пришлыми. Періодъ этотъ у двухъ наиболѣе развитыхъ славяно-католическихъ народовъ, чеховъ и поляковъ, оканчивается въ Чехіи въ 1253, въ Польшѣ въ 1300 году побѣдою началъ иноземныхъ. На Руси этотъ періодъ съ такимъ же характеромъ и такимъ же результатомъ длится до образованія московскаго княжества. Второй періодъ отличается значительнымъ преобладаніемъ иноземныхъ образцовъ. Въ Чехіи это усвоеніе было до того полно, что вызвало страшную реакцію древнеславянскихъ началъ въ гуситствѣ, которое поэтому относится мною ко второму періоду. Постепенно изъ полной авархіи вырабатываются двѣ партіи, демократи-

ческая и дворянская; ихъ взаимная борьба кончается въ 1434 году побѣдою шляхты. Такой исходъ чрезвычайно облегчалъ сближеніе съ западной Европой и укрѣплялъ ея вліяніе. Въ Польшѣ второй періодъ длится до 1505 года, то-есть, до окончательной организаціи польскаго государства на Радомскомъ сеймѣ. У славянъ восточныхъ Москва стремится сдѣлаться второю Византіею, особенно послѣ паденія Константинополя, и во всемъ подражаетъ павшей византійской имперіи. Дѣйствительно, во второмъ періодѣ у славянъ-католиковъ мы видимъ королей съ средневѣковымъ характеромъ, какъ помазанниковъ Божіихъ, долженствующихъ, однако, подчиняться церкви и слушаться аристократіи, и общество, расчлененное на сословія въ средневѣковомъ уже нами указанномъ смыслѣ. Наоборотъ; у славянъ православныхъ самодержавіе все болѣе и болѣе укрѣпляется и углубляется; государство становится идоломъ, которому жертвуется все, а это ведетъ къ полному подавленію личной свободы и закрѣпощенію всѣхъ сословій на служеніе государству; при всемъ томъ государство, преимущественно при помощи государственной религіи, создаетъ единство общества, а это общество, нераздѣльное и единое, и даетъ въ 1612 году нераздѣльную и единую государственную власть. Третій періодъ раскрываетъ намъ послѣдствія воспріятія чужихъ образцовъ. Въ Чехіи общество, уже сложившееся во второмъ періодѣ всецѣло по западно-европейскому примѣру и благопоучно выдержавшее кризисъ гуситскихъ войнъ, разрушаетъ государство при посредствѣ иностранныхъ силъ (1627). Въ Польшѣ событія складываются только на первый взглядъ иначе: здѣсь рыцарство, вслѣдствіе преобладанія иноземныхъ элементовъ въ городахъ, одерживаетъ полную побѣду еще въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка надъ остальными частями общества, а въ XVI столѣтіи и надъ государственною властью и объявляетъ себя самодержавнымъ народомъ, который въ сеймѣ создаетъ для себя новую государственную власть; другія сословія превращаются въ полурабовъ, король—въ представителя исполнительной власти въ государствѣ и только въ одну третью часть верховной власти (1573 г.). Такое состояніе должно было привести неминуемо къ паденію, ибо государственная власть раздробилась окончательно и, наконецъ, совсѣмъ перестала существовать (1795). У восточныхъ славянъ (Россія) третій періодъ начинается полнымъ порабощеніемъ общества на служеніе государству при Петрѣ Великомъ; необходимо, однако, замѣтить, что еще во второмъ періодѣ вслѣдствіе присоединенія Малороссіи, гдѣ было черезъ Польшу сильно западноевропейское вліяніе, Западъ

началъ подкапывать исключительное преобладаніе византійскихъ образцовъ; въ XVIII вѣкѣ западноевропейское вліяніе все болѣе и болѣе усиливается и приводитъ къ образованію дворянства въ западноевропейскомъ смыслѣ слова, то-есть, не какъ служилаго класса, отличнаго отъ другихъ общественныхъ слоевъ только качествомъ обязанностей въ пользу государства, а какъ свободнаго сословія, болѣе образованнаго и обезпеченнаго и потому обязаннаго заботиться о преуспѣваніи простаго народа; вслѣдъ за освобожденіемъ дворянства отъ государственной службы начинается освобожденіе и другихъ общественныхъ слоевъ, которое заканчивается освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости при Императорѣ Александрѣ II.

Окинувъ однимъ взглядомъ все сказанное, мы видимъ, что исторія славянскаго права до сихъ поръ была ничѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ усвоить западно-европейскіе или византійскіе образцы общественнаго устройства. Это было необходимо для славянства, ибо для самостоятельнаго развитія человѣческаго обществія нужно было прежде всего всецѣло воспріять послѣдніе успѣхи обществѣдѣнія. Поэтому этотъ тысячелѣтній періодъ напоминаетъ намъ нѣсколько такой же періодъ съ момента паденія западно-римской имперіи до момента открытія Америки; и у западныхъ народовъ это было временемъ усвоенія наиболѣе зрѣлыхъ плодовъ римской образованности и христіанства. Для славянства пройденный путь былъ какъ бы воспитаніемъ для самостоятельной, вполне зрѣлой дѣятельности. Понятно, въ немъ нельзя было ожидать критической оцѣнки предлагаемыхъ образцовъ; ея мы почти не замѣчаемъ и на Западѣ въ теченіе средневѣковья. На нашихъ глазахъ только начинается такой анализъ (у поляковъ—пониманіе необходимости сильной государственной власти для общества, въ Россіи—критическое направленіе въ литературѣ). Эта критика чрезвычайно облегчается для славянъ-католиковъ указаніемъ слабыхъ сторонъ западно-европейскаго общественнаго строя радикалами, социалистами и т. п., для славянъ-православныхъ—возможностію сравнить вліяніе западно-европейскихъ съ вліяніемъ византійскимъ образцовъ, что естественно можетъ навести на слабыя стороны и тѣхъ, и другихъ.

И такъ, большая заслуга Палацкаго передъ славянскимъ правомъ заключается въ томъ, что онъ впервые примѣнилъ отмѣченные здѣсь начала къ исторіи чешскаго народа, Дѣйствительно, изъ внимательнаго чтенія его характеристики германизма очевидно, что, говоря о столкновеніи славянъ съ нѣмцами на чешской почвѣ, онъ имѣлъ въ

виду не нѣмцевъ, какъ этнографическое цѣлое, а нѣмцевъ, какъ усвоившихъ римско-христіанскую образованность и поэтому организованныхъ и сильныхъ. Палацкій прекрасно понималъ, что западно-европейская культура слагается изъ двухъ элементовъ, романскаго и германскаго, и что именно послѣдній, вслѣдствіе близости, особенно вліялъ на чеховъ. Этимъ чешскій общественный бытъ значительно отличается отъ польскаго, въ которомъ романскіе элементы (католицизмъ, каноническое право, гуманизмъ) особенно преобладали. Наконецъ, не укрылось отъ его проицательнаго взгляда, что западно-европейскія начала, приводившія къ постепенному паденію государственной власти и къ чрезвычайной разрозненности сословій, не дали и не могли дать славянству ни внѣшняго могущества, ни внутренняго спокойствія.

Далѣе, вторая заслуга Палацкаго состояла въ томъ, что онъ проводилъ совершенно правильные взгляды на развитіе славянскаго права, какъ въ „Исторіи чешскаго народа“, такъ и въ своихъ статьяхъ. По поводу частнаго вопроса о чешскихъ доскахъ онъ говоритъ, что современная научная критика требуетъ, чтобы при изслѣдованіи отдѣльныхъ учрежденій доходили „до того доисторическаго времени, когда всѣ славянскіе народы еще управлялись устройствомъ, унаслѣдованнымъ сообща отъ предковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне самороднымъ“; весьма естественно, что „послѣ своего распаденія отдѣльныя славянскія племена, не имѣвшія болѣе общей связи, воздѣлывали унаслѣдованные своя зародыши каждое своимъ особымъ образомъ“¹⁾. Въ этихъ словахъ и въ цѣломъ представленіи чешской исторіи нѣтъ поминъ о славянскомъ народномъ духѣ, который могъ выразиться болѣе или менѣе полно, смотря по тому, были ли постороннія вліянія и были ли обстоятельства, задерживающія просвѣщеніе, или таковыхъ не существовало (Мацѣевскій, Лелевель). Очевидно, Палацкій стоитъ на твердой, реальной почвѣ; онъ предполагаетъ единство славянства, какъ результатъ общихъ условій быта при одинаковой матеріальной обстановкѣ и отдаленномъ кровномъ родствѣ; ничего метафизическаго, въ родѣ особаго національнаго духа, онъ не допускаетъ. Развитіе славянства представлялось Палацкому совершенно правильно, какъ ростъ одного цѣлага, которое именно вслѣдствіе этого роста все болѣе и болѣе расчленяется.

Третьею заслугою Палацкаго является небольшая, но мастерски

¹⁾ Radhost. Díl druhý. W. Praze, 1872, стр. 427.

написанная статья подъ заглавіемъ: „Старославянское право или сравненіе законовъ сербскаго царя Стефана Душана съ древнѣйшими земскими учрежденіями въ Чехіи“, напечатанная въ первый разъ въ 1837 г., то-есть, именно въ то время, когда утихала такъ сильно проявившаяся литературная дѣятельность на почвѣ исторіи славянскаго права въ Варшавѣ. Нашъ авторъ говоритъ, что появленіе нѣмецкаго населенія въ Чехіи XIII вѣка имѣло своимъ послѣдствіемъ забвеніе многихъ старо-чешскихъ юридическихъ началъ, такъ что приходится искать свѣта за предѣлами Чехіи. „Чешскій изслѣдователь особенно долженъ обратить свое вниманіе на родственные славянскіе народы; онъ долженъ разслѣдовать въ сходствѣ или различіи славянскихъ учреждений и обычаевъ то, что всё они нѣкогда унаслѣдовали отъ общей матери своей Славы и затѣмъ отдѣлять отъ того, что позже различно славяне или сами для себя установили или приняли отъ своихъ сосѣдей“. Такъ, напримѣръ, сходство многихъ постановленій царя Душана съ чешскими юридическими правилами и притомъ отсутствіе подобныхъ началъ у чужихъ народовъ указываетъ на стародавнее славянство, какъ на источникъ, ибо не было связи въ историческія времена между чехами и сербами ¹⁾. Слѣдуя этому своему методу, Палацкій останавливается на круговой порукѣ, платахъ за убійство, „сводѣ“, то-есть, сведеніи съ себя подозрѣнія въ воровствѣ посредствомъ указанія на продавца краденой вещи, на судахъ и ихъ компетенціи, на судѣ присяжныхъ и соприсяжникахъ, на третейскомъ судѣ, на убѣжищахъ, судебныхъ доказательствахъ, правѣ собственности, земскихъ повинностяхъ и крестьянахъ. Изъ этого перечисленія ясно видно, что Палацкій въ своей небольшой статьѣ затронулъ всё важнѣйшіе вопросы славянскаго права и притомъ такъ, что многія его положенія имѣютъ значеніе и до сего дня. Не оправдались только нѣкоторыя, а именно круговая порука оказалась хорошо извѣстною вообще всему человѣчеству на извѣстной ступени его развитія; въ платѣ за убійство трудно признать указаннаго авторомъ тонкія различія между вирою и головщиною; „сводѣ“ также принадлежитъ къ учрежденіямъ общечеловѣческимъ, а не національно-славянскимъ. Но не въ этихъ специальныхъ предметахъ вижу я чрезвычайную важность этой статьи. Она заключается въ совершенно правильномъ установленіи метода для разработки славянскаго права и въ примѣненіи его къ отдѣльнымъ вопросамъ; въ этомъ именно ви-

¹⁾ Тамъ же, стр. 213—216, сравни также стр. 147—149.

дѣлъ значеніе своей работы и самъ авторъ ¹⁾ Далекій отъ созданія идеала славянскаго общежитія, существовавшаго будто бы во времена доисторическія („гминовладство“ Лелевеля, отчасти Мацѣевскаго), онъ предъявляетъ къ изслѣдователю славянскаго права слѣдующія требованія:

1) Установить исходные моменты для всѣхъ славянскихъ народовъ посредствомъ сравненія всѣхъ славянскихъ юридическихъ памятниковъ; тождественное у всѣхъ славянскихъ народовъ, несмотря на отдаленность ихъ одинъ отъ другаго, есть ихъ общее наслѣдіе отъ временъ доисторическихъ. Въ этомъ общемъ наслѣдствѣ далѣе можно выдѣлять элементы національные отъ элементовъ общечеловѣческихъ посредствомъ сравненія славянскихъ началъ съ началами, существовавшими у другихъ народовъ; очевидно, такое сравненіе лучше всего укажетъ на то, что свойственно только однимъ славянамъ.

2) Исходя изъ обще-славянскихъ воззрѣній на право и государство, разъяснить дальнѣйшее развитіе общественнаго быта въ каждой отдѣльной славянской національности. Необходимо замѣтить, что чешскіе ученые, а именно знаменитый Герменегильдъ Ирѣчекъ, въ противоположность дедуктивнымъ системамъ поляковъ и русскихъ (общинныя начала Хомякова, Ивана Курѣевскаго, Самарина, К. Аксакова) ²⁾, и шли по этому, указанному Палацкимъ, единственно научному пути.

Теперь мы уже можемъ сформулировать въ немногихъ словахъ значеніе Палацкаго для исторіи славянскаго права. Нашъ авторъ останавливается на трехъ основныхъ вопросахъ этой возникающей на нашихъ глазахъ науки, а именно на томъ, что составляетъ главнѣйшую движущую силу въ развитіи чешскаго права, какъ объяснить себѣ происхожденіе отдѣльныхъ славянскихъ правъ изъ первобыт-

¹⁾ Тамъ же, стр. 258.

²⁾ Русскихъ ученыхъ мы не коснулись потому, что они появились позже польскихъ и чешскихъ и притомъ не безъ ихъ вліянія. Они, какъ и поляки, видѣли въ общинѣ характеристическую особенность славянскаго духа; отличительная ихъ черта отъ поляковъ состоитъ только въ томъ, что они были убѣждены въ сохраненіи чистыхъ общинныхъ началъ только въ одной Россіи, какъ не подвергавшейся вліянію католицизма и римскаго права, вообще западно-европейскихъ началъ. См. о русскихъ ученыхъ И. М. Собѣтѣанскаго: Ученіе о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. Харьковъ. 1892. стр. 148—187.

наго единства славянскихъ воззрѣній на человѣческое общежитіе, и какого приѣма изслѣдованія слѣдуетъ держаться при разработкѣ славянскаго права. Всѣ эти три вопроса ставились и разрѣшались, и до Палацкаго, но онъ одинъ, думается мнѣ, предложилъ намъ на нихъ вполне удовлетворительный отвѣтъ, дающій вмѣстѣ съ тѣмъ возможность существованія славянскаго права, какъ самостоятельнаго научнаго цѣлага. Усвоеніе культурныхъ началъ, добытыхъ предшествующею жизнію человѣчества, представляется Палацкому содержаніемъ чешской исторіи; выдѣленіе изъ обще-славянскаго единства отдѣльныхъ славянскихъ правъ является результатомъ самостоятельной дѣятельности отдѣльныхъ народовъ, вызванной иноземнымъ вліяніемъ и замѣненіями въ обстановкѣ; наконецъ, методъ долженъ состоять, по мнѣнію Палацкаго, не въ опредѣленіи существа славянскаго духа, выведеніи изъ него посредствомъ логическаго мышленія извѣстныхъ положеній и затѣмъ въ наблюденіи, гдѣ такіа положенія сохранились въ наибольшей чистотѣ, а въ изученіи отдѣльныхъ славянскихъ памятниковъ и въ установленіи такимъ путемъ общихъ воззрѣній славянъ на право и государство, какъ исходныхъ моментовъ для развитія правъ отдѣльныхъ славянскихъ національностей.

● Зигель.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Вскочила исторія въ четырехъ томахъ. Сочиненіе профессора *Оскара Іегера*. Переводъ подъ редакцію профессора *П. Н. Полеваго*. Съ многими снимками съ намятниковъ и отдѣльными приложеніями, отпечатанными черною и цвѣтными красками. Изданіе *А. Ф. Маркса*. Цѣна за все изданіе (въ двѣнадцать выпускахъ) 12 рублей.

Въ книго-издательскомъ объявленіи-рекламѣ, сопровождающей каждый изъ двѣнадцати выпусковъ русскаго перевода четырехтомнаго нѣмецкаго подлинника, объясняются побужденія, заставившія избрать трудъ *О. Іегера*, какъ лучшее пособіе для просвѣщенія русскою публики въ познаніи Всемирной исторіи. „Нашъ великій исторіографъ *Карамзинъ* уже въ первой четверти нынѣшняго столѣтія въ предисловіи къ своему безсмертному историческому труду, называетъ исторію „главною и необходимѣйшею изъ книгъ“. Въ данное время, когда образованіе и грамотность получили такое широкое распространеніе въ Россіи, мы, конечно, должны еще болѣе чувствовать силу и правоту словъ великаго мыслителя и историка; должны придавать еще болѣе значенія тѣмъ историческимъ трудамъ, которые въ общепонятной и общедоступной формѣ предлагаютъ намъ чтеніе полезное и назидательное, чтеніе просвѣщающее и возвышающее душу. Такимъ именно чтеніемъ для cadaго образованнаго русскаго человѣка можетъ служить нынѣ издаваемая нами въ свѣтъ „Всеобщая исторія“ проф. *Оскара Іегера*—трудъ замѣчательный по своимъ достоинствамъ научнымъ и еще болѣе по чрезвычайно умѣлому изложенію историческаго матеріала, которымъ авторъ владѣетъ въ совершенствѣ, а потому и передаетъ его въ удивительно простой, ясной

и доступной формѣ. Благодаря именно этимъ достоинствамъ книги, она, уже при самомъ появленіи своемъ въ свѣтъ, заслуживъ весьма одобрительные отзывы ученой критики, успѣла въ короткое время выдержать въ Германіи три изданія и мало по малу сдѣлалась любимою книгою образованной семьи — необходимою принадлежностью каждой домашней и общественной библіотеки. Эту книгу мы и рѣшились представить русскимъ читателямъ въ полномъ ея объемѣ и во всей красотѣ той превосходной иллюстраціи, которая составляетъ драгоценное дополненіе къ ея тексту“.

Хотя все это сказано несовсѣмъ красиво и складно, пожалуй и несовсѣмъ грамотно, но по содержанію не противорѣчить истинѣ. Дѣйствительно д-ръ Оскаръ Іегеръ, не будучи самостоятельнымъ ученымъ историкомъ, даже не будучи университетскимъ преподавателемъ исторіи—*профессоромъ* онъ именуется по нѣмецкому обычаю давать такой титулъ лучшимъ и заслуженнымъ учителямъ гимназій (Gymnasial—professor).—принадлежитъ съ одной стороны къ наиболѣе выдающимся педагогамъ современной Германіи, а съ другой — онъ обладаетъ широкимъ образованіемъ, особенно въ области исторіи, и безспорнымъ литературнымъ талантомъ. То, что выработано ученою критикой и что изложено въ обширныхъ специальныхъ трудахъ, либо въ отдѣльныхъ выдающихся критическихъ изслѣдованіяхъ, онъ умѣетъ дѣлать доступнымъ и для школы, и для большей публики, — такъ какъ хорошо знаетъ дѣло, чуждъ сухаго педантизма, напротивъ, проникнутъ живымъ и благороднымъ чувствомъ симпатіи къ выдающимся собирательнымъ и отдѣльнымъ представителямъ и дѣятелямъ общечеловѣческаго и національнаго развитія. Въ нашей педагогической литературѣ давно извѣстны и пользуются большимъ успѣхомъ его греческая и римская исторія, предназначенныя именно для тѣхъ же цѣлей—популяризаціи и оживленія школьнаго преподаванія, какъ и подлежащая теперь рассмотрѣнію Всеобщая исторія. Такимъ образомъ, относительно перваго тома, и сомнѣнія быть не можетъ, что выборъ издателемъ „Нивы“ былъ сдѣланъ хорошій. Тѣ же самыя достоинства, которыя отличали давно признанныя и одобренныя руководства по исторіи Греціи и Рима, несомнѣнно остаются и въ новой ихъ обработкѣ для (трехъ выпусковъ) перваго тома Всеобщей исторіи—правда, нѣсколько болѣе сжатой и краткой по изложенію, но за то сопровождающейся обильными и чрезвычайно внимательно подобранными иллюстраціями. Древняя исторія въ одинаковой степени есть общее достояніе всѣхъ образованныхъ народовъ и различіе какихъ-либо національныхъ предраспо-

ложений и взглядовъ тутъ не имѣеть значенія и даже не имѣеть мѣста. Но уже по отношенію къ Средней исторіи возникаетъ вопросъ о томъ, пригодна-ли книга общеобразовательнаго характера, назначавшаяся для нѣмецкой публики, въ такой же степени и для русской публики. Извѣстно, что въ нѣмецкихъ учебныхъ и популярныхъ сочиненіяхъ по исторіи среднихъ вѣковъ не только центръ тяжести переносится на Германію, на исторію борьбы имперіи и папства,—что до извѣстной степени можетъ быть оправдываемо, но исторіи другихъ странъ—даже западныхъ, Франціи и Англии, почти игнорируется, либо сводится къ крайне скуднымъ размѣрамъ; о Славянствѣ и Византіи и говорить нечего: никакого самостоятельнаго интереса они будто бы не имѣютъ и упоминаются 'случайно только тамъ, гдѣ приходятъ въ соприкосновеніе съ германскимъ міромъ. Въ наукѣ такая точка зрѣнія отжила свой вѣкъ; Weltgeschichte Ранке представляетъ разительное доказательство того, что безъ Византіи не возможно составить себѣ правильнаго представленія о ходѣ и связи всемірно-историческихъ событій даже съ ихъ внѣшней политической стороны. Но то, что исчезаетъ въ наукѣ, долго держится въ популярныхъ сочиненіяхъ. Объ О. Іегерѣ мы можемъ сказать, что онъ не принадлежитъ къ исключительнымъ и крайнимъ германскимъ патриотамъ, всюду видящимъ одну свою Германію. Въ этомъ отношеніи любопытны его замѣчанія, къ сожалѣнію не совсѣмъ хорошо передаваемые въ русскомъ переводѣ, объ излишней наклонности приписывать успѣхность человѣческаго прогресса тому, что называется національнымъ чувствомъ, замѣчаемой въ настоящее время, тогда какъ національное чувство содѣйствуетъ успѣхамъ культуры лишь при соединеніи своемъ съ извѣстнымъ гуманнымъ направленіемъ и т. д. (II т., стр. 211 русскаго перевода; ср. нѣмецкій подлинникъ II Band. S. 205). Тѣмъ не менѣе признается *естественный интересъ* къ исторіи *своей націи*, заставляющій автора ставить Германію на первый планъ при изображеніи средне-вѣковаго быта, хотя и въ соединеніи съ другими условіями; въ числѣ послѣднихъ главнымъ образомъ выдвигается идея преемственной и единой имперіи, носителями которой были нѣмецкіе короли-кесари: оговорки о томъ, что были и другіе носители этой идеи, восточные императоры, при этомъ не сдѣлано (стр. 199 русск. перев. S. 193 нѣм. подлинника). „При изложеніи исторіи среднихъ вѣковъ“ — читается въ другомъ мѣстѣ, „мы принимаемъ Германію за центръ, и разсматриваемъ прочія земли и народности въ мѣрѣ и степени ихъ тяготѣнія къ ней“, потому

что „Римская имперія осуществляла собою идею связывающую воедино *все* европейскія государства“ (стр. 453 русск. перев.). Но равнѣ была *одна* только римская имперія? Развѣ *все* европейскія государства тяготѣли къ Римской имперіи германскаго народа? Развѣ тѣ, которыя тяготѣли къ другой имперіи, не были поэтому европейскими? — Нѣкоторое уваженіе къ началу гуманности въ противоположности его къ націонализму заставляеть Іегера удѣлить долю вниманія Франціи и Англии — пожалуй, въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ это дѣлается въ другихъ подобнаго рода нѣмецкихъ сочиненіяхъ, но все-таки не въ такой степени, чтобы французы и англичане могли считать себя удовлетворенными и въ состояніи были принять Всеобщую исторію Іегера какъ вполне пригодную книгу для своей общеобразовательной школы и для своей образованной публики. Что же сказать намъ русскимъ? Издатель и редакторъ сознавали пробѣлъ: „примѣняясь къ потребностямъ русскихъ читателей, говорится въ проспектѣ, мы позволили себѣ нѣсколько видоизмѣнить воззрѣнія нѣмецкаго историка на событія обще-европейскаго значенія тамъ, гдѣ онъ излагаетъ ихъ съ своей національной точки зрѣнія; сверхъ того — мы дополнили II, III и IV томы „Всеобщей исторіи“ Іегера тѣми историческими свѣдѣніями о государствахъ славянскихъ и въ особенности о Россіи, скудость которыхъ составляетъ одинъ изъ важныхъ пробѣловъ въ прекрасномъ трудѣ О. Іегера“. — Если въ самомъ дѣлѣ редакторъ видоизмѣнялъ воззрѣнія автора книги, то едва-ли онъ имѣлъ на то право, удерживая въ заглавіи его имя; но на самомъ дѣлѣ, эти видоизмѣненія были, очевидно, на столько не существенны, что мы ихъ вовсе не ощущали при чтеніи книги; и теперь мы затрудняемся отыскать и указать таковыя; напротивъ, отъ начала до конца средней, новой и новѣйшей исторіи мы постоянно чувствовали, что читаемъ книгу нѣмецкаго писателя. хотя, правда, очень хорошую и умную, — въ нѣмецкомъ подлинникѣ вѣроятно, даже лучшую по изложенію, чѣмъ въ русскомъ переводѣ ¹⁾. Что касается до восполненій, то едва-ли они много помогаютъ дѣлу. Они касаются

¹⁾ Въ древней исторіи вставлена довольно обширная глава о философіи Аристотеля, которой мысли имѣть въ подлинникѣ, а заимствована она переводчикомъ изъ философскаго лексикона Гогоцкаго (Кіевъ, 1857). Нужно замѣтить, что Іегеръ вообще не находилъ необходимымъ въ популярной книгѣ заниматься изложеніемъ философскаго развѣтвля въ Греціи, а если бы онъ это нашелъ нужнымъ, то, конечно, не допустилъ бы такой несплѣдователности, чтобы пропустить совсѣмъ Платона, а удѣлить цѣлыхъ четыре страницы Аристотелю.

въ сущности одной русской исторіи, только слегка упоминаются западные славяне, поляки и чехи, а о восточныхъ славянахъ (болгарахъ и сербахъ) почти ничего нѣтъ, равно какъ и Византія вполнѣ отсутствуетъ. Такимъ образомъ, очерки русской исторіи въ средне-вѣковомъ отдѣлѣ имѣютъ характеръ чисто внѣшняго привѣска; они лишены органической связи съ цѣлымъ — именно потому, что нѣтъ посредствующихъ звеньевъ, нѣтъ Византіи и южнаго славянства. Удѣльная и велико-княжеская Русь — одна и сама по себѣ — не можетъ быть съ успѣхомъ противопоставлена цѣлому германо-романскому міру. Да и былъ это напрасный трудъ, и совершенно суетное предположеніе, что какой-либо русскій читатель будетъ довольствоваться для ознакомленія съ судьбами своей родины довольно скудными и краткими очерками такого характера, какой только и возможно было имъ придать во Всеобщей исторіи, исходящей изъ западно-европейской точки зрѣнія и всецѣло наполненной германскими элементами и отчасти романскими. Было бы совершенно другое дѣло, если бы русскому ученому редактору удалось включить эти отдѣлы въ нѣмецкій подлинникъ для назиданія нѣмецкой публики. Тогда бы они имѣли нѣкоторый смыслъ. — Въ новой и новѣйшей исторіи опять дѣло другое. Русская имперія здѣсь играетъ такую видную роль и имѣетъ такое самостоятельное значеніе, что всяческія ея подробности легко могутъ быть введены въ общую рамку, и если въ самомъ дѣлѣ тутъ окажутся пробѣлы, то восполненіе ихъ будетъ прямою заслугой. Но за то и всякіе иностранные писатели, не исключая нѣмецкихъ, отводятъ здѣсь больше мѣста русскому народу. О Всеобщей исторіи Иегера это нужно сказать въ особенности: на самыхъ послѣднихъ страницахъ четвертаго тома въ нѣмецкомъ подлинникѣ мы находимъ портретъ покойнаго государя Александра III (слѣдуетъ еще только портретъ германскаго императора Вильгельма II) — съ соотвѣствующимъ текстомъ о состояніи Россіи послѣ турецкой войны; выше (S. 667, 668) мы увидимъ портреты великаго князя Николая Николаевича и генерала Гурко — признакъ, что довольно подробно говорится о событіяхъ, въ которыхъ ихъ имена прославились; еще выше мы встрѣтимъ портретъ Александра I-го и рядъ иллюстрацій, относящихся къ нашей Отечественной исторіи. Въ русскомъ изданіи число иллюстрацій, преимущественно въ видѣ портретовъ русскихъ дѣятелей въ войнѣ и мирѣ, очень умножено, и это очень пріятно видѣть; но чтобы и русскій текстъ былъ расширенъ въ соотвѣствующемъ размѣрѣ, этого мы не находимъ...

Все-таки книга Iегера есть книга хорошая и если не во всѣхъ своихъ частяхъ можетъ удовлетворять запросамъ русскаго читателя и русскаго педагога, то ради своихъ общихъ достоинствъ она и въ частной и въ общественной библиотекѣ будетъ желаннымъ приобрѣтениемъ. Вопросъ, однако, въ томъ, въ какой степени русское изданіе сохранило одно изъ главнѣйшихъ ея преимуществъ, заключающееся въ прекрасномъ литературномъ изложеніи. По видимому, имя редактора, проф. П. Н. Полеваго, выставленное въ заглавіи каждаго выпуска, должно ручаться за безукоризненную правильность и надлежащую гладкость перевода. Но горькій опытъ вынуждаетъ насъ не довѣряться довольно неопредѣленному выраженію „*переводъ подъ редакціею*“ такого-то.

При ближайшемъ ознакомленіи сейчасъ же обнаруживаются очень чувствительно недостатки, происходящіе то отъ небрежности, то отъ малаго знакомства съ дѣломъ, то отъ недостаточнаго знанія нѣмецкаго языка. Такъ какъ всѣ такія свойства никакъ не могутъ быть приписаны редактору, то приходится думать, что наблюденіе его было поверхностнымъ и отчасти фиктивнымъ. Приводимъ нѣсколько примѣровъ—прежде всего изъ древней исторіи, гдѣ всего легче было бы избѣжать всякихъ промаховъ.

Стр. 92 „И въ Аѳинахъ исторія—начинается съ царей, которые собрали подъ своею рукою небольшое аттическое государство и основали свою резиденцію въ *низовьяхъ ручья Кефисосъ*“. Но въ нѣмецкомъ подлинникѣ: *Auch hier beginnt die Landesgeschichte mit einem Königthum, welches die kleinen Gemeinwesen der Landschaft zu einem attischen Gesamtstaat vereinigt und seinen Sitz auf einer mässigen aber beherrschenden Höhe am untern Lauf des Kephissosbaches — — aufgeschlagen habe.* Итакъ, помимо всего прочаго, въ подлинникѣ резиденція находится не въ низовьяхъ ручья Кефисса, что не соответствовало бы дѣйствительности, а на умѣренномъ, но господствующемъ возвышеніи при нижнемъ теченіи Кефисса. Переводчикъ не справился съ текстомъ, не особенно даже затруднительнымъ. Тутъ же слѣдуетъ приложенная въ видѣ иллюстраціи страница (IV столбецъ рукописи Британскаго музея) изъ недавно открытаго сочиненія Аристотеля объ аѳинской политіи. Есть и объяснительная страница, представляющая переводъ соответствующей греческой страницы, но переводъ этотъ, по прямому признанію переводчика, сдѣланъ не съ приложеннаго греческаго подлинника, а съ нѣмецкаго перевода Полянда; а что и еще того хуже, сдѣланъ неудовлетворительно — съ

искаженіями смысла. Въ приводимыхъ Аристотелемъ отрывкахъ элегій Солона, послѣдній говорить, что онъ старался быть одинаково справедливымъ и къ народной массѣ и къ богатымъ, не давая преобладанія ни той, ни другой сторонѣ и предупреждая прямое столкновение между ними.

*„Но отъ тѣхъ и друмихъ я устранился, прекрываясь щитомъ
И ни одному не далъ возможности торжествовать неправую побѣду“.*

По гречески:

ἔστυν δ' ἀμφιβαλὼν κρατερὸν σάκος ἀμφότεροισι,

что вовсе не значить „я устранился“, а напротивъ—сталъ по срединѣ, разлучая борющихся своимъ сильнымъ щитомъ. — Греческій текстъ былъ какъ будто нѣмъ для русскаго переводчика, но и нѣмецкій *его* подлинникъ его не оправдываетъ

*Beiden doch trat ich zur Seite, des Schildes gewaltige Rundung
Tragend und keinen liess ich unrechten Sieg's sich erfreu'n.*

Далѣе на оборотной сторонѣ Солона заставляютъ говорить:

Законы далъ и для добраго (человѣка) и для *плута*
И каждому далъ возможность ими пользоваться.

Зачѣмъ такая заботливость о равенствѣ правъ порядочныхъ людей и негодяевъ? Дѣло въ томъ, что соответствующія греческія прилагательныя, отличающія хорошихъ и худыхъ людей, употребляются часто не въ смыслѣ нравственномъ, а сословномъ или социальномъ, какъ и древне-русскія выраженія „лучшіе люди и подлые люди“.

Θεσμούς δ' ὁμοίως τῷ κακῷ τε καὶ ἀθῷ,
Ἐβθεῖεν εἰς ἕκαστον ἀρίστας δίκην и т. д.

Русскаго переводчика сбиль съ толку нѣмецкій:

Gesetze gab ich für den Guten, wie den *Schelm*,
Der ich geraden Rechtes Richtschnur jedem bot.

Но нѣмецкій переводчикъ стѣсненъ былъ своимъ стихотворнымъ размѣромъ, да и то, вѣроятно, не придавалъ выраженію „Schelm“ значенія „плутъ“.

Встрѣчаются и другія подобныя промахи въ передачѣ аристотелевской страницы.

На страницахъ 155 и 156 русскаго текста читается характеристика поэтической дѣятельности Софокла; здѣсь тоже весьма много мелочкаго, неяснаго, и все завершается прямымъ искаженіемъ смысла

подлинника. Неловко сказано, что Софокль принадлежалъ къ тѣмъ счастливымъ смертнымъ, которымъ *судьба доставляетъ возможность* спокойно излить всю полноту своего значенія въ цѣломъ рядѣ своихъ художественныхъ произведеній. Лучше и ближе къ нѣмецкому подлиннику было бы сказать: которымъ *даровано было* и т. д.— Неудобопонятно передатьъ смыслъ драмы „Антигона“: „ничто не можетъ быть яснѣе, понятнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ *трогательнѣе*, какъ, на примѣръ, въ Антигонѣ это противоположеніе государственнаго права и дочерней обязанности, писаннаго и неписаннаго закона, которое и *приводитъ*, наконецъ, къ столкновенію“. Въ подлинникѣ: Es kann nichts klareres, verständlicheres und dabel doch das sittliche Bewusstsein tiefer erregendes geben—вмѣсто *трогательнаго* то, что глубоко возбуждаетъ наше нравственное сознание; далѣе въ подлинникѣ *противоположеніе* приводитъ къ столкновенію не само по себѣ, а доводится до столкновенія durch die *Masslosigkeit* людей, дѣйствующихъ во имя того и другаго закона и затѣмъ погибающихъ вслѣдствіе преувеличенія того или другаго законнаго въ себѣ чувства и т. д. Наконецъ, въ отрывкѣ идетъ рѣчь о вознагражденіи драматическихъ писателей во время Софокла: Auch die Geldfrage, die Honorarfrage wurde mit einiger Delicatesse behandelt: es bestand in einem ansehnlichen Ehrensold, den der Rat im Namen des Volkes dem Sieger auszahlte (S. 164). Въ русскомъ (стр. 156) это передано такъ: „и денежный вопросъ, вопросъ гонорара, *былъ обойденъ чрезвычайно деликатно*: онъ сводился къ довольно значительному, почетному вознагражденію *въ видѣ жалованья*, которое совѣтъ отъ имени народа выплачивалъ побѣдителю“. „Въ видѣ жалованья“ совсѣмъ лишнія слова. окончательно искажающія смыслъ подлинника.

Изложеніе надгробной рѣчи Перикла въ нѣмецкомъ подлинникѣ сдѣлано весьма искусно, хотя и можетъ вызвать нѣкоторыя возраженія; въ русскомъ переводѣ допущены произвольные пропуски и измѣненія, совсѣмъ не приводящія къ добру, то-есть, къ улучшенію: „Затѣмъ ораторъ хвалитъ свой городъ за его отношенія къ чужеземцамъ, порицаетъ въ этомъ смыслѣ Спарту за ея исключительность и добавляетъ: нашъ городъ открытъ для всѣхъ“ (стр. 159). Но въ подлинномъ, то-есть, греческомъ текстѣ, нѣтъ *прямо* порицанія Спартѣ и она тутъ не названа, что и понятно. Нѣмецкій оригиналъ, правда, гласитъ: Der Redner rühmt den grossen Sinn seines Gemeinwesens, das keine summarischen Fremdenausweisungen kenne, wie sie *zu Sparta geschehen*: wir bieten unsre Stadt allen dar“ S. 167, но и

здѣсь передается только смыслъ замѣчанія Перикла и все-таки въ иной болѣе смягченной по отношенію къ Спартѣ формѣ, а собственныя слова Перикла, отдѣленные кавычками, представляютъ не *добавленіе*, а главное положеніе приведеннаго отрывка.

Стр. 217 о *Демосеентѣ*: „Только такъ и могъ говорить истинный патріотъ того времени, незнакомый съ путями Провидѣнія; и думать могъ онъ только объ *общей коалиціи* многихъ, а если возможно, то и *всѣхъ элементовъ государства*, въ связи съ Персіей, какъ союзницей—противъ Македонія“.

Это уже совершенная бессмыслица. Въ подлинникѣ говорится о коалиціи многихъ, а если возможно *то и всѣхъ эллиновъ* (то-есть, отдѣльныхъ общинъ) одновременно съ персидскимъ союзомъ; эллины превращены въ элементы—въ элементы одного государства, то-есть, афинскаго, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, но — *общая коалиція* для элементовъ одного государства есть выраженіе неподходящее.

Отъ начала обратимся къ концу—отъ древней исторіи къ новѣйшей, къ тому четвертому.

На стр. 539 идетъ рѣчь о первомъ выступленіи Бисмарка на политическомъ министерскомъ поприщѣ и о прусскомъ конституціонномъ конфликтѣ. „Его *вмѣшательство* еще болѣе обострило недовѣріе, которое *вызвано* было ужъ однимъ его именемъ и *вызвало* столкновение“. По нѣмцамъ: *für den Augenblick schärfte sein Eintritt schon durch Mißtrauen, das sein blosser Namen erweckte den Konflikt*“ (S. 560). Въ данный моментъ его появленіе (въ составѣ и во главѣ министерства) обостряло конфликтъ уже по причинѣ недовѣрія, возбуждаемаго однимъ его именемъ. Дальше еще хуже. „Три главныхъ фактора государственной власти не пришли въ финансовомъ вопросѣ къ обоюдному соглашенію, какъ того требовала конституція. Правительство и верховная палата были единодушны, а послѣдняя къ тому же еще и *обформила документомъ* свое противозаконное рѣшеніе. Превышая тѣмъ самыя свои права, которыя допускали принятіе или непринятіе бюджета въ *цѣльности* (sic), палата приняла требованія правительства; но это рѣшеніе палата депутатовъ еще *устыла отвергнуть* и признать недействительнымъ“. Въ подлинникѣ: (S. 561) „die Regierung und Herrenhaus waren einig und das letzere dokumentirte diese Einigkeit noch besonders durch einen verfassungswidrigen Beschluss“ и т. д. Послѣдняя (то-есть, палата господъ) формально выразила свое согласіе съ министерствомъ въ противномъ конституціи постановленіи. Дѣло въ томъ, что по конститу-

ціи Верхняя палата могла только принять или отвергнуть бюджет въ *ею иѣломъ*, какъ онъ былъ представленъ палатою депутатовъ, исключившею дополненія правительства, а вмѣсто того она (палата господъ) внесла поправки, соответствующія желаніямъ министерства; такое постановленіе Верхней палаты палата депутатовъ ранѣе своего распушенія имѣла время объявить недѣйствительнымъ съ точки зрѣнія права. — Все это довольно ясно выражено въ нѣмецкомъ оригиналѣ, но совсѣмъ не можетъ быть понято изъ русскаго перевода. „Противовѣчія ихъ (депутатовъ нижней палаты) поведенія съ горячимъ польскимъ вопросомъ Бисмаркъ презрительно не замѣчалъ, такъ какъ оно было недостаточно доказательно и ему не хотѣлось углубляться въ этотъ вопросъ“. Опять бессмыслица. На самомъ дѣлѣ у Легера говорится, что на возраженія депутатовъ противъ его (Бисмарка) отношенія къ польскому вопросу онъ (Бисмаркъ) отвѣчалъ презрительно, такъ какъ эти возраженія основывались де на недостаточномъ знакомствѣ съ дѣломъ, а онъ не имѣлъ особой охоты восполнять такія ихъ свѣдѣнія“.

На слѣдующей (540) страницѣ равнымъ образомъ не обошлось безъ искаженій, ведущихъ къ бессмыслицѣ. „Но и въ этомъ отношеніи (то-есть. въ движеніи вопроса о германскомъ объединеніи) былъ сдѣланъ шагъ впередъ: основанія и правила этихъ сѣздовъ (разумѣются частныя сѣзды — юристовъ, преподавателей, естествоиспытателей, келлеровъ, портныхъ), были представлены въ сентябрѣ 1862-го года *депутатамъ германской палаты*, а въ октябрѣ 1863-го года и *представителямъ германскихъ городовъ*“. Но если существовала германская палата и собраніе представителей германскихъ городовъ, то желанное единство было уже на лицо и хлопотать всѣмъ этимъ сѣздамъ было не о чемъ. Бѣда въ томъ, что въ нѣмецкомъ подлинникѣ говорится только о распространеніи принципа общихъ сѣздовъ на депутатовъ нѣмецкихъ камеръ (въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ) и на представителей нѣмецкихъ городовъ, то-есть, указывается, что предположены и для нихъ общіе сѣзды, открытые для всѣхъ желающихъ изъ той и другой среды.

Довольно существенныя недостатки русскаго изданія въ отношеніи къ тексту въ значительной степени искупаются обиліемъ и высокимъ достоинствомъ иллюстрацій, почти всецѣло перенесенныхъ изъ нѣмецкаго подлинника и еще умноженныхъ соответственно выставленной цѣли принаравленія къ потребностямъ нашей публики и нашей школы. Въ объявленіи справедливо указывается, что одно изъ

важныхъ достоинствъ труда О. Іегера составляетъ чрезвычайное богатство иллюстрацій и что тщательный ихъ выборъ и тѣсная связь съ текстомъ способствуютъ ясности и наглядности изложенія, живо перенося воображеніе читателя къ временамъ минувшимъ.

В.

Новый трудъ по внутренней исторіи Литовской Руси.

А. *Ярушевичъ*. Ревнитель православія князь Константинъ Ивановичъ Острожскій (1461 — 1530) и православная Литовская Русь въ его время. Смоленскъ. 1897.

Въ предисловіи къ своей монографіи авторъ такимъ образомъ объясняетъ побужденія, заставившія его приняться за трудъ о князѣ Острожскомъ: „При научныхъ бесѣдахъ съ людьми интеллигентными“, говоритъ онъ, „насъ нѣсколько удивлялъ тотъ фактъ, что подъ именемъ Константина Острожскаго обыкновенно подразумѣвался Константинъ Константиновичъ, извѣстный долготѣною борьбою за православіе воевода кievскій. Отецъ же его Константинъ Ивановичъ всегда оставался и остается почти неизвѣстнымъ, а между тѣмъ онъ боролся за православіе не меньше сына и во всякомъ случаѣ гораздо успѣшнѣе. Только такія свѣтила русской исторической науки, какъ Карамзинъ, преосв. Макарій и Соловьевъ, удѣляютъ ему по нѣсколько строкъ, а для менѣе видныхъ ученыхъ Константинъ Ивановичъ остается большею частью въ тѣни, а иногда объединяется съ личностью сына“ (стр. 5). Это заявленіе автора естественно должно расположить читателя къ мысли, что онъ имѣетъ дѣло съ книгою, которая трактуетъ о малоизвѣстномъ сюжетѣ и освѣщаетъ уголокъ, долготѣ оставшійся темнымъ въ исторической наукѣ. *Дѣйствительность, однако, совершенно не соответствуетъ заявленію автора.* Можно вполне вѣрить автору, что князь Константинъ Ивановичъ Острожскій неизвѣстенъ многимъ интеллигентнымъ лицамъ. До сихъ поръ наши элементарные учебники выдвигали на видъ дѣятельность его сына, а объ отцѣ упоминали только вскользь, по поводу битвы на Ведрошѣ и при Оршѣ, да и то не всегда. Но никакъ нельзя согласиться съ авторомъ въ томъ, что князь Константинъ Ивановичъ мало извѣстенъ и *въ наукѣ* русской исторіи, и что будто бы ему даже у свѣтилъ этой науки удѣлено всего нѣсколько строкъ. Правда, что Карамзинъ и Соловьевъ даютъ немного свѣдѣній о князѣ Констан-

тинъ Ивановичъ, но преосвященный Макарій въ IX т. своей „Исторіи русской церкви“ посвящалъ князю Константину Ивановичу Острожскому не нѣсколько строкъ, а въ общей сложности около *восемнадцати страницъ*, что для общей исторіи русской церкви болѣе чѣмъ достаточно. Въ своемъ трудѣ преосвященный Макарій не только отмѣтилъ *есть* крупныя и дѣйствительныя услуги князя православію, но и подвелъ общій итогъ его дѣятельности и значенію въ исторіи православія. Изъ этого итога можно только развѣ что нибудь отнять; но едва ли можно что нибудь прибавить къ нему по существу, какъ это и доказалъ г. Ярушевичъ своею книгою. По отношенію къ преосвященному Макарію заявленіе г. Ярушевича — литературный грѣхъ, тѣмъ болѣе непростительный, что преосвященному Макарію авторъ слишкомъ много обязанъ какъ въ цѣломъ, такъ и въ наиболѣе существенныхъ деталяхъ своей ученой констукціи.

Работа г. Ярушевича о князѣ Острожскомъ есть не что иное, какъ подробное развитіе того, что сказано у преосвященнаго Макарія на 206 — 208 стр. девятаго тома „Исторіи русской церкви“. Во всѣхъ своихъ главныхъ выводахъ авторъ имѣетъ своимъ предшественникомъ преосвященнаго Макарія. Всѣ главные основанія, на которыхъ построены эти выводы, даны уже преосвященнымъ Макаріемъ. Авторъ несправедливъ также и относительно капитальнаго и прекраснаго труда г. Вольфа „*Kniaziowe Litewsko-Ruscy*“. Онъ нашелъ нужнымъ сказать объ этомъ трудѣ только то, что имъ слѣдуетъ пользоваться съ осторожностью, въ виду того, что авторъ не совсѣмъ разборчиво пользовался источниками (стр. 18, 19), и не упомянулъ того, что г. Вольфъ на пяти страницахъ убористаго quarto (смѣло могутъ быть приравнены къ 15 — 20 стр. книги Ярушевича) собралъ всѣ главныя данныя *первоисточниковъ* относительно государственной дѣятельности и служебной карьеры князя Константина Ивановича, данныя, которыми воспользовался *по его указанію* и г. Ярушевичъ. Самый недостатокъ труда г. Вольфа является въ указаніи г. Ярушевича сильно преувеличеннымъ. Вольфъ въ своемъ биографическомъ словарѣ литовско-русскихъ князей группировалъ *преимущественно данныя первоисточниковъ*, прибѣгая, и притомъ сравнительно рѣдко, къ даннымъ сомнительныхъ источниковъ лишь только при недостаткѣ данныхъ болѣе достовѣрныхъ. Г. Вольфа можно упрекнуть только за то, что онъ не оговорилъ этого въ предисловіи къ своему труду и не обозначилъ прямо источниковъ сомнительнаго свойства, чтобы не вводить въ заблужденіе не свѣдущихъ читателей. Г. Ярушевичъ не счелъ

нужнымъ опредѣлить и то, что даетъ о князѣ Константинѣ Ивановичѣ книга Бонедкаго „Poczet rodów w W. Ks. Litewskiem“, несмотря на то, что и эта книга была въ его пользованіи. Между тѣмъ и въ этой книгѣ можно найти о князѣ Острожскомъ не „нѣсколько только строкъ“, хотя и меньше, чѣмъ въ книгѣ г. Вольфа. Изъ всего этого явствуется, что князь Константинъ Ивановичъ Острожскій вовсе уже не такая неизвѣстная и неопѣнная въ наукѣ личность, какъ утверждаетъ г. Ярушевичъ. Что касается заявленія г. Ярушевича, будто „второстепенные писатели“ иногда смѣшиваютъ князя Константина Ивановича съ его сыномъ, то остается только пожалѣть, что г. Ярушевичъ высказалъ это голословно, не подтвердивъ примѣрами.

Въ „Исторіи русской церкви“ преосвященнаго Макарія подведенъ такой итогъ дѣятельности и значенію князя Константина Ивановича въ исторіи западнорусскаго православія: „Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій (панъ виленскій, гетманъ наивысшій, староста Луцкій и Браславскій, маршалокъ Волинской земли), принявшій на себя ходатайство передъ королемъ и за угнетенныхъ галичанъ, былъ, во дни митрополита Іосифа Солтана, самымъ могущественнымъ покровителемъ и благотворителемъ западно-русской церкви. Потомокъ знаменитаго Давида галицкаго или, какъ нынѣ догадываются, древнихъ князей Туровскихъ и Пинскихъ изъ племени св. Владиміра, князь Константинъ Острожскій оказалъ необыкновенныя заслуги отечеству, въ званіи полководца, не разъ удостоивался рѣдкихъ почестей и триумфовъ за свои побѣды, пользовался всеобщимъ уваженіемъ соотечественниковъ и по воинской доблести не было ему равнаго не въ одной Литвѣ, но и въ Польшѣ. Очень естественно, если голосъ такого человѣка имѣлъ особенную силу предъ государемъ. И мы видѣли, что почти всѣ милости и льготы, болѣе значительныя, какія оказалъ Сигизмундъ православному митрополиту, епископамъ, церквамъ и монастырямъ, были оказаемы преимущественно ради наивысшаго гетмана, Константина Ивановича Острожскаго, и самъ король даже прямо свидѣтельствовалъ объ этомъ въ своихъ грамотахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, отлываясь, по примѣру своихъ предковъ, высокимъ благочестіемъ и пламенною приверженностью къ православной вѣрѣ и обладая обширными имѣніями и богатствами, князь Константинъ не щадилъ для нея своихъ сокровищъ, строилъ и обновлялъ церкви, надѣлялъ монастыри землями и угодіями, дѣлалъ щедрныя приношенія архіерейскимъ каедамъ, и въ этомъ отношеніи также превосходилъ всѣхъ своихъ единовѣрцевъ-соотечественниковъ. Православные іерархи

питали къ нему глубокое уваженіе и довѣріе, особенно митрополить Іосифъ... Князь Константинъ пережилъ его на нѣсколько лѣтъ, и оставался опорой западно-русской церкви еще почти во все время служенія ей слѣдующаго митрополита¹⁾. Всѣ эти положенія преосвященнаго Макарія и развиваетъ въ своей монографіи г. Ярушевичъ. Ими опредѣлилась большая часть его работы, которая состояла такимъ образомъ: во-первыхъ, въ собраніи генеалогическихъ данныхъ о князѣ Константинѣ Ивановичѣ; во-вторыхъ, въ собраніи данныхъ относительно его государственной дѣятельности и служебнаго возвышенія; въ-третьихъ, въ собраніи данныхъ объ имущественныхъ пріобрѣтеніяхъ князя Острожскаго по связи съ ростомъ его служебнаго положенія и богатства; въ-четвертыхъ, въ перечнѣ пожертвованій въ пользу церкви; въ-пятыхъ, въ перечнѣ моральныхъ услугъ, оказанныхъ княземъ православію, и, наконецъ, въ общей характеристикѣ личности князя Константина Ивановича и опредѣленіи его значенія въ исторіи западно-русской церкви. Всѣ эти данныя о князѣ Острожскомъ и отзывы о немъ автора переплетены въ простомъ хронологическомъ изложеніи и въ связи съ разказомъ объ общемъ ходѣ политической и церковной исторіи Литовской Руси того времени. Такое изложеніе опредѣлялось цѣлью и задачей труда, которая, по словамъ автора, состояла въ томъ, чтобы прослѣдить *шагъ за шагомъ* глухую борьбу за православіе и русскую народность, оцѣнить услуги православно-русскому дѣлу наиболѣе выдающагося дѣятеля этой эпохи, князя Константина Ивановича Острожскаго, обозрѣть его труды на пользу православной церкви и выяснить на положеніи его, какъ представителя западно-руссовъ, положеніе и значеніе русскихъ въ Литвѣ того времени (стр. 8). Изложеніе раздѣлено на четыре главы по главнымъ моментамъ политической исторіи Литовской Руси, отчасти служебной карьеры Острожскаго, оказывавшимъ вліяніе на церковную жизнь западной Руси. Главамъ, трактующимъ о князѣ Острожскомъ, предпослана вступительная глава, содержащая краткій очеркъ политическаго и общественнаго строя и церковной жизни Литовской Руси до Казимира и при этомъ государѣ.

Трудъ г. Ярушевича постигла общая участь ученыхъ работъ, предпринимаемыхъ о предметахъ, уже обстоятельно разработанныхъ въ наукѣ. Ему удалось составить новую комбинацію фактическихъ данныхъ, *выскапанныхъ и подобранныхъ другими изслѣдователями.*

¹⁾ Исторія русской церкви, томъ IX, стр. 206—208.

дополнить эти данныя нѣкоторыми второстепенными подробностями, намѣренно или ненамѣренно опущенными его предшественниками, кое-что измѣнить въ подробностяхъ, не всегда къ лучшему, — но не удалось внести вновь ничего существенно-важнаго въ науку. Нельзя сказать, чтобы г. Ярушевичъ не стремился къ этому, но какъ это сплошь и рядомъ случается съ учеными, подбирающими и прилаживающими факты къ готовымъ уже выводамъ, добытымъ другими, онъ только утрировалъ то, что было установлено преосвященнымъ Макаріемъ, и насильно подвелъ подъ его схему много такого, чего при отсутствіи предвзятой мысли никакъ нельзя уложить въ этой схемѣ. Нельзя, наконецъ, не отмѣтить и того, что авторъ обратился къ изученію specialнаго сюжета изъ западно-русской исторіи, не ознакомившись предварительно въ достаточной мѣрѣ и съ надлежащею внимательностью съ данными научной литературы по исторіи Литовской Руси вообще. Съ этими данными, по всѣмъ признакамъ, онъ знакомился попутно, и притомъ бѣгло, уже во время своей работы надъ specialнымъ изслѣдованіемъ. Этимъ только и можно объяснить рядъ крупныхъ промаховъ, допущенныхъ авторомъ по предметамъ, имѣвшимъ косвенное отношеніе къ его сюжету, рядъ оригинальныхъ, но не обоснованныхъ фактами сужденій и заключеній автора.

Къ такимъ, къ сожалѣнію, выводамъ о книгѣ г. Ярушевича приводитъ разборъ ея въ подробностяхъ и сопоставленіе ея съ другими трудами изъ той же области. Для удобства читателей я расположу свой обзоръ въ той системѣ, по которой логически распредѣляется содержаніе книги г. Ярушевича, и которую я намѣтилъ выше.

Вступительная глава книги (стр. 21 — 45), содержащая краткій очеркъ политическаго и общественнаго строя и церковной жизни Литовской Руси до Казимира и при немъ, — самая слабая въ научномъ отношеніи. По характеру своему эта глава — компилятивная, и въ ней большею частью содержится то самое, что можно прочесть и въ другихъ сочиненіяхъ по исторіи Западной Руси. Компилятивный характеръ этой главы нельзя, понятно, поставить автору въ вину въ виду того, что эта глава является простымъ введеніемъ къ главному содержанію его книги. Но можно требовать, чтобы компиляція соответствовала современному состоянію научной литературы, чтобы изъ этой литературы авторъ не бралъ того, что уже устарѣло и опровергнуто новыми розысканіями, а съ другой стороны, чтобы авторъ не замѣнялъ произвольными догадками и необоснованными домыслами установленныхъ уже въ наукѣ положеній. Этимъ требованіямъ не удовлетворяетъ вступительная глава книги г. Ярушевича. Въ ней особенно

ярко сказался недостаток предварительной должной подготовки къ специальному изслѣдованію.

Авторъ начинаетъ свое вступленіе съ опредѣленія количественнаго отношенія русской народности къ литовскому племени. Это ему понадобилось для того, чтобы выставить на видъ русскій характеръ великаго княжества Литовскаго. Не довольствуясь общимъ указаніемъ на количественное преобладаніе русскаго племени, авторъ въ цифрахъ опредѣляетъ это отношеніе, какъ 1 : 10, минимумъ 1 : 6. Первое опредѣленіе получено имъ путемъ принятія равномерной населенности для всей территоріи литовско-русскаго государства. Принимая величину всей территоріи этого государства въ 714.000 кв. верстъ, онъ относитъ на долю литовскаго племени 69.300 кв. верстъ, и отсюда уже выводитъ первое изъ вышеприведенныхъ отношеній. На чемъ основано второе, неизвѣстно. Но еслибы даже было вѣрно исчисленіе территоріальной распространенности Литвы и Руси въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, всеже принятіе равномерной населенности литовской государственной территоріи является произвольнымъ предположеніемъ. Не подкрѣпляютъ это предположеніе и соображенія, выдвинутыя авторомъ въ 1-мъ примѣчаніи. Онъ указываетъ на то, что Жмудъ была сильно опустошена набѣгами ордена, а Волынь и Киевщина татарами (съ 1482 г.). Но, во-первыхъ, мы не знаемъ степени опустошенія Жмуди и южно-русскихъ областей; во-вторыхъ, эти факты отстоятъ другъ отъ друга болѣе, чѣмъ на полу-столѣтіе, въ теченіе котораго убыль населенія, Жмуди могла наполниться естественнымъ приростомъ; а, въ-третьихъ, и при этомъ остается неизвѣстною степень населенности верхней Литвы и смежной съ нею Руси. Въ свое время я приводилъ данныя политическія, историко-географическія и статистическія, указывающія на большую неравномѣрность въ распредѣленіи населенія великаго княжества Литовскаго въ началѣ второй четверти XVI вѣка, то-есть, въ концѣ періода, затрогиваемаго изслѣдованіемъ г. Ярушевича. Я не буду повторять здѣсь своихъ соображеній и сошлюсь только на объясненія къ политической картѣ Литовско-Русскаго государства, приложенной къ моей книгѣ „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства“.

Разказывая о переимѣнѣ во внутренней жизни Литовско-Русскаго государства со времени династической уніи съ Польшею, г. Ярушевичъ говоритъ между прочимъ: „Главные правящіе жмудско-литовскіе роды почти вымираютъ; ихъ мѣсто занимаютъ литовско-русскіе окатоличенные и православные роды, получающіе все больше

и больше силы со времени Витовта⁴ (стр. 23). Въ 4-мъ примѣчаніи авторъ иллюстрируетъ это слѣдующимъ образомъ: „Къ концу XV в. какъ-то исчезаютъ роды Довгердовъ, Ромбодовъ, Кезгайловъ, Гедигольдъ, Минигайловъ, Сунигайловъ, а къ концу XVII вѣка большей части литовскихъ родовъ нѣтъ на исторической сценѣ (Монгерды, Монивиды, Монтовты, Лелюши-Костевичи, Остики, Судимонтовичи, Доввойны и др.); остаются Радивилы, Сапѣги, Войны, Тальвойши (уже мелкая шляхта). Изъ окатоличенныхъ родовъ выступаютъ: Кишки, Заберезинскіе, князья Гольшанскіе, князья Свирскіе—изъ русской національности; Лелюши, Монтивиды, Сапѣги—изъ литовской“. Можно только пожалѣть о томъ, что авторъ внесъ въ свою книгу это сообщеніе, которое въ сущности бесполезно для его дѣла и попало въ книгу à propos, для ученаго украшения ея и во свидѣтельство эрудиціи автора. Этимъ сообщеніемъ авторъ достигъ какъ разъ противоположнаго—показалъ, что онъ не просматривалъ, какъ слѣдуетъ, книгъ, которыя обозначилъ въ числѣ своихъ пособій. Въ числѣ этихъ пособій фигурируютъ между прочимъ книги Бенецкого (Poczet rodów w W. Ks. Litewskiem), Вольфа (Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego; Książowie Litewsko-Ruscy), Любавскаго (Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства). Изъ этихъ книгъ документально явствуетъ: а) что литовскаго рода Ромбодовъ не было, а былъ только одинъ Румбольдъ, староста жмудскій въ 1411 г., позже—маршалокъ земскій и староста витебскій, родной братъ Михаила Кезгайла¹); б) родъ Кезгайловъ вовсе не исчезалъ къ концу XV вѣка²), какъ утверждаетъ г. Ярушевичъ; в) рода Минигайловъ не было, а былъ одинъ только Минигайло, староста виленскій въ 1393 г. и каштелянъ виленскій въ 1413, изъ рода Гедигольдовичей³); г) былъ ли родъ Сунигайловъ или нѣтъ, неизвѣстно, ибо документальныя свѣдѣнія имѣются про одного только Сунигайла, который былъ старостою ковевскимъ въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка, а въ 1413 году сдѣланъ былъ каштеляномъ троцкимъ⁴); е) Монивидовичи и Судимонтовичи, по всѣмъ признакамъ, перемерли къ концу XV, а не къ концу XVII вѣка, какъ утверждаетъ авторъ⁵); ф) За-

¹) Poczet rodów, str. 119, 120, 285; Senatorowie i dygnitarze, str. 85, 91, 167.

²) Poczet rodów, str. 123; Senatorowie i dygnitarze, str. 63, 79, 91, 92, 149, 232, 290, 317.

³) Poczet rodów, str. 62; Senatorowie i dygnitarze, str. 71, 77.

⁴) Poczet rodów, str. 337; Senatorowie i dygnitarze, str. 62.

⁵) Senatorowie i dygnitarze, str. 34, 78, 300; Poczet rodów, str. 26.

березинскіе, князья Гольшанскіе, князья Свирскіе по происхожденію своему вовсе не были русской національности, а литовской, и только подобно всей литовской знати въ извѣстное время обрусѣли: Заберезинскіе вели свое происхожденіе отъ литовскаго пана Римовида, сынъ котораго Юрій получалъ отъ великаго князя Сигизмунда Кейстутевича имѣнія Заберезинь, Кривичи и Жесну въ той части Литвы, гдѣ литовское племя сильно перемѣшано было съ русскимъ ¹⁾; князья Гольшанскіе, имѣвшие свое родовое гнѣздо въ глубинѣ собственной литовской земли, имѣли своимъ извѣстнымъ предкомъ литовскаго князя Ольгимунта ²⁾; князья Свирскіе также вели свое происхожденіе отъ литовскаго династа, и родовое гнѣздо ихъ находилось въ предѣлахъ собственной литовской земли ³⁾; г) но зато Сапѣги вовсе не были литовскаго происхожденія, а русскаго, изъ служивыхъ людей Смоленской земли, землевладѣльцами которой они и являются по древнѣйшимъ актамъ ⁴⁾. Впрочемъ, на стр. 25 и у г. Ярушевича они являются въ числѣ русскихъ родовъ.

Вслѣдъ за разобраннѣмъ нами сообщеніемъ о генеалогической смѣнѣ въ составѣ правящаго класса великаго княжества Литовскаго, г. Ярушевичъ говоритъ: „Собственная Литва (Аукстоте) совершенно обезличивается, сливаясь или съ бѣлоруссами и жмудью (простой народъ), или же превращаясь въ полякующихъ католиковъ (высшій слой).—Бѣлорусскія, составляя главную и существенную силу Литвы, долго и упорно выдерживаетъ напоръ латинства, чему содѣйствовали: сосѣдство съ Москвою, природа страны, характеръ населенія и древне-княжескія традиции. Хуже было положеніе Волыни; съ двухъ сторонъ (черезъ Галицію и Подолье) на нее дѣйствовала Польша; внутреннія смуты (Свидригайло) и набѣги татаръ обезсилили ея народонаселеніе; благодаря этому, латинизація Волыни идетъ сравнительно быстрыми шагами. Хотя эти характерныя особенности трехъ названныхъ частей Литовско-Русскаго государства и не получили дальнѣйшаго развитія, но онѣ надолго удержали общій прогрессъ латинства въ Литвѣ и заставили радѣтелей Рима прибѣгнуть къ сдѣлкамъ и уступкамъ, то-

¹⁾ *Poczet rodów*, str. 391; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 117.

²⁾ *Poczet rodów*, str. 76; *Kniaziowie litewsko-ruscy*, str. 94, 95; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 116.

³⁾ *Kniaziowie litewsko-ruscy*, str. 505; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 111, 112.

⁴⁾ *Kniaziowie litewsko-ruscy*, str. 678—680; Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 270, 271.

есть, изобрѣсти унию“ (стр. 23, 24). Трудно понять логику всѣхъ этихъ разсужденій автора. Какимъ образомъ могло надолго удержать прогрессъ латинства на Литвѣ превращеніе высшаго слоя литовскаго племени въ полякующихъ католиковъ или быстрая латинизація Волины? Какимъ образомъ могло получить „дальнѣйшее развитіе“, хотя въ дѣйствительности и не получило, „совершенное обезличеніе“ собственной Литвы? Независимо отъ логическихъ несообразностей фактическая сторона приведенной выдержки возбуждаетъ рядъ недоумѣній. Что на Литвѣ совершался процессъ ассимиляціи литовскаго племени съ русскимъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Но непонятно, какимъ образомъ Литва-Аукстоте могла сливаться съ Жмудью и при этомъ обезличиваться, когда это было одно племя, одна національность, и названія Аукстоте и Жемойтъ были не племенные, а географическія? Что это такъ, объ этомъ мы имѣемъ авторитетное свидѣтельство изъ устъ великаго князя Витовта, который по поводу притязаній Ордена на Жмудь писалъ въ 1412 г. императору Сигизмунду: *terra Samaytarum... est hereditas et patermonium nostrum ex legitima attavorum et avorum nostrorum successione quam et nunc possidemus, que eciam est et semper fuit unum et idem cum terra Lythwaniae, nam unum ydeoma et uni homines. Sed quod terra Samaytorum est terra inferior ad terram Lythwaniae, ideo Szomoyth vocatur, quod in lythwanico terra inferior interpretatur. Samoyte vero Lythwaniam appellant Aux-tote, quod est terra superior respectu terre Samaytarum. Samagitte quoque homines se Lythwanos ab antiquis temporibus et nunquam Samaytas appellant*“¹⁾. Затѣмъ справедливо, что высшій слой литовскаго племени принялъ католичество, но отсюда еще далеко было до превращенія его „въ полякующихъ католиковъ“. До самой люблинской униі среди литовской знати вообще мало замѣчается симпатіи къ Польшѣ и къ польскому. Только со времени Сигизмунда I-го замѣчаются признаки національно-культурнаго воздѣйствія Польши, и притомъ не столько на высшій слой, сколько на среднюю рядовую шляхту. Если гдѣ и замѣчается въ разсматриваемое время „полякованье“, такъ это на Подляшѣ, гдѣ поселилась масса поляковъ. и на Волини и Подольѣ, гдѣ также селились поляки съ самаго концѣ XIV вѣка, а все не на Литвѣ²⁾. Недаромъ и позже подляшане

¹⁾ Codex epistolaris Vitoldi, № 861.

²⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 18, 20, 54³, 544. *Źródła dziejowe*, tom VI, str. LVIII, LXXI.

и православные князья, паны и земляне волынскіе склонили вѣсы судьбы на сторону уніи великаго княжества съ Польшею. Авторъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи не принимаетъ всего этого въ расчетъ и толкуеть о латино-польской партіи въ великомъ княжествѣ, о латино-польскихъ принципахъ, противопоставляя ихъ православной русской партіи, православно-русскимъ принципамъ, постоянно отождествляя понятие „католическій и польскій“, „православный и русскій“. Разумѣется, и изображеніе внутренней исторіи великаго княжества Литовскаго не выигрываетъ отъ этого въ отношеніи научности и ясности.

На 24-й страницѣ, въ прим. 7, перечисляя важнѣйшія удѣльные княжества на Литовской Руси, авторъ допускаетъ рядъ погрѣшностей и неточностей, показывающихъ, какъ невнимательно и спѣшно знакомился авторъ съ содержаніемъ даже главнѣйшихъ своихъ пособій. Такъ, онъ говоритъ, что Пинское княжество по смерти князя Василя Семеновича Одельковича перешло по мужу сестры Василя Александровича къ какимъ-то князьямъ ярославскимъ. Авторъ принялъ такимъ образомъ князя Ѳедора Ивановича Ярославича, внука московскаго удѣльнаго князя Василя Ярославича Боровскаго, за князя ярославскаго! Родъ Мстиславскихъ князей, по его словамъ, пресѣкъся около 1525; въ дѣйствительности это случилось въ первой половинѣ 1529 г. Обо всемъ этомъ имѣются *данныя первоисточниковъ* все въ той же книгѣ Вольфа „*Kniaziowie Litewsko-ruscy*“, которую авторъ подвергъ строгой критической расцѣнкѣ въ перечнѣ своихъ многочисленныхъ источниковъ и пособій.

На стр. 26 читаемъ у г. Ярушевича: „Отдѣльныя рускія области объединялись или главнымъ городомъ (Витебскъ), или епископомъ и боярами (Полоцкъ, Смоленскъ), или, наконецъ, епископомъ и главнымъ должностнымъ лицомъ области (Воынь, Кіевъ)“. Значить, по г. Ярушевичу, Витебская земля не объединялась главнымъ должностнымъ лицомъ и боярами, Полоцкая и Смоленская главными городами и главными должностными лицами, Воынская и Кіевская главными городами. Но еслибы онъ внимательно прочиталъ привилеи этихъ областей и тѣ страницы второго очерка книги „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства“, гдѣ говорится объ областномъ единствѣ западно-русскихъ областей, онъ увидалъ бы, что дѣло обстоитъ не такъ, какъ онъ написалъ. Витебская и Полоцкая земли объединялись и главными городами, которые были ихъ правительственными центрами, и боярами, которымъ раздавались волости и уряды въ этихъ земляхъ, и главнымъ должностнымъ ли-

помъ, котораго витебляне и полочане по привилегіямъ даже выбирали сами. То же самое, за исключеніемъ выбора воеводъ, было и въ Кіевской и Смоленской земляхъ. Что касается Волыни, то и для нея Луцкъ служилъ политическимъ центромъ, ибо тамъ отправлялись мѣстные сеймы¹⁾. Но Волынь вовсе не объединялась епископомъ, ибо на Волыни были двѣ епархіи, Луцкая и Владимірская. Говоря объ областномъ единствѣ западно-русскихъ земель, авторъ почему-то не упомянулъ о томъ, что объединяло всѣ эти земли,—объ особыхъ правахъ и привилегіяхъ, которыми пользовалась особо каждая земля.

На стр. 27 въ пр. 17 авторъ почему-то счелъ возможнымъ заимствовать изъ Стрыйковскаго спутанную генеалогію послѣдней жены короля Ягайлы—Софіи, вѣроятно, для того, чтобы породнить своего героя, князя Константина Ивановича, съ королевскимъ домомъ²⁾. Королева Софія является у него дочерью какого-то небывалаго кіевскаго князя Андрея изъ рода князей Друцкихъ (у Стрыйковскаго, впрочемъ, нѣсколько иначе: кіевскій князь Андрей княжить въ Друцкѣ). Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ королева Софія была дочерью князя Андрея Ольгимунтовича Гольшанскаго, какъ это явствуетъ изъ сообщенія пространной литовско-русской лѣтописи (такъ называемой лѣтописи Быховца). Обо всемъ этомъ г. Ярушевичъ могъ бы узнать все изъ той же книги г. Вольфа „Kniaziowie litewsko-ruscy“ (стр. 57, 96). Что лѣтописецъ не ошибочно считаетъ королеву Софію княжною Гольшанскою, на это указываетъ руководящая роль, какую играли князья Гольшанскіе при возведеніи сына Софіи Казимира на литовскій престолъ и выдающееся положеніе, которое они занимали при Казимирѣ и его сыновьяхъ. Все по тѣмъ же книгамъ Бонецкаго и Вольфа можно выслѣдить, что за это время почти всѣ наиболѣе важныя государственныя должности занимались князьями Гольшанскими и ихъ роднею и друзьями, которые всѣ вмѣстѣ и образовывали кругъ литовской аристократіи. Отлагая подробности до другаго раза, пойдемъ далѣе въ разборъ книги г. Ярушевича.

„Смерть Свидригайлы,—говоритъ г. Ярушевичъ,—поставила крестъ

¹⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 869—873.

²⁾ Стрыйковскій говоритъ про королеву Софію: a była wuuczka Witoltowa z siostry, córka Andrzeja Iwanowicza, przedtym zdawna z ksiąząt Kijowskich idącego, na ten czas kniazia Druckiego (nie Holszanskiego iak Latopisiec kładzie), z którego też doma on święty a sławny hetman Konstanti, xiąże Ostroskie, poszedł: bo xiązęta Ostroskie i Zaslawskie z Kijowskich i z Druckich własną genealogią idą (Kronika, tom II, str. 261).

на всѣхъ надеждахъ литовскихъ русскихъ, ихъ религіозно-культурномъ поступательномъ движеніи и открыла широкій просторъ пропагандѣ латинства... Дѣйствительно, едва Свидригайло потерялъ силу, какъ Сигизмундъ, ознаменовавшій свои побѣды постройкою костеловъ, прямо и рѣшительно началъ дѣйствовать противъ православныхъ западно-руссовъ. Но послѣдніе оказались слишкомъ сильными для того, чтобы можно было игнорировать ихъ законные интересы, и Сигизмундъ Кейстутевичъ поплатился за свою ревность къ латинству жизнью, какъ жертва заговора князей Чорторыйскихъ" (стр. 30). Г. Ярушевичъ не соглашается не только съ мнѣніемъ историковъ, но и съ свидѣтельствомъ современниковъ — лѣтописцевъ, что Сигизмундъ Кейстутевичъ поплатился жизнью за свою тиранию. „Князь того времени, — говоритъ онъ, — даже и не могъ быть жестокимъ по отношенію къ знати изъ княжеской среды. Да и при чемъ здѣсь воынецъ князь Чорторыйскій? Сомнительно также, чтобы тысячи воынянъ, никогда не выдавшихъ Сигизмунда, шли противъ него только изъ-за жестокости заключившагося въ Трокахъ князя" (стр. 30). Можно только удивляться тому, какъ читалъ г. Ярушевичъ свои многочисленныя пособія. Изъ втораго тома „Исторіи Россіи" Иловайскаго (стр. 274—275) онъ могъ бы, кажется, увидать, что заговоръ противъ Сигизмунда Кейстутевича устроенъ былъ на Литвѣ и литовскими вельможами (князь Чорторыйскій, воевода виленскій Довгердъ, воевода троицкій Мелюшь), что ни о какихъ тысячахъ воынянъ, которые будто бы помогали Чорторыйскому противъ Сигизмунда, и рѣчи быть не можетъ, ибо заговорщики убили Сигизмунда Кейстутевича налетомъ. „въ малѣ дружинѣ", если такъ можно выразиться. Еслибы г. Ярушевичъ внимательно прочиталъ 18 и 19 стр. книги Вольфа о литовско-русскихъ князьяхъ, тогда бы не сталъ недоумѣвать, при чемъ тутъ воыницы князя Чорторыйскіе. Изъ книги г. Вольфа документально явствуетъ, что князья Чорторыйскіе проживали на Литвѣ при королевскомъ дворѣ и, слѣдовательно, естественно могли подвергаться непріятностямъ отъ великаго князя Сигизмунда Кейстутевича вмѣстѣ съ другими литовскими панями. Разказъ объ убіеніи князя Сигизмунда Кейстутевича, содержащійся въ пространной литовской лѣтописи, полонъ такихъ живыхъ подробностей, которыя ясно показываютъ, что написанъ онъ со словъ современника событій, и притомъ раздраженнаго поступками великаго князя. Конечно, нельзя ручаться вполне за окраску, какая придана поступкамъ великаго князя въ разказѣ лѣтописи, но суть дѣла несомнѣнно

передана вѣрно и вполнѣ согласно съ обстоятельствами времени. Сигизмундъ Кейстутьевичъ возведенъ былъ на великое княженіе одною партією, при помощи со стороны, и подчинилъ себѣ противниковъ только силою, послѣ пораженія Свидригайла подъ Вилькомиромъ. Весьма возможно, что онъ, не питая къ нимъ довѣрія, сталъ преслѣдовать и казнить ихъ по мнимымъ, а, быть можетъ, и справедливымъ опасеніямъ, не разбирая ни правыхъ, ни виноватыхъ. Можно только пожалѣть, что г. Ярушевичъ не вникъ, какъ слѣдуетъ, въ этотъ разказъ лѣтописи ¹⁾ и предпочелъ своимъ домысламъ возвести на православныхъ волынянъ напрасное обвиненіе въ политическомъ убійствѣ. Да и откуда авторъ взялъ, что Сигизмундъ Кейстутьевичъ гналъ православіе? Неужели онъ, какъ католикъ, не могъ построить нѣсколько костеловъ, даже и не думая о преслѣдованіи православія? Извѣстно, правда, что въ 1436 году въ Литвѣ былъ учрежденъ трибуналъ святой инквизиціи подъ предѣдательствомъ каноника Николая изъ Ленчицы съ правомъ отыскивать и карать еретиковъ и отщепенцевъ. Но эта мѣра была направлена противъ гусситовъ, которые въ то время массами проникали въ Польшу и Литву, а не православныхъ. По отношенію къ православнымъ Сигизмундъ держался примирительной политики, и въ 1434 году выхлопоталъ у сюзерена Литвы, короля Владислава III, привилей, коимъ православные въ великомъ княжествѣ уравнивались съ католиками ²⁾.

И въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Ярушевичъ заставляетъ православныхъ по религиознымъ побужденіямъ играть некрасивую роль, самъ не замѣчая этого. Конечно, еслибы въ своихъ утвержденіяхъ г. Ярушевичъ опирался на свидѣтельства источниковъ, можно было бы только похвалить его за то, что истина для него всего дороже. Но въ томъ-то и бѣда, что всѣ эти утвержденія — одни домыслы автора, и притомъ неудачные, такъ что все это выходитъ только напраслиною на православіе. Между прочимъ г. Ярушевичъ повѣствуетъ: „Тѣсное единеніе православныхъ выражалось иногда въ прямыхъ возмущеніяхъ противъ правительства, его цѣлей и дѣйствій. За недостаткомъ данныхъ мы не можемъ утверждать, что прямою причиною подобныхъ „мирныхъ“ смуть было религиозное притѣсненіе. Но косвенныя соображенія говорятъ именно въ пользу такого иони-

¹⁾ Pomniki do dziejów litewskich, zebrane przez T. Narbutta, str. 48, 49. Wilno. 1846.

²⁾ А. Lewickiego Powstanie Świdrygiełły, str. 155, 156, nota 68.

манія дѣла, а прямой смыслъ фактовъ показываетъ, что возмущенія были результатомъ борьбы за византийско-русскую культуру. Первое темное свидѣтельство о смутахъ въ Литвѣ при Казимирѣ мы встрѣчаемъ около 1455—1459 года. Глухое недовольство королемъ обнаружилось, лишь только зашла рѣчь о томъ, кому владѣть Подолемъ. Казимиръ склонялся на сторону Польши. Тогда Янъ Гаштольдъ (sic), воевода Виленскій, составилъ планъ избранія въ великіе князья кievскаго князя Семена Олельковича. Въ числѣ главарей заговора мы видимъ Юрія Острожскаго, Олехно Судимонтовича; къ нимъ примкнула „большая часть князей, пановъ и литовскаго дворянства“. Казимиръ поспѣшилъ въ Литву, уговорами и обѣщаніями „на время“ стужилъ удержать враждебную ему партію; но въ 1459 году вельможи опять принялись за этотъ же планъ и даже прямо просили короля, проживавшаго постоянно въ Польшѣ, согласиться на вокняженіе Семена Олельковича. Но и на этотъ разъ дѣло окончилось ничѣмъ“ (стр. 42, 46). И это, по г. Ярушевичу, проявленіе борьбы за православіе или византийско-русскую культуру! Но даже и изъ тѣхъ подробностей, которыя онъ приводитъ, ясно видно, что это было движеніе совершенно другаго рода—проявленіе литовскаго государственнаго патріотизма князей и пановъ, недовольныхъ уступчивостью короля по отношенію къ Польшѣ. Изъ разказа Стрыйковскаго, на котораго ссылается г. Ярушевичъ, видно также, что литовская знать была недовольна постояннымъ отсутствіемъ короля изъ Литвы. Стрыйковскій на основаніи своихъ источниковъ прямо говоритъ: „A wszystko wiina tych rozterków na ten czas wszczętych na Gasztolcie została, wszakże o to karania nie wzięt, iż był wielkiego zawołania i możności, dla gorszego zaburzenia“¹⁾). При чемъ же тутъ православіе, и какія косвенныя соображенія могутъ заставить видѣть въ этомъ движеніи религиозную борьбу?

Усматривая проявленіе религиозной борьбы тамъ, гдѣ въ дѣйствительности нѣтъ и признаковъ ея, г. Ярушевичъ не видитъ участія религиозныхъ факторовъ тамъ, гдѣ они на лицо. Такъ, про заговоръ кн. Михаила Олельковича онъ говоритъ, что причина его неизвѣстна. Между тѣмъ вотъ что говорилъ по порученію великаго князя Александра его посолъ королю польскому Владиславу въ началѣ 1501 г., прямо намекая на событія 1481 — 1482 г. „Тако бо отъ оныхъ лѣтъ (со времени распространенія католицизма) ажъ до

¹⁾ Kronika, tom II, str. 250, 251. Warszawa, 1846.

нынѣшнихъ часовъ, Русь покушаются ее сказати и згладити, не только Москва, але и отъ подданныхъ княжать земли нашего милостивого пана нѣкоторые, яко часу *щастной памяти отца вашего милости, короля Казимира, на его милость, не для иного, ниже для вѣры святой, повстати умыслили*, такъ и на вашу милость, сыновъ его милости, пановъ нашихъ милостивыхъ. *О которыхъ же его милость своею мудростью и опатрностью то поразумѣлъ, и нѣкоторыхъ за нихъ за то скаралъ, а иные для того къ тому же Москвитину збѣгли*" ¹⁾. Такое объясненіе вполне согласуется съ обстоятельствами дѣла, ибо какъ разъ за годъ предъ этимъ вышло извѣстное распоряженіе о запрещеніи русскимъ строить и возобновлять церкви. Любопытно, что главари заговора фигурируютъ въ извѣстной грамотѣ, адресованной къ папѣ Сиксту IV въ 1476 году „отъ духовенства и княжатъ, и пановъ русскихъ зъ Вилни“. Это обстоятельство сильно говоритъ за то, что преосвященный Макарій правильно истолковалъ смыслъ этой грамоты, въ которой онъ видитъ не столько прямое прошеніе о воссоединеніи, сколько жалобу православныхъ на несправедливости и притѣсненія со стороны католиковъ, съ просьбою водворить между ними миръ, согласіе и любовь. Этимъ объясняется и то, что папа не далъ на грамоту никакого отвѣта ²⁾. Главари заговора заплатились жизнью. Но очевидно, попытки ихъ были не безъ результата, ибо распоряженіе 1481 г. либо вовсе не исполнялось, либо примѣнялось только на Литвѣ, среди католическаго населенія ³⁾.

Не только въ изложеніи политическихъ, но и въ изложеніи церковныхъ событій авторъ не обнаруживаетъ внимательнаго изученія своихъ источниковъ и особій и безъ нужды прибѣгаетъ къ произвольнымъ гипотезамъ. Такъ, про митрополита Григорія Болгарина онъ говоритъ, что тотъ едва ли искренно сочувствовалъ униі (стр. 37). Мы не знаемъ, искренно ли или неискренно Григорій сочувствовалъ униі. Это дѣло совѣсти, которую вѣдаетъ Богъ. Изъ того, что онъ позднѣе отрекся отъ униі, нисколько не слѣдуетъ, что и равнѣ онъ ей не сочувствовалъ. У преосвященнаго Макарія прекрасно изображены причины, заставившія Григорія повернуть фронтъ отъ Рима къ

¹⁾ Акты Зап. Россіи, I, № 188.

²⁾ Исторія русской церкви, томъ IX, стр. 53—61.

³⁾ См. факты, приводимые въ IX т. „Исторія русской церкви“, стр. 73, 79—81.

Царьграду, и кто может поручиться за то, что Григорій поступалъ искренно именно въ этомъ послѣднемъ случаѣ. Да и для дѣла въ сущности не особенно важно рѣшеніе такого деликатнаго нравственнаго вопроса. Важно, что первосвятительство Григорія было связано съ попыткой церковной уніи, и что эта попытка не удалась по несочувствію ей въ православномъ западно-русскомъ обществѣ.

Отвергая утвержденіе преосвященнаго Макарія, что преемникъ Григорія—Мисаилъ, былъ изъ рода князей Пеструцкихъ, г. Ярушевичъ съ своей стороны полагаетъ, что онъ происходилъ изъ рода князей Друцкихъ (стр. 37), несмотря на то, что преосвященный Макарій документально устранилъ возможность такой генеалогіи ¹⁾. Кроме того, все у того же Вольфа г. Ярушевичъ могъ бы найти новыя документальныя данныя, подтверждающія, что митрополитъ Мисаилъ вовсе не былъ изъ князей Друцкихъ и вообще былъ не княжескаго рода, а боярскаго, что фамиліи Пеструцкихъ не было, а названіе Пестручъ было простымъ прозвищемъ митрополитова брата—Миханла ²⁾ Такъ много свѣдѣній разсѣяно въ этой прекрасной книгѣ, которая должна быть настольною для всякаго, занимающагося исторіею Литовской Руси.

Говоря о средствахъ защиты православія отъ посягательствъ латинства, г. Ярушевичъ причисляетъ къ нимъ и братства (стр. 41). Но такое утвержденіе для рассматриваемаго времени является преждевременнымъ. Организация братствъ въ рассматриваемое время, хотя и служила религіознымъ цѣлямъ, но не тѣмъ, какія намѣчаетъ г. Ярушевичъ, неизвѣстно почему пошедшій въ сторону отъ своего пособія—IX тома „Исторія русской церкви“ (стр. 32—35).

Мы обозрѣли вступительную главу книги г. Ярушевича. Кроме указанныхъ частныхъ недостатковъ, она страдаетъ еще неправильностью общаго взгляда на внутреннюю исторію литовско-русскаго государства. Вся эта исторія представлена г. Ярушевичемъ въ видѣ борьбы двухъ національно-религіозныхъ началъ — польскаго католичества и русскаго православія ³⁾. Разумѣется, такое изображеніе выиграло въ простотѣ, но не въ истинѣ, которая въ дѣйствительности была сложнѣе, чѣмъ полагаетъ авторъ. На дѣлѣ мы видимъ католи-

¹⁾ Исторія русской церкви, т. IX, стр. 41, примѣч. 30.

²⁾ Książowie litewsko-ruscy, str. 669.

³⁾ Авторъ констатируетъ даже существованіе латино-польскихъ „характеровъ“. Такой характеръ, по его словамъ, былъ у Казимира (стр. 31).

ковъ, идущихъ рука объ руку съ православными, православныхъ, помогающихъ католикамъ, католиковъ, борющихся другъ съ другомъ, католиковъ литовцевъ, ненавидящихъ поляковъ, и православныхъ русскихъ, льнущихъ къ полякамъ, и т. д. Въ этой пестротѣ и сложности явленій можно подѣлать и выдѣлить дѣйствіе извѣстныхъ постоянныхъ причинъ, среди которыхъ извѣстная, но не единственная роль принадлежала и причинѣ, указываемой г. Ярушевичемъ. Къ такимъ общимъ причинамъ можно отнести: существованіе въ литовско-русскомъ государствѣ могущественной аристократіи, желавшей играть политическую роль, не желавшей приниженія и уменьшенія великаго княжества со стороны Польши; политическую гегемонию и различныя привилегіи Литвы, вызывавшія національный антагонизмъ къ ней русскихъ областей великаго княжества; и, наконецъ, агрессивныя поползновенія со стороны католиковъ на религиозную совѣсть русскихъ людей.

Въ изображеніи общей исторіи литовско-русскаго государства, содержащемся въ послѣднихъ главахъ книги г. Ярушевича и служащемъ, такъ сказать, фономъ при обрисовкѣ личности, дѣяній и значенія кн. Константина Ивановича, приходится встрѣчаться съ недостатками, подобными указаннымъ выше.

На стр. 77, говоря объ отъѣздѣ западно-русскихъ князей въ Москву въ 1500 г., г. Ярушевичъ отвергаетъ мнѣніе Карамзина и Соловьева, что причиною этого отъѣзда было принужденіе къ латинству. „Мы знаемъ,—говоритъ онъ,—что областные князья пользовались въ своихъ волостяхъ значительною властью, особенно въ дѣлахъ церковныхъ. Поэтому едва ли они могли опасаться принужденія къ латинству. Опасались они не этого, а потери своей волости, своего удѣла, ибо ясно сознавали могущество Москвы, слабость Литвы. суровость Іоанна“. Г. Ярушевичъ не вѣритъ собственнымъ показаніямъ князей объ этомъ принужденіи: „Мы не придаемъ этимъ показнымъ фразамъ, — говоритъ онъ, — характера исторической достовѣрности. Князья спасали не свою вѣру, а свои „животы“, зная отъ шпионовъ Іоанна о близкой войнѣ“ (стр. 140). „Болѣе честные князья такъ и объясняли свой отъѣздъ и не облачались въ хитонъ страдалцевъ за православіе“ (стр. 78). Г. Ярушевичъ вѣритъ показаніямъ другой стороны—объясненіямъ литовскаго правительства, даннымъ Іоанну, что будто бы никому понужденія въ вѣрѣ не было. Онъ отвергаетъ даже и извѣстное сообщеніе московскаго соглядатая Шостака о понужденіяхъ Елены къ латинству и о намѣреніяхъ

литовскаго правительства обратить Русь „въ проклятую латинскую вѣру“, несмотря на то, что это сообщеніе сходится въ общемъ и съ показаніями кн. Бѣльскаго. Хотя авторъ и сталъ въ данномъ случаѣ въ положеніе безпристрастнаго судьи, руководящагося правиломъ: *audiatur et altera pars* (стр. 79), но рѣшеніе его вышло одностороннимъ и потому не безпристрастнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что принужденія къ латинству не было, но была попытка склонить къ униі съ Римомъ, къ признанію папы главою церкви согласно опредѣленію Флорентійскаго собора, и при томъ попытка, отличавшаяся настойчивостью и требовательностью. О стараніяхъ папы самъ же г. Ярушевичъ сообщаетъ свѣдѣнія на стр. 128, въ прим. 321, ссылаясь и на источники. Кроме того, объ этомъ же сообщаетъ данныя источниковъ и преосвященный Макарій (стр. 107 — 109 девятаго тома). О стараніяхъ литовскаго правительства сообщаетъ краковскій каноникъ Сакранъ, написавшій въ 1500 году сочиненіе „Истолкователь заблужденій русской вѣры“. Само литовское правительство, старавшееся изъ всѣхъ силъ облить себя въ глазахъ Москвы, оговаривается, однако, признаніемъ, что попытка привести православныхъ къ униі съ Римомъ была предпринимаема, и объ этомъ даже упоминается въ самой книгѣ г. Ярушевича (стр. 79) ¹⁾. Въ Москвѣ не принимали во вниманіе или не хотѣли принять—различія между униєю и принятіемъ латинства и обвиняли литовское правительство въ насильственной пропагандѣ латинской вѣры. Негодованіе могло заставить и православныхъ Западной Россіи преувеличивать фактъ и толковать о насильственномъ крещеніи въ „проклятую латинскую вѣру“.

Странно, почему г. Ярушевичъ не остановился на такомъ естественномъ объясненіи дѣла, когда самъ же призналъ современнаго митрополита Іосифа Болгаряновича поборникомъ униі (стр. 71, 72). На такое объясненіе прямо наводитъ свидѣтельство вышеупомянутаго каноника Сакрана, приводимое въ IX томѣ „Исторіи русской церкви“ (стр. 140—147). Это свидѣтельство проливаетъ свѣтъ и на отъѣздъ князей 1500 г. Сакранъ говоритъ, что нѣтъ ни одного народа, который бы былъ такъ непоколебимъ въ защищеніи своего схизматическаго заблужденія, какъ народъ русскій. „Не упоминаемъ уже, какъ святотатственно поступили они съ Исидоромъ, митрополитомъ кіевскимъ, пришедшимъ къ нимъ съ Флорентійскаго собора, для насажденія между ними установленной тамъ униі съ римскою церковью: всѣмъ извѣ-

¹⁾ Ср. Исторію русской церкви, т. IX, стр. 115.

стенъ, у всѣхъ предъ глазами ихъ новый поступокъ, какой совершили они въ нынѣшнемъ 1500 г. *по отношенію къ той же самой униі.* Едва только великій князь литовскій возымѣлъ намѣреніе и началъ въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ кроткими убѣжденіями обращать ихъ—русскихъ, къ единству римской церкви, какъ князья и вожди ихъ съ яростью поспѣшили передаться къ московскому великому князю, защитнику ихъ схизмы; а этотъ послѣдній, считая намѣреніе Александра обидою для себя, обрадовался случаю напасть на литовскія области и произвелъ въ нихъ страшныя опустошенія. Русскіе до того ненавидятъ вѣру латинянъ, что желали бы не только всячески вредить ей, но даже искоренить ее во всемъ мірѣ⁴. Эти показанія современника ясно говорятъ, что въ 1500 году въ литовско-русскомъ государствѣ было сильное возбужденіе религиозныхъ страстей, и вполне согласуются съ донесеніемъ Шостака, который писалъ въ Москву: „Здѣсь, господине, у насъ сталося замѣтенъе великое межи Латыны и межи нашего христіанства. Въ нашего владыку Смоленского діаволь ся вселилъ, съ Сопѣгою, отметникомъ ихъ, на православную вѣру: князь великій неволилъ государиню нашу великую княгиню Олену, въ латынскую проклятую вѣру... да и все наше православное христіанство хотятъ окстити: ино наша Русь велии ся съ Литвою не любятъ“¹⁾. Судя по ненависти, которую возбудили „кроткія увѣщанія“ литовскаго правительства, едва ли можно думать, что они были кроткія; во всякомъ случаѣ настойчивость и требованіе подчиненія духовнымъ властямъ, принявшимъ унию, въ данномъ случаѣ имѣли мѣсто. А если такъ, то и князья отѣзжали въ Москву, спасая не „животы“ свои только, какъ пронизируетъ г. Ярушевичъ, а также вѣру и совѣсть. Г. Ярушевичъ, на основаніи косвенныхъ соображеній усматривавшій проявленіе религиозной борьбы тамъ, гдѣ нельзя уловить никакихъ признаковъ ея, не видитъ ея тамъ, гдѣ объ ней говорятъ прямыя свидѣтельства участниковъ и стороннихъ наблюдателей. Къ такимъ странностямъ привело автора стремленіе быть оригинальнымъ во что бы то ни стало...

Преосвященный Макарій, констатируя перемѣну церковной политики литовскаго правительства, послѣдовавшую вслѣдъ за московскою войною, ставитъ ее въ связь съ этою войною. „Въ Литвѣ, — говоритъ онъ, — опытно теперь убѣдились, какъ велико могущество московскаго государя, и какъ грозно стоитъ онъ за греческую вѣру,

¹⁾ Акты Зап. Россіи, I, № 155.

за православіе своей дочери и другихъ русскихъ литовцевъ, и не могли не понять, что онъ непремѣнно исполнить свои угрозы, если притѣсненія православнымъ въ Литвѣ не прекратятся и возобновятся" (ор. cit., стр. 119). Но г. Ярушевичу это вопліѣ естественное объясненіе показалось неудовлетворительнымъ, и онъ придумалъ свое собственное. Изъ его словъ выходитъ, что король Александръ впалъ по окончаніи войны въ великодушную сантиментальность по отношенію къ русскимъ, которые де на своихъ плечахъ вынесли войну и преимущественно потерпѣли отъ нея: во вниманіе къ этимъ заслугамъ и потерямъ русскихъ король и сталъ благоволять къ нимъ. По поводу этого объясненія можно спросить г. Ярушевича: развѣ Александръ пропагандировалъ унию по какимъ либо дурнымъ чувствамъ по отношенію къ русскимъ, такъ что могъ прекратить эту пропаганду съ прекращеніемъ самыхъ чувствъ? Впрочемъ, на стр. 92 г. Ярушевичъ самъ признаетъ, что боязнь предъ русскою силою обусловливала отношенія Александра къ русскимъ.

„Но если,—продолжаетъ г. Ярушевичъ,—перемѣна Александра объясняется войною 1500—1503 г., то дальнѣйшее благоволеніе его къ православно-русской партіи весьма много зависѣло отъ новаго „собиннаго“ друга великаго князя—умнаго и даровитаго князя Михаила Львовича Глинскаго“ (стр. 88). Вліянію Глинскаго г. Ярушевичъ приписываетъ различныя милости короля Александра православнымъ русскимъ, между прочимъ, выдачу подтвердительныхъ привилеевъ на права и вольности землямъ Витебской и Смоленской. Едва ли тутъ дѣйствовало личное вліяніе Глинскаго. Скорѣе всего можно объяснить это стремленіемъ литовскаго правительства улагодворять эти земли, вызваннымъ все тѣмъ же страхомъ предъ Москвою. Всѣ извѣстія о Глинскомъ согласно утверждаютъ, что въ своихъ дѣйствіяхъ онъ руководился личными мотивами — честолюбіемъ, соображеніями родства, дружбы и т. п. Такъ какъ по рожденію и землевладѣнію онъ принадлежалъ къ Руси, то естественно, что кругъ его родныхъ и пріятелей состоялъ преимущественно изъ русскихъ. Но отсюда еще далеко до покровительства православнымъ русскимъ вообще. Глинскій покровительствовалъ только тѣмъ, кто ему нравился или былъ нуженъ. Поэтому научная осторожность не позволяетъ усматривать руку Глинскаго тамъ, гдѣ ея не показываютъ самые источники.

По поводу избранія Сигизмунда великимъ княземъ литовскимъ г. Ярушевичъ говоритъ между прочимъ: „Быстрота и согласность

взбранія Сигизмунда заставляють предполагать, что оно было подготовлено раньше латино-польскою партией, при чемъ Сигизмундъ далъ ей нѣкоторыя обязательства въ ущербъ великокняжеской власти,—обязательства, содержаніе которыхъ намъ неизвѣстно, но которыя сильно ощущались въ первую половину царствованія этого короля“ (стр. 92, 93). „Кромѣ необъяснимой иначе враждебности Сигизмунда къ Глинскому, благоволенія его на первыхъ порахъ къ католикамъ“¹⁾...—на это, по словамъ г. Ярушевича, указываетъ и характерная особенность въ титулѣ. Александръ писалъ:... „намъ оставши господаромъ на отчинѣ нашей на великомъ княжествѣ Литовскомъ“... Сигизмундъ:... „omnium Praelatorum et Procerum Regni, immo totius senatus, Nobilitatis et populi consensu diadema capiti nostro imponeretur“ (прим. 192). Все это сочетаніе доказательствъ является страннымъ и малоопытнымъ. Неужели у Сигизмунда не могло быть личнаго нерасположенія къ зазнавшемуся временщику покойнаго брата, помимо какихъ-то обязательствъ, данныхъ имъ латино-польской партіи? И затѣмъ: какую особенность можно усмотрѣть въ титулѣ Сигизмунда по сравненію съ титуломъ великокняжескимъ Александра, когда приведенный титулъ Сигизмунда—не литовскій, а польскій?

Г. Ярушевичу захотѣлось быть оригинальнымъ и во взглядѣ на бунтъ Глинскаго безъ основательнаго изученія источниковъ, а просто на основаніи общихъ соображеній. Онъ не соглашается съ проф. Антоновичемъ, который считаетъ бунтъ Глинскаго „послѣдней реакціей русскихъ князей противъ польско-литовскаго направленія“. „Въ движеніи,—говоритъ г. Ярушевичъ,—участвовало мало коренныхъ западно-русскихъ князей; Глинскаго же, родъ котораго культивировался въ Литвѣ только съ XV вѣка, невозможно мыслить носителемъ древне-русскихъ княжескихъ традицій, совершенно чуждыхъ его роду“ (прим. 228). Но какой же историческій смыслъ былъ въ этомъ движеніи? „Дѣйствительно, это была реакція, но только не русскихъ князей и не противъ польско-литовскаго направленія, а реакція массы русскаго народа противъ латино-польскаго направленія, реакція, искусственно вздутая оскорбленнымъ честолюбіемъ Глинскихъ, поддержанная ихъ матеріальнымъ авторитетомъ, умѣлою группировкой недовольныхъ существующимъ порядкомъ, какихъ всегда бываетъ не мало, и завѣдомо ложнымъ преувеличеніемъ полонофильства новаго

¹⁾ Ниже, на стр. 95, г. Ярушевичъ свидѣтельствуетъ и о благоволеніи Сигизмунда I къ православнымъ съ самаго начала царствованія.

короля" (стр. 101). По поводу всего это приходится сказать только, что смѣлость не всегда города беретъ, и что г. Антоновичъ все-таки стоять ближе къ истинѣ, чѣмъ опровергающій его г. Ярушевичъ. Составляя свой оригинальный взглядъ на бунтъ Глинскаго, г. Ярушевичъ не потрудился выикнуть, какъ слѣдуетъ, въ разказъ о бунтѣ хотя бы Стрыйковскаго, который въ перечнѣ его источниковъ аттестованъ съ самой лучшей стороны. Стрыйковскій, пользовавшійся и западно-русскими лѣтописями, и польскими хрониками, разказываетъ о бунтѣ Глинскаго вещи, которыя никакъ не позволяютъ видѣть въ этомъ движеніи „реакцію русской народной массы противъ латинопольскаго направленія“. По отъѣздѣ короля Сигизмунда изъ Литвы въ Краковъ, Глинскій, „взбунтовавъ старыхъ товарищей и пособниковъ своихъ“, съ семьюстами вооруженныхъ людей нападаетъ на Заберезинскаго и убиваетъ его. Вскорѣ за тѣмъ, имѣя уже двѣ тысячи конницы, Глинскій часть ихъ разсылаетъ по Литвѣ — искать и избивать литовскихъ пановъ, а самъ, собравъ еще больше народа, отправляется въ Новгородокъ. Въ бытность свою тамъ онъ побиваетъ много шляхтичей, которыхъ считалъ своими противниками. „Видя затѣмъ, что такимъ жестокимъ поступкомъ онъ возбудилъ противъ себя короля и всю Литву въ стократъ больше, чѣмъ прежде, понимая, что королю нельзя было спустить ему этого ради пріятелей Заберезинскаго, не надѣясь на помилованіе, Глинскій затѣялъ большую войну и вознамѣрился сопротивляться королю силою. Поэтому онъ привлекъ на свою сторону нѣсколько литовскихъ пановъ и русской шляхты обѣщаніями, дарами и надеждою овладѣть великимъ княжествомъ, въ частности соединилъ свою силу съ роднымъ братомъ Василіемъ Глинскимъ, который передалъ ему заразъ нѣсколько замковъ своихъ и королевскихъ, гдѣ онъ былъ начальникомъ“. Послѣ неудачной осады Минска братья направляются подъ Клецкъ. Отсюда Василій идетъ къ пригородамъ кіевскимъ и пытается овладѣть Житомиромъ и Овручемъ. Онъ уговариваетъ шляхту и бояръ, чтобы они добровольно пристали къ его брату, „который де замыслилъ, — и въ томъ да поможетъ ему Богъ, внушившій ему это, — перенести съ Литвы на Русь великое княженіе, какъ было прежде“. Этими обѣщаніями Василій соблазняетъ многихъ бояръ и принимаетъ отъ нихъ присягу. Самъ же Михаилъ Глинскій осаждаетъ Слуцкій замокъ, помогаясь руки вдовой княгини Слуцкой—Анастасіи. Женитьбою на ней онъ имѣлъ въ виду увеличить свои силы, свою казну и приобрѣсти законныя основанія добиваться кіевского стола, который былъ нѣкогда

удѣломъ предка князей Слуцкихъ—Владимира Ольгердовича. Будучи не въ состояніи взять замокъ и пылая гнѣвомъ, Глинскій распускаетъ свое войско по волостямъ Слуцкимъ и Копыльскимъ, выжигаетъ и опустошаетъ ихъ хуже всякихъ татаръ. Послѣ того онъ добываетъ сѣлю Туровъ и Мозырь и беретъ съ бояръ присягу. Здѣсь къ нему прибываетъ московская помощь — 20.000 конныхъ ратниковъ подъ предводительствомъ Остафья Дашковича. Съ ними онъ идетъ подъ другіе замки, и на сторону его переходятъ князья Друцкіе съ своимъ замкомъ Друцкомъ, поддаются ему Орша, Кричовъ, Гомель ¹⁾). Дальнѣйшій разказъ Стрыйковскаго о военныхъ дѣйствіяхъ Глинскаго въ союзѣ съ московскими войсками уже не даетъ никакихъ характерныхъ подробностей для пониманія движенія, и потому нѣтъ нужды воспроизводить его здѣсь. Что же доказываютъ приведенныя подробности изъ разказа о мятежѣ Глинскаго? Онѣ доказываютъ, что въ этомъ движеніи „народная масса“ не участвовала. Ядро войска Глинскаго составили его „старые товарищи и пособники“ (*stare towarzystwo i roszpikі*), какъ выражается Стрыйковскій. Литовско-русская лѣтопись по списку Познанскому ²⁾ еще яснѣе обозначаетъ контингентъ первоначальнаго войска Глинскаго: „збиралъ приятели одны кривные, другіе за пенежи такъ зъ Руся, яко з Литвы“... Позже, какъ выше было указано, войско Глинскаго увеличивалось преимущественно русскими боярами и отчасти литовскою шляхтою. Всѣ эти люди шли подъ знамя Глинскаго не для того, чтобы бороться противъ латинскопольскаго направленія и полонофильства короля. Однихъ Глинскій нанималъ за деньги, другихъ застращивалъ и увлекалъ за собою насильно (по этой причинѣ пристали къ нему князья Мстиславскій и Друцкіе), третьихъ привлекалъ національно-политическими перспективами. Что касается русской народной массы, то въ бунтѣ Глинскаго она играла одну роль — была объектомъ грабежа и всяческаго насилія мятежниковъ. Бунтъ Глинскаго — чрезвычайно характерное явленіе, но не въ томъ родѣ, въ какомъ изображаетъ его г. Ярушевичъ. Это было проявленіе политическаго своеволія, выросшаго на почвѣ того феодализма, какимъ насквозь проникнуто было литовско-русское государство, съ его системою частнаго подданства, съ его многочисленными государями-землевладѣльцами, и отчасти—проявле-

¹⁾ *Strzykowski*, II, str. 345—347.

²⁾ За сообщеніе копій отрывковъ изъ этой лѣтописи приношу благодарность проф. И. А. Линиченку.

ніе національнаго антагонизма въ нѣдрахъ этого государства, русскія области котораго были недовольны политическою гегемоніею Литвы.

На этомъ мы кончимъ обзоръ общенсторической части книги г. Ярушевича и перейдемъ къ его специальному сюжету—къ біографіи князя К. И. Острожскаго.

Прежде всего остановимся на сообщеніяхъ г. Ярушевича о предкахъ князя К. И. Острожскаго (стр. 46—51) и на родословной таблицѣ князей Острожскихъ, составляющей № 1 приложеній къ книгѣ г. Ярушевича. Въ сообщеніяхъ о предкахъ князя Константина Ивановича г. Ярушевичъ большею частью повторяетъ Вольфа, дополняя его данныя кое-какими подробностями изъ *Słownika geograficznego Królestwa Polskiego*, статьи Максимовича о князьяхъ Острожскихъ, „Волини“ Батюшкова и др. Собственные добавленія автора не отличаются цѣнностью въ научномъ отношеніи, чтобы не сказать болѣе. Такъ, про князя Ѳедора Даниловича авторъ говоритъ, что „онъ ничѣмъ не брезговалъ“ для достиженія благоволенія Ягайла. И это на основаніи того, что онъ основалъ въ Острогѣ доминиканскій монастырь! Но вѣдь неизвѣстно, по какимъ побужденіямъ князь Ѳедоръ допустилъ основаніе католическаго монастыря; можетъ быть, просто потому, что, живя въ сосѣдствѣ съ Польшею, не относился враждебно къ католикамъ. „Благодаря такой политикѣ, — говоритъ г. Ярушевичъ, — Ѳедоръ Даниловичъ дѣлается богатымъ землевладѣльцемъ и принимаетъ у себя въ Острогѣ великихъ князей—Витовта въ 1427 г. и Свидригайла въ 1438 году“. Но акты, на которые ссылается г. Ярушевичъ, не говорятъ ни о какомъ приѣмѣ княземъ Ѳедоромъ Даниловичемъ великихъ князей, а только о бытности ихъ въ Острогѣ ¹⁾. Мы не знаемъ даже, живъ былъ въ это время князь Ѳедоръ Даниловичъ или нѣтъ. Г. Ярушевичъ продолжаетъ житіе князя Ѳедора Даниловича до 1441 года, заставляетъ его вѣстѣ съ Носомъ освободить Свидригайла изъ Кременецкаго замка въ 1420 (1418 г.?) и сражаться за него съ поляками, быть посаженнымъ въ тюрьму отъ Свидригайла по несправедливому подозрѣнію и т. д. Онъ не соглашается съ Левицкимъ и Вольфомъ, которые считаютъ князя Ѳедора, сторонника Свидригайла, княземъ Несвицкимъ. По его словамъ, Левицкій и Вольфъ называютъ его такъ произвольно, не приводя основаній. На повѣрку, однако, выходитъ, что правы Вольфъ и Левицкій, а не г. Ярушевичъ. Свидригайла изъ Кременца освобождалъ не Ѳедоръ Да-

¹⁾ Акты Южн. и Западн. Россіи, I, № 17, 20.

ниловичъ Острожскій, а князь Дашко Ѳедоровичъ Острожскій, вѣроятно, его сынъ ¹⁾). Левицкій и Вольфъ называютъ князя Ѳедора, стонронника Свидригайла, Несвицкимъ потому, что такъ называютъ его акты, на которые и ссылаются названные ученые. Эти акты помѣщены въ изданіяхъ, которыя г. Ярушевичъ внесъ въ перечень своихъ источниковъ и пособій (*Scarbiec dyplomatów, Zbiór dyplomatów Krurowicza*), и можно только удивляться, какимъ образомъ г. Ярушевичъ, вступая въ полемику, отнесся такъ невнимательно къ оспариваемымъ положеніямъ и не предпринялъ документальной провѣрки ихъ. Точно также непонятно, почему г. Ярушевичъ рѣшился отвергать существованіе другого князя Ѳедора, и именно Острожскаго, жившаго одновременно съ указаннымъ Ѳедкомъ Несвицкимъ, когда Вольфъ опять-таки документально доказалъ, что такой князь былъ, и что этотъ князь былъ товарищемъ по приключеніямъ извѣстнаго князя Сигизмунда Корибутовича ²⁾). Вообще нельзя сказать, чтобы г. Ярушевичъ внимательно знакомился съ содержаніемъ книги г. Вольфа. Въ дополненіе къ приведеннымъ доказательствамъ укажу еще на одинъ примѣръ. Высказавъ предположеніе о томъ, что князь Даниль Острожскій участвовалъ въ борьбѣ Либарта Гедиминовича съ Казимиромъ за Волинь въ 1349—1350 г., г. Ярушевичъ говоритъ далѣе: „но въ 1366 году мы его уже не видимъ, ибо, по договору Любарта съ Ольгердомъ, первый остается леннымъ владѣтелемъ, между прочимъ, и Острога“. Но у Вольфа какъ разъ констатируется, что князь острожскій Даниль былъ живъ въ 1366 г. Вольфъ ссылается на тотъ же самый документъ, который неизвѣстно для чего поставленъ и г. Ярушевичемъ въ примѣчанія къ вышеприведенной фразѣ. Этотъ документъ издатели „Архива Сангушковъ“ справедливо относятъ къ 1366 г. ³⁾; если же г. Ярушевичъ не согласился съ ними, онъ долженъ былъ бы опровергнуть ихъ въ примѣчаніи.

Свою родословную таблицу князей Острожскихъ г. Ярушевичъ рекомендуетъ предпочтительно предъ таблицами Вольфа, Бонецкаго и другихъ, какъ основанную на первоисточникахъ. Таблицы Вольфа и Бонецкаго онъ относитъ къ категоріи или неправильныхъ, или неполныхъ, или запутанныхъ. Но себѣ самому составитель предлагаетъ

¹⁾ Лѣтопись великихъ князей литовскихъ, стр. 48.

²⁾ *Kniaziowie Litewako-ruscy*, str. 314.

³⁾ Срав. П. А. *Иванова* Историческія судьбы Волинской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV вѣка, стр. 244—246. Одесса. 1896.

вѣрить на слово, ибо приводит только одну ссылку на первоисточникъ, совершенно не вскрывая своей черновой работы. Мы уже видѣли степень аккуратности и внимательности г. Ярушевича въ обращеніи съ первоисточниками. А посему и за таблицей его не можемъ признать никакого научнаго значенія, разъ она не оправдана ссылками на „первоисточники“. Мало того, сличеніе ея съ таблицами Вольфа и Бонецкаго, дѣйствительно основанными преимущественно на первоисточникахъ и оправданными ссылками, приводитъ къ убѣжденію, что таблица г. Ярушевича по справедливости можетъ быть названа и неполною, и неправильною, и запутанною. Выше было указано на пропускъ князя Ѳедора Острожскаго, соратника Сигизмунда Корибутовича. Но даже, если считать этотъ пропускъ за выраженіе особаго мнѣнія автора, все равно нельзя оправдать пропускъ жены князя Василя Ѳедоровича — Агаѣи, дочерей извѣстнаго ревнителя православія князя Константина Константиновича — Елизаветы и Александры, жень его сына Януша—Сузанны, Екатерины и Теофила, дочери князя Кузьмы Заславскаго—Анны, вышедшей замужъ за князя Ивана Ѳедоровича Чорторыйскаго, и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, относительно которыхъ, какъ это явствуетъ по ссылкамъ Вольфа и Бонецкаго, имѣются *актовая свѣдѣнія*, а не только родословныхъ и помѣяниковъ. Князь Юрій Заславскій по родословной г. Ярушевича является сыномъ совершенно неизвѣстнаго князя Семена Ѳедоровича, тогда какъ акты называютъ его Юрьемъ Васильевичемъ, сыномъ извѣстнаго Василя Ѳедоровича Острожскаго, дѣда князя Константина Ивановича ¹⁾). Сказаннаго, думаю, достаточно для того, чтобы судить, насколько можно довѣряться родословной г. Ярушевича, основанной яко бы на первоисточникахъ.

Теперь рассмотримъ, что даетъ книга г. Ярушевича относительно государственныхъ дѣяній, служебной карьеры и земельныхъ приобрѣтеній кн. Константина Ивановича. Сличеніе относящихся сюда мѣстъ этой книги съ книгою Вольфа показываетъ, что г. Ярушевичъ большею частью повторяетъ Вольфа, стараясь только избѣгать сухости и краткости изложенія послѣдняго. Это стремленіе г. Ярушевича къ живости и полнотѣ нерѣдко переходитъ въ игру фантазіи. Вольфъ, напримѣръ, излагаетъ коротко содержаніе актовъ, въ которыхъ первоначально упоминается кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій. Акты эти относятся къ имущественнымъ сдѣлкамъ князей Михаила и Кон-

¹⁾ См., напримѣръ, Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguzków, I, № LXVI.

стантина Острожскихъ. Это даетъ поводъ г. Ярушевичу сочинить слѣдующее: „Первое воспитаніе онъ получилъ подъ руководствомъ отцовскихъ бояръ и, отчасти, старшаго своего брата Михаила. Сохранившіяся свидѣтельства о жизни Константина Ивановича въ этотъ періодъ говорятъ преимущественно объ экономическихъ сдѣлкахъ: судя, по ихъ характеру, воспитатели молодыхъ князей выполняли только планы умершаго отца ихъ“ (стр. 51). Но откуда все это? Быть можетъ, князей и не бояре воспитывали, а мать и родные; быть можетъ, князя Михаилъ и Константинъ были погодки или близнецы, а кн. Константинъ былъ умнѣе и энергичнѣе Михаила, такъ что не Михаилъ его воспитывалъ, а онъ Михаила; затѣмъ: изъ того, что кн. Иванъ Васильевичъ приобрѣталъ и дѣти его приобрѣтали, не слѣдуетъ, что воспитатели дѣтей специально обучали ихъ этому искусству и тѣмъ выполняли какіе-то „планы“ отца... Съ большою неохотою вдаемся мы въ этотъ анализъ. Но, что же дѣлать, если подобнымъ творчествомъ наполнена значительная часть книги г. Ярушевича. Съ цѣлью подборки характерныхъ подробностей г. Ярушевичъ по временамъ дѣлаетъ самостоятельныя экскурсіи въ источники, на которые ссылается Вольфъ, но при этомъ нерѣдко извлекаетъ изъ нихъ то, чего въ нихъ совсѣмъ нѣтъ, или о чемъ говорится совершенно не такъ, какъ повѣствуетъ г. Ярушевичъ. До такой степени увлекаетъ его полетъ собственной фантазіи. Въ 1487 году князя Михаилъ и Константинъ Острожскіе, по словамъ автора, дали въ держанье имѣніе Межирѣчье семейству Чапличей, „очень дорожившихъ своею связью съ Острогомъ“, подъ условіемъ военной земской службы. „Въ договорѣ Острожскихъ съ Чапличами,—утверждаетъ г. Ярушевичъ,—характерно то обстоятельство, что обѣ стороны сохраняютъ обязательства отцовъ, не смотря на очевидную ихъ невыгоду для обѣихъ сторонъ“ (стр. 52). Пригласивъ читателя сравнить этотъ договоръ съ договоромъ кн. Ивана Васильевича съ отцомъ Чапличей, г. Ярушевичъ съ своей стороны указываетъ: „Чапличъ, промѣнивая свой дворъ Гольче на Межирѣчье, приплачиваетъ Ивану Васильевичу 30 копъ грошей и обязуется служить „до живота“; дѣти его ничего не приплачиваютъ, но обязуются служить цѣлою семьею“ (прил. 76). Едва ли при какомъ либо усиліи воображенія возможно постигнуть на этомъ сопоставленіи, что князя Острожскіе и Чапличи заключали обоюднo невыгодный договоръ. Если же читатель въ недоумѣніи по поводу всего обратится къ источникамъ, на которые ссылается авторъ, онъ найдетъ въ нихъ да-

леко не то, что говорить авторъ. Оказывается, что не Чапличъ приплачивалъ кн. Ивану Васильевичу, а князь Иванъ — Чапличу. По смерти Чаплича, отбъжавшаго отъ кн. Ивана Васильевича и тѣмъ нарушившаго договоръ, князья Михаилъ и Константинъ „припустили“ его вдову и дѣтей къ имѣнью Межирѣчу и отдали имъ это имѣнье не въ держанье, а „вечно, непорушно“ имъ самимъ и ихъ потомкамъ. „А пани Ескова Чаплича, — написали князья въ своей грамотѣ, — мает нам с того имени служити и дѣти ее и унучата ее мают нам с того имени служити вечно“¹⁾. Это не значить, конечно, что Чапличи должны служить цѣлою семьей, а значить только то, что съ имѣнья должны служить всѣ, кто будетъ владѣть имъ на будущее время. Г. Ярушевичъ, держась ближе къ тексту акта, могъ бы извлечь изъ него гораздо болѣе для своей проникнутой теплымъ чувствомъ характеристики своего героя. Но онъ предпочелъ прямымъ свидѣтельствамъ акта какія-то совершенно непонятныя соображенія. Упомянувъ о покупкѣ князьями Острожскими „закладнымъ правомъ“ имѣнья Тороканова, г. Ярушевичъ говоритъ: „Покупка эта замѣчательна по гуманности условій въ тотъ отдаленный періодъ времени, обычно считаемый періодомъ грубости и необразованности. Такъ, всѣмъ тяглымъ продаваемаго Тороканова предоставляется право ухода изъ имѣнья и наоборотъ — право осѣсть въ имѣньѣ подъ условіемъ внесенія владѣльцамъ одной копы грошей“ (стр. 52, 53). Въ данномъ случаѣ стремленіе къ идеализаціи своего героя заставило г. Ярушевича увидать въ актѣ то, чего тамъ нѣтъ. Актъ, на который ссылается г. Ярушевичъ, — „сознанье“ пана Гриба Ивешеневича въ „запродажѣ“ имѣнья Тороканова кн. Острожскимъ. Такъ какъ „запродажа“ предполагаетъ выкупъ, то на случай этого выкупа въ актъ и вносится слѣдующій договоръ о крестьянахъ: „А люди, которые осадит княз Михайло и княз Костентин Иванович Острожскии на том имени, ино которые усхотят осести у том имени, тыи мают дати князем их милости по копе грошей выходу; а которые люди усхотят поити ис того села за князя Михаила и за князя Костентина Ивановичовъ Острожских, тыи мают поити доброволно, а тотъ их не мает забавляти ничемъ, кто мает тое имене выкупати“²⁾. Въ чемъ тутъ можно усмотрѣть гуманность по отношенію къ крестьянамъ? Вѣдь право осѣсть въ имѣньѣ или уйдти предоставляется здѣсь не всѣмъ

¹⁾ Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXIV, XC.

²⁾ Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków, I, № CXII.

крестьянамъ, а „вольнымъ похожимъ“ людямъ, которыхъ осадятъ князя на имѣнѣ. Актъ и не крестьянскіе интересы собственно имѣть въ виду, а интересы князей Острожскихъ. Вышеприведенная оговорка имѣть въ виду вознагражденіе кн. Острожскимъ за трудъ и издержки „по осадѣ“ крестьянъ, и стоитъ эта оговорка вслѣдъ за условіемъ объ уплатѣ вознагражденія кн. Острожскимъ за „наклады“ на имѣнье при выкупѣ его.

Я не буду разбирать всѣ подробности біографіи кн. Константина Ивановича, подобныя только что приведеннымъ. Ихъ такъ много въ книгѣ г. Ярушевича, что такой разборъ былъ бы утомительною и непроизводительною затратою времени и рецензента, и читателей. Въ добавленіе къ вышеприведеннымъ остановлюсь на болѣе существенныхъ, и при томъ такихъ, по которымъ авторъ высказывается категорически.

На стр. 117, 123 и 124 г. Ярушевичъ даетъ оригинальное, но совершенно невѣрное, объясненіе тому факту, что кн. Константинъ Ивановичъ именуется въ актахъ „паномъ Виленскимъ“ ранѣе, чѣмъ онъ получилъ привилей на этотъ чинъ. „Въ началѣ 1510 г.,—говоритъ г. Ярушевичъ,—умеръ кн. Александръ Юрьевичъ Гольшанскій, и мѣсто „пана Виленскаго“ освободилось. Впредь до общаго сейма официально нельзя было замѣстить этого почетнаго, второго по высотѣ, уряда, и король на свою отвѣтственность, *частнымъ образомъ*, отдалъ его кн. Острожскому, ... далъ отъ себя лично, безъ рады, такъ что Острожскій не пользовался правами „пана Виленскаго“. Только черезъ два года, когда побѣда при Вишневецѣ давала сильное тому основаніе, король издалъ универсалъ (Вильна, 21-го сентября 1513 г.) о назначеніи гетмана за великія заслуги въ борьбѣ противъ Москвы и татаръ паномъ Виленскимъ „*pleno et perpetuo iure*“, при чемъ подъ универсаломъ подписалась вся рада“. Все это объясненіе грѣшитъ, во-первыхъ запутанностью, а, во-вторыхъ, фактическою невѣрностью. Сначала выходитъ, что король не могъ дать Острожскому званіе пана Виленскаго безъ сейма, а изъ послѣдующаго изложенія явствуетъ, что для этого требовалось только согласіе рады. Ни то, ни другое, однако, не вѣрно. Пожалованье „въ лавицу рады“ всегда было правомъ господаря, которымъ онъ не дѣлился ни съ сеймомъ, ни съ радюю. Компетенція сейма въ рассматриваемое время признавалась только въ двухъ вопросахъ внутренняго управленія — въ „ухвалѣ“ серебины на военныя издержки и въ опредѣленіи размѣровъ военной службы, съ какимъ „почтомъ“ ратниковъ должны

выѣзжать на войну землевладѣльцы ¹⁾). Что касается рады, то ея участіе въ раздачѣ должностей было опредѣлено въ земскомъ привилеѣ 1492 года такимъ образомъ: господарь раздаетъ по совѣту съ панами-радою пограничныя замки въ державѣ; остальные державы раздаются господаремъ ad promotionem palatinorum, которые также были членами рады; наконецъ, уряды и державы не отнимаются безъ совѣта съ радою ²⁾). Здѣсь нѣтъ и рѣчи о вызвышеніи въ лавицу рады или въ предѣлахъ оной, и право господаря выбирать себѣ совѣтниковъ и приближать ихъ къ себѣ въ большей или меньшей степени оставалось неизмѣннымъ. Поэтому господарю вовсе не было надобности „частнымъ образомъ“, „отъ себя“ жаловать кн. Острожскаго званіемъ пана Виленскаго, когда онъ всегда могъ сдѣлать это официально, и дѣйствительно сдѣлалъ, ибо кн. Острожскій въ официальныхъ документахъ именуется паномъ Виленскимъ ³⁾). Но почему же съ этимъ именемъ онъ является ранѣе, чѣмъ выданъ ему привилеѣ на званіе пана Виленскаго? Дѣло объясняется очень просто. Пожалованья сначала сказывались устно въ присутствіи членовъ рады и урядниковъ земскихъ и дворныхъ, какіе въ давнее время были въ сборѣ при господарѣ; если же происходилъ сеймъ, тогда пожалованья объявлялись на сеймѣ. Объявленіе дѣлалъ обыкновенно *маршалокъ земскій*. Послѣ того уже выдавался дипломъ на пожалованное званіе. Между этими двумя моментами проходилъ извѣстный промежутокъ времени ⁴⁾). Въ настоящемъ случаѣ великокняжеская канцелярія не торопилась изготовленіемъ диплома, потому что пожалованье кн. Острожскаго, очевидно, было объявлено на Брестскомъ сеймѣ, и вездѣ такимъ образомъ уже должны были знать, въ какомъ

¹⁾ Акты Зап. Россіи, II, № 12; Статутъ 1529, раздѣлъ II, арт. 1.

²⁾ Zbiór praw litewskich, str. 63. Poznań, 1841.

³⁾ Акты Зап. Россіи, II, № 102.

⁴⁾ Въ привилеѣ, выданномъ пану Миколаю Криштофу Радзивилу на маршальство дворное (20-го іюня 1569 г.), читаемъ между прочимъ: *Quamobrem cum post ascensum Magnifici Eustachii Wołowicz Magni Ducatus Lithuaniae vice cancellarij et Marschalci curiae nostrae ad ampliorem castellanatum Trocensem gradum, Marschalcatu curiae nostrae Magni Ducatus Lithuaniae vacaret, hic nobis occurrebat, cum illum hoc tempore mandandum arbitraremur. Quod quidem paulo ante publice viva voce per Magnificum Joannem Chodkiewicz Capitaneum Samogitiae et Magni Ducatus Lithuaniae suppresso Marschalco fecimus et nunc hisce literis nostris facimus* (Литовск. Метр. кн. публич. дѣл., VIII, л. 62). См. то же самое въ привилеѣ на урядъ крайчаго, выданномъ тогда же Яну Кишкѣ (тамъ же, л. 64).

званіи состоитъ кн. Константинъ Ивановичъ. Напрасно г. Ярушевичъ утверждаетъ, что на дипломъ подписалась вся рада. Въ дипломъ только *перечислены* паны рада, присутствовавшіе при совершеніи акта, и такой порядокъ соблюдался вообще по отношенію къ документамъ; подписывались же только государь (на болѣе важныхъ документахъ) и писарь.

Незнаніе порядка назначенія на уряды породило цѣлый рядъ недоразумѣній въ объясненіяхъ, которыя г. Ярушевичъ далъ относительно назначенія кн. Константина Ивановича воеводою Трокскимъ. Здѣсь онъ также говоритъ о томъ, что этотъ вопросъ долженъ былъ рѣшиться на Гродненскомъ вольномъ сеймѣ 1522 г. (стр. 162); говоритъ о томъ, что король еще до сейма назначилъ его на эту должность, каковое самоуправство и вызвало оппозицію рады; эта оппозиція и послужила де зерномъ, изъ котораго и выросла извѣстная легенда Кояловича о противодѣйствіи литовскихъ пановъ по поводу назначенія въ раду схизматика (стр. 165). Г. Ярушевичъ подвергаетъ критикѣ это сказаніе, и насколько онъ развиваетъ въ ней доводы преосвященнаго Макарія, критика является сильною. Но собственные соображенія автора ничего не вносятъ въ дѣло положительнаго и обогащаютъ книгу только новыми фактическими неточностями. Такъ, онъ отвергаетъ извѣстіе Кояловича между прочимъ на томъ основаніи, что въ этомъ извѣстіи говорится о сенаторскомъ достоинствѣ, котораго въ Литвѣ будто бы не было до 1562 (почему взять этотъ годъ, совершенно неизвѣстно; тутъ опять какое-то недоразумѣніе). „Историкъ-иезуитъ, — говоритъ г. Ярушевичъ, — забылъ, а, быть можетъ и не зналъ, что рада во многомъ отличалась отъ сената, котораго въ Литвѣ *не было* до 1562 года. Въ сенатъ не входили напримѣръ, старосты, подчашіе, королевскіе секретари и т. п., очень часто составлявшіе раду короля въ нашъ періодъ“ (стр. 167). Въ словахъ г. Ярушевича вѣрно только то, что составъ рады въ разсматриваемое время и ранѣе отличался нѣсколько отъ состава рады, какъ онъ сложился ко времени Люблинской уніи. Но учрежденіе въ сущности оставалось одно и то же и какъ до 1562, такъ и послѣ именовалось радюю, а не сенатомъ¹⁾. Если же Кояловичъ говоритъ о „сенаторскихъ“ должностяхъ, такъ это просто потому, что пользуется терминами своего времени для обозначенія фактовъ прошлаго,

¹⁾ См., напримѣръ, Акты Зап. Россіи, III, № 34, 43; Статутъ 1566 г.

ибо литовская рада, какъ извѣстно, вошла въ составъ сената соединенныхъ на Люблинскомъ сеймѣ Польши и Литвы.

Есть основаніе думать, что въ сказаніи Кояловича вообще большая доля истины, чѣмъ допускаетъ преосвященный Макарій и по его слѣдамъ г. Ярушевичъ. Въ январѣ 1522 года умеръ воевода виленскій панъ Миколай Миколаевичъ Радзивиль. По установившемуся значенію должностей и порядку ихъ мѣстъ въ лавицѣ рады освобождено первое мѣсто. На это мѣсто по заслугамъ слѣдовало сѣсть князю Острожскому, который и безъ того занималъ второе мѣсто въ званіи пана Виленскаго, а на его мѣсто долженъ былъ перейти панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ, занимавшій третье мѣсто—воеводы Троцкаго. Но кто такой былъ этотъ Альбрехтъ Мартиновичъ? Это былъ самый крупный землевладелецъ въ государствѣ, на основаніи сеймовой ухвалы 1528 г. выставявшій въ поле 466 ратниковъ, на 40 человекъ болѣе самого кн. Константина, выставявшаго 426 ратниковъ ¹⁾). Въмѣстѣ съ тѣмъ это былъ вліятельнѣйшій человекъ какъ по своимъ личнымъ качествамъ — уму и образованности, такъ и по семейнымъ связямъ: по матери онъ былъ въ родствѣ съ князьями Гольшанскими, по бабкѣ съ кн. Трабскими, по сестрѣ въ свойствѣ съ Радзивилями и т. д. Большая часть его имѣній лежали въ Виленскомъ воеводствѣ ²⁾), и потому, какъ самый крупный панъ-землевладелецъ этого воеводства, онъ и въ своихъ собственныхъ глазахъ, и въ глазахъ другихъ литовскихъ пановъ былъ болѣе подходящимъ кандидатомъ на постъ воеводы виленскаго, чѣмъ самый крупный изъ волинскихъ князей ³⁾). Кромѣ того, ему, какъ великому стяжателю богатствъ ⁴⁾), не могла нравиться перспектива перейти на болѣе высшее, но бездоходное мѣсто пана Виленскаго (званіе пана Виленскаго возвышало только въ радѣ господарской), и потому естественно, что онъ могъ заявить притязаніе на воеводство Виленское. Весьма возможно, что по этому поводу Сигизмунду пришлось выдержать цѣлый натискъ Гаштольда, его родни и пріятелей, при чемъ въ разгарѣ борьбы и могло быть пущено въ ходъ архивное оружіе—Городельскій земскій привилей. Что Гаштольдъ былъ великимъ зна-

¹⁾ Литовск. Метр. кн. Публ. дѣлъ, I, л. 1.

²⁾ Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства, стр. 114—116, 118, 119.

³⁾ Ср. тамъ же, стр. 102, 202, 203 и др.

⁴⁾ *Wojciekiego* *Poczet rodów*, str. 57, 58.

токомъ подобныхъ документовъ, на это указываетъ сочиненная имъ похвала Сигизмунду I, гдѣ онъ говоритъ цѣлыми фразами изъ этого привилея ¹⁾. Въ этомъ столкновеніи господаря съ своею радю нельзя видѣть проявленіе релігіозной нетерпимости, которою литовскіе паны вообще не страдали, а проявленіе извѣстной національной обособленности Литвы и стремленіе къ ея поддержанію, противодѣйствіе нивелирующему и ассимилирующему вліянію обще-государственной власти. Сигизмундъ рѣшилъ такъ, что могъ ублаготворить обоихъ: Острожскому онъ далъ доходную должность—воеводство Троцкое, но соединилъ съ нимъ и первое мѣсто въ родѣ, повысивъ, такимъ образомъ, Острожскаго во всѣхъ отношеніяхъ; Гаштольду далъ воеводство Виленское и такимъ образомъ также повысилъ его во всѣхъ отношеніяхъ. Свое, можно сказать, Соломоново рѣшеніе Сигизмундъ закрѣпилъ тѣмъ, что тому и другому далъ право печататься краснымъ воскомъ и тѣмъ какъ бы поравнялъ обоихъ конкурентовъ ²⁾. Такимъ путемъ состоялся компромисъ между національными литовскими стремленіями и общегосударственными требованіями.

Чтобы покончить съ разбираемою частью книги г. Ярушевича, укажемъ еще на *нѣкоторыя характерныя особенности его архивнаго сылка*. Даже и въ этихъ сылкахъ онъ повторяетъ Вольфа, не замѣчая неодинаковости принятой Вольфомъ системы сыллокъ, вслѣдствіе чего ставитъ невѣрныя показанія или повторяетъ одно и то же показаніе въ одной сылкѣ. Дѣло въ томъ, что Вольфъ, извлекая архивныя матеріалы, помѣчалъ ихъ иногда нумерами страницъ, иногда нумерами листовъ той или другой книги Литовской Метрики. Такъ, выдержки изъ VI книги записей помѣчены у него нумерами страницъ, а выдержки изъ VIII, IX и XII книги записей нумерами листовъ. Г. Ярушевичъ, повторяя сылка Вольфа, въ цифрахъ, не дѣлаетъ различія между страницами и листами и указываетъ, какъ страницы—листы, давая такимъ образомъ невѣрныя показанія относительно книгъ VШ, IX, XII. Иногда наоборотъ—страницы VI книги обозначаетъ, какъ листы (прим. 115). Въ тѣхъ случаяхъ, когда г. Ярушевичу приходится брать сылку изъ другихъ книгъ, гдѣ помѣтка идетъ на листы (напримѣръ, изъ моей книги „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства“), онъ превращаетъ листы въ страницы. Такъ, напримѣръ, об-

¹⁾ Zbiór praw litewskich, str. 92—95.

²⁾ Poczet rodów, str. 58; Kniaziowie Litewako-ruscy, str. 350.

стоятъ у него дѣло по отношенію къ подтвердительному привилею. выданному кн. Константину Ивановичу на имѣнье Шепле. Въ моей книгѣ этотъ привилей помѣченъ такимъ образомъ: Литовск. Метр. кн. Запис. VI, л. 103 (стр. 219). Г. Ярушевичъ ставитъ: Литовск. Метр. кн. Запис. VI, 103. Но такъ какъ и у Вольфа есть помѣтка этого документа: Литовск. Метр. кн. Запис. VI, 206. — г. Ярушевичъ беретъ и его помѣтку и ставитъ: Литовск. Метр. кн. Запис. VI, 103, 206, в къ невѣрному показанію присоединяется ненужное повтореніе. Все это можно объяснить только тѣмъ, что г. Ярушевичъ обращался къ книгамъ Литовской Метрики съ готовымъ текстомъ своей книги въ рукахъ и со ссылками на ихъ листы и страницы, выбранными изъ чужихъ изслѣдованій, съ дѣлюю провѣрки и возможнаго пополненія архивныхъ данныхъ. Противъ провѣрки и дополненій, разумѣется, ничего нельзя сказать по существу. Но г. Ярушевичу не слѣдовало бы оставлять въ своей книгѣ чужихъ ссылокъ, а прямо указывать труды, откуда онъ почерпалъ фактическія данныя, давая собственныя архивныя показанія тамъ, гдѣ его предшественниками сдѣланы упущенія или неполныя и неправильныя извлеченія. Книга въ смыслѣ работы по первоисточникамъ отъ того только бы выиграла. Но совершенно непонятно, зачѣмъ г. Ярушевичъ ссылается на акты напечатанные и одновременно безъ всякой нужды на листы книгъ Литовской Метрики, откуда эти акты извлечены (напримѣръ, въ прим. 513, 516)?

Теперь разсмотримъ тѣ части книги, гдѣ выставляются услуги кн. Константина Ивановича православію, и прежде всего остановимся на пожертвованіяхъ въ пользу монастырей и церквей. И по этой части мы находимъ въ книгѣ г. Ярушевича почти только повтореніе того, что есть у преосвященнаго Макарія и отчасти у г. Вольфа. Здѣсь замѣчаются только двѣ новости: во-первыхъ, упоминаніе о пожертвованіи кн. Константиномъ Ивановичемъ Дерманскому монастырю рукописи поученій патріарха Калликета (стр. 82); во-вторыхъ, исправленіе хронологической даты фондуша, выданнаго Смоленской церкви (стр. 183).

Что касается моральныхъ услугъ князя Константина Ивановича православію, то по этой части г. Ярушевичъ не столько повторяетъ, сколько утрируетъ то, что есть у преосвященнаго Макарія. Макарій очень точно обозначаетъ услуги князя православію, руководясь прямыми указаніями источниковъ. По его разказу, услуги эти сводятся къ слѣдующему: 1) князь Константинъ Ивановичъ стоялъ во главѣ

православныхъ князей и пановъ, выпросившихъ у Сигизмунда подтвержденіе правъ и узаконеній православной церкви въ 1511 году (стр. 175, IX томъ); 2) облегчилъ положеніе православныхъ въ Галиціи, которымъ король, по его ходатайству, далъ разныя льготы (стр. 205, 206); между прочимъ, по его ходатайству, король освободилъ монастырь св. Онуфрія, состоявшій подъ покровительствомъ львовскаго братства, отъ платежа чинша въ 24 гроша (стр. 217). 3) По ходатайству князя Константина Ивановича, король подтвердилъ въ 1522 году грамоту своего брата, чтобы міряне въ Пинской епархіи не строили церквей и монастырей безъ воли владыки, не мѣшались въ церковныя суды и другія духовныя дѣла (стр. 218). Преосвященный Макарій не отступаетъ далеко отъ источниковъ, и это вполне понятно. Нельзя усматривать руку князя Константина Ивановича тамъ, гдѣ ея не видно, и всѣ милости, оказанныя православію со стороны короля и частныхъ лицъ, относить на его счетъ: во-первыхъ, были вліятельные ревнители православія и помимо князя Константина; во-вторыхъ, и настроеніе литовскаго католическаго правительства по обстоятельству времени было благоприятное по отношенію къ православнымъ (стр. 201, 202). Но г. Ярушевичъ въ данномъ случаѣ поступаетъ иначе, вслѣдствіе чего получаютъ натяжки, противорѣчія, произвольныя гипотезы, и общая оцѣнка моральныхъ услугъ князя православію выходитъ неясною, неопредѣленною и въ то же время сильно преувеличенною.

Упомянувъ о томъ, что со времени возвращенія изъ плѣна князь Острожскій все выше и выше поднимался по ступенямъ служебной іерархіи, г. Ярушевичъ говоритъ: „вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе его сильнѣе и сильнѣе сказывается въ постепенномъ улучшеніи положенія западно-русскихъ православныхъ, устроеніи церкви, умноженіи храмовъ и увеличеніи юридическихъ прерогативъ православнаго духовенства. Ближайшими помощниками Константина Ивановича въ этомъ дѣлѣ были постепенно выдвигающіеся русскіе дѣятели, начиная съ Елены Ивановны митрополита Іосифа Солтана, Александра Ивановича Ходкевича и Богуща Боговитиновича, кончая мелкими служилыми дворянами и землянами“ (стр. 111). Выходитъ, такимъ образомъ, что князь Константинъ Ивановичъ былъ инициаторомъ и главнымъ устройтеlemъ церкви, при чемъ даже митрополитъ стоялъ на второмъ планѣ. Князь Острожскій, по словамъ г. Ярушевича, стоялъ во главѣ православныхъ, испросившихъ у короля подтвержденіе правъ православной церкви на Брестскомъ сеймѣ 1511 года. Благодаря хло-

потамъ, просьбамъ и ходатайствамъ князя Острожскаго, по словамъ г. Ярушевича, „было твердо установлено юридическое положеніе православной церкви, до него находившейся въ весьма неопредѣленномъ положеніи“ (стр. 219). Всѣ эти утвержденія отзываются, однако, сильнымъ преувеличеніемъ. Въ грамотѣ, подтверждающей права православной церкви, читаемъ: „Били намъ чоломъ митрополить Киевскій и Галицкій и всея Руси Іосифъ и епископы, которые суть подъ митрополіею Киевскою и всея Руси, также съ ними и гетманъ нашъ, староста Луцкій и Бреславскій и Веницкій, маршалокъ Волинскоѣ земли князь Костянтинъ Ивановичъ Острожскій и иныи князи и панове Греческого закону“¹⁾. Ясное дѣло, что инициатива челобитья вышла отъ лица высшаго духовенства, какъ это и естественно. Духовенство воспользовалось сборомъ вліятельныхъ православныхъ князей и пановъ, чтобы получить поддержку своему челобитью. Изъ всѣхъ православныхъ князей и пановъ самымъ сановнымъ и вліятельнымъ былъ князь Острожскій, который и сталъ во главѣ другихъ свѣтскихъ лицъ при подачѣ челобитья. Чтобы отступить отъ такого пониманія свидѣтельства грамоты, необходимо имѣть прямыя указанія, что инициатива челобитья вышла отъ князя Острожскаго, а разъ этихъ указаній нѣтъ, мы не имѣемъ права ставить князя Острожскаго на первомъ планѣ. Преувеличивъ роль князя Острожскаго, г. Ярушевичъ преувеличиваетъ и значеніе подтвердительной грамоты, выданной православной церкви въ 1511 году. Онъ соглашается, что грамота эта „почти ничѣмъ не разнится отъ грамоты 1499 г.“. „Но важно, — говоритъ онъ, — что вновь, и притомъ серьезною властью общаго сейма, подтверждались права митрополичьаго суда и всѣ права православной церкви“ (стр. 119). Все это—только одно недоразумѣніе: грамота выдана королемъ на сеймѣ, но не властью сейма, которая не простиралась въ данное время на такіе предметы.

Г. Ярушевичъ приписываетъ возвышенію князя Острожскаго общее улучшеніе „русскаго дѣла“ въ промежутокъ времени между 1508 и 1514 годами. „Цѣлый рядъ фактовъ, — говоритъ онъ, — заставляетъ насъ утверждать, что взаимоотношеніе между служебнымъ возвышеніемъ Константина Ивановича и общимъ улучшеніемъ русскаго дѣла было очень тѣсное и сказалось какъ въ наданьяхъ православнымъ со стороны короля, такъ и въ обезпеченіи церквей самими православными“ (стр. 124). Перечисливъ рядъ пожалованій короля православнымъ по

¹⁾ Акты Зап. Россіи, II, № 65.

ходатайству или при административномъ участіи князя Острожскаго, г. Ярушевичъ перечисляетъ затѣмъ пожертвованія, сдѣланныя Острожскимъ „и его друзьями“ православнымъ церквамъ и монастырямъ. Къ числу этихъ друзей онъ относитъ и короля, который также въ разсматриваемое время сдѣлалъ „многочисленныя наданья“ церквамъ и монастырямъ. Такимъ путемъ г. Ярушевичъ думаетъ подтвердить свою мысль о томъ, что даже всѣ чужія пожертвованія—дѣло князя Острожскаго. Но, во-первыхъ, не видно, чтобы всѣ упоминаемыя имъ лица были друзья князя Острожскаго, напримѣръ, Александръ Ивановичъ Ходкевичъ! Во-вторыхъ, неизвѣстно, по чьему ¹⁾ внушенію или примѣру они сдѣлали свои пожертвованія. Предположить, что во всемъ этомъ—заслуга князя Острожскаго, значить признать, что всѣ другіе неспособны были къ самостоятельному проявленію своего усердія къ церкви. На это, разумѣется, у насъ нѣтъ никакихъ основаній. Впрочемъ, самъ г. Ярушевичъ нѣсколько ниже уже ограничиваетъ свое положеніе. „Это оживленіе русскаго дѣла, — говоритъ онъ, — обезпеченіе быта землянъ и духовенства, обезпеченіе церковей и послѣдовательное расширеніе правъ были слѣдствіемъ совмѣстной энергичной дѣятельности четырехъ выдающихся представителей русскаго народа: королевы и великой княгини Елены Ивановны, князя Острожскаго, митрополита Юсіфа Солтана и Александра Ходкевича“ (стр. 127). Такимъ образомъ Константинъ Ионовичъ является уже не единственнымъ свѣтиломъ на православномъ горизонтѣ, а въ цѣлой группѣ такихъ же свѣтиль. Въ другихъ мѣстахъ своей книги г. Ярушевичъ прибавляетъ къ этому созвѣздію и другихъ лицъ, напримѣръ, Богуша Боговитиновича (стр. 127), писарей великокняжескихъ—Оедьку Святошу, Ивана Горностая, Ивана Богдановича Сапѣгу, Ивана Андреевича Солтана (стр. 180), митрополита Юсіфа III (стр. 174, 175) и современныхъ епископовъ (стр. 191), и тѣмъ все болѣе и болѣе убѣждаетъ читателя, что нельзя такъ много приписывать князю Острожскому, какъ дѣлаетъ авторъ. Г. Ярушевичъ лучше бы сдѣлалъ, если бы ограничился тѣмъ, что сказалъ на 174 стр. своей книги, со словъ преосвященнаго Макарія: „Вѣрный и преданный сынъ своей церкви, Константинъ Ивановичъ всегда стоялъ на стражѣ православія и благочестія; близость его къ королю и постоянное участіе, какое князь оказывалъ всему церковному, сильно вліяли на общій ходъ и положеніе

¹⁾ См. разказъ г. Ярушевича о столкновеніи Ходкевича съ княземъ Острожскимъ (стр. 198).

русскаго православнаго дѣла". Но даже и этого въ сущности много. Научная точность заставляетъ и изъ этихъ словъ исключить слова: „всегда“, „и благочестія“, „и постоянное“.

Г. Ярушевичъ преувеличиваетъ не только заслуги князя Острожскаго, но и самое улучшение православія, связанное съ его возвышеніемъ. Онъ видитъ это улучшение въ фактахъ, которые только съ натяжкою можно подвести подъ эту категорію. Я разумѣю пожалованія имѣній православнымъ людямъ, которыя онъ перечисляетъ въ своей книгѣ. Чтобы увидать здѣсь улучшение православія, надо было бы провзвести статистическій подсчетъ имѣньямъ, пожалованнымъ въ разное время православнымъ людямъ, сравнить ихъ количество съ количествомъ пожалованій католикамъ и показать, что на разсматриваемое время ихъ падаетъ больше всего. Но разъ такого подсчета и сравненія не сдѣлано, и перечень пожалованій православнымъ людямъ, сдѣланный въ книгѣ г. Ярушевича, ничего въ сущности не доказываетъ. Перечисливъ пожалованія короля православнымъ въ 1522 и 1523 гг., послѣ возведенія князя Острожскаго на первое мѣсто въ лавицѣ рады, г. Ярушевичъ говоритъ: „Ограничиваемся этими фактами, какъ доказательствомъ того, что при Сигизмундѣ въ Литвѣ происходило неслыханное дѣло: не только давалось королевское разрѣшеніе на постройку церквей и даже монастырей, но, что особенно удивительно, король самъ явился фундаторомъ святынь „схизматиковъ“ и заботливымъ охранителемъ ихъ интересовъ“ (стр. 177). Но изъ книги преосвященнаго Макарія авторъ, казалось бы, могъ узнать, что это дѣло вовсе не было „неслыханнымъ“: фундаторомъ схизматическихъ святынь, не говоря уже объ Александрѣ, былъ даже король Казимиръ во дни митрополита Іоны, котораго самъ г. Ярушевичъ не считаетъ униатомъ.

Изъ дѣйствительныхъ моральныхъ услугъ православной церкви, которыя можно отнести на счетъ князя Острожскаго, г. Ярушевичу сверхъ тѣхъ, которыя указаны у преосвященнаго Макарія, удалось отиѣтити въ сущности только одну—именно то, что по его ходатайству король пожаловалъ Жидичинскому монастырю привилей на учрежденіе общиннаго житія, при чемъ игумена выбираютъ князья, паны и земляне Волинской земли „поспону съ старци того монастыря“ (стр. 121). Привилей этотъ, извлеченный изъ литовской метрики, г. Ярушевичъ напечаталъ въ числѣ приложеній къ своей книгѣ (Ж 3).

Охарактеризовавъ періодъ 1514—1530 гг., какъ золотой вѣкъ православія въ великомъ княжествѣ Литовскомъ (стр. 131), г. Яруше-

вичъ говорить: „Причиною этого процвѣтанія служилъ рядъ хорошихъ митрополитовъ и Константій Ивановичъ Острожскій, принявшій участіе во всѣхъ важнѣйшихъ перемѣнахъ въ церковной жизни православныхъ и привлекшій на нее милости Сигизмунда I. Ему и отчасти его сотрудникамъ—Іосифу Солтану, Богушу Боговитиновичу и Александру Ивановичу Ходкевичу, православная церковь обязана всѣмъ въ области правовой, политической, и очень многимъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ“ (стр. 200). И это сказано послѣ того, какъ страницю выше г. Ярушевичъ отмѣтилъ дѣйствіе общахъ, болѣе могучихъ факторовъ, создавшихъ процвѣтаніе православія въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Объясняя, почему не было пропаганды латинства на Литовской Руси при Сигизмундѣ I, г. Ярушевичъ говорить: „Вообще же, сначала войны съ Москвою, затѣмъ опасность отъ протестантства отвлекали вниманіе короля и латинскаго духовенства въ другую сторону“ (стр. 201). Войны съ Москвою,—прибавимъ отъ себя,—не только отвлекали вниманіе, но и заставляли литовское правительство оказывать благоволеніе православнымъ подданнымъ великаго княжества Литовскаго, чтобы отвлекать ихъ всячески отъ Москвы, уже выставившей на своемъ знамени православіе и народность. Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду, что католицизмъ въ Польшѣ и Литвѣ, какъ и въ остальной Европѣ, переживалъ тогда періодъ сомнѣній въ истинности своихъ догматовъ и установленій, неуваженія къ папскому авторитету. При такихъ условіяхъ не могла имѣть мѣсто и религиозная пропаганда въ смыслѣ католическаго правовѣрія. Стрыйковскій даетъ очень хорошее указаніе на этотъ переломъ въ религиозной жизни польскаго и литовскаго общества. Разказавъ о разныхъ событіяхъ въ Польшѣ и Литвѣ, случившихся въ 1516 году, Стрыйковскій говорить: *Tegoż czassu Leo papież, wtóry raz miłościwe lato i odpusty do Polski przysłał, ale ludzie na papieka już w ten czas mało dbać poczęli, przeto przez dwie lecie w Polsce i w Litwie nie bardzo wielką summę legatowle zgromadzili* ¹⁾“. На дѣйстви этихъ общихъ и могучихъ условій времени г. Ярушевичу и слѣдовало бы остановить свое преимущественное вниманіе при объясненіи положенія православія при Сигизмундѣ I, отмѣчая роль личностей настолько, насколько ее показываютъ источники. Тогда, быть можетъ, и заслуги князя Острожскаго не разрослись бы въ его главахъ до такихъ громаднхъ размѣровъ.

¹⁾ Kronika, II, str. 390.

Теперь скажем о приложениях в книгѣ г. Ярушевича. Кроме уже указанныхъ выше, здѣсь помѣщены: таблица православныхъ, католическихъ и униатскихъ монастырей и церквей, впервые упоминаемыхъ или вновь построенныхъ въ известное царствованіе; грамота К. И. Острожскому на построение Троицкой и Никольской церквей въ Вильнѣ 1514 г. 30-го ноября; грамота Сигизмунда I о возведеніи К. И. Острожскаго въ званіе воеводы Троцкаго 1522 г. 25-го марта; списки должностныхъ лицъ Литовско-Русскаго государства за періодъ 1460—1530 гг. съ двумя таблицами, содержащими распределеніе ихъ по вѣроисповѣданіямъ за известные промежутки времени; карта Литовско-Русскаго государства въ періодъ времени 1482—1530 г. съ показаніемъ имѣній князя Острожскаго, православныхъ и католическихъ монастырей и храмовъ, главныхъ дорогъ, татарскихъ шляховъ, путей русскихъ войскъ и походовъ князя К. И. Острожскаго. Всѣ эти приложения, за исключеніемъ актовъ, представляютъ плоды особой работы автора, которая не показана въ книгѣ, и предлагаются читателямъ на вѣру или на повѣрку. Повѣрка приводитъ къ печальному выводу, что часть этихъ приложений бесполезна въ научномъ отношеніи, а часть даже вредна, ибо можетъ служить источникомъ ошибокъ и недоразумѣній для тѣхъ, кто будетъ черпать отсюда свѣдѣнія. Къ бесполезнымъ принадлежитъ статистическая таблица церквей и монастырей. Правда, таблица эта показываетъ, что за время Сигизмунда I упоминается и вновь основано православныхъ церквей и монастырей въ общей сложности больше, чѣмъ при его предшественникахъ. Но никакого вывода о состояніи православной церкви при Сигизмундѣ I сдѣлать отсюда въ сущности нельзя. Во-первыхъ, быть можетъ, многіе изъ упоминаемыхъ впервые при Сигизмундѣ церквей и монастырей построены были гораздо ранѣе. Во-вторыхъ, увеличеніе количества ихъ могло стоять въ связи съ ростомъ населенія и внутренней колонизаціи русскаго племени. Списокъ должностныхъ лицъ Литовско-Русскаго государства въ книгѣ г. Ярушевича можно отнести къ вреднымъ приложениямъ. Списокъ этотъ, по словамъ г. Ярушевича, составленъ по источникамъ (?) и пособіямъ строго научнаго характера и предназначенъ для справокъ и оправданій хронологическихъ поправокъ, сдѣланныхъ г. Ярушевичемъ въ текстѣ книги. Мы не знаемъ, по какимъ источникамъ и пособіямъ работалъ г. Ярушевичъ. Но сопоставляя его списокъ со списками Боцецкаго и Вольфа, дѣйствительно имѣющими строго научный характеръ и притомъ бывшими въ рукахъ автора, мы прихо-

димъ къ убѣжденію, что списокъ г. Ярушевича не можетъ годиться ни для какихъ справокъ. Вотъ каковъ, напримѣръ, перечень виленскихъ воеводъ въ книгѣ г. Ярушевича: Михаилъ Кезгайловичъ 1459—1470; Олехно Судимонтовичъ 1478—1490; Николай Николаевичъ Радивиловича 1492—1521; Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ 1522—1539. По актовымъ указаніямъ, приводимымъ у Бонецкаго и Вольфа, слѣдовало бы: Михаилъ Кезгайловичъ 1459—1476; Олехно Судимонтовичъ 1477—1491; Радивиловичъ Николай 1491—1509; Радивиловичъ Николай Николаевичъ 1510—1522; Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ 1522—1539. Такія же неточности и пропуски встрѣчаемъ и въ перечнѣ троцкихъ воеводъ у г. Ярушевича. По Бонецкому и Вольфу, списокъ троцкихъ воеводъ является въ такомъ видѣ: Саковичъ Андрей около 1459 (?); Ивашевичъ (Вяжевичъ?) Ивашко 1460 (?)—1466 (?); Остиковичъ Радивиль 1466—1477; Судивоевичъ Станко 1478—1480; Гаштольдъ Мартинъ 1480—1486; Саковичъ Богданъ Андреевичъ 1486—1490; Монтыгирдовичъ Петръ Яновичъ 1491—1497; Янъ Юрьевичъ Заберезинскій 1498—1505; Радивиль Николай Николаевичъ 1505—1510; Остикъ Григорій Станиславичъ 1510—1518; Гаштольдъ Альбрехтъ 1519—1522; Острожскій князь Константинъ Ивановичъ 1522—1530. Г. Ярушевичъ въ своемъ спискѣ пропускаетъ Ивашевича, Судивоевича Станька, замѣняетъ Остиковича Радивила какимъ-то Николаемъ Николаевичемъ Радвиломъ, даетъ невѣрные даты относительно Николая Николаевича Радивиловича Младшаго (1505—1509), Григорія Станиславича Остиковича (1511—1518), Альбрехта Гаштольда (1520—1530). И въ такомъ же родѣ и другіе перечни должностныхъ лицъ въ книгѣ г. Ярушевича. Для насъ остается прямою загадкою, какимъ образомъ г. Ярушевичъ, имѣя подъ руками такія пособія, какъ книги Бонецкаго и Вольфа (*Senatorowie i dygnitarze W. K. Litewskiego*), могъ составить столь неправильный списокъ должностныхъ лицъ. Разумѣется, и составленные на основаніи этого списка таблицы распредѣленія должностныхъ лицъ по вѣроисповѣданіямъ утрачиваютъ всякое значеніе, тѣмъ болѣе, что авторъ не показалъ, чѣмъ онъ руководился, когда относилъ то или другое лицо къ православнымъ или къ католикамъ, не показалъ, что онъ знаетъ составъ „вышей рады“, которая фигурируетъ во второй его таблицѣ. Нисколько не лучше и карта, составленная г. Ярушевичемъ. Въ ней неправильны ни внѣшнія, ни внутреннія границы Литовско-Русскаго государства. Напримѣръ, граница съ Польшею по Западному Бугу проведена отъ Устлуга до Влодавы, тогда какъ въ

дѣйствительности она отступала здѣсь на востокъ, захватывая къ Польшѣ Ратно и Любомль, уступленные при Казимирѣ. Воеводство Новгородское обведено такими границами, какихъ оно не имѣло ни въ рассматриваемое время, ни до, ни послѣ. Въ составѣ княжества Мстиславскаго показаны Могилевъ, Кричевъ, Пропойскъ и Чичерскъ, бывшіе въ рассматриваемое время господарскими волостями, и т. д., и т. д. Подборъ населенныхъ мѣстъ довольно случайный. Карта вся перечерчена цвѣтными линіями, изображающими всевозможные пути—русскихъ войскъ, князя Константина Ивановича и т. д. Едва ли какое научное примѣненіе могутъ имѣть эти линіи, тѣмъ болѣе, что и проведены онѣ приблизительно, гипотетически; а между тѣмъ эти многочисленныя линіи совершенно лишали карту отчетливости и изобразительности.

Обзоръ книги г. Ярушевича приводитъ къ выводу, что въ ней мы имѣемъ не столько самостоятельное изслѣдованіе, сколько литературную переработку того матеріала, который давали автору его пособія. Будучи обязана подборомъ наиболѣе цѣннаго фактическаго содержанія трудамъ преосвященнаго Макарія и г. Вольфа, а собственнымъ изысканіямъ автора только второстепенными и часто не идущими къ дѣлу подробностями, книга г. Ярушевича не внесла ничего въ пониманіе значенія личности князя Константина Ивановича Острожскаго и его эпохи въ исторіи западно-русскаго православія,—можно сказать даже дала менѣе, чѣмъ предшествующіе труды по этой части (преосвященнаго Макарія и отчасти Чистовича), свободные отъ натяжекъ, преувеличеній и ошибочныхъ сужденій, коими изобилуетъ книга г. Ярушевича. Такой отрицательный результатъ книги объясняется недостаточно внимательнымъ изученіемъ общихъ условій эпохи, когда жилъ и дѣйствовалъ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, предвзятостью основной идеи и неисполнимостью задачи, которую поставилъ себѣ авторъ—при скудныхъ данныхъ источниковъ написать детальную біографію и точно взвѣсить значеніе личности князя Острожскаго въ исторіи православія. По множеству фактическихъ ошибокъ и неточностей, по оставленнымъ въ примѣчаніяхъ чужимъ ссылкамъ книга г. Ярушевича оставляетъ впечатлѣніе черновой работы, преждевременно попавшей въ печать.

Матвій Любавскій-

Дю-Преля. Философія мистики или двойственность человеческого существа. (С.-П. 1895 г. 612 + XIV стр. Цѣна 3 р. 50 коп.).

Появившійся на русскомъ языкѣ переводъ вышеозначеннаго сочиненія, изданный А. Н. Аксаковымъ, своевременно не обратилъ на себя должнаго вниманія, читающей публики. Между тѣмъ, отражая настроеніе извѣстной части современнаго намъ общества и затрагивая вопросы, близкіе всякому человѣку, эта книга заслуживаетъ полнаго интереса, а потому будетъ нелишнимъ привести, хотя бы теперь, ея краткую оцѣнку.

Еслибы мы захотѣли дать обстоятельную критику сочиненія дю-Преля, то намъ пришлось бы, прежде всего, выдѣлить весь чисто-фактический матеріалъ, заключенный въ этой книгѣ, и, затѣмъ, посмотреть, какимъ образомъ относятся къ нему всѣ выводы автора, то-есть, насколько вынуждаются они данными фактами и насколько обуславливаются лишь извѣстными предпосылками. Но, къ сожалѣнію, обиліе и нестрота приводимыхъ нашимъ авторомъ фактовъ не позволяютъ намъ въ скромныхъ предѣлахъ настоящей статьи, прослѣдить всю его работу шагъ за шагомъ. Поэтому мы ограничимся только общимъ очеркомъ содержанія даннаго сочиненія и указаніемъ его характерныхъ особенностей; ясное и добросовѣстное изложеніе научнаго труда часто является лучшею его критикой.

Вчитавшись въ сочиненіе дю-Преля, нетрудно понять, какіе вопросы волновали ея автора и что собственно хотѣлъ онъ разрѣшить въ своей книгѣ. Это были вѣчные вопросы о возможности познанія сверхчувственнаго, о томъ, что будетъ съ нами послѣ смерти; о значеніи всего, переживаемаго нами теперь. Что такое я, и существуетъ ли какой нибудь свехчувственный міръ, такъ или иначе доступный моему познанію? — вотъ основной пунктъ, около котораго вертятся всѣ разсужденія автора. Какъ же онъ разрѣшаетъ свою задачу?

Одною изъ главныхъ причинъ, побудившихъ дю-Преля написать сочиненіе о возможности мистики, несомнѣнно было его очевидное отвращеніе къ матеріализму, который представляется ему настолько же несостоятельнымъ въ теоретическомъ, насколько вреднымъ въ практическомъ отношеніи. Основнымъ заблужденіемъ матеріализма, по мнѣнію автора, служитъ предположеніе, что все дѣйствительное можетъ быть воспринято чувствами. Съ точки зрѣнія дю-Преля, это предположеніе совершенно не выдерживаетъ критики: „только потому, говорить онъ, — міръ и представляетъ неразрѣшенную задачу,

что воспринимаемое и дѣйствительное не покрываютъ другъ друга; еслибы они были тождественны, то для открытія истины потребовалось бы всего на всего нѣсколько столѣтій“ (стр. 6). Поэтому „въ противоположность такому утвержденію материализма“ авторъ „Философіи мистики“ рассуждаетъ такъ: „какъ существуютъ въ природѣ такія области, которыя незримы нами по недоступности ихъ нашему глазу—напримѣръ, микроскопическій міръ,—такъ есть въ ней и такія области, которыя не существуютъ для насъ по недоступности ихъ нашему организму, взятому во всей его цѣлости“ (стр. 7). Эта аналогія невольно вызываетъ вопросъ: если человѣчеству удалось (при помощи телескопа и микроскопа) сдѣлать доступнымъ для зрѣнія прежде недоступный ему міръ, то не можетъ ли оно когда-нибудь дойти до того, чтобы сдѣлать себѣ доступной и ту область, которая въ настоящее время превышаетъ его чувства? На этотъ вопросъ дю-Прель склоненъ отвѣчать утвердительно. Онъ указываетъ на то, что, согласно гипотезѣ Дарвина, наше сознание слѣдуетъ признать еще несовершеннымъ продуктомъ биологическаго развитія (стр. 6), и что въ насъ скрыты прозябающіе въ обыкновенное время и распускающіеся въ исключительныхъ случаяхъ зачатки будущихъ нашихъ способностей (стр. 425). Эти способности, при помощи которыхъ человѣку становится доступнымъ совершенно особый, сверхчувственный міръ, обнаруживаются, между прочимъ въ извѣстныхъ явленіяхъ сна и сомнамбулизма, которыя, по мнѣнію дю-Преля, непосредственно вводятъ насъ въ царство мистики. Изъ этого видно, что понятіе „мистическаго“ приобретаетъ у нашего автора своеобразный оттѣнокъ. А именно, онъ обозначаетъ этимъ терминомъ все то, что оказывается недоступнымъ для нашихъ способностей *въ данный моментъ*. Отсюда понятно, что въ концѣ концовъ, желая доказать возможность и необходимость мистики, дю-Прель невольно приходитъ къ ея отрицанію, утверждая, что „на самомъ дѣлѣ мистическихъ явленій не существуетъ въ природѣ, что они таковы только для насъ, и что даже Аристотель, несмотря на всю глубину своего ума, назвалъ бы, вѣроятно, мистикомъ того, кто сказалъ бы ему, что въ XIX вѣкѣ между жителями различныхъ частей свѣта будутъ существовать моментальныя сношенія“ (стр. 429).

Такимъ образомъ, какъ можно видѣть изъ только что указанныхъ положеній, книга дю-Преля является выраженіемъ, съ одной стороны, чувства неудовлетворенности матеріалистическимъ принципомъ, не признающимъ никакой другой истины, кромѣ истины чувствен-

ныхъ объектовъ, а съ другой, — желанія доказать бытіе сверхчувственныхъ предметовъ при помощи такихъ приемовъ, которые, въ существѣ дѣла, сводятъ понятіе сверхчувственного къ тому, что недоступно нашимъ чувствамъ только въ данный моментъ, но можетъ быть воспринято посредствомъ болѣе развитыхъ способностей. Все это станетъ гораздо понятнѣе, если мы поближе рассмотримъ основное положеніе разбираемой книги, то-есть, ученіе дю-Преля „о двойственности человѣческаго существа“.

Указавъ на то, что воспринимаемое и дѣйствительное — понятія далеко не тождественныя и что для каждаго живаго организма міръ дѣлится на двѣ половины, изъ которыхъ одна доступна, а другая недоступна его способностямъ, дю-Преля начинаетъ разсматривать содержаніе нашего внутренняго душевнаго міра по аналогіи съ внѣшнимъ, какъ будто бы наше „я“ настолько же внѣшній объектъ нашего *самосознанія*, насколько внѣшними являются для нашего *сознанія* всѣ, напиримѣрь, видимые предметы. „Какъ міръ, — говорятъ онъ, — составляетъ предметъ сознанія, такъ я составляетъ предметъ самосознанія. Подобно тому, какъ сознаніе старается логически проинизать (проникнуть въ?) свой предметъ, такъ и самосознаніе старается сдѣлать то же самое относительно я“ (стр. 10). Разъ только эта аналогія признана, то ничего уже не стоитъ допустить существованіе такой области нашего я (или нашей души), которая въ настоящее время оказывается недоступною для нашего самосознанія. Это — область, о которой мы обыкновенно ничего не знаемъ, потому что наше обычное внутреннее чувство неспособно воспринять ее. Она подобна микроскопическому міру, недоступному для простаго глаза. Но подобно тому, какъ вооруженный микроскопомъ глазъ можетъ разсматривать такіе предметы, которыхъ нельзя увидѣть безъ оптическихъ стеколъ, такъ и наше самосознаніе, при нѣкоторыхъ исключительныхъ условіяхъ, можетъ проникать въ область „трансцендентальнаго“ я, совершенно скрытаго отъ насъ въ обыкновенное время. Такими исключительными условіями, по мнѣнію дю-Преля, являются состоянія сна и сомнамбулизма. Авторъ убѣжденъ, что въ этихъ состояніяхъ человѣкъ познаетъ совершенно другую сторону своего я, чѣмъ та, съ которою онъ имѣетъ дѣло въ бодрствующемъ состояніи, и что эта другая сторона его я есть что-то сверхчувственное и „трансцендентальное“. Образы, являющіеся во снѣ, по мнѣнію дю-Преля, до того странны и отличны отъ содержанія бодрственнаго сознанія, что они непременно должны являться изъ области, вполне

скрытой от насъ во время бодрствованія (стр. 27); въ сомнамбулизмѣ обнаруживается чудесный корень нашего я, скрытый отъ бодрственного сознанія (стр. 41); съ исчезновеніемъ эмпирическаго я, является другое я, и наоборотъ, подобно тому, какъ съ восходомъ солнца, исчезаютъ для нашего глаза звѣзды, съ заходомъ же его снова являются (стр. 73).

Выше мы отмѣтили тотъ своеобразный смыслъ, который авторъ придаетъ термину „мистическій“. Теперь мы видимъ, что и другіе два термина, „эмпирический“ и „трансцендентальный“, употребляются дю-Прелемъ тоже въ нѣсколько необычномъ смыслѣ. Именно, эмпирическимъ выраженіемъ я онъ считаетъ самосознаніе бодрствующаго субъекта, а трансцендентальнымъ — самосознаніе сомнамбулы и сновидца. „Въ бодрственномъ состояніи, говоритъ онъ, мы ничего не знаемъ о другой сторонѣ нашего существа; эмпирическое самосознаніе не обнимаетъ трансцендентальнаго, но имъ обнимается. Во время сна существуетъ по крайней мѣрѣ отрицательное условіе къ наполненію самосознанія трансцендентальнымъ содержаніемъ, являющимся въ видѣ сновидѣнія“ (стр. 76). Это различіе между самосознаніемъ бодрствующаго и спящаго человѣка дю-Прель объясняетъ перемѣщеніемъ во снѣ психофизическаго порога нашего сознанія (стр. 27). Такимъ образомъ, противоположность между эмпирическимъ и трансцендентальнымъ въ концѣ концовъ сводится у дю-Преля къ антитезу того, что превышаетъ и не превышаетъ обычнаго порога нашего сознанія. Это особенно ясно выражается имъ въ слѣдующей характеристикѣ сомнамбулизма: „Сомнамбулизмъ, — говоритъ онъ, — совершенно „ночное въ себѣ“ и вполне своеобразное явленіе, о которомъ нельзя судить на старый ладъ, а именно по аналогіи съ психическими состояніями человѣка бодрствующаго, уже потому, что въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ о душѣ, находящейся подъ порогомъ сознанія, въ послѣднемъ же случаѣ — о душѣ, находящейся надъ нимъ“ (стр. 137).

Въ окончательномъ выводѣ разсужденій дю-Преля выступаетъ признаніе двойственной природы человѣка. „Въ явленіи чередованія сна и бодрствованія мы имѣемъ тожество субъекта и различіе лицъ. Значитъ, мы одновременно граждане двухъ міровъ, то обстоятельство, что эта одновременность представляется намъ въ видѣ послѣдовательности, основывается только на періодическомъ скрытіи одного изъ сознаній“ (стр. 77). Это ученіе о двухъ одновременно существующихъ сторонахъ нашей психической жизни, изъ которыхъ одна со-

знается нами, а другая лежитъ въ области безсознательнаго, поразительно напоминаетъ извѣстную теорію Гербартіанцевъ о представленіяхъ погружающихся за порогъ сознанія и реально тамъ пребывающихъ. Изъ сочиненія дю-Преля можно даже привести одно мѣсто, въ которомъ онъ, излагая свою теорію „трансцендентальнаго“ и „эмпирическаго“ сознанія, прямо пользуется Гербартовскими воззрѣніями. Именно, на стр. 420 онъ говоритъ слѣдующее: „когда какое нибудь представленіе нами забывается, оно въ насъ не уничтожается, но переходитъ безъ всякаго измѣненія въ трансцендентальное наше сознаніе, а когда оно нами вспоминается, оно въ насъ не рождается, но только вступаетъ снова въ чувственное наше сознаніе“ (срав. Herbart, Psych. als Wissenschaft, § 48, Lehrb. d. Psych. §§ 11—16).

Но, оставляя въ сторонѣ сравненіе теоріи дю-Преля съ ученіемъ Гербарта, обратимъ вниманіе на то, какое значеніе нашъ авторъ приписываетъ признанію области безсознательной душевной жизни, существующей одновременно съ міромъ нашего эмпирическаго сознанія и представляющей собой другую сторону нашего я.

Дю-Прель считаетъ свое положеніе въ высшей степени важнымъ. По его мнѣнію, признавая въ человѣкѣ „двуединое существо“ (единое, какъ субъектъ, и двойственное, какъ лицо), мы сразу разрѣшаемъ споръ между монистами и дуалистами (стр. 309). „Двойственность природы человѣка,—говоритъ онъ,—есть пунктъ въ которомъ какъ вѣрующіе въ духовъ, такъ и скептики могутъ протянуть другъ другу руку примиренія“ (стр. 130).

Для того, чтобы оцѣнить послѣдній выводъ, надо поглубже вдуматься въ значеніе той двойственности, о которой говоритъ дю-Прель. Дѣло въ томъ, что существуютъ нѣкоторыя общія положенія, на которыхъ безспорно сойдутся представители самыхъ разнообразныхъ направленій и которыхъ, тѣмъ не менѣе, нельзя считать пунктомъ ихъ примиренія. Такъ, на примѣръ, и матеріалистъ, и идеалистъ, и кантіанецъ, конечно, согласятся съ тѣмъ, что „существуетъ нѣчто“, но этого общаго признанія столь безразличнаго для нихъ положенія еще нельзя считать мирнымъ окончаніемъ ихъ спора. Точно также и въ данномъ случаѣ, какъ „вѣрующіе“, такъ и „скептики“, конечно, могутъ согласиться съ тѣмъ, что человѣческое сознаніе нерѣдко представляетъ собой раздвоеніе личности, но изъ обоюднаго признанія даннаго положенія все-таки еще ничего не слѣдуетъ, потому что самый споръ въ этомъ случаѣ идетъ не о томъ, возможна ли снѣна или хотя-бы сосуществованіе (при допущеніи гипотезы безсознатель-

ной душевной жизни) въ человѣкѣ двухъ личностей, а о томъ, какую метафизическую цѣнность имѣютъ эти личности и возможно ли считать субъекта, сознающаго одну изъ нихъ, приближающимся къ той области трансцендентальнаго, которая совершенно недоступна для другой. Поэтому мы должны обратить особенное вниманіе на то, какъ слѣдуетъ, по ученію автора „Философіи мистики“, понимать „другую сторону человѣческой личности“, проявляющуюся во снѣ и сомнамбулизмѣ?

Вообще говоря, отвѣтъ дю-Преля на этотъ вопросъ представляетъ соединеніе того, что могутъ сказать въ данномъ случаѣ и „скептики“ и „вѣрующіе“ (то-есть, мистики). Послѣдніе вполне убѣждены въ возможности для человѣка вступать въ непосредственное сношеніе съ потустороннимъ, сверхчувственнымъ міромъ, а первые — глубоко сомнѣваются въ этомъ и склонны думать, что въ явленіяхъ сомнамбулизма и сна не заключается ничего такого, что могло бы давать имъ большую метафизическую цѣнность сравнительно съ бодрственнымъ состояніемъ. Свообразное пониманіе „мистическаго“ и „сверхчувственнаго“ (о чемъ рѣчь была выше) позволяетъ дю-Прелю, въ своемъ окончательномъ выводѣ, заразъ согласиться и съ тѣми и съ другими. Именно, согласно со „скептиками“, онъ утверждаетъ, что было бы въ высшей степени неправдоподобнымъ думать, будто вышеупомянутыя двѣ личности, принадлежащія одному субъекту, раздѣлены непростою границей (стр. 42), и что мистическія явленія души человѣка, представляя собой предвареніе процесса біологическаго его развитія, объясняются подвижностью порога сознанія (стр. 434); но, съ другой стороны, согласно съ „вѣрующими“, дю-Прель полагаетъ, что „всѣ такъ называемыя аномальныя состоянія человѣка доказываютъ, что между нимъ и природою существуетъ, хотя въ зачаточномъ видѣ, еще другое отношеніе, кромѣ отношенія, опосредствованнаго чувствами и головнымъ мозгомъ его, этимъ центральнымъ складомъ всего чувственно имъ воспринимаемаго“ (стр. 582). Въ доказательство послѣдняго въ „Философіи мистики“ приводится множество примѣровъ ясновидѣнія и пророчествъ сомнамбуль, а также отмѣчается такъ называемое измѣненіе мѣры времени во снѣ.

Оставляя въ сторонѣ оцѣнку доказательной силы всѣхъ этихъ примѣровъ, обратимъ исключительное вниманіе на общую философскую постановку вопроса дю-Прелемъ.

Вопросъ таковъ: возможно ли для насъ непосредственное общеніе съ потустороннимъ міромъ? Дю-Прель говоритъ, что оно не

только возможно, но и дѣйствительно происходитъ въ явленіяхъ сна и сомнамбулизма, когда человѣкъ сознаетъ сверхчувственную сторону своего я. Такимъ образомъ, „вѣрующіе“ удовлетворены. „Скептики“, конечно, съ перваго раза останутся недовольны, услышавъ отъ дю-Преля такое мистическое положеніе. Но онъ скоро ихъ успокоитъ, разъяснивъ, что потустороннимъ и сверхчувственнымъ называется только недоступное нашимъ чувствамъ въ данный моментъ и что, собственно говоря, мистическаго совѣмъ не существуетъ въ природѣ. Тогда, разумѣется „скептики“ перестанутъ спорить. Но не выступать ли, послѣ этого дю-Прелевскаго разъясненія, со своимъ протестомъ „вѣрующіе“?

Александръ Нечаевъ.

Alfred Gassier.—Le Théâtre Espagnol. SAN GIL DE PORTUGAL DE MOVETO. Paris. 1898 г. 512 стр.

Объемистый трудъ А. Гассье заслуживаетъ вниманія читающей публики, которая интересуется исторіей испанской драмы. Жалобы на трудность изученія испанскихъ драматурговъ XVI — XVII вѣка стали обычною іереміадою любителей старинной поэзіи: и тексты могутъ быть добыты съ трудомъ, и понимать ихъ не всегда легко. Тѣмъ большую цѣнность имѣетъ работа, которая поставила своей задачей прослѣдить развитіе испанскаго театра отъ первыхъ проблесковъ болѣе или менѣе самостоятельнаго творчества до нашихъ дней. Конечно, лучшимъ пособіемъ въ этой области служить и въ самомъ дѣлѣ превосходная работа Шака, но, во-первыхъ, она стала почти библиографическою рѣдкостью, а, во-вторыхъ, выйдя вторымъ изданіемъ въ 1854 г., естественно, ничего не могла говорить о такихъ писателяхъ, какъ Хозе Эчегарай и другіе ново-кастильскіе поэты или драматурги Каталонской школы. Что же касается книги Ад. Шеффера „Geschichte des spanischen Nationaldramas“ (Leipzig, 1890 г., 2 тома), то она скорѣе представляетъ изъ себя каталогъ избранныхъ—и при томъ безъ всякаго принципа—піесъ, чѣмъ строго-научную исторію литературныхъ явленій, хотя нѣкоторыя главы обработаны съ нѣкоторымъ стараніемъ (напримѣръ, Антонио де Солісъ, Antonio de Solís, или Хименесъ Энсисо, Jimenez Enciso). Поэтому съ небольшимъ удовольствіемъ можно привѣтствовать сочиненіе, которое въ легкомъ и изящномъ изложеніи знакомитъ читателя съ ходомъ дра-

матической поэзии в Испании. Мы должны здесь же оговориться, что работа Гассье имеет характер больше литературный, чем ученый: автор дает очерки главнейших поэтов XVI—XIX веков, редко сообщая что-либо новое в сравнении с Шакомъ и теми испанскими критиками, которые самостоятельно изучали историю своего национального театра.

Сочинение Гассье разделяется на три части: в первой (стр. 1—362) излагается история испанского театра; вторая (стр. 363—431) содержит отдельный этюд об Августинѣ Морето; наконец, в третьей помещенъ переводъ одной религиозной драмы Морето, написанной имъ вмѣстѣ съ двумя другими поэтами; въ этомъ переводѣ драма была представлена на сценѣ парижскаго театра Одеонъ 15-го апрѣля 1897 г.

Характеристики старинныхъ испанскихъ драматурговъ сдѣланы большею частью не дурно: намъ особенно понравились главы о Гильенъ де-Кастро (Guillen de-Castro, стр. 74—85), Тирсо де-Молина (Tirso de-Molina, стр. 112—129) и Кальдеронъ (стр. 148 и слѣд.), хотя новаго тутъ не сообщается ничего. Отметимъ, что на стр. 166—167 поставленъ, но не разрѣшенъ вопросъ о зависимости романтической драмы (Dumas père, d'Еппегу и др.), а также и водевиля отъ комедіи Кальдерона: дѣйствительно, такъ называемаго „lances de Calderon“ (Кальдероновы штучки) имѣютъ не мало общаго съ современными водевильными приемами.

Гораздо интереснѣе тѣ главы работы Гассье, въ которыхъ излагается история испанской драмы въ теченіе XIX вѣка. Всѣ знаютъ, какое печальное зрѣлище представлялъ испанскій театръ въ XVIII вѣкѣ: французскіе вкусы господствовали одинаково и въ литературной критикѣ, и на сценѣ. Извѣстно, какъ относились къ старымъ поэтамъ Лузанъ, глава галлицистовъ, и Блазъ Назарре, испанскій Буало. Блазъ Назарре въ предисловіи къ комедіямъ Сервантеса (1743 г.) прямо насмѣхается надъ Лопе и Кальдерономъ, ставя ихъ ниже Уччерли, Маффен и даже... Риккони. Монтиано и Луйандо (Montiano y Luyando) „изъ патриотизма“ заявляетъ, что и Испанія имѣетъ „правильныя“ піесы, что такой грубый поэтъ, какъ Лопе де Вега, не есть единственный представитель испанскаго Парнасса. Съ другой стороны въ театрахъ давались піесы Реньяра, Мольера, Расина, Вольтера, Метастазіо, Гольдони и, совершенно забытыхъ въ наше время, Нифо (Nifo) и Лавіано (Laviato). Собственныя піесы испанцевъ, написанныя въ подражаніе Расину, выходили, конечно,

очень слабыми, и отъ прекраснаго французскаго поэта въ испанской передѣлкѣ не оставалось ничего. Попытка Висенте де ла Уерта (Vicente de la Huerta † 1787 г.) пробудить вкусъ къ старинному театру изданіемъ антологіи изъ пьесъ классическаго репертуара, не имѣла успѣха. Весьма крупный литературный дѣятель Испаніи Моратинъ младшій († 1828 г.), хотя и заинтересовался подъ конецъ своей жизни стариннымъ испанскимъ театромъ, плодомъ чего остались его „*Origenes del Teatro Español*“, но до самой смерти остался строгимъ приверженцемъ французскаго классицизма. Романтизмъ, какъ вездѣ, такъ и въ Испаніи, внесъ новую струю въ потокъ литературной жизни, и въ результатъ развитія драмы въ XIX вѣкѣ появились весьма крупные поэты. Не безъ вліянія нѣмецкихъ литераторовъ проснулася любовь къ корифеямъ стараго театра: стараніями Діонисія Солисъ знаменитая драма Рохаса (Rojas) „*García del Castañar*“ вновь появилась на сценѣ; въ 1819 году наступила очередь Тирсо, которымъ, какъ извѣстно, страстно увлекался король Фердинандъ VII. Необходимо упомянуть съ похвалою о дѣятельности Мартинца де ла Роза († 1862) и дона Анхела Сааведры († 1865), которые старались создать въ Испаніи и собственную романтическую драму, и привить къ испанской сценѣ произведенія В. Гюго, Казимира Делавяня и др. Гораздо больше пользы возрожденію національной драмы принесла дѣятельность такихъ замѣчательныхъ лицъ, какъ Гарченбушъ († 1880), издатель многихъ томовъ знаменитой коллекціи Рибаденейра (Ribadeneira) „*Biblioteca de autores españoles*“ и авторъ превосходныхъ самостоятельныхъ драмъ (напримѣръ, извѣстная всей Европѣ „*Los amantes de Teruel*“); оригинальный комическій писатель Бретонъ де лось Эрреросъ (Breton de los Negros, † 1873), и цѣлый рядъ ученыхъ, потрудившихся надъ изданіемъ — въ вышеупомянутой коллекціи — произведеній старыхъ испанскихъ драматурговъ. Въ лицѣ Зоррилья (Zorrilla, род. 1817) связь съ національною драмою Лопе, Тирсо и Кальдерона, разорванная усиліями галлицистовъ XVIII вѣка, восстановлена окончателно, и съ этого времени начинается въ исторіи испанскаго театра блестящій періодъ, который продолжается и до нашихъ дней. Излагая исторію этого періода, Гассье (стр. 273) замѣчаетъ, что современные вопросы, занимающіе мысль писателей сѣвера, появляются и на испанской сценѣ. Но, несмотря на это, черты стариннаго національнаго театра сохраняются до нашихъ дней въ сочиненіяхъ лучшихъ современныхъ писателей, каковы Гимера, Эчегарай, Година и др. Иноземныя вліянія на испанскую драму до

сихъ поръ, если исключить XVIII вѣкъ, всегда были весьма слабы; правда, въ наши дни многое переводится изъ французскаго репертуара, но, напримѣръ, натурализмъ Зола и его послѣдователей не могъ пустить глубокихъ корней въ испанской литературѣ. Причина этого послѣдняго явленія вполне понятна: одинъ изъ признаковъ испанской драмы вообще — это реализмъ, струя котораго проходитъ отъ Эспина и Наарро до нашихъ дней. Зола и его послѣдователямъ нечего было дѣлать въ Испаніи, и Гассье совершенно правъ, замѣчая по этому поводу, что писателямъ-реалистамъ никогда не слѣдуетъ копировать реалистовъ чужой страны. Такъ же ничтожно въ Испаніи вліяніе прославленныхъ въ Европѣ и у насъ, въ Россіи, Ибсена, Гауптмана и нѣкоторыхъ русскихъ писателей, о которыхъ много толкуютъ въ журналахъ (напримѣръ, Писемскаго), но сочиненія которыхъ не отражаются на произведеніяхъ испанцевъ. Если у лучшаго изъ современныхъ кастильскихъ писателей, Хосе Эчегарая, на ряду съ романтическими драмами, которыя непосредственно примыкаютъ къ традиціи великихъ мастеровъ XVII вѣка, есть попытки психологической и социальной драмы (напримѣръ, *El gran Galeoto*), сближающія его съ Ибсеномъ и Гауптманомъ, то и въ этомъ отношеніи можно указать ему предшественника—въ лицѣ Лопе де Вега, такъ какъ среди произведеній великаго кастильца есть драмы дидактическаго содержанія, конечно, менѣе сложныя, чѣмъ драмы того же типа въ XIX вѣкѣ, по причинамъ вполне понятнымъ. Съ другой стороны, легкая водевильная поэзія, начатки которой совершенно правильно указываются въ произведеніяхъ Эспины и Лопе де Руэда, продолжаетъ жить и по-нынѣ въ такъ называемомъ *zarzuelas*, кортеньскихъ пьесахъ съ пѣніемъ, составляющихъ любимое развлеченіе горожанъ въ современной Испаніи. Любопытную сторону современнаго испанскаго театра представляетъ развитіе диалектической драмы; на ряду съ драмой кастильской существуетъ андалузская, валенсійская и особенно каталонская. Каталонія, какъ извѣстно, всегда имѣла свою собственную литературу, болѣе или менѣе независимую отъ сосѣднихъ—кастильской и провансальской: припомнимъ хотя бы превосходныя поэтическія хроники Рамона Мунтанера или короля Іакова; а въ наши дни она можетъ указать на такихъ замѣчательныхъ поэтовъ, какъ донъ Жозе Феліу и Година (*don Jose Feliu y Godina*, 1847—1897), авторъ оригинальной народной драмы *Dolores* (1892 г.), которая простотой и энергичнымъ развитіемъ дѣйствія напоминаетъ „*Arlésienne*“ Альфонса Доде, или еще Анжелъ Гимера (*Angel Gui-*

шега), пьесы котораго, напримѣръ, Тегге Вассе, были представлены и въ Парижѣ.

Итакъ, что касается литературы и въ частности драмы, то Испанія, не смотря на печальныя политическія обстоятельства, не слѣдуетъ унывать; не слѣдуетъ особенно печалиться и друзьямъ латинской цивилизаціи, ибо народу, имѣющему такую богатую литературу, далеко до окончательной гибели.

Въ приложеніи къ первой части своей работы Гассье дѣлаетъ краткій очеркъ вліянія испанскаго театра на французскій, не давая ничего существенно новаго по сравненію, напримѣръ, съ трудомъ Пюбюска (Puibusque, *Histoire comparée des littératures française et espagnole*; т. 2). Къ сожалѣнію, необходимо указать, что списокъ библиографіи, всегда очень желательный, въ книгѣ Гассье далеко не полонъ. Не упомянуты работы многихъ французскихъ и иностранныхъ ученыхъ, потрудившихся надъ исторіей испанской драмы; такъ не названы: А. Мореля-Фасьо: (A. Morel-Fatio): *Études sur l'Espagne; La comédie espagnole au XVII siècle* (Paris 1885 г.); критическое изданіе *El Magico Prodigioso; L'Espagne au XVI et XVII siècles*; пропущено *Étude sur la vie et les oeuvres de Lope de Vega* (Paris, 1857 г.) Лафона (E. Lafond)—пока единственная работа о всей литературной дѣятельности Лопе; далѣе: второй томъ *Bibliothèque méridionale*, гдѣ E. Merimée напечаталъ текстъ *Las Mocedades del Cid* съ обстоятельнымъ введеніемъ и, наконецъ, работа Ш. Дюэна (Ch. Dumaine) „*Lope de Vega, La Dorotea, traduite de l'espagnol* (Paris, 1892 г.). Повидимому А. Гассье очень мало знакомъ съ нѣмецкою ученою литературой: онъ упоминаетъ только совершенно устарѣлую книгу Бутервека и Шака, котораго вполнѣ основательно укоряетъ въ слѣпой ненависти къ французскому театру. Незнаніе нѣмецкой литературы заставляетъ Гассье дѣлать весьма грубыя ошибки, какова, напримѣръ, слѣдующая: авторъ не знакомъ съ превосходными изданіями нѣкоторыхъ комедій Кальдерона, которыя сдѣланы Кренкелемъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Klassische Bühnendichtungen der Spanier. I. Calderon. Leipzig. 1881 — 1887*, въ трехъ томахъ. Третій томъ этой коллекціи даетъ намъ „*El Alcalde de Zalamea*“, при чемъ въ приложеніи къ нему впервые напечатано одноименная драма Лопе де Вега. очевидно, послужившая источникомъ пьесы Кальдерона, который придавъ содержанію больше цѣлостности и художественной законченности. Гассье, не смотря на этотъ несомнѣнный фактъ, утверждаетъ, что „Саламейскій алькадь“ представ-

ляетъ комбинацію двухъ драмъ Лопе „El mejor Alcalde el rey“ и „Fuenteovejuna“! (стр. 388). Не упомянуты дагѣ: Lemcke, Handbuch der spanischen Litteratur (3 тома. Leipzig. 1855), въ которомъ напечатаны цѣликомъ девять пьесъ испанскихъ классиковъ съ весьма обстоятельными введениями о каждомъ писателѣ; Клейна (Klein) Geschichte des Dramas, томы 8 — 11; очень хороший этюдъ А. Фаринелли (Farinelli) „Lope de Vega und Grillparzer“ (Berlin, 1894 г.); прекрасные очерки испанскаго театра самаго Грильпарцера, напечатанные подъ общимъ заглавіемъ Studien zum spanischen Theater въ XVII томѣ полного собранія его сочиненій (5-е изд., Stuttgart); небезполезная для начинающихъ коллекція Кресснера Bibliothek der Spanischen Schriftsteller (т. 2, 5, 6, 8 и др.) и т. д., не говоря уже о громадной нѣмецкой литературѣ о Кальдеронѣ.

Вторая часть работы Гассье посвящена отдѣльному этюду о Морето. Въ отношеніи къ Морето одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ — это вопросъ о самостоятельности его творчества. Извѣстно, что Морето не имѣлъ того дара поэтической изобрѣтательности, какимъ были надѣлены въ высшей степени Лопе, Кальдеронъ, Тирсо и Аларконъ. Многое въ произведеніяхъ Морето заимствовано изъ предшествовавшей литературы, такъ что есть люди, обвиняющіе Морето въ неоднократномъ плагиатѣ. Гассье вполне правъ, когда защищаетъ Морето отъ этого обвиненія, указывая, что передѣлки (refundiciones) чужихъ пьесъ были вполне въ литературныхъ нравахъ старинной Испаніи.

Вообще надо замѣтить, что сложность композиціи идетъ параллельно съ развитіемъ литературы, иначе говоря: оригинальность замысла обратно пропорциональна времени, когда жилъ извѣстный авторъ. Если, придерживаясь психолого-біографическаго метода, проанализировать составъ какой-нибудь средне-вѣковой поэмы, имѣющей хотя нѣсколько личную окраску, напримѣръ, Генриха Сеттимелло „De adversitate fortunae et philosophiae consolatione“, то и здѣсь найдемъ весьма разнородные элементы, несмотря на всю бѣдность содержанія. Въ лирическихъ стихотвореніяхъ Камюэнса любовь дѣйствительная и литературная, навѣянная Петраркой, до того смѣшаны, что нужно большое стараніе, чтобы найти искреннее выраженіе чувства поэта; а кто же считаетъ Камюэнса плагиаторомъ? Боккаччо, Шекспиръ и прочіе великіе поэты очень свободно заимствовали изъ другихъ писателей. Поэтому Морето ни чуть не болѣе плагиаторъ, напримѣръ, въ „El valiente justiciero“ по отношенію къ

пьесѣ Кларамонте „Infanzon de Plescas“, чѣмъ Кальдеронъ, который цѣликомъ переписалъ второй актъ своей драмы „Los cabellos de Absalon“ изъ пьесы Тирсо „Venganza de Tamar“.

Послѣ вступительной характеристики Морето Гассье переходитъ къ анализу отдѣльныхъ пьесъ его, при чемъ по новоду „El desden con el desden“ указываетъ цѣлый рядъ отраженій этой пьесы въ послѣдующей европейской литературѣ, напримѣръ, у Гоцци (въ „Turgandot“), Гольдони (Locandiera), Мариво (Jeu de l'amour et du hazard) и А. де Мюссе (On ne badine pas avec l'amour). Между прочимъ, замѣтивъ, что „La Princesse d'Elide“ представляетъ крайне неудачное подражаніе пьесѣ „El desden con el desden“, Гассье ставитъ въ скобкахъ: можетъ быть, Мольеръ припомнилъ Діану Морето, когда создавалъ образъ своей Селимены („Мизантропъ“). Такихъ остроумныхъ замѣтокъ не мало въ книгѣ Гассье: такъ, на стр. 144 онъ сравниваетъ Аларкона, человѣка высокой души, но физически весьма безобразнаго, съ героями В. Гюго—Гуинпленомъ и Квазимодо.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ анализу религіозной драмы Морето, Фрагосо и Кансера „San Gil de Portugal“ и дѣлаетъ характеристику дѣйствующихъ лицъ этого любопытнаго произведенія, основу котораго надо видѣть въ драмѣ Мира де Амескуа (Mira de Amescua) „Esclavo del demonio“. Но вмѣстѣ съ этимъ Гассье правильно замѣчаетъ, что переведенную имъ пьесу можно считать однимъ изъ характерныхъ образцовъ старо-испанскаго театра вообще. Она какъ бы представляетъ мозаическую картину всего этого театра: принадлежа тремъ авторамъ — Морето, Фрагосо и Кансеру, — источникѣмъ своимъ имѣетъ пьесу Мира де Амескуа, заключаетъ въ себѣ немало сходнаго съ пьесами Кальдерона (El magico prodigioso) и Тирсо де Молина (El condenado por el desconfiado) и иногда напоминаетъ произведенія Сервантеса, Тарреги и Аларкона. Она начинается, какъ комедія плаща и шпаги, а заканчивается совершенно въ манерѣ auto sacramental, и т. д. Въ драмѣ Морето не малую роль играетъ демонъ, значеніе котораго при героѣ-святѣмъ состоитъ въ томъ, что онъ является какъ бы его дурными мыслями (conscience infernale), тогда какъ ангелъ представляетъ благородную половину его человѣческаго существа. Демонъ въ большинствѣ испанскихъ пьесъ XVI—XVII вѣковъ—искуситель человѣка, ибо мы находимся еще на почвѣ религіознаго міросозерцанія; въ позднѣйшей европейской литературѣ демонъ—подъ разными наименованіями—сдѣлался,

какъ известно, символомъ протеста противъ тиранніи всякаго рода. Но в испанцамъ XVI—XVII вѣковъ онъ представлялся иногда возбуждателемъ свободной мысли и отцомъ различныхъ ересей.

Содержаніе пьесы Морето не очень сложно; это исторія Санъ Хилъ, праведника, который поддался минутному искушенію, палъ и сдѣлался разбойникомъ и грабителемъ, но не въ духъ Луиса Переса де Гальего (Luis Perez de Gallego у Кальдерона), который грабить только богатыхъ, а бѣдныхъ отпускаетъ на свободу безъ выкупа. Чтобы насладиться любовью женщины, которая избѣгаетъ его, онъ призываетъ на помощь дьявола и продаетъ ему свою душу. Но духъ тьмы не въ силахъ доставить ему ничего болѣе, какъ только адскаго двойника Леоноры, который, при попыткѣ Санъ Хилъ обнять его, превращается въ отвратительный скелетъ. Постепенно, подъ влияніемъ увѣщаній Инесы, прежней своей любовницы, которая теперь ведетъ жизнь кающейся Магдалины, и дона Діего, котораго онъ когда-то жестоко обидѣлъ, Санъ Хилъ возвращается на путь истины.

Изъ всѣхъ этихъ замѣчаній видно, что книга Гассье заслуживаетъ полнаго вниманія и всякій, кто интересуется исторіей испанскаго театра, вѣроятно, прочтетъ ее съ пользою и удовольствіемъ.

Д. И. Петровъ.

„Артельная пашня“.

(Замѣтка по поводу одного печальнаго недоразумѣнія).

Задумавъ въ концѣ прошлаго года работу о сибирскихъ городахъ XVII столѣтія, я принялся за изученіе подходящихъ документовъ Сибирскаго приказа, которые, какъ известно, хранятся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Кромѣ того, я долженъ былъ, конечно, поближе познакомиться съ изслѣдованіемъ проф. Буцинскаго—„Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ“ (Харьковъ, 1889). Читая это сочиненіе, я заинтересовался, между прочимъ, слѣдующимъ мѣстомъ: говоря о такъ называемыхъ пашенныхъ крестьянахъ Верхотурскаго уѣзда, авторъ рѣшительно заявляетъ, что „нѣкоторые крестьяне имѣли общую пашню, которая называлась „артельной пашней“, потому что она обрабатывалась сообща и сообща за нее крестьяне пахали на государя, а равнымъ образомъ имѣли и общія деревни.

Такъ что на ряду съ личнымъ землевладѣніемъ *встрѣчается и общинное*¹⁾. Это заявленіе г. Будиискаго нельзя не признать очень важнымъ; онъ, какъ видимъ, безъ малѣйшаго колебанія устанавливаетъ фактъ существованія общиннаго землевладѣнія у сибирскихъ крестьянъ въ XVII вѣкѣ, опираясь главнымъ образомъ на терминъ „артельная пашня“. Въ виду этого упомянутый терминъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе—значеніе основнаго аргумента. вмѣсто точнаго указанія на листъ рукописи, гдѣ онъ нашелъ этотъ любопытный терминъ, авторъ въ примѣчаніи глухо ссылается на двѣ книги Сибирскаго приказа за №№ 4 и 5. Я съ большимъ вниманіемъ прочиталъ обѣ эти книги, но, къ крайнему удивленію, не могъ отыскать тамъ термина „артельная пашня“, и у меня невольно возникъ вопросъ: откуда же ученый изслѣдователь выкопалъ этотъ терминъ? При ближайшемъ разсмотрѣніи, дѣло разъяснилось самымъ неожиданнымъ образомъ. Въ книгѣ Сибирскаго приказа за № 4 (довольно ветхой) сохранился отрывокъ такъ называемой дозорной книги Верхотурскаго уѣзда 7132 г. Отрывокъ этотъ начинается словами: ...„*артельной пашни* па(ханые) до(б)р(ые) земли“ и пр.²⁾. Надо думать, что именно это мѣсто и побудило г. Будиискаго создать терминъ „артельная пашня“. Въ книгѣ Сибирскаго приказа за № 5 (л. 181—269) сохранился другой болѣе исправный и совершенно цѣльный списокъ той же дозорной Верхотурской книги 7132 г.³⁾ Здѣсь мы находимъ такое мѣсто: „Деревня Ерзовка на рѣчкѣ на Ерзовкѣ пашенныхъ крестьянъ: (в) Тренка Трошихинъ, (в) Онтонко Трошихинъ, (в) Матюшка Куткянъ, (в) Оедка Вахрушовъ, (в) Оедка Ивановъ, (в) *Васка || Артельной*. Пашни паханые добрые земли подъ деревнею и по дубровамъ и за рѣкою за Турою на лугахъ и на поймахъ 37 чети съ осиною въ полѣ, а въ дву потому же, перелогу 50 чети, сѣна косить (sic) 600 копенъ, въ живущемъ полторы выти“⁴⁾. Ясно, что слово „артельной“ является здѣсь прозвищемъ крестьянина Васьки, а не опредѣленіемъ пашни, какъ думаетъ проф. Будиискій. Чтобы не оставалось на этотъ счетъ никакого сомнѣнія, я позволю себѣ сослаться на списокъ пашенныхъ крестьянъ Верхотурскаго уѣзда, составленный въ 7134 г. Здѣсь мы читаемъ: „*Васька Артильной* пашеть (на государя) четь десятины“⁵⁾.

1) „Заселеніе Сибири“ и пр., стр. 32.

2) А. М. Ю. Сиб. пр. кн. 4, л. 1(48).

3) Текстъ кн. 4 находится на л. 224 об.—264 кн. 5.

4) А. М. Ю. Сиб. пр. кн. 5, л. 224 об. и 225.

5) Ibid., кн. 10, л. 103 (206).

Итакъ, истиннымъ виновникомъ того, что почтенный профессоръ пустилъ въ оборотъ фантастическій терминъ „артельная пашня“, былъ не кто иной, какъ верхотурскій Васька, по прозванію Артельный, жившій въ первой половинѣ XVII вѣка.

Гр. Шмелевъ.

Книжныя новости.

М. Фарадей. Его жизнь и научная дѣятельность. Биографическій очеркъ *Н. В. Абрамова*, съ портретомъ Фарадея. С.-Пб. 1892, 78 стр. Цѣна 25 коп. (Жизнь замѣчательныхъ людей. Биографическая бібліотека *Ф. Павленкова*).— Чтобы написать книгу о Фарадѣѣ, необходимо основательно знать физику, чего очевидно нельзя сказать про автора разбираемой книги, въ которой встрѣчаются прямо непостижимыя мѣста. Достаточно привести нѣкоторые примѣры. На стр. 39-й авторъ разсматриваетъ опыты Фарадея, относящіеся къ земному магнетизму и въ видѣ примѣра приводитъ слѣдующее: „Въ другомъ опытѣ Фарадей соединялъ полюсъ магнитной полосы съ однимъ концомъ гальванометра, а экваторъ полосы съ другимъ, вѣшалъ полосу вертикально и начиналъ вертѣть ее вокругъ собственной оси, — и немедленно же токъ стремился отъ магнита къ гальванометру“. Описанный здѣсь опытъ относится къ области явленій такъ называемой уніполярной индукціи, и никакого отношенія къ земному магнетизму не имѣетъ. На стр. 43-й говорится о теоріяхъ электролиза; авторъ пишетъ: „Вопросъ остается открытымъ доселѣ и вѣроятно еще долго будетъ открытымъ, пока не выяснится наше пониманіе самой сущности электричества“. Эти слова представляютъ нынѣ полнѣйшій анахронизмъ. На стр. 48-й читаемъ: „Именно Фарадей доказалъ въ 1837 г., что электрическое дѣйствіе происходитъ не по прямымъ линіямъ, а по кривымъ. Фарадей нашелъ, что можно индукціей наэлектризовать изолированный шаръ, помѣщенный въ тѣни отъ тѣла, непроводящаго электричество и защищающаго шаръ отъ электрическаго дѣйствія по прямому направленію. Онъ начертилъ линіи электрической силы, какъ онѣ огібаютъ края экрана и снова соединяются по другую сторону... Какъ видимъ, отъ этихъ открытій къ открытію волиѣ электричества, сдѣланному нѣсколько лѣтъ тому назадъ Герцомъ и надѣлавшему такъ много шума, только одинъ шагъ“. Тутъ ровно столько же ошибокъ, сколько и отдѣльныхъ словъ. Безподобно описаніе на стр. 58 великаго открытія Фарадея вращенія плоскости поляризаціи въ тѣлахъ, находящихся въ магнитномъ полѣ. Вотъ, что пишетъ авторъ: „Сдѣлавъ чечевицу изъ этого стекла и помѣстивъ ее между двумя концами желѣзнаго подковообразнаго стержня, Фарадей пропускалъ въ стекло поляризованный лучъ свѣта отъ лампы и устанавливалъ стекло такимъ образомъ, чтобы наблюдатель не видѣлъ отраженія пламени лампы въ стеклѣ.. Такимъ образомъ было установлено, что подъ дѣйствіемъ магнита поляризованный лучъ свѣта измѣнялъ свое направленіе.. Отъ магнитовъ изслѣдо-

ватель перешелъ къ электрическимъ токамъ, при чемъ убѣдился, что и они вызываютъ измѣненіе направленія луча поляризованнаго свѣта“. Итакъ по мнѣнію автора вращеніе плоскости поляризаціи заключается въ томъ, что лучъ свѣта, мѣняетъ свое направленіе. Крайняго предѣла извращенія истины достигаетъ авторъ на стр. 74 до 77. Всѣмъ извѣстно, что одна изъ величайшихъ заслугъ Фарадея заключается въ томъ, что онъ, не признавая дѣйствія силъ на разстояніе, первый указалъ на роль промежуточной среды въ тѣхъ явленіяхъ, въ которыхъ прежде допускалась *actio in distans*. Между тѣмъ мы читаемъ на указанныхъ страницахъ: „Любопытно, что Фарадей признавалъ дѣйствіе всѣхъ физическихъ силъ на разстояніи. Убѣжденіе это было въ немъ крѣпко, и онъ не разставался съ нимъ до конца своихъ дней“. Нѣсколько дальше читаемъ слѣдующее: „Но у Фарадея было еще другое воззрѣніе, которое теперь въ законѣ къ наукѣ, но которому суждено можетъ быть сдѣлаться рано или поздно господствующимъ. Воззрѣніе это дѣлаетъ совершенно излишнимъ существованіе какой-то особой, недоступной нашимъ чувствамъ, матеріи эфиръ. На основаніи этого воззрѣнія, сила дѣйствуетъ по линіямъ, имѣющимъ особую, опредѣленную для cadaго проявленія энергій, форму, которой соотвѣтствуютъ превращенія одной формы энергій въ другую. Направленія этихъ линій и ихъ колебаній постоянны для cadaго вида энергій—силы тяготѣнія, свѣта, теплоты, электричества, магнетизма. Фарадей былъ сильно привязанъ къ этимъ „линіямъ силъ“ и сдѣлалъ многое для ихъ изученія. Великій ученый работалъ также надъ изученіемъ линій электричества, и пользуясь ими, производилъ опыты, о которыхъ мы говорили выше и которые въ наше время повторены Гердемъ, какъ нѣчто новое. Къ сожалѣнію, послѣ Фарадея вопросъ о линіяхъ силы былъ оставленъ и остается доселѣ въ полномъ пренебреженіи“. Всякій, знакомый съ элементами современной физики, понимаетъ, что въ этихъ тирадахъ гораздо больше ошибокъ, чѣмъ отдѣльныхъ словъ.

Астрономъ—наблюдатель. Руководство къ ознакомленію съ небесными явленіями и ихъ наблюденіями. *Евгенія Предтеченкова*, дѣйствительнаго члена Русскаго астрономическаго общества. С.-Пб. 1895. Цѣна 50 коп. Стр. 198 + II. („Полезная бібліотека“. Изданіе П. П. Соѣкина). — При помощи такого руководства каждый, получившій весьма нешолоное и элементарное образованіе и безъ всякой подготовки къ астрономическимъ работамъ, можетъ изучить небо, наблюдать происходящія на немъ явленія и не только извлекать изъ этихъ наблюденій пользу для себя, но даже и для науки. При этомъ, авторъ указываетъ такіе способы наблюденій, которыя или не будутъ сопряжены ни съ какими затратами или потребуютъ весьма не дорогихъ. Уже изъ небольшого числа страницъ (21—49) первой главы [„Календарь“] читатель извѣстчетъ рядъ интереснѣйшихъ и полезныхъ свѣдѣній [„Времена года“, „знаки Зодіака“, „мѣстное время“, „календарное четырехлѣтіе“, „восходъ и закатъ солнца“] и удостовѣрится въ истинѣ сказаннаго авторомъ, что „календаръ представляетъ собою первую книгу по астрономіи; это, такъ сказать, азбука и хрестоматія небесной науки“. Кто будетъ производить тѣ простѣйшія и удобоисполнимыя наблюденія, которыя указаны авторомъ въ этой первой главѣ, тотъ уже приобрететъ разносторонній навыкъ и основательную под-

готовку къ болѣе сложнымъ астрономическимъ работамъ и на самомъ себѣ оправдываетъ слова Кеплера, что „кто заинтересовался таблицей восхода и заката солнца, кого привлекаетъ вопросъ о вычисленіи часа, когда появляется предъ солнцемъ румяная заря, тотъ слышитъ уже божественный голосъ, влекущій его къ занятію астрономіей“... Всѣ дальнѣйшія главы [„Часы“, „Мѣстонаблюденія“, „Луна“, „Звѣздное небо“, „Астрономическая труба“] не уступаютъ въ достоинствѣ первой.

„Международная бібліотека“, № 42. *I. Рейнке*. Приходъ и расходъ въ природѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. С.-Пб. 1896. 46 стр. Цѣна 15 коп. (Изданіе *I. Юровскаго*).—Тема книги—„Приходъ и расходъ въ природѣ“, то-есть, выражаясь проще, принципы сохраненія энергіи. Тема нѣсколько избитая, безыюдно обработанная въ популярной формѣ Г. Гельмгольцемъ примѣрно 45 лѣтъ тому назадъ. Изложить нынѣ въ общедоступной формѣ принципы сохраненія энергіи и привести соответствующіе примѣры, ужъ кажется нетрудно. Между тѣмъ книга *I. Рейнке* переполнена ошибками и курьезами; перечислять всѣ — значило бы перепечатать всю книгу. Приводимъ весьма малую ихъ часть. Стр. 3. „Мы только потому и замѣчаемъ міръ, что онъ движется. При этомъ мы разумѣемъ не его движеніе въ цѣломъ (послѣднее познается только наукой) и т. д.“. Какая же это наука познаетъ движеніе міра въ цѣломъ? Стр. 4. „Движеніе это..... черезъ органы чувствъ проникаетъ въ насъ, гдѣ колебанія тончайшей матеріи распространяются до души и вызываютъ свойственный ей родъ движенія“. На той же страницѣ: „Движеніе не проявляется въ видѣ силы тяжести, теплоты, свѣта, жизни животныхъ и растений“. На той же страницѣ: „Кажущіеся случаи совершеннаго покоя (случаи равновѣсія тѣлъ) суть только формы *относительнаго* покоя, — или, какъ говорятъ, минимальной скорости“. Всѣ эти мѣста комментаріевъ не требуютъ. На стр. 5 авторъ характеризуетъ силы, какъ причины движенія, а на стр. 6-й говорится уже о передачѣ силы; на той же страницѣ читаемъ: „Живой силой физика называетъ силу, проявляющуюся въ движеніи“, что уже никакого смысла не имѣетъ. Наконецъ на стр. 7-й безо всякихъ объясненій вдругъ говорится о скрытой энергіи. На стр. 7-й авторъ называетъ запасъ работы, вложенной въ лукъ, упругостью и тутъ же пишетъ: „Упругое равновѣсіе называется неустойчивымъ, неупругое же, происходящее изъ перваго послѣ издержанія работы, устойчивымъ“. Читая подобныя изреченія, невольно спрашиваешь себя, не представляетъ ли вся книга просто шутку или мистификацію. Стр. 10-я. „Мы называемъ воздухъ холоднымъ, если его температура ниже температуры нашего тѣла“. Интересно знать, кому воздухъ при 30° кажется холоднымъ? На стр. 13-й авторъ утверждаетъ, что температура пламени сѣры выше температуры пламени фосфора и что еще выше лежитъ температура горящаго дерева. На той же страницѣ авторъ, говоря о паровой машинѣ, утверждаетъ, будто совершенная ея работа точно соответствуетъ затратѣ угля. На стр. 14-й авторъ раздѣляетъ силы на работающія и воздающія, что во всякомъ случаѣ ново. Стр. 15-я. „Эта способность..... есть одна изъ важнѣйшихъ ученій естествознанія“. вмѣсто привагата термина „тепловой“ авторъ вездѣ пишетъ „теплотный“. Стр. 19-я. „Луча со среднимъ числомъ колебаній одни только и свѣтатъ, но они свѣтатъ только по-

тому, что въ состояніи реагировать на нашъ глазъ". На стр. 24-й авторъ утверждаетъ, что ультра-красный свѣтъ лишь слабо реагируетъ на нашъ глазъ. Между тѣмъ ультра-красными называются именно тѣ лучи, которые на нашъ глазъ вовсе не дѣйствуютъ. На той же страницѣ читаемъ: „Еслибы земля не получала этой прибавки живой силы отъ солнца, она давно застыла бы на точкѣ замерзанія ртути". На стр. 26-й авторъ утверждаетъ, что всѣ части нашего тѣла состоятъ изъ углеродистыхъ соединений. Авторъ непрерывно говоритъ объ образованіи въ растеніяхъ сахара изъ угольной кислоты, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности въ клеткахъ растеній прежде всего образуются крахмальныя зерна, которыя затѣмъ уже превращаются въ другіе сахароподобные углеводы вродѣ глюкозы. На стр. 38-й авторъ утверждаетъ, что въ составъ солнечнаго ядра входитъ вода, а на стр. 39-й онъ пишетъ, что фотосфера сгущается въ капли и кристаллики и, наконецъ, что исходящія отъ солнца лучи исходятъ отъ фотосферы и отъ хромосферы. Все это совершенно невѣрно. Весьма любопытна собственная метафизика автора, которую онъ развиваетъ на стр. 43 до 46. Здѣсь, между прочимъ, читаемъ: „Математикъ опредѣляетъ точку, какъ элементъ пространства"; „нужно было бы дуновение колоссальной силы, чтобы превратившееся въ планету солнце снова разложилось". Тутъ же авторъ утверждаетъ, что нѣтъ даже гипотезъ для объясненія первоначальной причины солнечной теплоты.

Л. Филле. Пять внѣшнихъ чувствъ. Перевелъ и дополнилъ д-ръ Ю. Малисъ. Съ 20 рисунками. („Полезная библиотека". Изданіе П. П. Соикина). С.-Пб. 1894. Стр. 149 + II. Ц. 50 коп.

Разсматриваемая книга составлена довольно искусно; изложеніе довольно просто и относительно свободно отъ значительныхъ погрѣшностей, кромѣ развѣ довольно значительнаго числа неточностей, повидимому, неизбежныхъ при популярномъ изложеніи столь сложнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ столь тонкаго предмета, какъ физиология органовъ чувствъ¹⁾.

Позволю себѣ привести здѣсь нѣсколько образчиковъ довольно значительныхъ погрѣшностей.

На стр. 25 авторъ говоритъ: „еслибы мы пожелали разсматривать въ глазномъ яблокѣ исключительно лишь его *зрительныя*²⁾ функція, редуцировали бы, упростили бы его въ смыслѣ его *физиологической*¹⁾ роли, то можно было бы сказать, что самый хрусталикъ уже представляетъ собою органъ зрѣнія". Слѣдуетъ тѣмъ болѣе удивляться этому утвержденію автора, что въ другомъ мѣстѣ онъ самъ говоритъ о глазахъ, лишенныхъ хрусталика (афакическихъ), которые однако сохраняютъ свойства органа зрѣнія.

На стр. 48 авторъ совершенно невѣрно описываетъ, такъ называемую, слѣпоту къ краснымъ лучамъ (дальтонизмъ). „Всѣ тѣ предметы, говоритъ онъ, которые нормальный глазъ видитъ красными, представляются для слѣпнаго на красный цвѣтъ глаза черными. Лучи, идущіе отъ этихъ предметовъ, не вызываютъ въ глазу цвѣтоощущенія, и вслѣдствіе этого глазъ видитъ все чернымъ...

¹⁾ Само собою разумѣется, что отъ этого послѣдняго свойства свободны популярныя изложенія науки, принадлежащія ея дѣйствительнымъ мастерамъ.

²⁾ Курсивъ редактора.

Смотря на вишневое дерево, увѣшанное свѣлыми плодами, страдающій красной слѣпотой не различаетъ вишень отъ листьевъ. Онъ видитъ зеленыя листья, но не видитъ красныхъ вишень“. Въ дѣйствительности, страдающіе дальтонизмомъ не видятъ крайняго края красной части спектра, въ случаѣ малой интенсивности его свѣта, но они видятъ его при значительной интенсивности его свѣта; такимъ образомъ граница спектра со стороны краснаго обыкновенно представляется имъ тамъ, гдѣ нормальный глазъ видитъ еще слабый красный цвѣтъ. Существенная разница заключается въ томъ, что красная, оранжевая, желтая и зеленая части спектра представляются имъ различными тонами одного и того же цвѣта, который они обыкновенно называютъ желтымъ. Такимъ образомъ они видятъ и красныя вишни на деревьяхъ, но считаютъ ихъ цвѣтъ отбѣнкомъ того же цвѣта, который имѣютъ листья (последнія представляются имъ однако гораздо богаче бѣлымъ свѣтомъ). Несомнѣнно, что еслибы авторъ выикъ глубже въ сущность Юнгово-Гельмгольцовской теоріи ощущенія цвѣтовъ, которую онъ излагаетъ,—впрочемъ, довольно грубо,—то онъ не могъ бы сдѣлать приведенной характеристики дальтонизма; впрочемъ и анализъ его собственного изложенія этого предмета долженъ былъ бы возбудить у автора сомнѣніе въ вѣрности этого изложенія; въ самомъ дѣлѣ, по изложенію автора, оказывается, что глазъ, слѣпой къ красному цвѣту, видитъ красныя предметы черными, дагѣ оказывается, что такой глазъ не отличаетъ красныхъ вишень отъ листьевъ (значить, и листья должны представляться ему черными!), наконецъ, оказывается, что такой глазъ вовсе не видитъ красныхъ вишень!

На стр. 54 авторъ невѣрно утверждаетъ, что „зрительный нервъ такъ же, какъ и сѣтчатка, нечувствителенъ къ инымъ воздѣйствіямъ, кромѣ какъ къ свѣтовому“. Во-первыхъ, самъ зрительный нервъ, безъ его приферическихкихъ окончаній, нечувствителенъ къ дѣйствию свѣта, какъ это видно изъ явленія Мариоттова пятна, которое описывается и въ разбираемомъ сочиненіи; во-вторыхъ, зрительный нервъ очень чувствителенъ къ другимъ воздѣйствіямъ, кромѣ свѣтового,—онъ только отвѣчаетъ на самыя различныя воздѣйствія (механическія, электрическія и пр.) ощущеніемъ свѣта. Очевидно, авторъ не усвоилъ себѣ сущности ученія о специфической энергіи нервовъ органовъ чувствъ, что видно и изъ другаго мѣста разбираемаго сочиненія (стр. 6).

На стр. 67 авторъ безусловно утверждаетъ, что „пройдя чрезъ двояковыпуклую чечевицу, лучи принимаютъ сходящееся направленіе“, что для извѣстныхъ положеній свѣтящейся точки относительно чечевицы невѣрно.

На стр. 71 авторъ утверждаетъ, что движенія глазнаго яблока сводятся къ движеніямъ въ обѣ стороны, къ носу и къ виску, и къ движеніямъ вверхъ и внизъ, совершенно забывая о столь существенныхъ для зрѣнія вращательныхъ движеніяхъ глаза около оси, идущей спереди назадъ.

На стр. 106, послѣ весьма поверхностнаго и неправильнаго изложенія теоріи Гельмгольца ощущенія тоновъ, авторъ замѣчаетъ: „противъ этой теоріи, достаточно увлекательной, можно сдѣлать то основное возраженіе, что дѣйствица звуковъ, составленная изъ тоновъ и полутоновъ, заняла бы такое пространство, что представляется совершенно невозможнымъ, какъ умѣстилось бы во внутреннемъ ухѣ громадное количество нервныхъ волоконъ (!),

которыя должны отвѣчать на всякій гармоническій звукъ, идущій извѣтъ“. Изъ этого замѣчанія слѣдуетъ, что авторъ вовсе не вникъ въ сущность ученія Геймгольца объ ощущеніяхъ тоновъ, — выводъ, подтверждающійся не только изложеніемъ автора этого ученія, но и нѣкоторыми дальнѣйшими замѣчаніями по этому предмету, особенно на стр. 110 — 111, гдѣ говорится о способности различенія отдѣльныхъ тоновъ среди множества одновременныхъ звуковъ. Этихъ образчиковъ я полагаю достаточно!

Цвѣтники Пѣшношскій. Подвижники благочестія Николаевского Пѣшношскаго монастыря. М. 1898.—Какъ извѣстно, Пѣшношская обитель принадлежитъ къ весьма древнимъ русскимъ монастырямъ и въ числѣ ея подвижниковъ, игуменовъ и архимандритовъ было не мало выдающихся личностей. Богѣ чѣмъ пятистлѣтняя жизнь монастыря привлекала не разъ и вниманіе историковъ и изслѣдователей. Наибогѣ извѣстны: „Описаніе монастыря св. Николая, что на Пѣшношѣ“, Калайдовича. (М. 1837 г.); „Исторія Николаевского Пѣшношскаго монастыря“, напечатанная 4-мъ изданіемъ въ 1893 г., и „Описаніе монастыря св. Николая, что на Пѣшношѣ“, протоіерея В. Руднева (М. 1893 г.). Многіе изъ игуменовъ и іеромонаховъ его занимались составленіемъ мемуаровъ, записокъ, разказывающихъ о событіяхъ и лицахъ, бывшихъ въ монастырѣ. Среди нихъ не послѣднее мѣсто долженъ занять іеромонахъ Іеронимъ († 1877 г.), „Воспоминанія“ котораго, главнымъ образомъ, и послужили къ составленію разсматриваемаго нами „Цвѣтника“, составленнаго В. Рудневымъ. Богѣ или менѣе подробныя біографіи его касаются преп. Мееодія, игумена Пѣшношскаго, св. Варсонофія, хозинскаго чудотворца, архимандрита Макарія, настоятеля монастыря, строителя іеромонаха Максима, архимандрита Мееодія и блаженнаго монаха Іоны. Нѣкоторыя изъ этихъ біографій были напечатаны также въ „Чтеніяхъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія“ (игумена Мееодія) и въ „Душеполезномъ Чтеніи“ (архимандрита Макарія, іеромонаха Максима), а остальные составлены вновь.

Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 года, собранныя и изданныя *И. И. Щукинымъ*. Ч. I и II, in 4°. М. 1897.—Первая часть названнаго сборника состоитъ, главнымъ образомъ, изъ подлинныхъ бумагъ, очевидно, составляющихъ собственность г. Щукина, и копій съ бумагъ московской управы благочинія (35 №№) и съ бумагъ московскаго губернскаго архива старыхъ дѣлъ, и начинается „письмомъ москвича, очевидно событій 1812 года“. Въ немъ среди подробностей о грабежахъ, убійствахъ и т. п., происходившихъ въ Москвѣ во время пребыванія въ ней французовъ, характерны упреки въ варварствѣ и жестокости „прославленныхъ“ французовъ. За этимъ письмомъ слѣдуютъ „донесенія“ князьямъ Голицынымъ ихъ привашиковъ изъ подмосковныхъ деревень, богѣ всего изъ с. Гребнева, о состояніи послѣднихъ во время пребыванія французовъ въ Москвѣ и послѣ ихъ ухода, вмѣстѣ съ отчетами о расходахъ на снаряженіе солдатъ и ихъ обмундировку и описаніями похищеннаго имущества. Въ числѣ этихъ документовъ, относящихся до зн. Голицыныхъ, находится и „прошеніе“ императору Александру I повѣреннаго Голицына „о вознагражденіи за убытки“, причи-

ненные въ селахъ и деревняхъ во время нашествія французовъ и простиравшіеся до 21.173 р. 50 коп. Изъ остальныхъ подлинныхъ „бумагъ“—по преимуществу писемъ и прошеній пострадавшихъ — богѣе обращаютъ вниманіе списки: „удѣлѣвшихъ зданій, пушекъ и другихъ предметовъ, оставленныхъ французами послѣ ихъ ухода изъ Москвы“, „русскихъ измѣнниковъ“ („Загрядкой, Голицынъ Александръ, Щербатовъ, Бестужевъ-Рюминъ, Находкинъ, Фалеевъ и Бородинъ“ (послѣдніе три изъ купеческаго сословія) и „сгорѣвшихъ и удѣлѣвшихъ строеній“. Любопытнѣе другихъ, во-первыхъ, письмо Сергѣя Минина, отъ 2-го октября 1812 г., сообщающее о поджогахъ Москвы самими Ростопчинымъ и русскими, руководившимися при этомъ желаніемъ лишить французовъ продовольствія, а о дѣйствіяхъ партизанскихъ войскъ и, во-вторыхъ, письмо Ю. Н. Бартечева, довольно подробно останавливающегося на отступленіи русскихъ войскъ къ Москвѣ и на Бородинскомъ сраженіи. Нѣсколько ниже помѣщенъ въ числѣ подлинныхъ бумагъ г. Щукина, на стр. 129—143, любопытный „протоколъ французской военной комиссіи, судившей поджигателей“. вмѣстѣ съ описаніемъ предметовъ, найденныхъ на дачѣ Воронцова, и русскими бюллетенями, найденными въ Москвѣ (на французскомъ и русскомъ языкахъ). Копія съ бумагъ московской управы благочинія начинаются „Донесеніемъ кн. М. И. Кутузова императору Александру I, изъ с. Жилина, 4-го сентября 1812 г.“, въ которомъ онъ говорить, что послѣ Бородинской битвы „Армія была весьма ослаблена.. войска, съ которыми надѣялись мы соединиться, не могли еще придти, непріятель же пустилъ двѣ новыя колонны... а потому не могъ я никакъ отважиться на баталію, которой невыгоды имѣли бы послѣдствіемъ не только разрушеніе арміи, но и кровопролитѣйшую гибель и превращеніе въ пепель самой Москвы... Осмѣливаюсь всеподданнѣйше донести Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, что вступленіе непріятеля въ Москву не есть еще покореніе Россіи“... Затѣмъ идутъ предписанія гр. Растищина московскому оберъ-полиціимейстеру Ивашкину и донесенія послѣдняго и полиціиместеровъ, открывающія нѣкоторыя подробности по устройству Москвы послѣ ухода французовъ и вознагражденію пострадавшихъ. Среди этихъ документовъ находятся и три дѣла: 1) о наказанномъ плетымъ французѣ Петинетѣ, которому „за дерзкія слова и угрозы“ гр. Растищинъ приказалъ дать 50 ударовъ плетми и отправить въ Сибирь (о ссылкѣ его въ Сибирь свидѣній нѣтъ), 2) о возвращеніи семьи купца Жданова и 3) „о рядовомъ, грабившемъ вмѣстѣ съ французами“. Бумаги, извлеченныя изъ губернскаго архива старыхъ дѣлъ, заключаются въ краткихъ „отношеніяхъ“ (3) нижегородскаго губернатора гр. Растищину и „отпусковъ“ послѣдняго первому. Закачивается I часть двумя прокламаціями Лессепа къ жителямъ Москвы. Что касается II части сборника г. Щукина, то въ ней мы находимъ исключительно однѣ „бумаги“ московской управы благочинія, разнаго рода донесенія, отношенія, дѣла о высылкѣ и наказаніи виновныхъ въ грабежахъ и измѣнѣ, письма, объявленія, прошенія, предписанія и т. п., свидѣтельствующія о страшно-напряженной дѣятельности московскихъ полицейскихъ властей послѣ ухода французовъ и о бѣдственномъ состояніи очень многихъ жителей Москвы, обращавшихся съ прошеніями въ управу благочинія. Тщательное съ внѣшней стороны это изданіе весьма не бесполезно для историка Отечественной войны и по нѣкоторымъ подробно-

ствямъ сообщаемыхъ въ немъ свѣдѣній. Жаль только, что издатель поспешилъ предпослать ему какое-либо введение и ввести въ текстъ кой-гдѣ весьма не лишнія поясненія и примѣчанія.

Минусинскіе и ачинскіе инородцы. (Матеріалы для изслѣдованія). Статья *А. А. Кузнецовой* и *П. Е. Кулакова*. Изданіе Енисейскаго губернскаго статистическаго комитета. Красноярскъ. 1898.—Названная книга состоитъ изъ двухъ статей г. Кулакова: „Къ новѣйшей исторіи минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ“ и „Постоянное имущество, производство и потребление у минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ“ и статьи г-жи Кузнецовой „Жилища, одежда и пища минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ“. Цѣль ея появленія, по объясненію г. Кулакова,—сбораніе матеріала для изученія характера, причинъ и значенія той эволюціи (быстраго процесса обрусѣнія инородцевъ), которая совершается въ настоящее время въ жизни минусинскихъ и ачинскихъ татаръ подъ влияніемъ экономическихъ, административныхъ и бытовыхъ факторовъ. Составлена она на основаніи личныхъ наблюденій надъ жизнью татаръ и на основаніи архивныхъ данныхъ четырехъ управъ: Абаканской и Аскизской Минусинскаго округа, и Мелецкой и Кизильской Ачинскаго округа. Кромѣ того, составители широко воспользовались, какъ видно изъ перечня пособій, и печатною литературою, относящеюся до интересующаго ихъ вопроса. Наиболѣе интереснаго изъ названныхъ статей является первая статья г. Кулакова. Въ ней, въ 4-хъ главахъ, онъ говоритъ о факторахъ, содѣйствовавшихъ обрусѣнію инородцевъ; о „движеніи населенія и измѣненіи раселенія“ ихъ подъ влияніемъ борьбы съ русскими изъ-за земли, лѣса, покосовъ и т. п. подъ влияніемъ кочеванья — уклоненія отъ земледѣльческой культуры; о нежеланіи татаръ разстаться съ своимъ прежнимъ асачнымъ и кочевымъ состояніемъ и уклоненіи отъ земледѣлія; о медленномъ распространеніи среди нихъ христіанства и о самомъ ничтожномъ вліяніи послѣдняго на внутренній и внѣшній бытъ татаръ и, наконецъ, о наибольшемъ сравнительно съ другими хозяйственно-экономическими формами развитія среди инородцевъ земледѣлія. Въ другой своей статьѣ г. Кулаковъ, на основаніи 124 подлинныхъ бюджетовъ, хранящихся въ Енисейскомъ статистическомъ комитетѣ, сообщаетъ любопытныя цифровыя данныя о хозяйствѣ татаръ, о ихъ расходахъ и приходахъ и въ приложеніи приводитъ „Сводныя таблицы о составѣ инородческихъ хозяйствъ, ихъ имуществѣ, приходѣ и расходѣ“. Довольно интересна также и составленная преимущественно на основаніи личныхъ наблюденій автора и наблюденій предшествовавшихъ изслѣдователей статья г-жи Кузнецовой. Изъ нея мы узнаемъ, что вообще всѣ происшедшія измѣненія во внутреннемъ бытѣ инородцевъ находились въ зависимости отъ географическихъ условій, степени близости русскаго вліянія, а въ частности они наиболѣе обнаружились на жилищахъ и платьѣ. Одежда же, въ особенности—женская, сохранила свои національныя особенности, хотя и не во всѣхъ одинаково управахъ. Въ текстѣ статьи находится множество рисунковъ, чертежей и плановъ, что еще болѣе придаетъ ей интереса въ глазахъ читателя. Въ приложеніи къ ней г-жа Кузнецова помѣстила выборки изъ архивовъ управъ относительно цѣнъ на одежду, матеріи, мѣха, золотыя и серебряныя вещи и т. п., и нѣсколько описаній одеждъ, помѣщенныхъ по

какому-либо случаю въ разныхъ донесеніяхъ и слѣдствіяхъ. Нельзя также не отмѣтить, что въ этой книгѣ очень много данныхъ для оцѣнки дѣйствій мѣстной администраціи, принимавшей свои мѣры къ обрुшенію инородцевъ.

Въ теченіе іюня мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги и брошюры:

— *Ц. Балалонъ*. Эстетика В. Г. Бѣлинскаго. Избранныя статьи и отрывки съ вопросами и дополненіями. Москва. 1898. Цѣна 1 р.

— *Н. Н. Захаринъ*. Хива. „Зимній походъ въ Хиву Перовскаго“. С.-Пб. 1898.

— *А. Ф. Метіусъ*. Техническій французско-русскій словарь. Харьковъ. 1898.

— *Н. П. Лихачева*. По поводу сборника *А. И. Юшкова*: Акты XIII—XVII вѣковъ представленныя въ разрядный приказъ представителями служилыхъ фамилій послѣ отмѣны мѣстничества. С.-Пб. 1898.

— *Мордовцевъ, Д. Л.* Послѣдніе дни Іерусалима, историческая повѣсть. С.-Пб. 1898.

— Архивъ князя *Θ. А. Куракина*. 7-ая книга. Саратовъ. 1898. 8°.

— *М. Е. Соколовъ*. Великорусскія свадебныя пѣсни. Саратовъ. 1898.

— *Янковскій, Д. П.* Варшавская женская прогимназія. 1866—1898. Варшава. 1898.

— Отчетъ по минусинскому мѣстному музею и общественной библиотекѣ за 1897 годъ. Минусинскъ. 1898.

— *Ламъ, Н.* Учебникъ логикѣ. Одесса. 1898.

— *Рейльсбергерь, О.* О общее ученіе о правѣ, переводъ *Базанова*, подъ редакціей проф. *Ю. С. Гамбарова*. Москва. 1897.

— *Уоллакъ, Альфредъ Русселъ*. Дарвинизмъ, переводъ проф. *М. А. Мензбира*. Москва. 1898.

— *Чичеринъ, Б. Н.* Политическіе мыслители древняго и новаго міра. Выпускъ I и II. Москва. 1897.

— *Notkow, Peter.* Das Aktivitѣтсprinсip in der Pѣdagogik JEAN-JACQUES ROUSSEAU'S. Leipzig. 1898.

— *Гусевъ, А.* Элементарный учебникъ церковно-славянскаго языка для начальныхъ народныхъ училищъ. Изд. 4-е. Москва. 1898.

— Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей российскіихъ при Московскомъ университетѣ. Книга третья. Издана *Е. В. Барсогомъ*. Москва. 1898.

— *Восоводскій*. Опытъ упрощенія русскаго правописанія. Одесса. 1898.

— Сборникъ учено-литературнаго общества при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Томъ I. Юрьевъ. 1898.

ОПЕЧАТКА.

Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ июньской книжки *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* статья „О началѣ греческой письменности“ по ошибкѣ помѣчена подписью О. Ф. Вульфа, вмѣсто Ф. Видемана.

НАКАЗЫ 3-ГО СОСЛОВІЯ ВО ФРАНЦІИ ВЪ 1789 ГОДУ.

Этотъ огромный по объему и совершенно исключительный по своей цѣнности историческій источникъ все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе. Въ настоящее время ни одинъ историкъ, затрагивающій вопросъ о крушеніи стараго порядка во Франціи, не можетъ обойтись безъ его изученія. Но если въ количественномъ отношеніи по этому вопросу написано очень много, то еще больше остается сдѣлать впереди. Къ тому же во многихъ отношеніяхъ слѣдуетъ начинать сначала, какъ будто бы ничего по этому предмету не было написано.

Ссылки на „*Cahiers*“ можно найти повсюду, и приводятся онѣ въ подкрѣпленіе самыхъ различныхъ взглядовъ, самыхъ противоположныхъ воззрѣній. Между тѣмъ еще не разработанъ, мало того, совсѣмъ почти не затронутъ, вопросъ о степени достовѣрности всего этого необъятнаго матеріала.

Конечно, подъ достовѣрностью здѣсь нельзя разумѣть того, что подъ этимъ словомъ историкъ древности или изслѣдователь среднихъ вѣковъ. Въ новой исторіи этого перваго шага по большей части дѣлать не приходится, но зато остается производить сложную критическую работу на дальнѣйшихъ ея ступеняхъ.

Наказы 1789 г. можно изучать съ точки зрѣнія ихъ фактической достовѣрности. Вѣдь утверждаютъ же нѣкоторые историки, что эти „жалобы“ (*plaintes et doléances*) сгущаютъ краски въ изображеніи нужды. Вѣдь возможны были, при лихорадочной спѣшности работы, всякаго рода оплошности и промахи, наконецъ прямая недобросовѣстность среди *десятковъ тысячъ* ¹⁾ редакторовъ. Возможно было невни-

¹⁾ Число окружныхъ, сводныхъ наказовъ 3-го сословія можно принять около 500, а приходскихъ — около 40.000; впрочемъ, часть ихъ, особенно послѣднихъ,

маніе среди сотенъ тысячъ лицъ, подписавшихъ или молча одобрившихъ эти указы, какъ выраженіе ихъ желаній. Уже современники подиѣтили нѣкоторыя погрѣшности. Такъ интендантъ турецкій указывалъ министру юстиціи въ наказахъ городскихъ корпорацій этого города на требованія объ отиѣнѣ несуществующихъ или давнымъ давно отиѣненныхъ злоупотребленій¹⁾. Онъ же усмотрѣлъ еще болѣе удивительную ошибку въ наказѣ Лимузенскаго дворянства: тамъ помѣщена жалоба на неправильно взимаемая изъ земскихъ суммъ этого генеральства 100.000 экю въ годъ. Между тѣмъ уже въ министерство Тюрго, постановленіемъ государственнаго совѣта, эта „surcharge“ была снята съ Лимузена (уже въ 1775 году); интендантъ предполагаетъ, что редакторъ наказа нашелъ гдѣ-нибудь замѣтку объ этомъ отъ руки Тюрго, временъ интендантства его въ Лиможѣ, но не зналъ, что, сдѣлавшись министромъ, Тюрго принялъ соответствующія мѣры; дворянство же повѣрило редактору на слово²⁾.

Историки еще не начинали разбора наказовъ по методу интенданта турецкаго, хотя сомнѣнія въ этомъ отношеніи подняты недавно проф. И. В. Лучицкимъ, отрицающимъ цѣлесообразность пользованія наказами для опредѣленія размѣровъ крестьянской собственности³⁾. Конечно, при современномъ состояніи нашихъ знаній касательно вопроса о „saliers“ сколько-нибудь систематическая работа въ смыслѣ

затеряна, но не сдѣлано еще инвентаря сохранившихся вороховъ этихъ драгоценныхъ писаній. См. статью автора въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (іюль 1895 г.) „Изданіе текстовъ по новой исторіи“. Ссылка на эту замѣтку избавитъ отъ необходимости распространяться объ историографіи предмета и о капитальныхъ работахъ Бретта по настоящему вопросу.

¹⁾ В. III 150, 113 — 116. В. 83 l. 202. 40. Письмо D' Aine (интендантъ) отъ 6-го марта. „la corporation des maçons à Tours demande la suppression des aides et gabelles, et en même temps celle des gardes du corps du Roi, ... les serruriers... la suppression d'un fonds de 10.000 lrs, qu'ils supposent que le Roi fait annuellement dans les généralités pour defrayer une table que l' Intendant doit tenir pour les officiers... Les menuisiers demandent la suppression des suisses de porte, qu'ils supposent apparemment aussi que l'Etat paye aux Eglises, corps, et particuliers qui en ont“

²⁾ В. III 731, 645—647. В. 47 l. 108. 10. Письмо Неккеру 20-го апрѣля.

³⁾ И. В. Лучицкій, Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи (Кіевъ, 1894) 10. По нашему крайнему разумію профессоръ Лучицкій идетъ, можетъ быть, слишкомъ далеко въ своемъ отрицаніи надежности крестьянскихъ наказовъ, къ которымъ съ такимъ вниманіемъ отнесся М. М. Ковалевскій. Несомнѣнно однако, что добываемая этимъ путемъ свѣдѣнія требуютъ проверки и сличенія съ матеріалами иной категоріи.

провѣрки фактическаго матеріала, заключающагося въ наказахъ, представляется совершенно немислимою. Но возможна нѣсколько иная постановка изученія „cahiers“, какъ историческаго источника.

Токвиль называетъ указы духовнымъ завѣщаніемъ старой Франціи. Это завѣщаніе, написанное въ десяткахъ тысячъ вариантовъ, грамотными или полуграмотными людьми отъ своего имени и отъ имени безграмотной массы, должно служить отраженіемъ того, что думала и чувствовала Франція наканунѣ переворота.

Но тутъ возникаетъ множество вопросовъ и недоумѣній. Точно-ли передана послѣдняя воля умирающаго, внимательно-ли онъ просмотрѣлъ текстъ завѣщанія, былъ-ли онъ въ состояніи объяснить редактору свою волю и понять затѣмъ ея письменное изложеніе ¹⁾. Тѣмъ утверждаетъ, что адвокаты переводили на литературный языкъ чувства мужика, одолживъ послѣднему свои метафоры и свои теоріи; но это надо еще доказать. Далѣе, не было-ли произведено давленія на волю завѣщателя? А кто такое самъ завѣщатель? Народъ. Если не придавать этому понятію мистическаго значенія, то народа, какъ цѣлаго, въ собственномъ смыслѣ не существуетъ. Есть люди, сословія и классы съ переплетающимися и часто непримиримыми между собою стремленіями. Третье сословіе подраздѣлялось на буржуазію и народъ въ собственномъ смыслѣ; послѣдній таилъ въ себѣ опять-таки множество дѣленій, основанныхъ на антагонизмѣ города и деревни. крупнаго и мелкаго фермера, самостоятельнаго хозяина и поденщика, покупателя и продавца хлѣба и т. д. Кто же высказался если не во всѣхъ, то въ большинствѣ наказовъ? Или, можетъ быть, всѣ сговорились выражать только тѣ желанія, которыми всѣ были одинаково проникнуты, не касаясь тѣхъ, въ которыхъ расходились между собою?

Прежде чѣмъ ссылаться на указы 3-го сословія, какъ на выраженіе настроенія и воли большинства французскаго народа, необходимо изслѣдовать ихъ достовѣрность въ этомъ отношеніи. Для этого прежде всего нужно изучить обстановку ихъ составленія, иначе говоря, произвести систематическое изученіе выборовъ 1789 года съ цѣлью подготовки критическаго разбора „cahiers“ 3-го сословія.

¹⁾ Слѣдуетъ имѣть въ виду, что около половины всего населенія Франціи не понимало того французскаго языка, на которомъ написаны указы: тутъ были-разныя языки, какъ-то провансальскій, испанскій, нѣмецкій, бретонскій и множество мѣстныхъ говоровъ (patois).

Такая работа должна производиться не столько вглубь, сколько въ ширь, по примѣру опытовъ, сдѣланныхъ по этому вопросу (по мнѣхоходомъ) Шассеномъ, Н. И. Карѣвымъ и М. М. Ковалевскимъ, а также по слѣдамъ критическаго издателя части этихъ матеріаловъ— Бретта, единственнаго въ своемъ родѣ знатока и систематизатора источниковъ по созыву генеральныхъ штатовъ 1789 года.

Къ такому выводу приводитъ печальный опытъ провинціальныхъ монографій по этому предмету, представляющихъ по большей части почти ненужный ученый балластъ. Даже такія образцовыя, въ смыслѣ метода и вложеннаго труда, монографіи, какъ работы Вигле по выборамъ въ Провансѣ, поневолѣ впадаютъ въ промахи и ошибки вслѣдствіе крайней пестроты учрежденій и бытовыхъ условій стараго порядка. Провинціальныя монографіи о выборахъ 1789 г., даже немногія удачныя, впадаютъ въ односторонность, не имѣя матеріала для сличенія.

Итакъ, настоящее изслѣдованіе будетъ производиться не по областямъ, а по вопросамъ; въ немъ не будетъ дано общей картины выборовъ въ данной мѣстности, а будутъ разбираться разныя стороны избирательныхъ операцій, по возможности, по всей поверхности Франціи. Источники въ этомъ отношеніи очень обильны: въ одномъ только Парижскомъ главномъ архивѣ содержится 90 картоновъ и 174 фолианта сырья, просмотрѣннаго Шассеномъ, Карѣвымъ и Бреттомъ¹⁾.

Въ связи съ поставленною цѣлью, изученіе это должно производиться, такъ сказать, подъ микроскопомъ. Въ наукѣ уже давно признано безспорнымъ, что крупныя событія слагаются изъ мелочей и, при условіи повторяемости, мелочные факты нерѣдко важнѣе для историка, чѣмъ такъ называемыя событія. При разборѣ выборовъ придется входить въ частности, не брезгать самыми незначительными на первый взглядъ подробностями, приводить инсинуаціи, обвиненія, клевету, которыя рсточали другъ противъ друга честолюбивые участники выборовъ или враждующія партіи. Во всей этой мелкотѣ и грязи можно найти данныя, позволяющія разобрать строеніе и составъ той почвы, на которой выросли указы 1789 года и національное собраніе.

Созваніе генеральныхъ штатовъ было приурочено къ судебной ор-

¹⁾ Описаніе этого матеріала, служащаго главнымъ источникомъ настоящей работы, можно найти въ трудахъ названныхъ историковъ.

ганизациі старой Франціи и ввѣрено руководству хранителя печати, то-есть министра юстиціи.

Для составленія наказовъ и избранія депутатовъ Франція раздѣлена на округа, совпадающіе съ судебными, — бальяжи и сенешоссеи ¹⁾. Здѣсь главный судья округа — лейтенантъ ²⁾ завѣдывалъ выборами 3-го сословія. Онъ разсылалъ судебныхъ приставовъ въ города и деревни для приглашенія избирателей составить первичное собраніе прихода (*assemblée primaire, assemblée de paroisse* ³⁾). Въ этихъ собраніяхъ, подъ предѣдательствомъ мѣстнаго судьи или его замѣстителя, составлялся первичный наказъ и избирались представители прихода для отправки ихъ въ округъ, гдѣ происходило окружное собраніе подъ предѣдательствомъ лейтенанта. Тутъ первичные наказы сводились въ общій окружной наказъ и избирались депутаты округа. Бальяжи и сенешоссеи раздѣлялись на главные и второстепенные; первые окончательно избирали депутатовъ прямо въ генеральныя штаты, послѣдніе посылали своихъ представителей въ главный округъ ⁴⁾, избравъ для этого изъ своей среды четвертую часть (*reduction au quart* ⁵⁾).

Введена почти всеобщая подача голосовъ: право участія обусловлено внесеніемъ въ податной окладъ, и устранинными оказывались лишь немногіе бездомные люди, которые при тогдашнихъ условіяхъ все равно не воспользовались-бы этимъ правомъ. Въ главныхъ окружныхъ собраніяхъ установлена закрытая подача голосовъ, а въ второстепенныхъ окружныхъ и въ приходскихъ собраніяхъ — открытая.

Таковы главныя черты регламента 24-го января 1789 г. по отношенію къ 3-му сословію. Этотъ законъ представлялъ сочетаніе преданій послѣднихъ генеральныхъ штатовъ 1614 года, съ требованіями времени, какъ ихъ понимало правительство Людовика XVI, при мини-

¹⁾ Названіе бальяжей болѣе распространено на сѣверѣ, кромѣ Бретани, а сенешоссей — на югѣ.

²⁾ „Lieutenant général“ или „lieutenant particulier“.

³⁾ Въ крупныхъ городахъ единицами прихода считались городскія корпораціи, ядранныя которыхъ составляли избирательное собраніе всего города.

⁴⁾ Кромѣ того, трехстепенная система введена также для очень мелкихъ округовъ, такъ называемыхъ *bailliages à députation réduite*. Они отличались отъ второстепенныхъ тѣмъ, что наказы ихъ не сливались въ общій наказъ главнаго округа, а считались окончательными.

⁵⁾ Не слѣдуетъ смѣшивать ее съ *reduction à 200*, то-есть, сведеніемъ слишкомъ многочисленныхъ собраній къ 200 членамъ.

стерствъ Неккера. Недостатки этого закона, его сильныя и слабыя стороны будутъ выяснены въ свое время. Но въ такой странѣ, какъ дореформенная Франція, важенъ не столько самый законъ, сколько способъ его проведенія въ жизнь. Оттого первый вопросъ, требующій разработки, это роль правительственной власти, сдѣлавшей призывъ къ народу-

I.

Отношеніе власти къ избирателямъ.

Для выясненія отношенія власти къ избирателямъ необходимо принять во вниманіе особенности политическаго положенія и нравственнаго состоянія правительства и общества наканунѣ созыва генеральныхъ штатовъ 1789 года.

Рѣшившись допустить это новшество, въ которомъ старина Франціи слышалась, правительство знало, что большинство населенія на его сторонѣ. Къ тому же объ организованной оппозиціи, какъ въ парламентскомъ режимѣ, не могло быть и рѣчи, а въ частности къ 3-ему сословію питали особое довѣріе. Созваніе генеральныхъ штатовъ было вызвано необходимостью выйти изъ финансовыхъ затрудненій, въ виду непрекращавшейся агитаціи и игры въ радикализмъ со стороны привилегированныхъ сословій. Это была цѣлая революція парламентовъ и отчасти помѣстнаго дворянства, сопровождаемая вспышками областного сепаратизма ¹⁾.

Приходилось вѣдаться съ людьми, кричавшими противъ „министерскаго деспотизма“ съ заднею мыслью помѣшать настоятельно необходимому для государственнаго хозяйства податному преобразованію, въ смыслѣ уравниенія податнаго бремени. Эта необходимость взять курсъ влѣво выдвинула впередъ реформатора въ лицѣ министра финансовъ Неккера, которому приписываютъ планъ укрощенія расхолодившейся знати съ помощью уже вліятельнаго, но еще послушнаго „3-го состоянія людей“. Правда, и буржуазія зашевелилась, слѣдуя примѣру другихъ сословій, но агитація городовъ въ пользу равномѣрнаго представительства — „vote par tête“ и „doublement du tiers“ — не была направлена противъ министерства. Напро-

¹⁾ Смыслъ этого движенія можетъ считаться окончательно разъясненнымъ въ изслѣдованіи „Chute de l'ancien régime“ (Paris, 1884) Шере, одного изъ наиболѣе вдумчивыхъ и безпристрастныхъ историковъ врушенія „Ancien Régime“.

тивъ, она была ему скорѣе пріятна, какъ противовѣсь требовательности дворянъ ¹⁾).

Сама Марія Антуанета, въ отвѣтъ на возраженія своего личнаго секретаря противъ допущенія поголовнаго счета голосовъ, заявляла, что высшія сословія во многомъ виновны передъ монархомъ. Министръ Монморенъ писалъ по поводу волненій въ Бретани: „Король слишкомъ недоволенъ дворянствомъ и парламентомъ Бретани для того, чтобы поддерживать ихъ противъ буржуазіи, справедливо возбужденной ихъ надменностью и притѣсненіями; пусть ихъ разберутся между собою, но правительство не вмѣшается“. Американскій посолъ доносилъ, что такъ какъ изъ народа выдавлены всѣ соки, то волей не волей приходится, при поддержкѣ буржуазіи, наложить руку на привилегіи и податныя изъятія высшихъ сословій.

Показаніе австрійскаго посла также мѣтко схватываетъ сущность дѣла: Неккеръ ищетъ въ угожденіи буржуазіи и приобретаемой этимъ путемъ популярности средствъ для казны.

Если изъ этого еще не вытекаетъ, что 3-ье сословіе было любимымъ дѣтищемъ министерства, то во всякомъ случаѣ особенности минуты побуждали правительство держаться дружественнаго нейтралитета между сословіями, слѣдуя давно забытымъ преданіямъ королей—собрателей французской земли.

Къ тому же къ массамъ народнымъ, къ „своему доброму народу“ благодушный король Людовикъ XVI относился съ большимъ, хотя платоническимъ ²⁾ доброжелательствомъ. Люди XVIII вѣка не имѣли передъ глазами пугала народнаго возстанія, а чувствительная философія вѣка создала моду на простыхъ людей. Токвиль тонко подмѣтилъ ³⁾, что никто не боялся тогда смиренной массы, а привракъ революціи не смущалъ сторонниковъ преобразованій и не носился въ ображеніи приверженцевъ старины. Простой народъ былъ въ модѣ даже у этихъ приверженцевъ старины и платонически-сентиментальное отношеніе къ низшей братіи одушевляло саму Марію Антуанету.

То была исключительная историческая минута, время розовыхъ

¹⁾ М. М. Ковалевскій, „Происхожденіе современной демократіи“, II, 9, 10, приводит изъ мемуаровъ и донесеній пословъ любопытнѣшія свидѣтельства объ этомъ настроеніи правящихъ сферъ. См. также *Cherest*, I, 506—508, 518, 523—526.

²⁾ Онъ отказался, напримѣръ, отъ Тюрго, хотя заявлялъ, что только они оба любятъ народъ.

³⁾ „L'ancien régime et la révolution“ (1887), 266—275.

надеждѣ, радужныхъ ожиданій. Все общество, начиная съ образованныхъ его представителей и кончая темною массой, чаяло лучшаго будущаго. Глубокое и горячее монархическое чувство французовъ (не отрицаемое историками радикальнаго направленія), поселяло въ правящихъ сферахъ полнѣйшее довѣріе къ завтрашнему дню. Любовь къ популярному королю, этому новому Генриху IV, съ которымъ его такъ охотно сравнивали, казалась прочнымъ обезпеченіемъ отъ беспорядковъ на выборахъ и отъ систематическаго предпочтенія избирателями такъ называемыхъ безпокойныхъ людей.

Характеренъ тонъ, въ которомъ составлены торжественныя королевскія грамоты о созывѣ народныхъ представителей: онѣ полны цвѣтовъ чувствительнаго благожелательства. Въ „Lettres de Convocation“ его величество взываетъ къ взаимному довѣрію монарха и подданныхъ, общается ихъ выслушать съ доброй волей и любовью, просить у нихъ совѣта для того, чтобы по искорененіи злоупотребленій „возвратить намъ въ частности, чувство успокоенія, котораго мы такъ давно лишены“. Въ регламентѣ 24-го января 1789 г. говорится, что „его величество можетъ приблизиться только посредствомъ своей любви къ той части подданныхъ, которыхъ, повидимому, отдѣляетъ отъ него обширность королевства и пышность трона“ и т. п.

Анонимный авторъ очень злой и умной брошюры ¹⁾ называетъ даже тонъ королевскихъ грамоты и указа не отвѣчающимъ достоинству монарха. „Вмѣсто простаго, естественнаго тона, единственно достойнаго августѣйшей особы, я нахожу условный стиль риторы, цвѣты остроумія“... Фразу о любви онѣ находятъ мистической и двусмысленной. „Не безъ горести слышалъ я, какъ злые перетолковывали рѣчь монарха слѣдующимъ образомъ: „Я разоренъ, потерялъ вслѣдствіе этого спокойствіе; я васъ собираю, дѣти мои, чтобы обсудить самые быстрые и самые дѣйствительные способы наполнить мою казну; я приму такія прекрасныя мѣры, что ее не такъ скоро опорожнятъ. Что касается васъ, то направьте ко мнѣ ваши челобитныя; я ихъ охотно выслушаю и въ свою очередь приму мѣры“...“

Анонимный авторъ, можетъ быть, и правъ. но во всякомъ случаѣ тонъ этихъ актовъ свидѣтельствуетъ о довѣріи правительства къ обществу и о стремленіи возбудить къ себѣ въ отвѣтъ подобное же довѣріе. Зачѣмъ было при такихъ условіяхъ стѣснять свободу избира-

¹⁾ „Observations impartiales sur la lettre du roi etc.“ 8°, s. l. n. d. Национальная Библиотека, L. b²², 6884, стр. 5 и 6

телей? И вотъ, когда 24-го января 1789 г. раздался торжественный призывъ народу, центральная власть намѣрена была дать полную свободу высказаться всѣмъ безъ исключенія французамъ, достигшимъ 25-ти лѣтняго возраста и внесеннымъ въ списки плательщиковъ налоговъ.

Правительство Людовика XVI не только не предпринимало ничего напоминающаго плебисциту Наполеона III, но избѣгало даже приемовъ наиболѣе корректныхъ парламентскихъ государствъ нашихъ дней: никакой официальной программы не предлагалось и не проводилось. Это объясняется отчасти „дуломъ времени“, но въ значительной степени и тѣмъ обстоятельствомъ, что правительство не боялось послѣдствій народнаго голосованія, такъ какъ не считало себя зависимымъ отъ воли народа. „Наивность“ власти въ этомъ отношеніи сослужила великую службу дѣлу свободы, зависѣвшей тогда исключительно отъ изволенія свыше. Утомленный смутами послѣднихъ лѣтъ, какъ онъ самъ выражается, король желалъ узнать мнѣніе всѣхъ своихъ подданныхъ о ихъ нуждахъ и о средствахъ къ оздоровленію государственной машины, обѣщая принять все это къ свѣдѣнію. И больше ничего.

Поэтому административная переписка времени министерства Неккера проникнута принципомъ невмѣшательства. Честный женеvскій буржуа, бывший душою всего дѣла, послѣдователенъ въ данномъ случаѣ до конца. Его современникъ Мунье ¹⁾ заявляетъ, что не принято было никакихъ „предосторожностей, чтобы повліять“ на указы и выборы. Напрасно Малюе ²⁾, другой буржуа, игравшій видную роль въ этихъ событіяхъ, убѣждалъ Неккера установить хотя бы правительственную программу и горько сѣтовалъ впоследствии на щепетильно-добросовѣстнаго или „наивнаго“ министра. Многие считаютъ даже эту пассивность и нерѣшительность преднамѣренной, чтобы незамѣтно дать усилиться 3-му сословію, и приписываютъ этому „ослѣпленію“ отвѣтственность за событія послѣдующихъ лѣтъ.

Какъ бы то ни было, всѣ распоряженія правительства, вся переписка министровъ съ агентами мѣстной судебной и административной

¹⁾ *Mounier*, „Recherches sur les causes qui ont empêché les Français de devenir libres“ (Paris, 1792) I 256: „Il ne parait pas que le ministère eût pris aucune précaution pour influer sur la rédaction des cahiers, ou sur la nomination des représentans“.

²⁾ См. *Cherest*, Chute de l'ancien régime II, 409—144 и passim.

власти, все клонилось къ точному, безъ оговорокъ и недомолвокъ, проведенію начала невмѣшательства.

Циркуляръ статсъ-секретарей, членовъ государственнаго совѣта къ командирующимъ войсками предписываетъ охраненіе порядка съ соблюденіемъ возможной свободы и величайшей умѣренности, дабы тщательно избѣгать давленія и „не возбуждать въ избирателяхъ страха вліянія власти“. Циркуляръ министра юстиціи (хранителя печати) къ высшей на мѣстахъ административной власти—интендантамъ—порушаетъ имъ разъяснить администраціи (*subdélégués*), что на выборахъ должна царить полная свобода, безъ тѣни стѣсненія или воздѣйствія. То же повторяетъ циркуляръ министра къ лейтенантамъ—высшей на мѣстахъ судебной власти,—на которыхъ возложено главное завѣдываніе выборами въ 3-емъ сословіи. Подобныя же указанія получили бароны и сенешалы—будущіе предсѣдатели избирательныхъ собраній дворянства и общаго собранія—для принесенія присяги—соединенныхъ сословій. Конфиденціальность и официальность этихъ документовъ ¹⁾ достаточно ясно свидѣтельствуетъ о намѣреніяхъ правительства.

Еще ярче выступаетъ эта черта въ административной перепискѣ, устраняющей всякія на этотъ счетъ сомнѣнія. Правительство внимательно слѣдило за выборами. Оно запрашивало свѣдѣній отовсюду, начиная съ бароновъ, сенешаловъ, лейтенантовъ, губернаторовъ, интендантовъ, и кончая *subdélégués*, мерами, консулами и частными лицами.

Министры отзывались на запросы, къ нимъ обращаемые, разъясняли недоумѣнія и недоразумѣнія, толковали законъ съ истинною подчасъ широтой взгляда, согласно рѣшеніямъ особой комиссіи, составленной изъ членовъ государственнаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ хранителя печати, для разсмотрѣнія всѣхъ спорныхъ вопросовъ по созыву генеральныхъ штатовъ ²⁾.

¹⁾ См. тексты у *Brette*, „Recueil des documents relatifs à la convocation de 1789“. I, 320, 322, 325. *Chassin*. „Les élections et les cahiers de Paris“ IV, 19, 20. „Eviter soigneusement tout ce qui, relativement aux délibérations et aux élections, pourrait avoir l'apparence de la contrainte ou faire craindre l'influence de l'autorité...“ „l'intention du Roi étant d'y faire régner une entière liberté...“ „Elle (Sa Majesté) a spécialement recommandé qu'on évitât soigneusement tout ce qui pourrait présenter l'apparence de la contrainte, de la gêne ou même de l'influence...“.

²⁾ Commissaires dits de la Convocation nommés par Arrêt du Conseil du 4 Janvier 1789: 5 Conseillers d'Etat (de la Michodière, d'Ormesson, Vidaud de la Tour, de la Galaizière). Докладчикомъ былъ Delessart, maître des requêtes, а его помощникомъ Coster, premier commis des finances. *Brette*, I 38, 367—370.

По признанію радикальнаго Шассена, королевскій совѣтъ въ общемъ проникнутъ правильными взглядами и часто толкуетъ противорѣчивыя статьи регламента свободно и умно (*avec une intelligence vigiament libérale*)¹⁾.

По мысли правительства, обязанности мѣстныхъ властей сводились исключительно къ охраненію порядка и разъясненію избирателямъ сложнаго механизма избирательнаго дѣла. Предсѣдателямъ окружныхъ собраній предписано хлопотать о согласіи и единеніи между различными сословіями (*union, harmonie*), но виѣшательство въ эти отношенія должно было сохранять, такъ сказать, дипломатическій, а не принудительный характеръ.

Личныя воззрѣнія Неккера не имѣли здѣсь рѣшающаго значенія²⁾. Когда созваніе генеральныхъ штатовъ стало дѣломъ рѣшеннымъ, главное направленіе его возложено на хранителя печати (министра юстиціи *Valentin*), такъ какъ выборы приурочены были къ судебной организаціи старой Франціи. Отвѣты Неккера и Барентена на запросы мѣстныхъ дѣятелей проникнуты однимъ общимъ духомъ.

„Охраняйте порядокъ, не стѣсняя свободы“³⁾. Это указаніе Неккера главному начальнику войскъ въ Безансонѣ, встревоженному броженіемъ умовъ, выражало руководящій принципъ тогдашней внутренней политики. Такъ понимали дѣло и мѣстныя власти, общавшія, въ отвѣтъ на циркуляры и посланія, сообразовать свое поведеніе съ видами правительства. Такія обѣщанія даютъ интенданты: амансонскій⁴⁾, амиенскій (пикардійскій)⁵⁾, орлеанскій⁶⁾ и т. д. Интендантъ канскій⁷⁾ докладываетъ хранителю печати, что онъ передалъ нужныя указанія своимъ *subdélégués*; „я настоятельно имъ приказывалъ, чтобы въ этомъ важномъ и деликатномъ вопросѣ они проявляли свое рвеніе съ величайшею сдержанностью и съ самою скрупулезною осмотрительностью, дабы ихъ поведеніе не имѣло вида стѣсненія или принужденія, чтобы

¹⁾ *Chassin, Génie de la Révolution, I 211.*

²⁾ Бреттъ упоминаетъ объ этомъ вскользь, въ противность общераспространенному взгляду. Оно вполне подтверждается на дѣлѣ.

³⁾ Неккеръ маркизу de Langeron *commandant en chef en Franche-Comté* 1-го апрѣля В III, 30, 369.

⁴⁾ В III, 2, 497—499. Jullien хранителю печати 12-го февраля В* 11 l. 5. 1°.

⁵⁾ В III, 3, 264. D'Agay ему же 12-го февраля.

⁶⁾ В III, 98, 201. 12-го февраля.

⁷⁾ В III, 40, 54-56 (*Hippesau, Les élections de de 1789 en Normandie,—99*). 15-го февраля.

выборы могли быть свободными и правильными⁴. Интендантъ бордоскій¹⁾ прибавлялъ, что предписалъ имъ не только воздержаться отъ всякаго вліянія на выборы или редакцію наказовъ, но избѣгать даже всего, что могло бы возбудить такое подозрѣніе, такъ какъ это должны быть „акты абсолютно свободные“. Интендантъ эсскій (Aix)²⁾, общавшій Неккеру устранить все „могущее стѣснять свободу“, далъ приказъ въ этомъ смыслѣ своимъ *subdélégués*.

О содержаніи этихъ приказаній даетъ понятіе циркуляръ дѣятельнаго бургонскаго интенданта (Amelot) къ этимъ чиновникамъ, гласящій, что слѣдуетъ отказаться отъ личныхъ видовъ и предубѣжденій, не вмѣшиваться ни въ выборы, ни въ редакцію наказовъ, ни въ городахъ, ни въ деревняхъ, „самая широкая свобода должна существовать относительно этихъ двухъ предметовъ, она одна должна диктовать пожеланія націй“³⁾.

Въ томъ же родѣ циркуляръ одного лейтенанта⁴⁾ провинціи Maine къ городскимъ общественнымъ управленіямъ: воздерживайтесь не только отъ давленія и понужденія (*gêne, contrainte*), но даже отъ вліянія (*influence*) на выборы.

Если пересмотрѣть все относящееся до выборовъ въ 90 картонахъ серіи В^a и 174 фоліантахъ серіи В III въ національномъ парижскомъ архивѣ, то нельзя найти и слѣда тѣхъ макиавелистическихъ замысловъ правительства, какіе ему приписываются нѣкоторыми изслѣдователями. Говорилось о какихъ-то „*topita secreta*“, тайно ослабляющихъ на дѣлѣ принципъ громко провозглашеннаго невмѣшательства. ходили слухи о какихъ-то высочайше утвержденныхъ образцахъ — *cahiers ministériels*. Все это ни на чемъ не основано и отвергается серьезными изслѣдователями⁵⁾. Бездоказательны также указанія на какія-то заднія мысли, не то двора, не то министровъ Людовика XVI, въ эту эпоху всеобщей растерянности, но полной розовыхъ упованій. Уже Мишле не совѣмъ точно передаетъ сущность историческаго момента, приписывая правительству намѣ-

¹⁾ В III, 34, 190—194. *Promst*, Archives de l'Ouest III, 40. Nevil хранителю печати 6-го марта.

²⁾ В III, 2, 95—97. В^a 9 l. 3. 2°. М. Latour 11-го марта. Aix.

³⁾ В III, 60, 91—95. 23-го февраля.

⁴⁾ Lieutenant général de Beaumont le Vicomte (Maine) В III 79, 146—157.

⁵⁾ *Cherest*, Chute de l'ancien régime II. *Карпезъ*, Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ XVIII вѣкѣ. *Brette*, Recueil de documents relatifs à la Convocation de 1789. I Introduction 59—62. См. также Шассена, Пру и друг.

реніе приструнить привилегированныхъ, не давая виѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ много воли народу ¹⁾).

Организация выборовъ, во многихъ отношеніяхъ несостоятельная, основывалась на историческихъ прецедентахъ, добросовѣстно; но иногда не вполне удачно приспособленныхъ къ потребностямъ минуты. И вотъ эти недостатки приписываются преднамѣренію. Одинъ провинціальный историкъ ²⁾ толкуетъ о „предубѣжденіяхъ противъ третьяго сословія“, иронически замѣчаетъ, что король не упустилъ ничего для „обезпеченія себѣ хорошихъ выборовъ“, открытая подача голосовъ въ первичныхъ собраніяхъ введена будто бы для облегченія подкуповъ и т. д.

Другой провинціальный историкъ ³⁾ обвиняетъ министерство въ коварныхъ замыслахъ по отношенію къ избирателямъ Аженскаго округа. Все дѣло сводится къ неправильно понятымъ текстамъ: лейтенантъ Лафиттъ обѣщаетъ исполнить предписанія хранителя печати съ усердіемъ и соблюденіемъ тайны. Авторъ спрашиваетъ, не игралъ ли министръ юстиціи, преданный двору, тайную игру противъ Неккера? Подтвержденіе тому онъ видитъ въ двусмысленномъ поведеніи лейтенанта на выборахъ и въ его запросѣ, получившемъ утвердительный отвѣтъ министра, на счетъ права баллотироваться въ депутаты;— „новый документъ въ подтвержденіе того взгляда, что тогдашнее правительство открыто побуждало всѣхъ своихъ агентовъ проникать въ избирательныя собранія третьяго сословія и при случаѣ попадать въ депутаты. Оно обезпечивало этимъ путемъ даже въ нѣдрахъ третьяго сословія вліяніе благоприятное видамъ двора“. Это разсужденіе совершенно произвольно.

Одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ молодыхъ изслѣдователей мѣстной исторіи ⁴⁾ обвиняетъ правительство Людовика XVI въ отсутствіи

¹⁾ *Michelet*, Histoire de la Révolution, I. 136 (изд. 1887 г.).

²⁾ *Cornillon*, Le Bourbonnais sous la Révolution (Vichy, 1888). I 16—28.

³⁾ *Mondenard*, Cahiers de l'Agenois. 226, 227, 231, 232. В III, 1, 75. 19-го февраля письмо лейтенанта „Comptez, Monseigneur, sur le zèle et le secret; mais il est difficile de bien faire en si peu de temps. J'ai lu et pesé vos instructions: on peut embarrasser les effets de l'influence; mais la couper c'est impossible, malgré le bref délai. On pourrait presque dire du temps que vous me donnez, que c'est trop ou trop peu“. Дѣло идетъ о пресѣченіи вліянія мѣстныхъ воротилъ на избирателей.

⁴⁾ *J. Viquier*, „La convocation des Etats généraux en Provence“ (Paris, 1896). 358, 359, 379, 380.

откровенности (franchise). Онъ спрашиваетъ, было ли оно вѣрно торжественно провозглашенному обязательству выслушать желанія нація? „Нѣтъ, королевское правительство не было вѣрно своему слову; нѣтъ, оно не было нейтрально между партіями; нѣтъ, оно не хотѣло, чтобы нація высказалась съ полной откровенностью“! Онъ видитъ „явно двусмысленное отношеніе“ къ избирателямъ и не удивляется, что председатели, „указанные заранѣе“, постараются конфисковать правду въ свою пользу. Этотъ выводъ основанъ на весьма обстоятельной, но, можетъ быть, нѣсколько придирчивой критикѣ регламента и его проведенія въ жизнь; однако, недостатки законодательства не могутъ сами по себѣ доказывать преднамѣренности со стороны законодателей.

Гораздо ближе къ истинѣ старый изслѣдователь архивовъ Пру, давшій слѣдующую мастерскую характеристику поведенія правительства въ 1789 году. „Что бы тамъ ни говорили, дворъ не оказывалъ вліянія на выборы по той простой причинѣ, что былъ заинтересованъ или считалъ себя заинтересованнымъ въ томъ, чтобы найдти какъ можно болѣе широкую точку опоры въ самомъ многочисленномъ сословіи. Многие историки пошли тутъ по ложному слѣду: судя о намѣреніяхъ предшествующей минуты по событіямъ слѣдующаго дня, воображали, что на выборахъ 1789 г. Людовикъ XVI боролся противъ 3-го сословія, что прямо противно истинѣ. Конечно, легко, на основаніи совершившагося потомъ, вообразить себѣ условнаго Неккера, Неккера—либерала, готовящаго революцію въ Версали и защищающаго третье сословіе противъ короля; но гдѣ доказательства для этого романа? Нигдѣ. Напротивъ, всѣ официальные документы свидѣтельствуютъ о полномъ ослѣпленіи короля и его министра“. Созывъ третьяго сословія представлялся средствомъ выйдти изъ затрудненія и Людовикъ XVI считалъ его выгоднымъ для монархіи. Оба наввно думали, что, воспользовавшись услугами третьяго сословія, они легко потомъ отдѣлаются отъ неудобнаго союзника, путемъ поблажекъ. Неккеръ безпрестанно указывалъ королю на глубокое спокойствіе народа, Людовикъ XVI, довѣряясь этой виѣшности, спокойно и самымъ добросовѣстнымъ образомъ боролся съ аристократіей. Принципъ „*divide et impera*“, казалось, приносилъ свои плоды. Привилегированные, требовавшіе генеральныхъ штатовъ, не ожидали „*doublement du tiers*“, жалѣли, что кричали „да здравствуютъ штаты“ и стремились сблизиться съ трономъ, который они только что потрясали, подавая руку буржуазіи Ренна и Визилля (Vizille). Совѣтъ забавлялся этими злоключеніями и король думалъ, что съ помощью такого покорнаго

и такого преданнаго третьяго сословія останется только диктовать свою волю непокорнымъ. Только когда это оказалось иллюзіей, король сблизился съ привилегированными ¹⁾...

А пока этотъ моментъ не наступилъ, либеральный Неккеръ (министръ финансовъ) и консервативный Барентенъ ²⁾ (министръ юстиціи) добросовѣстно заботились объ охраненіи свободы избирателей; правительство ни за что не хотѣло вторгаться въ эту область, не внимало искушеніямъ чрезмѣрно ретивыхъ администраторовъ, отвергало официальные кандидатуры и искательства многочисленныхъ честолюбцевъ-охотниковъ попасть въ депутаты при содѣйствіи власти. „Надо отдать справедливость старой монархіи, говоритъ Легрантъ, если она была самовластна, по крайней мѣрѣ она была честна“ ³⁾— въ данномъ случаѣ.

Не слѣдуетъ, однако, идти слишкомъ далеко въ этомъ заключеніи, въ родѣ риторической тирады Луи Блана о Неккерѣ: „онъ ждалъ съ безучастнымъ видомъ и ваволнованнымъ сердцемъ; онъ хотѣлъ предоставить свободу выборамъ, устранить свою длань отъ этихъ многозначительныхъ урнъ“. Шассенъ, отдавая должное правительству, оставившему безъ отклика вопли нѣкоторыхъ администраторовъ о необходимости обуздать своеволие избирателей, замѣчаетъ однако, что чудовище централизаціи, уже весьма сильно организованной, вперило свои тысячи глазъ и протянуло свои тысячи рукъ къ этимъ многозначительнымъ урнамъ ⁴⁾, къ тому же, вопреки намѣреніямъ короля и сановниковъ, мѣстные власти безъ стѣсненія хозяйничали у себя дома, а сильные міра сего производили давленіе на зависимыхъ людей.

Вопросъ сводится къ тому, сумѣла ли центральная власть сообщить свою добрую волю мѣстному начальству, не находилось ли настроеніе правящихъ сферъ въ нѣкоторомъ разладѣ съ дѣйствительностью и могла ли власть оградить слабого отъ произвола сильнаго?

Роль мѣстной власти и вопросъ о давленіи на избирателей 1789 г. не былъ изслѣдованъ во всей полнотѣ. До сихъ поръ историки рас-

¹⁾ *Proust*, Archives de l'Ouest, I 9, 10. Предисловіе къ изданію документовъ. Его разсужденіе приведено здѣсь, въ почти дословномъ переводѣ, цѣликомъ.

²⁾ Бреттъ (статья Huot de Goncourt въ „Révolution Française“ 14-го ноября 1896 г. стр. 446) указываетъ на два теченія въ правящихъ сферахъ, отразившіяся на самомъ регламентѣ, причѣмъ Барентенъ былъ проводникомъ реакціоннаго направленія, ссылавшагося на прецеденты 1814 года.

³⁾ *Legrand*, Senac de Meilhan, (Paris, 1868), 819.

⁴⁾ *Chassin*, Génie de la Révolution, I 209.

полагають очень ограниченнымъ числомъ фактовъ въ этомъ отноше-
ніи, приводятъ мимоходомъ единичные случаи, толкуя ихъ въ ту или
другую сторону, но не имѣя подъ ногами достаточной почвы для все-
сторонняго освѣщенія предмета. Образчикомъ этой безпочвенности
можетъ служить полемика консервативнаго Понсена съ радикальнымъ
Шассеномъ. Послѣдній, въ доказательство существованія давленія,
приводитъ всего три случая. Понсень, возражая ему, вмѣсто того,
чтобы расширить поле изслѣдованія, побѣдоносно полемизруетъ на
почвѣ одного изъ приведенныхъ фактовъ, а именно выборовъ въ про-
винціи Форе (Forez) ¹⁾. При такихъ условіяхъ вопросъ впередъ не
подвигается, а между тѣмъ карты и фоліанты національнаго архива
содержать богатѣйшій, почти нетронутый матеріалъ.

Первое, что поражаетъ, даже при бѣгломъ чтеніи источниковъ,
это крайняя нерѣшительность и уступчивость центральной власти.

Правительство стараго порядка было въ ту пору чрезвычайно сла-
бымъ и если во Франціи царилъ неограниченный произволъ, то во вся-
комъ случаѣ о дисциплинѣ не было и помину. Сущность деспотизма въ
эту эпоху заключалась, по словамъ Шере ²⁾, не столько въ злоупотребле-
ніи силой, сколько во всеобщей распущенности и государственномъ безси-
ліи. Если народъ былъ еще угнетенъ и приниженъ, то образованное
общество, начиная съ средней буржуазіи, давно уже перестало дро-
жать передъ властью. Старое, нѣсколько мелодраматическое предста-
вленіе объ угнетенномъ настроеніи людей, боящихся изъ-за одного
слова попасть въ Бастилію, не примѣнимо къ царствованію Людо-
вика XVI, въ особенности къ данной минутѣ, когда между властью
и обществомъ, послѣ крикливой оппозиціи послѣднихъ лѣтъ, устано-
вились довѣрчивыя отношенія въ ожиданіи давно желанныхъ гене-
ральныхъ штатовъ. Къ тому же свойственное XVIII вѣку сен-
тиментальное благодушіе одушевляло начальствующихъ и подчи-
ненныхъ. Доступность министровъ была даже чрезмѣрной, такъ
какъ приходилось удѣлять вниманіе мечтаніямъ наивныхъ проже-
ктеровъ, возжелѣніямъ нахальныхъ честолюбцевъ и жалобамъ оби-
женныхъ неудачниковъ. Характеренъ при этомъ тонъ обращеній къ
министрамъ какъ частныхъ лицъ, такъ и общественныхъ учреждений.
Крайняя его фамильярность свидѣтельствуетъ о малой степени возбуж-
даемаго страха. Особенно не стѣсняются съ популярнымъ Неккеромъ,

¹⁾ Poncius, Les cahiers de 89e. 20—24 (изд. 1887 г.).

²⁾ Cherest, La chute de l'ancien régime, (Paris, 1884). III, 349.

которому городъ Сопдеаи вотируетъ курьезный хвалебный адресъ ¹⁾, а одинъ авторъ посвящаетъ любопытное „Посланіе генеральному директору финансовъ по поводу слуха, что онъ ѣстъ исключительно яства, приготовляемыя ему его добродѣтельною супругой“ ²⁾. Нѣкоторые корреспонденты Неккера извиняются, что не имѣли подъ рукой хорошей бумаги и чернилъ ³⁾, сапожникъ Guégin просить денегъ, чтобы пріѣхать къ нему изложить свой планъ реформъ, долженствующій переродить Францію ⁴⁾, нѣкій Goupy восклицаетъ: „Ахъ! мой дорогой г. Неккеръ, съ какимъ бы удовольствіемъ я васъ поцѣловалъ! Въ то время, когда фортуна, разсѣянная и капризная, обращала свои взоры на другіе предметы, я съ своей стороны громкимъ голосомъ (avec une voix de stentor) гордо поддерживалъ ваши интересы и, узнавъ о вашемъ вторичномъ призывѣ, мое сердце, это сердце, чьей пищей служатъ истина, встрепенулось отъ радости. Богу извѣстно, что это правда!“ ⁵⁾ Просители безъ всякаго стѣсненія посвящаютъ министровъ въ свои семейныя дѣла и денежныя дразги, искренне удивляются или негодуютъ, когда высшее начальство отказывается исполнить неисполнимыя требованія, при чемъ даетъ себѣ, однако, трудъ вѣжливо отвѣчать на подобные запросы и объяснять ихъ несостоятельность.

Въ Турени нѣкій Chenantais de Lofferrière ⁶⁾, мечтавшій попасть въ депутаты, сообщаетъ министру юстиціи, что уже избранъ въ второстепенномъ округѣ: „остается сдѣлать только одинъ шагъ“, чтобы попасть въ генеральные штаты. „Je l'obtiendrais sûrement, parce que j'ai déjà la voix publique, si vous vouliez vous en mêler“, рекомендуя просителя, какъ угоднаго правительству кандидата. При этомъ онъ посылалъ свою высокопарную брошюру „Homage des plébeuens à l'Empereur des Gaules“. Но напрасный трудъ: министръ объяснилъ ему, что это невозможно, а избиратели провалили его кандидатуру, къ великому сожалѣнію, какъ онъ объяснялъ, добрыхъ патріотовъ,

¹⁾ Ва. 2 l, В. № 153.

²⁾ Ва. 5 l, L. № 124. Eptre à Mgr. le Directeur Général des finances sur le bruit qui court qu'il ne mange que les mets que sa vertueuse épouse lui prépare.

³⁾ Ва. 4. l. E. F. passim.

⁴⁾ Ва. 4. l. G.

⁵⁾ Goupy bourgeois résidant à Jagny Неккеру 17-го апрѣля В III. 102, 618—621.

⁶⁾ В. III 150 f. 527. 584. Ва. 83. l. 202. 8°, 9°. В III 164, 786—807, письма его отъ 12-го марта и 27-го марта, отвѣты министра отъ 23-го марта и 1-го апрѣля.

а также „самыхъ богатыхъ и самыхъ 'просвѣщенныхъ (lumineux) землевладѣльцевъ“. Министръ же утѣшалъ его, прибавляя, что избиратели вольны въ своемъ выборѣ.

Въ Анжу, мелкій землевладѣлец Espault de la Gaulterie ¹⁾ объясняетъ министру, что король воленъ назначить добавочныхъ депутатовъ (addition des individus); такъ какъ проситель составилъ „краткій и разумный“ наказъ своей деревни, то онъ ожидаетъ королевскаго приглашенія. Адвокатъ Camusat ²⁾ пишетъ Неккеру, что если еще не поздно просить добавочнаго депутата и министръ можетъ „самъ избрать его“, то проситель съ удовольствіемъ укажетъ подходящаго кандидата.

По отношенію къ серьезнымъ запросамъ и основательнымъ жалобамъ эта доступность министровъ могла приводить къ самымъ благоприятнымъ послѣдствіямъ. Она сопровождалась очень внимательнымъ отношеніемъ къ самому содержанию жалобъ. Поучителенъ въ этомъ смыслѣ случай съ деревней le Cannet въ Провансѣ, депутаты которой жаловались на злоупотребленія сеньера; хранитель печати пишетъ интенданту, чтобы тотъ разобралъ дѣло, успокоилъ деревню. „Вы провѣрьте факты, но такъ, чтобы не скомпрометировать тѣхъ, кто подписался подъ челобетною“ ³⁾. Такимъ образомъ во всемъ сквозитъ взаимное благоволеніе. Недавніе крики противъ министерскаго деспотизма смѣнились обожаніемъ короля, этого новаго Генриха IV, Неккера—этого испытаннаго друга народа. Министерство въ цѣломъ своемъ составѣ возбуждаетъ къ себѣ довѣріе и стремится оправдать это довѣріе. Наряду съ этою внѣшней, такъ сказать праздничною, стороною дѣла, рѣшающее значеніе въ эту великую минуту имѣла обратная сторона: власть была слишкомъ слаба, а общественное неравенство широкое поле для произвола, открываемое учрежденіями стараго порядка, представляло слишкомъ грозную силу. Логика жизни и наслѣдіе старыхъ политическихъ грѣховъ не всегда совпадали съ правительственной программой.

Возбуждая вопросъ о степени искренности избирательныхъ операцій, необходимо различать двоякаго рода насиліе, могущее направлять выборы и составленіе наказовъ въ духѣ противоположномъ волѣ

¹⁾ Приведено у Бретта (I, Introduction 55).

²⁾ Ibidem B. III 79, 529. (Mamers) „et de le choisir vous même“.

³⁾ B III, 167, 219, 220.

избирателей. Давленіе можетъ исходить отъ правительственной власти, придающей выборамъ окрѣску, согласную съ ея видами. Наряду съ подобнаго рода насиліемъ, которое можно назвать политическимъ, исторія представляетъ не мало примѣровъ принудительнаго воздѣйствія на избирателей, возникающаго въ нѣдрахъ самого общества, помимо воли правительства. Это давленіе социальнаго, такъ сказать, характера, когда сильные міра сего, изъ личныхъ, сословныхъ, корпоративныхъ или, наконецъ, классовыхъ побужденій, производятъ на робкую массу прямое или косвенное понужденіе.

Между политическимъ и социальнымъ давленіемъ возможно еще нѣчто среднее. Въ случаѣ неисправности правительственнаго механизма или несовершенства избирательнаго законодательства происходятъ злоупотребленія со стороны мѣстныхъ властей или избиратели недостаточно ограждены закономъ отъ внушеній и насилій сильныхъ міра. Тутъ мѣстный произволъ, идя противъ намѣреній власти, опирается, однако, на ея авторитетъ, а между тѣмъ этотъ самый авторитетъ не мѣшаетъ сильнымъ навязывать свою волю слабѣйшимъ. Что же происходило во Франціи въ 1789 году? Выборы 1789 года были приурочены къ судебной организаціи Франціи, примѣнительно къ историческому прецеденту — генеральнымъ штатамъ 1614 года. Руководство выборами 3-го сословія по избирательнымъ округамъ (бальяжи и сенешоссеи) возложено было на высшую мѣстную судебную власть — лейтенантовъ ¹⁾. Они были предсѣдателями по закону окружныхъ собраній 3-го сословія. При этомъ вся процедура носила характеръ судебного засѣданія: по производствѣ переклички, въ протоколъ заносились свѣдѣнія о явкѣ или неявкѣ депутатовъ, королевскій прокуроръ представлялъ предложенія, лейтенантъ давалъ заключенія.

Въ первичныхъ же собраніяхъ приходовъ и городскихъ корпорацій предсѣдательствовали опять-таки мѣстные судьи низшей инстанціи или ихъ замѣстители.

¹⁾ Слово „лейтенантъ“ приводится здѣсь въ чисто условномъ значеніи. При страшной путаницѣ должностей, лейтенанты были самыхъ различныхъ категорій: *lieutenant civil*, *lieutenant criminel*, *lieutenant de police* и т. д. Лейтенанты, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, были *lieutenant général* или *lieutenant particulier*; какъ самое названіе показываетъ, это были замѣстители (*locum tenens*) старыхъ бальяж и сенешаловъ, потерявшихъ мало-по-малу фактическую власть. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ лейтенантовъ не было: тамъ предсѣдательствовали бальяж, сенешалы или прево.

Такимъ образомъ, сверху до низу, судьба выборовъ была въ рукахъ судебного сословія.

Это было сословіе въ общемъ весьма вліятельное и независимое. Судьи, пріобрѣтавшіе мѣста путемъ покупки, были несмѣняемы. Строптивость этой корпорации, члены которой имѣли очень широкія права и довольно неопредѣлennыя обязанности, была причиной множества смуть и столкновеній разнаго рода. Стоитъ только вспомнить войну, какую вели парламенты съ пресловутымъ министерскимъ деспотизмомъ и даже съ самою королевскою властью. Лейтенанты и другіе судейскіе, принимавшіе участіе въ выборныхъ операціяхъ, были подчинены въ этомъ отношеніи хранителю печати, но пересматривая ихъ переписку, приходится на каждомъ шагѣ удивляться тому духу независимости и той иногда рѣзкости тона, съ какою господа судьи относились къ министру. Подобныя отношенія подчиненныхъ къ высшей власти были бы совершенно немыслимы въ административной іерархіи современныхъ государствъ, но таково уже свойство стараго порядка, совмѣщавшаго произволъ и самовластіе съ едва фронтнымъ безсиліемъ власти. Тотъ лицъ, почему либо недовольныхъ рѣшеніемъ начальства, иногда прямо изумительнъ. Любопытна въ этомъ отношеніи переписка хранителя печати съ лейтенантомъ и королевскимъ прокуроромъ г. Суассона, между которыми произошло рѣзкое столкновение на окружномъ собраніи: сначала министръ мягко объяснилъ прокурору незаконность его поведенія, на что тотъ отвѣчалъ весьма рѣзко, затѣмъ лейтенантъ въ свою очередь обидѣлся на разспросы хранителя печати, который чуть ли не извинялся за это передъ нимъ,—такимъ образомъ оба соперника выступали въ роли обвинителей, а министръ долженъ былъ оправдываться въ томъ, что желалъ составить себѣ независимое мнѣніе объ этомъ спорѣ ¹⁾).

Но это еще ничего. Лейтенанты позволяютъ себѣ скрывать отъ избирателей рѣшенія министра, которыя имъ не нравятся. Барентенъ и Неккеръ осудили поведеніе лейтенанта Понтамуссонскаго, но тотъ, не смущаясь, самъ докладываетъ министру, что скрылъ его отвѣтъ отъ избирателей! „Изъ опасенія возбудить ропоть, жалобы, смуты, расколъ, вражду, я хранилъ молчаніе о письмѣ вашего превосходительства отъ 17-го числа, никто не знаетъ его содержанія и когда обнаружилось, что на почтѣ... былъ пакетъ по

¹⁾ В III, 144, 573 и passim В* 80 l. 191.

моему адресу съ надписью „отъ хранителя печати“, я отвѣчалъ, что дѣйствительно ваше превосходительство сдѣлали мнѣ честь написать, но безъ *положительныхъ указаній на счетъ моего поведенія*. Судите меня!“ Далѣе слѣдуетъ оправданіе этого поведенія, положительно не одобреннаго двумя министрами! ¹⁾). Приѣмъ этотъ очень простъ: затягиваютъ обнародованіе отвѣта министерства, неприятнаго для предсѣдателя и благопріятнаго оппозиціи, а затѣмъ ссылаются на совершившійся фактъ. Въ Тулѣ предсѣдатель не хотѣлъ удовлетворить основаннаго на законѣ требованія собранія о сокращеніи наличнаго числа его членовъ ²⁾). 18-го марта онъ получаетъ отзывъ министра (отъ 13-го), благопріятный требованію собранія и заключающій въ себѣ досадное для предсѣдателя рѣшеніе, что послѣдній можетъ голосовать, наравнѣ съ прочими избирателями, только въ томъ случаѣ, если былъ избранъ представителемъ какого-нибудь первичнаго приходскаго собранія ³⁾). Этотъ отвѣтъ предсѣдатель скрываетъ до 21-го числа, а затѣмъ доводитъ до свѣдѣнія собранія, въ виду обращенныхъ къ нему требованій; но тогда было уже поздно и оставалось только извиниться передъ хранителемъ печати за совершившійся фактъ, объясняя, что теперь уже его не передѣлать ⁴⁾).

Оправданіемъ такого отношенія мѣстной власти къ высшему начальству можетъ служить отчасти безпомощность, безтолковость и растерянность, обнаруженная парижскими министерскими чиновниками въ моментъ созыва народныхъ представителей. Правительство уступчивостью и уклончивостью своихъ распоряженій какъ бы само сознавалось въ своемъ безсиліи.

Послѣднее сказалось на первыхъ же порахъ въ фактѣ, повидному, мелкомъ, но во всякомъ случаѣ наводящемъ на размышленія. Для созыва городовъ и деревень на первичныя избирательныя собранія министерство разсылало въ округа печатные экземпляры призывныхъ грамотъ и регламента, съ тѣмъ, чтобы лейтенантъ отправилъ судебныхъ приставовъ (*huissier*) въ каждое подлежащее при-

¹⁾ В III, 23, 300—306. В 19 I, 24, 24°. Pont-a-Mousson 23-го марта.

²⁾ Такъ называемая „*réduction au quart*“.

³⁾ Въ первомъ случаѣ лейтенантъ—только руководитель собранія, во второмъ—также избиратель собранія второй степеніи.

⁴⁾ В III, 147, 348—455. Письма лейтенанта къ хранителю печати, жалоба городского депутата Michelet Неккеру, *mémoire* муниципальнаго совѣта, жалоба 6 городскихъ депутатовъ. В 81, I, 196. Toul.

зъву поселеніе, для распубликованія тамъ этихъ правительственныхъ распоряженій. Такимъ образомъ, нужно было по крайней мѣрѣ по одному экземпляру грамоты и регламента на каждый приходъ. Эти бумаги должны были быть своевременно доставлены изъ Парижа, такъ какъ заблаговременно было категорически запрещено перепечатывать эти афиши на мѣстахъ: высочайше утвержденная инструкция, преподанная государственнымъ совѣтомъ балли и сенешаламъ мотивируетъ это запрещеніе тѣмъ, что будетъ прислано достаточное количество экземпляровъ изъ Парижа, „чтобы каждый приходъ получилъ по одному¹⁾“.

Между тѣмъ доставка изъ Парижа въ округа совершилась такъ бестолково и беспорядочно, что выборы въ значительной части Франціи состоялись съ сильнымъ запозданіемъ, несмотря на крайнюю спѣшку и распорядительность мѣстныхъ властей.

Бреттъ²⁾ приводитъ нѣсколько любопытныхъ образчиковъ небрежности и невѣжества парижскихъ чиновниковъ, перепутывавшихъ адреса, перекинувшихъ званія. Въ росписаніи округовъ, составленномъ законодательнымъ порядкомъ, попадаетъ, напримѣръ, имя не существующаго въ Нормандіи бальяжа Гу (искаженіе имени Езу, присоединеннаго къ другому округу) и т. п. Въ графство Comminges отправлена посылка съ афишами по слѣдующему адресу: г. генеральному лейтенанту коминнжскаго бальяжа въ г. Comminges. Между тѣмъ, говоритъ Бреттъ, въ этомъ графствѣ не было бальяжа, не было генеральнаго лейтенанта, не было даже города этого имени! Поэтому между судебскими вышли безконечныя пререканія относительно руководительства на выборахъ, при чемъ сенешаль обзывалъ своего соперника сумасшедшимъ и т. д. Пакетъ, предназначенный для лейтенанта аміенскаго, адресованъ генеральному лейтенанту города Намъ, гдѣ не было такого должностнаго лица: „вслѣдствіе небрежности корчмаря, королевскія грамоты пролежали 15-ть дней въ Нам'ѣ, въ то время какъ (всѣ) изнывали въ Аміенѣ“, Въ Либурнѣ были присланы грамоты безъ королевской подписи и печати.

Но это бы еще поль-бѣды, такъ какъ вслѣдствіе всеобщаго запозданія дана была отсрочка. Хуже всего то, что въ присланныхъ послыкахъ оказалось слишкомъ мало экземпляровъ, такъ что не хватало афишъ на каждый поселокъ. Слишкомъ мало было отпечатано, а между тѣмъ

¹⁾ Brette I, 329. Fait et arrêté en Conseil d'Etat du Roi, Sa Majesté ytant.

²⁾ Brette I, Introduction 20—23 и примѣчанія къ тексту регламента.

перепечатка грамотъ на мѣстахъ была формально запрещена. Отъ этого могло приостановиться все дѣло созыва народныхъ представителей: не могли же пристава являться въ деревню съ пустыми руками. И вотъ, въ этомъ по виду мелочномъ, но на дѣлѣ очень серьезномъ затрудненіи, независимость мѣстной власти оказала значительную услугу всему дѣлу, исправивъ небрежность центральной власти. По всей Франціи лейтенанты, какъ бы сговорившись, попросту игнорируютъ запрещеніе, преспокойно даютъ отпечатать необходимое число экземпляровъ¹⁾ и рассылаютъ ихъ избирателямъ. Затѣмъ они попросту извѣщаютъ объ этомъ министра юстиціи; одни сконфуженно извиняясь, большинство же—безъ смущенія, объясняя настоятельную необходимость такой мѣры. Одинъ изъ нихъ (Lafite—лейтенантъ аженскій) черезчуръ даже поторопился нарушить предписаніе, боясь, что выборы затянутся вслѣдствіе ужасныхъ дорогъ, большихъ разстояній и дробности поселковъ. Между тѣмъ пакетъ прибылъ на мѣсто уже около 22-го февраля и лейтенантъ лаконически докладываетъ: „Я готовъ заплатить за мою ошибку, я ее признаю, но излагаю мои мотивы²⁾“.

Надо отдать справедливость министерству, оно одобрило нарушеніе своихъ распоряженій и даже благодарило нарушителей. Мало того. единственный лейтенантъ, не рѣшившійся пренебречь запрещеніемъ, получилъ выговоръ за свое послушаніе. Это случилось въ Targas, гдѣ лейтенантъ Lalucque, безтолковый старикъ, страшно волновался, вслѣдствіе запозданія пакета, писалъ хранителю печати отчаянныя письма, жаловался еще 11-го апрѣля, что ничего не можетъ предпринять, что „все кричатъ здѣсь противъ меня“, обижался на своихъ согражданъ, негодовавшихъ на такое промедленіе, захворалъ отъ безпокойства, грозилъ все бросить и уѣхать въ деревню.... 14-го апрѣля онъ называлъ свое положеніе критическимъ въ виду рѣзкаго выступленія противъ него городской думы, корпорацій и королевскаго прокурора, выразившихъ ему свое неодобреніе официальнымъ протестомъ. Между тѣмъ, всю свою жизнь онъ привыкъ точно исполнять приказанія, а утвержденная совѣтомъ инструкція запрещаетъ

¹⁾ Въ Barcelonnette копии были сдѣланы рукою, такъ какъ ближайшая типографія (въ Aix) была слишкомъ далека. *Viguiér, La Convocation en Provence (Paris, 1896), 98.*

²⁾ В III, 1 f. 8°. В 9, 1. 2, 1°, письмо 22-го февраля. *Mondenard (стр. 227),* перепечатывая его текстъ, пропустилъ существенную фразу: „Pressé par le peu de temps, j'ai cru pouvoir outrepasser l'instruction“.

перепечатку грамотъ: „я ихъ жду и не вижу ничего, что могло бы ихъ замѣнить“. Но хранитель печати иначе посмотрѣлъ на дѣло: „Васъ не должно было остановить запрещеніе перепечатки регламента, такъ какъ неудобства, какія имѣлось въ виду избѣжать этимъ запрещеніемъ, гораздо меньше, чѣмъ ваше бездѣйствіе. Вы единственный, кого оно остановило въ данномъ случаѣ“; министръ объяснялъ, что его коллеги въ другихъ округахъ „испытали то же препятствіе (contretemps)“, но справились; повторялъ, что онъ единственный въ своемъ родѣ, давший себя смутить clause prohibitive. Кончилось тѣмъ, что сенешаль созвалъ окружное собраніе, а лейтенантъ, больной и обиженный, уѣхалъ въ деревню, протестуя противъ упрековъ министра за „самое слѣпое и самое полное повиновеніе“. Объясняя, что въ теченіе 34 лѣтъ дѣятельности не научился послушаться и надѣется никогда этому не научиться. Хранитель печати съ своей стороны утѣшалъ старика, жаловавшагося, что честь его поругана этой исторіей... 1).

Итакъ, само правительство одобрило почти повсемѣстное уклоненіе отъ исполненія одного изъ его распоряженій. Но это случай не единственный. Правительство, какъ это выяснилъ Бреттъ, допускало гораздо болѣе важныя отступленія, даже прямое нарушеніе положеній регламента 24-го января 1789 г., то-есть, основнаго законодательнаго акта о выборахъ. Началось съ того, что всѣ недовольные созваніемъ генеральныхъ штатовъ, часть аристократіи и высшаго духовенства, а также всѣ лица, задѣтыя въ своихъ личныхъ или мѣстныхъ привилегіяхъ, провозгласили фикцію, оправдывающую противодѣйствіе ясно выраженной въ законѣ королевской волѣ: регламентъ — не законъ, а простая инструкция, совѣтъ, но безъ всякаго принудительнаго характера 2). Поэтому часть парижскаго дворянства, въ подписанномъ протоколѣ, не стѣсняясь, обзываетъ регламентъ вѣчнымъ памятникомъ окружающей ихъ несправедливости, а бордосское дворянство — противнымъ національнымъ правамъ и обычаямъ.

Либералы съ своей стороны считали излишнимъ обезпечить себѣ подобную же оговорку. Аббатъ Сийесъ, въ извѣстной инструкціи „*Délibérations à prendre dans les assemblées de bailliages*“, присо-

1) В III, 146, 102, 108, 117, 124, 126, 129, 132, и далѣе *passim*. Вѣ 80 I. 195. 6°. Письма хранителя печати отъ 10-го и 27-го апрѣля и т. д., письма лейтенанта отъ 11-го, 14-го и 18-го апрѣля и т. д.

2) „une instruction informe, dénuée de tout caractère obligatoire“... „instruction, dont les dispositions n' étaient nullement impératives“.

единенной къ открытому письму герцога Орлеанскаго, называется регламентъ указаніями, совѣтами, инструкціею, какіе его величеству угодно было преподать баляжамъ для облегченія организаціи выборовъ. Аббатъ предлагаетъ принести королю всеподданнѣйшую благодарность за эти „instructions bienveillantes et paternelles“, но затѣмъ, сразу перемѣнивъ тонъ, прибавляетъ: „я считаю очень важнымъ, чтобы окружныя собранія не придерживались точно пресловутыхъ (prétendus) регламентовъ“, ибо исполнительная власть не должна имѣть права вліять на образующія составныя части (formes constitutives) представительныхъ собраній.

А что же правительство? Понятно, оно не могло санкціонировать подобнаго взгляда, но косвенно ему потворствовало ¹⁾.

Вслѣдствіе многочисленныхъ недоразумѣній въ Немурскомъ баляжѣ, баляи де Ноайль, отправившійся въ Парижъ для объясненій съ членами комиссіи по созыву генеральныхъ штатовъ (commissaires de la convocation), докладывалъ собранію, что на всѣ его замѣчанія отвѣчали „однимъ словомъ“ (par ce seul mot), что регламентъ—простая инструкция, которою монархъ и его совѣтъ не думали скрывать волю націи.

Избиратели такъ и поняли. Хранитель печати получалъ письма въ родѣ слѣдующаго: „Такъ какъ регламентъ его величества не могъ всего предусмотрѣть и такъ какъ по вашимъ, монсеньеръ, словамъ, онъ—только инструкция“... Въ протоколѣ духовенства одного прихода заявлено, что вслѣдствіе недостатковъ регламента (inconvéniens) правительство во многихъ округахъ „принуждено было объявить, что это простой совѣтъ“.

Дѣйствительно, растерявшееся правительство, запутавшись въ собственныхъ противорѣчіяхъ, чувствуя свое безсиліе и сознавая непримѣнимость того или другаго постановленія, наконецъ, утомленное просьбами, запросами и протестами, выходило изъ затрудненія при помощи заявленія, что въ данномъ случаѣ регламентъ не имѣетъ обязательной силы (n' est pas de rigueur). Такая судьба постигла ст. 34, гласившую, что окончательныя окружныя собранія, въ случаѣ многочисленности, должны сократить наличное число членовъ до 200 (réduction à 200). Когда отовсюду посыпались протесты противъ подобной ампутаціи, правительство сдалось немедленно: лейтенанты получали отъ министра любезныя письма, что король обратилъ осо-

¹⁾ Brette, I, Introduction, 10—14.

бенное вниманіе (*considération particulière*) на представленіе даннаго округа, а потому повелѣваетъ сообщить, что это сокращеніе не обязательно.

Надо отдать справедливость министерству юстиціи: оно удивительно аккуратно отвѣчало на безчисленные, часто мелочные запросы, къ нему обращаемыя. Съ большимъ терпѣніемъ давались отвѣты на замѣчанія, часто безтолковыя, или совершенно ненужныя, или свидѣтельствующія о полной путаницѣ понятій и невнимательномъ прочтеніи регламента. Но эта доступность и это вниманіе были обманчивы. Вниманіе было поверхностнымъ и сводилось часто къ простой отпискѣ. Къ тому же Бреттомъ уловлено много случаевъ невѣроятной оплошности чиновниковъ, независимо отъ ошибокъ, неизбежныхъ въ такомъ сложномъ и спѣшномъ дѣлѣ. Отъ имени министра писались отвѣты, обнаруживавшіе незнаніе регламента, полную путаницу и невниманіе; это еще болѣе запутывало и безъ того запутанное дѣло¹⁾, такъ что многіе лейтенанты были въ полномъ недоумѣніи. Чаще всего министры отдѣльвались общими мѣстами и уклончивыми указаніями.

Издѣдка на обращенія къ нему слишкомъ громкія жалобы или такія, которыя поддерживались очень вліятельными лицами, правительство властно вмѣшивалось въ дѣло, предписывало новыя избирательныя собранія, кассировало распоряженія лейтенантовъ. Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ участіе власти сводилось къ санкціонированію совершившагося факта. За малыми исключеніями правительство утверждало совершившееся, несмотря на то, что признавало наличность злоупотребленія или оплошности. При этомъ министръ, со свойственною тогдашней административной перепискѣ изысканною, даже приторною вѣжливостію, утѣшаетъ обиженныхъ и протестующихъ, объясняя, что минувшаго не воротить. Очень часто, порицая вопіющіе факты злоупотребленія властью, министръ, вмѣсто рѣзкой отповѣди, мягко и любезно разъясняетъ лейтенанту незаконность его поступковъ, заканчивая комплиментомъ или общимъ мѣстомъ, что избытокъ усердія, вызвавшій неправильное распоряженіе, свидѣствуетъ о горячей преданности престолу, что, можетъ быть, незаконный поступокъ вызванъ какими-нибудь обстоятельствами, правительству неизвѣстными, и т. п. Въ отвѣтъ на жалобы понтамуссонцевъ²⁾ противъ незаконній

¹⁾ Бреттъ, I, Introduction, 25—30 и passim.

²⁾ В III, 23, 261—290, 305 и passim, Pont-à-Mousson.

лейтенанта (того самаго, который имѣлъ дерзость скрыть отъ избирателей неодобрение его дѣйствій со стороны правительства) министръ признаетъ нареканія справедливыми, но отказывается, за позднимъ временемъ, отъ назначенія новыхъ выборовъ, утѣшая ихъ „чистотой намѣреній“ (*pureté des intentions*) лейтенанта!

Выраженія признательности и одобренія такъ и сыпались изъ-подъ пера министровъ. При чтеніи этой безконечной переписки поражаетъ, какъ они мало скупались на похвалы и съ какимъ трудомъ рѣшались на порицаніе.

Сенешаль бордоскій, обнаружившій во время выборовъ невѣроятное невѣжество, полное презрѣніе къ закону и дикое самодурство, удостоился нѣсколько мѣсяцевъ спустя (въ сентябрѣ), конечно по недосмотру, извѣщенія отъ хранителя печати, что король, по докладу о его достохвальномъ поведеніи во время выборовъ, повелѣлъ выразить высочайшее одобреніе и увѣреніе въ особомъ покровительствѣ¹⁾.

При столкновеніяхъ между мѣстными властями и избирателями министерство посылало блѣдныя увѣщанія обѣимъ сторонамъ, при чемъ склонялось на сторону тѣхъ, отъ кого получено послѣднее по времени оправдательное письмо. Въ концѣ концовъ министръ утѣшалъ обиженныхъ и ободрялъ или мягко журилъ обидчиковъ. Когда предсѣдатель одерживалъ верхъ надъ избирателями, министерство радовалось твердости власти. Когда, наоборотъ, предсѣдатель вынужденъ былъ уступить избирателямъ, министерство поздравляло его за выказанную умѣренность, осторожность и т. п. добродѣтели (*prudence, modération, esprit de conciliation, patience*).

Въ Парижѣ²⁾, на глазахъ у высшаго начальства, 3-е сословіе отказалось принять предсѣдателя и секретаря по назначенію; лейтенанту было предложено, что его изберутъ въ предсѣдатели, но онъ отказался, покинулъ залъ, вмѣстѣ съ королевскимъ прокуроромъ, предоставилъ собранію избрать по своему усмотрѣнію предсѣдателя (*Target*) и секретаря (*Vaillu*). Это былъ настоящій бунтъ противъ регламента, но министръ двора „могъ только одобрить осторожность и умѣренность“ этихъ должностныхъ лицъ и вмѣнилъ въ заслугу лейтенанту его безсмысленный протестъ, какъ „охраненіе принципа“.

Такимъ образомъ, какъ ни развито было уже тогда 1000-глазое

¹⁾ Подробно изложено у Бретта (т. I, Introduction, 52—54).

²⁾ Laurent de Villedeuil, secrétaire d'Etat au département de la maison du roi. В. 61. l. 149. Chassin, „Elections de Paris“, III, 11—17.

чудовище централизаціи, о которомъ говоритъ Шассенъ, несомнѣнно, что въ рѣшительный часъ выборовъ центральная власть была не руководителемъ, а пассивнымъ зрителемъ того, что совершалось. Поэтому не слѣдуетъ придавать черезчуръ большаго значенія добрымъ намѣреніямъ Людовика XVI и его министровъ. Судьба выборовъ 1789 г. зависѣла гораздо больше отъ совокупности отношеній, складывающихся на мѣстѣ, отъ взаимодѣйствія различныхъ общественныхъ группъ и вліянія мѣстныхъ властей, иногда тѣмъ болѣе вліятельныхъ, чѣмъ онѣ были мельче и ближе къ народу.

Только послѣ изученія этихъ условій возможенъ будетъ отвѣтъ на вопросъ, насколько наказы 1789 г. выражаютъ настроеніе большинства французскаго народа и насколько депутаты національнаго собранія являются излюбленными людьми и избранныками этого большинства.

Необходимо прежде всего разсмотрѣть, была ли способна и согласна мѣстная власть, руководившая организаціей выборовъ, оправдать надежды благодушнаго Людовика и либеральнаго Неккера?

Далеко не всѣ лейтенанты раздѣляли принципы Неккера относительно полной свободы, должествующей царить на выборахъ. Въ умахъ людей, власть имущихъ, а также многихъ обывателей господствовало значительное смѣшеніе понятій и путаница по этому предмету. У мѣстныхъ дѣятелей были иногда удивительныя представленія о прерогативѣ власти и правахъ избирателей. Предсѣдатели окружныхъ собраній, не понавшіе въ депутаты, просятъ министра, чтобы король своею властью назначилъ ихъ въ народные представители. При этомъ лейтенантъ бузонвильскій (Couturier)¹⁾ ссылается на то, что его неизбрание „удивило многихъ“, сенешаль коминжскій (marquis d'Espragne) объясняетъ, что эта милость доставила бы ему живѣйшую радость, прево парижскій (Boulaivilliers), а также лейтенанты ланскій и камбрейскій провозглашаютъ себя депутатами по праву, въ связи съ занимаемыми ими должностями. Хранитель печати деликатно устранялъ эти вождельнія и объяснялъ прево парижскому, что представительство въ генеральныхъ штатахъ должно быть основано „исключительно на свободномъ избраніи“.

Многіе не хотѣли понять, что король отказался отъ исконнаго своего права произвольно исключить изъ состава генеральныхъ шта-

¹⁾ Зато ему удалось попасть въ легислативу, конвентъ, совѣтъ 500 и т. д. *Brette*, I, 288.

товъ неугодныхъ ему людей. Сенешаль Анжуйскій (Barrin de la Galissonnière), протестуя противъ избранія радикальнаго Вольпея (Volpey), зажигательныя брошюры котораго незадолго до того были сожжены рукою палача, испрашиваетъ „положительное приказаніе“ короля на этотъ предметъ. Честолюбивый лейтенантъ той же сенешоссея (Milscent), самъ попавшій въ депутаты, поддерживаетъ это предложеніе, стыдясь, что народное избраніе поставило его рядомъ съ агитаторомъ: „честные люди стенають, въ виду подобнаго выбора. именуемаго скандальнымъ. Я жестоко страдаю, видя мое имя рядомъ съ этимъ лицомъ“.

Лейтенантъ Шатильонскій проситъ признать недѣйствительнымъ избраніе нѣкоего Frochot, „который не пользуется приличною репутаціей“, и замѣнить его другимъ „по назначенію“ (d' office) или запаснымъ депутатомъ (suppléant) ¹⁾.

Сенешаль Нижней Марши (Basse Marche séant à Dorat) добивается того же по отношенію къ Lesterpt aîné, который „не достоинъ предстать въ почтенномъ собраніи націй; если король прикажетъ назначить другаго депутата. то я исполню приказаніе весьма быстро“. Лейтенантъ кондомскій (Condom), домогавшійся исключенія Pélauque Bergaut, получилъ отъ хранителя печати отвѣтъ, что если послушать его, то „полная свобода голосованія, предоставленная королемъ собраніямъ. стала бы иллюзіей“ ²⁾. Лейтенантъ тартасскій разсуждалъ, что такъ какъ его сенешоссея не выбрала ни одного купца, то для неоставленія торговли безъ представителя необходимо назначить какого-нибудь почтеннаго неогоціанта. Но за такое усердіе онъ удостоился слѣдующей отвѣди министра юстиціи: „Вы не должны себѣ позволять вмѣшиваться въ выборы, ни пытаться стѣснять голосованія, оставьте членамъ собраній свободу оказывать довѣріе тѣмъ, кого они сочтутъ наиболѣе достойнымъ“; министръ при-

¹⁾ В III 69, 430—439. 444—459. La Montagne, séant à Chatillon-sur-Seine. Для полноты картины необходимо остановиться на сдѣланной характеристикѣ Фрошо. Это молодой нотаріусъ и судья, анушавшій „слѣпой энтузіазмъ деревенщины“. Онъ, правда, уменъ (ne manque pas d'intelligence), но очень безпокойная голова, да и какаго прока можно ожидать отъ неопытнаго 28-ми-лѣтняго юноши, обвиняемаго въ дезертирствѣ, кражѣ, обремененнаго семьей, преданнаго азартной игрѣ, которая уже разорила его отца. Тутъ же присылается доносъ, но уже безъ подписи, самаго гнуснаго содержанія съ обвиненіями въ вытравленіи яда и т. п.

²⁾ В III, 51, 282—284. В* 33 I. 68. 3-го апрѣля.

бавляя, что предложенія лейтенанта противорѣчать „безпристрастію, которое вы должны выказывать“.

Центральное правительство не хотѣло оказывать никакого воздѣйствія на составленіе наказовъ. Это многимъ не нравилось. Лейтенантъ ¹⁾ округа Uzerche (Bas Limousin) жаловался, что ни буржуа, ни священники не знаютъ, что такое генеральные штаты и въ какомъ направленіи руководить народомъ, а между тѣмъ правительство не хотеть „оказать никакого давленія“. И это говорить человѣкъ, мнящій себя либераломъ и обвиненный въ оскорбленіи дворянства въ проектѣ наказа, который онъ не утерпѣлъ послать всѣмъ приходскимъ священникамъ, вмѣстѣ съ призывными грамотами и регламентомъ.

Лейтенантъ округа Yèvres le Chatel (Orléanais) также думалъ, что безъ его воздѣйствія не обойдтись; заявляя министру, что будетъ руководить тѣми деревенскими жителями, кто окажется въ затрудненіи относительно избранія депутатовъ и составленія наказовъ ²⁾.

Въ графствѣ Бичъ (Bitche) въ Лотарингіи, гдѣ населеніе говорило исключительно по-нѣмецки, лейтенантъ разсмалъ по деревнямъ образцы наказовъ, а затѣмъ, когда отъ графства были избраны Я. Юнгъ (меръ и синдикъ Ралинга) и Ф. Витте (булочникъ изъ Бича), то всѣ деревни получили приказаніе произвести новыя выборы „подъ тѣмъ предлогомъ, что эти избранные не знали французскаго языка“. Многія деревни потребовали обратно свои наказы, но тщетно; ихъ произвели въ смутьяновъ и бунтовщиковъ „и, можетъ быть, въ этомъ свѣтѣ представили очамъ его величества“. Однако, собраніе осталось при своемъ, „такъ какъ, впрочемъ, очень трудно найти другихъ французовъ въ нѣмецкой Лотарингіи“, за исключеніемъ судейскихъ, „а между тѣмъ имѣлись вѣскія причины, чтобы ихъ не выбирать, не говоря уже о ихъ незнакомствѣ съ нуждами деревни и потребностями земледѣлія“ ³⁾.

¹⁾ *Seillac*, Scènes et portraits de la révolution en Bas Limousin. Paris, 1878. 61. В III 78e lettre d'un magistrat à M. M. les curés de son ressort. О всей этой исторіи см. выше.

²⁾ В III, 99, 518—519. В 59 l. 146 особая сазка Yèvres le Chatel, „guiderai ceux des habitants de village qui pourraient se trouver embarrassés“.

³⁾ В III, 139, 436—439. В 77 l. 182. „Requête des habitants des communes à M. Necker“. Графство Bitche не выбирало депутатовъ въ генеральные штаты, а посылало своихъ представителей въ Саргеминъ (députation réduite à Saarguemines).

На основаніи регламента, въ бальяжахъ или сенешоссеяхъ, отъ которыхъ зависѣли еще второстепенные округа, окончательная редакція общаго наказа и избраніе депутатовъ въ генеральныя штаты производились въ соединенномъ засѣданіи представителей главнаго округа вмѣстѣ съ второстепенными; но при этомъ, во избѣжаніе чрезмѣрнаго многочисленія и чтобы не слишкомъ затруднять представителей деревенскихъ захолустій, принужденныхъ являться вторично на соединенное засѣданіе, законъ постановилъ, что въ составъ этого послѣдняго входятъ не все избиратели главнаго и второстепенныхъ округовъ, а избранная $\frac{1}{4}$ ихъ представителей. И вотъ. въ Орлеанѣ и Сенлисѣ лейтенанты признаютъ необязательною для себя эту „*réduction au quart*“, издають собственною властью ордоннансы въ отиѣну закона. Эта мѣра, не стѣснительная для представителей главнаго города, но крайне тягостная для жителей отдаленныхъ мѣстностей, возбудила настоящую бурю въ второстепенныхъ округахъ, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сокращеніе до четверти уже состоялось ко времени полученія ордоннанса, его отиѣняющаго. Посыпались горячіе протесты, а округъ Beaumont-sur Oise, входящій въ составъ Сенлискаго бальяжа, отправилъ даже депутата въ Парижъ, чтобы лично жаловаться хранителю печати на это распоряженіе. При такихъ условіяхъ правительство не могло не выйти изъ обычной пассивности. 8-го марта постановленіемъ государственнаго совѣта кассированъ ордоннансъ лейтенанта сенлискаго, а 12-го марта—орлеанскаго. Замѣчательно въ этой исторіи то, что если въ Сенлисѣ произвольныя дѣйствія лейтенанта приняты были съ сочувствіемъ по крайней мѣрѣ представителями главнаго округа¹⁾, то въ Орлеанѣ и этого даже не случилось²⁾. Когда балья имѣлъ смѣлость заявить черезъ лейтенанта, что „*réduction au quart*“ противна конституціи (*anticonstitutionnelle*) и необязательна, собраніе отказалось принять къ

¹⁾ Представители 20 приходовъ, во главѣ съ либеральнымъ дворяниномъ M. de Girardin, vicomte d'Ermenonville, протестовали противъ отиѣмы ордоннанса и демонстративно вышли изъ состава соединеннаго собранія 3-хъ сословіи.

²⁾ В III, 142 passim, особенно f. 53, 72, 306, 344—348, 375—382, 384, 477, 502. В III, 98, 251—253. 256—301. В III, 99. 61—189. Ва, 79 l. 187. 2°, 3°, 6°, протоколы засѣданій въ Сенлисѣ и второстепенныхъ округахъ, протесты лейтенантовъ и т. д. Ва, 59 l. 146, протоколы Орлеана и второстепенныхъ его округовъ, рѣзкая переписка балья, королевскаго прокурора и лейтенанта Орлеанскаго съ хранителемъ печати, протесты лейтенантовъ второстепенныхъ округовъ и протоколы засѣданій этихъ послѣднихъ. См. также для Сенлиса *Déjardins, Le Beauvois, le Valois, le Vexin Français, le Noyonnais en 1789.* (Beauvais, 1869).

исполненію этотъ ордоннансъ и дѣло дошло до закрытія засѣданія. отсрочки продолженія выборовъ до 16-го марта (на цѣлую недѣлю), а недовольные избиратели, забравъ съ собою наказы и полномочія, отправились пока во-свои. Замѣчательно, что лейтенанты орлеанскій и сепийскій отдѣлялись мягкими нотаціями, что же касается балія орлеанскаго, то онъ запальчиво отвѣчалъ министру, который деликатно оправдывалъ кассированіе ордоннанса; судя по тону, министръ былъ обвиняемымъ, а нарушитель закона—обвинителемъ.

По смыслу регламента, предсѣдатель окружнаго собранія долженъ былъ руководить преніями и наблюдать за порядкомъ. Между тѣмъ балія въ St-Pierre le Moustier ¹⁾ дѣлаетъ подозрительный запросъ министру, не принадлежитъ ли предсѣдателю *исключительное* право инициативы въ возбужденіи вопросовъ. Пришлось объяснять ему такую простую вещь: „нѣтъ исключительнаго права возбужденія вопросовъ въ собраніи, всякій депутатъ можетъ излагать свои мысли и дѣлать предложенія, какія сочтены приличными“; пришлось ему повторять о „свободѣ, которая должна царить во всемъ, что касается великой операціи, о которой идетъ рѣчь“.

Въ Камбрейской провинціи grand bailli не утруждалъ высшаго начальства разспросами, а на свой страхъ толковалъ королевскую волю по своему. Въ призывныя грамоты и въ регламентъ вкрались двусмысленныя выраженія, что король желаетъ видѣть около себя нотаблей ²⁾ каждой провинціи и округа, но затѣмъ разъяснилось, что руководить выборами избирателей должны честность и мудрость кандидатовъ. Когда въ Камбрези во время первичныхъ выборовъ возгорѣлась борьба относительно феодальныхъ правъ между предсѣдателями приходскихъ собраній (сеньеріальными агентами) и крестьянами, то балія ³⁾ издалъ ордоннансъ 7-го апрѣля, предписывающій новые выборы тамъ, гдѣ одержали верхъ избиратели, и угрожалъ признать недействительнымъ избраніе тѣхъ лицъ, кто „задались предвзятою цѣлью выбрать своихъ представителей изъ людей безъ репутаціи и нравы которыхъ мало извѣстны“.

¹⁾ В III, 138, 38—42. Labot, „Convocation des Etats Généraux de 1789“. (Paris, 1866), 406, 407.

²⁾ „aucuns des plus notables personnages de chaque province, bailliage et sénéchaussée“. Высшія сословія и въ особенности буржуазія пользовались иногда этими словами противъ низшихъ слоевъ населенія.

³⁾ Исправлявшій должность балія маркизь de'Estourmel, депутатъ дворянства на генеральныхъ штатахъ.

Одинъ изъ недовольныхъ пишетъ Неккеру, что этотъ ордонансъ представлялъ поддѣлку подъ призывныя грамоты; наверху было начертано „по указу его величества“ (de par le Roi), какъ будто бы оно шло прямо отъ монарха; сущность же его заключалась въ требованіи новыхъ избирательныхъ собраній тамъ, гдѣ они были бурны (tumultueux) и гдѣ избраны „люди безъ репутаціи и нравы коихъ мало извѣстны“. Тогда предсѣдатели, которымъ пришлось уступить (pliés), подняли голову, самыя мирныя собранія признаны бурными, представители большинства поруганы, ихъ полномочія отиѣнены, наказы замѣнены новыми. Такъ случилось, между прочимъ, въ деревнѣ Quiégy, откуда поступила жалоба, что новое собраніе, отиѣнившее первое, имѣло 80 голосовъ, а 150 человекъ не явилось, при чемъ челобитныя обѣдныя были вычеркнуты ¹⁾. А что же правительство? Повидимому, оно осталось безучастнымъ.

Правда, насиліе надъ камбрѣйскими крестьянами представляетъ явленіе исключительное, единственное въ своемъ родѣ. Для историка гораздо поучительнѣе средняя бытовая картина, обыденная обстановка выборовъ. Исторія создается будничными мелочами, а не яркими случаями.

Разбирая матеріалы по выборамъ 1789 г., приходится наталкиваться на весьма многочисленныя, самыхъ разнообразныхъ и часто неуловимыхъ отиѣнковъ, примѣры полунасильственнаго, а иногда и прямо принудительнаго воздѣйствія властей. Для этого совсѣмъ не было необходимости прямо нарушать законъ. Регламентъ открывалъ не мало удобныхъ путей и оставлялъ много лазеекъ для насилія, не говоря уже о неизбѣжномъ влияніи присущей людямъ робости передъ властями предержажими, особенно при необезпеченности правъ личныхъ.

Законъ не допускалъ избранія предсѣдателей самими окружными собраніями, а по отношенію къ 3-ьему сословію не допускалъ даже избранія секретаря. Дворянству было легче отставать свою самостоятельность, такъ какъ балыи и сеншалы, назначенные предсѣдателями дворянскихъ избирательныхъ собраній и общаго собранія 3-хъ соединенныхъ сословій, представляли въ XVIII вѣкѣ простую фикцію, почетный титулъ, безъ всякаго фактическаго значенія: всѣ ихъ судебныя прерогативы перешли на лейтенантовъ. Последніе (lieutenant

¹⁾ Въ 2 I. В № 31 письмо Р. Ph. Baudouin Неккеру 29-го апрѣля: *Legrand „Senac de Meilhan“ 372, „auraient même affecté de prendre et choisir leur députés parmi des gens sans réputation et dont les mœurs sont peu connues“.*

général или *lieutenant particulier*) были самыми сильными людьми въ округѣ и, назначая ихъ предсѣдателями 3-го сословія, регламентъ отдавалъ въ ихъ руки судьбу выборовъ большинства французскаго народа, какъ это прямо выражено въ циркулярѣ хранителя печати къ этимъ должностнымъ лицамъ ¹⁾).

Между тѣмъ не всѣ лейтенанты заслуживали такого довѣрія. Выше было уже указано, какое смѣшеніе понятій царило иногда въ нѣкоторыхъ головахъ относительно правъ избирателей и прерогативъ власти, къ тому же и полицейская власть предсѣдателей, будучи оружіемъ обоюдоострымъ, могла завести очень далеко.

Предсѣдателю приходилось, само собою разумѣется, обезпечивать порядокъ, чтобы имѣть возможность руководить преніями. Но взгляды на то, что слѣдуетъ разумѣть подъ порядкомъ, были самые различные; многіе лейтенанты, безъ особой необходимости, вводятъ въ залъ совѣщаній вооруженную жандармерию—*cavaliers de la maréchaussée*. Появленіе вооруженной силы не могло не дѣйствовать устрашающе, тѣмъ болѣе, что солдаты, можетъ быть, не всегда стѣснялись съ господами избирателями. По крайней мѣрѣ сохранился юмористическій разказъ, какъ въ *Chaumont* послѣ обѣдни, отслуженной съ грѣхомъ пополамъ среди шума, всѣ бросились къ *M. le grand bailli*, чтобы насладиться его лицезрѣніемъ. Онъ шелъ предшествуемый двумя *hallebardiers* (солдаты, вооруженные сѣкирами), которые ударяли направо и налево, по слишкомъ любопытнымъ избирателямъ. Одного изъ нихъ бросили на землю и топтали ногами, а другіе за него заступились. Поднялся страшный шумъ и „суверенъ въ люлькѣ“ то-есть, народъ, собирався уже показать себя, но одинъ изъ вліятельныхъ людей бросился на кафедру, чтобы мечемъ словеснымъ разнять дерущихся. Ловкій ораторъ задѣлъ сначала чувствительную струнку собранія, распространялся о достоинствѣ и неприкосновенности избирателей, порицалъ солдатъ, обѣщалъ, что ихъ накажутъ, призывалъ всѣхъ къ миру и взаимному довѣрію; тогда апплодисменты смѣнили крики ярости и все успокоилось ²⁾).

Присутствіе вооруженной силы было иногда необходимо ³⁾, но лейтенанты безъ особой нужды любили вводить солдатъ въ избиратель-

¹⁾ C'est en quelque sorte entre vos mains qu'est remis le sort de la convocation.

²⁾ *Beignot*, Mémoires (Paris 1866), t. I., 107—108.

³⁾ Въ Парижѣ и Иль-де-Франсѣ были приняты обширныя мѣры предосторожности, въ виду выборовъ. *Chassin*, „Élections de Paris“ IV, 21.

ныя собранія. Это составляло злобу дня во многихъ округахъ, на-примѣръ Lixheim, Augau, Montmorillon, Beaumont-sur-Oise, Toulouse и т. д.

Въ Суассонѣ „вмѣсто свободы, которая должна была царить въ этомъ собраніи, подъ простымъ предсѣдательствомъ лейтенанта, мы имѣли зрѣлище внушительнаго засѣданія“, точь въ точь торжественное судебное засѣданіе. Одинъ изъ депутатовъ—прокуроръ Guillard—протестовалъ „противъ присутствія вооруженныхъ людей среди толпы, привыкшей дрожать передъ ними“, объясняя, что жандармы „устрашаютъ многихъ гражданъ, которыхъ такъ легко смутить“. Но его голосъ заглушили, не дали произнести рѣчи и онъ, протестуя, удалился, вмѣстѣ съ 6-ью единомышленниками ¹⁾.

Право и обязанность предсѣдателя наблюдать за порядкомъ не подлежить сомнѣнію. Предсѣдатель избирательнаго собранія долженъ руководить преніями; при этомъ необходимъ извѣстный порядокъ и дисциплина. Это сознавали сами избиратели, изъ среды которыхъ исходили иногда предложенія въ этомъ смыслѣ ²⁾.

Весь вопросъ въ томъ, какъ понимать задачи руководства. Нѣкоторые предсѣдатели понимали это очень своеобразно. Въ Пуату, во второстепенной сенашоссеѣ Montmorillon, крестьяне, „натравленные“ (ameutés) противъ привилегированныхъ, не хотѣли допустить сенеріальныхъ агентовъ къ редакціи наказовъ, но шумъ прекращень „мудрой предосторожностью г. генеральнаго лейтенанта“, при-славшаго жандармовъ ³⁾.

Въ Vitry le François ⁴⁾ во время обсужденія общаго наказа начальству надоѣли долгія пренія; королевскій прокуроръ предложилъ, чтобы никто изъ депутатовъ не имѣлъ права говорить, пока не дой-

¹⁾ Офіціальныи протоколъ лейтенанта подтверждаетъ, что жалобщику не дали говорить, но приписываетъ это единодушному мнѣнію избирателей, заявившихъ, „что она видать съ удовольствіемъ жандармовъ“, ничуть не стѣсняющихъ свободы, а напротивъ, старающихся быть полезными... В Ш, 144, 264—273, 431—547, В* 80 л. 191. 3°. Протоколъ 18-го и 19-го марта, письма Guillard Неккеру отъ 12-го и 14-го марта, его „réclamation“, „mémoire“ Неккеру и „protestations“ недовольныхъ.

²⁾ В Ш 1, В* 9 л. 2, 3°, 4°. *Moudenard*, „Cahiers de l'Agenois“ (Villeneuve-sur-Lot 1889) 245, предложеніе Falagret.

³⁾ В Ш 124, 342, В* 69 л. 16°—4, 2°. Collin de la Minière хранителю печати 13-го марта.

⁴⁾ В Ш 157, 107, 108, протоколъ предварительнаго собранія (assemblée préliminaire) 10-го и 11-го марта.

деть очередь для подлежащаго прихода голосовать; предсѣдатель утверждалъ это предложеніе съ оговоркой, что всякъ можетъ дѣлать свои замѣчанія, по полученіи на то предварительнаго согласія предсѣдателя.

Въ Тулузѣ, при очень многолюдномъ собраніи, лейтенантъ ¹⁾ по своему водворялъ порядокъ, не стѣсняясь ни протестами сенешала, ни жалобами вліятельныхъ представителей города. Зрители не были допущены въ залъ, но зато введены жандармы; изданъ былъ *ordonnance* 31-го марта, а послѣ протеста сенешала, второй „*ordonnance concernant la discipline intérieure*“, въ которомъ съ удареніемъ (*ordonne de plus fort*) подтверждаются предыдущія распоряженія, „не взирая на повелѣнія сенешала“. Трудно судить, насколько справедливы жалобы городскихъ депутатовъ съ ихъ предводителемъ *Dugoux*, обвинявшихъ лейтенанта въ пристрастіи: тутъ разыгралось соперничество между требованіями главнаго города и интересами обширной области, разныхъ *diocèses*, составившихъ лигу противъ Тулузы. Несомнѣнно одно — сила власти лейтенанта и пассивное отношеніе министерства, не высказавшагося вполнѣ категорично между сенешаломъ и лейтенантомъ, прекративъ (на основаніи положенія королевскаго совѣта 19-го мая 1789 г.) слѣдствіе, возбужденное тулузскимъ парламентомъ противъ лейтенанта.

Въ *Mende en Gévaudan* лейтенантъ прибѣгъ къ простому средству, чтобы положить конецъ смутѣ, поднятой нѣсколькими дворянами — оставилъ избирателей въ темнотѣ ²⁾. Мѣры противъ напыла постороннихъ зрителей принимались въ очень многихъ мѣстахъ. Если же любопытные въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ допускались въ залъ и даже вели себя чрезвычайно шумно, то это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда лейтенантъ пользовался поддержкой городской толпы, которая криками и угрозами приводила къ молчанію возражающихъ. Въ *Montpellier* засѣданіе было закрыто потому, что „чужихъ“ набралось почти столько же, сколько депутатовъ, и не хотѣли разойтись ³⁾, въ *le*

¹⁾ В III, 149, 6, 12—17, 60, 262—284, 703 и *passim*. *Brette*, I, 175. Въ отвѣтъ на жалобы сенешала, хранитель печати писалъ 14-го апрѣля, что обвинения преувеличены, а если лейтенантъ не вполнѣ правъ, то это объясняется его усердіемъ и т. д.

²⁾ В III, 85, 526—531. Письмо лейтенанта къ министру отъ 24-го марта: „*j'ai refusé de faire porter de la lumière*“.

³⁾ В III, 92, 238. В* 55 l. 131. *Procès verbal des 3 ordres*.

Руу еп Velay приняты строгія мѣры противъ зрителей ¹⁾, въ Лионѣ устроенъ входъ по билетамъ, чтобы избѣжать давки ²⁾, въ Melun, по удаленіи любопытныхъ, избирателямъ были выданы именныя карточки для пропуска въ залъ ³⁾.

Трудно судить, насколько такія мѣры были необходимы ⁴⁾, но онѣ нерѣдко возбуждали неудовольствіе и во всякомъ случаѣ доказываютъ, что мѣстная власть вовсе не была расположена оставаться пассивной зрительницей или фиктивной только руководительницей избирательныхъ собраній. Напротивъ того, лейтенанты во все вмѣшивались, имѣли сильное вліяніе на ходъ выборовъ и иногда прямо навязывали свою волю избирателямъ. Вліяніе предсѣдателя по праву, а не по избранію, и притомъ лейтенанта, то-есть, сильнѣйшаго въ округѣ человѣка, дѣйствовало самыми различными путями, начиная отъ прямого понужденія и кончая неуловимыми нитями косвеннаго воздѣйствія. Это вліяніе сказалось на редакціи знаменитыхъ наказовъ 1789 г. — завѣщанія старой Франціи. Тутъ затронута была существеннѣйшая сторона великаго дѣла.

Представители первичныхъ собраній (деревень и городовъ), собравшись на предварительное собраніе (*assemblée préliminaire*) бальяжа или сенешоссеи, должны были производить сводку (*réduction*) первичныхъ наказовъ въ одинъ общій наказъ округа (*cahier général*). Для упрощенія работы, невыполнимой въ многочленныхъ собраніяхъ, избиратели могли назначить изъ своей среды комиссаровъ-редакторовъ окружнаго наказа. Этимъ правомъ они воспользовались почти повсемѣстно, причемъ проекты комиссаровъ прочитывались, обсуждались и утверждались собраніями.

Въ перепискѣ лейтенантовъ проглядываетъ живѣйшій интересъ къ содержанію наказовъ, при чемъ они всячески хлопотали о примиреніи требованій третьяго сословія съ интересами привилегированныхъ. Для этого они стремились, впрочемъ по большей части неудачно, къ сліянію наказовъ всѣхъ трехъ сословій во-едино. Въ послѣднемъ случаѣ комиссары всѣхъ сословій составляли совмѣстно

¹⁾ В III, 125, 185 и passim. Procès verbal des 3 ordres.

²⁾ В III, 75, 593—595. Письмо лейтенанта министру 24-го февраля.

³⁾ В III, 84, 544. Протоколъ.

⁴⁾ Въ Бузонвилѣ жалуются „que l'élection s'est faite la nuit dans le tumulte, qu'il s'y est introduit des étrangers d'une manière indécente, la pipe à la bouche, qui sont venus presser, pérorer et suggérer les voix“. В III, 134, 5, 6. (Procès verbal de protestation des curés 27 Mars).

„cahier des 3 ordres réunis“. Но это случалось рѣдко, хотя правительство поощряло такое слияніе. Обыкновенно же, лейтенанты старались своимъ вліяніемъ достигнуть пониженія тона и смягченія требованій буржуазіи. Они считали себя чуть ли не отвѣтственными за содержаніе своднаго наказа и запальчиво критиковали его редакцію, если она не сообразовалась съ ихъ видами и указаніями.

Въ Lixheim лейтенантъ ¹⁾, оправдываясь въ обвиненіи относительно злоупотребленій на выборахъ, ставилъ себя въ заслугу, что наказъ соответствуетъ видамъ правительства (conforme aux vues du Gouvernement). Напротивъ того, лейтенантъ диванскій ²⁾ осуждалъ статью наказа о введеніи королевскаго суда и отиѣвъ голубятень, а прево мобежскій ³⁾ называлъ нѣкоторыя требованія своего округа смѣхотворными (ridicules).

Само собою разумѣется, что содержаніе наказа зависѣло отчасти отъ состава комиссаровъ. И вотъ наблюдается прямое вмѣшательство власти въ ихъ избраніе.

Бальи Сень-Пьера (Saint Pierre le Moustier), тотъ самый, который желалъ лишить депутатовъ всякаго права инициативы, возбуждалъ передъ высшимъ начальствомъ подозрительный вопросъ о правѣ предсѣдателя попросту назначать комиссаровъ по своему усмотрѣнію. Отвѣтъ министра, хотя и отрицательный, подавалъ поводъ къ недоразумѣніямъ: „предсѣдатель предложитъ комиссаровъ, и если за нихъ выскажется большинство, то они будутъ считаться избранными“.

Выходило, какъ будто право инициативы въ предложеніи комиссаровъ принадлежитъ только предсѣдателю.

На дѣлѣ такъ оно и случилось въ нѣкоторыхъ округахъ, гдѣ комиссары назначались попросту лейтенантами.

Въ Carcassonne ⁴⁾ лейтенантъ ссылается при этомъ на неизбежный шумъ въ собраніи 450 человекъ, изъ которыхъ болѣе половиннымъ было изъ низшихъ слоевъ общества, не говоря уже о любопытныхъ, затѣсавшихся въ собраніе. При такихъ условіяхъ невозможно было, по словамъ его, избирать комиссаровъ, а потому онъ назначилъ своею властью 36 человекъ и противъ этого протестовали только два депутата. Но интендантъ изъ Монпелье рисуетъ совсѣмъ другую кар-

¹⁾ В III, 134, 927.

²⁾ В III, 88, 577—580.

³⁾ В III, 19, 812, 813. Прево предсѣдательствовалъ.

⁴⁾ В III, 41, 387—390 (письмо лейтенанта 18-го марта) 390—392 (письмо интенданта 20-го марта).

тину: эта мѣра возбудила всеобщее неудовольствіе, вслѣдствіе чего назначенные комиссары выбрали другихъ на свое мѣсто, что все-таки очень многихъ не удовлетворило.

Подобнымъ же образомъ въ Chaumont en Bassigny лейтенантъ, въ виду разногласія по вопросу о способѣ избранія комиссаровъ, назначилъ ихъ собственной властью (d'office) изъ представителей главныхъ городовъ округа, такъ что въ комиссію не попало ни одного деревенскаго депутата. Кромѣ того, чтобы избавиться отъ многолюдства, онъ до обсужденія наказа распустилъ $\frac{1}{2}$ наличнаго числа членовъ и на возраженія противъ этой мѣры „провнесены были священныя для каждаго француза слова—король разрѣшаетъ мнѣ привести васъ къ молчанію. Тогда всѣ умолкли“. Въ дѣло вмѣшался балль съ дворянскимъ и духовнымъ собраніями, по ходатайству которыхъ число комиссаровъ (70) было усилено 30 представителями земледѣлія, вопреки протестамъ лейтенанта и части комиссаровъ противъ вмѣшательства привилегированныхъ въ избирательныя дѣйствія 3-го сословія. Съ своей стороны министръ юстиціи призналъ объясненія лейтенанта неудовлетворительными, но по обыкновенію утвердилъ совершившійся фактъ, вмѣстѣ съ частичной поправкой, сдѣланной по инициативѣ балля, вмѣшавшагося, впрочемъ, не въ свое дѣло. Неудивительно, если деревня Valdampierre жаловалась Неккеру на невнесеніе въ окружной наказъ ея требованія объ отмѣнѣ феодальныхъ правъ, подъ тѣмъ предлогомъ, „что это частное дѣло, касающееся жителей и сеньера и подлежащее разсмотрѣнію судебнымъ порядкомъ“... ¹⁾ Въ Бузонвиллѣ, при содѣйствіи лейтенанта ²⁾, въ комиссары попали всѣ представители этого города, такъ что онъ могъ обвинять ихъ въ неблагодарности за оказанную ему впоследствии оппозицію и за свое неизбрание.

Въ Limoux лейтенантъ ³⁾ самъ назначилъ 25 комиссаровъ, по

¹⁾ В III, 47, 34 — 888. В., 32, I. 63, 2°. Письма лейтенанта de Reuilly министру отъ 14-го и 17-го марта, 9-го и 24-го апрѣля; отвѣтъ министра 26-го марта; письма балля Неккеру и хранителю печати отъ 31-го марта, жалоба sieur Pesme député de Dommartin le Coq (18-го марта), письмо адвоката Cottenet Неккеру (4-го апрѣля), челобитная деревни Valdampierre Неккеру, протоколы заседаній трехъ сословій.

²⁾ В III, 134, 23—25.

³⁾ В III. 74, 79, 82, 83, 258. Министръ призналъ эти дѣйствія неправильными, въ отвѣтъ на оправданія растерявшагося лейтенанта, но все совершившееся осталось въ силѣ. Письма лейтенанта 2-го и 23-го марта. Отвѣтъ хранителя печати. Протоколы, жалобы St. Quintin et Cayra и Peyrat, la Bastide et le Villaret.

большей части изъ сенъеріальныхъ агентовъ (агенты, фермеры, адвокаты и судьи). Это возбудило понятное неудовольствие и хотя онъ имѣлъ осторожность, опасаясь возраженій, не присутствовать при занятіяхъ комиссаровъ, тѣмъ не менѣе составленный наказъ не былъ подписанъ большинствомъ собранія, послѣ того какъ $\frac{2}{3}$ присутствующихъ, не понимавшіе по французски, тщетно добивались перевода наказа на мѣстное нарѣчіе. Недаромъ деревни *Saint Quintin, Sauga, Reugat, la Bastide, le Villaret* жаловались, что статьи приходскихъ наказовъ о сенъеріальномъ судѣ и злоупотребленіяхъ сенъеровъ не попали въ сводный наказъ. Тотъ же лейтенантъ произвольно устранилъ кандидатуру въ депутаты королевскаго прокурора, которому дворяне грозили дать „100 ударовъ ногой въ животъ“...

Въ Прадѣ¹⁾ лейтенантъ Тихедог назначилъ большую часть комиссаровъ, а толпа, настроенная въ его пользу, заглушала оппозицію, угрожая побоями (*assommer*) возражающимъ.

Въ *Vouchain* протоколъ²⁾ прямо признаетъ фактъ назначенія комиссаровъ лейтенантомъ, чтобы не терять золотого времени, въ виду разногласій относительно способа ихъ избранія. Власть также опредѣлила процедуру избранія представителей (*du quart*) этого второстепеннаго округа въ балъжѣ *du Quesnoy*. Конечно, время отъ этого выиграно было, во воля народа сводилась при такихъ условіяхъ къ очень сомнительной величинѣ.

Изъ Мулена, Тулузы, Шомона (*Chaumont en Bassigny*), Ликсейма, Бомона (*Beaumont sur Oise*) и т. д. раздаются подобныя жалобы. Если вѣрить протоколамъ, то избиратели иногда сами этого желаютъ; такъ въ *Carhaix* „собраніе просило предсѣдателя указать этихъ комиссаровъ“³⁾.

Въ *Quesnoy* лейтенантъ просилъ себѣ въ помощь комиссаровъ (значить онъ присваивалъ себѣ главную роль въ этомъ дѣлѣ). „Народъ предоставлялъ ему выбирать; онъ настаивалъ и принялъ двухъ адвокатовъ, имена которыхъ были произнесены нѣсколькими голосами въ толпѣ (*dans la cohue*)“⁴⁾.

¹⁾ Prades, Viguerie de Conflans, secondaire de Perpignan. В. III, 120, 248, 279. Показанія двухъ свидѣтелей на слѣдствіи по этому дѣлу, наряженномъ въ Перпиньянѣ, отъ котораго зависѣлъ этотъ второстепенный округъ. „Information“ 26-го апрѣля.

²⁾ В III, 128, 374.

³⁾ В III, 38, 270. Протоколъ 3-го апрѣля.

⁴⁾ *Legrand*, Senac de Meilhan 348.

Конечно, между протоколами и дѣйствительностью лежитъ иногда цѣлая пропасть, но во всякомъ случаѣ это говоритъ о безпомощности избирателей, тяготящихся своимъ правомъ избирать истолкователей воли народа и призывающихъ начальство княжить и володѣти ими.

Наряду съ простымъ назначеніемъ комиссаровъ, лейтенанты могли въ менѣе грубой формѣ, косвенно вліять на подборъ редакторовъ своднаго наказа, какъ явствуетъ изъ жалобъ Шинона, Бузонвиля и иныхъ мѣсть.

Но этого мало. Предсѣдатель, въ видѣ общаго правила, руководилъ работой комиссаровъ, что прямо отражалось на содержаніи наказовъ. Опасность такого порядка въ смыслѣ свободы редакціи сводныхъ наказовъ очевидна сама собою. Уже при созваніи второй „assemblée des notables“, (комиссія для выработки основаній созываетъ генеральныхъ штатовъ), было замѣчено¹⁾, что лейтенантъ не долженъ даже присутствовать при редакціи наказа, не долженъ подписывать его, а долженъ только засвидѣтельствовать своей подписью его подлинность. Однако, регламентъ хранить молчаніе по этому предмету, а жизненные отношенія сдѣлали свое дѣло въ прямо противоположномъ смыслѣ.

Иногда собраніе избирало лейтенанта въ комиссары²⁾, но въ большей части случаевъ предсѣдатель безъ зова являлся на засѣданіе комиссаровъ и руководилъ ихъ работой.

Въ Neufchateau онъ былъ даже единственнымъ редакторомъ наказа („seul rédacteur“), а избранные собраніемъ комиссары—простыми докладчиками („rapporteurs“)³⁾. Въ Montreuil sur Mer присутствіе лейтенанта при сводкѣ наказовъ „стѣсняло“ комиссаровъ; онъ „рѣшалъ всѣ возникавшіе вопросы окончательно“ (soûverainement), поддерживая требованія горожанъ противъ заявленій деревенскихъ депутатовъ, которые съ величайшимъ трудомъ добились внесенія въ сводный наказъ „различныхъ существенныхъ выраженій изъ первичныхъ наказовъ“; одинъ изъ комиссаровъ жаловался хранителю печати, что предсѣдатель посадилъ его силою, когда онъ всталъ, чтобы сдѣлать предложеніе собранію⁴⁾.

Въ Рiomѣ предсѣдатель, поддерживая интересы главнаго города,

¹⁾ Archives Parlementaires, I, 479. Мнѣніе 6-го бюро.

²⁾ Въ Arrasѣ, Comminge, Semur en Auxois, Semur en Brionnais и ин. друг.

³⁾ В III, 89, 579. Procès verbal 23 Mars. См. также Brette „Huot de Gancourt“ (Révolution Française 14-го ноября 1896 г.), 444.

⁴⁾ В III, 92, 260—272. J. Petit—дровяной торговецъ.

далъ его представителямъ возможность составить сводный наказъ по своему усмотрѣнію, а затѣмъ не допустилъ никакихъ исправленій со стороны комиссаровъ, ни прочтенія проекта собранію. „Вы не должны удивляться, пишутъ представители города Ardes, если мы не выставили юридически оформленнаго протеста“, такъ какъ главной причиной всему былъ самъ предсѣдатель; смѣльчаки, пытавшіеся жаловаться, были освищены яростной толпою, съ дозволенія начальства, которое само грозило и угрожало. „Вы знаете, насколько право предсѣдательства въ собраніи даетъ могущества тому, кто имѣетъ нязость пользоваться этимъ. Мы видѣли тому жестокой примѣръ въ этихъ бурныхъ засѣданіяхъ“.

Неудивительно, если болѣе строптивыя комиссія не допускали присутствія лейтенанта при выработкѣ наказа. Лейтенантъ лошскій (Loches) жалуется, что въ видѣ благодарности за его уступчивость, комиссары отказались принять его во время работы и настояли на своемъ; ватѣмъ принесли проектъ наказа не ему лично, а собранію „подъ тѣмъ предлогомъ, что они обязаны дать отчетъ только передъ депутатами, ихъ избравшими“; въ концѣ концовъ лейтенантъ призналъ совершившійся фактъ, хотя и съ протестовалъ ²⁾). Въ Limoux лейтенантъ, о беззаконіяхъ коего было упомянуто выше ³⁾, самъ не рѣшился явиться въ комиссію, такъ какъ это встрѣтило возраженія. Въ Carignan (Лотарингія) лейтенантъ самъ добровольно устранился отъ участія въ выработкѣ наказа, редакцію котораго онъ не одобряетъ ⁴⁾). Въ общемъ же, въ той или другой формѣ предсѣдателя повсюду оказывали извѣстное воздѣйствіе на редакцію сводныхъ наказовъ.

Въ Муленѣ ⁵⁾ лейтенантъ, распинаясь за дворянъ и за представителей этого города, бывшихъ по большей части сеньерами и привилегированными, добился исключенія изъ проекта наказъ статья от-

¹⁾ В Ш, 165, 228—240. Письмо Неккеру отъ 9-го апрѣля и „mémoire du tiers état de l'arrondissement des petites montagnes d'Auvergne, dont Ardes est le chef-lieu“.

²⁾ В III, 150, 771—775. В* 83 I. 202, 14°. Письмо лейтенанта отъ 11-го марта.

³⁾ В III, 74, 79, 80.

⁴⁾ В Ш, 141, 426—431. Письмо его отъ 14-го апрѣля.

⁵⁾ В Ш, 86, 573—578. Dénonciation contre l'assemblée de la sénéchaussée de Bourbonnais Неккеру 27-го марта. Безъ подписи съ припиской о мѣстѣ жительства: „изъ воелъ темной пещеры“. Ср. *Chassin*, Génie de la Révolution I, 209. *Ducal*, Cahiers de la Marche, 177.

носителю выкупа ценза и сенъеріальныхъ рентъ. Для этого онъ разбилъ собраніе по шателеніямъ ¹⁾, а въ комиссары заставилъ брать сенъеріальныхъ агентовъ; „затѣмъ онъ постарался почаще ихъ посѣщать и приглашалъ къ себѣ обѣдать вмѣстѣ съ дворянами. Тамъ имъ льстили и приходилось вносить въ наказъ желаемыя статьи“. „Почему статья, требующая выкупа ценза и сенъеріальныхъ рентъ, была уничтожена?“—спрашиваетъ анонимный авторъ, не смѣющій подписаться. Подъ тѣмъ предлогомъ, что это значило подрывать права собственности и противно всѣмъ законамъ! Нѣсколько „честныхъ людей“, въ томъ числѣ братья Raillard, депутаты прихода Négonde, удалились изъ собранія, произнося слова: „О, Неккеръ! Вы не подозреваете, что здѣсь дѣлается для подрыва дѣла генеральныхъ штатовъ!“—воскличаніе, имѣвшее очень слабый успѣхъ.

Въ Шинонѣ, по словамъ интенданта Турскаго, лейтенантъ, въ союзѣ съ другими судейскими, „подчинили себѣ (maîtrisé) работу комиссаровъ, также какъ и ихъ избраніе“ въ духѣ, противномъ преобразованію юстиціи, котораго единогласно требовали приходскіе указы ²⁾. Въ Sens лейтенантъ ³⁾ добился своимъ вліяніемъ исключенія изъ наказа негодной правительству статьи о такъ-называемыхъ mandats impératif, то-есть обязательныхъ инструкціяхъ, связывающихъ волю депутатовъ. Въ Alençon лейтенантъ ⁴⁾ стремился къ „примиренію“ сословія, то-есть склонялъ 3-е сословіе къ уступкамъ. Интендантъ объясняетъ, что буржуазія, раздраженная неуступчивостью дворянства по вопросу о податныхъ изъятіяхъ, предъявила „немного крайнія требованія“ (demandes un peu outrées), но послѣ усиленныхъ представленій лейтенанта, разгоряченныя головы сдались-таки по нѣкоторымъ пунктамъ, „упразднивъ“ (suppression) нѣсколько статей въ наказѣ.

Лейтенантъ второстепеннаго округа Conches пишетъ хранителю печати ⁵⁾: „Мнѣ удалось пропустить въ наказъ моего бальяжа только тѣ пожеланія, которыя имѣють своимъ предметомъ общее благо“. Но

¹⁾ Châtellenies—феодалное дѣленіе по владѣльцамъ замковъ.

²⁾ В III, 150, 703. Письмо 10-го марта.

³⁾ В III, 148, 448—453. Его докладъ министру отъ 1-го апрѣля.

⁴⁾ *Nirrean*, Elections de 1789 en Normandie (Paris 1869), стр. 55. Письмо интенданта Julien герцогу d'Harcourt (генераль-губернаторъ) 27-го марта.

⁵⁾ *Voisin-Champreuil*, Notices sur la Révolution dans l'Eure. (Evreux 1868). 15, 16. Письмо лейтенанта отъ 9-го марта. „Cette pression étrangère se fait surtout sentir dans la rédaction des cahiers des bailliages secondaires qu'elle réussit à énerver. Aux axiomes rudes et hardis, énoncés par les cahiers des paroisses, more rusticorum, elle a fait substituer des formules timides et dubitatives“.

что понималъ онъ подъ общимъ благомъ? Послѣдующее покажетъ, что въ мартѣ и апрѣлѣ 1789 года подъ *intérêt général* разумѣлись часто почти исключительно туманныя общія мѣста о конституціи и ближайшія требованія высшей буржуазіи, конкретныя же требованія большинства населенія замѣнялись неопредѣленными жалобами на общую бѣдность, а затѣмъ отодвигались на задній планъ. Историкъ этой мѣстности видитъ слѣды посторонняго давленія въ наказахъ второстепенныхъ бальяжей, лишенныхъ жизненности и замѣняющихъ грубыя, смѣлыя заявленія первичныхъ наказовъ смутными и робкими формулами. Въ Бельфорѣ ¹⁾ лейтенантъ жалѣеть, что 3-е сословіе не приняло предложенія сговориться съ привилегированными на счетъ общихъ требованій: „Но наши нѣмецкія головы по большей части непреклонны“. По рукамъ ходила рѣзкая брошюра противъ дворянства, идущая изъ Швейцаріи ²⁾. „Меня спросили, смѣютъ ли внести что-нибудь изъ этого писанія въ указы“? Ни подъ какимъ видомъ (*gardez vous en bien*), сказалъ я, однако если это возможно—не отвѣчайте, монсеньерь, а въ противномъ случаѣ одно слово—*veto*“. Лейтенантъ высмѣивалъ также проектъ нѣкоего виконта, драгунскаго капитана, объ установленіи новыхъ основныхъ законовъ (*loix fondamentales*): „Я думалъ до сихъ поръ, Монсеньерь, что королевство имѣло всѣ основныя законы“... „Авторъ подписался капитаномъ драгунъ. Эта мысль дѣйствительно немного драгунская“. По окончаніи выборовъ лейтенантъ сообщалъ о пріѣздѣ въ городъ генералъ-губернатора M. de Stainville, который рѣзко порицалъ агитаторовъ, внушившихъ деревенскому люду рѣзкій томъ, разгорячившихъ головы „заявляя, что всякъ, кто бы онъ ни былъ, въ состояніи объяснить, отъ чего страдаетъ“. Предсѣдатель прибавляетъ: „Правда, что у насъ были требованія всякаго рода, что *усилія, отправленные нами для ихъ устраненія изъ общаго наказа, возбудили противъ насъ толки*“, вся бѣда въ томъ, что народу внушали, „будто она могли просить, чего хотѣли, и что будутъ вынуждены имъ все это предоставить“.

Въ малолюдномъ округѣ Монон (Лотарингія) предсѣдатель ³⁾ безъ дальнихъ околичностей прочелъ составленный имъ заранѣе проектъ

¹⁾ В III, 27, 290—305, 322—324. В* 20, I, 29, 6°. Districts réunis de Belfort et de Huningue. Письма lieutenant de bailli отъ 18-го и 30-го марта, 1-го и 13-го апрѣля.

²⁾ „Cela est Hélvétique on ne peut pas plus, cette nation déteste la noblesse“.

³⁾ В III, 141, 553. В* 78 I, 185, 2°, жалоба депутатовъ прихода Montcy-Notre-Dame 15-го сентября.

наказа. принятіе котораго было заранѣе обезпечено, такъ что никакого *обсужденія* въ собраніи не состоялось.

Все это представляетъ злоупотребленія властью. Но помимо этого, слѣдуетъ имѣть въ виду, что предсѣдателямъ не нужно было прибѣгать къ прямому насилію для навязыванья своей воли: часто достаточно было одного ихъ присутствія, чтобы несогласно мыслящіе умолкали. Въ Mortagne ¹⁾, при обсужденіи наказа, адвокат Fourmy защищалъ предложеніе, противъ котораго высказался лейтенантъ; никто не рѣшался поддерживать его. лейтенантъ упрекалъ строптиваго, что онъ идетъ противъ общаго мнѣнія, тогда тотъ заявилъ, что останется при своемъ особомъ мнѣніи. „Воцарилось молчаніе, я замѣтилъ шушуканье, прекратившееся, когда лейтенантъ приказалъ продолжать чтеніе наказа, переходя къ слѣдующей статьѣ“. Позднѣе нѣкоторые депутаты пришли къ нему, высказались въ разговорѣ за него, объясняя, что ничего не сказали въ засѣданіи, думая, со словъ лейтенанта, что послѣдній выражаетъ общее мнѣніе. „Вамъ не безъизвѣстно. прибавляетъ жалобщикъ министру, какое рѣшающее значеніе имѣетъ мнѣніе генеральнаго лейтенанта, имѣющаго вліяніе, котораго боятся и который—единственный судья въ своемъ трибуналѣ“.

Очень мѣтко характеризуетъ положеніе анонимный свидѣтель избирательнаго собранія въ Шалонѣ ²⁾. На собраніи были всѣ судейскіе города, въ качествѣ предсѣдателя и депутатовъ, а затѣмъ деревенщина; „часть этихъ избирателей были богатые землевладѣльцы или фермеры, нуждающіеся въ судьяхъ для понужденія своихъ должниковъ, а другіе—бѣдные или малосостоятельные, которымъ необходимо угодить этимъ судьямъ, чтобы обезпечить себѣ ихъ поддержку“.

Мѣстный изслѣдователь Лотарингіи думаетъ ³⁾, что избиратели „почти боялись“, видя предсѣдателями собраній тѣхъ самыхъ людей, которые судили ихъ тяжбы и приговаривали ихъ къ штрафамъ. Это сказано слишкомъ слабо. Несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ боязнь избирателей не могла остаться безъ вліянія на редакцію наказовъ и на самые выборы.

Въ партійной борьбѣ, сопровождавшей окончательное избраніе депутатовъ на генеральные штаты, вѣшательство лейтенантовъ сказывалось особенно рѣзко. Тутъ они были прямо заинтересованы, ставя

¹⁾ В III, 116, 598—609, письмо Неккеру адвоката (procureur syndic du département de Mortagne) Fourmy 15-го марта.

²⁾ В III, 44, 358—364. Châlons-sur-Saône.

³⁾ *Muthieu, L'ancien régime en Lorraine et Barrois* (Paris, 1878) 417.

свою кандидатуру, и многіе добились успѣха. Кромѣ того, личность избираемыхъ сама по себѣ, помимо даже частныхъ соображеній, живо занимала лейтенантовъ, какъ уже было показано выше: вся ихъ переписка изобилуетъ характеристиками депутатовъ и жалобами на интриги, если исходъ выборовъ не по душѣ предсѣдателю.

Вообще во всѣхъ дѣйствіяхъ избирателей видно участіе ока и руки мѣстной власти. Иногда это переходило въ прямыя и вопіющія злоупотребленія. Не обходилось, конечно, безъ борьбы и сопротивленія. Относительно нѣкоторыхъ особенно разительныхъ эпизодовъ ея сохранились въ высшей степени живыя показанія потерпѣвшихъ лицъ и остроумныя оправданія, какъ обидчиковъ, такъ и обиженныхъ.

Въ Анже (Angers) распорядительный Мильсанъ (Milscent) распредѣлилъ всѣхъ депутатовъ по номерамъ и выдалъ каждому по карточкѣ съ номеромъ, такъ что всякій могъ входить и выходить изъ зала собранія, а посторонніе не допускались. Избирателямъ пришлось выслушать его рѣчь, длившуюся, по собственному заявленію оратора, около 2-хъ часовъ, но затѣмъ тотъ же лейтенантъ, ссылаясь на краткость времени, разбилъ собраніе на группы и довелъ выборы до конца съ чисто военной выправкой. Онъ самъ извѣщалъ министра объ удивленіи, какое вызвала его распорядительность. „Могу вамъ увѣрить, монсеньеръ, что трудно было бы видѣть сборище 800 человекъ изъ различныхъ слоевъ общества, которые другъ съ другомъ незнакомы, сохраняющимъ столько порядка и дисциплины; царилъ гробовое молчаніе (*le plus grand silence*) и никто не сходилъ съ мѣста. Меня предупредили, что предвидится много частныхъ заявленій и что спрашивать будутъ не моего заключенія, а рѣшенія собранія, которое одно, будто бы, имѣетъ силу закона. Я же заявилъ, что во всякомъ благоустроенномъ собраніи никто не имѣетъ права слова безъ разрѣшенія предсѣдателя, что всѣ будутъ выслушаны, причемъ я укажу подходящее время. Когда моя рѣчь была кончена и способъ веденія собранія установленъ (*la marche tracée*), я предложилъ несогласнымъ подойти поближе ко мнѣ, чтобы я могъ лучше ихъ разслушать; многіе были удержаны страхомъ говорить при такихъ условіяхъ публично. Однако, одинъ изъ депутатовъ г. Шалонна (Chalonne) подошелъ и прочелъ предложеніе противъ допущенія сенъеріальныхъ агентовъ, требуя ихъ исключенія: двое сенъеріальныхъ судей протестовали, а депутаты Шалонна, поддержанные многими другими, вставали на своемъ. Тутъ лейтенантъ, пользуясь своими предсѣдательскими и судебными правами, постановилъ заключеніе, что сенъеріальные

судьи не устранены закономъ отъ участія въ выборахъ, хотя „всѣ воскликнули, по его же заявленію, что они ихъ не желаютъ“; въ концѣ концовъ многіе изъ этихъ судей попали даже въ комиссары по наказу, въ частности тѣ двое, которые возстали противъ предложенія шалонскаго демократа. Такимъ образомъ лейтенантъ могъ гордиться своимъ успѣхомъ и сообщить министру, что дворянство и духовенство „чрезвычайно тронуты его поведеніемъ: это будетъ хорошимъ примѣромъ для провинція, совсѣмъ не кстати обвиненной въ смутахъ; все дѣло въ томъ, чтобы умѣть забрать въ руки (prendre) нашихъ согражданъ“; если не считать 3-хъ или 4-хъ смутьяновъ, „ни одна провинція не была бы такъ спокойна, какъ наша“. Способный предсѣдатель объясняетъ министру, что надо умѣть для этого говорить съ толпой. Онъ же признаетъ, что не далъ удовлетворенія избирателямъ прихода Cressac, хотя тамъ доказана наличность избирательныхъ злоупотребленій со стороны сенъеріальныхъ судей; онъ мотивируетъ это тѣмъ, что протоколъ новаго, разрѣшеннаго имъ въ этомъ мѣстечкѣ, приходскаго собранія представленъ былъ позднѣе раздѣленія избирателей по группамъ для „réduction“ (?), почему „я призналъ вопросъ исчерпаннымъ“ и утвердилъ представителей перваго, незаконнаго собранія. Тѣмъ не менѣе, хранитель печати по обыкновенію одобряетъ (18-го марта) усердіе рѣшительнаго Мильсана ¹⁾, а избиратели подавляющимъ большинствомъ голосовъ выбираютъ его своимъ представителемъ наряду съ радикаломъ Вольнеемъ.

Въ Булонѣ лейтенантъ ²⁾ обвиняется въ томъ, что не даетъ говорить представителямъ деревень, угрожая имъ тюрьмой, зато позволяетъ все булонскимъ адвокатамъ, особенно проводимому имъ въ депутаты другу своему Gros—человѣку, вышедшему изъ ничтожества, разжившемуся на заставныхъ пошлинахъ (ostroi), и купленному привилегированными, а также администраціей.

Въ Кале ³⁾, напротивъ, лейтенантъ стѣсняетъ горожанъ, устраняя разныя вліятельныя корпораціи, вноситъ въ протоколъ свои распоряженія подъ видомъ рѣшенія собранія, но послѣднее протестуетъ и министръ отмѣняетъ его мѣропріятія.

¹⁾ В III 7, 117—126. В. 13 l. 9. 3°. *Proust*. Archives de l'Ouest IV, 14—16. *Bougler*, Mouvement provincial en 1789. (Angers 1865), 136. 144.

²⁾ В III 35, 773—775. Анонимный доносъ Неккеру.

³⁾ *Loriquet*, Cahiers de 1789 dans le Pas-de-Calais (Arras 1891) I, введение стр. 30.

Въ Beaumont sur Oise предсѣдатель (барон Le Maitre) открылъ засѣданіе въ красномъ парадномъ платьѣ и когда всѣ депутаты собрались, велѣлъ запереть входъ на замокъ; недалеко отъ себя онъ посадилъ жандармскаго офицера (officier de maréchaussée), а зданіе суда (auditoire) было извнѣ охраняемо жандармами. Затѣмъ депутатамъ предписано избрать комиссаровъ, а тѣмъ, кто просилъ обсудить сначала самый вопросъ объ избраніи комиссаровъ (по регламенту оно необязательно), приказано замолчать. Число комиссаровъ установлено имъ же—12. При редакціи наказа. онъ, несмотря на многочисленныя возраженія, присвоилъ себѣ главную роль, и текстъ принадлежитъ ему почти дѣлкомъ, при содѣйствіи двухъ главныхъ его сторонниковъ, изъ представителей города Бомона. Таково содержаніе анонимаго доноса, присланнаго Неккеру и хранителю печати. Послѣдній переслалъ подлинную бумагу самому обвиняемому! Тотъ патетически отвѣчаетъ, что онъ не деспотъ, никого не запугивалъ, предоставлялъ всѣмъ „свободу, полную свободу“—„даже сидѣть съ покрытой головой“, бригадиръ вошелъ въ чистаго любопытства, тонъ обращенія съ собраніемъ мягкій и патриотичный. Баронъ прибавляетъ, что сличеніемъ почерковъ убѣдился въ принадлежности доноса перу прокурора Fillion, его врага и главнаго оппонента въ собраніи. Однако, обвиненія подтверждаются письмомъ, уже не анонимнымъ, другаго вліятельнаго лица, осторожно, но твердо повторяющимъ тоже самое и просящимъ министра не вѣрить оправданіямъ и даже протоколамъ, подписаннымъ или не подписаннымъ: „подписи часто добываются благодаря угодничеству, страху или недоразумѣнію“¹⁾. Къ тому же, въ Сенлисѣ, отъ котораго зависѣлъ этотъ второстепенный округъ, полномочія лейтенанта бомонскаго признаны недѣйствительными, такъ какъ онъ самъ, безъ всякаго избранія, включилъ себя произвольно въ число представителей округа.

Предсѣдатель въ Перпиньянской сенешоссеи (Terrats), окруживъ себя военной силой, распорядился редакціей наказа по своему усмотрѣнію. Онъ явился на засѣданіе комиссаровъ съ готовымъ проектомъ, который и послужилъ основой для ихъ работы; затѣмъ общее собраніе слѣпо одобрило все это, несмотря на протесты депутатовъ глав-

¹⁾ В Ш 142, 299—355. Ва. 79, I. 187 особая связка въ дѣлахъ Сенлиса, отъ котораго зависѣлъ второстепенный округъ Бомонъ. Mémoire anonume, письма: баронъ министру отъ 14-го марта и M. de Mazières отъ 15-го марта. См. также протоколъ собранія въ Сенлисѣ.

наго города и на ихъ обращеніе къ посредничеству дворянства и духовенства. Судя по показанію оратора оппозиціи (Tastu, procureur à Pérignan), дѣло произошло въ засѣданіи комиссаровъ слѣдующимъ образомъ. Лейтенантъ произнесъ рѣчь, а затѣмъ сталъ читать свой проектъ; на замѣчаніе, что слѣдуетъ сперва прочесть приходскіе наказы, большинство комиссаровъ отвѣчали, что надо дать говорить председателю, и то же повторялось при каждой новой попыткѣ перевести работу на почву изученія первичныхъ наказовъ: „le sieur Monuget не переставалъ повторять, что надо слушать М. Terrats и не зашутываться въ наказахъ“. Въ разгаръ перебранки между комиссарами обнаружилось, что въ городѣ идутъ неблагопріятныя толки относительно вѣшательства лейтенанта: „тогда г. Терра, сидѣвшій все время, подпирая голову, съ платкомъ въ рукѣ, выпрямился, произнесъ рѣчь и какъ своими словами, такъ и пролитыми слезами“ окончательно растрогалъ большинство комиссаровъ. Чувствительность его (о слезахъ лейтенанта сохранились категорическія свидѣтельства многихъ лицъ) не помѣшала твердо отказать принять протестъ представителей г. Pérignan.

Въ той же Руссильонской провинціи во второстепенномъ округѣ Comblent, председательствующій судья (Tixedor, juge de viguerie) дѣйствовалъ совмѣстно со слюченнымъ кружкомъ представителей главнаго города (Prades): городскимъ балья (Vilar), аптекаремъ (Rosa) и адвокатомъ (Jasopnet). Передъ выборами распространялись по селамъ присланные аптекаремъ образцы наказовъ; это было тѣмъ легче, что населеніе пограничной съ Испаніей мѣстности говорило на особомъ нарѣчій, такъ что многіе даже изъ депутатовъ на окружномъ собраніи, даже нѣкоторые комиссары ни слова не понимали по-французски. Рока и К°, предлагали деревенскимъ избирателямъ свои услуги для представительства, зато полномочія нѣкоего Бернара, — единственнаго чловѣка въ дер. Таугіуа, говорившаго по-французски, — были признаны недействительными подъ совершенно неосновательнымъ предлогомъ, что онъ не имѣлъ собственности въ этой деревнѣ: (дѣло въ томъ, что Бернаръ отвергъ и раскритиковалъ присланный Роккомъ образецъ наказа). Далѣе, по мѣрѣ прибытія въ Прадъ представителей деревенскихъ приходовъ, главный судья вызывалъ ихъ къ себѣ по одиночкѣ, подъ видомъ предварительной провѣрки ихъ полномочій, а затѣмъ направлялъ къ аптекарю, который-де объяснитъ имъ въ подробности, что отъ нихъ требовалось. Вотъ показаніе одного изъ крестьянъ ¹⁾: явившись

) P. Roger, депутатъ дер. Eagonne.

въ Прадъ 15-го апрѣля, наканунѣ собранія, онъ былъ немедленно вызванъ *черезъ полицейскаго* къ Року, гдѣ засталъ балля и священника; обозрѣвъ наказъ его довѣрителей, они стали убѣждать его присоединиться къ требованіямъ главнаго города и выбрать въ комиссары депутатовъ послѣдняго; въ тотъ же день у свидѣтеля завязалась любопытная бесѣда съ главнымъ судьей, которому онъ принесть показать свои полномочія: Тихедог совѣтовалъ избрать въ депутаты только честныхъ людей, а его, судью, можно также избрать, если считаютъ его честнымъ человѣкомъ... Неудивительно, что вся городская клика попала въ комиссары, а судья и аптекаръ, кромѣ того, въ депутаты: городская толпа, поддерживавшая предсѣдателя, криками и угрозами вынуждала недовольныхъ подписывать и одобрять все происходившее; одинъ изъ нихъ въ ужасѣ улизнулъ изъ церкви, гдѣ происходило засѣданіе, „попросивъ одного жандарма пропустить его“. Избраніе комиссаровъ происходило среди шума и сутолоки: предсѣдатель самъ выкликалъ нѣсколько именъ, толпа одобряла, затѣмъ къ ставленникамъ судьи (первымъ онъ назвалъ адвоката Jaconnet) присоединили нѣсколько человѣкъ, чьи имена произносились въ толпѣ. Работа комиссаровъ свелась къ нулю: кое-кто получилъ „для формы“ нѣсколько первичныхъ наказовъ для обозрѣнія, остальные оставались для декораціи; самая же редакція произведена ночью, на квартирѣ у аптекаря, упомянутыми выше заправилами. На слѣдующій день, 18-го апрѣля, остальнымъ комиссарамъ оставалось только подписать; нѣкоторые изъ нихъ протестовали, что составленный сводный наказъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣми первичными, на которыхъ онъ долженъ быть основанъ. Но съ одной стороны настоянія судьи и усноковительныя заявленія аптекаря, съ другой стороны угрожающее настроеніе толпы ¹⁾ сломили ихъ упорство.

Оба приведенные случая, имѣвшіе мѣсто въ одной и той-же провинціи, не могли пройти незамѣтными. Земско-сословное представительство Руссильона (*conseil souverain de Roussillon*) нарядило формальное слѣдствіе по выборамъ въ Перпиньянѣ и Прадѣ и подъ судомъ оказались оба предсѣдателя и аптекаръ изъ Прада—уже депутаты національнаго собранія. Показанія свидѣтелей вполне разъяснили вопію-

¹⁾ Недаромъ горожане грозили расправой (*assommer*) двумъ депутатамъ городка Villefranche (Besiau, Vazet), изъ которыхъ одинъ предлагалъ, чтобы собраніе само установило способъ сводки наказовъ, а другой долго отказывался, въ качествѣ комиссара, подписаться подъ этой работой.

щую картину выборовъ. Но разборъ дѣйствительности полномочій не входилъ въ компетенцію Руссильонскаго совѣта, и вотъ 6-го сентября 1789 года послѣдовало постановленіе королевскаго совѣта о прекращеніи дѣла противъ этихъ 3-хъ лицъ, „чье поведеніе кажется достойнымъ похвалы и которыя получили голоса и довѣріе своихъ согражданъ¹⁾“.

Въ противоположномъ углу Франціи, въ мѣстности также съ иномъ родческимъ населеніемъ, въ Лотарингіи, въ округѣ Lixheim произошло нѣчто подобное. Лейтенантъ Ricatte диктаторскими приемами сокрушилъ всякую тѣнь сопротивленія и хвастался министру, что справилъ все въ 2-хъ засѣданіяхъ, чтобы дать возможность деревенскимъ депутатамъ вернуться къ домашнему очагу и полевымъ работамъ, а главное, чтобы разстроить интриги (*déconcerter la cavale*) своихъ враговъ, въ особенности кабатчика, его родственника и дровянаго торговца. Послѣдніе въ свою очередь жаловались на цѣлый рядъ злоупотребленій. Лейтенантъ оказалъ давленіе на деревенскихъ депутатовъ изъ меровъ, вызвавъ ихъ по одиночкѣ для соотвѣтствующихъ внушеній. Онъ запретилъ принимать членовъ окружнаго собранія въ 3-хъ кабакахъ²⁾, которые могли служить въ качествѣ клубовъ, очагами сопротивленія; у входа поставлены жандармы, а носѣщеніе избирателями воспрещено подѣ страхомъ тюремнаго заключенія. Самъ лейтенантъ извѣщаетъ министра объ этомъ, объясняя, что эти кабатчики—друзья и родственники смутьяновъ, а самыя заведенія—мѣсто скопленія бунтовщиковъ. Совѣтъ другаго мнѣнія объ этомъ интендантъ³⁾ Лотарингіи, объясняющій все опасеніемъ лейтенанта передъ кандидатурой его соперника—нотаріуса Мартына Миллера. Послѣднему пришлось убѣдиться, что надзоръ жандармовъ распространяется и за предѣлы заповѣданныхъ кабаковъ: онъ пробовалъ было говорить съ народомъ⁴⁾

¹⁾ Текстъ постановленія государственнаго совѣта приведенъ Бреттомъ (I, 178, 179). Документы предварительнаго слѣдствія см. В III, 120, 107—224. (Information относительно Периньяна), 229—344 и дажѣ (Information относительно Прада), 407—411, (письмо хранителя печати отъ 19-го мая президенту Руссильонскаго совѣта), 450—465 (*Arrêté du Conseil souverain de Roussillon du 9 Mai 1789*), 617—676, возраженія обвиняемыхъ.

²⁾ Вальтеръ, Антонъ Миллеръ, Шмидъ.

³⁾ Высшая административная власть въ генеральствахъ и провинціяхъ; нѣчто въ родѣ нашихъ губернаторовъ.

⁴⁾ Онъ говорилъ рѣчь не только на французскомъ, но и на нѣмецкомъ языкѣ, единственно понятнымъ въ то время простонародью Лотарингіи.

въ заведеніи Теремин Ури, но былъ выведенъ оттуда жандармскимъ бригадиромъ, заявившимъ, что тамъ не мѣсто для подобныхъ разговоровъ. Въ залѣ, гдѣ происходили выборы, царилъ тотъ же своеобразный порядокъ. Комиссары назначены безъ голосованія: предсѣдатель назвалъ 7 человекъ, въ томъ числѣ королевскаго прокурора, и присоединился къ нимъ въ качествѣ 8-го. Самая работа сводки наказовъ произведена, по донесенію интенданта, также упрощеннымъ способомъ: прѣзжіи адвокатъ ¹⁾ прочелъ проектъ, который и былъ утвержденъ, по разказу противной партіи, слѣдующимъ образомъ. Какъ только открылось засѣданіе, двери были немедленно затворены совѣмъ. „Одинъ изъ насъ, одержимый самой неотложной нуждой, умоляетъ, чтобы ему дали возможность ее удовлетворить“; собраніе свободныхъ людей превратилось въ толпу преступниковъ, содержимыхъ подъ стражей; при малѣйшемъ шорохѣ (*bourdonnement*) королевскій прокуроръ произноситъ страшныя слова: „молчите, или тюрьма!“.

„Нѣкоторые изъ насъ переговариваются съ нотариусомъ Миллеромъ, немедленно раздается запрещеніе съ нимъ говорить и формула—молчать или тюрьма!“.

Миллеръ требуетъ внесенія въ протоколъ, что предсѣдатель самъ по своему усмотрѣнію назначилъ комиссаровъ; грозятъ вывести его черезъ жандармовъ; Миллеръ настаиваетъ, ссылаясь на королевскую волю, но опять встрѣчаетъ отказъ. Проектъ каяе читается, правда, на 2-хъ языкахъ, французскомъ и нѣмецкомъ, чтобы всѣмъ было понятно, но когда депутаты пробуютъ вносить поправки, на основаніи первичныхъ наказовъ своихъ довѣрителей, раздается „глупое высмѣиваніе“ (*soit persiflage*) и никакого удовлетворенія. Когда они протестуютъ, слово „тюрьма“ служитъ вмѣсто отвѣта. Наконецъ, наказъ подносится къ подписанію. Тутъ одинъ изъ депутатовъ города, 73-лѣтній старикъ Люд. Гаанъ, не умѣющій говорить по-французски, отказывается приложить руку, а лейтенантъ кричитъ жандармамъ: „бросьте его въ тюрьму“. Тотъ отвѣчаетъ, что и безъ того ихъ содержать подъ стражей, это только замѣна одной тюрьмы другою. Послѣ его ухода очередь за Миллеромъ—„та же сцена, тотъ же результатъ“.

По удаленіи строптивыхъ, собранію объявлено, что тѣ, кто уйдетъ изъ зала не подписавшись, будутъ арестованы. „Какъ было не подписать, если свобода покупалась этой цѣною“. Затѣмъ произведены выборы,

¹⁾ Lascombe изъ города Сарребурга, явился въ качествѣ депутата одного изъ приходовъ, гдѣ состоялъ фискальнымъ прокуроромъ, то-есть агентомъ сеньера по сбору феодальныхъ повинностей.

при чемъ секретарь уступаетъ мѣсто лейтенанту; Рикаттъ одинъ считаетъ голоса, прѣзжій адвокатъ стоитъ тутъ же, но облокотился „вѣроятно по разсѣянности“, такъ что ничего не могъ видѣть. И вотъ лейтенантъ провозглашаетъ себя избраннымъ. „Какъ было г. Рикатту не оказаться избраннымъ!“—восклицаютъ недовольные и заявленія ихъ въ общемъ подтверждены интендантомъ. Съ своей стороны лейтенантъ высказалъ въ свое оправданіе взгляды, выдающіе его головою: всѣ комиссары (имъ же избранные), за исключеніемъ прѣзжаго адвоката и королевскаго прокурора, были безграмотны и неспособны составить сводный наказъ; адвокатъ и прокуроръ дали себѣ трудъ выбрать изъ первичныхъ наказовъ „все, что изъ нихъ можно предложить“ (ce qu'il y avait de proposable). Лейтенантъ пояснял, что нельзя же помѣщать въ наказъ бессмыслицу (inerties), брань (invectives), личные нападки (personnalités) и мѣстные требованія, которыми генеральные штаты, конечно, заниматься не будутъ. Благодаря его, лейтенанта, усиліямъ, во всей Франціи нѣтъ можетъ быть наказа, болѣе соответствующаго видамъ правительства; его влияніемъ достигнуто выполненіе предначертаній его величества, а не „загроможденіе наказовъ и протоколовъ ненужными мелочными подробностями“; да и то пришлось, къ сожалѣнію, „закрыть глаза на многія нескромныя требованія деревенщины, считавшей себя въ правѣ говорить, требовать и исполнять все, внушаемое имъ врагами добраго порядка“. То же повторяетъ и прокуроръ въ обвинительномъ актѣ, составленномъ по случаю начатаго было судебнаго преслѣдованія противниковъ лейтенанта: оказывается, что „нѣкоторыя сельскія общества не побоялись представить наказы, полные личныхъ нареканій“, поэтому комиссары „устранили много нелѣпостей, не имѣющихъ смысла, да и то сохранили ихъ слишкомъ много, въ угоду этой черни“.

Въ чемъ же заключалась нелѣпость первичныхъ наказовъ, противъ кого направлены были эти личности и эта брань? Изъ того же обвинительнаго акта видно, что въ деревняхъ велась дѣятельная пропаганда въ пользу кореннаго преобразованія суда ¹⁾ въ смыслѣ самоуправленія, носились надежды на отмену налоговъ и сенъеріальныхъ правъ, рѣшено было избирать депутатовъ „только изъ своей среды“, а не принимать кандидатовъ судей и сенъеровъ; „личности“ же были направлены отчасти противъ судейскихъ ²⁾, отчасти противъ

¹⁾ Supprimer toute justice et de leur en confier à eux mêmes l'administration.

²⁾ Officiers du bailliage.

сеньеровъ ¹⁾). Душою всего движенія былъ Мартынъ Миллеръ—редакторъ нѣсколькихъ деревенскихъ наказовъ, преступнымъ внушеніямъ котораго бессмысленно поддались, по словамъ лейтенанта, повально безграмотные и не понимающіе ни слова по-французски мужики. Комментаріи излишни. Неудивительно, что по окончаніи избирательныхъ операций, въ которыхъ лейтенантъ такъ рѣшительно сломилъ всякое сопротивленіе, волненіе не улеглось. Въ городѣ недовольные собирались въ кабаки у Шмита и подписывали протесты. Рѣшено было созвать всѣхъ деревенскихъ депутатовъ на тайное совѣщаніе въ мѣстечкѣ Hilberheim, чтобы выяснить, какія деревенскія требованія были устранены при сводкѣ наказовъ, и взаимнымъ опросомъ о поданныхъ голосахъ доказать, что лейтенантъ не получилъ большинства избирательныхъ голосовъ. Тамъ, въ кабакѣ Фр. Штейна, подъ предсѣдательствомъ все того же Миллера, собрались представители почти всѣхъ 23 приходовъ (кроме города) округа, но подоспѣвшая жандармерія разогнала скопище и составила протоколъ. Лейтенантъ объяснял по этому поводу министру, что извѣстно, какъ легко мужики, возбужденные другъ другомъ и подъ вліяніемъ ложнаго стыда, поддаются на разрушеніе собственнаго дѣла, называетъ это собраніе запрещеннымъ сборищемъ ²⁾, такъ какъ собралось болѣе 3-хъ человекъ (sic), опаснымъ въ годину народнаго броженія, „особенно въ средѣ нѣмецкихъ головъ“, среди крестьянъ, которые рѣдко расстаются безъ драки на ножахъ или убійствъ, особенно по кабакамъ, когда головы разгорячены виномъ. Тутъ лейтенантъ нѣсколько преувеличиваетъ: кабаки были опасны только въ томъ отношеніи, что замѣняли клубы. Впрочемъ, онъ и не обвиняетъ своихъ враговъ въ спаваніи избирателей. Сохранилось даже показаніе, относящееся ко времени выборовъ, что въ кабакѣ Ури зашелъ столяръ Ант. Ганъ, 21 года, бранилъ лейтенанта и сказалъ обѣдавшимъ тамъ депутатамъ не пить передъ выборами, чтобы произвести избраніе, какъ слѣдуетъ, изъ крестьянъ или горожанъ. Очевидно, упоминаніе о кабакахъ было полемическимъ приемомъ зарвавшагося человека, чувствующаго, что теряетъ почву подъ ногами. И дѣйствительно, хотя въ балъжѣ начатъ былъ процессъ противъ дѣйствій оппозиціи съ допросомъ свидѣтелей и громовой рѣчью

¹⁾ Графъ де-Кустинъ (Custine) и его судья возбудили было дѣло противъ жителей Дольвинга (Dolving) за оскорбленіе ихъ въ наказѣ, а графъ de Saintignon—противъ депутатовъ Ниттинга (Nitting).

²⁾ Assemblée illicite.

королевскаго прокурора, тѣмъ не менѣ правда всплыла наружу. Докладъ интенданта,—составленный на основаніи разслѣдованія мѣстнаго *subdélégué* ¹⁾, по всѣмъ пунктамъ осуждаетъ поведеніе лейтенанта. Послѣдній, впрочемъ, не складывалъ оружія: оказывается напримѣръ, что у старика Гаана, протестовавшаго противъ наказа, вынудили уклончивое показаніе, засадивъ его дочь въ тюрьму; старикъ подписалъ, что ему подсунули, хотя не звалъ французскаго языка.

А что же правительство? Хранитель печати выразилъ Рикатту свое неодобреніе, но тотъ рѣзко и дерзко возражалъ, приписывая показанія интенданта старой враждѣ и мести за проскочившую въ наказъ жалобу противъ администраціи. На этомъ и закончилась, судя по имѣющимся даннымъ, эпопея выборовъ въ Ликсгеймъ ²⁾.

Добиваясь избранія въ депутаты, предсѣдатели цукали въ ходъ всевозможныя средства, начиная отъ избирательной пропаганды ³⁾ и кончая прямыми злоупотребленіями, какъ было указано выше. Неудивительно, если такъ много лейтенантовъ явились представителями приходскихъ и окружныхъ собраній. Около семидесяти предсѣдателей (лейтенантовъ или ихъ замѣстителей) были членами національнаго собранія ⁴⁾. Если присоединить къ этому лейтенантовъ, избранныхъ въ второстепенныхъ округахъ, но не попавшихъ въ представители главныхъ округовъ на генеральные штаты, то цифра эта вышла бы еще болѣе внушительною. Лейтенанты второстепенныхъ округовъ сплошь и рядомъ оказывались въ этомъ положеніи ⁵⁾. Случалось, что ихъ избя-

¹⁾ Изъ Fenestranges.

²⁾ В III 134 (560—562, 566 — 569, 606, 608, 614 — 618, 624, 625, 639, 644, 645, 651, 652, 671, 673—675, 682, 688, 689, 698—701, 708, 709, 721, 726—732, 752, 772—776, 805—806, 808, 916—918, 924—928, 999—941). Въ 77 і. 182. Письма лейтенанта 24-го марта, 30-го іюня, 1-го іюля; письмо интенданта отъ 14-го мая, жалобы городскаго управленія (мера и ешевенонъ), жалобы депутатовъ; *affaire criminelle*, начатая въ балъажѣ противъ членовъ оппозиціи (особая связка № 4) и т. д.

³⁾ Въ Montreuil-sur-Mer лейтенанту вербовалъ голоса его фермеръ, попавшій въ комиссары. (В III, 92, 257—259, 262). Въ Бузонвиллѣ лейтенантъ, тотъ самый, который желалъ попасть въ генеральные штаты депутатомъ „по назначенію“, держалъ у себя на колѣняхъ столікъ, на который подавались избирательныя записки, и самъ велъ ихъ счетъ. (В III, 134, 5, 6).

⁴⁾ *Archives Parlementaires* I, liste alphabétique des députés. Этотъ списокъ неточенъ, поэтому цифра указаана нами только приблизительно.

⁵⁾ Nonancourt, Bréteuil, Orbéc-Bernay (secondaires d'Evreux), Baraume, S-t Omer (sec. d'Arras), Valenciennes, Bellac (Dorat), Maubeuge (Avesnes), Concy Laon), Pontarlier (Aval) и т. д.

рали при этомъ „*rag acclamation*“, то-есть безъ голосованія, единогласно и они провозглашались первыми депутатами даннаго бальяжа¹⁾. Такие выборы признавались иногда недѣйствительными въ главномъ округѣ, если лейтенантъ не былъ избранъ до того въ какомъ-либо первичномъ собраніи, участвовалъ же въ собраніяхъ только въ качествѣ предсѣдателя, а не депутата: вѣдь избраніе представителей второстепеннаго округа производилось посредствомъ „*reduction au quart*“ депутатовъ этого округа, къ которымъ предсѣдатель, только какъ таковой, не могъ быть относимъ. Такъ, въ Сенлисѣ, съ одобренія Неккера, отвергнуть лейтенантъ Beaumont-sur-Oise²⁾, а въ Даксѣ сен-северскій³⁾ предсѣдатель.

Добиваясь избранія, предсѣдатели нерѣдко заискиваютъ съ этой цѣлью передъ избирателями и эта зависимость отъ доброй воли послѣднихъ представляла подчасъ очень дѣйствительную преграду противъ произвола лейтенантовъ.

Лейтенантъ ланскій⁴⁾, опечаленный своимъ неизбраніемъ, наивно объясняетъ министру юстиціи, что во время выборовъ черезъ день приглашалъ къ обѣду на 40—50 приборовъ дворянъ, духовныхъ и буржуа (3-е сословіе составляло всегда половину приглашенныхъ), чтобы добиться гармоніи между сословіями, а между тѣмъ городская ланская интрига не дала ему своихъ голосовъ и „бросилась“ на кандидатуру мера (*Le Carlier*). Это, правда, человекъ достойный и образованный, краснорѣчивый, но все-таки его избраніе—дѣло интриги. „Безчисленное множество депутатовъ высказали мнѣ сожалѣніе за мой отказъ, отъ избранія, какъ это нѣсколько разъ было сообщаемо депутатамъ, (утверждали), что безъ этого я былъ бы назначенъ первымъ депутатомъ отъ большинства собранія. Я имъ отвѣчалъ, что это (мое нежеланіе)—ложь, распространенная для моего устраненія. Другіе увѣряли, что въ качествѣ предсѣдателя я не подлежу избранію; многіе сообщали мнѣ также и это ложное толкованіе“. Впрочемъ, обяженный кандидатъ не выдержалъ до конца своего относительного безпристрастія къ счастливому сопернику: отказался выдать послѣднему подлинникъ своднаго наказа, но когда въ его отсут-

¹⁾ Premier député, premier du quart и т. д.

²⁾ В III, 142, 327—364.

³⁾ В III, 57, 332, 452. В III, 58, 29, 36, 669, 675. В* 36 л. 73. 6°.

⁴⁾ В III, 154, 455—476 и *passim* Laon В* 46 л. 103. 8°. *Brette* I, 149. См. также Introduction 57—58.

ствіе это было сдѣлано, лейтенантъ издалъ ордоннансъ съ требованіемъ выдачи наказа обратно, подъ угрозой понудительныхъ мѣръ и даже лишенія свободы. Въ это нелѣпное столкновение пришлось вмѣшаться государственному совѣту (1), отмѣнившему ордоннансъ лейтенанта.

Въ Pont-à-Mousson ¹⁾ по окончаніи выборовъ председателю былъ поданъ благодарственный адресъ за добрую комнату, добрый каминъ, добрую постель, добрый столъ, доброе вино и десертъ; смущенный лейтенантъ объясняетъ хранителю печати, во избѣжаніе кривотолковъ, что это курьезное высокопарное посланіе было принято имъ въ полночь, въ день окончанія выборовъ отъ старика, 93-хъ лѣтъ, депутата деревни Соглу; если въ адресѣ говорится, что депутаты получили у себя заранѣе циркулярное приглашеніе на даровые хлѣба, то не онъ послалъ этотъ циркуляръ, а королевскій адвокатъ и нѣкоторыя другія лица. Любопытно, однако, какъ могло возникнуть недоразумѣніе на счетъ участія лейтенанта въ этомъ широкомъ гостепримствѣ, тѣмъ болѣе, что онъ ни передъ чѣмъ не останавливался, въ надеждѣ быть избраннымъ, даже передъ утайкой отъ избирателей рѣшенія министра, ему невыгоднаго.

Лейтенанты ²⁾ меленскій (Melun) и мейдскій (Mende en Gévaudan) обвиняются въ бездѣйствіи власти, но тутъ же указываются ихъ происка, чтобы попасть въ депутаты. Очевидно, то и другое находилось въ нѣкоторой связи.

Въ Мобежѣ ³⁾ председательствующій прево, рѣзко порицающій текстъ наказа съ его „articles extraordinaires et quelquefois presque ridicules“, не посмѣлъ противиться ихъ утвержденію, такъ какъ большинство деревенскихъ депутатовъ были изъ „людей, говорившихъ съ наибольшей дерзостью и упрямыемъ“, а ограничился „аргументами и замѣчаніями“. Вслѣдствіе такой „снисходительности“ все обошлось благополучно, по его объясненію, и онъ самъ вознагражденъ избраніемъ въ первые депутаты этого второстепеннаго округа.

¹⁾ В III, 23, 307—317, 329 députation réduite à Bar-le-Duc. (M-rs Rouyer avocat du roi et Viard). M-r Rouyer a hébergé 20 habitants. Биаръ былъ lieutenant de police и пошелъ въ депутаты.

²⁾ В III, 84, 694. В. III, 85, 696, 698.

³⁾ В III, 19, 812, 814. В° 17 l. 20. 16°. Maubeuge secondaire d'Avesnes. 1-го апрѣля письмо прево Hennet къ хранителю печати. „Condescendance“—таково выраженіе прево. См. также *Legrand*, Senac de Meilhan, 336.

Пересматривая отчеты лейтенантовъ о состоявшихся выборахъ, можно замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ даются лестныя ¹⁾ для избирателей аттестаціи тамъ, гдѣ предсѣдатель получилъ большинство голосовъ, тамъ же, гдѣ его кандидатура провалилась, раздаются жалобы на стачку, интриги и т. д. (*cabales, intrigues, brigues*). Это показываетъ, какъ хотѣлось иногда лейтенантамъ попасть въ депутаты. Злобой дня въ нѣкоторыхъ окружныхъ собраніяхъ былъ вопросъ о правѣ предсѣдателя быть избраннымъ, при чемъ онъ высказывался утвердительно, а оппозиція—отрицательно ²⁾.

Въ Vernon (Rouen) ³⁾ балы утверждали, что можетъ быть избранъ, хотя на это правъ не имѣлъ, какъ выше было указано относительно S-t Sever.

Въ Boiscommin (Orléans) ⁴⁾ собраніе высказалось противъ подобной же претензіи лейтенанта, который отказался вслѣдствіе этого участвовать въ засѣданіяхъ; но избиратели не смутились, избрали другаго предсѣдателя, а правительство высказалось въ ихъ пользу: хранитель печати, въ отвѣтъ на жалобы лейтенанта противъ двухъ агитаторовъ, поднявшихъ этотъ вопросъ, призналъ агитаторовъ совершенно правыми; Неккеръ, въ письмѣ къ балы орлеанскому, назвалъ даже поведеніе собранія „мудрымъ“.

Не менѣе характерны указаные выше призывы къ назначенію въ депутаты высочайшею волею, а не по избранію. Это—вѣрный показатель настроенія и поведенія соответствующихъ лицъ. Конечно, нѣтъ правилъ безъ исключеній: жизнь сложнѣе самыхъ осторожныхъ общеній.

Не всегда предсѣдатели злоупотребляютъ своей властью. Въ Nogent-sur-Seine ⁵⁾ лейтенантъ рѣшилъ заодно съ собраніемъ, что солдаты въ залъ засѣданій допущены не будутъ; онъ же спрашивалъ у собранія, нельзя ли ему пользоваться двумя голосами, въ качествѣ депутата первичнаго собранія и предсѣдателя, но получилъ отрицательный отвѣтъ и, повидимому, успокоился.

Не вездѣ они стремятся къ депутатству, напротивъ, иногда прямо

¹⁾ См. Civray, S-t Sever, Bellac, Aire, Варанше и т. д.

²⁾ Pont-à-Mousson, Aire, Варанше, Ерегнау.

³⁾ Hippau, Elections de 1789. (70, 71).

⁴⁾ В III, 99, 332—338 (жалоба лейтенанта), 339, 360 (отвѣтъ министра юстиціи отъ 14-го и 16-го марта), 362—364 (письмо Неккера 17-го марта). В 59. I, 146.

⁵⁾ Secondaire de Troyes, В III, 151. Протоколъ.

отказываются отъ избранія ¹⁾ или заранѣе просятъ не ставить ихъ кандидатуры ²⁾). Лейтенантъ предсѣдательствовавшій окружнымъ собраніемъ ³⁾ Париза „extra muros“ (Angran), просилъ избирателей „не думать о немъ“ въ качествѣ депутата, такъ какъ онъ не участвовалъ въ выработкѣ наказа и не согласенъ съ его принципами, колеблющими начала монархіи; по его мнѣнію, не нужно выработывать новой конституціи, ибо во Франціи она существуетъ уже 800 лѣтъ, злоупотребленія же бывають вездѣ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы нужно было мѣнять форму правленія. Поэтому всякій разъ, какъ вынимался избирательный бюллетень съ его именемъ, Ангранъ повторялъ свое заявленіе, а въ концѣ операций собраніе сдѣлало ему дружественную демонстрацію, при чемъ привѣтственную рѣчь говорилъ извѣстный либераль Тарже.

Въ Гизѣ ⁴⁾ лейтенантъ, избранный единогласно, за исключеніемъ одного голоса, аплодировалъ этому голосу, какъ признаку свободы (somme au symbole de la liberté) и категорически отказался отъ избранія.

Иногда мотивомъ къ подобному отказу являлось желаніе имѣть возможность говорить свободно на собраніи, не завися отъ воли избирателей. Въ Нуитѣ ⁵⁾ предсѣдатель отказался быть представителемъ, какъ города, такъ и бальяжа; „это дало мнѣ возможность говорить свободнѣе и быть выслушану съ ббльшимъ довѣріемъ“. Въ Лионѣ генеральный лейтенантъ подалъ въ отставку (какъ депутатъ), такъ какъ между городомъ и представителями сенешоссеи произошли разногласія относительно своднаго наказа, между тѣмъ, по его мнѣнію, деревенскія требованія далеко не представляли собой „шедевра“. Затѣмъ, когда разногласіе устранилось, онъ настаивалъ на своемъ отказѣ, зная, что его депутатство не всѣмъ понравится; не принадлежа къ третьему сословію, „я предпочелъ остаться посредникомъ“ ⁶⁾.

¹⁾ Roye (В III, 118, 682, Ognans (sec. de Dôle В III, 61, 244), Quimperlé—сенешаль отказался отъ званія „premier électeur“: въ этой сенешоссеи не прозводилось прамыхъ выборовъ въ генеральные штаты (В. III, 38, 772).

²⁾ В III, 186, 450. Лейтенантъ хранителю печати 24-го марта (Aurillac sec. de St. Flour).

³⁾ Подробная передача протокола у Chassin, Elections de Paris IV, 361—370.

⁴⁾ В III, 154, 942. Fleury, Elections aux Etats Généraux de 1789. (Laon 1872). 246 Guise sec. de Laon Vermandois).

⁵⁾ В III, 60, 200, 201. Lieutenant civil хранителю печати 24-го марта.

⁶⁾ В III, 75, 930—932. В. III, 76, 525 — 529. Письма лейтенанта министру юстиціи отъ 28-го и 31-го марта

Нѣкоторые лейтенанты, очень довольные своимъ назначеніемъ, сомнѣваются однако въ своемъ правѣ быть депутатами и смущенно не то извиняются, не то просятъ своего утвержденія или указаній министра. Лейтенантъ округа Breteuil увѣрялъ, что избраніе его произошло „несмотря на сопротивленіе“ его самого, а сосѣдь ¹⁾ его изъ Nonancourt сообщалъ, что отказался отъ избранія двумя приходами и не знаетъ, какъ это случилось, что избранъ „par acclamation“ въ балляжѣ.

Въ Валансентѣ собраніе изъ 85-ти избирателей, по сведеніи егъ къ 21 (réduction au quart), прибавило еще 22-го представителя, въ лицѣ предсѣдателя, выбраннаго „par acclamation“; у послѣдняго были сомнѣнія на этотъ счетъ и онъ запрашивалъ резолюціи министра ²⁾.

Изъ всего сказаннаго видно, что въ отношеніяхъ мѣстной власти и избирателей царить большое разнообразіе. Тѣмъ не менѣе можно сказать, что мѣстная власть слишкомъ часто выходила изъ отведенныхъ ей регламентомъ рамокъ. Знаменитые указы 1789 года, это, по словамъ Токвиля, духовное завѣщаніе старой Франціи, а также выборы въ будущее національное собраніе, носятъ на себѣ слѣдъ прямого вмѣшательства судебной власти. Виѣсто простаго руководительства, она проявлялась такъ или иначе въ формахъ, несоотвѣтствующихъ идеалу невмѣшательства, которое предписываетъ регламентъ и о которомъ такъ искренне мечталъ Неккеръ.

Впрочемъ, это, само собою разумѣется, рѣдко обходилось безъ борьбы и сопротивленія. Окружныя собранія далеко не всегда были овецками въ рукахъ предсѣдателей. Во многихъ мѣстахъ избиратели протестовали противъ самого факта назначенія предсѣдателей отъ правительства. Кромѣ того, третье сословіе обижалось, что секретаремъ въ засѣданіяхъ былъ по закону секретарь окружнаго суда (greffier du bailliage), между тѣмъ какъ привилегированные сами избирали своего секретаря.

Въ Парижѣ ³⁾ произошло всеобщее возстаніе противъ этихъ стѣсненій уже на первичныхъ выборахъ по 60 городскимъ участкамъ (districts), гдѣ населеніе протестовало противъ предсѣдателей по на-

¹⁾ Оба округа зависѣли отъ Евгеух. В. III, 65, 306, 435 — 437. *Картезъ* „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи“. (Приложеніе № 15).

²⁾ *Legrand, Senac de Meilhan, 351.*

³⁾ *Chassin, Génie de la Révolution, I, 274, 275. Idem. Elections de Paris II, 291—293, 299 и далѣе passim, III, 11—17, 28—29. Paris intra muros, 11 предсѣдателей были переизбраны.*

значенію отъ городского управленія; если подлежащее лицо уступало, то его же иногда избирали „*par acclamation*“ председателемъ даннаго собранія, въ случаѣ же сопротивленія, просто выгоняли.

Что же касается окружнаго собранія въ столицѣ, то, какъ выше было указано, тамъ лейтенантъ встрѣтилъ подобное же отношеніе и въ видѣ протеста отказался отъ чести быть избраннымъ въ председателя.

Въ провинціи дѣлались попытки въ томъ же направленіи, но впрочемъ безъ особеннаго успѣха. Въ Суассонѣ прокуроръ Goullart внесъ предложеніе въ этомъ смыслѣ ¹⁾. Въ Givet ²⁾ произведено фиктивное избраніе председателя и секретаря, то-есть избраны тѣ, кому о семъ вѣдать надлежало.

Выше былъ уже упомянутъ случай въ Boiscommin, гдѣ собраніе, отвергшее неосновательныя претензіи лейтенанта и избранное, въ виду его упрямства, другаго председателя, удостоилось похвалы со стороны Неккера; тутъ избиратели признавали лейтенанта не только не имѣющимъ права баллотироваться (*inelligible*), но и не имѣющимъ права голоса (*voix délibérative*), ибо онъ не былъ представителемъ первичнаго прихода.

Въ Аженѣ избиратели съ большою твердостью встрѣтили попытки лейтенанта Лафитта сорвать засѣданіе; недаромъ онъ жаловался министру юстиціи, что съ гасконскими головами трудно сладить. Дѣло въ слѣдующемъ. По окончаніи баллотировки замѣчено было, что избраны въ депутаты лица, протестовавшія въ качествѣ комиссаровъ при обсужденіи наказа, противъ дополненій, сдѣланныхъ собраніемъ въ его текстъ. Такъ какъ эти добавленія касались между прочимъ отмены нѣкоторыхъ феодальныхъ правъ, то предложено было, во избѣжаніе недоразумѣній, взять съ избранныхъ соотвѣтствующія обязательства. Это вызвало цѣлую бурю; шумъ стоялъ невыносимый, одни кричали „да“, другіе „нѣтъ“; особенно волновавшійся совѣтникъ севешоссеа, по словамъ протокола, почувствовалъ себя дурно и ему дали нюхать уксуса и выпить его въ смѣшеніи съ водой. Воспользовавшись всѣмъ этимъ, лейтенантъ „съ болью въ сердцѣ“ закрылъ засѣданіе, а на слѣдующій день (28-го марта), ловко спрятавшись за спину дворянства и духовенства, прибѣгъ къ маневру, юмористически имъ описанному въ письмѣ къ министру. „Благодаря добрымъ совѣ-

¹⁾ В III, 144, 526—547.

²⁾ Prévôté d'Agimont secondaire du Quesnoy. *Legrand*, Senac de Meilhaan, 335.

тамъ четырехъ старыхъ лисицъ, приведшихъ меня къ опушкѣ лѣса. я далъ дворянству и духовенству произвести на меня понужденіе"; эти сословія, по уговору, заявили, что у нихъ избирательныя дѣйствія завершены, пора устроить соединенное засѣданіе всѣхъ сословій для принесенія присяги и разойтись, такъ какъ несправедливо заставлять другихъ ждать третьяго сословія, которое все не можетъ окончить своихъ пререканій. Опираясь на это, Лафиттъ заявилъ, „что недостатокъ разумности, царствующій въ этой камерѣ“, не долженъ задерживать окончанія выборовъ, по собственному усмотрѣнію составилъ форму депутатскихъ обязанностей и полномочій, а затѣмъ закрылъ засѣданіе и, оставивъ на столѣ копію своего заявленія, удалился изъ собранія. Но избиратели не разошлись; „третье сословіе, обиженное моимъ нервнымъ поведеніемъ, избрало себѣ другаго предсѣдателя (с'est la tête cheue de Mr. d'Escourge!), избрало два бюро для переписки съ генеральными штатами, исключивъ меня изъ ихъ состава, за это спасибо; наконецъ пяти ораторамъ поручено отчитать меня (me laver la cognette) въ субботу на собраніи всѣхъ сословій, передъ присягой... Вотъ появляются мои два оратора, гордо выступаютъ впередъ: „г. президентъ, мы просимъ слова“. „Охотно, господа, но моя задача исполнена, все кончено, закрываю собраніе и удаляюсь. Говорите всѣ виѣстѣ и сколько вамъ будетъ угодно“. Я сажусь въ карету и ѣду домой. Вообразите себѣ, монсеньерь, грустную позу этихъ ораторовъ, выступившихъ впередъ, въ виду 1.200 человекъ, съ разинутыми ртами, съ наказами въ рукахъ и — насмѣшники на моей сторонѣ. Картинка эта съ натуры. Слава Богу, вы увидите наказъ! ахъ, нѣтъ. монсеньерь, лучше не смотрите, тошно станетъ“... Очевидно, что несмотря на такой шутивно-фельетонный тонъ, побѣда осталась за избирателями недаромъ лейтенантъ въ письмѣ къ Неккеру, сообщая о глубокомъ впечатлѣніи, произведенномъ его вступительною рѣчью, прибавляетъ, что „пережилъ минуты, въ которыя чувствовалъ себя далеко не въ своей тарелкѣ“. Дѣйствительно третье сословіе избрало депутатовъ. неугодныхъ лейтенанту, составило наказъ, его возмущающій, исключило его самого изъ „bureau de correspondance“—учрежденія, созданнаго избирателями во многихъ мѣстахъ Франціи для поддержанія связи между депутатами на генеральныхъ штатахъ и ихъ довѣрителями. Что же касается полномочій этихъ депутатовъ (mandats et pouvoirs), то Аженскіе избиратели выработали ихъ также по своему усмотрѣнію, заявивъ, что это право давать полномочія принадлежитъ исключи-

тельно имъ, нераздѣльно и неограниченно ¹⁾—утвержденія, въ которыхъ, по мнѣнію Монденара, заключалась въ зародышѣ вся революція.

Въ другомъ уголкѣ той же Гасконіи, въ Mont-de-Marsan разыгралась настоящая усобица на почвѣ мѣстнаго антагонизма между главнымъ городомъ и деревней (les Bastilles), а также раздоровъ между сенешаломъ и лейтенантомъ. Послѣдній пытался разрубить гордіевъ узелъ распушеніемъ собранія и отдачей подъ судъ наиболѣе опасныхъ своихъ противниковъ, но это ни къ чему не повело: избиратели раскололись на двѣ половинны, самостоятельно производившія выборы и редакцію наказовъ. Лейтенантъ самъ уговорилъ министра юстиціи санкционировать это разрѣшеніемъ каждой партіи избрать по одному депутату особо. Любопытно, какъ объяснялъ лейтенантъ свое поведеніе въ началѣ борьбы. Онъ выгналъ изъ собранія своего главнаго соперника—доктора Dufau „по настоянію наиболѣе видныхъ (distingués) жителей и въ особенности дворянства“; этотъ Dufau былъ procureur sindic главнаго города, гдѣ онъ мутилъ подонки народа (la lie du peuple), особенно тѣхъ бѣдняковъ, которыхъ даромъ лечилъ; чернь же волновалась подъ вліяніемъ дороговизны зерна. Въ окружномъ собраніи 4 темныя личности (quatre quidams), стоя на стульяхъ въ 4-хъ углахъ зала, давали сигналъ апплодисментамъ, кричали „тише“ (paix là), когда благомыслящіе граждане (ami du bien) пытались говорить; если послѣдніе упорствовали, то чернь выталкивала ихъ вонъ; полное молчаніе царило только во время рѣчей Дюфо и его приверженцевъ. Выборъ комиссаровъ былъ также не по душѣ лейтенанту: это прокуроръ, нотаріусъ, аптекаръ и сапожникъ, между тѣмъ, какъ въ городѣ были буржуа, юрисконсульты, мелочные и оптовые торговцы, врачи и другіе, „которые, конечно, заслуживали предпочтеніе во всѣхъ отношеніяхъ“. Вотъ почему собраніе было распушено изъ-за отсутствія покорности (subordination), изъ-за бунта, грубыхъ ругательствъ. Лейтенантъ возбудилъ даже судебное преслѣдованіе противъ Dufau, городского мера и мѣстнаго священника, за интриги, возмущеніе противъ закона, преступное непослушаніе и явное пристрастіе ²⁾. Съ своей стороны сенешаль, негодуя на лейтенанта,

¹⁾ В, III, 1, 103 — 568. В. 9, 1, 2, 1° — 7°. Особенно важны протоколы и письма Лафитта отъ 30-го марта и 2-го апрѣля. *Monsieur, Cahiers de l'Age-nois.* (Villeneuve-sur-Lot 1889) 259—271, 331—358, 415.

²⁾ *Astuce, rébellion à la loi, désobéissance la plus criminelle, passion la plus caractérisée.*

покинулъ городъ. Но въ концѣ концовъ лейтенантъ самъ понялъ, что надо уступить ¹⁾; расколъ въ сенешоссеи получалъ признаніе со стороны правительства.

И не одни упрямые гасконцы проявляли духъ независимости. Строптивые бретонцы въ Реннѣ (Rennes) потребовали исключенія дворянъ, сеньеріальныхъ агентовъ и тому подобныхъ людей, пользующихся привилегіями и изъятіями. Предсѣдательствующій сенешаль опротестовалъ это требованіе, какъ не законное, противорѣчащее смыслу регламента. Но „ему отвѣчали, что регламентъ не законъ, что такое высокое значеніе можно придавать лишь постановленіямъ санкціонированнымъ народомъ“, законодательная же власть принадлежитъ лишь генеральнымъ штатамъ.

Сенешаль возражалъ, что его полномочіе исходить только отъ короля, да и неприлично (*indiscret*) ставить подобные вопросы, въ то время какъ земледѣльческія работы требуютъ возвращенія депутатовъ по домамъ. Но собраніе не расходилось. Тогда многіе сеньеріальные судьи и агенты торжественно отказались отъ права баллотировки, прося однако допущенія къ обсужденію *cahier* и голосованію на выборахъ, а сенешаль также отказался баллотироваться. Но это не помогло; три члена собранія, потребовавшіе слова одинъ послѣ другаго, заявили, что присутствіе королевскаго прокурора стѣсняетъ свободу мнѣній. Тотъ отказался отъ права баллотироваться и голосовать, съ оговоркой, что собраніе, приуроченное къ судебному засѣданію, немислимо безъ сенешала и прокурора. Тутъ шумъ и волненіе разрослись до того, что, по словамъ послѣдняго, „наша жизнь стала небезопасной“; сенешаль, по его просьбѣ, закрылъ засѣданіе, но пока расходились, прокуроръ подвергся оскорбленіямъ и дѣло могло бы кончиться плохо; если бы не вмѣшательство предсѣдателя и нѣкоторыхъ депутатовъ. Сенешаль называлъ это засѣданіе самымъ бурнымъ, какое онъ когда-либо видѣлъ; съ чувствомъ заявлялъ министру, что только очевидцы могутъ составить себѣ понятіе о томъ, какъ тяжело положеніе руководителя подобнаго собранія. „Съ невыразимымъ изумленіемъ услышалъ я, въ отвѣтъ на свое замѣчаніе, заявленія, что такъ какъ предсѣдательствуемое мною собраніе есть составная часть

¹⁾ В 54 I. 130. В III, 91, 44—53, 163—169, 389—394 и *passim*. Письма лейтенанта хранителю печати отъ 19-го февраля, 3-го апрѣля и т. д. Любопытно, что возбужденное дѣло прекращено было постановленіемъ государственнаго совѣта только 19-го октября 1789 г. Въ декабрѣ того же года Дюфо избранъ въ депутаты взамѣнъ подавшаго въ отставку городского представителя. *Brette*, I, 141—143.

(assemblée élémentaire) генеральныхъ штатовъ, то для него нѣтъ иныхъ законовъ, кромѣ тѣхъ, какіе оно само для себя издаетъ. По обязанности я опровергъ этотъ парадоксъ, но тщетно напрягалъ всѣ свои силы въ теченіе 4-хъ часовъ для противодѣйствія претензіямъ собранія¹. Съ своей стороны, представитель административной власти, интендантъ, одобряя рвеніе, талантъ и твердость сенешала, объяснялъ министру, что руководить подобнымъ собраніемъ—единственная въ своемъ родѣ обязанность¹).

Не легко было также сладить съ бретонцами въ Аугау, гдѣ побѣда осталась, однако, за предсѣдателемъ—сенешаломъ, который былъ, впрочемъ, кругомъ неправъ, вмѣшавшись въ городскіе выборы. Въ городѣ образовались двѣ партіи, избравшія каждая своихъ депутатовъ, причѣмъ муниципалитетъ являлся ядромъ оппозиціи. Въ окружномъ собраніи дѣло дошло почти до драки, несмотря на то, что сенешаль, по его собственному заявленію, удалилъ любопытныхъ и ввелъ въ залъ четырехъ вооруженныхъ солдатъ²). Сенешаль потребовалъ удаленія городскихъ представителей думской партіи съ меромъ Frogegaus во главѣ; послѣ двухчасовыхъ преній, Фрожере съ товарищами удалился, произнося угрозы и ругательства, а залъ былъ очищенъ солдатами отъ нахлынувшихъ любопытныхъ. Но дума не сдалась. При звонѣ въ набать созвано населеніе, подписанъ протестъ и рѣшено продолжать борьбу. На слѣдующій день Фрожере и пять его товарищей, несмотря на сопротивленіе трехъ приставовъ, врываются въ залъ съ шумомъ и трескомъ³); тутъ, хотя былъ вызванъ уже цѣлый отрядъ солдатъ⁴), Фрожере съумѣлъ заставить себя выслушать, говоря рѣчь на мѣстномъ бретонскомъ нарѣчій: „Друзья мои! васъ хотятъ обмануть! вы видите, что вы не свободны, несмотря на королевскую волю. Зачѣмъ эти солдаты?“ По докладу сенешала, Фрожере задѣлъ тѣмъ чувствительную струнку „этихъ добрыхъ людей“ и всѣ потребовали удаленія войскъ. Тогда Фрожере сталъ домогаться удаленія королевскаго прокурора. „Вонъ! кричалъ онъ, уходите, г. королевскій прокуроръ!“; сообщники мера кричали заодно,

¹) В. III, 37, 641—681. В* 26 l. 170 bis. 2°. Procès verbal (8 Avril) dressé par le procureur du roi sur son exclusion. Письма: интенданту министру юстиціи отъ 8-го и 10-го апрѣля, сенешала отъ 9-го и 19-го апрѣля и 15-го мая, сенешала Нежкеру отъ 9-го и 22-го апрѣля.

²) Un piquet de 4 hommes du régiment de Bassigny.

³) Après beaucoup de fracas et de bruit.

⁴) Un détachement.

такъ что невозможно было другъ друга разслышать. „Онъ объясняетъ этимъ добрымъ людямъ, что я, сенешаль, не въ правѣ выгонять его изъ собранія, они одни имѣютъ это право и онъ не признаетъ себя инаго судьи, кромѣ ихъ. Можно себя представить, какою приманкой это было для наввныхъ душъ: слишкомъ польщенные оказываемою честию, они сразу попались на удочку и во избѣжаніе полного разстройства собранія, я оказался въ тягостной необходимости терпѣть ихъ присутствіе въ интересахъ мира“ ¹⁾. Кончилось, однако, тѣмъ, что они принуждены были удалиться съ яростью и негодованіемъ, какъ „побитыя собаки“. Однако, министръ строго осудилъ сенешала, признавъ неосновательными его оправданія „такого произвольнаго и предосудительнаго поведенія“ и вполнѣ справедливыми „всеобщія жалобы жителей“. Но, какъ водится, сенешаль не остался въ долгу, выставлялъ себя защитникомъ народа противъ алчной городской буржуазіи; какъ всегда, совершившійся фактъ рѣшилъ дѣло въ пользу мѣстной власти, вопреки безсильнымъ осужденіямъ центрального правительства ²⁾.

Въ другихъ случаяхъ одерживало верхъ собраніе. Въ Неракѣ ³⁾, послѣ бурнаго засѣданія, лейтенантъ долженъ былъ уступить, боясь, чтобы въ противномъ случаѣ всѣ избиратели не разошлись. Изъ Бомона (Beaumont le Roger) лейтенантъ ⁴⁾ докладываетъ, что сдѣлалъ все зависящее для соглашенія умовъ и смягченія ихъ упорства, но все было напрасно.

Выше уже было упомянуто о прево мобежскомъ, объяснявшемъ свою „снисходительность“ по отношенію къ редакціи наказа тѣмъ, что большинство приходовъ избрало „людей, говорившихъ съ наибольшою дерзостью и упрямствомъ“. Въ Бузонвилѣ ⁵⁾ провалили представленный лейтенантомъ проектъ опредѣленія депутатскихъ полио-

¹⁾ Pour avoir la paix.

²⁾ В III, 37, 971—1124. В* 26 I. 201 bis. 4°. Письма сенешала и отвѣты министра, протоколы 13-го—17-го апрѣля, „Précis de ce qui s'est passé dans la Ville d'Auray relativement à l'élection des députés“.

³⁾ Sénéchaussée d'Albret. В III, 94, 128—130. Его письмо хранителю печати 12-го марта, „séance orageuse“.

⁴⁾ Secondaire d'Evreux. В III, 65, 208. Хранителю печати 10-го апрѣля „la crainte de l'objection les a fait se roidir“.

⁵⁾ В III, 184; 23—25. (10—48) рапортъ „relations détaillées“. „Ce sont eux qui ont, pour ainsi dire, présidé, tant le lieutenant général leur marquait de déférence“.

мочій; тутъ виноваты были неблагодарные горожане, которымъ онъ всячески покровительствовалъ при выработкѣ наказа.

Иногда особенно выдѣляются отдѣльныя личности, сильно досаждающія предсѣдателю. Въ Ерегнау избраніе лейтенанта въ представителя этого округа, несмотря на то, что онъ не получилъ полномочій приходскаго собранія, вызвало протесты купца Le-Blanc. Предсѣдатель негодуетъ на эту шальную голову (*mauvaise tête*), на этого американца (*sic*), начавшаго возражать, хотя собраніе троекратно выразило удовольствіе по поводу его избранія довольно продолжительными рукоплесканіями; американецъ поднялъ шумъ, возбуждалъ крестьянъ и другихъ, „тащилъ за платье и за руки, чтобы заставить ихъ подписать“ протестъ, отказывался подписать протоколъ засѣданія, а увлеченная имъ часть простонародья была въ нетрезвомъ состояніи. Однако шальная голова оказалась правой¹⁾; въ Vitry, отъ котораго зависѣлъ второстепенный Эпернейскій округъ, протестъ признанъ справедливымъ, а избраніе лейтенанта — незаконнымъ.

Подобнымъ же образомъ въ южномъ углу Франціи, въ Castellane²⁾, предсѣдателю досаждалъ адвокатъ Lieutaud, меръ этого города. Онъ по свидѣтельству протокола громко (*d'un ton élevé*) прервалъ предсѣдателя, требуя назначенія трехъ человекъ для „помощи“, то-есть, контроля, надъ дѣйствіями секретаря при счетѣ голосовъ, а также тщательной регистраціи записей. Предсѣдатель возражалъ, что это вызвало бы длинныя проволочки и должно быть отвергнуто, „какъ бросающее тѣнь на честность секретаря и оскорбительное для королевской власти, его назначившей“. Но меръ не унимался „и хотя мы приказали ему молчать, продолжалъ тѣмъ же тономъ“. Пользуясь своимъ правомъ издавать обязательныя постановленія³⁾, лейтенантъ официально приказалъ Льето сѣсть на свое мѣсто и ждать своей очереди для подачи голоса. Но меръ всталъ и призвалъ собраніе въ свидѣтели, что ему отказано во внесеніи въ протоколъ его требова-

¹⁾ В III, 158, 554—578, 599—645. В* 86 I. 219, 3° (особая связка). Протоколъ, письма лейтенанта отъ 6-го, 12-го и 26-го марта и т. п.

²⁾ В III, 63, 563—641. В* 89, I. 83. Протоколъ. Текстъ приведенъ у *Mireur*, *États Généraux de 1789*. (Draguignan 1891). 156—164; см. также *Viguiet*, *La convocation en Provence* (Paris. 1896) 231, 232.

³⁾ *Ordonnances*, имѣющія силу закона, впрямь до нихъ отнѣны государственнымъ совѣтомъ.

нія, послѣ чего умолокъ передъ угрозой принятія строгихъ мѣръ (sévir) и жалобы королю. Въ это время королевскій прокуроръ замѣтилъ, что одинъ изъ сторонниковъ мера ¹⁾ у всѣхъ на глазахъ демонстративно записываетъ подаваемые голоса ²⁾, для контроля надъ записями секретаря. Когда очередь голосовать дошла до него, онъ громко заявилъ, что избираетъ прокурора потому, что тотъ самъ составилъ свою рѣчь, „причемъ по тону и сопровождающимъ жестамъ собраніе поняло намекъ, что мы (лейтенантъ) не сами составили свою рѣчь и черезъ это не заслуживаемъ ни занимаемаго нами мѣста, ни довѣрія собранія“. Кончилось тѣмъ, что лейтенантъ, не попавъ первоначально въ число 12 представителей сенешоссея, но избранный затѣмъ на мѣсто отказавшагося отъ этой чести прокурора, изъ самолюбія ³⁾ также отказался отъ избранія.

Разбирая подобные случаи избирательной борьбы въ бальяжахъ и сенешоссеяхъ, всякій разъ, какъ по дошедшимъ до насъ документамъ можно возстановить болѣе или менѣе полную картину столкновенія избирателей съ властью, во главѣ недовольныхъ выступаютъ сравнительно вліятельныя по своему общественному положенію личности: меры Льето (въ Провансѣ) и Фрожере (въ Бретани), докторъ прокуроръ Дюфо (въ Гаскони), помѣщикъ и королевскій нотаріусъ Карбонель, негодіантъ Лебланъ, нотаріусъ Миллеръ, кабатчики и т. д. Народный же элементъ играетъ въ этихъ столкновеніяхъ второстепенную роль; мужики какъ-то ступшевываются, въ крайнемъ случаѣ ихъ соблазнили, обманули, напоили, въ общемъ же они уподобляются въ отзывахъ современниковъ хору въ классической трагедіи. На первомъ планѣ всегда агитаторъ, честолюбецъ, соперникъ лейтенанта. Историкъ долженъ быть поэтому остороженъ въ своихъ выводахъ. Не всякое столкновеніе предсѣдателя съ членами собранія было актомъ сопротивленія избирателей противъ захватовъ власти. Множество недоразумѣній чисто личнаго свойства разыгрывалось между лейтенантомъ, балья или сенешаломъ, королевскимъ прокуроромъ, городскими властями и т. д. Другія связаны были съ корпоративнымъ или мѣстнымъ антагонизмомъ, гдѣ пользовались выборами въ гене-

¹⁾ Carbonel (notaire royal, seigneur de Vaucroue et en partie du Bourguet).

²⁾ Въ Каstellавѣ, гдѣ выборы не были окончательными, они производились открытою подачей голосовъ. (Députation réduite à Draguignan).

³⁾ Такъ объясняетъ дѣло Вигье, историкъ Прованса, иронизирующій надъ предсѣдателемъ. Это весьма вѣроятно.

ральные штаты для того, чтобы дать рѣшительную битву своимъ соперникамъ.

Понятно, что каждая партія старается драпироваться при этомъ въ какую-нибудь общественную идею, выставляя себя носителемъ той или другаго общественного начала. Съ другой стороны нѣрѣдко борьба личныхъ самолюбіи была только внѣшней оболочкой, подъ которой таилось глубокое содержаніе политической или общественной борьбы.

Среди этой путаницы разобраться бываетъ очень трудно. Въ Тулузѣ и въ Mont-de Marsan борются лейтенантъ съ сенешаломъ, въ Remigmont — съ меромъ ¹⁾, въ Verneuil съ королевскимъ прокуроромъ ²⁾ и т. д.

Впрочемъ, есть цѣлый разрядъ столкновеній, содержаніе которыхъ исчерпывается личными счетами и прямо должно быть изъято изъ разсмотрѣнія. Такъ, сенешаль въ Бордо ³⁾, совершенно явно и незаконно стремившійся всячески принизить лейтенанта, имѣлъ смѣлость писать Неккеру: „Мой лейтенантъ хотѣлъ явиться въ парадной формѣ (en robe) предсѣдательствовать въ третьемъ сословіи. Я же только разрѣшилъ ему явиться, но безъ формы, хотя онъ, собственно говоря, не членъ собранія“ (!). Сенешаль велъ себя совершенно неприлично, приказалъ стражѣ не впускать лейтенанта въ залъ; когда тотъ все-таки вошелъ, сенешаль требовалъ его удаленія, прерывалъ его рѣчь и т. д. „Если бы въ моихъ рукахъ было побольше власти, пишетъ онъ министру, то лейтенантъ не вошелъ бы ни въ формѣ, ни инымъ образомъ“. Если бы правительство было внимательно, сенешаль, конечно, не получилъ бы одобренія свыше, какъ ранѣе было уже указано.

Но такіе простые случаи очень рѣдки, въ большей же части трудно бываетъ разобрать, среди интригъ и уколовъ самолюбіи, сущность взаимныхъ отношеній власти и главнаго ядра избирателей въ окружныхъ собраніяхъ.

Гораздо болѣе извѣстна исторія столкновеній избирателей съ административною властью; но пресловутая война противъ низшихъ ея представителей—*subdélégués*—имѣла гораздо менѣе серьезное значеніе въ смыслѣ вліянія на исходъ избирательныхъ работъ.

¹⁾ В Ш, 89.

²⁾ В Ш, 2, 1272—1275. *Secondaire d'Alençon*.

³⁾ Приведено у *Brette*, I. Введеніе, стр. 52, 53.

Казалось бы, въ странѣ централизаціи и административнаго произвола, роль администраціи въ минуту выборовъ должна быть громадною, на дѣлѣ же вышло наоборотъ.

Прежде всего, какъ выше указано, правительство само устранило администрацію отъ выборовъ и требовало отъ нея полнаго невмѣшательства.

Кромѣ того, общая ненависть къ администраціи побуждала избирателей съ рѣдкимъ единодушіемъ противиться всякимъ попыткамъ воздѣйствія со стороны интендантовъ (губернаторовъ) и *subdélégués* (въ родѣ нашихъ дореформенныхъ исправниковъ). Въ этомъ ихъ иногда не прочь были поддерживать хозяева избирательныхъ собраній — судейское сословіе, бывшее въ антагонизмѣ съ администраціей и во всякомъ случаѣ боявшееся ея соперничества.

Согласно данной имъ инструкціи, интенданты внимательно слѣдили за всѣмъ происходившимъ, и донесенія нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно *Amelot* бургонскаго и *Limuzen*скаго *Meulan d'Ablois*, отличались большою толковостью и обстоятельностью.

Къ такому наблюденію избиратели относились съ неудовольствіемъ. Интендантъ аленсонскій (*Jullien*), интересовавшійся содержаніемъ окружныхъ наказовъ, съ трудомъ добылъ текстъ каіе третьяго сословія, что же касается привилегированныхъ, то онъ сомнѣвался добыть заблаговременно ихъ наказы, „вѣдь изъ всего дѣлаютъ тайну для интенданта“. Между тѣмъ, онъ не былъ врагомъ дворянства. Во время редакціи наказа третьяго сословія интендантъ мечталъ о примиреніи сословія, иначе говоря, о смягченіи требованій буржуазіи, которая въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ баляжахъ предъявила „преувеличенныя претензіи“¹⁾ и „несообразныя“ требованія; онъ выражалъ тогда надежду, что, получивъ отъ привилегированныхъ согласіе на отміну податныхъ изъятій, то-есть, добившись того, чѣмъ она болѣе всего дорожила, буржуазія пойдетъ на уступки и сойдется на счетъ всего прочаго съ привилегированными сословіями²⁾.

Интенданты чувствовали всю силу окружающаго ихъ недовѣрія. Лионскій—(*Tertrau*)³⁾ добровольно удалился на время выборовъ изъ

¹⁾ *Prétentions un peu outrées... extravagants.*

²⁾ „Car on fait mystère de tout à un intendant“. *Hippreau* Élections de 1789 en Normandie (Paris 1869) 42, 60. Письма интенданта къ генералъ-губернатору (*d'Harcourt* gouverneur général), 18-го и 29-го марта.

³⁾ В III, 75, 532—534. Письмо отъ 17-го февраля.

своей области, объясняя министру, что желаетъ избѣжать всякой возможности нареканій въ стѣсненіи избирателей. Бургонскій (Amelot)—о которомъ уже шла рѣчь, по поводу его циркуляра къ subdélégués о невмѣстительствѣ—обратился къ Неккеру съ слѣдующимъ вопросомъ. Subdélégués спрашивали, могутъ ли они, какъ прочіе граждане, принять участіе въ выборахъ; Амело предписалъ было имъ, а также своимъ канцелярскимъ чиновникамъ, совѣмъ воздержаться отъ появленія въ избирательныхъ собраніяхъ, чтобы не возбуждать подозрѣній, но спрашивалъ на всякій случай мнѣнія министра. Тотъ отвѣчалъ, что всѣ граждане имѣютъ равное право голоса, а потому достаточно предписать имъ осторожность и умѣренность. Этотъ же выдающійся бургонскій администраторъ узнавъ, что избиратели въ Belley обезпокоены слухомъ, будто министръ юстиціи приказалъ лейтенанту доносить о всѣхъ заявленіяхъ, какія будутъ сдѣланы въ собраніи, и о ихъ авторахъ, поручилъ своему subdélégué официально опровергнуть это, разсѣять всякія сомнѣнія и убѣдить избирателей въ полной безопасности свободного высказыванія мнѣній¹⁾.

По странной ироніи судьбы, столь ненавистная публицистамъ эпохи администрація являлась иногда силою вещей чуть ли не поборницей свободы въ минуту выборовъ.

Въ качествѣ не заинтересованныхъ зрителей столкновений между лейтенантами и избирателями, интенданты нерѣдко заступаются въ своихъ донесеніяхъ за этихъ послѣднихъ. Тутъ нѣкоторое вліяніе оказывало соперничество администраціи и судейскихъ. Интендантъ турскій толкуетъ о всеподавляющемъ господствѣ судейскихъ на выборахъ вообще и въ частности въ Шинонѣ, гдѣ въ отвѣтъ на требованія о преобразованіи судопроизводства раздавались формальныя угрозы. Интендантъ монпельескій осуждаетъ лейтенанта каркассонскаго, назначившаго комиссаровъ своею властью. Интендантъ Лотарингіи подтверждалъ жалобы противъ беззаконій лейтенанта въ Ликгеймѣ, а послѣдній ссылаясь въ свое оправданіе на неудовольствіе, вызванное въ его „врагѣ“ интендантѣ поповшимъ въ наказъ требованіемъ отѣны интендантовъ. Любопытно, что по поводу послѣдней исторіи произведено было формальное разслѣдованіе не судебною властью, а административною, въ лицѣ subdélégué.

Такое вмѣшательство было отчасти санкціонировано самимъ пра-

¹⁾ В III, 60, 328—329. (Supplément). Выдержка изъ официальнаго доклада. Ibidem 17, 118—121. Письмо Неккеру 17-го Февраля и отвѣтъ послѣдняго.

вительствомъ: въ циркулярѣ ¹⁾ хранителя печати къ интендантамъ предписано, наряду съ уваженіемъ къ свободѣ, давать „совѣты“ предсѣдателямъ окружныхъ и приходскихъ собраній въ случаѣ затрудненій или недоумѣній.

На основаніи этого указація, неопредѣленнаго и непродуманнаго, какъ все, исходявшее отъ этого вялаго правительства, интенданты не прочь были можетъ быть руководить выборами и давать наставленія судебной власти, но они чувствовали себя связанными запрещеніемъ производить повужденіе и всеобщимъ народнымъ недовѣріемъ. Интендантъ бордосскій, обѣщая министру воздерживаться отъ давленія, прибавляетъ, что предписалъ своимъ *subdélégués* „не упускать случая просвѣтить (*éclairer*) тѣхъ, кто ошибочно понялъ бы смыслъ регламента, и предупреждать по возможности, но исключительно путемъ бесѣды и совѣтовъ, всякія возникающія недоразумѣнія.“ На сѣверѣ, въ Нормандіи, интендантъ канскій тоже предписывалъ своимъ агентамъ давать совѣты.

Передъ самыми выборами интендантъ Лотарингіи обѣщаетъ воздерживаться, вмѣстѣ съ своими *subdélégués*, отъ всякаго давленія и ограничиваться „подачей *советовъ*, которыхъ у насъ будутъ свободно спрашивать“, посредничествомъ въ случаяхъ затруднительныхъ и „разъясняя истинный духъ регламентовъ“ тѣмъ изъ судебныхъ чиновъ или избирателей, „которые бы отъ него уклонились“; къ сожалѣнію, прибавляетъ онъ, престижъ *subdélégués* такъ сильно подорванъ, что вѣроятно никто къ ихъ совѣтамъ прибѣгать не станетъ ²⁾.

Въ приходскихъ и окружныхъ наказахъ нерѣдко раздаются требованія отмѣны власти интендантовъ или кореннаго пересмотра ихъ администраціи и искорененія злоупотребленій. Въ Марсели ³⁾ вооруженная молодежь, охранявшая порядокъ послѣ бывшихъ тамъ волненій, заставила внести въ наказъ личныя обвиненія (*inculpations personnelles*) противъ интенданта.

Особенно непопулярны были ближайшіе сотрудники и орудія интендантской власти—*subdélégués*. Передъ выборами 1789 г. радикальные публицисты очень боялись вліянія этихъ чиновниковъ, которые дѣйствительно могли быть опасны, вслѣдствіе повседнежнаго соприкосновенія съ народомъ и страха, какой они по старой памяти

¹⁾ *Brette I*, 322 *officiers des bailliages et des justices locales*.

²⁾ В III, 98, 73—74 „*espèce de discrédit*“. Письмо 23-го февраля.

³⁾ В III, 82, 775. Письмо лейтенанта 3-го апрѣля.

внушали населенію. Въ связи съ возгорѣвшеюся агитаціей относительно исключенія изъ собраній 3-го сословія людей, связанныхъ съ разнаго рода привилегіями и злоупотребленіями, поднять былъ вопросъ объ остракизмѣ по отношенію и къ *subdélégués*.

Подъ влияніемъ обширной литературы эта пропаганда получила самое широкое распространеніе. Интенданты жаловались на полнѣйшій „*déscrédit*“ своихъ чиновниковъ, изъ которыхъ многіе подавали въ отставку, чтобы не стать отверженными въ своемъ сословіи или изъ желанія попасть въ депутаты.

Вышеупомянутый интендантъ Лотарингии докладывалъ, что вслѣдствіе распространенія писаній разныхъ малозвѣстныхъ лотарингскихъ писателей, эта должность *subdélégués* показалась „подозрительной“; поэтому всѣ *subdélégués*, *которые совмѣщали съ этимъ судебскія обязанности*, отказались отъ своей должности по администраціи. Изъ другаго конца Франціи, Нормандіи, интендантъ канскій ¹⁾ сообщалъ, что *subdélégués* незаслуженно потеряли влияніе въ деревняхъ, кредитъ и уваженіе въ общественномъ мнѣніи; они въ „уныніи“, собираются отказаться отъ своихъ обязанностей, „чтобы найти себѣ въ современной системѣ политическое существованіе, болѣе отвѣчающее ихъ видамъ“; онъ, интендантъ, удерживаетъ ихъ отъ такого шага, но боится, какъ бы „побужденія личнаго интереса“ не оказали рѣшающаго значенія, тѣмъ болѣе, что „*большинство subdélégués*—*вмѣстѣ съ тѣмъ лейтенанты балъажей* и надо признать, что въ настоящую минуту ихъ положеніе весьма шекотливое“.

Итакъ, судебскіе были иногда представителями также в административной власти. Конечно, подобное совмѣстительство не было явленіемъ повсемѣстнымъ. Но не слишкомъ ли поторопились публицисты сосредоточить всѣ свои громы противъ администраціи? А тѣмъ временемъ полновластнымъ хозяиномъ выступило судебское сословіе, устранивъ своего соперника — администрацію отъ избирательной работы.

Какъ бы то ни было, сообщничество судебныхъ проглядываетъ иногда въ извѣстной борьбѣ противъ *subdélégués*, въ той открытой войнѣ, которая была имъ объявлена въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. въ той травлѣ, которой они тамъ подверглись.

¹⁾ *Hirrean. Elections* 99. В III, 40, 54—56 (15-го февраля). De Launay хранителю печати.

Въ западной Франціи, въ генеральствѣ Ларошели, это былъ настоящій крестовый походъ ¹⁾).

Въ Saintes броженіе началось уже съ декабря 1788 г. Съ разрѣшенія либеральнаго генераль-губернатора ²⁾ состоялось три „братскихъ собранія 3-хъ сословій“, гдѣ постановлено требовать отъѣзны власти интендантовъ, причеъ одинъ изъ *subdélégués*, пытавшійся войти въ залъ, былъ освистанъ и принужденъ поспѣшно удалиться. Интендантъ (Маркизь de Reverseaux) жалуется, что это все произошло на глазахъ у представителя военной власти; оскорбленный 70-лѣтній чиновникъ подалъ прошеніе объ отставкѣ и если отъ него не откажется, то не найдти честнаго человѣка для его замѣщенія, такъ какъ повсюду *subdélégués* были боѣе или менѣе „*maltraités*“ и также собираются подать въ отставку, „Вы видите, что въ этомъ положеніи я не имѣю никакой возможности помогать совѣтами“; не будучи въ состояніи рассчитывать на командующаго войсками, онъ поневолѣ долженъ ограничиться ролью зрителя и докладывать обо всемъ начальству (18-го февраля) ³⁾. Черезъ 3 недѣли (12-го марта) онъ повторялъ, что при всемъ стараніи не возможно было „помогать“ въ избирательныхъ работахъ.

8-го марта начались избирательныя собранія. Въ двухъ городахъ (Saintes, Barbezieux) *subdélégués* были изгнаны изъ собраній, а въ двухъ другихъ—попали въ депутаты, но зато ихъ избраніе признано недействительнымъ въ сенешоссеи (La Rochelle). Въ Aligre противъ избранія Savary протестовалъ купецъ Кермаи „съ тремя такими же горячими головами“; въ Ларошели 16-го марта зашла рѣчь о незаконности этихъ выборовъ. По словамъ чиновника „меня тѣснятъ до послѣднихъ траншей и чтобы прекратить ропотъ, я вынужденъ заявить, что довольствуюсь званіемъ гражданина и отказываюсь отъ должности“. Тѣмъ не менѣе, по предложенію королевскаго прокурора, избраніе признано недействительнымъ при необычайно торжественной обстановкѣ: интендантъ жалуется, что „весь городъ былъ приглашенъ на засѣданіе, свѣтскія дамы наполняли залъ и ему пришлось проглотить бурные аплодисменты по адресу генеральнаго лейтенанта“ ⁴⁾ (Griffon),

¹⁾ Документы по этому дѣлу перепечатаны *Proust. Archives de l'Ouest* II, 1—75.

²⁾ Comte De la Tour du Pin; онъ былъ избранъ представителемъ дворянства и однимъ изъ первыхъ примкнулъ къ національному собранію, затѣмъ былъ военнымъ министромъ, а въ 1794 г. казненъ.

³⁾ В III, 71, 85—39.

⁴⁾ Id. 569—591, 141—147, 482—485. Письма Savary къ интенданту отъ 5-го и 17-го марта и докладъ послѣдняго министру 29-го марта.

„не покраснѣвшаго“, по словамъ обиженнаго, дать соответствующее заключеніе. Въ томъ же собраніи, на слѣдующій день, 17-го марта, поднять вопросъ о недѣйствительности избранія другаго такого же чиновника, Огсеаи, представителя второстепенной Рошфорской сенешоссеи. Тутъ исключеніе прямо мотивировано его должностію и, чтобы подчеркнуть это, предсѣдатель расхваливалъ его таланты и добродѣтели, такъ какъ вопросъ заключался не въ его личности, а „въ администраціи, которую стремились оскорбить въ его лицѣ“; заключеніе лейтенанта также было встрѣчено бурными рукоплесканіями и южныя головы расходились до того, что адвокатъ Могиа предложилъ подстрѣливать *subdélégués*, какъ бѣшеныхъ волковъ. Замѣчательно, что такъ какъ рошфорцы протестовали противъ заключенія лейтенанта, то онъ обратился къ посредничеству дворянства и духовенства, согласно рѣшенію которыхъ исключеніе *subdélégué* было подтверждено сенешаломъ.

Такимъ образомъ, движеніе охватило всѣ сословія, соединивъ ихъ въ общемъ недоуверіи къ администраціи.

Въ *Saintes* на городскихъ выборахъ былъ снова изгнанъ *subdélégué* Gaudglaud¹⁾, несмотря на то, что онъ былъ пожизненнымъ меромъ этого города и долженъ былъ предсѣдательствовать въ этомъ собраніи (8-го марта). Главными его противниками были адвокатъ, книгопродавецъ и два хирурга; на вопросъ чиновника, почему его исключаютъ, послѣдовалъ отвѣтъ, что онъ самъ это долженъ знать, послѣ чего раздался громъ аплодисментовъ. Повторялось съ нимъ то же, что случилось за мѣсяцъ до того, 5-го февраля. Обиженный чиновникъ, припоминая эту первую свою неудачу, изображаетъ живую картину, какъ два адвоката на эстрадѣ переговаривались, что надо посмотреть, нѣтъ ли въ толпѣ подозрительныхъ лицъ; при этомъ одинъ изъ нихъ сказалъ въ полголоса „le *subdélégué*, le *subdélégué*“... Это было подхвачено книгопродавцемъ и черезъ минуту чиновнику оставалось только успѣшно удалиться.

Понятно, что правительство не могло вполне безучастно отнестись къ такому бунту противъ его чиновниковъ. Къ тому же исключенные послали въ Парижъ формальныя жалобы, а интендантъ подкрѣплялъ это сообщеніями далеко не успокоительнаго свойства, что никакая администрація не станетъ болѣе возможною, если не принять

¹⁾ Протестъ *subdélégué* въ городскомъ собраніи и *Mémoire* его къ королю и государственному совѣту.

мѣръ. Въ Ларошели появились прокламаціи, что надо вѣшать *subdélégués* и жечь интендантовъ.

„Вы понимаете, что эти зажигательныя писанія не трогаютъ меня. но я перепуганъ тѣмъ, какъ выражаются относительно королевской власти“. Онъ пересылалъ письмо своего подчиненнаго *Savary*, заявлявшаго, что все въ огнѣ, никто властей не признаетъ, все считается дозволеннымъ; этотъ народъ, слышавшій, какъ, не стѣсняясь, громили администрацію въ собраніи и какъ предсѣдатель допускалъ и потворствовалъ этой неприличной декламаціи, „этотъ народъ, наконецъ, котораго самая малость можетъ воспламенить, который всегда готовъ отъ всего освободиться, разъ ему данъ примѣръ“, народъ такъ возбужденъ, что чиновникъ опасается даже производить въ провинціи рекрутскій наборъ ¹⁾. Въ итогѣ администрація взывала къ правительственному вмѣшательству. На этотъ разъ оно не долго заставило себя ждать. Постановленіемъ государственнаго совѣта отъ 28-го марта 1789 года кассировано заключеніе сенешала относительно *Ogseau* и предписано произвести въ Ларошели новые выборы ²⁾. Замѣтимъ, что дѣло тутъ идетъ только объ одномъ *subdélégué* ³⁾; при этомъ тонъ всего акта чрезвычайно мягокъ и мотивировка въ высшей степени характерна: главными доводами выставляется свобода избирателей выбирать кого угодно, безъ различія положеній, и право второстепеннаго бальяжа (*Rochefort*) распоряжаться своими выборами безъ вмѣшательства и цензуры со стороны главнаго округа—однимъ словомъ только вскользь упомянуто о прерогативѣ власти, а центр тяжести—въ правахъ тѣхъ же самыхъ избирателей. Таково ужъ было скоропреходящее настроеніе правящихъ сферъ въ министерство Неккера.

Неудивительно, что интендантъ встрѣтилъ это распоряженіе безъ особаго энтузіазма; онъ проситъ „отомстить“ также за своего чиновника въ *Saintes* и т. д. „Думали, что совѣтъ предоставить на произволъ судьбы агентовъ администраціи; поведеніе *M. de la Tour du Pin* придало вѣроятность этой мысли; когда напротивъ увидятъ, что у нихъ есть поддержка, то все вернется къ порядку“ ⁴⁾.

Тѣмъ временемъ и въ самой Ларошели отищеніе было еще хуже прежней обиды. Если до прибытія постановленія государ-

¹⁾ Ib. 139—147, 482—485, 569—581.

²⁾ *Brette* I, 132 полный текстъ.

³⁾ Правда, исключеніе *Savary* было мотивировано злоупотребленіями на выборахъ, но онъ былъ не одинъ.

⁴⁾ В Ш, 71, 593—595. 4-го апрѣля.

ственного совѣта народъ выломалъ стекла въ квартирѣ *subdélégué*, помѣщавшейся въ самомъ зданіи интендантства, то послѣ обнародованія по стѣнамъ были крупными буквами сдѣланы надписи, съ обѣщаніемъ заплатить 10 лун тому, кто надаеъ *subdélégué* палочныхъ ударовъ. Чиновникъ оказался въ осадномъ положеніи и интенданту пришлось за него подписывать бумаги. По рукамъ ходили прокламаціи. Наконецъ, состоялось новое собраніе третьяго сословія, согласно повелѣнію, при чемъ командующій войсками стянулъ грозную военную силу для того, чтобы подчеркнуть, какъ думалъ интендантъ, народное озлобленіе, ставящее жизнь *subdélégué* въ опасность. Кончилось тѣмъ, что избраны тѣ же лица, какъ и въ первый разъ; администраціи пришлось проглотить новое выраженіе недовѣрія, а ночью вывѣшены прокламаціи, предлагающія дать чиновнику 20 палочныхъ ударовъ ¹⁾.

Во всей этой исторіи любопытно полное безсиліе администраціи. Командующій войсками обвиняется интендантомъ въ исканіи популярности ²⁾: онъ отговаривалъ *Gaudriaud* являться въ собраніе, лично объѣзжалъ весь край, охотно принималъ прошенія, выѣшивался въ пререканія между подрядчиками казны ³⁾ и рабочими, причесъ заступался за послѣднихъ и на одномъ ихъ прошеніи въ *Saintes* надписалъ, что рабочіе вполне справедливо требуютъ должной имъ заработной платы.

Не менѣе категорично поведеніе судебной власти. Лейтенантъ *Griffon* ⁴⁾ (Ларошель), получивъ отъ хранителя печати неодобрительный отзывъ съ требованіемъ взять назадъ его ордоннансъ, во избѣжаніе кассированія, отвѣчалъ, что при всемъ желаніи быть приятнымъ администраціи не имѣетъ права отречься отъ собственного распоряженія, имѣвшаго цѣлью смягчить порывъ цѣлаго народа, полагающаго, что наступилъ часъ высказывать свои тяготы и бѣдствія; онъ прибавлялъ, что старому должностному лицу съ чистою совѣстью не страшна кассация его ордоннансовъ, а нѣсколько дней спустя объяснялъ, что изъ 90 приходскихъ наказовъ, по крайней мѣрѣ 70

¹⁾ *Id.* 706—715, 748—751. Письма интенданта министру отъ 17-го и 19-го апрѣля.

²⁾ Онъ и избранъ представителемъ дворянства.

³⁾ Это было одной изъ явъ стараго порядка, причемъ *subdélégués* обвинялись въ стачкѣ съ подрядчиками.

⁴⁾ *Id.* 560, 584—587, 596—598, 602—604. Письмо хранителя печати 21-го марта, лейтенанта—30-го марта и 4-го апрѣля, сенешала 7-го апрѣля.

содержать жалобы на администрацію; умы избирателей, и безъ того возбужденные, требовавшіе общанной свободы голоса, не желали видѣть около себя свидѣтелями выработки наказовъ тѣхъ лицъ, кого они считали причиной своихъ бѣдствій. Въ концѣ концовъ лейтенантъ хвалилъ избирателей за умѣренность.

Съ своей стороны сенешаль толковалъ о деспотизмѣ *subdélégué*, о его поведеніи, способномъ раздражать и возмутить умы, о трехъ сословіяхъ, требующихъ справедливаго къ нимъ отношенія.

Чрезвычайно рѣзко выступило также дворянство. Не говоря уже о томъ, что въ Ларошели и Рошфорѣ ¹⁾ высшія сословія поддержали оппозицію, дворянство написало рѣзкій отвѣтъ противъ записки, представленной Орсеау. Тамъ указано, что ²⁾ всѣ первичные наказы третьяго сословія жалуются на злоупотребленія администраціи, слѣдовательно прямо или косвенно требуютъ отмены интендантовъ и *subdélégués*; допускать участіе *subdélégués* на выборахъ значило бы дѣлать изъ нихъ судей и сторону въ томъ же процессѣ. Дворянство негодуетъ противъ одного мѣста записки, будто французы, давно потерявшіе привычку къ свободѣ, слишкомъ стремительно къ ней подвигаются, такъ что возможны злоупотребленія свободой. „Какъ! (возражаетъ дворянство) г. Орсео дерзаетъ признавать, что мы уже давно потеряли привычку къ свободѣ! Онъ— *subdélégué* и еще спрашиваетъ, почему его исключаютъ!..“ Негодование возбуждаетъ также заявленіе, что, нападая на чиновниковъ, избиратели косвенно оскорбляютъ самого короля, назначившаго администрацію; въ заключеніе дворянство язвить чиновника, находящаго, что Франція не созрѣла къ свободѣ и нуждается въ продолженіи режима, столь дорогаго сердцу г. Орсео.

Таковъ исключительный по своей рѣзкости эпизодъ борьбы съ администраціей. Въ меньшихъ размѣрахъ то же явленіе повторилось и въ другихъ мѣстностяхъ. Какъ на сѣверѣ Франціи, въ Bailleul (Фландрія) 3-е сословіе и присоединившееся къ нему духовенство и дворянство заявили, что *subdélégués* не имѣютъ право баллотироваться, такъ какъ наказы „бьютъ главнымъ образомъ противъ нихъ“. Интендантъ просилъ вмѣшательства правительства, покровительства короля тѣмъ,

¹⁾ Третье сословіе Рошфора заступилось за своего *subdélégué*, но высшія сословія этого баляжа высказались противъ.

²⁾ Id. 604—665. Observations et réflexions de M. Orceau. Mémoire de M. M. les commissaires de l'ordre de la noblesse du pays d'Aunis en réponse à celui du sieur Orceau.

кто ему служить, находилъ вопіющую несправедливость въ лишеніи чиновниковъ того права, которымъ пользуются люди самыхъ низшихъ разрядовъ общества; съ своей стороны *subdélégués* составили коллективный протестъ въ томъ же смыслѣ ¹⁾).

Вопросъ объ исключеніи *subdélégués* поднимался также въ *Lou-dun* ²⁾ и многихъ другихъ городахъ.

Тѣмъ не менѣе, эти чиновники во многихъ мѣстахъ попадали въ депутаты главныхъ и второстепенныхъ округовъ. Такъ въ Пуату нѣсколько *subdélégués* были избраны „*du quart* ³⁾“, что подало поводъ упомянутому Орсо сослаться въ своей запискѣ на эту сенешоссею, гдѣ не встрѣтило затрудненій избраніе 5-ти или 6-ти его коллегъ и 2-хъ секретарей интендантства. Въ Муленской сенешоссеи 3 *subdélégués* избраны представителями городовъ, гдѣ они находились ⁴⁾. Бургонскій интендантъ Амело ⁵⁾ въ докладѣ своемъ по поводу избранія такого чиновника въ *Charolles*, выражаетъ удовольствіе, что это не единственное свидѣтельство довѣрія избирателей „въ минуту, когда интрига напрягаетъ свои усилія, чтобы хулить мою администрацію и прикосновенныхъ къ ней лицъ“.

Въ провинціи Керси *subdélégués* избраны представителями второстепенныхъ округовъ *Lauzerte*, *Figeac* ⁶⁾ и т. д. Подобнымъ же образомъ двое избраны въ Ланской, Авенской и другихъ сенешоссеяхъ. Въ Гизѣ *subdélégué* избранъ безъ голосованія (*par acclamation*) первымъ депутатомъ. Среди депутатовъ національнаго собранія сидѣло нѣсколько *subdélégués*. Ихъ число было бы еще значительнѣе, если бы многіе изъ нихъ не подали въ отставку передъ самими выборами (чтобы не лишиться довѣрія избирателей) или не скрывали въ протоколахъ своего общественнаго положенія, набрасывающаго на нихъ тѣнь. Такъ *Huot de Gonsourt* отиѣченъ въ протоколѣ *Boignont* только какъ адвокатъ при парламентѣ и съ тѣмъ же прозвищемъ адвоката по-

¹⁾ В III, 20, 189—191, 260—270. В* 18, 1. 21, 8°. Письмо интенданта 3-го апрѣля, „*mémoire pour les subdélégués de la Flandre*“.

²⁾ В III, 74, 68—100.

³⁾ То-есть не попали въ генеральныя штаты, но оказались избраны при слѣденіи предварительныхъ собраній къ четверти ихъ состава.

⁴⁾ В III, 36, 212, письмо интенданта 16-го марта. Онъ хвалитъ тишину и спокойствіе выборовъ.

⁵⁾ В III, 60 (Suppl.), 437, 438.

⁶⁾ *Combarieu. Assemblées des sénéchaussées du Quercy*. (Cahors 1889), перепечатка документовъ.

наль въ списокъ депутатовъ національнаго собранія ¹⁾). Laboreys de Chateaufavier депутатъ округа Gueret—именуется въ томъ же списокѣ инспекторомъ мануфактуръ, но не *subdélégué* обюссонскимъ. Въ томъ же округѣ избраны чиновники или еще болѣе ненавидимые откупщики, скрывшіе въ протоколѣ эти званія: таковы Tournyol du Clos, въ качествѣ—*ancien président de l'élection de Guéret*“, а не служащаго по солянному и табачному откупамъ, Bandis de la Chauх — замѣстителемъ мера, а не *„correspondent de la subdélégation“*, Grellet de Beauregard—королевскимъ адвокатомъ, а не наслѣдникомъ должности своего отца по солянному откупу ²⁾).

Такъ или иначе, чиновники, несмотря на агитацію противъ администраціи, получали кое-гдѣ избирательные голоса. Это показываетъ, что вліяніе ихъ на народъ было еще значительнымъ.

Лейтенантъ кондомскій писалъ ³⁾ хранителю печати, что королевская мудрость тщетно предписывала слушаться лишь голоса совѣсти при выборахъ: креатура *subdélégué*, „произволь котораго страшенъ въ провинціи“, также чиновники по сбору и распредѣленію податей — „вотъ вдохновителя, держащіе жителей деревень и мелкихъ городовъ въ страхѣ, отъ котораго предусмотрительность монарха не сзумѣетъ излѣчить умы слабые и мало просвѣщенные“; безконечное разстояніе, раздѣляющее министра отъ жителей провинціи, „не позволяетъ ему оцѣнить обстоятельства, представляющіяся при дворѣ, какъ мелочныя, но имѣющія на дѣлѣ весьма важныя послѣдствія“ — никто не знаетъ мѣстныхъ нуждъ!

Въ Авенѣ противники *subdélégué* жалуются на зависимость, въ какой онъ держалъ деревенскихъ представителей ⁴⁾).

¹⁾ Бреттъ (см. статью въ „*Révolution Française*“, отъ 14-го ноября 1896 г.), замѣтившій эти умолчанія, не далъ ему надлежащаго объясненія.

²⁾ В 2, I. В. № 65, жалоба M. de La Rue хранителю печати 12-го апрѣля. На подлинномъ листѣ сдѣлана помѣтка „Belaire“, по ошибкѣ вѣроятно чиновника, неправильно прочитавшаго надпись. Ссылку на этотъ документъ, см. у *Ducal. Cahiers de la Marche* (Paris 1873) 192.

³⁾ В III, 51, 277—281, 15-го марта. Не слѣдуетъ придавать слишкомъ большаго значенія либерализму и смѣлости этой тирады, направленной противъ администраціи судейскимъ, который тутъ же жалуется, что въ избирательныхъ собраніяхъ допускаются всѣ безъ различія (*indistinctement*) и что „всѣ думаютъ, будто дозволено говорить что угодно, разъ король разрѣшилъ высказаться“. Съ указанной оговоркой, письмо это представляетъ однако драгоцѣнное показаніе.

⁴⁾ В III, 154, 465. 21-го марта.

Ланскій лейтенантъ извѣщаетъ ¹⁾ министра, что 2 *subdélégués* попали въ представители сенешоссея; „еще *subdélégués!* скажете вы, монсеньерь, какъ же этому удивляться“, если изъ 324 избирателей, по крайней мѣрѣ 260—деревенскіе жители!

Помимо своихъ административныхъ обязанностей, эти чиновники были часто по своему положенію самыми сильными людьми въ околоткѣ. Въ Гизѣ *Vieville des Essarts* былъ меромъ города. Въ Бургони, по свидѣтельству Амело, большая часть этихъ чиновниковъ были крупными землевладѣльцами ²⁾. Пресловутый Орсо былъ также землевладѣльцемъ, королевскимъ адвокатомъ и прокуроромъ бальяжа, независимо отъ административныхъ своихъ обязанностей. Нѣкоторые *subdélégués* были, какъ выше уже указано, одновременно также лейтенантами; въ старомъ порядкѣ возможно было самое широкое и странное для насъ совмѣстительство, такъ какъ судебныя должности приобрѣтались покупкою. Очевидно, что *subdélégués*, какія бы должности они ни совмѣщали, принадлежали къ самымъ сильнымъ людямъ въ средѣ третьяго сословія.

Къ тому же эти сильные въ своемъ околоткѣ люди иногда не брезгали средствами для полученія избирательныхъ голосовъ и въ этомъ смыслѣ оправдывали травлю, предметомъ которой они были въ публицистикѣ и въ нѣкоторыхъ собраніяхъ. Въ Тарбѣ мало любимый *Vergès*, пользуясь тѣмъ, что многіе избиратели заходили къ нему въ присутствіе (*en son hôtel*) по дѣламъ, предлагалъ имъ себя въ депутаты и раздавалъ безграмотнымъ избирательныя записки съ своимъ именемъ. Кромѣ того, у него были избирательные агенты, продѣлывавшіе то же самое. Правда, въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ въ такомъ поступкѣ не было бы ничего предосудительнаго. Но слѣдуетъ считаться съ духомъ времени. У всякой эпохи своя политическая этика. Въ 1789 г. такія дѣйствія считались преступными и во всей Франціи не разъ служили причиной возобновленія выборовъ съ исключеніемъ уличенныхъ лицъ. Раздача *billets* безграмотнымъ считалась какъ въ правительствѣ, такъ и въ обществѣ рѣшительнымъ доводомъ въ пользу признанія выборовъ недѣйствительными. Неудивительно, что въ Тарбѣ возбуждено было цѣлое дѣло, причемъ лейтенантъ исключялъ изъ со-

¹⁾ В Ш, 19, 247. Совмѣстное посланіе нѣкоторыхъ депутатовъ министру юстиціи (*Avesnes*).

²⁾ В Ш, 17, 119. Письмо Неккеру 7-го марта.

бранія избирательнаго агента, а королевскій прокуроръ началъ даже форменное слѣдствіе ¹⁾ по этому поводу.

Въ Авенскомъ бальяжѣ, въ особенности въ городахъ Givet, Fumay Révin, Maubeuge образовалась цѣлая партія сторонниковъ администраціи—*parti de la subdélégation*, противъ сеньера (*comte de Bryas*) и его сторонниковъ. При этомъ одни указывали на недостатки сеньеріальнаго режима, а другіе — на злоупотребленія администраціи. Въ ходъ было пущено, при случаѣ, давленіе, передержки при редакціи наказовъ и т. п. средства, если судить по обвиненіямъ, взводимымъ обѣими партіями другъ на друга. Достоверно одно— администрація въ этой мѣстности была силой, принявшею дѣятельное участіе въ избирательной борьбѣ ²⁾.

Тамъ, гдѣ *subdélégués* попадали въ избирательныя собранія, они, благодаря своему влиянію, играли далеко не послѣднюю роль. Орсо былъ первымъ комиссаромъ по редакціи Ромфорскаго наказа и лично составилъ нѣсколько статей его. Гонкуръ, въ составѣ комиссаровъ по Бурмонскому наказу, былъ однимъ изъ двухъ его главныхъ редакторовъ. Въ Fumay Реньяръ предъ выборами созвалъ къ себѣ частнымъ образомъ муниципальныя власти и на этомъ совѣщаніи ему поручено составить проектъ будущаго наказа, который послужилъ бы канвой для работы избирательнаго собранія.

Въ Augillac ³⁾ чиновникъ вмѣшался въ дѣла собранія даже не какъ членъ его, а совсѣмъ со стороны. Когда тамъ образовалась партія, враждебная привилегированнымъ судейскимъ, требующая, чтобы королевскій прокуроръ не подлежалъ избранію и т. д., растерявшійся лейтенантъ, не имѣя возможности, за краткостью времени, дожидаться рѣшенія министра, обратился къ *subdélégué*, прося посредничества индѣвданта въ этомъ дѣлѣ. Между тѣмъ отвѣтъ послѣдняго заста-

¹⁾ *Bicaud* (abbé). *La Bigorre pendant la Révolution* (Paris 1894), 199 — 205. В III, 32, 415—430, 467—478, и *passim*. Письма лейтенанта хранителю печати 9-го и 21-го апрѣля; „*Information sur fait de subornation et distribution de billets*“. Чтобы сокрыть слѣды соучастія самого чиновника, пускались въ ходъ такія средства, какъ кража или утайка документовъ.

²⁾ В, III, 19, 291, 277—279, 289—292, 864—875, 852—856. Въ 17 l. 20, 6°—17° *passim*. *Subdélégués* были Harlet въ Авенѣ, Hennet въ Bavaï, Реньяръ въ Fumay Révin.

³⁾ В III, 136, 354 — 444, 450 — 456. Въ 41, l. 87, 1°, 2° (особая свѣдка въ дѣлѣ St. Flour). Протоколы *subdélégués* и лейтенанта; письмо послѣдняго министру юстиціи 24-го марта и прокурора Неккьеру того же числа.

вилъ себя ждаты, а въ собраніи пошли такія несогласія, что одинъ изъ его членовъ (докторъ) послалъ за *subdélégué*, требуя составленія протокола относительно нарушенія порядка. Само собою разумѣется, что лейтенантъ и королевскій прокуроръ были крайне недовольны такимъ вмѣшательствомъ, тѣмъ болѣе, что *subdélégué* высказалъ въ собраніи взгляды расходившіеся съ ихъ мнѣніями.

Приведенныхъ фактовъ достаточно для уясненія того положенія, что значеніе администраціи, при всей относительной незначительности ея роли, должно быть принято во вниманіе при оцѣнкѣ различныхъ факторовъ воздѣйствія на избирателей. Что касается духа этого воздѣйствія, то вѣроятно чиновники не отличались особою широтою взгляда и стремленіемъ къ преобразованіямъ, которыя подрѣзали бы въ корнѣ денежныя злоупотребленія, бывшія основою ихъ благополучія.

Характерно, напримѣръ, посланіе абвильскаго *subdélégué* къ Некеру, свидѣтельствующее, впрочемъ, о недужинномъ дарованіи автора. Онъ говоритъ, что всѣ умы охвачены величайшимъ броженіемъ, провинція наводнена проектами наказовъ, „пресса стонетъ со всѣхъ сторонъ“, всюду громкія слова, красивыя фразы! „Я *subdélégué*, мое увольненіе написано во всѣхъ наказахъ, заодно съ интендантами“. Тѣмъ не менѣе къ нему обратились за совѣтами нѣсколько чело-вѣкъ изъ созданныхъ приходовъ — на счетъ содержанія наказовъ. „Мой отвѣтъ былъ скоръ — пощупайте себя, не спрашиваютъ, гдѣ зло, когда его чувствуютъ,—видимо они затруднялись предлагать что-нибудь дѣльное, а бросились на общія мѣста“ въ родѣ отиѣны талия и т. п. „Но это все не идетъ къ дѣлу и не даетъ правдиваго изображенія кантона, въ которыхъ я живу и за который только я намѣренъ говорить“. Дѣло въ томъ, что арендныя цѣны страшно поднялись. „Всѣ признаютъ вѣрность этого, но прибавляютъ, что не слѣдуетъ сообщать этихъ фактовъ, что надо жаловаться, а не давать показанія, которыхъ не требуютъ; изъ этого я заключилъ, что народы еще не излѣчились отъ духа недовѣрія, такъ легко дѣлающаго людей несправедливыми“. Тутъ администраторъ забываетъ, что обѣщаль говоритъ лишь о кантонѣ, и перескакиваетъ также на общую тему: дефицитъ государственнаго казначейства зависитъ отъ несоотвѣтствія податей увеличившимся доходамъ, а не отъ бѣдности, которой нѣтъ. „Никогда подданные не были въ такихъ хорошихъ жилищахъ, такъ хорошо накормлены, такъ хорошо одѣты“. Правда, бѣдняки остаются по прежнему несчастными, но и миллиарды не по-

могутъ имъ выйдти изъ своего положенія бѣдности и отверженности, въ которомъ они благодушествуютъ¹⁾, ибо, заработавъ нѣсколько су и воспользовавшись поддержкой благотворительности, тратятъ сейчасъ все въ кабаки или на излишества въ родѣ нарядовъ, табаку и т. д. Простонародье (*bas peuple*) съ своей неразумительностью (*extravagance*) постоянно бѣжитъ къ своей гибели, между тѣмъ цѣна земли и домовъ болѣе чѣмъ удвоилась, вездѣ выростають новыя зданія, крестьяне на расхватъ разбирають продаваемыя земли и страшно поднимають цѣну²⁾.

Это разсужденіе въ нѣкоторыхъ своихъ чертахъ справедливо, какъ наблюденіе роста капитализма въ сѣверной Франціи—классической тогда области развитія крупнаго фермерства и обрабатывающей промышленности.

Но неудивительно, если большинству избирателей 1789 года, настойчиво жаловавшихся на всеобщую бѣдность, такія разсужденія были не по душѣ.

Въ *Sens*³⁾, по свидѣтельству протокола горожанъ⁴⁾, *subdélégué* (*Baudry*) имѣлъ безтактность и „дерзость“ обозвать народъ канальей (*canaille*) по поводу поднявшаго пѣлюю бурю вопроса объ исключеніи изъ собранія третьяго сословія привилегированныхъ его членовъ. Эта исторія приняла настолько серьезный оборотъ, что въ дѣло вмѣшался государственный совѣтъ, предписавшій „молчаніе“ и запретившій отъ имени короля продолженіе споровъ, „которые его величество хочетъ потушить“ (4-го апрѣля).

Въ Гизѣ⁵⁾ упомянутый *Vieville des Essarts* писалъ своему на-

¹⁾ De misère et d'abjection, dans lequel elle se plait.

²⁾ В^а 9, l. 1. Ponthieu (Abbeville) очень неразборчивое письмо отъ 6-го апрѣля, съ подляскою: Defresne.

³⁾ В III. 143, 467—657 развѣн, особенно 643—646. В^а 79, l. 188, 2°. Текстъ постановленія 4-го апрѣля см. у Бретта. По словамъ горожанъ, одинъ привилегированный сказалъ про народъ: „Чего вы хотите отъ этихъ людей? Это звѣри, это лошади“. Одинъ изъ горожанъ отвѣчалъ, что они не звѣри, а французы. М. de Lavergne возражалъ: „Мы также французы“, но получилъ отвѣтъ: „Такъ докажете же это, отказавшись, какъ мы, для блага государства, славы монарха и поддержанія отечества, отъ вашихъ привилегій и избытка вашихъ богатствъ“.

⁴⁾ Городская дума и въ особенности меръ были на сторонѣ демократической партіи.

⁵⁾ См. *Fleury*, Elections aux Etats Généraux de 1789. (Laon, 1872), предисловіе, стр. 30. Онъ былъ членомъ феодальнаго комитета, подавъ въ комитетъ записку противъ казни короля, самъ едва избѣжалъ смертной казни и получилъ бранство при имперіи.

чальнику — интенданту суассонскому: „Такъ какъ голоса исчисляются, а не взвѣшиваются, такъ какъ голосъ послѣдняго гражданина составляетъ такую же цифру, какъ и голосъ перваго, то интриганъ всегда будетъ имѣть успѣхъ: легко будетъ привести съ собою кучу наемниковъ, которые своимъ числомъ подчинятъ видныхъ гражданъ. *Министръ долженъ былъ предвидѣть эти неудобства* и почувствовать, какъ несправедливо, что голосъ возчика нечистотъ (voieure), движимаго только данными ему импульсами и такъ-сказать не имѣющаго интереса въ общественномъ дѣлѣ, считается наравнѣ съ первымъ должностнымъ лицомъ“. Такъ чиновникъ, будущій членъ національнаго собранія, осуждалъ программу большинства образованныхъ французовъ XVIII вѣка, проведенную Неккеромъ и одобренную Людовикомъ XVI.

Если придавать подобнымъ свидѣтельствамъ о настроеніи чиновниковъ распространительное толкованіе, то этимъ объясняется можетъ быть, вѣсколько преувеличенная ревность, съ которою передовые люди того времени противодействовали администраціи въ избирательныхъ собраніяхъ. Вліяніе, оказанное лейтенантами, и вліяніе sub-délégués, — величины прямо несознѣримыя. Если говорить только о свободѣ, то радикальные публицисты просмотрѣли отчасти главную опасность для этой свободы — отдачу всего дѣла выборовъ подъ начало могущественнаго судебного сословія.

Разгадка въ томъ, что судейскіе подавали руку либеральному движенію и этимъ пускали пыль въ глаза. Въ высшей магистратурѣ очень сильны были оппозиціонныя традиціи парламентовъ, не такъ давно боровшихся съ „министерскимъ деспотизмомъ“, выдвинувшихъ на этомъ поприщѣ своего рода героевъ и мучениковъ. Пусть источникъ этой оппозиціи былъ сословно-корпоративнаго характера — проявленія этого движенія были настоящей демагогіей и игрой въ крайній радикализмъ.

Къ тому же главнымъ ядромъ либеральнаго движенія были адвокаты, которымъ консервативные писатели и знаменитый Бёркъ приписывали отвѣтственность за оппозиціонное настроеніе національнаго собранія.

Среди предсѣдательствующихъ въ 3-мъ сословіи лейтенантовъ сказывалось два теченія. Нѣкоторые изъ нихъ шли заодно съ либералами крайняго оттѣнка, другіе наоборотъ представляли умѣренное начало. Въ St. Pierre le Moustier лейтенантъ (de Baudreuille) произнесъ длинную рѣчь „зажигательную“, оскорбительную по отношенію

къ дворянству и духовенству, „неприличную“ по отношенію къ губернатору Ниверне ¹⁾. А рядомъ, въ Неверѣ, лейтенантъ говорилъ умѣренно и „мудро“. Въ *Mantes et Meulan* балъи ²⁾ доносили на лейтенанта, произнесшаго рѣчь о притѣсненіи слабого сильнымъ, о виломъ работѣтствѣ слабыхъ, объ исконныхъ правахъ нація, о полномъ равенствѣ лицъ разныхъ сословій; балъи не довольствовались отвѣтомъ на эту рѣчь, но прислали ей текстъ начальству, прося „положить предѣлъ горячности нѣкоторыхъ лицъ, жадныхъ до популярности“. Во время выборовъ ³⁾ поведение этого лейтенанта возбудило на него нареканія также со стороны интенданта, писавшаго министру, что предсѣдатель своимъ рѣзкимъ предложеніемъ былъ причиною рѣшенія не сливать во-едино наказовъ 3-хъ сословій (иначе говоря не поступаться желаніями 3-го сословія въ пользу высшихъ); „привилегированныя сословія, повидимому, недовольны его поведеніемъ и многіе благоразумные члены 3-го—громко на него жалуются“.

Понятно, что по такимъ единичнымъ фактамъ невозможно судить о настроеніи лейтенантовъ вообще, тѣмъ болѣе, что сен-пьерскій и мавтскій либеральные предсѣдатели ставили свою кандидатуру въ депутаты и дѣйствительно были избраны, а первый изъ нихъ, кромѣ того, мстилъ правительству за отрицательное отношеніе къ претензіямъ этого округа на юрисдикцію въ Неверскомъ балъяжѣ. Насколько трудно принимать въ серьезъ подобнаго рода либерализмъ, видно изъ примѣра, бывшаго въ захолустномъ второстепенномъ округѣ *Uzerche*. Лейтенантъ *de Chiniac*, вопреки регламенту, разослалъ по всѣмъ приходамъ составленный имъ проектъ наказа, съ рѣзкою выходкой противъ дворянства. Но когда это сословіе потребовало удовлетворенія въ собраніи главнаго округа, куда *Chiniac* былъ избранъ однимъ изъ представителей своей сенешосеи, то лейтенантъ высказалъ свое сожалѣніе о случившемся, распространился о своемъ уваженіи къ дворянству, торжественно отрекся отъ своихъ словъ, какъ необдуманно

¹⁾ *Labot*, Convocation des Etats Généraux de 1789 (Paris 1866) 414. 415.

²⁾ В III 80, 16 — 33. Балъи въ отвѣтъ говорилъ народу, что полное равенство несовмѣстимо съ монархіей, что слѣдуетъ всего ждать отъ благостынн короля, но ничего не требовать, призывалъ къ мудрой умѣренности. Лейтенантъ съ своей стороны жаловался, что балъи вышивается не въ свое дѣло.

³⁾ В III 81, 112 — 115. Письмо интенданта парижскаго отъ 17-го марта. Имя лейтенанта *Meunier du Breuil*.

вышедшихъ изъ-подъ пера его „въ пылу сочинительства“, въ спѣшкѣ работы, выполненной наскоро въ одну ночь ¹⁾).

Такъ легко отказывался отъ своихъ словъ человѣкъ, которому грозило только исключеніе изъ избирательнаго собранія главной сенешоссеи, авторъ рѣзкаго писанія, порицаемаго Неккеромъ, помимо факта нарушенія закона, за преувеличенныя жалобы, рискованныя требованія, за огульное осужденіе всѣхъ частей администраціи.

Какъ видно изъ этого примѣра, не слѣдуетъ придавать слишкомъ большаго значенія либеральнымъ рѣчамъ лейтенантовъ. Однако ихъ слѣдуетъ отмѣтить, какъ признакъ настроенія этихъ должностныхъ лицъ и какъ объясненіе того обстоятельства, что сила ихъ воздѣйствія не была предусмотрѣна публицистами, недостаточно подмѣчена самими свидѣтелями событій. Главнымъ побужденіемъ лейтенантовъ было, какъ выяснено всѣмъ вышеизложеннымъ — властолюбіе. Оно побуждало ихъ говорить длинныя рѣчи во вкусъ времени, въ надеждѣ попасть въ депутаты, оно же съ другой стороны заставляло ихъ ревниво относиться къ прерогативѣ своей власти. Такъ, въ Немурѣ лейтенантъ ²⁾ протестовалъ противъ балы виконта de Ноаля, отказавшагося быть на основаніи закона предсѣдателемъ соединеннаго засѣданія сословій и принявшаго, наконецъ, это званіе только по избраніи, послѣ усиленныхъ настояній и выраженной сочувствія со стороны избирателей.

Предсѣдатели собраній третьяго сословія постоянно колебались между желаніемъ снискать себѣ сочувствіе избирателей и рѣшимостью не поступаться своею властью.

Во всякомъ случаѣ, эта власть проявляла свою силу очень часто весьма дѣйствительно, подчасъ и довольно грубо. Поэтому каковы бы ни были намѣренія правительства, судьи, силою вещей, должны были оказать замѣтное вліяніе на окраску и содержаніе знаменитыхъ окружныхъ наказовъ 1789 г., и на общій ходъ выборовъ въ національное

¹⁾ Возбуждавшая бурю тирада касалась допущенія буржуазіи на офицерскія мѣста въ войскахъ. Большинство французскаго народа, то-есть крестьянство, этимъ требованіемъ весьма мало интересовалось. В. III 73^а, 449bis—450bis, 512—545, Письмо Неккера хранителю печати съ осужденіемъ поведенія лейтенанта, письмо послѣдняго, разбирательство дѣла объ оскорбленіи дворянства, брошюра лейтенанта объ этомъ эпизодѣ. Оправданія Шиньяка передъ общественнымъ мнѣніемъ въ высшей степени жалки: онъ старается смягчить позоръ своего отреченія.

²⁾ В III 95, 122, 124, 257. Протоколы.

собраніе. Отъ того, что это происходило вопреки видамъ и безъ вѣдома короля и его министровъ, дѣло ничуть не мѣняется. Недаромъ Неккеру пишутъ, чтобы онъ не вѣрилъ протоколамъ, все равно подписаннымъ или не подписаннымъ, такъ какъ подписи часто добываются благодаря угодничеству, страху или недоразумѣнію ¹⁾).

Но въ чемъ же заключалось содержаніе этого воздѣйствія судебной власти?

Особенно важно по своимъ послѣдствіямъ было то, что, въ общемъ, несмотря на разнообразіе личныхъ особенностей и мѣстныхъ условій, всѣ эти сплетающіяся нити воздѣйствія, начиная отъ насилія и кончая едва замѣтнымъ, неувидимымъ понужденіемъ, имѣли въ концѣ концовъ одно общее направленіе.

Если съ одной стороны корпоративный интересъ побуждалъ лейтенантовъ отстаивать судебскія привилегіи и затереть слишкомъ рѣзкіе проекты судебной реформы, то съ другой—„духъ времени“ и честолюбіе предрасполагало ихъ къ разговорамъ о конституціи, одинаково дорогой всѣмъ сословіямъ. Что же касается социальнаго вопроса, наиболѣе близкаго народу и отодвинутаго въ ту минуту на второй планъ, то лейтенанты были обыкновенно представителями умѣренной фракціи, высшихъ разрядовъ буржуазіи.

Буржуазія въ 1789 году была уже классомъ, вполне выдѣлявшимся изъ народа, а такъ-называемый „haut tiers“ гораздо болѣе близкимъ къ дворянству, ряды котораго онъ постоянно пополнялъ притокомъ свѣжей крови и крупныхъ денежныхъ средствъ, чѣмъ къ низшимъ слоямъ общества.

Пусть современники этихъ событій, въ родѣ радикальныхъ Сибеса и Вольея, протестовали противъ различія буржуазіи и народа, которыми пользовалась тогда аристократія для того, чтобы посягнуть на разногласія въ рядахъ 3-го сословія. Пусть французскіе историки и республиканскіе публицисты нашихъ дней повторяютъ то же ретроспективное отрицаніе классоваго антагонизма, признаваемаго, однако, двумя крайними теченіями мысли—реакціонерами съ одной стороны и социалистами съ другой.

Болѣе внимательное изученіе выборовъ покажетъ, что антагонизмъ

¹⁾ В Ш 142, 349 — 355. Ва. 79 l. 187. Beaumont sur Oise особая связка въ дѣлѣ Сенласа 3°. Письмо М. de Maizières 15-го марта (l'on doit souvent les signatures ou à la complaisance, ou à la crainte, ou à la surprise).

уже существовалъ и выступалъ не разъ въ эту великую историческую минуту, когда 3-е сословіе было само заинтересовано въ своемъ внутреннемъ единствѣ.

Основнымъ желаніемъ крестьянства, то-есть большинства населенія земледѣльской страны со слабо развитою промышленностью — было устраненіе феодальныхъ правъ, того пережитка старины, который получалъ новую жизненность именно въ послѣдніе годы существованія стараго порядка — въ такъ-называемой феодальной реакціи. Между тѣмъ высшая буржуазія и сонмъ низшихъ агентовъ сенъеріальнаго режима, то-есть также представители 3-го сословія, были прямо заинтересованы въ сохраненіи феодальныхъ правъ.

Что же касается передовыхъ политическихъ дѣятелей буржуазіи, то они, неувѣренные въ своихъ силахъ, думали войти въ сдѣлку съ высшими сословіями: послѣдніе откажутся отъ податныхъ изъятій, а буржуазія повременить съ удовлетвореніемъ крестьянскихъ желаній, чтобы соединенными усиліями всѣхъ сословіи сломить административный произволъ и выработать констатую.

Впрочемъ, объ этомъ рѣчь впереди. Для выясненія же роли мѣстной власти достаточно отмѣтить, что она, при всей своей насильственности, плыла по теченію, ничего новаго въ жизнь не вносила, а напротивъ, придавала новую силу тому, что было и безъ того уже сильно. Лейтенанты были союзниками высшей буржуазіи, искавшей союза, а не борьбы съ дворянствомъ, подъ условіемъ его отказа отъ податныхъ изъятій.

Предсѣдатели, мечтая о гармоніи (*harmonie*) между сословіями, добивались уступокъ со стороны „*leurs Etat*“, противодействовали травлѣ сенъеріальныхъ агентовъ, устраненію привилегированныхъ членовъ буржуазіи и главное—требованію отмены феодальныхъ правъ. За исключеніемъ личныхъ дразгъ, мѣстныхъ интересовъ и борьбы разыгравшихся честолюбій, главное содержаніе избирательной борьбы въ бальяжахъ и сенешоссеяхъ заключалось въ проведеніи этой программы.

Но эта программа была непонятна простому народу, наполнявшему первичныя, приходскія избирательныя собранія. По теоріи эти *assemblées des paroisses* должны были дать рѣшающее направленіе всему избирательному періоду. Приходъ составлялъ свой наказъ и посылалъ своихъ излюбленныхъ людей въ бальяжъ или сенешоссею, гдѣ этотъ наказъ сводился съ подобными же наказами и гдѣ излюбленные приходами люди избирали народныхъ представителей. Но на

дѣлѣ вышло не такъ просто. Избиратель 1789 года, несмотря на благожелательно-разсѣянное отношеніе къ нему правящихъ сферъ, былъ въ тискахъ общественной организаціи стараго порядка. Регламентъ не только не противодѣйствовалъ вліянію этихъ условий, но еще крѣпче сжималъ эти тиски. Если благія намѣренія правительства оказывались подчасъ мертвою буквой даже въ окончательныхъ избирательныхъ собраніяхъ въ городахъ, на глазахъ у всѣхъ и при сравнительно независимомъ положеніи избирателей, то въ еще большей степени можно это сказать о деревенскомъ захолустѣ, гдѣ мѣстному произволу былъ открытъ полный просторъ при встрѣчѣ съ темною и бѣдною массою, связанною жизненными отношеніями и самимъ регламентомъ по рукамъ и по ногамъ.

А. Шу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Н. МАЙКОВЪ КАКЪ ИСТОРИКЪ.

(Род. 23-го мая 1821 г., умеръ 8-го марта 1897 г.)

I.

Весьма многіе наши поэты—Пушкинъ, Лермонтовъ, гр. Ал. Толстой, Майковъ и др.—интересовались исторіей, и не только читали, но и писали сами историческія произведенія. А. Н. Майковъ не оставилъ послѣ себя крупныхъ историческихъ трудовъ, а между тѣмъ, знакомясь съ его жизнью, мы замѣчаемъ, что мысль его постоянно работала надъ исторіей, что главное его поэтическое произведеніе интересовавшее его болѣе двадцати лѣтъ, появившееся въ нѣсколькихъ редакціяхъ, имѣетъ самое близкое отношеніе къ исторіи. Его убѣжденія, его міросозерцаніе, его художественное настроеніе, его литературное направленіе объясняются не столько его выборомъ знакомыхъ и друзей или окружающею средой, сколько выборомъ историческихъ книгъ для чтенія. Въ исторіи, какъ наукѣ, онъ находилъ для себя окончательное оправданіе въ выборѣ своего направленія. Разумѣется, А. Н. Майковъ прежде всего поэтъ, а не историкъ, но самыя задачи, которыя интересовали его въ мірѣ поэзіи и образовъ, сближали его съ исторіей. Историческій элементъ занимаетъ видное мѣсто въ его поэтическомъ творчествѣ. Изъ исторіи онъ бралъ для своихъ поэтическихъ произведеній характеристическія черты о людяхъ и жизни отдаленнаго прошлаго, исторія же давала ему колоритъ, краски, воздухъ въ исполненіи образовъ. Въ жизни А. Н. Майкова всего замѣтнѣе два направленія: сначала въ поэтическихъ своихъ произведеніяхъ онъ является грекомъ и римляниномъ, потомъ становится русскимъ и притомъ до нѣкоторой степени славянофиломъ, по-

тому что, оставаясь такимъ, онъ въ то же время относился къ ученію славянофиловъ критически и нѣкоторыя убѣжденія ихъ, напримѣръ о Петрѣ Великомъ, вовсе отвергалъ. Онъ воспитался самъ на исторіи Карамзина и былъ современникомъ двухъ поколѣній русскихъ историковъ славянофиловъ. Въ молодыхъ годахъ А. Н. Майковъ думалъ заниматься живописью и, чтобы усовершенствоваться, уѣхалъ въ Италію, но здѣсь занимался болѣе изученіемъ жизни древнихъ народовъ, чѣмъ живописью, и чаще задумывался надъ смысломъ ея, надъ тѣмъ, выше-ли была эта жизнь нашей христіанской, или нѣтъ. Поэзія была бессильна разрѣшить ему такой вопросъ, и онъ обратился за разрѣшеніемъ къ исторіи. Результатомъ занятій его исторіей было то, что онъ сдѣлался изъ поклонника древнихъ грековъ и римлянъ христіаниномъ, а затѣмъ и русскимъ, въ смыслѣ православнаго славянофила. Такимъ образомъ, исторіи принадлежитъ довольно видное мѣсто въ ходѣ развитія внутренней жизни А. Н. Майкова. Вліяніе друзей его было тоже большею частью въ славянофильскомъ направленіи. Одни отыскивали въ жизни А. Н. Майкова слѣды различныхъ направленій, но самъ поэтъ призналъ для себя важными только указанныя нами выше направленія и отказался перепечатывать въ полномъ собраніи своихъ сочиненій пьесы, не отвѣчавшія имъ. Поэтическая сторона произведеній А. Н. Майкова не входитъ въ нашъ планъ и, намъ кажется, что подвести итогъ ей, прежде чѣмъ не будетъ вполне разработана его біографія, прежде чѣмъ выяснится самая исторія послѣдняго времени, было бы преждевременнымъ. О Майковѣ, какъ историкѣ, мало кто знаетъ, знаютъ его, какъ поэта. Ему, какъ историку, пришлось высказаться, что въ ученіи славянофиловъ онъ нашелъ болѣе правды, чѣмъ въ западническомъ наклонѣ, что въ народѣ и въ допетровской Руси онъ видитъ тѣ начала, на которыя можетъ опереться жизнь и современнаго общества, и въ этихъ словахъ заключается разгадка многого и въ поэтической дѣятельности А. Н. Майкова.

II.

Въ первый періодъ развитія своего творчества Майковъ былъ далеко не славянофилъ. Было даже время, когда онъ былъ западникомъ, былъ близкъ къ кружку Бѣлинскаго и участвовалъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* и *Современникѣ*. Правда, обращеніе его въ западника было далеко не полное и Майковъ въ то же время былъ бли-

зокъ и къ молодой редакціи *Москвитянина*, читаль его и пѣвнялся славянскимъ міромъ и гордился тѣмъ, что родомъ самъ москвичъ. Раннія его стихотворенія (1838 — 1841) были въ антологическомъ родѣ. Это былъ первый пробный камень артистическаго элемента въ поэтѣ. Они имѣли успѣхъ, тогда какъ другія не-антологическія стихотворенія успѣха не имѣли. Бѣлинскій уже тогда замѣтилъ, что исключительная преданность поэта древнему міру (и притомъ далеко не вполне понятую), безъ всякаго живаго, кровнаго сочувствія къ современному міру, не можетъ сдѣлать великимъ или особенно замѣчательнымъ поэта нашего времени. Характеристика антологическихъ стихотвореній Майкова давно уже сдѣлана и намъ прибавить къ ней придется немного. Въ нихъ онъ воспѣвалъ жизнь безъ тревогъ, подобную свѣтлому дню, сладкозвучный шумъ ручья, ропотъ моря, красоту южной природы, картины вечера, виноградники богатаго Фалерна и розы Пестума—, „и Рима древняго священныя громады и утромъ ранній дымъ сабинскихъ деревень“. Онъ воспѣвалъ любовь, дріадъ, увѣнчанныхъ дубовыми листьями, купающихся нимфъ, и Феба свѣтлаго, Сильвана съ фавнами и Пана кроткаго. Онъ говорилъ и о призваніи поэта и о значеніи искусства: поэтъ сводитъ небо на землю и небесное, при помощи искусства, воскресаетъ на землѣ. Какъ это дѣлается, — навсегда останется то для насъ тайной: откуда берется стихъ поэта и для кого, почему онъ слагается такъ, а не иначе, — все будетъ тайной. А между тѣмъ одна поэзія дѣлаетъ жизнь поэта и прекрасною и милою, одно искусство помогаетъ ему въ томъ, какъ помогаетъ и музыканту изъ тростника, растущаго на прибрежьи моря. сдѣлавши отверстія, вызывать волшебные звуки. Въ слѣдующіе года (1841—1842) Майковъ увлекается поэзіей Горация, Овидія, Проперція, переводитъ ихъ, и наконецъ самъ ѣдетъ въ Римъ (1842). Здѣсь еще болѣе отдается онъ обаянію античной древности и становится по душѣ грекомъ и римляниномъ. Но здѣсь же расширяются рамки его творчества и среди впечатлѣній, навѣваемыхъ на душу чужою природою и чужою исторіей, поэтъ вспоминаетъ съ грустью и о своемъ родномъ убогомъ сѣверѣ, о бѣдной русской природѣ и ея лѣсахъ, не говорящихъ пока ничего его античной лирѣ. Въ Италиі на этотъ разъ А. Н. Майковъ прожилъ цѣлый годъ (1842—1843). Онъ былъ въ другой разъ въ Италиі позднѣе, въ 1858 г., но это второе путешествіе менѣе важно для насъ, чѣмъ первое. Майковъ тогда уже болѣе занимался новогреческими пѣснями и Неаполемъ вмѣсто Рима, онъ посѣтилъ тогда Грецію и Архипелагъ. Слава прежнихъ дней

Рима въ ея старинныхъ громадахъ, какъ привидѣніе, встаетъ теперь передъ нимъ изъ своихъ руинъ и для поэта все другое или теряется, или меркнетъ передъ ней. Памятники древняго Рима заставляютъ трепетать его я, увлеченный окружающимъ, онъ видитъ въ нихъ созданія боговъ, а не людей. Онъ понялъ лучше прежняго теперь эту поэзію прошедшаго, этотъ поэтический элементъ въ исторіи. Увидѣвъ въ ватиканскомъ музеѣ Лаокоона, Майковъ слышалъ вонзъ и ревъ его и въ его ухахъ звенѣла вновь стрѣла изъ лука Аполлона. Въ лунномъ сумракѣ, съ гирляндю аркадъ, предсталъ впервые его взорамъ Колизей. Майковъ видѣлъ и другія развалины водопроводовъ и цирковъ, опустѣлыя, заросшія полынью и терномъ, а прежде оживаенныя народомъ; любовался и красотою сложенныхъ изъ тростника и глины домишекъ, прилѣпившихся гдѣ-нибудь къ старинной аркѣ. Для Майкова теперь и мраморъ, отысканный среди пепла и камней въ могилахъ, казался уже не простымъ мраморомъ, а хранилищемъ мыслей отжившихъ поколѣній. Для него и римляне, великіе въ бѣдахъ и въ битвѣ и въ сенатѣ, были великіе въ добрѣ, великіе въ развратѣ. Въ старомъ Римѣ, думалъ онъ, умѣли жить, умѣли умирать: созвавъ друзей, открывши себѣ жилы, вселенную учили, какъ должно умирать. Затѣмъ большая часть *Очерковъ Рима* Майкова, откуда мы беремъ эти подробности, посвящена описанію красавицъ и любви, которыя насъ не интересуютъ, такъ какъ мы имѣемъ въ виду опредѣлить одно историческое воздѣйствіе Италіи на душу поэта.

Величіе древняго Рима, всецѣло основанное на гордомъ сознаніи своей силы, на безпощадной суровости къ другимъ народамъ, даже на жестокости, глубоко поражаетъ воображеніе Майкова. Какъ случилось, что палъ этотъ вѣчный Римъ? Майковъ много думалъ надъ этимъ вопросомъ и обратился за его разрѣшеніемъ къ исторіи. Здѣсь онъ нашелъ то, чего искалъ; нашелъ объясненіе и другое лично для себя—какъ односторонне было его увлеченіе древнимъ міромъ. Затѣмъ крымская кампанія и паденіе Севастополя еще болѣе доказали ему, что его прежнее античное настроеніе не выдерживаетъ болѣе критики. Послѣ пораженія подъ Севастополемъ, когда была узвѣлена наша патріотическая гордость, когда характеръ борьбы раскрылъ всю силу русскаго духа, онъ понялъ лучше прежняго „кто онъ“, и сталъ измѣнять свое прежнее направленіе. Это собственное признаніе поэта очень важно, когда мы прослѣдимъ, какая внутренняя связь существуетъ между настроеніемъ молодаго поэта 40-хъ годовъ и идеалами, представлявшимися умственному взору его, какъ писателя позднѣйшихъ

десятилѣтій. Какъ случилось, что пѣвецъ красоты становится писателемъ въ славянофильскомъ духѣ? Нельзя не вѣрить тому, что говорить объ этой перемѣнѣ самъ Майковъ, свидѣтельствуя, что она наступаетъ послѣ Севастопольской кампаніи, но позволяемъ себѣ представить относительно времени появленія ея и другія свои соображенія. Мы думаемъ, что, подъ вліяніемъ Жуковскаго и Плетнева, указаніе на необходимость перемѣны было дано Майкову ранѣе, чѣмъ совершился Севастопольскій погромъ. Плетневъ, знавшій Майкова еще студентомъ въ Петербургскомъ университетѣ (1837—1841), покровительствовалъ ему, устроилъ ему потомъ служебную карьеру и вообще по своему общественному положенію былъ для него авторитетомъ. Онъ былъ однимъ изъ станъ славной лебедей, спустившейся съ небесъ за стаю орловъ двѣнадцатаго года (П. А. Плетневу. 1855 г. А. Н. Майковъ). Черезъ Плетнева въ 1851 г. Жуковскій познакомился съ поэмой Майкова *Выборъ смерти*, извѣстною въ новой редакціи въ настоящее время подъ именемъ *Три смерти*, призналъ за Майковымъ истинный поэтическій талантъ и написалъ въ письмѣ къ Плетневу, что совѣтуетъ молодому поэту напитаться исторіей и знаніемъ природы и болѣе всего знаніемъ Руси, той Руси, которую намъ создала ея исторія, — Руси самодержавной, Руси христіанской (Сочиненія и переписка Плетнева. Т. III, стр. 716—717 и 723). Это письмо было прочитано Плетневымъ Майкову. Мы не будемъ выводить изъ этого факта дальнѣйшихъ заключеній въ такомъ родѣ, что совѣты Жуковскаго не прошли безслѣдно для Майкова и были приняты для руководства въ его поэтической дѣятельности, хотя это могло случиться, потому что и самъ Майковъ говоритъ о Жуковскомъ, что слова его падали какъ зерно въ сердца, уготовляя ихъ къ великому (Жуковскій, стихотв. 1883); мы говоримъ только, что переворотъ, совершившійся въ міросозерцаніи Майкова, совершился не вдругъ, а постепенно, и подробная біографія поэта не забудетъ всѣхъ промежуточныхъ его ступеней. И письмо Жуковскаго, и Севастопольскій погромъ, и вліяніе Ф. И. Тютчева, для котораго, по словамъ Майкова, былъ ясенъ настоящий мигъ и тайныя грядущаго обѣты (Ф. И. Тютчеву. 1874), и другія вліянія, знакомство, напримѣръ, съ исторіей Карамзина,—все это могло, скопившись вмѣстѣ, выработать перемѣну въ міросозерцаніи Майкова, вслѣдствіе которой онъ болѣе не прежній художникъ-эпикурецъ, склоняющійся предъ гениемъ античныхъ народовъ, удовлетворяющійся вполне тѣмъ, что даетъ ему ихъ жизнь, а прежде всего русскій и съ русскимъ убѣжденіями. Рамки творче-

ства Майкова сравнительно съ первыми годами его литературной дѣятельности въ послѣдствіи значительно расширились, въ душѣ его съ образами древняго міра чередуются отраженія Запада и Востока, средневѣковой Европы, славянства и скандинавскаго сѣвера, онъ откликается и на поэтическіе мотивы иностранныхъ великихъ мастеровъ: Лонгфелло, Мицкевича, Гете и особенно Гейне, но при всемъ разнообразіи темъ и мотивовъ складъ убѣжденій поэта въ произведеніяхъ послѣдней эпохи его дѣятельности уступаетъ главное мѣсто тяготѣнію къ православному византийско-славянскому востоку. Земная, матеріальная красота, вдохновлявшая поэта въ молодости, мало по малу смѣнилась поклоненіемъ другой высшей духовной красотѣ; страстные мелодіи, навѣяныя на него южнымъ небомъ, уступили мѣсто стройнымъ гимнамъ и строгимъ размышленіямъ; вмѣсто прежняго эпикурейскаго взгляда на жизнь появлялись по временамъ черты суроваго аскетизма. Осуществленіе христіанскаго идеала Майковъ находитъ не въ Римѣ, а въ городѣ Константина, истинной столицѣ Христовой вѣры. Отъ втораго Рима Майковъ переходитъ къ третьему, который долженъ стоять во вѣки, и послѣ котораго „четвертаго не будетъ“, по горделивому заявленію русскихъ книжниковъ XV—XVI вѣковъ. Здѣсь мы видимъ уже не поэта Майкова, а Майкова историка. Определенное русское міросозерцаніе Майкова прежде всего свидѣтельствуетъ намъ о близкомъ знакомствѣ его съ русскою исторіей. Никакого паденія таланта Майкова въ послѣднія двадцать пять лѣтъ его поэтической дѣятельности мы не замѣчаемъ: черемѣна только въ смѣнѣ убѣжденій. Мы можемъ не соглашаться съ возвеличеніемъ Майковымъ Москвы и златоглаваго Кремля, или памяти Іоанна Грознаго, если это не наше убѣжденіе, но должны признать его стихи прекрасными. И Майковъ далеко не односторонній поэтъ: москвофильство не помѣшало ему увлечься *Словомъ о Полку Игоревѣ* и изложить взглядъ на древнюю Киевскую Русь вполне благоприятный.

III.

Во всемирной исторіи, по разнообразію послѣдствій, по трагическому содержанію, нѣтъ другаго равнаго по важности событія, за исключеніемъ, быть можетъ, французской революціи, какъ враждебное столкновеніе древняго греко-римскаго міра съ христіанскимъ міромъ, и недаромъ Майковъ занимался изученіемъ его почти полжизни своей. То же случилось ранѣе съ знаменитымъ историкомъ Гиббономъ, ко-

торый изъ-за своего увлеченія первоначальнымъ христіанствомъ перешелъ въ католицизмъ. Майковъ сначала отнесся къ этому событію какъ поэтъ, но потомъ понялъ недостаточность такого взгляда и обратился за разъясненіемъ его къ исторіи. Безъ помощи исторіи, безъ близкаго знакомства съ нею, одна поэзія была-бы безсильна разказать ему, какъ случилось, что древняя греко-римская цивилизація, въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ и началъ, должна была уступить мѣсто христіанской, съ ея новыми началами, совершенно противоположными и враждебными старымъ. Надобно было выбрать Майкову прежде всего самый моментъ, который всего лучше представлялъ бы все разнообразіе этой борбы, затѣмъ тѣ дѣйствующія лица, которыя всего лучше характеризовали бы собою свое время. Въ первомъ опытѣ своего поэтического изображенія столкновенія двухъ мировъ,—умирающаго языческаго и торжествующаго христіанскаго,—въ драматической поэмѣ *Олинъ и Эсфирь* (1840),—еще мало знакомый съ исторіей Майковъ сдѣлалъ большую ошибку въ выборѣ момента и лицъ. Онъ выбралъ съ своей поэмѣ римскія сцены изъ временъ пятаго вѣка, и это была ошибка. Бѣлинскій находилъ, что поэтъ неудачно выбралъ героя для своего произведенія: его Олинъ „только эпикуреецъ и больше ничего; собственно—онъ образъ безъ лица“,—тогда какъ въ противоположность христіанству слѣдовало бы избрать „последняго римлянина“, который независимо отъ всего окружающаго его въ своемъ личномъ характерѣ выразилъ бы, сколько стоическою жизнью и трагическою смертію, столько-же и тоскою по цвѣтущимъ временамъ своего отечества все субстанціальное, все, чѣмъ великъ былъ республиканскій Римъ (Соч. Бѣлинскаго, ч. 6, 124). Бѣлинскій сурово отнесся къ *Олинъ и Эсфирь*, находилъ, что въ этой поэмѣ все неглубоко, блѣдно, слабо, поверхностно и растянуто. Майковъ никогда потомъ не рѣшался перепечатывать это раннее произведеніе своей музы въ цѣльномъ видѣ. Въ лирической драмѣ *Два Мира*, несомнѣнно ведущей свое происхожденіе отъ ранняго опыта поэта, вмѣсто безличнаго эпикурейца Олинъ представителемъ умирающаго языческаго Рима является достойный потомокъ древнихъ квинтовъ, „последній римлянинъ“ Децій, боготворящій идею вѣчнаго города и безтрепетно осушающій чашу съ ядомъ, оставаясь до послѣдней минуты „на своемъ посту“. Такъ воспользовался Майковъ замѣчаніемъ критика. Еще болѣе полезныхъ для себя указаній Майковъ нашелъ въ изученія исторіи избранной имъ эпохи. Безъ знакомства съ исторіей трудно было бы выбрать моментъ для поэтического изображенія борьбы двухъ

міровъ не послѣднія времена римской имперіи, гдѣ тоже были своего рода „послѣдніе римляне“, а время расцвѣта римской цивилизаціи. Только исторія могла указать Майкову, что послѣднія времена расчлененія римской имперіи,—четвертый и пятый вѣка,—не представляютъ уже болѣе ни одного крѣпикаго по убѣжденіямъ древняго римлянина, а представляютъ одно полное вырожденіе гражданскихъ доблестей и нравственной энергіи. Развратъ подкосилъ тогда силы верхнихъ и нижнихъ слоевъ населенія Рима и сдѣлалъ ихъ неспособными къ смѣлому акту самоотверженія. Въ послѣдующихъ редакціяхъ своей темы, въ поэмкахъ *Три Смерти*, *Смерть Люція*, *Два Міра*, Майковъ, воспользовавшись всѣми указаніями и критикомъ, и исторіи, выбираетъ уже другой моментъ, и другихъ дѣйствующихъ лицъ, и каждый разъ лучше и лучше. Въ трагедіи *Два Міра* поэтъ изображаетъ столкновеніе языческаго міра съ христіанскимъ въ первый вѣкъ нашей эры, во время перваго гоненія на христіанъ, въ тотъ моментъ, когда изъ настоящихъ римлянъ никто еще не сомнѣвался, что Римъ вѣченъ, а не пустая иллюзія. Тогда было еще много „послѣднихъ римлянъ“. Языческій міръ, все разнообразіе элементовъ современнаго римскаго общества, легче давался пониманію Майкова, какъ самъ онъ говоритъ, чѣмъ изображеніе христіанскаго. „Какое-то внутреннее неудовлетворявшееся чувство не давало мнѣ успокоиться,—говоритъ Майковъ,—и я не пропускалъ ничего, что могло познакомить меня съ духомъ, образомъ и исторіей первыхъ христіанъ, главное почерпая свѣдѣнія уже не изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, а ища ихъ прямо въ литературѣ, во главѣ которой стоятъ св. Евангеліе“. Такимъ образомъ справиться съ задачей и на этотъ разъ помогла Майкову исторія.

Полной исторической картины паденія древняго Рима въ борьбѣ міра римскаго и варварскаго у Майкова и теперь нѣтъ, но онъ брался за свою задачу прежде всего какъ поэтъ, а не историкъ. Какія же чисто историческія черты въ его поэтическихъ образахъ въ трагедіи *Два Міра* въ изображенія борьбы двухъ мировоззрѣній, языческаго и христіанскаго? Майковъ представилъ намъ здѣсь истаго римлянина, носившаго въ себѣ идею Рима, гордаго патріота, могучаго духомъ, воплощавшаго въ себѣ всю прелесть и все изящество греческой образованности, тѣмъ не менѣе смотрѣвшаго на рабовъ не какъ на людей, а какъ на вещи; Майковъ отгѣнилъ эту черту, чтобы болѣе обратить вниманіе на то, какъ христіанство возвысило раба до равенства съ господиномъ. Майковъ представилъ намъ затѣмъ и римскую

религію съ обоготвореніемъ челоуѣка на землѣ въ параллели съ христіанствомъ, съ идеаломъ небеснаго царствія, передъ которымъ старый идеалъ блѣднѣетъ, что понимали и сами римляне, готовые на гибель; все разнообразіе элементовъ современнаго римскаго общества, „Римъ гетеръ, шута и мима“, съ великими памятниками искусства, и Римъ подземный, въ катакомбахъ, съ очевидцами, разказывавшими о явленіяхъ Христа по воскресеніи и объ апостолѣ Павлѣ, съ молитвой христіанъ въ ожиданіи растерзанія въ циркѣ звѣрьми, съ чувствомъ взаимной любви, связывающей всѣхъ въ единое великое цѣлое, въ церковь. Въ то время, когда гордый римлянинъ, обвиняемый въ заговорѣ, окруженный друзьями, на послѣднемъ жизненномъ пиру, собирается, по приказанію Нерона, умирать, — выпить чашу съ ядомъ — и говорить, что все, чѣмъ могучъ и свѣтелъ его разумъ, то далъ ему Римъ, и онъ увѣренъ, что нѣтъ и не можетъ быть ничего другаго высшаго и лучшаго, чѣмъ этотъ разумъ, онъ видитъ при наступившемъ днѣ, при полномъ блескѣ солнца — изъ катакомбъ Христова рать, передъ которою рано или поздно должна была склониться гордыня Рима и его разумъ, идетъ смѣло изъ заточенья, какъ изъ тьмы на свѣтъ, на смерть, въ добычу львовъ и дикихъ звѣрей, съ полною вѣрою, что слезы и людское горе принимаются въ сердце самимъ Христомъ, „Богомъ всѣхъ скорбящихъ“, тѣмъ самымъ, котораго видѣли здѣшніе очевидцы по воскресеніи, а одианъ старикъ, когда былъ зрячимъ, видѣлъ самъ, какъ выводилъ Его Пилать къ народу. Знакомство съ исторіей всего болѣе могло помочь Майкову выбрать для своихъ поэтическихъ образовъ смерть представителей „послѣднихъ“ римлянъ, невинно осужденныхъ Нерономъ, какъ разказываетъ Тацитъ, по поводу Пизонова заговора, и указать на то, какъ челоуѣкъ умираетъ, — въ этомъ всего лучше высказывается его міросозерцаніе. Какъ же они умирали? Они ли вселенную учили, какъ должно умирать? Не долженъ ли былъ измѣнить здѣсь свое прежнее мнѣніе о томъ и поэтъ? Въ минуту смерти „послѣдніе римляне“ его вполне несчастны: теперь и Римъ для нихъ одно воспоминаніе, или одна мертвая идея, не вмѣющая болѣе никакого соотвѣтствія, никакихъ нравственныхъ связей съ голою дѣйствительностью; самые друзья, собравшіеся къ нимъ на послѣдній ужинъ, заслуживаютъ съ ихъ стороны своимъ поведеніемъ одно презрѣніе. Одинокіе на свѣтѣ, случайная песчинка въ стихійномъ волненіи житейскаго моря, воздвигаемаго бурей, эти римляне — совершенная противоположность идущимъ смѣло на смерть на ихъ глазахъ, соединеннымъ чувствомъ любви,

вѣры и надежды христіанамъ. Имъ недостаетъ того, что выросло уже въ катакомбахъ,—той силы любви, которая одна даетъ возможность человѣку побѣдить свое духовное одиночество, побѣдить и самую смерть. Въ минуту смерти они думаютъ еще о самихъ себѣ, даже хуже—о своемъ аппетитѣ, который смерть разитъ всего скорѣе. Проклиная весь міръ, они проклинаятъ прежде всего ту ненасытную ватагу, которая собрана на пирь,—своихъ друзей, съ которыми дышать еще однимъ воздухомъ. Жалкіе эгоисты, смотрящіе на міръ, ихъ окружающій, съ отвращеніемъ, безъ утѣшенія, они, какъ актеры, только рисуются въ красивой позѣ съ чашей яду въ рукахъ, какъ-бы въ театрѣ, передъ публикой,—вотъ таковъ Децій, главный герой въ послѣдней піесѣ Майкова, вотъ таковы и „послѣдніе римляне“!

На чьей же сторонѣ симпатіи Майкова, какой изъ двухъ борющихся между собою міровъ болѣе близокъ его сердцу, какой итогъ подведенъ имъ въ его трагедіи и представляется ему, какъ культурно-историческій фактъ, увидимъ сейчасъ, когда обратимся къ нарисованной поэтомъ картинѣ, какъ умираютъ первые христіане.

Они говорятъ: Зоветъ насъ нынѣ Богъ на прославленіе Его любви, Его щедротъ, и на свидѣтельство предъ міромъ, что Онъ есть Духъ, и Онъ одинъ земли и неба властелинъ, что честь Ему, а не кумирамъ, кумиръ же, чей бы ни былъ онъ, рукою смертной сотворенъ... Повелѣваетъ намъ кесарь: Бога въ немъ признать, его жъ кумиру честь воздать какъ божеству лишь подобаешь; послушнымъ смерть.

Вотъ ихъ рѣшеніе: идти, идти къ Отцу небесному! Въ селенья Его святыхъ! Его узрѣть во славѣ, сложить съ души всѣ тяготы у ногъ Его!

И вотъ послѣдняя ихъ молитва:

О ты, сѣдй въ зенрѣ,
 Во свѣтѣ вѣчномъ, со Отцомъ,
 Прославленный и вознесенный
 Лишь по любви неизреченной
 Тобою поднятымъ крестомъ!
 Ты пастырь, насъ въ едину паству
 Овцу собравшій за овцой!
 Ты насъ вспоилъ живой водой
 И тучною намъ подалъ яству,—
 Когда бы, гдѣ-бъ ни прозвучалъ
 Твой рогъ призывный—гдѣ преграды,
 Гдѣ тѣ загоны, тѣ ограды,
 Гдѣ та стѣна, тотъ ровъ, тотъ валъ,
 Который насъ бы удержалъ

На зовъ твой ринуться мгновенно,—
 Свѣтъ бо свѣтлѣ намъ съ небеса,
 Свѣтъ истинный, свѣтъ неслѣбный,
 Жизнь и Спасенье Ты еси!

Въ воображеніи поэта рисуются они, эти первые христіане и мученики, стоящими на колѣняхъ съ зажженными свѣчами, и словами слѣпаго старца онъ произноситъ свое послѣднее заключительное слово: Слава Тебѣ, побѣдившему міръ!

IV.

Четыре года занимался Майковъ *Словомъ о Полку Игоревѣ*, перевелъ его на современный языкъ стихами и написалъ къ нему введене. Переводъ Майковымъ *Слова* сдѣланъ хорошо и нѣкоторыми считается всего ближе передавшимъ поэзію подлинника. Намъ интересуетъ здѣсь тотъ фактъ, что Майковъ изучилъ все то, что относится къ пониманію *Слова* и къ исторіи его. Съ какой стати на полѣ, засѣянномъ пшеницей, выросъ пышный розанъ, то-есть, какъ могло появиться *Слово* среди памятниконъ письменности XII вѣка, рядомъ съ поученіями и житіями святыхъ, рядомъ съ лѣтописью, въ той средѣ, въ которой мы не находимъ ничего другаго похожаго?—спрашиваетъ Майковъ въ своемъ введеніи? Случайное появленіе *Слова* въ памятникахъ письменности XII вѣка не служить ли скорѣе доказательствомъ его поддѣлки? Нѣтъ, Майковъ не считаетъ *Слова* поддѣлкой. Онъ относитъ его къ устнымъ памятникамъ творчества нашей старины, къ тѣмъ народнымъ былинамъ, съ которыми *Слово* всего болѣе въ гармоніи. Былины, по мнѣнію Майкова, были сначала пѣснями о богахъ и сложились въ то отдаленное время, когда аріи находились на Иранской возвышенности, потому въ былинахъ упоминается о божествахъ Солнца и великой Матери Земли, о божествахъ, общихъ всѣмъ народамъ европейскаго семейства. Только позже, утративъ свой прежній мнѣстическій характеръ, былины стали воспѣвать и народныхъ богатырей и пріиблизались къ новому, библейскому міросозерданію, — такъ сказать переродились. Это случилось послѣ принятія русскими христіанства. Такая перемѣна произошла не вдругъ, такъ какъ принятое христіанство долгое еще время оставалось у насъ съ примѣсью язычества двоувѣрнымъ, но старыя вѣрованія въ Сварога и Стрибога вызываютъ теперь обличеніе со стороны духовенства. Только послѣ нашествія на Русь татаръ христіанство пустило у насъ болѣе глубокіе корни. Но

и тогда нельзя еще сказать, чтобы не встрѣчалось въ былинахъ никакихъ остатковъ отъ прежняго языческаго воззрѣнія, особенно когда старыя пѣсни започють какіе-нибудь люди вѣщцы и странники, или калки переходящіе. Въ то время, когда лѣтописецъ-христіанинъ выводитъ свой родъ, на основаніи византійскихъ хроникъ, отъ потомства Ноева, современники его, храбрые русичи въ *Словѣ*, смотрятъ еще на себя какъ на сыновъ Солнца, а князей своихъ считаютъ внуками Дажьбога. Міросозерцаніе былинъ въ ихъ первобытномъ видѣ, или одна изъ пѣсень о Дажьбожьихъ внукахъ, — и есть наше *Слово о Полку Игоревѣ*. Но *Слово* возникло не въ простонародной сферѣ, а въ другой, высшей, — въ той, гдѣ была уже грамотность, гдѣ пѣвцы съ незапамятныхъ временъ являлись необходимыми членами при дворѣ княжескомъ. Какъ скалды окружали сѣверныхъ конунговъ, а сербскіе гуслары своихъ князей, такъ и пѣвцы-баяны окружали нашихъ князей. Баяны знали политическую Русь знали всѣхъ ея князей, современныхъ и прежнихъ, ихъ дѣла и исторію, притомъ не по лѣтописямъ, а по пѣснямъ стараго времени, по разказамъ дружинниковъ, по памяти народной. Въ XII вѣкѣ ихъ пѣснь достигаетъ уже той высоты, какой мы дивимся въ *Словѣ о Полку Игоревѣ*. Пѣвецъ его настолько силенъ въ книжномъ ученіи, что выражается о соловьѣ стараго времени, о Боянѣ, какъ о пѣвцѣ, принадлежащемъ къ совершенно другому литературному періоду, относится къ этой знаменитости съ уваженіемъ, не считаетъ ее устарѣлой, подобно тому какъ Пушкинъ относился къ барду Екатерининскаго вѣка — къ Державину. Новая поэма — *Слово* — очевидно уже писана, притомъ писана мѣрною прозой, приспособлявшеюся вѣроятно къ пѣнію, по образцу, можетъ быть, церковныхъ каноновъ и псалмовъ, только на другіе мотивы. Почти вся литература, изъ которой *Слово о Полку Игоревѣ* только отрывокъ, для насъ погибла, и конечно полуязыческій характеръ, не допускавшій ея въ монастырскія книгохранилища, былъ главною причиною ея гибели; но погибла не вся, потому что, разсматривая составъ лѣтописей, мы видимъ, что въ числѣ источниковъ ихъ во многихъ мѣстахъ слѣдуетъ признать свѣтскія сказанія, сквозящія и до сихъ поръ сквозь общій монастырскій лакъ, который наводитъ на нихъ инокъ въ своемъ пересказѣ. Кромѣ лѣтописей, слѣды этой литературы ощутимы далѣе въ народныхъ пѣсняхъ.

Мы не будемъ передавать о томъ, какъ понялъ Майковъ поэтическую сторону *Слова*, въ которой онъ видитъ, какъ хорошіи знатоки изящнаго, вѣрность и реальность красокъ; насъ интересуеетъ болѣе

онъ самъ, какъ историкъ. Изъ приведенныхъ выше примѣровъ ясно будетъ, съ какимъ вниманіемъ относился онъ къ исторіи, какъ могла она при такомъ близкомъ съ нею знакомствѣ повліять на сформированіе его убѣжденій, и почему мы думаемъ, что занятіе наукой въ этомъ отношеніи не проходитъ безслѣдно для насъ. Во взглядѣ Майкова на происхожденіе *Слова о Полку Игоревѣ* выразилось вполне современное положеніе науки исторіи—русской литературы—семидесятыхъ годовъ ¹⁾. То же самое говорили по этому поводу ранѣе Буславей, Аванасьеви и другіе ученые: мнѣнское восточное происхожденіе многихъ нашихъ былинъ тогда всѣми принималось. Гораздо позже доисторическое и индоевропейское наслѣдіе въ нихъ замѣнили догадками и гипотезами объ историческихъ пластахъ и слѣдахъ въ былинахъ, собираніемъ сказочныхъ бродячихъ сюжетовъ, такъ называемыхъ „параллелей“, фольклоромъ европейскимъ и азіатскимъ и т. п. Новый методъ изслѣдованія былинъ не сдѣлалъ еще своего дѣла, новаго ученія о былинахъ, удовлетворяющаго всѣмъ научнымъ требованіямъ, пока нѣтъ, и мы можемъ ждать только въ будущемъ выдѣленія тѣхъ политическихъ особенностей, которыя народность налагаетъ на обще-распространенные сюжеты. Во всякомъ случаѣ, Майкова слѣдуетъ назвать историкомъ вполне освоившимся съ современнымъ положеніемъ науки и никакъ не отсталымъ.

V

Занимаясь русскою исторіей, Майковъ ближе знакомился съ особенностями нашего прошлаго, съ его устоями, какъ называлъ ихъ самъ; русскіе взгляды и русскія чувства становились болѣе близкими его душѣ; въ сдѣланныхъ имъ очеркахъ прошлаго онъ передаетъ свое сочувствіе былому, и исторія незамѣтно, но наравнѣ съ другими вліяніями на развитіе его міросозерцанія, дѣлается наставницею въ его жизни. Высказывая свой нравственный приговоръ надъ историческими событіями, Майковъ даетъ намъ возможность понять, какъ они отражались въ его душѣ. Съ этой точки зрѣнія особенно цѣнны тѣ художественныя его обращенія къ прошлому, въ которыхъ онъ болѣе поэтъ, чѣмъ историкъ. Онъ заставляетъ, напримѣръ, Грознаго (въ пьесѣ *У гроба Грознаго*) говорить цѣлую рѣчь въ свою защиту. Чтобы

¹⁾ Переводъ *Слова о Полку Игоревѣ* былъ первоначально помѣщенъ Майковымъ въ *Зарю* 1870 г., кн. I.

такая рѣчь имѣла значеніе, необходимо было близко ознакомиться съ исторіей Грознаго, и Майковъ подвелъ въ ней итогъ всего, что было сказано у насъ о Грозномъ. „До сихъ поръ, говорить онъ о Грозномъ, сведенъ итогъ его винамъ и преступленіямъ, былъ спросъ свидѣтелей, поставленъ приговоръ, но нѣчто высшее все медлитъ утвержденіемъ, недоумѣнія толпа еще полна и тайной облаченъ досель сей гробъ безмолвный“—„Мой день еще придетъ, говорить Грозный!—Услышится какъ взвиль испуганный народъ, когда возвѣщена царя была кончина,—и сей народный вой надъ гробомъ властелина—я вѣрую—въ вѣкахъ вотще не пропадетъ, и будетъ громче онъ, чѣмъ этотъ типъ подземный боярской клеветы и злобы иноземной“.—Много вѣрнаго въ историческихъ своихъ взглядахъ высказалъ также Майковъ въ поэмѣ „Судъ предковъ“, заключающей въ себѣ поэтическій очеркъ прошлаго вѣка; въ посланіи „Князю Друцкому-Любецкому“, и по поводу польскаго возстанія 1863 года. Его чувства здѣсь навѣяны чтеніемъ исторіи или знакомствомъ съ современною дѣйствительностью, имѣющею тѣсную связь съ исторіей. Майковъ рисуетъ, напримѣръ, намъ великолѣпные костелы, гдѣ блещетъ яхонтъ и янтарь и раззолоченный, тяжелый, огнями залитый алтарь, и сравниваетъ такіе храмы павовъ съ храмами хлоповъ, съ этими жалкими лачугами съ погнутымъ крестомъ, гдѣ хамы съ подлымъ русскимъ языкомъ причащаются изъ оловяннаго потира, гдѣ въ крашенинной ризѣ попъ. Майковъ высказывается за эти убогія лачуги. Онъ чувствуетъ, что въ нихъ-то и дышетъ все духомъ церкви первобытной; тамъ молятся о томъ, чтобъ вспомнилъ хамовъ русскій царь и русскій людъ, который въ убогомъ нищемъ чтитъ Христа. Въ своемъ художественномъ обращеніи къ прошлому, въ своихъ поэтическихъ вѣяніяхъ надъ нимъ Майковъ останавливается на кончинѣ Александра Невскаго, въ 1263 году, въ Городцѣ, когда князь скончался здѣсь на возвратномъ своемъ пути изъ Орды. Передъ умирающимъ княземъ, въ кельѣ игуменской, тихо лампада предъ образомъ Спаса горитъ, тихо игумень предъ нимъ на молятвѣ стоитъ, тихо бояре стоять по угламъ. При такой обстановкѣ проносится передъ княземъ цѣлая цѣпь дорогихъ ему воспоминаній: смерть отца, мученическая кончина Михаила Черниговскаго, шумное вѣче въ Новгородѣ, и рисуется далекое будущее—берегъ Невы, на которомъ разилъ онъ врага, корабль, на которомъ кормчимъ самъ Петръ, и гробъ самого Александра; ему, при звонѣ колоколовъ, поютъ священные гимны, кладутъ земные поклоны; къ его мощамъ прикладывается народъ. Исторія же

своими примѣрами любви къ родинѣ даетъ Майкову матеріалъ показать намъ, что такое это почти неуловимое для другихъ чувство, и какъ оно высоко и благородно. У него есть пьеса, озаглавленная *Емшанъ*, написанная въ 1874 году, въ основу которой положенъ слѣдующій текстъ, заимствованный изъ Волинской лѣтописи. Во времена Мономаха, два половецкихъ хана Отрѣкъ и Сырчанъ, два брата, богатыри лихіе, должны были бросить свои стени и скрыться на чужбинѣ. Одинъ изъ нихъ, Отрѣкъ, скрылся далеко, въ кавказскихъ горахъ. Пора была такая, Мономахъ совершилъ много походовъ на половцевъ, заставляя не одного хана смириться и перестать, по прежнему, набѣгами тревожить русскую землю. Но вотъ Мономахъ умираетъ, на Руси наступаютъ другія, худшія времена: туга и горе, по выраженію современниковъ. Тогда одинъ изъ братьевъ, Сырчанъ, скрывавшійся въ донскихъ меляхъ, шлетъ къ другому на Кавказъ приглашеніе возобновить набѣгъ на Русь: „умеръ врагъ, и спали теперь съ половцевъ цѣпи“. Посланному съ нимъ дается наказъ: „спой сначала брату нашу пѣсню, а не отзовется на нее онъ и не пойдетъ на Русь—свяжи въ пучокъ емшанъ степной (емшанъ—это трава степная, вѣроятно полынобѣ) и дай ему—тогда вернется“. Пѣсня, оказывается, не подѣйствовала, зато подѣйствовалъ пучекъ степной травы, который посланный вручилъ Отрѣку. „И смотритъ ханъ—и самъ не свой, почуя въ сердце рану, схватился за грудь, пучекъ травы цѣлуя, плачетъ“! Средство оказалось дѣйствительнымъ: Отрѣкъ идетъ въ походъ и только ждетъ, когда начнется степь родная, все въ даль глядеть, травы пучекъ изъ рукъ не выпуская.

Мы не будемъ говорить о всѣхъ историческихъ трудахъ Майкова въ формѣ художественнаго воспроизведенія прошлаго, въ формѣ сильной только талантливому поэту по ея высотѣ и изяществу, и остановимъ вниманіе читателей на слѣдующихъ разказахъ Майкова изъ русской исторіи, написанныхъ для дѣтей и народа прозой, а именно, на разказѣ: 1) „О святыхъ митрополитахъ Петрѣ и Алексѣѣ и о славномъ Мамаевомъ побоищѣ“, 2) „Москва — третій Римъ“, 3) „Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, покореніе Казани и Астрахани“, 4) „О завоеваніи Сибири“ и 5) „Взятіе турками Константинополя“. Эти разказы всего полнѣе ознакомятъ читателя съ историческими воззрѣніями Майкова.

Расширяя кругозоръ русскаго простолюдина, Майковъ выясняетъ новыми фактами значеніе православія не въ одной уже русской исторіи.

Какъ въ этихъ историческихъ разказахъ, такъ и въ своей поэзи, Майковъ видитъ въ русской исторіи выраженіе исконныхъ началъ русской жизни, и прежде всего православія и самодержавія. Это же самое мы находимъ и въ Исторіи Карамзина. Майковъ былъ поклонникомъ послѣдняго и раздѣлялъ вполне его мнѣнія объ этихъ началахъ. Въ Карамзинѣ онъ видѣлъ не человѣка съ отсталыми идеями, какъ другіе, а историка, глубоко понявшаго и талантливо передавшаго намъ о тѣхъ завѣтахъ, какіе древняя Русь оставила новой. Мы не разбираемъ здѣсь, правъ ли Майковъ въ своемъ воззрѣніи, мы только констатируемъ фактъ, характеризуя поэта, какъ историка; и Карамзину, и Майкову досталось таки за эти убѣжденія. Въ своемъ стихотвореніи *Карамзинъ* Майковъ такъ опредѣлилъ значеніе историографа. Называя его своимъ наставникомъ, къ числу которыхъ онъ причисляетъ еще: Шекспира, Ломоносова, Крылова, Жуковскаго, Пушкина и Тютчева, Майковъ благодаритъ его за то, что Карамзинъ далъ ему почувствовать благоговѣніе къ московскому Кремлю, къ Москвѣ, къ ея завѣтамъ. Это чувство у насъ было не новымъ, но было время, и именно до появленія Исторіи Карамзина, когда оно многими было забыто. Было забыто тогда, когда чужіе пришлецы и русскіе вельможи ломали безъ стыда кремлевскія святыни, когда во времена Екатерины задумали было и самый Кремль съ его соборами, съ дворцами, съ рѣзвыми башнями,—все, все отдать на сломъ. Было забыто тогда, когда при Александрѣ I у насъ господствовалъ французскій вкусъ, французскія идеи конца XVIII вѣка, когда мечтали, что Россію можно передѣлать на всякій образецъ, насадить въ ней кому и что угодно—парламентъ съ лордами или республику рядъ, аркадскихъ пастуховъ или лахотныхъ солдатъ. Карамзинъ былъ одинъ изъ немногихъ тогда думавшихъ иначе, вышедшихъ изъ пережитаго водоворота съ здравымъ смысломъ. Сошедши во мракъ архивовъ, какъ историографъ, онъ увидѣлъ прежнихъ князей, лихихъ бойцовъ или ходатаевъ за Русь у грозныхъ хановъ, святыхъ подвижниковъ, строителей въ лѣсныхъ пустыняхъ общежитій и образъ земскаго царя, предъ коимъ всѣ равны, съ вельможи до пса. Карамзинъ въ своей душѣ вѣстилъ всѣхъ ихъ и, какъ изъ мѣди, отлилъ намъ въ своей Исторіи. Онъ воздвигъ, какъ Моисей, на поученіе народовъ и царей, свою скрижаль и пробудилъ тѣмъ въ насъ русскій духъ. Стихотвореніе *Карамзинъ* написано Майковымъ въ 1865 г. То же самое повторилъ потомъ Бестужевъ-Рюминъ въ своей рѣчи о Карамзинѣ, прочитан-

ной въ торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго университета, 2-го декабря 1866 г.

Какъ поэтъ, и какъ историкъ, Майковъ въ слѣдующемъ стихотвореніи (*Къ портрету Государя Императора Александра Александровича*) высказалъ свой взглядъ на прошлое царствованіе, то-есть, свое пониманіе окружающей дѣйствительности за послѣдній періодъ своей жизни:

Въ томъ Царская Его заслуга предъ Россіей,
 Что—Царь—Онъ вѣрилъ Самъ въ устон вѣковые,
 На конѣ зиждется Россійская Земля,
 Ихъ громко высказалъ—и какъ съ высотъ Кремля
 Ивановъ колоколъ ударить, и въ мгновеніе
 Всѣ сорокъ сороковъ, въ Христово Воскресенье,
 О Свѣтломъ праздникѣ по Руси возвѣстятъ.—
 Такъ слово Царское, летя изъ града въ градъ,
 Откликнулось вездѣ народныхъ силъ подъѣмомъ,—
 И, какъ живительнымъ весеннимъ первымъ громомъ
 Вдругъ къ жизни призваны, очнутся доль и лѣсъ,—
 Воскресла духомъ Русь—сомнѣній мракъ исчезъ—
 И то, что было въ ней лишь чувствомъ и преданьемъ,
 Какъ кованой броней закрѣплено сознаниемъ.

VI.

Въ заключеніе мы скажемъ, въ чемъ мы видимъ преобладающую связь между историческимъ воззрѣніемъ Карамзина и его послѣдователей, въ числѣ которыхъ считаемъ Майкова. Ничего другаго столь великаго не создалъ нашъ народъ въ теченіе прошедшихъ вѣковъ своей жизни, какъ русское государство. Эта мысль Карамзина развивается теперь далѣе.

Государственное единство, говорятъ, есть единство только внѣшнее. Но уяснили ли мы себѣ и теперь сущность внутренняго единства русскаго народа, какъ оно сказывается на нашихъ глазахъ въ галичанцахъ, или какъ оно сказывалось въ стремленіи къ единовѣрной Москвѣ Малороссіи, сначала одного берега, а потомъ другаго, а передъ тѣмъ еще равнѣ въ новгородцахъ, шедшихъ на судъ въ Москву и ни за что не хотѣвшихъ покориться литовскому королю? Факты эти мы знаемъ, какъ зналъ ихъ и Карамзинъ, но существенное пониманіе *тайны народной жизни*, выраженное въ нихъ, и те-

перь еще далеко не понимаемъ ¹⁾). До сихъ поръ мы не имѣемъ еще исторіи русскаго народа и потому, что еще недостаточно собрано и разработано матеріала для нея. Но уже знаемъ, что въ созданіи русскаго государства и его единства, то-есть, самодержавія, участвовали не одни московскіе князья, не одно духовенство и бояре, но весь русскій народъ, и только потому единство вышло прочнымъ, пережило всѣ бури и опасности, и только потому въ 1612 г., когда вновь возможно было устроить въ Россіи, что угодно, хоть республику, выборные отъ русской земли недаромъ предпочли всему прежнюю монархію. Самъ народъ не только понималъ, но и доказалъ тогда фактами, въ чемъ онъ видѣлъ свое спасеніе. Затѣмъ на глазахъ Майкова шли не разъ попытки выѣшнее единство, приданное русской исторіи Карамзинымъ, замѣнить другимъ — внутреннимъ — смѣною другихъ началъ. И что же? Соловьевъ въ своей *Исторіи Россіи* видѣлъ главное опять въ установленіи государственнаго порядка, въ борьбѣ государства со старыми родовыми отношеніями. Приложивши къ русской исторіи научный философскій взглядъ Гегеля объ органическомъ развитіи народа и государства, онъ провелъ только далѣе Карамзина установленіе и водвореніе наряда въ русской землѣ, до того времени, когда, создавши государство, возможно стало начать заботы о просвѣщеніи народа, то-есть, когда сама исторія обращается въ народное самосознаніе. Для Соловьева осталось также вѣрнымъ сказанное Карамзинымъ, что исторія государства есть главное дѣло русскаго народа, что государственное единство—ключъ ко всей русской исторіи, что собраніе русской земли—жизненный нервъ всего прошлаго, а православіе и самодержавіе составляютъ краеугольные камни въ сохраненіи этого наслѣдія. Это же самое повторилъ и Майковъ, и этимъ самымъ онъ всего болѣе характеризуется, какъ историкъ.

Славянофилы, къ мнѣніямъ которыхъ особенно сочувственно относятся Майковъ, прошли также на его глазахъ. Что же они говорили по разбираемому вопросу? Они говорили одно, что каждый народъ имѣетъ право по своему развиваться и свои учрежденія, и свою жизнь и только тѣмъ и можетъ выразить свое самосознаніе. Усвоивши лучшее у другихъ, самъ народъ пойдетъ по своей, а не по чужой дорогѣ, если онъ историческій и великій народъ. И въ настоящее время.

¹⁾ *Бестужевъ-Рюминъ*, Сборникъ статей. Карамзинъ, стр. 224.

когда наука русской исторіи разработана еще далѣе, правы ли тѣ, кто говоритъ, что въ одномъ западномъ строе жизни скрывается для насъ вся благодать, а самодержавіе—это выдумка какихъ-то московскихъ книжниковъ и дипломатовъ, притомъ никакъ не ранѣе XV вѣка, въ связи съ легендой о третьемъ Римѣ, о шапкѣ Мономаха, о царскихъ регаліяхъ? Правы ли тѣ, кто видитъ въ православіи одно безжизненное направленіе, старающееся собою прикрывать одну тупую приверженность къ застою и рутинѣ, и полагаетъ сущность его въ одномъ точнѣйшемъ соблюденіи внѣшнихъ обрядовъ безъ вниманія къ внутреннимъ началамъ духовной жизни? И рѣшенъ ли вопросъ, въ чемъ сущность христіанства? Можемъ ли мы не сочувствовать тому, кто не можетъ оставаться христіаниномъ безъ Христа, кто пріемлетъ со страхомъ и вѣрою всё тайны царствія Божія? И прежде, чѣмъ не будутъ разрѣшены подобные вопросы, намъ кажется, преждевременно будетъ высказывать свое окончательное сужденіе о Майковѣ, какъ о человѣкѣ, какъ объ историкѣ и о поэтѣ.

На сторону славянофиловъ влекло Майкова не одно знакомство его съ русскою исторіей, а также знакомство его съ настоящимъ положеніемъ славянскихъ народовъ. Для насъ важенъ тотъ фактъ въ жизни Майкова, что въ 1843 году Майковъ пробылъ въ чешской Прагѣ два мѣсяца, выучился по чешски, присмотрѣлся къ славянскому быту и въ тѣсномъ кругу патріотовъ (Ганки, Шафарика и др.) не разъ выслушивалъ одну и ту же рѣчь, что „спасеніе славянства отъ ига чуждой власти и чужой народности заключается всего болѣе въ Россіи“. Важно для насъ также, что Майковъ переводилъ потомъ сербскія пѣсни, былины и преданія на русскій языкъ и выразилъ тѣмъ фактически свою любовь и свой интересъ къ изученію славянскаго міра.

Майковъ не можетъ быть названъ въ строгомъ смыслѣ слова историкомъ. Но въ ходѣ развитія внутренней его жизни, несомнѣнно, исторіи принадлежитъ довольно видное мѣсто. На это мы и старались обратить вниманіе въ нашей статьѣ.

Николай Февлевичъ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ПАПСТВА ВЪ XI ВѢКѢ ¹⁾.

ГЛАВА III.

Пора преобладанія Генриха III надъ папствомъ (1046—1048).

Постановленія Сутрійскаго собора, повлекшія за собою полное крушеніе плановъ и надеждъ Григорія VI, окончательно устранившія Сильвестра III и предрѣшившія участь Бенедикта IX, выдвинули на первый планъ вопросъ объ избраніи новаго первосвященника для западно-христіанскаго міра, тѣмъ болѣе необходимаго, что ему предстояло немедленно возложить императорскій вѣнецъ на голову Генриха III.

При рѣшеніи этого вопроса сынъ Конрада II былъ поставленъ въ сравнительно благоприятныя условія. Обыкновенно германскіе короли съ оружіемъ въ рукахъ прокладывали себѣ кровавый путь къ вѣчному городу и, всходя на престолъ вселенной, покрывали горами труповъ улицы Рима. Теперь Генрихъ приближался къ столицѣ міра какъ общепризнанный владыка: на его сторонѣ было сочувствіе ревнителей преобразованій; его сопровождало многочисленное ополченіе, дѣлавшее безумной попытку сопротивленія; противники нѣмецкаго преобладанія или укрылись въ своихъ горныхъ гнѣздахъ, или выступали, какъ маркграфъ Тосканскій ²⁾, покоряясь необходимости, подъ стягами могущественнаго короля. По свидѣтельству алтанхской лѣтописи ³⁾, римляне во множествѣ выходили на встрѣчу Генриху и присоединялись къ сопровождающему его воинству; приливу этому со-

¹⁾ *Продолженіе.* См. июльскую кн. *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

²⁾ Benzoni, Lib. VII c. 2 p. 670.

³⁾ *Annales Altahenses*, p. 808.

дѣйствовало желаніе добиться разнаго рода подтвержденій прежнихъ льготъ, уладить распри и тяжбы, такъ какъ Генрихъ во время остановокъ чинилъ судъ и расправу. Вообще до Сутрійскаго собора онъ подвигался къ Риму медленно, какъ бы развѣдывая почву и подготавливая успѣхъ. Послѣ же самоосужденія Григорія VI, наоборотъ, Генрихъ обнаруживаетъ какую-то торопливость, видимо спѣшитъ завершить начатое дѣло прежде, чѣмъ обнаружится отношеніе общества къ происшедшимъ событіямъ и выяснятся послѣдствія принятыхъ въ Сутри рѣшеній: общее положеніе дѣлъ все-таки нельзя было считать вполне безъоблачнымъ. Сторонники соблюденія предписаній лженсидорова сборника не могли быть удовлетворены при предстоящемъ замѣщеніи апостольскаго престола, такъ какъ каноны отводили рѣшающій голосъ свободному избранію клиромъ и народомъ новаго пастыря, который долженъ былъ принадлежать къ числу дьяконовъ или пресвитеровъ римской церкви ¹⁾). Между тѣмъ римскій клиръ не могъ выставить подходящаго кандидата, такъ какъ былъ запятнанъ почти поголовно симоніей, жилъ въ запрещенныхъ соборами брачныхъ узакъ и отличался невѣжествомъ ²⁾). Кроме того, въ его составъ обыкновенно входили члены знатныхъ римскихъ родовъ и предпочтеніе, оказанное одному, должно было вызвать противодѣйствіе и недовольство другихъ. Да и самъ Генрихъ не могъ сочувствовать избранію римлянина на престолъ св. Петра, такъ какъ въ этомъ случаѣ папа легко сдѣлался бы опорой всѣхъ недовольныхъ нѣмецкимъ преобладаніемъ на Аппенинскомъ полуостровѣ, вызывавшимъ постоянно противодѣйствіе и вражду въ средѣ кореннаго населенія.

Предстоящія трудности усугубляла клятва, отобранная Григоріемъ VI, какъ извѣстно, обязавшимъ римлянъ не признавать при его жизни никого папой. При такихъ условіяхъ соблюденіе каноническихъ требованій становилось невыполнимымъ и необходимымъ была какой-либо скорый выходъ. Знатоки каноновъ и тутъ нашлись, сославшись на „необходимость“, допускающую отклоненія отъ общаго правила въ крайнихъ случаяхъ ³⁾). Стало быть, открывалась возможность обойти стѣснительныя и неудобопримѣнимыя предписанія. Цовиди-

¹⁾ Bonithonis, Lib. V p. 629.

²⁾ Desiderii, Lib. III p. 1005—1006; Bonithonis Lib. V p. 629. Leonis Lib. II c. 77 p. 682.

³⁾ Bonithonis, Lib. V p. 629.

тому, уже въ Сутри былъ выработанъ планъ дѣйствій, выполненный безъ всякихъ промедленій въ Римѣ ¹⁾).

Тотчасъ по прибытіи въ вѣчный городъ епископы нанесли окончательный ударъ дѣлу Бенедикта, признавъ его „канонически низложеннымъ“. Въ тотъ же день произошло избраніе новаго папы: въ церкви св. Петра, „князя Апостоловъ“, въ присутствіи многочисленныхъ епископовъ, герцоговъ, графовъ и прочей знати Генрихъ, изложивъ рѣшеніе Сутрійскаго собора ²⁾, обратился къ „римскимъ сеньорамъ“ съ предложеніемъ избрать изъ предстоящаго собранія папу по установившемуся обычаю, которымъ они злоупотребляли. Сеньоры единодушно отвѣчали, что имъ не принадлежитъ право избранія въ присутствіи короля или его замѣстителя римскаго патриція; кромѣ того они выразили раскаяніе въ допущеніи на престолъ св. Петра людей глупыхъ и необразованныхъ ³⁾. По ихъ мнѣнію, на Генрихѣ лежало полномочіе улучшить положеніе государства римскаго путемъ законодательнымъ, украсить его добрыми правами и рукою защитника „управлять“ св. апостольской церковью, дабы она не потерпѣла какого-либо ущерба ⁴⁾. Такимъ образомъ, римская знать отказалась отъ патриціата, который давалъ ей какъ бы „наслѣдственное право“ на замѣщеніе апостольскаго престола ⁵⁾.

Событія послѣднихъ лѣтъ явственно показали всему христіанскому міру, что прежній способъ избранія папъ велъ лишь къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Общій голосъ законниковъ и ревнителей преобразованій безповоротно осудилъ поведеніе римскихъ бароновъ, имѣвшихъ въ виду не благо всей церкви, а служеніе своекорыстнымъ цѣлямъ. При такихъ обстоятельствахъ, при приближеніи огромной боевой силы германскаго короля бароны, естественно, не могли и думать о сохраненіи прежнихъ порядковъ. Ихъ ссылка на патриціатъ какъ нельзя болѣе подходила къ современному запутанному положенію дѣлъ: примѣненіе избирательныхъ правъ клира и народа, какъ извѣстно, сопряжено было съ большими неудобствами; императоръ, могущій

¹⁾ „Canonice et synodice depositus est papa Benedictus Romae“. *Annales Corbejenses* p. 6.

²⁾ Leonis Lib. II c. 77 p. 682.

³⁾ Benzoni, Lib VII c. 2 p. 671 „fatuos atque hyditos“. Ср. отзывъ Бонитона о Григоріи VI: „ut erat idiota“. Lib. V p. 628 и 627: „idiota et mirae simplicis vir“.

⁴⁾ Benzoni, Lib. VII c. 2 p. 671.

⁵⁾ Bonithonis, Lib. V p. 626.

сослаться на засвидѣтельствованное исторіей право назначать папъ по своему усмотрѣнію, такъ же отсутствовалъ. Оставалось прибѣгнуть къ патриціату и воспользоваться связанными съ нимъ преимуществами. Другаго выхода не было, такъ какъ нѣмецкій король не имѣлъ никакихъ правъ на замѣщеніе папской каѳедры и не могъ сослаться ни на какія основанія, если бы выступилъ съ подобными притязаніями, не входившими въ кругъ полномочій его сана. Однако, въ современной литературѣ существуетъ большое разногласіе именно по данному поводу.

Огромное большинство изслѣдователей думаетъ, что Генрихъ III принялъ санъ патриція послѣ возложенія на его главу императорской діадемы; лишь сравнительно немногіе полагаютъ ¹⁾, что коронація предшествовало принятію полномочій патриція. Разногласіе идетъ дальше: одни придаютъ патриціату большое значеніе; другіе отрицаютъ за нимъ всякія дѣйствительныя преимущества ²⁾. Какъ обыкновенно бываетъ, такое разномысліе въ средѣ новѣйшихъ изслѣдователей коренится въ противорѣчивыхъ показаніяхъ источниковъ, поэтому необходимо остановиться на ихъ разсмотрѣніи съ нѣкоторою подробностью. Дѣло въ томъ, что отъ того или инаго возрѣнія на патриціатъ зависитъ построеніе дальнѣйшихъ отношеній между папствомъ и имперіей, равно какъ пониманіе послѣдующихъ событій и ихъ освѣщеніе.

Противники широкихъ полномочій связанныхъ съ саномъ патриція, указываютъ ³⁾ на молчаніе современныхъ нѣмецкихъ хронистовъ о принятіи его Генрихомъ III. Но это обстоятельство не имѣетъ рѣшающаго значенія, такъ какъ лѣтописцы кратко и бѣгло отмѣчаютъ событія, не останавливаясь на подробностяхъ. Само собою понятно, что такой характеръ ихъ извѣстій неизбежно долженъ былъ повлечь за собой „молчаніе“ о многомъ.

¹⁾ *Höfler*, I, p. 233. *Floto*, I, p. 156. *Lorenz*, Papstwahl und Kaiserthum, p. 71.

²⁾ Литература вопроса о патриціатѣ очень обширна. Заслуживаютъ упоминанія: *Weineck*. Der Patriciat Heinrichs III. Jena 1873. *Grashof*. Der Patriciat der deutschen Kaiser nach seiner Bedeutung und Geschichte. Mainz. 1879. *Martens*. Die Besetzung des päpstlichen Stuhls unter den Kaisern Heinrich III und Heinrich IV. Freiburg 1887. *Heinemann*. Der Patriciat der deutschen Könige. Wolfenbüttel 1888. *Niehues*. De imperatoris Heinrichi III patriciatu romano. Monasterii Pars I, 1897; Pars II. 1898. Ср. также *Steindorff* I p. 506—510; *Fetser*. Voruntersuchungen zu einer Geschichte des Pontificats Alexanders II. Strassburg 1887, p. 38 — 43. *Steinhoff*. Das Königthum und Kaiserthum Heinrich III. Göttingen 1865, p. 41 — 48.

³⁾ *Martens*, p. 49, *Niehues*, p. 12.

Далѣ подчеркиваютъ неупотребленіе Генрихомъ этого титула въ официальныхъ документахъ ¹⁾. Но уже Грегоровіусъ ссылается ²⁾ на римскую грамоту, помѣченную 1049 г., гдѣ Генрихъ называется „королемъ франковъ и патрицемъ римлянъ“. Естественно, что въ Италіи, преимущественно въ Римѣ, титулъ этотъ обращаетъ вниманіе современниковъ и входитъ въ официальное употребленіе, потому что носить мѣстный характеръ и не увеличиваетъ власти германскаго короля въ его остальныхъ владѣніяхъ: тамъ онъ является чѣмъ то чуждымъ, здѣсь находитъ практическое примѣненіе. Если съ саномъ патриція связывались извѣстныя преимущества при замѣщеніи „апостольскаго престола“, то конечно, не въ далекой Германіи, а наоборотъ, въ непосредственно освѣдомленной Италіи, въ кругахъ, заинтересованныхъ тѣмъ или инымъ способомъ избранія папъ, должны сохраниться слѣды правильной постановки вопроса о правахъ нѣмецкихъ государей имѣть рѣшающій голосъ при папскихъ выборахъ: нѣмецкіе источники и ограничиваются краткимъ упоминаніемъ о „назначеніи“ императоромъ того или другаго „намѣстника Апостоловъ“. Но и въ средѣ германскихъ лѣтописцевъ алтайскій монахъ ³⁾, вообще хорошо освѣдомленный объ италіанскихъ событіяхъ, знаетъ о патриціатѣ и соединенномъ съ нимъ правѣ согласія на избраніе римлянами своего духовнаго главы. Стало быть, еще до разгара „борьбы за инвеституру“ нѣмецкій памятникъ, чуждый публицистическихъ цѣлей, придаетъ значеніе патриціату. Равнымъ образомъ, жизнеописаніе Аннона, епископа кельнскаго, также вполне далекое отъ полемики по поводу борьбы властей, называетъ Генриха III „римскимъ патрицемъ“ и тѣмъ самымъ показываетъ, что въ кругахъ лицъ, дававшихъ автору свѣдѣнія о давно минувшемъ ⁴⁾, сохранилось воспоминаніе о титулѣ, принятомъ германскимъ королемъ. Слѣдовательно, имѣются документальныя данныя, опровергающія возраженія Мартенса и его послѣдователя.

Но приведенными доказательствами не исчерпываются критическія возраженія противниковъ значенія патриціата: они указываютъ на недостоверность свидѣтельствъ современниковъ, говорящихъ о правахъ, связанныхъ съ саномъ патриція. Первое мѣсто между ними

¹⁾ Martens, p. 49. Niehues, p. 11.

²⁾ Gregorovius, B. IV, p. 64.

³⁾ Annales Altaheuses, p. 811 и 813.

⁴⁾ Vita Annonis, c. 6, p. 489.

занимаетъ, безспорно, извѣстный борецъ за церковно-общественныя преобразованія, Петръ Даміани, бывший въ Римѣ во время коронаціи Генриха III ¹⁾. Даміани говорятъ о патриціатѣ въ трактатѣ ²⁾, посвященномъ разбору и устраненію всѣхъ возраженій, выдвигаемыхъ противъ законности избранія папы Александра II. Королевскій адвокатъ ссылается, между прочимъ, на перешедшія къ Генриху IV отъ его отца наслѣдственныя права, скрѣпленныя послѣдующимъ постановленіемъ папы Николая: „*verum tamen tu hoc negare non potes quod pater domini mei regis prae memoriae Heinricus imperator factus est patricius Romanorum, a quibus etiam accepit in electione semper ordinandi pontificis principatum*“ ³⁾. Это прямое и ясное свидѣтельство толкуется Мартенсомъ ⁴⁾ и его союзникомъ совершенно превратно, что и побудило дать точную выписку. Прежде всего они стараются увѣрить, что Даміани отдѣляетъ отъ „почетнаго титула“ патриція право вліять на замѣщеніе римской кathedры. Основаніемъ является употребленіе Петромъ слова „*etiam*“, которое въ данномъ случаѣ вовсе не вноситъ „отдѣленія“, а наоборотъ выражаетъ соединеніе, поясняя въ чемъ состояла преимущества патриціата. Если принять во вниманіе общую связь изложенія и ходъ мыслей Даміани, то послѣднее пониманіе оказывается *единственно* возможнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, спрашивается, почему Даміани заговорилъ о патриціатѣ, если это былъ „пустой титулъ безъ всякаго реальнаго значенія“? Вѣдь рѣчь идетъ какъ разъ о поправкѣ правахъ Генриха IV на замѣщеніе апостольскаго престола. Очевидно, что сторонники преимуществъ имперіи ссылались на нихъ, указывая два ихъ источника: 1) перешедшія къ Генриху отъ отца („*ex paterno jure*“) ⁵⁾ права патриціата, 2) подтвержденныя папой Николаемъ II. Мартенсъ совершенно упускаетъ изъ виду и возраженія, къ которымъ прибѣгаетъ „защитникъ римской церкви“. Вѣдь онъ не говоритъ, что патриціатъ не имѣетъ

¹⁾ Ор. 42, с. 6, р. 672. О пребываніи Петра въ Римѣ извѣстно только благодаря его совершенно случайной замѣткѣ.

²⁾ *Disceptatio synodalis Libelli*, I, р. 77—94. См. Замѣтки, стр. 16—18.

³⁾ *Disceptatio synodalis*, р. 80.

⁴⁾ *Martens*, р. 47—49. *Niehues*, II, р. 30—32. Мартенсъ въ сущности повторяетъ возраженіе Штейнгофа, р. 44.

⁵⁾ Мартенсъ р. 49, повидимому, проглядѣлъ это мѣсто, иначе онъ не выражалъ бы своего недоумѣнія, какъ можно говорить, со словъ Даміани, о наслѣдственности патриціата.

ровно никакого значенія и является измышленіемъ имперіалистовъ. Нѣтъ, онъ и не думаетъ нападать на патриціатъ вообще, признаетъ даже переходъ связанныхъ съ нимъ правъ къ Генриху IV, но ограничиваетъ ихъ примѣненіе въ частности, именно къ избранію Александра, ссылаясь на молодость короля, побудившую „общую мать“ римскую церковь взять на себя полномочія его опекуна и соблюсти принадлежащія ему права“ ¹⁾. Мало того, чувствуя слабость подобной увертки, „защитникъ римской церкви“ указываетъ на опасности, сопряженныя съ ожиданіемъ рѣшающаго слова отъ короля, пребывавшаго за тридевять земель ²⁾. Однимъ словомъ, нѣтъ и тѣни отрицательнаго отношенія къ патриціату, потому что „мы сами также, говоритъ защитникъ римской церкви, отстаиваемъ привилегію непобѣдимѣйшаго короля нашего и чрезвычайно желаемъ, чтобы онъ обладалъ ею постоянно и въ полной неприкосновенности“.

Хотя Мартенсъ и утверждаетъ ³⁾, что Даміани ни въ одномъ изъ своихъ сочиненій, кромѣ приведеннаго мѣста, не говоритъ о патриціатѣ, однако необходимо имѣть въ виду другое произведеніе Петра, такъ называемую „*Libet gratissimus*“, гдѣ указывается на полученную Генрихомъ награду за искорененіе симоніи, за восстановленіе забытыхъ каноническихъ постановленій объ этой ереси. По словамъ Даміани „награда, дарованная Генриху божественнымъ Провидѣніемъ“, состояла въ томъ, что „*ad ejus nutum sancta Romana ecclesia nunc ordinetur ac praeter ejus auctoritatē apostolicae sedī nemo prorsus eligat sacerdotem*“ ⁴⁾. Это свидѣтельство Петра тѣмъ болѣе цѣнно, что оно находится въ сочиненіи, написанномъ вскорѣ послѣ Сутрійскаго собора ⁵⁾, въ 1052 году, слѣдовательно еще при жизни императора, когда еще были свѣжи воспоминанія о его вѣнчаніи на царство и приобрѣтенныхъ тогда преимуществвахъ, неоднократно примѣняемыхъ за послѣдующія нѣсколько лѣтъ.

Опираясь на сопоставленіе этихъ двухъ показаній Даміани, возможно очертить права, соединяемыя имъ съ патриціатомъ. Гизебрехтъ ⁶⁾

¹⁾ Ibid. p. 81. „*ipsa (Romana ecclesia) tutoris officium subiit et jus, quod illi (regi) competebat, implevit*“.

²⁾ „*de tam longinquis terrarum spatiis nequaquam regiae clementiae prestolari possemus oraculum*“, *ibid.*, p. 81.

³⁾ *Martens*, p. 48—49.

⁴⁾ *Lib. Gratissimus*, c. 38, p. 71.

⁵⁾ Замѣтил, стр. 11.

⁶⁾ *Giesebrecht*, Die Gesetzgebung der römischen Kirche zur Zeit Gregors VII,

усматриваетъ въ немъ— „право указать новаго папу; послѣ чего слѣдовали выборы, если только они вообще происходили“. Нигуесь ¹⁾ толкуетъ слова Даміани въ томъ смыслѣ, что „Генриху было предоставлено право при замѣщеніи апостольскаго престола торжественно посадить избраннаго на престолѣ св. Петра“. „Ни о правѣ избранія, ни о правѣ назначенія здѣсь у Даміани нѣтъ и рѣчи“. Такое непримиримое противорѣчіе коренится въ толкованіи выраженія „*asserit in electione semper ordinandi pontificis principatum*“. Глаголь „*ordinare*“ въ подобныхъ сочетаніяхъ имѣетъ техническій смыслъ и обозначаетъ, по Дюканжу ²⁾, „*ordines sacros et ecclesiasticos conferre, quod faciunt episcopi*“. Очевидно, однако, что Генрихъ не могъ совершать рукоположенія и, слѣдовательно, здѣсь „*ordinare*“ употреблено лишь по аналогіи. Какъ совершенно правильно замѣчаетъ князь Е. Н. Трубецкой ³⁾, въ разсматриваемую эпоху нѣтъ прочно установленныхъ и ясно очерченныхъ терминовъ для выраженія различныхъ юридическихъ понятій, а потому нѣтъ никакой возможности придерживаться при толкованіи нѣстъ памятниковъ одного и того же значенія терминовъ. Бывали случаи, когда неясность и спутанность вносились намѣренно, причемъ заинтересованныя стороны толковали спорное мѣсто каждая въ свою пользу. Поэтому значеніе и права патриціата у Петра Даміани опредѣляются его поясненіемъ, что сообразно волѣ Генриха нивѣ происходитъ замѣщеніе римской церкви и никто не избираетъ безъ его вѣдома и согласія впредь римскаго первосвященника ⁴⁾. Такое толкованіе подтверждаютъ и другіе источники. Такъ, авторъ хроники дивонскаго монастыря св. Бенigna, писавшій около 1050 г. ⁵⁾ сообщаетъ, что Генрихъ приказалъ рукоположить (*ordinari jussit*) папу

р. 163: „Dies Recht bestand in der Denomination des römischen Bischofs“. Zörfel въ своемъ известномъ трудѣ, *Die Papstwahlen und mit Ihnen im nächsten Zusammenhänge stehenden Ceremonien*, Göttingen, 1872, идетъ дальше, отрядая за римлянами великое участіе въ выборахъ, гдѣ единственный рѣшающій голосъ принадлежалъ Генриху какъ патрицію, р. 75 сл.

¹⁾ *Nishues*, II, 31.

²⁾ *Glossarium*, IV, p. 60.

³⁾ „Идея божескаго царства въ твореніяхъ Григорія VII“, стр. 389, пр. Какъ образецъ можно привести и свидѣтельство Луна Протоспаварія, р. 59: „*Clemens consecratus est a praedicto imperatore*“.

⁴⁾ Другими словами, Генрихъ, какъ патрицій, то-есть намѣстникъ императора, получилъ принадлежащее ему право на „*jussio ordinationis*“. См. *Heine mann*, р. 7 в *Liber diurnus*, formula 58, р. 48.

⁵⁾ *Wattenbach*, II, p. 213.

Климентѣ ¹⁾. Сборникъ записей, названный издателями „Римскими лѣтописями“, говоритъ ²⁾ о возвышеніи Климентѣ на „апостольскій престолъ“ въ такихъ выраженіяхъ: „Генрихъ, по божьему милосердію, благочестивый и милостивый король, предназначилъ (praedestinavit) св. римской церкви достойнаго удивленія, святаго и милостиваго епископа, по имени Климентѣ“. Наконецъ, епископъ лютихскій Вазонъ въ письмѣ ³⁾ къ Генриху III, написанномъ вскорѣ послѣ смерти Климентѣ II (1047 г.), также указываетъ, что этого папу „приказалъ рукоположить“ (ordinari iussistis) король. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что Генрихъ имѣлъ рѣшающій голосъ при возвышеніи Климентѣ. Вотъ почему рядъ ⁴⁾ хронистовъ сводитъ исключительно къ нему происшедшее въ 1046 г. замѣщеніе римской катедры. Но нѣтъ никакихъ основаній, опираясь на ихъ краткія свидѣтельства, достаточно отдаленныя и по времени и по мѣсту, устранять всѣ остальные данныя, какъ дѣлаетъ Мартеисъ. Слѣдовательно, за патриціатомъ необходимо признать большое вліяніе на исторію отношеній между папствомъ и имперіей въ XI вѣкѣ. Теперь остается рассмотреть, когда же нѣмецкій король сдѣлался „римскимъ патриціемъ“.

По цѣнному показанію Бейцона, Генрихъ, уже выступая съ предложеніемъ избрать Климентѣ, дѣйствовалъ въ качествѣ римскаго патриція. Лишь въ *Annales Romani* сохранилось указаніе ⁵⁾, что этотъ санъ былъ принятъ королемъ Генрихомъ, слѣдовательно до возложенія на него императорскаго вѣнца, тогда какъ Левъ въ хроникѣ монтекассинскаго монастыря не даетъ точнаго опредѣленія, когда „римляне удѣлили Генриху почетное званіе патриція“ ⁶⁾. Однако, какъ было уже указано выше, чрезвычайныя обстоятельства требовали правовыхъ основъ для внимательства Генриха въ замѣщеніе апостольскаго престола. Послѣ тщательнаго обсужденія обращены были взоры на старину и оттуда почерпнута руководящая идея: „епископы и зако-

¹⁾ *Chronicon S. Benigni Divionensis*, p. 237.

²⁾ *Annales romani*, p. 332. Событія, связанныя съ коронованіемъ Генриха III, разказаны современникомъ при его жизни: „rex Heinricus, qui in praesentia habetur“.

³⁾ *Anselmi*, c. 65, p. 228.

⁴⁾ „*papam fecit*“ *Annales S. Pauli Viridunensis*, p. 500. „*Papam consuit*“: *Marianni Scotti*, p. 557. *Lamperti*, p. 60. *Vita Heinrici, II, Imperatoris*, c. 16, p. 799. *Historiae Farsenses*, c. 25, p. 573. *Annales Hildebrandenses*, p. 104, „*substituit*“. *Arnulfi Lib. III*, c. 3, p. 18. „*imposuit*“ *Anonymus Hasserensis*, c. 36, p. 264.

⁵⁾ *Annales Romani*, p. 332.

⁶⁾ *Leonis, II*, c. 77, p. 683, „*tunc temporis*“.

новѣды“, о которыхъ говоритъ Бонитонъ ¹⁾, сослался на примѣръ Карла Великаго, бывшаго „королемъ франковъ и лангобардовъ и патрицемъ римлянъ“. Въ этой ссылкѣ нѣтъ ничего подозрительнаго, способнаго внушить недовѣріе къ извѣстію Бонитона, такъ какъ документально засвидѣтельствовано употребленіе Генрихомъ подобнаго же титула ²⁾. Наконецъ, коренной и непримиримый противникъ іерократическихъ воззрѣній, Бензонъ ³⁾, епископъ альбскій, поддерживаетъ епископа сутрійскаго, ихъ горячаго поборника, говоря, что Генрихъ со всѣми своими преемниками получилъ санъ патриція, подобно тому, „какъ мы читаемъ о Карлѣ“. Да и въ „Римскихъ лѣтописяхъ“ сохранилось указаніе ⁴⁾, что въ данномъ случаѣ оказывало воздѣйствіе воспоминаніе о Карлѣ и папѣ Адрианѣ. Въ высшей степени естественно, что при отсутствіи обонхъ главъ западно-христіанскаго міра „епископы и законовѣды“ начали искать въ прошломъ приблизительно подобнаго положенія дѣлъ и остановили свое вниманіе на великомъ франкскомъ государѣ. Сходство напрашивалось невольное, такъ какъ Генрихъ какъ и Карлъ Великій, получилъ императорскую корону на Рождество при очень смутномъ положеніи дѣлъ ⁵⁾.

Итакъ, въ силу воздѣйствія прошлаго и затруднительнаго положенія дѣлъ въ настоящемъ Генрихъ принялъ санъ патриція до возложенія на свою главу императорской короны и вмѣстѣ съ тѣмъ получалъ принадлежащее патрицію, какъ намѣстнику императора ⁶⁾, право на рѣшающій голосъ при предстоящихъ выборахъ папы ⁷⁾. Нѣмецкіе изслѣдователи, съ Штейндорфомъ во главѣ, упускаютъ и въ виду именно крайнюю необходимость для Генриха занять правовое, освященное „стариннымъ обычаемъ“ и скрѣпленное примѣрами прошлаго положеніе по отношенію къ замѣщенію апостольскаго престола. Какъ извѣстно, для германскаго короля далеко не было безразлично, кто возложить на него „діадему міра“, а потому онъ долженъ былъ употребить всѣ усилія, чтобы достигнуть руководства избраніемъ римскаго первосвященника. Задача Генриха сводилась къ тому, чтобы, не покидая почвы общепризнанныхъ каноническихъ постановленій,

¹⁾ Bonithonis, Lib. V, p. 630.

²⁾ См. выше.

³⁾ Benzonis, Lib. VII, c. 2, p. 671.

⁴⁾ Annales Romani, p. 332, ср. Leges II. B., p. 167.

⁵⁾ Ср. Hauck, IV, p. 590—1.

⁶⁾ „Vicarius imperatoris“ Benzonis Lib. VII, c. 2, p. 671.

⁷⁾ Ср. Steindorff, I, p. 316 и 508.

оставить за собой рѣшающій голосъ. Патриціатъ и далъ ему желанное право. Но оно должно было, хотя бы только формально, не нарушить избирательныхъ преимуществъ римскаго клира и народа, вотъ почему источники и говорятъ объ ихъ участіи въ возвышеніи Климента.

Вполнѣ понятно, что Генрихъ желалъ видѣть на престолѣ св. Петра челоуѣка испытанной преданности, способнаго обуздать римскую знать, искоренить нестроенія въ церкви и поставить великое дѣло преобразованій на прочную и надежную почву. Сохранилось извѣстіе ¹⁾, что онъ первоначально думалъ выдвинуть кандидатомъ Адальберта бременскаго, на котораго смѣло могъ положиться въ виду его „неутомимой твердости“, доказанной въ длинномъ рядѣ походовъ и трудовъ. Но епископъ этотъ былъ самымъ яркимъ сторонникомъ свободы церкви отъ феодальнаго гнета; ему вовсе не улыбалась мысль о предстоящей борьбѣ съ римскими баронами въ незнакомой, вдобавокъ, обстановкѣ. На родинѣ онъ занималъ выдающееся положеніе, пользовался вліяніемъ, имѣлъ полную возможность дѣйствовать съ большей самостоятельностью, чѣмъ на чужбинѣ; у него не было расчета мѣнять вѣрное на призрачное, а потому поглощенный своими широкими планами относительно созданія сѣвернаго патріаршества, и онъ отклонилъ отъ себя почетное, но и опасное избраніе, указавъ на своего друга епископа бамбергскаго Свидгера.

Это былъ наиболѣе подходящій челоуѣкъ: капелланъ Генриха III ²⁾, стало быть ему лично хорошо извѣстный и преданный. онъ по своимъ нравственнымъ качествамъ пользовался безупречной славой; кромѣ того, какъ епископъ бамбергскій онъ принадлежалъ отчасти къ римскому клиру, такъ какъ епископство бамбергское „было пожертвовано“ римской церкви по дарственной его основателя, императора Генриха II ³⁾. Это обстоятельство могло до нѣкоторой степени устранить сомнѣнія и колебанія законниковъ. Самъ же Свидгеръ не хотѣлъ нарушать свой мистическій бракъ съ бамбергской церковью ⁴⁾ и отклонялъ отъ себя „обрученіе съ другою невѣстою“. Въ его сѣтованіяхъ и жалобахъ, обращенныхъ къ бамбергскому клиру, видно нѣчто большее, чѣмъ дань „обычаю сопротивленія“. Дѣйствительно,

¹⁾ Adami, Lib. III, с. 7, р. 337—338.

²⁾ Annalista Saxo, р. 684.

³⁾ Epistolae et decreta Benedicti VIII papae, р. 16245, № 25. Ср. Vita Heinrici, с. 27. р. 809.

⁴⁾ Epistolae Clementis papae; II, № VIII, р. 588—590; Herimanni, р. 126.

придерживаясь строго каноновъ, онъ долженъ былъ остаться „вѣрнымъ супругомъ“ и избѣгать духовнаго „двоеженства“. Но глубокая вѣра въ божественное предопредѣленіе, возводящее его на апостольскій престолъ, „повелѣвающій надъ небомъ и землей“, и стремленіе услужить „главѣ міра“, „матери всѣхъ церквей“, побудили его уступить настояніямъ избирателей, признавшихъ папой указаннаго Генрихомъ пастыря. Такимъ своеобразнымъ путемъ было соблюдено каноническое предписаніе, требовавшее избранія епископа клиромъ и народомъ.

Правда, Цѳфель ¹⁾ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ значеніе избирателей въ возвышеніи Климента, но современные памятники находятъ необходимымъ отмѣтить участіе клира и народа. Такъ, корвейскій лѣтописецъ, за которымъ Штейндорфъ ²⁾ признаетъ полную достовѣрность и современность, ни единымъ словомъ не обмолвился даже объ участіи Генриха III и приписываетъ ³⁾ возвышеніе Климента „единодушному избранію клира и народа“. Кардиналъ Бенонъ ⁴⁾ говоритъ, что „римская церковь, при помощи Генриха, избрала Климента“. Германъ Разслабленный упоминаетъ ⁵⁾ „о согласіи римлянъ и всѣхъ остальныхъ“, стало быть отводитъ и другимъ епископамъ голосъ въ избраніи общаго главы. Наконецъ, алтайскій лѣтописецъ сообщаетъ ⁶⁾, что Климентъ получилъ „одобреніе всего клира и народа“, тогда какъ Дезидерій полагаетъ ⁷⁾, что онъ былъ „избранъ по общему рѣшенію“.

Само собой понятно, что Генрихъ вовсе не былъ склоненъ дѣйствовать совершенно самовластно: онъ нуждался въ поддержкѣ собора, въ сочувствіи и расположеніи римлянъ и относился къ предстоящему избранію съ полнымъ благоговѣніемъ: Бензонъ сообщаетъ ⁸⁾, что по приказанію Генриха былъ отслуженъ молебенъ „съ пролитіемъ слезъ“ передъ тѣмъ какъ Генрихъ воспользовался правами патриція. Такимъ образомъ, благодаря вмѣшательству свѣтской власти, западно-христіанскій міръ получалъ духовнаго главу и „снова расцвѣло

¹⁾ Zöpffel, p. 81.

²⁾ Steindorff, I, 480—481.

³⁾ Annales Corbeiensis, p. 6.

⁴⁾ Benonis, II, c. 8, p. 378.

⁵⁾ Herimanni, p. 126. Ср. Ottonis Chronicon Lib. VI, c. 32, p. 244.

⁶⁾ Annales Altahenses, p. 803.

⁷⁾ Desiderii, III, p. 1005. Ср. Bonithonia, Lib. V, p. 629.

⁸⁾ Benzonis, VII, c. 2, p. 671.

единство церкви“ ¹⁾, терзаемой расколомъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ.

Но далеко не все остались довольны возвышеніемъ Климента. Законниковъ смущало ²⁾, между прочимъ, то, что онъ „первый изъ столькихъ римскихъ епископовъ получилъ вторично посвященіе“ ³⁾. Бернольдъ ⁴⁾ прямо называетъ избраніе Климента „неканоническимъ“ и видитъ въ „ужасныхъ землетрясеніяхъ, постигшихъ преимущественно Италию“, кару за это нарушеніе канонѳвъ. Рѣшительное и рѣзкое осужденіе образа дѣйствій Генриха высказываетъ и неизвѣстный авторъ сохранившагося лишь въ отрывкѣ посланія ⁵⁾. Левъ въ хроникѣ монтекассійскаго монастыря считаетъ ⁶⁾ возвышеніе епископа бамбергскаго „скорѣе необходимымъ, чѣмъ каноническимъ“. На той же точкѣ зрѣнія стоятъ и Бонитонъ ⁷⁾.

Стало быть, въ средѣ поборниковъ каноническихъ предписаній, другими словами въ средѣ наиболее вліятельной и имѣющей самую твердую точку опоры въ общемъ настроеніи, избраніе Климента не считалось вполне правомѣрнымъ. Съ другой стороны, возвышеніе на апостольскій престолъ второстепеннаго нѣмецкаго прелата задѣвало гордость жителей вѣчнаго города, по свидѣтельству Бонитона, оставшихся вѣрными клятвѣ, данной Григорію VI. Въ особенности должны были чувствовать недовольство тускуланцы, лишенные „своихъ правъ“, а потому и готовые постоять за нихъ при первомъ же удобномъ случаѣ. Такъ обстоятельства, при которыхъ вступалъ на престолъ новый намѣстникъ апостоловъ, сулили въ будущемъ неурядицы, крамолы и козни, жертвой которыхъ онъ и долженъ былъ пасть.

Уже самая поспѣшность, съ какою дѣйствовали Генрихъ III и его пала, показываетъ, что они опасались неблагоприятнаго броженія умовъ какъ среди населенія вѣчнаго города, такъ и въ рядахъ нѣмецкаго ополченія, руководимаго главнымъ образомъ епископами. На другой день послѣ избранія Климента состоялось торжественное воз-

¹⁾ Venonis, II, с. 8, р. 378.

²⁾ Bonithonis, Lib. V, р. 629.

³⁾ Ср. Herimanni, р. 126; Venonis Lib. VII, с. 2, р. 671; Annales Corbeieneses, р. 6. Свидѣтельство ихъ дѣлаегь излишними сомнѣніи Мартенса, такъ какъ они прямо говорятъ, что переимѣна имени была связана съ „посвященіемъ“.

⁴⁾ Bernoldi, р. 425.

⁵⁾ Libelli I, р. 8—14. Ср. Замѣтка, стр. 4—8.

⁶⁾ Leonis, Lib. II, с. 77, р. 682.

⁷⁾ Bonithonis, Lib. V, р. 629.

ведение его на апостольскій престолъ, вслѣдъ за которымъ Генрихъ и Агнесса были увѣнчаны императорскою короною въ храмѣ св. Петра. Такимъ образомъ исполнилось божественное „предопредѣленіе“¹⁾; въ силу молитвъ св. Петра²⁾ благодать претворила нѣмецкаго короля въ божьяго помазанника, возложила на него обязанность защищать чистоту вѣрученія и имущества церкви, отстаивать слабыхъ мечемъ, дарованнымъ Богомъ, обуздывать произволъ и насилие для водворенія мира и единства, явныхъ признаковъ земнаго царствія Бога. „По обычаю“ императоръ и папа особымъ документомъ упорядочили взаимныя отношенія властей. Папа, въ качествѣ свѣтскаго владѣтеля, входилъ въ феодальный организмъ, а потому и несъ обязательства передъ императоромъ, какъ верховнымъ сюзереномъ. Поэтому Климентъ признаетъ императорское подтвержденіе необходимымъ предварительнымъ условіемъ посвященія не только папъ, но и другихъ епископовъ, которымъ на феодальныхъ началахъ были уступлены имперіей различныя права и преимущества³⁾.

Генрихъ немедленно примѣнилъ къ дѣлу полномочія своего новаго положенія: вслѣдъ за коронаціей имъ былъ замѣщенъ рядъ вакантныхъ епископовъ. Такъ получили посвященіе отъ Климента нѣмецъ Гумфридъ, назначенный архіепископомъ равенскимъ, Видонъ, родственникъ императрицы, получившій санъ епископа піаченцскаго, и аббатъ Фульдскій⁴⁾. Около этого же времени Генрихъ назначилъ своихъ ставленниковъ, по преимуществу изъ придворныхъ капеллановъ, въ Констанць, Страсбургъ и Вердунъ⁵⁾. Эти пополненія пробѣловъ въ средѣ нѣмецкаго епископата людьми, преданными и воспитанными въ духѣ преобладанія императорства, имѣли большое значеніе, такъ какъ отъ вѣрности епископовъ въ сущности зависѣло самое могущество нѣмецкаго императора.

Закрѣпивъ за собой новыми назначеніями поддержку столькихъ епископствъ Германіи и Италіи. Генрихъ, въ интересахъ своего сана и ожидаемаго наслѣдника⁶⁾, долженъ былъ обезпечить свое положеніе въ вѣчномъ городѣ. Правда, онъ уже соединялъ въ своемъ лицѣ преимущества императора и могъ не назначать „императорскаго на-

¹⁾ Watterich, I, p. 23.

²⁾ Benzonis, Lib. I, c. 10, p. 603.

³⁾ Annales Romani, p. 332.

⁴⁾ Annales Altahenses, p. 803.

⁵⁾ Herimanni, p. 126.

⁶⁾ Annales Altahenses, p. 803; Herimanni, p. 127.

мѣстника“—патриція, оставляя за собой и этотъ санъ. Но уже въ пору слабости императорства въ Римѣ изъ среды мѣстной знати выдвинулся „городской патрицій“, на котораго перешли права „защитника храма св. Петра“, что и открыло возможность сильнѣйшимъ образомъ вліять на замѣщеніе апостольскаго престола. Въ послѣднее время этотъ санъ сдѣлался достояніемъ тускуланскихъ бароновъ ¹⁾, которые въ качествѣ уполномоченныхъ римлянъ и назначали папъ „помимо выборовъ клиромъ и народомъ ²⁾. Такимъ патриціемъ былъ родной братъ Бенедикта IX Григорій, который и впоследствии носилъ этотъ титулъ и предъявлялъ притязанія на связанныя съ нимъ права ³⁾. Императоръ былъ достаточно хорошо осведомленъ о положеніи дѣлъ въ Римѣ и долженъ былъ принять соответствующія мѣры для искорененія нестроений. Выполненіе торжественно и всенародно принятыхъ обязательствъ защищать римскую церковь отъ всевозможныхъ посягательствъ требовало отъ Генриха устраненія „тиранніи тускуланцевъ“. Но нельзя было обманывать себя надеждой на усмиреніе ихъ вооруженной рукой. Феодалное ополченіе, пришедшее въ Римъ исключительно въ видѣ почетной рати для обезпеченія коронаціи, считало уже цѣль похода достигнутой и торопилось возвратиться домой. Генриху и пришлось отнустить большую его часть на родину ⁴⁾. Оставшимися силами нечего было и думать одолѣть родовыя твердыни римской знати, не разъ уже заливаемые нѣмецкой кровью.

Слѣдовательно, нужно было прибѣгнуть къ инымъ средствамъ. Наиболѣе простымъ и дѣйствительнымъ было—сосредоточить на своей особѣ преимущества и „городского патриція“. И вотъ Генрихъ старается войти съ римлянами въ новое соглашеніе и дѣйствуетъ на населеніе вѣчнаго города наиболѣе понятнымъ для него путемъ: щедрая раздача денегъ подготовила ⁵⁾ умы алчныхъ римлянъ въ желанномъ для императора направленіи. „Городской патрицій“ былъ какъ бы ихъ представителемъ, ихъ уполномоченнымъ, естественно, что они могли избрать любое лицо по своему усмотрѣнію и передать ему отводимое клиру и народу право избранія римскаго первосвященника.

Политическая мудрость такимъ образомъ совмѣстно съ канониче-

¹⁾ См. ихъ генеалогію М. G. T. VII, p. 563.

²⁾ Bonithonis, Lib. V, p. 628; Heinemann, p. 16—18.

³⁾ Bonithonis, Lib. V, p. 625 и Lib. VI, 642. Ср. Leonis Lib. II, c. 99, p. 695.

⁴⁾ Herimanni, p. 127.

⁵⁾ Chronicon S. Benigni Divionensis, p. 237.

скими предписаніями внушали Генриху стремленіе сдѣлаться избранникомъ римлянъ. Упоенная блескомъ и пышностью празднествъ, польщенная домогательствами „владыки міра“, толпа не замедлила провозгласить его своимъ патриціемъ и возложить на него знаки новаго сана ¹⁾: источникъ говоритъ, что Генрихъ по волѣ римлянъ былъ увѣнчанъ золотымъ ободомъ ²⁾, который, по народному постановленію, онъ долженъ былъ носить и при императорской діадемѣ ³⁾. Бонитонъ выражаетъ свое явное неодобреніе этому переходу „тиранніи патриціевъ“ въ новыя руки и удивляется, какъ Генрихъ, „имѣвшій высшее (императорскій санъ), можетъ добиваться „низшаго“ (патриціатъ), какъ будто между мірскими санами есть какое-либо достоинство, обладающее большими полномочіями, чѣмъ императорское величество“ ⁴⁾. По мнѣнію же епископа сурійскаго, „умъ столь даровитаго мужа вовлекла въ заблужденіе увѣренность въ томъ, что онъ, благодаря этому сану, можетъ назначать римскаго первосвященника, тогда какъ нельзя императору, располагающему высшей властью, имѣшиваться въ избраніе папы, тѣмъ болѣе нельзя человѣку подвластному „выступать съ подобными притязаніями“. Несомнѣнно, что на такой же точкѣ зрѣнія стояли и всѣ законники, проникнувшіеся духомъ лжеисидоровыхъ декреталій, но Генрихъ былъ пока далекъ отъ подобныхъ сомнѣній. Онъ выполнилъ, какъ понималъ, лежавшій на немъ долгъ защитника римской церкви, тѣмъ, что, сострадая къ ея бѣдствіямъ, освободилъ вѣчный городъ отъ тиранніи (тускуланскихъ) патриціевъ. Даже у Бонитона это освобожденіе вызываетъ одобреніе и похвалу. Извѣстный энтузіастъ, Петръ Даміани ⁵⁾, изливается въ восторженномъ восхваленіи преобразовательной дѣятельности императора, о которомъ и „римская лѣтопись“ говоритъ ⁶⁾, что онъ „вознесъ и прославилъ св. римскую церковь, искоренивъ, по божьему милосердію, терзавшую ее огромную ересь“.

Дѣйствительно, первые шаги Генриха и Климента II направлены къ борьбѣ съ нестроеніями и закрѣпленію добытыхъ уже результа-

¹⁾ Ср. *Heinemann*, 20—22. Гейнеманъ, отдѣляя „городской патриціатъ“ отъ „установленнаго папой Стефаномъ“ ничего не говоритъ о двукратномъ принятіи Генрихомъ сана патриція.

²⁾ *Annales Romani*, p. 332.

³⁾ *Leonis II*, c. 77, p. 683.

⁴⁾ *Bonithonis, Lib. V*, p. 629—630.

⁵⁾ *Petri Damiani, Lib. Gratis.*, c. 38, p. 71.

⁶⁾ *Annales Romani*, p. 332.

товъ. Сохранилось указаніе ¹⁾, что тускуланцы были „осуждены“ и „понесли наказаніе“ за свою „тираннію“. Съ этой цѣлью императоръ покинулъ Римъ и взялъ нѣсколько мятежныхъ замковъ ²⁾: вскорѣ послѣ коронаціи, 1-го января 1047 года онъ пребывалъ въ самомъ центрѣ владѣній тускуланцевъ ³⁾, но уже 3-го возвратился въ вѣчный городъ ⁴⁾, гдѣ спустя два дня состоялся торжественный соборъ ⁵⁾. Стало быть, помимо матеріальнаго меча въ дѣло былъ пущенъ и духовный. Главнымъ предметомъ соборныхъ совѣщаній являлся вопросъ о симоніи и симонистахъ. Принятая мѣры объявляли рѣшительную борьбу вторгшемуся въ самыя нѣдра церкви феодализму: соборъ призналъ подлежащими апакемѣ не только тѣхъ, „кто бралъ деньги за освященіе церквей и рукоположеніе клириковъ, но тѣхъ, кто продавалъ благочинія ⁶⁾, аббатства и „препозитуръ“ ⁷⁾, отдавалъ въ бенефіцію „доходы съ алтарей“ и самыя церкви“ ⁸⁾. Такимъ образомъ не только продажа духовнаго сана за деньги, но и небезвзвездная передача храмовъ считалась симоніей, а потому не только церковники, но и міряне, извлекавшіе выгоды изъ построенныхъ ими церквей и учрежденныхъ монастырей, подлежали суровой карѣ. Преобразованія совершенно явственно становились на экономическую почву и защищали церковное достояніе отъ злоупотребленій, тѣмъ болѣе пагубныхъ, что права императора открывали широкій просторъ вмѣшательству мірянъ въ распоряженія церковными имуществами. На ряду съ ихъ расхищеніями свѣтскими владѣтелями шла продолжительная борьба между монахами и епископами, сопряженная съ вопросомъ о распредѣленіи монастырскихъ доходовъ и раздачей въ лены принадлежавшихъ обителямъ земель. Климентъ идетъ тутъ вслѣдъ за современными теченіями, отдававшими предпочтеніе самостоятельности монастырей: ему принадлежитъ рядъ грамотъ, подтверждающихъ за монастырями ихъ льготы и владѣнія, равно какъ и

¹⁾ Bonithonis Lib. V, p. 630.

²⁾ Herimanni p. 127.

³⁾ См. грамоту у Бемера № 1558, p. 78.

⁴⁾ Boehmer № 1554 p. 78.

⁵⁾ Iaffe p. 526.

⁶⁾ «archipresbyteratus» Ducange F. I, p. 368.

⁷⁾ «Munus ecclesiasticum in ecclesiis cathedralibus, ad quod ecclesiarum praestationes et redditus praediorum recipiendi et administrandi cura pertinebat». Ducange T. VI, p. 462.

⁸⁾ См. текстъ постановленія у Mansi XIX p. 627.

утверждающихъ ихъ независимость отъ мѣстныхъ епископовъ ¹⁾. Но и тутъ Климентъ старается стоять на почвѣ каноническихъ постановленій, а потому и возстаетъ противъ присвоеннаго аббатами нѣкоторыхъ монастырей преимущества выступать въ сандаліяхъ, поножахъ и далматикахъ. Въ грамотѣ, выданной фульдскому аббату, онъ прямо называетъ это присвоеніе запрещеннымъ св. канонами, а потому и не разрѣшаетъ употребленіе далматика и сандалій не только фульдскому аббату и его приемникамъ, но и всѣмъ аббатамъ, настоящимъ и будущимъ, какіе только существуютъ на свѣтѣ²⁾. За нарушеніе грозило проклятiе св. Петра и анагема на страшномъ судѣ. Трудно видѣть въ этомъ распоряженіи Климента вліяніе Генриха, пожелавшаго возстановить мѣру, принятую его отцомъ относительно рейхенаусскаго аббатства ³⁾. Климентъ не „оправдываетъ“ Конрада, а возстановляетъ поправныя предписанія каноноровъ ⁴⁾, признавая дарованныя папами льготы „вынужденными тираніей злыхъ людей“. Конрадъ вступился за поправныя права епископа костанцакаго ⁵⁾, тогда какъ Климентъ предоставляет ⁶⁾ фульдскому аббату и его приемникамъ, подобно епископамъ, *episcoporum* шогге, апеллировать къ апостольскому престолу, слѣдовательно о защитѣ, въ данномъ случаѣ, правъ майнцскаго епископа нѣтъ и рѣчи.

Къ сожалѣнію, до насъ не дошли акты созданнаго Климентомъ собора и его постановленія извѣстны лишь изъ отрывочныхъ выписокъ и не полнаго списка, перепечатаннаго Манзи. Если придать вѣру сохраненной Герохомъ ⁷⁾ редакція запрещенія симоніи, то кара распространилась не только на продавцовъ, но и на нанимателей и покупателей. Нельзя не замѣтить, что Герохъ дѣлаетъ выписку съ сохраненіемъ характера соборнаго постановленія: рѣшеніе папы, сославшагося на авторитетъ древности, торжественно скрѣпляется общимъ согласіемъ. Стало быть, по редакція ⁷⁾, сохраненной Герохомъ и болѣе полной, еще рѣзче выступаетъ стремленіе защитить церковное

¹⁾ Jaffe, № 4132, 4134, 4135, 4136, 4138, 4139, 4144, 4145, 4147.

²⁾ Hauck, III, p. 592 и Трубецкой, стр. 392.

³⁾ „Sanctorum patrum sanctionibus diversum“. Migne, 142, p. 580.

⁴⁾ „Sacris canonibus interdicitur“. Herimanni, p. 121.

⁵⁾ Migne, 142 № 11, p. 580.

⁶⁾ Liber de simoniaciis p. 250 и Commentarius in Psalmum XXV p. 425.

⁷⁾ Противъ ея подлинности ничего не возражаетъ Сакуръ, принимающій, наоборотъ, испорченность текста, напечатаннаго у Манзи.

достояніе отъ произвола мірянъ и искоренить всякія злоупотребленія, вызванныя перенесеніемъ феодальныхъ отношеній въ область церковную. Въ пользу Героха говорятъ и то обстоятельство, что самый ранній публицистическій трактатъ, посвященный симоніи, не отдѣляетъ продавцевъ отъ покупателей и церковные саны отъ имуществъ ¹⁾. Равнымъ образомъ въ соборныхъ постановленіяхъ уже давно замѣчается желаніе отстоять, подъ угрозой духовныхъ каръ, церковные имущества и доходы отъ захвата ихъ, въ той или иной формѣ, мірянами.

Помимо вопроса о церковныхъ имуществвахъ борьба съ симоніей выдвигала разсмотрѣніе дѣйствительности таинствъ, совершенныхъ симоніастами. Тутъ мнѣнія знатоковъ каноническихъ постановленій разошлись въ совершенно противоположныя стороны. Одни, какъ авторъ упомянутаго публицистическаго посланія, считали, что симонисты, какъ еретики, не обладаютъ силой благодати, а потому ихъ богослуженія вызываютъ только гнѣвъ неба; общеніе съ ними ведетъ къ отлученію; само собою понятно, что и ихъ рукоположеніе не дѣлало никого служителемъ алтара. Представителемъ янго возрѣнія является Петръ Даміани ²⁾, хорошо изучившій каноны и творенія отцовъ. Онъ признавалъ дѣйствительными таинства, совершенныя еретиками, и указывалъ на рядъ практическихъ затрудненій, вызываемыхъ осуществленіемъ крайняго требованія ревнителѣй. По его мнѣнію, симонія была распространена по царствамъ запада до такой степени, что не считалась подлежащей карѣ, признавалась совершенно правильнымъ явленіемъ, освященнымъ какъ бы законодательными постановленіями. „Въ виду этого, спрашиваетъ Петръ, въ чемъ прегрѣшилъ пришедшій въ душевной простотѣ въ свою мать церковь и получившій посвященіе тамъ же, гдѣ былъ возрожденъ крещеніемъ? Вѣдь не его дѣло было разсуждать о личныхъ свойствахъ посвящающаго, а потому онъ и считалъ правильнымъ получить рукоположеніе отъ своего епископа. Да и что ему было дѣлать, когда запрещено обращаться къ епископу другой епархіи“ ³⁾. Даміани требовалъ при рѣше-

¹⁾ *Widonis monachi ad Heribertum archiepiscopum Mediolanensem epistola* p. 5—7. *Ср. Rodulfi Glabri Lib. V, c. 5 p. 198.*

²⁾ См. главнымъ образомъ, его „*Liber gratissimus*“. *Libelli I* p. 17—75. „Замѣтки по исторіи полемиической литературы XI вѣка“. стр. 10—16 и „Петръ Даміани“ стр. 19 слѣд.

³⁾ *Lib. Gratissimus* c. 27, p. 56.

ниі этого вопроса „тщательнаго углубленія въ дѣянія и наставленія древнихъ отцовъ“.

Папа Климентъ послѣ „продолжительнаго разслѣдованія“ и преній постановилъ ¹⁾, что, всякій, посвященный симонистомъ, даже если зналъ во время своего рукоположенія за симониста того, къ кому прибѣгнулъ для посвященія, карается сорокадневнымъ покаяніемъ и сохраняетъ полученный санъ“. Такимъ образомъ восторжествовало болѣе умѣренное мнѣніе Даміани, бывшаго, какъ извѣстно, въ это время въ Римѣ и рукоположеннаго запятаннымъ симоніемъ архіепископомъ равеннскимъ ²⁾. Слѣдовательно, и въ средѣ итальянскаго духовенства не было единства взглядовъ на участь посвященныхъ симонистами, а потому Гаукъ ³⁾ вполне неосновательно противопоставляетъ „нѣмецкое воззрѣніе“ крайнимъ требованіямъ Видона Арецскаго, единственно на томъ основаніи, что Бурхардъ Вормесскій въ своемъ собраніи приводитъ ⁴⁾ соборныя постановленія, признающія таинствомъ крещеніе, совершенное еретиками. Однако, эти же постановленія требуютъ возложенія рукъ на крещеныхъ еретиками, стало быть стоять ближе къ точкѣ зрѣнія ревнителіей, а не Даміани.

Принятія Климентомъ рѣшенія относительно симоніи открывали собой пору борьбы съ этою внѣдрявшеюся въ тѣло церкви язвой. Оба руководителя западно-европейскаго міра выступали теперь противъ общаго зла. Правда, они съ первыхъ же шаговъ должны были сдѣлать уступки, принимая во вниманіе его распространенность. Но Генрихъ, считая симонію причиною различныхъ бѣдствій, голода, мора, войнъ, обнаруживалъ твердое намѣреніе искоренить продажу сановъ церковныхъ. Безвозмездное полученіе императорской діадемы укрѣпляло его въ принятомъ рѣшеніи и онъ обѣщалъ „даромъ раздавать духовныя должности“ ⁵⁾. Само собою понятно, что ревнители должны были воспользоваться подобнымъ настроеніемъ и возобновлять свои крайнія требованія при удобныхъ случаяхъ, такъ какъ въ силу необходимости они преклонились передъ рѣшеніемъ папы, но остались глубоко убѣжденными въ своей правотѣ. Климентъ же, поставленный въ совершенно чуждыя и незнакомыя условія, не могъ проявлять самостоятельныхъ

¹⁾ Lib. Gratis., с. 37, р. 70.

²⁾ Lib. Gratis., с. 29, р. 60. Любопытно, что эту главу опускали прежніе издатели.

³⁾ Hauck III, р. 593.

⁴⁾ Burchardi, Decretorum Lib. IV, cap. 39 сл. р. 754. Migne T. 140.

⁵⁾ Rodulfi Glabri, Lib. V, с. 5, р. 697—8.

возрѣній и постоянно долженъ былъ считаться съ обычаями, укоренившимися при апостольскомъ престолѣ, и планами императора Генриха. Стало быть, при своей кротости, добротѣ и прекрасныхъ нравственныхъ качествахъ, онъ могъ содѣйствовать возстановленію нравственнаго величія апостольскаго престола, но не идти по собственному пути.

Такъ въ первый же день собора произошло препирательство между архіепископами миланскимъ и равенскимъ и патриархомъ аквилейскимъ о почетномъ мѣстѣ по правую руку папы. Климентъ не зналъ, кто изъ соперниковъ правъ, и подвергъ ихъ притязанія соборному разсмотрѣнію. Всѣ они ссылались на древнія льготы и привилегіи, предоставленныя имъ церквамъ папами и засвидѣтельствованныя документально. Выслушавъ ихъ, папа предоставилъ высказаться сначала „римскимъ епископамъ (то-есть викаріямъ) и римскому клиру, такъ какъ за ними признавался большой авторитетъ и имъ было дѣло болѣе извѣстно“. Тогда епископъ Іоаннъ портскій и канцеляріи апостольскаго престола Петръ отдали предпочтеніе Равеннѣ. То же сдѣлалъ и извѣстный своей ученостью епископъ бриксенскій Попонъ, съ мѣтніемъ котораго согласился и соборъ, постановившій подъ страхомъ денежной пени и отлученія навсегда, что архіепископъ равенскій, въ отсутствіи императора, засѣдаетъ по правую руку папы „сообразно авторитету древняго установленія“¹⁾. Любопытно, что и тутъ, какъ и въ запрещеніи употребленія аббатамъ епископскаго облаченія, Климентъ нарушаетъ выданныя папой Іоанномъ XIX привилегіи²⁾. Предпочтеніе, оказанное Равеннѣ, оскорбляло Милань, гордившійся всегда своею церковью, основанною Варнавою и украшенною св. Амвросіемъ. Оно задѣвало и національную щепетильность итальянцевъ, тѣмъ болѣе что большинство епископовъ, засѣдавшихъ на соборѣ, были нѣмецкими прелатами и на ихъ рѣшеніе могло повліять непріязненное отношеніе къ распоряженію одного изъ тускуланскихъ папъ, равно какъ стремленіе поддержать притязанія своего собрата, вновь избраннаго архіепископа Равенны. Наконецъ, здѣсь очень возможно предположить извѣстную долю вліянія Генриха, явно стремившагося замѣщать итальянскія кафедры нѣмцами и предоставлять имъ почетныя преимущества³⁾. Воздѣйствіе императора сказывается, между про-

¹⁾ Clementis epistolae et privilegia № 3, p. 581—582.

²⁾ Arnulf, Lib. II, c. 5, p. 12.

³⁾ Ср. постановленія Павійскаго собора 1046 г. о преимуществахъ Вероны Mansi XIX p. 617.

чимъ, и въ признаніи святою затворницы Виборады, пострадавшей во время венгерскаго набѣга въ 926 году. Двумъ предшественникамъ Климента не удалось канонизовать нѣмецкую мученицу. Теперь аббатъ С. Галленскаго монастыря при поддержкѣ Генриха и Агнессы обратился къ папѣ съ просьбой причислить Вибораду къ лику святыхъ и представилъ ея житіе вмѣстѣ съ спискомъ совершенныхъ ею чудесъ. Климентъ не замедлилъ исполнить желаніе императора и даже выразилъ недовольство медлительностью аббата, не настоявшаго ранѣе на признаніи подвижницы святою ¹⁾). Эта канонизація служитъ выраженіемъ стремленія людей XI вѣка обладать св. мощами въ возможно большемъ количествѣ, какъ наилучшимъ прибѣжищемъ въ бѣдахъ и напастяхъ. Неудача предшествующихъ попытокъ находить свое вѣроятное объясненіе въ недовольствѣ римскаго духовенства, бывшаго поставщикомъ св. предметовъ и мощей для всего запада. Мѣстные святые грозили уменьшеніемъ прилива богомольцевъ въ вѣчный городъ. Такимъ образомъ постановленія перваго римскаго собора, на которомъ присутствовалъ новый императоръ, показываютъ, что онъ готовъ былъ всею душою поддержать дѣло церковно-общественныхъ преобразованій, видя въ нихъ выполненіе одной изъ обязанностей своего сана.

Раздѣляя общее мистическое настроеніе, Генрихъ, однако, не придерживается въ своей дѣятельности опредѣленныхъ, строго выдержанныхъ плановъ: то онъ осыпаетъ ²⁾ щедрыми дареніями и разными льготами обитатели съ цѣлю обезпечить спасеніе своей души, и слѣдуя завѣтамъ Евангелія торжественно прощаетъ своимъ врагамъ и недругамъ ³⁾, то, подъ влияніемъ случайныхъ побужденій обрушивается съ проявленіями своего гнѣва на фарфскаго аббата ⁴⁾, по проискамъ недовольныхъ бароновъ не доставившаго въ достаточномъ количествѣ припасы для содержанія двора и войска, то-есть, не отбывшаго надлежащимъ образомъ ту самую феодальную повинность (*fodrum*), отъ которой Генрихъ освободилъ перуджійскій монастырь въ честь св. Петра ⁵⁾. Императоръ наказалъ аббата Фарфы лишеніемъ сана и собственною властью назначилъ ему преемника, не озаботившись даже тщательнымъ разслѣдованіемъ дѣла, такъ какъ для него вопросъ о продовольствіи мно-

¹⁾ *Casus S. Galli* c. 3 p. 107 и *Continuatio secunda* c. 6, p. 156.

²⁾ См. *Boehmer* p. 78. *Steindorff* I, p. 321—322.

³⁾ *Annales Altahenses* p. 804.

⁴⁾ *Gregorii catinensis* c. 6, p. 560.

⁵⁾ *Boehmer* № 1554, p. 78.

гочисленнаго ополченія, не помѣстившагося даже въ Римѣ¹⁾, имѣлъ огромную важность²⁾. Пышныя празднества, пиры и торжественныя раздачи во время коронаціи требовали большихъ расходовъ, тяжелый итальянскій походъ былъ сопряженъ съ крупными издержками для участниковъ³⁾ и Генрихъ, естественно, старался пополнить свою казну на счетъ богатаго имперскаго аббатства. Да и его дальнѣйшее поведеніе на югѣ Италіи, куда онъ предпринялъ, слѣдуя примѣру своихъ вѣнчаныхъ предшественниковъ, походъ, показываетъ, что для новаго императора „финансовыя соображенія“ имѣли теперь рѣшающее значеніе.

Отпустивъ домой большую часть своего войска, Генрихъ, въ сопровожденіи Климента, выступилъ изъ Рима и уже въ концѣ января прибылъ въ Монтекассинскій монастырь. „Щедрые подарки обителя и нѣсколько фунтовъ золота“⁴⁾ братья еще болѣе опустошили императорскую казну. Но одновременно происходило и ея пополненіе: недаромъ итальянцы запирали передъ „владыками міра“ ворота своихъ городовъ, недаромъ они съ оружіемъ въ рукахъ боевыми кликами привѣтствовали „помощниковъ божьихъ“; обыкновенно нѣмцы предавались всякимъ излишествамъ въ богатой и прекрасной странѣ, обыкновенно ихъ государи извлекали изъ своего вѣнца матеріальную пользу и раздачей имперскихъ леновъ новымъ лицамъ поправляли свои разстроенныя средства. Генрихъ не представляетъ въ данномъ случаѣ исключенія: одною рукою онъ дѣлаетъ щедрыя подачи монастырямъ, другою грабитъ церкви, передавая въ лены ея достояніе. Тутъ онъ не считается съ традиціями императорской политики, не продолжаетъ дѣла своего отца, не вдумывается въ общее положеніе вещей, грозящее затрудненіями въ недалекомъ будущемъ, а извлекаетъ⁵⁾ выгоды только въ настоящемъ: Конрадъ II отнялъ Каную у мѣстнаго тирана Пандульфа, угнетавшаго монтекассинцевъ⁶⁾, и передалъ ее въ ленъ Ваймару. Теперь Генрихъ, получивъ отъ Пандульфа и его сына „много золота“, возстановилъ ихъ въ прежнемъ владѣніи, не-

¹⁾ *Annales Romani* p. 932.

²⁾ *Herimanni*, p. 126, *Benzonis*, *Lib. I*, с. 9—12 p. 602—603.

³⁾ *Adami*, *Lib. III*, с. p. 337.

⁴⁾ *Leonis*, *Lib. II* с. 78, p. 663. Ср. *Boehmer* № 1556 p. 78.

⁵⁾ Ср. *Hirsch*, *Amatus von Monte Cassino und seine Geschichte der Normanen*. *Forsch. u. d. Gesch. B. VIII*, p. 279.

⁶⁾ *Leonis*, *Lib. II*, с. 63, p. 671. *Annales Altahenses* p. 793.

смотря на видимое недовольство капуанцевъ ¹⁾). На югѣ Италіи осѣлись разбойники норманны, еще не получившіе правоваго положенія, грабившіе и терзавшіе святыни; даже монтекассинскій монастырь ²⁾ не разъ подвергался огромной опасности отъ ихъ хищныхъ нападений. Теперь Генрихъ, скрѣпляя особою грамотой владѣнія древней обители, вводитъ грабителей въ число имперскихъ владѣтелей, получивъ отъ нихъ обильные дары: „Дрогонь Апулійскій и Райнульфъ Аверсскій прибыли къ императору и преподнесли ему множество лошадей и огромную сумму денегъ“, за что и получили императорскую инвеституру на всѣ захваченныя земли ³⁾).

Такое поведеніе защитника слабыхъ и угнетенныхъ понесло заслуженное возмездіе: жители города Беневента подвергли оскорбленіямъ тещу Генриха и при его приближеніи заперли свои ворота. И вотъ „могущественный императоръ“ пытается наказать дерзкихъ, предпринимаетъ приступъ, но терпитъ неудачу, сжигаетъ предмѣстье ⁴⁾ и передаетъ Беневентъ „въ силу своего императорскаго авторитета“ норманнамъ ⁵⁾), создавая тѣмъ самымъ яблоко раздора между Германіей, папствомъ и норманнами. Такимъ образомъ, Адамъ ⁶⁾ Бременскій имѣлъ основаніе считать германскій походъ „неудачнымъ“.

Генрихъ не удовольствовался передачей Беневента „на потокъ и разграбленіе“ хищникамъ и жестокосердымъ грабителямъ, онъ пустилъ въ дѣло и свое вліяніе на папу, „заставивъ его предать непокорныхъ беневентцевъ“ отлученію ⁷⁾). Стало быть, Климентъ въ данномъ случаѣ оказался покорнымъ орудіемъ въ рукахъ императора.

Пребываніе Генриха на югѣ Италіи ознаменовалось въ то же время мѣрами противъ столь ненавистной ему симоніи. При его прибытіи въ Капую аббатъ мѣстнаго монастыря въ честь св. Викентія, запятанный симоніей, бѣжалъ; на его мѣсто, по просьбѣ монаховъ, Генрихъ назначилъ нѣмца Лиутфрида ⁸⁾). Въ несомнѣнной связи съ постановленіями послѣдняго Римскаго собора стоятъ и разслѣдованіе обстоятельствъ возвышенія архіепископа салернскаго Іоанна, какъ

¹⁾ Leonis, Lib. II, c. 78, p. 683, Amati Lib. III, c. 3, p. 72.

²⁾ Cp. Leonis, Lib. II, c. 69, p. 677 и c. 75, p. 681.

³⁾ Leonis, Lib. II, c. 78, p. 683. Herimanni p. 126.

⁴⁾ Herimani, p. 126. Annales Beneventani, p. 179.

⁵⁾ Leonis, Lib. II, c. 78, p. 683.

⁶⁾ Adami, Lib. III, c. 5, p. 337.

⁷⁾ Annales Beneventani, p. 179. Leonis, Lib. II, c. 78, p. 683.

⁸⁾ Steindorff, I, p. 328.

показываетъ булла папы Климента II ¹⁾). Тутъ папа вынужденъ былъ высказаться по вопросу, связанному съ обстоятельствами его собственнаго возвышенія: Іоаннъ былъ по желанію Ваймара, скрѣпленному „единодушнымъ избраніемъ клира и народа“, переведенъ съ пестумскаго епископства на архіепископскій престолъ въ Салерно, слѣдовательно, и тутъ были нарушены каноны, запрещающіе переходъ епископовъ съ одной кафедръ на другую. Климентъ, подобно Бонитону и другимъ папистамъ, ссылается на „требованія необходимости“ и большія выгоды для церкви, сопряженныя съ переходомъ, и признаетъ его законнымъ, если не было происковъ со стороны Іоанна или симонистической сдѣлки.

Разслѣдованіе показало чистоту побужденій и высокія нравственныя качества новаго архіепископа салернскаго, который и получалъ отъ папы палліумъ и подтвержденіе преимуществъ его кафедръ. И тутъ Климентъ не остался на стражѣ интересовъ „апостольскаго престола“, такъ какъ подъ страхомъ анаемы запретилъ своимъ преемникамъ посвящать викарныхъ епископовъ Салерно, предоставивъ это право Іоанну и его преемникамъ; лишь ради посвященія и полученія палліума они должны были обращаться къ папамъ. Слѣдовательно, югъ Италіи, благодаря мѣропріятіямъ Генриха и Климента, сдѣлался и въ политическомъ и въ духовномъ отношеніи почти независимымъ отъ папства, имѣвшаго здѣсь множество поземельныхъ владѣній и монастырей. Само собою понятно, что болѣе энергичные и стойкіе „намѣстники Апостоловъ“ должны были, въ силу своихъ жизненныхъ интересовъ, стремиться такъ или иначе вернуть утраченное. Такимъ образомъ, своекорыстная политика Генриха III подготовила послѣдующія событія, имѣвшія всемірно-историческое значеніе, тѣмъ болѣе, что и въ другихъ мѣстностяхъ Италіи императоръ стоялъ по прежнему на крайне узкой точкѣ зрѣнія.

Отступивъ отъ Беневента, Генрихъ предпринялъ обратный походъ въ Германію, щедро осыпая льготами и преимуществами различныя обители и епископства ²⁾). Онъ даже закрѣпилъ за однимъ изъ имперскихъ монастырей право свободнаго избранія аббата ³⁾). Обильныя даренія послужили также вознагражденіемъ за увозъ въ Германію мо-

¹⁾ Clementis Epistolae, № 7, p. 586—588.

²⁾ Buchner, p. 78.

³⁾ Steindorff, B. I, p. 329.

шей Видона Помпозскаго ¹⁾). Епископу Кадалу пармскому были предоставлены полномочія графа ²⁾).

Однимъ словомъ, ничто въ поведеніи императора не обнаруживаетъ опасеній столкновенія между его собственными интересами и духовенствомъ. Онъ даже издаетъ общее постановленіе огромной важности, показывающее совершенно ясно, насколько чужда была Генриху идея государства и какъ охотно онъ дѣлалъ уступки первостепенной важности церковникамъ. Ссылаясь на постановленіе божественнаго Юстиніана, призывающаго за канонами силу законовъ, и на указъ Θεодосія, Генрихъ освобождалъ „и въ гражданскихъ и въ уголовныхъ дѣлахъ“ все духовенство, начиная съ епископовъ и кончая монахами и монахинями отъ принесенія присягъ ³⁾).

Здѣсь важно и признаніе за канонами одинаковаго значенія съ законами и ссыла на римское право, только начавшее выходить изъ забвенія, и широкая льгота церкви. При общемъ увлеченіи канонами логическія послѣдствія признанія ихъ государственной властью для себя обязательными открывали широкій просторъ вліянію законниковъ и идеаловъ лжеисидорова сборника.

Каноническое право, выросшее на почвѣ римскаго, содержало въ себѣ несравненно болѣе точекъ соприкосновенія съ нимъ, чѣмъ съ еще не сложившимся въ окончательной формѣ германскимъ. Предпочтеніе, оказанное Генрихомъ, установленіямъ „обоихъ законовъ, божескаго и человѣческаго“, какъ бы исключало германскіе правовые обычаи изъ государственнаго обихода. Клирикъ, по лангобардской правдѣ, не пользовался исключительнымъ положеніемъ по отношенію къ присягѣ, но законъ Θεодосія запрещалъ клирикамъ приносить ее, на одинъ канонъ не разрѣшалъ имъ произносить клятвы и Генрихъ всецѣло становится на точку зрѣнія, чуждую его племеннымъ законамъ; теперь все духовенство имѣло полное основаніе слѣдовать уже извѣстному примѣру архіепископа лійонскаго Галинарда.

Изъ пестрой смѣси феодальнаго міра обособлялось могущественное сословіе и его общія преимущества находили признаніе и поддержку со стороны государственной власти. Такая близорукая политика не замедлила повлечь за собой самыя плачевныя послѣдствія для свѣтской власти.

¹⁾ Herimanni, p. 127.

²⁾ Boehmer, № 1562.

³⁾ Constitutio de juramento calumniae, Leg. II, p. 41.

Очевидно, что шагъ за шагомъ императорство должно было отступать и очищать временно занятое положеніе по слабости и недостатку свѣдѣній о своихъ правахъ у настоящаго „владыки міра“. Генрихъ отворачивался отъ германскихъ правовыхъ воззрѣній, римскихъ не зналъ, какъ и почти всѣ его современники; что же онъ могъ противопоставить напору законниковъ, ссылавшихся на постановленія тѣхъ самыхъ каноновъ, которые были возведены на степень законовъ? Конечно, не разрозненныя правовыя нормы обычая, не въ сущности почти невѣдомый сводъ постановленій римскихъ императоровъ, а уже объединенныя и тщательно изучаемыя рѣшенія соборовъ и св. отцовъ, признаваемые всѣми за истину, должны были служить руководствомъ въ путаницѣ существовавшихъ отношеній и нетрудно предвидѣть, чьи притязанія должны были взять верхъ, если борьба приметъ характеръ оцѣнки правъ столкнувшихся сторонъ.

При своемъ преклоненіи передъ канонами Генрихъ могъ занимать властное положеніе по отношенію къ папству лишь до тѣхъ поръ, пока ему не подчеркнули „декреты св. отцовъ и постановленія соборовъ“, указывающіе на незаконность его мнимыхъ правъ, на опасность примѣнять ихъ для его загробнаго блаженства. Правда, императоръ пока ведетъ себя какъ полновластный господинъ; папа, его ставленникъ, лишь оказываетъ услуги. Но такой порядокъ вещей былъ все-таки, съ точки зрѣнія средневѣковаго человѣка, явленіемъ исключительнымъ, не имѣвшимъ опоры въ прошломъ, а стало быть и будущемъ ¹⁾. Онъ существуетъ временно, въ зависимости отъ личныхъ особенностей „намѣстника Апостоловъ“, не подготовленнаго къ управленію міромъ, къ пониманію предстоящей роли папства. Повидимому, даже оно должно занять, вслѣдствіе слабости его представителя еще болѣе второстепенное положеніе: продолжая оставаться несамостоятельнымъ, Климентъ II, спутникъ Генриха, дѣлаетъ новую уступку въ ущербъ „апостольскому престолу“, мало склонному къ поддержкѣ митрополитовъ: архіепископъ бременскій Адальбертъ, мечтавшій изъ своего Гамбурга сдѣлать „сѣверный Римъ“, получилъ отъ папы не только подтвержденіе всѣхъ привилегій гамбургской церкви, но и по „просьбѣ императора Генриха“ право на особое отличіе ²⁾. Это было закрѣпленіемъ самостоятельности гамбургской церкви, краеугольнымъ камнемъ

¹⁾ Ср. Petri Damiani, Lib. Gratis., с. 38, р. 71.

²⁾ Jaffe, № 4146, р. 527, „super passum equitandi licentiam“. См. Du Cange, Т. V, р. 566.

для выполнения широкихъ плановъ Адальберта. Точно также, „по просьбѣ Генриха“, были закрѣплены и преимущества трирской архі-епископіи¹⁾).

Слѣдовательно, нѣмецкія епископства получали широкія права, нѣмецкіе прелаты занимали высшія духовныя должности въ Италіи, гдѣ нѣмцы сидѣли теперь, не говоря о Римѣ, въ Равеннѣ, Веронѣ, Монтекассино и другихъ менѣе важныхъ городахъ и аббатствахъ. Такой образъ дѣйствій папы ухудшилъ его положеніе. Лишенный личнаго почета Климентъ не внушалъ уже къ себѣ прежняго чувства, какъ представитель поры обновленія. Въ ряды даже умѣренно настроенныхъ ревнителей закрадывается недовольство, ярко сказывающееся въ письмѣ Петра Даміани къ папѣ. Оказывается, что Генрихъ неоднократно просилъ Даміани доводить до свѣдѣнія папы о положеніи церковныхъ дѣлъ въ окрестныхъ областяхъ и лично совѣтовать ему, какія необходимо принять мѣры. Но настойчивыя даже просьбы вызвали отговорки, затѣмъ прямой отказъ и императору пришлось отдать рѣшительное повелѣніе, которое, однако, не было выполнено Петромъ. Получивъ отъ Генриха письма для передачи папѣ, онъ отправилъ ихъ къ Клименту съ яснымъ выраженіемъ нежеланія быть при „намѣстникѣ Апостоловъ“ и своеобразнымъ выясненіемъ своего поведенія. Даміани прямо спрашиваетъ у Климента, „что пользы, государь мой, если мы говоримъ, будто апостольскій престолъ возвратился отъ мрака къ свѣту, разъ сами остаемся въ томъ же мракѣ? Что толку, если кто-либо держитъ подъ запоромъ множество жизненныхъ припасовъ, а самъ погибаетъ отъ голода? Что толку, если кто-либо опоясывается прекрасно сдѣланнымъ мечемъ и не поражаетъ имъ отряды враговъ? Вѣдь тебя всемогущій Богъ вмѣсто себя положилъ въ народъ какъ вѣкую пищу; посредствомъ тебя Онъ вооружилъ силы своей церкви противъ напора всѣхъ ея противниковъ, дабы ты постарался съ небесною доблестью пронзять грудь возстающихъ на Бога и насытить дарами св. слова насъ, смиренныхъ и голодныхъ. Но видя фанскаго разбойника, проклятаго и отлученнаго даже тѣми, кто не былъ, а лишь назывался папой, озимскаго епископа, погрязшаго въ столь многочисленныя и столь неслыханныя преступленія, равно какъ и другихъ, подлежащихъ подобному же приговору, возвратившимся отъ васъ съ такимъ наглымъ ликованіемъ, мы были вынуждены пережѣнить на скорбь свои радостныя надежды. Вѣдь мы

¹⁾ Jaffe, № 4151, p. 528.

надѣялись, что ты долженъ избавить Израиля. Вотъ почему, блаженнѣйшій государь, постарайся поднять столь попоранную и униженную правду“¹⁾).

Стало быть, глава средне-итальянскаго преобразовательнаго движенія громогласно выражалъ разочарованіе въ Климентѣ и не оказывалъ ему ни словомъ, ни дѣломъ поддержки. Повидяному, въ Римѣ также не все было благополучно, такъ какъ Климентъ избѣгалъ оставаться въ его стѣнахъ послѣ удаленія Генриха. Несчастнѣйшій папа утратилъ теперь свою единственную опору: крайніе законники, умѣренные преобразователи, сторонники независимости отъ нѣмецкаго вліянія—всѣ были настроены противъ Климента. Его возвышеніе не вернуло золотой апостольскій вѣкъ, на что намекала самая перемѣна имени; выборъ Генриха не оправдалъ общихъ ожиданій: Климентъ II не оказался достойнымъ носителемъ имени своего тезки, ученика св. Петра, противника Симона волхва²⁾). „Добрый и милостивый“, но не энергичный папа самъ чувствовалъ себя не на мѣстѣ³⁾). Его душевное настроеніе прекрасно обрисовываетъ одно изъ послѣднихъ его посланій, письмо къ клиру и народу бамбергской церкви⁴⁾). Здѣсь Климентъ изливается въ своихъ чувствахъ къ своей „законной невѣстѣ“: „ни одинъ супругъ не бываетъ такъ безукоризненно вѣренъ своей женѣ, не любитъ ее такъ пламенно, какъ я васъ“. „Оторванный отъ сладчайшей невѣсты“, онъ затрудняется выразить словами свое горе и свою глубокую скорбь и на высотѣ апостольскаго престола помнить „свою подругу, свою сестру, свою невѣсту, свою голубицу“, желая, чтобъ его величіе, незаслуженное, но Богомъ дарованное, послужило ей на пользу, а потому и закрѣпляетъ за „дражайшей невѣстой, цѣломудреннѣйшей дѣвой, прекраснѣйшей бамбергской церковью“ ея теперешнія и будущія владѣнія отъ всякихъ посягательствъ императоровъ, королей, герцоговъ, маркграфовъ и другихъ свѣтскихъ владѣтелей, равно какъ архіепископовъ, епископовъ и аббатовъ. Отлученіе и адскія муки ждали нарушителей ея привилегій, тогда какъ на ея защитника призывалось божье благословеніе. Это было почти предсмертное распоряженіе папы, впавшаго въ тяжкую болѣзнь⁵⁾ и вскорѣ перешедшаго въ лучшій міръ. Въ итальянскихъ лѣтописяхъ

¹⁾ Petri Damiani Epist. Lib. I, № 3, p. 208.

²⁾ Ср. Langen, p. 441.

³⁾ Benzoni, Lib. VII c. 2, p. 671.

⁴⁾ Clementis epistolae, № VIII, p. 588—590.

⁵⁾ Jaffe, № 4148, p. 527.

сохранилось извѣстіе ¹⁾ о насильственной смерти Климента, отравленнаго Бенедиктомъ IX, и Грегоровіусъ находятъ ²⁾, что „было бы глупо сомнѣваться въ этомъ“. Штейндорфъ, однако, относить разказъ о кубкѣ съ ядомъ къ области басенъ ³⁾, но нельзя придавать „римскимъ лхорадамъ“ слишкомъ преувеличеннаго значенія, тогда какъ именно смерть Климента послужила первою ступенью для предпринятой тускуланцами попытки снова добиться преобладанія въ вѣчномъ городѣ. Умирая Климентъ больше чувствовалъ себя епископомъ бамбергскимъ, чѣмъ папой и выразилъ желаніе, чтобы его прахъ былъ перенесенъ въ Бамбергъ ⁴⁾. Впрочемъ, римскія событія исключали самую мысль о погребеніи нѣмецкаго папы въ стѣнахъ „столицы міра“. Итакъ, первый „намѣстникъ Апостоловъ“, вступившій на „престолъ св. Петра“ по желанію Генриха, палъ искупительною жертвою и даже отдаленное потомство считало его „безумцемъ“ за согласіе принять тіару при жизни Григорія VI ⁵⁾.

Смерть Климента открывала вопросъ, кто и какимъ путемъ займетъ осиротѣвшій „престолъ вселенной“. Клятвенное обязательство римлянъ заставляло ихъ быть вѣрными Генриху. Санъ патриція передавалъ дѣло въ руки императора. Сторонники „каноническихъ выборовъ“ должны были отстаивать избирательныя права клира и народа. Не всѣ, какъ извѣстно, признавали законнымъ самоотреченіе Григорія, считая его дѣйствовавшимъ по принужденію лицъ, не имѣвшихъ никакого права судить папу. Наконецъ, и у Бенедикта были сторонники. Съ точки зрѣнія строгихъ законниковъ онъ не смѣлъ слагать съ себя санъ папы ⁶⁾ и оставался, пока жилъ, дѣйствительнымъ епископомъ Рима. Да и его родственники, тускуланскіе бароны, продолжали считать себя полномочными распорядителями „каедръ св. Петра“. Будучи ближе всѣхъ къ Риму, располагая силой золота и меча, они первые приняли рѣшительныя мѣры для возрожденія прежняго, излюбленнаго порядка вещей. Къ нимъ примкнулъ старый противникъ нѣмецкаго преобладанія, могущественный маркграфъ тосканскій, Бони-

¹⁾ Lupi p. 59. *Annales Romualdi*, p. 404.

²⁾ *Gregorovius*, IV, p. 67.

³⁾ *Steindorff*, II, p. 28.

⁴⁾ *Jaffe*, № 4152, p. 528. Хотя эта булла и считается подложной, но желаніе Климента быть погребеннымъ въ Бамбергъ весьма правдоподобно. Ср. *Herimanni* p. 127. *Epistolae Leonis IX*, № 75, p. 699. *Annales Altahenses* p. 804.

⁵⁾ *Watterich*, I, p. 716.

⁶⁾ „*Benedictus seorsum injuste privans*“. *Watterich*, I p. 714.

фаций¹⁾, съ помощью котораго Бенедиктъ снова овладѣлъ „апостольскимъ престоломъ“. Алчные римляне раздѣлились и большая часть ихъ признала совершившійся переворотъ²⁾. Другая отправила къ Генриху легатовъ съ усиленными просьбами, какъ „рабы господина и какъ сыновья отца, о дарованіи святой римской церкви и всему міру пастыря. цѣломудреннаго, милостиваго, украшеннаго добрыми нравами“. Очевидно, предстояло столкновение между итальянскими вельможами и ихъ ставленникомъ и могущественнымъ императоромъ, такъ какъ нельзя было рассчитывать на признаніе имъ Бенедикта.

Римское посольство застало Генриха въ Фульдѣ, получило вполнѣ почетный приѣмъ и было осыпано подарками³⁾, но въ душѣ „римскаго патриція“ уже лежали сѣмена колебанія и неувѣренности въ своихъ правахъ: онъ обратился за совѣтомъ къ лучшему знатоку каноновъ въ средѣ германскаго духовенства, епископу люттихскому, Вазону, съ указаніемъ, что выборы римскаго первосвященника послѣдуютъ въ день Рождества Христова⁴⁾. Вазонъ, „по обыкновенію, обратился къ изслѣдованію дѣяній римскихъ первосвященниковъ, ихъ декретовъ, подлинныхъ каноновъ и канитуляріевъ“. Тщательно ихъ пересмотрѣвъ, „онъ не нашель ничего другаго“, какъ, что „верховному первосвященнику слѣдуетъ оказывать величайшую честь, какой бы жизни онъ ни былъ“; никто не имѣеть права его судить, да и вообще „нельзя принимать обвиненій отъ низшихъ, взведенныхъ ими на высшихъ“. Руководясь этимъ, „отважнѣйшій защитникъ чистой истины“, рѣшилъ дать императору „непріятный отвѣтъ“: „Пусть подумаетъ ваша свѣтлость, не по божьей ли волѣ престолъ верховнаго первосвященника, низложеннаго тѣми, кому не надлежало, сохраненъ для него, такъ какъ поставленный по вашему повелѣнію на его мѣсто своею смертію какъ бы очистилъ путь для оставшагося въ живыхъ. Разъ вамъ было угодно обратиться ко мнѣ за совѣтомъ, то пусть перестанетъ ваше величество питать желаніе поставить кого либо на мѣсто того, кто еще живъ, ибо этого не дозволяютъ ни божескіе, ни человѣческіе законы. а св. отцы и словесно и письменно единогласно утверждаютъ, что верховнаго первосвященника никто не можетъ судить, кромѣ одного только Бога. Свидѣтельствую Богомъ и клятвой, которую я,

¹⁾ *Annales Romani* p. 333 „qui parat canonice depositum in pontificem re-duxisti“.

²⁾ *Liber pontificalis* p. 272. *Leonis ostiensis Lib. II* c. 78 p. 683.

³⁾ *Annales Romani* p. 332.

⁴⁾ *Auselmi*, c. 65 p. 228.

недостойный священнослужитель, принесъ вамъ, что въ этомъ дѣлѣ я не могъ ни придумать, ни отыскать болѣе справедливаго, болѣе правильнаго рѣшенія“.

Спрашивается, кого имѣлъ въ виду Вазонъ, Бенедикта ли IX или Григорія VI? Ни одинъ изслѣдователь, однако, не поднималъ этого вопроса, ограничиваясь утвержденіемъ, что епископъ люттихскій заступался за несчастнаго Іоанна Граціана. Но въ пользу этого общераспространеннаго мнѣнія не было приведено никакихъ доводовъ. Незвѣстно даже съ точностью, живъ ли былъ Григорій VI въ моментъ кончины Климента, такъ какъ Бонитонъ неопредѣленно говоритъ ¹⁾: „сиустя немного времени послѣ прибытія къ берегамъ Рейна Іоаннъ заболѣлъ и скончался.“ Изъ показанія же Бенона ²⁾ скорѣе можно заключить, что Григорій VI не пережилъ Климента: кардиналъ сообщаетъ мимоходомъ, что „Григорій VI умеръ въ изгнаніи, а Гильдебрандъ остался наслѣдникомъ его вѣроломства и его денегъ. *Въ то же время умеръ папа Климентъ*“. Повидимому, Бенонъ, подобно Бонитону, считаетъ кончину Григорія послѣдовавшею ранѣе смерти Климента. Стало бытъ, Вазонъ не могъ указывать Генриху на Іоанна Граціана. Наоборотъ, не подлежить ни малѣйшему сомнѣнію, что Бенедиктъ пережилъ Климента. Далѣе, личная жизнь Григорія VI не имѣла ни малѣйшаго пятна, преступленія Бенедикта общезвѣстны, слѣдовательно ссылка на неподсудность папы, *каковъ бы ни былъ ея образъ жизни*, умѣстна только при намекѣ на тускуланскаго папу. Обыкновенно считаютъ, что Генрихъ назначилъ преемника Григорію VI, но, какъ извѣстно, послѣднимъ былъ низложенъ на римскомъ соборѣ Бенедиктъ, такъ что Вазонъ могъ считать Климента его преемникомъ. Наконецъ, возможная ссылка на добровольный отказъ отъ тиары Бенедикта, исключаяющій рѣчь о низложеніи, опровергается словами самого Генриха, писавшаго Бонифацію, что Бенедиктъ „канонически низложенъ“ ³⁾. Итакъ, несравненно вѣроятнѣе, что Вазонъ высказался въ пользу тускуланскаго папы. Епископъ люттихскій не былъ одиночникомъ: дошедшее къ крайнему сожалѣнію, лишь въ отрывкѣ посланіе неизвѣстнаго автора, возникшее около этого времени ⁴⁾, также находятъ законнымъ возстановленіе Бенедикта, основываясь на примѣрѣ папы

¹⁾ Bonithonis, lib. V p. 630. Вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ идетъ сообщеніе о смерти Климента, p. 631.

²⁾ Benonis, II c. 8 p. 378.

³⁾ Annales Romani: „canonice depositum“, p. 333.

⁴⁾ Замѣтки стр. 6.

Либерія и другихъ соображеніяхъ ¹⁾). Въ высшей степени важно, что по этому посланію Григорій VI уже умеръ во время возвращенія Бенедикта ²⁾). Очень можетъ быть, что тускуланцы отважились на захватъ тиары ихъ ставленникомъ, лишь узнавъ изъ писемъ Гильдебранда ³⁾ о кончинѣ Іоанна Граціана, освобождавшей римскій народъ отъ данныхъ ему клятвенныхъ обязательствъ.

Но Генрихъ III не дождался отвѣта Вазона ⁴⁾): римскія событія не позволяли откладывать дѣло и руководиться приходилось стремленіемъ сохранить занятое положеніе. Снова былъ выдвинутъ на первый планъ санъ патриція ⁵⁾ и Генрихъ назначилъ ⁶⁾ Поппона, епископа бриксенскаго, римскимъ первосвященникомъ въ присутствіи „великаго множества епископовъ, аббатовъ, графовъ, маркграфовъ и другихъ вельможъ“. Римская лѣтопись считаетъ, что и это избраніе произошло „сообразно декретамъ св. отцовъ“ ⁷⁾). Послѣ указанія императора на торжественномъ собраніи посольство прибѣгло къ просьбамъ о назначеніи именно Поппона и, такимъ образомъ, пыталось сохранить обликъ каноническаго избранія ⁸⁾). Просьба римлянъ была уважена и имперскіе вельможи выразили свое согласіе на возвышеніе Поппона.

Въ виду этого согласія Генрихъ могъ смѣло рассчитывать на поддержку своихъ свѣтскихъ и духовныхъ вассаловъ въ случаѣ, если ихъ общій избранникъ встрѣтитъ какія-либо затрудненія. Для ихъ устраненія впередъ направилось римское посольство въ сопровожденіи нѣсколькихъ епископовъ ⁹⁾). Бонифацію тосканскому было предписано проводить новаго папу въ Римъ и возвести его на престолъ св. Петра ¹⁰⁾). Но едва Поппонъ прибылъ къ маркграфу, какъ тотъ сталъ уклоняться отъ выполненія возложеннаго на него Генрихомъ порученія: онъ сослался на свою старость и на возвращеніе римлянами прежняго папы, который умиротворилъ всѣхъ и пользуется тою же властью, какою обладалъ. Епископу бриксенскому пришлось обратно возвра-

¹⁾ Libelli T. I p. 9 сл.

²⁾ Ibid p. 12: „vocatione mortis excesserit“.

³⁾ Ср. Benonis, II с. 8 p. 378.

⁴⁾ Anselmi с. 65 p. 229.

⁵⁾ Bonithonis, Lib. V p. 631.

⁶⁾ Lamperti, p. 61.

⁷⁾ Annales Romani, p. 333.

⁸⁾ Annales Altahenses, p. 804.

⁹⁾ Annales Romani, p. 333. Annales Altahenses, p. 804.

¹⁰⁾ Bonithonis, lib. V p. 631.

тятся къ императору съ извѣстіями объ отказѣ Бонифація. Генрихъ пригрозилъ немедленнымъ своимъ походомъ, если маркграфъ не устранилъ плоды своей алчности, сказавшейся въ поддержкѣ канонически низложеннаго папы. Согласіе князей дѣлало не пустою эту угрозу и по неволѣ пришлось приступить къ выполнению неприятныхъ повелѣній. Легатъ Бонифація выгналъ Бенедикта, а Поппонъ въ сопровожденіи маркграфа вступилъ въ Римъ и занялъ апостольскій престолъ подъ именемъ Дамаза. Снова было избрано имя папы первыхъ вѣковъ христіанства, какъ залогъ возвращенія къ порядкамъ первоначальной апостольской церкви и искорененія закравшихся нестроеній.

Но Дамазъ, человекъ ученый ¹⁾ и гордый ²⁾, овладѣлъ тиарой, „опираясь на императорскій авторитетъ“ ³⁾; онъ не располагалъ единодушнымъ согласіемъ римлянъ и даже былъ обязанъ насилію своимъ высокимъ саномъ. Побѣжденнымъ оставалось только мщеніе и Дамазъ могъ оставаться въ Римѣ, пока съ нимъ были приведшіе его отряды. Вскорѣ послѣ своего возведенія на „апостольскій престолъ“ новый папа уже ищетъ убѣжища у враговъ тускуланцевъ кресценціевъ: въ занятой ими Палестринѣ Дамаза постигла внезапная смерть ⁴⁾. Опять пошли толки объ отравленіи, такъ какъ не прошло и мѣсяца послѣ его прибытія въ Римъ. Прахъ Дамаза не нашелъ себѣ мѣста въ стѣнахъ вѣчнаго города и былъ погребенъ внѣ его стѣнъ въ храмѣ св. Лаврентія ⁵⁾.

Смерть Дамаза утратила римлянъ ⁶⁾ и они поспѣшили новымъ посольствомъ отклонить отъ себя проявленія императорскаго гнѣва. За Альпы вновь было отправлено посольство. Римляне думали положить предѣлъ частымъ переменамъ выборомъ лица, стяжавшаго любовь среди жителей „столицы міра“ и уважаемаго за свою подвижническую жизнь. Ихъ кандидатомъ былъ архіепископъ ліонскій, Галингардъ, извѣстный своимъ краснорѣчіемъ и знаніемъ мѣстнаго нарѣчія ⁷⁾. Уже этотъ выборъ показываетъ, что итальянцы желали имѣть папу, до-

¹⁾ Benzoni, Lib. VII, c. 2, p. 671.

²⁾ Bonithonis, Lib. V, p. 631.

³⁾ Disiderii, Lib. III, p. 1006.

⁴⁾ Leonis, Lib. II, c. 79, p. 683.

⁵⁾ Benonis, II, c. 8, p. 378. Liber pontificalis, p. 274. Herimanni p. 128.

⁶⁾ Bonithonis, Lib. V, p. 631.

⁷⁾ Cronicon S. Benigni Divionensis, p. 237.

ступнаго ихъ просьбамъ, могущаго вступить въ личныя сношенія съ своею паствою, а не чужеземца, непонимающаго даже языка своихъ духовныхъ чадъ.

Выразивъ свое желаніе, римляне предоставляли окончательное рѣшеніе императору, въ которомъ даже встрѣтили сочувствіе своему выбору. Но Галинардъ самъ уклонился отъ опаснаго сана. Да и изъ нѣмецкихъ епископовъ никто не желалъ занять смертоносную кафедру¹⁾. Замѣщеніе „апостольскаго престола“ затянулось, благодаря этимъ отказамъ, почти на полгода и Генрихъ изъ Саксоніи, куда къ нему прибыло посольство, направился во Франконію, рассчитывая „найти въ Лотарингіи епископа, котораго можно было бы дать римлянамъ въ качествѣ верховнаго первосвященника“. Въ этой полуроманской, полугерманской области скорѣе можно было найти прелата, удовлетворяющаго желанію римлянъ, чтобъ ихъ пастырь разумѣлъ языкъ своей паствы.

Въ Вормсѣ Генрихъ назначилъ имперскій сеймъ, куда во множествѣ явились духовные и свѣтскіе сановники²⁾. Римское посольство, по видимому, сопровождало императора во время его переѣзда изъ Саксоніи къ берегамъ Рейна, такъ какъ присутствіе его въ Вормсѣ засвидѣтельствовано нашими источниками³⁾. Въ виду отказовъ епископовъ и крайней необходимости покончить съ затянувшимся замѣщеніемъ „престола вселенной“, Генрихъ обратился за совѣтомъ къ вельможамъ⁴⁾ и выдвинулъ кандидатуру своего родственника епископа тульскаго Брунона, извѣстнаго римлянамъ по своимъ путешествіямъ въ вѣчный городъ, человека строгой жизни, хорошо образованнаго и глубокаго сторонника церковно-общественныхъ преобразованій. Этотъ выборъ встрѣтилъ всеобщее одобреніе. Но Брунонъ, уклонявшійся вообще отъ сопряженныхъ съ видными кафедрами хлопотъ и нареканій, отклонилъ отъ себя общее избраніе и только въ виду настоячивыхъ просьбъ попросилъ себѣ трехдневной отсрочки. Аскетически настроенный епископъ тульскій провелъ это время въ безусловномъ воздержаніи отъ пищи и питья и предавался пламенной молитвѣ. Когда же возобновились просьбы, Брунонъ открыто исповѣдалъ свои грѣхи, думая ихъ „чу-

¹⁾ Bonithonis, Lib., V, p. 631. Brunonis, c. 2, p. 547.

²⁾ Anselmi monachi Remensis, p. 113. Wiberti II, c. 2, p. 149.

³⁾ Wiberti II, c. 2, p. 150. Brunonis, c. 2, p. 547. Anselmi, monachi Remensis, p. 113. Lamperti, p. 62. Bonithonis, Lib. V, p. 631. Bozonis, p. 366.

⁴⁾ Anselmi, monachi Remensis, p. 113. Annales Romani, p. 333. Diversorum sententiae patrum, p. 191.

довышностью "отклонить отъ себя почетное избраніе. Но его искренность, его вопли и стenanія, его глубокое сокрушеніе и смиреніе исторгли изъ очей присутствующихъ обильные потоки слезъ, чему въ средніе вѣка придавали огромное значеніе и лица, обладающія „*donum lacrimarum*“, предпочтительно считались людьми богоугодными. Вотъ почему изъ устъ собранія раздался единодушный крикъ: „Не хочетъ Богъ, дабы погибъ сынъ столькихъ слезъ“¹⁾ и съ удвоенною настойчивостью возобновились просьбы „изъ любви къ князьямъ апостоловъ, Петру и Павлу, помочь римской церкви и безобоязненно встрѣтить опасность ради вѣры христіанской“²⁾. Приказанія императора, мольбы римскаго посольства, уговоры епископовъ, общій видъ единодушнаго желанія возложить на него тиару подѣйствовали на Брунона и онъ изъявилъ свое согласіе подъ условіемъ, чтобы весь клиръ и римскій народъ выразили согласіе³⁾, добровольно избравъ его первосвященникомъ; другими словами, Брунонъ принималъ санъ папы, если взойдетъ на апостольскій престолъ такимъ же каноническомъ путемъ, какимъ достигъ тульской каедръ⁴⁾.

Генрихъ вмѣстѣ съ остальными присутствовавшими могли только одобрить такое желаніе Брунона вступить на престолъ св. Петра „сообразно церковнымъ установленіямъ“, такъ какъ въ ихъ соблюденіи видѣли залогъ успѣха борьбы съ нестроениями, навлекающими на христіанскій міръ гнѣвъ Божій⁵⁾. Такимъ образомъ, Брунонъ „былъ вынужденъ“ прекратить свое сопротивленіе и повиноваться державной волѣ своего государя, поддержанной согласіемъ императорскихъ князей, епископовъ и римскаго посольства. Здѣсь же, въ Вормсѣ ему были дарованы „знаки апостольскаго достоинства“⁶⁾ вмѣстѣ съ „императорскимъ повелѣніемъ идти въ Римъ для ихъ получения согласно церковнымъ установленіямъ“. Это распоряженіе Генриха, конечно, уже предрѣшало исходъ избирательнаго собранія римскаго клира и народа, обязаннаго принять ставленника своего патриція. Съ другой стороны и Брунонъ долженъ былъ получать отъ императора видимое выраже-

¹⁾ Wiberti II, с. 2, р. 149.

²⁾ Brunonis, с. 2, р. 547. Ср. Bonithonis Lib. V, р. 631. Anselmi, monachi Remensis, р. 113. Brunonis, II, с. 9, р. 379.

³⁾ Wiberti II, с. 2, р. 149. Brunonis, с. 2, р. 547.

⁴⁾ Wiberti I, с. 8, р. 135.

⁵⁾ Anselmi, monachi Remensis, р. 113. Brunonis, с. 1, р. 547.

⁶⁾ Anselmi, monachi Remensis, р. 113, о значеніи „*adjudicare*“ см. Du Cange, t. I, р. 79 и t. IV, р. 440.

ніе его воле, то-есть, знаки папскаго сана, и, нося ихъ, тѣмъ самымъ показывать, что выступаетъ кандидатомъ императора.

Вновь избранный папа не поѣхалъ немедленно въ Римъ, а предпочелъ провести праздникъ Рождества въ своемъ епархіальномъ городѣ Туль¹⁾. Въѣстъ съ нимъ отправились римскій легатъ, Гугонъ, епископъ ассизскій, Эбергардъ, архіепископъ трирскій, Адальберонъ мецскій и Теодорихъ вердюнскій старонники преобразованій и друзья избраннаго „намѣстника Апостоловъ“. По примѣру Климента и Дамаза, Брунонъ оставилъ за собой свое пражнее епископство, и послѣ торжественнаго отпразднованія Рождества, началъ свое путешествіе въ Римъ. Въ это время происходитъ его встрѣча съ Гильдебрандомъ, оказавшая самое рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу послѣдняго.

Какъ извѣстно²⁾, Гильдебрандъ былъ взятъ Генрихомъ III въ качествѣ имперскаго узника и раздѣлил участь Григорія VI. Но съ плѣнниками не обращались сурово и Бенонъ³⁾ упрекаетъ даже императора за предоставленіе Григорію и Гильдебранду „слишкомъ широкой свободы вмѣсто заточенія въ вѣчное заключеніе“, полагая, что Генрихъ „былъ обманутъ ихъ чрезмѣрнымъ благочестіемъ“. Несомнѣнно, что строгая, подвижническая жизнь молодаго монаха, его проникнутая глубокимъ убѣжденіемъ рѣчь, его знаніе римскихъ дѣлъ, широкіе замыслы и умѣнье найти средства для ихъ достиженія, не задумываясь надъ ихъ нравственною стороною, дѣлали Гильдебранда замѣтнымъ и при императорскомъ дворѣ, тѣмъ болѣе что онъ уже успѣлъ раньше привлечь вниманіе императора и его супруги⁴⁾. Но теперь Гильдебрандъ, потерпѣвъ неудачу во время своей первой попытки, долженъ былъ еще пристальнѣе присматриваться къ раскрывшемуся передъ нимъ величественному кругозору, охватывавшему дѣйствительно тогдашній міръ со всѣмъ разнообразіемъ и даже противоположною интересовъ, дѣлей, выгодъ и стремленій отдѣльных частей; слабыя стороны имперіи, недовольство и возстанія имперскихъ вассаловъ, отсутствіе дѣйствительной силы, дѣлавшее призрачнымъ и непрочнымъ все, повидимому, непреодолимое могущество „владыки міра“, „наслѣдника римскихъ цезарей“, явственно открыва-

¹⁾ Avelmi, monachi Remensis, p. 113. Wiberti II, c. 2, p. 150.

²⁾ См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, июль 1893.

³⁾ Benonis II, c. 8 p. 378.

⁴⁾ См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1898 г., февраль, стр. 298 слѣд.

лись пытливому взору наблюдателя. Оказываемый Гильдебранду почетъ и уваженіе со стороны самого монарха приурочивали его положеніе какъ бы къ заложникамъ, представителямъ различныхъ владѣтельныхъ домовъ, обреченнымъ порою на невольное пребываніе при императорскомъ дворѣ. Тутъ Гильдебрандъ могъ завязать обширныя, очень полезныя и пригодившіяся ему въ будущемъ связи, равно какъ ознакомиться съ состояніемъ и настроеніемъ различныхъ странъ. Вѣроятно, въ это время онъ сблизился съ братомъ чешскаго герцога, Яроміромъ, бывшимъ, по собственному выраженію Григорія, его „другомъ“¹⁾.

Еще больше имѣло значеніе знакомство Гильдебранда съ составомъ германскаго духовенства, съ его недостатками и разнорѣчивыми воззрѣніями. Онъ долженъ былъ подмѣтить, что наряду съ вѣрными и покорными вассалами оно насчитывало въ своихъ рядахъ не мало поборниковъ преобразовательныхъ стремленій и сторонниковъ идеи папскаго преобладанія.

Но этимъ не исчерпывается вліяніе невольнаго пребыванія Гильдебранда въ Германіи. Онъ жилъ въ прирейнскихъ областяхъ, гдѣ процвѣтало изученіе каноновъ. Пережитыя событія должны были толкнуть на мысль тщательнымъ ознакомленіемъ съ этими общепризнанными нормами уяснить себѣ, какъ надо смотрѣть на преобладаніе императора надъ „апостольскимъ престоломъ“. Здѣсь смутныя представленія должны были найдти надежную точку опоры въ неоспоримыхъ каноническихъ данныхъ, служившихъ предметомъ преподаванія въ прирейнскихъ школахъ: извѣстный составитель сборника каноновъ епископъ вормскій Бурхардъ предназначаетъ²⁾ свой трудъ, по его словамъ, для изученія мальчикамъ, „дабы они по началу сдѣлались прекрасными учениками, а потомъ достойными учителями и наставниками народа, усвоивъ въ школахъ, чему и когда они должны учить вѣренную имъ паству“. Въ виду огромнаго значенія каноновъ и широкаго распространенія сборника Бурхарда необходимо ознакомиться съ его руководящими воззрѣніями для уясненія особенностей преобразовательнаго движенія и среды, въ которой вращался Гильдебрандъ. Прежде всего надо отмѣтить, что Бурхардъ³⁾ возводитъ по-

¹⁾ R. I, № 17 p. 30: „olim noster amicus“. Ср. Cosmas Lib. II, c. 15, p. 77 и с. 18, p. 79.

²⁾ См. письмо Бурхарда къ Брунхону. Migne 140, p. 500.

³⁾ О Бурхардѣ см. *Grosch*, Burchard I, Bischof zu Worms. Jena 1890. *Hauck*, Ueber d. Liber decretorum Burchards v. Worms. 1894. Ср. Hauck III, p. 435 сл.

чтеніе передъ канонами въ долгъ и обязанность каждаго: за пренебреженіе ими міряне подлежатъ отлученію, клирики—утратѣ сана ¹⁾). Постановленія, нарушающія каноны или декреты римскихъ епископовъ, не имѣютъ никакого значенія и силы ²⁾, ибо законы даже императоровъ стоятъ не выше, а ниже закона Бога ³⁾, и самимъ императорамъ надлежитъ повиноваться наставленіямъ „апостольскаго престола“ ⁴⁾).

Вообще въ 20-ти книгахъ сборника Бурхарда разсѣяно множество цѣнныхъ указаній на то, что онъ раздѣлялъ вполне идеалы, требовавшіе, чтобы духовное начало стояло выше свѣтскаго. Хотя дѣйствительность самымъ рѣшительнымъ образомъ противорѣчила этимъ стремленіямъ, но она не умирала, переходила отъ поколѣнія къ поколѣнію какъ священный завѣтъ и постепенно пріобрѣтали все большее число приверженцевъ. Чрезвычайно знаменательно распределеніе Бурхардомъ своего матеріала, не совсѣмъ стройное и удачное, но несомнѣнно скрывающее очень опредѣленную мысль автора.

Очевидно, онъ недаромъ поставилъ во главѣ своего сборника выписки изъ лжеисидоровыхъ декреталій ⁵⁾, по которымъ „права Петра перешли къ его преемникамъ, а потому важнѣйшія дѣла должны стекаться къ престолу блаженнаго князя апостоловъ, дабы получать окончательный приговоръ тамъ, откуда получены первоначальныя уставленія, и тѣмъ самымъ избѣгать разногласій съ своимъ главою“. Папа является судьей епископовъ ⁶⁾ и „по божественному уставленію всѣ церкви управляются авторитетомъ св. престола“ ⁷⁾. Соборныя постановленія не имѣютъ надлежащей силы безъ скрѣпленія ихъ папой. „Это свидѣтельствуетъ авторитетъ св. каноновъ, это скрѣпляетъ церковная исторія, это подтверждаютъ св. отцы“ ⁸⁾. Ни одинъ епископъ ни по гражданскому, ни по уголовному дѣлу не долженъ быть вызываемъ въ свѣтскій судъ ⁹⁾. При замѣщеніи епископскихъ

Сдѣланная Гаузомъ характеристика руководящихъ воззрѣній сборника Бурхарда опровергается проверкой соответствующихъ мѣстъ.

¹⁾ Burchardi, Lib. XV, с. 6, р. 896.

²⁾ Burchardi, Lib. XV, с. 9, р. 896, ср. *ibid.* с. 7 и 8.

³⁾ Burchardi, Lib. XV, с. 10, р. 896.

⁴⁾ Burchardi, Lib. XV, с. 15, р. 897.

⁵⁾ Burchardi, Lib. I, с. 2, р. 549—550.

⁶⁾ Burchardi, Lib. I, с. 144, р. 591; с. 175, р. 601; с. 176, р. 601; с. 192, р. 606.

⁷⁾ Burchardi, Lib. I, с. 178, р. 601.

⁸⁾ Burchardi, Lib. I, с. 179, р. 601, ср. Lib. I, с. 42, р. 561.

⁹⁾ Lib. I, с. 167 и 168, р. 598.

каедръ рѣшающей голосъ принадлежалъ митрополиту и соепископамъ¹⁾; согласіе клира и народа было необходимо для посвященія²⁾. Симонія была запрещена какъ епископамъ, такъ и королямъ и другимъ владѣтелямъ; помимо личной раздачи денегъ или купли черезъ посредниковъ подъ симонію подводились партійные происки, хитрость, обѣщанія и угодливость³⁾. Церковными имуществами не смѣютъ распоряжаться міряне⁴⁾; кто выпрашиваетъ церковныя имѣнія у королей или, побуждаемый алчностью, грабятъ собственность неимущихъ—тотъ исключается изъ церковнаго общенія и его захваты признаются не дѣйствительными⁵⁾. Вообще имущества церковниковъ—божье достояніе, принадлежатъ только церкви⁶⁾. Основатели церквей не имѣютъ никакой власти ни надъ церковью, ни надъ ея имуществомъ⁷⁾. Духовенству было воспрещено выступать противъ враговъ съ оружіемъ въ рукахъ, покидать ради походовъ свою паству, чинить судъ и расправу по предписанію мірянъ, принимать участіе въ управленіи ихъ имуществомъ и содѣйствовать ихъ обогащенію⁸⁾. Запрещались жалобы императору и церковники подлежали суду церковному даже при смѣшанныхъ тяжбахъ⁹⁾.

Вторженіе мірянъ въ церковныя дѣла подлежало духовной карѣ. Епископъ, при помощи мірскихъ владѣтелей, захватившій церковь, подлежалъ низложенію; его пособники отлучались¹⁰⁾. Священникамъ и дьяконамъ воспрещалось жениться; это запрещеніе распространялось и на низшихъ клириковъ¹¹⁾. Вообще „все, переданное княземъ апостоловъ Петромъ римской церкви и сохраняемое ею доннынѣ, должно соблюдаться всѣми; нельзя ничего ни прибавлять, ни убавлять; нельзя и брать примѣры изъ другихъ мѣстъ, такъ какъ во всей Италіи, Гал-

1) Lib. I, с. 9, р. 552 и с. 20, р. 554.

2) Lib. I, с. 10, р. 552.

3) Lib. I, с. 21—23, р. 555, с. 112 и 113, р. 583. Lib. III, с. 110 и 114, р. 695.

4) Lib. XV, с. 35, р. 904.

5) Lib. XV, с. 36, р. 904.

6) Lib. I, с. 210, р. 610; с. 213, р. 611; с. 214—215, р. 611; с. 217, р. 612; с. 227, р. 614. Lib. XI, с. 18, р. 863.

7) Lib. III, с. 208, р. 713.

8) Lib. I, с. 218 и 219, р. 612—613. Lib. II, с. 146, р. 649 сл.

9) Lib. II, с. 177, р. 654; с. 180, р. 655; с. 182, р. 655; с. 183, р. 655—656; с. 200, р. 659.

10) Lib. III, с. 109, р. 695; с. 111 и 112, р. 695.

11) Lib. II, с. 108, р. 645. Lib. II, с. 148, р. 650.

ліи, Испаніи, Африкѣ, Сициліи и прилежащихъ островахъ церкви установлены святыми, рукоположенными достопочтеннымъ апостоломъ Петромъ или его преемниками¹⁾. Въ случаѣ недостаточности данныхъ св. Писанія и твореній отцовъ слѣдуетъ обращаться къ канонамъ апостольскаго престола²⁾. Даже римскіе богослужебные обряды обязательны³⁾.

Такимъ образомъ, уже Бурхардъ, стоя на почвѣ декреталій, отдѣляетъ мірское отъ духовнаго и подчиняетъ мірянъ церковникамъ⁴⁾. Уже онъ является проводникомъ строгой централизаціи: все населеніе данной области съ княземъ во главѣ, не исключая монаховъ и низшаго духовенства, обязано повиноваться епископу; епископы подчинены митрополитамъ, и въ особенности, какъ и вся церковь, римскому первосвященнику. Ясно, что Бурхардъ съѣтъ сѣмена жатвы, собранной въ недалекомъ будущемъ папствомъ.

Не довольствуясь изученіемъ каноническихъ предписаній въ школахъ, Бурхардъ предписываетъ священнослужителямъ читать и понимать каноны, жить и проповѣдывать сообразно ихъ завѣтамъ, считая необходимымъ, чтобы каноническія постановленія, касающіяся вѣры, искорененія пороковъ и насажденія добродѣтелей, часто читались, хорошо понимались и проповѣдывались народу⁵⁾. Слѣдовательно, идеи и требованія сборника должны были постоянно проникать въ общество и расчищать почву для развитія преобразовательнаго движенія: изобличеніе противозаконности существовавшихъ порядковъ неизбѣжно вытекало изъ углубленія въ сборникъ, такъ какъ каноны неоспоримо устанавливали существованіе цѣлаго ряда вопіющихъ нестроеній, и уже дѣломъ совѣсти cadaго было, или вступать въ борьбу съ обнаруженнымъ зломъ, или поддерживать осужденные самимъ Богомъ порядки.

Конечно, для Гильдебранда такого выбора не существовало и онъ долженъ былъ безъ колебаній идти по пути, предназначенному ему, по его глубокому убѣжденію, божественнымъ избраніемъ. По свойству человѣческой природы онъ, естественно, придавалъ больше

¹⁾ Lib. III, c. 125, p. 697.

²⁾ Lib. III, c. 128, p. 698.

³⁾ Lib. III, c. 69, p. 687—8, о преимуществахъ римской церкви см. также Lib. III, c. 220, p. 717 сл.

⁴⁾ Ср. Lib. XV, c. 2—4, p. 895. Lib. III, c. 139, p. 701. Lib. I, c. 124, p. 586 сл.

⁵⁾ Lib. XIX, c. 147, p. 1011.

значенія тѣмъ людямъ и тѣмъ постановленіямъ, въ которыхъ встрѣчалъ сочувствіе своимъ излюбленнымъ мыслямъ. Поэтому его пребываніе въ мѣстности, имѣвшей широкія связи съ другими очагами подготавливавшегося переворота, могло только убѣдить его въ правильности его прежней точки зрѣнія. Кельнская и вормская школы находились въ постоянномъ общеніи съ Люттихомъ, Реймсомъ и Шартромъ. Въ этихъ просвѣтительныхъ центрахъ проводились приблизительно тѣ же идеи; изученіе лжеисидоровыхъ декреталій, хотя бы и въ разрозненномъ видѣ, дѣлало изъ нихъ учениковъ преданныхъ церкви, убѣжденныхъ борцовъ противъ захватовъ свѣтской власти; идея папскаго преобладанія надъ всѣмъ міромъ пускала въ нихъ сердцахъ глубокіе и прочные корни. Достаточно назвать извѣстнаго врага симонистовъ и расхищенія мірянами церковныхъ имуществъ, кардинала Гумберта, яраго паписта Манегольда, канонистовъ Фульберта и Ивона, чтобы понять, какіе взгляды преимущественно приходилось выслушивать Гильдебранду. Если же припомнить, что въ это время еще былъ живъ создатель гремящей по всему западу славы люттихской школы, Вазонъ, къ которому стекались ученики со всѣхъ концовъ Западной Европы, то легко представить, какимъ вліяніемъ долженъ былъ подпасть „молодой римскій монахъ, жаждавшій науки“¹⁾. Громкая извѣстность Вазона и его воззрѣнія, не признававшія многихъ уже укоренившихся явленій, должны были неизбѣжно привлечь вниманіе Гильдебранда и отразиться на его умственномъ складѣ: такъ магнитъ притягиваетъ желѣзо и передаетъ ему свои свойства.

Въ Люттихѣ на школьной скамьѣ внушалось уже при первоначальномъ обученіи отвращеніе къ самому распространенному злу времени—симоніи²⁾. Съ преданіями люттихской катедры знакомить поступокъ епископа Регинарда, купившаго свой санъ у Конрада, при которомъ, какъ извѣстно, симонія вошла въ правительственную систему. Однако, угрызения совѣсти мучили епископа и побудили его предпринять паломничество въ Римъ къ „папѣ, имѣющему, вмѣсто апостоловъ, власть вязать и разрѣшать“³⁾. Здѣсь онъ всенародно покаялся въ своемъ грѣхѣ и изъ страха передъ адскими муками отказался отъ епископскаго сана, положивъ пастырскій жезлъ на алтарь св. Петра. Папа приказалъ было ему, по отпущеніи грѣха, идти домой частнымъ че-

¹⁾ Ср. Brunonis c. 2, p. 547: „discendi gratia“.

²⁾ Egberts von Lüttich. *Fecunda Ratis*, zum ersten Mal herausgegeben von E. Voigt. Halle, 1889 v. 949.

ловѣкомъ, но потомъ возвратилъ ему въ виду его раскаянія посохъ. Такъ по благословенію папы „купецъ“ превратился въ „законнаго пастыря“¹⁾“. Въ поведеніи Рeginарда важно не его сознаніе въ грѣховности симоніа, а именно обращеніе къ „апостольскому престолу“ и торжественное признаніе его полномочій: грѣшникъ, купецъ, вовлеченный императоромъ въ опасную для вѣчнаго спасенія сдѣлку, властнымъ словомъ „намѣстника апостоловъ“ получалъ санъ „законнаго пастыря“.

Вотъ эти то преданія о превосходствѣ духовной власти надъ свѣтскою и о главенствѣ папы воодушевляли и „второго Соломона“, епископа Вазова. Это былъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательнѣйшій изъ прелатовъ XI вѣка. Онъ велъ самую строгую, подвижническую жизнь и своимъ воздержаніемъ превосходилъ монаховъ, изнурялъ свою плоть бичеваніемъ²⁾, предавался днемъ и ночью молитвѣ, ходилъ босымъ даже зимою, не мылся въ теченіе ряда лѣтъ, бодрствовалъ, постился, избѣгалъ женщинъ, отличался строгостью и серьезностью рѣчи, щедро раздавалъ милостыню³⁾. Стало быть, нѣкоторые черты жизни онъ напоминаетъ восточныхъ отшельниковъ, поdraжаніе которымъ процвѣтало въ то время въ Лотарингіи. Вазовъ стремился къ полному соблюденію каноническихъ предписаній и монастырскихъ уставовъ даже въ частныхъ мелкихъ подробностяхъ⁴⁾. Онъ прилагалъ всѣ усилія, чтобъ быть, подобно идеальному пастырю „окомъ—слѣпому, ногою—хромому, отцомъ—сиротамъ, супругомъ—вдовамъ“⁵⁾. Ссылаясь на преданіе св. отцовъ, онъ считалъ по крайней мѣрѣ половину церковнаго имущества принадлежащею бѣднымъ и странникамъ⁶⁾. Онъ поддерживалъ госпитали и тщательно сохранялъ доходы епископства для оказанія поддержки немущимъ⁶⁾. Во время голода выдавалъ каждому поселянину по два денарія еженедѣльно, чтобъ они, „подъ гнетомъ нужды не продавали своихъ быковъ и не оставляли въ силу отъ этого поля свои не запаханными, что сулило нищенство или смерть отъ голода“. Избранный въ епископы Варонъ натолкнулся на рядъ нестроений. Церковныя имущества были или опустошены свѣтскими

¹⁾ Raperti chronicon S. Laurentii Leodiensis, c. 30—31, 272—273. Ср. Reineri Vita Reginardi, c. 8 p., 573—4.

²⁾ Anselmi, c. 48, p. 218.

³⁾ Anselmi, c. 68, p. 231 и c. 69, p. 231—232.

⁴⁾ Anselmi, c. 46, p. 217.

⁵⁾ Anselmi, c. 47, p. 217.

⁶⁾ Anselmi, c. 53, p. 221.

грабителями или захвачены ими. Поселяне находились въ невыносимомъ рабствѣ. Построенные въ болотахъ или на недоступныхъ утесахъ замки служили притономъ грабителямъ ¹⁾. Съ ними Вазонъ вступилъ въ непримиримую, упорную борьбу, засыпалъ болота, выравнивалъ дороги, строилъ машины и потрясалъ ими стѣны разбойничьихъ гнѣздъ. Самъ епископъ руководилъ осадными работами и съ крестомъ въ рукахъ бросался въ ряды непріятелей, „желая положить душу за овцы своя ²⁾“. Одинъ за другимъ сдавались замки и были разрушены. Увѣщаніями, угрозами, силой Вазонъ мало-по-малу водворилъ порядокъ и безопасность въ своей епархіи. „Но онъ принимался за мірскія дѣла скорѣе по необходимости, чѣмъ по желанію, такъ какъ всячески боялся не угодить Создателю“.

Такъ вполне естественнымъ путемъ реформа становилась не только религіознымъ, но и политическимъ, экономическимъ дѣломъ: преобразователи неизбѣжно сближались съ низшими, немущими и подавленными слоями населенія, ибо каноны требовали защиты слабыхъ отъ произвола сильныхъ, обличали сытаго богача и настаивали на облегченіи судьбы бѣдняка. Волею неволею борцы за преобразованія церкви становились нападающими на существовавшій общественный строй. Между пастырями и паствою завязывались узы, обезпечивающія небесное блаженство и земное благоустройство. Вотъ почему возстановленіе избирательныхъ правъ клира и народа, одинъ изъ боевыхъ ключей преобразователей, было вопросомъ первостепенной важности, такъ какъ избранные пастыри сливались съ интересами своей паствы. Вазонъ также стоялъ за избирательное начало и даже въ трудныя времена Конрада II сумѣлъ отклонить отъ себя санъ, предлагаемый императоромъ вопреки общему голосу люттихцевъ, избравшихъ, по совѣту Вазона, Нитарда ³⁾. При Генрихѣ III главный преподаватель люттихской школы былъ избранъ клиромъ и народомъ епископомъ. Это избраніе, несмотря на посланіе къ королю люттихской церкви, едва не было неутверждено Генрихомъ, такъ какъ придворные его совѣтники настаивали на назначеніи кого-либо изъ капеллановъ. За избирательное начало высказались Германъ Кельнскій и Брунонь Вюрцбургскій, сторонники преобразованій, а Вазонъ получалъ инвеституру ⁴⁾. Его воззрѣнія на отношенія властей

¹⁾ Anselmi, с. 55, р. 221—222.

²⁾ Anselmi, с. 56, р. 223.

³⁾ Anselmi, с. 49, р. 218—219.

⁴⁾ Anselmi, с. 50, р. 219—220.

въ высшей степени характерны для тогдашняго настроенія умовъ. Онъ признавалъ за собой обязанности вѣрноподданнаго, но считалъ императора миряниномъ, не имѣющимъ права рѣшать чисто церковныя дѣла, подсудныя только римскому первосвященнику ¹⁾, который въ свою очередь отвѣчаетъ передъ единымъ Богомъ ²⁾. „На основаніи приговоровъ всѣхъ учителей церкви“, Вазонъ считалъ, что избраніе и возвышеніе папъ должно происходить помимо свѣтской власти при посредствѣ церковно-служителей ³⁾, ибо „апостолы поставили Матею вмѣсто Иуды-предателя помимо какой бы то ни было свѣтской власти“. Эти взгляды вызывали неудовольствіе Генриха, стремившагося захватить „слишкомъ плотски власть надъ епископами“ и Вазону пришлось вынести тяжелое испытаніе: на него завведено было обвиненіе въ невыполненіи императорскихъ повелѣній и, по рѣшенію епископовъ, онъ долженъ былъ пасть къ ногамъ императора и заплатить ему въ видѣ наказанія 300 фунтовъ серебра. До конца жизни Вазонъ сожалѣлъ, что поддался слабости, унизилъ епископскій санъ, а не отстаивалъ свою невинность даже передъ страхомъ смерти. Біографъ его Ансельмъ разказываетъ, однако, что на томъ же сеймѣ разыгралась въ высшей степени характерная сцена: во время продолжительныхъ пререканій и даваемыхъ Вазономъ объясненій онъ долженъ былъ все время стоять и въ концѣ концовъ указалъ Генриху на свои престарѣлые года, свою болѣзнь и свой санъ, „ибо неприлично такъ постыдно утомлять святителя, помазаннаго муромъ“. Императоръ возразилъ: „И также помазанъ св. елеемъ, при чемъ мнѣ дарована преимущественно передъ остальными власть повелѣвать“. „Воспламененный рвеніемъ къ истинѣ и справедливости, епископъ не замедлилъ дать ему такой урокъ: „Ваше помазаніе совершенно иного свойства и далеко отличается отъ святительскаго, ибо имъ, по волѣ Бога, мы отличены для оживленія, вы же — для умерщвленія. Безъ сомнѣнія, отсюда вытекаетъ такое заключеніе: насколько жизнь превосходитъ смерть, настолько наше помазаніе выше вашего“. Такимъ образомъ, еще задолго до открытой борьбы столкнулись двѣ теоріи, царскаго и святительскаго помазанія. Сила была еще на сторонѣ свѣтской власти и поборникъ преобладанія духовнаго сана вынужденъ былъ

¹⁾ Anselmi, с. 57, р. 224.

²⁾ Anselmi, с. 65, р. 228—229.

³⁾ Anselmi, р. 117. Разночтенія, помѣщенные Вайтцемъ въ XIV томѣ M. G. S. S

противъ воли и убѣжденія преклоняться передъ нею, но вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ властей былъ поставленъ, и при дворѣ Генриха находился какъ плѣнникъ тотъ самый Григорій VII, который увидѣлъ у ногъ своихъ сына могущественнаго императора. Очень возможно, что Гильдебрандъ былъ свидѣтелемъ пережитаго Вазономъ униженія и всею душою склонялся къ убѣжденному сѣдинами старцу, нашедшему въ себѣ достаточно мужества послѣ вынесеннаго наказанія высказать свои убѣжденія съ благородной прямою¹⁾.

Памятники не сохранили точныхъ и ясныхъ указаній на личное знакомство епископа Люттихскаго съ Гильдебрандомъ. Но итъ ни малѣйшей возможности отрицать вліянія проводимыхъ Вазономъ идей на будущаго Григорія VII. Вазона отлично зналъ Левъ IX и Стефанъ IX, его другомъ былъ Германъ Кельнскій, который также не разъ сталкивался съ Гильдебрандомъ. Наконецъ, жизнеописаніе²⁾ аббата монастыря св. Губерта, Теодориха, вращавшагося въ близкихъ Вазону преобразовательныхъ кругахъ, говорить, что Теодорихъ съ своихъ молодыхъ лѣтъ (ab adolescentia) былъ весьма друженъ съ преемникомъ Александра II. Да и въ воззрѣніяхъ Григорія VII на отношенія властей, на церковныя имущества, на борьбу съ ихъ грабителями, на превосходство святителей видна связь съ взглядами, преподаваемыми и проводимыми люттихскимъ епископомъ. Даже отношеніе Григорія къ ереси Беренгара находитъ соотвѣтствіе съ совѣтомъ Вазона епископу шаловскому Рожеру—терпѣливо и кротко обращаться съ еретиками, могущими обратиться на путь истинный. Еще болѣе сближаетъ Гильдебранда съ Вазономъ усвоеніе теорій лжеисидоровыхъ декреталій. Это усвоеніе было совершенно естественнымъ явленіемъ и влекло за собой въ высшей степени важныя послѣдствія. Въ то грубое, варварское время, время слабости и почти отсутствія гражданскаго закона, какъ об-

¹⁾ Anselmi с. 66, р. 229—30. Обыкновенно это событіе относятъ къ 1046 г., то-есть ко времени перваго похода Генриха противъ мятежнаго Теодориха Голландскаго, но основаніе (alio tempore) очень слабо. На Вазонѣ тяготѣло обвиненіе не только въ невыполненіи императорскаго повелѣнія, но и „въ другихъ небрежныхъ или вѣроломныхъ дѣяніяхъ“. Слѣдовательно, скорѣе надо имѣть въ виду второй, неудачный походъ Генриха въ 1047 г., когда на Вазона могли возвести обвиненіе и за сношенія съ Готфридомъ лотаринскимъ и Генрихъ былъ раздраженъ неудачей. Да и смѣлка императора на помазаніе предполагаетъ, что коронація уже совершилась.

²⁾ Vita Theodorici abbatis Andaginensis, с. 25, р. 51. Аббатъ родился въ 1007 г., с. 4, р. 39, слѣдовательно его дружба съ Гильдебрандомъ завязалась во время перваго пребыванія послѣдняго въ прирейнскихъ областяхъ.

щепризнаввой, для всѣхъ обязательной нормы, постановленія соборовъ и папскія декретація служили обуздывающимъ началомъ. Законники и знатоки ихъ занимали руководящее положеніе и Вазонъ по обширности своего вліянія является предтечею и подготовителемъ послѣдующаго мощнаго умственнаго движенія. Обращаясь въ затруднительныхъ случаяхъ къ папскимъ декретаціямъ, онъ тѣмъ самымъ прокладывалъ путь, по которому пошло ближайшее поколѣніе. Стоя на точкѣ зрѣнія лжеисидорова сборника, онъ вносилъ въ среду нѣмецкихъ прелатовъ, привыкшихъ быть орудіями императорства, новыя струи. Теорія императорскаго всемогущества и въ церковныхъ дѣлахъ, усвоенной Карломъ и Оттонами въ подражаніе своему византійскому образцу, Вазонъ, какъ извѣстно, противопоставляетъ ученіе о строгомъ раздѣленіи властей, при чемъ ставитъ свѣтскую несравненно ниже духовной. Сила и быстрое распространеніе этой идеи заключается въ ея родствѣ съ самыми основными чертами средневѣковаго міровоззрѣнія. Она была плодомъ неотразимо логичнаго заключенія, вытекающаго съ неоспоримой для людей XI вѣка, очевидностью изъ самыхъ глубинъ ихъ вѣрованій въ цѣль и смыслъ земной жизни. Въ тѣсной связи между ученіемъ о безконечномъ превосходствѣ духа надъ плотью и его прямымъ послѣдствіемъ, взглядомъ на духовенство, какъ на представителей и носителей даровъ духа, безгранично стоящихъ выше мірянъ, сыновъ плоти, необладающихъ полною благодатію св. Духа, и коренится главная причина побѣды папства надъ имперіей. Императоры сами признавали двойственность плоти и духа, сами исповѣдовали первенство послѣдняго и грѣховность первой, а потому въ спорѣ съ папами, пока онъ вращался въ кругѣ средневѣковыхъ понятій, не имѣли подъ ногами почвы и неизбѣжно должны были проиграть свое дѣло. Правда, они пытались найти выходъ въ теоріи священства императорскаго сана, въ приобщеніи императоровъ къ числу помазанниковъ божьихъ и членовъ клира, но подобное воззрѣніе, занесенное изъ той же Византіи, не отличалось особымъ распространеніемъ и силою на западѣ. Мало того, оно сдѣлалось, въ силу историческихъ условій возстановленія имперіи Карломъ, положительно обоюдо-острымъ, опаснымъ оружіемъ: лишь благодаря помазанію, совершаемому папой, лишь получая изъ его рукъ діадему цезарей, императоръ становился причастнымъ благодати священства и получалъ власть владыки міра на очень опредѣленныхъ условіяхъ. Слѣдовательно, источникъ святости императорской власти находился у его соперника, а самъ императоръ былъ прежде всего слугою Христа и его намѣстника, защит-

никомъ церкви, отнюдь не всецѣльнымъ самодержцемъ, носителемъ идеи государства или полномочій народа. Правда, не разъ защитники дѣлались властителями, но все-таки ихъ преобладаніе было и оставалось лишь захватомъ. Мірской намѣстникъ Бога стоялъ въ глазахъ современниковъ ниже настоящаго уполномоченнаго представителя Бога на землѣ—папы, потому что не пользовался всѣми преимуществами духовнаго владыки: онъ повелѣвалъ лишь тѣломъ, въ его рукахъ была смерть, тогда какъ папа былъ властелиномъ надъ душою, раздавалъ вѣчное блаженство и вѣчныя муки. Какъ верховный пастырь, онъ долженъ былъ наблюдать за выполненіемъ императорами обязанностей, сопряженныхъ съ ихъ саномъ, и карать за ихъ небрежность и нерадивость. Къ кому же должно было прикнутъ вѣрующее средневѣковье? Между временнымъ, преходящимъ и между вѣчнымъ и неизмѣннымъ не было выбора для истыхъ его сыновъ. Конечно, и они не брезгали земными выгодами, и они увлекались земными утѣхами и радостями, но сами смотрѣли на свое увлеченіе какъ на тяжкій грѣхъ, какъ на измѣну своему назначенію, и въ страстномъ порывѣ раскаянія, или охваченные страхомъ передъ грозными проявленіями божьяго гнѣва и ужасомъ адскихъ мукъ, они отменяли суетныя блага и бросались въ объятія единственной матери и владычицы—церкви, распластавшей нетлѣнными сокровищами. Страшная власть надъ душами, надъ ихъ загробной участью приводила въ трепетъ невѣжественное и суевѣрное средневѣковье, еще не могущее отличить злоупотребленій и вымысловъ, наслоеній и прибавокъ, накопленныхъ вѣками, затемнившихъ свѣтлое Христово ученіе и искажившихъ дѣйствительные завѣты евангелія.

Мистически настроенный съ ранняго дѣтства, жаждавшій чудесъ и знаменій Гильдебрандъ твердо, подобно тысячамъ своихъ современниковъ, усвоилъ себѣ мысль, что надо болѣе угождать Богу, а не людямъ, творить Его волю, а не земныхъ повелителей. Кружокъ Вазона указывалъ, гдѣ надо искать выраженіе небесныхъ велѣній, гдѣ скрывается истина, поборникомъ которой выступалъ люттихскій епископъ, бывший, по выраженію папы Льва, „мѣриломъ справедливости, образцомъ кающагося религіи и канонической степенности“¹⁾. Въ высшей степени понятно, что его воззрѣнія должны были находить многочисленныхъ и ревностныхъ послѣдователей; въ особенности они находили отзвукъ въ сердцахъ, подобныхъ Гильдебранду. Но самъ Ва-

¹⁾ Ср. Anselmi с. 73, р. 284, и пр. 23. Cauchie р. 81.

зонтъ до конца жизни оставался вѣренъ императору и повиновался его свѣтскимъ распоряженіямъ ¹⁾). Гильдебрандъ былъ также не чуждъ признанія правъ свѣтской власти и, какъ извѣстно, не могъ разобраться въ противорѣчивыхъ воззрѣніяхъ на ея происхождение до такой степени, что въ одномъ и томъ же письмѣ къ Герману Мецскому развиваетъ совершенно противоположныя мысли по этому поводу ²⁾). Это происходитъ отъ того, что Григорій VII не былъ мыслителемъ, теоретикомъ, строившимъ зданіе своего мировоззрѣнія, тщательно устраняя противорѣчія и заботясь о подведеніи частныхъ къ высшему единству. Онъ жаждалъ и искалъ руководящихъ началъ для жизни; дѣятельное служеніе законамъ Бога было для него, въ общемъ, главною цѣлью жизни. Поэтому въ его сближеніи съ клиромъ Лотарингіи слѣдуетъ искать объясненія высказываемыхъ имъ взглядовъ на свѣтскую власть. Именно въ этой области какой-то клирикъ, пользовавшійся уваженіемъ за свою ученость, самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждаетъ вмѣшательство Генриха III въ церковныя дѣла. Онъ обнаруживаетъ несомнѣнное сходство съ взглядами Вазона, но только рѣзче ихъ выражаетъ. Такъ, онъ полагаетъ, что младшимъ не слѣдуетъ выступать съ обвиненіями противъ старшихъ ³⁾, находить законнымъ возвращеніе Бенедикта IX ⁴⁾, признаетъ необходимымъ участіе всѣхъ епископовъ въ избраніи папы ⁵⁾, считаетъ совершенно незаконнымъ императорское вмѣшательство въ дѣло Григорія VI, потому что императоръ самъ подчиненъ епископамъ, тѣмъ болѣе папѣ, подсудному только Богу ⁶⁾. Но въ сравненіи императора съ Христомъ, папы съ головой, въ взглядѣ на назначеніе свѣтской власти „кровью и мечемъ служить дьяволу“ видно существенное отличіе отъ Вазона и сходство съ крайностями. въ какія впадалъ Григорій VII. Знамательно отношеніе неизвѣстнаго автора къ Генриху III, осмыслаемому обыкновенно похвалами современниками за спасеніе церкви отъ Симона волхва. Помимо осужденія вмѣшательства Генриха въ церковныя дѣла, авторъ иначе не называетъ его какъ „нечестивѣйшій“, „Богу ненавистный“ и объявляетъ даже, что онъ вслѣдствіе своего брака съ родственницей потерялъ право даже судить мірянъ. Такой способъ вы-

¹⁾ Anselmi c. 70, p. 233, и c. 60 p. 225.

²⁾ R. VIII, № 21, p. 453—467. Ср. *Трубецкой*, стр. 302 сл.

³⁾ De ordinando Pontifice, p. 8.

⁴⁾ Ibid., p. 9 сл.

⁵⁾ Ibid., p. 11.

⁶⁾ Ibid p. 12—14.

раженій и порицаніе женитьбы Генриха на Агнессѣ заставляютъ усматривать въ авторѣ подданнаго мятежнаго герцога Лотарингскаго, а не французскаго клирика, тѣмъ болѣе, что именно въ Лотарингіи ревнители выступали съ обличеніями противъ запрещеннаго канонами брака германскаго короля. Извѣстенъ протестъ противъ него Зигфрида, аббата Горзе ¹⁾. Вообще рвеніе къ выполненію каноническихъ постановленій о степеняхъ родства, дозволяющихъ вступать въ бракъ, было одной изъ отличительныхъ чертъ преобразовательнаго течения ²⁾, которой впоследствии пользуется Гильдебрандъ для воздѣйствія на свѣтскихъ владѣтелей ³⁾.

Стало быть, пребываніе въ прирейнскихъ областяхъ, связи съ кружкомъ учениковъ и единомышленниковъ Вазона Люттихскаго и сношенія съ очагомъ крайняго направленія—Лотарингіей, положили извѣстный отпечатокъ на воззрѣнія Гильдебранда и содѣйствовали усвоенію имъ лженсидоровыхъ традицій. Повидимому, онъ раздѣлялъ птаемое здѣсь сочувствіе къ возстановленію Бенедикта IX, такъ какъ сохранилось указаніе, что письма Гильдебранда, какъ извѣстно, бывшаго при императорскомъ дворѣ, доводятъ до свѣдѣнія римлянъ о планахъ и намѣреніяхъ Генриха ⁴⁾.

Но въ складѣ взглядовъ знаменитаго борца за свободу церкви, какъ извѣстно, замѣчаются наслоенія, нѣкоторыя отступленія отъ проводимыхъ крайними ревнителями построеній. Несомнѣнно, что на него оказали воздѣйствіе и другія вліянія. Помимо личныхъ отношеній къ правящему въ Германіи дому и извѣстной доли подражанія общему взгляду умѣряюще содѣйствовали на Гильдебранда переживаемыя имъ превратности. Кончина Григорія VI дала иной толчокъ его мыслямъ и должна была оставить глубокіе слѣды въ его внутренней жизни. Смерть близкаго и дорогаго лица всегда съ особенной силой подчеркиваетъ для религіозно настроенныхъ людей

¹⁾ *Giesebrecht*, В. II, Documente № 11, письмо Зигфрида къ Брулану Тульскому р. 719.

²⁾ *Giesebrecht*, В. II, Documente № 11, письмо Зигфрида къ Поппону, аббату Стабло р. 714 с. *Petri Damiani*. Op. VIII „De parentelae gradibus“, р. 192—293. „De gradibus cognationis“, р. 204—207.

³⁾ R. II, № 1 р. 109, № 9, р. 123, № 35, р. 149, № 36, р. 150, ср. R. I, № 57 р. 76. R. VI, № 56 р. 331, № 20, р. 357. R. VII, № 9 р. 390. R. VIII, № 3 р. 431. Отношенія Матильды къ ея мужу также объясняются во многомъ ихъ родствомъ.

⁴⁾ *Benonis* II с. 8 р. 378.

бренность нашего существованія, суету и тщету всѣхъ житейскихъ благъ, всѣхъ земныхъ стремленій; душа, измученная и утомленная, утрачиваетъ значительную долю жизнерадостности и все представляется окрашеннымъ въ мрачный цвѣтъ. Неудивительно, если въ такія минуты принимаются рѣшенія отречься совершенно отъ міра, его пагубныхъ соблазновъ и мимолетныхъ утѣхъ. Вдобавокъ, вскорѣ послѣ смерти Григорія послѣдовало окончательное крушеніе надеждъ римлянъ имѣть своего папу. Борьба съ существующимъ порядкомъ должна была показаться Гильдебранду непосильной, препятствія къ осуществленію завѣтныхъ думъ—непреодолимыми. И вотъ стремленіе къ тихой, созерцательной жизни въ уединеніи монастыря, къ борьбѣ съ несовершенствами собственной природы ради подготовленія къ личному спасенію беретъ перевѣсъ надъ потребностью въ дѣятельности, въ примѣненіи сознаваемыхъ въ себѣ силъ къ великому дѣлу общаго усовершенствованія, такъ какъ предвѣщаемый знаменіями часъ еще не пробилъ и избраннику небесъ еще не наступила пора приступить къ выполненію своего назначенія.

Въ поискахъ болѣе суроваго подвижничества, въ поискахъ жизни, наиболѣе совпадавшей съ уставами св. Бенедикта и согрѣтой болѣе религиознымъ духомъ¹⁾, Гильдебрандъ, естественно, долженъ былъ остановиться на Ключни, привлекавшемъ въ свои стѣны жаждавшихъ духовнаго обновленія со всѣхъ концовъ Европы. Въ особенности такой выборъ долженъ былъ сдѣлать питомецъ Авертинскаго монастыря, какъ извѣстно²⁾, находившагося въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ ключнійской обителью.

Показаніе Бонитона Сутрийскаго о пребываніи Гильдебранда въ Ключни сдѣлалось, однако, предметомъ отрицаній со стороны новѣйшихъ нѣмецкихъ изслѣдователей. Первымъ его отвергнулъ Ширмеръ³⁾, къ которому примкнули, между прочими, Мартенсъ⁴⁾ и Гревингъ⁵⁾, въ сущности почти повторившіе приведенные имъ доводы.

¹⁾ Ср. Brunonis с. 2 р. 547.

²⁾ См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1898 года, февраль, стр. 288.

³⁾ *Schirmer*, De Hildebrando subdiacono ecclesiae Romanae. Berolini 1860, p. 31—35. Ср. Steindorff II, p. 72 n. 6.

⁴⁾ *Martens*, War Gregor VII Mönch? Danzig 1891, p. 24 — 27. *Gregor VII sein Leben und Wirken* В. II р. 281 — 285. Leipzig 1894. Sackur II р. 303 n. 1 соглашается съ доводами Мартенса относительно Ключни.

⁵⁾ *Greving*, Pauls von Bernried Vita Gregorii VII papae. Münster 1893. p. 161—167. Противъ принятій монашескихъ обѣтовъ въ Ключни высказывается и L'Huillier, Vie de S. Hugues p. 46 а.

Прежде всего указываютъ, что показаніе Бонитона стоитъ одиноко. Ни самъ папа, ни его ближайшіе современники ни слова не говорятъ въ поддержку этого свидѣтельства. Не слѣдуетъ забывать, однако, что Григорій роняетъ буквально нѣсколько бѣглыхъ, мимолетныхъ замѣчаній о своей предшествующей жизни, которая вообще остается почти совершенно неизвѣстной и незатронутой ближайшими по времени источниками. При такихъ условіяхъ „молчаніе другихъ писателей“ не можетъ служить рѣшающимъ доводомъ противъ яснаго утвержденія Бонитона ¹⁾; даже почти въ каждомъ источникѣ въ отдѣльности попадаются свидѣнія, не встрѣчающіяся у другихъ, но это вовсе не доказываетъ ихъ недостоверности и не служитъ достаточнымъ основаниемъ для ихъ устранения изъ историческаго обихода. Необходимы болѣе вѣскія соображенія, чтобы исключить изъ столь скудно освѣщеннаго прошлаго Григорія такое драгоценное обстоятельство.

И вотъ Мартенсъ выдвигаетъ внутреннія несообразности въ разказѣ Бонитона: „исторійка книги къ другу не только вымыслена, но даже является исторической невозможностью“: ²⁾ „Гильдебрандъ оставался въ Кельнѣ, гдѣ вѣроятно умеръ Григорій: онъ не могъ ³⁾ сдѣлать даже бѣглой поѣздки въ отдаленное Клювни. Кромѣ того во время первой встрѣчи Гильдебранда со Львомъ IX въ Клювни не было аббата ⁴⁾ и Бонитонъ, зная объ этомъ, не называетъ по имени аббата, разрѣшившаго Гильдебранду отправиться въ Италію: Одилонъ умеръ 1-го января 1049 г. Гуговъ былъ избранъ лишь въ февралѣ, когда Левъ IX виѣстѣ съ Гильдебрандомъ были уже въ Римѣ“. Первое возраженіе основывается на общепризнанномъ предположеніи, что Григорій VI былъ живъ во время избранія Дамаза. Но нѣтъ основаній принимать подобное толкованіе извѣстнаго письма Вазона Люттихскаго. Какъ извѣстно, Григорій умеръ еще при жизни Климента. Слѣдовательно, Гильдебрандъ располагалъ полной возможностью провести весь 1048 годъ въ Клювни. Да ему вовсе не было необходимости выполнять требованіе устава, предписывающаго до произнесенія вѣчнаго обѣта провести годъ послушникомъ ⁵⁾, во-первыхъ, потому, что онъ былъ „*pater oblatus*“, слѣдовательно съ дѣтства уже несъ послушничество, во-вто-

¹⁾ Bonithonis Lib. V, p. 630—631. Ср. *Smedt*, Principes de la critique historique, p. 218—237. *Bernheim*, Lehrbuch [der historischen Methode, p. 417—419.

²⁾ В. II, p. 283.

³⁾ Ср. *Schirmer*, p. 33.

⁴⁾ Cd. *Schirmer*, p. 37. *Delarc*, T. I, p. 107.

⁵⁾ *Hauwk* III, p. 596—597.

рыхъ, приводимое требованіе устава не соблюдалось всегда съ полною строгостью, какъ показываютъ примѣры Петра Даміани ¹⁾ и Ансельма Луккского ²⁾. Мартенсъ ничѣмъ не можетъ доказать присутствія Гильдебранда въ Кельнѣ именно въ данное время, тогда какъ самъ Григорій говорить ³⁾, что „хотѣлъ окончить жизнь свою въ монастырѣ“, слѣдовательно косвенно поддерживаетъ показаніе Бонитона.

Дальнѣйшія возраженія Мартенса носятъ явный характеръ пустыхъ и неосновательныхъ придирокъ: Бонитонъ вовсе не намѣренно скрываетъ имя аббата, отсутствоваго Гильдебранда въ Римѣ, а постоянно называетъ ⁴⁾ Гугона только „*abbas Cluniacensis*“, что нерѣдко дѣлаютъ и другіе современники ⁵⁾. Затѣмъ, епископъ Сутрійскій имѣлъ основаніе называть Гугона „аббатомъ“ до его формальнаго избранія. Дѣло въ томъ, что Гугонъ еще при жизни Одилона занималъ въ высшей степени важный постъ великаго пріора ⁶⁾, который, по уставамъ ⁷⁾, пользовался правами аббата, „во всѣхъ дѣлахъ касающихся монастыря, какъ духовныхъ, такъ и мірскихъ“; „безъ его вѣдома и разрѣшенія ни одинъ инокъ не могъ сдѣлать ни малѣйшаго шага внѣ обыденной монастырской жизни“. Такія огромныя полномочія послужили основаніемъ для утвержденія ⁸⁾, что Гугонъ управлялъ клювійской обителью 64 года, тогда какъ аббатомъ онъ былъ всего 60 лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ. Въ послѣдніе годы жизни престарѣлый Одилонъ передалъ многосложныя дѣла по управленію обителью своему молодому пріору, такъ что во время кончины аббата Гугонъ находился на пути въ Германію, куда былъ посланъ для улаживанія вопроса о Петерлингенскомъ монастырѣ ⁹⁾, служившемъ обмкновенно поводомъ къ недоразумѣніямъ между Клювнью и дворомъ. Въ это же время Брунонь изъ Туля ѣхалъ въ Римъ, куда ближайшій путь шелъ черезъ Безансонъ ¹⁰⁾. Нѣтъ ничего удивительнаго, если глава вліятельнаго братства, зная расположеніе къ нему Брунона, постарался встрѣтиться съ избраннымъ

¹⁾ Vita Damiani, c. 4 p., 120—121.

²⁾ Vita Anselmi, c. 4, p. 14.

³⁾ R III № 10a p. 224 ср. Замѣтки, стр. 83 слѣд.

⁴⁾ Bonithonia, Lib. IX, p. 678.

⁵⁾ Ср. напр. Lamperti, p. 290—294. Bertholdi, p. 289. Arnulfi Lib. III c. 8 p. 30. Brunonis c. 3 p. 549. Gregorii VII Epistolae collectae № 37 p. 565 R IV № 12 p. 258 R IV № 12a p. 259 и т. д.

⁶⁾ Vita Hugonis, p. 649.

⁷⁾ Consuetudo Cluniacensis. Lib III, c. 4, p. 737—738.

⁸⁾ Orderici Vitalis. Lib. IX, c. 20, p. 843.

⁹⁾ Vita Hugonis, p. 416.

¹⁰⁾ Lamperti, p. 286; Bertholdi, p. 288.

папой въ Безансонѣ, куда прибылъ вмѣстѣ съ Гильдебрандомъ, о посѣщеніи которымъ императорскаго двора вмѣстѣ съ своимъ аббатомъ сохранились воспоминанія въ источникахъ ¹⁾. Слѣдовательно, общее положеніе дѣлъ складывается такъ, что въ показаніи Бонитона нельзя усматривать вымысла: оно вполне правдоподобно и отвѣчаетъ подробностямъ, извѣстнымъ изъ совершенно другихъ памятниковъ. Что же касается присвоенія Бонитономъ Гугому званія, еще ему не принадлежащаго, то и отсюда нельзя дѣлать ровно никакихъ выводовъ: епископъ суртрійскій называетъ Гугона такъ, какъ привыкъ, какъ говорили о немъ въ 1086 году всѣ. Это вполне заурядное неточное выраженіе служить очень плохой опорой для Мартенса, ибо съ такимъ же правомъ онъ долженъ накинуться на Григорія VII, который говоритъ ²⁾, что „вернулся въ Римъ съ папой Львомъ“. Въ дѣйствительности же, если требовать отъ писателей XI вѣка самой щепетильной точности, Брунонь, епископъ Тульскій, могъ быть названъ лишь „избраннымъ въ папы“, такъ какъ до его посвященія, перемѣнившаго самое имя, никто не имѣлъ права и основанія называть его „папой Львомъ“. Само собой понятно, что изъ такой простой и легко объяснимой обмолвки никакъ нельзя вывести цѣлый ворохъ обвиненій, предположеній, увѣреній и откровеній, какимъ угощаетъ Мартенсъ, увлеченный своей излюбленной, но вполне неосновательной идеей. Далѣе, противъ Бонитона нѣмецкій изслѣдователь ³⁾ выдвигаетъ отношенія, существовавшія между Гугономъ и клюнійцами съ одной стороны и Гильдебрандомъ съ другой: „папа не обращается къ клюнійцамъ какъ „къ братьямъ и между нимъ и Гугономъ существовали „лишь бѣглыя социальныя отношенія“. И тутъ Мартенсъ съ товарищами впадаетъ въ свою обычную ошибку: ослѣпленный предвзятой мыслью онъ упускаетъ изъ виду чрезвычайно сердечное, задушевное письмо Григорія къ Гугому, настоящую исповѣдь, въ которой папа изливаетъ душу свою. Здѣсь рѣчь идетъ, между прочимъ, о „братскомъ состраданіи“ и „братской любви“. Вообще все письмо проникнуто такой пріязнью и откровенностью, съ какими можно обращаться только къ очень близкимъ людямъ ⁴⁾. Такимъ же дружескимъ характеромъ отличаются и другія письма ⁵⁾. Къ Гугому клюнійскому Григорій

¹⁾ *Annales Palidenses*, p. 69.

²⁾ R. VII № 14a, p. 401.

³⁾ *Martens* II p. 283—4.

⁴⁾ R. II № 49, p. 163—165.

⁵⁾ R. V № 21, p. 317—318 R. VIII № 2, p. 429, № 3, p. 431.

обращается какъ къ „возлюбленнѣйшему брату“¹⁾; въ письмѣ²⁾ къ Джеральду Остіискому, бывшему монахомъ въ Ключни³⁾, онъ называетъ Гугона ключійскаго „нашимъ собратомъ“, равно какъ въ посланіи⁴⁾ къ Гугону ключійскому Джеральдъ Остіискій получаетъ то же названіе. Наконецъ, Мартенсъ⁵⁾ придаетъ рѣшающее значеніе слѣдующему „въ высшей степени важному соображенію, до сихъ поръ непривлеченному къ дѣлу: „Даміани въ одномъ изъ писемъ“⁶⁾ къ Гильдебранду ссылается, какъ на свидѣтеля въ свою пользу, на „ключійскаго аббата, который тебѣ не безызвѣстенъ“. Съ жадностью хватается за это выраженіе нѣмецкій изслѣдователь и съ торжествомъ восклицаетъ: „развѣ не показываетъ оборотъ „не безызвѣстенъ“, что между Гугономъ и Гильдебрандомъ существовали лишь бѣглыя соціальныя отношенія“? Но съ какой стати сталъ бы въ такомъ случаѣ опираться на свидѣтельство Гугона Петръ Даміани? Все ухищреніе Мартенса основывается на забвеніи правила, по которому два отрицанія въ латинскомъ языкѣ составляютъ утверженіе и употребляются для усиленія, для подчеркиванія положительнаго сужденія: оборотъ „не безызвѣстенъ“ въ такомъ сочетаніи, какъ у Даміани, обозначаетъ „очень хорошо извѣстенъ“. Слѣдовательно, въ „высшей степени важное соображеніе“ оказывается простымъ недоразумѣніемъ, въ какое впадаетъ нѣмецкій ученый.

Итакъ, доводы, приведенные новѣйшею критикою противъ свидѣтельства Бонитона, не отличаются доказательной силой и убѣдительностью. Кромѣ того, строго говоря, показаніе епископа сутрійскаго не является вполне одинокимъ: его поддерживаютъ сохранявшіяся въ Ключни преданія и сообщенія позднѣйшихъ источниковъ, равно какъ и нѣкоторыя побочныя обстоятельства. Жизнеописанія⁷⁾ аббата ключійскаго Гугона сообщаютъ⁸⁾, что Гильдебрандъ былъ

1) R. VI № 17, p. 350. Ср. R. IV № 22, p. 274.

2) R. I № 6 p. 15.

3) Bertholdi, p. 275.

4) R. I № 62, p. 81.

5) B. II p. 284.

6) Petri Damiani Epist. Lib. II № 8 p. 273: „domnum Cluniacensem, qui tibi non est ignotus“.

7) Древнѣйшимъ изъ нихъ слѣдуетъ считать жизнеописаніе, составленное искорѣ послѣ смерти Гугона Гиллономъ. Ср. *L'Huillier, Vie de Saint Hugues* p. 565 ss.

8) Vita Hugonis p. 583. Ср. Vitae Hugonis p. 939—940 и Pauli Bernriedensis c. 119 p. 543—4.

допущенъ въ капитулъ клювийской обители ¹⁾, но это обстоятельство еще не имѣетъ рѣшающаго значенія и относится ко времени посольства Гильдебранда во Францію: какъ „монахъ и легатъ“, онъ и засѣдалъ въ капитулѣ ²⁾. Болѣе поздніе клювийскіе памятники называютъ Гильдебранда даже „ученикомъ Гугона и пріоромъ въ Клюви“³⁾. Оттонъ Фрейзингенскій въ свою очередь передаетъ ⁴⁾ мнѣніе, будто Гильдебрандъ былъ пріоромъ въ Клюви. Еще Мабильонъ устранилъ, на основаніи списковъ пріоровъ клювийской обители, эту неточность, признавъ, однако, его принадлежность къ числу клювийскихъ монаховъ. Памятники, возникшіе въ зальцбургской епархіи въ обителяхъ, имѣвшихъ ближайшія связи съ Клюви, также называютъ Гильдебранда „клювийскимъ монахомъ“ ⁵⁾. Въ Адмунтской же обители въ первой половинѣ XII вѣка составленъ любопытный и поучительный „Разговоръ между клювицемъ и цистерціанцемъ“. Здѣсь, между прочимъ, говорится ⁶⁾, что „кукулъ“ считалась особымъ отличіемъ клювицевъ и ставилась имъ въ упрекъ, какъ одежда, противная уставу ⁷⁾. Необходимо припомнить, что постоянное ея ношеніе объясняетъ презрительную кличку „Cucullatus“, „falsa cuculla“ ⁸⁾, которую даетъ Бенцонъ Альбскій своему противнику, Гильдебранду, и тѣмъ самымъ какъ бы укоряетъ его за позоръ, причиняемый извѣстной обители своими проступками.

Совокупность высказанныхъ соображеній и приведенныхъ доводовъ заставляетъ признать вполне достовѣрнымъ оспариваемое извѣстіе Бонитона ⁹⁾: „послѣ смерти и погребенія Іоанна достопочтенный Гильдебрандъ направился въ Клюви, сдѣлался тамъ истымъ монахомъ и подвизался съ особымъ усердіемъ въ средѣ богобоязненныхъ мужей въ занятіяхъ науками“. Другими словами, Гильдебрандъ выполнялъ свое желаніе, о которомъ говорилъ Брунону, епископу Сегнью ¹⁰⁾, удовлетворялъ своему стремленію—„учиться и ратовать въ богобоязненномъ мѣстѣ, подчиняясь уставу бл. Бенедикта“ ¹¹⁾.

¹⁾ *Consuetudines Cluniacenses* Lib. III, c. 22, p. 764—765.

²⁾ *Biblioth. Cluniacensis* Col. 1642 c. Greving, p. 163 n. 1.

³⁾ *Otonis Chronicon* Lib. VI c. 33, p. 245.

⁴⁾ *Anctarium Garstense*, p. 568; *Annales Admuntenses*, p. 575; *Annales S. Rudberti Salisburgensis*, p. 773.

⁵⁾ *Dialogus inter Cluniacensem et Cisterciensem*, p. Ср. 1593. *Disciplina Farfensis*.

⁶⁾ *Ср. Sackur*, I, p. 58—59.

⁷⁾ *Benzonis*, Lib. VI praef. c. 2, p. 660, c. 4, p. 661. Lib. VII, c. 2, p. 673.

⁸⁾ *Bonithonia*, Lib. V, p. 630—631.

⁹⁾ *Brunonis*, c. 3, p. 548.

¹⁰⁾ *Brunonis*, c. 2, p. 547.

„Римскій монахъ“ имѣлъ полное основаніе разсчитывать на пріемъ въ Ключійскую обитель ¹⁾, въ виду тѣсныхъ связей съ нею АVENTИНСКАГО монастыря. Эти связи равно, какъ временное вступленіе Гильдебранда въ Ключьи, и подали поводъ считать его „ключійскимъ монахомъ“, тогда какъ непродолжительность его пребыванія объясняетъ молчаніе другихъ источниковъ.

Само собою понятно, что даже кратковременное пребываніе въ центрѣ преобразовательнаго движенія, направленнаго къ нравственному усовершенствованію современнаго общества, близкое соприкосновеніе съ ключійскими воззрѣніями и знакомство съ удивительно стройною и мощною организациею братства должны были оказать сильнѣйшее воздѣйствіе на Гильдебранда.

Въ Ключьи искони опирался на содѣйствіе свѣтскихъ владѣтелей для проведенія отстаиваемыхъ преобразованій. Ключійскій аббатъ Одилонъ былъ въ Римѣ во время возложенія на главу Генриха III императорской короны и сталъ въ очень близкія отношенія къ Клименту, слѣдовательно не раздѣляя крайнихъ воззрѣній ревнителей ²⁾. На умѣренной точкѣ зрѣнія стоялъ и преемникъ Одилона, Гугокъ, не разъ выступавшій посредникомъ и примирителемъ во время борьбы Генриха IV съ Григоріемъ VII. Порою и этотъ великій папа допускалъ право царей „управлять церковью“ и тѣмъ самымъ показывалъ, что и въ немъ удѣляли отголоски влючійскихъ взглядовъ. Болѣе прочно долженъ былъ здѣсь усвоить Гильдебрандъ идеалы монашества вообще и практическія послѣдствія, къ которымъ приводило ихъ осуществленіе. Три главныхъ обѣта, какъ извѣстно, давали иноки: бѣдность, цѣломудріе и повинованіе были ихъ главными обязательствами. Въ сущности преобразователи послѣдовательнымъ распространеніемъ этихъ трехъ чисто нравственныхъ обязательствъ на мірскія отношенія придали реформѣ ея своеобразныя черты. Обѣтъ бѣдности строго соблюдался въ Ключьи ³⁾; частная собственность была изгнана изъ его стѣнъ и братія было запрещено даже употреблять слова „мой“, „твой“ ⁴⁾. Все было общимъ, все было „наше“.

Распространить эту точку зрѣнія на весь клиръ было легко, ибо каноны учили, что церковная собственность—„достояніе бѣдныхъ“, но никакъ не пастырей. Даже церковнослужители должны состав-

¹⁾ *Consuetudines Cluniacenses* Lib. II, c. 1, p. 701.

²⁾ *Vita Odilonis* Lib. I, c. 14, p. 909.

³⁾ *Consuetudo Cluniacensis* Lib. III, c. 4, p. 738.

⁴⁾ *Consuetudo Cluniacensis* Lib. II, c. 20, p. 709.

лять общезнтія и имѣть общую собственность. Естественнo, что всякій снмонистъ нарушалъ самымъ явнымъ образомъ эти требованія: опираясь на собственность, онъ пріобрѣталъ съ корыстными видами незаконныя права на общее достояніе; при помощи ненавистнаго богатства онъ стремился стяжать еще большія сокровища, посягалъ на „Божіе имущество“. Съ увеличеніемъ числа монаховъ, занимавшихъ епископскія катедры, должна была расти ненависть къ снмонію, то-есть, уясняться одна изъ отличительныхъ чертъ преобразовательнаго теченія.

Цѣломудріе, второй обѣтъ иноковъ, коренилось въ природѣ средне-вѣковья, смотрѣвшаго на женщину какъ на вмѣстилище грѣха и соблазна, виновницу утраты райскаго блаженства. Бракъ былъ лишь уступкою человѣческой слабости. Какъ же можно было признать посредника между Богомъ и людьми—клирика, имѣющимъ тѣ же грѣховныя страсти? Само собою понятно, что распространеніе монашескихъ идеаловъ должно было привести къ ожесточенной борьбѣ съ второй язвой времени—браками священнослужителей, ведущими къ умаленію ихъ благодатной силы и расхищенію „общаго достоянія“ въ пользу частныхъ лицъ—потомства и родственниковъ женатыхъ клириковъ.

Еще болѣе имѣлъ значенія третій обѣтъ—повиновеніе старшимъ. Какъ въ стѣнахъ обители соблюдалось строгое подчиненіе низшихъ высшимъ ¹⁾, такъ и въ лонѣ церкви клирику подчинены мирянинъ, епископамъ—духовенство, епископы—архіепископамъ и всѣ—папѣ, главному пастырю, единственному „вселенскому епископу“. Въ Клоньи, съ основанія подчиненномъ только римскому первосвященнику, это послѣдовательное подчиненіе находило благодатную почву. Раздѣляя общее стремленіе къ возстановленію завѣтовъ старины, клонійцы считали свой уставъ „древнѣйшимъ закономъ“, „уставомъ отцовъ“ и тщательно соблюдали всѣ его предписанія.

Понавъ въ ихъ среду, Гильдебрандъ долженъ былъ замѣтить, насколько власть „клонійскаго царя Одилона“ по своей прочности превосходила мощь императора. Наглядный, живой примѣръ показывалъ, что господствующій надъ душами сильнѣе властвующаго надъ тѣломъ. Не грубое насиліе, а добровольное подчиненіе всѣхъ единой волѣ было основой страшнаго могущества аббата. Недаромъ его впослед-

¹⁾ Ср. *Consuetudo Cluniacensis* Lib. III, с. II, р. 733—734; с. IV, р. 738; с. V—IX, р. 739—748.

ствіи Григорій называлъ „blandus tyrannus“¹⁾). Такое же вольное подчиненіе всѣхъ „апостольскому престолу“ сдѣлалось для Гильдебранда завѣтною мечтою. Связь ея съ монашескими воззрѣніями очень ясна и несомнѣнна: монастырскіе уставы считали „неповиновеніе идолопоклонствомъ“; эту же мысль постоянно проводитъ Григорій въ своихъ письмахъ: для него „всякій, не повинующійся апостольскому престолу, впадаетъ въ преступленіе идолопоклонства“²⁾). Повиновеніе является для него необходимымъ условіемъ полученія апостольскаго благословенія³⁾). Монашескіе обѣты обнаруживаютъ свое вліяніе и на другихъ взглядахъ Гильдебранда: онъ полагаетъ⁴⁾, что всѣ добродѣтели безъ цѣломудрія не имѣютъ силы передъ Богомъ. Какъ извѣстно, его жельзной настойчивости католическая церковь обязана упорною борьбою за безбрачіе духовенства по имя аскетическихъ идеаловъ и насущныхъ интересовъ самой церкви: подобно монахамъ весь клиръ долженъ вести цѣломудренную жизнь⁵⁾, подобно монахамъ всѣ церковники не должны имѣть частной собственности⁶⁾). Какъ монастырское имущество неприкосновенно, такъ вообще церковныя владѣнія священны, не подлежатъ ни въ коемъ случаѣ отчужденію; только для выкупа плѣнныхъ и помощи бѣднымъ можно расточать церковное достояніе⁷⁾).

Необходимымъ же условіемъ возстановленія правъ церкви на ея имущества было и для Григорія искорененіе симоніи. Какъ для иноковъ были обязательны послушаніе, бѣдность и цѣломудріе, такъ и для церковнослужителей необходимо повиноваться апостольскому престолу, не впадать въ грѣхъ любостыжанія путемъ симоніи и вести безбрачную жизнь⁸⁾). Подобно тому какъ всѣ монахи въ тиши монастырской кельи вели упорную борьбу съ дьяволомъ и, соблюдая свято уставъ, торжествовали побѣду надъ древнимъ врагомъ, такъ и весь остальной міръ для своего спасенія долженъ былъ покорствоваться ка-

¹⁾ Vita Hugonis, p. 583.

²⁾ R. II, № 45, p. 159; № 66, p. 186; № 75, p. 199; R. IV, № 1, p. 240; № 2 p. 244; № 11, p. 256 и т. д.

³⁾ R. I, № 65, p. 84; № 67, p. 86; R. III, № 8, p. 214; № 10, p. 218; R. V, № 309.

⁴⁾ R. II, № 25, p. 138.

⁵⁾ Ср. кн. Трубецкой, стр. 148 сл.

⁶⁾ Ep. col. № 8, p. 529.

⁷⁾ Bonithonis, Lib. VII, p. 660.

⁸⁾ R. V, № 20, p. 316.

⁹⁾ R. II, № 45, p. 159.

ноническимъ постановленіямъ, хранить ихъ и слѣдовать завѣтамъ св. отцовъ.

Таковы наиболѣе выпуклыя черты, сближающія преобразовательное теченіе, выразителемъ котораго былъ Григорій VII, съ монашескими идеалами. Отрекшіеся стъ міра были обречены властвовать надъ міромъ, пока господствовало средневѣковое міросозерцаніе.

Изъ уединенія лѣсовъ и пустынь отшельники руководили міромъ не разъ бывали противъ воли вынуждены покинуть созерцательную жизнь и во имя служенія ближнимъ и общей матери церкви впутаться въ грѣшный омутъ міра.

Гильдебрандъ не избѣжалъ этой общей участи носителей средневѣковаго идеала. Ему не удалось окончить свои дни въ монастырской тиши: направляясь въ Германію, великій пріоръ, слѣдуя уставу ¹⁾, долженъ былъ взять съ собою нѣсколько иноковъ. Въ ихъ число по палъ и Гильдебрандъ, извѣстный расположеніемъ къ нему Генриха и Агнессы: можно было рассчитывать, что доля его вліянія поможетъ дать дѣламъ братства желанный оборотъ. Какъ было уже упомянуто, во время путешествія въ Германію Гуговъ узналъ о пробадѣ избраннаго въ папы Брунона и поспѣшалъ повидаться съ нимъ, подобно множеству другихъ лицъ, искавшихъ встрѣчи съ новымъ намѣстникомъ апостоловъ ²⁾. Для пріора было важно, согласно установившемуся обычаю, получить отъ апостольскаго престола новое подтвержденіе правъ и преимуществъ клюнійской обители ³⁾. И вотъ Гуговъ сворачиваетъ въ Безансонъ ⁴⁾ съ цѣлью свиданія съ Брунономъ.

Гильдебрандъ, по словамъ Бонитона, узнавъ объ этомъ намѣреніи своего пріора, началъ просить своего настоятеля не искать встрѣчи съ ставленникомъ императора. По его мнѣнію Брунонь, „былъ не намѣстникомъ апостоловъ, а отступникомъ, такъ какъ пытался по приказанію императора захватить римское епископство“. Гуговъ оставилъ эти просьбы

¹⁾ *Consuetudines cluniacenses* Lib. III, c. VI, p. 738.

²⁾ *Wiberti*, Lib. II, c. 2, p. 150. Ср. *Lehmann*, *Forschungen zur Geschichte des Abtes Hugo I von Cluny* p. 77—79.

³⁾ Ср. *Jaffe* № 4169. p. 531.

⁴⁾ *Bonithonis*, Lib. VI, p. 631. Обыкновенно (Sackur II, 302) думаютъ, что встрѣча Гугова съ Брунономъ произошла во время возвращенія перваго въ Клюний, но такое пониманіе дѣлѣтій житія и Бонитона исключаетъ возможность, по хронологическимъ соображеніямъ, свиданія. См. *L'Huillier*, p. 44 сл. Его возвращенія, однако, упускаютъ изъ виду возможность встрѣчи на пути Гугова въ Германію.

безъ отвѣта, но, прибывъ въ Безансонъ, поспѣшилъ довести объ этомъ до свѣдѣнія „достопочтеннаго епископа“, присовокупивъ, что Гильдебрандъ отличается чистотою нравовъ и безукоризненностью своей монашеской жизни. Брунонь заинтересовался переданнымъ и пожелалъ переговорить съ ревнителемъ, слѣдуя совѣту котораго, снялъ съ себя знаки папскаго достоинства, надѣлъ суму и направился къ гробницѣ апостоловъ ¹⁾).

Новѣйшая критика ²⁾ крайне отрицательно относится къ этому разказу епископа сутрійскаго. Однако, приводимыя ею возраженія не имѣютъ неоспоримо доказательной силы и коренятся въ стремленіи отыскать противорѣчія даже тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, стремленіи, порожденномъ предвзятымъ отношеніемъ къ пресловутой недостовѣрности Бонитона.

Сопоставленіе его данныхъ съ свидѣтельствами другихъ источниковъ показываетъ, что между ними нѣтъ непримиримыхъ противорѣчій. Такъ противъ Бонитона выдвигаютъ показанія житій Льва IX. Одно изъ нихъ написано архидіакономъ тульской церкви Вибертомъ, современникомъ Льва, человекомъ хорошо освѣдомленнымъ ³⁾. Что же касается другаго автора, Брунона сегнійскаго, то онъ основывался на сообщеніяхъ самого Грегорія VII ⁴⁾. Слѣдовательно, если окажется, что разказъ Бонитона находитъ подтвержденіе у этихъ и другихъ современныхъ писателей, то необходимо отказаться отъ крайностей критическихъ увлеченій.

Какъ извѣстно, Вибертъ отводитъ ⁵⁾ „императорскому приказу“ видное мѣсто, какъ причинѣ, преодолѣвшей нежеланіе Брунона, стало быть Гильдебрандъ имѣлъ основаніе говорить объ „императорскомъ повелѣніи“, что онъ и дѣлаетъ, по Бонитону. Далѣе, Штейндорфъ говоритъ, будто Брунонь по собственному побужденію выѣхалъ изъ Туля въ одеждѣ пилигрима. Но Вибертъ, на котораго ссылается въ данномъ случаѣ нѣмецкій изслѣдователь, не опредѣляетъ точно момента и обстоятельствъ, когда его герой, „вопреки обычаю всѣхъ папъ“, надѣлъ одежду богомольца, ука-

¹⁾ Bonithonis, Lib. V, p. 631—632. О значеніи слова „conversatio“ см. Du-cange, T. III, p. 546.

²⁾ См. напр. Steindorff II, p. 74—75. Martens I, p. 41—42. Langen, p. 447. Schirmer, 36—37.

³⁾ Giesebrecht II, p. 587.

⁴⁾ Brunonis c. 3, p. 548.

⁵⁾ Wiberti, Lib. II, c. 2, p. 150.

зывая, что онъ „руководился смиреніемъ ¹⁾“. Несомнѣнно, однако, что на Брунона въ присутствіи императора надѣли папское облаченіе ²⁾); кромѣ того, и изъ сообщенія Виберта вытекаетъ, что избранникъ императора лишь послѣ пребыванія въ Туль надѣлъ одежду богомольца. Если Бонитонъ и говоритъ о подробностяхъ, при которыхъ Брунонъ снялъ съ себя „знаки апостольскаго достоинства“, то отсюда не слѣдуетъ, что его сообщеніе стоитъ въ противорѣчій съ дѣйствительностью. Мало того, Брунонъ, епископъ Сегнии, которому Штейндорфъ отводитъ рѣшающій голосъ, подкрѣпляетъ показаніе Бонитона. Онъ вовсе не утверждаетъ, что Левъ призвалъ къ себѣ Гильдебранда въ Вормсѣ, какъ полагаетъ большинство изслѣдователей, не сообщаетъ, почему папа обратился къ „римскому монаху“, но зато почти дословно воспроизводитъ соображенія, влагаемая Бонитономъ въ уста Гильдебранда ³⁾), который отказывается сопровождать Льва, потому что тотъ „не по каноническимъ постановленіямъ, а благодаря свѣтской, королевской власти направляется для захвата римской церкви“. Далѣе, тотъ же Брунонъ утверждаетъ, что Левъ, „весьма кроткій и простой по природѣ терпѣливо удовлетворилъ Гильдебранда, поступивъ во всемъ сообразно его желаніямъ ⁴⁾“.

Наконецъ, Бенонъ прямо говоритъ, что его врагъ присоединился къ папѣ Льву не въ Вормсѣ, а во время путешествія ⁵⁾ въ Римъ. Такимъ образомъ, Бонитонъ лишь пополняетъ своимъ разказомъ извѣстія другихъ источниковъ, но не стоитъ въ противорѣчій съ ними. Его свидѣтельство помогаетъ лучше понять и разобраться въ недоумкахъ и пробѣлахъ остальныхъ писателей: Гильдебрандъ, приверженецъ освобожденія папскаго престола отъ гнета свѣтской власти, окрѣпшій въ своихъ убѣжденіяхъ, благодаря знакомству съ лжеисидоровскимъ сборникомъ, ярый поборникъ точнаго выполненія каноническихъ предписаній, не могъ признать обстоятельствъ возвышенія Льва сообразными завѣтамъ каноновъ, а потому съ обычной рѣзкостью и прямо-

¹⁾ Ср. Wiberti, Lib. II, c. 2, p. 150. „Romanum arripuit iter“ и Bonithonis, Lib. V, p. 632 „usque ad limina Apostolorum properavit“.

²⁾ Anselmi Remensis p. 113. Ср. Ottonis Chronicon Lib. VI, c. 82, p. 245.

³⁾ Brunonis, c. 2, p. 548: „per secularem et regiam potestatem Romanam ecclesiam arripere vadis“. Ср. Bonithonis, Lib. V, p. 631: „jussu imperatoris Romanum conaretur arripere pontificatum“.

⁴⁾ Bruonis, c. 2, p. 548. Ср. Catalogus, p. 275: „Hic (Leo) Ildebrandi consilio omni in itinere et in hac civitate fecit“. Bozonis, p. 355.

⁵⁾ Venonis II, c. 9 p. 379.

тою высказалъ папѣ свои взгляды. Брунонь, какъ епископъ одного изъ лотарингскихъ городовъ, и самъ склонялся къ подобнымъ же воззрѣніямъ и самъ считалъ согласіе клира и народа необходимымъ условіемъ своего вступленія на римскую кафедру. Однако укоренившаяся привычка повиноваться волѣ императора заставила его преклониться передъ приказаніемъ Генриха, удовлетворивъ свою совѣсть выговореннымъ правомъ создать болѣе каноническіе выборы. Нежеланіе разгнѣвать императора побудило носить папское облаченіе; теперь обличенія Гильдебранда, хорошо знавшаго римскія дѣла, должны были заставить отказаться отъ мысли предстать передъ избирателями какъ императорскій кандидатъ: какъ грозное предзнаменованіе выпала участь Климента и Дамаза. Необходимо было примирить римлянъ, даже ту ихъ часть, которая питала неудовольствіе по поводу императорскаго преобладанія, съ „нѣмецкимъ папой“.

И вотъ Левъ идетъ въ качествѣ богомольца на поклоненіе святынямъ вѣчнаго города и беретъ съ собой „подателя столь спасительнаго совѣта“¹⁾. Бонитонъ говоритъ²⁾, что папѣ едва удалось получить, послѣ настоячивыхъ просьбъ, отъ аббата разрѣшеніе взять съ собой Гильдебранда. Впослѣдствіи и Григорій VII, не разъ утверждалъ³⁾, что онъ крайне неохотно вернулся въ Римъ вмѣстѣ съ папой Львомъ. Нѣтъ ничего подозрительнаго въ этихъ извѣстіяхъ. Гугонь не могъ своею властію отпустить молодаго монаха въ полный соблазновъ міръ⁴⁾, откуда тотъ бѣжалъ въ поискахъ тихой пристани въ стѣны клюнійской общины. Самъ Гильдебрандъ горѣлъ желаніемъ окончить свои дни въ монастырѣ. Онъ горькимъ опытомъ убѣдился, какъ трудно было бороться съ существовавшими нестроениями, и вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ съ ними примириться. Онъ сознавалъ, что, направляясь въ Римъ, беретъ на себя чрезвычайно тяжелое бремя, что не разъ будетъ поставленъ въ необходимость прибѣгать къ мѣрамъ, противорѣчающимъ монашескимъ обѣтамъ, долженъ вырвать изъ своей груди влеченіе къ тихой, созерцательной жизни. Лишь надежда принести пользу святой церкви и, устоявъ отъ искушеній среди тысячи соблазновъ, вести еще болѣе строгій образъ жизни побудили его поддаться увѣщаніямъ Брунона⁴⁾, который взялъ на себя, по словамъ Дезидерія,

¹⁾ Bonithonis, Lib. V, p. 632. Brunonis, c. 2, p. 548. Venonis II. c. 8, p. 378. Ottonis Chronicon Lib VI, c. 32, p. 246.

²⁾ R. VII, № 14a, p. 401. Ср. II, № 49, p. 164.

³⁾ Нарушались обѣты „stabilitatis“ и „taciturnitatis“.

⁴⁾ Ср. R. II, № 49, p. 164.

руководство Гильдебрандомъ ¹⁾ подобно тому, какъ Григорій VII считался наставникомъ возвращеннаго имъ изъ Ключья Ансельма Луккского ²⁾. Твердая вѣра въ предуготованный ему провидѣніемъ путь и на этотъ разъ побудила Гильдебранда покориться принужденію и отказаться отъ собственной воли: разъ Гуговъ уступая волѣ „избраннаго въ папы“ согласился исполнить желаніе Льва, долгъ повиновенія побуждалъ монаха идти въ Римъ. Хорошо зная тщеславіе жителей вѣчнаго города и стремясь придать канонической характеръ возвышенію Льва, Гильдебрандъ посовѣтовалъ ему „соблюсти римскіе обычаи при предстоящемъ выраженіи клиромъ и народомъ согласія признать императорскаго ставленника“ на мѣстникомъ апостоловъ.

Дѣйствительно, прибывъ въ Римъ, Брунонь, по сообщеніямъ нашихъ источниковъ, подвергъ себя переизбранію клира и народа: въ своей рѣчи къ римлянамъ онъ указалъ, что избранъ императоромъ, тогда какъ авторитетъ каноновъ требуетъ, чтобъ распоряженіямъ другихъ лицъ предшествовало избраніе клира и народа. Вынужденный принять столь тяжкое бремл, Левъ утверждалъ, что онъ охотно возвратится домой, если не послѣдуетъ избранія, скрѣпленнаго общимъ одобреніемъ ³⁾. По словамъ Бонитона ⁴⁾, Брунонь напомнилъ римлянамъ, что уступилъ просьбамъ ихъ посольства и прибылъ въ Римъ, выполняя данный обѣтъ и желая повиноваться ихъ волѣ. Какъ извѣстно, римское посольство присутствовало при избраніи Льва въ Вормсѣ и своими просьбами не мало содѣйствовало устраненію его колебаній. Ссылка на это обстоятельство была совершенно умѣстна: она дѣлала Брунона уже избранникомъ римскихъ уполномоченныхъ, а стало быть и клиръ и народъ, видя въ новомъ папѣ человека, желавшаго стать къ нимъ въ болѣе близкія отношенія, не полагавшагося всецѣло на императорское приказаніе, должны были выразить ему свое полное сочувствіе и одобрить выборъ своихъ пословъ. Послѣ этого состоялось „сообразно римскимъ обычаямъ“ возведеніе Брунона на апостольскій престолъ, сопряженное съ посвященіемъ и перемѣной имени ⁵⁾.

Такимъ образомъ, Левъ IX при самомъ своемъ вступленіи показывалъ, что главною руководящей нитью его поступковъ будетъ стрем-

¹⁾ Desiderii, Lib. III, p. 1006.

²⁾ Vita Anselmi, c. 12, p. 17. Ср. с. 4, p. 14.

³⁾ Wiberti, Lib. II, c. 2, p. 151.

⁴⁾ Bonithonis, Lib. V, p. 362, ср. Bozonis, p. 275.

⁵⁾ Brunonis, c. 2, p. 548, ср. Bonithonis, Lib. V, p. 632, и Leonis casinensis Lib. II, c. 79, p. 683.

леніе къ соблюденію каноническихъ предписаній. Если, по мнѣнію самаго императора, замѣщеніе апостольскаго престола не могло происходить по одному приказанію императора, а нуждалось прежде всего въ дружномъ согласіи клира и народа, въ крайнемъ случаѣ избравшихъ черезъ уполномоченныхъ своего пастыря и потомъ выражавшихъ одобреніе и призваніе сдѣланнаго ими выбора, то очевидно, что императорская мощь не могла удержать захваченнаго ею положенія. Отнынѣ окончательное освобожденіе апостольскаго престола было лишь вопросомъ времени. Оно должно было повести вообще къ „свободѣ церкви“, къ устраненію свѣтскихъ владѣтелей отъ захваченнаго ими права распоряжаться церковными санами. Брунонь, въ присутствіи императорскаго посланца, архіепископа Трирскаго Эбергарда ¹⁾, поставилъ волю клира и народа выше императорскихъ повелѣній и такое заявленіе не вызвало гнѣва со стороны Генриха, потому что и онъ раздѣлялъ, какъ извѣстно, преклоненіе передъ канонами. Примѣру императора слѣдовали и другіе владѣтели, не предчувствуя и не сознавая пока, куда заведетъ ихъ послѣдовательное и строгое выполненіе каноническихъ предписаній. Левъ удачно примирилъ императорское назначеніе съ народнымъ избраніемъ, стало быть могъ опираться и на поддержку своего государя и на сочувствіе ревнителей. По выраженію Дезидерія ²⁾, съ его возвышеніемъ „были возобновлены и восстановлены всѣ церковныя стремленія, показала миру новая заря“. Дѣйствительно, благодаря мирообъемляющей дѣятельности „новаго намѣстника св. Петра“, папство стало на небывалую высоту, окрѣпло дѣло церковно-общественныхъ преобразованій и воспитался подъ влияніемъ живаго, нагляднаго примѣра великій духъ Гильдебранда.

Итакъ, Генрихъ III не удержалъ въ своихъ рукахъ безусловное право назначать римскихъ папъ по своему усмотрѣнію. Онъ пошелъ на уступки могущественному духу времени и шагъ за шагомъ отступалъ передъ дружнымъ натискомъ поборниковъ каноническихъ идеаловъ. Въ его лицѣ императорство добилося временнаго преобладанія надъ папствомъ, но это преобладаніе было мимолетно, не привело ни къ какимъ существеннымъ измѣненіямъ; наоборотъ даже усилило противодѣйствіе законниковъ „захватамъ свѣтской власти“. Вѣчно борющийся съ возстаніями вельможъ, съ непокорными сосѣдями, не рас-

¹⁾ Manai XIX, p. 723.

²⁾ Desiderii Lib. III, p. 1006.

полагавшій ни постояннымъ войскомъ, ни прочными доходами въ видѣ всеобщихъ денежныхъ повинностей, лишенный даже права судить всѣхъ подвластныхъ по единому закону, императоръ могъ лишь притязать на главенство надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ. У папы было несравненно болѣе данныхъ для проведенія въ жизнь своихъ правъ на руководство тогдашнимъ человѣчествомъ. За римскаго первосвященника была общая вѣра въ его учительскія полномочія, затѣмъ въ лицѣ монаховъ и прочаго духовенства онъ располагалъ настоящимъ воинствомъ, онъ имѣлъ возможность судить всѣхъ по общему и для всѣхъ одинаковому закону, онъ имѣлъ въ щедрыхъ дареніяхъ и въ огромной собственности церковной постоянный источникъ доходовъ. Правда, духовенство не все еще прониклось покорностью велѣніямъ римскаго престола, каноны еще не вошли въ всеобщее употребленіе, имущества были захвачены, но при настойчивомъ стремленіи къ разнамѣченной цѣли всѣ эти уклоненія отъ правильнаго, „опредѣленнаго самимъ Богомъ“ порядка вещей должны были уменьшиться, разъ на апостольскій престолъ взойдетъ человѣкъ, сознающій свои права и обязанности, а не жалкое орудіе, безличное и безвольное, какимъ былъ Климентъ II. Поэтому съ Льва IX, проникнутаго, подобно другимъ лотарингскимъ епископамъ, идеалами лжеисидорова сборника, чаша вѣсовъ все болѣе и болѣе начинаетъ склоняться въ пользу папства, тогда какъ обаяніе императорства все болѣе и болѣе меркнетъ.

А. Владиміръ.

ПОНЯТІЕ КРАСОТЫ ¹⁾.

Понятіе красоты принадлежитъ къ числу тѣхъ понятій, которыя обнимаютъ собою предметы не только весьма разнообразныя, но и претерпѣвающіе процессы измѣненія независимо отъ требованій нашего разсудка. А свойство всѣхъ такихъ понятій состоитъ въ томъ, что создаваемое ими разграниченіе предметовъ въ *дѣйствительномъ* существованіи этихъ предметовъ постоянно нарушается. Само по себѣ это фактическое нарушеніе границъ, установленныхъ нами для предметовъ, конечно, еще не мѣшало бы ихъ разграниченію для нашей мысли, если бы измѣненіе предметовъ происходило независимо отъ свойствъ, указываемыхъ ихъ понятіями. Но дѣло въ томъ, что, совершаясь даже при участіи внѣшнихъ причинъ, такое измѣненіе непремѣнно свидѣтельствуеетъ и о благопріятныхъ для него задаткахъ въ самой природѣ предмета. Мы различаемъ, напримѣръ, *движущееся* отъ *покоящагося*, *теплое* отъ *холоднаго*, *живое* отъ *мертваго*. Но на нашихъ глазахъ движущееся дѣло останавливается, теплое охлаждается, живое умираетъ. Такое превращеніе, и притомъ по большей части превращеніе даже *видимо* постепенное, доказываетъ, что есть *нѣчто общее*, взаимно-переходящее, въ движеніи и покоѣ, теплѣ и холодѣ, жизни и смерти; то-есть, что необходимо опредѣлять эти понятія такъ, чтобы въ содержаніи каждаго изъ нихъ оставалась *возможность* перехода въ его противоположность. Если, поэтому, первое, непосредственное опредѣленіе понятій есть опредѣленіе *отличающее*, *разграничивающее* ихъ, то послѣднее, окончательное ихъ опредѣленіе есть опредѣленіе

¹⁾ Сообщеніе, читанное въ философскомъ обществѣ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ 27-го марта 1898 года.

связывающее, примиряющее. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ результатѣ развитія науки получаются такія понятія, въ которыхъ разрѣшаются первоначальныя противоположности ихъ, или, по крайней мѣрѣ, открывается надежда на такое разрѣшеніе. Приобрѣтеніе, сохраненіе и потеря движенія оказываются частными случаями одного и того же общаго закона; то же справедливо о согрѣваніи и охлажденіи тѣлъ; и, можетъ быть, будетъ найденъ напоследокъ и такой общій законъ, слѣдовательно такое общее понятіе, которое свяжетъ и примиритъ, какъ свои частные случаи, понятія живаго и мертваго.

Обращаясь къ понятіямъ, считающимся наиболее родственными понятію красоты, мы находимъ и въ нихъ, во-первыхъ, первоначальную ступень рѣзкаго раздѣленія противоположностей и, во-вторыхъ, если не достигнутую, то, по крайней мѣрѣ, желаемую и чаемую ступень конечнаго разрѣшенія и примиренія этихъ противоположностей. Эти понятія суть понятія *истины* и *добра*. Что для непосредственнаго, ближайшаго опредѣленія можетъ быть рѣзче противоположностей *истины* и *заблужденія*, *добра* и *зла*? И, безъ сомнѣнія, истина не есть заблужденіе, добро не есть зло, также точно, какъ движеніе не есть покой, а жизнь не есть смерть. Но какъ въ дѣйствительномъ существованіи вещей движеніе переходитъ въ покой, а жизнь въ смерть, такъ въ дѣйствительномъ существованіи человѣческаго духа совершается непрерывный кругооборотъ истины и заблужденія, добра и зла, который былъ бы непонятенъ, если бы между истиною и заблужденіемъ, добромъ и зломъ не было общенія и взаимнаго перехода. Живая, присущая человѣку истина есть истина становящаяся или развивающаяся, то-есть переходящая изъ состоянія менѣе совершеннаго въ состояніе болѣе совершенное. Сама по себѣ несовершенная истина еще не есть заблужденіе, если человѣкъ ясно отдаетъ себѣ отчетъ въ степени ея несовершенства. Но такое мудрое самоограниченіе мысли возможно лишь въ отношеніи къ истинамъ частнымъ, съ которыми имѣетъ дѣло специальная наука. Въ области же философіи всякая истина непремѣнно стремится получить значеніе всеобщее, обнять собою весь кругъ познанія. Стремленіе это необходимо, такъ какъ безъ него нѣтъ философіи. Но будучи необходимо, оно съ необходимостью же приводитъ къ заблужденіямъ, расширяя приложеніе ученій, вѣрныхъ для нѣкоторой части явленій, на всю ихъ область. По *положительному* своему содержанію каждое философское ученіе истинно; но оно становится ложнымъ по расширенію своему далѣе своихъ законныхъ границъ. И, однако, это рас-

шривеніе необходимо вытекаетъ изъ самой задачи философіи, вслѣдствіе чего въ ея исторіи истина постоянно порождаетъ заблужденіе. Съ другой стороны, заблужденіе, необходимо возникающее на данной ступени развитія философіи, столь же необходимо становится задаткомъ новой, болѣе совершенной истины, такъ какъ сознаніе этого заблужденія приводитъ къ необходимости отречься отъ мнимой всеобщности пренжняго ученія и, сохраняя его положительную цѣнность, ввести его въ составъ ученія болѣе широкаго, болѣе удачно разрѣшающаго и примиряющаго противоположности преннихъ ученій. Поэтому, если мы предположимъ достиженіе философіею ея конечной цѣли — установленіе дѣйствительно-всеобщей, всеразрѣшающей истины, — то отношеніе послѣдней къ заблужденію окажется иное, чѣмъ то, которое такъ ясно для первоначальнаго, непосредственнаго понятія истины. Первоначальное понятіе истины отстраняетъ, отрѣшиваетъ отъ нея заблужденіе. Конечное же понятіе объясняетъ необходимость происхожденія заблужденія изъ самаго развитія истины и вмѣстѣ разрѣшаетъ это заблужденіе, то-есть дѣлаетъ его невозможнымъ. Заблужденіе оказывается необходимымъ спутникомъ спора между частными истинами, изъ которыхъ каждая стремится — и *должна* стремиться, такъ какъ въ этомъ *жизнь* философіи — стать истиною всеобщю. Коль скоро такая всеобщность дѣйствительно достигнута, или въ той мѣрѣ, въ какой она достигнута, этотъ споръ разрѣшается, а съ нимъ вмѣстѣ разрѣшается и противоположность истины и заблужденія.

Едва ли нужно подробно доказывать, что такого же конечнаго разрѣшенія и примиренія требуетъ и первоначальная, непосредственная противоположность понятій добра и зла. Доброе есть то, что *должно* быть, а злое — то, чего *не должно* быть. Но уклоненіе отъ должнаго, какъ бы оно ни было преступно, во всякомъ случаѣ вмѣетъ одно неотъемлемое право — право на объясненіе его причинъ. Вдаваясь же въ это объясненіе, мы находимъ, что свойства и мѣра такого уклоненія всегда строго соразмѣрны степени несовершенства того, что въ данное время считается должнымъ, добрымъ. Чѣмъ несовершеннѣе теоретическія основы и практическія приложенія существующаго въ данное время круга нравственныхъ обязанностей, то-есть, съ одной стороны, чѣмъ произвольнѣе и догматичнѣе выставляются ихъ правила, а съ другой — чѣмъ менѣе обращается вниманіе на воспитаніе и поддержку незрѣлой и слабой воли къ соблюденію этихъ правилъ, тѣмъ болѣе и уклоненій отъ должнаго, то-есть тѣмъ болѣе зла. И это

зло служить такъ же условіемъ усовершенствованія теоріи и практики добра, какъ философское заблужденіе служить стимуломъ развитія и усовершенствованія философской истины. Поэтому, какъ совершенная истина не только устраняетъ заблужденіе, но объясняетъ и разрѣшаетъ его, такъ и совершенное добро не только отрицаетъ и преслѣдуетъ зло, но разрѣшаетъ его и исторически оправдываетъ его, какъ условіе усовершенствованія самаго добра.

Итакъ въ попятіяхъ, сопредѣльныхъ понятію красоты и обыкновенно поставляемыхъ съ нимъ въ связь, мы несомнѣнно должны различать ступень первоначальной, непосредственной отдѣльности отъ того, что имъ противоположно, и ступень конечнаго разрѣшенія и примиренія этой противоположности. Назовемъ первую ступень *понятіемъ* въ собственномъ значеніи этого слова, а для второй ступени—не гоняясь за историческою точностью такого словоупотребленія—примемъ терминъ *идея*. Тогда мы можемъ сказать: въ *понятіяхъ* добра и истины мы мыслимъ ихъ отрѣшенными, отдѣленными отъ зла и заблужденія; въ *идеяхъ* же ихъ мы мыслимъ ихъ объяснившими, разрѣшившими и побѣдившими зло и заблужденіе. Вопросъ теперь не въ томъ, въ какой мѣрѣ эти идеи осуществимы, то-есть достижима ли такая полнота добра и истины, при которой совершенно подсѣкаются корни зла и заблужденія. Если—по крайней мѣрѣ для человѣчества въ его земной жизни—она достижима лишь отчасти, то это все же нисколько не препятствуетъ мыслить идеи добра и истины, какъ тѣ цѣли, къ которымъ направляется развитіе человѣческой мысли и воли, постоянно и въ предѣлахъ возможнаго приближаясь къ ихъ осуществленію. Занимающій насъ теперь вопросъ сводится лишь къ тому, въ правѣ ли мы допустить такое же различіе двухъ ступеней и въ понятіи красоты.

Какъ истина противопологается заблужденію, а добро—злу, такъ *красота* противопологается *безобразію*. Отличеніе и раздѣленіе этихъ двухъ понятій логически необходимо. Но осуществить рѣзкость этого раздѣленія въ живой дѣйствительности и въ самомъ процессѣ развитія эстетическихъ опредѣленій оказывается столь же невозможно, какъ и въ области нравственной и познавательной. Развитіе красоты также необходимо происходитъ отъ несовершеннаго къ совершенному; и какъ несовершенство истины и добра, не будучи еще само по себѣ заблужденіемъ и зломъ, порождаетъ заблужденіе и зло, такъ и несовершенная красота, не будучи еще сама по себѣ безобразіемъ, заключаетъ въ себѣ источникъ его происхожденія. Несовершенная красота, полагаясь нормою для эстетическаго сужденія, непремѣнно огра-

ничиваетъ его, исключая изъ своего круга такое содержаніе, котораго она не въ состояніи осилить. Такимъ образомъ, это содержаніе осуждается на безобразіе вслѣдствіе ограниченности существующей эстетической нормы, которая, останавливая тѣмъ самымъ прогрессъ искусства, сама становится преградой развитія красоты. И эта противоположность, необходимо возникающая, требуетъ своего разрѣшенія въ болѣе высокой эстетической ступени, примиряющей въ себѣ то, что для низшей ступени было порознено, и претворяющей прежнее безобразіе въ новую, высшую красоту. Исторія искусства полна примѣровъ такого принятія въ новый канонъ красоты того, что съ точки зрѣнія прежняго канона было объявляемо за безобразіе. И отсюда естественно также возникаетъ понятіе всесовершенной, всепримиряющей красоты, какъ въ областяхъ истиннаго и добраго возникаютъ понятія всесовершенныхъ истины и добра; то-есть, возникаетъ различіе *идеи* красоты отъ *понятія* ея въ тѣсномъ значеніи этого слова.

Къ сказанному я считаю нужнымъ прибавить, что это различіе въ двухъ способахъ пониманія красоты—съ одной стороны, какъ чего-то исключающаго изъ себя безобразіе, а съ другой—какъ принимающаго въ себя, разрѣшающаго и претворяющаго его въ высшую красоту, не представляетъ собою въ эстетикѣ ничего новаго. Его можно найти въ сочиненіяхъ, написанныхъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ и, притомъ, принадлежащихъ авторамъ разнообразныхъ направленій. Такъ, на примѣръ, *Вейссе*, ученіе котораго представляетъ собою гегелианизмъ, видоизмѣненный и восполненный вліяніемъ Шеллинга, различаетъ собственно *красоту*, какъ первоначальный продуктъ бессознательно-дѣйствующей фантазіи, отъ *идеала*, какъ красоты, прошедшей чрезъ отрицаніе ея въ безобразіи и преодолевшей это отрицаніе. Эстетика Вейссе вышла въ свѣтъ въ 1830 году. Съ другой стороны, гербартианецъ *Циммерманъ*, эстетика котораго относится къ 1865 году, выражается такъ: „Прекрасное въ процессѣ гармоническаго одухотворенія принимаетъ въ себя безобразное, какъ видимость, которая сама себя разрушаетъ“. По *Гартману*, который въ этомъ случаѣ слѣдуетъ руководству *Шаслера*, всякая низшая ступень красоты, чрезъ преодоленіе соответствующаго ей безобразія, поднимается на высшую степень, воспринимая въ себя большее число *характеристическихъ* чертъ. Поэтому, если въ новѣйшее время слышатся голоса, указывающіе на то, что искусство не можетъ остановиться на красотѣ, какъ она опредѣляется ея непосредственнымъ,

первоначальнымъ понятіемъ, то это совершенно вѣрно: такое искусство было бы лишено серьезной цѣли и истинно-идеальнаго характера. Но это мнѣніе нисколько не ново, потому что оно было высказано уже десятки лѣтъ тому назадъ. Съ другой стороны, выводить отсюда, какъ это дѣлаетъ *графъ Толстой*, что искусство вовсе не имѣетъ цѣлю красоты, значить останавливаться на первоначальномъ, низшемъ пониманіи красоты, не пытаться возвыситься до ея идеи.

Все сказанное мною клонится собственно къ тому, чтобы опредѣлить границы моего сегодняшняго сообщенія. Это сообщеніе имѣетъ своимъ предметомъ не *идею* красоты, а ея *понятіе* въ собственномъ значеніи этого слова; то-есть задача его состоитъ не въ томъ, чтобы всестороннимъ и всеразрѣшающимъ образомъ обнять всѣ противоположности, возникающія въ человѣческомъ духѣ, когда въ немъ совершается процессъ эстетическаго развитія, а въ томъ, чтобы указать признаки, которыми отличается красота отъ своей противоположности—безобразія. Это пониманіе красоты есть первоначальное или низшее; но оно необходимо, какъ *начало* эстетики, точно также, какъ *идея* красоты необходима, какъ ея *конецъ* или *результатъ*. Предполагая ввести присутствующее собраніе въ кругъ моихъ мыслей объ эстетикѣ, я, конечно, долженъ начать съ *начала*, а не съ *конца*.

Природа есть *являющійся* намъ міръ, то-есть міръ, какъ предметъ нашей чувственности. Содержаніемъ чувственности, то-есть тѣмъ, въ чемъ намъ даны явленія міра, служатъ разнообразныя *качества* природы, какъ-то цвѣта, фигуры, движенія, звуки, вкусы, запахи, состоянія температуры и т. п. Эти качества природы, въ ихъ существованіи *для насъ*, какъ воспринимающихъ существъ, называются *ощущеніями*. Такимъ образомъ, природа, кратко, можетъ быть опредѣлена какъ то, что нами ощущается ¹⁾. Ощущеніе, какъ таковое, есть, однако, лишь *начальная ступень* нашего отношенія къ природѣ. Второю ступеню этого отношенія является возникающее въ насъ различеніе *ощущающаго* и *ощущаемаго, вещества* и *души*. Поводомъ къ такому различенію служитъ то, что въ числѣ ощущаемыхъ нами качествъ

¹⁾ Это опредѣленіе природы нисколько не измѣняется отъ того, что мы имѣемъ съ нею дѣло не только черезъ непосредственное воспріятіе ощущеній, но и чрезъ воспроизведеніе ихъ въ представленіяхъ, такъ какъ и въ послѣднемъ случаѣ мы относимся къ природѣ, какъ къ предмету нашего ощущенія, только не настоящаго, а прошлаго.

вѣтается соединенное съ ними въ общемъ актѣ воспріятія качество *сопротивленія*, которое внушаетъ намъ убѣжденіе въ существованіи нѣкоторой вѣшной, отдѣльной и независимой отъ насъ среды, а тѣмъ самымъ вызываетъ представленіе и о насъ, какъ дѣйствующихъ въ этой средѣ существахъ. *воля* которыхъ то преодолеваетъ ея сопротивленіе, то подавляется имъ. Вслѣдствіе того, первоначальная непосредственная цѣлостность ощущенія, а съ нею вмѣстѣ и первоначальная цѣлостность природы, разлагаются для нашего мышленія на два фактора—*вещественный* и *психическій*. Образовавши же ихъ понятія, мы лишаемъ самое ощущаемое качество его самостоятельности, понимая его, какъ результатъ взаимодействія вещества и души. Такъ слагается опытный взглядъ на природу, какъ на состоящую изъ *вещей* и изъ *душъ*, ощущающихъ эти вещи подъ символами извѣстныхъ качественныхъ состояній ¹⁾.

Позволятельно, однако, задать себѣ вопросъ, мыслимы ли такіе условія, при которыхъ воспріятіе ощущаемыхъ качествъ природы не приводило бы непременно къ потерѣ ихъ самостоятельности, но они продолжали бы существовать въ своей непосредственной цѣлостности. Предположимъ, что ощущеніе дано нашему сознанію безъ всякаго *сознаваемого* нами вмѣстѣ съ нимъ сопротивленія, а стало быть и безъ *сознаваемого* нами усилія. Въ такомъ случаѣ оно представилось бы намъ *безвещественнымъ*, а равно не вызывающимъ и напряженія нашей *воли*, какъ бы предносящимся намъ *чистымъ призракомъ*. Качество такого ощущенія не разложится, какъ таковое, для нашего сознанія на вещество и душу, но останется для насъ чистымъ и цѣлостнымъ чувственнымъ состояніемъ.

Существуютъ ли такіе чувственныя состоянія, мы пока не рѣшаемъ. Но *если* они существуютъ, и въ той мѣрѣ, въ какой они существуютъ, то, поскольку они, какъ таковыя, не вызываютъ дальнѣйшаго движенія мышленія и воли въ смыслѣ раздѣленія ощущаемого на *вещественный* и *психическій* элементы, на содержаніи этихъ чувственныхъ состояній мы *удовлетворяемся*, то-есть довольствуемся его *зерцаніемъ*, не спрашивая о дальнѣйшихъ его результатахъ. Ибо въ томъ и состоитъ свойство сказанныхъ состояній, что они не приво-

¹⁾ Это раздѣленіе, очевидно, нисколько не зависитъ отъ того, какія теоріи мы образуемъ о веществѣ, то-есть признаемъ ли въ немъ постоянный пассивный субстрактъ, именуемый *матерією*, или же объемлемъ всѣ его свойства общимъ терминомъ „энергія“.

дять ни къ теоретическому вопросу о ихъ вещественныхъ и духовныхъ причинахъ, ни къ практическому вопросу о столкновеніи интересовъ нашихъ души и тѣла съ другими душами и тѣлами. Мы просто *довольствуемся* ими, то-есть, поскольку довольствоваться можно лишь тѣмъ, что намъ пріятно, *наслаждаемся* погруженіемъ въ *ихъ созерцаніе*. Вполнѣ возможно, что такой предметъ непосредственнаго (по Канту „незавинтересованнаго“) наслажденія виѣстѣ съ тѣмъ и теоретически поучителенъ и практически полезенъ; но эти результаты могутъ выясниться лишь для послѣдующихъ мышленія или дѣятельности, самое же воспріятіе предмета, какъ таковое, не заключаетъ въ себѣ повода къ выходу изъ непосредственнаго, цѣлостнаго его созерцанія.

Такое отношеніе наше къ предмету воспріятія есть отношеніе эстетическое, а свойство предмета вызывать это отношеніе — есть красота.

Изъ изложеннаго явствуется, что, эстетически относясь къ предмету, мы имѣемъ дѣло не съ его *дѣйствительностью*, какъ она устанавливается *опытною наукою*. Быть можетъ—я пока не останавливаюсь на этомъ вопросѣ — мы имѣемъ тутъ дѣло съ какою-нибудь *другою* дѣйствительностью; но эта другая дѣйствительность не та, которая существуетъ для опытной физики или психологіи. Опытная дѣйствительность ощущаемаго состоитъ въ его *вещественномъ* или *психическомъ* характерѣ. Но ни съ тѣмъ, ни съ другимъ мы въ данномъ случаѣ не сталкиваемся, такъ какъ предметъ эстетическаго созерцанія не сознается нами, какъ сопротивляющійся намъ, а стало быть и отъ насъ не требуетъ сознательнаго усилія для преодоленія его сопротивленія. Слѣдовательно, онъ *невещественъ* и, не сопровождаясь сознательнымъ актомъ нашей воли, не внушаетъ намъ понятія и о *душевной дѣятельности*. Поэтому, въ актѣ эстетическаго созерцанія мы имѣемъ дѣло не съ тѣмъ, что, съ точки зрѣнія опытной науки, дѣйствительно существуетъ, а лишь съ тѣмъ, что *является* или *показывается*, съ *видимостью* или *показностью* (Schein). На такомъ свойствѣ красоты основано и дѣйствіе *искусства*, которое создаетъ *кажущіеся* предметы или, иначе, *изображенія* предметовъ. Коль скоро является интересъ къ опытной дѣйствительности предмета, то эстетическое отношеніе къ нему прекращается. Такъ, напримѣръ, морская буря или сраженіе не могутъ быть предметами эстетическаго наслажденія, если ихъ *дѣйствительность* вызываетъ въ насъ чувство страха за себя или за другихъ. Но если въ насъ есть настолько душевной

силы, что мы свободны отъ страха во время бури или сраженія, или если мы созерцаемъ ихъ изъ безопаснаго мѣста и совершенно равнодушны къ участи погибающихъ людей, то это зрѣлище можетъ быть для насъ предметомъ эстетическаго наслажденія.

То, что невещественно и не вызываетъ напряженія нашей воли, съ опытною *дѣйствительностью* чего мы не должны сталкиваться и считаться ни теоретически, ни практически, есть, по этой самой причинѣ, нѣчто совершенно отрѣшенное отъ нашего тѣлеснаго и духовнаго существа, то-есть нѣчто *совершенно объективное*. *Прекрасное есть совершенный или чистый объектъ*. Въ созерцаціи этого чистаго объекта наша субъективность, содержаніе нашего „я“, какъ бы исчезаетъ, поглощаясь въ цѣлостномъ удовлетвореніи предметомъ созерцація. Если бы красота не оказывала на насъ такого захватывающаго, поглощающаго дѣйствія, то-есть если бы содержаніе нашего „я“, сохраняясь въ актѣ ея созерцація, противостояло ей въ нашемъ сознаніи, какъ нѣчто самостоятельное, то въ этомъ актѣ сохранялась бы наша субъективность, съ которою прекрасное должно бы было вступать въ нѣкоторыя отношенія, само проникаясь вслѣдствіе того субъективными отбѣнками. Такимъ образомъ, въ понятіи красоты, какъ чистаго объекта, данъ непремѣнно признакъ поглощающаго, захватывающаго насъ дѣйствія, *завлекая себя чрезъ погруженіе въ созерцацію прекраснаго*.

Совершенная объективность, совершенный захватъ насъ самихъ красотою, таковы не для нашей мысли, во для нашего *чувственнаго созерцація*. Предметъ этого созерцація, не будучи вещественъ и поглощая нашу волю, предстоить намъ, именно по такому поглощающему своему дѣйствію, какъ нѣчто *внѣшнее*, предносящееся намъ, не объемлемое нашею объективною жизнью съ ея страстями и волненіями. Поэтому, хотя прекрасный предметъ не вещественъ, онъ непремѣнно *тѣлесенъ*, онъ есть часть *внѣшней* относительно насъ природы, занимаетъ мѣсто въ ея пространствѣ. *Показывать* что-либо чувственному созерцацію можно лишь изъ области тѣлеснаго. *Духовная* красота можетъ быть такою по (привносимому въ нее по ассоціаціи) *содержанію*, но не по *изображенію*, которое непремѣнно тѣлесно. Можно, поэтому, сказать, что красота всегда дана намъ въ *тѣлесномъ образѣ*, но лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы подъ словомъ „образъ“ не подразумѣвать непремѣнно *фигуры*. Звуки, напримѣръ, не имѣютъ фигуръ; да и цвѣта, хотя связаны съ фигурами, сами по себѣ представляютъ нѣчто отъ нихъ особое. При такомъ ограниченіи, нѣтъ препятствія сказать, что красота всегда дана въ тѣлесномъ образѣ.

Итакъ, выяснившіеся теперь признаки красоты суть *показность*, *совершенная объективность* и *тѣлесный образъ*. Прежде, чѣмъ пойдти далѣе, я считаю нужнымъ прибавить нѣсколько словъ въ поясненіе изложеннаго опредѣленія красоты:

1) Относя прекрасное къ области показности, я имѣю въ виду *составъ* красоты изъ ея чувственныхъ элементовъ. Если несомнѣнно, что эти чувственные элементы, то-есть ощущаемыя качества, суть не принадлежности вещей и душъ, какъ таковыхъ, а лишь способы созерцанія вещей душами, то несомнѣнно, что эти элементы существуютъ лишь въ показности. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы красота, по ассоціаціи, не могла вступать въ связь съ дѣйствительностью и служить для ея характеристики. Такъ постоянно происходитъ въ искусствѣ, изображенія котораго, безъ сомнѣнія, знакомятъ насъ съ дѣйствительными состояніями и свойствами вещей и душъ. Отсюда нерѣдко дѣлается выводъ, что самое опредѣленіе красоты, какъ показности, ложно, но что необходимо въ ея опредѣленіи принимать во вниманіе и дѣйствительность. Но на это я замѣчу, что возникновеніе искусства и послѣдствія его въ отношеніи измѣненія понятія красоты выходятъ за предѣлы моего теперешняго сообщенія. Я имѣю теперь въ виду красоту въ ея первоначальномъ, элементарномъ видѣ, не осложненномъ ассоціаціонными прибавками; только къ такой красотѣ относятся непосредственно изложенное мною опредѣленіе.

2) Признакъ совершенной объективности красоты, повидимому, не ладится съ ея поглощающимъ дѣйствіемъ на субъекта. Если субъектъ поглощенъ, то-есть его больше нѣтъ, то, повидимому, нѣтъ больше и объекта, такъ какъ объектъ соотносителенъ субъекту и данъ всегда въ противоположности съ нимъ. Но нужно имѣть въ виду, что признакъ поглощающаго или захватывающаго дѣйствія красоты на субъекта выражаетъ собою не столько совершившійся фактъ, сколько общую тенденцію эстетическаго созерцанія, или, выражаясь точнѣе, тотъ предѣлъ, до котораго стремится дорости это созерцаніе. Полное фактическое достиженіе этого предѣла едва ли осуществимо въ дѣйствительности, а если и осуществимо, то развѣ на весьма краткій срокъ. Но чѣмъ совершеннѣе красота, тѣмъ болѣе мы погружаемся въ нее, отрѣшаясь отъ своихъ субъективныхъ состояній; и потому мысля красоту всесовершенную, вполнѣ соответствующую своему понятію, мы мыслимъ полное исчезновеніе въ ней нашей субъективности. Поэтому, хотя вмѣстѣ съ исчезновеніемъ субъекта исчезаетъ и объектъ,

но поскольку это исчезновение мыслится нами, какъ предѣлъ или высшая ступень исчезанія субъекта въ объектѣ, мы характеризуемъ красоту названіемъ совершеннаго объекта, дабы выразить то взаимное отношеніе, которое существуетъ между объектомъ и субъектомъ въ самомъ *процессѣ* нарастающаго эстетическаго созерцанія.

3) Отрицаніе вещественности красоты нисколько не есть отрицаніе ея тѣлесности. Признакъ тѣлесности нисколько не сопряженъ неразрывно съ вещественностью. Мы можемъ, напримѣръ, мыслить геометрическое тѣло, то-есть тѣло безъ вещества. Можемъ мыслить и *видимые празраки*, лишеныя всякой вещественности. Съ другой стороны, признаніе всякой красоты тѣлесною есть необходимое послѣдствіе признанія ея чувственнаго характера, а также необходимое условіе сколько нибудь опредѣленнаго ограниченія эстетической области. Если распространять терминъ красоты на предметы, не данные намъ въ тѣлесныхъ образахъ, то исчезаетъ различіе между красотой, съ одной стороны, и истиною и добромъ съ другой, потому что тогда не окажется препятствія находить красоту и въ отвлеченныхъ истинахъ науки и въ правилахъ добраго поведенія. Истина и добро могутъ быть и прекрасны, но лишь при томъ условіи, если онѣ показаны намъ *наглядно*, то-есть въ *образѣ*, въ *тѣлесномъ очертаніи*.

Сказанные признаки красоты были выведены изъ предположенія существованія такихъ ощущеній, воспріятіе которыхъ не связано съ *сознаваемымъ* нами усиліемъ. Я прошу обратить вниманіе на прибавку слова „сознаваемымъ“. Всякое воспріятіе предполагаетъ непременно работу организма, слѣдовательно, усиліе. Но это усиліе можетъ не быть сознательнымъ. Теперь естественно возникаетъ вопросъ, возможны ли такія ощущенія. Отвѣчать на этотъ вопросъ безусловнымъ утвержденіемъ психологія едва-ли въ правѣ. Правда, могутъ быть—и въ каждый данный моментъ во множествѣ бываютъ—бѣглыя и случайныя ощущенія, не останавливающія на себѣ нашего вниманія, слѣдовательно, такія, въ теченіе которыхъ элементъ сознательнаго усилія можетъ считаться величиною, не стѣбющею принятія въ расчетъ. Но эстетическія ощущенія не таковы: какъ прекрасныя, привлекательныя, они, напротивъ того, въ высшей степени сосредоточиваютъ на себѣ наше вниманіе. Поэтому, если эстетическое созерцаніе не сопровождается *сознаваемымъ* нами напряженіемъ воли, то это можетъ зависѣть не отъ бѣглости входящихъ въ составъ такого созерцанія ощущеній, а отъ указаннаго выше захватывающаго, поглощающаго его дѣйствія на волю. Мы не сознаемъ

совершаемаго нами усилія во время созерцанія красоты по той причинѣ, что сознание этого усилія исчезаетъ въ испытываемомъ нами полномъ и цѣлостномъ удовлетвореніи. Что состояніе эстетическаго содержанія заглушаетъ лишь *сознаніе* работы, сама же она совершается при этомъ нерѣдко даже съ усиленною напряженностью, доказывается какъ *усталостью*, испытываемою нами послѣ мощнаго, властнаго и продолжительнаго впечатлѣнія красоты, такъ и возбужденіемъ къ усиленнымъ движеніямъ подъ вліяніемъ музыкальнаго ритма. Музыка облегчаетъ и даже вызываетъ ритмическія движенія именно потому, что при ней они требуютъ *меньшаго напряженія произвольнаго вниманія къ ихъ совершенію*, но происходятъ какъ бы сами собою, машинально, дѣйствіемъ непроизвольной ассоціаціи.

Засявъ, рѣшеніе вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ это поглощеніе сознательнаго усилія красотою можетъ быть полнымъ, и не остается ли *всегда* въ актѣ эстетическаго созерцанія извѣстная примѣсь такого сознательнаго усилія,—есть уже дѣло опытной психологив. Вполнѣ возможно, и даже правдоподобно, что для насъ, по условіямъ нашей организаціи, мыслимо лишь *приближеніе* къ эстетическому созерцанію, но не полное его достиженіе. Если это такъ, то красота оказывается, стало быть, нѣкоторымъ *идеаломъ*, допускающимъ лишь приблизительное его осуществленіе; или, иными словами, по условіямъ нашей организаціи, мы должны, вмѣсто безусловной красоты, довольствоваться красотою лишь приблизительною, всегда осложненною примѣсями не-эстетическаго свойства. Если во всѣхъ прочихъ областяхъ своей духовной жизни, и въ наукѣ, и въ нравственности, человѣкъ осужденъ лишь на *приближеніе* къ идеалу, то вѣтъ причины требовать большаго и въ области эстетической. Неосуществимость идеала указываетъ на его ложность только тогда, когда эта неосуществимость зависитъ отъ его неопредѣленной расширяемости; ибо въ этомъ случаѣ всякая достигнутая ступень остается по прежнему безконечно далека отъ окончательной цѣли. Но *приближеніе* къ идеалу есть *дѣйствительное достиженіе* его, только *неполное*. Идеаль оказывается при этомъ цѣлью *возможною*, но только между имъ и всякою достигнутою его степеню всегда остается нѣкоторая разность, пронстекающая отъ реальныхъ препятствій человѣческой природы.

Предполагая, что идеаль красоты достигнуть настолько, насколько то возможно для человѣческой природы, мы должны теперь обратиться къ разсмотрѣнію вопроса, отъ того или иного разрѣшенія котораго

зависитъ пониманіе какъ самого внутренняго смысла красоты, такъ и положенія эстетики въ кругу другихъ наукъ.

Въ красотѣ мы имѣемъ дѣло не съ дѣйствительностью, а съ показностью той природы, которая признается опытною наукою; то-есть если мы, согласно съ этою наукою, скажемъ, что природа состоитъ изъ *вещей* и *душъ*, то въ этой природѣ, какъ таковой, красоты не окажется. Она окажется явленіемъ, возникающимъ въ моментъ созерцанія вещей душами и внѣ условій этого созерцанія не имѣющимъ никакого смысла. Правда, въ этомъ отношеніи не всѣ виды красоты одинаковы: цвѣта и звуки дѣйствительно не существуютъ въ природѣ независимо отъ нашего ощущенія¹⁾, но пространство и время съ точки зрѣнія опытной науки принадлежать самимъ вещамъ и, слѣдовательно, красота фигуръ, движеній и та часть музыкальной красоты, которая зависить отъ ритма, повидимому, не можетъ быть отнесена въ область чистой показности. Однако, необходимо имѣть въ виду, что красота пространственныхъ и временныхъ свойствъ предмета также обусловлена ихъ показываніемъ, въ моментъ котораго въ наблюдателѣ возникаетъ психическая дѣятельность сравненія, замѣренія, воспроизведенія и ожиданія. При отсутствіи сравненія и замѣренія исчезаетъ красота фигуры, опредѣляемая относительнымъ размѣромъ ея частей. При отсутствіи воспроизведенія и ожиданія исчезаетъ красота движенія и ритма, такъ какъ ихъ послѣдующія части оказываются внѣ связи съ предыдущими. Такимъ образомъ вся красота сводится къ показности, то-есть не содержитъ въ себѣ *истины* о природѣ, ни въ чемъ не умножаетъ нашего познанія о *дѣйствительныхъ* свойствахъ *вещей* и *душъ*. Конечно, сама показность, какъ нѣкоторый *фактъ*, можетъ составить предметъ изученія; и этому предмету ничто не препятствуетъ дать наименованіе *эстетики*. Но задача эстетики, при такомъ предположеніи, очевидно, можетъ состоять лишь въ опредѣленіи тѣхъ условій, при которыхъ въ нашей душѣ возникаетъ сознаніе красоты, равно какъ органическихъ и психическихъ послѣдствій такого состоянія сознанія; попытка же въ самомъ содержаніи этого сознанія найти что-либо, кромѣ показности,

¹⁾ Правда, и въ новѣйшее время были высказываемы мнѣнія о независимомъ отъ нашего ощущенія существованіи цвѣтовъ и звуковъ, (напр. *Феллеромъ*). Но это мнѣніе есть во всякомъ случаѣ гипотеза, выходящая за предѣлы возможности повѣрки ея опытомъ, слѣдовательно, не относящаяся къ опытному пониманію природы.

должна быть оставлена, коль скоро дѣйствительность природы опредѣляется такъ, какъ это дѣлается опытною наукою. Другими словами, эстетика становится при этомъ одною изъ вѣтвей, или, если угодно, приложений опытной психологин. Такое опытно-психологическое направление дѣйствительно стало господствующимъ въ новѣйшей эстетикѣ, смѣнивъ собою господство прежняго, метафизическаго, направления, для котораго, въ самой показности своей, красота есть органъ нѣкоторой высшей истины, средство, если не познанія, то созерцательнаго постиженія подлинно-сущаго.

Необходимо согласиться съ тѣмъ, что отрицаніе метафизической эстетики является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ опытнаго пониманія природы. Но является вопросъ, есть-ли это послѣднее пониманіе высшее или окончальное ея пониманіе. Отвѣтъ на этотъ вопросъ для лицъ, хотя мимоходомъ воспринявшихъ современныя философскія вѣянія, повидимому, не представляетъ затрудненія. Я едва-ли рискую ошибиться, если скажу, что даже большинство натуралистовъ согласится съ тѣмъ, что опытная наука имѣетъ дѣло съ природою, какъ съ *явленіемъ*, а не какъ съ дѣйствительностью въ самой себѣ; то есть, что сама природа въ цѣломъ сводится къ нѣкоторой показности, только показности болѣе постоянной, чѣмъ та показность, которая составляетъ собою красоту. Далѣе, уже меньшимъ, но все-таки значительнымъ большинствомъ будетъ признано, что за природою, какъ явленіемъ, вѣроятно скрывается нѣчто подлинное, не являющееся, именуемое обыкновенно „вещью въ себѣ“ По крайней мѣрѣ, сравнительно весьма немногіе изъ современныхъ мыслителей рѣшительно воспрепятствуютъ употребленію этого понятія и требуютъ строгаго ограниченія лишь тѣмъ, что дано на опытѣ. Такимъ образомъ современное сознаніе несомнѣнно склоняется къ тому, чтобы признать опытно-научное пониманіе природы, хотя необходимымъ и плодотворнымъ, но не окончательнымъ ея пониманіемъ; и въ этомъ смыслѣ отвѣтъ на поставленный мною вопросъ, какъ сказано, не представляется затруднительнымъ. Но собственно въ такой общей и отвлеченной формѣ этотъ отвѣтъ не содержитъ въ себѣ ничего, что бросало бы малѣйшій свѣтъ на вопросъ о возможности метафизической эстетики. Положимъ, что есть нѣкоторая подлинная дѣйствительность, дѣйствительность въ себѣ, служащая основою или подкладкою опытной, являющейся дѣйствительности и совершенно превышающая компетенцію опытной науки. Конечно, признавъ это, мы должны будемъ признать, что изъ этой дѣйствительности происходятъ всѣ явленія

природы, въ томъ числѣ и явленіе красоты. Но на какомъ основаніи можемъ мы утверждать, что въ фактѣ красоты намъ эта подлинная дѣйствительность обнаруживается ближе и лучше, чѣмъ въ прочихъ фактахъ природы? Такого основанія, очевидно, нѣтъ. Напротивъ, гораздо правдоподобнѣе выводъ, что постоянный порядокъ природы, какъ онъ устанавливается опытною наукою, гораздо болѣе знакомить насъ, если не со свойствами вещей въ себѣ, то, по крайней мѣрѣ, съ ихъ закономерностью. Такъ смотритъ, напримѣръ, на этотъ предметъ *Герб. Спенсеръ*, утверждающій, что область познаваемого съ ея законами находится въ строгомъ соотвѣтствіи съ областью непознаваемого, и что, такимъ образомъ, опытная наука даетъ намъ, правда преобразованное, но соотвѣтственное представленіе объ этомъ непознаваемомъ. Поэтому, съ точки зрѣнія, напримѣръ, названнаго мыслителя ожиданіе отъ красоты какого-либо особаго откровенія истины, какого нѣтъ въ опытной науке, было-бы, конечно, чистою недѣльностью.

Итакъ, для того, чтобы защитить права метафизической эстетики, не довольно еще сказать: сама природа, какъ предметъ опытной науки, есть лишь явленіе, за которымъ скрывается нѣкоторая подлинная дѣйствительность. Для этого необходимо удостовѣрить, что въ содержаніи красоты мы схватываемъ эту дѣйствительность въ нѣкоторомъ отношеніи лучше, вѣрнѣе, чѣмъ то дѣлаетъ точная, опытная наука. И повести это удостовѣреніе мы можемъ лишь такимъ путемъ. Допустимъ, что подлинная дѣйствительность природы, природа сама въ себѣ, намъ совершенно неизвѣстна въ ея *положительномъ* содержаніи. Но уже то обстоятельство, что мы говоримъ: „природа, какъ предметъ опыта, не есть природа сама въ себѣ“, доказываетъ, что мы считаемъ себя въ правѣ образовать сужденіе о природѣ въ самой себѣ со стороны *отрицательной*. Мы не знаемъ, *что такое есть* эта природа; но говоря, что она не есть наша опытная природа, мы высказываемъ сужденіе о томъ, *что она не есть, чѣмъ она не можетъ* быть. Другими словами, въ предметахъ нашего опытнаго знанія, хотя бы мы предположили это знаніе доведеннымъ до высшей возможной степени его усовершенствованія, мы находимъ такіе коренные *недостатки*, которыхъ не можетъ быть въ подлинной дѣйствительности природы; и эти недостатки мы можемъ съ точностью указать. Указавъ же эти недостатки, мы отдаемъ себѣ ясный отчетъ, почему опытная наука всегда осуждена вращаться въ мірѣ явленій и никогда не можетъ достигнуть подлинной дѣйствительности природы.

Предположимъ теперь, съ другой стороны, что въ созерцаніи красоты если не совсѣмъ устранены, то, по крайней мѣрѣ, весьма смягчены, уменьшены именно эти недостатки опытно-научнаго знанія. Не въ правѣ ли мы будемъ тогда сказать, что какія бы преимущества ни принадлежали опытно-научному познанію о природѣ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, въ *этомъ* отношеніи эстетическое созерцаніе ближе къ высшей истинѣ о природѣ, къ той истинѣ, которую опытная наука должна признать для себя недоступною. Положимъ, что передъ точнымъ и строгимъ голосомъ науки рѣчь эстетическаго созерцанія есть младенческій лепетъ; но вѣдь мы знаемъ изъ словъ Св. Писанія, что сокрытое отъ мудрыхъ и разумныхъ можетъ быть открыто младенцамъ. Если бы оказалось то же и въ примѣненіи къ красотѣ, то были бы восстановлены права отрицаемой и унижаемой нынѣ метафизической эстетики; потому что ея предметъ, красота, представлялся бы содержащимъ въ себѣ нѣкоторую высшую, философскую истину. И анализъ этого предмета убѣдилъ бы насъ въ томъ, что его содержаніе сводится теоретически не къ одной *иллюзіи*, а практически—не къ одной *забавѣ*; но что въ немъ, въ *чувственномъ*, и потому всѣмъ непосредственно-доступномъ видѣ, преломляется и отражается таинственная для разсудка, но ясно говорящая сердцу, высшая сила природы.

Коренная недостаточность опытно-научнаго пониманія природы заключается въ его ничѣмъ неискоренимомъ дуализмѣ *внѣшнему и внутреннему, вещественнаго и психическаго*. Сама опытная наука и не задается попыткою разрѣшить этотъ дуализмъ, но относится къ нему просто, какъ къ факту. Но попытки такого разрѣшенія дѣлаются нерѣдко, хотя не самую опытною наукою, а тою философіею, которая вращается въ области опытнаго пониманія природы, то-есть философіею матеріализма и спиритуализма. Однако, всѣ такія попытки въ концѣ концовъ оказываются неудачными. Матеріализмъ, стремящійся вывести *душу* изъ *вещества*, не можетъ объяснить, какимъ образомъ *внѣшнее, объективное*, можетъ стать *внутреннимъ, субъективнымъ*, проникнуться *чувствомъ, мыслию, сознаніемъ*. Могутъ, пожалуй, сказать, что это затрудненіе возникаетъ лишь въ томъ случаѣ, если смотрѣть на всякій внѣшній, вещественный процессъ, какъ на движеніе, такъ какъ дѣйствительно непонятно, какимъ образомъ движеніе можетъ стать сознаниемъ. Но если понимать вещественную силу вообще въ смыслѣ энергіи, не сводя послѣднюю непремѣнно къ энер-

гін механической, то, повидимому, нѣтъ пренятствія подвести психическое и вещественное подъ единое общее начало, уразумѣть душу какъ особый видъ энергій, эквивалентный другимъ ея видамъ. Но очевидно, что такая эквивалентность съ внѣшними явленіями природы можетъ принадлежать психическимъ явленіямъ лишь въ ихъ *объективной* сторонѣ, то-есть поскольку они неразрывно связаны съ извѣстными внѣшними состояніями, служащими имъ какъ бы объективною оболочкою, а не въ ихъ специфической *качественности*, которая постигается лишь самонаблюденіемъ и не имѣетъ въ себѣ ничего внѣшняго, пребывающаго въ пространствѣ и времени внѣшняго міра. Кажется ясно, что считаемъ ли мы свѣтъ видомъ движенія, или же, отказываясь отъ всякаго опредѣленія его физической сущности, ограничиваемся только установленіемъ его эквивалентности съ другими явленіями. *субъективная, психическая* сторона свѣтоваго ощущенія остается для физика по прежнему внѣ этой эквивалентности. Но, быть можетъ, послѣдняя восстанавливается для физиолога, поскольку, напримѣръ, иная мѣра физиологической энергии свойственна ощущенію *зеленаго* и иная—ощущенію *краснаго* цвѣта? Размышленіе показываетъ, что это качественное различіе опять таки стоитъ *внѣ* счета, ибо такое различіе энергій принадлежитъ лишь *внѣшнему, нервному* процессу, сопряженному съ ощущеніямъ, — и эта истина опять-таки стоитъ совершенно твердо, независимо отъ того, понимаемъ ли мы нервный процессъ, какъ движеніе, или даемъ ему какое-либо иное истолкованіе ¹⁾.

¹⁾ Для распространенія на душевные явленія начала сохранения энергій въ общепринятомъ его видѣ требуется, чтобы они въ какомъ-либо *мѣстѣ* соприкасались съ явленіями внѣшней природы, то-есть имѣли существованіе въ ея, объективномъ, пространствѣ. Но такое существованіе можетъ принадлежать лишь объективнымъ коррелятамъ душевныхъ состояній, а не имъ самимъ, какъ таковымъ. Возможно, конечно, что задѣтныя распространенія на душу начала сохранения энергій возразятъ, что понятие „соприкасанія“ само нуждается въ расширеніи, такъ какъ самая способность наполненія пространства есть одна изъ видовъ энергій, и стало быть, мыслимы другіе ея виды, безпространственные, относительно которыхъ „соприкасаніе“ и „мѣсто“ должны быть понимаемы лишь въ смыслѣ переносомъ. Но все же, и при такомъ предположеніи, остается различіе субъективнаго и объективнаго, перваго, какъ существующаго лишь для меня, и втораго, какъ существующаго для всѣхъ. Несомнѣнно, что начало сохранения энергій имѣетъ значеніе *объективное*. Слѣдовательно, если между субъективными и объективными состояніями совершается обмѣнъ энергій, то субъективные состоянія не только субъективны, но имѣютъ объективную сторону, кою

Равнымъ образомъ, и вещество не можетъ быть сведено на душу. Въ исторіи философіи были двоякія попытки такого сведенія. *Берклей*, исходя изъ того положенія, что всякое бытіе есть бытіе воспринимаемое (*esse=percipi*), заключалъ отсюда, что вещество цѣликомъ разлагается на наши ощущенія, и что, слѣдовательно, вещества, какъ такового, нѣтъ, но существуютъ одни духи. Но такъ какъ и душа, согласно такому взгляду, можетъ существовать, лишь посколькѣ она воспринимается, то души при этомъ также не оказываются, какъ и вещества, а оказываются одни ощущенія, какъ элементы всего существующаго. Объединеніе вещественнаго и психическаго дѣйствительно достигается, но такимъ путемъ, который, уничтожая то и другое, дѣлаетъ непонятными самыя явленія вещественной и психической природы. А именно, такъ какъ ощущеніе существуетъ только для *меня*, то становится непонятною *общая среда* между мною и *тобою*; ибо если даже допустить, что мы устроены такъ, что при извѣстныхъ условіяхъ возникаетъ согласіе между нашими ощущеніями, то все же остается непонятнымъ, какимъ способомъ мы можемъ убѣдиться въ этомъ согласіи, если каждый изъ насъ безусловно ограниченъ кругомъ своихъ собственныхъ ощущеній. При такомъ возрѣніи *ты* для *меня* и *я* для *тебя* суть не болѣе, какъ совокупности,—для *меня моихъ*, для *тебя твоихъ* ощущеній; то-есть каждый изъ насъ совершенно замкнутъ въ самомъ себѣ и о другихъ, отличныхъ отъ себя, существахъ ничего не знаетъ. Достоверно существую лишь *я*. а прочіе субъекты, если даже предположить ихъ существованіе, находятся внѣ всякаго общенія со мною, ибо нѣтъ никакой общей среды, которая бы насъ связывала. Итакъ, внѣшняя природа при этомъ не объясняется, а просто отрицается. Но не менѣе того отрицается и внутренняя природа или душа. Допустимъ, что мы безпрекословно и съ полною послѣдовательностью приемъ такое

вступаютъ въ общеніе съ состояніями внѣшней природы. До послѣдняго времени эту объективную сторону душевныхъ состояній называли *веществомъ*, именно, въ частности, веществомъ *мозга*. Нынѣ возникло стремленіе растворить понятіе вещества въ понятіи энергіи. Если такое стремленіе увѣнчается полнымъ успѣхомъ, то единственнымъ *объективнымъ* субстратомъ всей природы окажется *энергія*; при этомъ условіи сказать, что *есть* психическая энергія, будетъ то же самое, что сказать, что душѣ свойственъ объективный субстратъ, комъ она участвуетъ въ общемъ процессѣ обмѣна энергіи; то-есть въ концѣ концовъ сохраненіе энергіи окажется, по прежнему, принадлежностью не души, какъ таковой, въ ея субъективномъ существованіи, а лишь ея объективнаго обнаруженія въ объективной же природѣ.

положеніе: *существуютъ лишь мои собственныя субъективныя состоянія*. Если эти состоянія *субъективны*, то, значить, есть *субъектъ* или я, которому они даны. Но субъектъ не можетъ возникнуть изъ *сложенія* отдѣльныхъ субъективныхъ состояній, потому что при этомъ оказывалось бы, что каждое такое состояніе первоначально *не субъективно*, что противорѣчить условію. Итакъ, для того, чтобы существовало я, необходимо, чтобы оно изначала присутствовало при данныхъ ему состояніяхъ. Въ какомъ же видѣ можетъ оно присутствовать? Если въ качествѣ *имманентнаго* элемента каждаго отдѣльнаго состоянія, то-есть такъ, что каждое отдѣльное состояніе обладаетъ своимъ особымъ субъектомъ, то мое я окажется суммою множества я, суммою такого ихъ числа, сколько есть отдѣльныхъ моихъ состояній. Каждое изъ этихъ я, какъ таковое, погружено исключительно въ себя и ни въ какое общее съ другими я вступать не можетъ, такъ какъ никакой *общей* связующей ихъ среды, какъ сказано, нѣтъ. Слѣдовательно, какъ же могутъ эти я сложиться въ общій непрерывный потокъ сознательной жизни, образовать одинъ *общій* субъектъ? И такъ, при этомъ предположеніи, существованіе меня, какъ единой *души*, непонятно. Отринувъ вещество, мы отринули и душу, и вмѣсто объединенія ихъ погрузились въ полный философскій нигилизмъ. Для того, чтобы, отрицая вещество, сохранить душу, какъ объединяющее начало представляется, такимъ образомъ, необходимымъ понимать мое я не какъ результатъ сложенія отдѣльныхъ субъективныхъ состояній, но какъ нѣчто самостоятельное и единое, данное *вмѣстѣ* съ совокупностью этихъ состояній, но изъ нихъ не происходящее. Однако, при такомъ предположеніи, также не получается никакой выгоды отъ разбираемаго теперь спиритуалистическаго взгляда на смыслъ объединяющемъ явленія вещественнаго и духовнаго міра. Природа понимается при этомъ, какъ рядъ субъективныхъ состояній, предстоящихъ нѣкоторому, данному вмѣстѣ съ ними, но ни въ чемъ съ ними внутренне не связанному и ничѣмъ не управляющему субъекту; то-есть тотъ дуализмъ, который первоначально данъ между *веществомъ* и *душою*, восстанавливается въ равной силѣ въ сферѣ моей субъективной жизни между отдѣльными состояніями этой жизни и мною, какъ субъектомъ. Задачею спиритуализма было вывести или объяснить вещество изъ души. Но превративши послѣднюю въ чисто-формальное начало, какимъ представляется мое я, онъ ничего вывести изъ него не можетъ и поэтому, говоря: „вещество есть лишь мое ощущеніе“, самое это „ощущеніе“ оставляетъ въ прежней отдѣльности и независимости отъ „меня“. Какое же оно *мое*, когда ни

происхожденіемъ, ни теченіемъ его мое я не управлять? Сказать ли, что вещественный міръ есть извѣстный порядокъ *атомовъ*, или что онъ есть извѣстный порядокъ *ощущеній*, для меня все равно, коль скоро этотъ порядокъ есть въ отношеніи *меня* нѣчто внѣшнее, независимое и непоятное.

Для спиритуализма, коль скоро онъ имѣетъ въ виду объяснить или вывести вещество изъ начала духовнаго, необходимо поэтому понимать послѣднее начало не какъ только познающее или содержащее, но какъ дѣятельное, производящее. Начало этого взгляда было положено въ новой философіи *Лейбница*, по которому всѣ вещи состоятъ изъ *монадъ*, особой психической природы, одаренныхъ способностью стремленія и самодѣятельно производящихъ изъ себя все свое содержаніе.

Но полного расцвѣта динамическій спиритуализмъ достигъ въ послѣ-кантовской философіи, приобрѣта наибольшую популярность въ ученіяхъ *Шопенгауэра* и *Гартмана* о *воли*, какъ о единственной *силѣ*, производящей не только духовныя, но и вещественныя явленія. Это ученіе дѣйствительно разрѣшало бы задачу принципиальнаго объединенія вещества и духа, если бы терминъ „воля“ въ данномъ случаѣ хотя что-нибудь объяснялъ. Но внутренній опытъ не указываетъ намъ, чтобы „воля“, то-есть сознаваемое вами состояніе усилія, *производила* хотя какое-либо явленіе нашей души, не говоря уже о томъ, что самая природа „сознанія усилія“, то-есть: есть ли это состояніе сознанія простое или сложное, основное или производное, психологію еще далеко не выяснена, да и неизвѣстно, будетъ ли она когда нибудь выяснена. Поэтому, если въ области прямаго наблюденія надъ волею мы не усматриваемъ въ ней никакой производящей силы, то непоятно, чего же достигаемъ мы, когда, перенося понятіе „воли“ на внѣшнюю природу, объявляемъ, что всякая ея сила не что иное, какъ воля. Вещество съ его явленіями остается при этомъ при прежней необъясненности, и разрѣшеніе дуализма внѣшней и внутренней природы получается лишь кажущееся, словесное.

Такимъ образомъ всѣ попытки объединить понятіе природы въ общемъ для вещества и души началъ на основаніи категорій, почерпнутыхъ изъ опыта, не приводятъ къ удовлетворительному результату.

И однако, мышленіе предъявляетъ требованіе объединяющаго взгляда на природу, постиженія такой ея *причины*, которая порождала бы и вещество, и душу. Ибо если нѣтъ такой общей причины, то нѣтъ и *дѣйствительной* связи между вещами и душами, нѣтъ

никакого между ними взаимодѣйствія, а слѣдовательно, непонятна и самая *чувственность*, которая есть результатъ такого взаимодѣйствія. Опытное пониманіе природы, исходя отъ факта ея чувственного воспріятіе, приводитъ къ *непонятности* этого факта, стало быть, оставляетъ непонятнымъ возможность самого этого пониманія. Для того, чтобы понять возможность чувственности, необходимо понять возможность перехода вещественнаго въ духовное; но при рѣзкомъ дуализмѣ, устанавливаемомъ между ними опытною наукою, такая возможность непонятна; и слѣдовательно, пониманіе природы *этою* наукою не удовлетворяетъ высшему требованію мышленія.

Намъ могутъ возразить, что взаимодѣйствія между вещами и душами, быть можетъ, и нѣтъ, но существуетъ лишь параллелизмъ или соотвѣтствіе между вещественными и психическими процессами природы, вслѣдствіе котораго состоянія вещества отражаются въ душѣ и наоборотъ. Это ученіе, носящее названіе *окказіонализма*, было высказано уже давно; и дѣйствительно, для опытной науки много рѣшенія занимающаго насъ теперь вопроса не можетъ и быть. Но именно такая необходимость этого рѣшенія и доказываетъ, что *надъ* опытнымъ пониманіемъ природы должно стоять ея высшее, умозрительное пониманіе. Положимъ, что вещи и души такъ приспособлены однѣ къ другімъ, что, безъ всякаго между ними взаимодѣйствія, въ душахъ возникаютъ образы вещей, а движенія вещей выражаютъ собою воленыя состоянія душъ. Но этотъ порядокъ, проникнутый столь удивительною цѣлесообразностью, не свидѣтельствуетъ ли о разумной цѣлесообразности всего строя природы, то-есть о *высшемъ началѣ*, общемъ и вещамъ и душамъ и управляющемъ ими? А это высшее начало очевидно не составляетъ предмета опыта. Такимъ образомъ попытка укрыться подъ сѣнь *окказіонализма* прямо приводитъ насъ отъ опытнаго пониманія природы къ ея *умозрительному* пониманію, какъ *единою цѣлюю*.

Несомнѣнно, что признаніе высшаго начала, объединяющаго вещество и душу, есть необходимое требованіе нашей мысли. Несомнѣнно также, что это требованіе *неисполнимо* въ предѣлахъ и средствахъ *нашею опытною знаніемъ*. Такое высшее пониманіе природы можетъ быть лишь *умозрительнымъ*, въ *идеѣ*, то-есть совершаться чрезъ понятія, въ которыхъ совершенно отвлечено отъ всякаго опытнаго содержанія, отъ всего воспринимаемаго и представляемаго. Это пониманіе можетъ быть раскрыто лишь въ *результатѣ* философствованія о природѣ, а не выставлено предварительно, какъ нѣчто готовое и окончательное. Находя, поэтому, что *изложеніе идеи природы* было

бы преждевременно и не обосновано, мы можем, однако, установить *чисто формальныя*, не касающіяся содержанія понятій, отношенія природы, понимаемой съ высшей точки зрѣнія, къ свойству *красоты*. Это отношеніе, съ одной стороны, повидимому, еще отдаленнѣе, чѣмъ отношеніе къ красотѣ природы въ ея опытно-научномъ опредѣленіи. Хотя вещи и души, какъ таковыя, не прекрасны, но все же онѣ характеризуются чувственными свойствами, и въ этомъ смыслѣ созерцаніе ихъ родственно содержанію нашего эстетическаго содержанія. Природа же, какъ предметъ умозрѣнія, мыслимая въ ея *идеѣ*, лишена всякой чувственной представимости, стало быть, даже отдаленнаго подобія съ чѣмъ-либо, что мы именуемъ красотою. Поэтому, умозрительное пониманіе природы, повидимому, еще далѣе отъ эстетическаго ея пониманія, чѣмъ пониманіе опытное. Но ближайшее изслѣдованіе вопроса обнаруживаетъ неправильность такого заключенія.

Прежде всего надлежитъ имѣть въ виду, что идея *природы* не есть идея Бога. Бога мы мыслимъ, какъ безусловно-первое, въ которомъ, поэтому, и все содержаніе вполнѣ обосновано въ Немъ же самомъ. Природа же, какъ произведеніе Бога, имѣетъ содержаніе. Имъ обоснованное, а въ отношеніи къ природѣ *данное* ей. Слѣдовательно, и тогда, когда мы мыслимъ природу не такъ, какъ она представляется нашему опыту, а такъ, какъ она есть *сама въ себѣ*, мы мыслимъ ее все же съ нѣкоторымъ *даннымъ* въ ней содержаніемъ, какъ бы съ нѣкоторою первичною ея *чувственностью*, хотя для насъ и не представимою. Здѣсь открывается извѣстная аналогія съ красотою, хотя и не дающая намъ права сказать, что природа въ себѣ, въ своемъ умопостигаемомъ содержаніи, прекрасна, но позволяющая намъ утверждать, что въ эстетическомъ созерцаніи мы имѣемъ нѣкоторое подобіе того, какъ относится природа въ себѣ къ данному въ ней содержанію.

Далѣе, считая теперь невозможнымъ излагать самое содержаніе идеи природы, мы можемъ, однако, сказать, что въ этомъ содержаніи долженъ разрѣшаться тотъ дуализмъ вещества и души, вслѣдствіе котораго красота опытныхъ предметовъ оказывается не ихъ собственною принадлежностью, а лишь внѣшнимъ покровомъ, наложеннымъ на нихъ нашимъ созерцаніемъ. Слѣдовательно, умопостигаемое въ идеѣ содержаніе природы мыслится нами какъ возвращеніе къ той непорознечности вещественнаго и психическаго, которая составляетъ основной атрибутъ красоты. Въ созерцаніи красоты дано какъ бы предварительное предчувствіе той истины единства вещественнаго и психическаго, къ которой мы затѣмъ приходимъ умозрительно. Та-

квѣмъ образомъ, въ этомъ отношеніи, эстетическое созерцаніе, хотя еще въ примитивномъ и невыработанномъ видѣ, содержитъ въ себѣ больше истины о природѣ, чѣмъ послѣдующее опытное знаніе.

Итакъ мы приходимъ теперь къ слѣдующему выводу: въ красотѣ мы имѣемъ дѣло съ еще непорозненнымъ на вещество и душу, цѣлостнымъ образомъ природы; это воззрѣніе на природу разлагается опытнымъ знаніемъ, для котораго природа есть совокупность вещей и душъ, а красота есть субъективный миражъ, возникающій чрезъ созерцаніе вещей душами; затѣмъ, умозрительное пониманіе природы восстанавливаетъ ея цѣлостность, уже какъ окончательную, и обнаруживается, поэтому, такой смыслъ красоты:

Красота есть чаемая и любимая нами, въ чувственномъ образѣ природы, ея сверхчувственная цѣлостность.

Какое же заключеніе вытекаетъ изъ сказаннаго о мѣстѣ эстетики, какъ науки о прекрасномъ, въ кругу прочихъ наукъ? Мы уже говорили о возможности двухъ направленій въ эстетикѣ: *психологическаго* и *метафизическаго* (философскаго). На основанія полученныхъ нами выводовъ мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что эти два направленія должны находиться не въ отношеніи *антагонизма*, а въ отношеніи *правильнаго подчиненія*, именно подчиненія психологическаго направленія, какъ низшаго, метафизическому направленію, какъ высшему. Задачи психологической эстетики совершенно законны и выполнение ихъ необходимо. Психологія въ правѣ и обязана изслѣдовать тѣ душевныя состоянія, которыя составляютъ собою эстетическое созерцаніе, а также являются его результатами, и чѣмъ болѣе будетъ произведено въ этомъ направленіи опытныхъ изслѣдованій, тѣмъ болѣе будетъ пользы для науки, для художественной техники и для эстетическаго воспитанія. Но эти изслѣдованія все же не даютъ ключа къ самому *понятію* красоты и къ вполне обоснованной, принципиальной ея оцѣнкѣ, такъ какъ *высшая истина* красоты и смыслъ влекущей насъ къ ней *идеальной цѣли* находятся *надъ* областью опытнаго знанія и для него непонятны и недоступны. Поэтому, въ высшемъ своемъ значеніи эстетика должна быть наукою метафизическою, какою она и была у лучшихъ своихъ представителей.

Обращаясь теперь къ вопросу о томъ, какое мѣсто должно принадлежать эстетикѣ въ системѣ *философскихъ* наукъ, мы, не вдаваясь въ критику существующихъ на этотъ предметъ разнообразныхъ взглядовъ, постараемся выяснитъ его въ связи съ сказаннымъ выше о *понятіи* красоты. Если, какъ мы старались выяснитъ, въ красотѣ дана—въ формѣ *чаянія*—нѣкоторая *истина о природѣ*, то мѣсто эсте-

тики, какъ науки о красотѣ,—въ *системѣ философіи природы*; и именно, въ этой системѣ эстетика составляетъ *первую* часть. Въ поясненіе и оправданіе сказаннаго я позволю себѣ привести слѣдующія соображенія.

Философія, какъ наука о *сущемъ* въ широкомъ значеніи этого слова, то-есть не только о безусловно-сущемъ, но и объ условно-сущемъ (поскольку послѣднее приводится къ первому, какъ къ своему источнику), разсматриваетъ сущее въ *трехъ* послѣдовательно развивающихся въ мышленіи его опредѣленіяхъ. Во-первыхъ, она разсматриваетъ сущее въ его цѣлостномъ, еще не порознненномъ мыслию видѣ, относится къ сущему *положительно*, не вводя въ его понятіе никакихъ моментовъ различія и отрицанія: въ этомъ смыслѣ сущее я обозначаю терминомъ *сущность*. Во-вторыхъ, такъ какъ требованіе мышленія состоитъ въ проникновеніи въ его предметъ, что предполагаетъ различеніе предмета по его элементамъ, ихъ противоположеніе одного другому, выражающееся логически функціею *отрицанія*, то мышленіе совершаетъ анализъ, раздѣленіе понятія сущаго, отличая въ немъ *постоянное* отъ *измѣнчиваго*, первое какъ *субстанцію*, второе—какъ ея *модусы*, возникающіе черезъ *процессъ* ея измѣненія. Въ-третьихъ, мышленіе возстановляетъ первоначальное единство сущаго, но уже не какъ непосредственное, чуждое всякаго различія, а какъ преодолевшее, примирившее въ себѣ различія, какъ членораздѣльный, многообразный и вмѣстѣ цѣлостный организмъ, объединенный понятіемъ *причиняющей, производящей силы*. *Сущность, субстанція* съ процессомъ ея *модификаціи* и дѣятельная, *всесвязующая и всепроизводящая сила*—таковы тѣ ступени, по которымъ мышленіе развиваетъ или изслѣдуетъ понятіе сущаго.

Такая же послѣдовательность частей должна принадлежать и *системѣ философіи природы*. *Содержаніе* понятія природы доставляется чувственностью, но мышленіе стремится внести въ это содержаніе начала ума, возвести понятіе природы къ ея *идеѣ*, то-есть понять ея чувственный строй, какъ порожденіе или произведеніе сверхчувственной силы. Эта сила составляетъ то *сущее*, которое должно быть постигнуто мыслию за многообразіемъ чувственнаго содержанія природы, какъ высшее, основное единство и дѣйствительная связь этого содержанія, и постигнуто по тѣмъ же ступенямъ, какія вообще существуютъ для мысли при изслѣдованіи сущаго. На первой ступени это содержаніе открывается мысли въ своей непорознненности, въ которой субъектъ еще погруженъ въ объектъ и слить съ нимъ, вещество не отдѣлено отъ духа, воля не заявляетъ своихъ стремленій за полнымъ

удовлетвореніемъ чувства въ чувственномъ воспріятіи: эта ступень есть ступень *эстетическаго созерцанія*, ступень отношенія къ природѣ, какъ къ *прекрасной*. Вторая ступень есть ступень необходимо возникающаго *анализа* и *борьбы* въ природѣ. Непосредственная ея цѣлостность разлагается въ процессъ многообразныхъ модификацій ея элементовъ (субстанцій), вещественныхъ и психическихъ, составляющихъ для мышленія какъ предметъ теоретическаго изслѣдованія (въ опытной наукѣ), такъ и предметъ выработки практическаго руководства для воли въ ея состязаніи съ природою (въ руководимой этою наукою технической и общественной дѣятельности).

Въ результатѣ такого отношенія къ природѣ получается извѣстная система *законовъ* и *правилъ*, служащая для предвидѣнія явленій природы и для наставленія въ томъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать при ихъ наступленіи. Но—какъ и было объяснено выше—цѣлостнаго и единаго взгляда на природу, а стало быть и на положеніе въ ней чловѣка, при этомъ получиться не можетъ, такъ какъ произведенный этимъ путемъ анализъ природы не восходитъ къ ея сверхъопытнымъ началамъ, къ той *дѣйствительной* силѣ, которая производитъ и связываетъ ея явленія. Отсюда возникаетъ необходимость *третьей*, заключительной и высшей части философіи природы, которая и составляетъ эту философію въ тѣсномъ значеніи такого слова, и которая разрѣшаетъ въ себѣ противоположность первыхъ двухъ частей—воззрѣнія на природу, какъ на цѣлостную, и пониманія элементарной связи и законмѣрности ея процессовъ.

Итакъ, эстетика есть *первая* часть философіи природы, разсматривающая ее по категоріи *непорознennaю еще ея единства* или *сущности*. *Сущность природы, открывающаяся чрезъ любовное созерцательное въ нее погруженіе, и дана намъ въ красоту*, а наука, нѣбущая это погруженіе предметомъ своего познанія и размышленія, есть *эстетика*.

Красота, какъ чувственное чаяніе сверхъчувственнаго. какъ сущность природы, постигаемая чрезъ непосредственное чувственное ея созерцаніе, заключаетъ въ себѣ какъ бы въ невыясненномъ, не раскрышемся для мысли видѣ, какъ бы въ намекахъ для нея, всю совокупность познанія о природѣ. Именно это обстоятельство и дѣлаетъ столь трудною науку о красотѣ. Чѣмъ болѣе наша мысль погружается въ изслѣдованіе красоты, тѣмъ болѣе поражаемся мы обиліемъ и глубиною даннаго въ послѣдней содержанія; но это содержаніе даво не въ ясно-очерченныхъ, отчетливыхъ понятіяхъ, а въ намекахъ для мысли, сливающихся въ своихъ границахъ и ускользящихъ отъ точ-

наго опредѣленія. Если красота есть *радость* для созерцанія, то она есть *мѹка* для мысли, потому что она всесторонне возбуждаетъ ее и не даетъ ей удовлетворенія. А такъ какъ всякій человѣкъ не только созерцаетъ прекрасное, но и мыслить о немъ, то для всего человѣческаго духа въ его совокупности оно одновременно есть источникъ и полного насыщенія и ненасытимой жажды. Природа является намъ въ красотѣ и наивнымъ младенцемъ, дающимъ открытый и полный отвѣтъ, и вѣчнымъ сфинксомъ, стоящимъ передъ нами, какъ не разрѣшенная загадка.

Загадка красоты не только *не разрѣшена* для ея *мыслящаго* созерцанія, но она *въ своей полнотѣ* вообще *неразрѣшима* и для *умозрѣнія*. Вполнѣ разрѣшить эту загадку умозрительно значило бы *построить, создать* красоту изъ сверхчувственныхъ началъ или элементовъ природы. Но такой силы наше умозрѣнiе не имѣетъ; оно *постигаетъ* эти начала въ ихъ *идеѣ*, но не имѣетъ силы превратить ихъ *идеальное бытiе* въ *чувственное существованiе*. И, однако, такое превращенiе, недостижимое для мысли, *фактически дано намъ въ созерцанiи*. Поэтому наше мышленiе стоитъ предъ красотой не только какъ предъ *низшею* сравнительно съ нимъ ступенью въ познанiи природы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ предъ *чѣмъ то высшимъ и таинственнымъ*.

Красота есть для мысли *великая тайна природы*, такъ какъ въ красотѣ таинственною и сокровенною для насъ силою *сверхчувственное созерцается чувственно*. Она влечетъ мышленiе въ неизслѣдимую для него глубину. Но эта глубина *ясна, свѣтла и прозрачна* для созерцанія. Поэтому именно въ прекрасномъ мы находимъ законную область *мистики*, требованiе которой — „не только мысли, но *созерцай* сверхчувственное“ — исполняется единственно въ созерцанiи красоты. Только нужно имѣть въ виду, что это созерцанiе имѣетъ своимъ предметомъ не Бога, а природу. Правильнѣе, впрочемъ, сказать, что поскольку основное начало и вѣчная тайна природы заложены также въ Богѣ, это созерцанiе имѣетъ своимъ предметомъ *откровенiе Бога въ природѣ и чрезъ природу*.

Поэтому, окончательное опредѣленiе красоты таково:

Созерцанiе красоты есть мистическое погруженiе въ сущность природы.

Н. Г. Дебольскiй.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Шведскій фольклоръ въ Финляндіи.

„*Nyland*“. Samlingar utgifna af Nyländska afdelningen: I т. Samlingar af ord ur nyländska allmogemålet ordnade af *H. Vendell* 1884 г. (284 стр.). II т. Nyländska folksagor, ordnade af *G. A. Åberg*, 1887 г. (453 стр.). III т. Nyländska folkvisor, ordnade och utgifna af *E. Lagus*, 1887 г. (404 стр.). IV т. Nyländska folkseder och bruk, vidskepelse m. m. framställda af *A. Allardt*, 1889 г. (140 стр.). V т. Nyländska folkvisor, ordnade och utgifna af *E. Lagus*, 1893 г. (208 стр.). VI т. Nyländska folksagor och-sågner, ordnade af *A. Allardt* och *S. Perklén*, 1896 г. (326 стр.).

Землячество нюландскихъ студентовъ задалось цѣлью собрать фольклоръ своей родины и издать его подъ общимъ заглавіемъ „*Nyland*“. Уже раньше въ альбомахъ даннаго землячества появлялись фольклористическія статьи и обнаруженія. Въ томъ же духѣ дѣйствуетъ съ 1885 г. Шведское Литературное Общество въ Гельсингфорсѣ. Также приходилось пользоваться рукописною бібліотекою Общества для изученія шведскихъ говоровъ (*Landsmålsföreningen*). *Nyland*'а вышло уже шесть томовъ, составленныхъ и напечатанныхъ весьма добросовѣстно: къ пѣснямъ приложенъ всегда мотивъ, въ сказкахъ сохраненъ мѣстный говоръ. Первый томъ обнимаетъ словарь нюландской рѣчи, одинъ томъ (IV) отведенъ на обряды и повѣрья, два (III и V) на пѣсни, балладныя, любовныя, матросскія, хороводныя и др. и, наконецъ, на сказки и преданія два большихъ тома (II и VI).

Уже издревле побережье Финскаго и Ботническаго заливовъ, Аландскіе острова и шеры заселены скандинавами, которые, по свидѣ-

тельству епископа Микаэля Агриколы, жившаго въ первой половинѣ XVI вѣка и переведшаго Новый Заветъ на финскій языкъ, родственны съ жителями острова Готланда. Они выработали говоръ, допускающій много весьма любопытныхъ сближеній съ древнесеверною рѣчью, и сохранили фольклоръ, примыкающій къ общимъ всѣмъ германскимъ племенамъ повѣрьямъ и преданіямъ. Когда произошло ихъ переселеніе, до сихъ поръ не удалось установить хотя бы только приблизительно, но во всякомъ случаѣ, судя по раскопкамъ и по разбору мѣстныхъ названій, приходится отнести это событіе ко временамъ дохристіанскимъ и даже доисторическимъ. Извѣстный археологъ Монтелиусъ въ публичной лекціи, читанной въ Гельсингфорсѣ 7-го апрѣля 1897 г., неоднократно указывалъ на то, что многія находки, и при томъ самыя древнія, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ отличаются отъ скандинавскихъ орудій и тѣмъ наводятъ на мысль о самостоятельномъ развитіи въ Финляндіи шведской культуры въ очень древнюю пору. Одно названіе той мѣстности, съ фольклоромъ которой я имѣю въ виду познакомить читателей, показываетъ также, что шведы нашли ее неприспособленною къ посѣву; это и есть Nyland-Neuland, новина. Этнографическая область Nyland простирается отъ Hangö-скаго мыса вплоть до устьевъ рѣки Кулямене прибрежною полосой въ 2—3 мили шириной, которая городомъ Гельсингфорсомъ дѣлится на двѣ части, восточную и западную.

I.

О нюландскихъ пѣсняхъ.

Въ народномъ пѣснопѣніи Nyland'a, по моему предположенію, наблюдаются два довольно различныхъ направленія: однѣ пѣсни принадлежатъ къ исконному достоянію народа, служатъ его развлеченіемъ въ часахъ досуга, на работѣ, на игрищахъ; другія сочинены въ сравнительно очень недавнюю пору и „обнародовались“ благодаря письменной или устной передачѣ отъ автора ко второму, третьему и другимъ лицамъ. Первая болѣе повѣствовательнаго содержанія и исполнялись при содѣйствіи хора, вторыя—изліянія личныхъ чувствъ, жалобы на невѣрность возлюбленной или на горести разлуки, и уже изъ этого обстоятельства ясно, что хору негдѣ было отвести мѣста. Такъ какъ хоровое начало выражалось въ припѣвѣ, то большая часть пѣсенъ первой группы и надѣлена припѣвомъ (или нѣсколькими при-

пѣвами), изъ которыхъ мы и узнаемъ, при какихъ случаяхъ вообще пѣлись пѣсни. Повѣтно, прежде всего, когда послѣ тяжелаго рабочаго дня парни и дѣвушки сходились для взаимнаго развлечения. На то—лаконическій припѣвъ: Och de lekte—а они играли (III стр. 97). На танцы указываетъ припѣвъ: Och jänka du och jänka jag och jänka trallallej (III, стр. 367). Глаголь „jänka“ означаетъ собственно „улаживать“, но подъ этимъ же словомъ понимается и танецъ (см., впрочемъ, V стр. 81). Или, проще, хоръ подхватываетъ: Такъ сноемъ-те!—Sen sjungom vi alla fallerallera! (III, стр. 367). Если спросить, гдѣ происходило все это веселье, то на это отвѣтитъ припѣвъ: I lunden—въ рощѣ! (III, стр. 93), или еще точнѣе: Alt under den gröna lunden—подъ зеленою липой! (III, стр. 114). Роща служитъ также мѣстомъ тайнаго свиданія, и часто не простая, а „розовая“; липа же, особенно въ нѣмецкихъ пѣсняхъ, неразлучный другъ всѣхъ влюбленныхъ, и въ одной балладѣ (III, стр. 95) оказывается даже заколдованною красавицей. Въ лѣсу приходится не только плясать, но и работать; и вотъ дѣвица, „скорбящая подобно птицѣ, которой стрѣлокъ подстрѣлялъ супруга“, работая въ рощѣ, припѣваетъ: Jag bryter löf och bäddar, lägger mig därpå—я рву листву и стелю, ложусь на ней! (III, стр. 263). Молодежь, живущая у берега или въ шерахъ, рѣзвлась не только въ лѣсу; совершая долгія поѣздки по морю, отправляясь, напримѣръ, каждое воскресенье съ отдаленнаго острова въ церковь, весело было, подъ однообразный стукъ веселья, затянуть лихую пѣсенку. Такъ сложились припѣвы: Hej, ro i land — эй, гребни къ берегу! (III, стр. 378):

Halli och hallå :/:
Till stranden vi segla.

Halli och hallå :/:

Vi segla och vi ro.

(III, стр. 365 1)).

Если обратимся ко второму типу пѣсенъ, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы прямо сможемъ указать на опредѣленнаго автора. Такъ № 95 (III, стр. 202) сочиненъ молодою дѣвушкой въ Снаппертунѣ въ 1855 г.; № 204 (III, стр. 341) двумя моряками изъ Ловизы въ 1871 г. Или же авторъ охраняетъ право литературной собственности, влетая свое имя въ акростихъ, часто нарушаемый послѣдующей традиціей. Изъ начальныхъ буквъ каждой строфы (III, стр. 227) получается имя автора Oskar Rosén и (III, стр. 189) Erik Lindkvist (строфа 4—16).

1) Сл. *Steenstrup*, *Vore Folkeviser fra Middelalderen* 1891 г., стр. 75 и сл.

Если подобныя указанія въ пѣснѣ иногда и ставовятся типичнымъ мѣстомъ, то это не должно смущать насъ: хотя мы лишены ключа для отысканія автора, тѣмъ не менѣе относительно происхожденія пѣсни не можетъ быть сомнѣнія. Такъ III, стр. 149, мы читаемъ:

Gif akt på femton verser och på det första ord,
Så får ni namnet veta, hvem visan hafver gjort.
Обратите вниманіе на 15 строфъ и на первое слово,
Тогда вы узнаете имя того, кто сочинилъ пѣсню.

Но загадку эту наврядъ ли кому нибудь удастся разрѣшить. Зато просто и коротко выразился сочинитель весьма популярной и красивой пѣсни о добрыхъ мѣлодцахъ-матросахъ (III, стр. 330):

Viljen J nu veta hvem visan diktat har,
Så står hans namn så skrifvit med bokstäfver C och A
Det var den yngsta jungman, som uppå skeppet var ¹⁾.
Och denna visa lemna han åt den som sjunga kan.
Хотите ли вы знать, кто сочинилъ пѣсню:
Его имя пишется буквами С и А,
То былъ самый младшій юнгманъ на кораблѣ,
И эту пѣснь онъ оставилъ всякому, кто умѣетъ пѣть.

Въ самой пѣснѣ очень часто указывается на то, что стихотвореніе было написано и при какихъ обстоятельствахъ. Вотъ какъ начинается пѣсню авторъ подобныхъ народныхъ стиховъ:

Med ångslan sätter jag mig ner,
Att skriva några ord... (III, стр. 211).
Съ робостью я сажусь
Писать нѣсколько словъ...

Послѣдняя строфа начинается стихомъ (III, стр. 204):

Nu slutar jag min visa, jag vill ej längre skriva!
Теперь я кончаю свою пѣсню, не хочу я долѣе писать!

Въ горестномъ настроеніи то же выражается картинно (III, стр. 151):

Med tårar jag skrifer i stället för bläck,
Och ångslan har varit min penna.
Слезами я писалъ на мѣстѣ чернилъ,
И робость служила перомъ мѣ.

(Ср. III, стр. 167, 169, 208, 227 и 252).

¹⁾ Вариантъ:

Det var en hurtig sjöman, som segla på salt vand
То былъ лихой морякъ, плавающій по соленому морю.

Переходъ отъ комнатнаго стихотворства къ живому пѣснопѣнію намѣчается въ строкахъ:

Nu har jag visan *sjungen*,
 Den själf jag *diktat* har... (III, стр. 186).
 Теперь мною *спѣта* пѣсня,
 Которую я самъ *сочинила*...

Распространеніе и дальнѣйшее развитіе среди народа такого продукта личнаго творчества предусматриваетъ слѣдующая строфа (III, стр. 370):

Sjung nu visan *hvem* som vill,
 Tag ej *ifrån*, sätt mera till!
 Det pryder den som *diktat* har,
 Jag tror den *ligger* bra.
 Пойте теперь пѣснь, кто *хочетъ*;
 Не упускайте ничего, но *прибавьте* еще!
 Это льститъ тому, кто *ее* сочинилъ;
 Я думаю, она *звучитъ* хорошо.

Передача пѣсни могла состояться или устнымъ путемъ, или посредствомъ пересылки письма. Ср. III стр., 196.

Och denna visan *skickar* uti din egen hand,
 И эту пѣснь *посылаю* въ твои собственныя руки...

Въ предыдущемъ я пытался прослѣдить различіе между двумя теченіями въ нюландскомъ пѣснопѣніи, имѣя въ виду то, что пѣсни одной группы возникли сравнительно поздно и подъ вліяніемъ школы, ббольшая часть же пѣсенъ второй окажется заходящимъ добромъ. Здѣсь мы встрѣтимъ прежде всего варианты средне-скандинавскихъ балладъ, распространенныхъ по всѣмъ сѣвернымъ странамъ, содержаниемъ которыхъ служатъ отчасти мѣстные преданія, отчасти общезвѣстные мотивы. Такимъ мѣстнымъ героемъ, пѣснь о которомъ перешла и въ Нюландъ, является Ramunder. (Ср. Arwidsson, I, стр. 116). Онъ, очевидно, низкаго происхожденія, но отличается необыкновенною силой. Встрѣтившись съ главнымъ великаномъ (*storgjätten*), онъ дернулъ его за бороду такъ, что десны отдѣлились отъ зубовъ...

Och Ramunder *rykte* i jättens *skägg*,
 Så att *tandköttet* lossa från *tänder*... (III, стр. 109).

Такой же подвигъ разказывается въ интерполяціи Орвародсаги, относимой Воег'омъ въ его большомъ изданіи (1888 г.) ко второй половинѣ XIV вѣка (стр. XIII).—Oddr борется съ Ogmund'омъ. Oddr greip þá báðum höndum i skegg honum med svá miklu affi, at hann

reif af alt skeggit ok skeggstaflun niðr at beini ok þar með alla ásjónuna með báðum vengafillunum ok svá gekk upp um ennitt ok aþr á miðjan haus ok þar skildi með því, at svörðrinn slitnaði, en Oddr hafði þat er hann helt (*Boer*, стр. 136, 24—29). „Oddr схватился обѣими руками за его бороду съ такою силою, что оторвалъ ему всю бороду и подбородокъ вплоть до костей и вмѣстѣ съ тѣмъ все лицо съ обѣими щеками и затѣмъ вверхъ по лбу и далѣе до середины черепа, и кончилось тѣмъ, что кожа треснула, а у Odd'a осталось въ рукахъ то, что онъ держалъ“. Въ такой утрировкѣ saga расписываетъ то, что баллада передаетъ парой стиховъ. Если *Schüchle* (*Svensk Literaturhist.*, стр. 371) правъ, считая эту балладу исконно норвежскою, то получается любопытное сближеніе.

Къ „общимъ“ мотивамъ относятся пѣснь о двухъ сестрахъ (III. № 7. Сл. *Islensk Fornkvæði*, I, № 13; *Arwidsson*, II, № 99; *Kristensen*, *Jyske Folkeminder*, I, № 96, и X, № 19). Старшая, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе красивою, толкаетъ въ воду младшую сестру, рассчитывая выйдти за жениха утопленною. Пѣвецъ находитъ трупъ и дѣлаетъ изъ ея груди арфу; пальцы дѣвицы служатъ ему винтами, волосы—струнами. Съ этой арфой пѣвецъ является на свадьбу старшей сестры. При первыхъ же звукахъ она блѣднѣетъ и падаетъ замертво на полъ. Этому сюжету *Köhler* посвятилъ особую статью (*Aufsätze über Märchen und Volkslieder*, стр. 79—99), въ которой онъ останавливается не только на многочисленныхъ сѣверныхъ, но и на нѣмецкихъ, сицильскихъ, польскихъ, эстонскихъ и латышскихъ вариантахъ. Къ нимъ можно еще прибавить № 938 изъ „Сборника антропологическихъ и этнографическихъ статей“ Дашкова, II т. Какъ уже отмѣтилъ *Köhler* (стр. 96) въ латышскихъ пѣсняхъ не упоминается объ убійствѣ, а лишь о несчастіи:

Ходить моя суженая
 Вдоль по рѣчкѣ припѣваючи...
 Собирая черемуховые цвѣты...
 Роняетъ золотое колечко,
 Хватаясь за колечко,
 Падаетъ сама въ рѣчку;
 Рѣка несла, но не удержала
 П повесла ее въ Гаю;
 Гаю несла, но не удержала
 И повесла ее въ море;
 Море несло, но не удержало
 И выкинуло ее на берегъ.
 На томъ мѣстѣ выросла липа,

Развѣсистая о девяти сукахъ.
 Изъ девятаго, изъ сука
 Рижскіе молодцы сдѣлали гусли;
 Играя на гуслихъ, молодцы говорятъ:
 Жалобно звучать эти гусли,
 Точно суженая одинокая.

(Переводъ у Дашкова, op. cit.).

Въ общемъ представленіе о чудесной арфѣ напоминаетъ сказочный мотивъ о поющей кости. Мнѣ думается, что содержаніе баллады могло получиться изъ контаминаціи двухъ мотивовъ. Схема перваго намѣчена въ латышской пѣснѣ: дѣвица утопаетъ, желая доставать потерянное колечко (или вѣнокъ); возлѣ ея трупа вырастаетъ дерево, изъ котораго затѣмъ готовятъ чудесный инструментъ. Въ балладѣ посредствующее звено—дерево—опущено, и къ арфѣ приспособляютъ прямо различныя части трупа. Другой мотивъ состоитъ въ ссорѣ двухъ сестеръ, въ гибели одной и въ обнаруженіи ея участи посредствомъ какого-то таинственнаго голоса, раздающагося на мѣстѣ преступленія. Замѣчу кстати, что у Кастрена (*Ethnol. Vorles.*, стр. 168—169) приводится довольно схожая сказка, записанная у самоѣдовъ. Тутъ сестра прячетъ убитую въ волчью яму, но мужъ ея, проѣзжая мимо, слышитъ плачь, и жена должна сознаться въ томъ, что это жалуется ея сестра (ср. также *Kreutzwald, Ethn. Märgch.*, стр. 12).

Изложу еще содержаніе балладъ, имѣющихъ общій мотивъ съ былинами о Садкѣ. Уже академикъ Веселовскій привлекаетъ къ сравненію морскую побѣдку Peder'a ¹⁾. Причесавшись и напудривъ волосы, Pederъ входитъ къ своей матушкѣ и спрашиваетъ, какаѣ ему предстоитъ судьбина. Мать отвѣчаетъ, что умереть онъ не на войнѣ, не дома, но пусть опасается синихъ волнъ. Несмотря на такое предвѣщаніе, Pederъ снаряжается въ путь-дорогу и строитъ корабль изъ одной пробки, мачты изъ китовыхъ костей, а вымпелъ изъ чистаго золота (III, стр. 58):

Och skeppet det byg dez utaf baraste kork,
 Och mästerna af hvalfiskeben,
 Och vimpelen skall vara utaf rödaste gull,
 Och flaggorna likaså med.

Съ этою строфой можно сравнить описаніе былинны:

Носъ-ворму кладите по-звѣрному,

¹⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. ССХѢVІІІ, стр. 269 слѣд.

Бока-то сведите по-зѣбиному,
 Машты кладите краснаго дерева,
 Блочки кладите все кизюльные,
 Капатаки кладите все шелковые...

и т. д. (Гильбердинъ, № 146).

Отѣхавъ на 500 миль, корабль останавливается. Тщетно экипажъ молится Богу. Капитанъ предлагаетъ рѣшить жребіемъ, кто изъ нихъ наибольшій грѣшникъ. Три раза подъ рядъ жребій указываетъ на Peder'a. Тогда Peder кается: „я грабилъ монастыри, сжигалъ церкви и обманывалъ дѣвицъ. Если вы достигнете берега, и моя матушка спроситъ обо мнѣ, скажите, что я служу на чужбинѣ, и что мнѣ и хорошо, и весело. И если вы достигнете берега, и моя невѣста спроситъ обо мнѣ, скажите, что я лежу на глубинѣ синнихъ водъ, и пусть она выходитъ за другаго...“. Какъ только Peder сталъ погружаться въ воду, корабль пошелъ, развѣваясь по синимъ волнамъ.

Такое же несчастье случается и въ той балладѣ, гдѣ невѣста ѣдетъ на свою свадьбу, къ жениху, черезъ Аландское море. Она приказываетъ выбросить за бортъ гнѣдаго коня съ сѣдломъ изъ золота, золотой ларчикъ и корону, но всѣ драгоценности всплываютъ на поверхности. Тогда дѣвица видитъ, что нѣтъ другаго исхода, а нужно умереть. Передъ смертью она шлетъ жениху столько „добрыхъ утръ“, сколько лилій растутъ въ розовой рошѣ, и столько „добрыхъ ночей“, сколько на небѣ звѣздъ (III, № 38). Въ первой балладѣ о Peder'ѣ сразу начинаютъ метать жребій, кому броситься въ воду, въ другой о погибающей невѣстѣ сперва думаютъ умилостивить морскаго владыку дорогими дарами. Въ былинѣ о Садкѣ соединены и тотъ и другой моментъ:

А ѣ какъ тутъ дружина да хоробрая
 А ѣ какъ брали бочку сороковку краснаго золота,
 А мѣтали бочку въ синѣ морѣ.
 А ѣ какъ все волной-то бьетъ, паруса-то рветъ,
 А ѣ ломать черны карабли да на синѣмъ мори,
 Всѣ не ѣдутъ съ мѣста карабли да на синѣмъ мори.

Тогда бросаютъ другую бочку „чистаго сѣребра“ и наконецъ „третью бочку да крупнаго мелкаго скатнаго жемчугу“. Когда и тутъ „не ѣдутъ съ мѣста карабли“, то Садко говорить:

„А, видно, Морской-то Царь требуе какъ живой головы у насъ въ синѣ морѣ.

Ай же ты, дружина хоробрая!

Часть СССХУШ (1908, № 8), стр. 2.

А ѿ возьмите-тко, ужъ какъ дѣлайте

А ѿ да жеребья да себѣ волжаны...“

(Гильбердингъ, № 70, стр. 392).

Вчитываясь въ балладную поэзію, все болѣе и болѣе проникаешься сознаниемъ о важности приема повторительнаго описанія. Повсюду, за немногими исключеніями, нмъ руководится композиція и опредѣляется форма баллады. Приемъ этотъ употребляется для подчеркиванія какой нибудь особенно характерной подробности пѣсни или же при повѣствованіи о продолжительномъ дѣйствіи (ср. III, стр. 9, 96, 105 и др.). Если дѣйствіе можетъ разнообразиться или слѣдствія его постепенно усиливаться, другими словами, если каждая строфа можетъ приобрести свое собственное содержаніе, независимо отъ другихъ членовъ параллелизма, сохраняя при этомъ повтореніе выраженія, то-есть, одной формы, то приемъ произведетъ по-истинѣ художественное впечатлѣніе. Король Valdemo увезъ царскую дочь, но его догоняетъ царь съ дружиною. Valdemo, пожелавшій только что отдохнуть съ возлюбленною, вскакиваетъ на коня, вступаетъ въ бой и остается побѣдителемъ, убивъ родителей своей невѣсты. Самъ онъ смертельно раненъ, но ничего не даетъ объ этомъ знать и спѣшитъ доставить свою невѣсту къ себѣ, въ замокъ отца. Вотъ какъ описывается его поѣздка:

28 Kung Valdemo han red sig genom tolfmilars skog,

Men aldrig talte han det ringaste ord.

29 Kung Valdemo han red sig öfver tolfmilars äng,

Men aldrig var han glad mot sin lilla små vän.

30 Kung Valdemo han red sig genom tolfmilars by,

Men aldrig så förde han den ringaste gny.

31 Kung Valdemo han red sig genom tolfmilars stad,

Men aldrig så var han mot lilla vännen glad.

(III, стр. 3)

Король Valdemo помчался черезъ лѣсъ въ 12 миль,

Но не промолвилъ онъ ни одного слова.

Король Valdemo помчался черезъ лугъ въ 12 миль,

Но не былъ онъ веселъ со своей милою подругой.

Король Valdemo помчался черезъ селеніе въ 12 миль,

Но не издалъ онъ ни одного звука.

Король Valdemo помчался черезъ городъ въ 12 миль,

Но не былъ онъ съ милою подругой веселъ.

Въ предыдущемъ примѣрѣ параллелизмъ поддерживается разнообразіемъ дѣйствія, то-есть, тѣмъ, что король скачетъ черезъ лѣсъ, лугъ, селеніе, городъ. Тѣмъ не менѣе многіе параллелизмы могли возникнуть такимъ образомъ, что варианты какой нибудь одной строфы

вошли въ составъ пѣсни одинъ за другимъ. Такъ, въ приведенномъ уже отрывкѣ 31 строфа, по всей вѣроятности, возникла на основаніи 29-ой. Доказать это въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ за недостаткомъ записей наврядъ ли удастся. Въ слѣдующемъ примѣрѣ мы познакомимся съ замѣчательною градаціей эффекта. Пастушка выгоняетъ овечье стадо и поетъ,—поетъ такъ чудно, что король освѣдомляется о ней и приказываетъ, чтобъ она пѣла во дворцѣ.

Valkulla hon spelar nu danserna två,
 Att konungen själf på golfvet månd gå;
 Valkulla hon spelar nu danserna fem,
 Då dansade konungen och alla hans män;
 Valkulla hon spelar nu danserna sju,
 Då dansade kungen och hans unga brud. (III, стр. 86).
 Пастушка сыграла танца два,
 Такъ король самъ выступилъ на полъ;
 Пастушка сыграла танцевъ пять,
 Тогда плясалъ король и всѣ его мужи;
 Пастушка сыграла танцевъ семь,
 Тогда плясали король и его молодая невѣста.

И какъ ни злились принцессы и барышни, а пастушка стала супругой короля.

Даже шуточные пѣсни не брезгаютъ этимъ приѣмомъ. Мужикъ какъ-то поѣхалъ въ лѣсъ и увидѣлъ громадную ворону. Боясь, что она его укусятъ, онъ возвращается домой, но жена насмѣхается надъ нимъ. Тогда онъ собирается съ духомъ и убиваетъ ворону. Перьями кроютъ крышу и изъ остатка набиваютъ тюфякъ, такой большой, что на немъ помѣщалась дѣвка съ парнемъ. Кожа хватила на 15 паръ башмаковъ, кромѣ туфль, предназначенныхъ для хозяйки. Крылья годились для вѣровъ, что дѣвицы употребляютъ при хорошей погодѣ. Ноги пошли на навозныя вилы, а изъ остова вышелъ линейный корабль, наилучшій, что шелъ по морю. Голову помѣстили на куполъ церкви, изъ клюва получилась втулка, и, наконецъ, изъ задняго прохода сдѣлали кольцо для портнаго. Словомъ, ворона пригодилась. Но убить такую птицу дѣло непростое:

Bonden satt bössan för sitt bröst,
 Så sköt han den kråkan så att hon blef töst.
 Bonden satt bössan för sitt knä,
 Så sköt han den kråkan i högste trä.
 Bonden satt bössan för sin fot,
 Så sköt han den kråkan att hon dansa till jord.
 (III, стр. 350).

Мужикъ приставилъ ружье къ груди
 И выстрѣлялъ въ ворону такъ, что она смолкла.
 Мужикъ приставилъ ружье къ когвну
 И выстрѣлялъ въ ворону на верхушкѣ дерева.
 Мужикъ приставилъ ружье къ ногѣ
 И выстрѣлялъ въ ворону такъ, что она упала бзѣмь.

Удачно тутъ подмѣчены моменты смолканія, смерти и паденія вороны, которые всѣ три сопровождаются соотвѣтствующимъ движеніемъ мужика. Соотношеніе между двумя идущими параллельно дѣйствіями и ихъ фазисами не столько выражено союзами, сколько подражывается въ простомъ сопоставленіи. Вообще параллелизмъ мыслямъ только при полной координаціи отдѣльныхъ частей описанія. Развитие синтаксиса устраиваетъ потребность и отчасти и возможность приемовъ повторенія.

Что касается лирическихъ стихотвореній, то нѣкоторыя изъ нихъ свидѣтельствуютъ о дѣйствительной даровитости сочинителей, сумѣвшихъ образно и непосредственно передать тяготившее ихъ настроеніе, а то обстоятельство, что они, сами выходя изъ простаго народа, по формѣ примыкали къ своей собственной традиціонной поэзіи, придаетъ ихъ стихамъ особую безыскусственность и мелодичность. Основная ихъ тема—любовь.

„Когда наступаетъ весна, и ласточка нацѣваетъ, и трава начинаетъ прозябать, тогда лѣства вырастаетъ на липѣ. тогда я нахожу себѣ вѣрнаго друга“ (III, стр. 222). „Тогда мы пойдѣмъ въ зеленѣющій лѣсъ, устроимся и поселимся тамъ съ птицами, соорудимъ себѣ хижину изъ вѣтвей и мха, и укроемся въ ней. мы сами съ любимцемъ. И если взголодаемъ, то будемъ собирать ягоды, тамъ-то проживемъ счастливо, проживемъ тамъ счастливо, будемъ цѣловаться и и ласкаться и плясать каждый вечеръ“ (III, стр. 173). Но счастье на землѣ недостижимо, и мечта о беззавѣтной любви прерывается разлукой или, чего хуже, измѣной. „Птички улѣтаютъ, и вновь возвращаются, но потерянный другъ никогда не придетъ болѣе“ (III, стр. 219). „Когда друзья разстаются съ горемъ и плачемъ, то Богъ наградить того, кто вызвалъ разлуку! Не слѣдуетъ ему жить среди друзей на землѣ,—онъ совершилъ худшее преступленіе, нежели убійца“ (III, стр. 224). Особенно ненадежны въ этомъ отношеніи моряки. „Если у тебя другъ на морѣ, то не полагайся на него никогда, когда онъ пріѣзжаетъ въ чужія страны, то найдетъ тамъ многихъ друзей“ (III, стр. 326). Встрѣча и разлука, любовь и разрывъ, поцѣлуи и

слезы—вотъ темы, исчерпывающія содержаніе этихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ. Къ наилучшимъ относятся тѣ, въ которыхъ одинокая дѣвица тоскуетъ о возлюбленномъ. Или онъ умеръ, и она стоитъ у его могилы и обращается въ своемъ плачѣ къ „милому блеску звѣздъ“ къ „другу-зефиру, навѣрно знающему, кого она любила“ къ „цвѣточкамъ на могилѣ, нѣжно скрывшимъ ея горе“ (III, стр. 207), или же онъ уплылъ.—уплылъ и не возвратился:

„Съ влажными глазами я гляжу на синія волны; угрожая и съ ревомъ онѣ удариются о крутую скалу. Далеко на чужбинѣ мой возлюбленный, и я, блѣдная его лилія, дожидаясь его здѣсь на берегу.

„Осенью я возвращусь, моя прекрасная, юная жена!—такъ сказалъ онъ и искренно прижалъ меня къ груди. Но волны плещутъ и валы шумятъ; никогда не возвратится другъ мой, сколько бы я ни ждала.

„Я плачу, и я жалуясь, я вздыхаю и молюсь, и подобно соколу всматриваюсь въ даль по морю. Но волны плещутъ и валы шумятъ; никогда не возвратится другъ мой, сколько бы я ни ждала.

„Если бы у меня оказались крылья, какъ у птички въ воздухѣ, то я навѣрное улетѣла бы въ чужіе края. Далеко на чужбинѣ мой возлюбленный, и я, блѣдная его лилія, дожидаясь его здѣсь, на берегу.

„Уже долго я ждала, уже нѣтъ у меня утѣшенія; когда сердце не можетъ больше биться въ моей груди, когда волны ужъ не плещутъ и валы не шумятъ, то встрѣчусь я съ другомъ на небѣ голубомъ“ (III, № 103, стр. 210).

Подобно лейтмотивамъ, прицѣвы повторяются и сплетаются, твердя слушателю одно общее главное, основное представленіе. Но, кромѣ этого формальнаго повторенія, нюландскія пѣсни не лишены и метафорическаго параллелизма. Напримѣръ:

„Никогда яблоко не растетъ такъ высоко, всегда оно упадетъ на землю; но если мой другъ меня обманетъ, то обмануть меня всѣ“ (III, стр. 151).

„На небосклонѣ мерцаютъ звѣздочки; кого я полюбила, того я не могу получить“ (III, стр. 152).

„Любовь дѣвицъ и красивыя лиліи украшаютъ зеленую землю“ (III, стр. 173).

Или параллелизмъ уже сократился, слились отдѣльные его члены, и получилась чистая аллегорія:

„Въ долині росла лилія, — лилія та была красна, какъ роза; я остановился и смотрѣлъ на лилію, и слезы полились по моимъ щекамъ“ (III, стр. 290).

И хороводныя пѣсни изобилуютъ поэтическими сопоставленіями:

„Яблоко снаружи и красно и зелено, внутри же черви; сердце парня такъ красиво, но въ немъ коренится измѣна“ (V, стр. 53).

„Красная роза украшаетъ зеленый кустъ; милый ротикъ украшаетъ красивую дѣвушку“ (V, стр. 151. ср. стр. 118).

Иногда сама хороводная игра есть не что иное, какъ метафора. Такъ одинъ изъ парней становится окунемъ, а другіе всѣ изображаютъ собою сѣть. При игрѣ поютъ:

„Окунь играетъ, а сѣть порвана. Окунь пролѣзаетъ, гдѣ увидать дыру. Окунь, отыщи дыру!“ (V, стр. 26).

Нужно думать, что хороводы когда-то обладали болѣе вѣскимъ содержаніемъ, ибо, вѣроятно, народныя пѣсни исполнялись раньше хорически и даже драматически. Такимъ остаткомъ является рыцарская пѣсня, которая еще до сего дня служитъ хороводною игрой (V, стр. 44—47). Курьезно, когда одну и ту же пѣсню можетъ пѣть либо мальчикъ, либо дѣвочка, при чемъ мѣняются одни мѣстоименія (III, стр. 165).

Относительно № 245, на стр. 389, могу замѣтить, что читаль эти же стихи въ старомъ азбуковникѣ подъ буквою R. Такъ какъ мелодія къ нимъ не нашлась, а назидательный тонъ равно наводитъ на мысль о книжномъ происхожденіи, то имѣемъ ли мы тутъ вообще дѣло съ народною пѣсней? Сожалѣю, что циничность № 223 (III, стр. 264) помѣшала издателю напечатать ее всю: начало, по крайней мѣрѣ, вполне совпадаетъ съ фавулой, также ужасно скабрешною, французскаго фавльо. Однакоже странное литературное вліяніе показываетъ четверостишіе хоровода № 382 (V, стр. 129) со стороны куплета Bellman'a.

п ѣ с н я :

Käraste gossar dansen på tå,
Hatten i hand och handskarna på,
Se uppå jungfruns röda band i sko.
Strumporna himmelsblå.

Fredmans epistel, № 9:
Käraste bröder, dansa på tå!
Handskar i hand och hattarna på¹⁾.

¹⁾ Bellman, очевидно, нарочно выразился: съ перчатками въ рукѣ и въ шляпѣ, желая этимъ характеризовать непониманіе у танцоровъ свѣтскихъ приличій; но народъ не понялъ этой тонкости и переставилъ, какъ слѣдуетъ: съ шляпой въ рукѣ и въ перчаткахъ.

Se på jungfru Lona,
Röda band i skona,
Nya strumpor, himmelsblå.

Равнымъ образомъ и № 4 (V, стр. 4) возникъ при дворѣ Густава III и, вѣроятно, даже подражаніе какому-нибудь французскому образцу, хотя я въ данную минуту точныхъ указаній дать не могу.

II.

О нюландскихъ сказкахъ, преданіяхъ и повѣрьяхъ.

При перелистываніи большаго сборника сказокъ получаешь впечатлѣніе замѣчательной пестроты, неисчерпаемаго богатства сюжетовъ, но, вчитавшись въ нихъ, приходишь къ убѣжденію, что въ сущности все повторяется довольно ограниченное количество мотивовъ, различное сочетаніе которыхъ и вызываетъ кажущееся разнообразіе. Ahlström насчиталъ въ Швеціи всего около 200 мотивовъ (Sv. landsm. 1895 г.), и въ томъ же смыслѣ высказался раньше и Köhler. Излюбленные сюжеты, напримѣръ, красавица на стеклянной горѣ, поѣздка черезъ мѣдный, серебряный и золотой лѣсъ, потерянный башмакъ красавицы, яблоки, отъ которыхъ носы удлиняются, и др. Но не только отдѣльные мотивы, дѣльный планъ сказки можетъ быть предусмотрѣнъ. Основой большихъ сказокъ чаще всего служитъ слѣдующая схема: три брата должны добывать или живой воды, или три волоса изъ бороды великана, или жаръ-птицу; младшій ихъ получаетъ, но старшіе подстерегаютъ его и временно торжествуютъ, пока обольщенная красавица не пріѣзжаетъ въ страну и обличаетъ обманъ. Такъ какъ ни эти схемы, ни общіе мотивы не сложились въ Нюландѣ, ни даже въ Швеціи, то мнѣ на нихъ останавливаться нечего: насъ будутъ занимать тѣ явленія, которыя могутъ быть наблюдаемы и изслѣжены по даннымъ Нюланда. Тутъ, какъ уже было сказано, прежде всего бросится въ глаза разнообразная смѣна мотивовъ и различное ихъ сочетаніе. Для примѣра я выбираю какую нибудь группу сказокъ.

Герой въ нихъ такъ или иначе добываетъ ружье, которымъ убиваетъ все, во что прицѣливается, и скрипку, подъ звуки которой всѣ должны плясать. Ею онъ заставляетъ пастора, издѣвавшагося надъ нимъ, танцовать до изнеможенія. За это его собираются казнить, но передъ казнью онъ выпрашиваетъ себѣ позволеніе играть и этимъ спасается. Посмотримъ сперва, какъ эти черты искази-

лись въ разныхъ пересказахъ. Разъ была забыта и ненужна скрипка (II, № 233), то недолго удержалось и ружье. Превосходство его переносится на собаку; она приговяетъ всевозможную дичь, ружье же у стрѣлка обыкновенное (II, № 232). Далѣе же карликъ приказываетъ дверямъ въ замкѣ вращаться съ музыкой, напѣвая мелодію,—не есть ли это отзвукъ исчезнувшей чудесной скрипки? Не замѣненъ ли онъ и въ другой сказкѣ свистулькой, созывающею звѣрей? (VI, № 141). Къ этимъ двумъ вещамъ, встрѣчающимся въ большинствѣ сказокъ, присоединяется еще третья (такъ какъ народное творчество всегда стремится къ тринности) и повсюду различная. Или дается палка: если ею ударить во чтонибудь, она отвѣтитъ на предлагаемый вопросъ касательно ударяемаго предмета. Получается новый эпизодъ, повторяющійся, благодаря геминаціи, два раза: герой хочетъ жениться, но заблаговременно при помощи своей палки справляется, сколько у невѣсты было любовниковъ; палка отвѣчаетъ: посчитай-ка тарелки на полкѣ!—Ихъ 24, и свадьба, понятно, разстраивается (VI, № 142). Либо герой получаетъ шпату: при обладаніи ею всѣ его пожеланія будутъ исполнены (II, № 232), или же просто ему общаются: что-бы онъ ни выпрашивалъ себѣ, все получить (VI, № 143). Однако, его просьбы довольно скромны; онъ нуждается лишь въ костюмѣ, въ сапогахъ и въ конѣ. Или третій даръ обозначается весьма неопредѣленно, какъ небо (въ смыслѣ блаженства) (VI, № 144), либо какъ фокусы (Konster) (II, № 278). Если въ одной версіи камбала даритъ эти три вещи, то тутъ сказалось воспоминаніе о золотой рыбкѣ (VI, № 144). Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ такого представленія былъ вотъ какой разказъ: на ночь нужно отнести ружье и скрипку къ водопаду; тамъ онѣ приобретутъ чудесную силу (VI, № 145). Проще всего, когда старикъ приноситъ эти вещи (VI, № 142); если же выступаютъ три старика (VI, № 143), то это не столько потому, что приходится раздавать три вещи, сколько подъ влияніемъ другаго мотива, съ которымъ слилась наша сказка. Мотивъ этотъ еще распространеннѣе перваго: молодой человекъ спасаетъ царскую дочь, убивая дракона; затѣмъ онъ уѣзжаетъ на годъ; капитанъ (kaftén, VI, № 141) или генералъ (gindrál, II, № 232) или—lat pot least—русскій солдатъ (rýss-soldát II № 233) выдаютъ себя за того, кто совершилъ сей подвигъ; но въ день свадьбы возвращается настоящий побѣдитель и получаетъ свою награду. При убіеніи дракона юношѣ помогаютъ три собаки, которыхъ онъ вымѣнялъ себѣ за трехъ овецъ отъ трехъ старцевъ. Въ сокращенномъ вариантѣ (II,

№ 278) объ этой контаминаціи сохранилась смутная память: пасторъ, убѣдившись въ искусствѣ мальчика стрѣлять и играть, везетъ его ко двору и предлагаетъ ему царскую дочь въ жены; но юноша отвергаетъ ее, и за это оскорбленіе его приговариваютъ къ смерти. Я отмѣчу еще третій мотивъ, сплетшійся съ предыдущими: до похищенія съ дракономъ юноша живетъ съ первою женой—бѣдною дѣвицей; та влюбляется въ разбойника и по его совѣту старается отравить мужа. Разбойникъ этотъ могъ и слиться со старцемъ, который даетъ собакъ и проч., въ одно лицо (VI, № 142). Собаки, почуявъ ядъ, не ѣдятъ пищи; онѣ же разрываютъ мнимаго побѣдителя дракона. По смѣшенію жертвой ихъ становится и разбойникъ (II, № 233). При предыдущемъ разборѣ данныхъ 8 сказокъ (II, №№ 232, 233, 278; VI, №№ 141—145) я прежде всего прослѣдилъ разновидности основной сказочной темы; затѣмъ я указалъ на контаминаціи съ двумя другими мотивами; но, кромѣ того, почти въ каждой сказкѣ этой группы еще наблюдаются такіа черта, происхожденіе которыхъ понять трудно. Такими чертами будетъ таинственный замокъ въ лѣсу съ роковымъ колодеземъ въ одной (II, № 232) и звѣри: медвѣдь, волкъ и левъ, замѣнявшіе трехъ собакъ и содѣйствующіе своему хозяину многостороннѣе, чѣмъ онѣ, въ другой сказкѣ (VI, № 141). Тамъ же жена требуетъ, чтобы мужъ ей добылъ волчье, медвѣжье и львиное молоко, надѣясь, что онъ тогда погибнетъ. Спрашивается: есть ли эта черта слѣдствіе или причина по отношенію къ замѣнѣ собакъ этими тремя звѣрями? Легче объясняется появленіе таинственнаго замка: первоначально онъ былъ менѣе гостепріименъ, это былъ вертепъ разбойника. Жизненность сказки доказывается не только многообразіемъ ея версій и обиліемъ новыхъ чертъ, не намѣченныхъ первичною схемой, но и тѣмъ, что въ трехъ деревняхъ записаны по два варианта (Tenala—VI, №№ 141 и 142, Liljendal,—VI, №№ 143 и 144, Strömfors—II, № 233, и VI, № 278).

Сказка о котѣ въ сапогахъ стала извѣстною въ Нюландѣ въ очень смутной редакціи. Ближе всего къ типу этой сказки подходитъ разказъ (II, № 276), гдѣ, однако, дѣйствующимъ лицомъ является дѣвушка-сирота. Котъ ей помогаетъ шить разныя рукодѣлія и, наконецъ, выдаетъ ее за царевича. Мотивъ купанія здѣсь совсѣмъ забытъ, въ то время, какъ въ другой сказкѣ (VI, № 69) онъ замѣненъ другимъ, схожимъ мотивомъ. Лицо, которому служить котъ, должно быть застигнутымъ царемъ въ безпомощномъ положеніи и нагимъ. Часто въ сказкахъ провинившуюся дѣвушку гонять въ лѣсъ, гдѣ она пря-

чется въ листьѣ дерева въ одной сорочкѣ. Тутъ ее и застаютъ царевичъ. Такую же сцену въ нашей сказкѣ устраиваетъ котъ. Интересно, какъ котъ овладѣваетъ замкомъ, принадлежащимъ чародѣю (troll); послѣ восхода солнца чародѣй не могъ попасть въ замокъ; такъ говорится въ сказкѣ, но вѣроятнѣе всего, что при первыхъ лучахъ солнца troll погибъ бы и долженъ поэтому укрыться. Вотъ котъ и бесѣдуетъ съ troll'омъ до тѣхъ поръ, пока солнце не восходитъ, и troll безвреденъ. Въ третьемъ пересказѣ (VI, № 106) первичное содержаніе совсѣмъ забыто. Бѣдный мальчикъ женится на своей сосѣдкѣ. Оба они свротки; котъ же добываетъ имъ богатства, избавляя государство отъ мышей и крысъ. Еслибы какъ-разъ въ этой сказкѣ не упоминалось нарочно о сапогахъ кота, то можно было бы подумать, что она принадлежитъ къ другому типу, по которому мальчикъ богатѣетъ, прибывъ въ страну, опустошенную крысами, съ единственнымъ своимъ добромъ — котомъ (II, № 182). Теперь мы знаемъ, что тутъ произошло своеобразное сочетаніе: планъ одной сказки былъ приуроченъ къ мотиву другой.

Любопытное развитіе сюжета вслѣдствіе забвенія первичнаго его смысла наблюдается при пересказахъ сказки о громадномъ кочанѣ. Сказка эта сохранена во вполне правильномъ видѣ (II, № 344), какъ двое мастеровыхъ хвастаются другъ предъ другомъ. Въ вариантѣ разсказывается, что въ какой-то деревнѣ дѣйствительно росъ необычайно величина кочанъ; крестьяне собираются варить его и вотъ куютъ такихъ же размѣровъ котелъ (II, № 345). Еще въ другой версіи на кораблѣ въ необычайно большомъ котлѣ варятъ горохъ и когда выливаютъ остатки въ море, то образуется островъ (II, № 343). Если тутъ лишь осталось воспоминаніе о котлѣ, то въ другомъ мѣстѣ помнили одинъ кочанъ, подъ листьями котораго большое количество народа находитъ пріютъ отъ солнечныхъ лучей. Кочанъ этотъ замѣняется и шляпой съ широкими полями (II, № 346). Остроумная шутка превращается въ событіе,—въ настоящее происшествіе, а послѣ разложенія послѣдняго еще остаются извѣстные образы, вызывающіе чудовищныя представленія.

Мѣсто, неясное по мотивировкѣ, будетъ особенно воспримчивымъ для различныхъ версій и толкованій. Въ сказкѣ о жадномъ пасторѣ дьячекъ ведетъ его на охоту и, якобы заблудившись, моритъ его голодомъ цѣлый день; наконецъ, они находятъ хату, но пасторъ не долженъ и тутъ ѣсть. Это мотивируется различно. Неубѣдительно совѣтъ дьячка,—не показывать своего аппетита (II, № 297). Болѣе уда-

ченъ разказъ, что пасторъ не дожидается ужина и при уходѣ хозяйки руками лѣзетъ въ тѣсто; когда хозяйка входитъ, дьячекъ толкаетъ пастора локтемъ, такъ что тотъ всей рукой попадаетъ въ тѣсто, и вотъ онъ во время всего ужина долженъ держать свои руки въ карманѣ и не можетъ ѣсть (II, № 296). Но больше всего юмора въ вариантѣ, не вошедшемъ въ сборникъ, но извѣстномъ мнѣ по личному опыту. Онъ относится къ восточной части Нюланда. Въ прежнее время считалось неприличнымъ слѣдовать за первымъ приглашеніемъ хозяйки: гость безъ конца отпѣкивался, хозяйка не менѣе упорно упрашивала. Эта манера сказывается еще понинѣ у старыхъ людей. Такъ и пасторъ, несмотря на свой мучительный голодъ, отказывается, и такъ какъ хозяйка—простолюдины, не понимающіе тонкостей обращенія, то пастора такъ и оставляютъ въ покоѣ. Сцена эта дѣлаетъ честь своимъ изобрѣтателямъ.

Но иногда замѣтно и извѣстное опошленіе сказки, хотя бы въ описаніи стеклянной горы: она такъ высока, что развѣ птица можетъ взлетѣть на нее (VI, № 66). Въ вариантѣ ея высота опредѣляется тѣмъ, что только мухи да комары летаютъ такъ высоко (VI, № 67). Въ той же сказкѣ вѣдьма даетъ молодцу зелье, чтобы птичье сердце вылетѣло изъ его груди. Въ вариантѣ парень въ припадкѣ смѣха выплевываетъ сердце.

Схема сказки можетъ остаться неизмѣнною, но зато чередуются различныя дѣйствующія лица. Сказка, извѣстная по сборнику Гримовъ подъ заглавіемъ *Bremer Stadtmusikanten*, допускаетъ большое разнообразіе участвующихъ животныхъ. Причиной, отчего они покидаютъ свой домъ и отправляются на странствіе, служатъ намѣреніе хозяевъ зарѣзать ихъ. Понятно, что пока удержалось такое вступленіе, то могли подразумѣваться лишь домашнія животныя; когда же участники сходились инымъ путемъ, то присоединились и лѣсные звѣри, и число ихъ возросло до 9 (ср. VI, № 103, II, №№ 5, 183 и II № 104, 105). Къ домашнимъ животнымъ страннымъ образомъ причисляется и медвѣдь (II, № 5). Лишь въ двухъ пересказахъ они подвергаются нападенію со стороны разбойниковъ (II, № 188; VI, № 103); въ другихъ сказкахъ послѣдніе замѣнены домовымъ, который послѣ неприятной для себя встрѣчи съ животными покидаетъ домъ (II, №№ 4, 5; VI, 104). „Но многие утверждаютъ, говорится въ сказкѣ, что собственно не домовый тамъ шумѣлъ, а подземный карликъ“ (VI, № 104). А то и главная роль передана путешественнику, который прѣзжаетъ въ заколдованный замокъ и для самозащиты разставляетъ звѣрей по

разнымъ мѣстамъ (II, № 4). Въ другой группѣ сказокъ на погоню за настоящимъ мужчиною отправляются левъ и медвѣдь (II, №№ 173, 174) или левъ и волкъ (II, № 175) или медвѣдь и домовой (II, № 1) или мальчуганъ и домовой (VI, № 2). Въ сказкѣ о мудромъ простолюдинѣ хвастается своей беззаботностью то мельникъ (VI, №№ 157 и 158), то епископъ (II, №№ 285 и 286) или пасторъ (II, № 287). Въ сказкѣ о сильномъ батракѣ выступаетъ то великанъ (VI, № 54), то домовой (VI № 1) и въ большинствѣ случаевъ чортъ (VI, №№ 91 и 92; II, №№ 127—129, 132, 137. Докторомъ Allwissend становится крестьянинъ (II, №№ 309 и 310), либо пастухъ (VI, № 197), либо портной (II, № 311); его наводитъ на мысль стать докторомъ обыкновенно лѣкарь (II, №№ 310 и 311), но и пасторъ (II № 309) или лиса (VI, № 197). Въ одной сказкѣ (II, № 310) украли не деньщики, а служанки; въ другой мужику предлагаютъ не три блюда, но кофе. Такъ какъ это дѣйствіе должно повторяться, то мужика сажаютъ въ отдѣльную комнату на три дня; каждое утро другой деньщикъ приноситъ кофе (II, № 309). При одной смѣнѣ дѣйствующаго лица, несмотря на сохраненіе мотивовъ, получаютъ разновидности сказокъ. Контрастъ съ чортомъ о томъ, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не мыться, не бриться и не стричься, заключается то мальчикомъ (II, № 115), то крестьяниномъ (II, № 117), то батракомъ, купающимся между (Dikisbultarn, II, № 116), то, наконецъ, солдатомъ (II, №№ 118 и 119). Каждый разъ какъ будто получается новая сказка.

При соединеніи двухъ разныхъ мотивовъ не всегда происходитъ сляніе, но иногда одно сопоставленіе. Такъ сказка о крестьянинѣ, бросающемъ всѣ свои деньги въ лужу къ квакающимъ лягушкамъ, безъ всякаго перехода приставлена къ другой, гдѣ мальчикъ заключаетъ сдѣлку съ чортомъ (II, № 115; ср. II, № 336, и VI, № 193).

Всѣ предыдущія измѣненія первоначальнаго вида сказки указываютъ лишь на ея жизненность, на ея процвѣтаніе; но нѣтъ ли и такихъ чертъ, которыя предшествуютъ забвенію мотивовъ и соопутствуютъ разложенію сказки? Для рѣшенія этого вопроса любопытны нѣкоторыя подробности въ пересказахъ походовъ необычайнаго силача, рожденнаго лѣсною женщиной. Введеніемъ въ сказку служить разказъ, какъ лѣсная женщина прельщаетъ угольщика (II, №№ 42—147; VI, №№ 32—34). Иногда этотъ эпизодъ еще распространенъ другимъ мотивомъ (II, № 45), или троекратнымъ повтореніемъ (VI, № 32). Тѣмъ болѣе мы поражены, когда этотъ эпизодъ забыть, и когда воспоминаніе о немъ сохранилось лишь въ краткомъ упоминаніи. Однѣ

вариантъ начинается: въ прежнія времена, когда сынъ лѣсной дѣвицы и т. д. Стоять лишь опустить это одно слово, первоначальная черта утрачена, и приходится заполнять лауну другими сочетаніями (VI, №№ 49—51). Отецъ узнаеть своего ребенка по топору, который онъ оставляетъ въ лѣсу до тѣхъ поръ, пока сынъ будетъ такъ силенъ, что самъ сможетъ вытащить топоръ изъ ствола. И эта черта забылась. Но странно, что когда сялачъ нанимается у кузнеца, то онъ начинаетъ ковать топоръ (VI, № 32). Утраченная черта возвратилась въ другой совѣзмъ связи. И служба въ кузницѣ была забыта. Вотъ какъ о ней разказывается: „Сперва онъ попытался у кузнеца. Недолго онъ пробылъ у него, ибо кузнецъ сказалъ, что онъ такъ лѣнивъ, что его держать нечего, и такъ ему пришлось уйдти“ (VI, № 34). Полонъ юмора разказъ о томъ, какъ сялачъ ведетъ себя на войнѣ. Иногда онъ получаетъ извѣстный эпическій оттънокъ, благодаря трижды повторенной угрозѣ (II, № 44). Совѣзмъ сухо, наоборотъ, отзывается другой пересказъ: „король отправилъ его на войну; но тамъ онъ убилъ какъ враговъ, такъ и войско своего короля“ (II, № 47). Понятно, что такіа сжатія упоминанія недолго удержатся, не представляя ровню никакого янтереса, исключая развѣ для изслѣдователей. Другая сказка, разказанная на двухъ (II, № 231) и даже трехъ страницахъ (II, № 234), забыта такъ, что еле занимаетъ полстраницки. Самовольно разказчикъ также оборвалъ ее: герой ни съ того ни сего рѣшаетъ ѣхать въ Англію (II, № 269). Конецъ сказки объ Aschenbrödel'ѣ, занимающій въ обыкновенномъ видѣ болѣе двухъ страницъ (II, № 19), разказывается и въ 11 строкахъ (II, № 159). Извѣстная сказка о кузнецѣ и Спасителѣ передана въ 7 строкахъ (II, № 155).

Не всегда, однако, краткость служить признакомъ забвенія. Такъ въ нѣсколькихъ строкахъ передано содержаніе сказки о прекрасной Мелюзинѣ: въ первообразной простотѣ тутъ сообщено представленіе, послужившее основой для цѣлаго сказанія (VI, № 42).

Отъ вопросовъ забвенія и разложенія перейдемъ къ причинамъ распространенія и зарожденія сказки. Въ разказѣ объ опусканіи церковнаго колокола въ озеро нѣкто находилъ отголосокъ древняго языческаго мѣа; вѣроятнѣе же, что основой ея послужилъ дѣйствительный обычай. Распространенію ея способствовало воспоминаніе о вражескомъ нашествіи. Захожіи разказы сливались съ историческимъ преданіемъ, и повсюду, гдѣ помнили о какомъ нибудь непріятельскомъ нападении, тамъ онъ приурочился. По всему прибрежью, во всѣхъ деревняхъ разказывается одно и то же преданіе съ мѣстнымъ приуроченіемъ (VI, №№

269, 270, 272—275¹⁾). Врагами, отъ которыхъ прячутъ церковное добро, являются русскіе. Но когда опять вытаскиваютъ колоколъ, то раздается непочтительный возгласъ какой нибудь бабы, и тутъ обрывается канатъ или цѣпь, и колоколъ погружается въ глубину уже навсегда. Равнымъ образомъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ ходитъ одно и то же преданіе о построеніи тамошней церкви. Сперва нечистая сила разрушаетъ ночью все, что сооружалось днемъ, пока строителямъ не удалось найти болѣе благоприятнаго мѣста (VI, №№ 252, 257, 260—262). Но если извѣстныя историческія воспоминанія поддерживаютъ сохраненіе и способствуютъ распространенію нѣкоторыхъ преданій, то другія сказанія прямо возбуждаются жизненными условіями, вызывающими всеобщее удивленіе. Всякій, кто впервые посѣтитъ юландское побережье, будетъ пораженъ безчисленностью камней и скалъ, разсѣянныхъ и по заливамъ, и по берегамъ, и въ лѣсу, и на поляхъ. Иногда груды камней достигаютъ порядочной высоты и протягиваются на нѣсколько верстъ. Геологи думаютъ, что это русла старыхъ рѣкъ, образовавшихся къ концу ледниковаго періода (*Ramsay, Finlands geolog. utveckel.* стр. 45). Какъ бы тамъ ни было, но многочисленность скалъ подала поводъ къ разказамъ, приуроченнымъ повсюду, о томъ, что великаны метали ихъ (IV, стр. 108—110; VI, № 55). Находки каменныхъ орудій вызвали опять же особый родъ повѣрій; такія древности народъ называетъ *åskriflar*—громовыми стрѣлами, думая, что онѣ брошены самимъ божествомъ и черезъ 7 или 9 лѣтъ послѣ испаденія сами собою выходятъ изъ земли. Крестьяне приписываютъ имъ таинственную силу и употребляютъ ихъ при разныхъ случаяхъ: при болѣзни, при посѣвѣ и, главное, пожарѣ (IV, стр. 106—107). Любопытную аналогію представляютъ черемисскія преданія объ оврагахъ—человѣкообразныхъ существахъ „такого громаднаго роста, что, когда они ходили по землѣ черезъ лѣса, то самыя высокія деревья едва доходили имъ до колѣнъ. Кости ихъ и зубы и теперь находятъ иногда въ землѣ,—рѣчь идетъ о костяхъ мамонта“ (Изв. Общ. Археол. при Каз. ун. 1888 г. стр. 175).

Разказы объ историческихъ лицахъ либо только приурочены къ ихъ имени, либо отличаются обыденностью и простотою фабулы. Это скорѣе анекдоты, чѣмъ сказки, входящія въ кругъ чистонародныхъ преданій. Таковы прибаутки дьячка Сискандера, жившаго еще во времена шведскаго владычества. (II № 300, и VI, № 180). Но рядомъ

¹⁾ Мнѣ лично еще извѣстенъ пересказъ изъ Pyttis'a.

съ ними мы находимъ разказъ (VI № 179), повторяющійся на западѣ Нюланда безъ приуроченія (II, № 303), а также и въ Швеци. Сяскандеръ былъ пономаремъ въ Лаптрескѣ, и сказанія о немъ наврядъ ли переходили за границы восточной части Нюланда. Болѣе выдающимися лицами, упомянаемыми въ разказахъ Нюланда, будетъ король Густавъ III и его придворный шутъ Bellman. Народъ могъ отлично знать и помнить Густава III. Онъ много разъѣзжалъ по разнымъ мѣстностямъ по поводу войнъ съ русскими. Но и тутъ народъ предпочитаетъ приуроченіе къ имени короля какого нибудь общезвѣстнаго, правда, подходящаго сказочнаго мотива. Гдѣ король ночуетъ, тамъ рождается ребенокъ, „прибываетъ, по словамъ сказки, еще болѣе важный путешественникъ“, крестнымъ отцомъ котораго становится король. Король выступаетъ всегда i sivila klæder, то-есть, никогнито (VI, №№ 302, 311, 312). Что касается Bellman'a, то странно уже то, что Bellman никогда и не думалъ быть придворнымъ шуткомъ, но лишь какъ веселый собесѣдникъ и неподражаемый исполнитель своихъ собственныхъ куплетовъ часто бывалъ при дворѣ. Но популярность жизнерадостнаго поэта обусловила созданіе среди народа особаго типа, наиболѣе подходящаго къ образу жизни и характеру Bellman'a. Такъ онъ превратился въ придворнаго шута, и вокругъ него собрался цѣлый циклъ анекдотовъ и розказней. Нѣкоторыя изъ нихъ извѣстны и на Руси въ видѣ шутокъ и похожденій Балакирева. Превращеніе Bellman'a въ придворнаго шута состоялось въ Швеци, но разказы о немъ перешли и въ Финляндію (VI, №№ 188—192). Тутъ, однако, ему приписали еще рядъ каламбурныхъ отвѣтовъ, подходящихъ несомнѣнно лишь къ смѣтливому мальчугану-крестьянину (II, № 202; VI, №№ 159, 187). Имена популярныхъ личностей обладаютъ притягательною силой и, подобно магниту, привлекаютъ къ себѣ мелкіе обрубки. Явленіе это обуславливаетъ собою возникновеніе эпическихъ цѣлковъ и особенно близко къ сложенію такъ называемаго прозаическаго эпоса, каковымъ его представляетъ исландская сага. Интересно сравнить шведскія сказанія о Tufve Jönsson i Dufvestubbe (Wigtröm, Folkdigtning i Skåne, стр. 81), а также и о грозномъ хозяинѣ Birkebjerg'a (Sv. landsm. № 57, 1896 г.), которымъ для эпической саги недостаетъ одной традиціонно-художественной формы.

Памятны еще во многихъ разказахъ два выдающихся полководца финновъ—Клась ¹⁾ Флемингъ и Повтусъ де-ла-Гарди, жившіе оба

¹⁾ Сокращенное отъ Николай, соответствующее нѣмецкому Klaus.

въ XVI вѣкѣ. Флемингъ до своей смерти отстаивалъ права Сигизмунда Польскаго противъ притязаній герцога Карла; при немъ же была буйная крестьянская война, извѣстная подъ названіемъ Klubbekiget. Нюландскіе разказы не только сохранили воспоминанія о притѣсненіяхъ крестьянъ со стороны Флеминга (VI, №№ 292—295), но и памятуя его политическое положеніе: шведскій король неоднократно зоветъ къ себѣ Флеминга, но тотъ не ѣдетъ; когда король идетъ на него войною, и войско короля развернуло свое знамя, то финны, находящіяся подѣ предводительствомъ Флеминга, увидѣли, что это и ихъ знамя (VI, № 222). Но и тутъ не отсутствуетъ сказочное начало: я отиѣчу лишь котель, въ которомъ Флемингъ якобы парилъ людей; онъ теперь зарытъ въ землю и лишь по временамъ выступаетъ на свѣтъ Божій (VI, №№ 292—293). Понтусъ де-ла-Гарди успѣшно воевалъ съ русскими, и вотъ всѣ сказанія о немъ ясно показываютъ, какъ о вполне исторической личности могли быть придуманы всевозможныя похождения. Его иноземное имя было забыто и замѣнено финскимъ прозвищемъ Laiska Jako—Лѣпный Яковъ. Но еще любопытнѣе порча одного мотива: де-ла-Гарди попадаетъ въ плѣнъ къ русскимъ; передъ казнью онъ проситъ позволенія рисовать, чертитъ корабль, превращаетъ свой рисунокъ въ дѣйствительное судно и на немъ утливаетъ въ Швецію (VI, №№ 286, 290). Въ вариантѣ же московскій царь не казнитъ де-ла-Гарди, надѣясь, что онъ научитъ русскихъ кораблестроительному искусству. Всѣ генералы отправляются на берегъ, по предложенію де-ла-Гарди всходятъ на доски, и вотъ онъ отвозитъ ихъ на этихъ доскахъ въ Швецію (VI, № 296). Не есть ли это желаніе московскаго царя едва уловимый отголосокъ замысловъ и стремленій Петра Великаго? Не было ли старое преданіе дополнено слухомъ, пронесшимся съ ближайшаго востока въ началѣ XVIII вѣка?

Почти самая объемистая часть обонхъ томовъ (II, №№ 1 — 124; VI, №№ 1 — 81) отведена на сказки языческо-миѣческаго содержанія¹⁾. Вся миѣология ихъ состоитъ въ демонологіи и ex silentio доказываетъ, сколь неизвѣстнымъ среди народа было то, что мы понимаемъ подѣ миѣами о богахъ, въ этомъ случаѣ — эддическіе миѣы. Единственное по цѣнности свидѣтельство вотъ каково: по стародавней памяти молились деревяннымъ истуканамъ, совсѣмъ уже извѣден-

¹⁾ И изъ другихъ отдѣловъ многія сказки относятся къ разряду миѣическихъ; вообще дѣленіе не совсѣмъ удачное, да и трудно было соблюсти его.

нымъ червями; одного звали Тогі. Празднества въ честь ихъ справлялись на холмахъ и лугахъ, и при этомъ плясали и скакали (II, № 82). Важны въ миеологическомъ отношеніи и сказки о мельницѣ. моловшей все, что желаешь, важны для сопоставленія съ финскими разказами и съ пѣснями Калевалы о Сампо и, наконецъ, со староскандинавскимъ преданіемъ о мельницѣ Grotti. Мельницу эту увозятъ. и приходится насильно вернуть ее; на обратномъ пути она падаетъ въ море, меля соль; съ тѣхъ поръ морская вода отзывается солью (II, №№ 86 — 87, менѣе характерно VI, № 105). Если эстляндская сказка, такая же (у Kreutzwald'a) несомнѣнно вмѣстѣ съ финскою восходить къ общему началу, то неизвѣстно, можно ли норвежскую (у Asbjörnсен'a и мое) поставить въ связь съ нидландскими; когда же будетъ выяснено отношеніе современныхъ пересказовъ другъ къ другу, то остается еще опредѣлить степень ихъ родства съ древними эпическими образами. Я позволю себѣ далѣе указать на, быть можетъ, мелкія, но любопытныя черты древне-языческихъ повѣрій. Изъ пяти разказовъ (II, №№ 91—95) о томъ, какъ скряга, умирая, вздумалъ запрятать свои деньги, и какъ оставшіеся въ живыхъ вновь добываютъ ихъ, явствуетъ вотъ что: для добыванія клада нужно привести извѣстную жертву, зарѣзать 5 или 9 пѣтуховъ, тогда драконъ не помѣшаетъ похитителю сокровищъ. Драконъ, берегущій сокровища, не что иное, какъ обликъ души умершаго скряги. Не менѣе древняя черта вотъ гдѣ: обыкновенно лошадь или лиса, помогавшая парню, превращается въ царевича; парень отрубаетъ тогда ей голову. Болѣе таинственный приемъ вотъ каковъ: парень беретъ коня за переднія ноги и бросаетъ его черезъ свою голову. Бросаніе за спину имѣетъ, вѣроятно, недюжинное значеніе. Когда подчеркивается, что лѣсныя дѣвицы спереди очаровательны, но сзади созданы, какъ гнилой щель, то это результатъ извѣстнаго опыта: суевѣрный глазъ примиряется съ болѣе трезвымъ и здравымъ взглядомъ на вещи (II, № 41). Въ томъ же духѣ попу удалось надоумить вотяка, пожелавшаго жениться на дѣвкѣ Вожо. убѣдивъ его, что это вовсе не дѣвка, а деревянный чурбанъ (Изв. Общ. Археол. при Каз. ун. VIII, стр. 195).

Это даетъ мнѣ поводъ говорить о намѣренномъ извращеніи сказки. Такъ сказка о золотомъ гусѣ, къ которому прицѣпляются всѣ проходящіе мимо длинною вереницею (II, № 333), измѣнена въ томъ смыслѣ, что по приказанію мужа къ преступной женѣ прицѣпляется сперва ея любовникъ—пасторъ!—и затѣмъ всѣ остальные (II, №№ 305 и 332). Чисто сказочный мотивъ не удовлетворяетъ

болѣе умонастроению народа и поэтому подвергается болѣе житейскому направленію. Тутъ важно не пикантное, но практическое приложіе сказочнаго мотива. Попытку дѣловой мотивировки мы читаемъ и въ сказкѣ о чудесной скрилкѣ (VI, № 143). Мальчикъ заставляетъ земскаго начальника плясать до смерти, потому что тотъ его мучилъ и принудилъ служить и работать за незначительное вознагражденіе. Слѣдовало бы различать два большихъ періода въ развитіи сказки: въ первомъ всѣ мотивы понимаются наивно, на вѣру, безъ желанія толковать и исправить то, что кажется неяснымъ; во второмъ выступаютъ наружу задачи жизни и дѣйствительность и начинаютъ оттѣснять воздушныя творенія мифической сказки. Въ этой стадіи особенно процвѣтаютъ сказки шуточные и прибаутки. Тогда-то короли сказки превращались въ простолюдиновъ, а принцессы въ деревенскихъ красавицъ. Въ наши дни наступилъ какъ будто третій періодъ: народъ съ извѣстнымъ или полнымъ сознаниемъ отрицаетъ свои повѣрія, — черта, за которую я уже имѣлъ случай указать при разборѣ Sv. landsm. (*Живая Старина* 1897 г.). „Nyland“ подтверждаетъ мое тогдашнее предположеніе. При сѣянии для лучшей жатвы соблюдается обычай примѣшивать ко ржи куски хлѣба; но уже теперь случается, что крестьянинъ при видѣ такого поступка спрашиваетъ соседа, не надѣется ли онъ, что изъ этихъ кусковъ вырастутъ готовые хлѣба (IV, стр. 76). Но помимо безобидной шутки можно изъ суевѣрій другихъ извлечь и пользу. Такъ болѣе рациональный парень обкрадываетъ священный источникъ, достаетъ деньги, брошенные туда въ видѣ жертвоприношеній, и пропиваетъ ихъ (VI, стр. 111). Другой ночью ѣздилъ на свиданіе ко своей возлюбленной и увѣрялъ хозяина, что продѣлки домашнего взмыслили коня (IV, стр. 68). На томъ же основаніи разказчикъ вставляетъ въ сказку оговорки: *dom säjjer* = говорить, или: *folki prátar, om de senn å sannt, så vét ja int* = народъ болтаетъ, но правда ли это, я знать не знаю (VI, № 10).

Взаимодѣйствіе нюландскаго фольклора на финскій и обратно представляется мнѣ весьма интересною задачей, общающею поучительныя параллели, но вмѣстѣ съ тѣмъ требующею специальныхъ изслѣдованій на основаніи болѣе богатаго матеріала, нежели отиѣченнаго понинѣ мною. Предположить непосредственное вліяніе со стороны русскаго народа, мнѣ кажется, нѣтъ достаточно основанія; оно сводится къ поверхностнымъ и болѣе или менѣе случайнымъ фактамъ. Въ одной записи парень восклицаетъ: „отчего ты выпустилъ волковъ короля?“ (II, № 49), въ другой: „русскаго царя!“ — и прибавляетъ:

охраненіи все болѣе и болѣе исчезающихъ оригинальныхъ народныхъ построекъ, приступилъ къ собиранію матеріаловъ для исторіи народнаго зодчества. Вмѣстѣ съ архитекторомъ Гроте, тоже заявившимся изученіемъ народныхъ лужицко-сербскихъ построекъ, онъ рѣшилъ при первой возможности, то-есть на ближайшей выставкѣ, устроить сербскую хату, особенно интересную своею стариной. Д-ръ Э. Мука, видя глубокое значеніе осуществленія этой мысли, совѣтовалъ архитектору Шиндту посѣтить чешкославянскую этнографическую выставку въ Прагѣ, гдѣ была устроена цѣлая деревня типическихъ славянскихъ построекъ Чехіи, Моравіи, Слезіи и Словенска, и устроить по этому образцу сербскую деревню и народописный музей на выставкѣ дрезденской.

При энергіи устроителей и благоприятныхъ условіяхъ мысль эта приведена была въ исполненіе. Выставка пользовалась, какъ отмѣчено было и нѣмецкою печатью, особенными симпатіями и вниманіемъ общества, а одинъ изъ членовъ королевскаго саксонскаго дома принялъ ее подъ свой протекторатъ ¹⁾.

Типическія народныя постройки и собранныя съ большими затрудненіями этнографическія коллекціи были интересны уже сами по себѣ, — послѣднія впервые являлись предъ посѣтителями въ такой полнотѣ и цѣльности на дрезденской выставкѣ, за отсутствіемъ пока этнографическаго музея у лужицкихъ сербовъ.

Но особенный интересъ и оживленіе придавали лужицкой деревнѣ живыя группы сербовъ, собранныхъ сюда изъ разныхъ уголковъ миниатюрной ихъ родины, устраивавшіеся здѣсь различные народные праздники и торжества. свадебныя шествія, музыку, танцы и т. п. Вспомнимъ, какой живой интересъ возбуждали въ чешскомъ обществѣ и вообще посѣтителяхъ чешско-славянской этнографической выставки въ Прагѣ постоянные жители выставочной деревни и наѣзжавшія многочисленныя группы народа изъ разныхъ концовъ Чехіи и особенно Моравіи и Словенска, въ ихъ разнообразнѣйшихъ живописныхъ костюмахъ; какъ много содѣйствовали подобнаго рода массовыя посѣщенія выставки сельскимъ людомъ ознакомленію чешскаго обще-

¹⁾ О лужицко-сербской народописной выставкѣ подробный рефератъ см. въ журналѣ „*Český Lid*“, VI, 1896—1897, 321—345: „*Norodopisná výstava lužicko-serbská v Drazhdanech*“, Ad. Černý. То же и въ журналѣ „*Světosor*“ за 1896 годъ и газетѣ „*Národní Listy*“, 1896, № 178, 185, 187, 188, 195, 196, 197. Ср. ещѣ журналъ „*Luzica*“, 1896 годъ.

ства съ родною страной и ея обитателями, поучавшія лучше всякихъ описаній, картинъ, альбомовъ и пр. Такъ же въ высокой степени занимательною и поучительною была и выставка лужицко-сербской деревни, впервые здѣсь представшей предъ глазами большинства ея посѣтителей.

Труды устроителей лужицко-сербской этнографической выставки не пропали безслѣдно. Предметы маленькаго лужицко-сербскаго музея выставки со временемъ, когда Матица докончитъ начатый уже постройкой Народный домъ въ Будшинѣ, послужатъ основаніемъ будущаго лужицко-сербскаго народописнаго музея и, такимъ образомъ, будутъ сохранены для науки; типы населенія обѣихъ Лужицъ, группы и сцены, изображающія важнѣйшіе моменты жизни сельскаго жителя, оригинальные народные костюмы — все это заботливо сохранено въ прекрасномъ изданіи, заглавіе котораго мы привели выше.

Хотя въ предисловіи къ этому изданію и сказано, что описаніе лужицко-сербскихъ костюмовъ „любезно принялъ на себя“ д-ръ Э. Мука, однако по странному какому-то недоразумѣнію ими его вовсе не фигурируетъ въ числѣ именъ составителей этого альбома. Умолчаніе это должно казаться тѣмъ болѣе страннымъ, что значительная часть таблицъ изданія и приложеннаго къ нимъ описанія посвящены собственно лужицкимъ сербамъ; заслуга же устройства лужицкаго этнографическаго отдѣленія, воспоминаніемъ о которомъ долженъ быть названный альбомъ, принадлежитъ прежде всего д-ру Э. Мукѣ, безъ хлопотъ, посредничества и убѣжденій коего сербы лужицкіе, навѣрно можно сказать, не явились бы на выставку въ такомъ большомъ числѣ, а безъ содѣйствія столь глубокаго знатока жизни Лужицъ не удалось бы такъ прекрасно устроить всю этнографическую выставку.

„Заслуги д-ра Э. Муки въ дѣлѣ устройства лужицко-сербской этнографической выставки такъ велики, что безъ всякаго преувеличенія мы можемъ назвать его творцомъ ея“, говоритъ одинъ изъ близко знакомыхъ съ исторіей возникновенія и устройства ея обозрѣватель. Только благодаря авторитету д-ра Э. Муки и его необыкновенной популярности въ обѣихъ Лужицахъ удалось собрать сербовъ въ Дрезденъ, но объ этомъ и вообще заслугахъ д-ра Э. Муки и рѣчи нѣтъ въ предисловіи. По-истинѣ удивительное отношеніе къ славянскому ученому!

Подробное описаніе лужицко-сербскихъ народныхъ костюмовъ впервые сдѣлано было I. Э. Смолеромъ въ приложеніи III-емъ: „Serbow žiwe-

nje, stare psiwuknenja a wašnja" (стр. 209—211: „Kleidung“) къ его капитальному сборнику: „Pjesnički hornuch a del'nuch Luziskich Serbow" (Грүмі, 1841). Къ этому сборнику приложены три раскрашенныя таблицы изображеній сербскихъ народныхъ костюмовъ, нарисованныхъ съ натуры І. Э. Веланомъ. Кое-что по этому предмету находится въ нѣмецкихъ описаніяхъ Саксонія, особенно въ извѣстныхъ „Wendische Wanderstudien“ Рихарда Андрее ¹⁾).

Разсматриваемое нами изданіе даетъ обильный матеріалъ для исторіи лужицко-сербскихъ народныхъ костюмовъ. На первыхъ (I — IV) таблицахъ его изображены группы альтенбургскихъ жителей, сохранившихъ в типичныя славянскія черты физическія, и кое-что изъ славянской старины въ костюмахъ и обычаяхъ. Сравненіе послѣднихъ съ славянскими напрашивается само собою.

Сербы лужицкіе не имѣютъ, подобно жителямъ Альтенбурга, всюду однообразнаго костюма, напротивъ, они отличаются разнообразіемъ его, при чемъ, какъ и всюду, онъ сохранился и у нихъ больше у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ. Величайшее разнообразіе костюмовъ господствуетъ особенно въ Нижней Лужицѣ, а также въ смежныхъ селеніяхъ окрестностей Мужакова (Muskau), гдѣ въ каждой общинѣ костюмъ еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ языкъ, имѣетъ свои отличительныя черты, такъ что знатокъ, напримѣръ, на большихъ торжествахъ и собраніяхъ или на ярмаркахъ въ Хотѣбузѣ (Cottbus), Гродкѣ (Spremberg), Мужаковѣ (Muskau) тотчасъ же по этому можетъ опредѣлить, изъ какого прихода та или другая женщина.

Главныя отличительныя черты женскаго костюма заключаются въ головномъ уборѣ, нагрудныхъ украшеніяхъ и количествѣ в цвѣтахъ украшающихъ платье лентъ. Принимая во вниманіе только наиболѣе крупныя, существенныя различія, народные костюмы лужицкихъ сербовъ, или точнѣе—сербокъ, можно раздѣлить на слѣдующія шесть группъ:

А) Въ саксонской Верхней Лужицѣ: 1) костюмъ католическихъ сербовъ окрестностей Каменца и Будишина, а также нѣкоторыхъ общинъ католическаго прихода Кулова (Wittichenau) въ прусской Верхней Лужицѣ; 2) костюмъ евангелическихъ сербовъ, къ сожалѣнію, постепенно уже исчезнувшій въ нѣкоторыхъ западныхъ и южныхъ приходахъ.

¹⁾ Литературу этого вопроса см. *Český Lid*, I, 266: Adolf Černý, *Rozhled po lužické folkloristice*.

В) Въ прусской Верхней Лужицѣ: 3) костюмъ сербовъ уѣзда Wojerecy (Hoyerswerda), а также смежныхъ общинъ Kljetno (Klitten), Rychwalda (Reichwäld) и Krjebja (Creba) Ротенбургскаго уѣзда; 4) костюмъ сербовъ окрестностей Мужакова.

С) Въ Нижней Лужицѣ: 5) костюмъ сербовъ уѣзда Gródk (Spremberg), а также смежныхъ на западѣ частей уѣзда Kalawa (Kalau); 6) костюмъ сербовъ Хотѣбузскаго уѣзда, а также смежныхъ частей уѣздовъ Gubin (Guben), Lubin (Lubben), Kalawa и особенно въ Блотахъ (Spreewald).

Всѣ представленные на таблицахъ XIV—XXV сербскіе костюмы (drasta) въ употребленіи среди сельскаго населенія еще и въ настоящее время.

Листъ XIV заключаетъ слѣдующія изображенія: 1) Свадебное шествіе католическихъ сербовъ (прихода Ратиборъ у Будшина). Женихъ и невѣста окружены провожающими ихъ въ церковь „слонками“ (ślōncy, sg. ślōnka), дружками (družki), необходимыми на каждой свадьбѣ, типичнымъ „брашкой“ (braska) съ обоими сватами (swataj, sg. swat), музыкантами (hercy) и свадебными гостями. Невѣста (njewęsta) въ оригинальномъ черномъ бархатномъ высокомъ колпакѣ (borta), съ золоченымъ украшеніемъ на немъ (ślōbornik) и вѣнкомъ изъ руты на верхушкѣ „борты“. На шеѣ у невѣсты нитки коралловъ или жемчуга, на груди особое украшеніе изъ многочисленныхъ старинныхъ серебряныхъ и золотыхъ монетъ. У жениха головной уборъ составляетъ треугольная шляпа (теперь уже обыкновенно цилиндръ), украшенная вѣлочкомъ руты; въ рукѣ у него разубранная лентами палка. „Braska“, одна изъ типичнѣйшихъ фигуръ и принадлежностей лужицкой свадьбы, свадебный герольдъ и ораторъ, отличается тѣмъ, что на лѣвой сторонѣ треуголки имѣетъ букетикъ цвѣтовъ съ широкою спускающеюся на плечо шелковою лентой („bant“), и съ правой стороны на груди пестрый шелковый платокъ. „Слонка“, замѣняя мать, подаетъ невѣстѣ помощь и совѣты, она какъ-бы заклоняетъ, защищаетъ невѣсту своимъ авторитетомъ („zaslōnjaca żona“). „Слонка“ на свадьбѣ бываетъ только въ Верхней Лужицѣ; обыкновенно это бываетъ крестная мать или, по крайней мѣрѣ, старшая изъ родственницъ жениха или невѣсты. Женихъ также имѣетъ свою „слонку“. Она не имѣетъ нагрудныхъ украшеній, какія носятъ невѣста, и, вмѣсто высокой „борты“, имѣетъ бархатный чепецъ съ черными широкими кружевами надъ челою и по бокамъ. Эта „salkata

шеса“ (кружевная шапочка) совершенно похожа на обыденный головной уборъ католическихъ сербовъ.

„Swaty“ (въ Верхней Лужицѣ второй свать называется „towařs“; въ Нижней ихъ бываетъ обыкновенно три.—первый изъ нихъ называется „družba“) одѣты такъ же, какъ женихъ, но букетики и банты имѣютъ на правой сторонѣ шляпы и пестрые шелковые платки на лѣвой сторонѣ груди.

2) Свадебное шествіе евангелическихъ сербовъ (прихода окрестностей Hodzija), изображенное на томъ же XIV листѣ, нѣсколько отличается отъ описаннаго выше. „Брашка“, идущій впереди шествія, одѣтъ такъ же, какъ у католическихъ сербовъ; за нимъ слѣдуютъ двѣ маленькія дѣвочки, „družićki“ невѣсты, съ корзинками цвѣтовъ; далѣе—невѣста и женихъ, у котораго на шляпѣ букетъ руты и бантъ изъ зеленой шелковой матеріи и на лѣвой сторонѣ груди букетикъ цвѣтовъ, за ними—обѣ „слонки“ (sloncy), сопровождаемая своими мужьями, вмѣсто обихъ „сватовъ“, „towařs“ жениха, сопровождающей его мать, двѣ „družki“ въ голубыхъ шелковыхъ платьяхъ, тогда какъ невѣста имѣетъ черное шелковое платье, и, наконецъ, замыкаютъ шествіе незамужнія подружки невѣсты (towařiški). Всѣ женщины этого свадебнаго шествія имѣютъ букетики цвѣтовъ на лѣвой сторонѣ груди, при чемъ дѣвушки имѣютъ еще вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ на непокрытой головѣ, невѣста же имѣетъ вѣночекъ изъ руты.

3) Третья группа того же XIV листа изображаетъ майскій праздникъ въ деревнѣ Khrosćicy (католическіе сербы): парни и дѣвушки въ праздничныхъ нарядахъ, въ срединѣ группы парень съ „майскимъ деревомъ“.

Интересную свадебную группу изъ прихода Kljetno (Klitten, въ прусской Верхней Лужицѣ) находимъ на листѣ XVIII. Шествіе начинается распорядитель торжества „družba“, за нимъ слѣдуютъ женихъ (pawozenja) и невѣста (pjewěsta), далѣе—двѣ „družki“ невѣсты, двѣ почетныя „towařiški“ жениха, двѣ „slonki“, за ними оба свата (swataj) и оба „towařišej“. почетныя пажы невѣсты, которые въ то же время являются спутниками и танцорами обихъ „товаришекъ“. Всѣ мужчины имѣютъ низкіе широкіе цилиндры, различающіеся цвѣтными лентами. Женихъ и „дружба“ имѣютъ букетики цвѣтовъ на лѣвой сторонѣ шляпы, прочіе—по обѣимъ сторонамъ; всѣ, кромѣ того, имѣютъ еще букетики на лѣвой сторонѣ груди, а „дружба“ черезъ лѣвое плечо широкое, вышитое невѣстой, полотенце (twjelco). Невѣста отличается отъ обихъ дружекъ, прежде всего, большимъ бѣлымъ

полотнянымъ платкомъ, которымъ она покрыта; на головѣ у нея и у дружекъ „bortа“, но у невѣсты на „бортѣ“ еще „slébovník“ и вѣночекъ руты. „Towaríski“ жениха имѣютъ на головѣ большой вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ. У остальныхъ женщинъ, свадебныхъ гостей, оригинальны бѣлые головные уборы: свѣтлыя повязки на лбу у замужнихъ, пестрыя — у дѣвушекъ, по обѣимъ сторонамъ лица выступаютъ бѣлыя крылья повязки; вся повязка завязывается бантомъ подъ подбородкомъ.

Свадебныя шествія находимъ еще на листахъ XIX (уѣзды Wojegesy въ прусской Верхней Лужицѣ) и XXIII (изъ Lipje, Leira, въ Блотахъ, въ Нижней Лужицѣ) ¹⁾.

Листы XV и XVIII даютъ намъ наглядное представленіе о костюмахъ, употребляющихся у католическихъ сербовъ при крещеніи младенцевъ. Замужнія „knotgy“ одѣты подобно „слонкамъ“ на свадьбахъ: онѣ имѣютъ поверхъ черной кофты (kožuch), съ широкими у плечъ рукавами, обильно выложенными съ этой цѣлью ватой, изящно вышитый бѣлый платокъ; на головѣ у нихъ черныя шелковые, плотно прилегающіе въ волосамъ чепцы. Дѣвушки „knotgy“ употребляютъ въ такихъ случаяхъ тотъ же костюмъ, что и „дружки“ невѣсты на свадьбахъ. Надо замѣтить при этомъ, что у католическихъ сербовъ при крещеніи бываетъ трое кумовей, какъ было прежде и у евангелическихъ сербовъ, а именно: при крещеніи мальчика двое мужчинъ и одна женщина и при крещеніи дѣвочки — двѣ женщины и одинъ мужчина. При обрядѣ крещенія присутствуетъ обыкновенно и повивальная бабка, которая несетъ младенца изъ дому и обратно.

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя, бохѣ интересныя изображенія.

Листъ XIX (№ 2) даетъ изображеніе пасхальныхъ пѣвицъ изъ деревни Ямна (Jamno, Jahnen), прихода Клетно. Въ Нижней Лужицѣ и прусской Верхней Лужицѣ, гдѣ еще до сего времени по деревнямъ много прядутъ, молодыя крестьянскія дѣвушки въ каждой деревнѣ образуютъ особыя общества пряжъ и пѣвицъ, при чемъ избираютъ одну изъ своихъ подругъ руководительницей и запѣвалой (kantorka). Подъ ея руководствомъ, во время зимнихъ посидѣлокъ, распѣваютъ онѣ излюбленные свои старыя народныя пѣсни; во время постовъ поются обыкновенно пѣсни духовныя и старинныя легенды. Отъ начала великаго поста до Пасхи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и

¹⁾ Подробное описаніе свадьбы у лужицкихъ сербовъ — въ очеркѣ Ад. Чермахо, „Svatba u Lužických Srbů“. Прага, 1898.

до Троицына дня, въ каждый воскресный и праздничный день въ послѣобѣденное время, а особенно въ Пасхальную ночь, онѣ торжественно ходятъ по деревнѣ, распѣвая духовныя пѣсни, сложеныя въ чисто народной формѣ. Костюмъ ихъ напоминаетъ собою нарядъ женщинъ, свадебныхъ гостей, прихода Клетно (см. листъ XVIII).

Еще одну такую группу пѣвицъ въ чрезвычайно однообразныхъ костюмахъ (изъ деревни Slero. Schleife, въ прусской Верхней Лужицѣ) находимъ на листѣ XXI. Оригинальными головными уборами отличаются пряжи изъ Борковъ (Bórkowu. Burg, въ Блотахъ). Дѣвушки изображены (листъ XXIII) въ тѣхъ обычныхъ своихъ костюмахъ, въ которыхъ онѣ прядутъ въ длинные зимніе вечера: на головѣ большой, болѣе или менѣе пестрый, иногда также темный, болѣею частью шерстяной платокъ (lара); онъ искусно завязанъ сзади, длинными и широкими концами (rogі), украшенными бахромой и выступающими на обѣ стороны; короткіе рукава рубашки, широкіе, свѣтлые, пестрые, иногда темные платки, украшенные бахромой или кружевами и завязывающіеся крестообразно на груди (концами назадъ); короткія, болѣею частью темнаго цвѣта (зеленыя или синія) толстыя, прежде обыкновенно самодѣльные, юбки, съ широкими пестрыми шелковыми лентами по нижнему краю, пестрые узорчатые или полосатые передники, такъ же длинные и почти столь же широкіе, какъ юбки; наконецъ, на ногахъ длинныя, обыкновенно бѣлыя и болѣею частью собственнаго издѣлія, чулки и низкія туфли изъ кожи, бархата или плюша.

Траурнымъ цвѣтомъ у лужицкихъ сербовъ былъ и до сихъ поръ во всей прусской Верхней Лужицѣ и въ большей части сербской Нижней Лужицѣ считается бѣлый цвѣтъ. На листѣ XX изображены двѣ женщины въ полномъ траурѣ: онѣ закутаны съ головы до ногъ въ бѣлыя, тонкаго полотна покрывала (сѣпа pláchna); рядомъ съ ними двѣ женщины въ полутраурѣ: онѣ покрыты бѣлыми платками только на половину. Отличительный признакъ полутраура составляетъ бѣлая полоска (plátk), проходящая по челу и соединяющая края плахты. Въ прежнее время употреблялись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ двѣ такія полоски при полномъ траурѣ. Полный трауръ носятъ по близкимъ родственникамъ; полутрауръ—по родственникамъ болѣе отдаленнымъ. Нѣсколько иначе носятъ тѣ же бѣлыя плахты, но уже изъ болѣе грубаго полотна, въ приходѣ Slero (Schleife, около Мужакова). Мужчины при траурѣ носятъ бѣлыя гастухи, вмѣсто обычныхъ цвѣтныхъ

и черныхъ, и длинныя черныя суконныя сюртуки, вмѣсто обычныхъ праздничныхъ темно-или свѣтло-синихъ.

На листѣ XXII находимъ чрезвычайно оригинальныя, уже исчезающіе типы страствующихъ музыкантовъ: дударь (dudak) съ маленькою дудой (méchawa), скрипачъ съ маленькою трехструнною скрипкой (guslicki) и третій—съ кларнетомъ, замѣнившимъ прежнюю таракаву (tarakawa). Тутъ же встрѣчаемъ изображеніе страствующаго продавца масла (wolejká), развѣзжающаго обыкновенно съ бочкой масла по лужицкимъ деревнямъ, и при обходѣ крестьянскихъ домовъ наполняющаго ямъ большую бутылъ, которую носить на груди на скрученной изъ соломы перевязи.

Листы XXIV и XXV даютъ рядъ изображеній отдѣльныхъ типовъ, въ большинствѣ, извѣстныхъ по описаннымъ раньше группамъ. Листъ XXVII заключаетъ рядъ снимковъ съ предметовъ домашняго убранства, утвари, посуды; тутъ же изображена „smjertna heja“, закривленный жезлъ, при помощи котораго жители деревни извѣщаются о смерти односельчанина. Изъ дома, гдѣ есть покойникъ, она передается влѣво ближайшему сосѣду и затѣмъ снова возвращается обратно. На ней видна карточка съ обозначеніемъ имени покойника. Обычай этотъ, въ прежнее время широко у сербовъ распространенный, сохранился теперь только въ нѣкоторыхъ деревняхъ. Отъ жезла, созывающаго крестьянъ на сходки („gmejnska heja“). „smjertna heja“ отличается кривымъ своимъ видомъ и тѣмъ, что по срединѣ она сломана и затѣмъ сколочена вновь гвоздями (символь смерти), тогда какъ первая состоитъ изъ цѣльнаго куска и прямая¹⁾.

Народныя музыкальныя инструменты, о которыхъ была уже рѣчь выше, здѣсь собраны всѣ, какіе еще сохранились: „kozol“ (Dudelsack) съ мѣхомъ (meh) и двумя дудками (piscele), одна впереди, съ девятью ладами, другая, свѣшивающаяся обыкновенно за спину дударя (dudak); далѣе—двѣ такъ называемыя „таракавы“ (tarakawa): одна побольше (изъ окр. Мужакова), напоминающая, по звуку гобой, другая меньше (изъ области католическихъ сербовъ, окр. монастыря Marina Hwjezda), теперь уже не употребляющаяся, напоминаетъ болѣе кларнетъ; обѣ отличаются крикливымъ тономъ; пастушья свирѣль (pišalka), еще лѣтъ 30 тому назадъ очень распространенная, теперь уже рѣдко встрѣчающаяся, такъ какъ скотъ почти не выго-

¹⁾ Ср. очеркъ Ч. Зибрты, „Rychtárské právo, palice, kluka“. Věstník Král. Spol. nauk, 1896, č. VIII.

няется въ поле; рукописныя ноты сербскаго народнаго музыканта (Краля изъ Цемерицъ, Temmgritz, около Будимина) начала нынѣшняго столѣтія; двѣ типичныя лужицкія трехструныя скрипки, одна обыкновенныхъ размѣровъ (*gusle*) и другая маленькая (*guslǐcki*); особенность ихъ составляютъ три струны, настроенныя въ d, a, e, совершенно плоское и тонкое дно и сильно выгнутая верхняя дека, имѣющая три резонатора.

Послѣдніе листы этого изданія (XXVI—XL) даютъ нѣкоторый матеріалъ для исторіи лужицко-сербскаго дома и вообще славянскаго жилища. Оригинальныя деревянныя народныя постройки все болѣе и болѣе исчезающія, отчасти и вслѣдствіе запрещенія воздвигать новыя деревянныя строенія, сохранены будутъ для будущаго историка частью и въ этомъ изданіи.

Описаніе лужицко-сербскаго дома сдѣлано было уже Смолеромъ, во второй части названнаго выше сборника лужицко-сербскихъ народныхъ пѣсень („Wohnung“, стр. 211—213). Это первое точное и вполне надежное, но недостаточно полное и посвященное при этомъ только верхне-лужицкому дому, описаніе. Краткіе очерки находимъ у Рихарда Андрее въ его „Wendische Wanderstudien“ (1874), въ прекрасной монографіи W. von Schulenburg'a: „Das Spreewaldhaus“ (*Zeitschrift für Ethnologie*, Berlin, 1886 123—144) и слабой, особенно въ лингвистическомъ отношеніи, работѣ M. Müschnera: „Das Spreewaldhaus“ (*Verhandlungen der Berliner Anthropologischen Gesellschaft*, 1887, 98—105). Лучше по полнотѣ, обстоятельности и систематичности описаніе сдѣлано было чешскимъ изслѣдователемъ лужицко-сербской народной жизни Ад. Чернымъ, составившимъ на основаніи матеріаловъ, лично имъ собранныхъ во время многократныхъ путешествій по Лужицамъ, обширный очеркъ, подъ заглавіемъ: „Zagroda Lužuska“, напечатанный въ варшавскомъ журналѣ „Wisła“ (III., 1889, стр. 338—369). Тотъ же очеркъ вышелъ затѣмъ и въ Часописи Матицы Сербской и отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: „Wobudlenje Lužiskich serbow“ (Rudyšin, 1889). Къ тѣмъ рисункамъ и планамъ, которые приложены къ очерку А. Чернаго, настоящее изданіе даетъ въ дополненіе рядъ прекрасныхъ снимковъ типичныхъ лужицко-сербскихъ построекъ. Къ сожалѣнію, къ этимъ таблицамъ не приложено никакого описанія, кромѣ обозначенія мѣстности, нѣтъ характеристики типовъ лужицко-сербскихъ построекъ, а еще болѣе жалько, что нѣтъ ни одного снимка, который давалъ бы намъ наглядное и вѣрное представленіе о внутреннемъ устройствѣ и убранствѣ

типичной сербской хаты. Подъ инымъ, болѣе соответствующимъ дѣйствительному содержанію, заглавіемъ изданіе это получило бы болѣе широкую извѣстность въ славянскихъ странахъ, чего нельзя не пожелать ему вполне искренно.

В. А. Францевъ.

Нѣсколько словъ по поводу отзыва проф. Н. П. Некрасова о VI изданіи составленнаго мною учебника древняго церковно-славянскаго языка.

Проф. Н. П. Некрасовъ на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ (апрѣль) напечаталъ подробную рецензію VI изданія составленнаго мною для среднихъ учебныхъ заведеній руководства по грамматикѣ древняго церковно-славянскаго языка. Эта рецензія, имѣющая въ виду дать нѣсколько замѣчаній, могущихъ содѣйствовать дальнѣйшему улучшенію моей книги, вполне отвѣчаетъ и моему желанію, высказанному въ предисловіи къ I-му изданію грамматики, чтобы люди свѣдущіе не оставили моей книги безъ замѣчаній и указаній, каковыя при дальнѣйшихъ изданіяхъ будутъ подвергнуты самому внимательному обсужденію. Принося свою глубокую благодарность проф. Некрасову за сдѣланныя замѣчанія, не могу, однако, нѣкоторыхъ изъ нихъ признать достаточно серьезными и поэтому въ видахъ чисто научныхъ и педагогическихъ нахожу нужнымъ нѣсколько остановиться на нихъ.

Прежде всего меня довольно удивило слѣдующее замѣчаніе: „На страницѣ 6-ой... странно читать въ книгѣ, написанной *профессоромъ*, ученіе о *произношеніи* (не звуковъ, а) *буквъ!*“ Конечно, съ логической точки зрѣнія точнѣе выразиться такъ: „произношеніе звуковъ, обозначаемыхъ церковно-славянскими буквами“, или „звуки, соответствующіе буквамъ древней церковно-славянской азбуки“. Однако же допущенное мною выраженіе, вслѣдствіе своей краткости и полной приимчивости къ языку мертвому, какимъ является древній церковно-славянскій, употребительнѣе всякихъ другихъ. Могу сослаться на переводъ грамматики Лескина, сдѣланный академикомъ А. А. Шахматовымъ (см. стр. VII или 3: „произношеніе знаковъ ъ. љ. ѿ. ѣ не можетъ быть опредѣлено съ точностью“), на „Руководство къ изученію санскрита, составленное проф. В. О. Миллеромъ и проф. О. И. Кнау-

зрѣтъ“ (см. стр. 2: „Гласные і, і, ѣ произносятся, какъ соответствующія латинскія буквы“). Но меня больше всего поразило, когда то же самое я прочелъ въ „Очеркѣ сравнительнаго ученія о звукахъ и формахъ древняго церковно-славянскаго языка“, составленнаго самимъ проф. Некрасовымъ (ср. стр. III: „произношеніе буквъ древнихъ церковно-славянскихъ азбукъ“; 16: „числовое значеніе буквъ.—Произношеніе ихъ“; 18: „s произносилось какъ ѡz“ и т. д.). По всей вѣроятности, проф. Некрасовъ въ настоящее время (послѣ рецензиі на его книгу А. С. Будиловича, помѣщенной въ *Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ*, т. XXII, за 1889 г., стр. 145—164) отказался отъ многихъ положеній своего „Очерка“, но все-таки слѣдуетъ принять въ расчетъ, что я употребилъ поразившее моего рецензента выраженіе еще въ 1888 году (тогда вышло I изданіе моей грамматики), будучи начинающимъ преподавателемъ гимназій, тогда какъ проф. Некрасовъ, выпуская свой „Очеркъ“ съ тѣмъ же выраженіемъ годомъ позже (въ 1889 году), былъ извѣстнымъ уже профессоромъ, ставшимъ вскорѣ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ.

Мое замѣчаніе о томъ, что ѡ и ѣ въ русскомъ языкѣ подъ удареніемъ замѣняются чистыми гласными *o* и *e*, и что такая же замѣна иногда бываетъ и безъ ударенія,—признано формулированнымъ неправильно: „автору учебника должно быть извѣстно, что эта мѣна бываетъ тогда, когда открытый слогъ съ глухимъ гласнымъ въ словахъ древняго церковно-славянскаго языка становится слогомъ закрытымъ въ русскомъ языкѣ“ (440 стр.). Но, не говоря уже о томъ, что ученики IV класса въ началѣ курса не знаютъ, какіе слогъ открытые и закрытые, такъ какъ рѣчь объ этомъ обыкновенно бываетъ въ словообразованіи, и само объясненіе, выставленное проф. Некрасовымъ, не отличается правильностью. Какъ, напримѣръ, держась его, можно объяснить появленіе чистыхъ гласныхъ въ такихъ русскихъ словахъ, какъ мертвецъ (мрътвѣца), чернецъ (чрънѣца), въ кровѣ (въ крѣви), кровавый (крѣвѣвъ), дровъ (дрѣва), советъ (свѣтъ), соборъ (сборъ) и т. п.? Исторія языка намъ укажетъ, что въ подобныхъ случаяхъ проявляется дѣйствіе многихъ причинъ: стремленія къ удобству произношенія, аналогии другихъ формъ отмѣченныхъ словъ, гдѣ гласнымъ ѡ и ѣ приходится стоять подъ удареніемъ и под. (ср. объ этомъ еще у проф. А. И. Соболевскаго: „Древній церковно-славянскій языкъ“, М., 1891, стр. 138). Но кто станетъ разсуждать обо всемъ этомъ въ началѣ курса церковно-славянской грамматики, когда рѣчь идетъ о

звукахъ. соответствующихъ древнимъ церковно-славянскимъ буквамъ **ѣ** и **ѣ**?

По поводу замѣчанія въ § 11 грамматики относительно того, что „появленіе такихъ формъ, какъ *тобой. своей* изъ *тобою, своею, моей* изъ *моєа*, слѣдуетъ объяснять стремленіемъ языка къ краткимъ формамъ“, то-есть, дѣйствіемъ аналогіи большинства односложныхъ окончаній,—въ разборѣ помѣщено замѣчаніе такого рода, будто я вижу здѣсь сокращеніе звуковъ *ю* и *я* (я бы сказалъ слоговъ *ју* и *ја*). а не отпаденіе ихъ. Въ этомъ случаѣ на меня взводится напраслина, въ чемъ легко убѣдиться изъ приведеннаго мѣста. Я преднамѣренно умалчиваю о томъ, куда дѣвался конечный звукъ, такъ какъ относительно нѣкоторыхъ формъ, напримѣръ, *моей* при *моѣмъ*, древне-русское *моєѣ*. съ удареніемъ на концѣ, рѣшительно невозможно утверждать, чтобы здѣсь было фонетическое исчезновеніе конечнаго ударяемаго звука.

Нѣсколько сильно замѣчаніе относительнаго моего положенія, что сочетаніе губныхъ съ *ј* необычно. Вѣдь у меня идетъ рѣчь о появленіи *л* на мѣстѣ *ј* послѣ *б, н, в, м* въ языкѣ Остромирова Евангелія, гдѣ сочетаніе отмѣченныхъ согласныхъ съ *ј* именно необычно. То же слѣдуетъ сказать и относительно древнѣйшихъ образованій русскаго языка. Наконецъ, въ корняхъ сочетаніе указанныхъ звуковъ съ *ј* невозможно во всѣхъ памятникахъ древняго церковно-славянскаго языка (плюкъ, влюдо), что указываетъ на древность появленія *л* мягкаго на мѣстѣ *ј* послѣ *б, н, в, м*.

Совершенно напрасно признано невѣрнымъ мое замѣчаніе о томъ, что „если звукамъ *к* и *г* предшествуютъ *с* и *з*, то *ск* и *зг* смягчаются не въ *сц* и *зз*, а въ *ст* и *зд*“. Тутъ неточность лишь въ томъ, что вмѣсто *зз* слѣдовало бы написать *зс*, но вѣдь, какъ и въ другихъ случаяхъ, рѣчь идетъ здѣсь о языкѣ Остромирова Евангеліе, которое „Учебными планами“ положено въ основу преподаванія древняго церковно-славянскаго языка, а въ Остромировомъ Евангеліи *с* въ роли показателя звука не встрѣчается. Далѣе, изъ того, что въ памятникахъ встрѣчаются формы и съ *сц*, которыя несомнѣнно являются переходными къ *ст*, не слѣдуетъ, чтобы эти образованія считались типическими: въ большинствѣ случаевъ памятники знаютъ въ окончаніяхъ словъ *ст*. Въ томъ же мѣстѣ, откуда взяты приведенныя проф. Некрасовымъ слова изъ Остромирова Евангелія съ *сц*, находимъ и списокъ словъ съ *ст*, сопровождаемый при этомъ замѣча-

ишемъ: „какъ видимъ, Остромирово Евангеліе даетъ предпочтеніе сочетанію ст“ (*Козловскій: О языкѣ Остромирова Евангелія*, 53). Да, наконецъ, то же, что у меня, читаемъ и въ „Очеркѣ“ проф. Некрасова: Зг передъ и (вмѣсто ѣ=осн. а, і, ай) и передъ ѣ (=āi) измѣняется въ За, а звукосочетаніе ск въ ст“ (стр. 73).

Положеніе, что „передъ шипящими свистящіе переходятъ въ шипящіе и наоборотъ“, подтвержденное примѣрами изъ древняго церковно-славянскаго языка и русскаго, вызвало цѣлую страницу замѣчаній (445). Проф. Некрасовъ утверждаетъ, а) что „въ русскомъ языкѣ образованнаго общества звуки свистящіе обыкновенно въ данномъ случаѣ не переходятъ въ шипящіе“; но всякій внимательно слѣдящій за своимъ произношеніемъ, а также наблюдающій за другими и не опирающійся исключительно на нашей орфографіи, убѣдится въ противоположномъ, именно, что „свистящіе з и с передъ шипящими ж, ш, ч произносятся, какъ шипящіе: изжарить—ижжаритъ, шедшій—шшедшій, извозчикъ—извшчикъ и т. д.“ (ср. хоть академика *Я. К. Грота: Русское правописание*, § 20, II б). А вотъ и нѣсколько примѣровъ изъ древне-русскаго языка, указывающихъ на исконность этого закона: ижженуть, ижжившю, ражжегъся, рашширяють и т. д. (ср. Лекція по исторіи русскаго языка¹ проф. *А. И. Соболевскаго*, 130—131). б) Далѣе находимъ утвержденіе, что „обратный переходъ, то-есть, шипящихъ въ свистящіе передъ свистящими“, неизвѣстенъ какъ въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ, такъ и въ русскомъ. Производить подобное уподобленіе, по мнѣнію моего рецензента, могутъ лишь лица, не говорящія правильно по-русски или вовсе не произносящія шипящихъ звуковъ. И по поводу этого замѣчанія могу сказать, что оно основано лишь на привычкѣ смѣшивать орфографію съ произношеніемъ. Чтобы произнести вполне отчетливо ш въ какомъ либо *несешься*, необходимо послѣ этого звука сдѣлать нѣкоторую паузу, или точнѣе — произнести частичный гласный, близкій къ ѣ, чего на самомъ дѣлѣ въ обыкновенной рѣчи не бываетъ: слышится лишь долгій с, достаточно мягкій, но не такой, какъ, напримѣръ, въ словѣ *сяду*. Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе высказаннаго положенія, отошлю читателя, напримѣръ, къ „Лекціямъ по исторической грамматикѣ русскаго языка“ проф. *Р. Ѡ. Брандта*, М., 1892, 134—135, гдѣ приводятся обосновывающія соображенія; или къ „Лекціямъ по исторіи русскаго языка“² проф. *А. И. Соболевскаго* (100—101), гдѣ относительно разсматриваемаго явленія читаемъ слѣдующее: „великорусское и бѣлорусское нарѣчія... на мѣстѣ древнихъ

жсь, шьс имѣютъ обыкновенно одно мягкое или твердое с (сѣверно-великорусскіе говоры: риськой и т. п.), другіе—двойное твердое (московскій говоръ: рисскій)". Что этотъ законъ не новый и тѣмъ болѣе не обуславливаемый физиологическими особенностями произношенія отдѣльныхъ лицъ, можно подтвердить фактами, взятыми изъ исторіи древняго церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ. Вотъ въ какомъ положеніи было дѣло въ ту эпоху древняго церковно-славянскаго языка, отъ которой дошли до насъ древнѣйшіе памятники: „Эпоха послѣ—кирилло-меоодіевская началась исчезновеніемъ глухихъ и и въ концѣ и серединѣ словъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они были безъ ударенія, и гдѣ стеченіе согласныхъ не требовало сохранения между ними гласныхъ“ (*Соболевскій*: Древній церковно-славянскій языкъ, 138)... „Согласные, нѣкогда отдѣленные другъ отъ друга глухими, послѣ исчезновенія этихъ послѣднихъ, соприкоснулись и оказали взаимное воздѣйствіе“ (*ibid.*, 145). Слѣдствіемъ этого воздѣйствія были случаи „полнаго измѣненія согласныхъ, а иногда также и опущенія. Это — вѣство Зогр. 71, Мар. 88, 169 и др., бѣсство Асс. 99; изъ бѣжъство, розъства Клоц. Сб. 23, Мар. Ев. 48, изъ рождъство, невѣзъства Син. пс. 46 изъ невѣждъства“ (*ibid.*, 145—146). Сюда же относится и забракованное проф. Некрасовымъ послоуство изъ послоушьство и др. Изъ приведенныхъ мѣстъ видно, что переходъ шипящихъ въ свистящія въ извѣстныхъ случаяхъ свойственъ самымъ древнимъ памятникамъ церковно-славянскаго языка¹⁾. Онъ же наблюдается и въ памятникахъ древне-русскаго языка: рязкинъ=рижьскій Смол. гр. 1229 г., варязская Новгородская лѣтопись XIV вѣка, мѣнствы=мѣножъствы Лѣств. XII вѣка и др. (*Соболевскій*, Лекціи², 100). Такимъ образомъ приведенный въ моемъ учебникѣ законъ наблюдается въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ, въ древне-русскомъ и въ теперешнемъ не только „по словамъ“ моимъ, но и на самомъ дѣлѣ. Понятно, въ древнѣйшую эпоху церковно-славянскаго языка, отъ которой до насъ не дошли памятники, когда ж и ѣ во всѣхъ случаяхъ произносились, такъ какъ тогда не могли встрѣтятся жс, ч, ш, щ непосредственно со свистящими, въ приведенныхъ выше словахъ этого перехода не было; не обозначался онъ,

¹⁾ Считаю нужнымъ замѣтить, что примѣровъ, подобныхъ приведеннымъ, я не смѣшиваю съ такими, какъ встрѣчающіеся въ „Кіевскихъ лѣствахъ“, писанныхъ въ западныхъ областяхъ, гдѣ имѣемъ: оґръдѣцѣ, тѣзе, полѣзь, приѣмѣлѣ, тѣлѣзе, оґѣцѣни и т. д. (*Denkschriften d. k. Akad., Wien, 1890*).

по традиціи письма, обыкновенно и въ то время, отъ котораго до насъ дошли памятники; о немъ приходится судить лишь по исключительнымъ случаямъ; вслѣдствіе этого у меня въ учебникѣ и прибавлено „*много* и на письмѣ“.

Отпаденіе согласныхъ въ русскомъ языкѣ далеко не ограничивается однимъ *л* въ причастіяхъ мужескаго рода, въ родѣ *могъ*. Не говоря уже о чисто народныхъ словахъ, въ которыхъ не рѣдкость образованія, какъ *кась* вм. казнь, *жись* вм. жизнь, *гось* вм. гость, могу сослаться еще на очень обычное произношеніе многихъ лицъ: *корѣп* вм. корабль, *руп* вм. рубль и под. Въ элементарномъ учебникѣ я естественно ограничился лишь ссылкой на причастіе на *-лъ*, такъ какъ это послѣднее отпаденіе обозначается и въ нашей орфографіи.

Вопросъ о русскомъ полногласіи, конечно, очень важенъ, и я счелъ нужнымъ коснуться его, хотя въ „Учебныхъ планахъ“ онъ и опущенъ. Однако же я не нашелъ возможнымъ подробно останавливаться на вопросѣ: „когда же именно въ русскомъ языкѣ возможно полногласіе и когда невозможно“, ограничиваясь лишь констатированіемъ фактовъ, такъ какъ гг. преподавателямъ гимназій эти условія несомнѣнно всѣмъ извѣстны, а ученикамъ низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, безъ привлеченія примѣровъ изъ родственныхъ языковъ (хотя бы только латинскаго, греческаго, литовскаго, нѣмецкаго), объяснить ихъ и невозможно; а вѣдь самъ же проф. Некрасовъ ставитъ мнѣ въ вину сопоставленіе русскихъ и церковно-славянскихъ звуковъ съ родственными (ср. стр. 441). Впрочемъ, о формулировкѣ П. А. Лавровскимъ условій, когда бываетъ полногласіе въ русскомъ языкѣ, сдѣланной 37 лѣтъ тому назадъ („Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики“, т. V. С.-Пб., 1861 г., стр. 227 и слѣд.), въ примѣчаніи можно напомнить хотя бы гг. преподавателямъ, съ предупрежденіемъ, однако, что Лавровскій не умѣлъ правильно объяснить своего вѣрнаго наблюденія.

Мое разсужденіе о составныхъ частяхъ слова, конечно, не во всѣхъ мѣстахъ отличается достаточною точностью, и я очень благодаренъ проф. Некрасову за сдѣланныя указанія. Впрочемъ, промахи, допущенные мною, не настолько важны, какъ это можетъ показаться при чтеніи ихъ разбора. Дѣло въ томъ, что совершенно точно разсуждать о составныхъ частяхъ словъ можно только на почвѣ сравнительнаго языковѣдѣнія и при томъ исторической, въ добавокъ съ лицами, получившими по крайней мѣрѣ среднее образованіе, а не съ учениками,

прошедшими только 3 класса, приступающими къ изученію древняго церковно-славянскаго языка съ тѣми свѣдѣніями, которыя они вынесли изъ грамматики Кирпичникова. Поясню сказанное примѣромъ. Проф. Некрасову не понравилось, что я относительно корня слова выразился между прочимъ, какъ о части слова, „обыкновенно неизмѣняемой“, а затѣмъ въ дальнѣйшемъ изложеніи прибавилъ въ поясненіе, что „корень не можетъ больше расчленяться и подвергаться особенно значительнымъ перемѣнамъ“. Все это не представляетъ противорѣчія, а только для удобства пониманія учениковъ IV класса изложено по тому логическому методу, по которому въ основу кладется ходячее объясненіе и затѣмъ постепенно ограничивается, пока не дойдетъ до самаго точнаго опредѣленія (ср. *М. Владиславлева: Учебникъ логики*, С.-Пб., 1882, стр. 21). Въ данномъ случаѣ въ основу положено уже извѣстное ученику IV класса опредѣленіе корня въ русской грамматикѣ, гдѣ, напримѣръ, въ самой распространенной А. Кирпичникова, читаемъ: „корень есть неизмѣняемая часть слова, состоящая изъ одного слога“ (§ 60 этимологіи). Я лично убѣжденъ, напримѣръ, въ томъ, что опредѣленіе корня, данное въ учебникѣ г. Флѣрова, дважды прочитанномъ еще въ рукописи проф. Некрасовымъ (стр. XI 1-го изд.), повторяющее въ сокращеніи мысли „Очерка“ (стр. 78), непонятно ученикамъ и можетъ быть усвоено только памятью, но не сознательно. Вотъ это опредѣленіе: „Корнемъ называется составная часть слова въ своей первообразной формѣ, лежащая въ основѣ образованія многихъ словъ въ языкѣ и выражающая общее всѣмъ имъ основное значеніе“ (§ 23 1-го изд.). Тутъ между прочимъ при выраженіи „лежащая въ основѣ образованія многихъ словъ въ языкѣ“ слѣдуетъ прибавить что либо, въ родѣ забракованнаго у меня „цѣлаго семейства словъ“. Иное дѣло разсматривать подобныя вопросы въ университетскомъ курсѣ, а иное съ учениками низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Недоразумѣніе проф. Некрасова по поводу того, что относительно происхожденія суффикса—*енк-* изъ $\text{A} + \text{nk}$ я выразился не категорически, разсѣтся, если я напомню, что по поводу этого объясненія я въ свое время написалъ статейку, въ которой рѣшительно не соглашаюсь съ ходячими объясненіями этого суффикса (ср. „О суффиксахъ въ въ русскихъ словахъ типа *теленка, Васенька, рученька, бѣленькій*“, *Русскій Филологическій Вѣстникъ*, 1889 г., № 3, т. XXII). Я привелъ однако отмѣченное толкованіе, такъ какъ оно поддерживалось такими учеными, какъ *Ф. И. Буслаевъ* и *Я. К. Гротъ*.

На двухъ страницахъ (448—449) идетъ разборъ опредѣленія флексій и глагольныхъ основъ, при чемъ для примѣра проф. Некрасовъ беретъ (не изъ соответствующихъ мѣстъ моей грамматики) формы глагола *быти* и *късмь*. Изложеніе ведется такимъ образомъ, чтобы представить у меня полиѣйшую путаницу. Однако, на самомъ дѣлѣ выходить далеко не такъ. 1) У меня о спряженіи сказано, что оно „состоитъ въ соединеніи глагольныхъ основъ съ флексіями¹⁾“, показывающими лицо, число, время и наклоненіе“. Съ точки зрѣнія сравнительнаго языковѣдѣнія здѣсь не можетъ быть рѣчи о флексіяхъ, а только о суффиксахъ. Вѣдь языкъ вообще не знаетъ падежей и глагольныхъ формъ, а знаетъ только слова, находящіяся въ большей или меньшей близости между собою. Каждое слово имѣетъ реальное значеніе, заключенное въ корнѣ, и формальное, обусловленные разными наставками, которыя и указываютъ на степень близости словъ между собою. Дѣло морфологій группировать слова по этимъ ихъ формальнымъ свойствамъ и указывать ихъ соотношеніе между собою, такъ что, собственно говоря, ни въ одномъ словѣ не мѣняются окончанія, а только находящіяся въ извѣстной близости слова ставятся въ соотношеніе между собою; значить и флексій, какъ показателей измѣненій словъ, нѣтъ. Такъ представляется дѣло при сужденіи объ „органическомъ“ происхожденіи словъ. Но въ грамматикахъ, стремящихся научить языку болѣе легкимъ способомъ, изслѣдующихъ при томъ явленія отдѣльныхъ языковъ, дѣло обстоитъ иначе. Тутъ, особенно въ грамматикѣ для IV класса, нужно указать ученику, какъ образовать форму; какъ получить основу, неизмѣняемую, напримѣръ, во всемъ склоненіи слова или при образованіи извѣстнаго разряда формъ въ спряженіи (въ данномъ случаѣ примѣнительно къ ученію о двухъ основахъ глагола); нужно, наконецъ, указать, какіе слѣдуетъ прибавлять флексивные суффиксы въ именахъ для формъ единственнаго и множественнаго чиселъ, а въ глаголахъ для показанія лицъ, временъ и наклоненій. Въ этомъ случаѣ очень рациональный взглядъ высказалъ А. С. Будиловичъ въ рецензіи на „Очеркъ“ проф. Некрасова (*Русскій Филологическій Вѣстникъ*, т. XXII, 160): „намъ думается, что меха-

¹⁾ Употребленъ терминъ, извѣстный ученикамъ еще изъ 2-го класса. Ср. въ грамматикѣ Кирпичникова: „Флексія есть часть окончанія, измѣняемая въ склоненіи и спряженіи“ (§ 60). Въ научномъ смыслѣ флексія обозначаетъ самую *первѣйшую* суффиксовъ при склоненіи и спряженіи словъ (ср. *K. Brugmann: Grundriss d. vergl. Grammatik d. indgr. Sprachen*, I², 32 и слѣд.).

визмъ темо- и словообразованія церковно-славянскаго долженъ опредѣляться духомъ и привычками этого языка, а не какого либо другаго, напримѣръ, праарійскаго или „основнаго“. Если, слѣдовательно, какой либо звукъ принадлежалъ „п्राязычно“ къ суффиксу, въ смыслѣ тематическаго элемента, но впослѣдствіи причесъ къ флексіи и употребляется въ данномъ случаѣ въ составѣ послѣдней, то-есть, при образованіи категоріи рода, числа и падежа въ имени, а наклоненія, числа и лица въ глаголѣ, то онъ долженъ въ этомъ языкѣ считаться элементомъ флексивнымъ, а не суффикснымъ, или однимъ изъ образозавателей слова, а не темы“. 2) При стремленіи проф. Некрасова ограничить, напримѣръ, глагольныя флексіи только показателями лицъ, ученіе о двухъ основахъ глагола, признаваемое имъ совершенно правильнымъ, съ точки зрѣнія исторической окажется совершенно ложнымъ. Не говоря уже о томъ, что основой неопредѣленнаго, напримѣръ, нести, съ послѣдней точки зрѣнія не будетъ нес-, а нести, такъ какъ это такое же именное образованіе, какъ пти, мы должны будемъ совершенно естественно отмѣтить основы аористовъ, имперфекта, къ нимъ присоединимъ еще основу настоящаго времени, то-есть, не двѣ глагольныя основы, а нѣсколько. А вѣдь все это нисколько не облегчитъ знакомства съ формами глагола. 3) Чтобы показать недостаточную точность моего изложенія, проф. Некрасовъ взялъ для примѣра формы глагола БИТИ и производять ихъ отъ основъ неопредѣленнаго БИ- и настоящаго БѢДС-. Но вѣдь ни для кого не тайна, что въ образованія формъ глагола БИТИ участвуютъ далеко не двѣ основы БИ- и БѢДС-, а еще БѢ-, би-(вимь); связь между этими основами несомнѣнно есть, но до сихъ поръ она еще никѣмъ не объяснена удовлетворительно. Слѣдовательно, при сужденіи объ образованіи формъ глагола ссылаться на БИТИ такъ же не рационально, какъ, напримѣръ, при сужденіи объ именныхъ основахъ и флексіяхъ ссылаться на формы 43д, мѣне и т. д. 4) Измѣненія основы съ присоединеніемъ къ ней флексивныхъ суффиксовъ чисто фонетическаго характера, какъ измѣненіе основы нес- (глагола несмь) во 2-мъ лицѣ въ не-(неси) вслѣдствіе слитія двухъ с, или различіе въ русскихъ взять и возмю, въ морфологій не должны имѣть мѣста. Здѣсь можно бы говорить о такихъ измѣненіяхъ основы, какія видимъ въ склоненіи гречъ ἀνῆρ или πατήρ, но языкъ древній церковно-славянскій такихъ измѣненій уже не зналъ. Его сѣтъ и несмь и т. д. не представляютъ явленія древняго церковно-славянскаго языка, а отражаютъ лишь праязычное чередованіе въ

спряженіи этого слова сильныхъ и слабыхъ формъ, насколько можно судить объ этомъ по формамъ санскритскимъ: *āsmi, āsi, āsti, smās, stha, śānti* или готскимъ *im, is, ist, sijum, sijuth, siund* и др. Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго можно прийти къ заключенію, что слѣдующій выводъ, сдѣланный проф. Некрасовымъ: „противопологать флексію, какъ часть измѣняемую слова, основѣ, какъ части неизмѣняемой слова въ склоненіи и спряженіи, значитъ вносить въ грамматику флексивнаго языка нѣчто совершенно несообразное съ его природою“,—совершенно невѣренъ въ примѣненіи, напримѣръ, къ языку древнему церковно-славянскому или русскому. Онъ имѣлъ бы отношеніе лишь къ индо-европейскому языку.

Я преднамѣренно умолчалъ о томъ, въ формѣ какихъ падежей совпалъ въ русскомъ языкѣ именительный и винительный столы и столы, корабли и корабля, такъ какъ если форма *столы* и есть винительный падежъ множественнаго числа, то этого нельзя сказать относительно *корабли*, потому что по своему окончанію оно не равно ни церковно-славянскому винительному *корабля*, ни древне-русскому *корабль*, а развило свое *и* въ подражаніе *ы* твердаго различія уже тогда, когда какое либо *столы* было общею формой именительнаго и винительнаго безъ перевѣса въ ту или другую сторону. Наконецъ, на формы, въ родѣ *корабли*, можно взглянуть и иначе—какъ на старинный именительный, замѣнившій и винительный; тогда въ именительномъ *столы* пришлось бы видѣть подражаніе ему. Въ случаѣ сообщенія ученикамъ того или другаго взгляда дѣло нисколько не выиграетъ.

Замѣчаніе относительно *-и* послѣ задненебныхъ въ формахъ: книги, руки, сохи, не на мѣстѣ: оно должно быть въ фонетикѣ. Въ морфологии я умолчалъ объ этомъ явленіи, такъ какъ оно извѣстно уже ученикамъ изъ фонетики. Впрочемъ, въ вопросахъ, приложенныхъ къ разсматриваемому §-у, читаемъ у меня: „крики, грѣхи, боги—съ окончаніемъ *и* во множественномъ числѣ архаизмъ или нѣтъ?“ (стр. 46). Сказанное относится и къ замѣчанію проф. Некрасова въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

На вопросъ: „Развѣ форма творительнаго падежа единственнаго числа отъ именъ существительныхъ на *-ā*, напримѣръ, *водонъ*, есть форма именнаго склоненія, а не мѣстоименнаго (какъ *тоно*)?“—отвѣчу: неизвѣстно. Въ этомъ падежѣ и имена и мѣстоименія либо пользуются *основой*, *распространенною прибавкой* *-ја*, либо, по другому мнѣнію, и тѣ и другія формы образованы отъ основъ на дифтонгъ, восходя-

шихъ еще къ основному индоевропейскому языку, насколько можно судить объ этомъ по подобному же распространению основы въ санскритскомъ *ācvaṃ* (послѣ *ā* отпало *n*, какъ въ *gājā* отъ основы *gājān*; предполагаемое *ān* и отражается въ нашемъ *н*). Правда, имена знаютъ и форму на *-нъ*, не только на *-онъ*, но, какъ убѣдительно доказалъ Миклошичъ, отказавшись отъ своего прежняго мнѣнія, высказаннаго въ морфологii славянскихъ языковъ, въ формѣ на *-нъ* слѣдуетъ видѣть стяженіе изъ *онъ*. Миклошичъ въ статьѣ: „Ueber die langen Vocale in den slavischen Sprachen, Wien, 1879“ (Denkschriften d. kais. Akad. der Wissenschaften), выходитъ изъ того соображенія, что отраженіе творительнаго на *-нъ* въ новыхъ славянскихъ языкахъ (чешскомъ и польскомъ) отличается по своей формѣ отъ винительнаго, замѣняющаго также древнюю церковно-славянскую форму на *-нъ*, при чемъ въ творительномъ является гласный долгій, чего нѣтъ въ винительномъ, хотя происхождение ихъ (винительный = *ān*), повидимому, одинаковое. Такъ въ чешскомъ винительный *hlavū*, а творительный *hlavú* изъ старочешскаго *hlavou*; въ польскомъ, не различающемъ долготы гласныхъ, винительный *głowe*, а творительный *głowa*, при чемъ чередованіе *e* и *a* соотвѣтствуетъ чередованію краткихъ и долгихъ гласныхъ въ чешскомъ. Значить, основная славянская форма для творительнаго была *водѣ* съ юсомъ долгимъ, а это возможно было только въ томъ случаѣ, если допустить здѣсь стяженіе изъ *онъ*.

Что касается недопущенія возможности происхожденія *ветъшати* изъ **ветъхъти*, то по этому поводу замѣчу слѣдующее: если бы *ветъшати*, согласно взгляду проф. Некрасова, было образовано съ суффиксомъ *-а-* при посредствѣ *ветъшити*, какъ *хаждати* отъ *ходити*, то оно обозначало бы видъ многократный, а не средній залогъ.

Дальше въ разсматриваемой рецензii дѣлается предположеніе о моемъ взглядѣ относительно суффикса повелительнаго, при чемъ дѣло представляется въ совершенно ложномъ освѣщеніи (будто бы я предполагаю, что *неси* образовалось на славянской почвѣ изъ *несе + и*). Смѣю увѣрить проф. Некрасова, что не только я, но и ни одинъ изъ моихъ слушателей не усомнится въ томъ, что древній церковно-славянскій суффиксъ повелительнаго *и—ѣ* равенъ основному *-оі* (ср. и въ моемъ учебникѣ стр. 7, гдѣ *всрѣмѣ* сопоставлено съ *вѣроцев*). Другое дѣло, почему на мѣстѣ дифтонга *-оі* въ единственномъ числѣ имѣемъ *и*, а не *ѣ*, но этого нельзя уяснить ученикамъ гимназii на почвѣ только древняго церковно-славянскаго языка. Далѣе проф. Не-

красову показалось неправильнымъ замѣчаніе о томъ, что суффиксъ повелительнаго -ѣ- во II спряженіи, а также послѣ гласныхъ въ I переходить въ и. Въ качествѣ возраженія приведена форма *ицатѣ* Остромирова Евангелія, л. 275, в. Хотѣлъ бы я знать, только ли затѣмъ приведено это возраженіе, чтобы увеличить число недостатковъ моей книги, или же дѣйствительно проф. Некрасовъ знаетъ какой либо особый способъ объясненія подобныхъ позднѣйшихъ и далеко не типичныхъ явленій, какъ *ѣ* въ повелительномъ вмѣсто *и*. Предположенное имъ объясненіе этого явленія въ „Очеркѣ“ (стр. 167) не можетъ считаться научнымъ, такъ какъ *ѣ* появляется на мѣстѣ *ѣ*, только равнаго основному *ѣ*, а не дифтонгу. Единственно правильнымъ объясненіемъ должно быть признано слѣдующее (*Лескинъ*: Грамматика старославянскаго языка, М., 1890, стр. 140): „Первоначально въ этой формѣ возможна только гласная *-и-* (= *(j)oi*): *вниѣмъ*, *глаголиѣмъ* и т. д. Но вслѣдствіе склонности, распространенной во всѣхъ памятникахъ, подъ влияніемъ аналогіи... *несѣѣмъ*, *двигнѣѣмъ*, появляется *ѣ*, вмѣсто котораго послѣ *j*... стоитъ *а*: *вниамъ*“... А въ виду того, что подобныя формы вторичныя и довольно рѣдкія, о нихъ лучше и не упоминать въ учебникѣ для низшихъ классовъ гимназій. Ихъ можно коснуться лишь въ примѣчаніяхъ къ читаемому въ гимназіяхъ отрывкамъ изъ Остромирова Евангелія.

На основаніи всего сказаннаго можно придти къ заключенію, что замѣчанія проф. Некрасова часто отражаютъ его личный вкусъ, а не являются поправками по существу. Особеннымъ нападка подверглось въ моей грамматикѣ *образование словъ*, но вотъ что объ этомъ же отдѣлѣ говоритъ прежній рецензентъ ученаго комитета (забравовавшій, кстати сказать, учебникъ г. Флѣрова, впослѣдствіи новою комиссіей подъ предсѣдательствомъ проф. Некрасова даже премированный. Ср. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1894 г., ноябрь: „Наша учебная литература“): „За фонетикой слѣдуетъ „*образование словъ*“ — разсматриваются корни, префиксы и суффиксы. Эта статья *прекрасно составлена*; русское словопроизводство поставлено въ связь съ разъясненіемъ церковнославянскихъ суффиксовъ и префиксовъ. Поль-страницы отдано на слова сложныя; съ умѣньемъ и опытностью сгруппированы способы сложения двухъ словъ въ одно... Образование глагольныхъ формъ: наклоненій и временъ—изложено ясно и съ должною полнотою“... Заключение изъ всего разбора таково: „Какъ „*compendium*“ выводовъ о законахъ языка, съ своими табличками и пол-

ными образцами склонений и спряжений, грамматика г. Карскаго, благодаря ея краткости—дѣйствительно хорошая книга“ (см. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1889 г. май: „Наша учебная литература)“.

Е. Карскій.

Отвѣтъ профессору Е. Ѡ. Карскому.

Профессоръ Карскій, не признавъ нѣкоторыхъ замѣчаній въ моей рецензїи на его учебникъ древняго церковно-славянскаго языка „достаточно серьезными“, нашелъ нужнымъ нѣсколько остановиться на нихъ „въ видахъ чисто научныхъ и педагогическихъ“. Мысль автора высказать съ такою прекрасною цѣлью „недостаточную серьезность“ нѣкоторыхъ моихъ замѣчаній заслуживаетъ, конечно, полного сочувствія, если только она выражается вполне безпристрастно. Къ сожалѣнїю, статья проф. Карскаго содержитъ въ себѣ много такого, что не имѣетъ ничего общаго съ „видами чисто научными и педагогическими“ и преисполнена такими качествами, которыя вовсе не соотвѣтствуютъ предполагаемой авторомъ прекрасной цѣли. Посмотримъ же, какой смыслъ имѣютъ „чисто научные и педагогическіе виды“ проф. Карскаго.

Въ моей рецензїи сказано: „На стран. 6-й и на другихъ странно читать въ книгѣ, написанной профессоромъ, ученіе о произношенїи (не звуковъ) а буквъ! Такъ, на стран. 7-й въ § 4-мъ: „буква ѣ передающая“ (а не обозначающая?) „въ настоящее время въ русскомъ языкѣ“ (! — а не въ русской азбукѣ?) „звукъ тождественный съ е, въ древнее время имѣла свое особое произношеніе“ (! — а не обозначала особый звукъ?), или далѣе: „Думаютъ, что ѣ передивалъ звукъ — широкое е (нѣмецкое ä, французское è) притомъ довольно мягкое!“ (!). Языкъ—не пригодный для учебника, притомъ, мало ли что думаютъ о звукѣ ѣ;—въ учебникѣ это „думаютъ“ — неумѣстно. Кажется, ясно, что это замѣчаніе направлено не противъ заглавія „произношеніе буквъ“, стоящаго на 6-й страницѣ, а противъ того смысла, который придается ему самимъ ученіемъ о произношенїи буквъ, небрежно излагаемымъ въ учебникѣ. На это указываютъ, какъ мое выраженіе „на стран. 6-й и на другихъ“ (то-есть, страницахъ), такъ и приведенныя мною мѣста изъ учебника проф. Карскаго, въ которыхъ ученіе о произно-

шеніи буквъ вложено неудачно и небрежно. Какъ же возражаетъ противъ этого замѣчанія проф. Карскій? Онъ выписываетъ изъ него только то, что можетъ относиться къ заглавію и доказываетъ, что выраженіе „произношеніе буквъ“ употребительно во многихъ ученыхъ сочиненіяхъ. „Прежде всего“, говоритъ проф. Карскій, „меня довольно удивило слѣдующее замѣчаніе: „на стран. 6-й... странно читать въ книгѣ, написанной профессоромъ, ученіе о произношеніи (не звуковъ а) буквъ!“ Конечно, съ логической точки зрѣнія точнѣе выразиться такъ: „произношеніе звуковъ, обозначаемыхъ церковно-славянскими буквами“, или „звуки, соотвѣтствующіе буквамъ древней церковно-славянской азбуки“ (это послѣднее выраженіе едва ли точнѣе выраженія „произношеніе буквъ“). „Однако допущенное мною выраженіе вслѣдствіе своей краткости и полной примѣнимости къ языку мертвому, какимъ является древній церковно-славянскій, употребительнѣе всякихъ другихъ“. Далѣе проф. Карскій ссылается на нѣкоторые ученые труды, въ которыхъ также говорится о произношеніи буквъ, между прочимъ и на мой „Очеркъ“, и заканчиваетъ свое возраженіе слѣдующею, можно сказать, классическою по своей наивности выходкою противъ меня: „По всей вѣроятности, проф. Некрасовъ въ настоящее время (послѣ рецензій на его книгу А. С. Будиловича, помѣщенной въ *Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ* т. XXII за 1889 годъ стр. 145—164) отказался отъ многихъ положеній своего „Очерка“; но все-таки слѣдуетъ принять въ расчетъ, что я употребилъ поразившее моего рецензента выраженіе еще въ 1888 году (тогда вышло I изданіе моей грамматики)¹⁾, будучи начинающимъ преподавателемъ гимназій, тогда какъ проф. Некрасовъ, выпуская свой „Очеркъ“ съ тѣмъ же выраженіемъ годомъ позже (въ 1889 году), былъ извѣстнымъ уже профессоромъ, ставшимъ вскорѣ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ“ (!)... Къ тѣмъ трудамъ, на которые указалъ проф. Карскій, можно было бы прибавить еще трудъ ученаго, стоящаго въ настоящее время во главѣ новой грамматической школы, именно: *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen* проф. Лейпцигскаго университета Карла Бругмана. Въ первомъ изданіи этого труда 1886 года въ отдѣлѣ фонетики (*Lautlehre*) есть также нѣсколько параграфовъ подъ заглавіемъ: „Zur Aussprache der Buchstaben“, которое во второмъ изданіи 1897 года замѣнено слѣдующимъ выраженіемъ: „Die schriftliche Darstellung der Laute bei den einzel-

¹⁾ Моя рецензія написана по поводу VI изданія 1898 года.

nen idg. Völkern". Но мое замѣчаніе относится не къ выраженію заглавія, а къ ученію, которое излагается подъ этимъ заглавіемъ. Извѣстно, что ученіе о произношеніи буквъ можетъ быть двойное: *правильное*, когда буквы признаются въ немъ лишь письменными знаками для звуковъ, и *неправильное*, когда буквы отождествляются въ немъ съ звуками. Въ первомъ случаѣ ученіе о произношеніи буквъ будетъ въ сущности ученіемъ о произношеніи звуковъ, или о звукахъ, такъ какъ въ немъ подъ буквою разумѣтся лишь знакъ звука, который при различныхъ условіяхъ своего положенія въ словѣ можетъ произноситься различно; этимъ ученіемъ о произношеніи буквъ не уничтожается независимая отъ нихъ жизнь звуковъ въ языкѣ; напротивъ, во второмъ случаѣ, то-есть при отождествленіи буквъ со звуками, ученіе о произношеніи буквъ будетъ въ сущности именно только ученіемъ о произношеніи буквъ, а не звуковъ, такъ какъ оно даетъ основаніе думать, что въ языкѣ столько звуковъ, сколько буквъ въ азбукѣ, и звуки представляются какъ бы лишенными самостоятельной жизни въ языкѣ: отъ существованія буквы въ азбукѣ дѣлается заключеніе о существованіи звука въ языкѣ. Вотъ этотъ послѣдній характеръ проф. Карскій и сообщилъ ученію о произношеніи буквъ въ своей грамматикѣ, какъ показываетъ вышеприведенное изъ нея мѣсто въ моей рецензії. Въ самомъ дѣлѣ, выраженіе „*Буква ѣ*, передающая въ настоящее время въ русскомъ языкѣ звукъ тождественный съ *е*, въ древнее время *имѣла свое особое произношеніе*“, едва ли можетъ быть понято ученикомъ правильнымъ образомъ. Ему можетъ быть извѣстно, что въ настоящее время звуки, слова, пѣніе передается по телефону, и что тотъ, кто передаетъ ихъ, самъ и произноситъ звуки, и говоритъ слова, и поетъ; слѣдовательно, если буква передаетъ звукъ, то въ головѣ у ученика можетъ возникнуть мысль, что она звучитъ сама и въ настоящее время передаетъ свой звукъ иначе, нежели передавала его въ древнее время, когда „она *имѣла свое особое произношеніе*“. Понятно, что подобное изложеніе ученія о произношеніи буквъ въ учебникѣ не могло быть одобрено, такъ какъ въ вышеприведенномъ положеніи несомнѣнно буква отождествляется съ звукомъ, а на стр. 20 въ § 19 въ выраженіи, заканчивающемъ собою ученіе о переходѣ звука *з* въ *с* въ русскомъ языкѣ, „*измѣненія з въ с на письмѣ не бываетъ*“, очевидно, звукъ отождествляется съ буквою. Такого рода выраженія, встрѣчающіяся въ учебникѣ, и заставили меня сдѣлать то замѣчаніе, которое „довольно удивило“ проф. Карскаго.

По поводу словъ проф. Карскаго (см. его Грамматику стр. 8, § 5 въ концѣ 3-го положенія): „Въ русскомъ языкѣ *подъ удареніемъ* они“ (то-есть гласные *ѣ* и *ѣ*) „замѣняются чистыми гласными *о* и *е*; иногда это бываетъ и *безъ ударенія*: *братецъ, сладокъ*“; — въ рецензіи сказано: „Во-первыхъ, для ясности необходимо при русскихъ формахъ поставить древнія церковно-славянскія формы; во-вторыхъ, положеніе выражено крайне неопредѣленно: если въ русскомъ языкѣ древніе церковно-славянскія глухіе гласные *ѣ* и *ѣ* замѣняются чистыми гласными *о* и *е* и *подъ удареніемъ* и *безъ ударенія*, то когда же именно происходитъ эта замѣна? Неизвѣстно. Но автору учебника должно быть извѣстно, что эта замѣна бываетъ тогда, когда открытый слогъ съ глухимъ гласнымъ въ словахъ древняго церковно-славянскаго языка становится слогомъ закрытымъ въ русскомъ языкѣ; напримѣръ, древне-церковно-славянское *сла-дѣ-къ*, русское *сла-докъ-(ѣ)*“. На это замѣчаніе проф. Карскій возражаетъ: „Не говори уже о томъ, что ученики IV класса въ началѣ курса не знаютъ, какіе слоги открытые и закрытые, такъ какъ рѣчь объ этомъ обыкновенно бываетъ въ словообразованіи, и само объясненіе, выставленное проф. Некрасовымъ, не отличается правильностью. Какъ, напримѣръ, держась его, можно объяснить появленіе чистыхъ гласныхъ въ такихъ русскихъ словахъ, какъ: мертвецъ (*мръ-твь-ца*), чернецъ (*чръ-нь-ца*), въ кровѣ (*въ крѣви*), кровавый (*крѣвѣвъ*), дровъ (*дрѣва*), совѣтъ (*сѣвѣтъ*), соборъ (*сѣборъ*), т. п.“ Но, во-первыхъ, кажется не трудно понять ученикамъ IV класса и въ началѣ курса, что *открытыми* называются слоги, оканчивающіеся гласными звуками, а *закрытыми* называются слоги, оканчивающіеся согласными звуками,—если еще объяснить имъ это на примѣрахъ; во-вторыхъ, объясненіе, „выставленное“ мною, нисколько не теряетъ своего значенія относительно „правильности“, если оно и не обнимаетъ собою всѣхъ явленій въ языкѣ: достаточно, если оно примѣнимо къ большинству изъ нихъ. Такъ, держась его, можно объяснить многіе изъ предложенныхъ проф. Карскимъ примѣровъ: *е* въ мертвецъ отъ формы мертвецъ, гдѣ подударный звукъ *е* изъ *ѣ* вслѣдствіе перехода древне-церковно-славянскаго *открытаго* слога *-твь-* (въ *мръ-твь-ца*), по исчезновеніи глухаго гласнаго *ѣ* въ концѣ слова (въ слогѣ *-ць*), образовался въ русскомъ языкѣ слогъ *закрытый* *-твецъ-* (въ *мер-твецъ-(ѣ)*). Точно также объясняется явленіе чистаго гласнаго *е* въ русской формѣ *чернецъ* отъ формы *чръ-нѣ-ць-(ѣ)* (древне-церковно-славянское *чръ-нѣ-ць*); чистый гласный звукъ *о* въ русской формѣ въ кровѣ удерживается отъ формы *крѣвъ*.

вслѣдствіе перехода въ этой послѣдней древне-церковно-славянскаго *открытаго* слога *кръ-* (въ *кръ-въ*—два слога), по исчезновеніи глухаго гласнаго *ь* въ концѣ слова, въ слогъ *закрѣтый* *крово-* (въ *крово-(ь)*). Форма *крово* встрѣчается въ надписи на крестѣ 1161 г. (см. Лекціи по исторіи русскаго языка² (то-есть 2-е изданіе) проф. А. И. Соболевскаго 1891 г. стр. 58); отсюда и *крававый*; въ формѣ *дрова* гласный *о* изъ формы родительнаго падежа *дроваъ* (то-есть, *дрова-(ъ)*)=древне-церковно-славянскому *дръ-въ*); о словахъ: *соборъ* и *советъ* см. въ той же книгѣ стр. 50. Такимъ образомъ „правильность“ „выставленнаго“ мною объясненія скорѣе подтверждается, чѣмъ отрицается тѣми примѣрами, которые указаны проф. Карскимъ. Не обнимая собою всѣхъ явленій замѣны, въ русскіихъ словахъ древне-церковно-славянскихъ глухихъ *з* и *ь* чистыми гласными *о* и *е*, оно тѣмъ не менѣе даетъ возможность объяснить многія изъ нихъ и потому представляется болѣе полезнымъ въ учебникѣ, нежели то положеніе въ грамматикѣ проф. Карскаго, по поводу котораго оно высказано мною.

Проф. Карскій говоритъ: „По поводу замѣчанія въ § 11 грамматикѣ относительно того, что „появленіе такихъ формъ, какъ *тобой*, *своей* изъ *тобою*, *своею*, *моей* изъ *моею*, слѣдуетъ объяснять стремленіемъ языка къ краткимъ формамъ“, то-есть дѣйствіемъ аналогіи большинства односложныхъ окончаній, — въ разборѣ помѣщено замѣчаніе такого рода, будто я вижу здѣсь сокращеніе звуковъ *ю* и *я* (я бы сказалъ слоговъ *ју* и *ја*), а не отпаденіе ихъ. Въ этомъ случаѣ *на меня взводится напраслина*, въ чемъ легко убѣдиться изъ приведеннаго мѣста“. Однако, это „приведенное мѣсто“ есть лишь конецъ, оторванный отъ цѣлаго параграфа, въ которомъ говорится именно о сокращеніи звуковъ; поэтому, если привести это мѣсто въ полной его обстановкѣ, то легко будетъ убѣдиться въ совершенно противномъ тому, что говоритъ проф. Карскій; а именно: въ томъ, что *никакой напраслины не взводится на него* въ моей рецензіи относительно образованія формъ *тобой* изъ *тобою*, *своей* изъ *своею* и пр. Вотъ что говорится на 12 страницъ учебника проф. Карскаго въ 11 параграфѣ: „Совершенно отлочно отъ чередованія гласныхъ, происходящаго въ корняхъ, особое измѣненіе ихъ, наблюдаемое въ русскомъ языкѣ, которое состоитъ въ сокращеніи звуковъ. Таково сокращеніе *и* въ *й*: *нейдетъ* изъ *не идетъ*, *добры* изъ *добрыи*, *дѣлай* изъ *дѣлайи*; *и* въ *ь* (это на письмѣ, а въ произношеніи *ј*, или онъ (?) совершенно опускается съ сохраненіемъ однако мягкости согласнаго звука): *пю* изъ *пюю*, *копѣ* изъ *копѣи*, *станѣ* изъ

стани, оставь изъ остави; ѡ въ ѡ (на письмѣ; въ произношеніи ѡ совсѣмъ теряется): чтобъ изъ чтобы; у въ ѡ: застра изъ завтра. Также и появленіе такихъ формъ, какъ тобой, своей изъ тобою, своею, моей изъ моя, женой изъ женою слѣдуетъ объяснять стремленіемъ языка къ краткимъ формамъ: двусложныя окончанія, въ подражаніе другимъ, совершенно естественно замѣнились односложными". Прочитавъ этотъ параграфъ о сокращеніи звуковъ, какъ объ особомъ измѣненіи гласныхъ, чѣмъ чередованіе ихъ, каждый пойметъ, что образованіе формъ: тобой изъ тобою, своей изъ своею, моей изъ моя и пр. должно объясняться на основаніи всего сказаннаго въ § 11-мъ не иначе, какъ сокращеніемъ звуковъ, то-есть такъ же, какъ объясняются формы: неидеть изъ не идеть, оставь изъ остави, чтобъ изъ чтобы; потому что объ всѣхъ этихъ формахъ, какъ о разнообразныхъ случаяхъ одного и того же рода, говорится въ одномъ и томъ же параграфѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь если образованіе формъ: тобой, своей, моей и проч. изъ тобою, своею, моя и проч. слѣдуетъ объяснять стремленіемъ языка къ краткимъ формамъ, то тѣмъ же стремленіемъ языка слѣдуетъ объяснять и образованіе формъ: неидеть, добрый, дѣлай, пію. оставь, стань, чтобъ и проч. изъ формъ: не идеть, добрыи, дѣлай, пію, стави, стани, чтобы и друг. Какъ въ формахъ: тобой изъ тобою. моей изъ моя и друг. „совершенно естественно" замѣнились двусложныя окончанія односложными, такъ и въ формахъ: добрый изъ добрыи, дѣлай изъ дѣлай, конье изъ копіе и друг. „совершенно естественно" замѣнились двусложныя окончанія односложными. Но, вопросъ въ томъ: какъ, какимъ способомъ происходитъ въ языкѣ эта замѣна? Какъ объяснить ее въ явленіяхъ, относящихся къ стремленію языка къ краткимъ формамъ? Въ данномъ параграфѣ проф. Карскій другаго способа, кромѣ сокращенія звуковъ, не предлагаетъ. Выраженія: „въ подражаніе другимъ (то-есть формамъ)", или „дѣйствіемъ аналогіи большинства односложныхъ окончаній" ровно ничего не объясняютъ. Вопросъ: какъ же образовались формы тобой изъ тобою, моей изъ моя и проч. „въ подражаніе другимъ", или „дѣйствіемъ аналогіи большинства односложныхъ окончаній", остается въ силѣ. Проф. Карскій ни въ своей грамматикѣ, ни въ своемъ возраженіи не даетъ въ сущности никакого другаго объясненія для образованія формъ тобой изъ тобою и друг., кромѣ указаннаго имъ въ § 11-мъ сокращенія звуковъ. Мало того, онъ въ своемъ возраженіи говоритъ еще: „Я преднамѣренно умалчиваю о томъ, куда дѣвался конечный звукъ, такъ какъ относительно нѣкоторыхъ формъ, напримѣръ, мойи,

при *моѣмъ*, древне-русской *моѣ* съ удареніемъ на концѣ *рѣшительно невозможно утверждать*, чтобы здѣсь было фонетическое исчезновеніе конечнаго ударяемаго звука“. Будто? А въ *нестѣ*, и *несть*?.. И такъ, если *рѣшительно невозможно утверждать*, чтобы въ случаяхъ подобныхъ *моѣ* изъ *моѣя*, древне-церковно-славянск. *моѣмъ*, древне-русск. *моѣ* было фонетическое исчезновеніе конечнаго ударяемаго звука; то, очевидно, приходится волею или неволею объяснять формы подобныя *моѣ* изъ *моѣя*, за неизмѣнимъ ничего другаго, *сокращеніемъ* звуковъ! Словомъ, какъ ни поверни, все выходитъ, что по грамматикѣ проф. Карскаго образованіе формъ съ односложными окончаніями изъ двухъ-сложныхъ можетъ быть объяснено, согласно съ § 11-мъ, только *сокращеніемъ* звуковъ. Послѣ всего этого, полагаю, нетрудно убѣдиться, что никакой напраслины на проф. Карскаго въ моей рецензіи нѣтъ, и обвинять меня въ сочиненіи этой напраслины проф. Карскій не имѣлъ никакого основанія.

Оставляя безъ отвѣта возраженіе проф. Карскаго на мое замѣчаніе, по поводу смягченія губныхъ согласныхъ, указывающее во-первыхъ, на небрежность языка въ приведенномъ мною изъ грамматики мѣстѣ, во-вторыхъ, на неясность того, что проф. Карскій разумѣетъ подѣ *необычностію* сочетанія губныхъ согласныхъ съ *j*-томъ, я обращаюсь къ *другой напраслинѣ*, которую я сочинилъ на проф. Карскаго, или къ такому его возраженію на мою рецензію, которое ясно выражаетъ собою ту степень безпристрастія, до которой можетъ возвыситься проф. Карскій въ своихъ возраженіяхъ. Въ рецензіи сказано: „на стран. 19-й читаемъ: „Если звукамъ *к* и *г* предшествуетъ *с* и *з*, то *ск* и *зг* смягчаются не въ *сц* и *зз*, а въ *ст* и *зд*: *дѣксадѣстѣ*, *дрѣзга* (лѣсъ)—*дрѣздѣ*“. Это невѣрно. Въ Остромировомъ евангеліи встрѣчаются формы съ звукосочетаніемъ *сц* изъ *ск*, напримѣръ: въ ерданьсцѣи рѣцѣ л. 254, в. Матв. III, 6; старьци людьсци л. 162 а. Матв. XXVI, 57; на синансцѣи горѣ л. 262 а. Въ Зограф. ев. горѣ елѣоньсцѣ—Марк. XI, 1; елѣонсцѣ—Марк. XIII, 3; старьци людьсци—Матв. XXVII, 1; Лук. XXII, 66. Въ Маріанск. ев. горѣ елѣоньсцѣ—Матв. XXI, 1; Марк. XI, 1; Матв. XXIV, 3 и друг. Извѣстно, что *ск* измѣняется въ *сц*, потомъ въ *ст*; а звукосочетаніе *зг* измѣняется въ *зс* (а не въ *зз*) то-есть въ *зд* потомъ въ *зд*“. Очевидно, промахъ указанъ несомнѣнный, и каждый поспѣшилъ бы сознаться въ немъ и исправить его въ своей книгѣ при первомъ удобномъ случаѣ. А какъ же поступаетъ проф. Карскій? Онъ признаетъ свое положе-

ніе, что ск не смягчается въ сц, *върнимъ*, и еще обвиняетъ меня въ новой напрасливѣ! „*Совершенно напрасно* признано невѣрнымъ“, говоритъ проф. Карскій, — „мое замѣчаніе о томъ, что если звукамъ к и г предшествуютъ с и з, то ск и зг смягчаются не въ сц и зз, а въ ст и за“. Тутъ неточность лишь въ томъ, что вмѣсто зз слѣдовало бы написать зs, но *тѣдь, какъ и въ другихъ случаяхъ, рѣчь идетъ о языкѣ Остромирова евангелія*, которое, „Учебными планами“ положено въ основу преподаванія древняго церковно-славянскаго языка; а въ *Остромировомъ евангеліи s въ роли показателя звука не встрѣчается*“. При чтеніи этого невольно возникаетъ въ умѣ вопросъ: для кого и для чего пишетъ это проф. Карскій? Во-первыхъ, развѣ въ заглавіи его книги значится „грамматика языка Остромирова евангелія“, а не „грамматика древняго церковно-славянскаго языка“, да еще „сравнительно съ русскимъ?“ и, во-вторыхъ, развѣ ему неизвѣстно, что того s, о которомъ идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ (то-есть въ звукосочетаніи зs изъ зг передъ и и ѣ), нѣтъ не только въ Остромировомъ евангеліи, но что до сихъ поръ онъ не указавъ и въ другихъ памятникахъ древней церковно-славянской письменности, за исключеніемъ развѣ формы дрѣзѣ (drezdzé), указанной Миклошичемъ въ Супральной рукописи (см. „Lautlehre“. Wien. 1878, s. 289)? При чемъ же тутъ Остромирово евангеліе? Но дальше еще лучше. Проф. Карскій продолжаетъ: „Далѣе изъ того, что въ памятникахъ *встрѣчаются формы и съ сц*“ (ему неизвѣстно, что есть памятники, которые кромѣ сц не знаютъ другаго звукосочетанія изъ ск передъ гласными узкими и и ѣ!), „которыя несомнѣнно являются переходными къ ст, не слѣдуетъ, чтобы эти образования считались типичными (!): *въ большинствѣ случаевъ памятники знаютъ въ окончаніяхъ словъ ст*.“ (!) „Въ томъ же мѣстѣ, откуда взяты приведенныя проф. Некрасовымъ слова изъ Остромирова евангелія съ сц, находимъ и списокъ словъ съ ст, сопровождаемый при этомъ замѣчаніемъ: „какъ видимъ, Остромирово евангеліе даетъ предпочтеніе сочетанію ст“. (Козловскій, *Изслѣдованіе о языкѣ Остромирова евангелія*, 53). Очевидно, проф. Карскій изложилъ дѣло такъ, что какъ будто бы г. Козловскій своимъ „Изслѣдованіемъ о языкѣ Остромирова евангелія“ подтверждаетъ его положеніе, что „въ большинствѣ случаевъ памятники знаютъ въ окончаніяхъ словъ ст“. Но г. Козловскій не говоритъ ничего подобнаго въ своемъ „Изслѣдованіи“. Напротивъ того, онъ говоритъ, что въ однихъ памятникахъ

преобладаетъ звукосочетаніе *сц*, въ другихъ *ст*, а „Остромирово евангеліе заключаетъ въ себѣ оба сказанные вида“. Вотъ его слова: „Сочетаніе *ск* при смягченіи, большею частью передъ гласными *и* и *ѣ*, въ однихъ древнѣйшихъ памятникахъ, какъ глаголическихъ, такъ и кирилловскихъ, обыкновенно переходитъ въ *сц*, по такому же закону, какой вообще существуетъ въ славянскомъ языкѣ для гор- танныхъ звуковъ *к*, *х*, *г*, переходящихъ въ *ц*, *с*, *з* (*s*), и строго соблюдается всѣми древними памятниками. Въ данномъ случаѣ только *Саввина книга* вездѣ сохранила *сц*, въ *Зографскомъ* можно указать на два-три примѣра отступленія. Отступленія эти заключаются въ другомъ видѣ смягченія *ск*, именно въ *ст*. И тутъ есть памятники, которые употребляютъ исключительно только *ст*, къ каковымъ памятникамъ относятся Супрасльская рукопись и Ассеманово евангеліе. *Остромирово евангеліе* заключаетъ въ себѣ оба сказанные вида смягченія. Въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующихъ примѣровъ, имѣющихся въ нашемъ памятникѣ“ (Исслѣдованія о языкѣ Остромирова евангелія 1885, стр. 52). Выписавъ слова съ *сц* (12 словъ) и съ *ст* (14 словъ), г. Козловскій говоритъ: „какъ видимъ, Остромирово евангеліе даетъ предпочтеніе сочетанію *ст*, хотя это предпочтеніе и весьма незначительное, именно примѣровъ съ *сц* — 12, съ *ст* — 14“ (ibid., стр. 53). Понятно, что г. Козловскій сдѣлалъ это замѣчаніе о предпочтеніи въ Остромировомъ евангеліи звукосочетанія *ст* звукосочетанію *сц* только въ качествѣ оговорки по чувству добросовѣстности ученаго, желающаго быть точнымъ въ своихъ положеніяхъ. Но какъ бы то ни было, ясно, что проф. Карскій не могъ свое ложное положеніе подкрѣплять ссылкой на примѣчаніе г. Козловскаго, не искажая его смысла; притомъ изъ вышеприведенныхъ словъ г. Козловскаго видно, что въ его трудѣ случаи смягченія *ск* передъ *и* и *ѣ* въ *сц* считаются обыкновенными и вполнѣ законными, случаи же смягченія *ск* въ *ст* относятся къ отступленіямъ,—что также противорѣчитъ слѣдующимъ словамъ проф. Карскаго: „изъ того, что въ памятникахъ встрѣчаются формы и съ *сц*, которыя несомнѣнно являются переходными къ *ст*, не слѣдуетъ, чтобы эти образования считались типичными“ (!). И что такое типичныя образования? — Въ довершеніе всего проф. Карскій ссылается даже на мою книгу „Очеркъ сравнительнаго ученія о звукахъ и формахъ древняго церковно-славянскаго языка“ 1889 г. и увѣряетъ, что въ ней онъ читаетъ то же,

что сказано и въ его грамматикѣ, то-есть что „ск не смягчается въ сц“! Онъ говоритъ: „Да, наконецъ, то же, что у меня, читаемъ и въ „Очеркъ“ проф. Некрасова: зг передъ и (вм. ѣ=основн. а, і, ай) и передъ ѣ (=основн. ай) измѣняется въ за, а звукосочетаніе ск въ ст“, (стр. 73). Нужно знать, что проф. Карскій для оправданія своихъ словъ, ссылаясь на труды другихъ, имѣетъ обыкновеніе, какъ это можно было замѣтить изъ всего предыдущаго, выписывать только то, что подходитъ къ его словамъ, и отбрасывать все то, что имъ противорѣчитъ; обыкновенно онъ выписываетъ однѣ, такъ сказать, *верхнія* строчки, не обращая вниманія на тотъ смыслъ, который онѣ имѣютъ въ связи со всѣми предыдущими и послѣдующими. Вотъ то мѣсто моей книги, на которое ссылается проф. Карскій: „зг передъ и (вм. ѣ=осн. а, і, ай) и передъ ѣ (=ай) измѣняется въ за, а звукосочетаніе ск въ ст; ходъ измѣненія слѣдующій: зг—*зѣз (или зс)—*зза—за; ск—*сѣс (или сц)—*сс—ст. Такъ отъ дрѣзга ѱλη, silva дат. и мѣстн. падежи дрѣзѣ чрезъ форму *дрѣзѣѣ изъ формы дрѣзѣѣ или дрѣзѣѣ; отъ елоньскѣ: на горѣ елоньскѣ чрезъ форму *елоньскѣ изъ формы: елоньскѣ или елоньскѣѣ; въ Мар. еванг. даже: елоньскѣѣ Лук. XIX, 73; кнѣзи людѣстни и людѣсци, то есть *людѣстни и т. п.“ Кажется, ясно, что здѣсь рѣчь идетъ о томъ, что конечными измѣненіями звукосочетаній зг и ск являются звукосочетанія за и ст, для чего и указывается самый ходъ измѣненій зг въ за и ск въ ст; а вовсе не о томъ, что звукосочетаніе „ск смягчается не въ сц, а въ ст“, что говорится въ грамматикѣ проф. Карскаго. Напротивъ, въ вышеприведенномъ мѣстѣ моей книги указаны даже примѣры перехода ск въ сц, за которымъ слѣдуетъ конечный переходъ ск въ ст. Слѣдовательно, смыслъ словъ, выписанныхъ изъ моей книги проф. Карскимъ, — вовсе не тотъ, который онъ имъ придаетъ. Но откуда проф. Карскій могъ заимствовать положеніе, что „ск смягчается не въ сц, а въ ст“?—Въ сравнит. грамматикѣ Миклошича, въ его Lautlehre³. Wien. 1878, стр. 284, 286 и 289, проф. Карскій могъ бы прочесть слѣдующее о смягченіи зг и ск передъ гласными и ѣ: *ské, zgé wird in sté, zdé verwandelt: eleonьsté, dręzdé formen, neben denen auch die älteren †eleonьscé, dręzdzé, (стр. 284). „A. Ski wird nicht nur sci sondern auch sti: farisejsci †judhscii ninevьgithscii zogr. zemъctii im jüngeren teile derselben quelle. poganьscii cloz. 1.843. †judejstii assem. nebesьscéj glag. kiov. 533.*

koprásti i kjurtnejsti slēpi. kīpr̄scū i kīzinējscir šīs. act. 11, 20 (стр. 286).—*Zgē* geht in *zdzē*, *zdē* über: *dreždžē* *supr.* 9, 6, *dreždžē* *lam.* 1, 98. izv. 454⁴ (стр. 289). — У Лескина въ его "Handbuch der Altbulgarischen (altkirchenslawischen) Sprache². Weimar. 1886, стр. 46, слѣдующее".

b) <i>sk</i>	} vor и ѣ (=oi, ai), oder +j	} <i>sc</i> = <i>sts</i> , daraus <i>st</i>
<i>zg</i>		

z. B. zu *daska* Brett loc. sg. *dastъ* (z. B. *Supr.* 75, 21) aus *dascē*, zu *чловѣчьскъ* menschlich loc. sg. msc. *чловѣчьстѣ* n. pl. *чловѣчсти* aus — *scē*, — *sci*; zu *дрѣзга* Wald loc. sg. *дрѣзатѣ* *Supr.* 9, 6, aus *dreždžē*. Neben *st* kann *sc* erhalten bleiben und die Denkmäler sind darin verschieden: *Supr.* hat consequent *st* (vereinzelte Ausnahme *χοумѣаньскѣ* 12, 12), *Savaev.* consequent *sc*, ebenso *Cloz. Euch.*, in den anderen (*Zogr. Mar. Psat.*) kommen beide Formen vor; z B loc. sg. der Adj. auf—*скъ*, als—*ьцѣ* und —*ьстѣ*, nom. pl. m. als —*ьци* und—*ьсти*". У проф. А. И. Соболевскаго въ его книгѣ: „Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика. Москва, 1891, стр. 113,—слѣдующее: „Группа *ск* перешла въ обще-славянскомъ языкѣ въ *сц* (съ мягкими *с* и *ц*), откуда, съ одной стороны, черезъ переходъ *ц* въ мягкое *т*,—обще-славянское мягкое *ст*, съ другой—обще-славянское мягкое *сц*: церковно-славянское и древне-русское *стѣнь* (вѣроятно, изъ *скѣнь*; сравн. *схѣ*); *дѣстѣ* и *дѣцѣ* (отъ *дѣска*); *людѣсти* и *людѣци* (отъ *людѣскъ*, им. мн.). Большая часть церковно-славянскихъ памятниковъ имѣетъ въ окончаніяхъ надежныхъ формъ (не въ корняхъ) и *ст*, и *сц*; меньшая только *сц* (*Савв. Ев., Син. Тр., Кл. Сб.*)".—„Группа *зг* перешла въ обще-славянскомъ языкѣ въ *здз* (*з* и *д* мягкія), откуда съ одной стороны обще-славянское *зд* (*з* и *д* мягкія): церковно-славянская *дрѣзатѣ* (дат.—мѣстн. отъ *дрѣзга*, *Супр.* р. 9).—съ другой обще-славянскаго *дрѣзстѣ*, древне-русскаго *дрѣззѣ*. Форма съ *зс* не засвидѣтельствована памятниками".—Нигдѣ не говорится, что „*ск* передъ и и ѣ смягчается не въ *сц*, а въ *ст*".(!) Вѣроятно, проф. Карскій, когда сочинялъ свою грамматику древняго церковно-славянскаго языка въ 1888 году, не читалъ ни сравнительной грамматики Миклошича, ни руководства древне-болгарскаго языка Лескина! Но чѣмъ руководился онъ, когда выпускалъ VI изданіе своей грамматики уже въ 1898г., не пересмотрѣвъ, все ли въ ней обстоятъ благополучно? И чѣмъ, наконецъ, руководился онъ въ своихъ возраженіяхъ на мою рецензію, рѣшаясь доказывать, что

я „совершенно напрасно“ призналъ невѣрнымъ его положеніе въ грамматикѣ, что „ск передъ и и ѣ смягчается не въ сц, а въ ст“?

Но пойдѣмъ дальше. Проф. Карскій говоритъ: „Положеніе, что „передъ шипящими свистящіе переходятъ въ шипящіе и наоборотъ“, подтвержденное примѣрами изъ древне-церковно-славянскаго языка и русскаго, вызвало цѣлую страницу замѣчаній“. Опять невѣрно! Вотъ положеніе проф. Карскаго въ полномъ видѣ, какъ оно изложено на 21 страницѣ его грамматика въ § 19 подъ буквою В: „Въ русскомъ языкѣ въ произношеніи, а въ староперковномъ *иногда и на письмѣ*, соблюдается слѣдующій законъ: *передъ шипящими свистящіе переходятъ въ шипящіе и наоборотъ*; при чемъ два одинаковые звука сливаются въ одинъ. Такимъ образомъ изъ безчисльнз имѣемъ бешчисльнз“ (ошибочно, вм. бешчисльнз), изъ „нсшъдз—нишъдз (при чемъ переходною ступенью было нишъдз), нсчсхъ—нцсхъ; тоже видимъ въ русскомъ произношеніи: проишшествіе (пишется проишшествіе), безжалостный (пишется безжалостный); *несесся* (пишется *несесься*) и т. п.“ Гдѣ же здѣсь примѣры изъ древняго церковно-славянскаго языка, подтверждающіе *переходъ передъ свистящими шипящихъ въ свистящіе*? Указанъ одинъ примѣръ изъ русскаго языка *несесся*, но и то не вполне согласно съ вышеизложеннымъ закономъ, по которому „два одинаковые звука сливаются въ одинъ“, слѣдовательно должна быть форма *несеся*, а не *несесся*! (Проф. Брандтъ пишетъ ѱисѳса (Лекція по историч. грам. рус. языка 1892, стр. 135) съ твердымъ с). Проф. Карскій напрасно ссылается и на „Русское правописаніе“ академика Я. К. Грота, и на „Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка“ проф. Р. О. Брандта, и на „Лекціи по исторіи русскаго языка“ профессора А. И. Соболевскаго, и на его книгу: „Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика“ въ доказательство того, что переходъ передъ свистящими шипящихъ въ свистящіе есть законъ и притомъ „законъ не новый и тѣмъ болѣе необусловливаемый физиологическими особенностями произношенія отдѣльныхъ лицъ“. Никто изъ поименованныхъ имъ ученыхъ не говоритъ о „законѣ измненія передъ свистящими шипящихъ въ свистящіе“. Миклошичъ въ „Уподобленіи“ согласныхъ говоритъ яшъ: „с) ein c—laut geht vor einem c—laut in den letzteren über: bestęda beruht auf beššęda und dieses auf bezęda“ *seite 284* (то-есть свистящій звукъ передъ шипящимъ переходитъ въ шипящій: бештѣда основывается на бештшѣда, а эта форма на бѣзчѣда *стр. 284*) (Lautlehre³ Wien. 1878 г. *стр. 295*. А.

Assimilation). А на 284 страницѣ читаемъ: „zč. zř ergibt št. žd: beštsti, izdenā; *neben beštsti findet man bečstsi. Dabei ist das etwas seltene št aus sš nicht zu vergessen: ištbdž neben ištbdž qui exiit. zc wird st: istēliti: daneben besteht ausser iscēliti auch icēliti und isēliti*“ (то-есть зч, зж даетъ шт, жд: бештьсти, ижденā; при бештьсти встрѣчается бечьсти. Приэтомъ нельзя не упомянуть о рѣдко встрѣчающемся шт изъ сш (ошибочно, вм. зш): иштъдъ при ишъдъ—изшедшій. зц въ ст: иштѣлнти; при которой кромѣ иштѣлнти встрѣчается также иштѣлнти и иштѣлнти⁴). Объ обратномъ уподобленіи, то-есть объ уподобленіи передъ свистящими шипящихъ свистящимъ въ сравнительной грамматикѣ Миклошича не говорится ни слова. Въ ней говорится лишь, что звукосочетаніе шьс переходитъ въ с: послуоство вм. послуошьство (Срезн. древ. слав. пам. юсов. письма 317), а также, что ждъс измѣняется въ з: роздво. древнее церковно-славянское рождьство при формѣ розъство, которая, вѣроятно, произносилась *rostvo* (стр. 292). Точно также въ руководствѣ Лескина на стр. 50 въ § 35 говорится лишь объ уподобленіи звука з предлоговъ взз, бєз, из, рѣз передъ шипящими этимъ послѣднимъ; но объ обратномъ уподобленіи нѣтъ и помину. Да въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ и нѣтъ такихъ звукосочетаній, въ которыхъ бы за звуками ж, ч, ш, щ непосредственно слѣдовали звуки з, с, ц, слѣдовательно, объ уподобленіи первыхъ послѣднимъ и рѣчи быть не можетъ. Форма бѣство, встрѣчающаяся въ Остромировомъ, Зограф., Мар., Савв. евв. (вм. бѣжъсто) можетъ быть объясняема опущеніемъ согласнаго г до образованія слога жь, на что указываетъ рѣдкая форма бѣйство (Миклошича Lautlehre³, 244) изъ бѣ+йство съ опущеніемъ г; начертаніе бѣсство въ Ассем. ев. указываетъ, можетъ быть, на долготу звука с въ замѣнъ опущенія согласнаго г. Подобнымъ же образомъ можетъ быть объясняема и форма послуоство (вм. послуошьство), то-есть опущеніемъ звука х до образованія слога шь. Проф. Соболевскій говоритъ: „Согласные, нѣкогда отдѣленные другъ отъ друга глухими, послѣ исчезновенія этихъ послѣднихъ соприкоснулись и оказали взаимное воздѣйствіе. Результатомъ его было прежде всего ихъ отвердѣніе и смягченіе... Сверхъ того, мы видимъ въ памятникахъ *небольшое количество случаевъ полной измѣненія согласныхъ, а иногда также и опущенія*. Это—бѣство Зогр. 71, Мар. 88, 169 и др., бѣсство Асс. 99, изъ бѣжъство, розъство Кл. Сб. 23. Мар.

Ев. 48, изъ рождество и пр.“ (Древній церковно-славянскій языкъ Фонетика. Москва. 1891, стр. 145). Словомъ, возводитъ весьмарѣдко встрѣчающуюся въ древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянскои письменности замѣну звукосочетаній жьс, шьс звукомъ с въ законъ перехода въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ передъ свистящими шипящихъ звуковъ въ свистящіе не дозволяетъ уже сосуществованіе въ огромномъ большинствѣ случаевъ самихъ звукосочетаній жьс, шьс, въ которыхъ глухой гласный ъ, раздѣляющій собою шипящіе звуки отъ свистящаго с, сохранялъ свою гласность. Что же касается до русскаго языка, то и въ немъ замѣна шипящаго звука свистящимъ передъ свистящимъ представляется лишь возможною въ русскіихъ говорахъ, но не обязательнымъ закономъ русскаго языка во всѣхъ случаяхъ. Вотъ что говоритъ проф. Брандтъ въ своихъ „Лекціяхъ по исторической грамматикѣ русскаго языка“ (Москва. 1892 г., стр. 134—135): „Случай, гдѣ бы приходились *шипящіе передъ свистящими*, рѣдки. Это бываетъ во 2 л. ед. ч. возвратныхъ глаголовъ, гдѣ *шс* является въ видѣ усиленнаго средняго с: *сѣтрѣмѣѣсса*, *нѣсѣссѣса*. При чисто звуковомъ развитіи окончаніе *ши* или **шь†сѣ* должно быть дало бы *шѣса* и далѣе *сѣса* съ мягкимъ с, но здѣсь могло повліять отвердѣніе с послѣ *т* въ инфинитивѣ и въ третьеличьяхъ. Еще мы встрѣчаемъ такіа сочетанія въ прилагательныхъ на *скои*, на примѣръ *волѣшскій*, *празжскій*, *мужскѣи*, *петербургскій* (если въ послѣднемъ словѣ пишуть *ѣ*, то это только невѣрное правописаніе, срв. *петербуржецѣ*)—здѣсь *шс* и *жс*, *передъ твердымъ согласнымъ переходятъ въ простой и твердый с*. Ч, сливаясь со слѣдующимъ с, даетъ *ц*, что бываетъ у тѣхъ же прилагательныхъ на *скои*, на примѣръ, *мѣладѣтскѣи*, **игрѣтскѣи*, *мѣскварѣтскѣи* = **младѣчскѣи*, **игрѣчскѣи*, **москворѣчскѣи*; таково же *народное* *купѣтскѣи* при *литературномъ* *купѣтшскѣи*. Для оправданія двоякости окончанія *ѣтскѣи* и *ѣтшскѣи* можно сослаться на то, что ъ между ч и с не всегда долженъ былъ онѣмѣть, а именно подлежалъ проясненію въ безчленной формѣ муж. р. *коупѣчскѣи*, что дало *купѣчскѣи* и въ именахъ на *ство*—**коупѣчство*, откуда *купѣчство*“. Изъ этихъ словъ видно, во-первыхъ, что **шь†сѣ* при чисто звуковомъ развитіи сначала дало бы *шѣса*, потомъ *сѣса* и наконецъ *сѣса*, то-есть возможно произношеніе *нѣсѣшѣса* и *нѣсѣссѣса* и *нѣсѣссѣса*, что дѣйствительно и замѣчается въ произношеніи окончанія 2-го л. ед. ч. *шѣса* разными ли-

цами; во-вторыхъ, что звукосочетанія *жс* и *шс* въ прилагательныхъ на *скои* только передъ твердымъ согласнымъ *к* переходятъ въ простой и твердый *с*, какъ, напримѣръ, форма *мужской* слышится въ произношеніи *муской*; но въ произношеніи формъ *волыскій*, *пращскій*, съ мягкимъ согласнымъ *к*, звукосочетанія *жс* и *шс* не переходятъ въ простой и твердый *с*. Проф. А. И. Соболевскій въ „Лекціяхъ по исторіи русскаго языка“¹⁴ (стр. 100—101) говорятъ, что „одни говоры великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій на мѣстѣ древнихъ *жс*, *шс* имѣютъ обыкновенно одно мягкое или твердое *с* (сѣверно-великорусскій риской и т. н.), другіе—двойное твердое *с* (московскій говоръ: рисскій)“¹⁴. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что и въ русскомъ языкѣ случаи замѣны звукосочетаній *жс* и *шс* звукомъ *с*, не будучи одинаковыми во всѣхъ говорахъ и общеобязательными при всѣхъ условіяхъ своего положенія въ словѣ, также не могутъ быть возведены на степень закона. Притомъ, такъ какъ въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ изъ всѣхъ свистящихъ звуковъ только за однимъ звукомъ *з* въ предлогахъ и приставкахъ *бѣз*, *взз*, *нз*, *раз*, утратившихъ въ концѣ глухой гласный *ъ*, могутъ непосредственно слѣдовать шипящіе звуки *ж*, *ч*, *ш*, которыми могутъ начинаться слова; то въ грамматикѣ древняго церковно-славянскаго языка и можно говорить объ измѣненіяхъ одного только свистящаго звука *з* передъ шипящими *ж*, *ч*, *ш* въ звукосочетаніяхъ *зж*, *зч*, *зш*, представляемыхъ указаннымъ опредѣленнымъ случаемъ. Случаевъ, же, въ которыхъ бы, наоборотъ, за шипящими согласными *ж*, *ч*, *ш* непосредственно слѣдовалъ (не только) свистящій *з* (но и звукъ *с*), въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ нѣтъ. Слѣдовательно, и закона измѣненія передъ свистящими шипящихъ звуковъ въ свистящіе для древняго церковно-славянскаго языка не существуетъ. Въ русскомъ языкѣ видимъ иное: въ немъ не только за свистящими *з* и *с* могутъ непосредственно слѣдовать шипящіе *ж*, *ч*, *ш*, но и за шипящими *ж* и *ш* можетъ непосредственно слѣдовать, впрочемъ, одинъ только свистящій звукъ *с* (въ древнихъ звукосочетаніяхъ *жс* и *шс*); другими словами, въ русскомъ языкѣ возможны звукосочетанія: *зж*, *вч*, *зш*; *сж*, *сч*, *сш*, и звукосочетанія *жс*, *шс*. Но какъ бы то ни было, и въ русскомъ языкѣ, какъ видно, возможными являются непосредственныя сочетанія не всѣхъ согласныхъ свистящихъ со всѣми шипящими и наоборотъ, не всѣхъ шипящихъ со всѣми свистящими. Принимая все это въ соображеніе, я нахожу, что положеніе проф. Карскаго, изложенное на 21-й страницѣ

его грамматики въ § 19 подъ буквою В и выписанное мною выше, не можетъ быть признано пригоднымъ для учебника. Оно выражено въ такой общей, неопредѣленной формѣ, что въ немъ сглаживаются всѣ особенности, которыми отличается древній церковно-славянскій языкъ отъ русскаго въ сочетаніи свистящихъ согласныхъ звуковъ съ шипящими въ прямомъ и обратномъ отношеніи ихъ между собою. Мое замѣчаніе объ этомъ положеніи грамматики проф. Карскаго относится къ числу тѣхъ, о которыхъ я сказалъ въ началѣ своей рецензіи слѣдующее: „Нѣкоторые замѣчанія вызваны преимущественно тѣмъ, что рассматриваемая книга есть руководство, предназначаемое для учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; а въ руководствѣ, какъ извѣстно, все должно быть опредѣленно, ясно, точно и вѣрно относительно фактическихъ данныхъ“.

Въ рецензіи сказано: „На стр. 23-й неизвѣстно, по какой причинѣ § 22-й начинается союзомъ „наконецъ“:“ „§ 22. *Наконецъ* въ русскомъ языкѣ бываетъ *отпаденіе согласныхъ* на концѣ словъ и проч.“. А это *отпаденіе согласныхъ* ограничивается лишь отпаденіемъ одного звука *л* послѣ другихъ согласныхъ въ причастіяхъ муж. рода, напримѣръ: *могъ* вм. *моглъ*, *несъ* вм. *неслъ* и т. п.“. Очевидно, это замѣчаніе указываетъ съ одной стороны неумѣстность союза „наконецъ“ въ началѣ новаго параграфа; съ другой, на неумѣстность формы множественнаго числа „согласныхъ“, когда имѣлось въ виду говорить объ отпаденіи только одного согласнаго *л*. Словомъ, оно направлено противъ неудачной редакціи параграфа. А проф. Карскій возражаетъ: „отпаденіе согласныхъ въ русскомъ языкѣ далеко не ограничивается однимъ *л* въ причастіяхъ муж. рода, въ родѣ *могъ*. Не говоря уже о чисто народныхъ словахъ, въ которыхъ нерѣдкость образованія, какъ *жась* вм. *казнь*, *жись* вм. *жизнь*, *гось* вм. *гость*, могу сослаться еще на очень обычное произношеніе многихъ лицъ: *корáпъ* вм. *корабль*, *рупъ* вм. *рубль* и под. Въ элементарномъ учебникѣ я естественно ограничился лишь ссылкой на причастіе *на—лъ*, такъ какъ это послѣднее отпаденіе обозначается и въ нашей орфографіи“ Прекрасно! Никто и не обвиняетъ проф. Карскаго въ томъ, что онъ ограничился ссылкой на одно только отпаденіе согласнаго *л*, а указываютъ на неумѣстность союза „наконецъ“ въ началѣ параграфа и на неумѣстность формы множественнаго числа „согласныхъ“ вм. формы единственнаго числа „согласнаго *л*“. Если же проф. Карскому желательно было сдѣлать намекъ на то, что въ русскомъ языкѣ въ концѣ словъ могутъ отпадать многіе согласные послѣ согласныхъ, и несмотря на это

все-таки ограничиться указаніемъ лишь на отпаденіе одного согласнаго *л* для примѣра; то слѣдовало бы хоть въ концѣ параграфа между словами: „это бываетъ въ причастіи прош. вр. и т. д.“ вставить выраженіе „напримѣръ“, сказавши такимъ образомъ: „это бываетъ, напримѣръ, въ причастіи прош. вр. и пр.“.

Проф. Карскій прекрасно сдѣлалъ, что въ своей сравнительной грамматикѣ древняго церковно-славянскаго языка съ русскимъ коснулся вопроса о русскомъ полногласіи, „хотя въ „учебныхъ планахъ“ онъ и опущенъ“; но далеко непрекрасно то, что проф. Карскій, коснувшись вопроса о томъ, когда возможно полногласіе въ русскомъ языкѣ, предложилъ въ учебникѣ два объясненія, непосредственно слѣдующія одно за другимъ и другъ друга опровергающія. Въмѣсто этихъ двухъ взаимно другъ друга уничтожающихъ положеній, лучше было бы предложить въ учебникѣ одно, дѣйствительно объясняющее, когда возможно въ русскомъ языкѣ полногласіе и когда невозможно, сказавъ, напримѣръ, такъ: „Древне-церковно-славянскимъ слогами *ра, ла, рѣ, лѣ* въ корняхъ между согласными соотвѣтствуютъ въ русскомъ языкѣ звуко сочетанія *оро, ере, оло* въ корняхъ же тѣхъ же словъ въ томъ случаѣ, если въ соотвѣтствующихъ имъ корняхъ словъ родственныхъ индоевропейскихъ языковъ гласный звукъ предшествуетъ звукамъ *г, і* между согласными; въ противномъ случаѣ, то-есть, если гласный звукъ корня слѣдуетъ за согласнымъ *г, і*, то въ русскомъ языкѣ получаютъ такія же формы неполногласныя, какія въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ; напримѣръ, латинское *bagb-a*, нѣмецкое *bart*, древне-церковно-славянское *брад-а*, русское *бород-а*, нѣмецкій корень *berg* въ словѣ *Berg*, глаголѣ *bergen*, древне-церковно-славянскія фф. *брѣг-ъ, брѣг-ѣ* и пр. русскія, (фф.) *берез-ъ берез-у* и пр.; латинское *frat-er*, древне-церковно-славянское *брат-ъ*, русское *брат-ъ*; греческое *ἑλκω (Fέλω)*, древне-церковно-славянское *вѣлк-ѣ*, русское *волок-у* и др.“. Проф. Карскій говоритъ: „я не нашелъ возможнымъ подробно останавливаться на вопросѣ: „когда же именно въ русскомъ языкѣ возможно полногласіе и когда невозможно“, ограничиваясь лишь констатированіемъ фактовъ, такъ какъ *из преподавателямъ гимназій эти условія несомненно вѣсьма извѣстны*, а ученикамъ *низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, безъ привлеченія примѣровъ изъ родственныхъ языковъ (хотя бы только латинскаго, греческаго, литовскаго, нѣмецкаго), объяснять ихъ и невозможно; а вѣдь самъ же проф. Некрасовъ ставитъ мнѣ въ вину сопоставленіе*

русскихъ и церковно-славянскихъ звуковъ съ родственными (стр. 441)⁴. Во 1-хъ, *останавливаться подробно* на вопросѣ: когда же именно въ русскомъ языкѣ возможно полногласіе и когда невозможно, нѣтъ никакой надобности: никто этого и не требуетъ; во 2-хъ, невѣрно, что проф. Карскій нашелъ нужнымъ будто бы ограничиться только констатированіемъ фактовъ: каждый можетъ прочесть на 24 страницѣ его грамматики вслѣдъ за фактами, или за примѣрами слѣдующія объясненія: „Какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, *полногласныя формы возможны лишь въ томъ случаѣ*, когда слогамъ ра-ла, рѣ-лѣ предшествуетъ согласный звукъ; въ противномъ случаѣ полногласія не бываетъ: *радость, рыка; ласкать, лькннвыи*“.— „*Не всегда однако бываютъ полногласныя формы*, если и предшествуетъ указаннымъ слогамъ согласный звукъ; достаточно отмѣтить такія формы, какъ *братъ, кладъ, зръхъ, хлѣбъ*, которыя свойственны и русскому и церковно-славянскому языкамъ“. Спрашивается: развѣ этими положеніями проф. Карскій не желалъ объяснить, когда возможны и невозможны полногласныя формы въ русскомъ языкѣ? Но очевидно, что онъ не могъ только привести своего желанія въ исполненіе надлежащимъ образомъ. Въ 3-хъ, IV классъ гимназій, въ которомъ проходитъ грамматика древняго церковно-славянскаго языка, принадлежить не къ низшимъ, а къ среднимъ классамъ, и такъ какъ въ немъ ученики знакомы со многими словами греческаго и латинскаго языковъ, то объяснить имъ на примѣрахъ, когда возможны и невозможны полногласныя формы въ русскомъ языкѣ посредствомъ сравненія или сопоставленія древне-церковно-славянскихъ и русскихъ словъ съ соответствующими имъ греческими и латинскими—дѣло, не представляющее въ сущности никакихъ затрудненій. Въ 4-хъ, невѣрно, что будто бы я ставлю въ вину проф. Карскому сопоставленіе русскихъ и церковно-славянскихъ звуковъ съ родственными. На стран. 441 моей рецензій сказано: „На стран. 9-й § 6 оканчивается слѣдующимъ вопросомъ:“ „Изъ чего образовались *у* и *я* въ словахъ: уголь (angulus), узокъ (angustus, енг), суть (sunt), десять (decem), ягненокъ (agnus), уста (os), ухо (auris), юнъ (jung), зять (geper), взять (возьму), декабрь (δεκεμβριος)?“ Во-первыхъ, вѣрнѣе, или, по крайней мѣрѣ, осторожнѣе было бы вмѣсто „изъ чего образовались“ спросить „чему соответствуютъ русскіе звуки *у* и *я* въ словахъ“ и пр.; во-вторыхъ, лучше было бы вовсе не предлагать этого вопроса, такъ какъ онъ по своей формѣ относится къ сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ, а не къ учебнику древняго церковно-славянскаго

языка сравнительно съ русскимъ^а. Ясно, что здѣсь ставится въ вину проф. Карскому не „сопоставленіе русскихъ и церковно-славянскихъ звуковъ съ родственными“, а *та форма*, въ которой проф. Карскій предложилъ вышеприведенный вопросъ. Въ грамматикѣ его нерѣдко встрѣчаются сопоставленія древне-церковно-славянскихъ формъ съ греческими, латинскими и др. (см. напримѣръ стр. 7, 8, 9, 14, 15, 20, 27, 53, 55, 56 и др.) и ни одно изъ нихъ не поставлено въ вину автору. Словомъ, все то, что наговорилъ проф. Карскій въ вышеприведенныхъ словахъ своего возраженія на сдѣланное ему замѣчаніе, нисколько не ослабляетъ основательности послѣдняго. А конецъ возраженія заключаетъ въ себѣ, съ одной стороны, нѣкоторое противорѣчіе тому, что было сказано имъ прежде, съ другой, нѣчто совершенно неумѣстное въ учебникѣ. Вотъ этотъ конецъ: „Впрочемъ о формулировкѣ П. А. Лавровскимъ условій, когда бываетъ полногласіе въ русскомъ языкѣ, сдѣланный 37 лѣтъ тому назадъ (Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики, Т. V С.-Пб. 1861 г., стр. 227 и слѣд.) въ примѣчаніи *можно напомнить хотя бы и преподавателямъ*, съ предупрежденіемъ, однако, что Лавровскій не умѣлъ правильно объяснить своего вѣрнаго наблюденія“. Выше было сказано, что *и преподавателямъ эти условія несомнѣнно „вѣстны извѣстны“*: зачѣмъ же еще напоминать имъ объ этихъ условіяхъ въ учебникѣ, который пишется, конечно, для учениковъ, а не для преподавателей? А какой смыслъ можетъ имѣть въ учебникѣ „*предупрежденіе*“ для преподавателей, что „Лавровскій не умѣлъ правильно объяснить своего вѣрнаго наблюденія?“ По моему мнѣнію, оно въ учебникѣ—совершенно неумѣстно и безцѣльно: входить въ объясненія открытаго Лавровскимъ закона русскаго полногласія—не дѣло преподаванія въ средней школѣ.

Въ рецензійи сказано: „На стр. 26, въ § 24 рѣчь идетъ о составныхъ частяхъ слова. Здѣсь, между прочимъ, читаемъ слѣдующее: „Если мы будемъ разсматривать цѣлое семейство словъ и расчленять каждое изъ нихъ на части, то увидимъ, что всякое слово содержитъ въ себѣ такую часть, которая не можетъ быть уже дальше расчленяема; эта часть слова, *обыкновенно неизмѣняемая*, называется *корнемъ*. Тѣ же звуки производственные, которые присоединяются къ слову сначала, называются *префиксами*, или приставками, и которые прибавляются къ концу (чего? слова?)—*суффиксами*, или наставками“. Въ этомъ объясненіи многое неясно: что слѣдуетъ разумѣть подъ *цѣлымъ семействомъ словъ*? Какъ расчленять каждое слово на части?

И на *какія части*? Одну ли такую часть, которая не можетъ быть дальше расчленяема, содержитъ „всякое“ слово, или не одну, а нѣсколько? Если же одну, то почему именно одну? и проч. Самое изложеніе не отличается точностію. Такъ, напримѣръ, выходитъ, что *суффиксами* называются „звуки, которые прибавляются къ концу“, а чего?—не сказано. Судя по предыдущему опредѣленію *префиксовъ*, нужно было бы добавить такъ: „къ концу слова“. Но тогда получается нѣчто въ родѣ бессмыслицы: суффиксы не прибавляются къ концу слова. Наконецъ, и опредѣленіе *корня*, какъ части слова, *обыкновенно неизмѣняемой*,—невѣрно. Правда, ниже самъ авторъ дѣлаетъ оговорку относительно предложеннаго имъ опредѣленія корня; но эту оговорку опредѣленіе не столько оправдывается, сколько опровергается. Онъ говоритъ: „Если выше было сказано, что корень не подвергается измѣненію, то тамъ разумѣлось только то, что корень не можетъ больше расчленяться и подвергаться *особенно значительнымъ перемѣнамъ*“. Но это не такъ. Въ вышеприведенномъ опредѣленіи указывается мѣстоименіемъ „*эта*“ на корень, какъ на нерасчленяемую дальше часть слова, а словами „*обыкновенно неизмѣняемая*“ яено указывается на другой, особый признакъ корня, какъ части слова дальше нерасчленяемой, именно, на неизмѣняемость корня. А что слѣдуетъ разумѣть подъ „*особенно значительными перемѣнами*“ корня? Неизвѣстно. Самъ авторъ приводитъ далѣе примѣры на такія „перемѣны“ въ звукахъ корня, которыя по всей справедливости должны быть признаны „*особенно значительными*“. Онъ говоритъ: „Вообще же какъ гласные, такъ и согласные корня могутъ измѣняться; напримѣръ погоня (?), гнати женши—слова, имѣющія одинъ и тотъ же корень ГЗН—; также одинъ корень и въ словахъ ХОДИТИ и ШДАЪ и т. д.“. Спрашивается: позволительно ли признать „перемѣны“ въ корняхъ ГЗН и ЖЕН, ХОД и ШДА „*особенно значительными*“, или нѣтъ? Далѣе относительно русскаго языка читаемъ слѣдующее: „Особенно въ русскомъ языкѣ корни часто становятся неузнаваемыми вслѣдствіе потери въ произношеніи глухихъ гласныхъ *ѣ* и *ь* или слитія гласныхъ“. Итакъ: если въ русскомъ языкѣ корни подвергаются такимъ измѣненіямъ, что „*часто становятся неузнаваемыми*“; то не справедливо ли признать, что перемѣны въ нихъ могутъ быть „*особенно значительными*?“ Ясно, что оправданіе вышепредложеннаго опредѣленія корня въ учебникѣ такъ же неудачно, какъ и самое опредѣленіе“. На это замѣчаніе проф. Карскій говоритъ: „*Мое разсужденіе о*

составныхъ частяхъ слова, конечно, не во всѣхъ мѣстахъ отличается достаточной точностью, и я очень благодаренъ проф. Некрасову за сдѣланныя указанія“. Прекрасно! На этомъ бы и слѣдовало остановиться; но проф. Карскій тотчасъ же беретъ свою благодарность назадъ, стараясь представить сдѣланные имъ промахи неважными и указать для нихъ даже основанія въ учебникѣ логики Владиславлева, въ грамматикахъ гг. Кирпичникова и Флерова. „Впрочемъ“, такъ продолжаетъ свое возраженіе проф. Карскій, „промахи, допущенные мною, не настолько важны, какъ это можетъ показаться при чтеніи ихъ разбора. Дѣло въ томъ, что совершенно точно *разсуждать о составныхъ частяхъ слова можно только на почвѣ сравнительнаго языковѣдѣнія и притомъ исторической*, въ добавокъ съ лицами, получившими по крайней мѣрѣ среднее образованіе, а не съ учениками, прошедшими только 3 класса, приступающими къ изученію древняго церковно-славянскаго языка съ тѣми свѣдѣніями, которыя они вынесли изъ грамматикъ Кирпичникова“. По моему мнѣнію, и съ тѣми, и съ другими, если *разсуждать* о составныхъ частяхъ слова, слѣдуетъ разсуждать одинаково *точно*, и ни какъ не дозволять себѣ съ одними разсуждать „*совершенно точно*“, а съ другими, *совершенно неточно*, такъ какъ подобное различеніе лицъ, съ которыми приходится разсуждать о составныхъ частяхъ слова, едва-ли будетъ согласно съ „чисто научными и педагогическими видами“. Но вѣдь въ учебникѣ нужно писать не „разсужденія“ о составныхъ частяхъ слова, а нужно предложить правильное опредѣленіе ихъ съ объяснительными примѣрами. Это далеко не одно и тоже. Но вотъ проф. Карскій говоритъ: „Поясню сказанное примѣромъ. Проф. Некрасову *не понравилось*, что я относительно корня словъ выразился между прочимъ какъ о части слова, „обыкновенно неизмѣняемой“, а затѣмъ въ дальнѣйшемъ изложеніи *прибавилъ въ поясненіе*, что „корень не можетъ больше расчленяться и подвергаться особенно значительнымъ измѣненіямъ“. Изъ буквально выписаннаго мною выше замѣчанія изъ моей рецензій читатель знаетъ, что мнѣ „*не понравилось*“ въ „разсужденіи“ проф. Карскаго о составныхъ частяхъ слова, и ясно понимаетъ, что не понравилось мнѣ совсѣмъ не то, на что указываетъ въ своемъ возраженіи проф. Карскій. „Все это“, говоритъ проф. Карскій, „не представляетъ противорѣчія, а только для удобства пониманія учениковъ IV класса изложено по тому логическому методу, по которому въ основу кладется ходячее объясненіе и затѣмъ постепенно ограничивается пока не дойдетъ до самаго точнаго опредѣленія (см. М. Владиславлева: Учебникъ

логики. С.-Пб. 1882, стр. 21)“. Мы видѣли, что въ учебникѣ проф. Карскаго *корень* слова сначала представляется *неизмѣняемою* частью слова, потомъ—*неподлежащею особенно значительнымъ измѣненіямъ*, а наконецъ въ русскомъ языкѣ—частью слова, часто *неузнаваемою* въ своихъ формахъ. Положимъ, что проф. Карскій, излагая ученіе о корнѣ, какъ о составной части слова *неизмѣняемой* и *измѣняемой до неузнаваемости*, слѣдовалъ методу по логикѣ Владислава-лева; но гдѣ же то „самое точное опредѣленіе“ корня, до котораго обязательно долженъ былъ довести проф. Карскаго избранный имъ въ своемъ разсужденіи методъ? „Въ данномъ случаѣ“, поясняетъ далѣе проф. Карскій, „въ основу положено уже извѣстное ученику IV класса опредѣленіе корня въ русской грамматикѣ, гдѣ, напримѣръ, въ самой распространенной А. Кирпичникова читаемъ: „Корень есть неизмѣняемая часть слова, состоящая изъ одного слога“ (§ 60 этимологін). Прекрасно! Но тѣмъ не менѣе въ учебникѣ проф. Карскаго все-таки нѣтъ „самаго-то точнаго опредѣленія“ корня, до котораго проф. Карскій долженъ былъ дойти по избранному имъ методу разсужденія для удобства пониманія учениковъ IV класса, положивъ въ основу ходячее опредѣленіе корня изъ грамматики Кирпичникова. Въ учебникѣ находится опроверженіе этого ходячаго опредѣленія—и только! Въ концѣ возраженія проф. Карскій ссылается на свое личное свидѣтельство, что правильное опредѣленіе корня въ грамматикѣ г. Флерова ученикамъ будто бы непонятно; но оно—неубѣдительно. „Я лично убѣжденъ“, говоритъ проф. Карскій, „напримѣръ, въ томъ, что опредѣленіе корня, данное въ учебникѣ г. Флерова, дважды прочитанномъ еще въ рукописи проф. Некрасовымъ (ср. стр. XI, 1-го изд.), повторяющее въ сокращеніи мысли „Очерка“ (стран. 78), непонятно ученикамъ, и можетъ быть усвоено только памятью, но не сознательно. Вотъ это опредѣленіе: „Корнемъ называется составная часть слова въ своей первообразной формѣ, лежащая въ основѣ образованія многихъ словъ въ языкѣ и выражающая общее всѣмъ имъ основное значеніе“. (§ 23 1-го изд.)“. Тутъ между прочимъ при выраженіи „лежащая въ основѣ образованія многихъ словъ въ языкѣ“ слѣдуетъ прибавить что-либо въ родѣ забракованнаго у меня „цѣлаго семейства словъ“. Иное дѣло разсматривать подобные вопросы („какіе же это?“) въ университетскомъ курсѣ, а иное съ учениками низшихъ (?) классовъ среднихъ учебныхъ заведеній“. Эту послѣднюю фразу нисколько не устраняется необходимость предлагать въ учебникахъ вѣрныя, а не кое-какія, опредѣленія научныхъ терминовъ. Но кромѣ того по по-

воду словъ проф. Карскаго считаю необходимыми прибавить еще слѣдующее: во-первыхъ, получаемыя мною свѣдѣнія отъ тѣхъ учителей, которые преподають по учебнику г. Флерова, совершенно противорѣчатъ выше приведенному личному убѣжденію проф. Карскаго; во-вторыхъ, къ выраженію „лежащая въ основѣ образованія многихъ словъ въ языкѣ“ вовсе не слѣдуетъ прибавлять чего-либо въ родѣ „цѣлаго семейства словъ“; потому что терминъ „семейство словъ“ требуетъ особаго опредѣленія.

Проф. Карскій говоритъ: „На двухъ страницахъ (448—449) идетъ разборъ опредѣленія флексій и глагольныхъ основъ, при чемъ для примѣра проф. Некрасовъ беретъ (не изъ соответствующихъ мѣстъ моей грамматики) формы глагола *взйти* и *късмь*. Изложеніе ведется такимъ образомъ, чтобы представить у меня полнѣйшую путаницу. Однако на самомъ дѣлѣ выходитъ далеко не такъ“. Во-первыхъ, сущность моего замѣчанія, котораго я не выписываю здѣсь вполнѣ только по значительности его объема, относится къ *опредѣленіямъ склоненія и спряженія*, предложеннымъ проф. Карскимъ на стр. 31 въ § 28, а не къ опредѣленію флексій и глагольныхъ основъ: послѣднее вошло въ содержаніе моего замѣчанія лишь по поводу *опредѣленій склоненія и спряженія* и служило основаніемъ, даннымъ мнѣ самимъ авторомъ, для доказательства ихъ несостоятельности; во-вторыхъ, изъ соответствующихъ мѣстъ грамматики проф. Карскаго я не могъ взять примѣра по самой простой причинѣ, именно, потому что въ нихъ нѣтъ никакихъ примѣровъ, слѣдовательно, я имѣлъ полное право выбрать такой примѣръ, на которомъ моя мысль получила бы бѣольшую ясность, или наглядность. Вотъ эти соответствующія мѣста изъ грамматики проф. Карскаго: 1) стр. 31, § 28: „Корень, соединенный съ приставками и суффиксами, но безъ флексій, называется *основой*, или *темой* слова. *Естественно*, что если слово будетъ первообразное, то *основа* его равна *корню*, но чаще она отличается отъ *корня*“. (Нѣтъ-ли тутъ противорѣчія?). „Прибавленіе къ именнымъ основамъ флексій называется *склоненіемъ*, а присоединеніе флексій къ глагольнымъ основамъ называется *спряженіемъ*. Въ склоненіи имя измѣняется по падежамъ и числамъ, а въ спряженіи глаголъ—по лицамъ, числамъ, временамъ и наклоненіямъ“. Вотъ весь 28-й параграфъ! Какой я могъ взять изъ него примѣръ? 2) Другое соответствующее мѣсто находится въ § 50 грамматики и заключаетъ въ себѣ только то, что выписано мною въ рецензій, а именно: „спряженіе состоитъ въ соединеніи глагольныхъ основъ съ *флексіями, показывающими лицо, число, время и наклоне-*

ме". Это мѣсто въ § 50 также не имѣетъ ни одного примѣра. Но весь § 50 изложенъ на стр. 57—59 и содержатъ въ себѣ, кромѣ опредѣленія спряженія съ опредѣленіемъ флексій, свѣдѣнія о двухъ глагольныхъ основахъ: объ основѣ неопредѣленнаго наклоненія и объ основѣ настоящаго времени, о дѣленіи глаголовъ на классы по основѣ неопредѣленнаго наклоненія, о суффиксахъ, служащихъ для образованія залоговъ и видовъ глагола, о дѣленіи основъ настоящаго времени по способу присоединенія къ нимъ личныхъ окончаній и о дѣленіи глаголовъ на спряженія, гдѣ между примѣрами встрѣчается глаголь ꙗс-мь; а въ задачѣ, которою оканчивается § 50-й, есть и глаголь бѣти, при которомъ въ скобкахъ сказано „форма настоящаго бѣдѣ—по значенію будущее“. Въ третьихъ, у меня изложеніе того, что находится въ грамматикѣ проф. Карскаго, ведется вовсе не въ искаженномъ видѣ съ цѣлю будто бы представить полнѣйшую путаницу, а такъ, какъ требуетъ смыслъ самого содержанія грамматики. Проф. Карскій говоритъ: „У меня о спряженіи сказано, что оно состоитъ въ соединеніи глагольныхъ основъ съ флексіями, показывающими лицо, число, время и наклоненіе“ И у меня въ рецензій сказано буквально то же самое. Проф. Карскій при словѣ „флексіями“ дѣлаетъ слѣдующую сноску: „Употребленъ терминъ, извѣстный ученикамъ еще изъ II класса. Ср. въ грамматикѣ Кирпичникова: „флексія есть часть окончанія, измѣняемая въ склоненіи и спряженіи“ (§ 60). Въ научномъ смыслѣ флексія обозначаетъ самое перемѣну суффиксовъ при склоненіи и спряженіи словъ (ср. *K. Brugmann: Grundriss d. vergl. Grammatik d. indg. Sprachen. I², 32* и слѣд.)“.

Въ I томѣ втораго изданія на стр. 32—40 говорится о строеніи индогерманскихъ языковъ вообще, о корнѣ и суффиксѣ (§§ 22—24), но изъ этой статьи, состоящей изъ трехъ параграфовъ, не видно, чтобы „флексія въ научномъ смыслѣ обозначала самую перемѣну суффиксовъ въ склоненіи и спряженіи“. Вотъ тѣ мѣста статьи, въ которыхъ встрѣчается терминъ *флексія*: 1) *Was man unter Wortbildung und Flexion zusammenfasst, entstand, so weit wir schauen können, im Wesentlichen durch Composition, d. h. dadurch, dass eine Wortgruppe, die ein syntaktisches Gefüge bildete, zu einer Einheit verschmolz, bei der das Ganze seinen Elementen gegenüber in irgend einer Weise isoliert wurde“* (стр. 33). 2) „Wenn es (hiernach) ursprünglich nur einfache Wörter gegeben hat, so gehört es unzweifelhaft zu den Aufgaben der idg. Sprachwissenschaft, die Compositionsprocesse, die sich im Lauf der Zeit ereignet haben, im Einzelnen nachzuweisen, die *Cassussuffixe* und

s. w. auf Wörter zurückzuführen. Diese Aufgabe zu lösen ist aber die Wissenschaft nur zu einem geringen Teil im Stande, fast nur bezüglich solcher Elemente, die erst nach der Herausbildung der einzelnen Sprachzweige die Natur von *Flexionselementen* angenommen haben“ (ibid). Къ этимъ словамъ слѣдуетъ отнести еще слѣдующія: „Am ehesten scheinen von den suffixalen Elementen die *Personalendungen* und die *Casussuffixe* der etymologischen Ursprungsbestimmung zugänglich“... „Anders ist es mit den sogen. *stammbildenden Elementen*“ (стр. 35). 3) § 23. „Wenn auch *Wortableitung* und *Flexion* durch das Zusammenwachsen selbstständiger Elemente geschaffen worden sind, so beruhen doch die allermeisten Wortformen der idg. Sprachen... nicht unmittelbar auf diesem Process“ (стр. 34). 4) „Die mit der *Ausbildung der Flexion* verschwundenen Wörter der *vorflexivischen* Periode wurden von Bopp und seinen nächsten Nachfolgern alle als einsilbig gedacht“ (стр. 36). Отсюда видно, что терминъ *флексія* въ научномъ смыслѣ можетъ употребляться въ двоякомъ значеніи: *обширномъ* и *тѣсномъ*. Въ первомъ значеніи подъ флексією можно разумѣть вообще тѣ измѣненія словъ въ ихъ этимологическихъ составныхъ частяхъ, которымъ они подвергаются въ историческомъ развитіи языковъ индоевропейской отрасли (см. №№ 1, 5, 4); во второмъ значеніи подъ флексією можно разумѣть падежные и личные суффиксы (№ 2). Это особенно видно изъ слѣдующихъ словъ К. Бругманна въ его сравнительной грамматикѣ 1-го изданія, 1886 года, стр. 15: „Die Suffixe theilt man ein in *Wortbildungssuffixe* oder *Flexionssuffixe* im engeren Sinne, wozu einerseits die *Casusendungen*, andererseits die *Personalendungen* gehören, und *Stammbildungssuffixe*. Eine scharfe Grenze zwischen beiden Suffixgattungen ist nicht zu ziehen und s. w.“. Ясно, что подъ флексією въ научномъ смыслѣ не разумѣется „самая переѣвна суффиксовъ въ склоненіи и спряженіи“; потому что, съ одной стороны, въ склоненіи и спряженіи переѣвна можетъ происходить не въ однихъ только суффиксахъ, но и въ корняхъ; съ другой, остается неизвѣстнымъ, о переѣвѣ *какихъ именно суффиксовъ* идетъ рѣчь въ представленномъ проф. Карскимъ опредѣленіи флексія въ научномъ смыслѣ. Далѣе проф. Карскій, сказавъ, что „съ точки зрѣнія сравнительнаго языковѣднія здѣсь (?) не можетъ быть рѣчи о флексіяхъ, а только о суффиксахъ“, и изложивъ, какъ ему „представляется дѣло при сужденіи объ „органическомъ“ происхожденіи словъ, продолжаетъ: „Но въ грамматикахъ стремящихся научить языку болѣе легкимъ способомъ“ (чѣмъ какой?), „изслѣдующихъ притомъ явленія отдѣльныхъ языковъ, дѣло

обстоятъ иначе. Тутъ, особенно въ грамматикѣ для IV класса, нужно указать ученику, какъ образовать форму, какъ получить основу, неизмѣняемую, напримѣръ, во всемъ склоненіи слова, или при образованіи извѣстнаго разряда формъ въ спряженіи (въ данномъ случаѣ примѣвительно къ ученію о двухъ основахъ глагола); нужно, наконецъ, указать, *какіе слѣдуетъ прибавлять* (къ чему же?) „*флективные суффиксы въ именахъ для формъ единственнаго и множественнаго числа, а въ глаголахъ для показанія лица, времени и наклоненій*“ При этомъ проф. Карскій приводитъ во свидѣтельство „очень рациональный взглядъ“ А. С. Будяловича изъ рецензіи на мою книгу „Очеркъ“. На основаніи этихъ словъ позволено спросить: какіе же флективные суффиксы слѣдуетъ прибавлять къ неизмѣняемой основѣ въ именахъ для образованія формъ родительнаго, дательнаго, творительнаго и мѣстнаго падежей въ единственномъ и множественномъ числахъ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ окажется, что для образованія одного только падежа, напримѣръ, родительнаго имени существительныхъ слѣдуетъ, указать нѣсколько различныхъ „флективныхъ суффиксовъ“, а это въ грамматикѣ, стремящейся научить языку „болѣе легкимъ способомъ“! Въ иномъ падежѣ эти „флективные суффиксы“ могутъ оказаться съ такими звуковыми элементами, которые присущи „флективнымъ суффиксамъ“ другихъ падежей. Спрашивается: откуда эти звуковые элементы, и что собственно обозначается ими въ словѣ? обозначается ли ими тотъ падежъ, въ формѣ котораго они находятся. или что другое? Напримѣръ, въ формахъ: вод-амъ, вод-ами, вод-ахъ и вод-а звукъ *а*, какъ общій для всѣхъ этихъ формъ, очевидно, не обозначаетъ собою формы какого-либо падежа, и въ словѣ вод-а звукъ *а* не обозначаетъ собою именительнаго падежа единственнаго числа, а беретъ на себя въ рѣчи лишь функцію этого послѣдняго, какъ, напримѣръ, и въ словѣ *има*, древне-церковно-славянское *ИМѦ* звукъ русскій *я*, древне-церковно-славянскій *Ѧ* не есть показатель падежной формы, а есть лишь такое окончаніе слова, съ которымъ оно употребляется въ рѣчи съ грамматическимъ значеніемъ именительнаго и винительнаго падежей единственнаго числа; слѣдовательно, оно принадлежитъ не падежу, или не суффиксу падежа, а основѣ или темѣ слова. Такимъ образомъ, если подъ флексію въ склоненіи словъ разумѣть часть слова измѣняемую; то спрашивается: вся ли эта измѣняемая часть слова, входящая въ форму какого-либо падежа, будетъ обозначать собою эту форму, или не вся? Другими словами: вся ли измѣняемая часть слова въ формѣ какого-

либо падежа должна считаться суффиксомъ, или показателемъ этого падежа, или не вся? Напримѣръ, въ древне-церковно-славянской формѣ ВОД-АМИ при формахъ ВОД-И, ВОД-Ѣ и др. все ли окончаніе -АМИ обозначаетъ собою форму творительнаго падежа, или не все? Сравни КОСТ-ЪМИ при формѣ КОСТ-И. Если все окончаніе -АМИ должно считаться суффиксомъ творительнаго падежа множественнаго числа; то почему же оно не встрѣчается въ формѣ КОСТ-ЪМИ? и почему звукъ А окончанія -АМИ встрѣчается и въ другихъ падежахъ, напримѣръ, въ именительномъ падежѣ единственнаго числа ВОД-А, въ дательномъ множественнаго числа ВОД-АМЪ, въ мѣстномъ множественнаго числа ВОД-АХЪ, точно такъ же, какъ гласный звукъ Ъ встрѣчается и въ формѣ именительнаго и винительнаго падежей единственнаго числа КОСТ-Ь и въ формахъ дательнаго и мѣстнаго падежей множественнаго числа: КОСТ-ЪМЪ, КОСТ-ЪХЪ? Очевидно, что звуки А и Ъ не могутъ относиться къ суффиксамъ падежей. А если такъ, то къ чему же слѣдуетъ отнести ихъ: къ основамъ ли словъ: ВОДА и КОСТЬ, или къ ихъ падежнымъ окончаніямъ? Но какъ бы то ни было, такъ ли это или не такъ, дѣло въ томъ, что, если проф. Карскій, опредѣляя флексіи въ спряженіи, говорить, что „онѣ показываютъ *лицо, число, время и наклоненіе*“, и тѣмъ ясно указываетъ на ихъ грамматическое значеніе въ глагольных формахъ; то, говоря о флексіяхъ въ склоненіи, онъ долженъ былъ бы также ясно указать и на ихъ грамматическое значеніе въ формахъ именныхъ, а не ограничиваться фразою, что „флексія, для показанія разныхъ отношеній слова, измѣняется“. Какое же грамматическое значеніе флексія имѣетъ сама по себѣ въ склоненіи именъ? Что она показываетъ: *падежъ, число, родъ*, что именно? Вотъ этого-то и не сказано въ грамматикѣ проф. Карскаго. Далѣе проф. Карскій говорить: „При стремленіи проф. Некрасова ограничить, напримѣръ, глагольные флексіи только показателями лицъ, ученіе о двухъ основахъ глагола, признаваемое имъ совершенно правильнымъ, съ точки зрѣнія исторической окажется совершенно ложнымъ. Не говоря уже о томъ, что основой неопредѣленнаго, напримѣръ, нести, съ послѣдней точки зрѣнія не будетъ несс-, а нести, такъ какъ это такое же именное образованіе, какъ пяти, мы должны будемъ совершенно естественно отмѣтить основы аористовъ, имперфекта, къ нимъ присоединимъ еще основу настоящаго времени, то-есть, не двѣ глагольные основы, а нѣсколько. А вѣдь все это нисколько не облегчаетъ знакомства съ формами глагола“. Во-первыхъ, смѣю увѣрить проф. Карскаго,

что во мнѣ нѣтъ никакого стремленія ограничить глагольныя флексіи только показателями лицъ, а это стремленіе заключается въ той сущности, которою характеризуется измѣненіе глагола, какъ слова, обозначающаго дѣйствіе; во-вторыхъ, основъ глагольныхъ, конечно, столько, сколько различныхъ формъ въ спряженіи глагола; но между ними признаются главными для спряженія глагола въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ двѣ основы и только потому, что образованіе всѣхъ формъ въ спряженіи какого-либо глагола можетъ быть объяснено помощію или основы, такъ называемаго, настоящаго времени, или—основы неопредѣленнаго наклоненія, суффиксомъ котораго служитъ звукоочетаніе ти. Въ данномъ случаѣ обѣ эти основы представляются *основами не словъ, а грамматическихъ категорій* или основами различныхъ формъ глагольныхъ. Основа слова и основа грамматической категоріи—не одно и то же, несмотря на то, что первая можетъ иногда совпадать со второю. Основа слова есть такая часть его, которая предшествуетъ суффиксу лица, или суффиксу падежа; основа грамматической категоріи есть такая часть его, которая предшествуетъ суффиксу грамматической категоріи; напримѣръ въ древнемъ церковно-славянскомъ нести основа слова есть нест(ь) съ суффиксомъ ь=основ. ѣ; основа же грамматической категоріи неопредѣленнаго наклоненія есть нес-, предшествующая суффиксу данной категоріи ти. Основа для формы неопредѣленнаго наклоненія, какъ особой грамматической категоріи, опредѣляется такъ же, какъ, напримѣръ, опредѣляется основа для формы сравнительной степени прилагательныхъ; напримѣръ, основою для формы сравнительной степени глѣбли, глѣблши, глѣблѣи будетъ корень прилагательнаго глѣб-, а суффиксомъ -и, ѣши, -ѣ; для формы сравнительной степени глѣблѣчи, глѣблѣчиши, глѣблѣчиѣ основою будетъ служить: глѣблѣч-, а суффиксомъ -ѣи, -ѣиши, -ѣиѣ. Подобнымъ образомъ и для формы неопредѣленнаго наклоненія, характеризуемой суффиксомъ ти, въ глаголѣ нести, основою будетъ корень нес-. Что форма неопредѣленнаго наклоненія, съ точки зрѣнія сравнительно-исторической, есть въ сущности форма косвеннаго падежа (дат. или мѣстн.) отъ именной основы на -ѣ,—это нисколько не препятствуетъ внести ее, въ качествѣ новой грамматической категоріи, въ число глагольныхъ формъ, входящихъ въ спряженіе и получающихъ въ немъ особое функциональное значеніе на ряду съ другими формами.—Проф. Карскій продолжаетъ: „3) Чтобы показать недостаточную точность моего изложенія, проф. Некрасовъ взялъ для при-

мѣра формы глагола БЪТИ и производить ихъ отъ основъ неопредѣленнаго наклоненія БЪ- и настоящаго БѢДЕ-. Не совсѣмъ такъ: мною взяты не *формы*, а *одна только форма* имперфекта БѢАХЪ и производится она согласно съ положеніемъ проф. Карскаго, выраженнымъ на стр. 59, отъ той основы, отъ которой ему угодно; потому что проф. Карскій, слѣдуя мнѣнію Миклошича, учитъ, что форма *imperfect'a* въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ можетъ образоваться и *отъ основы настоящаго времени*, и *отъ основы неопредѣленнаго наклоненія*. Вотъ его собственные слова: „Однѣ формы глагола производятся *отъ основы неопредѣленнаго наклоненія*, другія же *отъ основы настоящаго времени*. *Отъ первой* образуются слѣдующія глагольныя формы: 1) неопредѣленное наклоненіе, 2) достигательное наклоненіе или супинъ, 3) аористъ, 4) *у нѣкоторыхъ глаголовъ—прошедшее несовершенное*, 5) причастія прошедшаго времени. *Отъ основы настоящаго времени* производятся: 1) настоящее время, 2) повелительное наклоненіе, 3) *прошедшее несовершенное*, 4) причастія настоящаго времени“. Слѣдовательно, я представилъ объясненіе образованія формы прошедшаго несовершеннаго БѢАХЪ такъ, какъ требуетъ грамматика проф. Карскаго. Но онъ недоволенъ этимъ и говоритъ: „Но вѣдь ни для кого не тайна, что въ образованіи формъ глагола БЪТИ участвуютъ далеко не двѣ основы БЪ и БѢДЕ-, а еще БѢ-, БИ- (БИМЬ); связь между этими основами несомнѣнно есть, но до сихъ поръ она еще никѣмъ не объяснена удовлетворительно“. Положимъ, что такъ; тѣмъ не менѣе эти же основы, несомнѣнно представляя собою видоизмѣненія одной и той же основы въ спряженіи, самымъ нагляднымъ образомъ доказываютъ, что *основа* въ спряженіи *измѣняема*. Но проф. Карскій говоритъ: „Слѣдовательно, при сужденіи объ образованіи формъ глагола ссылаться на БЪТИ такъ же не рационально, какъ, напримѣръ, при сужденіи объ именныхъ основахъ и флексіяхъ ссылаться на формы АЗЪ, МЕНЕ и т. д.“ Да такъ ли! При сужденіи объ образованіи формы имперфекта въ глаголахъ древняго церковно-славянскаго языка сослаться на форму БѢАХЪ отъ глагола БЪТИ такъ же рационально, какъ и на форму, напр. ЛЮБИАХЪ отъ глагола ЛЮБИТИ, въ которомъ основы настоящаго времени и неопредѣленнаго наклоненія—фонетически тождественны (ЛЮБИ-). И въ томъ, и въ другомъ глаголѣ основа *imperfect'a* представляетъ собою видоизмѣненіе той основы, отъ которой она образовалась. Слѣдовательно, это не то же, что ссылаться на АЗЪ, МЕНЕ и др., гдѣ, очевидно, основы—фонетически совершенно различны. Невѣрно и то,

что говорить дальше проф. Карскій, а именно: „4) измѣненія основы съ присоединеніемъ къ ней флексивныхъ суффиксовъ чисто фонетическаго характера“ (а какого же другаго характера въ этомъ случаѣ бываютъ измѣненія основы?), „какъ измѣненіе основы *кѣс-* (глагола *кѣс-мь*) во 2-мъ лицѣ въ *кѣ* (*кѣси*) вслѣдствіе слитія двухъ *с*, или различіе въ русскихъ *взять* и *возьму*, въ морфологій не должны имѣть мѣста“. Это почему? Измѣненіе основы вслѣдствіе причинъ какого бы то ни было характера даетъ полное право основывать на немъ заключеніе объ измѣняемости основъ въ спряженіи глаголовъ. Въ морфологій нельзя умолчать о томъ, что основа *кѣс* глагола *кѣс-мь* въ спряженіи измѣняется. „Здѣсь“, продолжаетъ проф. Карскій, „можно бы говорить о такихъ измѣненіяхъ основы, какія видимъ въ склоненіи греческаго *ἀντήρ* или *πατήρ*, но языкъ древне-церковно-славянскій такихъ измѣненій уже не зналъ. Его *сѣтъ* и *кѣ-с-мь* и т. д. не представляютъ явленія древне-церковно-славянскаго языка, а *отражаютъ лишь праязычное чередованіе въ спряженіи этой слова сильныхъ и слабыхъ формъ*, насколько можно судить объ этомъ по формамъ санскритскимъ: *āsmi, āsi, āsti, smāva, stha, vānti* или готскимъ: *im, is, ist, sijum, sijuth, siund* и др.“. Насколько древне-церковно-славянскія формы: *кѣс-вѣ, кѣс-та, кѣс-те, кѣс-мь, кѣс-те*, сохранившія свою полную основу *кѣс*, согласуются съ санскритскими: *s-vas, s-thas, s-tas, s-mas, s-tha* и съ готскими: *siji, sijuts; sijum, sijuth*, чтобы можно было видѣть въ личныхъ формахъ древне-церковно-славянскаго глагола *кѣс-мь* отраженіе праязычнаго чередованія сильныхъ и слабыхъ формъ, это — ясно изъ простаго ихъ сопоставленія. На основаніи подобнаго рода возраженій проф. Карскій дѣлаетъ такое заключеніе: „Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго можно придти къ заключенію, что слѣдующій выводъ, сдѣланный проф. Некрасовымъ: „противопологать флексію, какъ часть измѣняемую слова, основѣ, какъ части неизмѣняемой слова въ склоненіи и спряженіи, значить вносить въ грамматику флексивнаго языка нѣчто совершенно несообразное съ его природой“ — совершенно невѣренъ въ примѣненіи, напримѣръ, къ языку древне-церковно-славянскому или русскому. Онъ имѣлъ бы отношеніе лишь къ индоевропейскому праязыку“. Изъ моего отвѣта на возраженія проф. Карскаго видно, насколько основательно его заключеніе о моемъ замѣчаніи въ рецензій, какъ относительно опредѣлений, предложенныхъ имъ въ учебникѣ для склоненія и спряженія, такъ и относительно его ученія объ основахъ и флексіяхъ.

На мое замѣчаніе къ § 39 на стр. 43 грамматика проф. Карскаго, что въ ней нѣтъ никакихъ объясненій по вопросу о томъ, формы какихъ именно падежей представляютъ собою русскія формы: *стола* и *корабли*, въ которыхъ совпали древне-церковно-славянскія формы именительнаго и винительнаго падежей: *столи* и *столаи*, *корабли* и *кораблѣ*, проф. Карскій возражаетъ: „Я преднамѣренно умолчалъ о томъ, въ формѣ какихъ падежей совпалъ въ русскомъ языкѣ именительный и винительный *столи* и *столаи*, *корабли* и *кораблѣ*, такъ какъ если форма *стола* и есть винительный падежъ множественнаго числа, то этого нельзя сказать относительно *корабли*, потому что по своему окончанію оно не равно ни церковно-славянскому винительному *кораблѣ*, ни древне-русскому *корабль*, а развило свое *и* въ подражаніе *ы* твердаго различія уже тогда, когда какое либо *стола* было общей формой именительнаго и винительнаго безъ перевѣса въ ту или другую сторону. Наконецъ, на формы, въ родѣ *корабли*, можно взглянуть и иначе—какъ на старинный именительный, замѣнившій и винительный; тогда въ именительномъ *стола* пришлось бы видѣть подражаніе ему. Въ случаѣ сообщенія ученикамъ того или другаго взгляда, дѣло нисколько не выиграетъ“. Будто бы? По моему, дѣло очень много выиграетъ, если въ учебникѣ будетъ дано надлежащее объясненіе на вышепоставленный вопросъ. Какъ *стола* есть древняя форма винительнаго падежа множественнаго числа, такъ и *корабли* есть форма винительнаго падежа множественнаго числа, зашедшая изъ склоненія именъ мужскаго рода съ древними основами на *ъ* (какъ *пути*—древне-церковно-славянскому *пѣти*) вслѣдствіе смѣшенія въ склоненіи древнихъ основъ мужскаго рода на *о* съ предшествующимъ мягкимъ согласнымъ или—на *jo-*, съ древними основами мужскаго рода на *ь* (=осн. *й*). На это указываетъ форма родительнаго падежа множественнаго числа: *кораблей* (какъ древне-церковно-славянская *пѣтъи*). Формы: *сосѣди*—*сосѣдей* („онъ попалъ въ *сосѣди* ко мнѣ“), *черти*—*чертей*, принимаемая обыкновенно за остатки древней формы именительнаго падежа множественнаго числа отъ основы на—*о*, вѣроятнѣе представляютъ собою также формы винительнаго падежа множественнаго числа отъ неупотребительныхъ основъ на *ъ*, какъ форма *люди* отъ неупотребительной основы *людь. Вообще въ современномъ русскомъ языкѣ въ именахъ мужскаго рода форма именительнаго падежа множественнаго числа на *и*, употребляемая иногда въ рѣчи съ значеніемъ и винительнаго падежа (какъ: „вышелъ въ *люди*“, „по-

паль *съ сосѣди*⁴⁾), помимо древнихъ основъ на *о* съ предшествующими заднеязычными или гортанными *з, к, х*, заимствована изъ древней формы винительнаго падежа множественнаго числа отъ именъ мужескаго рода съ древними основами на *ь* (=осн. *і*).

На мое замѣчаніе: „На стр. 44 по поводу родительнаго падежа читаемъ: „Во II склоненіи (на *а* и *я*) у словъ *мякаго различія* на мѣстѣ *ѣ* находимъ окончаніе *и*. Тоже видимъ и въ именительномъ падежѣ множественнаго числа“. Не совѣмъ точно: слова *книга, рука, соха* принадлежать не къ мягкому склоненію, а имѣютъ въ родительномъ падежѣ единственнаго числа и въ именительномъ падежѣ множественнаго числа окончаніе *и*: *книги, руки, сохи*. Но чѣмъ же объясняется замѣна *ѣ* русскимъ окончаніемъ *и* въ этихъ формахъ? Невѣдомо.—Ясно, что это замѣчаніе направлено, во 1-хъ, противъ неточности положенія; во 2-хъ, противъ отсутствія объясненія въ немъ замѣны древне-церковно-славянскаго *ѣ* русскимъ окончаніемъ *и*. Проф. Карскій возражаетъ: „Замѣчаніе относительно—*и*. послѣ заднебныхъ въ формахъ: *книги, руки, сохи* не на мѣстѣ: оно должно быть въ фонетикѣ. Въ морфологій я умолчал“ (не „предназначенно“ ли?) объ этомъ явленіи. такъ какъ оно извѣстно уже ученикамъ изъ фонетики. Впрочемъ, въ вопросахъ, приложенныхъ къ разсматриваемому §, читаемъ у меня: „крики, грѣхи, бѣги—съ окончаніемъ *и* во множественномъ числѣ архаизмъ или нѣтъ?“ (стр. 46). Сказанное относится и къ замѣчанію проф. Некрасова въ слѣдующемъ отдѣлѣ“. Не разъ въ своихъ возраженіяхъ проф. Карскій доказываетъ несправедливость моихъ замѣчаній на его книгу тѣмъ, что онъ „умолчал“, иногда даже „предназначенно умолчал“ о томъ, о чемъ, по моему мнѣнію, не слѣдовало бы умалчивать въ учебникѣ, гдѣ каждое положеніе должно быть выражаемо такъ, чтобы въ немъ все было ясно и точно, и не было бы ничего недосказаннаго. Такъ, въ данномъ случаѣ, говоря о фонетической замѣнѣ въ родительномъ падежѣ единственнаго числа у словъ *мякаго различія* древне-церковно-славянскаго *ѣ* русскимъ звукомъ *и*. онъ „умолчал“ о томъ, что въ русскомъ языкѣ этотъ звукъ *и* въ родительномъ падежѣ единственнаго числа является и у словъ не *мякаго различія*, такъ какъ-де это относится къ фонетикѣ, а не къ морфологій!.. Но любопытно бы знать, какого отвѣта ожидаетъ отъ ученика проф. Карскій на предложенный имъ въ концѣ § (стр. 46) вопросъ: „Крики, грѣхи, бѣги—съ окончаніемъ *и* во множественномъ числѣ архаизмъ или нѣтъ?“ Судя по смыслу его возраженія, вѣроятно, — *отрицательнаго*.

На стр. 50-й своей грамматики проф. Карскій объясняетъ, между прочимъ, образование формы творительнаго падежа въ склоненіи именъ прилагательныхъ полныхъ женскаго рода такъ: „новоѣ + ѣѣ — новоѣ + ѣѣ, а послѣ слитія двухъ юсовъ въ одинъ — новоѣ, получается форма сходная съ именною“. По поводу этого послѣдняго выраженія, въ которомъ форма новоѣ несомнѣнно признается *именною*, я въ своей рецензіи ограничился слѣдующимъ вопросомъ: „развѣ форма творительнаго падежа единственнаго числа отъ именъ существительныхъ на а, напримѣръ, водоѣ есть форма именнаго склоненія, а не мѣстоименнаго (какъ тоѣ)?“—Проф. Карскій въ своемъ возраженіи на этотъ вопросъ говоритъ: „Отвѣчу: неизвѣстно!“ А если „неизвѣстно“, то для чего же онъ учитъ, что форма творительнаго падежа новоѣ сходна съ *именною* формою? Вѣдь, можетъ быть, она сходна и не съ *именною*, а съ *мѣстоименною*? Но далѣе онъ старается доказать, что форма новоѣ есть *именная* форма. Онъ говоритъ: „Въ этомъ падежѣ и имена и мѣстоименія либо пользуются основой распространенной прибавкой—ја, либо, по другому мнѣнію, и тѣ и другія формы образованы отъ основъ на дифтонгъ (какой?), восходящихъ еще къ основному индоевропейскому языку, насколько можно судить объ этомъ по подобному же распространенію основы въ санскритскомъ ásvayā послѣ ā отпало n, какъ въ gājā отъ основы gājān; предполагаемое ān и отражается въ нашемъ ѣ“. Пусть это все разберетъ, кто можетъ. У К. Бругмана (въ Grundriss d. vergl. Grammatik d. idg. Sprachen II, 2, 1892, стр. 629 instrument. sg. въ основахъ на -ā). *Arisch.* Im Ved. erscheint beim Nomen seltener als -ā der Ausgang -ayā, wie ásvayā, in der späteren Sprache die einzig übliche Form... Vgl. aksl. rąkojā (рꙗкоѣ) neben rąkā (рꙗкꙗ), ebenfalls eine Neubildung nach der. pronominalen Declination tojā (тоѣ). На стр. 630: „Lit. rankā (aus *rankā, die alte Länge noch in gerā ja neben gerā 'cum bona') lautet in gewissen Mundarten runku, im Lett. rūku, woraus sich *rankān *rankām als balt. Grundform ergibt. Hiermit stimmt das aksl. rąka (рꙗкꙗ) eine Form, die zwar in den aksl. Denkmälern selten ist, aber durch ihr Vorhandensein auch im Westslavischen sich als urslavisch erweist. Die gewöhnliche Instrumentalform des Aksl. war rąkojā (рꙗкоѣ), eine Neubildung nach den Pronomina wie tojā (тоѣ) (§ 422), Vgl. al. ásvayā nach. tájā“. На стр. 783 въ § 422 (относящемся къ образованию падежей въ мѣстоименномъ склоненіи): „Die ā — Stämme hatten -ajā. Ai.

táya ав. *aḡ-taya*, ал. *ayá*, ав. *ayā āya*. Aksl. *toja* тожъ (mit Partikel -т), wozu alit. *taja*, jetzt dialektisch *tai*⁴. и проч. Кажется, ясно! Если все это извѣстно проф. Карскому, то могъ ли онъ на вопросъ: „развѣ форма творительнаго падежа единственнаго числа именъ существительныхъ на -а, напримѣръ ВОДОМЪ, есть форма именнаго склоненія, а не мѣстоименнаго (какъ ТОМЪ)?“ добросовѣстно отвѣчать: „неизвѣстно!“?—Но мало того, проф. Карскій, желая доказать, что форма ВОДОМЪ можетъ быть именнаго склоненія, смѣло утверждаетъ, что будто-бы Миклошичъ въ статьѣ: *Ueber die langen Vocale in den slavischen Sprachen*. Wien, 1879, отказался отъ своего прежняго мнѣнія, высказаннаго въ морфологій славянскихъ языковъ (то-есть, что формы въ родѣ ВОДОМЪ мѣстоименнаго образования). и убѣдительно доказалъ, что въ формѣ творительнаго падежа ѡ (рѡкѡ) слѣдуетъ видѣть стяженіе изъ-ОМЪ. Въ дѣйствительности же Миклошичъ не отказывался въ своей статьѣ „*Ueber die lang. Vocale*“ отъ своего прежняго мнѣнія о мѣстоименномъ образовании формы творительнаго падежа на ОМЪ отъ основъ на а и не доказывалъ убѣдительно, что форма творительнаго падежа рѡкѡ образовалась посредствомъ стяженія изъ формы рѡкОМЪ. Вотъ что говоритъ Миклошичъ въ этой статьѣ на стр. 22: „Aus dem über das nsl. s. Kr. Gesagten kann mit einiger Wahrscheinlichkeit gefolgert werden, dass im aslov. die durch Contraction entstandenen Vocale lang waren daher *dobrémъ* (добрѣмъ), *iměhъ* (имѣхъ), mit langem é (ѣ). *dobrāgo* (добраго), *imāmъ* (имамъ). *poslědnimъ* (последнимъ). *pogrebenī* (погребени) sg. loc. *dobrūmu* (доброуму). *rybū* (рыбъ) sg. *Astr.*, wenn es wirklich aus *rybojā* (рыбожъ) entstanden, im Gegensatz zu *rybā* (рыбъ) sg. acc. *dobrūmъ* (добримъ). *sađi* (сѣди) usw. Vergl gramm. 1, 196“. А въ грамматикѣ Lautlehre, 1878. I, 197) читаемъ: *oā aus oja wird ā* (то-есть посредствомъ стяженія): *diese contraction wird häufig im sg. i. der a-stämme angenommen: rybā, aus ryboā, rybojā: rybojā soll. das ursprüngliche sein: nach meiner ansicht sind beide auf verschiedenen stämmen beruhende formen gleich alt*“, то-есть одна (рыбъ) на именной основѣ, а другая (рыбожъ) на мѣстоименной. Поэтому Миклошичъ и выразился въ своей статьѣ объ отношеніи этихъ двухъ формъ между собою, wenn es (то-есть форма рыбъ) wirklich aus *rybojā* entstanden“. Но если-бы даже форма творительнаго падежа рыбъ дѣйствительно образовалась посредствомъ стяженія изъ формы рыбОжъ, то и въ этомъ случаѣ

нѣтъ основанія отказываться отъ мнѣнія, что форма *ръбонѣ* мѣстоименнаго образованія, а не именного. Извѣстно однако, что форма творительнаго падежа на *-ѣ* встрѣчается рѣдко въ древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянской письменности, а форма на *-онѣ* представляется обыкновенною; поэтому трудно думать, что первая образовалась изъ второй, то-есть, что она по отношенію къ послѣдней есть позднѣйшая форма ¹⁾). Какъ бы то ни было, Миклошичъ не отказывался отъ своего мнѣнія о мѣстоименномъ, а не именномъ, образованіи формы творительнаго падежа единственнаго числа на *-онѣ* отъ именъ существительныхъ съ основами на *-а*. Да если бы Миклошичъ отказался отъ этого мнѣнія, то проф. Брандтъ, подъ редакціею котораго издана въ 1884 году въ русскомъ переводѣ г. Шлякова „Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ“ Миклошича, навѣрное сдѣлалъ бы объ этомъ примѣчаніе въ книгѣ, сославшись на статью „Ueber die langen Vocale in den slavischen Sprachen“. Wien, 1879 г.; но никакого подобнаго примѣчанія проф. Брандтъ не сдѣлалъ. Очевидно, что проф. Карскій, желая оправдать свои промахи, рѣшается на такія доказательства, которыя не имѣютъ ничего общаго съ „чисто научными и педагогическими видами“, ради которыхъ отъ пишеть свои возраженія.

Въ рецензіи замѣчено: „На стр. 58-й проф. Карскій объясняетъ форму *ветъшати* изъ формы **ветъхѣти*“. Это невѣрно: форма *ветъшати*, подобно формѣ *слоушати*, имѣеть суффиксомъ *а*, а не *ѣ*, и образовалась чрезъ форму **ветъшити* отъ *ветъхъ* точно такъ же, какъ форма, напримѣръ, *хаждати* чрезъ форму *ходити* отъ существительнаго *ходъ*“. Замѣчаніе вполне справедливое. На это указываютъ личные формы *ветъшанѣ-ветъшакши* и пр., какъ *слоушанѣ-слоушакши* и пр. Если бы форма *ветъшати* образовалась посредствомъ суффикса *ѣ* изъ **ветъхѣти*, какъ учитъ проф. Карскій, то личные формы были-бы **ветъшѣ* - **ветъшнши* и пр. подобно формамъ: *слншѣ-слншнши* и пр. отъ глагола *слншати* вмѣсто **слыхѣти* и т. п. Проф. Карскій возражаетъ противъ моего замѣчанія такъ: „Что касается недопущенія возможности происхожденія *ветъшати* изъ **ветъхѣти*, то по этому поводу замѣчу слѣдующее: если-бы *ветъшати*, согласно взгляду проф. Некрасова, было образовано съ суффиксомъ *-а-* при посредствѣ *ветъшити*, какъ *хаждати* отъ

¹⁾ Мы видѣли, что Бругманъ и считаетъ форму на *-ѣ* (ръбѣ) творительнаго падежа первоначальною.

ХОДИТИ, то оно обозначало бы видъ многократный, а не средній залогъ“. Такъ, чтожь за бѣда, если бы оно (то-есть, слово вѣтшати) и обозначало видъ многократный, а не средній залогъ? Но развѣ посредствомъ суффикса *a* непремѣнно всегда образуется только видъ многократный? Развѣ глаголы съ суффиксомъ *a* не могутъ имѣть значенія средняго залога? Развѣ глаголу многократнаго вида воспрещается имѣть значеніе средняго залога? Какого же залога глаголы съ суффиксами *a*: бѣгати, падати, стѣнати, стѣпати, сѣдати, лѣгати и др.?

По поводу объясненія образованія формы повелительнаго наклоненія въ рецензїи сказано: „На стр. 62-й образованіе *формъ повелительнаго наклоненія* объясняется слѣдующимъ образомъ: „Для того, чтобы получить единственное число“ (а не формы единственнаго числа повелительнаго наклоненія?) „къ основамъ“ (то-есть настоящаго времени) „на гласные“, (очевидно, *e* и *и*) „прибавляется — *и*, которое сливается съ окончаніемъ темы: *неси, люби*; для образованія же двойственнаго и множественнаго числа суффиксомъ служитъ—*ѣ*, который во II спряженїи, а также послѣ гласныхъ въ I переходитъ въ *и*“ (а форма *ицатѣ*? Остр. ев. л. 275,в); „кроме того, прибавляются личныя окончанія для двойственнаго числа —*вѣ* и —*та*, а для множественнаго —*мъ* и —*тѣ*“. Неясно! На основанїи этого объясненія можно думать, что формы повелительнаго наклоненія въ глаголахъ древняго церковно-славянскаго языка I и II спряженія характеризуются двумя суффиксами: для единственнаго суффиксомъ *и*, а для двойственнаго и множественнаго чиселъ суффиксомъ *ѣ*; что первый сливается въ одинъ звукъ съ окончаніемъ (то-есть съ гласнымъ *e* или *и*), судя по приѣрамъ: *неси, люби* въ звукъ *и* (то-есть *несѣ+и=неси*, *люби+и=люби*); но что происходитъ съ другимъ суффиксомъ *ѣ*, то-есть къ чему онъ присоединяется въ темѣ настоящаго времени на гласные звуки *e* и *и* и что происходитъ вслѣдствіе его присоединенія, обо всемъ этомъ вѣтъ ни слова въ объясненїи. Въ виду этого можно думать и такъ, что формы повелительнаго наклоненія характеризуются собственно однимъ суффиксомъ, но суффиксъ этотъ въ единственномъ числѣ принимаетъ форму *и*, а въ двойственномъ и множественномъ числахъ форму *ѣ*, но который изъ нихъ основной, неизвѣстно. Словомъ, объясненіе — крайне неясно. Впрочемъ, изъ нихъ видно, по крайней мѣрѣ, то, что основы или темы настоящаго времени въ глаголахъ древняго церковно-славянскаго языка I и II спряженїи *оканчиваются на гласные звуки e или и*, которые поэтому представляются

тематическими окончаниями настоящего времени. Но на стр. 57 въ въ § 50 читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „*основы настоящаго времени* получаютъ, если отбросить окончаніе 3-го лица единственнаго числа Ть“. Слѣдовательно, если мы отбросимъ отъ формъ 3-го лица: НЕСЕТЬ и ЛЮБИТЬ окончаніе -ТЬ, то получимъ основы настоящаго времени: НЕСЕ и ЛЮБИ. Однако, въ учебникѣ далѣе говорится, что „къ *основѣ настоящаго времени* обыкновенно присоединяются е—о (соединительные гласные), чѣмъ она и отличается отъ основы неопредѣленнаго наклоненія и пр.“. Слѣдовательно, въ морфемѣ НЕСЕ за основу настоящаго времени собственно должно признать звукосочетаніе НЕС, а звукъ е, слѣдующій за этимъ звукосочетаніемъ, есть не тематическій, а *соединительный гласный*, который въ парадигмахъ настоящаго времени на стр. 61 проф. Карскій и отдѣляетъ отъ основы. Итакъ, что же слѣдуетъ признать за основу настоящаго времени въ глаголѣ нести: звукосочетаніе НЕС, или НЕСЕ? Очевидная сбивчивость въ изложеніи. Этимъ замѣчаніемъ, конечно, имѣлось въ виду указать автору учебника, съ одной стороны, на *неясность* его ученія объ образованіи формъ повелительнаго наклоненія; съ другой, — на *сбивчивость* его ученія о формахъ основы настоящаго времени, которое встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ учебника. А проф. Карскій говорить, что „въ разсматриваемой рецензій дѣлается *предположеніе о моемъ взглядѣ* относительно суффикса повелительнаго, при чемъ дѣло представляется *въ совершенно возможномъ освѣщеніи* (будто бы я предполагаю, что неси образовалось на славянской почвѣ изъ несе+н)“. Въ рецензій слова проф. Карскаго выписаны мною изъ учебника *буквально*. „Смѣю увѣрить проф. Некрасова“, продолжаетъ проф. Карскій, „что не только я, но и ни одинъ изъ моихъ слушателей не усумнится въ томъ, что древне-церковно-славянскій суффиксъ повелительнаго н—ѣ равенъ основному — оі (ср. и въ моемъ учебникѣ стр. 7, гдѣ берѣмъ сопоставлено съ фѣроцеу). Другое дѣло, почему на мѣстѣ дифтонга—оі въ единственномъ числѣ имѣемъ н, а не ѣ, но этого нельзя уяснить ученикамъ гимназій на почвѣ только древняго церковно-славянскаго языка“. Но вѣдь дѣло не въ этомъ, а въ неясности изложенія того, что говорится въ грамматикѣ объ образованіи формъ повелительнаго наклоненія. Эта неясность изложенія и выяснена мною въ рецензій. Но проф. Карскій не обращаетъ вниманія на это, а говоритъ далѣе: „Проф. Некрасову показалось неправильнымъ замѣчаніе о томъ, что суффиксъ повелительнаго накло-

ненія ѣ во II спряженіи, а также послѣ гласныхъ въ I переходить въ и". Нѣтъ! ничего неправильнаго мнѣ не показалось въ этомъ. Изъ словъ моей рецензіи, приведенныхъ выше, не видно ничего подобнаго, и проф. Карскій напрасно въ данномъ случаѣ указываетъ на форму *ицѣте*, говоря: „Въ качествѣ возраженія приведена форма *ицѣте* Остром. л. 275, в. Хотѣлъ бы я знать, только ли за тѣмъ приведено это возраженіе, чтобы увеличить число недостатковъ въ моей книгѣ“ (число недостатковъ книги проф. Карскаго безъ особеннаго труда можно было бы увеличить и безъ этого) „или же дѣйствительно проф. Некрасовъ знаетъ какой-либо особый способъ объясненія подобныхъ *позднѣйшихъ* и далеко не *типичныхъ* явленій, какъ та въ повелительномъ мѣсто и“. Ни то, ни другое. Выраженіе: „а форма *ицѣте*?“, поставленное въ скобкахъ, указываетъ лишь на то, что къ словамъ учебника: „для образованія же двойственнаго и множественнаго чиселъ суффиксомъ служитъ ѣ , который во II спряженіи, а также послѣ гласныхъ въ I переходитъ въ и“ можно было бы прибавить: „а въ нѣкоторыхъ глаголахъ послѣ небныхъ согласныхъ и j-та мѣсто и встрѣчается а“. Слѣдовательно, форма *ицѣте* приведена въ рецензіи не „въ качествѣ возраженія“, а въ качествѣ напоминанія. Проф. Карскій напрасно называетъ безъ всякой оговорки формы, въ родѣ *ицѣте*, *позднѣйшими* и *вторичными*, давая этимъ поводъ думать, что онѣ встрѣчаются лишь въ позднѣйшихъ памятникахъ церковно-славянской письменности, и считаетъ ихъ (то-есть формы) до того маловажными, что лучше и не упоминать о нихъ въ учебникѣ. Не такъ думаетъ о тѣхъ же формахъ проф. Лескянъ. Во-первыхъ, онъ считаетъ ихъ позднѣйшими и вторичными (*umgebildete*) не по времени появленія ихъ въ памятникахъ древне-церковно-славянской письменности, а по образованію ихъ сравнительно съ формами, имѣющими суффиксъ и, что, конечно, далеко не одно и то же; во-вторыхъ, онъ посвящаетъ имъ особый параграфъ въ своемъ учебномъ руководствѣ (*Handbuch der altbulgarischen (alt kirchenslavischen) Sprache. 2 Auflage. Weimar. 1886.*

131 а, Seite 138) и выписываетъ въ немъ значительное число примѣровъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ церковно-славянской письменности; именно изъ Зографскаго евангелія, изъ Супрасльской рукописи и Синайской Псалтыри, раздѣливъ примѣры на *первичныя* формы (*ursprüngliche*) съ суффиксомъ и (напримѣръ *пните*, *покажите*) и *вторичныя* (*umgebildete*) съ суффиксами ѣ и а (напримѣръ *взпнѣмѣ*, *пока-*

жатс, покажѣтс и др.). Далѣ проф. Карскій говоритъ: „Предложенное имя (то-есть проф. Некрасовымъ) объясненіе этого явленія (то-есть та вм. и) въ „Очеркѣ“ (стр. 167) не можетъ считаться научнымъ, такъ какъ а появляется на мѣстѣ ѣ только равнаго основному е, а не дифтонгу. Единственно правильнымъ объясненіемъ должно быть признано слѣдующее (Лескинъ: Грамматика старославянскаго языка. М. 1890, стр. 140): „Первоначально въ этой формѣ возможна только гласная—и—(=j)oi): бнѣмъ, глаголимъ и т. д. Но въслѣдствіе склонности, распространенной во всѣхъ памятникахъ, подъ влияніемъ аналогіи... несѣмъ, двинѣмъ, появляется ѣ, *вм. котораго послѣ j... стоитъ а: бнѣмъ*“. Прекрасно! А въ моемъ „Очеркѣ“ сказано такъ: „послѣ согласныхъ небныхъ звукъ ѣ чередуется съ звукомъ а или и, напримѣръ ницатс вм. ницѣтс, покажатс вм. покажѣтс, бнѣтс, бнѣтс и бнѣтс“. Почему же это выраженіе „не можетъ считаться научнымъ“. а выраженіе, что „вмѣсто ѣ послѣ j-та стоитъ а“—вполнѣ научно? Развѣ въ данномъ мѣстѣ моего „Очерка“ говорится вообще о чередованіи звука ѣ звукомъ а, а не о томъ только случаѣ, когда ѣ долженъ слѣдовать за небными согласными?

Свои возраженія проф. Карскій оканчиваетъ слѣдующимъ заключеніемъ: „На основаніи всего сказаннаго“, говоритъ онъ. „можно придти къ заключенію, что замѣчанія проф. Некрасова *часто отражаютъ его личный вкусъ*, а не являются поправками по существу. Особеннымъ нападкамъ подверглось въ моей грамматикѣ *образование словъ*. но вотъ что объ этомъ же отдѣлѣ говоритъ прежній рецензентъ учебнаго комитета (забравовавшій, кстатіи сказать, учебникъ г. Флерова. въслѣдствіи новой комиссіей подъ предсѣдательствомъ проф. Некрасова даже премированный. Ср. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1894 г. Ноябрь: „Наша учебная литература“)“. Слѣдуетъ самый отзывъ. На все это въ отвѣтъ я скажу, что проф. Карскій при новомъ VII изданіи своей грамматикѣ навѣрное рѣшить не въ свою пользу вопросъ, гдѣ больше правды: въ *моемъ ли личномъ вкусѣ*, подъ влияніемъ котораго будто бы я писалъ свою весьма снисходительную рецензію на его книгу съ цѣлю помочь автору въ ея исправленіи, или въ его „*чисто научныхъ и педагогическихъ видахъ*“. ради которыхъ онъ писалъ свои возраженія съ цѣлю оправдать явные промахи, указанныя мною въ его книгѣ, такъ какъ многое онъ долженъ будетъ исправить въ ней по моимъ указаніямъ.

И. Некрасовъ.

Книжныя новости.

Н. М. Терновскій. Историко-литературные очерки. Житомиръ, 1898.— Содержаніемъ названныхъ очерковъ послужили статьи: „О вліяніи просвѣтительной дѣятельности свв. Кирилла и Меодія на развитіе славянскаго самосознанія и культурнаго движенія у западныхъ славянскихъ народовъ“, „Д. И. Фонвизинъ“, „И. И. Хемницеръ“, „В. А. Жуковскій“, „М. Ю. Лермонтовъ“, „А. В. Кольцовъ“, „И. С. Тургеневъ“ и „И. А. Гончаровъ“. Нѣкоторыя изъ названныхъ статей были уже напечатаны ранѣе и отдѣльными брошюрами и въ періодическихъ изданіяхъ. Хотя съ научной стороны въ своихъ „Очеркахъ“ г. Терновскій не вноситъ ничего новаго, но въ виду того, что онъ обращаетъ наибольшее вниманіе на причины, „создавшія умственно-правственную физиономію“ писателя, и на тѣ общественные вопросы и типы, которые онъ поднимаетъ и изображаетъ, „Очерки“ представляютъ свой интересъ и по малой разработанности этихъ вопросовъ въ литературѣ и по удачному ихъ изложенію. При этомъ нельзя не отмѣтить довольно легкаго и вполне литературнаго за весьма ничтожными исключеніями языка „Очерковъ“; для среднеучебныхъ заведеній и для самообразованія они могутъ послужить весьма недурнымъ пособіемъ.

Акты Нижегородскаго Печерскаго Вознесенскаго монастыря. Съ предисловіемъ *А. А. Титова.* М. 1898.— Въ 1850 г. возникла въ Нижнемъ-Новгородѣ археографическая коммиссія для разбора древнихъ актовъ. Хотя непродолжительная ея дѣятельность была весьма незначительна, но одному изъ главныхъ ея дѣятелей П. И. Мельникову удалось еще ранѣе 1850 г. разобрать вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими акты Нижегородскаго Печерскаго монастыря и часть ихъ—около 140—отпечатать въ Нижегородскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ за 1848 г. Кроме того при помощи о. Макарія и Добротворскаго Мельникову удалось снять копія или „списки“ со всѣхъ документовъ этого монастыря, подлинники которыхъ въ 1849 г. были вытребованы въ С.-Пб. археографическую коммиссію. Последняя въ 1875 г. напечатала въ своей „Библіотекѣ“ 42 №№ изъ этихъ документовъ. Въ настоящее время А. А. Титову, въ рукахъ котораго очутились всѣ „списки“ Мельникова, пришла мысль издать всѣ документы Печерскаго монастыря по этимъ „спискамъ“. „Въ издаваемый первый томъ, говоритъ онъ, вошли всѣ документы, помѣщенные въ первыхъ двухъ томахъ списковъ Мельникова“ (всѣхъ ихъ шесть томовъ), за весьма небольшими исключеніями. „Акты напечатаны въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ въ рукописи П. И. Мельникова, съ удержаніемъ и тѣхъ рубрикъ, на которыя они здѣсь подраздѣляются, ... заголовковъ, сдѣланныхъ П. И. Мельниковымъ... и съ сохраненіемъ стилистическихъ и ореографическихъ особенностей текста“. Въ этотъ томъ вошли и акты, уже напечатанные Мельниковымъ въ „Нижегородскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ“ (по крайней мѣрѣ большинство ихъ) и до 26 актовъ изъ напечатанныхъ археографическою коммиссіею. Большинство изъ помѣщенныхъ актовъ болѣе или менѣе точно приурочивается къ опредѣленному году и лишь немногіе не имѣютъ вѣрныхъ

хронологических указаний. По своему характеру и содержанию документы Печерского монастыря весьма разнообразны; „можно сказать“, читаемъ въ предисловіи г. Титова (стр. XII), „что они, въ своей области, обнимаютъ собою всё стороны стариннаго дѣлопроизводства, начиная отъ царскихъ грамотъ и кончая мелкими записями“. Тутъ есть письма, грамоты и указы царей, патріарховъ и нижегородскихъ митрополитовъ, наказныя памяти воеводъ, архимандритовъ и др., челобитныя, донесенія и отписки, дѣла слѣдственные и спорныя, допросныя и отвѣтныя рѣчи, росписи, выписи и т. п. Большинство актовъ относятся къ XVII вѣку. По содержанию наибольшій интересъ изъ нихъ представляютъ письма, такъ какъ въ нихъ нашли свое выраженіе многія явленія монастырской жизни во всѣхъ своихъ мельчайшихъ подробностяхъ; затѣмъ акты, относящіеся къ управленію монастыремъ, приписнымъ монастырями и вотчинами (въ числѣ ихъ находится и несудимая грамота съ подписью царя Михаила Федоровича, стр. 142—143); далѣе акты, касающіеся монастырскаго имущества вообще (наиболѣе любопытны прошенія о построеніи храмовъ при архимандритѣ Рафаилѣ), и наконецъ акты общегосударственнаго значенія, напримѣръ официальная переписка о совершеніи молебствія по поводу рожденія великой княжны Теодоры Алексѣевны; наказъ о задержаніи и присылкѣ поджигателей; царскій указъ о приготовленіи къ защитѣ противъ турецкаго султана и крымскаго хана и др. Конечно, напечатаніе этихъ актовъ является весьма важнымъ явленіемъ для будущаго историка Печерскаго монастыря; въ нихъ найдутся матеріалы и для исторіи всего нижегородскаго края, но надо признаться, что цѣнность ихъ была-бы еще значительнѣе, если бы „списки“ П. И. Мельникова были провѣрены по подлинникамъ, хранящимся въ С.-Пб. археологической комиссіи. Мы просмотрѣли царскія челобитныя въ книгѣ г. Титова и встрѣтились тутъ съ довольно путанною орфографіею нижегородскихъ семинаристовъ, а не подъячихъ, которые, какъ извѣстно, писали по своему правильно и весьма однообразно, и съ несомнѣнными ошибками. Затѣмъ, конечно, врядъ-ли можетъ вполне удобной показаться и система П. И. Мельникова, столь тщательно удерживаемая издателемъ, болѣе, какъ говоритъ онъ самъ, „для характеристики работъ комиссіи“ (стр. IV). Въ текстѣ нѣкоторыхъ документовъ имѣются значительныя пропуски, которые, быть можетъ, можно было-бы восполнить при сравненіи „списка“ съ подлинникомъ. Нелегко, пожалуй, было отличить и приписки и вставки переписчиковъ отъ подлинныхъ словъ документа по однимъ только „спискамъ“, особенно плохо сохранившимся. Вотъ почему намъ казалось-бы и цѣлесообразнѣе и научнѣе не пренебрегать издателю при продолженіи своего труда подлинниками археографической комиссіи.

— Человѣчество въ доисторическія времена. Доисторическая археологія Европы и въ частности славянскихъ земель. Соч. д-ра *Любора Нидерле*. Перев. съ чешскаго Ф. К. Волковъ, подъ ред. Д. Н. Анучина. С.-Пб. 1898. Послѣ извѣстнаго сочиненія Леббока, появившагося въ русскомъ переводѣ въ 1875 г. и трактующаго о первобытныхъ древностяхъ только нѣкоторыхъ западно-европейскихъ странъ и отчасти С. Америки, переводъ вышесказаннаго труда проф. Чешскаго университета въ Прагѣ Нидерлея является важнѣйшимъ вкла-

домъ въ русскую археологическую литературу. Онъ восполняетъ прежній недостатокъ въ руководствѣ по доисторическимъ древностямъ, которое знакомо бы читателя съ современнымъ состояніемъ археологической науки на Западѣ и съ научною классификаціей археологическаго матеріала въ связи съ фактами археологическими, добытыми на почвѣ Россіи. Проф. Нидерле, какъ говоритъ въ своемъ предисловіи редакторъ перевода, давно уже занимающійся антропологіей и археологіей, хорошо знакомый съ древностями Австро-Венгріи и вообще всей Западной Европы, а также ознакомленный и съ русскою археологическою литературою и русскими музеями, удачно соединилъ въ одномъ обзорѣ западную доисторическую старину съ восточною и связалъ древнѣйшую культуру романо-германской Европы съ соответственными культурными эпохами славяно-восточнаго міра. Его сочиненіе подъ заглавіемъ „*Lidstvo v dobe predhistoricke*“ появилось еще въ 1893 г., но въ настоящемъ изданіи авторомъ были сдѣланы нѣкоторыя добавленія и поправки, такъ что оно является вполне соответствующимъ новѣйшимъ даннымъ науки. Въ введеніи авторъ разсуждаетъ о томъ, что такое доисторическая археологія; опредѣляетъ ея отношеніе къ антропологіи и исторіи, ея задачи и методы, и затѣмъ даетъ очеркъ развитія доисторической археологіи, болѣе подробно останавливаясь на современномъ ея состояніи. Затѣмъ, раздѣливъ свое сочиненіе на двѣ части: *періодъ дометаллическій* и *эпоху металловъ* и каждую часть на главы, онъ начинаетъ съ краткаго обзора геологическихъ измѣненій земной поверхности, послѣдовавшихъ ранѣе появленія на ней человѣка; далѣе знакомитъ съ новѣйшими теоріями о происхожденіи человѣка и его древности и особенно подробно останавливается на ледниковомъ періодѣ и палеолитической эпохѣ человѣческой культуры (гл. 2-я). Въ третьей главѣ („Человѣчество въ неолитическую эпоху“) сначала приводитъ подраздѣленія ея, затѣмъ обозрѣваетъ главные неолитическія находки, дѣля ихъ на двѣ главныхъ группы: остатки человѣческихъ поселеній неолитическаго мѣста погребенія. Въ послѣдней (IV) главѣ этой части проф. Нидерле говоритъ и о доисторическихъ племенахъ каменнаго вѣка въ Европѣ. Вторая часть—*эпоха металловъ*—начинается объясненіями автора о значеніи металловъ для исторіи культуры; затѣмъ идутъ описанія мѣднаго и бронзоваго вѣковъ, причѣмъ подробнѣе говорится о послѣднемъ, съ приведеніемъ различныхъ научныхъ теорій о немъ. Тутъ же авторъ говоритъ и о развитіи торговли янтаремъ, добывавшимся на берегахъ Балтійскаго моря, относя эту торговлю къ бронзовому вѣку. Глава VII—„древнѣйшій желѣзный вѣкъ“—изобилуетъ данными, относящимися къ западнымъ славянамъ и Россіи, и содержитъ систематическое описаніе могильниковъ и кургановъ. Начало же ея занято подробной характеристикой гальштатской культуры съ опредѣленіемъ границъ ея распространенія. Въ слѣдующихъ главахъ VIII и IX („Расцвѣтъ желѣзнаго вѣка“) подробно обозрѣвается латинская культура и римская, причѣмъ особое вниманіе обращается авторомъ на эпоху великаго переселенія народовъ, содѣйствовавшаго появленію новыхъ типовъ вещей и ихъ дальнѣйшему развитію. Обозрѣвъ затѣмъ культуру германскую, ея развитіе на сѣверѣ Россіи и позднѣйшую эпоху „позднѣйшаго желѣзнаго вѣка“—эпоху викинговъ, проф. Нидерле переходитъ къ славянамъ и обстоятельно

описывает их распределение, распространение и предметы их первобытной культуры, особенно городища и могилы, вводя сюда и характеристику русских языческих погребений. Заключается IX глава очеркомъ торговли съ арабами и появленія христіанства. Заключительная X глава говоритъ о европейских племенахъ въ концѣ доисторической эпохи и представляетъ антропологическія данныя для выясненія и сравненія первоначальныхъ типовъ и славянъ. По своему характеру изложенія книга проф. Нидерле можетъ назваться вполнѣ объективнымъ, безпристрастнымъ компендіумомъ почти всѣхъ новѣйшихъ археологическихъ теорій, для оцѣнки которыхъ читателю предоставляется широкое поле. Переводъ сдѣланъ довольно легкимъ литературнымъ языкомъ, доступнымъ для большинства читателей. Въ текстѣ 459 рисунковъ и въ концѣ книги карта Европы въ ледниковый періодъ. Въ видѣ приложения къ книгѣ имѣются „Библиографическія примѣчанія“, числомъ 411, и алфавитный указатель.

— Владная книга Нижегородскаго Печерскаго монастыря. Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1898.—Напечатанная г. А. А. Титовымъ владная книга представляетъ собою запасъ, мѣстами очень подробную, вкладовъ всякаго рода, поступившихъ въ казну Печерскаго монастыря въ теченіе 1641—1738 гг. Подобнаго рода матеріалъ, какъ извѣстно, въ связи съ другими источниками, играетъ весьма значительную роль при изученіи внутренней монастырской жизни. Настоящая владная книга имѣетъ еще тѣмъ большій интересъ, что захватываетъ послѣдній періодъ самостоятельной экономической жизни монастыря передъ введеніемъ духовныхъ штатовъ въ 1764 г. Знакомясь ближе съ содержаніемъ книги, находимъ, что Печерскій монастырь не былъ богатъ обычными въ то время боярскими вкладами: жертвовали больше нижегородцы, духовенство, пріѣзжіе торговые люди и крестьяне, да и то больше при условіи, — „буде похочутъ постричься“. Большинство вкладовъ сдѣлано деньгами и лошадьми; затѣмъ идутъ предметы, непосредственно относящіеся къ церковно-богослужебной практикѣ: иконы книги духовнаго содержанія, ризы и т. п.; вообще не была забыта вкладчиками и всѣ остальные стороны монастырскаго обихода. Любопытно при этомъ, какъ монастырь, принимая у себя бѣглыхъ крестьянъ, посредствомъ вкладовъ, къ которымъ уговаривали владѣльцевъ, устранялъ судебную волокиту. Кромѣ этого въ названной владной книгѣ, говоритъ г. Титовъ, „находятся и историческія данныя, имѣющія значеніе для общей русской церковной исторіи“, но таковыхъ имъ указано слишкомъ немного. Владная книга напечатана по хорошо сохранившейся рукописи XVII вѣка (на 192 листахъ) и, по словамъ г. Титова, использована была однажды и то отчасти авторомъ „Описанія Печерскаго монастыря“ (въ „Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, за 1845—49 гг.).

Въ теченіе іюля мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги и брошюры:

— *Олоблинъ, Н. Н.* Обзоръ документовъ Чарондской земской извы. Къ исторіи крестьянскихъ общинъ въ XVII вѣкѣ. С.-Пб. 1898.

— Цисловыя книги Рязанскаго края. Подъ редакціей члена комиссіи *В. Н. Сторожева*. I. Изданіе Ряз. учен. Арх. Ком.—Рязань. 1898.

— Семь статей В. Г. Бялинскаго. Юбилейное изданіе. Подъ редакціей П. А. Ефремова и В. Ю. Якушима. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1898.

— Труды сѣверной комиссіи. (Комитетъ для помощи поморамъ русскаго сѣвера). 1897—1898. I. Научно-промысловыя морскія изслѣдованія Мурмана. II. Учрежденіе инспекцій рыболовства, научно-промысловыхъ станцій и рыбацкихъ школъ на сѣверѣ. С.-Пб. 1898.

— Сборникъ консульскихъ донесеній. Выпускъ III. Содержаніе: *Вестманъ*, Германскія колоніи въ Новой Гвинее. — *Бакумизъ*, Нидерландская колонизація Новой Гвинее. — *Прозоръ*, Ввозъ русскаго хлѣба въ Швейцарію. — *Пильаръ фонъ-Пильгау*, баронъ, Мелкій кредитъ въ Ирландіи. — *Чагоминъ*, Русскіе отхожіе промыслы въ Сербіи. — *Гукъ*, Торговля и промышленность Гетеборга. — *Иславицъ*, Сокращеніе рабочаго дня для желѣзнодорожныхъ служащихъ въ Англіи. — *Веймеръ*, Торговля хмѣлемъ въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ. Въ приложеніи: Донесенія посланника въ Мюнхенѣ, А. Извольскаго. С.-Пб. 1898.

— Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ XXIV. Тифлисъ, 1898.

— *Сторожевъ, В. Н.*—Къ вопросу о необходимости кореннаго обновленія состава брошюръ для народныхъ чтеній.

— *Цеттаевъ, Дм.*—ЗАКРЫТИЕ ВАРШАВСКАГО МОНАСТЫРЯ ДОМИНИКАНЪ-ОБСЕРВАНТОВЪ (бывшей московской каплицы) Варшава 1898.

— Отчетъ состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны благотворительнаго общества судебного вѣдомства за 1897 г. С.-Пб. 1898.

— *Неклетичъ, К.* Методическое рѣшеніе арифметическихъ задачъ изъ курса I—III классовъ. Елисаветградъ. 1898.

— *Суворовъ, Н.* Вопросъ о номоканонѣ Іоанна Постника въ новой постановкѣ. По поводу книги проф. А. С. Павлова: „Номоканонъ при большомъ требникѣ“ изд. 1897.—Ярославль. 1898.

— *Модзалевскій Б. Л.*—Пушкинъ и Ефимъ Петровичъ Люценко. Историко-литературная замѣтка. С.-Пб. 1898.

— Сводъ постановленій и распоряженій о специальныхъ испытаніяхъ на учительскія званія. По порученію г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа составилъ П. Павловскій, окружной инспекторъ того же округа. Кіевъ 1898.

— ТАВРИСА. Опытъ указателя сочиненій, касающихся Крыма и Таврической губерніи вообще. Составилъ *Арсеній Маркесичъ*. Выпускъ второй. Симферополь. 1898.

— THE PHILADELPHIA MUSEUMS. The Philadelphia Commercial Museum.

— THE PHILADELPHIA COMMERCIAL MUSEUM.—American Trade with Australia. A Report by Col. Geo. W. Bell.

— LOS MUSEOS DE PHILADELPHIA. Museo Comercial y Económico... por. J. B. Calvo. Washington.

— NÁRODOPISNÝ SBORNÍK ČESKOSLOVANSKÝ, VYDÁVÁ NÁRODOPISNÁ SPOLEČNOST ČESKOSLOVANSKÁ A NÁRODOPISNÉ MUSEUM ČESKOSLOVANSKÉ. Redactor Prof. dr. *Fran-tíšek Pastrnek*. V Praze. 1898. Svazek třetí.

— *Рудинъ, Е. К.* — *Θ. И. БУСЛАЕВЪ.* ОБОЗРѢ ТРУДОВЪ ЕГО ПО ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ ИСКУССТВА. Харьковъ. 1898.

— *Комовъ, Н.* Грозы въ Европейской Россіи и на Кавказъ за 1889 г. Съ двумя таблицами. (Записки Императорской Академіи Наукъ. Mémoires VIII série, T. VI. № 3). С.-Пб. 1898.

— *Марковъ, А. А.* О ПРѢДѢЛЬНЫХЪ ВЕЛИЧИНАХЪ ИНТЕГРАЛОВЪ ВЪ СВЯЗИ СЪ ИНТЕРПОЛИРОВАНИЕМЪ (Записки Императорской Академіи Наукъ. Mémoires... VIII-e série. T. VI. № 5. С.-Пб. 1898.

— Труды восточнаго отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества. Т. XXII.—Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей. Изданы подъ редакціей *И. И. Веселовскаго*. Т. III. Царствованіе Михаила Феодоровича (продолженіе) С.Пб. 1898.

— Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. X. Вып. I и II. Новая серія.—Труды отдѣленія славянской и русской археологіи. Подъ ред. *С. Θ. Платонова*. Книга III. С.-Пб. 1898. Содержаніе: *Тыжмовъ, И. И.*, Замѣтки о городскихъ лѣтописяхъ Сибири.—*Васильевъ, Н. И.*, Археологическій указатель Пскова и его окрестностей. *Бобринскій А. А.*, графъ, Нѣсколько неизданныхъ замѣтокъ; *ею-же*—Шлемъ Іоанна Грознаго.—Матеріалы по доисторической археологіи Россіи.—*Спицинъ, А. А.*, Разборъ, обработка и изданіе археологическаго матеріала—Мелкія сообщенія.—Протоколы отдѣленія русской и славянской археологіи, протоколы общихъ собраній общества и пр.

— Читенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей русскіихъ при Московскомъ университетѣ, 1898. Книга III. 186-я. Издана подъ завѣдываніемъ *Е. И. Барсова*. М. 1898. Содержаніе: *Юшковъ, А. И.*, Акты XIII—XVII вв., представленные въ Разрядный приказъ.—*Дячковъ, Е. А.*—Матеріалы для изученія творчества и быта бѣлоруссовъ—*Мурковъ, Г. А.*, Путешествіе антиохійскаго патріарха Маварія въ Россію, въ половинѣ XVI вѣка.—*Дмитріевъ Мамонтовъ, А. И.*, Пугачевщина въ Сибири.—Смѣсь.

— Византійскій Временикъ, издаваемый при Императорской Академіи Наукъ подъ редакцію *В. Г. Васильевскаго* и *В. Э. Реселя*. Т. V, вып. 3. Содержаніе: Отд. I. О времени св. Софіи Солунской. *Я. Смирнова*; Еще къ вопросу о Вичинѣ. *Ю. Кулаковскаго*; Левъ Мудрый, или Левъ Исавръ былъ авторомъ „Гавтики“? *Ю. Кулаковскаго*; Славяне въ Греціи. *А. Васильева*; Къ критикѣ текста второй тетради „Υπερ τῶν πολέμων“ Проконія Кесарійскаго. *М. Крашенинникова*. Аонскія грамоты. *Александра Лаврскаго*. Отд. II. *Schlumberger*. L'épée byzantine à la fin du dixième siècle. Рец. *А. Васильева*; *Μαργαρίτης*; *Γ. Δήμιττας*. Ἡ Μαχεβονία ἐν λίθοις φεγγυμένοις καὶ μυθμείοις σωζομένων. Рец. *А. Никитинскаго*. *А. Павлова*: Номоканонъ при Большомъ Трехникѣ. Рец. *И. Соколова*. Библиографія. Отд. III. Мелкія замѣтки и извѣстія.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Вопросникъ къ „учебному курсу теории словесности“ *В. А. Яковлева* (примѣнительно къ 3-му изданію. Составилъ *А. Пыльневъ*. Рекомендовано Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній, какъ пособіе при самостоятельныхъ занятіяхъ кадетъ. Изданіе *Ф. В. Щепанскаго*. С.-Пб. 1896, 68 стр. Цѣна не обозначена.

„Учебный курсъ теории словесности“ г. Яковлева,—книжка, безъ сомнѣнія, содержательная и полезная; но она, можно сказать, подавляетъ читателя массою теоретическихъ свѣдѣній разнаго научнаго характера, изложеніе которыхъ не всегда отличается надлежащею ясностью, а система—последовательностью; притомъ, не всѣ свѣдѣнія имѣютъ въ ней одинаковую научную достовѣрность и одинаковую важность для учащихся въ средней школѣ. Опознаться среди заключающагося въ ней теоретическаго учебнаго матеріала, то-есть отдѣлать въ немъ важное отъ неважнаго, достовѣрное отъ менѣе достовѣрнаго—не легко; поэтому при чтеніи книга г. Яковлева требуетъ значительнаго напряженія отъ вниманія даже такого читателя, который знакомъ съ предметомъ ея содержанія; тѣмъ труднѣе справиться съ нею учащимся, которые должны пользоваться ею въ качествѣ руководства. Чтобы облегчить учащимся трудъ пользованія книгою г. Яковлева, какъ руководствомъ при занятіяхъ словесностью, г. Пыльневъ составилъ къ ней „Вопросникъ“, о назначеніи котораго онъ говоритъ въ предисловіи къ нему, подъ заглавіемъ „Отъ составителя“, слѣдующее: „Главное назначеніе „Вопросника“ состоитъ въ томъ, чтобы помогать учащимся во время приготовленія урока уяснить себѣ планъ

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

каждаго отдѣльнаго параграфа (что важно не только для усвоенія его содержанія, но и вообще для развитія умѣнья излагать), а затѣмъ провѣрить, усвоено-ли его содержаніе съ надлежащею полнотою; кромѣ того, „Вопросникъ“ этотъ можетъ служить нѣмымъ конспектомъ при повтореніи, а также пособіемъ при выполненіи учащимися письменныхъ работъ по содержанію пройденнаго ими курса“.

Вопросникъ г. Пыльнева составленъ весьма подробно: каждая частная мысль, входящая въ содержаніе отдѣльнаго параграфа книги г. Яковлева, отмѣчена въ немъ особымъ вопросомъ. Онъ заключаетъ въ себѣ 1116 вопросовъ, раздѣленныхъ на 109 параграфовъ, согласно съ „учебнымъ курсомъ теоріи словесности“ г. Яковлева. Число вопросовъ къ каждому параграфу опредѣляется числомъ мыслей, входящихъ въ его содержаніе; такъ напримѣръ, къ §§ 10, 104 и 107 учебнаго курса въ „Вопросникѣ“ находится по одному вопросу, къ § 68, изложенному почти на пяти страницахъ (136—141), предлагается 49 вопросовъ. Чтобы пользоваться „Вопросникомъ“ г. Пыльнева, необходимо имѣть подъ рукою книгу г. Яковлева: иначе, многіе вопросы покажутся непонятными, или крайне неопредѣленными и загадочными; какъ, напримѣръ, вопросъ 336 къ § 42: „Что представляетъ собою повѣствованіе о человѣкѣ“, или: вопросъ 356 къ § 46: „Что необходимо для всякаго различія?“ или: вопросъ 783 къ § 77: „Какимъ путемъ можетъ возникнуть рѣшеніе драматическаго героя?“ и т. п. При составленіи „Вопросника“ г. Пыльневъ, очевидно, заботился, съ одной стороны, о соблюденіи той послѣдовательности въ вопросахъ, которою обусловливается изложеніе частныхъ мыслей въ каждомъ отдѣльномъ параграфѣ; съ другой, о томъ, чтобы не пропустить какой-либо частной мысли безъ соотвѣтствующаго для нея вопроса. Вслѣдствіе этого иногда одинъ и тотъ же вопросъ предлагается два раза для одного и того же параграфа, такъ, напримѣръ, къ § 54 вопросъ, „Въ чемъ еще можетъ выразиться идеализація?“ встрѣчается два раза подъ №№ 434 и 441; потому что на этотъ вопросъ подъ № 434 въ § 54 книга г. Яковлева отвѣтомъ служитъ слѣдующая мысль: „Идеализація выражается прежде всего въ *переработкѣ единичныхъ предметовъ и явленій* жизни соотвѣтственно характеру идеи и пр.; а на тотъ же вопросъ подъ № 441 въ § 54 книги г. Яковлева служить отвѣтомъ слѣдующая мысль: „Далѣе идеализація выражается въ *обобщеніи предметовъ и явленій жизни*“ Но кое-гдѣ встрѣчаются вопросы, которые или не вполне соотвѣтствуютъ мыслямъ, отвѣчающимъ на нихъ въ книгѣ г. Яковлева, или противорѣчатъ взгляду автора учебнаго

курса теории словесности; или, наконец, вовсе не имѣютъ въ курсѣ соответствующаго себѣ отвѣта. Такъ, напримѣръ, на 57-й вопросъ къ § 5-му: „На чемъ можетъ *основываться* связь между понятіями?“ въ книгѣ г. Яковлева читаемъ (стр. 13) слѣдующій отвѣтъ: „А связь между понятіями можетъ *зависѣть*: во 1-хъ, отъ *сходства* самихъ предметовъ; во 2-хъ, отъ ихъ постоянныхъ другъ къ другу *отношеній*“. Основаніе и зависимость—не одно и тоже. На 83-й вопросъ къ § 9-му: „Что такое *сужденіе*?“ отвѣтомъ служитъ слѣдующее положеніе: (стр. 17) „*Сужденіе* слагается изъ соединенія двухъ понятій и пр.“. Очевидно, это положеніе должно было бы отвѣчать на вопросъ: „Изъ чего слагается сужденіе?“, а не на вопросъ: „Что такое сужденіе?“ На 340 вопросъ къ § 43-му: „Какія цѣли могутъ преслѣдоваться въ разсужденіяхъ?“—отвѣтомъ служитъ слѣдующее положеніе (стр. 67): „Одни виды разсужденія занимаютъ *изслѣдованіемъ* причинной зависимости между предметами, ихъ признаками и состояніями; другіе излагаютъ только *результаты* этихъ изслѣдованій“. Ни о какихъ цѣляхъ здѣсь не говорится. — Вопросы: 54-й „какъ называется *образованіе новыхъ словъ* путемъ присоединенія префиксовъ и суффиксовъ?“ и 55-й: „какъ называется образованіе *новыхъ словъ* путемъ прибавленія (къ чему?) знаменательныхъ реченій?“ противорѣчатъ по своему содержанію взгляду автора „учебнаго курса“, такъ какъ онъ не признаетъ словъ, образовавшихся тѣмъ или другимъ путемъ, *новыми словами*. На стр. 12-й въ § 5-мъ объясняя развитіе слова съ внутренней стороны въ живыхъ языкахъ двумя способами: въ 1-хъ, съ *измѣненіемъ* внѣшней стороны (то-есть звуковой формы слова); во 2-хъ, *безъ измѣненія*, г. Яковлевъ говоритъ: „Въ первомъ случаѣ къ знаменательному слову прибавляются префиксы и суффиксы (словопроизводство), или другое знаменательное реченіе (словосочиненіе) (!);—вслѣдствіе чего данное слово, измѣняя свою звуковую форму, расширяетъ содержаніе, то-есть, становится способнымъ къ обозначенію нѣсколькихъ или многихъ понятій. Напримѣръ, отъ первоначальнаго слова „ду“ путемъ словопроизводства и словосочиненія можно получить цѣлый разрядъ производныхъ и составныхъ словъ (дуть, задуть, духъ, духовный, духовенство, воздухъ, душить, душный, душа и т. д.), которыя являются *не новыми, самостоятельными реченіями, но тѣмъ же самымъ основнымъ словомъ* („ду“), которое только *приноровило* свою форму къ *новымъ понятіямъ, вошедшимъ въ его содержаніе*.—На вопросъ 927: „Что служитъ возмездіемъ за ошибку, соединенную съ нравственной провинностью?“ въ § 92

книги г. Яковлева нѣтъ собственно отвѣта: тамъ говорится только то, что если ошибка соединяется съ нравственной провинностью, то „осиѣяніе не всегда бываетъ достаточнымъ возмездіемъ за вину“, (стран. 191).—На вопросъ 1110 къ § 108-му: „какія произведенія въ частности относятся къ поучительной прозѣ?“ въ книгѣ г. Яковлева нѣтъ отвѣта. — Неизвѣстно, почему г. Пыльневъ въ 22-мъ вопросѣ къ § 2-му вмѣсто „единичныхъ понятій“ употребилъ терминъ „одиночныя понятія“, выразившись такимъ образомъ: „какія понятія называются одиночными и какія общими?“

- 1) Систематическій диктантъ для средневѣковыхъ заведеній, городскихъ и начальныхъ училищъ. Часть I. Этимология. Правописаніе согласно съ руководствомъ Грота. Составилъ В. Покровский. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Москва. 1897. XIII+163. Цѣна 40 коп.
- 2) Систематическій диктантъ. Часть 2-я. Синтаксисъ. Составилъ В. Покровский. Изданіе второе, дополненное. Москва. 1897. XI—256. Цѣна 60 коп.
- 3) Сборники русскихъ диктантовъ со стороны ихъ содержанія. В. Покровскаго. Москва. 1896. V+33. Цѣна 20 коп.
- 4) Справочный орфографическій словарь. Пособіе для учащихся. Составилъ В. Покровский. Москва. 1897. 126. Цѣна въ пакѣ 20 коп.

Начну съ брошюры г. Покровскаго подъ заглавіемъ „Сборники русскихъ диктантовъ со стороны ихъ содержанія“, такъ какъ она даетъ надлежащую точку зрѣнія на прочіе вышепоименованные труды его. Эта брошюра, какъ говоритъ авторъ, „есть рефератъ, читанный имъ въ Комиссіи учителей русскаго языка, состоящей при Учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія знаній“. Въ предисловіи къ ней г. Покровскій излагаетъ главныя положенія своего реферата и поименовываетъ тѣ сборники диктантовъ (числомъ 33), изъ рассмотрѣнія которыхъ они были выведены. Основная мысль реферата—та, что для диктантовъ, какъ и для другихъ практическихъ упражненій при изученія русскаго языка въ школѣ, необходимо всегда избирать примѣры изъ литературнаго языка образцовыхъ русскихъ писателей и иногда изреченія безыскусственной поэзіи, главнымъ образомъ, пословицы. Тѣ и другіе должны отличаться доступностью своего содержанія для пониманія учениковъ, благородствомъ мыслей и изяществомъ формы. Въ IV положеніи предисловія авторъ совершенно вѣрно говоритъ, что „искаженіе, по грамматическимъ соображеніямъ, произведеній образцовыхъ писателей, особенно поэтическихъ,—дѣло антиэстетическое, котораго не должна допускать ни при какихъ условіяхъ школа“.

Конечно, нельзя не признать особенной педагогической важности въ томъ, чтобы на урокахъ отечественнаго языка умъ учащихся постоянно находилъ для себя здоровую пищу въ содержаніи примѣровъ, взятыхъ изъ образцовыхъ произведеній русской словесности и народной мудрости, а слухъ постоянно приучался къ изящной и благозвучной формѣ выраженій. Поэтому г. Покровский справедливо вооружается противъ всякой самодѣльности въ примѣрахъ и бессмысленныхъ стихотворныхъ подборахъ словъ на известное правило, и противъ разнаго рода искаженій языка произведеній русскихъ писателей ради грамматическихъ цѣлей, какъ-то: противъ вставки и опущенія словъ въ выраженіяхъ, противъ передѣлки стиховъ въ прозу, или противъ пересказа какого либо поэтическаго стихотворенія „своими словами“. Вообще, какъ основная мысль реферата г. Покровскаго, такъ и тѣ положенія, которыя доказываются въ немъ, заслуживаютъ полнаго сочувствія и кромѣ того—желанія, чтобы они нашли себѣ возможно большее распространеніе между преподавателями. Тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что вышеприведенное IV положеніе предисловія не проведено вполне, логически строго, авторомъ ни въ рефератѣ, ни въ его собственныхъ сборникахъ диктантовъ: г. Покровскій, какъ видно, не считаетъ искаженіемъ писать стихи въ сплошную строку, такъ же, какъ и прозу. По моему мнѣнію, такое обращеніе съ стихами, какъ съ высшею по изяществу и благозвучію поэтической формою рѣчи, должно быть признано совершенно непозволительнымъ искаженіемъ произведенія не только относительно формы, но иногда даже и относительно красоты его смысла. Замѣна стихотворной формы рѣчи на письмѣ прозаическою формою сглаживаетъ въ умѣ учащихся всякое различіе между тою и другою и ведетъ къ полному заблужденію. А между тѣмъ многое, что въ стихахъ, какъ въ поэтической формѣ рѣчи,—прекрасно, можетъ оказаться въ прозаической формѣ безобразнымъ. Вотъ, напримѣръ, выраженіе „летитъ кибитка удалая“, которое г. Покровскій приводитъ два раза въ своихъ систематическихъ диктантахъ: одинъ разъ, какъ простое предложеніе, заключающее въ себѣ слово, обозначающее качество съ окончаніемъ на „ая“ (I, стр. 13, § 22); другой разъ, какъ предложеніе сложное, въ которомъ ставится запятая между главнымъ и придаточнымъ, въ слѣдующей формѣ: „Бразды пушистыя взрывая, летитъ кибитка удалая“ (II, стр. 36, § 11). Прочитавъ, или прослушавъ эти примѣры, ученикъ непременно подумаетъ: „какія такіа бразды пушистыя“? Какъ это взрываетъ ихъ кибитка? и притомъ еще: что это за удалая

кибитка? Можетъ ли быть кибитка удалой? и проч. Словомъ, эти выраженія, написанныя въ прозаической формѣ рѣчи, теряютъ всякій смыслъ и всю свою поэтическую прелесть, которую легко почувствуетъ каждый въ слѣдующихъ стихахъ Пушкина:

Зима... Крестьянинъ торжествовал,
 На дровняхъ обновляетъ путь;
 Его лошадка, свѣгъ почуд,
 Плетется рысью какъ нибудь;
 Бразды пушистыя взрывая,
 Летитъ кибитка удалая:
 Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
 Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.

Или въ выраженіи „на встрѣчу дѣвочка мнѣ шла“ (I, стр. 102, статья 27), взятомъ изъ стихотворенія Козлова, написанномъ вмѣстѣ съ слѣдующими тремя стихами въ прозаической формѣ, развѣ порядокъ словъ свойствененъ этой послѣдней? Никакія типографоэкономическія соображенія не могутъ оправдать это искаженіе стихотворной поэтической формы рѣчи въ учебныхъ книгахъ. Замѣчательно, что ни въ первой, ни во второй части систематическаго диктанта, гдѣ предлагаются связныя статьи для диктантовъ, нѣтъ ни одного поэтическаго произведенія въ стихотворной формѣ; тогда какъ въ отрывочныхъ примѣрахъ безпрестанно встрѣчаются стихи въ прозаической формѣ. Развѣ не слѣдуетъ приучать учащихся узнавать стихи и ихъ размѣры, гдѣ нѣтъ рими? Въ этомъ обращеніи со стихами нашихъ поэтовъ, по моему мнѣнію, состоитъ единственный важный недостатокъ въ сборникахъ г. Покровскаго, которые отличаются вообще обиліемъ матеріала и хорошимъ выборомъ примѣровъ, за исключеніемъ весьма немногихъ въ родѣ, напримѣръ, такихъ, какъ „Аонасій Ивановичъ ходилъ въ бараньемъ тулупѣ“ (I, стр. 44, § 60), или: „пробужденный отъ сна, Петръ I выскочилъ въ одной сорочкѣ“ (II, стр. 51, примѣръ 25). Въ связной рѣчи подобныя примѣры производятъ иное впечатлѣніе, не такое озадачивающее, какое производятъ они сами по себѣ, взятые отдѣльно. Существенное различіе между обѣими частями систематическаго диктанта г. Покровскаго состоитъ въ томъ, что въ 1-й части предлагается матеріалъ для упражненія въ правильномъ употребленіи буквъ для обозначенія звуковъ въ словахъ, въ ихъ грамматическихъ формахъ и окончаніяхъ; а во 2-й предлагается матеріалъ для упражненія въ употребленіи знаковъ препинанія между словами и предложеніями въ рѣчи. Въ 1-й части „матеріалъ

расположенъ въ такомъ порядкѣ: сначала даются отдѣльныя предложенія на извѣстныя правила. затѣмъ—связныя статьи на тѣ же правила, наконецъ—связныя статьи на всѣ части рѣчи“ (см. предисловіе). Во 2-й части:—„сначала даются примѣры на употребленіе знаковъ препинанія въ простомъ предложеніи, потомъ въ сложно-слитномъ и, наконецъ, въ сложно-составномъ (сложно-подчиненномъ и сложно-сочиненномъ)“ (см. предисловіе). Обѣ части снабжены подробными и обстоятельными оглавленіями. Опечатокъ, можно сказать, почти нѣтъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ удалось замѣтить не болѣе двухъ-трехъ и то неважныхъ въ обѣихъ частяхъ систематическаго диктанта, а именно: въ 1-й части на стр. 137 въ 86 статьѣ подъ заглавіемъ „Кобчикъ“ послѣ слова „молнія“ запятая не нужна; на стр. 154 въ 109 статьѣ „впереди“, вѣроятно, вм. „впередѣ“; во 2-й части, на стр. 111 въ 7 статьѣ на 4-й строкѣ снизу напечатано „зявятій“ вм. „занятій“. Но есть ошибки слѣдующія: на стр. 107 въ 25 примѣрѣ $\kappa\omicron\iota\lambda\omicron\varsigma$ вм. $\kappa\omicron\iota\lambda\omicron\sigma$; $\kappa\omicron\iota\acute{\epsilon}\omicron$ вм. $\kappa\omicron\iota\acute{\epsilon}\omega$; $\kappa\omicron\iota\tau\eta\tau\iota\varsigma$ вм. $\kappa\omicron\iota\tau\eta\tau\iota\varsigma$; на стр. 216 въ сноскѣ говорится: „База (лат. basis)—основаніе“. Слово basis—не латинское, а греческое.

Что касается до „справочнаго ореографическаго словаря“, то онъ составленъ довольно полно и по лучшимъ пособіямъ. При собственныхъ именахъ лицъ указаны народныя формы; при именахъ существительныхъ нарицательныхъ указаны, гдѣ нужно, надежныя формы; при глаголахъ указаны формы неопредѣленнаго склоненія и 3-го лица множ. числа, а иногда и формы другихъ лицъ; при словахъ сложныхъ изъ предложныхъ префиксовъ и именъ приведены примѣры, объясняющіе, когда слѣдуетъ писать отдѣльно предлогъ, когда — вмѣстѣ съ именемъ. Вообще книжка составлена удовлетворительно.

Курсъ наглядной геометріи для трехъ низшихъ классовъ женскихъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія. Съ 116 чертежами. Составилъ *М. Мамкинъ*. Москва. 1897. Цѣна 45 коп. Стр. 72.

По утвержденнымъ г. министромъ народнаго просвѣщенія учебнымъ планамъ и программамъ женскихъ гимназій, въ трехъ младшихъ классахъ этихъ учебныхъ заведеній и прогимназій проходитъ наглядный курсъ геометріи, служащій подготовкою къ систематическому изученію этой науки, начинающемуся съ IV класса, и сообщающій вмѣстѣ съ тѣмъ краткія свѣдѣнія по геометріи, необходимыя для другихъ наукъ (въ особенности для физики), изученіе которыхъ начинается прежде окончанія систематическаго курса геометріи. Со-

ставленный М. Малыхинымъ курсъ наглядной геометріи соотвѣтствуетъ такому предназначенію и былъ бы удовлетворительнымъ, если бы былъ надлежащимъ образомъ разработанъ; но авторъ не обратилъ должнаго вниманія на необходимость тщательной обработки всѣхъ деталей и упустилъ изъ виду, что въ учебникѣ — и въ особенности въ предназначенномъ для младшихъ классовъ — всякая мысль должна быть выражена точно и ясно, а конструкція каждой фразы должна быть грамматически и логически правильна. А потому учебникъ этотъ представляетъ какъ бы черновой набросокъ, требующій весьма многихъ редакціонныхъ исправленій. Было бы излишне подвергать подробному разбору недостатки этого учебника: достаточно нѣсколькихъ выписокъ изъ разныхъ его мѣстъ.

На первыхъ строкахъ „Введенія“ бросается въ глаза такое преувеличеніе: „Земной шаръ со всеми его морями и океанами, высочайшими горами и глубочайшими оврагами измѣренъ и измѣренъ самымъ точнымъ образомъ“.

Вслѣдъ за тѣмъ дано такое опредѣленіе геометріи; „это измѣреніе сдѣланное съ помощью знанія особой науки, которая называется геометріей. Геометріей называется наука объ измѣреніи не только одной земли, но вообще всевозможныхъ предметовъ, или пространствъ, занимаемыхъ этими предметами“.

На 7-й стр. читаемъ: „Говорятъ: поверхность поля, луга и т. д. Могутъ ли быть взяты поле или лугъ и перенесены на другое мѣсто, или нѣтъ? Значить, поверхность отъ тѣла отдѣлена быть не можетъ“.

На стр. 40-й: „Если измѣримъ въ нѣсколькихъ треугольникахъ съ помощью транспорта всѣ внутренніе углы, то окажется, что сумма ихъ въ каждомъ треугольникѣ всегда равна 180° , или двумъ прямымъ угламъ“. Это неудачно выраженное свойство треугольника не пояснено чертежемъ, напимѣръ — проведеніемъ чрезъ вершину разносторонняго треугольника линіи, параллельной его основанію и указаніемъ равенства на-крестъ лежащихъ угловъ.

На 43-й стр. дано такое опредѣленіе подобія фигуръ: „Всякія фигуры, равномѣрно уменьшенныя или увеличенныя во всѣхъ своихъ частяхъ (?), называются подобными между собою“.

На стр. 49-й построены равновеликія, но не равныя между собою фигуры, различными соединеніями двухъ равныхъ прямоугольныхъ треугольниковъ; одна изъ этихъ фигуръ — прямоугольная, а другая — имѣющая такое же основаніе и такую же высоту параллелограммъ, и сказано: „они равновелики, отсюда заключаемъ, что всякій

параллелограммъ и прямоугольникъ, имѣющіе равныя основанія и высоты, равновелики". Но очевидно, что такого общаго вывода изъ частнаго случая сдѣлать нельзя, а надо было или дополнить объясненіе или сдѣлать надлежащую оговорку.

Стр. 61: „Призма, имѣющая въ основаніи правильный многоугольникъ, называется правильной“. Но, вѣдь, не всякая такая призма называется правильной, а только *прямая* призма.

Стр. 70; „Шаръ можно разсматривать какъ тѣло, состоящее изъ безчисленнаго множества *равныхъ* пирамидъ, соединенныхъ своими вершинами въ центрѣ“. Но если даже подъ словомъ *пирамида* подразумѣвать пирамидальное тѣло, имѣющее основаніемъ сферическій многоугольникъ, то и тогда нельзя сказать, что шаръ можно разсматривать какъ состоящій изъ *безчисленнаго множества* такихъ *равныхъ* пирамидальныхъ тѣлъ.

Полчаса съ микроскопомъ. Популярное руководство къ употребленію микроскопа, какъ средства для удовольствія и поученія. Составилъ *Эдвинъ Ланкестеръ*. Переводъ съ англійскаго (съ 19-го изданія). Москва. 1897. Изданіе К. И. Тихомирова. 214 стр. съ VIII таблицами четкихъ рисунковъ, одною литографированною таблицею и 30 полетянами.

Трудно понять, чѣмъ объясняется успѣхъ этой маленькой книжки, заслужившей 19 изданій. Судя по названію, она должна бы имѣть популярный характеръ, но этого не замѣчается. Она заключаетъ 7-мъ слѣдующихъ главъ:

- 1) полчаса объ устройствѣ микроскопа,
- 2) въ саду,
- 3) за городомъ.
- 4) на берегу пруда,
- 5) на берегу моря,
- 6) въ дождь,
- 7) полчаса о поляризаціи свѣта.

Въ заключеніе приложена статья о приготовленіи и сохраненіи предметовъ другаго автора (Кеттернигэмъ), гдѣ дается много полезныхъ практическихъ свѣдѣній.

Первая и седьмая глава имѣютъ нѣсколько специальный характеръ и написаны не во всѣхъ мѣстахъ понятнымъ языкомъ; сомнительно, чтобы незнакомый съ устройствомъ микроскопа и поляризаціей вынесъ ясное о нихъ представленіе. Въ прочихъ главахъ сообщается много матеріала, но слишкомъ кратко; при нѣкоторыхъ предметахъ

попутно еще даютъ кой-какія свѣдѣнія, при другихъ же ограничиваются только одною номенклатурою: безпрестанно попадаютъ латинскія названія животныхъ и растений, которые не понятны для неспеціалистовъ, напримѣръ на стр. 68: *Pandorina Mogus*, *Volvox gladiator*, на стр. 69 *Plumatella geryens* и т. под. Что касается до самаго содержанія, то съ нѣкоторыми изъ данныхъ, сообщаемыхъ авторомъ, нельзя согласиться.

Такъ напримѣръ на стр. 69 говорится, что „къ частямъ растений, которыя можно изслѣдовать только подъ микроскопомъ, слѣдуетъ отнести и тычинки“; но вѣдь и простымъ глазомъ хорошо видны тычинки.

На стр. 73 говорится, что „у различныхъ формъ устройство зонтичныхъ растений сѣмена находятся въ плодѣ“; но спрашивается у какихъ же растений, за исключеніемъ только хвойныхъ, сѣмена не находятся въ плодѣ?

На стр. 75. Водоросль, придающій снѣгу красноватый цвѣтъ, названъ *Uredo vivalis*; но *Uredo* одинъ изъ представителей микроскопическихъ грибовъ, водоросль же носитъ названіе *Protococcus vivalis*.

Стр. 82. Совершенно ошибочно авторъ полагаетъ, что органы, производящіе споры, замѣняютъ пестики высшихъ растений; ихъ слѣдуетъ сравнивать съ плодами, пестикамъ же соответствуютъ архегоніи.

Стр. 102. Классъ *Rotatoria* отнесенъ къ инфузоріямъ; но такого мнѣнія держался Эренбергъ слишкомъ полстолѣтія тому назадъ, теперь же этотъ классъ относятъ къ отдѣлу червей.

Стр. 120. „Рыбы чешуйки называются гакоидными, плакоидными, циклоидными и ктеноидными, смотря по семейству, къ которому рыбы принадлежатъ“. Не обратно ли? группы рыбъ носятъ извѣстное названіе, смотря по строенію чешуекъ.

Но если противъ оригинала можно сдѣлать нѣсколько замѣчаній, то тѣмъ болѣе противъ перевода. Повидимому книга переводилась не однимъ лицомъ, а двумя; по крайней мѣрѣ послѣднія главы переведены гораздо лучше первыхъ, гдѣ встрѣчается много ошибокъ, непонятныхъ и неправильныхъ выраженій. Укажу хотя на нѣкоторыя ошибки:

Стр. 49 утолщенная часть рѣпы названа клубнемъ, а не корнемъ.

Стр. 54. Неизвѣстно, почему деревянистая ткань у хвойныхъ названа желѣзковою.

На стр. 82 говорится, что у мужской особи папоротниковъ споры круглы; по всей вѣроятности не у мужской особи, такъ какъ она не

даетъ споръ, а у такъ называемаго мужскаго папоротника (*Aspidium filix mas*).

На стр. 67 читаемъ: „Послѣднее (движеніе) происходитъ посреди атомовъ, движущихся по стѣнкамъ клѣточекъ. Его можно также замѣтить въ листьяхъ *Anacharis*“. Что это за атомы, движущіеся по стѣнкамъ! Что это за растение *Anacharis*—не *Hydrocharis* ли и т. д.; у послѣдняго растенія дѣйствительно замѣчается движеніе протоплазмы въ клѣточкахъ.

Неправильныя выраженія стр. 54. „Эти каплины суть результатъ отложеній, происходящихъ внутри трубы“. Каплинами переводчикъ называетъ поры, но онѣ образуются не вслѣдствіе отложеній; кромѣ того странно называть микроскопическіе каналцы, входящіе въ составъ растеній, трубами.

Стр. 57. „Клѣточки... бываютъ кубическія... часто представляются нѣсколько изрытыми (?)“.

Стр. 57—58: „Для любителя не такъ легко произвести разсѣченье угля“.

Стр. 63. „Внѣшняя поверхность (?) отдѣльныхъ частей всѣхъ растеній представляетъ занимающемуся микроскопомъ богатое поле для удовольствія (?) и поученія“. Во-первыхъ не поверхность, а кожица растеній, во-вторыхъ странное выраженіе: „поле для удовольствія“.

Стр. 70: „Когда хотятъ изслѣдовать пыльниковыя коробочки, то слѣдуетъ вытрясти (?) на пластинку немного пыли“. Въ ботаникѣ нѣтъ термина: „пыльничковая коробочка“—просто пыльникъ, вмѣсто же: „вытрясти немного пыли“ слѣдовало бы сказать: „высыпать немного пыли“.

Стр. 74: „Сложный микроскопъ трудно переносить и располагать въ полѣ, но произведенья (?) дорогъ и придорожья (?) легко принести къ микроскопу“. Затѣмъ далѣе: „Сухіе предметы, которые можно положить въ ящики, отличаются отъ тѣхъ, которые слѣдуетъ нести домой въ бутылкахъ“.—Странныя выраженія!

Стр. 82: „Часть, содержащая споры, находится на небольшомъ стебелькѣ и называется урной. Покрываетъ (?) урну и находится на ней подобно ночному колпаку чехоль (?)“.

Стр. 172: „При постепенномъ охлажденіи соль уничтожаетъ (?) влажность окружающаго воздуха и тогда въ разныхъ (?) мѣстахъ начинается кристаллизація“—непонятно.

Б. Федченко и А. Флеровъ. Водяныя растенія средней Россіи. Иллюстрированный опредѣлитель водяныхъ растений, дикорастущихъ въ средней Россіи. Изданіе авторовъ. Съ 32 фотоциклографіями. Москва. 1897. 63. 40 коп.

Это сочиненіе представляетъ ключъ къ опредѣленію среднероссійскихъ водяныхъ растений въ числѣ 80 видовъ.

Составленъ онъ только и можетъ служить хорошимъ пособіемъ, тѣмъ болѣе, что обыкновенно, водяныя растенія въ другихъ опредѣлителяхъ играютъ второстепенную роль. При нѣкоторыхъ растеніяхъ мелкимъ шрифтомъ обозначены различныя данныя, относящіяся къ нимъ, въ особенности касательно опыленія растений.

Напрасно только авторы употребляютъ выраженія, правда, научныя, но совершенно излишнія въ особенности при пользованіи ключемъ учащимися. На страницѣ 11 читаемъ „цвѣты протогиническіе“, на 19-й: „клеистогамическіе“, на 41-й: „цвѣты протандрическіе“. Первый терминъ по крайней мѣрѣ объясненъ, другіе же два оставлены безъ разъясненія.

Тоже едва ли будутъ понятны для учащихся выраженія, подобныя которымъ читаемъ мы на страницѣ 17-й.

„Вегетативно роголистникъ очень быстро размножается“. При каждомъ растеніи дано родовое и видовое названіе на латинскомъ и русскомъ языкахъ; но почему то на страницѣ 9: „*Telmatorhace gibba*“ переведено не ряска горбатая, а ряска гибба.

При слѣдующемъ изданіи слѣдовало бы точнѣе раздѣлить, что это такое значитъ: „опыленіе при содѣйствіи воды (стр. 17-й)“; или на стр. 26-й: „Зимуется при помощи укороченныхъ вѣтвей съ густо сдвинутыми листьями“.

А. Ф. Флеровъ и Б. А. Федченко. Краткое руководство къ собиранію растений и составленію научнаго гербарія. Изданіе авторовъ. Москва. 1896. 23. Цѣна 10 коп.

Брошюра кратко указываетъ, какъ составляется коллекція растений, какъ она откапывается, какія данныя слѣдуетъ отмѣтить при каждомъ растеніи. Необходимо на картѣ той мѣстности, на которой собираются растенія, нанести цвѣтными карандашами или красками распространеніе растительныхъ формаций, а потому въ брошюрѣ перечислены главнѣйшія семь формаций и указаны, какіе каждой изъ нихъ свойственны лѣса. Въ заключеніе говорится о сушкѣ растений.

Конечно всѣ эти данныя очень важны при собираніи растений и

въ этомъ отношеніи брошюра далеко не лишняя. Можно сдѣлать только одно замѣчаніе. На 1-й страницѣ читаемъ мы, что „почти полное отсутствіе краткихъ доступныхъ и понятныхъ наставленій къ собиранію растений съ научною цѣлью побудило къ изданію этой небольшой брошюрки“; между тѣмъ, во всѣхъ подобныхъ изданіяхъ, за исклеченіемъ только растительныхъ формаций, гораздо подробнѣе разсматриваются различные способы собиранія и сушки растений. При томъ, если имѣть въ виду научную цѣль, то помимо папоротниковъ, мимоевъ, плауновъ, хвощей и мховъ, которые предлагаютъ авторы собирать изъ отдѣла безцвѣтковыхъ растений, слѣдовало бы упомянуть, что и грибы и водоросли тоже должны входить въ составъ коллекціи.

Карль Крелелингъ. Природа въ комнатѣ. Вечернія вѣсды для юношества. Перевелъ съ нѣмецкаго *Н. А. Холодковскій*, профессоръ Императорской Военно-Медицинской Академіи. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Девриена. 1897. II+184 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Въ сочиненіи 14 статей, которыя озаглавлены вечерами. Первый вечеръ посвященъ образованію льда, ледникамъ и водѣ; второй паукамъ, третій поваренной соли, четвертый описанію обыкновенныхъ минераловъ; пятый устройству ноги у птицъ; шестой значенію свѣта и тепла для растений и странствованію сѣмянъ; седьмой устройству рыбъ; восьмой каменному углю и торфу; девятый устройству мухъ; десятый микроскопическимъ грибокамъ; одиннадцатый глистамъ; двѣнадцатый комнатнымъ растеніямъ; тринадцатый животнымъ, обитающимъ въ комнатѣ, и четырнадцатый различными вопросамъ.

Авторъ задался цѣлью познакомить читателя съ тѣлами и явленіями, которыя могутъ быть наблюдаемы повсюду, и не въ видѣ связнаго разказа, а рядомъ наводящихъ вопросовъ. На сцену выступаетъ профессоръ Петровъ съ тремя сыновьями различнаго возраста и различныхъ познаній. Онъ обращаетъ вниманіе своихъ сыновей на известное тѣло или явленіе и по поводу ихъ предлагаетъ нѣсколько вопросовъ, на которые получаютъ то толковыя, то неумѣлыя отвѣты. Въ послѣднемъ случаѣ предлагается новый рядъ наводящихъ вопросовъ и понемногу авторъ доводитъ ими до точнаго объясненія того или другаго явленія. Безспорно такой приемъ приковываетъ вниманіе читателя, заставляетъ его слѣдить за вопросами и отвѣтами, обращать вниманіе на такія явленія, которыя безъ этого ускользали бы отъ наблюденія, и серьезно вдумываться въ нихъ.

Но съ успѣхомъ этотъ приемъ можетъ быть примѣненъ только

тамъ, гдѣ разсматривается какое либо явленіе; а гдѣ описываются различныя животныя и растенія и приводятся характерныя ихъ признаки, тамъ онъ совсѣмъ не уместенъ. Укажу примѣръ:

На страницѣ 70-ой въ шестомъ вечерѣ задается вопросъ, „какъ устроенъ плодъ гераніевыхъ растеній“? На страницѣ 156 въ двѣнадцатомъ вечерѣ: „какъ называется семейство, къ которому относится растеніе Calla?“ Но если ученики раньше не знакомы съ признаками гераніевыхъ растеній или съ растеніемъ Calla (бѣлокрыльникъ), то вѣдь они не будутъ въ состояніи отвѣтить на заданный вопросъ.

Въ общемъ сочиненіе изложено хорошо, переводъ его безукоризненный, издано оно на отличной бумагѣ, только рисунки, пожалуй, могли быть лучше. Факты и объясненія приводятся все вѣрные; вопросы и отвѣты поставлены умѣло; мѣстами только попадаются излишнія выраженія въ родѣ того: „ну молодецъ, что ты скажешь“ или „Ахъ ты плутяга (стр. 5).

Встрѣчаются и такіе вопросы, которые невольно вызываютъ замѣчанія. Примѣръ: стр. 4 „когда глетчеръ, странствуя, достигаетъ болѣе глубокихъ областей, гдѣ лѣто теплѣе и т. д.“—непонятно, что это за глубокая область“.

Стр. 8: „Рыбы могутъ дышать водою“—не водою, а воздухомъ, заключеннымъ въ ней.

Стр. 12: „Вѣтры и воздушныя теченія понесутъ его (то-есть водяной паръ)“.—Какія же спрашивается, кромѣ вѣтровъ, существуютъ еще въ воздухѣ теченія?

Стр. 13: „Куда дѣвается дождь? Онъ впитывается въ землю“.

Слѣдовало бы вмѣсто дожда сказать дождевая вода.

Стр. 16: Слишкомъ смѣло сказать, что „красиво то, что цѣлесообразно“. Въ такомъ случаѣ не будетъ въ природѣ ни одного некрасиваго существа, такъ какъ каждый организмъ наилучшимъ образомъ приспособленъ къ тѣмъ условіямъ, посреди которыхъ живетъ.

На стр. 25: профессоръ говоритъ о способности нѣкоторыхъ пауковъ ткать паутину, летающую по воздуху. На это одинъ изъ его сыновей отвѣчаетъ: „Ахъ, это, вѣроятно, такъ называемое „бабье лѣто““. Далѣе профессоръ говоритъ: „Бабье лѣто—это дѣло молодыхъ науцковъ и мелкихъ породъ ихъ“. Мнѣ кажется бабьимъ лѣтомъ называется періодъ ясныхъ осеннихъ дней въ началѣ сентября, а никакъ не летающая паутина.

Стр. 35: „Современныя моря содержатъ на 1000 частей воды 35 частей поваренной соли; но это не такъ. Извѣстно, напримѣръ, что

въ Красномъ морѣ 4⁰/₀ соли, въ Балтійскомъ же 1⁰/₀, въ Финскомъ заливѣ у Кронштадта 0,1⁰/₀.

Стр. 39: „Люди, не получающіе достаточно соли въ пищу, становятся малокровны и наконецъ погибають“. Не слишкомъ ли это категорично высказано. Недостатокъ соли можетъ вызвать расстройство пищеваренія и быть можетъ, какъ одно изъ его послѣдствій, малокровіе; непосредственно же послѣднее, какъ извѣстно, можетъ явиться при недостаткѣ въ организмѣ не соли, а желѣза.

На стр. 42 читаемъ такой отвѣтъ одного изъ сыновей: „Изъ за селитры Перу и Чили нѣсколько лѣтъ тому назадъ вели войну“; но едва ли возможенъ такой отвѣтъ, вѣдь для этого требуется слишкомъ большое знаніе со стороны учащагося.

Стр. 52: „Едва ли какая нибудь страна представляетъ для собирателя минераловъ и горныхъ породъ такія удобства, какъ Россія“. Трудно съ этимъ согласиться; вѣрно это развѣ только для Урала, Кавказа и другихъ горныхъ странъ, но никакъ не для равнинъ. какова бѣольшая часть Россіи.

Не мало въ сочиненіи такихъ мѣстъ, которыя по своему положенію не подходятъ подъ общій тонъ популярнаго сочиненія или сомнительны въ научномъ отношеніи. Примѣръ. Стр. 60: слишкомъ ученое выраженіе: „теплота нашего тѣла вообще вызывается совершаемою имъ работою“.

На стр. 88 читаемъ такой отвѣтъ: „Хрусталикъ довольно плоскій у наземныхъ животныхъ, у рыбъ почти шарообразенъ, такъ какъ условія преломленія свѣта въ водѣ и въ воздухѣ совершенно различны“.

Стр. 110. „Если опредѣлить высоту этого звука съ помощью камертона (это *mi* или *fa* первой октавы нашего фортепіано), то, зная число колебаній этого тона (которое для камертона уже вычислено), можно прямо судить о числѣ крыловыхъ взмаховъ, производящихъ этотъ звукъ“.

Стр. 76. „Простое наблюденіе не указываетъ намъ никакого различія между формами и явленіями движенія низшихъ животныхъ и растений. Такъ какъ кромѣ того, и другія различія, которыя прежде устанавливались между животнымъ и растительнымъ царствами, оказались недостаточными, то лучше всего признать, что животныя и растения въ своихъ низшихъ формахъ переходять другъ въ друга безъ рѣзкой границы“—не совсѣмъ убѣдительно.

Стр. 142. На вопросъ: „не развился ли человѣческій языкъ изъ

отдѣльныхъ звуковъ въ родѣ такихъ, какіе приписываются обезьянамъ“ дается очень сложный отвѣтъ, а именно: „По выводамъ языковѣдовъ почти навѣрное было такъ; даже въ настоящее время и въ самыхъ совершенныхъ языкахъ многія слова ясно сохранили слѣды своего происхожденія отъ подобныхъ простыхъ звуковъ и т. д.“ едва ли съ этимъ можно согласиться.

Стр. 143—144: филодендръ, аралія, пальма неудачно называются листовосными растеніями; „вѣдь всѣ растенія имѣютъ листья“. Мнѣ кажется тутъ есть недоразумѣніе: по-нѣмецки подобныя растенія называются „Blatt-pflanzen“, что въ переводѣ скорѣе значитъ листовыя растенія, иначе сказать съ сильно развитыми листьями, чѣмъ листовосныя.

Стр. 145: „У финиковой пальмы половина деревьевъ не приноситъ плодовъ, такъ какъ на нихъ всѣ цвѣты содержать только тычинки“. Дѣйствительно, у одной финиковой пальмы въ цвѣтахъ содержатся одні тычинки, а у другой одні плодники, но не вѣрно, чтобы ровно половина всѣхъ деревьевъ была съ тычинковыми цвѣтами, другая съ плодниковыми. Наконецъ укажемъ еще на одно мѣсто, которое вызываетъ замѣчаніе. Профессоръ Петровъ говоритъ (стр. 17), что отецъ знаменитаго астронома Медлера разъ сказалъ своему сыну, что естественслытатель долженъ быть молодцомъ и не брезговать ничѣмъ“, и тотъ, какъ бы въ отвѣтъ ему, взялъ бутербродъ, положилъ на него пауковъ и откусилъ кусокъ“. Изъ этого мальчика впослѣдствіи, „сказалъ профессоръ“, дѣйствительно вышло нѣчто великое. Мнѣ кажется, совершенно излишне было приводить это мѣсто; неужели въ самомъ дѣлѣ Медлеръ сталъ великимъ астрономомъ отъ того, что наѣлся пауковъ?

Немолодышевъ, Ст. Взглядъ на воспитаніе и обученіе въ Россіи. Краткій историческій очеркъ. Съ 6-ю портретами въ текстѣ. Харьковъ. 1898. Цѣна 60 коп. Стр. II+118.

Книга г. Немолодышева раздѣлена на пять главъ; въ этихъ главахъ разсматривается весьма обширный, даже слишкомъ обширный матеріалъ;—слишкомъ обширный,—ибо авторъ начинаетъ, какъ самъ говоритъ „съ *первыхъ причинъ* возникновенія школъ въ Россіи“ (см. оглавленіе) и кончаетъ свое изложеніе началомъ XIX вѣка. Авторъ знакомъ съ сочиненіями, по которымъ можно составить себѣ понятіе объ исторіи образованія въ Россіи; изъ этихъ сочиненій авторъ усердно дѣлаетъ выписки; въ общемъ книга г. Немолодышева представляетъ

интересную и полезную работу, въ которой ошибокъ, въ родѣ встрѣчаемой на стр. 42 (гдѣ Декартъ названъ германскимъ философомъ)—весьма немного, однако, трудъ г. Немолодышева могъ бы быть гораздо болѣе полезнымъ, ежели бы въ немъ не было слѣдующихъ недостатковъ:

1) Авторъ не составилъ себѣ строго опредѣленнаго плана, руководствуясь коимъ слѣдовало распредѣлить и выбрать матеріалъ. Авторъ общаетъ трактовать о воспитаніи и обученіи въ Россіи, между тѣмъ вся третья глава (стр. 42—58) посвящена изложенію педагогическихъ теорій Запада. Г. Немолодышевъ говоритъ не только о педагогическихъ теоріяхъ, но и о практикѣ; разказываетъ исторію возникновенія Академіи наукъ, университетовъ, специальныхъ школъ—въ родѣ горнаго института, морскаго корпуса, корпуса инженеровъ путей сообщенія, женскихъ институтовъ, городскихъ школъ и гимназій; но сверхъ этого онъ вноситъ еще и бытовой и культурно-историческій матеріалъ; напримѣръ, онъ разказываетъ о томъ, какъ въ военно-сиротскомъ отдѣленіи производилось по субботамъ сѣченіе (стр. 106); онъ довольно подробно останавливается на мистацизмѣ, распространившемся въ обществѣ во время управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія кн. Голицынымъ, а также на дѣятельности библейскаго общества. Такое разнообразіе матеріала невыгодно отражается на изложеніи; авторъ не можетъ удѣлить сколько слѣдовало бы мѣста тому, что представляетъ наибольшую важность: напримѣръ, о духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ, которые въ исторіи образованія Россіи играютъ не мало-важную роль, авторъ почти вовсе не останавливается (если не считать того что г. Немолодышевъ сообщаетъ на стр. 17 и 110—111). Напротивъ того, о педагогической дѣятельности Паянна авторъ, на нашъ взглядъ, говоритъ слишкомъ пространно.

2) Обширный матеріалъ, которымъ располагаетъ г. Немолодышевъ, недостаточно обработанъ. Авторъ обладаетъ большою начитанностью; при чтеніи различныхъ книгъ, касающихся исторіи просвѣщенія въ Россіи, авторъ дѣлалъ многочисленныя выписки; эти выписки онъ и помѣстилъ въ свою книгу, благодаря чему, при чтеніи книги г. Немолодышева, иногда получается впечатлѣніе, что имѣешь дѣло съ сырымъ матеріаломъ; это впечатлѣніе усиливается еще и тѣмъ, что авторъ, дѣлая выписку, иногда прибавляетъ къ ней нѣсколько словъ отъ себя, забывая о грамматическомъ согласованіи ихъ съ предложеніемъ выписки. Напримѣръ, на стр. 107 читаемъ: „Любитель ботаники въ подмосковномъ великолѣпномъ помѣстьѣ своемъ Горенкахъ,

среди царской роскоши, заперся онъ одинъ съ своими растениями...“ Такая конструкція фразы получилась благодаря тому, что авторъ въ выпискѣ прибавилъ слова „любитель ботаники“, чѣмъ и нарушилъ грамматическій строй фразы.

3) Главный недостатокъ книги заключается въ способѣ изложенія автора. Книгу нужно съ начала до конца передѣлать, исправивъ изложеніе. Въ доказательство этого мнѣнія приведемъ нѣсколько примѣровъ дурнаго изложенія автора.

На стр. 86 говорится: „Предметы, введенные въ народныхъ школахъ, указываютъ на реальность этихъ училищъ“; авторъ смѣшалъ реальное училище съ реальностью училища!

Стр. 109. „Театръ былъ закрытъ послѣ его основанія“. Но вѣдь до основанія нѣтъ возможности закрыть театра.

Стр. 106. „Военное образованіе, бывшее въ предыдущія царствованія преимущественно достояніемъ дворянъ, продолжало и въ это время оставаться въ томъ же духѣ“.—Въ какомъ же это духѣ?

Стр. 103. „Въ этомъ же университетѣ преподавалъ учитель извѣстнаго ученика Гауса Бартельсъ, который, по словамъ Лапласа, былъ лучшимъ математикомъ въ мірѣ“. Никакъ нельзя понять, кто былъ учителемъ, кто ученикомъ.

Стр. 93. „Въ началѣ своего царствованія Екатерина II держалась *свободною* образа мыслей... но со времени *французскихъ* событій послѣдней четверти XVIII вѣка, направленіе ея рѣзко измѣняется, многія изъ чтимыхъ ею философовъ лишались въ ея глазахъ *своихъ* пьедесталовъ“.—Свободный образъ мыслей, французскія событія и пьедесталы—этого слишкомъ много для одной фразы.

Стр. 91. „Къ недостаткамъ народныхъ училищъ относится уже одно то, что они не могли быть перенесены съ австрійской почвы на русскую въ полной ихъ неизмѣнности“.

Стр. 69. Авторъ вмѣсто геральдика пишетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ герольдика.

Стр. 43. О Мюлькастерѣ говорится, что онъ указывалъ на то „что каждая часть нашего тѣла, каждая способность нашей души, должны быть доведены до высшаго своего развитія“. Мюлькастеръ въ общей исторіи педагогическихъ идей не играетъ роли, посему и незачѣмъ было помѣщать рискованной мысли, что каждая часть нашего тѣла должна быть доведена до высшаго своего развитія.— На этой же страницѣ Абеяру приписывается мысль, что „всеобщее существовать не раньше и не послѣ объектовъ? „Отсюда читатель можетъ

сдѣлать неправильное заключеніе, что общее по мнѣнію Абеяра вовсе не существуетъ.

Стр. 21. „За побѣгъ изъ школы недорослямъ *объячалась* смертная казнь“. Странное *объячаніе!*

Приведенныхъ примѣровъ дурнаго изложенія достаточно, чтобы вывести заключеніе о необходимости переработки книги въ стилистическомъ отношеніи. Укажемъ, впрочемъ, еще на введеніе, которое сплошь написано дурнымъ языкомъ, а также на стр. 104, которая изобилуетъ неправильными оборотами рѣчи.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾).

Зоологическій атласъ *Г. Лейтелана* съ текстомъ *К. Сентъ-Илера*. 24 хромоли-
тографированныя таблицы, содержащія 225 изображеній, 93 рисунка
въ текстѣ. 2-ое исправленное изданіе товарищества М. О. Вольфа. С.-Пб.
и М. 1897. Цѣна не обозначена. Стр. 45+IV+XXIV табл.

Въ атласѣ изображены представители всѣхъ отдѣловъ животнаго царства, а изъ позвоночныхъ также и представители отрядовъ, въ особенности изъ класса млекопитающихъ. Большинство изображеній выполнены хорошо, но есть и не совсѣмъ удачныя, напр. на табл. IV неясно видно, кого несетъ волкъ въ зубахъ, на табл. VIII плохое изображеніе морской свинки, на табл. XIV—кита. Лишнею является первая таблица, изображающая человѣческія племена, за которою тотчасъ же слѣдуютъ обезьяны; мѣсто ей не въ зоологическомъ атласѣ, а въ этнографическомъ. За то въ текстѣ совершенно правильно описаніе человѣческихъ племенъ выдѣлено въ особую главу отъ животнаго царства.

Текстъ написанъ простымъ удобопонятнымъ языкомъ, касается не только описанія наружнаго вида животныхъ, но отчасти и внутренняго устройства, что не мало помогаетъ пользованію таблицами. Нельзя только согласиться съ мнѣніемъ автора, высказаннымъ имъ въ предисловіи, что текстъ можетъ замѣнить всѣ необходимыя свѣдѣнія по зоологій въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ курсъ ея краткій. Какъ разъ въ послѣднихъ и слѣдуетъ знакомить не съ множествомъ различныхъ формъ, а только съ нѣсколькими наиболѣе характерными представи-

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

телями животнаго царства, за то остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Текстъ даетъ вообще вѣрное описаніе изображенныхъ животныхъ, приходится указать только на нѣкоторыя не совсѣмъ удачныя опредѣленія и выраженія.

Такъ на стр. 3-й говорится, что „мартышками называютъ небольшихъ обезьянъ, которыя чаще всего привозятся въ Европу; у нѣкоторыхъ изъ нихъ есть хвостъ, у другихъ нѣтъ“, между тѣмъ вѣдъ существуютъ отличительные признаки рода мартышекъ (Иппис).

На стр. 13: „Жирафъ не можетъ быть отнесенъ къ мозолоногимъ“; по раньше не сказано, что это за группа.

На стр. 14. При описаніи косули почему то не говорится, гдѣ она живетъ; бросается это въ глаза. потому что при всѣхъ прочихъ животныхъ упоминается объ ихъ мѣстожительствѣ.

Стр. 24. Странно встрѣтить между зубчатоклювыми или насѣкомоядными птицами жаворонка, главную пищу котораго составляютъ зерна.

Стр. 31. „Удавъ достигаетъ иногда 4-хъ саженой длины и соотвѣтствующей толщины“.—непонятно, что означаетъ соотвѣтственная толщина.

Напрасно нѣкоторыя заглавныя названія животныхъ, отпечатанныя крупнымъ шрифтомъ, поставлены не въ именительномъ падежѣ. какъ прочія, такъ на стр. 35 читаемъ: „Акулу называютъ...“; при бѣгломъ просматриваніи иной пожалуй подумаетъ, что таково названіе этой рыбы; то же на стр. 3-й: „Мартышками называютъ...; стр. 23: „Сивоворонку“.

Послѣднее замѣчаніе наше касается того мѣста (на стр. 19), гдѣ говорится, что у утконоса полные органы имѣютъ одно отверстіе съ пищеварительными и мочевыми органами. Лучше было бы это выпустить, тѣмъ болѣе, что затѣмъ нигдѣ въ текстѣ не говорится ни о половыхъ, ни о мочевыхъ органахъ.

„Бесѣды о главнѣйшихъ потребностяхъ тѣлесной жизни челоука. (Опытъ народной гигиены). Съ 21 рис. въ текстѣ. С. А. Бобровская. Изданіе пятое, исправленное и дополненное. Москва, 1896. Стр. IV+110+II. Ц. 35 коп.

Въ разсматриваемомъ сочиненіи г. Бобровскій касается лишь весьма немногихъ научныхъ данныхъ по анатоміи, физиологіи и гигиенѣ; но онъ обладаетъ замѣчательнымъ талантомъ разбавлять эти данныя и многократно повторять ихъ. Такое изложеніе едва ли можетъ быть

признано популярнымъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, и достоинство такого изложенія едва ли выигрываетъ отъ прибаутокъ, въ родѣ: „не думайте, что все это я сочиняю, придумываю изъ своей головы; я вамъ сообщаю только то, что хорошо узнали ученые люди“ (стр. 10), или: „вы мнѣ, пожалуй, не повѣрите и скажете, что я все сочиняю, изъ своей головы придумываю“ (стр. 96) и пр.

Болѣе важно впрочемъ то обстоятельство, что авторъ не даетъ точныхъ опредѣленій и описаній предметовъ и явленій, которыхъ онъ касается. Приведемъ нѣсколько образчиковъ этого рода.

На стр. 3 авторъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ поверхность: „поверхностью предмета, говоритъ онъ, называются тѣ части его, которыя обращены къ наружи и соприкасаются съ воздухомъ или другими предметами“, изъ чего слѣдуетъ, что, напримѣръ, внутренняя поверхность шара или какихъ нибудь другихъ геометрическихъ тѣлъ не можетъ быть признана поверхностью, что совершенно невѣрно.

На стр. 14 авторъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ органъ тѣла: „каждая часть тѣла, говоритъ онъ, назначенная для какой-либо цѣли, называется *органомъ*“,—и такъ какъ въ организмѣ нѣтъ частей тѣла, не назначенныхъ для какой либо цѣли, то изъ этого опредѣленія слѣдуетъ, что каждая часть тѣла называется органомъ, что совершенно невѣрно.

На стр. 19 авторъ утверждаетъ, что диафрагма, при своемъ ослабленіи, „опускаетъ книзу концы реберъ“, но трудно усмотрѣть, какимъ образомъ она производитъ такое дѣйствіе. На этой же стр. 19 авторъ категорически утверждаетъ, что „надъ дыханіемъ мы не имѣемъ никакой власти“, между тѣмъ какъ всякій по опыту знаетъ, что мы можемъ по произволу,—правда, лишь на нѣкоторое время,—измѣнить силу и частоту дыхательныхъ движеній.

На стр. 38 авторъ утверждаетъ, что движеніе крови „продолжается съ тою же скоростью (5 сажень въ минуту)“ по артеріальной системѣ. Но съ одной стороны, 5 сажень въ минуту слишкомъ малая величина для скорости движенія крови въ большихъ артеріяхъ человѣка, и для нея необходимо принять величину по крайней мѣрѣ около 15 метровъ, а съ другой стороны скорость движенія крови въ артеріальной системѣ далеко не одинакова; такъ, въ *a. carotis* лошади Вирордтъ нашель среднюю скорость движенія крови въ 300 мм. въ секунду, между тѣмъ какъ въ *a. metatarsea* этого животнаго Фолькманъ опредѣлилъ эту скорость лишь въ 56 мм. въ секунду. На стр. 39 авторъ опредѣляетъ затѣмъ скорость движенія крови въ волосныхъ сосудахъ при-

близительно въ $1\frac{1}{2}$ сажени въ минуту, то-есть приблизительно въ $\frac{1}{2}$ скорости движенія крови въ большихъ артеріальныхъ стволахъ, что совершенно невѣрно, такъ какъ скорость движенія крови даже въ осевомъ цилиндрѣ волосныхъ сосудовъ млекопитающихъ обыкновенно принимается лишь въ 0,8 мм. въ секунду, что составляетъ лишь около $\frac{1}{300}$ скорости движенія крови въ большихъ артеріальныхъ стволахъ. Вообще же объясненіе движенія крови въ волосныхъ сосудахъ, представленное авторомъ на стр. 39—41, совершенно ложно и убѣждаетъ, что авторъ недостаточно выяснилъ себѣ относящіяся сюда явленія, даже насколько они представлены въ извѣстной схемѣ Э. Г. Вебера.

На стр. 74 авторъ утверждаетъ, что желчь сначала собирается „въ одну очень толстую трубку, а черезъ нее въ особый пузырекъ—желчный“, изъ котораго затѣмъ „идетъ трубочка въ тонкую кишку“ для перехода туда желчи; это невѣрно, такъ какъ главная масса желчи идетъ въ двѣнадцатиперстную кишку прямо черезъ ductus hepaticus и лишь часть ея изливается въ желчный пузырь черезъ ductus cysticus.

На стр. 85 авторъ категорически утверждаетъ образование въ организмѣ жира изъ сахара,—взглядъ, уже давно оставленный въ наукѣ.

Въ лѣсу и въ полѣ. Очерки изъ жизни животныхъ и растений *Паула Волле-юрскаю*. Съ 137 рисунками въ текстѣ и отдѣльной раскрашенной таблицей. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Девриена. 1897. Стр. 399. Ц. 2 р. 75 коп.

Это сочиненіе содержитъ 14 главъ, посвященныхъ различнымъ вопросамъ по естествознанію, цѣль которыхъ главнымъ образомъ возбудитъ въ читателяхъ интересъ къ наблюденію природы. Главы расположены по временамъ года.

Подъ рубрикою: „Весна“ разсматриваются чужеродныя растенія и птицы, отличающіяся постройкою гнѣздъ. Послѣ того идетъ: „Лѣто“. Здѣсь въ статьѣ: „Оружіе растенія“ описываются средства, которыми растенія спасаются отъ истребленія насѣкомыми и другими животными. „Страничка изъ жизни лѣса“ посвящена описанію образа жизни муравьевъ. Въ статьѣ „Маскарады насѣкомыхъ и пауковъ“ указываются на различныя приспособленія насѣкомыхъ и пауковъ, имѣющія цѣлью скрыть ихъ отъ преслѣдованія враговъ, „Осьминогіе хищники“, — говорится объ устройствѣ пауковъ и наконецъ, въ статьѣ: „Лѣтнею ночью“ толкуется о томъ, какъ животныя мо-

зять добычу въ темнотѣ, о свѣченіи низшихъ растений и морскихъ животныхъ.

Подъ рубрикою: „Осень“ помѣщены четыре статьи: „Листопадъ“, гдѣ разсматривается устройство листьевъ, переѣна въ нихъ окрашиваніи осенью и опаданіе; „Бабые лѣто“, гдѣ говорится о томъ, какъ готовится паутина, которая летаетъ въ воздухѣ; „Паутина“, гдѣ описываются различныя способы раскидыванія тенетъ пауками и „Исчезающія животныя“, гдѣ сообщается о животныхъ мало-помалу исчезнувшихъ или исчезающихъ на глазахъ человѣка.

Наконецъ, подъ рубрикою „Зима“ помѣщены три статьи: „Зимняя прогулка“, „Подземные жители“ и „Подъ снѣгомъ“.

Изъ приведеннаго перечня видно, какой обильный матеріалъ предлагается авторомъ въ разбираемомъ нами сочиненіи. Изложены статьи ясно, интересно и хорошимъ, хотя подѣ часъ напыщеннымъ, языкомъ. Жаль только, что авторъ не съузиль своей задачи, не посвятилъ статей описанію явленій преимущественно нашей природы; а то слишкомъ частыя ссылки на тропическія растения и животныя едва ли могутъ возбудить въ читателѣ интересъ къ наблюденію окружающей его природы. Замѣтимъ также, что нельзя одобрить выбора статьи для начала „о чужеродныхъ растеніяхъ“ Повилика (*Cuscuta europaea*), о которой подробно говорится въ этой статьѣ, растеніе довольно рѣдкое и наблюдать за ея развитіемъ и ростомъ не такъ то легко. Ужъ если говорить о веснѣ, то можно было бы остановиться на такихъ вопросахъ, въ которыхъ ясно и наглядно выступаетъ пробужденіе природы въ нашихъ лѣсахъ; первыя распустившіяся весеннія растенія, разбуханіе почекъ на деревьяхъ и т. п. не мало дали бы матеріала для описанія.

Излишнее, по нашему мнѣнію, въ такомъ популярномъ сочиненіи приведеніе на латинскомъ языкѣ названій такихъ растеній и животныхъ, которыя понятны только специалистамъ. Укажемъ, напримѣръ, на стр. 162-ю, гдѣ перечисляются пауки, лишеныя органовъ зрѣнія, каковы: *Blothrus spaeleus*, *Stalita taenaria*, *Stalytes tegenarioides*, *Anthrobia Mamuthi*, *Nycthalops*; съ другой стороны и одно русское названіе не всегда указываетъ, про какое растеніе и животное говорить авторъ; напримѣръ, на стр. 232 читаемъ „пурпуровыя листья Атласнаго дерева“; но безъ латинскаго названія трудно сказать, про какое здѣсь растеніе говорится.

Изъ частныхъ замѣчаній укажемъ слѣдующія:

На стр. 213 читаемъ: „Клѣточками эти кирпичики называются

потому, что каждый изъ нихъ имѣетъ видъ пузырька, наполненнаго полужидкою тягучею массой — совершенно не ясно, почему же клѣточки носятъ такое названіе.

Стр. 215. Авторъ почему то приводитъ мнѣніе проф. Бородина о значеніи устьицъ, но вѣдь то же самое можно найти во всѣхъ учебникахъ ботаники.

Стр. 175. Статья: „Лѣтнею ночью“ начинается такъ: „Чудная ароматная лѣтняя ночь! Напоенный благоуханіемъ воздухъ широкой волной врывается въ окно и освѣжаетъ душную комнату. Ароматъ жасмина доносится изъ сада и, смѣшиваясь съ сладкимъ запахомъ липы“ и т. д. Положимъ, что это очень поэтическое введеніе, но только сомнительно, чтобы жасминъ и липа цвѣли въ одно время; у послѣдней обыкновенно цвѣты распускаются позже, чѣмъ у жасмина.

Стр. 392. „Въ Иркутскѣ и Верхоянскѣ, въ восточной Сибири, гдѣ средняя температура января достигаетъ — 42°Ц., даже 49°Ц.“; но послѣдняя температура свойственна только Верхоянску, въ Иркутскѣ же она гораздо выше; вообще два эти города никоимъ образомъ не могутъ быть поставлены рядомъ въ климатическомъ отношеніи.

Стр. 393 — 394. Авторъ напрасно называетъ бѣлкомъ ту часть сѣмени, которая помѣщается внѣ зачаточнаго растенія, или внутри его: въ стеблѣ и мѣшечкахъ. Обыкновенно бѣлкомъ называютъ часть сѣмени, которая лежитъ внѣ зародыша, а потому опредѣленіе, котораго держится авторъ, можетъ сбить читателя. Кромѣ того непонятно, что это за мѣшечки, о которыхъ говоритъ авторъ; можно только догадываться, что это сѣменодоли; спрашивается, зачѣмъ придумывать еще новый терминъ.

Издано сочиненіе превосходно, бумага очень хорошая, шрифтъ ясный, рисунки отчетливые; жаль только, что мѣстами попадаются опечатки, такъ, напримѣръ, стр. 29: повстиннѣ, 104 основы вають, 125—труппъ (вмѣсто группъ), 176 съ самомъ устройствѣ, 232 пурпуровыя листья и т. д.

В. И. Виноградовъ. Начальная химія для школъ и самообразованія. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1897. VI + 203. 65 коп.

Въ предисловіи авторъ пишетъ: „Я принужденъ былъ обойти молчаніемъ нѣкоторыя, важныя въ теоретическомъ отношеніи, ученія, напримѣръ ученіе о періодичности элементовъ“. Этими словами ав-

торъ самъ указываетъ на существенный недостатокъ своей книги. Учебникъ, содержащій 203 страницы, на которыхъ рассмотрѣно не малое число весьма серьезныхъ вопросовъ, и однако ни слова не сказано о периодической системѣ Мендѣлева, нынѣ представляетъ анахронизмъ, въ особенности когда этотъ учебникъ русскій. Книга г. Виноградова содержитъ довольно большое количество матеріала, вообще хорошо подобраннаго и группированнаго. Изложеніе ясное, хотя и не вездѣ послѣдовательное: нѣкоторыя понятія вводятся слишкомъ рано и безъ надлежащаго разъясненія. Книга не свободна отъ мелкихъ промаховъ разнаго рода. Вотъ нѣкоторые примѣры болѣе или менѣе мелкихъ ошибокъ.

На стр. 1-й авторъ утверждаетъ, что „минеральныя тѣла отъ жара совсѣмъ или очень мало измѣняются“, что конечно невѣрно.

На стр. 11-й сказано, что свинцовый сахаръ есть соединеніе свинца съ уксусною кислотою, и та же ошибка повторена на стр. 17-й.

Стр. 13-я „Всякое вещество можно раздѣлить на частицы или молекулы физическими способами“. Такое дѣленіе врядъ ли возможно.

На стр. 14-й атомы названы безконечно малыми количествами.

Авторъ объясняетъ на стр. 15-й распределеніе окрашенной капли по всей массѣ воды, налитой въ стаканъ, тѣмъ, что „частички воды, окрашенной краскою, не остаются въ покоѣ, а передвигаются по всей жидкости“. Въ дѣйствительности рассмотрѣнное явленіе доказываетъ только распространеніе самаго красящаго вещества.

Весьма удивительно, что на стр. 36-й авторъ утверждаетъ, будто сѣрная кислота прибавляется къ водѣ для лучшаго прохожденія тока, что, какъ извѣстно, совершенно невѣрно.

Стр. 13-я. „Негодныя, отжившія и разложившіяся вещества тѣла (напримѣръ животныхъ) не иначе могутъ быть удалены изъ него, какъ опять-таки въ видѣ воднаго раствора (моча, потъ)“. Авторъ повидимому совершенно забылъ объ одномъ весьма извѣстномъ физиологическомъ отравленіи животныхъ.

На стр. 56-й авторъ нѣсколько разъ называетъ безводныя соли сухими, что заставляетъ читателя думать, будто всѣ соли, содержащія кристаллизационную воду, влажны.

То, что авторъ говорить на стр. 76-й—77-й объ образованіи солей, также введетъ читателя, незнакомаго съ химіей, въ заблужденіе.

Недостатокъ послѣдовательности и несоответствіе нашимъ учебнымъ планамъ замѣтны во многихъ мѣстахъ.

На стр. 3-й говорится о гальваническомъ токѣ; на стр. 9-й о по-

лученіи нѣкоторыхъ соединеній „круглымъ путемъ“; на стр. 20-й — о кислотахъ, на стр. 35-й о химической энергіи и т. д.

Весьма странно, что авторъ постоянно ставитъ глаголы въ будущемъ времени; это дѣйствуетъ какъ-то утомительно при чтеніи. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: „сахаръ, крахмалъ, масла будутъ вещества болѣе или менѣе однородные (стр. 12); всѣ же орудія будутъ тѣла сложныя (стр. 6); если солей и газовъ въ водѣ будетъ содержаться немного, то она будетъ пригодна и т. д. (стр. 60); чѣмъ энергичнѣе они соединяются съ водою, тѣмъ прочнѣе и сильнѣе будетъ кислота (стр. 73); наибавжнѣйшія соединенія галондовъ будутъ съ металлами и водородомъ (стр. 82); всѣ они будутъ газы (стр. 84), наиболѣе дешевымъ изъ такихъ веществъ будетъ перекись марганца (стр. 85)“.

Приведемъ нѣкоторыя несовѣмъ удачно редактированныя мѣста.

Стр. 12-я. „Взаимодѣйствуютъ такъ или иначе другъ на друга“.

Стр. 29-я. Авторъ говоритъ о томъ, что можно сохранить неопредѣленно долгое время неизмѣнными самыя нѣжныя и легко подвергающіяся порчѣ вещества, если ихъ защищать отъ доступа зародышей низшихъ организмовъ и продолжаетъ: „Само собою разумѣется, что предъ покрытіемъ ватю нужно убить тѣ зародыши, которые успѣли попасть, что обыкновенно достигается при помощи высокой температуры“. Неизвѣстно кого подвергать высокой температурѣ: вату или охраняемыя вещества.

Стр. 34-я. „Въ 100 граммахъ воздуха 76,9% азота и 23,1% кислорода“. Указаніе на 100 граммовъ здѣсь совершенно излишне.

Стр. 59-я. „Упавши на землю, частью скатывается по поверхности и здѣсь загрязняется“. (Рѣчь идетъ о дождевой водѣ).

Стр. 60-я. „Всю известь, а также и магnezію, можно удалить изъ воды содой при нагрѣваніи“.

Стр. 66-я. Соединеніе съ кислородомъ вообще называется окисленіемъ, а тѣла происходящія называются окислами*.

Стр. 90-я „.....употребляются въ медицинѣ и фотографіяхъ“.

Авторъ любитъ странныя выраженія, въ родѣ: напихать (стр. 6), раскалываніе (вмѣсто накалываніе, стр. 9), совнутри (стр. 19), мелкоячейная сѣтка (стр. 47), растворъ..... зовется плавиковою кислотой (стр. 89) и т. д.

На стр. 26-й напечатано 5% вмѣсто 25%.

Нашъ дальній Востокъ. (Три года въ Уссурійскомъ краѣ). Съ 36 рисунками въ текстѣ и картою Уссурійскаго края. Д. И. Шрейдера. С.-Пб. Изд. А. Девриена. 1897. Стр. XI+468. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Авторъ настоящаго сочиненія, Д. И. Шрейдеръ, провелъ въ Уссурійскомъ краѣ 1891, 1892 и 1893 гг. и уже ранѣе печаталъ въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ свои очерки изъ жизни и быта нашего отдаленнаго Востока; въ настоящемъ изданіи онъ придалъ очеркамъ большую полноту и округленность, пополнявъ свои наблюденія свѣдѣніями изъ другихъ литературныхъ источниковъ.

Схема, по которой располагается въ книгѣ матеріалъ, такая: Послѣ краткихъ набросковъ о 45-тидневномъ плаваніи на кораблѣ „Кострома“, г. Шрейдеръ посвящаетъ почти 2 главы описанію прошлаго и настоящаго положенія Владивостока, послужившаго для него главнымъ мѣстопребываніемъ въ теченіи 3-хъ лѣтъ. Изъ Владивостока онъ совершалъ экскурсіи морскія и сухопутныя въ мѣстности и урочища, въ какомъ-либо отношеніи достопримѣчательныя и находящіяся преимущественно въ южной части Уссурійскаго края. Эти побѣдки описываются имъ, смотря по объему и по свойству матеріала, или въ одной главѣ, или въ двухъ и трехъ главахъ, такъ что почти каждую экскурсію можно прочесть отдѣльно отъ другихъ главъ. Физическая природа, естественныя произведенія почвы, царства растительное и животное занимаютъ автора меньше, чѣмъ населеніе; но все-таки въ книгѣ дается не мало описаній красивыхъ или же величественныхъ ландшафтовъ, грозныхъ и наводящихъ ужасъ на людей метеорологическихъ явленій, какъ-то: суйфуна, тумана, истребляющаго цѣлые лѣса и портящаго хлѣбныя злаки („пьяный хлѣбъ“), описаніе минеральныхъ богатствъ, растительности и особенно тѣхъ видовъ, которые наиболѣе привлекаютъ китайцевъ и корейцевъ, какъ-то: жень-шень и морская капуста; далѣе описаніе „гнуса“—бича животныхъ и людей, и полезныхъ и вредныхъ для жителей животныхъ, птицъ и рыбъ. Но образище и рельефище картину природы съ ея растительностью и животнымъ царствомъ раскрываетъ авторъ въ двухъ главахъ: „Въ Тайгѣ“ (глава 17) и „Палъ“ (глава 19), гдѣ, между прочимъ, читателя, съ одной стороны, поразятъ разныя аномаліи въ формахъ растений и лѣсовъ, а съ другой стороны—картины ужасающаго лѣсонстребленія въ краѣ посредствомъ топора и особенно пожаровъ, намѣренно производимыхъ пришлыми поселенцами и въ числѣ ихъ русскими.

Что касается до этнографическаго матеріала, то г. Шрейдеръ абorigеновъ края обходитъ и только вымирающему племени орочей посвящаетъ одну интересную главу подъ названіемъ „Угасающее племя“ (глава 24). Но за то очень и очень много авторъ занимается болѣе культурными мѣстными народностями, именно корейцами и уссурійскими китайцами, или манзами, и при томъ манзами, живущими въ населенныхъ мѣстахъ и живущими въ тайгѣ, которыхъ нашъ авторъ называетъ „тайными“, или „безпаспортными“. Сообщенныя имъ подробности о характерѣ, нравахъ и религии обѣихъ народностей, о ихъ домашнемъ бытѣ, занятіяхъ, о ихъ пользѣ и вредѣ для края, даютъ читателю возможность составить себѣ достаточно ясное понятіе о томъ, съ чѣмъ приходится ежечасно имѣть дѣло нашимъ соплеменникамъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Особенно важно въ этихъ очеркахъ то, что авторъ пытается наиболѣе рѣзко отгнать тѣ изъ индивидуальныхъ особенностей въ характерѣ и бытовыхъ привычкахъ манзъ и корейцевъ, которыя препятствуютъ или способствуютъ сближенію ихъ съ господствующимъ населеніемъ края. Выводъ, къ которому пришелъ авторъ въ этомъ отношеніи, тотъ, что манзы и теперь чуждаются и будутъ чуждаться русскаго населенія; изъ корейцевъ же, по его мнѣнію, можетъ выработаться трудолюбивый, симпатичный слой населенія. Оригинальную психическую оцѣнку послѣдней народности г. Шрейдеръ даетъ на стр. 162, держась, впрочемъ, болѣе мнѣнія какого-то старожила-англичанина.

По связи съ манзами и корейцами, авторъ останавливается на разбойничьихъ обитателяхъ тайга, хунъ-хузахъ, сообщая нѣкоторыя небезынтересныя черты изъ ихъ внутренней организаціи. Вопреки преобладающимъ въ краѣ и въ литературѣ, впрочемъ, противорѣчивымъ одно другому мнѣніямъ, г. Шрейдеръ доказываетъ, на основаніи своихъ личныхъ наблюденій и мнѣній нѣкоторыхъ старожиловъ и официальныхъ лицъ, что хунъ-хузы не составляютъ какой-либо политической ассоціаціи, направленной противъ русскаго господства или какой-либо наследственной ассоціаціи разбойничьей, а представляетъ ихъ шайками, состоящими изъ китайскихъ и манчжурскихъ дезертировъ, а равно изъ лицъ, спасающихся отъ неправосудія и жестокихъ наказаній въ Китаѣ. Главнѣйшія средства для освобожденія отъ нихъ края, по мнѣнію автора, не казни, какъ это существуетъ теперь, а воздѣйствіе на сосѣдную Манчжурію въ смыслѣ смягченія существующихъ тамъ правосудія, военныхъ порядковъ и т. п. Сверхъ того, г. Шрейдеръ пытается нѣсколько обзлить хунъ-хузовъ, съ одной стороны, пред-

ставляя факты, положительно свидѣтельствующіе, что хунь-хузы, служа бичемъ для маньчжуръ и корейцевъ, русскимъ вредятъ рѣдко, только изъ мести, а съ другой, доказывая, что общественная и мѣстная молва часто приписываетъ хунь-хузамъ злодѣянія, совершаемыя не ими, а бѣглецами ссыльно-каторжными.

Собственно русскимъ поселенцамъ нашъ авторъ отводитъ 4 полныхъ главы, именно: „Первое впечатлѣніе“ (глава 2), „Страничка изъ недавняго прошлаго“ (глава 3), „По Сучану“ (глава 20), „Зеленый Клынь“ (глава 23) и нѣсколько статей въ главахъ: „Въ Тайгѣ“ (глава 17), „Палъ“ (глава 19) и „Въ долині Суйфуна“ (глава 22). Какъ видно изъ предисловія, авторъ готовитъ къ печати самостоятельное сочиненіе объ условіяхъ и бытѣ нашихъ переселенцевъ въ Уссурійскомъ краѣ и въ виду, вѣроятно, этого ограничивается только краткими очерками, пользуясь помимо своихъ наблюденій „Пріамурскими Вѣдомостями“ и такими компетентными сочиненіями, какъ Буссе и Пальчевскаго. Но и въ этихъ краткихъ очеркахъ достаточно разъясняется, что въ Южно-Уссурійскомъ краѣ есть русскіе переселенцы, бѣдствующіе несмотря на многоземеліе и на другія естественныя богатства края; какъ, напримѣръ, переселившіеся изъ Астрахани рыболовы. Но есть и такіе старожилы-переселенцы, которые, успѣвъ приспособиться къ мѣстнымъ условіямъ, живутъ въ достаткѣ въ томъ случаѣ, если не успѣли еще выпахать свои поля. Вообще же, г. Шрейдеръ о нашихъ переселенцахъ передаетъ почти такія же неутѣшительныя свѣдѣнія, какія сообщаются и нѣкоторыми другими туристами. Особенно же густыя, мрачныя краски наложены при описаніи богатаго, изобилующаго естественными произведеніями, но теперь забытаго и пренебреженнаго края, именно района залива св. Ольги; такъ онъ свидѣлствуетъ, что русскіе крестьяне влчатъ тамъ печальное существованіе, занимаясь охотою и рыболовствомъ, тогда какъ сосѣди ихъ, маньчжуры, благоденствуютъ, и причина этого, по мнѣнію автора, заключается не въ мѣстныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, а „въ инертности, любви къ рутинѣ, антипатіи къ новшествамъ и отсутствіи предпріимчивости, главнымъ же образомъ въ темнотѣ и безпросвѣтномъ невѣжествѣ русскаго человѣка“ (стр. 341).

Что же касается до другихъ классовъ населенія и даже администраціи, то авторъ останавливается на нихъ только вскользь; но за то, онъ часто упоминаетъ о хабаровскихъ сѣздахъ, о предметахъ разсужденія ихъ, въ совокупности которыхъ болѣе или менѣе отражаются картина хозяйственнаго состоянія края, желанія и надежды русскаго

населенія и т. п. Кромѣ того, въ поименованныхъ главахъ нашъ авторъ то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ разсуждаетъ о томъ, дѣйствительно ли Уссурійскій край такъ быстро растетъ и развивается, какъ иногда думаютъ жители Европейской Россіи, судящіе о краѣ по извѣстіямъ, отъ времени до времени появляющимся на страницахъ періодической печати, и на этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ отрицательный, обстоятельно доказывая, что даже въ будущемъ для быстрого развитія края не существуетъ еще необходимыхъ для этого условий, какъ-то: достаточности населенія, постоянныхъ путей сообщенія, мѣстной производительности, даже земледѣльческой, школъ и т. д. и т. д. Въ числѣ грустныхъ и прискорбныхъ явленій, отличающихъ жизнь въ Южно-Уссурійскомъ краѣ и на которыя ссылается нашъ авторъ, составляютъ чрезвычайно частыя самоубійства между интеллигентными лицами, обреченными жить на окраинѣ болѣе или менѣе продолжительное время.

Но пріятно встрѣтить въ книгѣ указанія на два утѣшительныхъ явленія въ краѣ. Во-первыхъ, на успѣшную дѣятельность кружка образованныхъ людей, составившихъ „Общество изученія Амурскаго края“, преобразованное въ 1894 году въ филиальное отдѣленіе Приамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, существующаго въ Хабаровскѣ. „Общество изученія Амурскаго края“ много лѣтъ обладало такими ничтожными средствами, что платнымъ лицомъ былъ только сторожъ; члены правленія Общества засѣдали въ неотопленномъ зданіи, одѣтые въ теплыя шубы, мѣховыя шапки, а секретарю приходилось записывать протоколы въ теплыхъ перчаткахъ. Но, несмотря на матеріальную скудость, Общество въ тѣ-же годы, благодаря частнымъ пожертвованіямъ снаряжало экспедиціи для изслѣдованія края и издало цѣлый рядъ сочиненій, знакомящихъ съ естественными богатствами, съ географіею и археологіею края, составило обширную бібліотеку и коллекцію для музея. Во-вторыхъ, указаніе, встрѣчающееся чуть-ли не впервые, на заслуги для культуры края русскаго солдата, сдѣланныя авторомъ въ 3-ей главѣ подъ названіемъ „Роль русскаго солдата“.

Хотя по исторіи открытія Амурскаго края у насъ существуютъ уже популярныя книжки и недавно вышла біографія главнаго виновника этого открытія Г. И. Невельскаго, составленная по запискамъ его дочери, но тѣмъ не менѣе, г. Шрейдеръ, считалъ нужнымъ посвятить этому предмету цѣлую главу „Амурскимъ заливомъ“ (глава 8), и она весьма не лишняя.

Заканчивается книга 25-ю главою, подъ заглавіемъ „Эккурсія на каторгу“, или, точиѣе говоря, посѣщеніе каторжныхъ командъ, огрѣженныхъ на работы при Уссурійской желѣзной дорогѣ.

Изложена книга г. Шрейдера хорошо, мѣстами картинно и вообще читается съ непрерывающимся интересомъ.

Рисунки, иллюстрирующіе книгу г. Шрейдера, частью представляютъ фотографическіе снимки, вывезенные авторомъ изъ Уссурійскаго края, частью же заимствованы изъ другихъ альбомовъ и сочиненій, напримѣръ, изъ 4-й части книги князя Ухтомскаго „Путешествіе Государя Императора Николая II на Востокъ“.

Въ общемъ, сочиненіе г. Шрейдера нужно признать хорошимъ вкладомъ въ нашу географическую литературу и особенно по отношенію къ Уссурійскому краю, о которомъ популярныхъ сочиненій, — если исключить 2—3 незначительныя брошюры, а равно журнальную статью, самую, впрочемъ, лучшую объ этомъ предметѣ, доктора Елисѣева, — повторяемъ, мы не имѣемъ, и настоящій трудъ можно сказать весьма удачно пополняетъ этотъ недостатокъ.

Учебникъ началъ математики. Составленъ по министерскимъ программамъ для средне-учебныхъ заведеній *А. Н. Воробьевымъ*, преподавателемъ въ Саратувскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ и Саратовской женской гимназіи. Часть II. Геометрія. Планиметрія, Тригонометрія, Стереометрія. Съ приложеніемъ: 1) главнѣйшихъ методовъ рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе (приложеніе алгебры къ геометріи) и 2) элементовъ теоріи доказательства. Казань. 1897. — Цѣна 1 р.—Стр. VII+VIII+298.

Названный учебникъ содержитъ: 1) широковѣщательное предисловіе, приводящее къ ошибочному предположенію о намѣреніи автора произвести капитальную реформу курса геометріи; 2) плохое компилятивное исполненіе ординарнаго учебника, особенность котораго заключается въ нѣкоторыхъ вполне бесполезныхъ новаторствахъ въ знакахъ, терминахъ и т. п. и 3) обиліе грубыхъ опечатокъ, почти на каждой страницѣ. Критическій разборъ этой книги занялъ бы много мѣста и ова его не заслуживаетъ, поэтому ограничимся нѣкоторыми, взятыми почти на удачу, выписками и указаніями.

„Мы не принимали аксіомы безъ разсужденій, а старались доказать индуктивно“ (Пред. стр. I). „Что старо-евклидовское изложеніе для школы непригодно, кажется, доказывать не приходится; въ этомъ согласны почти всѣ. Но и обычное изложеніе (назовемъ его

ново-евклидовскимъ) нельзя считать удовлетворительнымъ (Прел. стр. V).

(Стр. 16) „*Постулатъ (требованіе)*. Черезъ всякую точку плоскости можно провести окружность какимъ угодно радіусомъ. *Проблема*. Провести окружность даннаго радіуса около данной точки. *Первый способъ*.—Отъ руки (очень не точенъ). *Второй способъ*... если вращать какое-нибудь тѣло, укрѣпивъ неподвижно одну изъ его точекъ. то всякая другая его точка опишетъ *кругъ* (?);... *Третій способъ*. Такъ какъ форма вращающагося тѣла не важна (1), а важно только сохранять разстояніе между точкою укрѣпленія и чертящею точкою, то было сдѣлано много попытокъ къ улучшенію прибора... Окончательное усовершенствованіе называется *циркулемъ*...“

(Стр. 21) „Итакъ, чтобы углы были равны достаточно ихъ совпаденія при наложеніи; докажемъ, что это есть условіе также и необходимое, то-есть, что *равные углы не могутъ не совпадать*“. Въ примѣчаніи, однако, сказано: „Если только наложеніе будетъ выполнено правильно, то-есть вершина въ вершину, а сторона на сторону“. Но, очевидно, этого недостаточно, такъ какъ подобнымъ же образомъ углы могутъ быть не наложены, а приложены одинъ къ другому.—На этой и на предыдущей страницѣ, равно какъ и на многихъ, слѣдующихъ поражаетъ пестрота знаковъ: кромѣ общепринятыхъ знаковъ $=$, $+$, $>$, $<$, введены еще такіе: \cong (геометрическое равенство), \equiv (тождество), \oplus (геометрическое сложеніе), \ominus (геометрическое вычитаніе), \neq (этотъ послѣдній знакъ не объясненъ, но можно догадаться, что онъ означаетъ неравенство).

(Стр. 23) „Но $\angle AOC_3 = \angle AOC = 0$, слѣдовательно уголъ есть величина измѣняющаяся періодически или, какъ иногда говорятъ короче: періодическая величина“. Во-первыхъ, текстъ не соответствуетъ чертежу, такъ какъ сдѣланы двѣ опечатки: не $\angle AOC_3 = \angle AOC$, а $\angle AOC_3 = \angle OC_3$. Во-вторыхъ, понятіе о періодичности не совмѣстимо съ опредѣленіемъ угла, даннымъ на стр. 20: „Плоскимъ угломъ (то-есть, угломъ между двумя пересѣкающимися линиями) называется отклоненіе одной линіи отъ другой“.

(Стр. 24). „Два угла, имѣющіе общими одну сторону и вершину. называются *послѣдовательными*“. А если одинъ изъ нихъ лежитъ внутри другого? Вообще это названіе излишнее.

(Стр. 30). „*Опредѣленіе*. Стороны прямого угла называются *перпендикулярами* и обозначаются такъ: \perp —Значить, если уголъ $\angle AOC_4 = \pi$

(рис. 17), то $AO \perp C_4O^u$. Опечатка — π вмѣсто $\frac{\pi}{2}$, можетъ ввести ученика въ недоразумѣніе.

(Къ книгѣ приложенъ длинный списокъ опечатокъ. Упоминаемъ, конечно, только о неуказанныхъ въ спискѣ).

(Стр. 31). Приведено такое доказательство возможности къ данной прямой изъ данной точки возставить перпендикуляръ (авторъ вездѣ говоритъ „возстановить“, вмѣсто „возставить“): „Выпрямленный уголъ, существованіе котораго неоспоримо, всегда можно *раздѣлить на части* (см. § 25), слѣдовательно возможно найти $\angle COA$ такой, чтобы $\angle COA = \angle COD = \frac{\angle AOB}{2} = \frac{\pi}{2}$, но тогда $CO \perp AB$ (ч. т. д.)“. Здѣсь, во-первыхъ, опечатка: знак \perp вмѣсто знака перпендикулярности. Притомъ, какое же это доказательство? сдѣлана ссылка на § 25, но въ этомъ § („Дѣйствія надъ углами“) сказано только, что внутри угла AOC можно привести прямую OK и если $\angle AOK = \angle KOC$, то $\angle AOK = \frac{\angle AOC}{2}$. [Кстати, и здѣсь также опечатка, а именно напечатано $AOK = \frac{AOK}{2}$]. „Отсюда убѣждаемся, что углы, какъ и отрезки, можно не только складывать и вычитать, но и умножать и *дѣлать* на отвлеченное число“. Въ убѣдительности послѣдняго заключенія, (въ смыслѣ геометрическаго доказательства) то-есть относительно дѣленія угловъ, позволительно усомниться.

(Стр. 36). Въ доказательствѣ 1-го случая теоремы 12, (рис. 35) говорится о точкахъ C, D, C_1 , а на чертежѣ ни одной изъ этихъ точекъ нѣтъ.

(Стр. 39) „Если углы обозначаются одною буквою только при вершинѣ, то часто для обозначенія *внѣшняго* угла ставятъ внизу маленькую букву i , а для обозначенія *внѣшняго* угла, букву $e...$ “

На стр. 43 сдѣлана ссылка на рис. 47 и 48. а на стр. 44 на рис. 49, но ни одного изъ этихъ трехъ *рисунковъ* нѣтъ.

(Стр. 45) „Внѣшняя ломанная больше *всякой* внутренней имѣющей съ ней одинаковое число изломовъ“. Не оговорено что подразумевается выпуклая ломаная и излишне сказанное о числѣ изломовъ.

(Стр. 84) „*Опредѣленіе*. Площадью фигуры называется ея протяженность“.

(Стр. 95 и 96). „Пусть $A_0, A_1, A_2, \dots, A_n$ — будутъ центральные углы.

$a_0, a_1, a_2, \dots, a_n$ — ихъ дуги.

Тогда (по теор. 53) получимъ $\frac{A_1}{A_0} = \frac{a_1}{a_0}$ или $\frac{A_1}{a_1} = \frac{A_0}{a_0}$. Хотя въ примѣчаніи и сказано: „Переходъ къ алгебраическому смыслу равенства“, но эти не разъясненные авторомъ слова не освобождаютъ отъ обязанности руководствоваться указаніемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ „объяснительной запискѣ къ учебному плану математики“, что можно писать $\frac{\angle ABC}{\angle DEF} = \frac{AC}{DF}$ и нельзя писать $\frac{\angle ABC}{AC} = \frac{\angle DEF}{DF}$ и т. п. Правило это вообще не соблюдается авторомъ.

(Стр. '96). „Если за единицу угловъ принимать выпрямленнѣйшій уголъ, то за единицу дугъ надо принимать четверть окружности“.

(Стр. 106). „Чтобы два треугольника были подобны, необходимо и достаточно, чтобы имѣло мѣсто одно изъ слѣдующихъ шести условій: 1) Три угла одного равны тремъ угламъ другаго; 2) два угла одного равны двумъ угламъ другаго;..“ Достаточность каждаго изъ этихъ шести условій (слѣдовательно 1-го и 2-го) доказывается; непонятно, поэтому, почему авторъ ограничился только шестью условіями, а не присоединилъ къ нимъ, напримѣръ, такого: „если три стороны пропорціональны тремъ сторонамъ другаго и одинъ уголъ одного равенъ одному углу втораго — и многихъ другихъ подобныхъ.“

(Стр. 112). Въ концѣ § 105 („центръ подобія“) помѣщено такое примѣчаніе безъ всякаго разъясненія: „Подобіе можетъ быть и *обратнымъ*, если *нѣкоторыя стороны многоугольниковъ антипараллельны*, то-есть образуютъ съ лучами подобія углы одинаковые, но обращенные въ различныя стороны (рис. 130)“. Ни слова не сказано о томъ, что подразумѣвается подъ терминami *обратное подобіе*, *антипараллельныя стороны*, *углы обращенные въ различныя стороны*. Поэтому, изъ сказаннаго примѣчанія и изъ „рисунка“ 130—на которомъ обозначена буквою только одна точка S—можно догадаться лишь о томъ, что авторъ употребляетъ упомянутые термины не въ ихъ общепринятомъ смыслѣ, а въ какомъ то неизвѣстномъ другомъ.

ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ КУРСЪ НѢМЕЦКАГО ЯЗЫКА (EINFACHES DEUTSCHES LEBESBUCH). Составилъ Л. К. Якобсонъ. С.-Пб. 1898. Стр. 152. Цѣна 70 коп.

Предлагаемая книга авторомъ предназначается главнымъ образомъ для младшихъ классовъ мужскихъ гимназій и прогимназій министер-

ства народнаго просвѣщенія. Она раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ первая содержитъ нѣмецкія статьи для перевода на русскій языкъ. — вторая — слова, грамматику и упражненія. На первыхъ 11 страницахъ учебника даются звуки и буквы нѣмецкаго алфавита, какъ печатныя, такъ и рукописныя. При этомъ буквы раздѣляются на небольшія группы съ относящимися къ нимъ упражненіями въ чтеніи и письмѣ. Такой приемъ, при которомъ дается не разомъ весь алфавитъ, но послѣдній раздѣленъ на нѣсколько частей, въ порядкѣ, соответствующемъ трудности произношенія отдѣльныхъ звуковъ изучаемаго языка, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ полнаго одобренія, такъ какъ онъ безъ всякаго сомнѣнія русскимъ дѣтямъ доставитъ не малое облегченіе при изученіи ими иностраннаго языка.

Такъ ученики, изучающіе нѣмецкій языкъ по учебнику г. Якобсона, знакомятся прежде всего съ самыми простыми гласными звуками этого языка, какъ: а, е, і, о, и, потомъ съ нѣкоторыми согласными, ничѣмъ не отличающимися своимъ произношеніемъ отъ соответствующихъ согласныхъ русскаго языка, какъ напримѣръ: ш, п, в, w, б, р, т, к.; затѣмъ слѣдуютъ болѣе трудные звуки, какъ у, і, с, з; за ними идутъ смягченныя гласныя и двугласныя, а потомъ сложныя согласныя, которыми и оканчивается первый отдѣлъ первой части учебника. При всѣхъ упражненіяхъ для чтенія и письма вездѣ дается русское значеніе нѣмецкихъ словъ, такъ что всякая механическая работа учениковъ, съ перваго же урока, совершенно исключается, какъ этого и требуетъ объяснительная записка къ учебномъ плану по нѣмецкому языку.

Число нѣмецкихъ статей для перевода на русскій языкъ — 106. Выборъ этихъ статей можно назвать довольно удачнымъ: языкъ ихъ хорошій и не слишкомъ трудный, содержаніе вполне доступно пониманію учениковъ младшихъ классовъ. Такому пониманію много способствуетъ данный во второй части учебника постатейный словарь, достаточно полный и весьма тщательно составленный. Кромѣ постатейнаго словаря въ книгѣ есть и краткій алфавитный словарь, вполне удовлетворяющій своему назначенію.

Грамматическій матеріалъ, примыкающій къ чтенію и выводимый изъ данныхъ примѣровъ, заключаетъ въ себѣ какъ всѣ правила, относящіяся къ склоненіямъ и спряженіямъ нѣмецкаго языка, такъ и самыя главныя статьи о числительныхъ, мѣстонменіяхъ и союзахъ.

Очерки по греческой литературѣ. Выпускъ второй. О Софоклѣ. Содержаніе: I. Введеніе. II. Жизнь Софокла. Его воспитаніе. Изученіе Гомера. Заг слуги Софокла. III. Софокль какъ гражданинъ. IV. Продолжительность поэтической дѣятельности Софокла. Періоды въ развитіи драматическаго таланта. Антигона. V. Электра. Содержаніе и характеристика. Лирическіе элементы въ трагедіи. Эантъ. VI. Трахинянки. VII. Эдипъ даръ. Сравненіе трагедіи съ Шекспировскою драмой „Король Лиръ“. VIII. Филоклетъ. Взгляды Шиллера и Лессинга на трагедію. IX. Эдипъ въ Коловѣ. X. Стилъ Софокла. Обрисовка характеровъ. Кратическое отношеніе къ матеріалу. Группировка матеріала. Заключеніе. *А. Тиховъ*. Черниговъ. 1897. Стр. 133. Цѣна 75 коп.

Глубокое уваженіе и живой интересъ къ образовательной силѣ древне-греческой словесности заставили г. Тихова приступить къ составленію своихъ очерковъ, второй выпускъ которыхъ нынѣ вышелъ въ свѣтъ. Въ немъ авторъ обнаруживаетъ тотъ же одушевленный энтузіазмъ по своему предмету, какъ и въ первомъ, появившемся въ 1895 году, выпускѣ о Гомерѣ и Геродотѣ. Но нельзя не замѣтить, что г. Тиховъ въ своемъ благоговѣннѣ предъ геніальностью греческой музы уже слишкомъ увлекается, утверждая (см. введеніе, стр. 6), что „одно только изящное искусство есть единственно (sic!) сильное и вѣрное орудіе для смягченія грубости и закоренѣлости человѣческой чувственности и въ то же время самое надежное средство для развитія въ человѣкѣ идеальныхъ и гуманныхъ сторонъ его природы“. Спрашивается, какое мѣсто въ культурѣ человѣчества авторъ удѣляетъ религіи и наукѣ. Въ самомъ крайнемъ случаѣ изящное искусство можетъ быть признано однимъ изъ главныхъ средствъ для усовершенствованія человѣка. Тѣмъ не менѣе, благодаря такому энтузіазму г. Тиховъ успѣлъ составить трудъ не лишенный ни живости, ни содержательности. Богатый разработанный матеріалъ усматривается изъ указаній, помѣщенныхъ на самомъ заглавномъ листѣ. На основаніи благонадежныхъ источниковъ, перечень которыхъ на особомъ листкѣ предпосланъ тексту, г. Тиховъ въ 9 отдѣлахъ сообщаетъ приблизительно все то, что намъ извѣстно о знаменитомъ драматическомъ поэтѣ, излагаетъ его жизнь въ отцовской семьѣ, въ обществѣ и въ государствѣ, характеризуетъ его какъ человѣка и художника, весьма часто приводитъ мнѣнія другихъ ученыхъ о немъ и его трудахъ, подчасъ въ видѣ выдержекъ изъ ихъ сочиненій, и наконецъ подвергаетъ всѣ семь сохранившихся до нашихъ временъ драмъ Софокла подробному анализу, разбирая порознь содержаніе каждой трагедіи,

показываетъ ходъ дѣйствія, повѣряетъ психологическія черты дѣйствующахъ лицъ и опредѣляетъ эстетическое достоинство драмы, подчасъ сравнивая ее съ творениями новѣйшихъ драматическихъ поэтовъ и иллюстрируя свои положенія многочисленными выдержками изъ драматическаго текста въ русскомъ переводѣ. Все сообщаемое составителемъ вообще вѣрно и соотвѣтствуетъ уровню современной науки. Относительно же формы изложенія слѣдуетъ сказать, что второй выпускъ „Очерковъ“ не производитъ впечатлѣнія труда, за одинъ разъ созданнаго и подвергшагося окончательной отдѣлкѣ. Случайное упоминаніе объ общихъ для всѣхъ драмъ моментахъ въ анализѣ одной только трагедіи (см. стр. 66 о значеніи хора; стр. 88 описаніе декоративной обстановки, чего нѣтъ въ другихъ отдѣлахъ; стр. 100 мнѣніе Аристотеля, относящееся ко всѣмъ произведеніямъ драматической поэзіи и т. д.); различіе разбора то по группировкѣ, то по объему; лишнія повторенія, встрѣчающіяся въ изложеніи (см. стр. 45 и 48; стр. 60 и 61; стр. 132 и 133, даже на одной и той же страницѣ 123, строка 2 сверху „Софокль прекрасно владѣетъ языкомъ“ и строка 16 „Софокль вполне владѣетъ языкомъ“ и т. д.), все это показываетъ непосредственное влияніе источниковъ на редакцію того или другаго отдѣла и подтверждаетъ предположеніе объ отсутствіи окончательной корректуры, что впрочемъ не умаляетъ научнаго достоинства сообщаемаго.

Но есть нѣкоторыя мѣста, которыя даютъ поводъ для критики реальнаго свойства.

Стр. 13. „Софокль родился въ 496 году“. Осторожнѣе было бы сказать: „около 496 года“, такъ какъ по древней біографіи поэта (Σοφοκλέους βίος) Софокль родился въ 495 году, а по надписи Паросскаго мрамора (Magin Pag.)—въ 497 году.

Стр. 15. „Отецъ Софокла былъ гражданинъ средняго состоянія“. Анонимный біографъ (1, см. Soph. Electra sur. Michaelis), отрицая показанія Аристоксена и Истра, продолжаетъ: οὐ γὰρ αἰκὸς ἦν τὸν ἐκ τοιοῦτου γενόμενον στρατηγίας ἀξιοδότηναι οὐκ Περικλεί καὶ Θεουκιδίδῃ; а Plin. hist. nat. 37. 40, principe loco genitus.

Ibid. Ссылка: „Плутархъ. Жизнеописаніе, 3, 7—9. οὕτω δὲ φιλαθηναϊκότατος ἦν, ὥστε πολλῶν βασιλέων μεταπεμπομένων αὐτόν, οὐκ ἠθέλησε τῆν πατρίδα καταλιπεῖν“. Извѣстно, что между сочиненіями Плутарха существуютъ βίοι παράλληλοι, представляющіе 23 біографическихъ параллелей, которыя въ цитатахъ обозначаются именемъ того лица, ко-

торому посвящена біографія, но сочиненія Плутарха, имѣющаго просто заглавіе: Жизнеописаніе (βίος) вовсе нѣтъ. Поэтому „Плутархъ. Жизнеописаніе, 3, 7—9“ не имѣетъ никакого смысла; кромѣ того цитруемые г. Тиховымъ слова вовсе не принадлежать Плутарху, но встрѣчаются въ составленной неизвѣстнымъ лицомъ компиляціи о Софоклѣ, известной въ филологическомъ мірѣ подъ названіемъ Βίος Σοφοκλέους или Vita Sophoclis (O, Jahrb. Electra. cur. Michaelis; Воннае, 1882. pg. 8), Г. Тиховъ приписалъ это жизнеописаніе Плутарху. Откуда, наконецъ, взялись показанныя цифры главы и пунктовъ несуществующаго сочиненія, совершенно загадочно, тѣмъ болѣе что жизнеописаніе Софокла вовсе не дѣлится на главы и пункты.

Стр. 29. Ссылка: Плутархъ, Периклъ. 8. φασι δὲ τὸν Σοφοκλέα ἤξισσαι τῆς ἐν Σάμῳ στρατηγίας, εὐδομήσαντα ἐν τῇ διδασκαλίᾳ τῆς Ἀντιγόνης. Приведенныя слова не находятся у Плутарха, но читаются въ Argum. Antig. (см. E. Wunder. Sophoclis tragaediae. vol. 1. Soc. IV. Ἀριστοφάνους γραμματικῆς ὑπόθεσις), тогда какъ въ указанномъ г. Тиховымъ жизнеописаніи Перикла сообщается отвѣтъ, который Периклъ далъ своему товарищу—поэту, увлекшемуся красотою какого-то юноши: Οὐ μόνον, ἔφη, τὰς χεῖρας, ὦ Σοφοκλέε, ἀλλὰ καὶ καθάρως ἔχειν τὸν στρατηγόν, ἀλλὰ καὶ τὰς ὄψεις.

Стр. 16. Ссылка: „Dind. vol. 5. Θαμύρας καὶ Ναυσικάя и Плутархъ жизнеописаніе (опять!) 2, 12—14 совершенно непонятна; но помѣщенные въ текстѣ слова, къ которымъ относится ссылка (τὸν Θαμύραν διδάσκων αὐτὸς ἐκθαύριζεν, ἀκρῶς δὲ ἐσφαίριζεν, ὅτε τῆν Ναυσικάαν καθήκεν) находятся у Аэнея 1, 37.

Стр. 131. „Французскій драматургъ Альфьери“. Графъ Витторіо Альфьери, уроженецъ города Асти, не французъ, но итальянецъ и известенъ въ итальянской литературѣ какъ драматургъ.

Какъ бы то ни было, справедливость требуетъ заявить, что указанные недосмотры, не касаясь сущности изложеннаго въ трудѣ предмета, не мѣшаютъ съ пользою читать русскій текстъ и не только извлечь изъ него интересныя данныя для ознакомленія съ великимъ поэтомъ, но раздѣлить благородное одушевленіе автора идеальными произведеніями греческаго гения.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВОСТОКОВѢДІЕ ВЪ НОВЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.

Какъ извѣстно, за послѣднее время въ жизни французскихъ высшихъ учебныхъ заведеній произошли крупныя перемѣны—на смѣну старымъ разрозненнымъ факультетамъ являются университеты. И вотъ раздаются съ разныхъ сторонъ голоса, указывающіе на тѣ или другіе пробѣлы въ прежнемъ факультетскомъ устройствѣ, которые необходимо должны быть восполнены въ новыхъ университетахъ. Въ числѣ такихъ заявленій есть одно, не лишнее значительнаго практическаго интереса и для насъ; мы имѣемъ въ виду постановленіе французской академіи надписей отъ 17-го декабря 1897 года: обратить вниманіе французскаго министерства народнаго просвѣщенія на печальное положеніе востоковѣдѣнія въ высшемъ образованіи и на необходимость немедленнаго измѣненія этого положенія. Постановленіе это было вызвано докладомъ академикомъ, извѣстныхъ ориенталистовъ *Э. Сенара* и *А. Барта* ¹⁾. Докладъ заключаетъ въ себѣ замѣчанія, которыя, на нашъ взглядъ, имѣютъ несомнѣнно отношеніе и къ положенію востоковѣдѣнія въ нашихъ университетахъ, и потому мы позволяемъ себѣ изложить здѣсь мнѣнія почтенныхъ академикомъ.

¹⁾ 10-го декабря 1897 года Французское азіатское общество сдѣлало постановленіе о желательности учрежденія во французскихъ университетахъ нѣкотораго числа катедръ по исторіи, языкамъ и археологіи востока. *Comptes Rendus Acad. d. Inscript. et Belles-Lettres. Nov. Déc. 1897, pp. 705—712.*

При современномъ состояніи науки никакой университетъ, который вполнѣ заслуживалъ бы этого названія, не можетъ обойтись безъ востоковѣдѣнія въ своемъ преподаваніи. Франція слишкомъ долго забывала это, сосредоточивая изученіе востока исключительно почти въ одномъ Парижѣ. Отсутствие возможности найти примѣненіе своимъ знаніямъ для молодого французскаго ориенталиста создало совершенно особенное положеніе для востоковѣдѣнія во Франціи. Отъ времени до времени появлялись блестящіе таланты, которыхъ правительство считало долгомъ поддерживать, создавая для нихъ каѳедры, которыя часто прекращали свое существованіе съ первымъ же ихъ представителемъ, не имѣвшимъ учениковъ. Не образовывалось школы, не было научнаго преемства, и ориентализмъ во Франціи не знаетъ и не знаетъ того постепеннаго развитія, которое замѣчается въ другихъ странахъ. Для успѣха дѣла за генералами должна необходимо стоять армія, которая бы исполняла ихъ планы и вела бы ту скромную, но необходимую работу, которая составляетъ непремѣнное условіе научнаго прогресса. Новые французскіе университеты должны найти средства и мѣсто въ своей средѣ для каѳедръ по народамъ арійскаго востока, индійцамъ и персамъ, по семитскимъ народамъ, для исторіи востока, для египтологіи и языковъ крайняго востока.

Такъ говоритъ г. Сенаръ, требуя скорѣйшаго разрѣшенія вопроса о судьбахъ слабѣющаго нынѣ во Франціи ориентализма. Г. Бартъ прибавляетъ нѣсколько статистическихъ данныхъ, мало утѣшительныхъ для Франціи. Кромѣ Парижа, къ которому въ весьма значительной мѣрѣ примѣнимо сказанное г. Сенаромъ объ отсутствіи школъ и научной преемственности, Франція имѣетъ только: каѳедру санскрита и каѳедру египтологіи въ Лионѣ; курсъ индійской литературы въ частномъ католическомъ университетѣ въ Анжэ; каѳедру еврейскаго языка и библейской экзегеты въ Монтбанѣ.

Перечень замѣчательно краткій, а если къ этому прибавить, что научныя пособія для этихъ каѳедръ болѣе чѣмъ скудны, то можно несомнѣнно сказать, что, кромѣ Парижа, востоковѣдѣніе нигдѣ въ высшемъ образованіи Франціи не поставлено на надлежащую почву: иная картина получается при разсмотрѣніи положенія ориентализма въ другихъ странахъ. Германія имѣетъ 21 университетъ (включая академію въ Мюнстерѣ) и во всѣхъ изъ нихъ, кромѣ Ростокскаго (432 студента), гдѣ одна восточная каѳедра, по нѣскольку каѳедръ, посвященныхъ востоковѣдѣнію. Въ пяти голландскихъ университетахъ насчитывается *двадцать два* каѳедры восточныхъ языковъ и литера-

туръ. Маленькая Бельгія имѣетъ девять кафедръ, Швейцарія двадцать три. Та же картина въ Англіи, Австріи, Италіи. Можно, конечно, возразить, что количество не всегда соотвѣтствуетъ качеству, но, какъ справедливо заканчиваетъ свою замѣтку г. Бартъ, качество часто ухудшается, когда количество становится недостаточнымъ.

Для насъ, какъ было уже замѣчено выше, записка почтенныхъ академиковъ и постановленіе академіи надписей представляютъ большой интересъ: если у насъ нѣтъ въ настоящее время кризиса въ положеніи востоковѣдѣнія въ университетскомъ преподаваніи, то есть настоятельная нужда въ немедленномъ его расширеніи. Конечно, теперь на первомъ планѣ стоитъ практическое изученіе Востока, которое должно явиться на помощь при выполненіи всѣхъ тѣхъ новыхъ задачъ, какія выпали на долю Россіи, и первымъ шагомъ въ этомъ направленіи слѣдуетъ привѣтствовать открытіе института восточныхъ языковъ въ Владивостокѣ или въ другомъ мѣстѣ на восточной окраинѣ, за которымъ, вѣроятно, послѣдуетъ открытіе въ Одессѣ или какомъ-нибудь изъ южныхъ городовъ подобнаго же института для практическаго ознакомленія съ передней Азіей. Учрежденіе двухъ этихъ институтовъ, которые охватятъ такимъ образомъ всю Азію, несомнѣнно удовлетворитъ потребности въ практическомъ знаніи Востока.

Но удовлетвореніе практическихъ потребностей не есть, конечно, полное разрѣшеніе вопроса: Россія, болѣе можетъ быть чѣмъ какая другая страна, нуждается и въ теоретическомъ знаніи Востока, между тѣмъ и въ этомъ отношеніи у насъ дѣлается очень мало. Лазаревскій институтъ въ Москвѣ имѣетъ главнымъ образомъ практическое направленіе, а Институтъ Восточныхъ Языковъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ предназначается исключительно для практической подготовки дипломатовъ на мусульманскомъ востокѣ; практическое же, конечно, назначеніе имѣетъ и офицерское отдѣленіе института.

Такимъ образомъ для научнаго изученія Востока предназначается почти исключительно одинъ факультетъ Восточныхъ Языковъ Петербургскаго университета и двѣ кафедры, тюркская и финская, на историко-филологическомъ факультетѣ Казанскаго университета; кафедры санскрита на филологическихъ факультетахъ не могутъ быть приняты здѣсь въ расчетъ, такъ какъ на нихъ преподаваніе санскрита имѣетъ лишь вспомогательное значеніе при изученіи сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ. Факультетъ Восточныхъ Языковъ по уставу 1884 года имѣетъ кафедры слѣдующихъ „словесностей“:

1. Санскритской.
2. Арабской.
3. Персидской.
4. Турецко-татар-

ской. 5. Китайской и Манчжурской. 6. Монагольской и Калмацкой. 7. Еврейской, Сирийской, Халдейской. 8. Армянской и Грузинской; а также 9-ую кафедру *Исторіи Востока*; къ этимъ девяти кафедрамъ должна прибавиться десятая, учреждаемая нынѣ, кафедра японской словесности. Этого числа кафедръ, конечно, недостаточно для всесторонняго изученія Востока, а также и для того, чтобы дать способнымъ молодымъ людямъ возможность примѣнить на дѣлѣ свой научный интересъ къ востоковѣдѣнію.

На страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* уже раньше указывалось ¹⁾ на желательность расширенія преподаванія восточныхъ языковъ въ нашихъ университетахъ путемъ учрежденія кафедръ этихъ языковъ при филологическихъ факультетахъ. Вполнѣ раздѣляя это мнѣніе, мы думаемъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо было бы теперь же расширить бюджетъ факультета Восточныхъ Языковъ и дать ему такимъ образомъ возможность стать въ болѣе нормальное положеніе. Въ то время какъ другія страны обращаютъ все большее и большее вниманіе на изученіе Востока, хотѣлось бы думать, что и Россія не отстанетъ, по крайней мѣрѣ, въ этихъ стремленіяхъ.

Сергій Ольденбургъ.

¹⁾ Баронъ В. Р. Розенъ. О Восточномъ факультетѣ и восточныхъ кафедрахъ. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. ССІ, XXIII. 159—165 (1891).

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Июнь 1898 года.

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ французское правительство основало колониальную школу; мнѣ еще не случилось писать вамъ о ней, а между тѣмъ значеніе ея съ каждымъ днемъ увеличивается. Школа эта существуетъ съ 1885 года, но тогда она не имѣла программы, данной ей теперь. Въ то время она предназначалась для инородцевъ, пріѣзжавшихъ въ Парижъ для полученія французскаго образованія, и называлась Камбоджійскою школою. Въ 1888 году ее переименовали въ колониальную, но она продолжала служить для тѣхъ же инородцевъ, и только съ 1889 года ея назначеніе измѣнилось. Въ то время, когда Франція все болѣе и болѣе стремилась сдѣлаться колониальною державою, сознана была необходимость создать для управленія колоніями вполне подходящій составъ лицъ. Должностныя лица, посылаемые въ колоніи, пріѣзжали туда большею частію съ полнымъ незнаніемъ исторіи, языка и нравовъ страны, которою должны были управлять, и употребляли слишкомъ много времени, чтобъ освоиться тамъ, а когда наконецъ достигали возможности приносить пользу, то чувствовали утомленіе отъ убійственнаго климата, заставлявшее ихъ возвращаться во Францію. Цѣль школы—доставлять нашимъ колоніямъ опытныхъ администраторовъ. Молодые люди, поступающіе въ школу, должны быть не моложе 18-ти и не старше 23-хъ лѣтъ, должны имѣть аттестатъ зрѣлости или аттестатъ высшаго коммерческаго училища и медицинское свидѣтельство о томъ, что ихъ здоровье позволяетъ имъ переносить суровыя условія службы въ колоніяхъ. Кромѣ того, они

должны выдержать спеціальнѣй экзаменъ изъ политической экономіи, исторіи французской и иностранной колонизаціи до 1815 года, изъ физической географіи преимущественно французскихъ колоній, изъ топографіи, англійскаго, нѣмецкаго или испанскаго языка.

Допущенные къ поступленію въ школу проходятъ курсъ, раздѣленный на два отдѣла; одинъ составляютъ науки, общія для всѣхъ учащихся, другой — спеціальныя знанія по тому или другому предмету. Науки, общія для обоихъ отдѣловъ, слѣдующія: гражданское право, административно-колоніальное право, экономическое положеніе и управленіе различныхъ французскихъ колоній, изученіе иностранныхъ колоніальныхъ системъ, общая организація колоній, колоніальная гигиена и свѣдѣнія изъ практической медицины, колоніальная производительность, практическія постройки, живые языки, физическія и военныя упражненія. Воспитанники обязаны ежегодно представлять краткій отчетъ объ иностранныхъ изданіяхъ, напечатанныхъ на томъ языкѣ, который они изучаютъ. Курсъ продолжается два года, но ученики могутъ, по опредѣленію совѣта школы, оставаться еще на одинъ годъ. Физическія и военныя упражненія, верховая ѣзда обязательны для всѣхъ учащихся.

Спеціальныя занятія раздѣляются слѣдующимъ образомъ: а) колоніальное комисарство (только магистры права могутъ слушать эти лекціи, имѣющія характеръ исключительно юридическій и административный); б) индо-китайское отдѣленіе: исторія, нравы и религіи Индо-Китае (1 годъ); законодательство и администрація Индо-Китае (2 года); аннамскій языкъ (2 года); языкъ камбоджійскій (1 годъ); чтеніе и объясненіе китайскихъ и аннамскихъ сочиненій (1 годъ); в) африканское отдѣленіе: подробная географія Африки; законодательство и администрація африканскихъ колоній; спеціальное устройство Мадагаскара; мусульманское право въ сравненіи съ индусскимъ правомъ; арабскій языкъ; малгашскій языкъ; д) центральное управленіе: кандидаты должны прослушать, кромѣ общаго курса, одну изъ спеціальныхъ серій.

Въ школѣ есть еще коммерческое отдѣленіе, питомцы котораго проходятъ общій курсъ, изучаютъ систему иностранныхъ колоній и практическое устройство ихъ. Кромѣ того, они обязаны изучить одинъ изъ колоніальныхъ языковъ — аннамскій, арабскій или малгашскій. Кромѣ постоянныхъ воспитанниковъ, въ школу допускаются еще вольнослушатели съ разрѣшенія совѣта. Наконецъ, школа имѣетъ интернатъ для инородцевъ, присылаемыхъ изъ колоній или изъ странъ,

состоящихъ подъ протекторатомъ Франціи, для дополненія ихъ образованія, въ возрастѣ отъ 14 до 20 лѣтъ. По возвращеніи на родину они знакомятъ своихъ соотечественниковъ съ Франціей и служатъ прекраснымъ орудіемъ для ассимиляціи. Школа имѣетъ прекрасныхъ профессоровъ изъ школы правовѣдѣнія, министерства колоній, школы восточныхъ языковъ, государственнаго совѣта и парижскихъ лицеевъ. Она находится подъ наблюденіемъ совѣта, состоящаго изъ высшихъ чиновниковъ министерствъ колоній, морскаго и иностранныхъ дѣлъ, изъ представителей колоніальной арміи, ученыхъ и публицистовъ. Директоръ школы — Омонье, человекъ выдающійся, бывший морской офицеръ, составившій собраніе надписей Камбоджи, дѣльный ученый и въ то же время почтенный практической дѣятель.

Министерство народнаго просвѣщенія издало общую статистику студентовъ факультетовъ и школъ высшаго преподаванія по 15-е января 1898 года. Изъ этого отчета видно, что составъ учащихся въ нашихъ факультетахъ за это время простирался до 28.782 человекъ; изъ нихъ 27.911 мужчинъ (26.419 французовъ и 1.492 иностранца) и 871 женщина (579 французенокъ и 292 иностранки).

Вотъ цифры, приходящіяся на долю каждаго большаго отдѣла высшаго преподаванія:

Факультеты протестантскаго богословія насчитываютъ 137 студентовъ, и, разумѣется, тутъ нѣтъ ни одной женщины; изъ нихъ только пять студентовъ иностранцевъ. 9.107 молодыхъ людей, въ томъ числѣ 9.102 мужчинъ, изучаютъ право, и въ томъ числѣ 475 иностранца. Медицинскія школы насчитываютъ огромное число женщинъ-студентокъ: 399 изъ общаго числа 8.064; 168 иностранокъ и 734 иностранцевъ. Но собственно говоря, словесныя науки привлекаютъ наибольшее число молодыхъ дѣвушекъ: 240 посѣщаютъ словесныя факультеты, въ томъ числѣ 57 иностранокъ и 183 французки; изъ 3.118 студентовъ словесныхъ факультетовъ — только 80 иностранцевъ. Физико-математическія науки изучаютъ 3.497 студентовъ; изъ нихъ 80 женщинъ и 161 студентовъ-иностранцевъ. Фармацевтическія школы насчитываютъ 2.817 французовъ и 50 французенокъ, изъ нихъ 27 иностранцевъ и 3 иностранки.

Кромѣ университетовъ, вольныя медицинскія и алжирскія школы посѣщаютъ 949 (70 женщинъ) и 763 (24 женщины) молодыхъ людей.

Это школьное населеніе географически распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ Парижѣ находится 11.647 студентовъ и 400 студентокъ, почти половина общаго числа всѣхъ студентовъ Франціи.

Протестантское богословіе изучаютъ 70 человекъ, право 3.635, медицину 3.971, физико-математическія науки 1.273, словесныя 1.697, фармацевтику 1.401. Лионъ по количеству школьнаго населенія занимаетъ послѣ Парижа первое мѣсто. Тамъ насчитывается 2.335 студентовъ, и изъ нихъ посѣщаютъ медицинскую школу 1.106 человекъ, въ томъ числѣ 38 женщины. Юридическія науки изучаются 436 лицами, физико-математическія 321 (изъ нихъ 5 женщинъ), фармацевтика 272 (изъ нихъ 1 женщина); наконецъ, 177 молодыхъ людей и 23 женщины изучаютъ словесныя науки. Третье мѣсто принадлежитъ Бордо: изъ 2.144 студентовъ 773 изучаютъ право, 737 медицину, 224 физико-математическія науки, 153 словесныя, 257 фармацевтику; на все число студентовъ приходится только 29 женщинъ. Тулуза, Монпелье, Лилль, Реннъ, Нанси насчитываютъ болѣе 1000 студентовъ. Въ Тулузѣ изъ 1.885 учащихся 12 женщинъ, въ Монпелье изъ 1.496 — 83 женщины, въ Лиллѣ изъ 1354 — 18 женщинъ, въ Реннѣ изъ 1.063 — 23 женщины, въ Нанси изъ 1.001 — 38 женщинъ. Прочіе университетскіе города насчитываютъ: Э-Марсель 849 студентовъ, Пуатье 764, Дижонъ 604, Канъ 598, Гренобль 474, и Безансонъ 197.

Классическому образованію все болѣе и болѣе грозитъ опасность; въ нашихъ лицеяхъ оно уже терпитъ немало отъ конкуренціи такъ называемаго „новаго“ образованія. На него нападаютъ не только математики, инженеры, экономисты, но и словесники — Жюль Леметръ, членъ Французской академіи, бывший профессоръ лицея въ Гаврѣ, и Эмиль Жебаръ, членъ академіи нравственныхъ наукъ и профессоръ словеснаго факультета въ Парижѣ. Въ *Фигаро*, газетѣ наиболѣе распространенной, Леметръ помѣстилъ недавно двѣ статьи: „Противъ классическаго образованія“, которыя въ слѣдъ затѣмъ были перепечатаны въ *Revue Encyclopédique* (№ отъ 26-го марта 1898 года). Онѣ представляютъ собою настоящій обвинительный актъ противъ классическаго образованія. Леметръ говоритъ, что, поставленное въ настоящія условія, оно вполне бесполезно для юношей, его получающихъ: „Все измѣнилось въ нашемъ обществѣ“, говоритъ авторъ; — „открытія прикладныхъ наукъ глубоко измѣнили условія жизни частныхъ лицъ и народа; рѣшительно настало царство промышленности, торговли и денегъ; мы образуемъ общество демократическое и промышленное, намъ угрожаетъ и на половину разорила насъ конкуренція могущественныхъ державъ, а дѣти нашей буржуазіи и много дѣтей изъ народа проводятъ восемь или десять лѣтъ надъ плохими за-

учиваніемъ того, что нѣкогда весьма хорошо преподавали отцы іезуиты монархическому обществу, дѣтямъ привилегированныхъ сословій, дворянскому, судейскому“.

Леметру въ настоящее время 45 лѣтъ, онъ много лѣтъ занимался преподаваніемъ и говоритъ, что теперь онъ не знаетъ ни слова по гречески, а что на латинскомъ языкѣ ему приходится читать всего раза три въ годъ; что греческій языкъ не даетъ нашимъ учащимся ни одной возвышенной идеи, такъ какъ они не узнаютъ его (къ сожалѣнію, это вполнѣ справедливо), латинскіе классики не сообщаютъ ничего такого, чего не нашлось бы въ сочиненіяхъ Монтаня и нашихъ классиковъ XVII вѣка. Онъ указываетъ на Луи Велью и Жоржъ Занда, двухъ знаменитыхъ писателей, не получившихъ классическаго образованія. По его мнѣнію, для образованія ума также полезно изучать нѣмецкую грамматику, какъ и греческій языкъ. Въ заключеніе онъ желаетъ сокращенія числа классическихъ лицеевъ, чтобы „новое“ образованіе служило для большинства французовъ, и чтобы питомцы его могли дѣлаться докторами и адвокатами безъ знанія латини. Наконецъ, онъ требуетъ полнаго уничтоженія не только званія бакалавра словесности, но и всякаго другаго.

Жебаръ менѣе радикаленъ. Въ весьма умно написанной статьѣ, помѣщенной въ *Journal des Debats*, онъ нападаетъ только на маленькія провинціальныя коллегіи, вступающія въ соперничество съ классическими лицеями, что дается имъ весьма трудно. Онъ требуетъ преобразованія этихъ коллегій въ областныя школы съ преподаваніемъ практическихъ знаній—французскаго языка, географіи, ариметики, геометріи, физики, химіи, исторіи Франціи, землѣдѣнія, сельскаго хозяйства, одного изъ новыхъ языковъ, примѣнимаго къ данной области, англійскаго на западѣ, нѣмецкаго на востокѣ, испанскаго и италіанскаго на югѣ. Онъ полагаетъ, что такого рода школы дадутъ государству полезныхъ гражданъ и сократятъ огромное число неудачниковъ, недовольныхъ и вызывающихъ революціи. Доказательство это любопытно, такъ какъ принадлежитъ одному изъ нашихъ наиболѣе выдающихся словесниковъ.

II.

Лѣтъ двадцать тому назадъ я писалъ вамъ о „Всеобщемъ словарѣ литературъ“, изданномъ Вапро. Не смотря на неточности и пробѣлы, этотъ трудъ и теперь еще драгоцѣненъ для справокъ, особенно въ

отношеніи исторіи французской и англійской литературѣ. Издатель Коленъ напечаталъ въ болѣе скромныхъ размѣрахъ „Иллюстрированный словарь писателей и литературъ“ (*Dictionnaire-manuel illustré des écrivains et des littératures*. 1 томъ въ 12-ю д. л. въ 900 страницъ). Изданіе редактировано Жиделемъ, извѣстнымъ по своимъ прекраснымъ сочиненіямъ о французской литературѣ, и молодымъ писателемъ Лолъе. Менѣе обширный, чѣмъ трудъ Вапро, этотъ словарь даетъ понятіе о современныхъ писателяхъ, чего нѣтъ у Вапро, и снабженъ иллюстраціями. Незабвѣжны въ такого рода сложномъ трудѣ опущенія и погрѣшности не вредятъ его значительному успѣху въ средѣ учащихся; онъ разошелся уже во многихъ тысячахъ экземпляровъ.

Вамъ извѣстна любопытная серія небольшихъ книжекъ: „*La vie privée d'autrefois*“, издаваемыхъ Альфредомъ Франкленомъ. Она обогатилась двумя новыми томиками: „*La vie de Paris sous Louis XIV, tenue de maison et domesticité*“ (Жизнь въ Парижѣ при Людовикѣ XIV, управление домою и домашняя челядь). Это — не оригинальное сочиненіе Франклена, а перепечатка двухъ любопытныхъ сочиненій XVII вѣка. Первое изъ нихъ „*La maison réglée et l'art de diriger la maison d' un grand seigneur et autre, tant à la ville qu' à la campagne*“ par Audiger. Этотъ Одигеръ управлялъ домами разныхъ важныхъ особъ и славился какъ искусный кондитеръ. Въ книгѣ своей о хозяйствѣ большихъ домовъ онъ даетъ множество подробностей, которыхъ тщетно стали бы искать у авторовъ записокъ и историческихъ сочиненій. Это въ своемъ родѣ „Домострой“, не менѣе интересный, чѣмъ вашъ русскій „Домострой“. Другое сочиненіе написано болѣе извѣстнымъ лицомъ — Клодомъ Флѣри; ему принадлежитъ знаменитая „Исторія церкви“; онъ былъ духовникомъ короля Людовика XV и членомъ Французской академіи. Кромѣ своей „Исторіи“, аббатъ Флѣри написалъ много богословскихъ и правоучительныхъ сочиненій. Его трактатъ „Объ обязанностяхъ господъ и служителей“ есть въ сущности трактатъ о нравственности и, подобно труду Одигера, можетъ считаться историческимъ документомъ первой важности.

Второй томикъ Франклена продолжаетъ серію описанія магазинныхъ модныхъ издѣлій; по счету это уже четвертый. Въ немъ говорится о бѣльѣ, о торговлѣ полотномъ, о стиркѣ, о башмачныхъ лавкахъ и мѣховыхъ магазинахъ, о торговлѣ тростями и зонтиками. Всѣ главы

этой книжки полны цѣнными указаніями. Любопытныя иллюстраціи сопровождаютъ текстъ этого легко написаннаго сочиненія.

За послѣдніе годы появилось у насъ множество военныхъ воспоминаній о временахъ первой революціи и имперіи; о наиболѣе интересныхъ я сообщалъ вамъ въ свое время, особенно объ описаніяхъ похода 1812 года. Къ этой послѣдней категоріи принадлежатъ „Мемуары сержанта Бургоня“ (1812 — 1813 гг.), напечатанные Полемъ Коттеномъ. издателемъ историческаго журнала *Nouvelle Revue Retrospective*. Вступивъ въ 1805 году въ императорскую гвардію, Бургонъ участвовалъ въ походѣ 1806 года, затѣмъ въ походахъ въ Австрію, Испанію, Португалію и Россію. Получивъ нѣкоторое образованіе, онъ могъ, по возвращеніи во Францію, описать, въ свободное отъ занятій время, походъ въ Россію. Не будучи литераторомъ, онъ и не писалъ какъ Сегюръ, извѣстный историкъ этой войны, но разказъ его болѣе жизненный, болѣе картинный; онъ живо передаетъ всѣ бѣдствія солдатъ во время этой несчастной кампаніи. Скромное положеніе его, какъ простаго унтеръ-офицера, позволяло ему видѣть близко много того, что ускользало отъ вниманія офицеровъ. Его описанія пожара Москвы, бѣдствій отступленія, переправы черезъ Березину навсегда врѣзываются въ памяти. Рекомендую вамъ эту книгу; ее слѣдовало бы перевести на русскій языкъ; во Франціи въ короткое время она вышла уже вторымъ изданіемъ; въ Россіи она пользовалась бы не меньшимъ успѣхомъ.

Сочиненіе Франциска Функъ-Брентано „*Légendes et Archives de la Bastille*“, съ написаннымъ къ нему введеніемъ Викторьена Сарду, пользуется также большимъ успѣхомъ. Авторъ состоитъ хранителемъ Арсенальской бібліотеки, владѣющей частью архива Бастиліи (другая часть находится въ С.-Петербургѣ). Въ исторіи знаменитой крѣпости, взятіе которой было сигналомъ къ революціи, онъ приводитъ множество существующихъ о ней легендъ, которыми историки революціи (Луи Бланъ, Мишле) злоупотребляли прискорбнымъ образомъ. Въ XVIII вѣкѣ въ Бастиліи почти не было заключенныхъ; это была тюрьма, въ высшей степени удобно обставленная. Функъ-Брентано доказываетъ это неопровержимыми документами, даетъ рѣшительное разъясненіе легенды о *железной маскѣ*, разказываетъ о жизни литераторовъ въ Бастиліи, о приключеніяхъ знаменитаго Латюда, отчаяннаго мошенника и притомъ временами помѣшаннаго, наконецъ даетъ точныя объясненія обстоятельствъ, при которыхъ крѣпость была взята народомъ. Эта книга, написанная хорошо и по доку-

ментамъ, возбудить негодованіе изступленныхъ фанатиковъ революціи, но въ замѣнъ того вызоветъ восторгъ считающихъ правду главною обязанностию историка.

Гюставъ Шленберже, отдыхая отъ своихъ большихъ работъ по византійской исторіи, занимается исторіей франковъ на Востокѣ. Послѣ своего объемистаго сочиненія „О византійской эпопее“ онъ издалъ небольшую книжку: „Рено де-Шатильонъ, князь Антиохійскій владѣтель Заіорданской страны“ (Renaud de Chatillon, prince d'Antioche, seigneur de la terre d'outre-Jourdan). Рено де-Шатильонъ, родомъ изъ семьи съ береговъ Луары, участвовалъ во второмъ крестовомъ походѣ въ свитѣ короля Людовика VII; присутствіе его при осадѣ Аскалона въ 1153 году удостовѣрено; онъ вступилъ въ бракъ съ Констанціей Антиохійскою, сдѣлался владѣтелемъ этого города, служилъ Константинопольскому императору, былъ взятъ въ плѣнъ въ 1160 году братомъ славнаго Нуръ-Эддина и выкупленъ только въ 1176 году; поселился въ знаменитомъ замкѣ Кракъ или Каракъ, могущественной крѣпости христіанъ на Востокѣ; организовалъ походъ для разграбленія Мекки и Медины, снова былъ взятъ въ плѣнъ сарацинами и палъ въ 1187 году отъ руки Саладина. О жизни этого эпическаго героя находятъ свидѣтельства какъ во французскихъ лѣтописяхъ, такъ и у историковъ и поэтовъ арабскихъ. Авторъ, пользуясь ими, старался возстановить личность Шатильона въ окружавшей его средѣ. Своими выводами онъ пополняетъ не досказанное историками, а въ разказѣ своемъ удачно рисуетъ картины военныхъ эпизодовъ и духовныхъ празднествъ; интересующіеся исторіей греческаго и латинскаго Востока время крестовыхъ походовъ съ пользою и удовольствіемъ прочтутъ этотъ любопытный трудъ.

Французскій писатель польскаго происхожденія К. Валишевскій посвящаетъ свои труды исторіи Польши и Россіи. Написавъ о Россіи три тома, пользующіеся большимъ успѣхомъ во Франціи и въ Англіи, онъ снова занялся Польшей. Новая книга его носитъ заглавіе: „Марисенька, Марія де-ла Гранжъ д'Аркіенъ, королева Польская, жена Собѣскаго (1641 — 1716)“. Исторія этой знаменитой женщины, внушившей истинную страсть Іоанну Собѣсскому, имѣетъ во многихъ отношеніяхъ романтическій характеръ; историческій интересъ ея біографіи выражается тѣмъ, что Собѣсскій игралъ въ свое время большую роль, а также тѣмъ, что Франція обнаруживала въ то время замыслы на первостепенное вліяніе въ Польшѣ. Двѣ французки этой эпохи царствовали тамъ: Марія Гонзаго, супруга Влади-

слава Вазы и Иоанна-Казимира. и Марія д'Аркіенъ (названная Собѣскимъ Марисенькою), жена Собѣскаго. Обѣ пользовались въ Польшѣ большимъ значеніемъ. Казалось, исторія ихъ извѣстна, но Валишевскому посчастливилось найти новые любопытные документы. Людовикъ XIV стремился, какъ извѣстно, получить польскую корону для одного изъ принцевъ Ангійскихъ, именно для великаго Конде. Архивы этого семейства собраны были герцогомъ Омальскимъ въ замкѣ Шантильи, и пользованіе ими было предоставлено Валишевскому; другіе документы найдены были имъ въ архивѣ дома Монморанси, въ департаментѣ Ниверны, на родинѣ героини. Валишевскій не считаетъ себя историкомъ-дипломатомъ; онъ пишетъ не *ad narrandum* и не *ad probandum*, а скорѣе *ad delectandum*. Нѣкоторыя страницы его книги походятъ на романъ,—тѣмъ не менѣе она удивительно поучительна и заслуживаетъ занять мѣсто въ бібліотекахъ серьезныхъ историковъ.

Теодоръ де-Визева, собственно полякъ Выжевскій, занялъ въ послѣдніе годы мѣсто въ ряду нашихъ выдающихся критиковъ. Не смотря на свое польское происхожденіе, онъ прежде всего—космополитъ; печатаетъ въ журналахъ и газетахъ критическія статьи преимущественно о нѣмецкой, англійской и русской литературѣ и затѣмъ собираетъ ихъ въ отдѣльные томы. Такимъ образомъ онъ выпустилъ въ свѣтъ вторую серію своихъ этюдовъ объ „Иностранныхъ писателяхъ“. Не вдаваясь въ глубокое изученіе, онъ даетъ о разныхъ писателяхъ только нѣкоторое понятіе, а потому опыты его обыкновенно бываютъ кратки; но въ чтеніи они пріятны и побуждаютъ къ большому знакомству съ авторами, о которыхъ въ нихъ говорится. Нынѣ вышедшій томъ содержитъ въ себѣ этюды о нѣкоторыхъ англійскихъ писательницахъ, о литературѣ женщины, теперь процвѣтающей, о Клопштокѣ, Фонтанѣ, Гейне, о вторженіи русскихъ писателей во французскую литературу, о Гоголѣ, Гончаровѣ, Толстомъ, объ англійскомъ романѣ, о Спинозѣ.

Цѣнители болѣе глубокихъ изслѣдованій литературной психологіи предпочтутъ легкимъ наброскамъ де-Визева серьезные и хорошо документированные литературные опыты писателя, извѣстнаго подъ псевдонимомъ Арведа Барина. Настоящее имя этого автора или, лучше сказать, писательницы—г-жа Венсенъ; по тонкости анализа, осторожности въ разрѣшеніи нѣкоторыхъ шекотливыхъ вопросовъ угадываешь женщину, но дѣльность ея и основательныя знанія заставляютъ въ томъ сомнѣваться. О ней можно сказать то же, что говорили объ Екатеринѣ II: „*Femine sexu, ingenio vir*“. Четыре сбор-

ника ея статей, уже выпущенные въ свѣтъ, и замѣчательныя монографіи, посвященныя Бернардену де-Сентъ-Пьеру и Альфреду де-Мюссэ, ставятъ Арведа Барина на ряду съ лучшими нашими современными критиками. Ей принадлежало бы наибольшее право сдѣлаться членомъ Французской академіи, но женщины не пользуются имъ. Изданный ею недавно томъ подъ заглавіемъ „Les Nevrosés“ заключаетъ въ себѣ четыре этюда о писателяхъ четырехъ различныхъ національностей— о нѣмцѣ Гофманѣ, англичанинѣ Кенсѣ (Quincey), американинѣ Эдгарѣ По и французѣ Жерарѣ де-Нервалѣ. Первый изображаетъ талантъ, погибшій отъ вина, второй — отъ опиума, третій — отъ алкоголя, четвертый отъ безумія. Это не только литературныя, но и психологическія этюды. Авторъ знакомъ съ новѣйшими сочиненіями медицинской литературы по этой части и не пренебрегаетъ ни одною мелочью въ природѣ, чтобы не освѣтить ея въ описаніи моральнаго недуга писателей, имъ изучаемыхъ. Книга г-жи Венсенъ любопытна не только для литераторовъ,—психологи и психіатры также извлекутъ изъ нея пользу для себя.

Изъ сочиненій, посвященныхъ въ послѣдніе годы Германіи, наиболѣе значительное написано Годфруа Кавеньякомъ: „Образованіе современной Пруссіи“ (*La formation de la Prusse contemporaine*). Депутатъ и бывшій министръ, Кавеньякъ не считается настоящимъ историкомъ, но вполне достоинъ этого названія. Первый его томъ— о министерствѣ Штейна—появился въ 1891 году; второй, надъ которымъ онъ трудился въ теченіе восьми лѣтъ, обнимаетъ собою время съ 1808 по 1813 годъ и повѣствуетъ о министерствѣ Гарденберга, о происхожденіи военныхъ учрежденій современной Пруссіи и о началѣ возстанія противъ владычества Наполеона. Этюдъ о министерствѣ Гарденберга отличается большою тщательностію; вторая часть его, заключающая въ себѣ разказъ о военномъ возрожденіи Пруссіи, весьма подробна и поучительна. Авторъ не пропустилъ ни одного нѣмецкаго документа по исторіи прусской арміи, даже малѣйшаго прибавленія къ *Militär-Wochenblatt*. Не только французы, но и нѣмцы встрѣтятъ много полезнаго въ этомъ серьезномъ трудѣ, написанномъ сильнымъ и вязющимъ языкомъ.

Антуанъ Тома, бывшій профессоръ старо-французскаго языка въ Парижскомъ словесномъ факультетѣ, считается однимъ изъ лучшихъ знатоковъ романскихъ языковъ. Послѣ кончины всѣми сожалѣемаго Арсения Дармштеттера ему поручено было продолжать словарь французскаго языка, начатый этимъ ученымъ при участіи Гауфельда.

Онъ принимаетъ самое дѣятельное участіе въ журналѣ *Romania*. Недавно онъ соединилъ въ одну книгу подъ заглавіемъ „Essais de philologie française“ нѣсколько своихъ этюдовъ, помѣщенныхъ въ этомъ и другихъ журналахъ, именно замѣтки о французскомъ языкѣ, разсужденія о вопросахъ этимологіи и этюды объ ученыхъ филологахъ, каковы Бреаль и Гастонъ Пари. Въ числѣ этихъ опытовъ есть одинъ, имѣющій особенный интересъ для вашихъ читателей: о подписи королевы Анны, дочери великаго князя Ярослава I, на одномъ документѣ изъ временъ короля Филиппа I, помѣченномъ 1063 годомъ. Подпись королевы АНА РЕИНА объясняли желаніемъ ея подписать на латинскомъ языкѣ Anna Regina, но Тома приводитъ аргументъ, убѣждающій въ томъ, что она желала написать по французски Ana reïna. Академія надписей и изящной словесности увѣнчала трудъ А. Тома преміей. Авторъ вполне заслужилъ это отличіе; онъ—одинъ изъ нашихъ наиболѣе скромныхъ и добросовѣстныхъ ученыхъ.

Эмиль Дешанель, профессоръ французской литературы во Французской коллегіи, — ученый и умный критикъ. Написанныя имъ сочиненія: „Le romantisme des classiques“, „Ламартинъ“ и др. весьма уважаются. Давно занимаясь комментированіемъ произведеній нашихъ великихъ писателей, онъ много размышлялъ о языкѣ и теперь собралъ въ одно цѣлое нѣсколько замѣтокъ подъ заглавіемъ: „Les déformations de la langue française“. Онъ утверждаетъ, что французскій языкъ портится и что истинный смыслъ словъ дѣлается непонятнымъ, и приводитъ тому любопытные примѣры. Къ сожалѣнію, въ наблюденіяхъ Дешанеля немало правды; а если наши дѣти не будутъ болѣе изучать латинскій языкъ, то искаженія еще болѣе увеличатся въ числѣ.

Въ Римѣ уже лѣтъ двадцать существуетъ французская археологическая школа; учениковъ, вышедшихъ изъ нея, нельзя обвинить, въ незнаніи топографіи древняго города. Гастонъ Буассье, одинъ изъ старѣйшихъ ея питомцевъ, издалъ интересныя „Promenades archéologiques“. Теперь директоромъ ея состоитъ ученый аббатъ Дюшенъ. Бывшему ученику школы, отцу Теденâ, профессору католическаго института. поручено было написать статью *forum* для „Словоря греческихъ и римскихъ древностей“ Сальо; онъ возымѣлъ счастливую мысль расширить свою статью въ цѣлое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Le forum romain et les forums impériaux“. Описавъ для туристовъ нынѣшнее состояніе римскаго форума, онъ даетъ указанія о происхожденіи этой знаменитой площади, о ея расширеніи и по-

степенномъ украшеніи, исторіи ея памятниковъ отъ древнихъ временъ до нашихъ дней и объ уничтоженіи императорскихъ форумовъ. Это—одно изъ замѣчательныхъ ученыхъ сочиненій, написанное безъ всякаго педантизма, но съ очень богатымъ содержаніемъ. Аббатъ Теденъ избранъ недавно членомъ Академіи надписей, равно какъ Бушъ-Лекеркъ, извѣстный своими прекрасными трудами о греческихъ и римскихъ древностяхъ. Оба они считаются также кандидатами во Французскую академію.

Л. Л—ръ.

Г. Д. ФИЛИМОНОВЪ.

Некрологъ.

26-го мая сего года въ Сухумѣ скончался на 73-мъ году отъ роду извѣстный археологъ и знатокъ церковныхъ древностей Георгій (Юрій) Дмитриевичъ Филимоновъ. Покойный, по окончаніи въ 1849 году курса въ Московскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, поступилъ библиотекаремъ при Харьковскомъ университетѣ; но въ 1856 г. перешелъ оттуда въ Московскую оружейную палату, гдѣ впоследствии занималъ должность помощника директора. Съ устройствомъ въ Москвѣ Румянцевскаго публичнаго музея, Филимоновъ занималъ въ немъ съ 1870 г. должность хранителя отдѣленія доисторическихъ христіанскихъ и русскихъ древностей и употребилъ не мало труда на его устройство и увеличеніе коллекцій. На всемірной парижской выставкѣ онъ былъ устроителемъ русскаго археологическаго отдѣла; дѣятельное участіе принималъ и въ устройствѣ политехнической выставки въ Москвѣ и былъ членомъ-основателемъ Московскаго археологическаго общества. Ему также виѣсть съ другими обязано своихъ происхожденіемъ и Общество древнерусскаго искусства, оба органа котораго—„Сборникъ“ (2 тома, 1866 и 1873 г.), и „Вѣстникъ“ (12 вып., 1874 — 1877 г.) — издавались подъ его редакціей. Кромѣ того, Филимоновъ былъ почетнымъ членомъ Московскаго общества исторіи и древностей руссіискихъ и Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи и дѣйствительнымъ членомъ Общества любителей руссіиской словесности.

Главнѣйшіе печатные труды покойнаго относятся къ области рус-
скихъ церковныхъ древностей. Въ 1859 г. появился его издательскій

ніе „Церковь св. Николая Чудотворца на Липкѣ“ (Новгородской губ.); въ немъ авторомъ впервые была высказана мысль, что древнѣйшіе новгородскіе храмы не имѣли иконостасовъ,—это вполнѣ подтвердилось позднѣйшими изслѣдованіями. — точно были изслѣдованы новгородскіе фрески XII вѣка и съ нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣланы снимки, имѣющіе особую цѣнность, такъ какъ подъ вліяніемъ послѣдующей реставраціи эти фрески исчезли. Въ слѣдующемъ году Филимоновъ напечаталъ обстоятельную статью объ „Окладѣ Мстиславова евангелія“ въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древн. Росс.“ (1860 г., кн. IV), гдѣ за годъ предъ тѣмъ помѣстилъ „Дополнительныя свѣдѣнія о Мстиславовомъ Евангеліи“, съ замѣчаніями О. Бодянскаго, крайне необходимыми при ознакомленіи съ этимъ памятникомъ по труду К. И. Невоструева („Описаніе Мстиславова Евангелія“, напечатанному въ „Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ“, т. IX). Въ 1874 г. появилось въ свѣтъ его изслѣдованіе: „Симонъ Ушаковъ и современная школа русскаго иконописанія“, въ которомъ онъ вполнѣ опредѣлилъ значеніе этого новатора въ дѣлѣ русскаго иконописанія и рассмотрѣлъ произведенія, его учениковъ и подражателей, указавъ въ то же время и на вліяніе, какое эта школа имѣла на послѣдующихъ иконописцевъ. Выводы Филимонова до сихъ поръ считаются по этому вопросу правильными. Любопытно, что до него только Ѡ. И. Буслаевъ въ своихъ „Очеркахъ“ слегка коснулся въ небольшой замѣткѣ жизни и трудовъ Ушакова.

Изъ другихъ трудовъ покойнаго, относящихся къ указанной области, назовемъ его статьи, напечатанныя въ „Сборникѣ“ и „Вѣстникѣ“—изданіяхъ Общества древне-русскаго искусства: „Значеніе луны подъ крестомъ“; „Византійская архитектура“, по соч. Тексье; „Очерки русской иконографіи. Софія премудрости Божія“, по рукописямъ бібліотекъ Синодальной, Императорской публичной, Московскаго публичнаго музея и принадлежащимъ автору (эта статья представляетъ необходимое дополненіе къ статьѣ священника Богословскаго „Св. Софія въ Великомъ Новгородѣ“, напечатанной въ „Христіанскомъ Чтеніи“, за 1877 г., т. I); „Древнѣйшія западныя эмали въ Россіи, приписываемыя св. Антонію Римлянину и Андрею Боголюбскому“; „Иконныя портреты русскаго царей“; „Объ иконныхъ портретахъ Архангельскаго собора“; „Зміевикъ Суздальскаго Рождественскаго собора“; „Объ образѣ благовѣрныя великія княгини Анны Кашинскія“ (эта статья напечатана въ „Чтеніяхъ Московскаго общества истор. и древн. рос.“, 1872 г., т. I) и др.

Еще въ 1870-хъ годахъ Филимоновъ одновременно съ церковными древностями сталъ изучать и доисторическія древности, результатомъ чего были статьи: „Древнія каменные изваянія въ Пятигорскѣ“ (въ „Вѣстникѣ Общества древне-русскаго искусства“); „Сванетія въ археологическомъ отношеніи“ (ib. и отдѣльно); „Какое мѣсто должны занять доисторическія древности въ нашихъ собраніяхъ“ (въ „Трудахъ I археологическаго съѣзда“, т. I); „О раскопкахъ, произведенныхъ имъ на станціи „Казбекъ“ („Труды V археологическаго съѣзда“), и др.

Довольно значительный отдѣлъ печатныхъ трудовъ Филимонова составляютъ также „Описанія“ разныхъ музеевъ, какъ-то: „Описаніе памятниковъ древняго церковнаго и гражданскаго быта русскаго музея Карабанова“ (Москва 1849 г.). Кстати замѣтимъ здѣсь, что это была уже вторая печатная работа покойнаго; первая же—подъ заглавіемъ „Археологическое изслѣдованіе о статуѣ Таврической Венеры и акты, относящіяся къ ея приобрѣтенію“—появилась въ „Чтеніяхъ Московскаго общества истор. и древн. росс.“, за 1848 г., кн. 7, за подписью: Ю. Ф.; „Подробная опись рукописей Московской Оружейной палаты“ (Москва 1865 г.); „Патріаршая ризница по указателю епископа Саввы“ (въ „Сборникѣ общ. др.-русс. искусства“ на 1866 г.); „Каталогъ отдѣленія доисторическихъ древностей Московскаго публичнаго музея“ (Москва 1874 г.).

Далѣе, не касаясь статей и замѣтокъ Филимонова, помѣщаемыхъ въ газетахъ и по преимуществу въ „Современной Лѣтописи“, по поводу археологическихъ новинокъ, укажемъ еще на два его биографическихкія очерка: „Графъ Н. П. Румянцевъ, какъ археологъ-собираатель“ (въ „Сборникѣ матеріаловъ исторіи Румянцевскаго музея“, вып. I, Москва 1882 г.) и „Характеристика археологической дѣятельности П. И. Севастьянова“ (въ „Вѣстникѣ общ. др. русс. искусства“, 1874 г.).

Наконецъ, нельзя не упомянуть еще реферата покойнаго: „О времени и происхожденіи знаменитой шапки Мономаха“ (о немъ „Чтенія Моск. общ. ист. и др. росс.“, 1898 г., т. II), въ которомъ онъ доказываетъ, что эта шапка—произведеніе арабскаго искусства, сдѣлана въ Каирѣ и прислана султаномъ Эль-Меликъ-Эль-Насирь-Обиь-Калауномъ въ 1317 г. родственнику своему золотоордынскому хану Узбеку, а этимъ послѣднимъ передана Иоанну Калитѣ.

В. Рудаковъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕССЪ АКТУАРИЕВЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.

Среди различныхъ съѣздовъ, мѣстныхъ и международныхъ, имѣющихъ цѣлью путемъ личнаго ознакомленія представителей одной и той же отрасли знанія облегчить имъ дальнѣйшія занятія и тѣмъ способствовать успѣху самой науки, позволено будетъ намъ отнѣстись и состоявшійся въ маѣ сего года въ Лондонѣ второй международный конгрессъ актуаріевъ, посвященный различнымъ вопросамъ теоріи страхованія жизни.

Значеніе страхованія вообще, и особенно страхованія жизни, съ каждымъ годомъ все растетъ и растетъ. Достаточно въ этомъ отношеніи, съ одной стороны, указать, что къ началу 1897 г. въ однихъ только частныхъ страховыхъ обществахъ 10-ти странъ ¹⁾ болѣе чѣмъ 6.100.000 лицами было застраховано капиталовъ на сумму свыше 22 миллиардовъ рублей и рентъ свыше 50 милліоновъ рублей въ годъ. За сямъ, въ англійскихъ только компаніяхъ было въ селѣ до 15¹/₂ милліоновъ мелкихъ страхованій на сумму до 1¹/₂ милліарда рублей; почти все рабочее населеніе Германіи (до 17 милліонъ) и значительная его часть въ Австріи участвуетъ въ государственномъ страхованіи. Съ другой стороны, въ теченіе послѣдней

¹⁾ Англіи, Франціи, Германіи, Австро-Венгріи, трехъ скандинавскихъ государствъ, Швейцаріи, Россіи и штата Нью-Йоркъ.

парламентской сессіи во Франціи проведены два закона, имѣющіе самую тѣсную связь со страхованіемъ (о вознагражденіи рабочихъ при несчастныхъ случаяхъ—26-го марта новаго стиля и объ обществахъ взаимнаго вспоможенія—11-го апрѣля новаго стиля 1898 г.), и одинъ въ Англии (The Workmen's compensation Act 1897), а въ ближайшихъ сессіяхъ законодательныя учрежденія Германіи, Бельгіи и Швейцаріи будутъ обсуждать четыре проекта соотвѣтственнаго содержанія. по одному въ первыхъ двухъ странахъ и два въ третьей (объ организаціи правительственнаго надзора за частными страховыми обществами, о вознагражденіи рабочихъ за несчастные случаи, въ связи съ дѣятельностью страховыхъ обществъ (въ Бельгіи и Швейцаріи). и о нормальныхъ условіяхъ договоровъ по страхованію жизни).

Широкое распространеніе страховыхъ операцій естественно выдвинуло цѣлый рядъ относящихся сюда теоретическихъ вопросовъ и заставило многихъ лицъ заняться спеціально изученіемъ теоріи страхованія жизни. Въмѣстѣ съ тѣмъ возникли и отдѣльныя корпораціи, имѣющія цѣлью научную разработку страховыхъ вопросовъ и подготовленіе молодыхъ людей для занятій въ страховыхъ учрежденіяхъ.

Такихъ корпорацій въ Англии, гдѣ и само страхованіе, и теорія его получили наибольшее развитіе, существуетъ въ настоящее время до 10, изъ коихъ одно (Institute of Actuaries) въ Лондонѣ недавно отпраздновало свой пятидесятилѣтній юбилей и насчитываетъ свыше 800 членовъ. Подобныя же учрежденія возникли и во Франціи, Бельгіи, Австріи, Италіи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

Область актуарныхъ знаній (science actuarielle, actuarial science) установлена теперь программами институтовъ актуаріевъ, ихъ журналами, темами диссертаций и т.д. довольно опредѣленно и заключаетъ отдѣлы трехъ обширныхъ отраслей человѣческаго знанія—высшей математики, статистики и политической экономіи.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, что страховые расчеты основаны на приложеніи теоріи вѣроятностей, которая, такимъ образомъ, и является главнымъ фундаментомъ актуарныхъ знаній; при производствѣ же этихъ расчетовъ естественнымъ образомъ находятъ широкое примѣненіе нѣкоторыя другія части высшей математики—теорія конечныхъ разностей, интерполированіе и приближенное вычисленіе опредѣленныхъ интеграловъ; потребности тѣхъ же расчетовъ въ свою очередь вызываютъ разработку актуаріями названныхъ предметовъ. Вторымъ существеннымъ элементомъ расчетовъ актуаріевъ служатъ таблицы смертности, неспособности къ труду и другихъ явленій, свя-

занныхъ съ обстоятельствами человѣческой жизни. Собираніе и критика матеріаловъ, разработка и исправленіе всѣхъ этихъ таблицъ ставятъ актуарію въ близкое соприкосновеніе со статистикой. Далѣе страхование жизни въ настоящее время самымъ тѣснымъ образомъ связывается съ соціальною экономическою политикою государствъ (борьба съ пауперизмомъ, вознагражденіе рабочихъ за несчастные случаи, пенсіонныя кассы и т.д.); вмѣстѣ съ тѣмъ накопленіе въ страховыхъ учрежденіяхъ огромныхъ капиталовъ¹⁾ вызываетъ цѣлый рядъ вопросовъ, для разрѣшенія коихъ недостаточно одной только биржевой опытности, а требуются и серьезныя теоретическія соображенія. Такимъ образомъ указанные отдѣлы высшей математики, статистики и политической экономіи являются главными составными предметами актуарныхъ знаний; среди нихъ же производятся актуаріями научныя изслѣдованія. Счетоводство и практика биржевыхъ операций составляютъ дополнительныя свѣдѣнія, вводимыя въ упомянутыя программы институтовъ актуаріевъ.

Расширеніе приложений теоріи страхования жизни, съ одной стороны, распространеніе дѣятельности страховыхъ компаній за предѣлы ихъ отечественныхъ странъ и переходъ страховыхъ операций изъ области коммерческихъ предпріятій въ сферы общественной и государственной дѣятельности—съ другой, вызвали потребность въ международномъ обсужденіи нѣкоторыхъ страховыхъ вопросовъ и въ личномъ сближеніи актуаріевъ различныхъ странъ. Подъ вліяніемъ этой потребности и былъ устроенъ въ 1895 г. въ Брюсселѣ первый, а въ маѣ текущего года въ Лондонѣ второй международный конгрессъ актуаріевъ. Въ соотвѣтствіе съ общею задачей конгресса, организационный комитетъ его устроилъ въ періодъ между 4-го и 10-го мая сего года пять публичныхъ засѣданій конгресса и рядъ частныхъ собраній, изъ коихъ одно въ помѣщеніи величайшаго въ мірѣ по числу страхователей страхового общества Prudential²⁾.

Число лицъ, записавшихся членами конгресса, дошло до 390, изъ коихъ 185 англичанъ, 20 представителей англійской колоніи (Канады, Капланда, Австраліи и Новой Зеландіи) и 142 представителя 13 евро-

¹⁾ Къ концу 1896 г. частныя страховыя общества располагали болѣе чѣмъ 6½ миллиардами рублей.

²⁾ Общество имѣетъ нынѣ до 13½ милліоновъ страхователей, при чемъ операціи свои распространяетъ только на Соединенныя королевства Англіи, Шотландіи и Ирландіи.

пейскихъ государствъ ¹⁾, и 43 двухъ внѣевропейскихъ (Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и Японіи). Непосредственное же участіе въ конгрессѣ приняло около половины записавшихся членами англичанъ и болѣе $\frac{1}{3}$ представителей другихъ странъ ²⁾.

Предсѣдателемъ былъ избранъ Т. Е. Юнгъ, предсѣдатель института актуаріевъ въ Лондонѣ.

Доклады, представленные конгрессу, распались на двѣ неравныя части; къ первой—болѣе обширной—должны быть отнесены доклады, касавшіеся вопросовъ, поставленныхъ самимъ организационнымъ комитетомъ, а ко второй—возбужденные по собственной инициативѣ докладчиковъ.

Вопросы, внесенные въ программу конгресса организационнымъ комитетомъ, имѣли цѣлью, главнымъ образомъ, выясненіе современнаго положенія страховаго дѣла во всѣхъ странахъ земнаго шара и касались слѣдующихъ пунктовъ: а) дѣйствующаго законодательства относительно государственнаго контроля надъ дѣятельностью частныхъ и общественныхъ страховыхъ учрежденій и относительно обязательныхъ условій договора по страхованію жизни; б) дѣятельности обществъ взаимопомощи (*friendly societies, sociétés de secours mutuels* и т.д.); в) порядка вознагражденія рабочихъ за несчастные случаи; г) дѣятельности пенсіонныхъ кассъ разныхъ видовъ. По всѣмъ этимъ предметамъ организационному комитету удалось получить болѣе или менѣе обстоятельныя данныя относительно не только почти всѣхъ европейскихъ государствъ, но и относительно многихъ странъ другихъ частей свѣта. По обсужденіи этихъ докладовъ конгрессъ, въ виду своего частнаго и чисто теоретическаго характера, никакихъ постановленій по затрагиваемымъ докладчиками вопросамъ не принималъ и ограничился лишь рѣшеніемъ о напечатаніи въ трудахъ его не только самихъ докладовъ, но и бывшихъ въ немъ преній.

Кромѣ указанныхъ выше вопросовъ, организационный комитетъ поставилъ на очередь еще два—о введеніи международной системы обозначеній въ сочиненіяхъ по теоріи страхованія жизни и о составленіи международнаго толковаго словаря страховыхъ терминовъ.

Первый пунктъ уже обсуждался на Брюссельскомъ конгрессѣ и оказался нынѣ на столько подготовленнымъ, что конгрессъ одобрилъ совершенною опредѣленную систему обозначеній наиболѣе употребл-

¹⁾ Въ томъ числѣ изъ Россіи 10.

²⁾ Въ томъ числѣ изъ Россіи 4.

тельныхъ въ страховыхъ расчетахъ величинъ, которая и будетъ напечатана въ трудахъ его.

Второй вопросъ—о словарѣ—конгрессъ поручилъ разработать установленному еще первымъ конгрессомъ постоянному комитету международныхъ конгрессовъ актуаріевъ.

Доклады, представленные самостоятельно отдѣльными актуаріями, касались большею частью математической части теоріи страхования, какъ-то: методовъ выравниванія таблицъ смертности, составленныхъ по непосредственнымъ наблюденіямъ, опредѣленія высшаго предѣла отдѣльнаго риска, которое данное страховое общество можетъ на себя принять, составленіе формулъ для вычисленія выкупныхъ суммъ, разсмотрѣнія различныхъ методовъ вычисленія резервовъ премій и т. д.; кромѣ того, были представлены изслѣдованія смертности среди англійской арміи и флота, съ группировкою по причинамъ смерти, среди населенія австралійскихъ колоній и другія болѣе мелкія замѣчанія.

Е. М. ТЕОКТИСТОВЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

16-го іюня текущаго года скончался въ Царскомъ Селѣ, послѣ долгой и тяжелой болѣзни, Евгений Михайловичъ Теокистовъ. Имя его такъ тѣсно связано съ *Журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, редакторомъ котораго онъ былъ въ теченіе почти двѣнадцати лѣтъ (1871—1883), что на страницахъ этого изданія особенно умѣстно сообщеніе свѣдѣній о его жизни и дѣятельности въ формѣ нѣсколько болѣе подробной, чѣмъ это могло быть сдѣлано въ газетныхъ статьяхъ.

Е. М. Теокистовъ родился въ 1828 году, воспитывался въ одной изъ московскихъ гимназій и по окончаніи въ ней курса поступилъ въ 1847 году на юридическій факультетъ Московскаго университета. „Въ ту эпоху“— такъ говоритъ сверстникъ покойнаго, скончавшійся въ 1897 году академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, въ біографіи ихъ общаго товарища, профессора С. В. Ешевскаго, — „наша alma mater была общимъ чаяніемъ почти всего, что было мыслящаго въ Россіи, верховнымъ ареопагомъ въ дѣлѣ науки. Московскій университетъ, когда мы вступили въ него, блистала плеядою талантовъ въ разныхъ родахъ и разныхъ направленіяхъ: Соловьевъ и Шевыревъ, Катковъ и Рѣдкинъ, Грановскій и Крыловъ, Кавелинъ и Морошкинъ, Кудрявцевъ и Чивилевъ—что можетъ быть противоположныѣ по таланту и направленію, по складу ума и характера? Но надъ всѣмъ этимъ разнообразіемъ умовъ, характеровъ и даже направленій подымалось одно общее свойство. Если въ Московскомъ университетѣ возникла распря, то причину надо было искать не въ томъ, что профессора добивались какихъ-нибудь матеріальныхъ выгодъ и ставили другъ другу западни, а въ разницѣ направленій: одинъ считалъ вреднымъ

то, что другой признавалъ полезнымъ; тогда вся Россія это знала и вѣрила Московскому университету... Даже въ то время, когда сѣкира положена была у корня дерева, когда закрыты были нѣкоторыя каѳедры, а другія сужены, и число студентовъ уменьшено до нормы 300 человекъ (кромя медиковъ), и тогда къ Московскому университету можно было вполне отнести слова поэта:

Ты твердо свѣточъ свой держалъ¹⁾.

Е. М. Феоктистову пришлось быть въ университетѣ какъ разъ въ эту печальную пору стѣсненій, но они не коснулись его, и изъ университетскаго преподаванія и общенія со своими наставниками онъ успѣлъ взять все то добро, какое способна была воспринять его счастливая натура.

Въ сороковыхъ годахъ университетское преподаваніе, не смотря на давнее раздѣленіе на факультеты, еще сохраняло до нѣкоторой степени общеобразовательный характеръ. Въ особенности это можно сказать о юридическомъ факультетѣ: на немъ читались тогда не только различныя отрасли юриспруденціи, и притомъ нѣкоторыя изъ нихъ людьми обширныхъ познаній и блестящихъ дарованій, какъ Н. И. Крыловъ (римское право), П. Г. Рѣдкинъ (юридическая энциклопедія), К. Д. Кавелинъ (исторія русскаго права), — на немъ преподавались также политическая экономія, русская словесность и исторія русская и всеобщая. Такимъ образомъ студенты этого факультета не были сразу замыкаемы въ предѣлы одной специальности.

Е. М. Феоктистовъ, не чувствуя охоты сдѣлаться настоящимъ юристомъ, еще на университетской скамьѣ обнаружилъ склонность къ историческимъ занятіямъ. Это было естественнымъ результатомъ чтеній, которыя онъ слушалъ у Т. Н. Грановскаго и П. Н. Кудрявцева. Они дѣлили между собою каѳедру всеобщей исторіи, но не было двухъ преподавателей, которые дѣйствовали бы на одномъ поприщѣ съ бѣльшимъ согласіемъ и единодушіемъ, всегда сохраняя взаимное уваженіе и вѣрное пониманіе другъ друга. По словамъ Бестужева-Рюмина, который, подобно Евгенію Михайловичу, принадлежалъ къ числу преданнѣйшихъ слушателей Грановскаго и Кудрявцева, эти два лица какъ бы дополняли другъ друга: Грановскій, съ его живымъ, открытымъ характеромъ, не затруднялся находить, что Кудрявцевъ

¹⁾ *К. Бестужевъ-Рюминъ*. Биографія и характеристика, С.-Пб. 1882, стр. 289. Далѣе мы пользуемся также „Воспоминаніями“ покойнаго академика, еще не изданными.

ученіе его, а сосредоточенный меланхоликъ Кудрявцевъ, въ свою очередь, охотно признавалъ превосходство дарованій старшаго товарища надъ своими собственными. Знакомство съ историческою литературою было очень обширно и основательно у обоихъ, но ни тотъ, ни другой не задавались мыслью передѣлывать результаты, добытые учеными западной Европы; рѣдко вносили они въ свои чтенія плоды самостоятельныхъ изслѣдованій и довольствовались тѣмъ, что передавали слушателямъ господствующія въ наукѣ изображенія прошлаго и воззрѣнія на него: Грановскій—въ сжатыхъ, но стройныхъ и картинныхъ очеркахъ, а Кудрявцевъ—въ подробномъ фактическомъ изложеніи, съ тщательною характеристикой историческихъ дѣятелей и явленій, преимущественно культурнаго свойства. За то оба высоко цѣнили присутствіе нравственнаго элемента въ исторической наукѣ. Въ рѣчи Грановскаго „О современномъ состояніи и значеніи исторіи“ есть объ этомъ поучительная и прекрасная страница; какъ только эта рѣчь была напечатана, Кудрявцевъ поспѣшилъ отозваться на высказанныя Грановскимъ мысли и выразить свое сочувствіе его „живому пониманію лучшей стороны исторіи, ея благотворнаго дѣйствія на умъ и сердце человѣка“¹⁾. Эта идея постоянно воодушевляла преподаваніе двухъ друзей и сообщала ему благородный воспитательный смыслъ; подъ его гуманнымъ вліяніемъ нравственно укрѣплялись молодая поколѣнія.

Въ тѣ годы, когда Θεоктистовъ находился въ университетѣ, Грановскій постоянно читалъ древнюю исторію, въ курсахъ же исторіи среднихъ вѣковъ и новой чередовался съ Кудрявцевымъ. Но увлеченные ихъ преподаваніемъ студенты посѣщали ихъ лекціи и тогда, когда онѣ не были уже обязательными для извѣстнаго курса. Такъ было и съ Θεоктистовымъ, хотя—слѣдуетъ прибавить—Грановскаго онъ все-таки цѣнилъ выше, чѣмъ его товарища. Не позжѣ, какъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по выходѣ Евгенія Михайловича изъ университета, ему представился случай высказать публично свое уваженіе къ любимому профессору: въ февральской книжкѣ *Современника* 1852 года появилась небольшая критическая статья о публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ Грановскимъ весной 1851 года и заключавшихъ въ себѣ характеристики Тимура, Александра Великаго, Людовика IX и канцлера Бэкона; это былъ, если не ошибаемся, первый трудъ Θεоктистова, нашедшій себѣ мѣсто въ печати. „По нашему мнѣнію“.

¹⁾ Сочиненія Кудрявцева, т. I, стр. 68.

писалъ начинающій авторъ,—„въ этихъ чтеніяхъ наиболѣе высказываются всѣ главныя особенности таланта г. Грановскаго. Безъ сомнѣнія, по нимъ не возможно вполне ознакомиться съ его историческимъ взглядомъ, но можно хорошо узнать манеру и способъ его изложенія. Если бы намъ нужно было въ краткихъ словахъ объяснить отличительныя достоинства того и другого, то мы указали бы на то широкое значеніе, которое даетъ онъ участію личности въ судьбахъ человѣчества. Кто знакомъ съ ходомъ исторической науки нашего времени, тотъ пойметъ, сколько въ этомъ взглядѣ важнаго и утѣшительнаго... Четыре лекціи, лежація передъ нами, могутъ служить доказательствомъ умѣнья ярко и блистательно освѣтить фізіономію каждаго историческаго дѣятеля, объяснить читателю вполне его характеръ и показать его отношенія къ современному ему обществу. При внимательномъ чтеніи этихъ лекцій нельзя упустить особенно двухъ качествъ: глубокаго нравственнаго чувства и поэтическаго колорита, лежащаго на каждой изъ нихъ. Достоинства эти ставятъ предлагаемыя лекціи на степень художественныхъ произведеній. Кромѣ научнаго, онѣ получаютъ еще литературное значеніе“. Конечно, изложенное въ этихъ строкахъ сужденіе о чтеніяхъ Грановскаго не представляется особенно оригинальнымъ; такъ думали и говорили тогда всѣ его многочисленные почитатели; но все же нельзя не признать, что въ первомъ своемъ литературномъ опытѣ Е. М. Феоктистовъ очень удачно и мѣтко формулировалъ оцѣнку дарованій своего знаменитаго учителя.

Мы сказали выше, что Евгений Михайловичъ обладалъ счастливою натурой; этими выраженіями хотѣли мы указать на одно свойство его характера, особенно драгоцѣнное въ молодые годы: въ немъ не было ни излишней робости, ни чрезмѣрной самоувѣренности; онъ умѣлъ найтись съ людьми разныхъ возрастовъ безъ особаго смущенія и въ то же время не впадая въ неумѣстную развязность: это облегчало ему возможность сближенія не только со сверстниками или вообще съ лицами скромнаго общественнаго положенія, но и съ представителями старшихъ поколѣній, уже занявшими въ обществахъ болѣе или менѣе видное мѣсто; а кто узнавалъ Феоктистова хоть немного, тотъ не могъ не отдавать справедливости его трезвому, ясному уму и его чуткости къ высшимъ интересамъ, не могъ не цѣнить въ немъ чрезвычайно занимательнаго и пріятнаго собесѣдника. Изъ университетскихъ товарищей Е. М. Феоктистовъ всего короче сошелся съ А. В. Лохвицкимъ, извѣстнымъ впоследствии профессоромъ и адвокатомъ, и съ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. Съ послѣднимъ они обыкновенно го-

товились къ экзаменамъ, а въ 1851 году всѣ трое одновременно окончили университетскій курсъ кандидатами. Выѣстъ съ Бестужевымъ вступилъ Теокистовъ въ московскіе литературные кружки, и при своей общительности вскорѣ освоился въ нихъ очень свободно.

Сближенію Теокистова съ литературнымъ міромъ въ особенности способствовало то обстоятельство, что на половинѣ университетскаго курса онъ поступилъ учителемъ въ домъ графини Е. В. Саліась. Эта замѣчательно умная женщина начинала тогда свою литературную дѣятельность (подъ псевдонимомъ Евгенія Туръ); домъ ея посѣщали многіе московскіе литераторы и ученые, между прочимъ Грановскій, Кудрявцевъ, Катковъ, Гадаховъ, Боткинъ, а также Тургеневъ во время своихъ пріѣздовъ въ Москву. Лѣтомъ и осенью графиня обыкновенно жила на Выксѣ, въ Муромскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи (отецъ графини былъ однимъ изъ опекуновъ Шепелевыхъ, владѣльцевъ Выксунскихъ заводовъ); сюда же отправлялся Теокистовъ, и сюда же пріѣзжали гостить нѣкоторые изъ московскихъ знакомыхъ графини—Кудрявцевъ съ женой, Бестужевъ-Рюминъ и др. Зиму 1850—1851 годовъ почти всю провелъ въ Москвѣ Тургеневъ; въ это-то время Теокистовъ коротко сблизился съ нимъ и съ В. П. Боткинымъ, а затѣмъ, когда авторъ „Записокъ охотника“ уѣхалъ, между нимъ и Евгеніемъ Михайловичемъ завязалась переписка, особенно дѣятельно поддерживаемая со стороны послѣдняго; Теокистовъ сообщалъ Тургеневу московскія литературныя новости, а также писалъ ему о своихъ занятіяхъ, намѣреніяхъ и планахъ.

Какое направленіе дать своей дѣятельности, этотъ вопросъ представлялся Евгенію Михайловичу особенно настоятельно по выходѣ его изъ университета. Трудъ былъ для него не только потребностью, но и необходимостью, потому что онъ не имѣлъ матеріальнаго обезпеченія; но надо было выбрать родъ труда, навболѣе соответствующій его умственнымъ интересамъ. Теокистовъ продолжалъ нести учительскія обязанности въ семействѣ графини Саліась, но считалъ нужнымъ приобрести себѣ еще другое дѣло. Всего менѣе манила его канцелярская служба, и онъ предпочелъ искать занятій педагогическихъ и литературныхъ. Съ осени онъ устроился преподавателемъ въ пансіонѣ Эннеса, а пріѣзжавшій въ Москву редакторъ *Современника* И. И. Панаевъ пригласилъ его къ сотрудничеству въ своемъ журналѣ. Здѣсь и появились, въ первые мѣсяцы 1852 года, первыя литературныя работы Теокистова: выше упомянутая рецензія публичныхъ чтеній Грановскаго и статья о Маріи Стюартъ. Около того же времени напеча-

таны были два небольшие его перевода из К. Риттера; они нашли себѣ мѣсто въ предпринятомъ Н. Г. Фроловымъ изданіи *Магазины земледѣльнѣи и путешествій*, т. I¹⁾.

Къ своимъ литературнымъ занятіямъ Теокистовъ относился съ большою скромностью. Тургеневъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ въ концѣ 1852 года, предложилъ ему вопросъ: въ чемъ онъ видитъ свое литературное „призваніе“? Евгений Михайловичъ не замедлил отвѣчать: „Призваніе“ свое я уже давно понялъ. Таланта литературнаго у меня нѣтъ; страсть къ историческимъ занятіямъ большая. Собственно „ученаго“ изъ меня никогда не выйдетъ, ибо во мнѣ нѣтъ силы на кропотливый трудъ, нѣтъ нужной усидчивости и неуспянаго постоянства въ занятіяхъ; но, не смотря на то, занятія исторіей, и слѣдовательно, литературою (то-есть, исторіей ея) я не оставляю и думаю, что могу принести съ этой стороны нѣкоторую пользу, какъ можетъ принести пользу всякій съ любовью и безкорыстно занимающійся чѣмъ-нибудь серьезнымъ въ жизни“. Эти слова, сказанныя въ началѣ 1853 года, составляютъ какъ бы предисловіе ко всей литературной дѣятельности Теокистова, продолжавшейся слишкомъ сорокъ лѣтъ; но само собою разумѣется, мы проявили бы крайнюю несправедливость, если бы вздумали согласиться съ оцѣнкой, которую Теокистовъ дѣлаетъ своимъ способностямъ. Быть можетъ, ему въ самомъ дѣлѣ недоставало терпѣнія и настойчивости, чтобы вести обширныя научныя разысканія на основаніи сырыхъ матеріаловъ; онъ не позаботился развить въ себѣ способность къ научной критикѣ; но несомнѣнно, историческая любознательность была возбуждена въ немъ чрезвычайно, онъ питалъ ее постояннымъ и разнообразнымъ чтеніемъ, а врожденный тактъ давалъ ему возможность отчетливо и безпристрастно разбираться въ этомъ богатомъ матеріалѣ и выработывать опредѣленные историческія возрѣнія. Въ этомъ смыслѣ Теокистовъ является вѣрнымъ ученикомъ своего знаменитаго учителя Грановскаго. Въ одной изъ своихъ статей, посвященной разбору диссертаци Медовикова:

¹⁾ Составить полную библиографію всего, чтѣ было напечатано Е. М. Теокистовымъ въ теченіе его многолѣтней литературной дѣятельности, крайне трудно, тѣмъ болѣе, что не всѣ свои статьи онъ подписывалъ: нѣкоторыя появлялись подъ псевдонимами или вовсе безъ подписи. Сравнительно наиболѣе полныя указанія о литературныхъ трудахъ Теокистова даны Д. Д. Языковымъ въ *Московскія Вѣдомостя* текущаго года, № 165. Въ настоящемъ некрологѣ также означены нѣкоторыя статьи Евгенія Михайловича, не указанныя другими лицами, о немъ писавшими.

„Латинскіе императоры въ Константинополѣ“ (Москва. 1850), Грановскій говорилъ: „Странны люди, толкующіе о самостоятельномъ творчествѣ и оригинальности по поводу какого-нибудь разсужденія; но нельзя не пожалѣть о силахъ и времени, употребленныхъ на составленіе книги совершенно бесполезной, между тѣмъ какъ мы такъ нуждаемся въ добросовѣстныхъ труженикахъ. Масса совершенныхъ въ теченіе прошедшаго полустолѣтія историческихъ изслѣдованій достигла до колоссальныхъ размѣровъ. Мы не знаемъ сами, какими богатствами располагаемъ. Свести итоги по отдѣльнымъ частямъ, сказать русской публикѣ: вотъ до чего дошла европейская наука въ данномъ вопросѣ, не такъ легко, какъ думаютъ многіе. Не говоримъ уже о пользѣ... Въ чемъ же заключаются успѣхъ и органическій ростъ науки, если каждому поколѣнію и каждому народу должно сызнова передѣлывать все сдѣланное прежде его предшественниками? Нужно, слѣдовательно, опредѣлять пункты, до которыхъ доведены отдѣльныя изслѣдованія, и указать требующія дальнѣйшей разработки стороны предметовъ... Труды такого рода не исключаютъ оригинальности и самостоятельности“... Мысли эти были твердымъ убѣжденіемъ автора, который подкрѣплялъ ихъ многими своими статьями и университетскимъ преподаваніемъ: и въ печатныхъ трудахъ, и въ лекціяхъ Грановскій не рѣдко ограничивался передачей чужихъ изысканій, но дѣлалъ это съ большимъ искусствомъ, опираясь на дѣйствительно основательное знакомство свое съ историческою литературой. открывавшее ему широкіе кругозоры въ наукѣ, и облекая свое изложеніе въ изящную форму. Слушатели его не могли, конечно, усвоить себѣ то, что принадлежало его рѣдкому таланту, но подъ руководствомъ опытнаго профессора они научались умѣнью толково пользоваться историческими сочиненіями, отличать въ нихъ важное отъ неважнаго, прочное отъ случайнаго, внушенное какимъ-нибудь исключительнымъ воззрѣніемъ и духомъ партій отъ того, что составляетъ надежный результатъ безпристрастныхъ научныхъ изслѣдованій. Эти приемы историческихъ занятій были прекрасно усвоены Теокистовымъ и постоянно примѣнялись къ дѣлу въ его многочисленныхъ историческихъ этюдахъ. Если—какъ онъ самъ сознавалъ—онъ никогда не могъ выработаться въ строго-ученаго изслѣдователя, то все же нѣтъ поводовъ считать его только компиляторомъ. Онъ рѣшился ограничиться ролью историка-повѣствователя, пересказывающаго результаты, добытые другими; но онъ избиралъ предметомъ своихъ очерковъ только такихъ историческихъ лицъ и такія явленія, съ которыми успѣлъ

коротко ознакомиться, и о которыхъ у него сложилось отчетливое сужденіе. Съ воззрѣніями его можно не соглашаться, но они не подрываютъ себя своею внутреннею несостоятельностью.

Черты, здѣсь отмѣченныя, характеризуютъ вообще историческія работы Феокистова; онѣ относятся не только къ его трудамъ, писаннымъ въ болѣе позднее время, но могутъ быть указаны и въ его раннихъ опытахъ; такъ напримѣръ, уже упомянутый нами очеркъ жизни Маріи Стюартъ, предпринятый въ 1852 году по поводу незадолго предъ тѣмъ изданныхъ сочиненій Минье и Дарго, свидѣтельствуетъ, что Феокистовъ, готовясь къ нему, далъ себѣ трудъ ознакомиться и съ другими, ранѣе напечатанными біографіями знаменитой Шотландской королевы и съ относящимися до нея документами. Можно пожалѣть, что эта статья, писанная съ очевиднымъ интересомъ къ предмету, осталась не конченною; это случилось по причинамъ, не зависѣвшимъ отъ автора и совершенно для него неожиданнымъ.

Извѣстно, какое тяжелое впечатлѣніе произвела на русское общество и литературу послѣдовавшая 21-го февраля 1852 года кончина Гоголя. Подъ первымъ впечатлѣніемъ этого событія находившійся въ то время въ Петербургѣ И. С. Тургеневъ написалъ небольшую статью и отдалъ ее для напечатанія въ одинъ изъ здѣшнихъ журналовъ, но петербургская цензура, или лучше сказать, тогдашній начальникъ ея, попечитель учебнаго округа М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, не согласился пропустить эту замѣтку. Тургеневъ переслалъ свою рукопись въ Москву — не для того впрочемъ, чтобы напечатать ее, а какъ доказательство стѣснительныхъ мѣръ цензуры. По тогдашнему цензурному уставу, статья, не одобренная къ печати однимъ цензоромъ, могла быть представлена на разсмотрѣніе другаго. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались въ Москвѣ: Боткинъ и Феокистовъ передали статью Тургенева тогдашнему редактору *Московскихъ Вѣдомостей* Каткову. „Катковъ“ — разказывается въ „Воспоминаніяхъ“ Вестужева-Рюмина — „доложилъ изъ осторожности Назимову (московскому попечителю), который сказалъ: „Пушкинъ не пропустилъ, такъ я пропущу“. Въ статьѣ было только сказано, что Гоголь — великій писатель; Пушкинъ, находя, что онъ — писатель „лакейскій“, не позволилъ статьи. Началась буря; Назимовъ отрекся, его какъ-то выгородилъ Катковъ, а Феокистовъ и Боткинъ отданы подъ надзоръ полиціи. Феокистовъ — съ обязанностью поступить на службу“. Эти карательныя мѣры были приняты по распоряженію московскаго генераль-губернатора графа А. А. Закревскаго, которому сообщилъ о томъ на-

чальникъ третьяго отдѣленія графъ А. Ѳ. Орловъ, вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомившій его о высылкѣ Тургенева изъ Петербурга на родину ¹⁾).

Всѣ эти обстоятельства послѣдовали въ теченіе марта и апрѣля мѣсяцевъ, въ то время, когда графиня Салиась собиралась уѣхать съ дѣтьми на южный берегъ Крыма, куда долженъ былъ сопровождать ее и Евгений Михайловичъ. „По щучьему велѣнью, по моему прошенью я вдругъ перенесся въ Крымъ“, писалъ онъ Тургеневу въ сентябрѣ 1852 года.—„Все это было сдѣлано такъ вдругъ и такъ неожиданно, что я не могу теперь опомниться хорошенько“. Покинувъ Москву, Ѳеоктистовъ принужденъ былъ прервать всѣ свои тамошнія занятія—поэтому между прочимъ осталась не дописанною его статья о Маріи Стюартъ — и по пріѣздѣ въ Крымъ опредѣлился на службу въ Таврическую палату государственныхъ имуществъ. На югѣ онъ прожилъ около года, дѣля время между Симферополемъ, мѣстомъ служенія, и Кучукъ-Ламбатовъ на южномъ берегу, гдѣ проживала графиня Салиась съ семействомъ. Этими мѣсяцами уединенія Евгений Михайловичъ воспользовался, чтобы выучиться по англійски. и кромѣ того, продолжалъ свое историческое чтеніе, преимущественно по XVI вѣку, который особенно занималъ его въ то время.

Наконецъ, осенью 1853 года, Ѳеоктистову представилась возможность возвратиться въ Москву: онъ былъ причисленъ къ канцеляріи Московскаго гражданскаго губернатора и назначенъ преподавателемъ исторіи въ Александровскомъ сиротскомъ кадетскомъ корпусѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ возобновились и его литературныя работы: онъ пишетъ небольшія статьи для *Московскихъ Вѣдомостей*, печатаетъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* (1854 г., т. XCII) статью о Франціи XV вѣка. а въ *Современникѣ* (1855 г., т. LIII) помѣщаетъ обширную рецензію на диссертацию Ешевскаго: „К. С. Аполлинарій Сидоній. Эпизодъ изъ литературной и политической исторіи Галліи V вѣка“. Этотъ послѣдній трудъ Ѳеоктистова въ особенности заслуживаетъ вниманія; заключающаяся въ немъ оцѣнка сочиненія Ешевскаго съ исторической стороны не уступить въ обстоятельности другому, одновременно появившемуся разбору той же книги, сдѣланному болѣе опытнымъ перомъ Кудрявцева.

¹⁾ Кромѣ „Воспоминаній“ Бестужева-Рюмина, объ этомъ происшествіи разказывается еще въ воспоминаніяхъ самого Тургенева (см. собраніе его сочиненій, изд. 1884 г., т. X, стр. 72 — 77), а въ *Русскомъ Архивѣ* 1895 г., т. I, стр. 276, напечатаны два письма по тому же дѣлу отъ графа А. Ѳ. Орлова къ министру народнаго просвѣщенія князю П. А. Ширинскому-Шихматову.

Съ 1856 года появленіе *Русскаго Вѣстника* дало еще большій просторъ учено-литературной дѣятельности Теокистова. Новый журналъ, основанный бывшимъ московскимъ профессоромъ при содѣйствіи и участіи многихъ своихъ товарищей, какъ бы призванъ былъ выражать то высоко-культурное направленіе, представителемъ котораго считался въ то время Московскій университетъ; изданіе Каткова между прочимъ ставило себѣ цѣлью знакомить русское общество съ умственнымъ движеніемъ западной Европы, и для работъ по этой части сотрудничество Теокистова могло быть очень полезно Каткову; къ тому же личныя отношенія между ними были самыя лучшія. Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за первый годъ его существованія Евгений Михайловичъ помѣстилъ пять статей; четыре изъ нихъ вызваны текущими явленіями нѣмецкой и французской исторической литературы и не выдѣляются ничѣмъ особеннымъ изъ трудовъ автора; за то пятая статья подала поводъ къ нѣкоторымъ общественнымъ толкамъ. Она написана по случаю изданія книги князя Н. А. Орлова: „Очеркъ трехнедѣльнаго похода Наполеона противъ Пруссіи въ 1806 году“; это сочиненіе встрѣчено было блестящимъ успѣхомъ: въ положеніи Пруссакаго королевства предъ войной 1806 года, какъ оно изображается княземъ Орловымъ, находили аналогіи съ внутреннимъ состояніемъ Россіи предъ Крымскою кампаніей; такова и есть тема, развиваемая въ статьѣ Теокистова и привлекающая къ ней вниманіе читателей. Для автора это былъ первый опытъ на поприщѣ публицистики; до сихъ поръ мы видѣли Евгенія Михайловича занятымъ историческими вопросами, не имѣющими непосредственнаго отношенія къ современности; теперь, съ наступленіемъ новаго царствованія, пробужденіе долго подавленныхъ общественныхъ интересовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оживленіе журналистики отчасти измѣняютъ характеръ его литературныхъ работъ: рядомъ съ выполненіемъ трудовъ чисто-историческаго свойства, онъ принимаетъ на себя по временамъ нелегкія обязанности публициста.

Въ концѣ 1856 года Теокистовъ предпринялъ продолжительное путешествіе за границу; слишкомъ полтора года провелъ онъ въ Италіи и Франціи, и это наглядное знакомство съ западною жизнью существенно дополнило его образованіе, остававшееся до сихъ поръ исключительно книжнымъ. Изъ своей заграничной поѣздки Евгений Михайловичъ, въ теченіе 1857 года, посылалъ постоянныя корреспонденціи въ *Московскія Вѣдомости*, — редакторомъ ихъ былъ въ то время В. Θ. Коршъ,—но эти письма вовсе не были только хроникой

текущихъ событій, преимущественно политическихъ, какъ то бываетъ обыкновенно у газетныхъ корреспондентовъ; Теокистовъ излагалъ свои путевыя впечатлѣнія, отводя притомъ значительное мѣсто очеркамъ италіанскихъ нравовъ и характеристикъ произведеній искусства, которыми такъ богата Италія. Въ корреспонденціяхъ мы узнаемъ Евгенія Михайловича съ новой стороны — какъ умнаго наблюдателя современной дѣйствительности и какъ тонкаго любителя и цѣнителя произведеній стараго италіанскаго художества. Въ то время политическое возрожденіе Италіи еще не начиналось, и она жила еще подъ чужимъ гнетомъ, лишь въ тайнѣ питая надежды на освобожденіе. Въ письмахъ Теокистова удачно очерчено это тревожное состояніе италіанскаго общества.

Въ концѣ лѣта 1858 года Теокистовъ снова былъ въ Москвѣ и снова принялся за преподаваніе въ Александровскомъ сиротскомъ корпусѣ и за работы для *Русскаго Вѣстника*. „Уже мѣсяць, какъ возвратился я изъ-за границы“, писалъ онъ Тургеневу 26-го сентября 1858 года, — „и заграничная жизнь представляется теперь мнѣ какъ смутный сонъ. Столько занятій, что буквально голова идетъ кругомъ. Начальство Московскаго университета предложило мнѣ—безъ всякаго съ моей стороны ходатайства—мѣсто приватъ-доцента, съ тѣмъ чтобы чрезъ годъ быть утвержденнымъ профессоромъ. Приготовленія къ этому и занятія по журналу отнимаютъ у меня все время“. Но мысль о преподаваніи въ университетѣ осуществлена не была, и Теокистовъ ограничился дѣятельнымъ сотрудничествомъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*; въ теченіе 1858 и 1859 годовъ имъ помѣщено здѣсь не менѣе девяти статей, посвященныхъ новѣйшей исторіи и политикѣ, какъ напримѣръ: „Піемонтъ и Австрія съ исхода XVIII вѣка“ (по италіанскимъ источникамъ), извлеченія изъ записокъ Гизо, изъ книги Э. Абу о современномъ (папскомъ) Римѣ, этюды о Токвиллѣ, о стачкахъ рабочихъ въ Лондонѣ и проч.; кромѣ этихъ статей, явившихся за подписью автора, Евгений Михайловичъ давалъ тому же журналу небольшія анонимныя замѣтки и участвовалъ въ составленіи ежемѣсячнаго политическаго обзорѣнія.

Какъ извѣстно, редакція *Русскаго Вѣстника* проявляла нѣкоторую строптивость по отношенію къ своимъ сотрудникамъ; въ первые же годы существованія журнала нѣкоторые изъ его первоначальныхъ участниковъ принуждены были отказаться отъ сотрудничества, и затѣмъ такіе же отказы повторялись неоднократно со стороны разныхъ лицъ, при чемъ редакція имѣла безтактность придавать всѣмъ по-

добнымъ столкновеніямъ печатную гласность. Въ исходѣ 1859 года наступила очередь графини Саміасъ: редакція *Русскаго Вѣстника* разошлась и съ нею. Тогда графиня возымѣла намѣреніе основать свой журналъ, въ которомъ Евгений Михайловичъ, по своимъ давнимъ отношеніямъ къ издательницѣ, не могъ не принять дѣятельнаго участія. Въ приготовленіяхъ къ новому изданію прошелъ весь 1860 годъ, и по видимому, они на столько заняли Θεоктистова, что въ это время онъ успѣлъ написать только одну статью—о внутреннемъ управленіи Фридриха II, которая нашла себѣ мѣсто въ *Отечественныхъ Запискахъ* (№ 10). Новый журналъ сталъ появляться съ января 1861 года еженедѣльно подъ названіемъ *Русской Рѣчи*; сперва онъ выходилъ подъ редакціей Евгени Туръ, а съ мая мѣсяца, когда ему позволено было завести политическій отдѣлъ, — подъ редакціей Θεоктистова. Само собою разумѣется, что онъ былъ и однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ журнала: кромѣ составленія политической хроники и разныхъ мелкихъ анонимныхъ замѣтокъ, Евгений Михайловичъ помѣстилъ въ *Русской Рѣчи* три большія статьи—о новѣйшей исторіи Венгрии, о графѣ Сперанскомъ и о Жозефѣ де-Местрѣ въ Петербургѣ,—изъ которыхъ особенно интересна послѣдняя. Какъ ни тщательно составлялись нумера *Русской Рѣчи*, какъ ни выгодно отличалась она отъ другихъ періодическихъ изданій своимъ просвѣщеннымъ характеромъ и благороднымъ тономъ, однако журналъ не имѣлъ успѣха и долженъ былъ прекратиться въ январѣ 1862 года. Эта неудача имѣла большое вліяніе на Евгениа Михайловича и содѣйствовала перемѣнѣ въ его судьбѣ: онъ рѣшился оставить Москву, переселиться въ Петербургъ, и не отказываясь отъ литературныхъ занятій, но и не отдаваясь имъ исключительно, посвятить себя государственной службѣ.

Впрочемъ, въ теченіе 1862 года эта служба была только номинальною: Евгений Михайловичъ состоялъ лишь причисленнымъ къ министерству народнаго просвѣщенія, и пользуясь досугомъ, продолжалъ по прежнему работать для литературы; онъ снова возвратился къ чисто-историческимъ трудамъ, но съ этого времени они посвящаются почти исключительно двумъ послѣднимъ столѣтіямъ, и преимущественно такимъ явленіямъ, гдѣ мы видимъ соприкосновеніе нашего отечества съ западомъ Европы; такъ, между прочимъ, рядъ его статей касается разныхъ сторонъ и моментовъ восточнаго вопроса; самыми ранними изъ относящихся сюда очерковъ были два помѣ-

щенные въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1862 года: „Каннингъ и его время“ (№ 3) и „Борьба Греціи за независимость (№№ 7, 9, 10 и 11). Этотъ послѣдній трудъ былъ изданъ тогда же и отдѣльною книгой. Въ 1863 году послѣдовало назначеніе Теокистова чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ народнаго просвѣщенія, и въ этомъ качествѣ, въ періодъ управленія министерствомъ А. В. Головнина, Евгенийъ Михайловичъ принималъ участіе въ законодательныхъ работахъ по вѣдомству печати, а при графѣ Толстомъ былъ командированъ въ царство Польское для обзорѣнія тамошнихъ народныхъ училищъ и имѣлъ порученіе составлять отчеты по министерству. Оба министра вообще придавали большое значеніе литературнымъ способностямъ Теокистова: А. В. Головнинъ открылъ ему доступъ въ архивъ министерства, и результатомъ этихъ занятій Евгенія Михайловича была обширная его монографія о Магницкомъ, напечатанная въ 1864 году сперва въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и затѣмъ отдѣльно. По порученію графа Толстаго Теокистовымъ былъ составленъ „Очеркъ народнаго образованія въ Британской Индіи“, помѣщенный въ *Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1869 годъ (№ 1).

Статья о Магницкомъ заключаетъ въ себѣ очеркъ его дѣятельности какъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, гдѣ онъ вздумалъ явиться гонителемъ науки и просвѣщенія вмѣсто того, чтобы быть ихъ проводникомъ и защитникомъ. Теокистовъ вѣрно понялъ и удачно изобразилъ жалкую личность этого легкомысленнаго и вреднаго фантазера и въ статьѣ своей сообщалъ большое количество документальныхъ свѣдѣній объ его намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ; въ этомъ заключается ея главное достоинство, сохраняющее за нею значительную цѣну до сихъ поръ, не смотря на обнародованіе еще новыхъ свѣдѣній по предмету сочиненія Теокистова. Въ отдѣльномъ изданіи очеркъ о Магницкомъ явился какъ первый выпускъ задуманнаго авторомъ труда: „Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи“; въ предисловіи къ этой книгѣ было сообщено, что для второго выпуска составитель занимается разработкой документовъ, относящихся къ дѣятельности князя Адама Чарторижскаго по Виленскому учебному округу; къ сожалѣнію, разработка эта не была доведена до конца, и вообще продолженіе „Матеріаловъ“ не состоялось. Впрочемъ, ознакомленіе съ исторіей русско-польскихъ отношеній дало Евгенію Михайловичу возможность написать двѣ интересныя статьи, для которыхъ ему пригодилось и изученіе личности князя Адама: „Польскія интриги въ первой четверти нынѣшняго столѣтія“ и „Польша

послѣ 1815 года“; обѣ онѣ были помѣщены въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1865 года (№№ 7 и 8).

Одновременно со службой по министерству народнаго просвѣщенія Евгений Михайловичъ получилъ приглашеніе читать лекціи всеобщей исторіи въ Николаевской академіи генеральнаго штаба; какъ предметъ этихъ чтеній—политическая исторія послѣднихъ столѣтій, такъ и самый характеръ преподаванія, обращеннаго къ взрослымъ молодымъ людямъ, вполне соответствовали склонностямъ Θεоктистова, а его основательное знакомство съ литературой по новой исторіи, его постоянное вниманіе къ новымъ явленіямъ въ этой научной области должны были придавать его курсамъ особый интересъ. Онъ искренне радовался успѣхамъ русской исторической науки по разработкѣ нашего недавняго прошлаго. „Слава Богу, наша историческая литература не перестаетъ дѣлать весьма важныя приобрѣтенія“, писалъ онъ въ одной изъ своихъ статей въ 1867 году. — „Архивы различныхъ вѣдомствъ уже не очерчены какимъ-то закодированнымъ кругомъ, куда тщетно старался проникнуть изслѣдователь старины. Мы радуемся этому, ибо намъ нечего стыдиться нашего прошедшаго,—напротивъ, оно должно составлять для насъ предметъ гордости; если мы найдемъ въ немъ много ошибокъ и много такого, за что приходилось тяжело расплачиваться впослѣдствіи, то сколько же поучительныхъ уроковъ, сколько доблестныхъ примѣровъ геройства, самоотверженія и безкорыстія завѣщало оно намъ! Нерѣдко слышатся жалобы, что иностранцы, толкуя о русской политикѣ, прибѣгаютъ къ самымъ недобросовѣстнымъ искаженіямъ истины; но что же могли бы мы противопоставить имъ, кромѣ этихъ бесплодныхъ жалобъ? Мы сами только что начинаемъ знакомиться понемногу съ исторіей Россіи въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. До весьма недавняго времени вѣкъ Екатерины и Александра I составлялъ почти недоступную область для нашихъ ученыхъ и публицистовъ: англичане не стыдились писать исторію своего владычества въ Ирландіи, а намъ страшно было даже коснуться Польши, какъ будто намъ слѣдовало краснѣть за свой образъ дѣйствій, когда мы отторгали отъ нея свое кровное историческое достоиніе, и когда, подъ вліяніемъ пагубнаго великодушія, спѣшили надѣлать ее благами, за которыя она оплатила намъ измѣной. Стоитъ ли же удивляться, если иноземные писатели стали выставять русскую политику чуть не синонимомъ ненасытной алчности и вопіющаго презрѣнія къ законности и праву? Кончилось дѣло тѣмъ, что насъ тараятся увѣрить, будто бы даже и на Кавказѣ мы попираемъ

принципъ національностей и являеися врагами цивилизаціи и прогресса...“ При такихъ возрѣніяхъ Феокистовъ, очевидно, не могъ быть простымъ пересказчикомъ чужихъ, особенно иностранныхъ историческихъ сочиненій. Въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ новой исторіи онъ, безъ сомнѣнія, могъ считаться знатокомъ какъ по богатству своихъ свѣдѣній, такъ и вѣрному взгляду на вещи; къ числу такихъ областей принадлежала, какъ мы уже замѣтили выше, обширная сфера восточнаго вопроса; Евгенийъ Михайловичъ возвращался къ ней неоднократно въ своихъ трудахъ и между прочимъ посвятивъ ей, во второй половинѣ шестидесятихъ годовъ, цѣлый рядъ дѣльных и живыхъ статей, каковы: „Начало русскаго владычества на Кавказѣ“, „Русская политика на востокъ передъ Крымскою войной“, „Русская дипломатія въ борьбѣ за независимость Греціи“, „Эпизодъ изъ исторіи русской политики на востокъ“, „Россия и Сербія передъ войной 1853—1856 годовъ“ (*Русскій Вѣстникъ* 1867 г. № 1, 1868 г. №№ 1, 5 и 10, 1869 г. № 12) и „Замѣтки о пребываніи графа Каподистрии въ Россіи“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1868 г. № 2). Статьи эти вызваны не столько русскими, сколько иностранными сочиненіями по восточнымъ дѣламъ; Феокистовъ не затруднялся отдавать справедливость весьма важному фактическому матеріалу, который находилъ въ этихъ книгахъ, но, передавая его въ своихъ статьяхъ, онъ постоянно встрѣчалъ необходимость переработывать его и освѣщать съ русской точки зрѣнія. Это-то обстоятельство и сообщаетъ его очеркамъ по исторіи восточнаго вопроса самостоятельное значеніе. То же слѣдуетъ сказать и объ его статьяхъ изъ исторіи русско-польскихъ отношеній. Позволяемъ себѣ поэтому думать, что переизданіе историческихъ очерковъ Феокистова по означеннымъ предметамъ могло бы быть весьма нелишнимъ явленіемъ въ нашей литературѣ.

Въ іюнь 1871 года послѣдовало распоряженіе графа Д. А. Толстого о назначеніи Е. М. Феокистова редакторомъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Лучшаго выбора на эту должность нельзя было сдѣлать послѣ того, какъ ее оставилъ А. И. Георгіевскій. Основательное образованіе, опытность въ журнальномъ дѣлѣ, критическій таетъ, всѣ эти условія счастливымъ образомъ соединялись въ личности Евгения Михайловича и обеспечивали журналу, при новомъ редакторѣ, прочное сохраненіе того почетнаго положенія, которое при его предшественникѣ уже было приобрѣтено этимъ изданіемъ. Самою программой своею предназначенный служить главнымъ

образомъ интересамъ отечественной науки, журналъ, какъ прежде, такъ и теперь, совмѣщалъ на своихъ страницахъ труды достойнѣйшихъ нашихъ ученыхъ, преимущественно изъ круга гуманитарныхъ наукъ. Рядомъ со статьями лицъ, уже давно установившихъ свою ученую извѣстность, здѣсь находили себѣ мѣсто и произведенія выдающихся ученыхъ изъ болѣе молодого поколѣнія; нѣкоторые изъ послѣднихъ печатали свои труды почти исключительно въ редактируемомъ Оеоктистовымъ изданіи и здѣсь составили себѣ уважаемое имя въ ученомъ мірѣ. Дѣятельность редактора была усиленная, особенно въ первые годы завѣдыванія журналомъ; Евгений Михайловичъ съ большимъ вниманіемъ просматривалъ поступавшія въ редакцію рукописи и относился съ живымъ сочувствіемъ ко всякому дѣльному и обстоятельному труду, хотя бы онъ принадлежалъ лицу совершенно неизвѣстному. Не сомнѣваемся, что авторы, печатавшіе свои статьи въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ семидесятихъ годахъ, съ признательностью вспоминаютъ какъ о неизмѣнной привѣтливости Евгенія Михайловича въ личныхъ сношеніяхъ, такъ и о тѣхъ полезныхъ совѣтахъ и указаніяхъ, которые онъ охотно предлагалъ, когда замѣчалъ въ начинающемъ даровитомъ авторѣ извѣстную, весьма впрочемъ понятную, неопытность въ литературномъ дѣлѣ. Пишущій эти строки, бывший помощникомъ Е. М. Оеоктистова все время, пока онъ завѣдывалъ редакціей *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, считаетъ пріятнымъ долгомъ сказать здѣсь, что сомѣстный съ Евгениемъ Михайловичемъ трудъ по журналу никогда не былъ обременительнымъ, а напротивъ, облегчался тѣми внимательными и любезными отношеніями, которыя редакторъ умѣлъ установить къ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ.

Дѣятельность Е. М. Оеоктистова по редакціи *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* была по справедливости оцѣнена графомъ Д. А. Толстымъ, и когда онъ былъ вторично призванъ на министерскій постъ, уже по вѣдомству внутреннихъ дѣлъ, то не замедлил снова обратиться къ содѣйствію своего прежняго даровитаго сотрудника: 1-го января 1883 года Е. М. Оеоктистовъ былъ высочайше назначенъ на должность начальника главнаго управленія по дѣламъ печати. Эти трудныя и отвѣтственныя обязанности онъ несъ въ теченіе тринадцати слишкомъ лѣтъ, и притомъ исполнялъ ихъ не только съ неусыпною бдительностью, но и съ яснымъ, опредѣленнымъ взглядомъ разумнаго и просвѣщеннаго человѣка, отчетливо понимающаго обстоятельства и требованія времени. Русская наука, особливо

историческая, можетъ по справедливости признать, что ея изслѣдованія не встрѣчали стѣсненій въ періодъ цензурнаго управленія Е. М. Ѳеоктистова, и что область ея изысканій могла быть даже значительно расширена въ это время. 23-го мая 1896 года послѣдовало увольненіе Е. М. Ѳеоктистова изъ цензурнаго вѣдомства, съ назначеніемъ его сенаторомъ по гражданскому кассационному департаменту.

Какъ завѣдываніе *Журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, такъ въ особенности управленіе дѣлами печати, поглощали у Евгенія Михайловича почти все свободное время, пока онъ состоялъ въ означенныхъ должностяхъ; но и въ эту по преимуществу дѣятельную пору своей жизни онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи возвращаться по возможности къ тѣмъ историческимъ занятіямъ, которыя составляли предметъ его живаго интереса и горячаго увлеченія въ болѣе молодые годы: онъ продолжалъ усердно слѣдить за новостями исторической литературы и по временамъ давалъ о нихъ отчеты—сперва на страницахъ редактируемаго имъ журнала, а затѣмъ на столбцахъ *Правительственнаго Вѣстника*; кромѣ того, до самой смерти М. Н. Каткова онъ оставался вѣрнымъ сотрудникомъ *Русскаго Вѣстника*, гдѣ по прежнему появлялись иногда его историческіе очерки; только послѣдній трудъ его въ этомъ родѣ былъ помѣщенъ въ 1893 году въ *Русскомъ Обзорѣннн* (№ 10). Не будемъ однако перечислять всѣ статьи Е. М. Ѳеоктистова, относящіяся къ этому періоду времени, да и не имѣемъ къ тому возможности, такъ какъ многія изъ нихъ выходили въ свѣтъ безъ подписи автора; но изъ числа ихъ считаемъ умістнымъ указать на два труда, въ которыхъ всего нагляднѣе выступаютъ достоинства Е. М. Ѳеоктистова, какъ историческаго писателя: одинъ изъ нихъ — небольшая статья подъ заглавіемъ: „Интимная переписка послѣдняго короля Польскаго“ (за подписью *V. W.* въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1875 г. № 11), а другой — довольно значительная монографія, подъ названіемъ: „Отношенія Россіи и Пруссіи въ царствованіе Елисаветы Петровны“ (тамъ же въ 1882 г.). Первый изъ названныхъ очерковъ посвященъ перепискѣ Станислава-Августа съ г-жею Жоффреть; авторъ даетъ въ немъ сперва общую характеристику обомъ корреспондентамъ, а затѣмъ сообщаетъ извлеченія изъ писемъ короля; конечно, самый предметъ этого очерка имѣетъ лишь второстепенное и даже мелкое значеніе, но матеріалъ, которымъ располагалъ Е. М. Ѳеоктистовъ, отличается богатствомъ, и авторъ очень искусно воспользовался имъ, чтобъ изобразить живыми чертами личность добродушнаго и

просвѣщеннаго, но слабого и легкомысленнаго государя, которому не удалось сдѣлать ничего полезнаго для своей страны, но было суждено видѣть гибель ея самостоятельности. Гораздо болѣе важному вопросу посвященъ второй очеркъ: онъ касается одного изъ важнѣйшихъ моментовъ въ политической исторіи XVIII столѣтія и одной изъ самыхъ крупныхъ личностей этого вѣка; избравъ Фридриха Великаго, такъ-сказать, героемъ своей монографіи, Е. М. Теокистовъ — кстати замѣтимъ, что онъ не разъ обращался къ изученію знаменитаго Прусскаго короля, — изображаетъ его политику на основаніи его „Политической корреспонденціи“, издаваемой нынѣ прусскимъ правительствомъ. Откровенія, которыя авторъ нашелъ въ этомъ драгоценномъ сборникѣ, въ общемъ подтверждаютъ ту картину русско-прусскаго отношеній и вообще политики Елисаветинскаго времени, которая была дана С. М. Соловьевымъ въ XXI—XXIV томахъ его „Исторіи Россіи“, но вмѣстѣ съ тѣмъ существенно дополняютъ это изображеніе; кромѣ „Политической корреспонденціи“ Фридриха II, авторъ воспользовался рядомъ другихъ новыхъ сочиненій и изданій русскихъ и иностранныхъ, которыя еще не могли быть доступны Соловьеву; на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ Евгений Михайловичъ представляетъ политическую борьбу Елисаветинскаго царствованія — вѣрно разчитанныя стремленія нашихъ тогдашнихъ дипломатовъ и не всегда успѣшное ихъ осуществленіе — съ замѣчательною ясностью и безпристрастіемъ; въ этомъ отношеніи монографія Е. М. Теокистова можетъ служить прекраснымъ, вполне достойнымъ подражаніемъ образцамъ историческаго изслѣдованія и изложенія.

Кромѣ упомянутыхъ учено-литературныхъ работъ, Евгений Михайловичъ посвящалъ немногіе досуги своихъ зрѣлыхъ лѣтъ еще одному труду — составленію своихъ воспоминаній. Онъ былъ большой любитель мемуарной литературы и еще болѣе десяти лѣтъ тому назадъ говорилъ намъ, что намѣренъ писать свои записки; не знаемъ, до какой эпохи доведено его повѣствованіе, но слышали отъ автора, что читанные имъ отрывки были выслушаны съ интересомъ. Не можемъ въ этомъ сомнѣваться, припоминая занимательность и тонкій юморъ его разказовъ. Онъ обладалъ большою наблюдательностью и прекрасною памятью, а по обстоятельствамъ своей жизни находился въ сношеніяхъ съ замѣчательными людьми изъ разныхъ слоевъ нашего общества. Все это даетъ право думать, что воспоминанія Е. М. Теокистова даже и въ своемъ не оконченномъ видѣ составятъ дорогое приобрѣтеніе для нашей литературы.

Болѣе года тому ' назадъ крѣпкое дотогѣ здоровье Евгенія Михайловича стало приходить въ разстройство, противъ котораго пріятыя врачевныя мѣры оказывались безсильными. Въ началѣ нынѣшняго лѣта больной былъ перевезенъ въ Царское Село, гдѣ и наступилъ для него послѣдній часъ.

Всѣ, кто зналъ Евгенія Михайловича Теохтистова, съ глубокимъ уваженіемъ почтутъ память этого умнаго и даровитаго, добраго и благожелательнаго челоуѣка. Миръ его праху!

Л. Майковъ.

ДВѢ ОДЫ ГОРАЦІЯ.

I, 11.

Не развѣдывай ты
 (Знать это грѣхъ).
 Мнѣ и тебѣ какой
Богомъ жизни предѣлъ,
 Дѣва моя,
 Опредѣленъ; оставь
Тайны цыфръ узнавать.
 Лучше вѣдь все
 Что ни случись, снести,
Много-ль зимъ впереди
 Рокъ намъ судилъ,
 Или въ послѣдній разъ
Эту видимъ мы, какъ
 Силу морскихъ
 Волнъ о тирренскій брегъ
Крушить. Будь же умна,
 Вина цѣди
 И, какъ коротокъ срокъ
Жизни, дальнихъ надеждъ
 Впредь не питай:
 Время бѣжать, пока
Мы съ тобой говоримъ;
 Пользуйся днемъ,
 Завтрашнему не вѣрь.

I, 22.

Фускъ, чья жизнь чиста, кто злодѣйствъ не знаетъ,
 Нѣтъ нужды тому въ мавританскихъ копьяхъ,
 Въ лукѣ нѣтъ нужды и въ колчанѣ, полномъ
 Стрѣлъ ядовитыхъ,

Путь ли будетъ онъ совершать чрезъ Сирты,
 Или чрезъ Кавказъ негостепримный,
 Или гдѣ Гидаспъ баснословный катить
 Быстрыя воды.

Такъ, когда въ лѣсу я гулялъ сабинскомъ
 И безопасно пѣлъ про любовь къ Лалагѣ,
 Встрѣтилъ за межой, безоружный, волка, —
 Прочь побѣжалъ онъ.

Чудищъ нѣтъ такихъ ни въ лѣсахъ обширныхъ
 Давновой страны, гдѣ народъ вонитель,
 Ни въ отчизнѣ львовъ, изсушенной солнцемъ
 Области Юбы.

Буду ль среди равнинъ я бесплодныхъ, тамъ, гдѣ
 Нѣтъ и деревца, что бы освѣжалось
 Лѣтнимъ вѣтеркомъ, гдѣ царятъ туманы
 Вѣчно и холодъ;

Тамъ ли буду, гдѣ слишкомъ близко солнце
 Ходить, гдѣ жилищъ никакихъ нѣтъ вовсе,—
 Сладкій смѣхъ любить я Лалаги буду,
 Сладкія рѣчи.

В. Зубиновъ.

О НѢКОТОРЫХЪ ТИПАХЪ РИМСКИХЪ МЕТРИЧЕСКИХЪ НАДГРОБІЙ ¹⁾.

II.

Погребенный и путникъ.

И этотъ шаблонъ ²⁾, какъ и раньше разобранный *hic situs est ille*, можетъ быть причисленъ къ весьма распространеннымъ ³⁾—и по мѣстностямъ, и по эпохамъ. Представляя собою весьма древнее явленіе на почвѣ греческой погребальной эпиграфики ⁴⁾, названный латинскій шаблонъ, повидимому, не сразу принимаетъ тотъ типическій видъ обращенія къ *hospes* или *viator*, который мы встрѣчаемъ такъ часто въ первые вѣка имперіи. Въ этомъ отношеніи на себя должны обратить наше вниманіе два старшихъ члена семьи „*elogia Scipionum*“, надгробіе Барбата и его сына (пп. 941, 942) ⁵⁾, третьей четверти III вѣка до Р. Хр. Въ обоихъ элогіяхъ нужно отмѣтить фразу: *consol, censor, aedilis hic (quei) fuet (fuit) apud vos* ⁶⁾.

¹⁾ См. декабрьскую книжку за 1897 годъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, отд. класс. фнг.

²⁾ *Novres resiste, tu qui praeteriens legeris...*, *viator* гемеане и т. п.; наиболѣе употребительныхъ разновидностей этого шаблона однако не очень много.

³⁾ Въ нашемъ сборникѣ его болѣе 250 примѣровъ, то-есть около 18%; а если прибавить сюда еще не изданныя у насъ надгробія, то это отношеніе должно возрасти до 20%; въ прозаическихъ надгробіяхъ отношеніе это значительно меньше, 1—2%.

⁴⁾ Встрѣчается уже въ архаическихъ надгробіяхъ — до начала V вѣка, см. *Loch, de titulis graecis* вер. р. 5.

⁵⁾ Что обѣ надписи старше Эннія, мы упоминали выше, въ гл. I (декабрьская кн. за 1897 г., стр. 105, прим. 2).

⁶⁾ Довольно глухо говорятъ намъ авторы обѣ едновозводномъ элогіи Калатина, консула 258 и 254 гг. до Р. Хр. Намъ думается однако, что въ этомъ

Саркофаги Сципионовъ были помѣщены въ шпогѣ¹⁾, слѣдовательно, не были непосредственно *подъ глазами* мимоидущихъ, *praetereuntes, hospites, viatores, meatores*; но, конечно, это обстоятельство могло только отчасти вліять на композицію элогіевъ: *vos = Romani*, и аппеляція къ „римлянамъ“ болѣе въ духѣ такого надгробія, чѣмъ обращеніе къ случайнымъ путникамъ.

Иной принципъ чувствуется почти столѣтіемъ позже въ надгробіи малоизвѣстнаго 20-лѣтняго юноши Сципіона (п. 943): *ne quairatis* уже не имѣетъ того національно-политическаго оттѣнка, какъ *apud vos*, и уже ближе къ обычному типу бесѣды съ любознательнымъ путникомъ, который *quaerit, requirit, vult scire* и т. п. что-либо о личности погребеннаго, напримѣръ:

- n. 105, 112: si quis forte—nomen—*requirit*;
 n. 108: tu quicumque—*vis scire, viator*;
 n. 131: si quis forte *velit—cognoscere*;
 n. 182:—*quaerite*;
 n. 227: si *quaeris, quae sim*;
 n. 253: quid—*scire laboras*;

надгробіи было болѣе традиционныхъ двухъ стиховъ, совпадающихъ почти дословно съ двумя же начальными стихами сына Барбата. Оставляя въ сторонѣ мѣсто Цицерона Fin. II 35, 116, гдѣ знаменитая надпись продѣлована по памяти (*имит hinc* см. *hinc имит*), и изъ котораго можно только отчасти вывести, что элогіи Калатина были *не единственными* въ такой формѣ („*elogia monumentorum*“), укажемъ только на извѣстное параллельное мѣсто того же автора, Sen. § 61: *arx est autem senectutis auctoritas. Quanta fuit in L. Saecilio Metello, quanta in A. Atilio Calatino, in quem illud elogium: hunc unum plurimae consentiunt gentes populi primum fuisse virum [=hunc oino plurimae consentiunt gentis | populi primario(m) fuisse viro(m)]; † notum est totum carmen incisum in sepulcro. Мы согласны съ Флекейзеномъ и Беренсомъ (Frgm. p. 8 not.), что рукописное *totum* врядъ ли диттографія, и что его слѣдуетъ принять въ текстъ; но мы не находимъ нужнымъ, подобно Беренсу, дополнить словомъ *notum* второй стихъ, въ дополненіи не нуждающійся (см. *Buecheler*, Carin. epigraph. ad n. 6); „*illud elogium*“ можетъ быть и обозначеніемъ „извѣстнаго“ надгробія по начальнымъ стихамъ, а „*notum est totum carmen incisum (esse) in sepulcro*“ можно съ большою вѣроятностью понимать такъ, что Цицеронъ привелъ именно только иллюстрирующее его мысль *начало* элогія, указавъ, что „все стихотвореніе“ вырѣзано на самой гробницѣ. Въ виду же общности фразы *hic fuit apud vos* элогіямъ обоимъ Сципіоновъ (родство здѣсь, конечно, могло быть и не крѣ чемъ), мы можемъ заключить, что таковая же, или подобная, была и въ элогіи Калатина, или точнѣе—въ общемъ всѣмъ этимъ элогіямъ архаикъ.*

¹⁾ C. I, p. 11 sq.; *Merquardt*, Privatleben. d. Röm. I, p. 362 † not. 10.

- n. 581: *si nomen queres;—queritas;*
 n. 611: *tu quicumque requiris;*
 n. 785: *quid quaeris?*
 n. 939: *qui scire cupis;*
 n. 1083: *si quaeras;*
 n. 1145: *inquiritis patrata?*
 n. 1160: *nomen si quaeris;* и др.

Конечно, несмотря на сравнительно большой промежутокъ времени, захватываемый въ III—II вѣкахъ элогіями Сципіоновъ, ихъ количество всеже не настолько велико, чтобы дать твердую почву для выводовъ о господствующемъ въ ихъ группѣ типѣ ¹⁾: мы думаемъ однако, что и при большемъ ихъ количествѣ мы врядъ-ли нашли бы среди нихъ шаблонъ „обращенія къ путнику“

Если мы внимательнѣе присмотримся къ употребленію нашего шаблона по классамъ погребенныхъ, то увидимъ, что значительная часть случаевъ его приложенія—надгробія *отпущенниковъ*:

- n. 1: M. Helvius W. lib. Marsua;
 n. 9: C. Juli Olympiani Terentia — Terentiae — lib. sibi et suo coniugi;
 n. 83: lib. carissimis;
 n. 93: Atimetus, Pamphili Ti. Caesaris Aug. l. l., Anterotianus;
 n. 94: P. Atti P. l. Hermenis;
 n. 108: T. Aelius Aug. lib. Stephanus;
 n. 112: Hedia C. l. Nardis;
 n. 135: Rusticelia M. l. Cytheris;
 n. 140: Suetrius Hermes.... cultor domini;
 n. 141:a. C. l. Fortunata;
 n. 219: Caninia L. l. Rufa;
 n. 230: C. Acellius C. et L. l. Syneros;

¹⁾ Изъ нихъ nn. 941, 942, 943, 944—*tituli narrativi*; nn. 1087, 1088—*tituli autobiographi*; n. 1171—*adloquium*; такимъ образомъ, повидному, преобладаетъ типъ *поэмы* о покойномъ, типъ, несомнѣнно, изъ наиболѣе древнихъ, какъ и ранше разобранный *hic situs est*: легко быть можетъ, что онъ и былъ какъ въ послѣдствіи преобладающимъ въ такъ называемыхъ „*clatogum virorum elogia*“ (С. I, p. 277 sq.), такъ и наиболѣе древнимъ въ *tituli honorarii*; что обѣ эти формы надписей совпадаютъ съ *поэтическимъ* типомъ надгробій, давно известно: cf. *Mommson*, С. I, p. 277; *Hübner*, *Röm. Epigr.* (Iw. Müller's Handb. I), p. 692, § 54; *Cagnat*, *Cours d'épigraphie*, p. 224 sq. § 2; *Egbert*, *Introd. to the study of Lat. inscr.* p. 249.

- n. 253: *Cocceiae Thallusae*—*Cocceus Coeganus* ихоги; въ текстѣ погребенная называетъ себя *liberta*;
- n. 273: *Tettiae L. l. Tigridi*;
- n. 299: *Vernaclus Maternae lib.*;
- n. 395: *Eucharis, Liciniae l.*;
- n. 396: *Ti. Claudius*—*Aug. l.*;
- n. 435: *Julia C. l. Ape[leutheris]*;
- n. 437: *fecit M. Junius M. l. Euphrosynus*;
- n. 447: *Ius P. et Clodiae l. Optatus*;
- n. 508: *Laetus Accepti, regius Jubae l(iberti) f.*;
- n. 534: *M. Ennius M. l. Macedo*;
- n. 549: *Quarta Senenia C. l.*;
- n. 699: *Sabidia O. l. Fusca*;
- n. 731: *Plotia, L. Ploti et Fufiae l.*;
- n. 780: *T. Statilius, T. lib. Eros*;
- n. 806: *T. Flavio T. l. Antiocho*;
- n. 819: *C. Ofillius C. l. Pal. Arimnestus*;
- n. 824: ставить отпущенница *Heria Helpis* *патрону*: *C. Herio Felici*, по всей вѣроятности тоже отпущеннику;
- n. 844: *vixitum servili colla levata iugo*;
- n. 870: двое отпущенниковъ нѣкоего *T. Cocceius: Gaa* и *Patiens*;
- n. 910: *M. Publici M. lib. Unionis*;
- n. 950: *C. Ateilius Serrani l. Euhodus*;
- n. 1021: *C. Gavius C. l. Idonius*;
- n. 1083: *C. Paguri C. l. Gelotis* (схоронена рабыня *Salvia*);
- n. 1094: *C. Gargilius Haemon Proculi*—*l.*;
- n. 1095: *Ti. Claudius Pardalas*;
- n. 1117: *Scribonius Eudaemo* (cf. *Buechel. ad n. 1013*);
- n. 1127: *Atticus.... T. lib.*;
- n. 1152: *sum libertinis ego nata parentibus*;
- n. 1191: *Vedusta Tauri sororis l. Auge*;
- n. 1219: *M. Acilius M. l. Eros*;
- n. 1233: *Fructo l(iberto)*;
- n. 1239: *Avonio Sex. Martialis l. Justo*;
- n. 1244: *Gavia P. l. So....*;
- n. 1273: *Staberiae P. l. Florae*;
- n. 1290: *M. Staius M. l. Chilo*;
- n. 1303: *C. Poblicius C. l. Am.....*;
- n. 1321: *Camidia M. l. Aphrodisia*;

п. 1325: M. Vitellius M. I. Theodorus;

Къ отпущенникамъ же или къ ихъ потомству ¹⁾ съ вѣроятностью могутъ быть причислены пп. 3, 73, 100, 105, 124, 142, 143, 201, 227, 231, 302, 309, 365, 464, 466, 488, 611, 612, 617, 649, 677, 711а, 755, 815, 840, 853, 861, 888, 996, 1017, 1061 ²⁾, 1062, 1109, 1110, 1145, 1160, 1206, 1223, 1237, 1250, 1274, 1305 ³⁾.

Нѣсколько рѣже, но и рабы пользуются тѣмъ же типомъ:

п. 216: Severa Aug. serva;

п. 364: Attiliae... contubernalis;

п. 422: отецъ Euhodus, дочь Euhodia;

п. 510: Philo, L. Vibi Secundi verna;

п. 652: Palluro L. Aponi (servo);

п. 721: verna Rufria;

п. 767: Urbana Juli Salvi (serva), Attimetus conservae fecit;

п. 779: Heracla Catulli, Tauri l., servos;

п. 784: Pagus puer, delictum domini;

п. 785: Pistus, N. Vibi Sereni tonsor;

п. 821: Venustus—dispensator;

п. 828: Pylades, Anni Novati patris (servus);

п. 918: Antisporus a. VIII;

п. 1063: Hermia s(ervus) r. p. Val(eriensis) filio;

п. 1066: Eutycheti—servo b. m.

п. 1120: отецъ Telephus, сынъ Telephus;

п. 1124: Zelotos—ямя той же категоріи, какъ и Abascantus, Felix, Venustus и т. п.

п. 1205: Helena, ann. XVIII;

п. 1215: Muscillus, ann. IIII;

п. 1216: Romana, ann. XX;

Довольно употребителенъ этотъ типъ и вообще среди представителей низшихъ классовъ общества:

Солдаты:

п. 23: Julius Victorinus beneficiarius cos. (cf. п. 22—того же лагеря);

п. 35: T. Aelius Justus, hydraularius salariarius leg. II Ad.;

¹⁾ Ср. *Hübner*, Roem. Epigr. (Jw. Müller I), p. 670, § 83; p. 673, § 35; p. 679, § 40 + not. 2.

²⁾ См. „*Commentationes philologicae*“, p. 144, 1.

³⁾ *Cagnat*, Man., p. 57—58.

- n. 376: Julius Valens (centurio) leg.;
 n. 1011: Q. Annaeus—Balbus—miles leg. V;
 n. 1065: Pausanias miles;
 n. 1073: P. Fannius—eq. leg. XI;
 n. 1075: Q. Baebius—miles leg. VII;
 n. 1204: L. Valeri Nepotis, militis leg. VII Geminae;
 n. 1311: ... Flaminius—mil. leg. XIII Gem.;
 n. 1324: T. Vettius—Nepos milit....;

Гладиаторы:

- n. 683: Urbico secutori;
 n. 1157: Justus (qui) gladiantes in arma vocavit ¹⁾.

Plebs promiscua: nn. 131, 132, 168, 178, 182, 240, 242, 272, 276 (praeco), 304, 306, 307, 340, 353, 386, 403, 408, 409, 412, 418, 450, 464, 527, 539, 551, 555, 587, 613, 634, 663, 688, 691, 701, 703, 712, 717, 729, 730, 761, 763, 803, 829, 858 (faber navalis), 868 (negotiator), 896 (praeco), 904, 913 (venator), 917, 922, 931, 933, 937, 973, 1023, 1029, 1064, 1119, 1130, 1140, 1148 (negotiator), 1153 („notus in urbe sacra vendenda pelle caprina“), 1162, 1168, 1202, 1203, 1209, 1210, 1211, 1213, 1225, 1228 (scriba), 1229, 1230, 1258, 1262, 1270, 1283, 1287 (actor), 1314, 1316, 1323, 1334, 1373.

Несравненно рѣже пользуются разбираемымъ типомъ лица болѣе или менѣе привилегированнаго общественнаго положенія:

n. 267: мавзолей (oboos), воздвигнутый вѣковой Atiliae Pomptillae ея супругомъ Филиппомъ въ Сардиніи (Sagales), куда она послѣдовала за мужемъ-изгнанникомъ изъ Рима; постройка украшена греческими и семью латинскими стихотвореніями, гдѣ мы находимъ 2 „tituli autobiographi“ (одинъ съ обращеніемъ къ *путнику*, viator), 4 „tituli narrativi“ (изъ нихъ 2 въ видѣ разказа отъ лица мужа покойной) и 1 „adloquium“ къ зрителямъ вообще („segnite cuncti“); такимъ образомъ здѣсь нашъ типъ употребленъ только *между прочимъ* среди другихъ также довольно употребительныхъ;

n. 373: Q. Fabius Q. f. Quir. Felix прос(urator) Aug., гдѣ впрочемъ Бюхелеръ (1513) не видитъ обращенія къ *путнику*, такъ какъ покойный (заживо) обращается къ *turba*, а его можно отнести и къ *parentes*;

¹⁾ „Martios ancentu stimulanс gladiantes in arma vocavi“, v. 7.

п. 483: мавзолейная надпись, гдѣ однако обращеніе къ путнику не вполне удостовѣрено;

п. 491: *Caecilius Creticus, sacerdos Saturni*, надпись, гдѣ, во 1-хъ, обращеніе къ путнику ограничивается только короткой шаблонной просьбой пожеланія *s. t. t. l.*, во 2-хъ, муниципальныя жречества были доступны если не либертинамъ, что рѣдко, то ихъ потомству¹⁾;

п. 512: надгробіе *C. Caeli Sedati*, сына *C. Caeli Donati* „*patris duoviri qu(a)estoris* въ городѣ *Oppidum Novum* въ Африкѣ; композиція надгробія (ритмическая проза) и языкъ (*paulumper, hic positus loculo iaseo, questore, patre(m)*) весьма невысокаго достоинства;

п. 569: *Fisio Sereno Rutilio Caesiano, II viro, auguri*—изъ Нолы: по достоинству метрики (ст. 7) и языка (*iuenis*)—на уровнѣ предыдущаго;

п. 599: надгробіе *C. Longini Proculi*, поставленное отцомъ: *C. Longinius Priscus, trierarca cl. pr. Mis.*—недурно, даже съ нѣкоторой претензіей на „ученость“ (*Eoigena, Telluris sedes, umbra nec umbra, mortis sepulchrum, Acherontis labitur undis* и др.) составленный „*tit. autobiographus*“ съ обращеніемъ къ путнику въ концѣ, всего же 14 гекзаметровъ и 1 пентаметръ (шаблоннаго типа).

п. 667: *M. Calpurnius Lucius decurio* изъ Беттики; по метрикѣ и языку значительно ниже посредственности.

п. 863: мавзолей Секста Петронія Пропа консула 371 г. по Р. X.—два надгробія, одно съ обращеніемъ къ зрителю (*quisquis miraberis*), выдержанное въ „языческомъ“ типѣ; другое, не помѣщенное въ нашъ сборникъ (п. 1347 В у Бухелера)—чисто христіанской композиціи.

п. 872: надгробіе нѣкогого *плебея* *Maarcus Caecilius* на *Via Appia*;

п. 879: африканскій (*Cillium*) мавзолей Петроніевъ; строитель его, *Petronius Fortunatus*—служилъ *центуриономъ* въ Паряанскомъ походѣ 199 г. по Р. Хр.

п. 883: тоже Африканскій (*Thugga*) мавзолей *Iullii Felcis*—довольно ученое надгробіе, съ обращеніемъ *въ срединѣ* поэмы не къ путнику, а къ читателямъ (*vos qui legitis*);

п. 906: *Q. Vibius L. f. Sca(pt)ia Maximus Smintius, aerarius, sexvir*—изъ Флоренціи,—камень украшенъ инструментами *operis aegarii*: напоминаетъ Петроніевскаго „*Nabinnas seviri (est) idemque lapidarius*“, с. 65; метрика (2 гекз. + 1 пент. + 3 гекз. + 1 пент.; hiatus

¹⁾ *М. Брашенинниковъ*, Римск. муницип. жр., стр. 28, § 32; стр. 104 сл. § 76.

въ ст. 6-мъ; *post mortē savemus*—ст. 8, ср. ст. 5; *et finē laborum*—ст. 10; *discē ponere*—ст. 11) и языкъ (*at manes*—*ad m.*; *aliquit*—*aliquid*)—тоже Хабиниовскіе.

п. 923: надгробіе нѣкоего *Flavius*, „*clarum militiae decus, poeta. ortus nobilitate Flaviozum*“—изъ Аенія, съ обращеніемъ къ „*cives* (?) *Remi et Quirini*“, слѣдовательно не собственно къ *путникамъ*;

п. 995: Мадаурійская надпись *T. Clodi Loquellae, aedilis, II viri, quaestoris, flaminis perpetui, sacerdotis Liberi patris*: акростихъ съ обращеніемъ въ концѣ тоже не собственно къ *путнику*, а къ *читателю* (*lector*) этого произведенія;

п. 1108: Римская надпись какого-то „эпикурейца“, *Flavii Agricolaе*, котораго жена *Flavia Primitiva* была „*cultrix deae Phariae*“ (*Изиды*),—весьма плохая по метрицѣ и языку;

п. 1137: *Aemilius C. fil. Rogatus*—*vir ornatus*—*paqique magister*—изъ Африки („*origine Cirtensis*“)—конечно ничего общаго съ дѣйствительными *Aemilii*—не имѣетъ;

п. 1138: самодѣльный акростихъ нѣкоего *Praescilius, argentarius* изъ Цирты—съ обращеніемъ въ концѣ къ людямъ его же класса и профессіи (*tales*); языкъ и метрика—весьма плохи;

п. 1152: *Ninniae Q. f. Primitillae, sacerdoti Ceregiae*; но, какъ мы выше видѣли, сама покойная называетъ себя дочерью либертиновъ, ср. *М. Крашенинникова*, Римск. муниц. жр., стр. 105;

п. 1214: Гадитанское надгробіе *L. Antoni C. f. Gal(eria) Antulli sacerdotis* съ краткой просьбой къ мамондущему о „*s. t. t. l.*“; ср. выше п. 491 † *not.*

п. 1269: *Egnatio C. f. Gal. mag. Mercurialis*—изъ *Abellinum*,—можетъ быть и отпущеннику;

п. 1331: тоже можетъ быть отпущенникъs VI *vir Aug.* изъ *Ostia*.

Мы видимъ такимъ образомъ, что въ этой категоріи погребенныхъ нашъ типъ „обращенія къ путнику“, во-первыхъ, далеко не играетъ такой видной роли, какъ въ средѣ либертиновъ и плебса, а чередуется, какъ и тамъ, съ обращеніями къ „зрителю“, „читателю“ и др.; во-вторыхъ, что заправскихъ аристократовъ среди этихъ лицъ почти нѣтъ: такая „титолованная особа“, какъ *Веттій Агорій Претекстатъ* (19 титуловъ), избралъ весьма изящную форму поэтическаго *диалога* съ супругой *Паулиной* (п. 55), хотя въ его время „обращеніе къ путнику“ еще было въ употребленіи въ довольно чистой формѣ. напримѣръ, п. 34 („*depositio Ursi—indic. XV*“).

Кромѣ того, и подобныя поименованнымъ въ приведенномъ перечнѣ лица прибѣгаютъ обыкновенно къ *другимъ* типамъ надгробій, а не къ *обращенію къ путнику*, напримѣръ:

- n. 8: VI vir Aug.;
- n. 14: Fronto Augg. nn. dispensator Moes. inf.;
- n. 18: M. Iul. Felix ab ratione fisci;
- n. 22: decurio alae I Thracum;
- n. 25: Fl. Dalmattus v. p. ex pro.;
- n. 28: Ael. Valentinus, dec. col. Apul., flamen col.;
- n. 33: Constantius v. cl.;
- n. 56: Eurysaces, pistor redemptor;
- n. 57: M. Ulpius Maximus, eques Rom.;
- n. 97: Bassa, vatis Laberi coniuga;
- n. 175: Aelius Proculinus, tr. leg. III Aug.;
- n. 185: L. Corvinius L. f. Quir. Flaminalis;
- n. 206: Kal. Flavja—decenviri Kal. Tancini filia;
- n. 220: Plancina—genere regio;
- n. 235: L. Cassio Hermodoro, nauclero;
- n. 363: VI vir Mediolaniensis;
- n. 368: q. aed. et II vir;
- n. 374: C. Julio Severo et C. Julio Gracili, eqq. rom.;
- n. 394: L. Aeli Terti causidici;
- n. 501: Gemintus Clemens a mil. col. pat.;
- n. 502: Ulpianus b. m. v. omnib. honorib. perfunctus;
- n. 592: decurioni colontae;
- n. 669: trib. mil. leg. VII G. P. F.;
- n. 679: dec. equit. praep. coh. III Alpinae;
- n. 771: Telephus VI vir;
- n. 875: monumentum M. Lucei M. f. Nepotis;
- n. 878: mausolaeum Flaviozum;
- n. 880: mausolaeum Juliozum;
- n. 884: L. Calpurnius Flamininus—„oravi causas felix“;
- n. 915: E. Sulpicius Q. f. Q. n. Col.;
- n. 927: Sossius—Successus iure peritus;
- n. 929: Eusebius, „dux—sociusque sui cum milite regis“;
- n. 952: Julio Juliano, viro magno, philosofo primo;
- n. 990: Marcellus—„medica nobilis arte“;
- n. 1038: поставлена Г. Квинкціемъ Вальгомъ своему либерту;
- n. 1078: VI vir Aug.;

- п. 1079: VI vir Aug.;
- п. 1086: Laetilio C. f. Gallo decurioni;
- п. 1089: Cassius Agrippinus—praetor;
- п. 1090: T. Fl.—Varus, v. c. cos.;
- п. 1091: надробіе Прокула, консула 340 г. по Р. X.; („dic“ и „videas“—не къ путнику).
- п. 1097: Marius Fidens, grammaticus;
- п. 1098: Pudens, M. Lepidi l., grammaticus;
- п. 1142: знаменитый *elogium messoris*;
- п. 1150: надробіе поэта Помпонія Бассула;
- п. 1156: bis sexvir;
- п. 1161: VI vir Aug. idem qq.;
- п. 1165: sacerdoti—Matris d. m.;
- п. 1186: M. Oppius M. f.—„forensis ars“;
- п. 1195: equiti Romano;
- п. 1263: Zopyrus—ex XI primis;
- п. 1292: P. Atili—Septiciani grammatici Latini;
- п. 1335: T. Titius—Tappo, XXVI vir;
- п. 1344: M. Antonii Antii Lupi pr.;
- п. 1385: Appuleio Sex. f. Gal. Sex. p. Sex. prop.

И выслужившійся либертинъ Трималхионъ (Petr. с. 71 fin.) сочиняетъ себѣ не „обращеніе къ путнику“, а *titulus narrativus*, напоминающій почетную надпись древнѣйшаго типа, или „*elogium clarі viri*“, и только въ концѣ у него проскользнуло шаблонное либертинское „vale“: „et tu!“¹⁾.

Послѣ этого хотя и бѣлаго обзора мы, кажется, въ правѣ думать, что въ группѣ *elogium Scipionum* „обращеніе къ путнику“ не находятъ себѣ мѣста по своей, такъ сказать, неаристократичности. Конечно, мы въ своемъ обзорѣ располагали по самой сути дѣла далеко не полнымъ матеріаломъ; но что разбираемымъ шаблономъ какъ будто „брезгаютъ“ лица болѣе или менѣе высокопоставленныя,

¹⁾ Изъ народнаго языка оно взято въ языкѣ комедіи: *Ter. Haut. 167*: Ch. „Bene vale“.—Me. „Et tu“; *Eup. 190*: Ph. „Mea Thais, vale“.—Th. „Mi Phaedria, et tu“; полную форму даетъ *Hec. 197*: Ph. „Vale“.—Pa. „Et tu bene vale, Philotium“.—Что Трималхионъ въ своемъ надробіи желаетъ вообще какъ бы возвыситься („sich über den Stand hinausheben“), давно уже замѣтилъ *Моммсенъ* *Hermes II, 158*), указавъ особенно на четырехчленность его имени: C. Pompeius Trimalchio Maecenatianus.

и не только въ Римѣ, но и въ провинціяхъ,—этого все же нельзя не замѣтить ¹⁾).

Затѣмъ по времени послѣ Сципіоновъ можно было бы поставить, къ сожалѣнію весьма спорное и хронологически и по принадлежности „надгробіе Эннія“: *adspicite o cives* etc. Мы уже упоминали въ предыдущемъ очеркѣ, что сообщаемыя А. Гелліемъ ²⁾ „надгробія“ Невія, Плавта и Пакувія относятся учеными къ болѣе позднему времени, между прочимъ приписываются Варрону (Беренсъ, Борманнъ), причѣмъ дѣлается исключеніе только для Пакувіевой эпиграммы, которая могла относиться ко времени самого поэта (Борманнъ), можетъ быть даже ему и принадлежать (Бухелеръ); однимъ изъ наиболѣе сильныхъ аргументовъ выставляется „искусственность“, „литературность“ („*literarischer Charakter*“) композиціи этихъ надгробій, которыя и считаются „*in der Form der Grabschriften elegia*“ (Борманнъ), или, нѣсколько иными словами, „*epideiktische Gedichte nach dem Vorbilde der Alexandriner*“ (О. Янъ) ³⁾. Не лучше обстоятъ дѣло и относительно „надгробія“ Эннія, хотя здѣсь, думается намъ, нѣсколько менѣе оснований для такого рѣшительнаго отрицанія автентичности, какъ относительно Невія и Плавта ⁴⁾.

Для большей ясности приведемъ извѣстное свидѣтельство Цицерона (Tuscul. I, 15, 33) *in extenso*: *licuit esse otioso Themistocli, licuit Eraminondae, licuit, ne et vetera et externa quaeram, mihi, sed nescio quo modo inhaeret in mentibus quasi saeculorum quoddam augurium futurorum, idque in maximis ingenijs altissimisque animis et ex-*

¹⁾ Несмотря на раннее вынесеніе некрополей за черту города (для Рима—XII досокъ, для провинціи—lex Ursonensis, cap. 73: *ne quis intra fines oppidi colon(iae)ve, qua aratro circumductum erit, hominem mortuom inferto, neve ibi humato, neve urito, neve hominis mortui monumentum aedificato*; cap. 74: *ne quis ustrinam novam, ubi homo mortuus combustus non erit, propriis oppidum rivas D facito*) и такъ сказать априорную возможность и *очень раннюю* употребленія нашего шаблона, мы его находимъ однако же *позже* другихъ, *позже*, напимѣръ, раньше разсмотрѣннаго *hic situs est*, *позже нарративно-эпиграммической формы*, одной изъ древнѣйшихъ, какъ мы выше замѣтили.

²⁾ N. A. I, 24 Н.

³⁾ Негмев II, p. 243.

⁴⁾ Что и въ греческой антологіи рядомъ къ искусственнымъ эпидеиктическимъ эпиграммами находилось не мало *дѣйствительно надгробій*, списанныхъ съ *дѣйствительно надгробій* памятниковъ,—давно уже доказано *Hecker*'омъ, Comment. crit. de Anth. Gr., Leid. 1852, и особенно *Weisshaupt*'емъ въ Abhandl. des arch.-epigr. Semin. der Univ. Wien, VII (die Grabgedichte der gr. Anth.) p. 28 sqq.

sistit maxime, et adparet facillime; quo quidem dempto quis tam esset amens, qui semper in laboribus et periculis viveret? loquor de principibus. quid poetae? ¹⁾ nonne post mortem nobilitari volunt? unde ergo illud:

adspicite, o cives, sensis Enni imaginis ²⁾ formam
hic vestrum pinxit ³⁾ maxima facta patrum.

mercedem gloriae flagitat ab iis, quorum patres adfecerat gloria; idemque:

nemo me lacrumis ⁴⁾ decoret nec funere fletu
faxit. cur? volito vivos per ora virum ⁵⁾.

Съ этимъ мѣстомъ сопоставляются обыкновенно еще два:

ib. § 117: si supremus ille dies non extinctionem, sed commutationem adfert loci, quid optabilius? sin autem perimit ac delet omnino, quid melius, quam in mediis vitae laboribus obdormiscere, et ita contentem somno consopiri sempiterno? quod si fiat, *melior Enni quam Solonis oratio*. hic enim noster:

„nemo me lacrimis decoret“ inquit „nec funere fletu
faxit“;

at vero ille sapiens ⁶⁾:

mors mea ne careat lacrimis: Inquamus amicis
maerorem, ut celebrent funera cum gemitu!

Cato m. § 72 fin.: ita fit, ut illud breve vitae reliquum nec avide adpetendum sensibus, nec sine causa deserendum sit; vetatque Pythagoras intussu imperatoris, id est dei, de praesidio et statione vitae decedere. *Solonis quidem sapientis est elogium*, quo se negat velle suam

¹⁾ *Quid? poetae* C. F. W. Müller; *quid p.?* vulgo.

²⁾ *Enni in imagine*, Baehrens.

³⁾ *Pinxit* рукописи, Heine; *panxit* vulgo.

⁴⁾ *Lacrimis* рукописи, Heine; *lacrumis* cod. Monac. Cat. m.; *dacrumis* Bergk, L. Müller, Bährens.

⁵⁾ *Virum* L. Müller, Heine; *hominum* O. Jahn, Bährens; cf. Verg. Georg. III, 8 sq:

temptanda via est, qua me quoque possim
tollere humo victorque virum volitare per ora.

⁶⁾ Solon, frgm. 21 Schneid.:

μηδέ μοι ἀκλαυστος θάν τος μόλοι, ἀλλὰ φίλοι
ποιήσαμι θανάων ἄλγεα καὶ στονγάς.

mortem dolore amicorum et lamentis vacare; volt, credo, se esse carum suis; sed haud scio an *melius Ennius*:

nemo me lacrumis decoret neque funera fletu
faxit;

non censeat lugendam esse mortem, quam immortalitas censequatur.

Разсуждая безъ всякой предвзятой мысли, какъ, быть можетъ, разсуждалъ въ данномъ случаѣ и Скалигеръ, мы видимъ слѣдующее: *дважды* Цицеронъ сопоставляетъ *двустихіе*, въ его глазахъ *несомненно* Энниевское, съ эпиграммой Солона, которую (или ея часть) онъ въ „Тускуланахъ“ цитуетъ въ переводѣ въ видѣ *двустихія* же, а въ „Катонѣ“, называя ее *elogium*, приводитъ только ея содержаніе (или часть его). Если бы мы *навѣрное* знали, что въ этомъ *elogium* Солона было *навѣрное* не болѣе *одной* дистиха, то, безспорно, много вѣроятія было бы, что и соотвѣтствующая Энниевская эпиграмма (не надобно забывать, что дѣло идетъ именно о *дистихѣ*, въ который древніе элегики такъ охотно укладывали *цѣлую* мысль) заключала въ себѣ *не болѣе* *дистиха*. Но изъ главнаго свидѣтельства о Солоновой эпиграммѣ—Plutarch. Solonis et Poplicolae comparatio, c. I (ed. Doehner, Par. 1846, p. 131) — этого вывести нельзя. Вотъ слова Плутарха: καὶ Τέλλος ¹⁾ μὲν ὑπὸ τῶν πολεμίων ὡς ἀνὴρ ἀγαθὸς ἐν τάξει μένων καὶ μαχόμενος κατέστρεψε. Ποπλικόλας δὲ τοὺς μὲν πολεμίους κτείνας, δι' τοῦ πεσεῖν εὐτοχέστερόν ἐστι, τὴν δὲ πατρίδα νικῶσαν ἐπιδὼν δι' αὐτὸν τὸν ἀρχοντα καὶ στρατηγούντα, τιμηθεὶς δὲ καὶ θριαμβεύσας ἔτοχε τῆς ζηλουμένης ὑπὸ Σόλωνος καὶ μακαριζομένης τελευτῆς. Ἐτι τοίνυν ἂ τοῖς περὶ Μίμνερμον ἀντικειμένων περὶ χρόνου ζωῆς ἐπιπεφώνηκε·

μηδέ μοι ἄκλαυστος θάνατος μόλοι, ἀλλὰ φίλοιαι
ποιήσαίμιν θανῶν ἄλγυα καὶ στοναχάς,

εὐδαίμονα τὸν Ποπλικόλαν ποιεῖ. Τελευτήσας γὰρ οὐ φίλους οὐδ' οἰκείους μόνον ἀλλὰ τῇ πόλει πάσῃ, μυριάσι πολλαῖς, δάκρυα καὶ πόθον καὶ κατήρειαν ἐφ' αὐτῷ παρέσχευ.

Отсюда видно только, что у Солона была *эпиграмма*, гдѣ онъ „*περὶ χρόνου ζωῆς*“ полемизировалъ съ Мимнермомъ, и что приведенный дистихъ былъ *заключительнымъ* ²⁾ (*ἐπιπεφώνηκε*). слѣдовательно *не единственному* (*μηδέ*). Соотвѣтственной эпиграммы Мимнерма не со-

¹⁾ Plut. Sol. c. 27.

²⁾ По мысли его это предположеніе очень естественно.

хранилось, но и въ ней очень могло быть *болѣе одного дистиха* ¹⁾. Намъ думается, нѣтъ особенной надобности полагать, что разбираемое двустишіе Эннія непосредственно, какъ думаетъ Валень, взято имъ изъ Мимнерма: обѣ эпиграммы, вѣроятно, были хорошо извѣстны Эннію, который могъ такъ же „ἀνταπειν“ Солону, какъ этотъ послѣдній Мимнерму ²⁾.

Такимъ образомъ въ эпиграммѣ Эннія *очень могло быть болѣе одного дистиха*. Если же Цицеронъ дважды цитуетъ только *одно* двустишіе, то, какъ видно изъ обонхъ контекстовъ, потому только, что для него въ обонхъ случаяхъ важна отдѣльная мысль о *необходимости* или *необходимости* сѣтованія по умершемъ, которая и раздѣляла Солона отъ Эннія. Другія части обонхъ эпиграммъ, какъ не имѣвшія къ этой мысли непосредственнаго отношенія. Цицерономъ опущены.

Теперь обратимъ вниманіе на первое, основное мѣсто Тускуланъ. „Желаніе жить послѣ смерти въ будущемъ, въ благодарной памяти потомства“, говоритъ ораторъ, „свойственно крупнымъ государственнымъ дѣятелямъ (principibus). А поэты? Развѣ они не желаютъ *посмертнаю* прославленія? Чѣмъ же объяснить слѣдующіе стихи (adspicite...)?“ — Приводится цѣлый дистихъ. Мы спросимъ — „чей?“ — „Incerti epigramma“ отвѣчаетъ Беренсъ (frgm. p. 137); „Pacuvii, sive quod magis probabile — Lampadionis vel Varguntei“ рѣшаетъ Д. Миллеръ (Q. Ennii carm. rell., p. 248): „Ciceroni autem, qui litterarum monumentorum saepe iudex est parum accuratus, fraudi fuit epigramma, ut solebat fieri, sine nomine auctoris imaginі illi ³⁾ subscriptum“, прибавляетъ онъ.

Итакъ великій ораторъ запросто „ошибся“ и довольно непростительнымъ образомъ: увидавъ въ посмертномъ изданіи „портретъ“ Эннія—а существованіе этого „портрета“ вовсе не доказано и не необходимо—и подъ нимъ двустишіе „incerti auctoris“, онъ приписалъ его

¹⁾ Cf. *Valen.*, Quaest. Enn. p. XC, который, кажется, склоненъ думать, что эпиграмма Мимнерма была всего дистихомъ.

²⁾ Въ старинныхъ изданіяхъ, напримѣръ у *База* (Вопп, 1826), двустишіе Солона соединилось съ предыдущей антиминермовской эпиграммой въ одну; у *Бузольца* и *Шнейдехана* онѣ правильнѣе отдѣлены (№№ 20 и 21); если даже выводить изъ *Плутарха*, что похемической эпиграммой Солона былъ № 20 *Schneid.*, то во всякомъ случаѣ слова *μῦθε μοι...* не непосредственно примыкали къ сохранившейся части этой эпиграммы.

³⁾ То-есть подъ *портретомъ Эннія*, украшавшимъ посмертное изданіе его „*Annales*“, сдѣланное „*Шакувиемъ, Лампадіономъ и Варгунтеемъ*“.

Эннію и самъ приклеилъ къ нему „довольно неловко“ второй, несомнѣнно уже Энніевскій дистиыхъ. Вѣроятно ли все это?

Первый, кто подошелъ къ этому вопросу еще сравнительно болѣе научнымъ образомъ, былъ О. Янъ ¹⁾ 13-ю годами послѣ Валена, соединившаго еще, по примѣру Скалигера, оба дистиыхъ въ одну эпиграмму. „Ихъ слѣдуетъ раздѣлить“ ²⁾, говоритъ О. Янъ, „по слѣдующимъ причинамъ:

1) слова *mercedem gloriae* отнюдь не связаны со вторымъ дистиыхомъ, потому что запрещеніе плакать по усопшемъ не есть *merces gloriae*;

2) *idemque* — тоже не говорить въ пользу связи, ибо можетъ значить „derselbe Dichter an einer anderen Stelle“;

3) если даже соединять оба дистиыхъ въ одну эпиграмму, то она выйдетъ „*keineswegs lobenswerth*“: нехорошо чередованіе 3-го и 1-го лицъ (*senis Enni—hic pinxit* и *немо te decoret*);

4) связи мысли между обоими дистиыхами тоже нѣтъ: къ чему запрещать плакать (*funera fletu facere*) *взирающему* на изображеніе Энніа, *хотя бы надгробное?* ³⁾. Вѣдь это можетъ имѣть мѣсто только при погребеніи (?!)“.

Итакъ это — два отдѣльныхъ дистиыхъ, второй Энніевскій ⁴⁾, а первый болѣе поздняго происхожденія, украшавшій собою изображеніе (можетъ быть статую) Энніа, стоявшее не непременно на его гробницѣ. Тутъ же О. Янъ разбираетъ извѣстныя свидѣтельства Плинія Старшаго, Ливія и Цицерона ⁵⁾ о мѣстѣ погребенія или, точнѣе, о мѣстѣ нахождения изображенія Энніа, и приходитъ къ выводу, что собственно „надгробія“ Энніа въ Римѣ нигдѣ не было, и что второй дистиыхъ, несомнѣнно Энніевскій, есть только (что и правильно) — какъ и соотвѣтствующіе стихи Солона и Мимнерма, — *часть* болѣе обширной пьесы, которую можно помѣстить между *Saturae*.

Эта аргументація допускаетъ однако нѣкоторыя возраженія.

1) Объяснять слова *mercedem gloriae* — *gloria* можно трыоко, конечно съ большей или меньшей степенью вѣроятности: а) это

¹⁾ Herms, l. c.

²⁾ Л. Миллеръ (Q. Enn. p. 247) склоненъ, кажется, приписать это раздѣленіе себѣ.

³⁾ Курсивы ваши.

⁴⁾ Его разбираетъ и сопоставляетъ съ Горациемъ (Од. II, 20) О. Янъ въ слѣдующей гл. 12-й, *ib.* p. 243 sqq.

⁵⁾ Plin. N. H. VII 114; Liv. XXXVIII 55; Cic. Arch. 9 + Schol.

резюме содержания опущеннаго Цицерономъ *второю*, средняго дистиха: 1) *вотъ изображение Эннія, описавшаго подвиги вашихъ отцовъ*; 2) *за это прославление я требую и себѣ почета въ будущемъ у васъ*; 3) *но не плача и рыданій: живущему въ произведеніяхъ своихъ поэту они не подходятъ*; толкованіе это не абсолютно нелѣпо, но въ данномъ случаѣ только *наименѣе* вѣроятно; b) *mercedem* etc. относится ко второму дистиху ¹⁾: „награда“—въ томъ, что о поэтѣ не будутъ плакать, какъ объ обыкновенномъ, хотя и близкомъ покойникѣ, а будутъ „имѣть на устахъ“ его произведенія, не дадутъ ему „умереть“ литературной смертью; тогда *volito*—*praesens* о близкомъ и несомнѣнно имѣющемъ осуществиться будущемъ,—толкованіе, не много болѣе вѣроятное, чѣмъ предыдущее; c) *mercedem* etc. относится къ первому дистиху: это видно уже изъ того, что *pinxit* (или *pinxit*) *maxima facta patrum*—есть синонимъ къ *patres adfecerat gloria*; тогда *merces gloriae* удобно связать съ *aspicite — hic pinxit*: „воззрите — вотъ кто прославилъ и т. д.“, лаконизмъ, нѣсколько напоминающій наше: „здѣсь лежить Суворовъ“; всякій „взирающій“ (*aspiciens*), значить, долженъ сказать: а, это нашъ *славный Энній*“,—толкованіе *наиболѣе* вѣроятное.

2) Тогда *idemque* значить—„я тотъ же поэтъ“, но не въ другомъ мѣстѣ, конечно, а въ „слѣдующемъ“ дистихѣ *ἐπιφώνει*: „я умеръ, какъ человекъ, но не плачьте: я живъ, какъ поэтъ“.

3) Мы не видимъ, чѣмъ плоха такимъ образомъ составленная эпитаграмма; однимъ изъ главныхъ упрековъ, служить, по О. Яну, „*die dritte Person senis Enni—hic pinxit und—nemo me decorat—volito, ohne jede Veranlassung zu einem solchen Wechsel*“. Но такой Wechsel въ *эпитафіяхъ* не безъ примѣровъ:

- n. 4: uxor cara viro monumentum *fecit* amanti;
 optaram in manibus coniugis occidere;
- n. 23: hoc iacet in lapide Aurelia Marcellina, plentissima coniux,
v. 9: et quicumque legis *nostros* (составителя) imitare dolores;
- n. 60: hic *sita* est Paterna post annos VIII et XX,
v. 8: *me* Germana creat tellus *myseram*, etc.;
- n. 64: Julia Erotis — — hic *sitast*;
 nullum dolorem ad inferos *mecum* tuli;

¹⁾ *Idemque* въ этомъ случаѣ не нужно исправлять ни въ *idem qui*, ни въ *ideoque*; заключительный отгвѣтъ можетъ быть въ немъ и по связи рѣчи, на примѣръ, Cic. Brut. 84: *non omnes, qui Attice, idem (= поэтому и) bene; id. Tusc. II, 23: ingemiscere nonnumquam viro concessum est, idque (= поэтому) raro.*

- n. 267: ...templum... Pomptillae cineres... tegit.
Sardoa tellure *premor* etc.;
- n. 304: Nome *fuit*... *vixi* parum etc.;
- n. 409: Antonius—hic *iacet*... studia *amavi*, etc.;
- n. 422: finitum Euhodiae fatum qui *conspicis* hospes,
desine *mirari*: corpus *inane iacet*;
Euhodus ut *valeat* pater *optimus*, *opto*;
- n. 457: три раза мѣняются лица 3-е и 1-е.
- n. 648: ossa sub hoc tumulo *placunt*, sed acerba parenti:
Amphio *mi* frater hoc titulum *posuit*;
- n. 832: o quanta pietas *fuera*t in hac *adulescentia*...
noli *dolere*, amica, *eventum meum*;
- n. 853: os... cum *decidit*... *componimur* ossa;
- n. 946: ossa T. Quincti hic sita sunt, Stabillio *cognomine vixit*,
multiplici cura *defessus* nunc *securus quiesco*;
- n. 1029: iuvenis... *occidit*... *atvixi*;
- n. 1066: hoc rudis aurigae *requiescunt* ossa sepulchro...
iam qui *quadriungos auferem* scandere *currus*;
- n. 1083: quo *continentur* ossa... *sepulta* hic *sita sum*;
- n. 1111: Manlia—haec *est*, quae *vixit* semper *natura proba*,
clientes habui multos, etc. ¹⁾.

4) Что между обоими дистихами нѣтъ связи, и что непонятно за-
прещеніе *взирающему* плакать о поэтѣ—сказать тоже нельзя. Луч-
шимъ опроверженіемъ этого довода служатъ надписи въ родѣ n. 481,
гдѣ именно отъ *взирания* (*videndo*) на изображеніе покойнаго *взираю-*
щій integrat et fletum et gemitus. то-есть другими словами *funera fletu*
facit—конечно *послѣ* погребенія. Такого плача поэтъ себѣ и не же-
лаетъ: „вотъ, граждане, Эний, увѣковѣчившій славные подвиги ва-
шихъ отцовъ: меня уже нѣтъ, но не плачьте обо мнѣ: я живу у на-
рода на устахъ“. На такую связь мысли, думается намъ, врядъ-ли
можно что-либо возразить; а что покойный въ началѣ надписи вмѣсто
hic ego sum употребляетъ свое *собственное имя*, тому и кромѣ выше-
приведенныхъ есть примѣры:

¹⁾ Мы могли бы указать еще на надгробіе нѣкоего *Ursus pilicrepus*, n. 1099,
гдѣ наблюдается такой же „Wechsel“, только въ обратномъ порядкѣ:

Ursus, togatus vitrea qui primus *pila*
lusi decenter...

ч. 12: Ursumque canite voce *concordi* venem,
qui *vixit* omnes *antecessores* suos.

- n. 105: si quis forte legit titulum nomenve requirit,
Dorchadis inveniet ossa sepulta loco:
 dum *vixi*, fui cara viro, etc. = n. 112.
- n. 309: hospes, consiste et *Thoracis* perlege nomen:
 immatura iacent ossa relata *mea*.
- n. 462: *Sophon* hic situs est... Saturnina soror, salve!
- n. 834: desinite, aequales, *Plocami* lugere sepulti
 fata *frequentatis funeris exequiis*:¹⁾
 in requiem *excessi* etc.
- n. 872: hoc est factum monumentum *Maarco Caicilio*;
 hospes, gratum est, quom apud *meas* restitistei sedes;
- n. 1107: *Aulus Palateina Egnatius Priscilianus*...
 dum *vixi*, *didici*, quae mors, quae vita homini esset;
- n. 1146: *C. Cornelius Fortunatianus* quondam de nomine patris...
 sufficiunt tituli: non ego solus *obi*; и др.

Итакъ, всё главные доводы О. Яна допускаютъ возраженія, и мы полагаемъ, что ему не удалось доказать необходимость раздѣлять оба дистиха. Въ такомъ же родѣ аргументація и Л. Миллера²⁾.

1) „Зачѣмъ“, спрашиваетъ онъ, „Цицеронъ самъ отдѣляетъ дистихи вставкой *mercedem* etc., если оба они приводятся для одной цѣли?“—Но мы указали выше, что *mercedem* etc. относится ближе къ *первому* дистиху, а потому и вполне уместно послѣ этого дистиха.

2) „Связи мысли между обоими дистихами нѣтъ потому уже, что первый обличаетъ въ составителѣ своемъ довольно тщеславнаго чело-вѣка (*homo qui multum tribueret honoribus vanis et quales vulgus amat; at verus Ennius prorsus abhorrebat a nugis talibus*)“.—Но спрашивается, что же тщеславнаго въ скромномъ названіи себя *senex Ennius* и въ констатированіи лишь факта, что онъ *pinxit maxima facta patrum*? Ужъ если на то пошло, то во второмъ, несомнѣнно Энниевскомъ дистихѣ „нескромности“ и „тщеславія“ побольше. И если бы мы имѣли *Annales* цѣликомъ, то, быть можетъ, нашли бы побольше мѣстъ, показывающихъ, что Энній былъ къ этимъ *nugae* не весьма равнодушенъ,—въ родѣ *nostra Latinos | per populos terrasque poemata clara cluebunt* (I, 4c), *ante hunc* (VII, 2b: „ait [Ennius] ipse de se, nec mentitur in glorlando“, говоритъ Цицеронъ, Brut. 18), *nos ausi reserare* (ibid.; Цицеронъ, Orat. 51, и здѣсь отмѣчаетъ нѣкоторое тще-

¹⁾ Очень близко къ Энниевскому (*funera fetu facere*).

²⁾ Q. Епп. р. 247 вq.

славіе), *собственная характеристика* (VIII, 12 m), *nos vitius Romanus, qui fuimus ante Rudini* (XVI, 3c) и др. ¹⁾. Да и самое обращеніе къ *cives*—въ манерѣ Эннія (ср. XVII, 5).—„Отчего же Энній не упомянулъ въ этомъ 1-мъ дистихѣ о своихъ драмахъ и сатурахъ? Ergo—1-й дистихъ не его произведение“.—Достаточно указать на то, что главнѣйшая *слава* Эннія лежала именно въ „Анналахъ“; о другихъ трудахъ можно было смѣло не упоминать ²⁾. На другихъ доводахъ Л. Миллера, въ родѣ того, что Эннію врядъ-ли была поставлена *заживо* статуя, что *Enni imaginis* даетъ неловкій hiatus, что онъ не имѣлъ права назвать себя *senex* сейчасъ послѣ окончанія „Анналовъ“—мы останавливаться не будемъ въ виду ихъ несерьезности.

Не вдаваясь въ разсмотрѣніе тоже весьма спорнаго вопроса, была-ли въ Римѣ дѣйствительно *гробница* Эннія ³⁾, что для нашей задачи не особенно существенно, удовольствуемся допущеніемъ вмѣстѣ съ О. Яномъ, что въ Римѣ могла быть, напримѣръ, *статуя* Эннія ⁴⁾, украшенная упомянутой эпитафией; О. Янъ полагаетъ, какъ мы видѣли, что надписью этой былъ или могъ быть лишь 1-й дистихъ, и то впоследствии лишь нанесенный на памятникъ, мы же въ виду вышеизложеннаго не видимъ поводовъ къ раздѣленію обѣихъ дистиховъ, и хотя конечно не считаемъ Эннія за „*beatus Fannius ultro delatis capsis et imagine*“, но всеже думаетъ, что такую эпитафию онъ могъ написать, и что послѣ его смерти она попала въ литературный оборотъ, со статуя ли поэта, или черезъ его читателей и почитателей. На дѣйствительныя надписи древнія, какъ извѣстно, безъ крайней надобности не ссылаются, а потому и не удивительно, что, говоря о статуѣ Эннія, они не говорятъ о ея надписи ⁵⁾.

Итакъ, въ своей эпитафій, могущей быть вполне причисленной къ сепулькральнымъ ⁶⁾, Энній, какъ и его друзья аристократы Сципіоны, апеллируетъ къ *cives*, а не къ *путникамъ* въ тѣсномъ смыслѣ слова.

¹⁾ Ср. *Teuffel*, Roem. Litter. I⁴, p. 172, 2.

²⁾ *Teuffel*, l. c. p. 169, 4.

³⁾ *Teuffel*, l. c. p. 167, 8. 6.

⁴⁾ О. Янъ ссмаеется совершенно справедливо на Аттія, послѣдовавшаго, какъ онъ полагаетъ, примѣру Эннія.

⁵⁾ О ней говоритъ довольно глухо только Плиній, Н. Н. VII 114.

⁶⁾ Ср. въ нашемъ сборникѣ пп. 166, 267, 481, 1108 и др.; *Weisshaupt*, Die Grabgedichte, cap. IV, p. 95 и особенно ib. p. 104 sp.; *Norton*, Greek grave-reliefs, „*Nagvard Studies*“, VIII, 1897, p. 41 sqq.; *aspice, aspiciate*—употребительно въ надгробіяхъ, напримѣръ пп. 149, 1049, 1284; *aspecto—tumulo*, п. 240.

Послѣ Энниевой эпиграммы слѣдуетъ поставить *elogium* 20-лѣтняго юноши Сципіона, съ его *ne quairatis*, обращеннымъ тоже къ *cives*, хотя, какъ мы выше замѣтили, не совсѣмъ въ тонѣ первыхъ двухъ элогіевъ, Барбата и его сына Луція.

И *переме* дается разбираемый шаблонъ извѣстной эпиграммой Пакувія: *adolescens, tametsi propegas, etc.*¹⁾ съ ея дублетомъ надгробіемъ Филотима²⁾; мы уже говорили въ предыдущемъ очеркѣ, что надпись Филотима по палеографіи своей относится скорѣе ко 2-ой половинѣ II вѣка до Р. Хр., чѣмъ къ началу слѣдующаго столѣтія, то-есть, приблизительно современна обыкновенно принимаемому году кончины Пакувія³⁾, или немного позже ея, такъ что между ними *хронологически* возможна преемственность оригинала и подражанія⁴⁾.

Эпиграмма Пакувія уже много отличается отъ Сципіоновскихъ и Энниевой. Она носитъ уже несомнѣнно *сепулькральный* характеръ⁵⁾, обращается къ *путнику*, а не къ *cives*, и писана *языкомъ, близкимъ къ народному*. Въ ней характерна прежде всего *apostrophe adolescens*, крайне рѣдкая во все послѣдующее время, когда путникъ сталъ называться *hospes, viator, graetereiens* и т. п.⁶⁾, и замѣненная въ близкой по времени эпиграммѣ Авла Гравія—шаблоннымъ *hospes*. Что въ обыкновенномъ, *житейскомъ*, такъ сказать, употребленіи терминъ этотъ прилагался къ людямъ сравнительно и довольно почтеннаго, обыкновенно средняго возраста—давно извѣстно⁷⁾; особенно это свойственно языку *драмы* и въ частности *комедіи*, напримѣръ, у Плавта:

¹⁾ *Buecheler*, *Carm. Epigr.* ad n. 848.

²⁾ *id. ibid.* n. 848.

³⁾ *Touffel*, *Roem. Litter.* I¹, p. 174, 1; *Schanz*, *Roem. Litter.* (Iw. Muller, VIII), p. 59 sq.; *O. Ribbeck*, *Gesch. d. röm. Dichtung*, I¹ p. 167.

⁴⁾ Арритмія въ собственномъ имени подражанія соответствуетъ, какъ и обыкновенно,—евритміи того же мѣста оригинала.

⁵⁾ Юноша Сципіонъ говоритъ о *салимъ*, скромный Пакувій только о *saxulum* („der milde, liebenswürdige Greis“—*Ribbeck*, l. c.; „graceful modesty“—*Conington*, *Wordsworth*, *Frags.* p. 594).

⁶⁾ Къ такимъ рѣдкимъ надробіямъ принадлежитъ Аквесестьіская надпись (n. 1160) вѣковаго *Sex. Iulius Felicissimus*, конца II вѣка по Р. Хр. („*litteris bonis a. fere II exentia*“): paulo aiste gradum, iuvenis pie, quaeso, viator; но въ другой эпиграммѣ той же лица, помѣщенной на томъ же камнѣ, путникъ названъ просто „читателемъ“: tu quicumque legis titulum feralem sepulti; въ n. 65 *imremis*—о влюбленномъ ювотѣ: tu quicumque legis titulum, iuvenis, qui sua sagast; въ nn. 149, 699 *imremes*—молодежь; въ n. 852—*imremis* = „въ молодости, за-благовременно“.

⁷⁾ *Forcellini—de Vit* v. v.

Men. 285—Менэхмъ II обращается къ *повару*, человѣку неопредѣленнаго, скорѣе средняго возраста: *quem tu parasitum quaeris, adulescens, meum?*

ib. 494—онъ же къ *паразиту*, который по собственному заявленію (v. 446) „*plus triginta annis natus*“: *adulescens, quaeso, quid tibi mecumst rei?*

ib. 1007—Менэхмъ I къ Мессеніону, *рабу* Менэхма II, неопредѣленнаго возраста, но по характеру не весьма молодому (этому не противорѣчатъ стихъ 268): *opsecro te, quisquis es, adulescens, operam mi ut duls;*

Trin. 871—Хармидъ, старикъ, къ *сикофанту*, человѣку не первой молодости ¹⁾: *quid, adulescens, quaeris?*

Curc. 399—паразитъ къ *банкиру*: *adulescens, quaeso ne me incomitias.*

Epid. 436—Перифанъ къ „солдату“, неопредѣленнаго (средняго) возраста: *adulescens, si istunc hominem etc.*

Terent. Phorm. 378—Демифонтъ къ *паразиту*: *adulescens, primum abs te hoc bona venia peto etc.* и др.

Такимъ образомъ и въ эпиграммѣ Пакувія покойный обращается къ путнику тѣмъ же обычнымъ житейскимъ терминомъ, хорошо подходящимъ къ языку остальнаго текста.

Этотъ „*adulescens*“ *properat*, частная характерная черта *путника*, довольно обычная и въ послѣдующее время:

- n. 1: *tu qui carpis iter gressu properante viator;*
- n. 355: *quisquis iter carpis, versos hos respice, quaeso;*
- n. 396: *supprime festinum, quaeso, viator, iter;*
- n. 527: *pergere qui] properas, rogo... requiesce;*
- n. 534: *quicumque Albana tendis properasque, viator; cf. n. 1269;*
- n. 555: *qui properas, viator, ire;*
- n. 580: *carpis iter gressu rog]o qui properante, [viator;*
- n. 699: *tu qui tendes iter properatim, siste parumper;*
- n. 761: *carpis si qui vias, paulum hunc depone laborem;*
- n. 1023: *tu qui proper]as, resiste et perlege hunc titulum;*
- n. 1140: *qui properas, quaeso, tarda, viator, iter.*
- n. 1157: *substa, precor, paulum, festina(n)s ire, viator;*
- n. 1219: *quisquis in has partes, quisquis percurris in illas,*
- n. 1268: *tu] qui cu[rris iter...; и др.*

¹⁾ Ср. *ib.* v. 905 sq.

Гораздо рѣже *путникъ* идетъ спокойно и неторопливо:

п. 93: tu qui *secura procedis* mente;

п. 108: ut qui praeteriens *gressu tardante* viator;

п. 227: tu qui *secura spatiarus* mente viator.

Затѣмъ въ разбираемой эпиграммѣ скромное *saxulum* ¹⁾ „просить“ путника „взглянуть и прочесть“; если *aspicere* (я его синонимы) и *legere* въ такихъ надгробіяхъ естественны и нерѣдки, то *просящій камень*—сравнительно не частое явленіе; его мы встрѣчаемъ въ завязанной отъ Пакувиевой эпиграммѣ Авла Грания, В. 53:

rogat ut resistas, hospes, te hic tacitus lapis,

а въслѣдствіи подобное олицетвореніе ²⁾ очень рѣдко; въ весьма напыщенной эпитафіи мавзолея Флавіевъ, п. 878—II вѣка по Р. Хр. находимъ ст. 86:

lapis ecce foratus

luminibus multis hortatur currere blandas

intus apes et cerineos componere nidos,—

примѣръ, конечно, не совсѣмъ аналогичный Пакувиевскому; въ Антипольской эпиграммѣ п. 1400—*tabula est aena, quae te cuncta perdocet*, но это по всей вѣроятности не надгробіе. Вообще же „могила“ не выходитъ за предѣлы обычной, шаблонной *personificatio*, въ родѣ:

п. 310: *contegit hic tumulus duo pignora cara parentum;*

п. 343: *iste tuum loquitur, Petronia, nomen*

iam titulus nono vixdum lacrimabilis anno;

п. 510: *hic lapis ossa tegit miseri collecta Philonis;*

п. 551: *eheu, quos fletus retinet crudele sepulcrum;*

п. 828: *subductum primae Pyladem haec ara iuventae | indicat;*

п. 879: *titulus tibi talis dicat;*

п. 906: *hic lapis et tutamen erit post mortem sepulcri*

et dabit indicium obitos hic esse sepultos;

п. 1160: *nomen si quaeris, titulus tibi vera fatetur, и др.*

Довольно рѣдко олицетворяются и *ossa*, находящіяся въ могилѣ:

п. 853: *pondere subiecto Thetidis componimur ossa*

grata magis terrae, quam tibe, dure lapis;

п. 1230: *hospes, ad hunc tumulum ne metas, ossa precantur.*

¹⁾ Уменьшительное—признакъ некоей густоты.

²⁾ Въ греческой эпиграфикѣ такое олицетвореніе „могилы“ въ провинціаль-ныхъ надгробіяхъ значительно древнѣе, чѣмъ въ Атикѣ—*Loch* I. с. р. 10, 46—но и въ ней эта форма очень древнее явленіе, *ib.*, р. 7.

Слѣдовательно, нѣкоторой оригинальности въ разбираемомъ выраженіи мы отрицать не въ правѣ, а ее уже нужно будетъ отнести къ слѣдамъ личнаго творчества поэта. Что Пакувій называетъ себя *поэтомъ*, не есть признакъ „искусственности“, а слѣдовательно поздняго происхожденія эпиграммы; у насъ есть примѣры несомнѣнно оригинальныхъ надгробій „поэтовъ“. напримѣръ:

п. 1028: *Nardus poeta pudens hoc tegitur tumulo;*

п. 1150: знаменитое надгробіе поэта Помпонія Бассула;

сюда же нужно отнести надгробіе Бассы, жены поэта Лаберія, п. 97, гдѣ послѣдніе два дистиха составляютъ надгробіе самого „*vates Laberius*“, имъ, конечно, и сочиненное, что видно отчасти изъ самой полиметрии надгробія: 3 *septenarii trochaici* + 2 *senarii iambici* + 7 *heroici* + 2 дистиха.

Заключается эпиграмма Пакувія вторичнымъ обращеніемъ къ путнику *vale!*, на что обыкновенно путникъ отвѣчаетъ впоследствии: *et tu (vale)*. Такимъ образомъ мы съ своей стороны также не видимъ основанія сомнѣваться съ оригинальности Пакувиевой эпиграммы, и даже, пока не найдется несомнѣннаго примѣра разбираемаго шаблона изъ времени *до Пакувія*, мы склонны думать, что онъ нѣкоторымъ образомъ инициаторъ этого шаблона на почвѣ римской надгробной эпиграфики.

Послѣ Пакувиевой идутъ эпиграммы Филотима — сколокъ съ Пакувиевскаго оригинала, — и Авла Гравія, его перифраза, осложненная нѣсколькими деталями, ставшими впоследствии тоже шаблонными, въ родѣ: *lapis ostendit (id), quod mandavit (is), quovis umbram tegit*, ср. пп. 271, 775 и др., — или *pudentis hominis, frugis, cum magna fide*, ср. пп. 756, 950 и др. — Въ этомъ надгробіи мы находимъ уже и шаблонное *hospes*, довольно рано однако начавшее вытѣсняться тоже шаблоннымъ *viator* съ его синонимами ¹⁾.

¹⁾ Одинъ изъ древнѣйшихъ примѣровъ употребленія *viator* — Беневентская надпись Гельвія Прима, п. 227 (*tu qui securus spatiarus mente, viator*), относящаяся къ 1-й половинѣ I вѣка до Р. Хр. (*Buescheler ad p. 960*); къ этому же періоду можно отнести и тѣ надписи, гдѣ оба они, *hospes* и *viator*, встрѣчаются вмѣстѣ, напримѣръ, п. 950 (*hospes resiste — rogo te, viator*); ко 2-й половинѣ того же столѣтія относится п. 1117: *si grave non, hospes, fuerit, remorare viator*; въ императорскій періодъ *hospes* уже очень рѣдко, напримѣръ пп. 73, 253, 539 и др., хотя попадается спорадически еще довольно поздно: п. 422 („*aet. Commod.*“ *Hübner*), и шрѣдка въ соединеніи съ *viator*: п. 1152 (*hospes, si non est lasso tibi forte molestum — tu qui preteriens legisti, lasse viator* — соединеніе двухъ разновременныхъ шаблоновъ).

Далѣ мы поставимъ надгробіе нѣкоего Maercus Calcilius, п. 872, палеографически и орфографически связанное съ эпохой Аттія, и представляющее вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ послѣднихъ по времени примѣровъ сатурній¹⁾ въ надгробіяхъ. Надпись даетъ не чистый шаблонъ „обращенія къ путнику“, а соединеніе болѣе древней нарративной формы съ разбираемымъ болѣе позднимъ шаблономъ, слѣдовательно, такъ сказать, въ хронологическомъ порядкѣ²⁾; впоследствии, какъ увидимъ, порядокъ сталъ, какъ это и естественнѣе, обратнымъ.

Болѣе сходства съ Пакувиевой представляетъ слѣдующая по времени эпитафия „красавицы Клавдіи“,

п. 100: hospes, quod deico, paullum est, etc.,

относимая къ „эпохѣ Гракховъ“ (Buecheler ad n. 52), хотя она можетъ быть и немного позже, но врядъ-ли позже конца II вѣка до Р. Хр. И въ ней ясно видны тѣ-же три составныхъ части, какъ и въ Пакувиевой: 1) собственно шаблонъ — „обращеніе къ путнику“: hospes — pellege; 2) нарративная часть, значительно впрочемъ большаго объема противъ Пакувиевой³⁾: heic est — lanam fecit; 3) вторичное, заключительное обращеніе къ путнику: dixi, abei. Первая и третья части коротки, даже короче чѣмъ въ эпитафіи Пакувія; зато *средняя, повѣствовательная* часть развита въ цѣлый элогій, и именно эта форма нашего типа стала впоследствии очень употребительной, напримѣръ пп. 34 (I часть — 2 стиха, II — 10, III — 1), 83 (I — 1, II — 5, III — 2), 108 (I — 3, II — 12, III — 3), 142 (I — 4, II — 5, III — 3), 364 (I — 2, II — 4, III — 1), 395 (I — 4, II — 15 [autobiogr.], III — 1), 412 (I — 2, II — 7 [autobiogr.], III — 2), 497 (I — 3, II — 4, III — 1), 587 (I — 2, II — 3 [autobiogr.], III — 1), 699 (I — 2, II — 7 [autobiogr.]⁴⁾, III — 2), 840 (I — 2, II — 7 [autobiogr.], III — 1), 896 (I — 1, II — 4, III — 1), 918 (I — 1, II — 1 [8-милѣтній ребенокъ], III — 1), 1017 (I — 2, II — 2 [autobiogr., либертъ?], III — 1), 1064 (I — 2, II — 8 [autobiogr.], III — 4), 1075 (I — 2, II — 3 [autobiogr.], III — 1), 1083 (I — 1, II — 5 [autobiogr.], III — 1), 1140 (I — 2, II — 11 [autobiogr.], III — 1), 1148

¹⁾ Въ надписи п. 1273 болѣе позднего времени сатурній не необходимъ.

²⁾ Какъ въ надписи п. 1247, вѣроятно I вѣка до Р. Хр.

³⁾ Что объемъ этотъ весьма рѣдко обратно пропорціоналенъ дѣйствительнымъ заслугамъ покойнаго, замѣтитъ всякій внимательный читатель подобныхъ надгробій.

⁴⁾ Средняя часть въ этомъ надгробіи носитъ названіе „elogium“ въ самой надписи: hoc lecto elogio, iuvenes, miserete iacentis.

(I—1, II—9 [autobiogr.], III—2), 1152 (I—2¹), II—6 [autobigr.], III—2), 1160 (I—2, II—8 [autobiogr.], III—1), и др. ²⁾

Затѣмъ слѣдуетъ упомянутое выше надгробіе „ювелира“ (margaritarius) Атилія Евада, п. 950, 1-й половины I вѣка до Р. Хр., гдѣ встрѣчаются, какъ мы сказали, оба шаблонныхъ термина, *hospes* и *viator*. Надпись представляетъ механическое сочетаніе двухъ типическихъ текстовъ, *поэтическую* съ тремя упомянутыми элементами, и *прозаическую*, гдѣ на лицо 2-я и 3-я часть, но опущена 1-я, такъ какъ она приходится послѣ втораго „обращенія къ путнику“ перваго текста; надгробіе, слѣдовательно, построено по схемѣ $a + b + a(+a) + b + a$.

Приблизительно современно ему надгробіе прѣкона . . . ius L. f., п. 896, представляющее, какъ мы выше замѣтили, тѣ-же три типическихъ элемента, какъ и эпиграмма Клавдія, близко сходная съ Пакувиевой, и надпись коллеги по профессіи—Гранія. Безымянный прѣконъ, поставившій себѣ гробницу еще заживо, долженъ былъ, конечно, замѣнить нарративно-элогіальную часть соотвѣтствующимъ текстомъ.

Затѣмъ къ I вѣку до Р. Хр. могутъ быть отнесены пп. 381, 395 (надгробіе отпущенницы Лидиніи Евхариды, „*quae graeca in scaepa rigina porulo arracuit*“), 549, 721, 731, 840, 1273, 1290; съ Августа „обращеніе къ путнику“ уже довольно обычный типъ надгробія, особенно въ теченіе первыхъ трехъ столѣтій; съ IV вѣка онъ уже рѣдокъ, и въ этотъ періодъ „путникъ“ замѣняется „зрителемъ“ (п. 863) или „читателемъ“ (п. 1027), встрѣчающимися впрочемъ и раньше.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ устройствѣ нашего типа.

Поскольку раньше разобранный шаблонъ *hic situs est* можетъ вполне быть *достаточнымъ* для надгробія самъ по себѣ, безъ соединенія съ другими, постольку же само по себѣ „обращеніе къ путнику“, понятное дѣло, шаблонъ *несамостоятельный*, для составленія надгробія недостаточный. Поэтому весьма рѣдкіе примѣры его, повидимому, самостоятельнаго употребленія должны быть объясняемы или недостаточностью самого текста надписи или другими причинами, напримѣръ:

п. 580—или часть болѣе полнаго текста, въ родѣ п. 869, гдѣ надгробіе разбито на двѣ части: а) „обращеніе къ путнику“ и б) собственно

¹⁾ Слова *sancta—merenti* не относятся къ шаблону.

²⁾ Исключенія, въ родѣ п. 1073—довольно рѣдки; ср. еще пп. 376 (обращеніе къ *cultores manium*), 569 (рѣдкое *meator*), 950 (извѣстное надгробіе „*margaritarius*“—см. ниже), 1108, 1155.

надгробіе,—писанныя в разными размѣрами; такія части текста могли быть помѣщаемы и на отдѣльныхъ камняхъ (въ п. 869 это *одина* *сиррус*);—или же, если только вѣрно предложенное нами дополненіе, здѣсь нарративная часть вплетена, такъ сказать, въ самый шаблонъ, какъ въ п. 168;

г. 1229 — шаблонъ развитъ въ холиямбическое четырехстишіе; присутствіе имени собственнаго покойницы даетъ эпитаграммѣ однако нѣкоторую законченность;

н. 1264—несомнѣнный фрагментъ, ср. п. 1268;

н. 1400—врядъ-ли надгробіе.

Иное дѣло, конечно, когда „обращеніе къ путнику“, не составляя собственно надгробія, отгѣнено однакоже такими элементами, которые даютъ ему до извѣстной степени законченный смыслъ; въ такихъ случаяхъ надгробіе дается нерѣдко отдѣльнымъ, прозаическимъ текстомъ ¹⁾, напримѣръ:

покойный проситъ путника пожелать ему мира, покоя, terram leuem и т. п.: пп. 1, 3, 6, 219, 299, 302, 491, 711а, 729, 755, 888 ²⁾, 918 ³⁾, 1202, 1203 (опущено *dic*), 1204, 1205, 1206, 1207, 1208, 1209, 1210, 1211, 1213, 1214, 1215, 1219, 1239, 1241, 1258, 1265, 1269 (но ср. болѣе полный типъ п. 534), 1276 (неполный текстъ), 1280, 1334, (рѣдкій примѣръ „равнодушія“ погребеннаго къ пожеланію путника), 1349 (фрагментъ), 1373;

покойный и самъ обращается съ пожеланіемъ къ путнику: пп. 1216, 1223, 1225, 1228, 1244, 1259 (вмѣсто шаблоннаго „путника“—*pater*), 1260, 1262, 1270, 1274, 1283, 1316, 1321.

покойный проситъ не тревожить его праха или мочилы ⁴⁾: пп. 450, 652, 691, 754, 1221, 1230, 1232, 1233, 1234 (христіанская: шаблонный „путникъ“ замѣненъ *fratres boni*), 1236, 1237, 1247 (арханч.), 1250 (добавленъ довольно шаблонный *θρηνος*), 1272 (арханч.), 1273, 1355;

покойный обращается къ путнику съ какой-либо сентенціей,—довольно обычно развитіе идеи о бренности жизни и всего земнаго ⁵⁾:

¹⁾ Употребительна эта форма особенно въ Испаніи.

²⁾ *тетор—fecit* не относится къ шаблону и вѣроятно проза.

³⁾ Прозаическая часть помѣщена внутри шаблона.

⁴⁾ Ср. *Bruno*, *Fontes i. R. car. XV*, p. 308 sqq.

⁵⁾ *Zimmermann*, *der kulturgeschichte. Werth d. röm. Inschr.* p. 30; весьма типична въ этомъ отношеніи римская надпись нѣкоего *M. Marius M. l.* прибли-

пп. 1290, 1303, 1305, 1314, 1323, 1324, 1325, 1329, 1331, и др. За вычетомъ этихъ случаевъ шаблонъ нашъ употребляется обыкновенно въ соединеніи съ другими:

Г. Въ началѣ надгробія.

а) Въ соединеніи съ повѣстью.

Сюда относится конечно прежде всего сама Пакувіева эпиграмма и упомянутыя выше подобныя ей изъ болѣе поздняго времени, типъ довольно любимый: пп. 63, 65, 131, 149 (нарративная часть отчасти вплетена въ „обращеніе“), 182, 353 (ср. п. 149), 355, 381, 386 (въ концѣ обращеніе къ parentes), 408, 422 (ср. п. 386), 464, 472, (фрагментъ довольно однако вѣроятнаго типа), 549, 550 (ср. п. 386), 551 (IV вѣка по Р. Хр.), 555, 612 (фрагментъ типа подобнаго п. 149), 617 (ср. п. 386), 634, 701, 717, 784, 803, 815, 858, 861, 863, 870, (вмѣсто повѣсти излагается *iusta cura pietatis*), 879 (ср. п. 149), 913, 917, 931, 933 (ср. п. 149), 937 (ср. *id.*), 939 (не сохранилась повѣсть), 940с, 985 (ср. п. 472), 996, 1023, 1049.

б) Въ соединеніи съ „автобіографіей“.

Одни изъ древнѣйшихъ примѣровъ этого типа—надгробія Гельвіи Примы и Лицинии Евхариды (пп. 227, 395) — упомянуты выше ¹⁾. Впослѣдствіи и онѣ стали одной изъ употребительнѣйшихъ формъ надгробій; нѣсколько примѣровъ приведены выше; затѣмъ укажемъ пп. 9 (?), 30, 93 (двойной діалогъ), 105, 112, 135, 216, 230, 253, 267, 2, 309 (ср. п. 386), 340 (ср. *id.*), 396, 403 (весьма любопытный и рѣдкій примѣръ двойнаго обращенія къ путнику въ началѣ надгробія, при чемъ первое обращеніе пародоксально), 466 (центонъ), 512, 527, 534, 539, 591, 611, 613, 649, 667, 721, 730, 761, 844, 910, 1061 (автобіографія вплетена въ обращеніе), 1063, 1065, 1073 (довольно рѣдкое исключеніе изъ вышеуказаннаго шаблоннаго трехчастнаго типа), 1076, 1124, 1126, 1130, 1137, 1153, 1155, 1157, 1348 (?), 1360 (?).

зительно половины I вѣка по Р. Хр., озаглавленная на самомъ камнѣ *vītae consolatio*, п. 1302; въ такихъ сентенціяхъ покойный апеллируетъ нѣрѣдко даже не къ путнику, а къ „человѣку“ вообще: пп. 1282, 1284, 1287 (*quisquis es* — не только путникъ), 1299, 1304, 1307, 1310, 1311, 1318 (*homines ego moneo*), 1319, 1326 (о „друзьяхъ“ и „черномъ днѣ“), 1328, 1330, 1332, 1333, 1336 (*homuncule!*), и др.

¹⁾ Самъ по себѣ типъ „автобіографіи“, даваемый, какъ мы замѣтили выше, уже двумя злогіями Сципионовъ, довольно древнее явленіе, допакувіевской эпохи.

II. Въ концѣ надгробія ¹⁾.

а) Въ соединеніи съ повѣстью.

Типъ этотъ появляется нѣсколько позднѣе предыдущаго: хотя уже въ элогіи Сципіона юноши не *quaiŕatis*, помѣщенное въ концѣ надгробія, какъ бы указываетъ на возможность современнаго существованія этого типа, но, какъ мы выше замѣтили, *quaiŕatis* еще не есть обращеніе собственно къ путнику. Затѣмъ однимъ изъ древнѣйшихъ примѣровъ будетъ надгробіе Плотія Фрины изъ Новаго Кареагена, I вѣка до Р. Х., п. 731, представляющее послѣ краткой повѣсти тоже краткій діалогъ между путникомъ и покойной: „*salve*“—„*salvos seis*“. Къ эпохѣ Августа могутъ быть отнесены: пп. 973 (*have et vale*), 276 (*hospes... quei*), 904 (*memento te esse hominem*); къ послѣдующему періоду пп. 35, 60, 132 (повѣсть—проза), 140, 143, 178 (ср. п. 132), 201 (ср. *id.*), 273, 306, 307, 341, 343 (христіанская: въ концѣ: вм. путника—*fidelis*), 409 (ср. п. 132), 413, 471, 483 (?), 488, 508, 510, 562, 581, 588, 677 (ср. п. 132), 692, 703, 712, 747, 819, 828, 906, 998, 1002, 1021, 1027, 1110 (любопытное соединеніе повѣсти съ очень краткой *quasi*-автобіографіей, вставленной въ повѣсть), 1164 (?), 1168, 1191.

б) Въ соединеніи съ автобіографіей,

довольно любимый типъ надгробій императорскаго періода, пп. 124, 147, 207, 231, 242 (эпохи Августа), 272, 304, 365, 399 („автобіографія“ введена словами: *Tuscanianus dicit*), 418 (вѣроятно доавгустовской эпохи), 435 (эпохи Августа), 599, 663, 763 (?), 767, 821, 1066, 1094, 1095, 1103, 1109, 1119, 1120, 1138, 1145, 1162.

Гораздо рѣже, какъ и естественно, „обращеніе“ вставлено

• въ средину надгробія

пп. 200 (послѣ 1-го двустішія, составляющаго какъ бы вступленіе) ²⁾, 337 (послѣ 1-го стиха), 447 (любопытное соединеніе двухъ автобіографій, раздѣленныхъ „обращеніемъ“; въ такомъ же родѣ африканская „двойчатка“—надгробіе Плавцины, п. 220, но такъ какъ она *genere regio*, то „обращеніе“, понятно, отсутствуетъ), 455 (послѣ „вступленія“ изъ 4-хъ дистиховъ), 688 (въ сущности „обра-

¹⁾ Содержаніе этихъ *proscripta*—въ общемъ то же, что и въ вышеуказанныхъ отдѣльныхъ случаяхъ употребленія шаблона, а кромѣ того въ акростихахъ—приглашеніе обратить вниманіе на *capita versum*, рѣже помѣщаемое въ началѣ.

²⁾ Въ концѣ надписи обращеніе повторено.

щение“ здѣсь въ концѣ, потому что послѣдній дистихъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ ὄρθρος), 829 (въ такомъ же родѣ: послѣдній дистихъ слабо связанъ съ остальнымъ текстомъ), 853 (въ срединѣ простое *ut cernis*), 1127 (послѣ 1-го дистиха).

Въ литературѣ первый примѣръ нашего шаблона дается „quasi-надгробіемъ“ *Доссенна* у *Сенеки*, *Epistul.* 89, 7:

hospes resiste et sophiam Dossenni lege

Варроновскаго періода ¹⁾, съ шаблоннымъ *hospes*.

Цицеронъ (*Tusc.* I, 42, 101) переводитъ извѣстное надгробіе *Спартанцевъ* ᾧ ξαίν' ἀγγεῖλον:

dic, hospes, Spartaе nos te hic vidisse iacentis,
dum sanctis patriae legibus obsequimur.

Къ раннимъ произведеніямъ *Вермилія* *Донатъ* причисляетъ „надгробіе“ *разбойника Баллисты*:

monte sub hoc lapidum tegitur Ballista sepultus:
nocte, die tutum carpe, viator, iter.

Употребленіе *viator* вмѣсто *hospes* не противорѣчитъ времени поэта.

О „надгробіи“ *Трималхиона* мы уже говорили выше.

Марціалъ VI, 28 сочиняетъ надгробіе *Главція*, отпущенника *Мелиора*, по типу „повѣсть+обращеніе къ путнику“; эпиграмма заключается словами:

qui fles talia, nil fleas, viator,

гдѣ содержится вовсе не запрещеніе ²⁾ плакать, а напротивъ — довольно обычное пожеланіе *жалостливому* путнику *не испытать самому горестной потери*, ср. nn. 35 (*sis felix, quicumque leges: te pumina servent*), 60, 365 (*quisque legis, doleas: devites talia fata*), 399 (*quicumque leget, nolo experiatur luctum*), 1095 (*bene sit tibi, qui me legeris*), и др.

idem, X, 63 — нѣсколько разнязное „надгробіе“ нѣкоей матроны, построенное по схемѣ „обращеніе“+автобіографія, съ *Марціаловской*

¹⁾ По всей вѣроятности, цитата изъ ателланы, гдѣ *Доссеннъ* заказываетъ себѣ à la *Трималхионъ* надгробіе, а не дѣйствительное надгробіе „поэта“ *Доссенна* или „актера“, исполнителя этого типа; извѣстное мѣсто *Горация*, *Epistul.* II, 1, 178, гдѣ *Dossennius*—имя славуемаго при подлежащемъ *Plautus*,—здѣсь конечно не при чемъ—*Teuffel*, *Roem. Litter.* I, p. 14, 3; *L. Müller*, ad *Horat.* l. c.

²⁾ Ср. n. 143.

32 О НЕКОТОРЫХ ТИПАХЪ РИМСКИХЪ МЕТРИЧЕСКИХЪ НАДГРОБИЙ.

перифразой (ст. 8) известной шаблонной похвалы: *ipso contenta viro, ipivita, ipiscuba*, и т. п.

idem, X, 71 — эпитафия „родителямъ“ — по схемѣ „обращение“ + повесть.

idem, XI, 13 — эпитафия актера Париса, по схемѣ: „обращение“ + повесть, близко напоминающая пп. 534, 1269 нашего сборника.

idem, XI, 91 — эпитафия семилѣтней *Canace*, съ „обращениемъ“, вставленнымъ послѣ 1-го вступительнаго дестиха.

III. Холодильникъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О НАЧАЛѢ ГРЕЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ¹⁾.

Мы видѣли, что выводы Петри относительно микенскихъ и домикенскихъ знаковъ греческой письменности оказались неустойчивыми ²⁾, хотя нельзя не согласиться, что многіе изъ сгруппированныхъ имъ знаковъ ³⁾ сильно напоминаютъ знаки кипрскаго письма и финикійско-греческаго алфавита. Весь вопросъ о существованіи письменности у грековъ въ доисторическую эпоху былъ бы, безъ сомнѣнія, сочтенъ рѣшеннымъ въ отрицательномъ смыслѣ ⁴⁾, еслибы новое, неожиданное открытіе въ другой части древняго міра не пролило новый свѣтъ на упомянутые знаки.

Въ 1893 и слѣдующихъ годахъ директоръ оксфордскаго Эчмолинскаго музея Джонъ Артуръ Ивенсъ, объѣзжая островъ Критъ, открылъ частью на камняхъ разнаго рода, частью на сосудахъ, двойкій типъ письма: 1) картинный и 2) линейный ⁵⁾. Картинное письмо, встрѣ-

¹⁾ См. юньскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за текущій годъ.

²⁾ Впрочемъ, публикаціи произведенныхъ въ 1892 г. раскопокъ Петри въ Тель-эль-Амарнѣ побудили Штейндорфа высказаться на засѣданіи археологовъ въ Берлинѣ въ февралѣ 1893 г. въ пользу правдивости предыдущихъ выводовъ Петри и основательности его сужденій (*Woch. f. cl. Phil.* 1893, Sp. 531—3).—Результаты этихъ раскопокъ были потомъ изданы вмѣстѣ (*Tell el Amarna. Egyptian Exploration Fund. London. 1894, 4° fol.*). Торрь однако и тутъ находитъ поводъ къ возраженіямъ (*Classical Review* VIII, 1894, 7 July, pp. 320—323).

³⁾ *Plahun, Kabun and Gurob. Plate XV.*

⁴⁾ Какъ это и сдѣлалъ Перро (*Perrot et Chipiez. Hist. de l'art d. l'ant. VI, p. 935.*

⁵⁾ О результатахъ своихъ изслѣдованій Ивенсъ вкратцѣ сообщилъ въ письмѣ, отправленномъ въ Hellenic Society въ апрѣлѣ 1894 г. и напечатанномъ въ *Athenaeum* № 3478 (1894, June 23), p. 812 f. Ср. также *Academy* № 1148 (1894.1), p. 379; *Athenaeum* № 3500 (1894.2), p. 720; *Classical Review* VIII, 9 (Novemb.

чающееся на такъ называемыхъ „печатныхъ камняхъ (seal-stones)“ круглой и призматической формы, обыкновенно пробуравленныхъ вдоль оси (что свидѣтельствуеетъ о ихъ предназначеніи для ношенія — вѣроятно, вокругъ шеи или на груди), распадается на двѣ группы: древнѣйшая находится на камняхъ, матеріаломъ для которыхъ служить болѣе мягкая порода (стеатитъ), и представляетъ грубыя изображенія людей, животныхъ, сосудовъ и т. п. предметовъ; позднѣйшая (на камняхъ болѣе твердыхъ породъ, какъ яшмы, сердолика) обнаруживаетъ гораздо болѣе совершенныя формы такихъ же и другихъ предметовъ, и притомъ нерѣдко съ явно условнымъ значеніемъ ихъ, что, между прочимъ, видно изъ неоднократнаго сопоставленія извѣстныхъ знаковъ (напримѣръ, согнутой ноги возлѣ изгороди или двери). На камняхъ древнѣйшаго типа мы замѣчаемъ несомнѣнные слѣды вліянія египетской культуры времени XII династии, то-есть, половины 3-го тысячелѣтія до Р. Хр.: это доказываютъ, напримѣръ, формы спиралей и особаго рода сосудовъ. Восточному вліянію слѣдуетъ, повидимому, приписать изображеніе верблюда въ сидячемъ положеніи, котораго переднія ноги, однако, представлены согнутыми впередъ (свидѣтельство о недостаточномъ знакомствѣ рѣзчика съ этимъ животнымъ); далѣе изображеніе пѣтуха, родиной котораго, какъ извѣстно, была Мидія; наконецъ, нѣсколько геммъ изъ слоновой кости, найденныхъ въ „Фестскомъ могильникѣ“. Что сношенія жителей Крита съ востокомъ дѣйствительно существовали въ очень отдаленныя времена, доказываетъ найденный на берегу сѣверной Сиріи одинъ экземпляръ геммы чисто критскаго типа, хранящейся въ Эчмолинскомъ музеѣ: судя по грубой отдѣлкѣ, камень этотъ не можетъ быть отнесенъ ко времени позднѣе 2000 г. до Р. Хр.¹⁾ На нѣкоторыхъ камняхъ мы видимъ группы шариковъ по 1, 3, 4 и 12, что свидѣтельствуеетъ о примѣненіи двѣнадцатичной системы счисле-

1894), p. 422. Обстоятельное разсужденіе появилось въ *Journal of Hellenic Studies* XIV, 2 (1894), pp. 270—372 и затѣмъ въ особой книгѣ „*Cretan pictographs and graeco-Phoenician script*“ (London—New-York. 1895, 8°), въ Appendix'ѣ къ которой авторъ публикуеетъ предметы, найденные въ такъ-называемомъ „Фестскомъ могильникѣ“; послѣдніе представляютъ собою памятники древнѣйшей критской культуры и восходятъ къ 3-му и даже 4-му тысячелѣтію до Р. Хр.—Слѣдующія затѣмъ открытія, отчасти уже опубликованныя въ *Academy* 1896 (June 13, 20, July 4, 18) появятся въ ожидаемомъ XVII томѣ *The Journal of Hellenic Studies* (1898), pp. 327—395, подъ заглавіемъ: „*Further discoveries of Cretan and Aegean script: with Libyan and proto-Egyptian comparisons*“.

¹⁾ Ср. *Evans*. *Cret. pict.*, p. 64 [J. H. S. XIV, p. 333].

нія, очевидно, въ торговыхъ сношеніяхъ. Неоднократное изображеніе страуса указываетъ на вліяніе юга. Интересно также неоднократно изображеніе паука, который встрѣчается и на древнѣйшихъ египетскихъ цилиндрахъ и на трехгранномъ призматическомъ стеатитовомъ „печатномъ камнѣ“, найденномъ Честеромъ въ Карнакѣ и относимомъ Ивенсомъ приблизительно къ 3400 году до Р. Хр. ¹⁾. Камень этотъ значительно древнѣ критскихъ и является, по мнѣнію Ивенса, представителемъ туземной ливійской культуры, предшествовавшей египетской. Критскіе камни съ изображеніемъ паука найдены близъ древняго Милета (нынѣ деревни Мlлато) на сѣверо-восточномъ берегу Крита. Это обстоятельство невольно наводитъ Ивенса на мысль о существованіи извѣстной связи между Критомъ и западнымъ берегомъ Малой Азіи, гдѣ паукъ, какъ представитель ткацкаго искусства, играетъ роль въ мифѣ Арахны ²⁾.

Картинныя изображенія на древнихъ критскихъ „печатныхъ камняхъ“ обнаруживаютъ какъ будто извѣстное отношеніе ихъ къ владѣльцу. Это видно изъ того, что почти на всѣхъ встрѣчается фигура человѣка, имѣющая, очевидно, первенствующее значеніе среди другихъ изображеній. Естественно предположить поэтому, что и на „печатныхъ камняхъ“ позднѣйшаго типа, который, судя по характеру декоративныхъ фигуръ и общей отдѣлкѣ, относится къ макенскому времени, слѣдуетъ искать указаніе на подобное же отношеніе къ владѣльцу.

Такъ какъ картинное письмо встрѣчается, за исключеніемъ одного „печатнаго камня“, найденнаго въ Спартѣ и хранящагося въ Эчмолинскомъ музеѣ, преимущественно въ восточной части Крита, то-есть въ исконныхъ мѣстахъ поселенія „этеокритянъ“, то оно можетъ быть съ полнымъ основаніемъ названо „этеокритскимъ“ ³⁾. Число знаковъ картиннаго письма восходитъ теперь до 93 ⁴⁾.

Линейное письмо, число знаковъ котораго возросло до 34 ⁵⁾, встрѣчается не только на критскихъ „печатныхъ камняхъ“, но и на камняхъ кносскихъ стѣнъ ⁶⁾, на алтарѣ Диктейскаго Зевса ⁷⁾, на

¹⁾ Journal of Hellenic Studies XVII, p. 362 ff.

²⁾ См. J. H. S. XVII, p. 388.

³⁾ Cretan pictographs, p. 93 [J. H. S. XIV, p. 362].

⁴⁾ Ibid. p. 33 ff. [302 ff.]; J. H. S. XVII, n. 339 f.

⁵⁾ Cretan pictogr., p. 77 [J. H. S. XIV, p. 346]; J. H. S. XVII, p. 386.

⁶⁾ Cretan pictogr., p. 13 [J. H. S. XIV, p. 282].

⁷⁾ J. H. S. XVII, p. 350 ff.

критскомъ и дельфійскомъ бронзовыхъ топорахъ ¹⁾, на вазѣхъ Микенъ ²⁾, Навплии ³⁾, Мениди (въ Атикѣ) ⁴⁾, острова Кноеръ ⁵⁾, на камчѣ съ острова Сифна ⁶⁾, и можетъ быть, на глиняныхъ „кольцахъ (whorls, Wirtel)“ Гиссарлика ⁷⁾, то-есть вообще въ области Эгейскаго моря, и названо Ивенсомъ поэтому просто „эгейскимъ“ или „микенскимъ“ ⁸⁾. Впрочемъ здѣсь можно различить двоякій типъ: одинъ, встрѣчающійся на памятникахъ древнѣйшей культуры Эгейскаго моря, подчасъ даже рядомъ съ картинными знаками, настолько живо напоминаетъ послѣдніе, что трудно бываетъ отличить его отъ нихъ; другой носить чисто линейный характеръ и встрѣчается какъ на памятникахъ домикенской, такъ и микенской культуры. Ивенсъ вполне справедливо думаетъ, что первый типъ линейнаго письма и есть прототипъ письма эгейской культуры ⁹⁾: изъ грубыхъ изображеній людей, животныхъ и другихъ предметовъ, напоминающихъ первые рисунки дѣтей на аспидной или грифельной доскѣ, развилось какъ настоящее условное линейное письмо, такъ и картинное микенскаго времени, причемъ, конечно, играло извѣстную роль и иноземное влияние. Мы видимъ подобныя линейно-картинныя грубыя изображенія и въ другихъ частяхъ доисторической Европы: въ Трансильваніи, Андалузій, въ западныхъ Альпахъ, Британніи, Ирландіи и Скандинавіи ¹⁰⁾. Если на Критѣ это линейно-картинное письмо получило рано извѣстную степень развитія, то мы должны видѣть здѣсь влияние извнѣ. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ открытый въ апрѣлѣ 1896 года алтарь Диктейскаго Зевса ¹¹⁾.

¹⁾ Cretan pictographs, p. 11 [J. H. S. XIV, p. 280].

²⁾ Πρακτικὴ τῆς Ἀρχαιολογικῆς Ἑταιρίας 1889, σελ. 19; Δελτίον ἀρχαιολογικόν 1892, σελ. 82; Τσοῦντας. Μυκῆναι (1893), σελ. 314; Evans, Cretan pict., p. 4 [J. H. S. XIV, p. 278].

³⁾ Δελτ. ἀρχ. 1892, σελ. 73; Evans, Cret. pict., p. 5 [J. H. S., p. 274], ann. 4.

⁴⁾ Τσοῦντας. Μυκῆναι, σελ. 213; Evans, ibid., ann. 3.

⁵⁾ Manatt-Tsountas. The Mycenaean age, p. 279; Evans, J. H. S. XVII, p. 349.

⁶⁾ Cretan pict., p. 18 [J. H. S. XIV, p. 287].

⁷⁾ Schliemann. Plios (1881), S. 766 ff.

⁸⁾ Cret. pict., p. 93 [J. H. S. XIV, p. 362]. Сюда же слѣдуетъ отнести и найденный Честеромъ въ Нижнемъ Египтѣ небольшой камень изъ чернаго стеатита, хранящійся въ Эммолинскомъ музеѣ,—Cret. pict., p. 78 [J. H. S. XIV, p. 347].

⁹⁾ J. H. S. XVII, pp. 330, 391.

¹⁰⁾ Ibid., p. 391 f. Cf. Ph. Berger. Histoire de l'écriture dans l'antiquité. 1891, p. 2.

¹¹⁾ J. H. S. XVII, pp. 350—361.

Камень этотъ найденъ въ пещерѣ на разстояніи $4\frac{1}{2}$ час. отъ древняго Литта надъ деревней Psychro. Сдѣланный изъ него алтарь (изъ темнаго стеатита) представляетъ собою часть низкаго стола прямоугольной формы съ 4-мя маленькими ножками по угламъ и массивнымъ основаніемъ по срединѣ. На верхней поверхности стола сохранились части двухъ широкихъ углубленій круглой формы съ выступающими надъ поверхностью стола краями. Внутреннее углубленіе больше внѣшняго, одинаковое съ которымъ находилось, безъ сомнѣнія, первоначально и по другую сторону средняго. Предназначены были эти углубленія, очевидно, для возліяній. Для опредѣленія времени этого алтаря важно съ одной стороны открытіе цѣлой коллекціи предметовъ позднѣйшаго микенскаго времени надъ нимъ на разстояніи половины метра, съ другой — открытіе подобнаго же алтаря на мѣстѣ древняго святилища Зевса на южномъ берегу острова (нынѣ Argi) среди предметовъ, восходящихъ ко времени 3-го тысячелѣтія до Р. Хр. и носящихъ явные слѣды вліянія египетской культуры времени XII династіи. Такъ какъ подобные алтари встрѣчаются въ Египтѣ въ очень древнія времена, и недавно французскими изслѣдователями Gautier и Jéquier былъ дѣйствительно найденъ таковой времени XII династіи въ Лейштѣ, хранящійся теперь въ музеѣ Гизехъ, то мы должны видѣть въ критскихъ экземплярахъ вліяніе древней египетской культуры.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ однако находящаяся на верхней поверхности алтаря, съ краю, сохранившаяся (повидимому, на половину) надпись, состоящая изъ 9 знаковъ линейнаго характера. Судя по точкѣ, которая помѣщена между вторымъ и третьимъ знакомъ, и притомъ несравненно ближе ко второму, надпись эта имѣетъ направленіе слѣва направо. Первый знакъ сохранился лишь отчасти, но, очевидно, тождественъ съ третьимъ и представляетъ собою удлиненное изображеніе изгороди или двери съ четырьмя поперечными линиями (2 внизу, 2 сверху). Второй знакъ до сихъ поръ не встрѣчался и представляетъ собою нѣчто въ родѣ воротъ или свода съ упирающимися въ верхнюю часть его внутри знакомъ Υ Ивенсъ сопоставляетъ его съ египетскими гіероглифами *seh* (заль), *hb* (собраніе, торжество), *ua-ua* (размышлять) и *sent* (знаніе, мудрость и воскуреніе ладана). Четвертый и пятый знаки одинаковы и отчасти похожи на греческое Υ . Шестой знакъ сохранился не вполне и представляетъ, можетъ быть, спираль \mathcal{S} (кипрск. *pe*); въ ряду египетскихъ гіероглифовъ ему соотвѣтствуетъ знакъ, означающій клубокъ нитокъ. Отъ

седьмого знака сохранилась лишь остроконечная длинная черта. Восьмой знак, представляющий как-будто верхнюю часть финикийского *resch.* соединенъ съ девятымъ, который, въ свою очередь, напоминаетъ финикийское *beth.*

Важность этой надписи заключается въ томъ, что она носитъ несомнѣнный характеръ письменности и притомъ, вѣроятно, алфавитной ¹⁾. Сходство знаковъ алтаря съ критскими знаками „печатныхъ камней“ доказываетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ письменностью одного и того же типа. Судя по характеру письма, мы видимъ въ интересующей насъ надписи приближеніе къ письменнымъ памятникамъ 3-го тысячелѣтія, хотя нѣкоторые знаки, встрѣчающіеся часто на „печатныхъ камняхъ“ микенскаго времени, обнаруживаютъ связь съ позднѣйшимъ типомъ письма. Такимъ образомъ время надписи слѣдуетъ отнести приблизительно къ 2000 г. до Р. Хр., съ чѣмъ вполне согласуется и время самаго камня.

Сравнивая открытые Ивенсомъ „микенскіе“ линейные знаки съ кагунскими и гуробскими знаками Петри и съ найденными Блиссомъ въ Тель-эль-Гези, мы не можемъ не замѣтить между ними взаимнаго сходства. Изъ сопоставленія ихъ ²⁾ Ивенсъ заключилъ, что названные знаки, въ датировкѣ которыхъ онъ соглашается съ Петри и Блиссомъ, эгейскаго происхожденія, почему и видѣлъ въ мѣстахъ ихъ находки слѣды „эгейской“ культуры.

Новыя открытія въ Египтѣ заставили однако Ивенса измѣнить свой взглядъ на эти знаки. Раскопки, произведенныя Петри въ Naqada ³⁾, обнаружили остатки культуры древнѣйшихъ временъ. среди которыхъ, между прочимъ, оказались горшки краснаго цвѣта („red-faced pottery“) съ знаками, похожими на кагунскіе и гуробскіе. По мнѣнію Петри, открытые имъ предметы относятся ко времени между IV и XII династіями. Однако страннымъ должно было показаться то обстоятельство, что въ 3.000 гробницахъ не оказалось ни одного скарабея или фамильнаго герба современнаго египетскаго производства ⁴⁾. Открытіе затѣмъ De Morgan'омъ царской пирамиды въ Naqada, которую теперь принимаютъ за гробницу фараона I династіи Менеса, доказало, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ памятниками культуры вре-

¹⁾ Такъ думаетъ Ивенсъ (J. H. S. XVII, p. 360).

²⁾ Cret. pict., pp. 80. 82 [J. H. S. XIV, pp. 349 and 351].

³⁾ Petrie. Naqada and Ballas. London, 1896. 4° fol. (Egyptian Expl. Fund 1895).

⁴⁾ Evans. J. H. S. XVII, p. 378.

мени I египетской династии, въ которой, впрочемъ, хотѣли сначала признать слѣды доегипетской туземной „ливійской“ культуры¹⁾. Что касается горшковъ краснаго цвѣта, то подобные экземпляры найдены въ оазисѣ Дэхлѣ, въ могилахъ мѣднаго вѣка на Кипрѣ, въ древнѣйшихъ слояхъ Гиссарлика, въ мѣстахъ доисторической культуры материка и острововъ Греціи, въ Тунисѣ, Алжирѣ и на островѣ Мальтѣ²⁾. По мнѣнію Ивенса, это доказываетъ однородный характеръ культуры всего сѣвернаго берега Африки и вообще Средиземнаго моря. Ничто не мѣшаетъ однако предположить египетское происхожденіе упомянутыхъ горшковъ.

Подобный характеръ обнаруживаютъ также знаки, найденные въ могилахъ I и II египетскихъ династій въ Авидѣ рядомъ съ гіероглифическими изображеніями³⁾. Впрочемъ, настоящіе гіероглифы находятся на предметахъ болѣе развитаго искусства, изготовленныхъ изъ иноземнаго матеріала (напримѣръ, на кристалловыхъ и порфировыхъ вазахъ), тогда какъ чисто линейные знаки оказываются на грубыхъ глиняныхъ сосудахъ, предназначенныхъ для обыденнаго употребленія. Нѣкоторые изъ этихъ знаковъ суть просто нацарапанные грубою рукою контуры гіероглифовъ. Подобныя изображенія замѣтны и на сосудахъ изъ Naqada, которые старше авидскихъ. Такъ какъ большое число гіероглифовъ, каковы лотосъ, водяныя птицы, рыбы, крокодилъ и т. п., встрѣчающіеся на египетскихъ памятникахъ I и II династій, обнаружено въ чисто линейномъ видѣ на памятникахъ древнѣйшей египетской, а по нѣкоторымъ туземной „ливійской“ культуры, то Ивенсъ выводитъ отсюда заключеніе, что начатки египетскаго гіероглифическаго письма слѣдуетъ искать въ линейныхъ „ливійскихъ“ элементахъ доегипетскаго времени, и что линейныя гіероглифическія изображенія, найденныя на авидскихъ горшкахъ и въ Naqada, суть прототипы позднѣйшихъ гіероглифовъ, — процессъ, аналогичный съ критскимъ⁴⁾.

¹⁾ *De Morgan*. Recherches sur les origines de l'Égypte. Paris, 1896, p. 76 sqq. Ср. *Salomon Reinach*. Le préhistorique en Égypte d'après de récentes publications [Anthropologie 1897, p. 327 sqq.]; *Evans*, J. H. S. XVII, p. 379 sqq. — Штейндорфъ однако видитъ здѣсь слѣды древнѣйшаго египетскаго искусства (*Ebers Festschriftensammlung* 1 März 1897, S. 122 ff.).

²⁾ J. H. S. XVII, p. 382.

³⁾ *E. Amélineau*. Les nouvelles fouilles d'Abydos 1895—1896. Angers, 1896; Les nouvelles Fouilles d'Abydos 1896—1897. Paris, 1897. Ср. *Evans*. J. H. S. XVII, p. 379.

⁴⁾ J. H. S. XVII, pp. 383—384.

Итакъ въ линейныхъ знакахъ, найденныхъ въ Naqada, Авидѣ, Кагунѣ, Гуробѣ и Тель-эль-Геэи, Ивенсъ признаетъ теперь не „прото-эгейское“ письмо, какъ онъ думалъ раньше, а достояніе древнѣйшей „ливійской“ культуры, предшествовавшей египетской и продолжавшей свое существованіе въ Египтѣ во времена первыхъ династій. Носителемъ этой культуры онъ считаетъ народъ „Тахеппи“ или „Татахи“, обитавшій въ оазисахъ ливійской пустыни вплоть до Нубіи ¹⁾). Впрочемъ, Ивенсъ не отрицаетъ и вавилонскаго вліянія, которое, по его мнѣнію, обнаруживаютъ такіа изображенія, какъ фигуры людей съ расходящимися руками и ногами, фигуры животныхъ о двухъ головахъ ²⁾). Древнѣйшій экземпляръ трехграннаго призматическаго камня, найденный Честеромъ въ Карнакѣ, представляетъ собою, по мнѣнію автора, видоизмѣненіе вавилонскихъ цилиндровъ съ подобными изображеніями ³⁾).

Исслѣдованія Ивенса показали, что линейные знаки, найденные въ Египтѣ и Палестинѣ, имѣли нѣкогда какъ-будто болѣе широкое распространеніе по всему сѣверному берегу Африки. Онъ доказываетъ это на основаніи письменности, сохранившейся среди Туареговъ, берберскаго племени Сахары, извѣстной подъ названіемъ „Tefnagh“ и проникшей даже на Канарскіе острова ⁴⁾). Древнѣйшая изъ извѣстныхъ до сихъ поръ надписей этого рода — надпись Thugga, найденная въ 1631 году. Ее относятъ приблизительно къ IV—III вѣку до Р. Хр. Рядомъ съ туземнымъ текстомъ здѣсь мы видимъ и финикійскій, который, очевидно, носить характеръ позднѣйшаго времени и объясняется какъ ново-пунійскій ⁵⁾). Теперь число этихъ надписей значительно увеличилось, причемъ совмѣщеніе текстовъ туземныхъ съ карфагенскими, греческими и латинскими значительно облегчаетъ чтеніе первыхъ. Сравнивая буквы надписи Thugga съ буквами вывѣшняго алфавита Tefnagh, мы не замѣчаемъ разницы въ фонетическомъ значеніи ихъ, кромѣ двухъ случаевъ ⁶⁾). Это обстоятельство дѣлаетъ возможнымъ предположеніе, что упомянутое письмо существовало въ такомъ же видѣ и гораздо раньше, тѣмъ болѣе, что въ промежуткѣ 2000 лѣтъ

¹⁾ J. H. S. XVII, p. 379. Ср. *Wiedemann*. Question de l'origine du peuple Égyptien въ соч. *De Morgan*. Origines de l'Égypte II, p. 219 sqq.

²⁾ J. H. S. XVII, p. 366 f. (cf. p. 364).

³⁾ J. H. S. XVII, p. 363.

⁴⁾ J. H. S. XVII, p. 387.

⁵⁾ *Ph. Berger*. Histoire de l'écriture dans l'antiquité. 1891, p. 327 sqq.

⁶⁾ J. H. S. XVII, p. 388, ann. 3.

форма буквъ не измѣнилась. Сопоставляя его съ линейными знаками, найденными въ Египтѣ и Палестинѣ, и съ линейнымъ „микенскимъ“ письмомъ, мы не можемъ не признать во многихъ случаяхъ несомнѣннаго сходства ¹⁾. Ивенсъ выводитъ отсюда заключеніе, что найденные въ Египтѣ и Палестинѣ „ливійскіе“ знаки, въ которыхъ онъ видитъ начатки тефинахской письменности, имѣли, вѣроятно, болѣе широкое распространеніе и легко могли проникнуть въ Сирію и область Эгейскаго моря и отразиться какъ на финикійскомъ, такъ и на критско-микенскомъ письмѣ, тѣмъ болѣе, что есть основаніе думать о существованіи сношеній между Критомъ и берегомъ Ливіи въ древнѣйшія времена. Указаніе на извѣстнаго рода связь между критскимъ и сѣвероафриканскимъ населеніемъ можно видѣть въ словахъ Полемона ²⁾: „Οἱ μὲν Δίβρας Αἰθίοψιν ὄμιλον, οἱ δ' εἰσι Κρήτας“ (причемъ рѣчь здѣсь не идетъ о киренскихъ грекахъ), а также и въ свидѣтельствѣ Геродота ³⁾, по которому переселенцы съ острова Θеры встрѣтили на берегу Африки нѣкоего Κορῶβιος (ἡσπριόζυγοσι πορφύρεῖ ἀνδρὶ⁴⁾), родомъ изъ Итана.

Такимъ образомъ Ивенсъ приходитъ къ заключенію, что древнѣйшее критское линейно-картинное письмо развилось въ особую систему линейнаго характера, благодаря раннему влиянію ливійско-египетской культуры. Уже около 2000 года до Р. Х. эта система письма оканчивается въ полномъ ходу. Съ другой стороны, картинное письмо развилось подъ влияніемъ египетской гіероглифической письменности тоже въ извѣстнаго рода систему, причемъ нѣкоторые гіероглифы могли перейти на критскую почву въ эпоху оживившихся сношеній при XVIII и XIX династіяхъ.—Наиболѣе совершенныя формы однако получило „ливійское“ письмо въ рукахъ финикійянъ, имѣвшихъ съ нимъ, по всей вѣроятности, непосредственное знакомство. Сходство извѣстныхъ буквъ позднѣйшаго греческаго алфавита съ соотвѣтствующими „микенскими знаками“ становится такимъ образомъ вполне понятнымъ.

Въ разборъ этихъ знаковъ Ивенсъ не вдается. Онъ высказываетъ лишь предположеніе, что, судя по малому числу знаковъ въ отдѣльныхъ группахъ (отъ 2 до 7), письмо носить, вѣроятно, сллабиче-

¹⁾ J. H. S. XVII, p. 386.

²⁾ Physiognom. lib. I [Scriptt. physiognomici veteres, ed. J. G. F. Franzius, Altenburg, 1780, p. 184].

³⁾ IV, 161. Ср. IV, 191, гдѣ ливійское племя Μαῖος приводится въ связь съ Троядцами.—Ср. Evans. J. H. S. XVII, pp. 374—377.

скій характеръ ¹⁾. Такъ такъ кипрскіе знаки возникли, повидимому, изъ этого „эгейскаго“ или „домикенскаго“ письма или, можетъ быть, изъ подобной ему малоазійской вѣтви, то это обстоятельство свидѣтельствуеетъ противъ греческаго характера оригинала ²⁾. Последнее подтверждаетъ, повидимому, Прэссскій камень ³⁾, равно какъ и слова Геродота: „τὴν γὰρ Κρήτην εἶχον τὸ παλαιὸν πᾶσαν βάρβαροι“ ⁴⁾. Нѣтъ однако сомнѣнія, что въ эпоху сложенія гомеровскихъ поэмъ на Критѣ находились представители разныхъ племенъ, что видно изъ извѣстныхъ стиховъ Одиссеи ⁵⁾:

„Κρήτη τις γὰρ ἔστι μέσφ ἐνὶ οἴνοπι πόντφ,
καλὴ καὶ πίσιρα, περίρροτος· ἐν δ' ἄνθρωποι
πολλοί, ἀπειρέσιοι, καὶ ἐννήκοντα πόλεις.
ἄλλη δ' ἄλλων γλῶσσα μεμιγμένη· ἐν μὲν Ἀχαιοί,
ἐν δ' Ἑτεόκρητες μεγάλητορες, ἐν δὲ Κύδωνες
Δωριεὺς τε τριχάϊκες δίοι τε Πελασγοί“.

Если такимъ образомъ въ микенскую эпоху ⁶⁾ на Критѣ уже были

¹⁾ Ср. таблицы въ *Cret. pict.*, p. 84 [J. H. S. XIV, p. 353] и J. H. S. XVII, p. 384. Впрочемъ, въ надписи на алтарѣ Диктейскаго Зевса Ивенсъ видѣтъ алфавитный характеръ.

²⁾ Возможность изобрѣтенія кипрскаго письма специально для греческаго языка Ивенсъ отрицаетъ категорически въ виду плохаго соответствія знакамъ органовъ греческаго произношенія.—*Cret. pict.*, p. 86 [J. H. S. XIV, p. 354].

³⁾ Камень этотъ, представляющій буквы греческаго алфавита приблизительно VI вѣка до Р. X., обнаруживаетъ совершенно незнакомый языкъ. Онъ найденъ незадолго до публикаціи Ивенса (*Cret. pict.*, p. 86 [J. H. S. XIV, p. 355]) и хранится въ Кандіи въ музеѣ Ἱερῶν κλειῶν.

⁴⁾ I, 173.

⁵⁾ XIX, 172 sqq.

⁶⁾ Вопросъ, къ какому времени слѣдуетъ отнести микенскую эпоху, представлялъ въ послѣднее время предметъ жаркаго спора. Наиболѣе правильнымъ кажется мнѣніе Штейндорфа, который, на основаніи раскопокъ Петри, относитъ его къ 1450—1250 гг. (*Archäol. Anz. Dezemb. 1891* [Jahrbuch des Arch. Inst. 1892], S. 12 и *Woch. f. cl. Phil.* 1892, № 9, Sp. 249), съ чѣмъ согласуется и мнѣніе Эд. Мейера (*Gesch. d. Alterthums II*, 1893, S. 130). Расцвѣтъ микенской культуры приводится въ связи съ XVIII и XIX египетскими династіями. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, время Тутмоса III—1515—1462 гг., время Аменофиса III—1427—1392 гг. (*C. Fr. Lehmann. Zwei Hauptprobleme der altorientalischen Chronologie und ihre Lösung. Leipzig, 1898, 8°, S. 147 ff.*).—Къ микенской эпохѣ относятъ и время гомеровской культуры: 6-й городъ Гиссарліява признанъ гомеровскимъ и носить слѣды микенской культуры (*Dörpfeld. Troia, 1893, Ss. 61, 86—87*). Ср. *Ed. Meyer op. cit.* p. 208 и *Paul Kretschmer. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896, 8°, S. 180.*

греческіе поселенцы, то становится вѣроятнымъ, что загадочными знаками пользовались также люди, говорившіе по-гречески. Аналогичное явленіе мы видимъ и на Кипрѣ.

Всматриваясь въ преданія и въ географическія названія на древнемъ Критѣ, Ивенсъ выводитъ заключеніе, что задолго до завоеванія дорьянами Пелопоннеса часть греческаго (дорійскаго) населенія Фессалии вмѣстѣ съ „Паласгами“ перешла на островъ Критъ, что подтверждается и археологическими соображеніями¹⁾. Выводъ, къ которому приходитъ такимъ образомъ Ивенсъ, слѣдующій²⁾: „Итакъ, несмотря на недостаточность нашихъ данныхъ, мы имѣемъ полное право думать, что знакомство съ интересующимъ насъ письмомъ было, по всей вѣроятности, распространено въ древности какъ на материкѣ, такъ и на самомъ Критѣ среди населенія, говорившаго по-гречески“.

Несмотря на вѣроятность послѣдняго предположенія, вопросъ о языкѣ открытаго Ивенсомъ письма остается пока нерѣшеннымъ. Такъ Коерр, признавая несомнѣннымъ фактомъ существованіе письменности въ микенскую и домикенскую эпоху, отзывается на засѣданіи археологическаго общества въ Берлинѣ (апрѣль 1895 г.) объ изслѣдованіяхъ Ивенса слѣдующимъ образомъ³⁾: „Результатъ важенъ во многихъ отношеніяхъ, хотя задача разгадки письма должна быть представлена будущности и, можетъ быть, някогда рѣшена не будетъ“. Послѣднее замѣчаніе кажется намъ уже черезчуръ скептическимъ. Были же разгаданы египетскіе іероглифы, клинообразныя письма, кипрскій шрифтъ: отчего же не надѣяться, что со временемъ удастся найти ключъ къ чтенію критскихъ и микенскихъ знаковъ письменности? Это становится особенно вѣроятнымъ теперь, въ виду послѣднихъ публикацій Ивенса.

Однако наука идетъ впередъ шагъ за шагомъ, и въ этомъ отношеніи опасно высказывать преждевременныя сужденія, гдѣ *ars pascendi* является какъ нельзя болѣе умѣстнойю. Доказательствомъ тому служитъ книга Kluge „Die Schrift der Mykenier“ (Cöthen, 1897, 8°), который, увѣряя, что языкъ Ивенсова письма дѣйствительно греческій, видитъ загадочность его въ такъ называемыхъ „лигатурахъ“, представляющихъ соединеніе нѣсколькихъ знаковъ въ картинную группу. На прилагаемыхъ таблицахъ авторъ показываетъ, какъ кар-

¹⁾ *Evans. Cret. pict.*, p. 87 ff. [J. H. S. XIV, p. 356 ff.].

²⁾ *Cret. pict.*, p. 92 [J. H. S. XIV, p. 361].

³⁾ *Woch. f. cl. Phil.* 1895, № 25, Sp. 700.

тинные знаки мало-по-малу перешли въ линейные, причѣмъ каждому изъ этихъ знаковъ приписывается соотвѣтствующее звуковое значеніе, основанное на акрофоніи. При помощи этихъ таблицъ Клуге предлагаетъ чтеніе не только изданныхъ Ивенсомъ памятниковъ, но и другихъ камней¹⁾, гдѣ подчасъ какъ-будто нѣтъ и слѣдовъ письменнаго характера. Сюда особенно относятся такъ называемые „островные камни (Inselsteine)“, то-есть пробуравленные (обыкновенно вдоль оси) геммы, служившія, подобно вавилонскимъ, вѣроятно, въ качествѣ печатокъ.

Какъ ни убѣдительно на первый взглядъ доводы Клуге, и какъ ни поражаетъ читателя, повидимому, подходящий смыслъ разбираемыхъ имъ надписей, однако этотъ первый опытъ разбора критскаго и микенскаго письма справедливо признанъ неудачнымъ²⁾. Не говоря уже о томъ, что авторъ примѣняетъ языкъ Гомера ко времени надписей и такимъ образомъ допускаетъ, что языкъ греческій за этотъ долгій періодъ не претерпѣлъ измѣненій, читателя въ сильной степени разочаровываетъ непоследовательность въ разборѣ надписей и свободное обращеніе съ ними. Вѣрно замѣчаетъ Ларфельдъ³⁾, что при чтеніи книги Клуге получается впечатлѣніе, какъ будто мы имѣемъ предъ собою фокусника, пускающаго въ ходъ всевозможныя средства, чтобы поразить насъ и заставить видѣть одно, не замѣчая другаго. Дѣйствительно, всматриваясь ближе, мы замѣчаемъ массу мелочей, которыя при бѣгломъ чтеніи книги ускользаютъ отъ нашего вниманія, но оказываются въ совокупности настолько важными, что подрываютъ въ корнѣ систему автора. Мы видимъ, напримѣръ, что одинъ и тотъ же знакъ означаетъ то одинъ звукъ, то группу слоговъ (такъ „ἀίινϛ“ топоръ = α и ἄϊ); часто трудно бываетъ отличить одинъ знакъ отъ другаго (какъ „αι“ и „οι“); въ опредѣленіи акрофоническаго значенія иногда видна сильная натяжка (такъ ν = νῆτος);

¹⁾ *Moriz Schmidt*. Sammlung kyprischer Inschriften (Jena, 1876, 8°);—*Schliemann*. Plios. Lpz., 1881, 8°; Appendix, pp. 766—781; *Ohnefalsch-Richter*. Kypros, die Bibel und Homer, I, II. Berlin, 1893, 4°;—*Perrot et Chipiez*. Histoire de l'art dans l'antiquité, III, V. Paris, 1885, 1890, 4°;—*Schliemann*. Mykenae. Lpz., 1878, 8°;—*Schuchhardt*. Schliemann's Ausgrabungen. Lpz., 1891, 2-e Auflage, 8°;—*Milchhöfer*. Die Anfänge der Kunst in Griechenland Lpz., 1883, 8°.

²⁾ *W. Larfeld*. Literar. Centralblatt, 1897, № 9, Sp. 302—5;—*A. Brückner*. Deutsche Litteraturzeitung 1897, № 22, Sp. 846;—*Fr. Koepf*. W. f. cl. Phil. 1897, № 25, Sp. 673;—*Hub. Schmidt*. Berl. philol. W. 1897, № 46.

³⁾ Liter. Centralblatt 1897, № 9, Sp. 302.

знаки, служащіе въ одномъ случаѣ лишь для заполнения пустаго мѣста (погγογ vacui!), въ другомъ—имѣють звуковое значеніе. Особенно свободно обращается авторъ съ „лигатурами“: здѣсь, смотря по надобности, принимается въ расчетъ то та, то другая черта; часть изображенія, не имѣющая значенія въ одномъ случаѣ, играетъ роль въ другомъ (напримѣръ, глазъ въ „волчьей головѣ“); въ группѣ знаковъ сравнительно большой величины часто играютъ роль мелкія черточки, которыя помогаютъ автору дойти до желаемого смысла надписи. Наконецъ, слѣдуетъ принять во вниманіе, что Клуге пользовался при чтеніи надписей часто лишь снимками и притомъ въ увеличенномъ видѣ, а потому легко могли быть приняты въ расчетъ черточки, не имѣющія никакого отношенія къ надписи и едва замѣтныя для глаза на оригиналѣ.

Итакъ попытка Клуге должна быть признана, къ сожалѣнію, неудачнымъ опытомъ, и чтеніе критскаго и микенскаго письма слѣдуетъ предоставить будущности.

В ы в о д ы.

На основаніи вышесказаннаго мы приходимъ къ слѣдующимъ положеніямъ.

1) Существованіе письменности въ области Эгейскаго моря во второмъ, а можетъ-быть, и въ третьемъ тысячелѣтіи до Р. Хр. не подлежить болѣе сомнѣнію.

2) Начатки этой письменности слѣдуетъ искать въ формахъ полукартиннаго-полулинейнаго характера, подобныхъ тѣмъ, которыя обнаруживаютъ первые рисунки дѣтей на аспидной или грифельной доскѣ.

3) Главное развитіе эта письменность получила на Критѣ благодаря рано возникшимъ сношеніямъ съ Египтомъ, гдѣ подобные знаки обнаружены на памятникахъ, относящихся ко времени первыхъ династій. Такъ какъ особый типъ горшковъ (такъ называемыхъ „red-faced pottery“) имѣлъ широкое распространеніе по всему сѣверному берегу Африки и вообще въ области Средиземнаго моря (вѣроятно, изъ египетскаго источника, какъ обнаружили раскопки въ Naqada), то ничто не мѣшаетъ предположить и болѣе широкое распространеніе упомянутыхъ знаковъ; однако производить непосредственно изъ нихъ распространенное среди туареговъ тефинахское письмо нѣтъ особенныхъ причинъ въ виду возможности происхожденія его изъ финикій-

скаго и сходства съ нимъ кельтиберскаго и турдеташскаго алфавитовъ ¹⁾).

4) Изъ первоначальныхъ формъ письма развилось, съ одной стороны, чисто-линейное „микенское“, съ другой — чисто-картинное „критское“, напоминающее отчасти египетскіе, отчасти псевдо-хеттскіе гіероглифы. Первое встрѣчается на разныхъ предметахъ вообще въ области Эгейскаго моря и оправдываетъ свое названіе тѣмъ, что расцвѣтъ его относится къ микенской эпохѣ. Второе находятъ на „печатныхъ камняхъ“ тоже микенскаго времени, но почти исключительно на Критѣ и притомъ главнымъ образомъ въ восточной его части; безъ сомнѣнія, оно обязано окончательнымъ развитіемъ частью влиянію востока, частью—египетской гіероглифической системы, какъ доказываетъ особенно знакъ, соответствующій египетскому гіероглифу *ha* или *ah* ²⁾). Что сношенія съ востокомъ дѣйствительно существовали, показано выше. Но и влияніе Египта должно было, несомнѣнно, отразиться на критской культурѣ въ виду оживленныхъ сношеній съ этой страной во время XVIII и XIX династій. Географическое положеніе восточной части острова получаетъ въ этомъ отношеніи особенное значеніе. Однако думать о переходѣ цѣликомъ на почву Крита какой бы то ни было готовой системы гіероглифовъ ни въ какомъ случаѣ нельзя.

5) Начатки интересующей насъ письменности имѣли, очевидно, частью символическое значеніе (какъ это показываютъ древнѣйшіе „печатные камни“), частью декоративное (какъ это ясно видно на терракотовыхъ „кольцахъ“ Гиссарлика). Однако уже къ началу 2-го тысячелѣтія письменность, благодаря сильному влиянію со стороны Египта, получаетъ несомнѣнно условный характеръ, какъ свидѣтельствуется надпись на алтарѣ Дивейскаго Зевса. Судя по впечатлѣнію, производимому этой надписью, она обнаруживаетъ алфавитный характеръ; такъ какъ однако въ предѣлахъ древняго міра въ столь отдаленную эпоху до сихъ поръ не открыто несомнѣнныхъ слѣдовъ чисто алфавитной системы, то вѣроятнѣе предположить въ знакахъ надписи иное значеніе, можетъ-быть, однородное съ значеніемъ подобныхъ египетскихъ знаковъ или, по крайней мѣрѣ, силлабическое. Въ картинныхъ знакахъ „печатныхъ камней“ микенскаго времени мы можемъ предположить въ общемъ подобный же условный характеръ;

¹⁾ Ср. таблицу этихъ алфавитовъ—*Berger*, *Hist. de l'écr.*, p. 336.

²⁾ *J. N. S.* XVII. p. 340, № 91.

это видно, во-первыхъ, изъ сопоставленія знаковъ самаго разнообразнаго вида, для чего стоитъ только обратить вниманіе на опубликованный Ивенсомъ четырехгранный критскій камень ¹⁾, въ знакахъ котораго можно признать даже направленіе бустрофедонъ; во-вторыхъ,—изъ неоднократнаго повторенія знаковъ въ извѣстныхъ группахъ и притомъ въ опредѣленномъ порядкѣ ²⁾; въ-третьихъ,—изъ совмѣщенія съ картинными чисто линейныхъ условныхъ знаковъ, преимущественно, впрочемъ, на камняхъ болѣе древняго типа ³⁾. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ однако мы имѣемъ основаніе предположить символическое, а подъ-часъ и чисто декоративное значеніе: на это указываетъ какъ то, что картинные знаки встрѣчаются иногда одни, безъ соединенія съ другими ⁴⁾, такъ и то, что они нерѣдко являются въ симметрично расположенныхъ группахъ, причемъ повторяется нѣсколько разъ одинъ и тотъ-же знакъ ⁵⁾. Символическое значеніе становится особенно понятнымъ, если принять во вниманіе, что камни, на которыхъ обнаружены такіе знаки, представляютъ собою въ нѣкоторыхъ случаяхъ несомнѣнныя печати, причемъ даже форма соответствуетъ печаткамъ нашего времени ⁶⁾. Кроме того призматическіе камни, а нерѣдко и печати снабжены отверстіемъ, что свидѣтельствуетъ о предназначеніи ихъ для ношенія на тѣлѣ (можетъ-быть, во избѣжаніе потери). Ничто не мѣшаетъ предположить въ этихъ камняхъ извѣстное отношеніе къ божеству. Теперь эти камни носятъ критянки подъ названіемъ „γαλόπετρα“ („молочные камни“) и тщательно берегутъ ихъ, такъ какъ приписываютъ имъ особенную магическую силу ⁷⁾. Очень возможно, что я въ древнее время такіе камни имѣли особое значеніе, представляя собою нѣчто въ родѣ талисмана.

6) Широкое распространеніе „микенскаго“ письма, знаки котораго почти на половину сходятся съ кипрскими (изъ 34 знаковъ „микен-

¹⁾ J. H. S. XVII, p. 337. Ср. также *Dumont*. Inscriptions céramiques de la Grèce. Paris, 1872, p. 415.

²⁾ Ср. J. H. S. XVII, p. 339 и *Cret. pict.*, p. 32 [J. H. S. XIV, p. 301].

³⁾ Ср. *Cret. pict.*, p. 93 f. [J. H. S. XIV, p. 362 f.].

⁴⁾ Напримѣръ *Cret. pict.*, p. 26 [J. H. S. XIV, p. 295], fig. 33a; J. H. S. XVII, p. 343, fig. 12.

⁵⁾ Напримѣръ J. H. S. XVII, 343, fig. 13. Ср. p. 344 и *Cret. pict.*, pp. 58, 75—76 [J. H. S. XIV, pp. 327, 344—345].

⁶⁾ Ср. J. H. S. XVII, p. 342 ff.

⁷⁾ *Cret. pict.*, p. 7 [J. H. S. p. 276].

скаго* письма Ивенсъ выдѣляетъ 15, которые какъ по характеру, такъ и по формѣ почти тождественны съ кипрскими), невольно возбуждаетъ вновь вопросъ о происхожденіи кипрскаго письма. Первый, кто опредѣленно высказался на этотъ счетъ, былъ Дееке¹⁾. Онъ видѣлъ въ кипрскомъ письмѣ упрощенныя формы ассирійской клинописи времени VIII вѣка до Р. Хр., когда островъ былъ завоеванъ Саргономъ. Мнѣніе Дееке нашло многихъ сторонниковъ, тѣмъ болѣе, что извѣстныя намъ кипрскія надписи моложе этого времени, а внѣшній видъ нѣкоторыхъ кипрскихъ надписей — чисто клинообразный. Однако уже года три спустя послѣ этого теорію Дееке опровергнулъ Sause²⁾, который нашелъ въ надписяхъ Малой Азіи особенно Гиссарлика, древнѣйшія формы кипрскаго письма и заключилъ на основаніи этого, что кипрское письмо перешло на островъ изъ Малой Азіи. Далѣе Sause вполне справедливо указалъ на сильныя натяжки, къ которымъ прибѣгаетъ Дееке для объясненія той или другой формы, сопоставляя клинообразные знаки разныхъ временъ и мѣстностей и допуская промежуточныя формы собственнаго изобрѣтенія. Въ виду существованія отдѣльныхъ знаковъ t, d, th; k, g, kh; p, b въ ассирійскомъ языкѣ, кажется также страннымъ, почему греческое населеніе о. Кипра не нашло нужнымъ примѣнять это различіе и къ своему языку, а удовольствовалось лишь однимъ знакомъ для каждаго изъ этихъ органовъ произношенія. Наконецъ, два знака (e и pa), гдѣ дѣйствительно большое сходство не подлежитъ сомнѣнію, тотчасъ теряютъ послѣднее, если сопоставить ихъ съ болѣе древними формами. Все это заставило Sause признать теорію Дееке не выдерживающею критики.

Есть еще одно очень важное соображеніе, которое не позволяетъ видѣть въ кипрскомъ письмѣ вліяніе клинообразнаго, обусловленное распространеніемъ ассирійскаго владычества. Такъ какъ переходъ финикійскаго алфавитнаго письма на почву Греціи долженъ былъ совершиться, по крайней мѣрѣ, въ X вѣкѣ до Р. Хр., то непонятно, отчего не знавшее искусства письма греческое населеніе Кипра, при существованіи оживленныхъ сношеній съ западомъ и востокомъ, какъ это доказываютъ археологическія данныя, не нашло нужнымъ переимѣнить болѣе совершенное финикійское письмо, а предпочло скорѣе мало подходящую для греческаго языка систему клинописи. Суще-

¹⁾ *Deese*. Der Ursprung der kyprischen Sylbenschrift. Strassburg, 1877. 8°.

²⁾ *Schliemann*. Ilios. 1881. Appendix III, p. 779 sq.

ствование на Кипрѣ особой системы письма должно быть поэтому объяснено тѣмъ, что письмо это было здѣсь въ употребленіи гораздо раньше, будучи, по всей вѣроятности, привезено сюда самими переселенцами изъ Греціи. Во всякомъ случаѣ въ эпоху этого переселенія финикійская письменность еще не могла быть извѣстна въ Греціи, а можетъ-быть, и вообще еще не существовала ¹⁾. Такъ какъ діалектъ кипрскаго греческаго населенія очень похожъ на аркадскій, а послѣдній, какъ доказала О. Нойманн ²⁾, есть остатокъ „древне-ахейскаго“ діалекта, южная вѣтвь котораго была распространена до переселенія дорянъ вообще въ Пелопоннесѣ ³⁾, а сѣверная—въ мѣстахъ поселенія такъ называемаго „эолийскаго“ элемента ⁴⁾, то связь греческаго населенія о. Кипра съ древнѣйшимъ населеніемъ Пелопоннеса становится весьма вѣроятною и даже несомнѣнною, тѣмъ болѣе, что сами кипряне называютъ себя ахейцами ⁵⁾. Такъ какъ у Гомера греческое населеніе носитъ преимущественно имя Ἀχαιοί, то это какъ нельзя лучше согласуется съ предположеніемъ, что эти Ἀχαιοί именно представляли собою гомеровское, доисторическое населеніе Греціи. Южная вѣтвь этого населенія была отчасти покорена дорянами и слилась съ ними, отчасти же удалилась въ горы и сохранилась особенно въ сѣверо-западной части полуострова. Сѣверная вѣтвь, гдѣ мы именно встрѣчаемъ названіе Αοῖαις отчасти осталась

¹⁾ *Visoli*. Griech. Gesch. I. 1893, Ss. 318 f.; *Ed. Meyer*. Gesch. des Alterthums II. 1893, S. 222; *Reisch* in den Verhandlungen der 42. Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner in Wien vom 24—27 Mai 1893. Leipzig, 1894, S. 108.

²⁾ Griechische Dialekte I. 1891, p. 3 sqq. Ср. *Reisch*. 42-та Versammlung deutscher Philologen in Wien vom 24—27 Mai 1893. Lpz. 1894, S. 109.—Paus. VIII 5, 2 упоминаетъ на Кипрѣ Ἀρχαίος.

³⁾ Остатки южно-ахейскаго діалекта обнаруживаютъ такіа, напримѣръ, формы, какъ θάρσος, τὸς αὐλός, χεῖρεν у аргивянъ, Ποσειδᾶν у лакедемонянъ; въ Элидѣ онъ обнаруживается въ такихъ надписяхъ, какъ Bechtel №№ 1256 и 1257 (Pisatis?)—Ср. далѣе *Blass*. Sammlung griechischer Dialektinschriften I, S. 313; *Meister*, Griech. Dialekte II, 11. Въ Аркадіи образцами южно-ахейскаго діалекта служатъ большая надпись Теген и Мантинейскія.

⁴⁾ Въ Тессалии, Феотидѣ, Виготіи, Фокидѣ, Коринѣ (ср. Thuc. IV 49) и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ сѣверной и средней Греціи, въ которыхъ отчасти по языку и самому имени относятся такъ называемыя „эолийскія“ берега Малой Азіи.

⁵⁾ Ἀχαιῶν ἀκτῆ (Strab. XIV 6, 3). Gloss. Hesych. Ἀχαιομανταί: οἱ τῆν τῶν θεῶν ἔχοντες ἱερῶσόνην ἐν Κύπρῳ. — Культъ Аммонейскаго Аполлона (*Collitz*. Samml. Griech. Dialektinschr. № 59) указываетъ также на перенесеніе его сюда изъ Пелопоннеса.—Ср. *Ed. Meyer*, pp. 73, 78 и 222—223. [Strab. VIII, p. 333].

на прежнихъ мѣстахъ поселенія, отчасти—вѣроятно, еще до основанія іонійскихъ и во всякомъ случаѣ дорійскихъ колоній ¹⁾—переселилась въ Малую Азію, гдѣ и сохранила въ чистотѣ своей прежній діалектъ. Такъ какъ сношенія между Тродой и Кипромъ существовали ²⁾, а языкъ Эолиды, Памфили ³⁾ и Кипра обнаруживаетъ извѣстную взаимную родственность, то это заставляетъ насъ предположить и въ населеніи этихъ мѣстностей родственные элементы, то есть остатки древне-ахейскаго населенія доисторической Греціи. Весьма вѣроятно, что переселеніе это совершилось еще до завоеванія дорьянами Пелопоннеса, такъ какъ сношенія „микенскаго“ населенія съ востокомъ и Египтомъ существовали, а слѣды микенской культуры на о. Кипрѣ обнаруживаютъ несомнѣнное вліяніе запада. Родственность кипрскаго діалекта съ аркадскимъ не можетъ быть объяснена иначе, какъ тѣмъ предположеніемъ, что „аркадское“ населеніе въ доисторическую пору жило при морѣ и притомъ въ восточной части Пелопоннеса ⁴⁾.

Итакъ, принимая въ соображеніе съ одной стороны, что ахейскіе переселенцы явились на о. Кипрѣ никакъ не позже, а можетъ быть, даже раньше вторженія дорянъ въ Пелопоннесъ, съ другой—что финикійскій алфавитъ былъ перенесенъ въ Грецію болѣе чѣмъ за три столѣтія до завоеванія Кипра Саргономъ, и притомъ во всякомъ случаѣ послѣ заселенія дорьянами Пелопоннеса, Крита и Родоса (какъ доказываютъ различныя формы буквъ, которыя мы встрѣчаемъ въ этихъ мѣстностяхъ) ⁶⁾, трудно допустить, чтобы греческое населеніе о. Кипра не имѣло за все это время случая познакомиться съ письменностью финикянъ или даже своихъ западныхъ соплеменниковъ. Мы должны поэтому скорѣе думать, что кипряне не находили нужнымъ заимствованіе этой письменности; послѣднее же предположеніе имѣетъ смыслъ лишь въ такомъ случаѣ, если мы допустимъ, что греки

¹⁾ Ср. *Ed. Meyer. Gesch. des Alterthums II, Ss. 217 f.*

²⁾ Ср. *Kretschmer. Einleitung in die Geschichte der griech. Sprache. Göttingen, 1896, Ss. 189 f.*

³⁾ Ср. *Ed. Meyer. Geschichte des Alterthums II, S. 229.* — По Вилламовицу (*Herakles I², S. 16 u. Anm. 32*) памфиліицы дорійскаго происхожденія, на что указываетъ имя дорійской филы Пѣрфоло; переселеніе ихъ въ Малую Азію Вилламовицъ относитъ ко времени до завоеванія дорьянами Пелопоннеса.

⁴⁾ Ср. *Reisch in den Verhandlungen der 42. Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner in Wien vom 24—27 Mai 1893, Ss. 108 f.*

⁵⁾ Ср. *Ed. Meyer II, S. 381.*

о. Кипра пользовались своею системою письма, которая, стало быть, древнѣе вторженія на этотъ островъ ассиріянь.

Такимъ образомъ теорія Дееке не выдерживаетъ критики. Sause, съ своей стороны, высказалъ другое мнѣніе. Въ началѣ 70-хъ годовъ нашего столѣтія открыта была въ Сириі, а затѣмъ и въ Малой Азіи особая система гіероглифовъ; она была приписана загадочному хеттійскому народу, который былъ опаснымъ соперникомъ египетскаго могущества въ XIV—XIII вѣкахъ до Р. X. На основаніи нѣкоторыхъ даннхъ принимали распространеніе хеттійскаго владычества въ XIII — XII вѣкахъ до береговъ Эгейскаго моря ¹⁾. Въ гіероглифахъ этого народа, которые теперь принято называть „псевдохеттійскими“ ²⁾, и которые въ послѣднее время приводятъ въ связь съ киликійцами-армянами и даже киммерійцами ³⁾, Sause видитъ прототипы кипрскаго письма ⁴⁾. Въ надписяхъ Ликии, Каріи, Памфилии, Киликии, Каппадокии и на цилиндрахъ и „кольцахъ“ Гиссарлика мы видимъ знаки, отчасти напоминающіе кипрскіе. По мнѣнію Sause, эти знаки—туземнаго происхожденія, обязаннаго вліянію хеттійскихъ гіероглифовъ, и развились въ особую систему, которая долѣе всего сохранилась на Кипрѣ. Sause напираетъ особенно на то обстоятельство, что столица хеттеянъ Кархемышь называется у ассиріянь Gargamis, у евреевъ—Kag-chemisch, у египтянь—Kag-kamscha; другими словами, имя города выговаривалось хеттеянами такъ, что гортанный звукъ казался похожимъ то на k, то на g, то на kh. Далѣе надписи хеттеянъ имѣютъ направленіе бустрофедонъ, что видно и въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ надписяхъ Кипра и имѣло, по всей вѣроятности, мѣсто и въ Каріи, такъ какъ направленіе надписей этой мѣстности—то слѣва направо, то наоборотъ. Наконецъ, въ Иконіи (въ Ликаоніи) найденъ расписанный красками образъ

¹⁾ Sause у Schliemann. Pios. 1881, S. 776 f.—Ed. Meyer II, S. 138.

²⁾ Ср. Otto Puchstein. Pseudohethitische Kunst (Ein Vortrag). Berlin, 1890. 8°.—Египтяне называли этотъ народъ He-tà (слѣдуетъ выговаривать Hetté), ассиріяне — Hatté, въ Библии—Хиттайо: W. Max Müller. Asien und Europa, 1893, p. 324.

³⁾ Verhandlungen der Berliner Anthropologischen Gesellschaft vom 16 Mai 1896—№ 4 der Chaldischen Forschungen von Belgk und C. E. Lehmann, S. 318 [Beiblatt zur Zeitschrift für Ethnologie 1896, III].

⁴⁾ Мнѣніе это было высказано имъ еще въ 1876 г. въ Transactions of the Society of Biblical Archaeology, vol. I, но особенно опредѣленно въ III-мъ приложеніи къ „Ilios“ (1881) Шлимана (стр. 766 и сл.).

война ¹⁾, представляющій образецъ эллинизированнаго хеттειαкаго искусства. причеъ сопровождающая его надпись носить, повидимому, кипрскій характеръ. Самое хеттειαкое письмо Saussure выводитъ изъ Ассиріи и Вавилоніи. Правда, въ найденныхъ памятникахъ Saussure не находитъ и самъ необходимости признать искусство самихъ хеттеевъ, и въ этомъ отношеніи онъ вполне правъ ²⁾).

Мнѣніе Saussure, къ которому примкнулъ и Дееке ³⁾, нашло многихъ послѣдователей и теперь является господствующимъ ⁴⁾. Сопоставленіе нѣкоторыхъ знаковъ кипрскаго письма съ псевдо-хеттειαкими героглифами ⁵⁾ доказало, повидимому, основательность теоріи Saussure: связь между кипрскими знаками *yi(vi)*, *ka*, *to*, *mo*, *si* и *ti* и соответствующими имъ хеттειαкими кажется даже несомнѣнною, если принять чтеніе послѣднихъ по Saussure. Однако чтеніе Saussure есть далеко не общепринятое ⁶⁾, а потому опасно было бы выводить изъ него то или другое заключеніе. Притомъ, даже если бы мы и допустили это чтеніе, сопоставленіе шести, повидимому, сходныхъ знаковъ еще далеко не имѣетъ силы доказательства ⁷⁾. Конечно, нельзя категорически отрицать возможность распространенія ложно-хеттειαкой культуры ⁸⁾ на о. Кипръ, однако мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ для того, чтобы выводить письменность жителей острова, равно какъ и подобные знаки, встрѣчающіеся въ Малой Азійи, прямо изъ ложно-хеттειαкой.

¹⁾ Texier. Description de l'Asie Mineure, f. °, t. II, pp. 148—149, pl. CIII.—Perrot et Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité, t. IV, p. 741.

²⁾ Plios, S. 778.—Что касается самихъ хеттеевъ, то на меня лично народъ этотъ производитъ впечатлѣніе выходящее изъ Азійи татарскаго племени: остроконечная шапка, загнутая впередъ обувь, пестрое одѣявіе, типъ лица нѣкоторыхъ изображеній, быстрое распространеніе и непрочность поселеній, наконецъ нѣкоторые столицы Кархемышъ (ср. напримѣръ „Малмыжъ“ въ Вятской губерніи)—все это указываетъ на татарско-монгольскую народность, хотя нельзя отрицать и сильнаго вліянія культуры востока. Однако W. Max Müller. Asien und Europa. 1893. видитъ въ нихъ соотечественниковъ древнихъ египтянъ (pp. 333—5).

³⁾ Bezzenbergers Beiträge zur Kunde der Indogermanischen Sprachen. IX, S. 250 f.

⁴⁾ Ср. Larfeld. Literar. Centralblatt 1897, № 9, Sp. 305.—Ed. Meyer, p. 140.

⁵⁾ Isaac Taylor, The Alphabet. London, 1883, II, p. 123; Wright, The Empire of the Hittites, 2 ed. 1886, p. 178; Perrot et Chipiez, Histoire de l'art dans l'antiquité, t. IV. 1886, p. 521; Ph. Berger, Histoire de l'éc. dans l'ant. 1891, p. 112.

⁶⁾ Иенсенъ, напримѣръ, читаетъ ихъ иначе (Z. D. M. G. 1894, pp. 235—352, 429—485).

⁷⁾ Ср. Berger, p. 112.

⁸⁾ Ср. Fd. Meyer, p. 141.

Такимъ образомъ теорія Sause, несмотря на кажущуюся ея правдоподобность, также не выдерживаетъ критики.

Остается предположить, что кипрская письменность, извѣстная связь которой съ вышеуказанной малоазійской существуетъ на самомъ дѣлѣ, есть письменность особаго рода. Она могла или возникнуть въ Малой Азійи и оттуда перейти на островъ, можетъ быть, еще до прибытія ахейцевъ, или быть привезена сюда греческими переселенцами изъ Пелопоннеса. По мнѣнію Кречмера ¹⁾, древнѣйшее населеніе Кипра перешло сюда изъ Киликіи и принадлежало къ той группѣ туземныхъ народовъ неарійскаго и несемитскаго происхожденія, какую онъ выдѣлилъ въ X главѣ своей книги. Очень возможно, что начатки этой письменности возникли въ Малой Азійи и перешли на Кипръ, и что ахейцы усовершенствовали ее отчасти подъ вліяніемъ микенской, которая могла быть имъ извѣстна еще раньше, отчасти ассирійской, какъ это видно изъ характера многихъ надписей, напоминающихъ клинопись; однако послѣднее сходство чисто внѣшнее и свидѣлствуетъ лишь о вліяніи способа изображенія знаковъ, а никакъ не о непосредственномъ заимствованіи ассирійскихъ знаковъ письма жителями Кипра. Во всякомъ случаѣ, если уже думать о непосредственномъ вліяніи какого-либо письма на кипрское, мы скорѣе приближаемся къ мнѣнію Ивенса, который сопоставилъ 15 знаковъ кипрскаго и „микенскаго“ письма, то-есть призналъ почти въ половинѣ послѣднихъ сходство съ кипрскими. Доказать непосредственное происхожденіе кипрскаго шрифта изъ „микенскаго“ теперь, конечно, еще трудно, во всякомъ случаѣ, однако, послѣднее мнѣніе уже потому является болѣе правдоподобнымъ, что „микенская“ письменность носитъ характеръ, подобный кипрской, и, будучи широко распространена въ области Эгейскаго моря въ микенскую эпоху, могла легко перейти и на Кипръ, тогда какъ памятники ложно-хеттеской культуры, по общепринятому мнѣнію ²⁾, не восходятъ за 1000 годъ.

Итакъ происхожденіе кипрскаго письма представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Начатки этой письменности уже рано появились въ Малой Азійи и могутъ быть замѣчены на нѣкоторыхъ печаткахъ и „кольцахъ“ Гиссарлика ³⁾. Затѣмъ начатки этой письменности могли

¹⁾ Einl. in die Gesch. d. gr. Sprache, S. 190, Anm. 1, 3; S. 398, Anm. 2.

²⁾ *Ed. Meyer*, p. 137.

³⁾ Вѣроятно, оно развилось изъ формъ декоративнаго или символическаго характера, причѣмъ вавилонское вліяніе играло, можетъ быть, также извѣстную роль.

легко перейти на Кипръ. Переселившіеся сюда ахеяне могли привезти съ собою также извѣстнаго рода знаки и затѣмъ выработать изъ тѣхъ и другихъ особое письмо, получившее характеръ клинообразнаго, благодаря вавилонско-ассирійскому вліянію. Если извѣстныя намъ до сихъ поръ кипрскія надписи не заходятъ за VII вѣкъ до Р. Х., то это еще не служитъ прямымъ доказательствомъ отсутствія письменности на Кипрѣ въ болѣе раннее время: извѣстныя до сихъ поръ надписи Ликии тоже не древнѣе V вѣка до Р. Х.; однако едва-ли кто станетъ отрицать знакомство ликійцевъ съ письменностью до этого времени, тѣмъ болѣе, что знаки, здѣсь встрѣчающіеся, носятъ отчасти негреческій характеръ и напоминаютъ подобныя въ другихъ мѣстахъ западной и южной части Малой Азіи и даже въ Каппадокии. Когда финикійская, а затѣмъ и греческая письменность стали проникать на о. Кипръ, то письмо кипрское уже настолько установилось, что осталось въ употребленіи среди туземнаго греческаго населенія острова до II вѣка до Р. Х. ¹⁾.

7) Сходство извѣстныхъ знаковъ финикійскаго алфавита съ „мекенскими“ (Alf, Gimel, Vaf, Chet, Jod, Samekh, Ayin, Pei, Taf), къ которымъ можно прибавить еще нѣкоторые „протоегипетскіе“ знаки, невольно наводитъ на мысль о существованіи извѣстной связи между обѣими системами. Особенно слѣдуетъ отмѣтить *alf*, то-есть сокращенное обозначеніе головы быка. Съ другой стороны, нельзя отрицать нѣкоторое сходство съ формами древняго гіератическаго египетскаго письма, какъ это впервые доказалъ De Rougé ²⁾. Мнѣніе это было съ особеннымъ жаромъ принято Тэйлоромъ ³⁾. Однако выводитъ финикійскій алфавитъ прямо изъ египетскаго невозможно ⁴⁾. Наконецъ, въ послѣднее время обнаружено въ самомъ порядкѣ буквъ финикійскаго алфавита отчасти несомнѣнное вавилонское вліяніе:

¹⁾ *Meister*. Griechische Dialekte, II, S. 130 (дофиникійское письмо ахеянъ на Кипрѣ). — *Ulr. Köhler*. Ueber Probleme der griechischen Vorzeit (Sitzungsberichte der k.-pr. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. XIV, 11 März 1897), S. 287.

²⁾ *Comptes rendus de l'Académie* 1859, III, 115; *Mémoire sur l'origine égyptienne de l'alphabet phénicien*. Paris, 1874. — *Halévy* (*Revue archéol.* XXIV, pp. 187, 246; *Mélanges d'épigraphie sémitique* 1874, pp. 168 sqq., 180 sqq.) производить финикійскій алфавитъ даже прямо изъ египетскихъ гіероглифовъ.

³⁾ *The Alphabet*. 1883, I, pp. 88 ff.

⁴⁾ Ср. *Berger*. *Hist. de l'écriture dans l'antiquité*, p. 118 sq. — *Delitzsch* (*Die Entstehung des ältesten Schriftsystems*. 1897, S. 224 f.) и *Zimmern* (*Zeitschr. d. d. Morg. Ges.* 50, 1896, S. 670) указываютъ на то, что имена и порядокъ буквъ вавилонскаго происхожденія, а принципъ акрофоніи—египетскаго.

1) *alpu* (быкъ)—*alef*, 2) *bitu* (домъ, палатка)—*bet*, 3) *gimillu* (подарокъ?) — *gimeil*, 4) *daltu* (дверь) — *dalet*, 10) *idu* (рука) — *jod*, 14) *nûnu* (рыба) — *nun*, 16) *înu* (глазь)—*ayin*, 20) *gîsd* (голова)—*resh*¹⁾. Однимъ словомъ, на алфавитѣ финикянъ сказывается влияние какъ вавилонское, такъ и египетское и, можетъ быть, „микенское“. По общепринятому мнѣнiю алфавитъ финикiйскiй есть творенiе одного лица и притомъ, вѣроятно, въ мѣстности, гдѣ вавилонская культура скрещивалась съ египетской. Мѣсто это вѣрнѣе всего предположить въ Сирии²⁾. Значенiе отдѣльныхъ знаковъ было, очевидно, акрофоническое, хотя послѣднее и не вездѣ поддается опредѣленiю. Какъ *terminus post quem* изобрѣтенiя, слѣдуетъ считать XIV вѣкъ, такъ какъ найденныя въ 1887 году крестьянами въ Тель-эль-Амарнѣ дощечки съ клинописью, содержащiя письма египетскихъ намѣстниковъ или туземныхъ царьковъ изъ разныхъ мѣстъ передней Азiи къ фараонамъ конца XVIII династiи Аменофису III (1427—1392) и Аменофису IV („*Khuenaten*“, около 1340 г.), относятся именно къ этому времени³⁾. Онѣ доказываютъ, что въ XIV вѣкѣ во всей передней

¹⁾ Здѣсь слѣдуетъ разумѣть особый родъ вавилонской линейной письменности Нижней Халдеи. Памятники этой письменности найдены гдѣ 20 тому назадъ въ Tello (*Découvertes en Chaldée par E. de Sarzec, publiées par L. Heuzey* (livr. 1 à 3, Paris, 1884 à 1891, fol.). Ср. *Berger*. *Hist. de l'éc.*, p. 63 sqq. — Въ указанномъ порядкѣ приводитъ вавилонско-халдейскiе знаки *Hommel* (*Geschichte Babylonien und Assyrien*. 1886, S. 50 ff.). *Peiser* (*Zeitschrift für Assyriologie* I [1886], S. 95—125 и II [1887], S. 316—320) доказалъ опредѣленный порядокъ 400 вавилонскихъ знаковъ въ syllabariâхъ, особенно S^o. — *Zimmer* (*Zeitschr. d. d. Morgenl. Ges.*, Band 50 [1896], S. 668) приводитъ отсюда соотвѣтствующiе финикiйскимъ знакамъ: *mu* (вода — № 1), *nûnu* (рыба — № 17), *înu* (глазь—№ 42), *pû* (ротъ — № 51), *gîsu* (голова — № 52), *alpu* (быкъ — № 105), *bitu* (домъ—№ 147), *daltu* (дверь—№ 155). Это доказываетъ известную аналогiю въ порядкѣ буквъ финикiйскаго алфавита и древнеавилонскаго syllabaria.

²⁾ *Fr. Delitzsch*. *Die Entstehung des ältesten Schriftsystems oder der Ursprung der Keilschriftformen*. Lpz. 1897, 4°, Ss. 221—231. Ср. *C. F. Lehmann*. *Literar. Centralbl.* 1898, № 1, Sp. 20.

³⁾ Ср. *C. F. Lehmann*. *Zwei Hauptprobleme der altorientalischen Chronologie und ihre Lösung*. Lpz. 1898, 8°, S. 158.—Такъ какъ вскорѣ послѣ смерти Аменофиса IV основанная имъ столица, остатки которой именнo и представляютъ развалины Тель-эль-Амарны, была покинута и болѣе не заселялась, то все, что здѣсь найдено, слѣдуетъ отнести приблизительно къ 50-лѣтнему промежутку времени упомянутого вѣка: *Steindorff* in der Februar-Sitzung 1893 der *archäolog. Ges. zu Berlin*. [*W. f. cl. Ph.* 1893, Sp. 53].—Время царствованiя Аменофиса III Леманъ опредѣляетъ 1417—1392 гг., Аменофиса IV—1392—1376 гг.: стр. 57 (147 сл.), 160; ср. табл. III.

Азіи было распространено клинообразное письмо—свидѣтельство того, насколько сильно было тогда вліяніе вавилонской культуры! *Tegmi* plus apte queм можетъ представить древнѣйшая финикійская надпись, найденная въ 1876 году на Кипрѣ на обломкѣ бронзоваго сосуда. Надпись принадлежитъ лицу, называющему себя подданнымъ сидонскаго царя Хирама, и содержитъ посвященіе въ честь Ваала Ливанскаго ¹⁾. Такъ какъ этотъ Хирамъ, по всей вѣроятности, не кто иной, какъ современникъ Соломона, на что указываетъ и архаическій характеръ самой надписи, то время ея—приблизительно половина X вѣка до Р. Хр.

Такимъ образомъ изобрѣтеніе финикійскаго алфавита слѣдуетъ отнести ко времени приблизительно между 1300 и 1000 годами, то есть въ промежутокъ времени трехъ столѣтій и притомъ, судя по датировкѣ древнѣйшихъ изъ извѣстныхъ до сихъ надписей на финикійскомъ алфавитѣ, скорѣе ближе къ 1000 году, чѣмъ наоборотъ ²⁾. Отсюда видно, что если финикійскій алфавитъ, скажемъ, былъ изобрѣтенъ въ XI вѣкѣ, то перенесеніе его въ Грецію никакъ не могло быть ранѣе этого времени и скорѣе совершилось приблизительно столѣтіемъ позднѣе. Самое перенятіе этого алфавита греками могло случиться тѣмъ легче, что формы финикійскихъ буквъ не могли не напомнить имъ подобныхъ формъ уже раньше существовавшей въ области Эгейскаго моря „микенской“ письменности.

8) Сравнивая „микенское“ письмо съ буквами греческихъ надписей архаическаго періода, мы не можемъ не признать большаго сходства нѣкоторыхъ формъ. Особенно слѣдуетъ отмѣтить знакъ X

¹⁾ Corp. Inscr. Semit., t. I, № 5; *Berger*, pp. 122 sqq. Ср. также, pp. 165 sqq. — Другая надпись, носящая буквы древнѣйшаго финикійскаго алфавита, есть найденный въ 1869 году въ странѣ моавитянъ камень царя этого народа Межи и представляетъ страницу изъ исторіи войны моавитянъ съ израильтянами. Время ея — приблизительно 900 г. до Р. Хр.: *Berger*, pp. 188 sqq.; по Эд. Мейеру (S. 381) и Бузольту (S. 501, Anm. 2) время ея ок. 850 г. Третья по времени надпись открыта въ 1890 г. въ сѣверной Сиріи: это—арамейская надпись Рапнаш, найденная около мѣстечка Sendjirli и относящаяся, вѣроятно, къ началу VIII вѣка до Р. Хр. Она хранится въ берлинскомъ музеѣ. Публикація ея см. у *Berger*. Hist. de l'écrit., p. 206 sqq. и въ Mittheilungen aus den Oriental. Sammlungen des Berl. Mus. Heft. XI. 1893.—Четвертая надпись—силомская, древнѣйшая еврейская, найденная въ началѣ 80-хъ годовъ и содержащая сообщеніе о прорытіи силовскаго канала. Она относится ко времени царя Геэкиа, то есть приблизительно къ концу VIII вѣка. (Ср. *Berger*, pp. 193 sqq.).

²⁾ Ср. *Ed. Meyer*, II, S. 381.

(Критъ [знакъ раздѣла], Коринѣъ и Сикіонъ [E], Памфилія [E] Кипръ [le]), далѣе В (греч. β, коринѣск. ε и η), Γ (критск. f), ⊙ и ⊚ (Критъ [надпись Литта]) и др. Сюда относятся также ⊙, + (×) и Υ встрѣчающіеся и на памятникахъ „микенской“ и „протоегипетской“ письменности, равно какъ и на Кипрѣ и въ Малой Азіи. Естественно предположить, что эти буквы представляютъ собою остатки „протоегипетской“ и „микенской“ письменности. Такъ какъ для того или другаго звука требовался новый знакъ, то этотъ знакъ долженъ былъ быть созданъ вновь самими греками, причемъ ничто не мѣшаетъ предположить выборъ ими именно такихъ знаковъ, которые встрѣчались и раньше и были еще въ памяти или, по крайней мѣрѣ, сохранились на памятникахъ отъ прежняго времени. Допустить примѣненіе этихъ знаковъ для недостающихъ звуковъ въ финикійскомъ языкѣ гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ видѣть во всѣхъ случаяхъ просто случайное совпаденіе. Конечно, фонетическое значеніе могло при этомъ не играть роли ¹⁾).

9) Такъ какъ критское и микенское письмо получило свое развитіе очевидно на Критѣ, а упомянутый выше Прэсскій камень найденъ именно въ этихъ мѣстахъ, то это служитъ доказательствомъ, что догреческое населеніе Крита (этеокритяне Одиссеи), сохранившее свой языкъ до историческихъ временъ, именно и пользовалось (по крайней мѣрѣ первоначально) этимъ родомъ письменности. Что обитавшій здѣсь народъ принадлежалъ къ негреческому и вообще къ неарійскому, а также и несемитскому племени, высказалъ, между прочимъ, Маріани ²⁾). На основаніи произведеній „этеокритскаго“ искусства, въ особенности статуэтокъ изъ терракотты, имѣющихъ сходство съ произведеніями микенскими и азіатскими („хеттейскими“), онъ выводитъ заключеніе, что кидоняне, этеокритяне и, можетъ быть, пеласги представляютъ собою три вѣтви доэллинскаго населенія Малой Азіи и принадлежать къ *одной* доарійской и досемитской группѣ народовъ, именно къ „эгеарійцамъ“, которые и были, по его мнѣнію, носителями микенской культуры: имена ихъ авторъ видитъ на египетскихъ памятникахъ въ формахъ Pelesta, Tursha, Kbeta,

¹⁾ Ср. Evans. Cret. pict., p. 91 [J. H. S. XIV, p. 360].

²⁾ Academy № 1191 [1895,1], p. 198. — Впервые высказалъ такое мнѣніе Кипертъ (Lehrbuch der alten Geographie. 1878, S. 73. 90. Ср. P. Kretschmer. Einl. in die Gesch. d. griech. Sprache, S. 290 f.

Кернъ и т. п. Вилламовицъ ¹⁾ также признаетъ въ догреческомъ населеніи Эгейскаго моря, между прочимъ, неарійскій и несемитскій элементъ, къ которому не прочь отнести и этеокритянъ. Особенно благодарны однако мы должны быть Кречмеру ²⁾, особенно ясно выдѣлившему неарійскій и несемитскій элементъ Малой Азіи и Эгейскаго моря. Опредѣливъ на основаніи остатковъ языка древнѣйшихъ малоазійскихъ народностей, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ двумя группами народовъ (индогерманской, къ которой относятся фригійцы и ихъ соплеменники въ сѣверо-западной части Малой Азіи, и неиндогерманской-несемитской), онъ находитъ также въ собственныхъ именахъ области Эгейскаго моря много общаго съ языкомъ малоазійской группы и приходитъ такимъ образомъ къ заключенію, что выдѣленная имъ въ X главѣ малоазійская неиндогерманская-несемитская группа народовъ была въ доисторическое время распространена также на островахъ Эгейскаго моря и въ южной части Балканскаго полуострова ³⁾.

Такъ какъ микенское письмо, какъ выше было сказано, имѣло гораздо болѣе широкое распространеніе, чѣмъ критское, то можно, конечно, допустить критское происхожденіе памятниковъ, на которыхъ оно встрѣчается; однако, никакъ нельзя положительно отрицать знакомство съ нимъ тѣхъ племенъ, среди которыхъ оно было распространено въ области Эгейскаго моря. Какія же это были племена? Вопросъ этотъ можетъ быть поставленъ и въ иной формѣ: кто были носители микенской культуры?

Тотчасъ послѣ публикаціи микенскихъ раскопокъ Шлимана ⁴⁾ было на основаніи свидѣтельства Фукидида ⁵⁾, по которому древнія могилы, найденныя при очисткѣ острова Делоса Никіемъ, принадлежали карійцамъ, высказано мнѣніе, что носители микенской культуры были именно карійцами, съ чѣмъ согласовались и другія соображенія ⁶⁾. Келлеръ, главный представитель этого мнѣнія, придерживается его и до сихъ поръ ⁷⁾. Другіе считаютъ эллиновъ носителями этой культу-

¹⁾ Herakles, I^a. 1895, S. 3.

²⁾ Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen. 1896, 8°.

³⁾ Op. cit., p. 406.

⁴⁾ Schliemann. Mykenae. 1878, Lpz. 6°.

⁵⁾ Thucyd. I, 8.

⁶⁾ U. Koehler. Mitth. d. deutschen arch. Inst. zu Athen III (1878), S. 1 ff.

⁷⁾ Sitzungsberichte der k.-pr. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. XIV. 11 März 1897. S. 259 f. Ср. также Fr. Dümmler и Studniczka (Mitth. d. d. arch. Inst. zu Athen, XI [1886], 44 ff.; XII [1887], 1 ff.).

ры¹⁾. Иные видятъ въ нихъ доранъ²⁾, и этого мнѣнія придерживался сначала и Бузолътъ³⁾. Открытіе на Лемносѣ двухъ надписей⁴⁾, алфавитъ которыхъ приближается къ фригійскому⁵⁾, но языкъ во всякомъ случаѣ не греческій, побудило Паули⁶⁾ выработать новую теорію, по которой почти вся передняя Азія и весь Балканскій полуостровъ были въ доисторическое время заселены пеласгами-тирренами, тѣмъ болѣе, что, судя по формѣ *slachwiz* (въ знакѣ Υ Pauli видить *shi*, не *psi*!), языкъ надписи приближается, повидимому, къ этрусскому. Теорія эта надѣлала много шума и нашла многихъ послѣдователей⁷⁾. Однако Эдуардъ Мейеръ показалъ непрочность всякихъ заключеній на основаніи имени пеласговъ⁸⁾. Такъ же думаетъ и Вилламовицъ⁹⁾. Далѣе нѣкоторые признаютъ въ носителяхъ микенской культуры семитовъ: шведскій ученый Р. О. Schjøtt отождествляетъ этихъ семитовъ съ пеласгами¹⁰⁾, а Гельбигъ съ финикіянами¹¹⁾. Однако въ послѣднемъ случаѣ мы должны были бы ожидать на

¹⁾ *Milchhoefer*, Anfänge der Kunst in Griechenland. Lpz. 1883; *Furtwängler* und *Löschke*, Mykenische Vasen, S. XI ff.; *Tsountas*, 'Εφημερίς ἀρχαιολογική 1890, αλ. 16, 89 sqq.

²⁾ *Niese*. Entwicklung der homer. Poesie. 1882, S. 213; *Pöhlmann* (Müllers Handb. d. kl. Alterthumsw. III), 1-te Aufl. 1889, S. 367; *Beloch*, Rhein. Mus. 45 (1890), 555 ff.; ср. его же Griechische Geschichte I. 1893, S. 51 ff.

³⁾ *Busolt*. Griechische Geschichte I. 1886, S. 83.

⁴⁾ Bull. de Corr. Hell. X (1886), p. 1 sqq.

⁵⁾ *A. Kirchhoff*. Studien zur Geschichte d. gr. Alphabets. 1887, S. 54 ff.

⁶⁾ Eine vorgriechische Inschrift von Lemnos = Altital. Forsch. II, 1 Teil. 1886; 2 T. 1894. *Kretschmer* (Op. cit., p. 408) доказываетъ неосновательность теоріи Pauli.

⁷⁾ Такого же почти мнѣнія придерживаются *Hommel* (Archiv für Anthropologie, 1890, S. 251 ff.); *Salomon Reinach* (Chronique d'Orient, Paris. 1891, passim; L'Anthropologie IV, 1893, p. 699 sqq.); *Tomaschek* (Mitteil. der Wiener Anthropolog. Gesellschaft. 22 Bd., 1892, Sitzungsberichte S. 1 ff.).—Ср. *Kretschmer*, p. 291 sq. Далѣе теорію пеласговъ особенно защищаютъ *D-r Ellis Hessel-meyer* (Die Pellaerfrage und ihre Lösbarkeit. Tübingen, 1891, 8°; ср. Liter. Centralbl. 1891, № 33, Sp. 1109 f. A. H.) и *Ridgeway* (Academy, № 1210 [1895, 2], p. 32).

⁸⁾ II, 1893, S. 55 ff.

⁹⁾ Herakles I^a. 1895, S. 2, Anm. 2.

¹⁰⁾ De ethnographiske forhold i det forhistoriske Graekenland. Christiania, 1895. Ср. Literar. Centralblatt 1896, № 27, Spalte 963 (A. H.).

¹¹⁾ Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions, 4 Série (1895), T. 23. Académie des inscriptions et belles-lettres, 31 Mai et 14 Juin (pp. 237—240 et 244—250).

островѣ Кипрѣ гораздо болѣе слѣдовъ постепеннаго развитія микенской культуры, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ: всѣ признаки указываютъ скорѣе на вліяніе съ западной, чѣмъ съ восточной стороны ¹⁾). Никто, конечно, не станетъ теперь отрицать восточные элементы въ характерѣ микенской культуры ²⁾), равно какъ и египетскіе; однако нельзя не согласиться съ тѣмъ, что центръ ея мы должны искать въ области Эгейскаго моря.

Иной взглядъ существуетъ теперь на указанный вопросъ. Переселеніе аркадскихъ соплеменниковъ на о. Кипръ до переселенія доранъ не подлежитъ сомнѣнію. У Гомера жители Пелопоннеса носятъ имена 'Αχαιοί, Δαναοί, 'Αργεῖοι, а не Δωριεῖς (которыхъ онъ однако упоминаетъ на Критѣ рядомъ съ 'Αχαιοί! ³⁾). Собранныя у Гельбига ⁴⁾), Шухардта ⁵⁾ и Дёрпфельда ⁶⁾ археологическія данныя указываютъ на тѣсную связь микенской культуры съ троянскою. Все это заставляетъ насъ признать въ носителяхъ микенской культуры грековъ додорійскаго періода. Подтверженіемъ служить слѣдующее мѣсто изъ Страбона: ⁷⁾ „καὶ οἱ ἄνθρωποι (sc. 'Ισθμοῦ) Αἰολεῖς πρότερον ἦσαν, εἰτ' ἐμίχθησαν, Ἰώνων μὲν ἐκ τῆς Ἀττικῆς τὸν Αἰγαλὸν κατασχόντων, τῶν δὲ Ἡρακλειδῶν τοὺς Δωριεῖς καταγαγόντων.—Οἱ μὲν οὖν Ἴωνες ἐπέπασον πάλιν ταχέως ὑπὸ Ἀχαιῶν, Αἰολικοῦ ἔθνους· ἐλείφθη δ' ἐν τῇ Πελοποννήσῳ τὰ δύο ἔθνη, τὸ τε Αἰολικὸν καὶ τὸ Δωρικόν. Ὅσοι μὲν οὖν ἦσαν τοῖς Δωριεῦσιν ἐπεπλέκοντο, καθάπερ συνέβη τοῖς τε Ἀρχαῖσι καὶ τοῖς Ἠλείοις... οὗτοι Αἰολιστὶ διελέχθησαν· οἱ δ' ἄλλοι μικτῇ τι ἐχρήσαντο ἐξ ἀμφοῖν, οἱ μὲν μᾶλλον, οἱ δὲ ἦσαν αἰολίζοντες· σχεδὸν δ' ἐτι καὶ νῦν κατὰ πόλεις ἄλλοι ἄλλως δια-

¹⁾ *Reisch*. Verhandlungen der 42 Philologen-Versammlung in Wien vom 24—27 Mai 1893. Lpz. 1894, S. 105.—*Ed. Meyer* II, S. 221.

²⁾ Ср. *Ed. Meyer*, II, pp. 191, 129, 132—133.—Между прочимъ, несомнѣнную связь съ востокомъ обнаруживаетъ опубликованная Келеромъ дощечка съ острова Кнееры съ вавилонскою клинописью, которую Винклеръ относитъ къ 1500 — 1200 гг. до Р. Хр. (*Sitzungsberichte der k.-pr. Akademie der Wiss. zu Berlin*. XIV. 11 März. 1897, Ss. 262 — 265). Восточное вліяніе обнаруживаютъ также статуэтки Астарты, находимыя въ разныхъ мѣстахъ микенскаго міра (*Hub. Schmidt* въ April-Sitzung 1898 der Archäologischen Gesellschaft zu Berlin; ср. *Köhler*, op. cit., pp. 265 sqq.).—Ср. также *Busolt* I^o (1893), S. 42 f.

³⁾ *Od.* XIX 177.

⁴⁾ *Helbig*. Das Homerische Epos nach den Denkmälern erläutert. 2 Aufl. 1887.

⁵⁾ *Schuchhardt*. Schliemanns Ausgrabungen im Lichte der heutigen Wissenschaft. 1 Aufl. 1890. 2 Aufl. 1891.

⁶⁾ *Dörpfeld*. Troja 1893.

⁷⁾ *Strab.* VIII, p. 333.

λέγονται, δοχοῦσι δὲ δωριζέειν ἅπαντες διὰ τὴν συρρίψαν ἐπιχράταιαν". О. Гофманъ ¹⁾, основываясь на этомъ мѣстѣ, принимаетъ за додорійское населеніе Греція золянъ, которыхъ дѣлятъ по діалектамъ на двѣ вѣтви: южно-ахейскую и сѣверно-ахейскую; додорійскій характеръ языка историческихъ ахейанъ онъ объясняетъ вліяніемъ дорянъ ²⁾. Бузольтъ ³⁾ видитъ въ этихъ грекахъ предшественниковъ золянъ и іонянъ и другія недорійскія племена эллиновъ, которыя были отчасти покорены, отчасти вытѣснены дорянами. Такъ же думаетъ Эд. Мейеръ ⁴⁾; относительно Ἀχαιοί Гомера онъ высказываетъ сомнѣніе, слѣдуетъ ли считать ихъ за историческое племя ⁵⁾, такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имя ахейанъ сохранилось до историческихъ временъ, діалектъ принадлежитъ къ сѣверо-западной группѣ, а не къ „золійской“. По нашему мнѣнію, загадка эта разрѣшается, если мы предположимъ въ додорійскомъ „золійскомъ“ населеніи два класса: ахейанъ-аристократовъ ⁶⁾ и сельчанъ. Первые именно играютъ роль у Гомера. При вторженіи дорянъ они, стыдясь своего прежняго діалекта, очевидно, примѣнились къ языку завоевателей и отчасти слились съ ними въ одинъ народъ, отчасти удалились мало-по-малу въ горы. Ахейскій элементъ на Кипрѣ ведетъ свое происхожденіе съ микенскаго времени, предшествовавшаго додорійскому вторженію, отчего и языкъ кипрскій сохранилъ свой прежній характеръ. Что касается сельчанъ, то они не могли не подвергнуться вліянію господствующаго додорійскаго элемента и сохранили свою фizioномію лишь въ Аркадіи (и южной Элидѣ). Отсутствіе ахейскаго класса здѣсь понятно: населеніе Аркадіи—сельское, пастушеское, ахейане же жили въ городахъ прибрежныхъ частей Греціи. Такъ объясняется и имя ахейанъ на Кипрѣ, и на Критѣ у Гомера ⁷⁾, и приближающійся къ додорійскому діалектъ Ахей, Фоіотиды и южной Италіи, и родственность діалекта аркадскаго (и писатскаго) съ кипрскимъ, а съ другой стороны съ діалектомъ Троады, наконецъ также и слова спартанскаго царя Клеомена въ Дельфахъ:

¹⁾ O. Hoffmann. Die griechischen Dialekte in ihrem historischen Zusammenhange. Band I. Der Süd-achäische Dialekt, 1891; Band. II. Der Nord-achäische Dialekt, 1893.

²⁾ I, S. 8 ff.—Съ послѣднимъ не соглашается Ed. Meyer, II, S. 78, Anm.

³⁾ Busolt. Griechische Geschichte I ³, S. 114.

⁴⁾ Ed. Meyer. Geschichte des Alterthums II, S. 75.

⁵⁾ Ss. 77—78.

⁶⁾ Ср. Perrot et Chipiez. La Grèce primitive 1894, p. 66.

⁷⁾ Od. XIX 175.

„Я не дорянинъ, а ахеянинъ!“¹⁾ Этимиъ царь спартанскій указываетъ, очевидно, на то, что въ жилахъ его течеть кровь не только дорійская, но и туземная ахейская, смѣшавшаяся съ дорійскою²⁾.—Къ мнѣнью Бузольта прикнули также Reisch³⁾ и Röhlmann⁴⁾. Одинаковаго взгляда придерживается и Вилаговицъ⁵⁾. Такъ же думаетъ Перро⁶⁾.

Однако, рядомъ съ греческимъ элементомъ сдѣдуетъ признать въ носителяхъ микенской культуры также иной, негреческій, который мы назовемъ для удобства по-просту „карийскимъ“. Имена Пеласговъ и Лелеговъ, можетъ быть, нужно понимать, какъ различныя обозначенія этого чужаго элемента, слѣды котораго сохранились, между прочимъ, въ надписяхъ Лемвосской и Прэсской⁷⁾. Выше мы видѣли, что на Критѣ туземное населеніе принадлежало именно къ негреческой расѣ. Оно находилось въ оживленныхъ сношеніяхъ съ востокомъ и югомъ и подчинилось влиянію ихъ въ культурномъ отношеніи, хотя бы лишь отчасти. Ничто не мѣшаетъ предположить въ этомъ племени (или племенахъ) загадочный народъ Кефть египетскихъ памятниковъ, который имѣлъ въ такомъ случаѣ свои колоніи на востокѣ и былъ извѣстенъ, можетъ быть, отчасти подъ именемъ „Филистимлянъ“⁸⁾.

¹⁾ Herodot. V 72.—Вилаговицъ (Herakles I², S. 22, Anm. 44), впрочемъ, объяснить эти слова еще проще: Клеомень, какъ и вообще спартанскіе цари, ведутъ свое происхожденіе отъ потомка Персея, Германа.

²⁾ O. Hoffmann (Die griech. Dialekte I, Vorwort S. VII) приводитъ, слѣдуя Fick'у (Ilias, S. 561 ff.) слѣдующую этимологию имени ахеянъ и эолянъ: Ἀχ-αἶφος, Αἶφο-λος и полагаетъ, что послѣднее названіе появилось впервые, вѣроятно, въ Θεσσαλίᾳ.

³⁾ Op. cit. pp. 110, 125.

⁴⁾ Griechische Geschichte (въ Jw. Müllers Handbücher der klass. Alterthumswiss.). 2-te Aufl. 1896, Ss. 10 ff.

⁵⁾ Herakles I², 1895, Ss. 6—7 и особенно S. 23, Anm. 44.

⁶⁾ Perrot et Chipiez. La Grèce primitive. 1894, pp. 58—59.

⁷⁾ II. II 867 называетъ карійцевъ βαρβαρόφωνοι, Herodot. I 171 говоритъ, что карійцы τὸ παλαιὸν ἔοντες; Μίνω τε κατῆκοι καὶ καλούμενοι Λέλεγες εἶχον τὰς νήσους и были вытѣснены отсюда іонійскими и дорійскими колонистами. Thuk. I 8, 1 говоритъ, что карійцы и финикійцы населили большую часть острововъ, и что Миносъ изгналъ карійцевъ съ острововъ (I 4, 8) Сами же карійцы называютъ себя автономными материка (Herodot. I 171). У Страбона (p. 661) мы читаемъ: οἱ Κάρες ὑπὸ Μίνω ἐτάττοντο, τότε Λέλεγες καλούμενοι, καὶ τὰς νήσους ἔχον· εἰτ' ἠπειρώται γινόμενοι πολλὴν τῆς παραλίας καὶ τῆς μεσογαίας κατέσχον, τοὺς προκατέχοντας ἀφελόμενοι· καὶ οὗτοι δ' ἦσαν οἱ πλείους, Λέλεγες καὶ Πελασγοί, πάλιν δὲ τοὺτους ἀφείλοντο μέρος οἱ Ἕλληνες, Ἴωνες τε καὶ Δωριεῖς.—Ср. Strab. p. 321 [Herodot. I 173].

⁸⁾ Ср. Evans. Cret. pict., pp. 99 ff. [J. H. S. XIV, p. 368 ff.]. E. Turanov

Мало-по-малу этот чужой элемент был вытѣсненъ и сохранился лишь въ юго-западномъ углу Малой Азии, на который и было перенесено его имя ¹⁾). Очень возможно, что эти „карійцы“ представляли собою вообще догреческое население южной части Балканскаго полуострова ²⁾): „Конечно“, говоритъ Кречмеръ ³⁾), „нельзя опредѣлять строгую границу между этимъ временемъ и „греческой эпохой“; потому трудно въ точности выяснитъ такъ называемый „микенскій вопросъ“ въ той формѣ, въ какой онъ обыкновенно ставится: кто были носители микенской культуры: карійцы или эллины?... Мы не можемъ поэтому точно опредѣлить, на какой ступени этнологическаго развитія находилась Греція въ эпоху расцвѣта микенской культуры, сколько карійской и сколько индогерманской крови текло въ жилахъ царей микенскихъ и тиринескихъ“.

Итакъ, говоря о распространеніи „микенскаго“ письма, мы не можемъ не признать вѣроятнымъ знакомство съ нимъ какъ „карійскаго“, такъ и греческаго населенія области Эгейскаго моря. Когда за цвѣтущимъ микенскимъ періодомъ однако наступилъ другой, повлекшій за собою паденіе микенской культуры и оставившій особенно опутительный слѣдъ въ такъ называемомъ „геометрическомъ“ стилѣ керамики, то и письменность „микенская“ пришла въ забвеніе, такъ какъ въ послѣмикенское время мы ея не встрѣчаемъ несомнѣнно. Только на островѣ Кипрѣ и, можетъ быть, въ прибрежныхъ частяхъ Малой Азии мы можемъ предположить дальнѣйшее ея развитіе въ особую систему, извѣстную подъ названіемъ кипрской.

10) Если письменность въ микенскую или гомеровскую ⁴⁾ эпоху (послѣднюю однако нельзя смѣшивать съ временемъ жизни Гомера!)

(Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, сентябрь 1893 года, отд. класс. филол., стр. 173—186) совершенно вѣрно подводитъ имя „Кефть“ подъ культурно-историческое понятіе (стр. 182). Поэтому мы не думаемъ категорически утверждать, что „карійскій“ или „филистимскій“ элементъ только и былъ носителемъ этого имени; однако сопоставленіе „Кефть“ съ жителями острововъ невольно наводитъ на мысль, что мы имѣемъ право привести его *ex seors* съ упомянутымъ населеніемъ.—Однако *W. Max Müller* (Asien und Europa. 1893) доказываетъ, что страна Kefti лежала къ западу отъ Аманскаго хребта (p. 340).

¹⁾ Herodot. I 171.

²⁾ Ср. *Wilamowitz*. Herakles, I². 1895, S. 3.

³⁾ *Paul Kretschmer*. Einleitung in die Geschichte der griech. Sprache. 1896, S. 407.

⁴⁾ Ср. *Reisch*. Verhandlungen der 42 Philologen-Versammlung in Wien vom 24—27 Mai 1893. Lpz. 1894, S. 124.

въ Греціи существовала, то ничто, конечно, не мѣшаетъ видѣть въ „στίματα λυγρά“¹⁾ темное указаніе на этотъ родъ письменности. Однако вѣтъ вовсе необходимости предполагать здѣсь какое-либо опредѣленное письмо. По ходу мысли требовалось упоминаніе подобнаго рода корреспонденціи, и поэтъ не замедлялъ это сдѣлать, вовсе, можетъ-быть, и не имѣя въ виду опредѣленное письмо. Важно лишь то обстоятельство, что способъ письменной передачи мыслей былъ поэту знакомъ. Спрашивается, нѣтъ-ли у насъ данныхъ, которыя могли-бы объяснить это знакомство. На основаніи вышензложеннаго проще всего, конечно, видѣть здѣсь намекъ на микенское время, къ которому относится и время такъ называемой Троянской войны²⁾. Предположить, что поэмы Гомера возникли лѣтъ 500 спустя послѣ этого времени, совершенно неосновательно. Какъ это мы видимъ и въ русскихъ былинахъ, пѣсни эти складываются постепенно, причемъ, конечно, большую роль играетъ и фантазія³⁾. Наконецъ, является лицо, которое приобретаетъ особенную извѣстность, благодаря своему дарованію и памяти, однако изъ того-же класса народныхъ пѣвцовъ, и, перенявъ отъ своихъ предшественниковъ, а также и сотоварищей наиболѣе интересныя и извѣстныя пѣсни, дополняетъ ихъ, соединяетъ вмѣстѣ и передаетъ дальше. Если это лицо сдѣлалось особенно извѣстнымъ, а можетъ-быть, и жило очень долго, то въ памяти народной невольно остается имя его, и притомъ нераздѣльно съ народной поэзіей. Такъ объясняется и представленіе о Гомерѣ, какъ о „творцѣ“ Илиады и Одиссеи. Думать, что Гомеръ есть лицо вымышленное, не представляется поэтому вѣроятнымъ. Временемъ его считаютъ приблизительно половину IX вѣка, какъ говорить и Геродотъ⁴⁾. Такъ-какъ финнскійская письменность уже начала распространяться въ эту эпоху, то знакомство поэта съ письменной передачей мыслей могло и отсюда вести свое происхожденіе. Однако новая письменность не была еще настолько развита, чтобы мы могли думать о записи поэмъ

1) II. Z. 168—170: Аргосскій царь Пройтъ, желая погубить Беллерофонта,
 κέρπε δά μιν Λυκίηνδε, κόρεν δ' ὅ γε στίματα λυγρά,
 γράφας ἐν πίνακι πικτῶ θυμοφθόρα κολλά,
 δεῖξαι δ' ἠρώσει ᾗ πειθάρῳ, ἔφρ' ἀκόλοιο.

2) Какъ мы видѣли выше, время это—приблизительно 1450—1250 гг. до Р. Хр. Предѣломъ его служитъ вторженіе дорійскъ продолжавшееся, вѣроятно, около столѣтія. Въ цѣляхъ Илиады и Одиссеи вошли воспоминанія о морскихъ экспедиціяхъ и предпріятіяхъ микенской Греціи.

3) Ср. Visconti, Griechische Geschichte I. 1893, S. 130.

4) Herodot. II 53.

въ эту эпоху. Кристь ¹⁾ отрицаетъ письменность во время Гомера на основаніи того, между прочимъ, что въ одномъ мѣстѣ, гдѣ говорится о метаніи жребія ²⁾, герои не прибѣгаютъ къ письменному обозначенію своихъ именъ. Однако, не говоря уже о томъ, что письменностью не могли въ эпоху сложенія этого мѣста (если оно относится ко времени послѣ перенятія финикійскаго письма) владѣть еще съ такой ловкостью, какъ это было, напримѣръ, въ V вѣкѣ, — письменное обозначеніе именъ героевъ вовсе не было необходимо, тѣмъ болѣе, что подъ рукою могло и не находиться соответствующаго письменнаго матеріала: и теперь, вѣдь, при метаніи жребія нерѣдко прибѣгаютъ къ подобному исходу, какой мы видимъ у Гомера!

Итакъ, сложеніе гомеровскихъ поэмъ падаетъ въ эпоху между микенскимъ временемъ и тѣмъ, когда финикійскій алфавитъ уже былъ нѣкоторое время въ употребленіи среди греческаго населенія, то-есть въ эпоху исчезновенія микенскаго письма и появленія финикійскаго.

З а к л ю ч е н і е.

Возвращаясь къ исходному пункту нашего разсужденія, припомнимъ мнѣніе Петри о египетскихъ „*shasons' marks*“. Онъ полагаетъ, что изъ этихъ „*shasons' marks*“, получившихъ условное звуковое значеніе, развилась письменность области Средиземнаго моря, и что въ нихъ слѣдуетъ видѣть начатки алфавитной системы, которой суждено было играть впослѣдствіи столь важную роль въ развитіи цивилизаціи азіатскихъ и особенно европейскихъ народовъ. Послѣднія изслѣдованія Ивенса подтверждаютъ какъ нельзя лучше мнѣніе Петри. По Ивенсу прото-египетскіе ливійскіе знаки отразились на развитіи какъ древнѣйшаго критскаго линейно-картиннаго письма, такъ и финикійской алфавитной системы.

Такимъ образомъ теорія маститаго англійскаго египтолога, судя по находящимся въ нашемъ распоряженіи даннымъ, оказывается небезосновательной и должна быть принята во вниманіе въ вопросѣ о развитіи какъ критско-микенскаго, такъ и финикійскаго письма.

☉. Видеманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ *Christ*. Griechische Litteraturgeschichte (Müllers Handbücher der klassischen Alterthumswissenschaft), S. 49.

²⁾ II. Н 175 sqq.

ПОГИБШАЯ РУКОПИСЬ ПАВЛА ЭГИНСКАГО.

Занимаясь осенью 1895 г. въ Московской Синодальной библиотекѣ, авторъ этихъ строкъ имѣлъ случай, между прочимъ, списать тексты, находящіеся въ началѣ и въ концѣ трехъ рукописей упомянутой библиотеки на отдѣльныхъ пергаменныхъ листкахъ, подшитыхъ къ корешку рукописей и покрытыхъ письмомъ IX и X вѣковъ. По ближайшемъ изслѣдованіи тексты эти оказались отрывками изъ III и VI книги Павла Эгинскаго. Вотъ точное описаніе рукописей, въ которыхъ найдены нами вышеупомянутые отрывки, какъ даетъ его печатный каталогъ ¹⁾:

„№ 125 ($\frac{30}{XX}$). Василия Великаго 51 бесѣда. Пергам. 977 года въ 2 столбца, листовъ 314 (дл. $7\frac{1}{8}$, шир. $5\frac{1}{2}$ в.); первые и послѣдніе листы ветхи. *ἔκ τῆς Δαύρα*“ (стр. 122).

„Листъ 314-й пергаменный IX в., съ отрывкомъ изъ лѣчебника. Послѣдняя глава *περὶ φλεγμαόνης*“ (стр. 123).

„№ 379 ($\frac{161}{CLXIX}$). Житія святыхъ изъ разныхъ мѣсяцевъ. Пергам. XI вѣкъ, листовъ 392 (дл. 8, шир. $5\frac{7}{8}$ в.), въ 2 столбца, нѣкоторые листы ветхи. *Ἐρσένιος ἀπὸ τῆς Δαύρα*“.

„На листахъ 1—3 отрывокъ медицинскаго содержанія (гл. 67—81). Нач. *περὶ καρκίνου, περὶ ὄστεων καὶ πύλινος* и проч.—Пергам. въ одинъ столбець, письмо IX вѣка. См. еще въ № 387 листы 1 и 2 медиц. отрыв.“ (стр. 569).

¹⁾ *Архивъ Владиміръ*, Систематическое описаніе рукописей Московской Синодальной (патріаршей) библиотеки. Ч. I. Рукописи греческія. Москва. 1894.

„№ 387 (¹⁷¹_{CLXXV}). Житія святыхъ и слова. Пергам. XI, листовъ 206 (дл. 8¹/₄, шир. 6 в.) въ 2 столбца. Ἰρσένιη δι. Τῆς Διόρας (л. 4)“.

„Листы 1 и 2. Пергаменный отрывокъ медниц. содержанія (гл. 61—65), письмо сходно съ отрывкомъ въ № 379“ (стр. 582).

Однако составитель каталога нѣсколько ошибается, находя сходство письма тамъ, гдѣ его нѣтъ, и не замѣчая его, гдѣ оно есть. Сходство письма между рукописями дѣйствительно существуетъ, но только между № 125 и 379, и сходство настолько разительное, что даже неопытный глазъ безошибочно припишетъ эти отрывки одной рукѣ. Къ сожалѣнью, читать ихъ довольно трудно какъ вслѣдствіе неисправнаго состоянія пергамента, испачканнаго, истертаго, подмоченнаго, такъ и вслѣдствіе того, что лѣвый край гесто и правый verso подклеены къ переплету.

Текстъ, представляемый этими отрывками, относится, какъ сказано, къ III и VI книгѣ Павла Эгинскаго. Листъ 314-й рукописи № 125 даетъ отрывокъ главъ 43—45 (кн. III) отъ словъ *χρηστέον. βλάπτει γὰρ ἡ χίστα* въ концѣ 43-ей до *λαμβανέτωσαν. κορώδου; δέ* въ серединѣ 45-й главы. Листъ 1-й и 2-й рукописи № 379 представляетъ гл. 66—71 той же книги отъ словъ *ἡ χαλκίτην ἢ ἀχάλκανθον* въ концѣ 66 гл. до словъ *ὄσφραντά τῆ ῥινί, οἷον ἐλόχμιον* въ серединѣ 71 главы. Далѣе вырѣзано на домашнія надобности владѣльца три или четыре листа; точно также одинъ листъ вырѣзанъ въ началѣ передъ листомъ 1-мъ и нѣсколько листовъ въ концѣ послѣ листа 3-го. Этотъ 3-й листъ рукописи даетъ отрывокъ главъ 77—80 той же книги отъ словъ *θεῖ δέ τοὺς ἀνοοῦντας* въ серединѣ главы 77-й и до словъ *κατὰ πάντα τὰ μέρη τοῦ σώματος* въ началѣ 80-й главы.

Что касается третьей рукописи № 387, то письмо ея отрывковъ сходно съ письмомъ предыдущихъ, если ужъ говорить о сходствѣ, лишь настолько, насколько могутъ быть сходны почерки одной и той же или двухъ смежныхъ эпохъ. такъ какъ о принадлежности этого отрывка той же рукѣ не можетъ быть и рѣчи въ виду замѣтныхъ различій письма, древность котораго однако настолько велика, что если эти листки рукописи № 387 и не принадлежатъ IX вѣку, то во всякомъ случаѣ легко могутъ быть отнесены къ началу X столѣтія. Такимъ образомъ. замѣтку архимандрита Владиміра о сходствѣ письма нужно отнести къ №№ 125 и 379 каталога. Что касается содержанія этихъ отрывковъ, то они даютъ намъ текстъ VI книги нашего автора, трактующей о хирургіи и являющейся, какъ

известно, во многихъ отношеніяхъ самой важной изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ книгъ знаменитаго акушера¹⁾, — именно даютъ главы 60 — 65 отъ словъ (δια)θήσομαι τὰ καὶ ἐπισθεν τοῦ αἰδοίου въ концѣ 60-й — до словъ μείσουα τὸν βῦχον αὐτὸν ἐαυτοῦ въ началѣ 65-й главы.

Изъ всего вышесказаннаго можно заключить, что упомянутые отрывки принадлежали нѣкогда одной рукописи, которая, можетъ быть, на Аѳонѣ, а можетъ быть, и въ Москвѣ уже, была разорвана и затѣмъ бблшими или меньшими частями вошла въ составъ другихъ рукописей, ничего съ ней общаго по содержанию не имѣвшихъ. Последнее предположеніе, что рукопись была разорвана въ Москвѣ (или во время перевозки въ Москву), кажется намъ болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ, если не обманываетъ насъ память, въ рукописи № 379 запись Τῆς Λαβρας и Ἀρσένιη читается на листѣ 4-мъ, а не первомъ, — точно такъ же, какъ и въ № 387, откуда можно заключить, что первые листы прибавлены позже записи Арсенія. Кромѣ того, нужно замѣтить, что, судя по количеству вырѣзанныхъ листовъ, № 379 содержалъ въ себѣ, кромѣ конца третьей, также часть четвертой книги, а отсюда дѣлается весьма вѣроятнымъ предположеніе, что и отрывки VI книги № 387, хотя и писанные другой рукой, принадлежали къ одной и той же погибшей рукописи Павла Эгинскаго, содержавшей въ себѣ нѣкогда всѣ 7 книгъ τῆς συμπλάτης πραγμάτων. Если допустить мысль, что рукопись была разорвана въ Москвѣ, то при болѣе тщательныхъ розыскахъ, чѣмъ какіе время позволило прозвести намъ, нѣкоторыя части этой рукописи современемъ могутъ найтись еще въ Москвѣ или въ другихъ мѣстахъ, куда поступили, благодаря превратностямъ судьбы, книги, привезенныя съ востока Сухановымъ²⁾. Въ противномъ случаѣ, можетъ быть, остатки рукописи удастся отыскать еще въ библіотекѣ Лавры на Аѳонѣ.

Что касается исправности рукописной традиціи нашихъ отрывковъ, то ее можно охарактеризовать, говоря вообще, слѣдующимъ образомъ: орографія не только хромаетъ, но ея, можно сказать, писецъ не признаетъ вовсе, особенно въ отрывкахъ III-й книги; α и ε, ο и ο точно также какъ е, η, ι смѣшиваются между собой безъ всякой послѣдовательности, какъ и слѣдуетъ этого ожидать, когда безгра-

¹⁾ *J. Pagel*, Einführung in die Geschichte der Medicin. Berlin. 1898. S. 144.

²⁾ Напримѣръ, въ Парижской національной библіотекѣ, куда по крайней мѣрѣ попала въ началѣ этого или въ концѣ прошлаго столѣтія рукопись Іоанна Дамаскина XII вѣка, а можетъ быть и другія рукописи.

мотный писецъ руководится только произношеніемъ. Кромѣ того, что еще значительнѣе затрудняетъ чтеніе, нежели неисправность и ветхость пергамента, о которой мы говорили раньше, отрывки III-й книги содержать массу сокращеній, не всегда послѣдовательныхъ. Знаки сокращенія для $\eta\nu$, $\epsilon\nu$, $\iota\nu$, $\omicron\nu$ (см. Г. Церетели. Сокращенія въ греческихъ рукописяхъ преимущественно по датированнымъ рукописямъ С.-Петербурга и Москвы. С.-Петербургъ. 1896. Табл. 28, HN₃) и для $\omicron\sigma$ изрѣдка смѣшиваются или съ трудомъ и не всегда хорошо различаются между собою. Мѣстами знакъ для $\eta\nu$ замѣняется знакомъ въ родѣ іотъ безъ точки, который въ свою очередь обыкновенно и гораздо чаще замѣняетъ ϵ или α , иногда же приближается по начертанію къ знаку, означающему— $\alpha\zeta$ или— $\epsilon\sigma$; см. Церетели табл. 3, $\alpha\zeta_3$: $\tau(\alpha\iota\varsigma)$; омегу при чтеніи легко смѣшать съ α , которая въ свою чередъ часто почти не отличается отъ знака τ , замѣняющаго слогъ $\omicron\nu$; іота нерѣдко похожа на $\lambda=\omicron\nu$, и наоборотъ; наконецъ, сплошь да рядомъ окончанія вовсе не выписываются, а названія травъ и медикаментовъ сокращены до неузнаваемости или замѣнены условнымъ знакомъ. Гораздо болѣе удобочитаемы отрывки VI-й книги, въ которой сокращенія вовсе не попадаютъ, но орфографія остается та же.

Въ частности отрывки представляютъ слѣдующія особенности и отступленія отъ печатныхъ текстовъ:

III, 43—45 ¹⁾.Ed. Asul. f. 45^b.№ 125. f. 314^a.

36. $\chi\rho\eta\sigma\tau\acute{\epsilon}\omicron\nu$	$\chi\rho\iota\sigma\tau\epsilon(\omicron\nu)$ ²⁾
$\beta\lambda\acute{\alpha}\pi\tau\alpha\iota$	$\beta\lambda\alpha\pi\tau\eta$
$\tilde{\eta}\kappa\iota\sigma\tau\alpha$	η $\kappa\omicron\sigma\tau\alpha$
37. $\kappa\alpha\chi\acute{\omicron}\nu\omicron\nu\tau\alpha$ $\kappa\alpha\iota$	$\kappa\alpha\chi\omicron\nu(\omicron\nu)\tau\alpha$ $\tau(\alpha\iota)$ ($\kappa\alpha\iota$)= $\tau\epsilon$ $\kappa\alpha\iota$
$\acute{\epsilon}\mu\psi\acute{\omicron}\chi\omicron\nu\tau\alpha$	$\acute{\epsilon}\mu\dots\dots$
$\tau\omicron\upsilon\varsigma$	$\tau\omicron\iota\varsigma$
$\lambda\epsilon\pi\tau\omicron\upsilon\varsigma$	$\lambda\epsilon\pi\tau\omicron\iota\varsigma$
	$\upsilon\upsilon$
$\chi\omicron\rho\omicron\upsilon\varsigma$	$\chi\chi$

¹⁾ Текстъ III-ей книги за отсутствіемъ новѣйшихъ изданій мы цитируемъ по изд. Альда Мавуція: Παύλου Αἰγινήτου ἰατροῦ ἀρίστου βιβλία ἑπτὰ, Pauli Aeginaetae Medici optimi libri septem. (Venet. 1527, ed. Franc. Asulanus).

²⁾ Въ скобкахъ помѣщены буквы, замѣненные знаками сокращенія.

38. οἶμαι δὲ ἐπικρατήσασαν γενέσθαι ἀρξαμένου	οἱ μεθε ἐπικρατισασ(αν)θ(αι) ἀρξομένου
39. πάνλους πολλοῖς ῥωμαίων	παθοῦς ¹⁾ πῶλλοις ИЛИ πῶλλοις ρωμε(ων)
40. πολιτείας φοιτήσαντος λοιμητήν ἐπιληψίαν	πολιται(ας) φουτισ(αν)τος λοιμη(την) ... λημψιαν
41. αἰσθησεως τισι οἷς ἀμφοτέρα ἀπόσκηψις	εσθισε(ως) τισίν εἷς αμφωτερα τουπο σκιψ(της)
42. ἐπιληψίαν πλείους οἱ	επιλημψιαν πλιους
43. πλείους κρισει ὄντως (=οὔτως)	πλιοῦς κριση οοτω
44. τολμηροτέραν τήν	τολμηρωτατ(την)
45. θριδακίνας ἴντοβά τε	... θριδακιν(ας) ιντοματ(αι)
46. ἐσθίειν ἰχθύων	εσ...ειν ·)(·
47. βοῶν. βολβούς καὶ τῆ ψυχρά μέν ὅτε	..ωνβ.λβ... αλλα (καὶ) τη χ ψ \ (= ψυχρόν) ...τε
48. παρῆχεν ὕδατι ψυχρῶ τοῦτο	παριχ(εν) Δ χ ο ψ; τουτ(ον)

¹⁾ Слогъ — оус въ склоненіи словъ съ основой на — εσ- (а иногда и въ другихъ словахъ) почти вездѣ имѣетъ обличенное удареніе; поэтому далѣе мы объ этомъ говорить не будемъ.

ἐκίρνα	εκηρνα
ψυχρὸν	χ ψ λ
ὄδωρ	Δ ο
49. ὀξύκρατον	⊙ κρ ^τ
ψυχρὸν	χ ψ;
τε καὶ	... καὶ
μέστis	μεσ(αν)
πλείστους	πλιστοῦς
50. ἐξίασατο	εξιασα ^τ
ἐπιληψίαν	επιληψι(αν)
παράλησιν (!)	..ραλοσ(ιν)
μεταπτώσεως	μ' πτοσεως
51. Περὶ ἰλεοῦ. μδ̄	Π̄ ΕΙΛΕΟΥ
ὀξύτατον	... τα.δ̄
ὑπάρχον	ὑπάρχ(ων)
ἐπόδονον	ἐπώδυν(ον)
ἰλεός	εἰλεός;
σύμπτωμα	συμπτομα
γάρ
52. κρατηθέντες	κρό...ιθ(εν)τ(ες)
οἰκτίστω	οικιστω ^τ ; исправл. 2-ой рукоѣ.
τῷ	το
στόματος	στομα ^τ
53. τὸ πάθος	θ
ἀπεψίαις	..οα
ἐμφράξεσιν	ἀπεψιαν
ἐπειδὴν	ἐμφραξ(ης)
εἰ ἐπὶ	επιδαν
	μεινη.επι

f. 46^a.

1. καὶ ἐπὶ τοῖς
κατολισθήσεσι	... τη(ς)
κατολ(ησ)θήσεσι
2. κολικῆς	(ησ)
κολικ(οις); исправл. 2-ой рукоѣ.

	ὕπαρξαμένης	αρξαμεν(ης).
	τοῖς	τοιςι
3.	βαλανισμοῖς	αν(ησ)μ(οις).
	τῷ	το
	περὶ κολληκῶν	περι
βολικω; надписано 2-й или 3-й р.
4.	μειράκια	ει
μιρακια; исправл. 2-ой рукой
	ἀκμάζοντας	ἀγμάζ(ον)τ(ας)
	φλεβοτομητέον	.. εβο.ομητε(ον)
	ἐπαφαιροῦντας	επαφεροντ(ας)
5.	πολλαῖς	... λ(αις)
	κατὰ δέ	κ(ατὰ) ταδε
6.	καταχασμοῦ	κ(ατα)σχ(ασ)μ(ου)
	διασφιγκτέον	διασφικτε(ον)
	τὰ κῶλα	
7.	κλύσμασι	κλισμασι
	ἐνέμασιν, καὶ εἰς ελαῖον θερ-	ενεμασι χρ(ησ)τεον. ενκαθ(ησ)μασ(ιν)
	μῶν ἐμβάσειν	τ(ε) (καί) τ(αις) εις ελ..... Ερ.....
8.	καθάρσεις	καθαρσει
	κοληκούς	κωλικ(οις)
	δακνώδεις	... νδ(ης)
	χυμούς	ῥμοις (ῥ=χυ)
	ὀδυνηθέντων	οδυνηθ(έν)τ(ων)
9.	κῶλον	κολ(ον)
	θαυμαστῶς	θαυμ(ασ)τα
	καὶ	κάν
	ἄνηθον	ἀνιθον
	ἐψήθεν	εψψθ(εν); второе ψ может быть также ιοτοϛ.
	μετὰ δέ τὸ	α
10.	ποιεῖν	π(ονην)
	ὑδωρ	ει
ζ = ζέον
	ἐμβάλων	ων
εμβαλον
	δὸς	δως
11.	τὴν τροφήν ῥοοῦν	οφ(ην)... οῦν
	τρίψας	β
..... = ... ης

ταυτῶ	τ ταυ
δοξ	δ(ως)
ὄξυμέλιτι	(οξο)μελι ^τ ¹⁾
κυάθους	υ θ ΚΚ
12. δηλητηρίῳ	δηλητηρι(ων)
ἐν εἰλεῶ	...λε(ον)
ἐμεῖν	ει εμην
ὕδατος	Δ δι υ
13. ἐν τῷ ε̄ βιβλίῳ	...ρο.....
θερμὸν	θερμον; παργο: μονον. ^τ
14. λιπαροῦς	ληπαροῦς
ἡμέρας	σσ ²⁾
τῇ θηριακῇ	...ακην
15. σκαμμωνίας	ω σκαμμ
ἀλόγης	η
ἦ	ει
καθαρικῶν	...αρτι(ων)
16. ἰσόσχεον	εισοσχε(ον)
κατολίσθησιν	κατολ(ησ)θησ(ιν)
σχηματίσαντες	...ατι. χ(αι). τ(εс) ИЛИ τ(αι)
17. ἀνωρρεπείς	ανωρεп(ης)
ἀναθλίψωμεν	αναθληψωμ(εν)
ἐπιδέσω	
κατάσχωμενον	κατ(ασ)σχωμ(εν)
18. Περὶ τῶν κατὰ τοὺς νεφροῦς	Π Τ Κ ΤΟΥС ΝΝ Κ(αι) Τ(ην) ΚΥ
καὶ τὴν χύστην παθῶν καὶ πρῶ-	CT(ην) ΠΑΘ Κ(αι) ΠΡῶ Π ΔΙΘΙ
τον περὶ λιθιάσεως.	ACEWC.
μῆ	omiss.

¹⁾ Знакъ сокращения ὄξυ см. f. 45, v. 49, на стр. 71.

²⁾ Знакъ въ видѣ сс, но съ вынутыми вверхъ концами, см. V. Gardthausen. Griechische Palaeographie. Leipzig. 1879, стр. 258, столб. 2-й внизу: ἡμέρα (в. 972).

19. τὴν τάξιν τῆς διδασκαλίας	. ἡν δασκαλίας.
παρεξιέναι	παρεξινεν(αι)
συγγένεια	συγγενια
κοινόν	κυν(ον)
20. κολικῶν	κωλικ(ον)
καὶ τῶν λίθων ἐχόντων	χ(ον) . . . $\frac{\Delta}{\theta}$
ἐν τῷ νεφρῷ	εν το $\overset{\epsilon}{N}$
21. στροφουῖσθαι	ουσ..
κοληκοῖς (!)	κολια(οις)
ἐπιτεταμμένα	επιτεταμενα
22. ταῦτα πάντα	παν ταυ
γίνεσθαι	θ
γιγν(εσ)
νεφρητικοῖς (!)	νεφριτι(χοις)
μὲν κοληκοῖς (!)	χ
23. λαγῶνα	λαγονα
ἀνιέναι	ανειεν(αι)
24. ἐπέχεσθαι	
25. βολβίτω	βολ
26. πλείον	πλειο
ἐκδίδουσαι	διδοσθ(αι)
τοῖς δὲ νεφρητικοῖς (!)	$\overset{\epsilon}{N}$
27. νεφρῶν	$\overset{\epsilon}{N}$
Νφρ(ων)
ἐστηριχθαι	ενηστηριχθ(αι)
βαρείαν	βαρίαν
σκόλωπος	σκολοπος
κατευθῦ	κα
28. νάρκη	ναρκ(την)
γίνεται	θ
γιν(εσ)
κάτιξιν (!)	κάτηξι(ιν)
ἐκκρίνει	εκκριν(ειν)
πάντως	
29. ἐπικλύσμαι	επι τ(οις) κλισμασι
φύσας τε	φυσ(α)θ(αι) τε
χολωδέστερον	χολωδ(αν)τέρ(αν)
ψαμμώδη	μωδη

30. τὸν οὐρητικὸν πόρον
τῶν

λίθων

ταχυήρια

τ(ων) ουρητικ(ων) πορ(ων)
.ι. = εστι?! Впрочем ср. Цере-
ретели. Табл. 23, τον и των.

$\frac{\Delta}{\theta} \frac{\Delta}{\theta}$

строка кончается вместе со стра-
ницей; следующая последняя
строка л. 314^a представляет
сколию (или интерполяцию?):

.....οδοντω...: παντελες | αφογιαζ(ων)

τ(ον) καμμ¹⁾ | αφαδη ζζ ρρ·) τῆ |

γούν βαλ̄ (или βασ̄?) κζ ππ | κ κ

$\frac{\bar{\kappa}\zeta}{\kappa\zeta}$ οιν.

f. 314^a.

31. τελείοις
γινόμενα
ἤδη
κόστιν
λίθων

32. φιλεῖ
σημεία

κνῶνται

33. συνεχῶς
καὶ ψηλαφῶσι
αἰδοῖον
ἐνταίνουσι καὶ
συνεχῶς

34. αἴτιον τῆς τῶν
λίθων

ἔστιν

παχῆς

χυμὸς

35. ἀλλ' ἐπὶ

τελίοις
γινόμεν(ων)

εἰ δε

κοστην

$\frac{\Delta}{\theta} \frac{\Delta}{\theta}$

φ....(εἰν) или -(την)

..μεία

κνωτ

στοχ(ον)-

....λαφωσ(εἰν)

αἰδο(ον)

εντηνουσ

συχн(ωс)

αιт.....

$\frac{\Delta}{\theta} \frac{\Delta}{\theta}$

εστι

παχῦς

υ

χ

....επι

¹⁾ Тс-есть, ων исправлено въ он, можетъ быть=καμμ(ον)[τα].

νεφρῶν	^e N
λίθος	$\frac{\Delta}{\theta} \frac{\Delta}{\theta}$
36. θερμαίνειν	θαρμεν(ειν)
ἐπιφανῶς	επιφαν....
τοιαῦται δὲ	τοιαι αυται μ(εν)
ἄτε	αιτ(ε)
βασιλικῶν	βασιλεικ(ων)
37. ῥίζα	ριζαι
τε κεκαυμένος	^e K
ῥίζα	ριζ̄
ἀδιάντων	...αντ(ον)
38. ὁ φλοιὸς	^{οι} οφλ (οις) ηλη - (την)
ἄλθαίαις	αλθαιαις
μέλανες	^e μ
39. σπόγγων λίθοι	σπογγ....
ὄξος	знакъ см. f. 45b, v. 49 (стр. 71).
μύον	μην
καρπισία	καρπησια
40. καὶ ἐσθιόμενον καὶ πινόμενον	(καὶ) πιννόμ ^e (καὶ)...θιόμεν(ον)
σκολύμου	σκολυκου
41. λουτροῖς	$\overline{\Delta}$
λουτρὸν	$\overline{\lambda}$
τινά τῶν	τιν....
εἰρημένων	ειρημενα
42. καὶ παρηγοροῦσιρουσι
43. χρηστεον	χριστε(ον)
μεταφέροντας	μ'φερ(ον)τ(ων)
πόματα	^τ ^τ πομα ταυ
44. ἀγρίου καὶ	αγριου....
σελίνου	(σελίνου) ¹
ἐχθλίψας	εχθληψ(ας)

¹) Знакъ сокращенія этого слова представляет изъ себя лежащій серпъ луны; у *Du Cange*, *Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis*. Vratisl. 1891, vol. II. Notarum charact. col. 16, этотъ знакъ обозначаетъ ἄργυρος.

	ὕδατι	Δ υ τε
45.	κοχλιάριον β̄ κατάπλαστον δὲ καρπονλίθου	ο Κ Β̄ κ(ατα)π... καρπ ^Δ _θ
	γλήχωνος ξηρᾶς	ω η γληχ ξ
46.	κοχλιάριον μετ' οἴνου	с χ.....
	κοχλιάριον β̄	ο Κ Β̄
47.	τραγῆιον πάττιγες	τραγι(ον) τεττιγ(ες)
	ξηροί	к ξ
48.	τηκόλιθοι δι' λουτροῦ	τικολυθοι... знакъ, какъ v. 41. (стр. 76).
49.	σκευαζόμενα φάρμακα νεφριτικῆ φροῦσκο συντηθέμενα	скеυαζόμενα φ..... νεφρητικη φοίσκα συντηθέμενα
	κονδύτα	τ η κονδι
50.	ἐπαινομένων	
	ὑπάρχει ἔστι	χ υπэр
51.	βασιλίσκου μόνου μειζον καὶ	βρ... \ μον(ον) μζ(ον) omiss.
52.	χρῶαν μεταξύ ἐν τοίχοις	χρο(αν) μεταξοι εν.....
53.	διαιτόμενον (!)	διατωμεν(ον) на поляхъ второй рукой (X в.)? приписано слѣдующее:
		ε ω(ας) υ Δ ο̄ Η Ν ΔΔ αρνογλα φυ η ¹) τε χ

1) Δ зачеркнуто той же рукой.

7. τῶν παχυχύμων	τ(ων) παχυχ ^υ
8. δριμέων κονδύτων	δρημ..... κ(ον)διτ(ων)
ταῦτα	τα αυ ^τ
9. γενομένους λίθους	γεναμενους Δ Δ θ θ
κωλύει συστῆναι ἀλλὰ καὶ ἐκκρίνειν	κ.ολ....στηναι καὶ εκκριπτ(ειν)
10. τῶν ἀπλουστέρων ἀδιάντου σελίνου	του οσα.....τερ(ων) αδιαιτου см. f. 46 ^a v. 44 (стр. 76, примѣч.).
ἀφεψήματος	αφεψημ(οις) ^τ
11. βαλανεῖον νήστεις εὐκρατον πινέτωσαν καὶ	βαλανι(ον) νηστις ευκρ..... πινετωσ(αν) κ(αν)
12. ψυχρόν	χ ^ψ
ἐπιρροφεῖτωσαν κωλύει πλήθος κακοχυμίας συναισθανόμενοι	επιροφσ(αν) ^π κωλοσι πληθους τε η καλοχυμι(ας) σ.....
13. προφυλακὴν λίθων	προσφυλακ(ην) Δ Δ θ θ
τὸ μετὰ βαλανεῖον	το.....βαλανι(ον)
14. ὕδωρ	Δ υ
εὐκρατον χύεται λίθους	ευκρα χυετη Δ Δ θ θ
15. παιδίων τοῖς ἰσχυρωτέροις	παιδ(ων)τ...ροτεροις

	καταργάση	καταργασει
16.	τοῦ λίθου ἢ καὶ	του.....
	τραχήλου	χ
	τῶ	τρα
	καθαιτηρισμῶ	το
17.	λιθοτομία	η καθαιτηρισμ(ων)
	χειρουργουμένοις	Λ τομια
		θ
18.	Περὶ φλεγμονῆς	Χ.....
		ε
		Π ΦΛΕΓΜΟΝΗΣ.
		ε
19.	νεφρῶν	Ν
	πυρώσει	πυροσει
20.	τῷ πυρέττειν καὶ	το.....
	χολώδη	ν
	ἄκρατα	χοδη ¹⁾
21.	φλεγμαινούσης	ακρατου
	διαγινωσκομένη	φλεγμενουσ(ης?)
	φλεβοτομητέον	διαγιγνους.....
	αὐτίκα	φλεβοτομιτεον
22.	αἰονήμασι	αυτηκα
	πηγάνου καὶ	αιονισητ(αι)
	ἀνήθου
	ἀλθαιίας	θ
23.	κλύσμασι	αννι; на полѣ 2-й рукоѣ: λο.....
	μήκωνς	ο κ(ας)
	στέατος	αλ·θ
	χηνός. ἐπὶ δὲ τῆς	κλισμασ(ιν)
24.	ὀβολόν S	υ
	αμύρνης	μηκων
		τ
		στωα
		...Χ...
		(ὀβολός) ²⁾ Д
		σμ(ης) или ем(ης)

¹⁾ Знакъ надъ χοδη имѣеть форму строчнаго греч. ν или лат. г. Похожіе значекъ у Гардтгаузена, Griech. Palaeographie, стр. 260, столб. 2: tau-

²⁾ Сокращеніе состоитъ изъ двухъ значковъ: первый, верхній, изображенъ у Гардтгаузена, Gr. Palaeogr., стр. 240 с. Flor. 53 β (перваго ряда); второй нижній, представляетъ изъ себя простую горизонтальную черту.

	μελίκρατον	μελ(ης) ^ω ΗΛΗ μελ(ης) ^{ικ}
25.	αὐτοὺς	αὐτω
	προποτιστέον	... ποτ(ις)τ(εον)
	τῶν πάνυ	... πανοι
	εἰ μή	η μι
26.	αὐτοῖς ὑγρὸν	αυ.ο.....
	πλεονάζοι	πλεοναζ.ι
	καὶ ποτῶ	omiss.
	πλείονι	πληωνη
	καὶ ἄθροός	καθαρω
	ἔχ τινος	ἡ εχτινος
27.	ἀδήκτων	αδ.κτων ΗΛΗ αδ.ητων.
	διουρητικῶν	διαρητικ(ων)
	πινέτωσαν δὲ	πι.....; ΗΛΗ ποτῶ: ποτω.
	λινόσπερμον μ ^ε β̄	λινοςπ.....Β̄
	κοχλιάριον	Κ̄
	ἐν ὕδατι	Δ εν υ
28.	τοῦ τε σικίου	τουτετικουου
	λαμβάνετωσαν	(λαβ-)σ(αν) 1)
	ὄε	τ....

III, 66—71.

Ed. f. 54a.

Æ 379. f. 1^a.

14.	ἀνιθήραν	θηρυν(ην)
	ἦ	ἦ
	ἦ ἀγάλκωνθον	ἦ αχ N
	ἀρμόζοντα	αρμοζ(ον)
	εὐχυμον	την ευχ.λον
	τοῦ ἔλκους	τους λ..κους (=λευκούς?)
16.	ποικιλότερον καὶ τρέφειν καὶ	καὶ του κηλωτερ.....τοεφ.....οινω
	οἶνον παρέχειν	...εχειν
	ὄπως	οπι(ων)
	γίνοιτο	γιγνοιτο
	μέρει	μερη
17.	διαμόρων	διαμορ(ων)

1) Знакъ сокращенія основы λαβ- или λαμβαν- см. у Du Cange, l. c. p. 11: λαβών.

	ἀνειμένην	ανημεν... η
	διὰ καθμίας ηγα καθμ....
	μολυβδαίνης	μολιβδεν(ης)
18.	ἐπιγαστρίω	επι..... τριω
	ἰσχύοις	ισχυοις
19.	διενεχθήζεται	διενεχθῆραι
	πόρων	πον(ων)
	Περὶ καρκίνου. ξζ̄	ε Π ΚΑΡΚΙΝΟΥ.
20.	τῶν	τ(ον)
	ἔλκου	ελκοῦς
	ἀνελκόντων	ανελκοτ(ων)
21.	ὄγκον	ογκος
	εὕρισκεται	ευρηκετ(αι)
	ὄχθώδης	οχ... ωδι(ης)
22.	καὶ ἐπιγάστριον	επιγ(ασ)τριον
23.	ὄσφῆν	ὄσφῶ
	ποικιλώτερον	π. κηλωτερ... ν
	φαρμακείαν	φαρμακίαν
	ἤλκωμένου δὲ	ελκωμενου δ... ε

Начиная съ этой 9-й строки рукописи до 19-й (38-й строки печатнаго издания) на правомъ полѣ рукой X? в. приписано въ видѣ схолиѣ слѣдующее:

† Γ̄ (или Π̄) ^ρ1) VCTEPAN ΕΔ... |
 ΚΑΙ ΑΝΑΒΙΒΡ.С. | (λαβ-) ^ρ2) δροιως
 Λ̄ δ̄
 ξυ κο.. | ανθρακω (και) σι... | οστοῦ ομ̄
³⁾ δ(ησ)σι... | προσηφεν(ους) σο ⁴⁾ |
 επι Γ̄ (λάμβανε) ²⁾ οστοῦν αναίξια
 .τω ⁵⁾ αναπε|σο. ⁶⁾ Γ̄ και θαυ-

1) То-есть γράφεται: ΠΙΠ προς.

2) Относительно знака сокращения см. стр. 81, примѣчаніе.

3) Можетъ быть λάμβανε δροῦς ξύλου κο.. ανθρακωδ- και σι... οστοῦ, ὀμοῦ λείω.

4) = ἡμέρας; см. на стр. 73 f. 46^a v. 14 и примѣчаніе 2.

5) вѣсто ξ̄ можно читать π̄ (και).

6) = ἀνάπεσε.

	μα. . ουν Δ ^θ Δ ^θ κα οί. . ειμι παρεδωκ(ε).
	ΑΔΔ(ΟС). ¹) κ' ρ' ρετιν ασταχ ^υ οστ ^{υε} κ ²)
	φοι. . ελαιων κολουμβου π(ησ)τακ ^ι κρ ³)
 ο αναπεμπ(ης) †
24. σκληρίαις	σκληριαι
διαβεβρωμένα	διαβε. ρωμεναυ ^ω ΗΛΗ -ον ΗΛΗ -ου.
άνώμαλά	ανομαλα τα
25. θεωρείται	θ. . . ρειτ(αι)
όχθώδη	. . χθωδη
εἰ δ' ἔχθεις	ειδεχ ^α θ ^ι (ης) исправлено 2-й рукой.
26. φαίνεται	φενετ(αι)
27. διηνεκῶς	δι. νεκ. . σ. (αν)
ἀπ' αὐτοῦ	απαντων; ω исправл. въ ∪ = ων.
ὕδατῶδης	υδατωδ(ε)ς
πυρρός	πυρρος
δυσώδης	δυσωδ(ε)ς
28. τά τε	τα δε
ἐπί	τα επι
φλεγμαινούσης	φλεγμενουσ(ης)
πάθος	παθ
Ἰπποκράτης	ιπποκρ/; на лѣвомъ полѣ приписа- но: β ^υ \ ρι
29. ὅμως	ομ(ως)
ἐγκλιθίσμασι μὲν	ενκλιθισμασ(ιν)
μαλάχης	μαλα ^χ
30. καταπλάσμασί τε	κ(ατὰ) πλ(ασ)μασ(ιν)
δὲ	γάρ
μαλάχη	μαλα ^χ
ἀλθαία	αλθεα

¹) = ἄλλως.

²) κεκτομένου.

³) вместо ρ можетъ быть илѣ λ или μ: сохранилась лишь подстрочная черта.

31. μελικράτφ σὺλλειομένη	μελικῚ συν(λειο-) ¹⁾
ῥοδίνου	Δ ρο
καταπλασσομένη	κ(ατὰ) πλ(ασ)σωμενη κ...Δ..
32. ισχᾶδων	ισχα
μελιλώτων	^τ μελιλω
λιβάνου	Λ
βοτάνης	β ^ο
33. κατὰπλάσμα τε	κ(ατ)ὰ πλ(ασ)μα η(κων)
φοινίκων	φοιν
γλυκεῖ	γλυκη
προσλαβῶν	^σ πρ(λαβ-) ²⁾
λεχύδους ὠῶν	^θ λεχιων
ἄλφιτα	αλφη
34. μήκωνος	^ο μικων
χοριαννου	χοριαννου исправлено въ хоринноу.
σέρως	σερως
περισδυνίας	περισδυνιαις
35. ἐπιῤῥήπτέσθω	^θ επιριπτ(εσ)
ῥοδίνου	ῥ ρο
οἶνανθίου	^α οιανθιν.
μελίνου	^α μηλιν
φοινίκων	φοινικ..
γλυκεῖ	γλυκη
36. συμπεφώνηται	σῶνπεφωνητ(αι)
ὑποστάθμης τῆς	αποσταθμ....
χαλκίαις	χαλκισαις
ἐποπτηθεῖσα	λεως επτηθεισα

¹⁾ Знакъ сокращения глагола λειόω см. schol. ad v. 23 на стр. 82.

²⁾ Относительно знака сокращения см. стр. 81, примѣчаніе.

37. ἀναλαμβάνεται	ανα(λαβ-) ¹⁾
κηρωτή ῥοδίνη	^{τ Δ} κηρω ρο
μέχρι	μεχρη
ἐμπλαστρώδους	^ω εμπλ(ασ)τροδοῦς; исправл. 2-й рукой.
μὲν ἐξωθεν	μ(έν) θ .ς. . . .
38. ἐπεὶ δ' ἂν δὲ	επιδαν
καὶ γάλα	γαλα
	υλ
39. χυλὸς	χ
χλιρὸς	^υ χλιρ
χυλὸς	υλ
βρυχεῖ	χ βρα
40. μήκωνος	^ο μικων
ὕσσώπου	^π υσσω
41. πάντων δὲ	παντ(ων)
λιθαργύρου	λ)
42. πεπλυμένης	^ε πεπλυμ/ или πεπλυμ ^{ε(ην)}
λιβάνου ἄρρενος	(λιβάνου) ²⁾ αρρ'
ὕσσώπου	^π υσσω
στέατος	στεα
προσφάτου	^{σ(α)} πρφ ³⁾
43. τυρρηνηκοῦ	τυρρηνα ηκου
ῥοδίνου	^Δ ρο
λιθάργυρον	λ)
λειώσας	(λειο-) ⁴⁾

¹⁾ Относительно знака сокращения см. стр. 81, примѣчаніе.

²⁾ Знакъ сокращения см. в. 32 на стр. 84.

³⁾ Сокращеніе α см. у Церстели, табл. 1, А: μαρκιῶν (1450).

⁴⁾ Знакъ сокращения см. schol. ad. в. 23 на стр. 82.

χυλῶ	υλ
τηκτοῖς	χ
ἐνέβαλλε	τικτ(οις)
	ενεβαλ ^τ ; было ενεβαλ(ον). затѣмъ
	(ον) зачеркнуто.
44. δὲ εὐδαιοκλήτους	^ο
δοτέον	ευδαιοκητοις
οἶον	δοτε(ον).....; на полѣ: Н.
45. τὰ αἰτία	οιν(ον)
	τοις ιτια
Περὶ σκίρρου καὶ σκληρώματος	^ο
46. Σκίρρουται	Π ΣΚΙΡ Κ(αι) ΣΚΛΗΡΩΜΑΤΩΝ
ποτέ	σκιρουται δε
εὐφηνιδίως	εποτε (=όποτε?)
47. καὶ μήτε εἰς	ευφηνιδι(ον)
σκίρρου	μητε εις
48. ἤρσων	σκηρου
ἀντίτυπον	ηω(ον) или ηρσ(ον)
50. λόγον	συντητυπ(ον)
πίσεως	λονον
51. ἔπεται	πισε(ως)
	αἱ; епет(αι); удар. поставл. 2-й рук.
52. φλεβοτομητέον	^{το}
κάθαριον	φλεβο
53. διὰ	καθατ(ιν) или -(οις)
	δι
νίτρου	^ρ
ἀψινθίου	Ν (лигатура)
σικύας	^η
κατασχασμῶν	αψ ν
	τικυ(ας)
τὸ πολυάρχιον	κ(ιτα)πλασμῶν
54. σπερμάτων	^χ
	τολμαρ
δαφνίδων	σπ/..
	^Δ
	δαφνι
<i>fol. 54^b.</i>	
1. γλήχωνος	^ω
περσοῦς	γλήχ
	ει περσοῦς
τερεβινθίνης	^θ
	τερευην

δρωπακος	δρωπακ(ας) ΗΛΗ δρωπακι(ας)
αὐτωφυῶν	αυτοφυ(ων)
χρησιν	χρησ . . .
νιτροδῶν	^ω νιτροδ(ων) ἤ
ἐλληβορισμὸς	ελληβορ(ησ)μ(ον)
4. ναρδίνου	^Δ ναρ
μύρου	^υ Μ
κοπρίνου	^υ κωπριν
ἀρχείου καὶ	ει \ αρ ζ
χηνίου	ηυ χ
5. ἐλαφίου	ελαφ/
τερεβινθίνης	^θ τερεβιν
Ἄλλο	ΑΔΔΟС
Πολύου	Πολιου
Lβ̄	L ¹) Δ
6. μετὰ	μετ
μενδησίου	μ(εν)δισιου
λειώσας	(λειο-) см. ф. 54* v. 43 (стр. 85).
ιρίνω	ερινω
Ἄλλο	ΔΔΔΟС
τυρρηναίου	^{xy} τυρρ/
7. τερεβινθίνης	^θ τερμιν
ἐλαφίου	^η ελαφ /
ἴσα	ισι . † (=ἴση)
μετὰ συγκριτικοῦ	Μετασῶνκριτικοс
8. σταφίδος	^Δ σταφι
χωρίς	. ορ
γιγάρτων	γυγανт(ων)
χλωροῦ φύλλον	^{ο̄ο̄} ΧΧ

1) Относительно этого знака сокращения см. *Du Cange*, l. c. col. 8: δράχμα.

9. ὕδατος θαλασσίου Γο á
 ἀρκούν
 ἔμβαπτε
 10. κοπρίνω

Δ —
 υ ρω Ρ ā
 αρ(κειν):
 εμβουτυρετ(αι)
 κοπρι.. (2-й рукой прибавлено:
 ὦ εἴ, затѣмъ строка пропущена
 и 1-й рукой(?) приписано слѣ-
 дующее:

† ΕΠΙΘΕΜΤΩΜ¹⁾ ΣΠΕΡΜΑ²⁾ | αγ-
 ρισουκ(της) (νίτρου)²⁾ Γς ιραως | Γ· Γ
 μανν(της) (λιβάνου)³⁾ Γο Υ | ανισου
 τηλεως κυμιν(ου) | σε (σαλίνου)⁴⁾ χαμο-
 λεοντος | αν Γ^ο ορνι κυπαρε(ως) |
 σαμψο^χ αμμωνιακου | αν Γ· Β κηρ(ου) ς
 á | κοπριν(ου) ς Β̄ τρεβιν|θ(ίνης) ΓοΓ
 κολοφωνει(ας) | ζοβ̄ τεατο χρσυ(της)⁵⁾ |
 αμα (или ανα.) Α[Δ]ΔΟС. | σαμψο^χ
 куπερεως αν... | ιλεος (νίτρου)²⁾ тере-
 βινθ(ίνης) | αν LКE⁶⁾ ιραως Γο ΥΡ̄ |
 Γ (λιβάνου)³⁾ Γ VP Ī

f. 1^b.

10. ἐλαίω
 λιβάνος
 11. ἰδιαίτερος
 τιτιανός
 12. σκίρρωδης
- ἡ ελαιω; η зачеркнута.
 λιβανος
 ιδιαιτερον
 τητ.ανος. (точка послѣ τητ озна-
 чаетъ пропускъ буквы).
 σκληρωδ(ες)

¹⁾ Последнее M исправлено въ N той же рукой.

²⁾ Знакъ сокращенія см. f. 54^a v. 58 на стр. 86.

³⁾ Знакъ сокращенія см. f. 54^a v. 32 на стр. 84.

⁴⁾ Относительно знака сокращенія см. стр. 76, примѣчаніе.

⁵⁾ Можетъ быть и χρσι(της) = χορει(της).

⁶⁾ Относительно знака L см. стр. 87, примѣчаніе.

13. προφαινόμενος	^{α:}
προσφερόμενος οσπην(ης); α: надписано 1-й, v 2-й рукой.
ἀφ' ἡλιθώδης	σφ(ης) λιθωδ(ης)
κατασπασμοῦ	κ(ατα)σχ(ασ)μοῦ.; на полѣ приписано: παλλ(ην) μ(έν) κ(ατα)σπ(ασ)μοῦ.
ὑπερχειμένων	υπ(ερ)κημεν(ων)
14. ἐμμήνων καὶ	εμμ(ην).
ὄγκος	διογκοσε(ως)
ὥς	ὥστε καὶ
ὑπόνοιαν συλλήψεως	φαντασίαν σὺνλημψε(ως)
καταρχὰς γίνεσθαι	^θ
γιγν(ες). καταρχ(ας)
15. χρόνου	χρονω
τούτω	τουτου δε αυτας
16. γίνεσθαι	^θ
γιγν(εσ)
ἐπικρούσει	^ε
επικρουσι
17. ἐπιτείνων	εσιτιν(ων)
ἐνίστε δὲ	οτε
18. γίνεται	γιγνετ(αι)
φέρεται	φερет(αι); на полѣ приписано θερ/
αὐταῖς	αυτ(ας)
19. σκοτεινῶ	σκοτινω
κλίνης	κλην(ης)
ἀκινήτου	ακινήτ(ου) исправлено изъ -т(он)
τοὺς πόδας	του υποδασμα
20. προκλητικῇ	προβλητικη
ἢ κίνησις	κίνησ(ις)
21. σκίρρων	σκηρ(ων); (ων) исправл. изъ (он)
δὲ ὑδερήκας	ὕδερικας
22. λεχθέντων	было лохθ(εν)т(ων); испр. 2-й рукой.
αἱμαρραγίας	αιμορραγι(ας); на полѣ: ὡς σκ(ερ)..
	^v
23. εἶδος	ισος
25. τάχιον	ταχειον
ἐκκριθῆναι	εκηριθεναι
26. ἐμφύξεως	εκφυξε(ως)
παρασφηνωθέντος	παρασφινωθ(εν)τος

29. διανόττοντος διαιγόντος; на полѣ 2-й рук.: ταγον-
τες, то-есть διάγοντες?
30. βουβώνων βουβών; υ (=ου) исправл. въ ς (=ος).
ἐπίκρωσιν ἐπικρουσ(ιν)
τυμπανώδης τυμπανωδ(ες)
θεραπεύειν θεραπευσειν
- φλεβοτομίας φλεβο.^τ
31. κωλύοντος κολου(ον)τος
ἀσιτίας ασιτια
32. ἐγκαθίσμασί τε δι' ἀφεψήμα- οmiss.; приписано на поляхъ:
τος πηγάνου ἐγκαθ(ησ)μασιδε δια αφεψημ. πηγανου
γλήχωνος γληχω.
ἀρτεμεισίας αρτεμησι(ας)
κασίας κ(ασ)σίας
33. τε και δε
σελίνου см. f. 46^a v. 44 (стр. 76).
μαράθρου ἀνήσου ανισσου. μαραθρου
ἄμεως αμεως
- κιρίνου ἀλεύρου ιριν αλ
34. καθάρσει και καθαρση
35. συναπισμοῖς σинап(ισ)μοις
ὑδάτων Δ
υ
36. ἐπικείμενον επικημεν(ον)
37. σύχους συχους
- νίτρου ῥ
Ἰ (лигатура), ср. f. 54^a, v. 53.
38. πολυάρχιον πολυαρ^χ
σπερμάτων. και κ(ατά)'...λ'
Δ
- δαφνίδων δαφни
τλ.
- μέλιτος μ.
- νίτρου ῥ
Ἰ (лигатура)
39. δὲ οὗτος δ' ουτος; ' 2-й рукой.

ἀρμόσει	αρμο ^σ σει
ἀφονίτρου	αφ ^{υ ρ} Ν
41. Περί ὑστερικῆς πνιγός. οᾱ	Π ΥΣΤΕΡΙΚ(ης) ΠΝΙΓΟΣ.—Ο.Ᾱ.
42. συμπάθειαν (!)	συμπαθειαν
μορίων	μορι(ων)
καρπιτίδας	καιριωτιδ(ας)
43. μηνίχας	μηνιγγ(οις)
παρέπεται	ἤπαρ παρεπετ(αι); исправлено 2-й или 3-й рукой; на полѣ приписано:
	\bar{X} μ(έν) τ(ων) αρτηρι(ων) σαρ ^Δ δ δε τ(ου) τ(ου) νοτικ ^ε δ χ ^υ ¹⁾ κ(αι) τ(ων) εις αστ(ων) εκ μεον(ον) νευρ(ων) τ(ον) εγλεφ ^α ²⁾ ετ(ων) φλεβ(ων) το ηπαρ. † πασχισ(αν) μ(έν) του νωθρ(ης) τ(ης) ο σκινς ³⁾ ωχρωτ(ης) εσθητηρι(ων) σκηλ(ων) σουλκη ὑποπιπλατ(αι), то-есть, исправлено позднѣйшей рукой въ ὑποπίμπραται. τε ἀπολαμβάνουσιν αἰσθάνεσθαι κινεῖται ἀπολαμβάν(αν) νουσει εσθανεσθαι κινεεται
πασχούσας	
μέν	
νοθρώτης	
44. ὄκνος	
ὀχρότης	
45. αἰσθητηρίων	
σκελῶν	
σουλκή	
46. ὑποπίπлатαι	
48. τι	
ἀπολαμβάνουσιν	
αἰσθάνεσθαι	
κινεῖται	

¹⁾ Или γλ.

²⁾ 2-я буква—γ или ι в формѣ латинскаго j, но безъ точки; надъ φ—α или

такой же значекъ, какъ и во второй строкѣ этой схолии послѣ сар.

³⁾ Въ рукописи одно ο въ другомъ прописномъ Ο.

49. περιόδου	περιοδοῡς
ἡ	ἡ
50. ἡ τῆς ὕλης	οm̄iss.
αὐτῆ	^ς αυτη, то-есть испр. 2-й рукой въ αυτ(ης).
ἐπανεῖνεγκαν	επανεινεγκαν
51. ἀπώλοντο	απολ(ων)το
τῶν μὲν	τ(ὸν) μ(ὲν)
σφυγμῶν	σφιγμ(ων) ИЛИ σφιγμ(ένων)
πυκνουμένων	πυκρουμενων
52. ἀσφυξίας	^ς αφυξι(ας)
δροσιζούσης	δροσιζουσ(ης)
ἀναπνοῆν	αναπνοης
53. ἔπειτα	επιτα
τέλειον	телеγ̄ον ИЛИ τελειον ¹⁾
φθινοπόρου	φθηνοπορου (τη испр. въ ι)
54. νέαις	ναιαις
εὐκαταφόροις	ευκ(ατα)φωρ(οις)
λαγνείαν	лагниан ИЛИ ламиαν
στείραις	стѣρες
φαρμακεῖαν	^ε фармакиан
ἄλλαις	αλλ(ως)

f. 55^a.

1. διαδεσμεῖν	δειαδ(εσ)μην̄; на полѣ: θερ/
2. σῶμα	пропущено, но оставлено мѣсто.
λειποθυμήσαντας	люпоθυμισανт(ας)
ῥινὶ	ринῆ
3. ἐλόχμιον	ελλοχιον.

III, 78—80.

Ed. f. 58^b.

11. δεῖ
12. χρόνου ἀοινήσαντας

fol. 3^a.

δι
αινοῦντας

¹⁾ Ср. стр. 91, примѣчаніе 2.

ἀνήρου	ανισου
ἢ τινος τῶν τοιούτων σπερμάτων:	ἢ τινος etc. крупными буквами (X? в.) другой рукой.
ἀπεχομένους	οὐπεχομενους той же (X? в.) рукой.
ὡς	εἰ
13. ὁ παρῶν	ὁ παρ(ων)
λοιπῶν	λυπ(ων)
εἰ δὲ	οἱ δε
βουλόμενοι	βουλωμενοι
14. ἐπὶ ἐνιαυτὸν	επ Ἔ
πινομένων	πινωμμ(ενων)
τέλεον	τελαι(ων)
ἀπαλλάττειν	απαλλαττει
φλεγματικωτέρων	φλεγματικωτερ(ων)
-15. ὠφέλησαν	οφέλησ(αν)
ξηροτέροις	ξηρωτέρ(οις)
16. ἐξαίφνης	εξεφνηδι(ως)
γεγόνασιν	γεγωνας(ιν)
πνεύμονα	πνευμωνα
μορίων	omiss.
17. ἐπὶ	επει
χολωδεστέρων	χολοδ(εσ)τερ(ων)
πολυαίμων	πολυεν(ων)
παρατείσθαι	παρεϊθ(ησ)θ(αι)
18. χρεῖσιν	χρισι
περιπίπτοντος	περιπέιπτ(ον)τος
19. περιττωματικῶν	περιττωματικ(ων)
διεχιδῶν	διεχιδ(ων)
εὐπέπτους	ευπεπτοῦς
αὐτήν	αυτ(αις?) см. ниже v. 21, примѣч. 2.
λαμβάνοντας	(λαβ-)т(ας) ¹⁾
20. χειμῶνος	χιμονος
μετριώτερον	μετριότερον
21. αὐτὸ	αυτω
καθίστησι	καθ(ησ)τισι или σ(ιν) ²⁾

¹⁾ См. стр. 81, примѣчаніе.

²⁾ Сокращеніе слога γν въ видѣ длинной іоты, необычайное до сихъ поръ

ἐπειδῆ	επιδη
ἀναγκάζουσι	αναγκάζουσι ИЛИ -σ(ιν)
	Δ
22. ἀντιδότοις	αντι
ἴσθι	ισθει
δαμασωνίου	δαμ(ασ)σονιου
23. τήν	τ(ιν) ¹⁾
ἀγαπητοῦ	αγαπιτου
ἄτακτον	οστακτ(ον)
ὀκταείδον	επταηδ(ων)
τήν πρόκλου τήν τε	του προκλου δε τ(ιν) ИЛИ τ(αι) ¹⁾ .
24. διὰ τοῦ σκορδίου	δια σκωρδειου
πλείονας	πληνον(ας)
καὶ ἔτι	και
	δι
25. διὰ πλείονος πεῖρας	πληνονηπηρ(ας); δια надписано позд- нѣйшей рукой.
ἡ διὰ τοῦ	η του δια του
ἡδῆ	ιδει
26. τρόπον	τρωп(ον)
τήν	τ(ων)
παραφυλακῆν	παραφυλακη
27. ἐν τῷ	εν το
εὐρήσεις	ευρισ(ης)
ψιλώθρων	ψιλωθρων
τάς τε	ταυτε

для нашей рукописи, встрѣчается въ рукописяхъ X в. и замѣняетъ собою слогъ -ιν; ср. *Церетели*, табл. 13: ἀσκησ(ιν). Въ другихъ мѣстахъ нашей рукописи это сокращеніе въ видѣ іоты обозначаетъ, какъ обыкновенно, слогъ αи или ε; ср. *Церетели*, табл. 2, α₂: γινεσθ(αι) и табл. 26: στρατιώτ(αι); φαρια(αι)σι. Подобный слогу ιи знакъ замѣняетъ собою нерѣдко ες или αις въ нашей рукописи; сходство этихъ знаковь αι и αις настолькоъ велико, что не всегда ихъ можно различить между собою по начертанію. У *Церетели* есть знаки сокращенія слога αι; и ες близкіе до нѣкоторой степени къ нашему αι и ε, хотя въ первыхъ нижняя часть слишкомъ коротка и рѣзко выражена сравнительно съ нашей рукописью. См. *Церетели*, табл. 3: τ(αις); табл. 9: ἡλθ(ες). Вообще весь листъ III рукописи № 379 слегка отличается отъ предыдущихъ листовъ перваго и втораго; почеркъ кажется болѣе дрожавшимъ и неровнымъ, можно сказать старческимъ.

¹⁾ См. ч. 21, стр. 93, примѣч. 2.

28. καὶ τὸν τρόπον τ(ον) τροπ(ον)
λέγω ὃη λεγοῦμαι
φλεγματοικωτέρων φλεγματοικωτε(ρων)
29. παραλαμβανομένων παρα (λαβ-)νον. ¹⁾
δέ omiSS.
ὄλον τοῦ του θλου
ἀλώπεκας ἀλόπαικ(ας)
ὄλας ολᾱς
ἐψοῦντες ἐψονται
30. ἀρθριτικούς αρθριτ(ι)κους καὶ ποδζλικους
θεραπεύουσιν θερ/ ^η
ἐμβάλλοντες εμβ(αν)λ(ον)τ(ες)
μεγίστω μεσ/ το
λέβητι λεβιται
31. τεθνεώσας τεθνεωσ(ας)
ύαίνας υεν(ας)
32. ἐμβιβάζοντες εβιβζζ(ων); исправл. въ εβιβζζ(ων).
ἀρθριτικούς αρθρητικους
ἐνδιατρίβειν ενδιατριβι; см. стр. 93, примѣч. 2.
τινι ^η τιν ^η π.ιη τ(ιν)ν
συχνῶ συχν(ως)
κελεύοντες κελευωντ(ες)
33. συνέβαιεν συνεβεν μ(έν)
τοῖς περὶ τοῖς ἄρθροις τοὺς περὶ τοὺς αρθρους
σύμπαν σὺνπ(αν)
34. κενούσθαι καινουσθ(αι)
περὶ πῶρων ^е
Π ΠΟΡΩΝ
35. Ἐπειδῆ εππειδη
πῶροι ποροι
μὲν μ(εν)το;; то; зачеркнуто.
ἐνοκήπτοντος εν σκρ. . πт(ον)то;
36. χρῆσιν χρис(ιν)
διαφοροῦντων καὶ ξηραινούντων διαφορουντ(ων) ²⁾ ἢ ξηρανοντ(ων)
37. ἰστέον ειστε(ων)

¹⁾ См. стр. 81, примѣчаніе.²⁾ то-есть (ων) исправлено въ (он).

	εἶναι	ιν(ον) или ιν(ειναι) ¹⁾
38.	διαφορεῖν πέφυκε μαλαττει παλαιά	διαφορ(ιν); см. стр. 9ξ, примѣч. 2. πεφυκ(εν) μαλαττι τά παλ(αια)
	ἁμμωνιακόν	^ω ἄμμ
39.	τε πάνυ παλαιόν	τε το πανοι παλ(αιον)
	ἐτραίνει	η ξνει
	νίτρον	^ρ Ν (лигатура)
40.	παραπλήσια δέ γε τοῖς πώρους	παραπλησεια δε τους εν ποροῦς
41.	χρονικώτατος	^ο Χρ/
	δριμύτατος	^τ δρυμη
	κρέους ὑείου	κρε(ως) υιοу
	λιπαροῦ	^υ καί ληπαρ/
42.	ἐπιτιθέμενος διαρρηγνομένου αὐτομάτως	επιθεμενος διαρруνομενου αυτοματος
	πώρου	^υ пор
43.	ἐκάστην ἡμέραν	εкастоῦσ σ; τους испр. въ (= ιν; ко- нечная σ относится къ слѣд. σ; см. стр. 73, примѣчаніе 2.
	κένωσις	κενοσ(ης)
	γίνεται	γινυετ(αι)
	σύνθετον	σύνθετων
	πέρνης	σπ(ερ)ν(ης)
	καὶ πεπειραμένον	πεπηραμ(ενον)
44.	διττῶς	διττος
	τά δέ	ταυται
	ἀφονίτρου	^{ο ρ} αφ Ν

¹⁾ См. Церетели, табл. 7: Εἶναι, 1.

	тереβινθίνης	тереβιν ^θ
45.	προπόλεως	προπωλε(ως)
	Γο. δ̄	Lo D̄; ср. f. 54 ^b v. 5. (стр. 87)
	Γο. Θ̄	Lo Θ̄.
	κολοφωνίας	κολοφону(ας)
	ΔΙ. ā	↑ ā ¹)
	μίξας	μηξ(ας)
46.	χρῶ	χρο 2-й рукой испр. въ χρ(ησ)
	πῶρων	πόρ(ων)
	πῶρους	πορούς
47.	πλείονα	πληнона
	δυσπῶριστον	дуспор(ησ)т(он)
	λεπτοκαρῶν	лептокарои(ων)
48.	καπὶ τῶν	капит(ης); (ης) испрavl. нзъ (ων).
	εὐαίσθητων	ευευθίτ(ων)
	εἰ	η
	προσλαῦοι	σ πρλαβοи
49.	ἦ του	τιτου
	δύο μέρη	B̄ ^e μ
	ἐν	ā
50.	διαψιμυθίον	διαψи(μυθιον)—лигатура.
	ἴσον	ειс(он)
	αὐτῷ μίγνεται	αυτομιγνοит(αι)
	πῶρους	πορούς
	σανδαράχην	Δ
	λειώσας	σ знакъ, какъ f. 54, schol. ad v. 23 (стр. 82).
51.	δρυίνω	δριοινω
	ἀναλάμβανε	αν̄ (λαβ-)(ης) ²)
	καὶ χρῶ	χρ̄
	καὶ πρὸς	σ πρ
	αἰγίλωπας	αιγισωп(ας)
	ξ̄ā	ε ξ̄ a

¹) Этотъ значекъ приводится у *Du Cange*, l. c. col. 19 со значеніемъ λεπτόν.

²) Относительно знака сокращенія λαβ- см. стр. 81, примѣчаніе.

	λιθαργόρο	λιθαργ ^ο ρ
52.	Γο . η̄ Γο . ᾱ λιθάργορον	Lo H̄; ср. f. 54 ^b v. 5 (стр. 87), З а Δ ᾱ ^ρ / _θ
	οὔτως	ουτος
53.	λεῖον	знакъ, какъ f. 54 ^a schol. ad v. 23 (стр. 82).
	πάνυ	πανοι
	καί πρῖν	καί πρῖν καί пр(ιν)
	ἀνελόμενος	ανελωμε ^ς
	χρῶ	χρ̄
	τὰ δέ	ταυτ(αι)
	λίθου αἰαίου	Δ ο ρ α ι ο ὺ θ
54.	διαλείμμασι ἐπιτιθέμενα σολλογάς	διαλημμασι ἐπιτηθεμενα σῶνλογ(ας)
	<i>f. 59^a.</i>	
1.	ἀπαλλάττειν νόσου	απαλλαττ(αι) η̄ λ η -(ιν) см. стр. 93, пр. 2 νοσσου
	μεμαρτόρηται	μεμαρτόριτ(αι)
	καί τὸ	αι (καί) τω
	δι' ἀλὸς ἀνθους	διαλ. σ ανθος
2.	παραγμαῖς	ο παραγμαῖς
	πεπίστευται	πεπιστευτε
3.	ποδάγρας	ΠΟΔΑΔΓΑΣ
4.	ἤδη	ειδη
	ουστᾶσαν	ο υ σ τ ω σ α ν
	ποδάγραν	ποδαλγαν
	ἀρθρῖτιν	α ρ θ ρ ε ι τ η ν
	χαλεπωτάτων	χαλαιπωτατων
	ἐπανορθώσασθαι	ανορθωσασθαι
5.	εἰρημένων	ευρημένων—1 рука, ειρημενων—2 р.
	μεθῶδων	μεθωδων.
	γεγονοῖαν	γεγονοῖαν
	ἀφαιροῦντα	α φ ε ρ ο υ ν τ α
6.	εὐδοικῆτοις	εὐδου . κητοις

7. τὸ ἰκανὸν	τω εικανον
μοῖρα	δα мура
λειοτριβούμενοι καὶ	(λειο)τριβουμενοι ¹⁾
8. ἐμπειρεῖν	ενπεισ(ιν)
ποδαγρικὸν	Δ πο
πάθος	θ πα
ὀνίνησι	ανηνισι ΠΛΗ -σ(ιν)
9. εἰ μὴ	ἦμη
πάνυ	πανοι
δυσκрасίαν	δυσκрасῑ...
δεῖ	δι
ἔωθεν	κ(αι) εωθεν
ἐσπέρας	εις εσπεραν
10. παρακμᾶς	παραγμας
τῷ αὐτῷ	τὸ αὐτο
χρηστῆον	χρησταιον
11. Πρὸς χίμετλα ἐν πέλμασι καὶ	Π̄ ΧΗΜΕΤΛΑ ΕΝ ΠΕΛΜΑΣ(ιν)
τὰ πτέρναις.οθ̄	Κ(αι) ΠΤΕΡΝΕC . † ΟΘ̄.
12. χίμετλα	χημετλα.
ἐλκώδεις	ελκοδ(ης)
τοὺς δακτύλους	λ δακτοι
σониστάμενα	σониσταμεναι
χειμῶνος	ο χημον
13. ὥρα	ρ ω ²⁾
δεῖ	δι
θαλάσση	. ως ²⁾
χλιαρὰ	χληαρα
καταντλεῖν	κ(α)τ(α)τλσ
ἀφεψήματι	τ αφεψημα
14. ἀσφοδέλου	Δ ασφο

¹⁾ Сокращение лειο- см. f. 54_a schol. ad v. 23, на стр. 82.

²⁾ Лигатура; см. Gardthausen, Gr. Palaeogr. стр. 258, столб. 3: ὥριον, ὥρα.

³⁾ Знакъ сокращения въ родѣ этого, но совсѣмъ уже не похожій на буквы см. у Gardthausena Gr. Pal. стр. 258, столб. 3: θάλασσα.

ρίζης	ρίζαν
τήν	την
κατάντησον	καταντλησι или -σ(ιν)
λειώσας	знакъ, какъ f. 54 ^a , schol. ad v. 23 (стр. 82).
15. λεία	λια
λεάνας	(λειο-), знакъ, какъ f. 64 ^a , schol. ad v. 23 (стр. 82).
ἐπιτίθει	^θ εψη
στυπτηρίαν	στυσστηριαν
ἴσα τρίψας	εισατροψ(ας)
16. τρυγί	τρυγη
ὑποξήρω. ἦ	^η οινω ξ
προσφάτω	^τ προσφω;
λειωθέντι	(λειο-) ¹)
σχόρδα	^Δ σχωρ
17. ρίψας	ρηψας
κηρὸν	κηρῶ
ἐπιτίθει	^θ επητι
οἶδια	^Δ σι
ροῖας	υ ρ/
λειοτριβήσας	^{τ(ην)} ¹) (λειο)
18. ἀνάλαβε	αν(λαβ-) ²)
κηρωτῆ	^τ κηρω
ῥοδίνη	^Δ ρω
προκαταίωνων	προκατεονων
ἀφεψήματι	^τ αψεψημα—1 рука; αφεψημ—2 рука.
θερμων	θερμω

¹) Знакъ сокращения λειο- см. f. 54^a schol. ad v. 23 на стр. 82.

²) Относительно сокращения λαβ- см. стр. 81, примѣчаніе.

	θεϊον	γ
19.	ἄπορον	απ $\overline{\omega}$
	σὺν μέλιτι	συμμελι ^τ
	ἐπιτίθει	επητι ^θ
	ὕσκαάμου	υσ \overline{K}
	χυλός	υλ
		χ
20.	Μαρκέλλιον πρὸς χίμετρα	ΜΑΡΚΕΛΛΙΟΝ Π ΧΗΜ ^ρ /
21.	ἔμβαλλε	ενβολ(αι)
	σχινίου	σχηνιν(ου); сверху 2-й р. η κοινοῦ
	διπλώματι	δηπλωμα ^τ
22.	θέρμων	θ(ερ)μα; послѣд. буква α или (ων)
	τοῦτο	τοῦτ(ων); α или ω вспр. въ он
	προσάντλει	πραντλη ^σ
	τὸ	τῶ
		τ
23.	κηρώτιον	κηρω
	χιμέτρων	χηματρων
	λιβάνου σχιστῆς	(λιβάνου) ¹⁾ σχηστης
	μίλτου	μηλτου
24.	ἴσφ	εισον
	στέατι	στεατη
	ὕειω	ὕϊω
	τά	τας
	φλεγμονῆς	φλεγμων(ης)
	ἠλκωμένα	ηλκωμενας
	τῷ	τὸ
	χρηῶσα	χρησ(αι)
25.	Γο Θ	Lo Θ
	ταυρείου	ταυριου
	στέατος καὶ	στεατ. .
		ολ
	χολῆς	χ_
	ἀνά	αν

¹⁾ Знакъ сокращенія см. f. 54_a, v. 32 на стр. 84.

εἶτα	εγιας(!)
περικαθάρας	περηκαθαρας
ἐπιτίθει ἄσβεστον	επητιθεινταῖ
36. γλοιοῦ	γλουου
Σκίλλαν	σκηλλαν
αὐτῆ	αὐτην
φρυγεῖσαν	φρυγησαν
ρίψον	ρηψον
τῷ	τὸ
37. ἐντήξας	προστηξας
38. Πρὸς ἐκτρίμματα πτερῶν τὰ ἐκ	ΠΡ̄ ΕΝΤΡΗΜΜΑ ΠΤΕΡῆ̄ ΤΑ ΕΚ
μακρᾶς κατακλήσεως	ΜΑΚΡ(ας) Κ̄ /ΚΔΗ
39. λιθαργύρου	λ
ἴσα	εισα
ἐπὶ πάσης	επιπασ(αι)
ἐλκώσεως	επι ελκωσεως
40. τοῦ	τους
ἐντός	ἐντ(ως)
δακτύλων	δακτοιλων
εἰ	ἦ
εἶη	ηει
δουχι	ονυχη
41. Πρὸς τὰ ἐν τῷ πέλματι ῥοπαρὰ	ΠΡ̄ ΕΝ ΤΩ ΠΕΔῆ̄ ΡΥΠΑΡΑ
ἔλκη ἄμμοτον	ΕΔΚΗ ΕΜΜΩΤΟΝ
ποιεῖ	ποιη
42. ὄξους	знакъ, какъ f. 46 ^a v. 39 (стр. 71),
κατ' ἰδίαν	καθιδιαν
λέπιδος	λ
43. χαλκῆς	π
ἑρίων	↑
οἰσσυπῆρων	βρι(ων)
ὄσον	ου(ω)υπηρα
ἐνεληθέντων	οπ(ον)
44. δαδι	ενεληθεντων
καυθέντων	выскоблено
	καυθεν

ἀνάλαβε	ανα(λαβ-) ¹⁾ .
ἐπὶ μὲν	ἐπὶ μ(έν) δαδῆ
τραυμάτων οἴνω ἀνείς. ἐπὶ δὲ	} προπущено; αἰδοίων margo.
αἰδοίων καὶ	
45. γλοκαῖ	γλοκῆ исправлено въ γλοκ(ης).
Ἀμώργης	αμώργης
ἀπηφροσμέμου	απιφρ(ησ)μαν(ου)
τοῦτο	τουτω
οὔλα	ουλο
46. καθάρει	καθέρη; на полѣ приписано: τραυ- ματ(ων) οιν(ω) α . ης επιδε; см. v. 44.
Πρὸς τὰ ἐξ ὑποδημάτων προ-	ΠΡΟΣ ΤΑ ΕΞ ΥΠΟΔΗΜΑ ΠΑ-
τρίμματα	ΡΑΤΡΗΜΜΑ
47. ἄρνειος	αρνιος
καὶ χοίρειος	προпущено, но приписано на по- лѣ: καὶ χυρ(ως)
αἴγειος	αιγε(ως)
ποιεῖ	πουη
ἀπὸ	omiss.
φλεγμαίνοντα	φλεγμενοντα
48. μὲν	γε
ὠφελεῖ	οφελη
ὀνίνησιν	ονινσιν
ὄρνιθειψ	θ ορνι
στέατι πλείονος ἐπιβαλλε	θ τ στεατ. η . . . ρομμυον συν ορνη στεα πλιον(ως) επιβαλλ(ον)
49. κοκίδα	Δ κοκκι
ἐπίπασσε	επιπασσαι, ср. v. 39.
ἀχακίαν	ακραν
ᾄξει	знакъ, какъ f. 45 ^b v. 49 (стр. 71)
διεῖς	omiss.
50. Πρὸς ἤλους καὶ τυλοὺς π	α ΠΡ ΗΛΟΥΣ ΚΑΙ ΤΥΛΟΥΣ.
51. προπερικαθάραντα	προσπερικαθαραντες.
ἐπιτιθέναί	επητιθεναι

¹⁾ Относительно знава сокращения λαβ- см. стр. 81, примѣчаніе.

σηπτῶν
ἰὸν ξυστόν

σανδαράχην ἢ συριγγιακὸν ξι-
ρόν ἢ κωλλόριον συριγγιακόν

52. ἀναληφθὲν

53. συνιστάμενος

τὰ μέρη

σοπτ(ῶν)
ἰου ξυτ(ου)

Сопт^{ол}¹)..... ἢ К συριγγιακῶ

αναλιφθεν
сυνισταμεнас
μερει.

Немного отступя идуть 6 строкъ
схολіѣ, написанныя различными
почерками: 1—4 стр. болѣе тем-
ными чернилами, но чрезвычайно
мелко; буквы слѣдующихъ двухъ
строкъ больше, но чернила вы-
цвѣли, такъ что прочесть хотя и
можно, но съ большимъ трудомъ.

VI, 60—65.

Ed. p. 256 ²).

f. I^a № 387.

12. Διαδήσομεν

13. τὸ πρὸς
Κύσται

14. διέλωμεν
κάτωθεν

15. περιέχον
αὐτοῦ τοῦ

17. ἐκθρομβώσομεν

18. ἐπιβεβλήσθω

19. ὁ δὲ ἔμπροσθεν

20. τὴν τοῦ λίθου
ἀνατρεχεῖν

21. καλύψει

— δησωμεν

πρὸς (DK) ³)

κοστη

διελωμεν

κατωθεν

περιεχον

α..τούτου

εκθρομβωσωμεν

επιβεβλητος

ὁ δεσμος προσθεν

τὴν λιθου

ανατρεχεν (и др.) ⁴).

καλυψει

также ДНКК, хотя мо-
жетъ быть съ лучшей
ореографіей ⁴).

¹) = σανδαράχης, ср. f. 58b v. 50 на стр. 97.

²) Равночтения этого отрывка мы приводимъ по прекрасному изданію VI-й книги Павла Эгипскаго: *Chirurgie de Paul d'Égypte, par René Briam. Paris. 1885, p. 256—276.*

³) Въ слобкахъ отмѣчены рукописи, которыя согласны съ нашею; см. дальше.

⁴) Я указываю, въ большинствѣ случаевъ, лишь чтенія главнѣйшихъ 5 рукописей ДНЖК (№№ 2292, 2208, 2211, 2046, 2204 по каталогу Парижской Национальной бібліотеки).

⁵) Рукописи 2-го разряда, при чемъ ДНЖК имѣютъ иное чтеніе.

Стр. 258.

1. ΕΑ'	omiss.
3. κηλοτομιῶν διδασκαλίαν σομβαλλομένων	κηλοτομων (H ДР.) διδασκαλειαν σομβαλλομενους (H ДР.)
4. τοὺς διδύμους	των διδυμων
5. οὖν ἐστὶν ἀδενώδης	omiss. DHKR εσταδεναδης
9. μήνιγγος	μινιγγος
11. πρόσεως	на полѣ 2-й рукоѣ (XII? в.) при- бавлено: καὶ λεγομ'.....
13. ἐλικωειδῶς	ελικωειδως
15. τε	δε

Стр. 260.

1. ἔμπροσθεν	ἐμπρος (H ДР.)
2. προσπεφυκῶς κεριτοναίου	προσπεφυκως αοτω (H ДР.) κερι του ναιου
4. ὀπισθίαν	οπιστιαν
5. πρόσφυσιν ὀνομάζουσι	пр. .φυσин ὀνομάζουσιν
7. ἐλυτροειδή χιτῶνα	ερυτροειδη (H ДР.) χειτωνα
8. τοῦ διδύμου προσφύεται	τω διδυμω даже въ нашей рукописи разу- ра, но текстъ согласуется съ изд.
9. δὲ ῥυσοῦν	omiss. ρυσон
10. ὄσχεος	οσχεως
14. αἰσθητὸν	εσθητὸν
15. τετύχηκε	τετυχηκεν
16. ἐλυτροειδεῖ	ερυτροειδη (H ДР.)

Стр. 262.

2. ἐλυτροειδῆς ἐλυτροειδοῦς	ερυτροειδης (H ДР.) ερυτροειδους
3. συνιστάται δὲ	сυνισται де κατ
5. οὖν	сυν
6. οἶον ἀθένειαν	οί(ων)...σθενειαν

	συσταιή τὸ	συσταιη τω
7.	προσφερόμενον	φερομενον το (η др.)
	ὀρρώδη	ορωθη
10.	ἀνώδυνος	ἀνοδονος
12.	εἰκων	ικων
	ὕγρον	τὸ ὕγρον (η др.)
13.	εἰκων	ικων
	μὲν ἐν	μὲν (т. е. μ' εν?)
	τῷ	οmiss. (η др.)
	ἐλυτροειδεῖ	ερωτροειδη (η др.)
14.	ὄγκος	ὄγκος
16.	οἶα	οἶα γε

fol. 1^b.

17.	ἐλυτροειδοῦς	ερωτροειδους (η др.)
18.	ἐπιγεννητῷ	επιγενειτω
19.	καὶ σφαίρωσιν	καμφερωσκν δοκτοιη
20.	φαντασίαν	οmiss.
21.	τρυγῶδες	τρυγωδης
22.	αιματῶδες	αιματωδης
	εἶη	οmiss. (η др.)
	ἐνερευθής ἤ	ενρευθητη
	πέλιδνος	ωσλιδνος

Стр. 264.

2.	κατακλείνομεν	κατακλεινωμεν
3.	ὑποβάλλοντες	ὑποβαλοντες
4.	σπόγγον	πογγον(1)
5.	ὑπηρέτη κελεύσομεν	ὑπηρητην ελευσομεν
6.	τοῦ κάμνοντος	οmiss. (повидному, интерполиро- ванная изъ предыдущей строки гlossen къ слову αὐτοῦ).
7.	ἀποτείνειν	περιτείνειν
8.	διαيروῦμεν	διλωμεν (η др.)
9.	ἀπὸ τοῦ	μοτου(!)
10.	διαίρειν	την διαρειν (η др.)
11.	διαιροῦντες	νη διαιρουντες
	ἐλυτροειδη	ερωτροειδη
13.	χειῶνος	χειτωνος
	ἐκεῖνα	ετηινα(1)

14. ἀγκίστροφ δὲ	αγκιστρωσας
15. ὑδροκλιτικῶ	ὑδροκλιτικω
16. γυμνώσαντες δὲ	γυμνόσαντες τε
ἐλυτροειδῆ	ερυτροειδη (H ДР.)
17. διαιροῦμεν	διεχωμεν (т. е. διελωμεν; ср. р. 257. v. 14; H ДР. рукописи).
18. ἀφέστηκε	αφειστηκεν
19. ἐκκρίναντες	εγηρίναντες. αναταναντες τε
20. ἐλυτροειδῆ περαιροῦμεν	ερυτροειδη (H ДР.) περ...λωμεν (H ДР.)
ὄλον	omiss.
22. τὸ ἐντεῦθεν	τουντευθεν
23. συσαρκωτικῆ καλουμένη	σ συσαρκωτικη λεγομενη
24. σῆψιν	ἡ σηψιν
25. τὰ ἀγγεῖα	δεῖ τὰ αγγεια (на полѣ: ὕπνος γαρ φουσι υγειασ... εν σπλαγγνον μετριω..)

Стр. 266.

1. διαλαβόντες διατεμόντες	διαλαβοντας διατεμοντας (H ДР.)
2. ἐξαιροῦμεν	εξελειν (H ДР.)
3. ἐνεργήσομεν	ἐνεργήσωμεν
4. εἰς	κατα
5. πυρῆνα μήλης	πιρηνα μελης
8. τοῦ	δι
10. αὐτῆς λγμνίσκον	αυτου λ...νισκον
11. διεκβαλοῦμεν	διεκβαλωμεν
12. μάλωπας	αιμαλωπας
13. ἐμβαλοῦμεν	ἐμβαλοῦμεν
14. ὑπογαστρίφ	(καί) ὑπογαστριω (H ДР.)
15. ψόαις ἐπιβαλοῦμεν	ψωαις επιβαλωμεν
16. τριπλοῦν ἐξασκελεῖ	τριπλοῦν. ἡ τετραπλοῦν εξασκελη.
17. ἀνακλινοῦμεν	ανακλινομεν (H ДР.)

fol. 2^a.

19. δέρμα ύφαπλώσαντες	αὐτοῖς έφαλωσαντες
20. θερμῆ	θερμα
22. λημνίσκον	λημνίσκον; 6-я буква σ или α.
23. γύρεως άλλάττοντα	διασυρσεως έναλλάττοντα

Стр. 268.

1. έπιβλητέον	ετ. .ιλητεον
2. έβδόμης μοτοφυλακίψ	β̄ μετοφυλακίω
3. χρησόμεθα έλικους	χρησωμεθα ακους
4. τον λημνίσκον άφαιρετέον	αφαιρετεον τον λημνίσκον
5. θεραπείας άκολουθία	θεράπιας ακολουθια
6. εἴη	οπισσ.
7. αίμορραγία	αιμορραγια
8. κατάλληλον παλιλλογώμεν	καταλήλιως παλιλλογοῶμεν
10. ύδροκηλικῶν	υδροκηλιμων; отъ 9-й строки руко- писи до 13-й на поляхъ приписаны слѣдующія замѣтки, значительная часть которыхъ стерта: Ϻ Ϻ χδι ... λλο ϺϺϺῑ δδ̄ δ. διδῶμ(ων) τηςδε περώσαντες. γαμμωειδων διακασωμεν ητοι φλαγκιστρω διαδεροντες κασωμεν γομνοθεντα ερυτροειδη (и др.) χειτωνα οπισσ. (и др.) διαλυσαντες
14. τῆς	τηςδε
15. πυρώσαντες γαμμοειδῶν.	περώσαντες. γαμμωειδων
17. διακαύσομεν	διακασωμεν
18. ἡ τυφλαγκιστρῶ. διαδείραντες	ητοι φλαγκιστρω διαδεροντες
19. καύσομεν	κασωμεν
20. Γομνωθέντα έλυτροειδη χειτῶνα	γομνοθεντα ερυτροειδη (и др.) χειτωνα
21. οὔτος	οπισσ. (и др.)
22. διακαύσαντες	διαλυσαντες

ἐκκρινου̅μεν	ἐκκρίνομεν (и др.)
23. γυμνωθῆν	γυμνωθῆν
24. περιέλωμεν	περιεχωμεν (см. р. 264, v. 17).

Стр. 270.

3. γινομένη	γιγνομενη
ὄσχεον	οσχεων
5. κατὰ	ἡ κατα
6. σκιρῶθέντος	σκιρωθεντος
8. σκιρῶδους	σκληρωδους
μὲν ὄντος	δε οντος
9. πόνοι νυγματώδεις	πονοι νυγματωδεις
10. σχηματίζομεν	σχηματίζωμεν
πρῶτον	πρωτον; ω изъ о.
11. διέλωμεν	διελωμεν
συσσάρκωσιν	συνσαρκωσιν
12. ὑπέστη	συνεστη
καὶ ἄρτον	αρτον
ἔλυτρον	ερυτρον (и др.)
13. διέλωμεν	διελωμεν
ἐλύτρου	ερυτρον (и др.)
14. εἶτα	οπισс. (и др.)
διακρίναντες	διακριναντες τε
15. ἀγγεῖα	αγγια
διασφιγξόμεν	διασφιγξωμεν
16. διακόψομεν	διακόψωμεν
17. χιτώνων	χειτωνων
19. ὑποκειμένους	επικειμενους
σεσαρκωμένον	σεσαρκομενον
23. ἐλυτροειδῆ	ερ.τροειδῆ (и др.)

Стр. 272.

1. πολλῆ	πολληι
καὶ τῆ	καὶ (и др.)
2. ὑδροκλήτης	υδροκλητης
3. οὖν	σ...
6. κίρσοκλήτης	САРКОΛΗΣ

fol. 2^b.

11. ὀγκωδέστερα	ογκωδέστερα
12. τοῦ	το.

13. ὀδοιπορίαίς οὕτω	οδοπορίαίς οὕτως
16. διαψηλαφίσαντες	διαψηλαφήσαντες
17. ἀπωσόμεθα ἔστι	αποσαμεῖα εἰσι καὶ
18. ὑπάρχων ἀγγείων	omiss. (и др.) оставлено мѣсто и слово не выписано даже на поляхъ, хотя поставленъ ὄβελός.
στερρότερος	στερροτερος ὑπαρχων
22. ἀπολαβόντες λοξήν	διαλαβοντες λοξηα
23. ἐπικόπου	επι την

Стр. 274.

1. καταπάρεως	καταπαυσεως
3. τῆ	τω (DHKR)
4. διπλοῦν	оставлено мѣсто.
6. ἀποκίρωσιν πέρας βροχίσομεν	αποκληρωμεν περι βροχησωμεν
8. τῆ θεραπεύσομεν οὖν τοῖς	τητε (и др.) θεραπευσωμεν συχοις
9. αὐτομάτως ἐκπέσωσιν	αὐτοματω или — τ(ως?) πεσωσιν
11. Λεωνίδης τῶν	λεωνι. δης; на полѣ 2-й рукоѣ: ...ματιχ...φн ¹⁾τδσ...
12. ἀποκίρωθειῆ εἰ δέ	omiss. αποκίρωθέντων ωστε
13. χρῆ	τ'ονχον (!)
14. ἀγγείων	αγγελως исправлено въ ἀγγείων
16. ἀπαγορεύει	ἀπαγορευσειν
17. ἀνεπισχέτου	ανενοδοτο
19. τεσσάρων ἀγγείων τρεφόντων	ῥ αἰτιῶν· τρεφωντων

¹⁾ = φησιν (?)

